А. С. Усачев

СТЕПЕННАЯ КНИГА И ДРЕВНЕРУССКАЯ КНИЖНОСТЬ ВРЕМЕНИ МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
Научно-исследовательский отдел книговедения

А. С. Усачев

СТЕПЕННАЯ КНИГА И ДРЕВНЕРУССКАЯ КНИЖНОСТЬ ВРЕМЕНИ МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ

Альянс-Архео
Москва—С.-Петербург
2009

Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария / Отв. ред. А. А. Горский; Рос. гос. б-ка, Науч.-исслед. отдел книговедения. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009. — 760 с., ил.

ISBN 978-5-98874-039-1

В монографии рассматривается один из крупнейших памятников древнерусской книжности — Книга Степенная царского родословия, которая создавалась на рубеже 50—60-х гг. XVI в. ближайшим к Ивану Грозному лицом по поручению митрополита Макария. В работе рассматриваются ключевые аспекты в изучении Степенной книги: ее датировка, источники, вопрос о личности ее составителя, представленные в произведении историко-политические взгляды, а также вопросы о цели написания произведения и его адресате. Изучение Степенной книги ведется на широком фоне памятников древнерусской оригинальной и переводной литературы XI—XVI вв. Выполненная с учетом основных известных в настоящее время работ и источников по данной теме монография существенно расширяет знания о развитии древнерусской литературы и русской истории времени Ивана Грозного.

Книга адресована историкам, филологам, книговедам, преподавателям, аспирантам и студентам вузов и всем интересующимся отечественной историей и культурой.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ
(проекты № 06-04-00497а, 08-04-95578м/Мл.)
и
гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых
(проект МК-6546.2006.6)

Ответственный редактор:

д.и.н. А. А. Горский (МГУ им. М. В. Ломоносова)

Рецензенты:

чл.-корр. РАН С. М. Каштанов (ИВИ РАН)
д.ф.н. Е. Л. Конявская (научный журнал
«Древняя Русь. Вопросы медиевистики»)
к.и.н. А. А. Турилов (ИС РАН)

Работа публикуется по постановлению
Редакционно-издательского совета РГБ

ISBN 978-5-98874-039-1

© А. С. Усачев, 2009
© Альянс-Архео, 2009

«Замыкаясь в одном каком-либо памятнике, исследователь никогда не получит возможности определить его состав и происхождение... единственно надежным путем должен быть признан путь сравнительно-исторический»

А. А. Шахматов

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха митрополита Макария является одной из самых ярких страниц в истории древнерусской книжности. Написание и переработка десятков житий, создание монументальных сводов, вобравших в себя огромное число памятников русской оригинальной и переводной литературы, оформление установлений, регламентирующих все стороны жизни клира и мирян, написание значительного числа рукописных книг, начало книгопечатания в России — таков далеко не полный перечень основных событий в культурной жизни страны времени Макария. Именно поэтому к данному периоду в истории русской письменности неоднократно обращались исследователи, уделяя внимание частным и общим вопросам в его изучении. Вместе с тем обобщающие работы, посвященные развитию книжности этого времени, отсутствуют. В значительной мере это обусловлено очевидными методологическими трудностями: тотальный охват всего массива данных по истории письменной культуры этого периода, обработка которого требует усилий представителей самых различных специальностей — историков, филологов, книговедов, археографов, искусствоведов и т. д., — невозможен в рамках одного, даже самого фундаментального, труда. Это в свою очередь побуждает задаться вопросом: возможна ли характеристика основных черт этого богатого событиями периода в истории русской книжности в рамках одной работы? Каким путем

можно идти, стремясь представить читателю целостный взгляд на эту эпоху?

На наш взгляд, есть по крайней мере два основных пути решения этой непростой проблемы. Следуя первому, исследователь встанет перед необходимостью тотального изучения всего материала или его весьма репрезентативной выборки. Этот вариант представляется благородной, но трудно достижимой целью. Есть и другой путь. Он ориентирует на выбор одного масштабного явления из культурной жизни эпохи. Его анализ позволит выявить множество подчас незримых нитей, которыми оно связано с прочими, и тем самым обратить внимание на ранее скрытые от глаз исследователей стороны в истории книжности времени митрополита Макария. Преимущества второго пути очевидны — изучение одного, даже крупного, явления в культурной жизни этой богатой событиями поры представляется хотя и не лишенной трудностей, но вполне достижимой задачей.

Среди памятников макарьевской эпохи своей фундаментальностью и многоплановостью выделяется Книга Степенная царского родословия (далее — СК). Ее рассмотрение исследователи традиционно связывали с тенденциями, характерными для развития русской агиографии, летописания и публицистики. Итоги изучения этого произведения дадут возможность составить представление об эволюции этих разновидностей литературных памятников и тем самым позволят по-новому взглянуть на культурную жизнь России первых лет правления царя Ивана IV. Итак, в центре нашего внимания — СК[1]. На материале этого сочинения мы попытаемся выявить основные тенденции, характерные для развития русской литературы интересующего нас периода.

Хронологические рамки предстоящего исследования ограничены временем святительства митрополита Макария (1542—1563 гг.). СК будет анализироваться на фоне культурных событий этой эпохи[2], хотя очевидно, что экскурсы в предшествующий ей и последующий периоды неизбежны.

---

[1] Исследование будет основано на созданной в макарьевское время древнейшей редакции СК; поздние переработки памятника нами привлекаться не будут.

[2] Необходимо оговорить, что понятие «современность» по отношению к СК нами будет рассматриваться достаточно широко. Особое внимание будет сосредоточено на времени митрополита Макария, т. е. на 40-х—начале 60-х гг.

Рассматривая СК в качестве своего рода нити Ариадны, указывающей путь в глубины древнерусской книжности, свое внимание в данной работе мы сосредоточим в первую очередь на тех сторонах памятника, которые связывали его с современными и предшествующими ему произведениями. Этим и определяются границы проблемного поля, а также структура настоящего исследования, в котором будет выделено несколько тематических блоков. Их изучение позволит показать место СК в ряду других сочинений русских писателей эпохи Средневековья.

Для того чтобы определить наименее изученные стороны СК, необходим анализ посвященной ей литературы. Ее разбор будет предпринят в первой главе настоящей работы. Огромное значение для исследования как СК, так и книжности данного периода в целом, имеет выяснение вопроса о времени создания памятника. Этому вопросу будет посвящена вторая глава. Пожалуй, ключевым аспектом в изучении СК в контексте истории древнерусской письменности при выявлении тех нитей, которые связывали ее с прочими предшествующими и современными ей произведениями, является вопрос об ее источниках. Реконструкция круга источников СК будет предпринята в третьей главе. Для решения поставленной проблемы важно выявить методы работы с источниками памятника, с помощью которых его текст создавался, сравнить их с методами, свойственными авторам предшествующих и современных ему произведений. Как представляется, характеристика приемов работы книжника даст возможность по-новому взглянуть на проблему авторства СК. Попытка прояснить эти вопросы будет предпринята в четвертой главе. Как мы предполагаем, итоги проведенного в пятой главе сравнительного анализа СК с памятниками исторической литературы дадут возможность существенно расширить круг знаний о развитии исторической мысли в России XVI в. Результаты рассмотрения представленных в СК политических взглядов на фоне современных и предшествующих ей произведений позволят пролить дополнительный свет на изучение политической мысли в средневековой Руси, а также дадут новый материал для решения вопросов о цели составления памятника и его возможном адресате. Ответы на эти вопросы будут предложены в шестой главе.

XVI в. Мы также будем привлекать более поздние произведения, относящиеся к 60—70-м гг. этого столетия. Таким образом, в центре нашего внимания будут находиться памятники, созданные в течение практически всего правления Ивана IV.

Отдельные положения, представленные в настоящей монографии, опубликованы нами ранее в виде статей и материалов конференций[3]. Также ранее нами был издан ряд источников СК и посвященных ей работ[4].

---

[3] См.: *Усачев А. С.* 1) Образ языческой Руси в Степенной книге // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени. М., 2003. С. 349—364; 2) Особенности датировки событий древнерусской истории в Степенной книге // Восточная Европа в древности и средневековье: время источника и время в источнике. XVI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2004. С. 206—211; 3) К проблеме святости княжеского рода в Степенной книге // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа). Тезисы докладов. М., 2004. С. 90—94; 4) Степенная книга и русское летописание 60-х гг. XVI в.: постановка проблемы // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 3 (21). С. 107—108; 5) К вопросу о датировке Степенной книги // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 4 (22). С. 28—40; 6) Образ Владимира Святославича в Степенной книге: как работал русский книжник середины XVI в.? // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2005. Вып. 14. С. 66—105; 7) О датировке Томского списка Степенной книги // Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления: Материалы XVIII науч. конф. Москва, 26—28 января 2006 г. М., 2006. С. 402—404; 8) Источники Степенной книги по истории домонгольской Руси // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 210—340; 9) Древнейший период русской истории в исторической памяти эпохи Московского царства (на материале «Книги Степенной царского родословия») // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 609—634; 10) Создание Степенной книги с позиций истории книги: предварительные замечания // Книга в пространстве культуры. Вып. 1 (3)'2007. М., 2007. С. 127—134; 11) Из истории древнерусской книжности времени митрополита Макария: Великие Минеи Четьи и Степенная книга // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 4 (30). С. 35—43; 12) Степенная книга и Пискаревский летописец // Летописи и хроники. Новые исследования. 2008. М.; СПб., 2008. С. 231—239; 13) Ранняя версия рассказа о взятии Полоцка в 1563 г. в древнерусской книжности // Вестник СПбГУ. Серия 2: История. 2008. Вып. 3. С. 3—6; 14) Этапы оформления текста Степенной книги древнейшей редакции (на материале Волковского, Томского и Чудовского списков) // Традиционная книга и культура позднего русского средневековья: Труды всероссийской научной конференции к 40-летию полевых археографических исследований Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, 27—28 октября 2006 г.): В 2 ч. Ч. 1. Ярославль, 2008. С. 157—171; 15) Древнейшие списки Степенной книги (Волковский, Томский, Чудовский): проблемы датировки // История и письменная культура Древней и Новой России: Сборник статей, посвященный Ю. Д. Рыкову. М., 2009 (в печати); 16) Источники Степенной книги по русской истории XIII—XV вв. // Средневековая Русь. М., 2009. Вып. 8. С. 174—214.

[4] *Усачев А. С.* 1) Из истории русской средневековой агиографии: два произведения о равноапостольном князе Владимире Святославиче (исследование

* * *

Пользуясь случаем, считаю своим приятным долгом выразить благодарность всем тем, без чьей помощи написание этой книги было бы невозможным.

Прежде всего, хотелось бы поблагодарить сотрудников Центра по истории Древней Руси ИРИ РАН: В. А. Кучкина, П. В. Лукина, П. С. Стефановича и М. К. Юрасова. Их поддержка и критические замечания позволили мне подготовить кандидатскую диссертацию, послужившую отправной точкой для настоящего исследования[5]. С неизменной благодарностью вспоминаю сотрудников Научно-исследовательского отдела книговедения РГБ: Ю. В. Анхимюка, С. В. Бушуева, Т. А. Исаченко, А. В. Кузьмина, Т. Л. Миронову, Ю. Д. Рыкова. Благодаря терпению заведующего Отделом М. М. Панфилова, с неизменным пониманием относившегося к моим изысканиям, в его стенах был написан основной объем текста монографии. Не могу не отметить той поддержки, которую в работе над книгой мне оказывала моя Alma mater — Факультет истории, политологии и права РГГУ: его декан А. П. Логунов, а также сотрудники Кафедры истории и теории исторической науки — Е. В. Барышева, М. В. Бибиков и Н. В. Иллерицкая.

Слова особой благодарности хочу адресовать участникам семинаров и конференций, организованных научным журналом «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» (главный редактор — Е. Л. Конявская), на которых обсуждались разделы настоящей работы: И. Г. Добродомову, В. М. Кириллину, С. В. Конявской, А. В. Назаренко, И. Г. Пономаревой, А. П. Пятнову, Р. А. Симонову, С. М. Шамину. Немало ценных замечаний, позволивших существенно улучшить настоящую работу, автор получил от участников семинара «Источниковедение отечествен-

---

и тексты) // ВЦИ. 2006. № 2. С. 5—44; 2) Житие митрополита Ионы третьей редакции // ВЦИ. 2007. № 2. С. 5—60; 3) Забытое мнение о Степенной книге (Из неопубликованного наследия М. Я. Диева) // АЕ за 2004 год. М., 2005. С. 77—84; 4) Экземпляр издания «Житие Даниила Переяславского...» из библиотеки С. И. Смирнова (по фондам Российской государственной библиотеки) // Библиотековедение. 2008. № 6. С. 54—60; *Околович Н. Ф.* Жития святых, помещенные в Степенной книге / Вступ. ст., публ., коммент. А. С. Усачева. М.; СПб., 2007.

[5] *Усачев А. С.* Древняя Русь в исторической мысли 60-х гг. XVI в. (Степенная книга): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

ной истории XI—XVIII вв.», руководимого С. М. Каштановым (ИАИ РГГУ): О. Б. Бокаревой, Т. В. Гимона, Е. А. Долговой, К. Ю. Ерусалимского, В. Ю. Каца, А. В. Мельникова, Л. В. Столяровой, А. В. Топычканова, Д. М. Яцкина. Ряд важных пожеланий был высказан мне на организованном А. С. Деминым семинаре по истории древнерусской литературы (ИМЛИ РАН).

С благодарностью вспоминаю участников международного проекта по изданию СК: О. Д. Журавель, Г. Д. Ленхофф, Н. Н. Покровского и А. В. Сиренова. Их неизменное участие и поддержка в течении ряда лет придавали силы автору этих строк в написании настоящей работы.

Особо хотелось бы поблагодарить сотрудников всех архивохранилищ и библиотек, материалы которых были положены в основу данного исследования: Ж. Л. Левшину, О. Л. Новикову, М. А. Шибаева (ОР РНБ); А. Г. Сергеева, М. В. Корогодину (ОР БАН); А. А. Романову (ОРК БАН); О. А. Абеленцеву (Архив СПбИИ РАН); И. Л. Жучкову, Л. В. Мошкову (РГАДА); Ю. А. Грибова, Е. В. Уханову, Е. М. Юхименко (ОР ГИМ); А. Ю. Бородихина (ОРК ГПНТБ), О. В. Панченко (Древлехранилище ИРЛИ РАН); В. А. Муравскую (ТОКМ); М. Ю. Глазкова (ВСМЗ); сотрудников ВГБИЛ, ГПИБ и НБ РГГУ. С особой теплотой хочу поблагодарить сотрудников ОР РГБ, с неизменным участием относившихся к моим изысканиям: Т. В. Анисимову, Т. Н. Ахполову, В. И. Бурцеву, Л. И. Куглюковскую, О. В. Лада, Т. В. Ларину, Т. Т. Николаеву, Л. Н. Новикову, И. Т. Пяттоеву, А. Е. Родионову, О. Л. Соломину, Г. Д. Срывкову, О. Р. Хромова, Л. А. Шевцову. Без их дружеской поддержки данная работа в полном объеме вряд ли была бы осуществлена.

В ходе подготовки настоящей монографии я ощущал неизменное участие и поддержку целого ряда других коллег, щедро делившихся своими наблюдениями и оказывавших мне посильную помощь в работе над данной книгой: Е. В. Беляковой, А. В. Белякова, С. Н. Богатырева, И. В. Ведюшкиной, А. Ю. Виноградова, А. А. Гусевой, Д. Г. Давиденко, Д. А. Добровольского, С. А. Иванова, И. Н. Ионова, А. В. Каравашкина, Т. Б. Карбасовой, Н. В. Квливидзе, С. Н. Кистерева, Б. М. Клосса, Е. С. Криницыной, А. В. Лаврентьева, А. Ф. Литвиной, А. В. Марея, Т. А. Опариной, В. И. Охотниковой, Д. Н. Рамазановой, Н. А. Соболевой, О. В. Творогова, Л. А. Тимошиной, И. А. Тихонюка, Ф. Б. Успенского, А. И. Филюшкина, Б. Н. Флори, Б. Л. Фонкича, А. Л. Хорошкевич, И. Н. Шаминой, С. О. Шмидта, А. Л. Юрганова, Б. Г. Якеменко.

Слова особой признательности хотелось бы адресовать рецензентам монографии, прочитавшим ее текст и высказавшим целый ряд ценных замечаний: С. М. Каштанову, Е. Л. Конявской и А. А. Турилову.

С чувством безмерной признательности обращаюсь к моему научному руководителю А. А. Горскому, на протяжении ряда лет неизменно поддерживавшему меня на избранном мною пути.

Неоценимую помощь в написании книги оказали Российский гуманитарный научный фонд и Совет по грантам для молодых ученых при Президенте РФ, поддержавшие мои проекты. Результаты их реализации и отражены в представленной на суд читателя работе.

Глава 1

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Исследователи СК уже неоднократно обращались к истории изучения памятника[1]. Необходимость ее последующего рассмотрения обусловлена тремя обстоятельствами. Во-первых, итоги знакомства с литературой предмета позволили выявить ряд важных для характеристики СК работ, которые не были учтены нашими предшественниками. Во-вторых, результаты предпринятых нами архивных разысканий дали возможность пополнить список трудов, посвященных СК, которые, оставаясь неопубликованными, не были известны в науке. В-третьих, в последние годы появился целый ряд значимых для историографии памятника публикаций, которые не могли быть учтены в обзорах трудов, посвященных СК. Целью рассмотрения накопленного в науке материала об СК является выявление наименее изученных ее сторон, которые требуют дальнейшего исследования, несмотря на почти трехвековую историографию. Именно поэтому, не перечисляя всех работ, в которых СК так или иначе упоминалась, свое внимание мы сосредоточим на наиболее значимых для историографии памятника трудах, определявших

---

[1] См.: *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. Ч. 1. СПб., 1904. С. 1—55; *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Т. 2, кн. 2. Киев, 1908. С. 1308—1323; *Кусков В. В.* Степенная книга как литературный памятник XVI века: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1951. С. 3—60; *Неберекутина Е. В.* Митрополит Афанасий и проблема авторства Степенной книги // От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства. М., 1994. С. 126—133; *Сиренов А. В.* 1) Житие князя Владимира и составление Степенной книги // АЕ за 2001 год. М., 2002. С. 83—89; 2) Степенная книга: история текста. М., 2007. С. 5—51; *Усачев А. С.* К вопросу... С. 28—31.

основные тенденции в его изучении. Для удобства изложения материала выделим ряд этапов в исследовании СК.

1.1. XVIII—XIX вв.

Как показывают итоги рассмотрения рукописной традиции СК, она была популярна среди представителей различных слоев населения России XVII—первой половины XVIII вв.[2] Есть основания полагать, что начало изучению СК было положено в первой трети XVIII в. К этому времени относится деятельность немецкого переводчика и учителя И. В. Пауса, который в 1701 г. приехал в Россию «для учения школьного греческого, латинского, немецкого, еврейского языков»; он преподавал в специальной школе («Gimnasium Petrinum»), в которой изучались различные университетские предметы и предоставлялся ученикам начальный уровень знаний для поступления в европейские университеты (эту школу И. В. Паус возглавлял в 1705—1706 гг.)[3]. В 1732 г. И. В. Паус представил отчет о своей дея-

---

[2] Так, владельцами списков СК и ее читателями в этот период являлись: патриархи Никон и Адриан, новгородский митрополит Иов, митрополит рязанский и муромский Иосиф, игумен Антониево-Сийского монастыря Феодосий, игумен Спасо-Прилуцкого монастыря Зосима, а также царевич Алексей Петрович, дядя царицы Евдокии Лопухиной П. А. Лопухин, окольничие А. Т. Лихачев, В. Ф. Полибин, А. П. Протасьев, генерал-майор Г. П. Чернышев, Петр I, Ф. Поликарпов, М. В. Ломоносов, В. Н. Татищев, М. М. Щербатов и др. Также, вероятно, списками СК располагали патриарх Филарет и царь Федор Алексеевич. Кроме того, списки памятника находились в библиотеках владимирского Успенского собора, а также Воскресенского, Кирилло-Белозерского, Антониево-Сийского и Спасо-Прилуцкого монастырей. Подробнее о владельцах и читателях СК в XVII—XVIII вв. см.: *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII в. Л., 1980. С. 24, 33, 50, 202—203; *Серов Д. О.* Степенная книга редакции Ивана Юрьева (1716—1718 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1991. С. 44—46; *Сиренов А. В.* Степенная книга из собрания В. Н. Татищева // Мавродинские чтения: Сб. ст. СПб., 2002. С. 112—118.

[3] Цит. по: *Андреев А. Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII—первой половины XIX века. М., 2005. С. 119, 121. Также см.: О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. (1701—1715 гг.). Документы московских архивов, собранные С. А. Белокуровым и А. Н. Зерцаловым, с предисловием С. А. Белокурова // ЧОИДР. 1907. Кн. 1. С. IX—X. Также о жизни и деятельности И. В. Пауса в России см.: *Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы. Т. 3. СПб., 1902. С. 142—343; *Winter E.* 1) Ein Bericht von Werner Paus aus dem Jahre 1732 über seine Tätigkeit auf dem Gebiete der russischen Sprache, der Literatur und der Geschi-

тельности президенту Академии наук Лаврентию Блудментросту-младшему («Observationes, inventiones et experimenta circa Literaturam et Historiam Russicam in camera obscura et optica ad Academiam Scientiarum instituta»[4]). В нем И. В. Паус кратко рассказал о своем изучении русской истории и филологии[5]. Среди прочего И. В. Паус указал на то, что он обстоятельно занимался СК, которую готовил к изданию и комментировал[6]. Как выяснил А. В. Сиренов[7], И. В. Паус подготовил латинский перевод СК (со значительными сокращениями), список которого исследователь обнаружил в собрании МГАМИД[8]. Учитывая то, что Г. Миллер позднее использовал некоторые материалы, собранные И. В. Паусом, которого он ценил за хорошее знание русского языка[9], а И. В. Паус вскоре после составления своего отчета умер (1735 г.) и библиотека его перешла к Академии наук[10], нельзя исключить, что какие-то материалы И. В. Пауса позднее могли быть использованы Г. Миллером.

Как установил А. В. Сиренов[11], по заданию Академии наук попытку перевести СК на латынь в 1735 г. предпринял Иван

---

chte Rußlands // Zeitschrift für slawistik. 1958. Bd. III, H. 5. S. 744—770; 2) «Die Beschreibung der Reise aus Sachsen nach Moskau 1701/02» von J. W. Paus // Zeitschrift für slawistik. 1958. Bd. IV, H. 2. S. 264—271; *Винтер Э.* И. В. Паус о своей деятельности в качестве филолога и историка (1732) // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4. С. 313—322; *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература... С. 36—40.

[4] См.: *Winter E.* Ein Bericht von Werner Paus... S. 753—770.

[5] Перечень трудов и переводов И. В. Пауса составлен В. Н. Перетцем, см.: *Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы. Т. 3. Прил. С. 87—100. Об интересе И. В. Пауса к русским летописям подробнее см.: *Горский А. Д.* К вопросу об обороне Москвы в 1238 г. // Восточная Европа в Древности и Средневековье. М., 1978. С. 176—184.

[6] *Винтер Э.* И. В. Паус о своей деятельности... С. 321; *Winter E.* Ein Bericht von Werner Paus... S. 767—768.

[7] См.: *Сиренов А. В.* 1) Поздние редакции Степенной книги // АЕ за 2004 год. М., 2005. С. 76; 2) Степенная книга... С. 6—7.

[8] РГАДА. Ф. 181 (РОБ МГАМИД). № 1306.

[9] *Винтер Э.* И. В. Паус о своей деятельности... С. 321—322. О деятельности И. В. Пауса на филологическом поприще в России см.: *Михальчи Д. Е.* Из рукописей И. В. Паузе // Лингвистическое источниковедение. М., 1963. С. 112—120.

[10] О судьбе книг из библиотеки И. В. Пауса после его смерти см.: *Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы. Т. 3. С. 244—252.

[11] *Сиренов А. В.* 1) Поздние редакции... С. 76, примеч. 67; 2) Степенная книга... С. 7.

Горлицкий. Так, по распоряжению президента Академии наук И. А. Корфа от 19 сентября 1735 г. «переводчику Ивану Горлецкому» было поручено «с российскаго языка перевесть на латинский язык как можно не замедля» «имеющую при академии книгу „Российскую летопись от Рюрика до царя Михаила Федоровича“, которая прислана святеишаго правительствующаго Синода от вице-президента великаго господина преосвященнаго Феофана, архиепископа велико-новгородскаго и великолуцкаго, из дому его»[12].

Вероятно, попытки изучения и перевода текста СК могут быть связаны с указом Петра I от 7 февраля 1722 г., который предписывал «из всех епархий и монастырей» свезти для копирования в Синод «древних лет рукописанные на харатьях и на бумаге церковные и гражданские летописцы, **степенные** [выделено нами. — *А. У.*], хронографы и прочие сим подобные»[13]. Согласно интересному предположению П. Гонно, интерес к СК в последние годы правления Петра I был связан со стремлением российского императора найти в памятниках исторической мысли прецеденты в прошлом лишению царевича Алексея прав на престол (так, известны ссылки на СК в указе о престолонаследии[14])[15].

В широкий научный оборот памятник ввел В. Н. Татищев[16]. В «Истории Российской» в числе трех «генеральных» историй, повествующих о прошлом России (наряду с «Несторовым Временником» и Хронографом) историк выделял СК[17]. Определяя время ее появления, В. Н. Татищев исходил из неизвестного последующим исследователям летописного известия под 1407 г. Повествуя о смерти митрополита Киприана, татищевский источник сообщал о том, что этот иерарх «всякого любомудрия и разума божественного исполнен и вельми книжен и духовен» и

---

[12] См.: Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1886. Т. 2. С. 799. В другом месте (см.: Там же. СПб., 1889. Т. 5. С. 544) прямо указано, что речь шла о «переводе Степенной книги».

[13] ПСЗ. Т. 6. [СПб.,] 1830. С. 511—512. № 3908.

[14] Там же. С. 496. № 3893.

[15] Подробнее см.: *Gonneau P.* Pierre le Grand, lecteur de la Stepennaja kniga: À la recherche de précédents historiques à la déchéance du tsarévitch Alexis // Revue des études slaves. 2005. T. LXXVI, Fas. 1. P. 51—59. На данную работу нам указала Г. Ленхофф, предоставив в наше распоряжение ее копию.

[16] Именно с рассмотрения его труда большинство исследователей СК начинало изучение историографии памятника.

[17] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. 1, ч. 1. М., 1994. С. 84.

«часто любяще пребывати и жити, и книги своею рукою писаше». В доказательство этого приводились сведения о том, что митрополит Киприан «преписа соборы, бывшие на Руси, многи жития святых руских и степени великих князей руских, ини же в поставление плотское, яко правды и суды и летопись рускую от начала земли Рускиа вся по ряду»[18]. Любопытно, что известие В. Н. Татищева о составлении «Степеней» митрополитом Киприаном появилось не сразу, а в результате редактирования текста «Истории»[19]. Как неоднократно отмечалось в историографии[20], подобные вставки могли принадлежать самому В. Н. Татищеву, который добавлял их к тексту своих источников. Известие о составлении Киприаном «степеней великих русских князей» дало основания В. Н. Татищеву приписать ему авторство СК. Согласно предположению историка, труд Киприана был продолжен митрополитом Макарием, который «Киприанову Степенную исправлял и дополнял»[21]. Авторы целого ряда последующих работ, посвященных СК, приняли предположение о существовании ее домакарьевской редакции[22].

---

[18] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. 5—6. М., 1996. С. 204—205.

[19] Как отметил С. Л. Пештич, первоначально в «Истории» читалось известие о том, что Киприан «книги своею рукою писаша», весь последующий текст («яко в наставление душевное разно... и Судебник собра остави по себе ту же») был приписан В. Н. Татищевым позднее. Согласно С. Л. Пештичу, данная вставка была сделана «не без влияния летописи, близкой к Троицкой». Подробнее о редактировании соответствующего фрагмента «Истории Российской» ее автором см.: *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Ч. 1. Л., 1961. С. 246—247.

[20] *Копанев А. И.* Об одной рукописи, принадлежавшей В. Н. Татищеву (О работе В. Н. Татищева над текстом Львовской летописи) // Труды Библиотеки АН СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. Т. 2. М.; Л., 1955. С. 233—240; *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия. М.; Киев, 2005; *Сиренов А. В.* Степенная книга из собрания В. Н. Татищева. С. 112—118.

[21] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. 1, ч. 1. С. 84.

[22] Например, см.: *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен. Т. 1: От начала до кончины великого князя Ярослава Владимировича. СПб., 1770. С. XIII; *Новиков Н. И.* Опыт исторического словаря о российских писателях (Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий). СПб., 1772. [Факсимильное издание. М., 1987]. С. 136; *Шлецер А. Л.* Нестор. Русские летописи на древле-славенском языке сличенные, переведенные и объясненные Августом Людовиком Шлецером, надворным советником, доктором и профессором Геттингенского университета и кавалером ордена св. равноапостольнаго князя Владимира 4 степени. Ч. 1. СПб., 1809. С. 90—91; *Филарет (Гумилевский).* Обзор русской духовной литературы. Кн. 1—2. 862—1863. СПб., 1884. С. 87.

Среди прочих исследователей мнение о существовании домакарьевской СК разделил и Г. Миллер[23], который впервые опубликовал СК в 1775 г. по известным ему спискам XVII в. (без окончания заключающей СК 26 гл. 17 ст.)[24]. Г. Миллер внес немало нового и в изучение памятника: он отметил его церковный характер, а также указал на наличие поздних переработок СК, обратив внимание на ее списки, содержащие 18 ст.[25] Характеризуя произведение в целом, Г. Миллер отмечал:

«Можно назвать Степенные книги методическим сочинением, собранным из летописей, и по порядку правлений и знатнейших дел оных так расположенным, что все то, что к одному делу надлежит, вместе находится. Но притом часто недостает в счислении времени, которое, однако, необходимо потребно к совершенству истории»[26].

Отметив интерес составителя СК к церковной истории, Г. Миллер согласился с мнением об авторстве митрополита Киприана, труд которого продолжил митрополит Макарий[27]. В рецензии на издание Г. Миллера, носящей реферативный характер, Г. Бакмейстер провел типологическую аналогию между СК и сочинением Ж. Боссюэ «Рассуждение о всемирной истории» (XVII в.)[28].

Несмотря на то, что взгляд В. Н. Татищева относительно датировки и авторства СК получил широкое распространение в исто-

---

[23] Свой взгляд на СК Г. Миллер представил в работе 1761 г. (см.: *[Миллер Г.]* Опыт новейшей истории о России // Ежемесячные сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1761. Январь. С. 10—11), а также в предисловии к изданию СК 1775 г.

[24] Книга Степенная царского родословия, содержащая историю российскую с начала оныя до времени Государя Царя и Великого князя Иоанна Васильевича, сочиненная трудами преосвященных митрополитов Киприана и Макария, а напечатанная под смотрением коллежского советника, и Императорской Академии Наук, також и разных иностранный академий, и Вольного экономического и Российскаго Вольного же Собрания члена Герарда Фридерика Миллера. Ч. I—II. М., 1775. Подробнее о списках, которые были использованы Г. Миллером при публикации памятника, см.: *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 56—118.

[25] *[Миллер Г.]* Опыт... С. 10.

[26] Там же. С. 11.

[27] Там же; Книга Степенная... С. I.

[28] *[Bacmeister G.]* // Russische Bibliothek, [zur Kenntnis des gegenwartigen Zustandes der Literarur in Russland. Saint Peterburg etc.], 1775. Bd. III. S. 455—463. Подробнее о библиографической деятельности Г. Бакмейстера в России (1772—1789 гг.) см.: *Кобленц И. Н.* Источники и деятели русской библиографии XV—XVIII вв. М., 1991. С. 94—97; *Моисеева Г. Н.* Бакмейстер // Русские писатели XVIII в. Вып. 1. Л., 1988. С. 54—55.

риографии, уже в начале XIX в. было положено начало сомнениям в существовании домакарьевской СК.

Впервые критический взгляд на митрополита Киприана как автора данного памятника высказал К. Ф. Калайдович: отметив отсутствие сохранившихся известий об авторстве этого святителя и несоответствие языка конца XIV в. языку СК, он скептически отнесся к атрибуции В. Н. Татищева[29]. Большое значение для истории изучения СК имеет и составленный К. Ф. Калайдовичем перечень рукописных книг, поступивших от поручика А. А. Волкова в Архив министерства иностранных дел (1814 г.). В нем он обратил внимание на т. н. Волковский список СК (который, как будет показано ниже, занимает особое место в ее рукописной традиции; далее — Волк.). Рассмотрев текст оглавления памятника в этом списке, К. Ф. Калайдович предположил, что несмотря на то, что он сохранился в части по 8 ст., первоначально Волк. был доведен до 16 ст. включительно[30]. Также историк опубликовал не изданное Г. Миллером окончание СК[31].

Высказанные К. Ф. Калайдовичем сомнения в авторстве Киприана и Макария поддержал Н. М. Карамзин в обзоре источников «Истории государства Российского». Обратив внимание на слова составителя Жития Владимира в СК о его написании по «благословению» и «повелению» митрополита Макария, историк указал на то, что в 1 ст. СК ее «автор именно говорит, что Макарий велел ему описать житие св. Владимира»[32]. Не приведя аргументов, П. М. Строев также оспорил версию о создании СК митрополитом Киприаном, предположив, что она была составлена «под влиянием» митрополита Макария[33].

---

[29] *Калайдович К. Ф.* Об ученых трудах митрополита Киприана, и о том, справедливо ли примысливается ему и митрополиту Макарию сочинение книги Степенной // Вестник Европы. 1813. Ч. 72, № 21—24. С. 210—211.

[30] Подробнее об этом см.: *Сиренов А. В.* К истории изучения Волковского списка Степенной книги // Историография и источниковедение отечественной истории: Сборник научных статей и сообщений. СПб., 2001. С. 196—205. Там же (с. 202—204) опубликован список книг, поступивших от А. А. Волкова.

[31] *[Калайдович К. Ф.]* Окончание книги Степенной, содержащей Российскую историю // Русские достопамятности. М., 1815. Ч. 1. С. 166—169.

[32] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 1. М., 1989. С. 26.

[33] *Строев П. М.* Хронологическое указание материалов отечественной истории, литературы, правоведения, до начала XVIII столетия (Извлечено из портфелей Археографической Экспедиции, содержащих в себе Материалы

Однако через некоторое время в научный оборот были введены данные, которые, казалось бы, неоспоримо доказывали наличие домакарьевской СК. Так, большое влияние на ее изучение оказало издание М. П. Погодиным письма И. П. Сахарова. В нем отправитель сообщал: «Я приобрел хронограф, в нем кроме обыкновенных известий помещена: *Степенная книга — без житий* и *слов*» (выделено М. П. Погодиным. — *А. У.*). На основании этого И. П. Сахаров предположил: «А не была ли Степенная в начале таковою? и не Макарий ли с своими учеными дополнили [ее. — *А. У.*] житиями и словами?». По признанию автора письма, «занятый другими делами», он «не мог разобрать этот предмет» подробнее[34].

Немалое значение для изучения СК имела публикация Н. И. Костомаровым в 4-м томе «Памятников старинной русской литературы» (1862 г.) составленной В. М. Тучковым «Повести о житии Михаила Клопского»[35]. В ней содержалась ссылка на «Житие чудотворца святителя Алексея в Степенне». Так как редакция Жития точно датировалась 1537 г., это известие (наряду с приведенным В. Н. Татищевым летописным рассказом под 1407 г.) служило весомым доводом в пользу мнения о существовании домакарьевской СК[36].

Почти одновременно с находкой И. П. Сахарова была высказана, по сути, первая обоснованная целым рядом аргументов

к Истории Литературы Славяно-Российской) // ЖМНП. 1834. Ч. 1. С. 159 (§ 46), 169 (§ 116).

[34] *[Сахаров И. П.]* Письмо М. П. Погодину // Москвитянин. 1845. Ч. VI, № 12. С. 154. Позднее этот список СК П. Г. Васенко, несмотря на активные поиски, найти не сумел. И. А. Шляпкин (см.: *Шляпкин И. А.* [Рец.] // ЖМНП. 1905. № 9. С. 152. Рец. на кн.: *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. Ч. 1. СПб., 1904) отмечает, что «вопрос Сахаровской Степенной Киприана, конечно, миф: в имеющихся у меня бумагах Сахарова: описи его библиотеки и начале словаря русских писателей — о Степенной Киприана ни слова». А. В. Сиренов усомнился в добросовестности И. П. Сахарова, отметив, что автор письма сначала высказал точку зрения о двусоставном характере СК, а затем (спустя три года) заявил о находке одной из этих частей (см.: *Сиренов А. В.* 1) Житие князя Владимира... С. 86—87; 2) Степенная книга... С. 25—26).

[35] См.: Памятники старинной русской литературы. Вып. 4. СПб., 1862. С. 48.

[36] Например, «Житие митрополита Алексея в Степенной» В. О. Ключевский помещал в число источников Тучковской редакции Жития Михаила Клопского (1537 г.), см.: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1989. С. 233.

версия о создании СК в макарьевское время, которая была забыта в историографии XX в.[37] Авторство данной гипотезы принадлежит известному костромскому краеведу М. Я. Диеву (1794—1866 гг.)[38]. Его взгляд на СК представлен в статье «Афанасий», которая помещена в неопубликованном продолжении труда Евгения (Болховитинова)[39] — «Продолжении и дополнении исторического словаря о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. Т. 1» (середина XIX в.)[40].

На мнение М. Я. Диева относительно времени создания и авторства СК большое влияние оказало введение в научный оборот И. М. Снегиревым Чудовского списка памятника (далее — Чуд.)[41]. Он содержит запись: «Книга Чудова монастыря, собрана смиренным Афанасием, митрополитом всея Русии»[42]. М. Я. Диев

---

[37] К. Ф. Калайдович и Н. М. Карамзин, предполагая составление СК при митрополите Макарии, ограничились приведением лишь отдельных аргументов: упоминания о «благословении» Макарием написания Жития Владимира в 1 ст. (Н. К. Карамзин), несоответствие языка СК языку времени митрополита Киприана (К. Ф. Калайдович).

[38] Подробнее о биографии М. Я. Диева и его трудах см.: *Титов А. А.* Ученый протоиерей костромской епархии о. Михаил Яковлевич Диев и его рукописи // Библиографические записки. 1892. Кн. 2. С. 98—99, 104—105; *Розов Н. Н.* М. Я. Диев — костромской краевед и собиратель рукописей первой половины XIX в. // Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. Сборник научных трудов. Л., 1980. Вып. 2. С. 101—108; *Зонтиков Н. А.* Диев Михаил Яковлевич // ПЭ. Т. 14. М., 2006. С. 686—688.

[39] См.: *Евгений (Болховитинов).* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-российской церкви. Т. 1—2. Изд. 2-е, испр., умнож. СПб., 1827.

[40] Статья опубликована, см.: *Усачев А. С.* Забытое мнение... С. 81—83.

[41] *Снегирев И. М.* Памятники московской древности, с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы с древнейших видов и планов древней столицы. М., 1842—1845. С. 147. Как показывают материалы многолетней переписки М. Я. Диева с И. М. Снегиревым, первый узнал о находке до публикации его труда (См. письмо И. М. Снегирева М. Я. Диеву от 15 февраля 1843 г.: «Е[вгению (Болховитинову). — *А. У.*] многое было еще неизвестно, что недавно только открыто свету; конечно за это нельзя его винить. Степенную книгу, напр[имер], приписывают Макарию, а я в Чудове [монастыре. — *А. У.*] нашел рукопись XVI века, на коей написано по листам: „Книга Чудова монастыря собрана смиренным Афонасием, митр[ополитом] всерос[сийским]“»). См.: Письма о. Михаила Диева к И. М. Снегиреву / Предисл. А. А. Титова. М., 1909. С. 59.

[42] ОР ГИМ. Собрание Чудова монастыря. № 56/358. Л. 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 (далее ссылки на Чуд. будут производиться без указания шифра рукописи).

связал ее содержание с вопросом об авторстве СК[43]. Как указал исследователь, наличие в записи определения «смиренный» свидетельствует о ее написании непосредственно митрополитом Афанасием (в миру Андрей, переяславец по происхождению). К аргументам в пользу авторства Андрея-Афанасия М. Я. Диев отнес и особое внимание составителя СК к переяславской церковной истории (в частности к биографии Даниила Переяславского). Также М. Я. Диев обратил внимание на указание составителя СК в 21 гл. 15 ст. на его пребывание во Владимирском Рождественском монастыре у мощей благоверного князя Александра Невского (рассказ выполнен от первого лица). М. Я. Диеву принадлежит и интересное замечание относительно даты смерти Афанасия, которую он отнес со времени «около 1570 г.». Учитывая отсутствие соответствующих данных в источниках, доступных современному исследователю, трудно сказать, на какие источники опирался М. Я. Диев в этом вопросе.

Ценные наблюдения сделал М. Я. Диев и по вопросу о датировке СК. Отметив, что памятник повествует о взятии Казани, учреждении казанской кафедры и перенесении образа Николы Великорецкого, исследователь предложил рассматривать 1555 г. как нижнюю границу времени его составления. Определяя верхнюю границу, М. Я. Диев обратил внимание на то, что СК в целом сообщает о событиях по 1560 г. включительно, а также зафиксировал отсутствие указания на смерть митрополита Макария в тексте произведения. На этом основании историк определил 1563 г. как время, позднее которого памятник не мог быть написан. Большое значение для историографии памятника имеет предположение М. Я. Диева о позднем характере заключающей СК 17 ст.

---

[43] Так, М. Я. Диев (письмо от 21 марта 1843 г.), отвечая на письмо И. М. Снегирева от 15 февраля 1843 г., прямо указал на то, что запись на Чуд. говорит об авторстве Андрея-Афанасия: «Почтенное письмо Ваше от 15 февраля чрезвычайно меня обрадовало, особенно душевно Вам благодарен за сообщение библиографических Ваших наблюдений, преимущественно о Степенной. К доказательствам, помещенным в словаре блаженной памяти митрополита Евгения, к ученым трудам коего глубокое благоговенье всегда пребудет постоянным во мне чувством, я присовокупил в продолжение Словаря новые, что Степенной сочинителем был не митрополит Макарий, а другой кто-либо. Как приятно узнать, кто именно был ее составителем» (см.: Письма о. Михаила Диева... С. 6). И. М. Снегирев разделил точку зрения М. Я. Диева относительно авторства Андрея-Афанасия. См.: *Снегирев И. М.* Успенский собор в Москве. М., 1856. С. 17.

Таким образом, в середине XIX в. было высказано подкрепленное вескими аргументами мнение о создании СК в 1555—1563 гг. и авторстве Андрея-Афанасия, мнение, отличное от господствовавшего в этом столетии представления об СК митрополита Киприана. Характеризуя место работы М. Я. Диева в историографии памятника, П. Г. Васенко отметил, что, оставаясь неопубликованными, его «Дополнения» «не были известны исследователям и не оказали влияния на решение вопроса о составителе Степенной»[44]. Итоги рассмотрения последующей истории изучения СК побуждают усомниться в справедливости подобной оценки значения «Дополнений» М. Я. Диева для ее историографии.

По-видимому, определенное влияние мнение М. Я. Диева оказало на работы А. И. Свирелина. Последний повторил основные аргументы костромского краеведа относительно авторства Андрея-Афанасия[45]. Так, А. И. Свирелин указывает, что в 1859 г. (т. е. когда статья «Афанасий» в «Дополнениях» была уже написана) М. Я. Диев сообщил ему о Чуд., содержащем указание на ее «собрание» Андреем-Афанасием. Как отметил А. И. Свирелин, данные этой записи «говорят в пользу нашего мнения»[46]. Судя по приведенным А. В. Сиреновым текстуальным совпадениям в работах М. Я. Диева и А. И. Свирелина, последний был знаком с трудом первого[47]. Кроме А. И. Свирелина о труде М. Я. Диева знал и ряд других исследователей. Так, он, несомненно, был известен А. В. Горскому и А. А. Титову, в собраниях которых хранятся списки «Дополнений»[48]. Был известен

---

[44] *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 24.

[45] *[Свирелин А. И.]* Житие преподобного отца нашего Даниила, переславского чудотворца / протоиерея Александра Свирелина. 2-е изд. Переславль-Залесский, 1894. С. 36, примеч. [1], 49—53. Впервые свое мнение о том, что Андрей-Афанасий является автором Жития Даниила Переяславского и всей СК, А. И. Свирелин высказал в своей более ранней работе, вышедшей вскоре после беседы А. И. Свирелина с М. Я. Диевым, см.: *Свирелин А. И.* О начале и устроении Переславского Данилова монастыря (при жизни преподобного Даниила). М., 1863. С. 78—85. В данной работе указано на то, что о записи на Чуд. А. И. Свирелину стало известно от М. Я. Диева (см.: Там же. С. 85, примеч. а).

[46] *[Свирелин А. И.]* Житие преподобного отца нашего Даниила... С. 53, примеч. [1].

[47] *Сиренов А. В.* Степенная книга... С. 29.

[48] ОР РГБ. Ф. 79 (Собрание А. В. Горского). № 3; ОР РНБ. Ф. 775 (Собрание А. А. Титова). № 3969.

труд М. Я. Диева и Н. К. Никольскому, который в ходе обсуждения работы П. Г. Васенко 18 апреля 1903 г. указал на мнение костромского историка[49]. Известен труд М. Я. Диева был В. С. Иконникову и С. И. Смирнову[50], справедливо связавшим появление версии об авторстве Андрея-Афанасия с «Дополнениями».

В отличие от работы М. Я. Диева, которая была известна ряду специалистов по древнерусской книжности, труд студента МДА Н. Световидова-Платонова[51] «Макарий, митрополит всероссийский» (1865 г.)[52] остался неизвестен в историографии. В своей работе Н. Световидов-Платонов пришел к сходным выводам с М. Я. Диевым, с трудом которого он не был знаком. Указав на бытование в литературе мнения о создании СК митрополитом Киприаном, восходящего к «Истории Российской» В. Н. Татищева, исследователь зафиксировал, что единственным произведением Киприана в СК является Житие митрополита Петра. Вслед за Н. М. Карамзиным Н. Световидов-Платонов отметил указание на написание Жития Владимира по поручению митрополита Макария и на этом основании предложил связывать создание СК с именем этого иерарха, от которого, по его мнению, исходил замысел ее написания. В пользу этого предположения свидетельствовало и отмеченное исследователем указание на митрополита Макария в Житии митрополита Ионы в 19 гл. 14 ст. СК. Предположение о создании СК в макарьевское время Н. Световидов-Платонов подкрепил еще одним доводом — он отметил упоминание о взятии Казани при описа-

---

[49] *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 24, примеч. 1.

[50] *Иконников В. С.* Опыт... Т. 2, кн. 2. С. 1317, примеч. 3; Житие преподобного Даниила, переяславского чудотворца, Повесть о обретении мощей и чудеса его: К 400-летию Троицкого Данилова монастыря в Переяславле-Залесском (15 июля 1508 г.—15 июля 1908 г.) / Изд. проф. С. И. Смирнова. М., 1908. С. XV, примеч. 1.

[51] Николай Световидов-Платонов учился на 25-м курсе МДА (1862—1866 гг.), см.: Списки студентов, окончивших полный курс Императорской Московской Духовной Академии за первое столетие ее существования (1814—1914 гг.). Сергиев-Посад, 1915. С. 48 (в «Списках студентов», очевидно, опечатка: вместо имени «Николай», которое представлено в рукописи рассматриваемой работы, в издании «Михаил»).

[52] Сочинение Н. Световидова-Платонова не опубликовано; здесь и далее ссылки следуют на его автограф, см.: ОР РГБ. Ф. 172 (Архив МДА). К. 373. № 13.

нии войн Владимира с волжскими булгарами в 55 гл. 1 ст.: согласно его мнению, составитель СК, живший и писавший в период, близкий к Казанским походам, был настолько «увлечен» современными ему событиями, что поместил в рассказ о далеком прошлом указание на недавнее событие. Впрочем, Н. Световидов-Платонов не склонен был связывать написание СК исключительно с именем митрополита Макария. Он обратил внимание на два обстоятельства: во-первых, в СК фигурирует лестная оценка Макария как «дивного в добродетелех», что было бы невозможно, если бы он лично принимал участие в написании СК; во-вторых, Чуд. содержит запись о «собрании» СК митрополитом Афанасием. На этом основании Н. Световидов-Платонов высказал мнение о начале создания СК по поручению Макария Андреем-Афанасием, который свой труд продолжал и после занятия митрополичьей кафедры после смерти Макария. Важно отметить, что, не ограничиваясь изданием Г. Миллера, Н. Световидов-Платонов обратился непосредственно к Чуд., который он определил как древнейший сохранившийся список СК (исследователь положил начало изучению кодикологических особенностей ркп., содержащей этот список)[53].

Интересное для истории изучения СК наблюдение сделал К. Н. Бестужев-Рюмин. Наряду с хронографами и Никоновской летописью (далее — Ник.) рассматривая СК как «попытку систематизации русской истории», историк высказал предположение о том, что она могла быть «задумана» «может быть, не без влияния „Родослова“ сербского архиепископа Даниила (XIV в.)» (имелось в виду его сочинение «Животи кральева и архиепископа српских»)[54]. На данное предположение историка, судя по всему, немаловажное влияние оказывала господствующая в историографии этого времени и принятая им[55] точка зрения об участии пришедшего с Балкан на Русь митрополита Киприана в создании СК, что делало естественным предположение о воз-

---

[53] Так, он обратил внимание на помещенную на поле л. 142 Чуд. (55 гл. 1 ст. СК) запись конца XVI в. о нетленности мощей Гурия Казанского и его чудотворениях (см.: ОР РГБ. Ф. 172. К. 373. № 13. Л. 122 об.—125 об.).

[54] *Бестужев-Рюмин К. Н.* Русская история. Т. 1. СПб., 1872. С. 34, примеч. 59.

[55] Специально не останавливаясь на вопросе о времени написания СК, К. Н. Бестужев-Рюмин предположил, что она «получила окончательную редакцию в XVI в.», см.: *Бестужев-Рюмин К. Н.* Русская история. Т. 1. С. 34.

можной связи этих двух памятников, созданных, как казалось, в близкий период.

Ряд важных замечаний, касающихся СК, сделал архиеп. Филарет (Гумилевский). Соглашаясь с мнением о написании СК в домакарьевское время митрополитом Киприаном[56], исследователь, обратив внимание на опубликованную И. М. Снегиревым запись о «собрании» СК Андреем-Афанасием, предположил, что этот книжник дополнял СК[57]. Также, отметив недостатки издания Г. Миллера, Филарет указал на необходимость изучения рукописной традиции СК и подготовки ее нового издания «по лучшим спискам». Как небезосновательно полагал исследователь, «при сличении списков яснее откроется, что сделано митр. Макарием для Степенной Книги Киприановой»[58]. Рассматривая Жития русских святых, Филарет обратил внимание на ряд источников СК. Так, он отметил, что в 9 гл. 5 ст. помещено Житие Всеволода Псковского в редакции Василия-Варлаама, которое в СК несколько сокращено[59]. Как указал Филарет, в СК прибавлено недостоверное известие о взятии Всеволодом Псковским во время похода 1130 г. Риги, которая еще не была основана[60]. Также Филарет обратил внимание на использование в 4 гл. 11 ст. Жития митрополита Алексия редакции Пахомия Серба[61] и Жития митрополита Петра (3 гл. 10 ст.)[62].

Несмотря на то, что в целом в историографии была принята гипотеза о существовании домакарьевской СК, как видим, в литературе был сделан ряд замечаний, которые побуждали усомниться в авторстве митрополита Киприана и датировке памятника его временем. Это проявилось в работах митр. Макария (Булгакова), Д. И. Прозоровского, И. Н. Жданова и Е. Е. Голубинского.

Митр. Макарий (Булгаков), в целом соглашаясь с предположением о существовании домакарьевской СК, тем не менее,

---

[56] *Филарет (Гумилевский).* Обзор русской духовной литературы. Кн. 1. СПб., 1884. С. 87. № 74.

[57] Там же. С. 162.

[58] Там же. С. 149—150. № 132.

[59] *[Филарет (Гумилевский)].* Русские святые, чтимые всею церковию или местно. Опыт описания жизни их. Чернигов, 1862. С. 67, примеч. 100.

[60] Там же. С. 72, примеч. 109.

[61] Там же. С. 92, примеч. [125].

[62] *[Филарет (Гумилевский)].* Русские святые, чтимые всею церковию или местно. Опыт описания жизни их. [Отд. 3. Месяцы: сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь]. Чернигов, 1865. С. 572, примеч. 161.

отметил, что, перечисляя сочинения Киприана, В. Н. Татищев на основании упоминания о «преписании» этим книжником ряда произведений наряду со «степенями великих князей русских» атрибутирует Киприану произведения, автором которых он явно не был (например, Русскую Правду). На этом основании Макарий вполне резонно заключил, что глагол «преписа» имеет различные значения, которые не исчерпываются обозначением авторства: они могли включать в себя и указания на переписку уже созданных текстов. Это в свою очередь позволило историку Церкви охарактеризовать предположение В. Н. Татищева об авторстве Киприана «отнюдь не более, как за догадку»[63]. Макарий сделал и ряд важных наблюдений относительно источников СК, указав на использование в ее тексте «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона, а также «Памяти и похвалы» Иакова Мниха (Житие Ольги, 1 ст.)[64].

Интересные замечания относительно датировки СК принадлежат Д. И. Прозоровскому. Не отрицая существования Киприановой редакции, он высказал предположение о том, что памятник в дошедшем до нас виде был создан во второй половине XVI в.[65] Связывая появление Сказания о дарах Владимиру Мономаху с именем митрополита Киприана, историк указал на то, что тот вид, в котором этот рассказ представлен в СК, он мог приобрести лишь во второй половине XVI в. Свое мнение Д. И. Прозоровский основывал, во-первых, на том, что Владимир Мономах поименован царским титулом (это указывало на время после 1547 г.), во-вторых, на отмеченной им зависимости помещенного в СК рассказа о дарах Владимиру Мономаху от послания Спиридона-Саввы (первая четверть XVI в.). Все это, согласно Д. И. Прозоровскому, указывало на то, что в СК Сказание «искажено под влиянием тогдашних [XVI в. — *А. У.*] понятий о значении русского государя или лучше сказать: о значении русского великого князя, как царя»[66].

Оригинальный взгляд на время создания СК и личность ее автора предложил И. Н. Жданов. Вслед за М. Я. Диевым отно-

---

[63] Здесь и далее цит. по последнему изданию: *Макарий (Булгаков).* История русской церкви. Кн. 3. М., 1995. С. 273—274.

[64] *Макарий (Булгаков).* История русской церкви. Кн. 2, отд. 1, т. 1. М., 1995. С. 436, примеч. 148; Там же. Кн. 4, ч. 1. М., 1996. С. 439.

[65] *Прозоровский Д. И.* Об утварях, приписываемых Владимиру Мономаху // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. Т. 3. [Б. м.], 1882. С. 57.

[66] Там же. С. 63.

ся дошедшую до исследователей XIX в. редакцию СК к 1555—1563 гг., И. Н. Жданов отметил случаи близости СК и «Сказания о князьях Владимирских» и выдвинул предположение, что они могли являться фрагментами не сохранившегося генеалогического труда XV в. (т. н. «От истории Ханаоновы»)[67]. Его составление историк литературы датировал последними десятилетиями этого столетия, приписывая его создание (как и написание СК) Пахомию Сербу[68]. Ценное замечание И. Н. Жданов сделал и относительно близости текстов Житий Ольги и Владимира в СК (этих двух произведений, согласно мнению исследователя, не было в древнейшей редакции памятника, освещающей лишь деятельность московских князей). На этом основании И. Н. Жданов выдвинул предположение о создании их одним лицом — Сильвестром, имя которого указано в приписке к Погодинскому списку Жития Ольги № 744 (конец XVI в.)[69].

Ряд ценных наблюдений И. Н. Жданов сделал относительно возможных источников СК. Так, отметив наличие в СК ряда уникальных известий по древнерусскому периоду, он указал на ряд случаев близости текста СК к Ник. (в частности, рассказ о посольстве Владимира в 67 гл. 1 ст.)[70]. Рассматривая историю фиксации рассказа о дарах Владимиру Мономаху, И. Н. Жданов в числе кратких пересказов этого сюжета отметил СК, а также Воскресенскую летопись (далее — Воскр.), Ник. и «Слово похвальное» Михаилу Черниговскому Льва Филолога[71], обратив внимание на особую близость соответствующего фрагмента 8 гл. 4 ст. к последнему произведению[72]. Большое значение для исследователя СК имеет указание И. Н. Жданова на использование в ней «Слова о погибели Русской земли» (7 ст.)[73]. Также, обратив внимание на указание составителя Жития Владимира в СК на использование повестей «глаголемых и пишемых», И. Н. Жданов сделал вывод об использовании книжником в 1 ст. устных источников — «всех знакомых ему сказаний о Владимировом времени».

---

[67] *Жданов И. Н.* Повести о Вавилоне и «Сказание о князьях Владимирских». СПб., 1891. С. 81—82.

[68] Там же. С. 97—98.

[69] Там же. С. 120, примеч. 1.

[70] Там же. С. 54.

[71] Там же. С. 62.

[72] Там же. С. 73.

[73] *Жданов И. Н.* Русский былевой эпос (Исследования и материалы). СПб., 1895. С. 96, примеч. б.

Интересное предположение об авторстве СК высказал С. А. Белокуров. Он в целом разделил мнение о существовании домакарьевской СК и ее переработке при митрополите Макарии. Указывая на наличие списков этого памятника по 16 ст. включительно, историк обратил внимание на особое место 17 ст., которая писалась, очевидно, несколько позднее (исследователь, не приведя конкретных шифров ркп., указал на наличие нескольких списков СК XVI—XVII вв. по 16 ст. включительно). Соотнеся этот факт с текстом записи на Чуд. о «собрании» СК Андреем-Афанасием, С. А. Белокуров, не зная о труде М. Я. Диева, повторил его вывод о создании 17 ст. этим книжником[74].

Вслед за митр. Макарием (Булгаковым) Е. Е. Голубинский усомнился в достоверности известия источника В. Н. Татищева о создании СК Киприаном. Сочтя это известие поздним по своему происхождению, историк Церкви указал на то, что кроме Жития митрополита Петра не известно других житий, написанных Киприаном. Кроме того, Е. Е. Голубинский счел невозможным для иностранца, каковым, в сущности, являлся митрополит Киприан, болгарин по происхождению, составление такого труда как СК, охватывающего всю русскую историю. Отметив наличие в СК идеи о преемственности Московского царства Византийской империи, Е. Е. Голубинский счел, что появление этой идеи и памятника, в котором она представлена, относится ко времени митрополита Макария. Гипотезе об участии Киприана в составлении СК, согласно Е. Е. Голубинскому, противоречит и отсутствие, во-первых, каких-либо особых упоминаний о Киприане и его литературной деятельности по составлению СК в ее тексте, во-вторых, указаний на продолжение уже имеющегося произведения книжником середины XVI в.[75]

Е. Е. Голубинский, рассматривая приемы работы составителя СК, указал на специфику методов его работы со своими летописными источниками, отметив, что он в целом ряде случаев стремился не к переписыванию фрагментов летописных записей, а к их пересказу, более или менее близкому к тексту соответствующих источников[76]. Описывая методы создания СК,

---

[74] *Белокуров С. А.* О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. С. 296—297.

[75] Цит. по последнему изданию: *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. 2, 1-я половина. М., 1997. С. 349—352.

[76] *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. 2, 2-я половина. М., 1997. С. 194.

Е. Е. Голубинский следующим образом характеризовал обстоятельства, связанные с появлением уникальных известий в ее тексте:

«Составитель Степенной книги, собственно говоря, был человек очень почтенный, трудолюбиво собиравший сведения из всяких источников наподобие нынешних ученых историков. Но, во-первых, он собирал сведения без всякой критики, относясь с одинаково полной верой ко всему, что находил; во-вторых, по обычаю всех людей, не вполне надлежащим образом понимающих историю, он позволял себе поступать так, чтобы свои простые предположения выдавать за положительные факты (после так делал у нас Татищев), и наконец — в-третьих, подобно всем сейчас указанным людям, он смешивал историю с поэзией и материал, собранный в источниках, не затруднялся дополнять своими домыслами»[77].

Е. Е. Голубинский сделал также ряд частных замечаний. Так, он указал на параллели содержащемуся в Житиях Ольги и Владимира в СК рассказу о приходе апостола Андрея на Русь с соответствующим фрагментом Жития Михаила Клопского Тучковской редакции, объяснив их восхождением к новгородской редакции Сказания о посещении Руси Андреем[78]. Также Е. Е. Голубинский, не исключая возможности написания СК при митрополите Иоасафе, указал на случаи привлечения в Ник. материала общих с СК источников — Паралипомена Зонары (в описаниях Чуда о нетленном Евангелии и крещения Руси)[79] и обратил внимание на возможность использования СК в Стоглаве (в описании Устава Владимира)[80]. Известие СК об основании церкви св. Тура Е. Е. Голубинский связал с упоминаемой в Ипатьевской летописи (далее — Ип.) под 1146 г. Туровской божницей[81]. Также историк отметил использование в СК Житий Евфросинии Полоцкой[82], митрополитов Петра (редакции Киприана)[83], Алексия (особой редакции, созданной на основе редакции

---

[77] *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. 1, 1-я половина. М., 1997. С. 278, примеч. 1.

[78] Там же. С. 26—27, примеч. 3—4.

[79] Там же. С. 42, примеч. 2; С. 281, примеч. 1; С. 282, примеч. 1.

[80] Там же. С. 621—622, примеч. 5.

[81] Там же. С. 169, примеч. 2.

[82] Там же. С. 682, примеч. 1; С. 773, примеч. 1.

[83] Там же. Т. 2, 1-я половина. М., 1997. С. 98, примеч. 2.

Пахомия Серба с дополнениями из летописей)[84], а также послания новгородского архиепископа Василия о рае[85] и «Рукописания Магнуша»[86].

В трудах по русской агиографии было отмечено значение СК для развития этого жанра литературы.

Немало замечаний, важных для изучения СК, сделал В. О. Ключевский в своем труде о древнерусских житиях святых. Рассматривая СК как «чисто исторический сборник», историк указал на то, что помещенные в ней редакции житий «проще и полнее» описывали биографии русских святых (в качестве примера В. О. Ключевский привел Жития Александра Невского и митрополита Ионы)[87]. Сравнивая предшествующую СК и помещенную в ней редакции Жития Александра Невского, В. О. Ключевский отметил, что они относятся друг к другу «как историческая повесть к церковному панегирику; по крайней мере, такой характер хотел сообщить ей сам составитель» СК[88]. Также В. О. Ключевский сделал ряд наблюдений относительно происхождения и характера взаимоотношений редакций ряда Житий, вошедших в СК (Всеволода Псковского, Александра Невского, митрополитов Алексия и Ионы, Евфросинии Полоцкой, Даниила Переяславского). Так, исследователь указал на использование в помещенной в СК 4-й редакции (согласно классификации В. О. Ключевского) Пахомиевой (2-й редакции) редакции Жития митрополита Алексия, данные которой были дополнены материалом Ник. (3-я редакция). Источником Жития митрополита Ионы в СК В. О. Ключевский считал «Слово похвальное» этому святому (1-ю редакцию Жития)[89]. На основе анализа содержания Жития Ионы В. О. Ключевский сделал интересное предположение о написании СК после окончания составления Великих Миней Четьих митрополита Макария (далее — ВМЧ) «в последние годы жизни» этого святителя (к 1556 г. относится наиболее позднее известие Жития Ионы, в тексте которого ничего не говорится о каком-либо ином митрополите кроме Макария)[90].

---

[84] *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. 2, 1-я половина. С. 172. [Примеч. 1].

[85] Там же. С. 112. [Примеч. 1]; С. 166, примеч. 1.

[86] Там же. С. 165, примеч. 1.

[87] *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых... С. 231, 240.

[88] Там же. С. 240.

[89] Там же. С. 236—245, 250, 262, 282.

[90] Там же. С. 242.

Характеризуя агиографию времени митрополита Макария в целом, В. О. Ключевский указал на то, что «движение, возбужденное в русской агиобиографии сверху канонизацией и церковно-историческими наклонностями главы иерархии, только утверждало господство установившихся литературных форм жития, не внося потребности в более широком изучении и в менее условном понимании исторических фактов»[91]. Согласно мнению историка, общий характер житий, «как исторических произведений, взгляд их на описываемые лица и события оставался, в сущности, всегда одинаковым, и общественные перемены, совершившиеся в XV и XVI веках, отразились на агиобиографии в этом отношении очень слабо»[92].

Значительный интерес для нашей темы представляет кандидатское сочинение студента МДА И. В. Голубева[93] «Об агиографии во времена митрополита Макария (Опыт историко-критического исследования)» (1896 г.)[94], которое еще не привлекало внимание в литературе[95]. Исследователь специально рассмотрел памятники русской житийной литературы макарьевского времени и высказал ряд суждений о ее развитии, которые побуждают во многом пересмотреть взгляд В. О. Ключевского по этому вопросу.

Согласно мнению И. В. Голубева, макарьевский период представляет собой «соединительное звено между Пахомием Логофетом, творцом житийной формы в Руси XV в., и Симоном

---

[91] *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых... С. 231.

[92] Подобным образом В. О. Ключевский характеризовал русскую агиографию XV—XVI вв. на своем магистерском диспуте (приведенный выше текст представляет собой ответ В. О. Ключевского на замечание С. М. Соловьева относительно недостаточно подробного рассмотрения им вопроса о связи конкретно-исторических явлений и развития агиографической литературы в «Древнерусских житиях святых»). Стенограмма диспута выполнена Е. В. Барсовым и опубликована С. И. Смирновым. См.: *Смирнов С. И.* Исследование В. О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник». М., 1913. С. 16.

[93] И. В. Голубев учился на 51 курсе МДА (1892—1896 гг.), см.: Списки студентов... С. 108.

[94] Сочинение не опубликовано, автограф труда И. В. Голубева хранится в Архиве МДА, см.: ОР РГБ. Ф. 172. К. 224. № 7.

[95] Единственное известное нам упоминание работы И. В. Голубева содержится в обзорной статье архим. Макария (Веретенникова), см.: *Макарий (Веретенников).* Макарьевская проблематика в диссертациях выпускников Московской духовной академии (кон. XIX—нач. XX в.) // Макарьевские чтения. Можайск, 2002. Вып. 9. С. 66 (Там же (С. 74) опубликован отзыв на нее профессора МДА Н. Ф. Каптерева).

Азарьиным, творцом строгой исторической биографии» XVII в. Отмечая, что Пахомий пышной стилистической и композиционной формой агиографии заслонял содержание биографии, а Симон, наоборот, содержанием форму, исследователь указал на то, что именно в житиях макарьевского времени фиксируется промежуточный этап в процессе превращения жития в историческую биографию[96]. Особенно ярко эта тенденция, согласно И. В. Голубеву, проявилась в СК[97].

Определяя ее место в ряду прочих памятников русской книжности XVI в., И. В. Голубев отметил определенное сходство СК с ВМЧ: «Степенная книга, несомненно, считавшаяся в свое время литературным образцом, должна была поддерживать на известной высоте литературно-формальную сторону житий, как и других словесных произведений. В этом ее сходство со знаменитыми Четьями-Минеями». Однако, как отметил исследователь, были и существенные различия между этими произведениями, которые весьма отчетливо представляли себе их создатели и инициировавший их составление митрополит Макарий. Отметив, что «Степенная книга по преимуществу — памятник исторический», И. В. Голубев указал на то, что Макарий и его книжники «делали различие между житием для Четьих Миней и житием, назначавшимся для Степенной книги; для исторического сборника [СК. — *А. У.*] требовалось жизнеописание, приближающееся к исторической биографии, более обильное фактическими подробностями». Приводя в качестве примера Житие Александра Невского, И. В. Голубев указал, что «когда нужно было внести в Степенную книгу жизнеописание св. Александра Невского, митрополит Макарий не удовольствовался для этого житием, помещенным в Четьих-Минеях, а поручил сделать переделку его, которая бы проще и полнее изображала жизнь князя; эту переделку и внес он в свой исторический сборник»[98]. Характеризуя СК в целом, исследователь выделил ее отличительную черту — внимание к «фактическим подробностям» в биографии святого, которые у читателя «развивали любознательность к историческим сообщениям»[99].

---

[96] ОР РГБ. Ф. 172. К. 224. № 7. Л. 228—228 об.

[97] И. В. Голубев, разделив распространенное в историографии конца XIX в. мнение о существовании домакарьевской СК, присоединился к предположению В. О. Ключевского о том, что на время митрополита Макария приходится период создания окончательной редакции памятника, см.: ОР РГБ. Ф. 172. К. 224. № 7. Л. 11 об.

[98] Там же. Л. 13—13 об.

[99] Там же. Л. 14.

Несмотря на то, что в историографии этого времени рассмотрению взглядов составителя СК было уделено меньше внимания по сравнению со взглядами Максима Грека, Ивана Пересветова, Ивана Грозного и Андрея Курбского, начало изучению представленных в СК историко-политических идей было положено уже в первой обобщающей работе по истории общественной мысли России XVI в. — монографии М. А. Дьяконова, сосредоточившего свое внимание на памятниках древнерусской книжности XV—XVI вв. Как указал историк, после заключения Флорентийской унии и последующего установления автокефалии русской Церкви появилась необходимость обосновать древность единственной оставшейся верной православию страны, а также права управляющей ею династии на царский титул. Большое влияние на последующую историографию СК оказало указание М. А. Дьяконова на связь развития русской книжности с борьбой за утверждение за московскими государями права на царский титул, ведущейся русским правительством в конце XV—середине XVI в. Специально не останавливаясь на характеристике СК, историк отметил значение для прославления Русской земли включенных в нее рассказов: о водружении креста и оставлении жезла в новгородской веси Грузино апостолом Андреем, о происхождении Рюрика от Пруса, о венчании Иваном III своего внука Дмитрия Ивановича[100].

М. А. Дьяконов сделал и ряд замечаний относительно источников памятника. Так, он указал на сходство ряда мест СК с Житием Александра Невского (8 ст.) и помещенным в ВМЧ «Словом похвальным» Михаилу Черниговскому Льва Филолога (14 гл. 7 ст.)[101]. Также исследователь обратил внимание на использование в 16 ст. «Слова похвального» Василию III, которое, как отметил исследователь, в СК вошло почти полностью в виде двух крупных фрагментов (историк не указал, о каких именно отрывках идет речь)[102]. Кроме того, М. А. Дьяконов поставил проблему изучения особенностей работы составителя памятника с текстом своих источников. Так, он отметил, что рассказ Ник. о борьбе Владимира с разбоями в СК «любопытно изложен»[103].

---

[100] *Дьяконов М. А.* Власть московских государей: Очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI в. СПб., 1889. С. 72—73, 75—76, 78.

[101] Там же. С. 50, примеч. 2; С. 74, примеч. 1.

[102] Там же. С. 105.

[103] Там же. С. 38, примеч. 1.

Как видим, в первом обобщающем труде по русской средневековой политической мысли было намечено общее направление в изучении СК: ее исследование в самой тесной связи с утверждением идеи высоты царской власти как внутри страны, так и за ее пределами; также был предложен возможный путь анализа текста памятника путем сопоставления его известий с источниками СК.

Свидетельством возросшего в последние десятилетия XIX в. интереса к СК является выход в свет в 1883 г. указателя к публикации 1775 г.[104]

В рассматриваемый период в науке был сделан и ряд частных замечаний о СК. Так, исследователи указывали на необходимость подготовки ее нового издания. При этом особое внимание уделялось списку СК из собрания Д. В. Пискарева № 177 (далее — Пискарев.)[105]. А. Е. Викторов в 1871 г. при описании ркп., содержащей Пискарев., указал на то, что «список превосходный, который по своей древности [Е. А. Викторов датировал его концом XVI в. — *А. У.*] и правильности, при новом ожидаемом издании Степенной книги, между другими известными списками, без сомнения, займет одно из самых почетных мест»[106]. К этому списку обращались и другие исследователи. Так, архим. Амфилохий, сличив Сказание о московском князе Данииле Александровиче в издании СК 1775 г. и Пискарев., установил, что Пискарев. «полнее» привлеченного Г. Миллером списка. Именно по этому списку архим. Амфилохий издал рассказ о Данииле в СК[107].

К числу прочих частных замечаний относительно СК в историографии второй половины XIX в. можно отнести указание Ф. Смирнова на использование послания Вассиана Рыло на Угру в 15 ст. СК[108], а также попытку Иосифа (Бажанова) обос-

---

[104] Указатель к Степенной книге / Сост., ред. Л. П. Автократова. СПб., 1883.

[105] См.: ОР РГБ. Ф. 228 (Собрание Д. В. Пискарева). № 177/612.

[106] *Викторов А. Е.* Каталог славяно-русских рукописей, приобретенных Московским публичным и Румянцевским музеями, в 1868 г., после Д. В. Пискарева. М., 1871. С. 47.

[107] *Амфилохий, архим.* Летописные и другие древние сказания о св. благоверном вел. князе Данииле Александровиче, сыне св. благоверного вел. князя Александра Невского, и о построенном им за Москвою рекою Даниловском монастыре. М., 1875. С. 8—16.

[108] *Смирнов Ф.* Описание рукописных сборников XVI века новгородской Софийской библиотеки, находящихся ныне в Санктпетербургской Духовной Академии. СПб., 1865. С. 39, примеч. 108.

новать достоверность сведений, сообщаемых в Житии Ольги в СК[109].

Важное наблюдение относительно одного источника СК сделал В. Г. Васильевский. Специально исследуя Житие Стефана Сурожского, историк отметил ссылку на него в 8 гл. 1 ст. («...яко же свидѣтельствуетъ нѣчто мало отчасти в чудесѣхъ великомученика Димитриа и святаго архиепископа Стефана Сурожьскаго...»)[110]. В. Г. Васильевский указал, что «представление о до-рюриковском походе славян — очевидно, русских — на Корсунь основано здесь на сказании о чудесах Стефана Сурожского»[111]. Как полагал исследователь, «ссылка в Степенной книге показывает, что в первый период царствования Иоанна Грозного Житие Стефана Сурожского было уже хорошо известно и рассматривалось как важный исторический документ, свидетельствующий о славе русского имени еще до призвания варягов»[112].

Немаловажное влияние на направление изучения СК (прежде всего, на рассмотрение вопроса об ее источниках) оказали труды А. А. Шахматова, который, однако, специально не занимался этим произведением[113] (очевидно, этим и обусловливалась недооценка влияния его трудов на историографию СК). Тем не менее, его авторитет в изучении летописания обеспечил весомость его суждений о памятниках русской книжности XV—XVI вв. для ряда последующих исследователей. Особый интерес для нас представляет предположение А. А. Шахматова о реконструированном им памятнике общерусского летописания — т. н. Владимирском полихроне митрополита Фотия 1423 г.

---

[109] *Иосиф [Бажанов].* Историческая достоверность сказания Степенной книги о первоначальной святыне города Пскова. СПб., 1858.

[110] Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1. М., 2007. С. 226. Здесь и далее ссылки будут следовать на издание СК 2007—2008 гг. В отдельных случаях (они будут специально оговариваться) ссылки также будут даваться и на издание 1908—1913 гг.

[111] *Васильевский В. Г.* Труды. Т. 3. СПб., 1915. С. CXLII (цит. по последнему изданию; первая публикация данной работы В. Г. Васильевского появилась в 1889 г., см.: *Васильевский В. Г.* Житие св. Стефана Сурожского // ЖМНП. 1889. № 5. С. 97—164; № 6. С. 391—452).

[112] *Васильевский В. Г.* Труды. Т. 3. С. CCLXII.

[113] В его работах СК упоминается лишь несколько раз; она даже не упомянута в его статье «Летописи», подготовленной для «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона (см.: *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 360—372).

Исследователь, отметив близость («тождественность») ряда известий Ник. и СК[114], а также Воскр., видел ее причины в том, что эти памятники восходили к общему источнику — Владимирскому полихрону (к этому же памятнику А. А. Шахматов возводил и Хронограф редакции 1512 г.; далее — Хр. 1512)[115]. Таким образом, если основываться на этом предположении, то Воскр. и Ник. следовало исключить из числа потенциальных источников СК. В более поздней работе А. А. Шахматов предложил еще одну (оставшуюся неизвестной исследователям СК) гипотезу, что «предположенный митрополичий свод начала XVI в. был родоначальником Степенной книги, которая представляет буквально сходные с Никон[овской] летописью места, возводящие к митрополичьему своду, как общему их источнику». Это свод — общий источник Ник. и СК — исследователь в другом месте датировал шире — первой четвертью XVI в. — и возводил к Владимирскому полихрону 1423 г.[116] Оценивая СК в целом, А. А. Шахматов характеризовал ее как «еще более тенденциозную [по сравнению с Ник. — *А. У.*] обработку истории в духе прославления митрополитов»[117].

* * *

Характеризуя историографию СК XVIII—XIX вв. в целом, можно отметить, что в этот период был накоплен значительный материал по вопросу о времени создания СК и ее авторстве, который был представлен в виде двух гипотез, восходящих

---

[114] А. А. Шахматов (как и ряд других исследователей) обращал внимание на уникальные известия Ник. и СК по домонгольскому периоду русской истории.

[115] *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды XIV—XV веков // ЖМНП. 1901. № 11. С. 75—79. Позднее А. А. Шахматов в своей статье «Летописи» склонился к тому, что Воскр. послужила источником Ник. в части 1521—1541 гг. (см.: *Шахматов А. А.* Обозрение... С. 371). Предположение о восхождении памятников русской хронографии к Владимирскому полихрону в наиболее аргументированном виде исследователь представил позднее, см.: *Шахматов А. А.* Обозрение... С. 133—145.

[116] *Шахматов А. А.* Отзыв о сочинении С. Шамбинаго «Повести о Мамаевом нашествии. СПб., 1906». СПб., 1910. (СОРЯС. Т. LXXXI). С. 195. А. А. Шахматов (см.: Там же) не приводит аргументов в пользу своего предположения, мотивировав это тем, что в противном случае «мы слишком бы уклонились в сторону» от разбора монографии С. К. Шамбинаго.

[117] Там же. С. 157.

к В. Н. Татищеву и М. Я. Диеву. Также был собран большой массив данных относительно источников СК и типологически к ней близких памятников. Все это подготовило почву для появления в недалеком будущем обобщающих работ о СК.

1.2. Труды первой трети XX в.

В 1902 г. появляется первый специально посвященный СК труд — книга Н. С. Державина. Разделив распространенное в историографии представление о существовании домакарьевской СК[118], исследователь датировал ее макарьевскую переработку 1555—1563 гг., приведя аргументы, сходные с доводами М. Я. Диева, труд которого ему известен не был[119]. Также историк литературы высказал мнение о принадлежности помещенных в СК Житий Всеволода Псковского и Александра Невского к сочинениям Василия-Варлаама, тем самым сделав предположение о его участии в создании СК[120].

В работе Н. С. Державина также была предпринята попытка реконструкции круга источников СК в виде комментированного перечня степеней и глав памятника. Исследователь, сопоставив текст СК с рядом предшествующих ей памятников, отметил ее близость к Ник., Воскр., Софийскому временнику и Хронографу 2-й редакции, а также к агиографическим сочинениям: «Памяти и похвале» Иакова Мниха, Тучковской редакции Жития Михаила Клопского, Житиям Ольги, Леонтия Ростовского, Всеволода Псковского (редакции Василия-Варлаама[121]), Евфросинии Полоцкой, Никиты Переяславского, Александра Невского, Федора Ярославского (первоначальной редакции), митрополитов Петра (редакции Киприана), Алексия и Ионы, Сказаний о Михаиле Черниговском и боярине Федоре (Пахомиевой редакции) и о Владимирской иконе, Сказанию и Чтению о Борисе

---

[118] Н. С. Державин принял гипотезу И. Н. Жданова о причастности Пахомия Серба к созданию СК, дополнив аргументы И. Н. Жданова указанием на вхождение в текст СК значительного числа принадлежащих Пахомию редакций Житий (см.: *Державин Н. С.* «Степенная книга» как литературный памятник. Опыт исследования литературного состава «Степенной книги» Г. Миллера. Батум, 1902. С. 19—21).

[119] *Державин Н. С.* «Степенная книга»... С. 12—13.

[120] Там же. С. 87.

[121] Также Н. С. Державин (Там же. С. 75—77) отметил целый ряд летописных фрагментов в Житии Всеволода Псковского в СК.

и Глебе, «Слову о житии и преставлении Димитрия Ивановича, царя русского»[122]. Указав на сходство ряда фрагментов СК и этих памятников, Н. С. Державин не сделал вывода о непосредственных источниках памятника. Согласно его мнению, случаи близости СК к Ник., Воскр., Софийскому временнику и Хронографу 2-й редакции обусловливались их восхождением к общему источнику — реконструированному А. А. Шахматовым Владимирскому полихрону 1423 г.[123] Исследователь вполне обоснованно рассматривал свой труд «как подготовительную работу к весьма желательному и необходимому, в интересах древнерусской письменности, обстоятельному исследованию списков Степенной книги и восстановлению ее текста»[124]. Подобный труд не заставил себя долго ждать.

Крупнейшее исследование СК предпринял П. Г. Васенко в ряде статей, а также в монографии «„Книга Степенная царского родословия“ и ее значение в древнерусской исторической письменности. Ч. 1» (СПб., 1904)[125]. Историк особое внимание уделил четырем аспектам исследования СК: 1) датировка; 2) авторство; 3) рукописная традиция; 4) общая характеристика памятника.

Обратившись к рукописи, содержащей список Тучковской редакции Жития Михаила Клопского, историк отметил, что упоминание в опубликованной Н. И. Костомаровым «Повести о житии Михаила Клопского» «Жития чудотворца святителя Алексея в Степенне» является ошибочным чтением — в тексте следовало читать не «в степенне», а «явственне»[126]. Это дало возможность П. Г. Васенко лишить сторонников существования домакарьевской СК такого весомого аргумента, как упоминание произведения под 1537 г. Проанализировав показание

---

[122] *Державин Н. С.* «Степенная книга»... С. 26—144.

[123] Там же. С. 22—23. В этой же работе (С. 23, примеч. 1—3) Н. С. Державин приводит ссылки на мнение А. А. Шахматова по этому вопросу (ссылка следует на работу А. А. Шахматова «Общерусские летописные своды XIV—XV веков»).

[124] *Державин Н. С.* «Степенная книга»... С. III.

[125] Изучение СК являлось одним из важнейших направлений в научной деятельности П. Г. Васенко. Так, из 64 публикаций историка (их перечень см.: *Серов Д. О.* П. Г. Васенко: Материалы к биобиблиографии (1899—1929) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1992. Сб. 4. С. 423—429) 13 (в т. ч. и единственная монография историка) посвящены СК и ее позднейшим переработкам.

[126] *Васенко П. Г.* Житие св. Михаила Клопского в редакции 1537-го года и печатное его издание. СПб., 1903. С. 13—14.

татищевского источника о «степенях великих князей русских», историк счел, что оно было «почерпнуто из мутного источника» и если некие «степени» действительно имелись в руках В. Н. Татищева, то, как предположил П. Г. Васенко, являлись, скорее всего, родословными росписями. Критикуя версию о существовании домакарьевской СК, исследователь привел и уже звучавшее в историографии памятника[127] указание на то, что «мысль о Степенной естественнее всего могла возникнуть лишь со времени безусловного преобладания идеи о прямом престолонаследии», т. е. не ранее времени написания «Сказания о князьях Владимирских»[128]. Лишив, таким образом, защитников гипотезы о существовании домакарьевской СК их главных аргументов, историк выдвинул свою версию относительно времени возникновения и авторства произведения.

П. Г. Васенко вслед за М. Я. Диевым отметил, что в СК содержатся известия о событиях в основном по 1560 г. включительно, и на этом основании предположил, что именно в этом году началось ее создание. Дату окончания работ над памятником исследователь определял на основании того, что: 1) в СК названы четыре сына Грозного (Дмитрий, Иван, Федор, Василий; последний родился в марте 1563 г.); 2) 17 ст. указывает на взятие Полоцка (оно произошло в феврале 1563 г.); 3) в произведении нет сообщения о смерти митрополита Макария, умершего 31 декабря 1563 г. Таким образом, согласно мнению П. Г. Васенко, создание СК датировалось 1560—1563 гг. (окончание работы над текстом СК он относил к марту—декабрю 1563 г.)[129].

---

[127] Например, см.: *Прозоровский Д. И.* Об утварях... С. 57.

[128] *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 166.

[129] Там же. С. 217. Свое мнение исследователь основывал на том, что в Житии Ольги (см.: Степенная книга. Т. 1. С. 185; ОР РГБ. Ф. 98 (Собрание Е. Е. Егорова). № 124. Л. 341 об.; здесь и далее все ссылки на пространную редакцию Жития Ольги будут даваться по Егоровскому списку. Описание содержащей его ркп. см.: *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 262, примеч. 128; *Курукин И. В.* Сильвестр: политическая и культурная деятельность (источники и историография): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. С. 116, примеч. 58) дети Ивана IV упомянуты во множественном числе — после рождения царевны Евдокии (26 февраля 1556 г.) уже появилась возможность говорить о «чадах» Грозного (до этого времени дети Ивана IV — Анна, Мария и Дмитрий — умирали, не успев дожить до появления своих братьев и сестер); также жизнеописание первой русской христианки сообщает о «христолюбивой царице» (Анастасия Романовна умерла 7 августа 1560 г.); П. Г. Васенко обратил внимание и на упоминание

Определив время создания памятника, историк склонился к точке зрения М. Я. Диева и А. И. Свирелина об авторстве Андрея-Афанасия, подкрепив ее еще одним весомым аргументом[130]. П. Г. Васенко[131] сопоставил уже отмеченный М. Я. Диевым фрагмент 21 гл. 15 ст. с рассказом создателя СК об исцелении от мощей Александра Невского во Владимире-на-Клязьме, написанным от первого лица, с записью Шумиловского тома Лицевого летописного свода (далее — ЛЛС) под 6999 г., в которой указано имя исцеленного, — им был Андрей-Афанасий[132]. Как предположил П. Г. Васенко, созданное этим книжником Житие Даниила Переславского (помещено в сокращенном виде в 25 гл. 16 ст. и в 24 тит. 10 гл. 17 ст.) понравилось митрополиту Макарию, который и поручил протопопу Благовещенского собора составить СК[133]. Таким образом, развив взгляд М. Я. Диева на датировку и авторство СК, П. Г. Васенко высказал мнение о том, что она писалась около 1560—1563 гг. по поручению митрополита Макария одним из его ближайших помощников Андреем-Афанасием.

Пожалуй, наибольший вклад П. Г. Васенко внес в изучение рукописной традиции СК, анализу которой до него исследователи не уделяли специального внимания[134]. Историк впервые

«благоверных братьев» Ивана IV в Житии Ольги (там же. С. 215), т. е. к моменту написания этого Жития Юрий Углицкий (ум. 24 ноября 1563 г.) был еще жив.

[130] П. Г. Васенко (см.: *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 199) также согласился с доводами С. А. Белокурова об авторстве Андрея-Афанасия, заметив, однако, что оснований для выделения 17 ст. нет (согласно его предположению, весь текст СК — с 1 по 17 ст. — был составлен одним лицом).

[131] *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 202—204.

[132] ПСРЛ. Т. 12. М., 2000. С. 230. На отсутствие имени исцеленного в СК и его наличие в ЛЛС до П. Г. Васенко указал А. Е. Пресняков, который не связывал это свое наблюдение с проблемой авторства рассматриваемого памятника (см.: *Пресняков А. Е.* Царственная книга, ее состав и происхождение. СПб., 1893. С. 24).

[133] *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 211—212.

[134] Лишь иногда исследователи, неудовлетворенные публикацией Г. Миллера 1775 г., обращались к отдельным спискам СК, стремясь выявить ее первоначальные чтения, см.: ОР РГБ. Ф. 172. К. 373. № 13. Л. 125 (труд Н. Световидова-Платонова «Макарий, митрополит всероссийский»); *Амфилохий, архим.* Летописные и другие древние сказания... С. 8—16; *Жданов И. Н.* Повести о Вавилоне... С. 73, примеч. 2; *Белокуров С. А.* О библиотеке... С. 297, примеч. 1.

в историографии памятника предпринял классификацию известных ему списков[135], попытавшись выявить первоначальную редакцию СК. Согласно мнению П. Г. Васенко, основная тенденция в эволюции текста произведения в рукописной традиции заключалась в его порче путем сокращения. На основании этого историк разделил известные ему 56 списков СК на три типа. Первый, архетип которого был создан около 1563 г., содержал списки, включающие в себя вводные статьи, статью «Новые чудотворцы», а также Сказание чудес митрополита Алексия. Отличительной чертой второго типа, восходящего ко времени митрополита Филиппа (1565—1568 гг.), было отсутствие этих структурных частей памятника. К числу особенностей третьего типа (рубеж XVI—XVII вв.) П. Г. Васенко относил отсутствие окончания 17 ст.[136] На основе разработанной им классификации историк в 1908—1913 гг. предпринял первое научное издание памятника в серии ПСРЛ[137], для которого привлек списки, представляющие все три типа. В основу издания был положен список 1-го типа — Пискарев., значение которого для текстоло-

---

[135] Необходимо отметить, что П. Г. Васенко не ставил перед собой задачи выявить и проанализировать все списки СК. Так, историк (см.: *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 56, примеч. 1), приступая к рассмотрению рукописной традиции памятника, специально оговаривает: «Мы пересмотрели 56 полных или почти полных списков этого произведения... Сверх того, нам известно существование целого ряда списков Степенной, которых мы не имели случая изучить. Не говорим уже о рукописях, содержащих существенные переработки Степенной, далеко ушедшие от своего образца». Таким образом, в основу изучения рукописной традиции СК П. Г. Васенко положил не тотальное изучение всех известных списков СК, а их более или менее репрезентативную выборку. Очевидно, историк не смог привлечь все списки памятника в силу того, что он не имел достаточного времени в силу слабого здоровья и крайней нужды в средствах, которая побуждала его много преподавать. Подробнее о биографии П. Г. Васенко см.: *Серов Д. О.* П. Г. Васенко.... С. 419—429; *Солодкин Я. Г.* П. Г. Васенко (К истории изучения русской публицистики XVI—XVII веков в Санкт-Петербургском университете) // Российские университеты в XVI—XX веках: Сб. науч. ст. Воронеж, 2002. Вып. 6. С. 130—133; *[Сиренов А. В.]* От издателя // *Васенко П. Г.* Мелочи прошлого быта / Предисл., подгот. текста, коммент. А. В. Сиренова. СПб., 2004. С. 3—6; *Митрофанов В. В.* С. Ф. Платонов и П. Г. Васенко (творческие и личные взаимоотношения) // ВИ. 2006. № 7. С. 155—166.

[136] Списки, не полностью подходящие под эту классификацию, были определены как переходные (от одного типа к другому). См.: *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 94—118.

[137] См.: Книга степенная царского родословия. ПСРЛ. Т. 21, 1-я половина. СПб., 1908; 2-я половина. СПб., 1913.

гии СК уже отмечалось в историографии (А. Е. Викторов, архим. Амфилохий). Разночтения были подведены по Чертковскому списку 1-го типа[138], по Чуд. — списку 2-го типа и Дружининскому списку 3-го типа[139]. Характеризуя особенности издания, важно отметить, что если Пискарев. П. Г. Васенко в целом передал достаточно точно, то при воспроизведении особенностей других привлеченных к публикации списков он не отметил целый ряд случаев правки в них. Так, при воспроизведении древнейшего из привлеченных историком к изданию списков СК — Чуд. — П. Г. Васенко, кроме вставки отдельных слов на полях[140], не отметил целый ряд более крупных случаев редакторских исправлений в этом списке[141].

Характеризуя памятник в целом, П. Г. Васенко склонен был определять его как сборник агиобиографического характера. Так, указав на связь СК с произведениями русской хроногра-

---

[138] ОР ГИМ. Собрание А. Д. Черткова. № 238.

[139] См.: ОР РНБ. Ф. 905 (НСРК). F. 451. Современный шифр рукописи, которая после издания П. Г. Васенко выпала из поля зрения исследователей, указал А. В. Сиренов (см.: *Сиренов А. В.* Степенная книга как исторический источник (редакции XVI—начала XVII вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. С. 8).

[140] Чуд. Л. 81, 126, 142 об., 148, 155, 198, 199, 227, 233, 239, 243, 244 об., 245, 273 об., 274 об., 278, 279 и др.

[141] См.: «И богомудрая великая княгини Олга» (л. 47; Житие Ольги), «горести греховныя избеже» (л. 51 об.; Житие Ольги), «и митрополиты Михаил, Леонтъ, Иван» (л. 55 об.; гранесование 1 ст.), «и того ради внѣ числа яко не получи престола своего» (л. 63; гранесование 12 гл. 12 ст.), «и евангелии и о философѣхъ Коньстянтинѣ и Мефодии» (л. 77 об.; 11 гл. 1 ст.), «и възошедше на гору и благослови я и помолися Богоу» (л. 89; 23 гл. 1 ст.), «лики пѣниа съставиша» (л. 110 об.; 27 гл. 1 ст.), «колико воеваху» (л. 115; 29 гл.), «и избрание сотворяет» (л. 124; 33 гл. 1 ст.), «и священныя съсоуды церковныя» (л. 125 об.; 35 гл. 1 ст.), «и прочую святыню» (л. 144; 58 гл. 1 ст.), «с ним же единоя славы и честно уподобни ихъ Господь» (л. 163; 71 гл. 1 ст.), «о нем же реченое в первои степени въ главе 69 и 73 како одолѣв Окаяннаго братоубийцу Свѣтополка и тако Божиим благословением» (л. 202; 1 гл. 2 ст.), «Всеволоде и ту на брани положи главу свою по брате своемь» (л. 211 об.; 7 гл. 3 ст.), «благосердныи Всеволод, хотя свободити от плѣнениа люди своа, и подвижеся с воинством своим к Рязани» (л. 262; 7 гл. 6 ст.), «и претворено бысть имя ей Марфа» (л. 267; 10 гл. 6 ст.), «многи украси и монастыри постави и недокончанные церкви» (л. 271; 10 тит. 12 гл. 6 ст.), «такоже и Мстиславъ Коньстантина митрополита не хотяше» (л. 281 об.; 14 гл. 6 ст.), «и попаляюща ихъ тако же и у другаго града Полона от святаго образа Богородичина иже бяше на иконѣ написан. И видѣша пламы огненныя исходяща» (л. 285 об.; 17 гл. 6 ст.), «галичьскии внукъ Изяславль Мстиславич» (л. 289; 19 гл. 6 ст.) и т. д.

фии, «Сказанием о князьях Владимирских» и ВМЧ[142], П. Г. Васенко отметил, что особое влияние на памятник оказали последние, которые послужили источником СК. По мнению историка, с ними СК роднило и ее назначение — прославление русских князей (на этом основании П. Г. Васенко определял СК как «торжественную книгу»). В то же время, расценивая СК как сборник «чисто агиографического характера», он отметил систематизацию в ней материала. Однако, как указал П. Г. Васенко, эта систематизация книжником производилась неосознанно, представляя типологически сходное явление со структурой «Житий королей и архиепископов сербских» (на типологическую связь с ними указал еще К. Н. Бестужев-Рюмин), в которых исторический материал также расположен по генеалогической схеме[143].

Оценивая труд П. Г. Васенко в целом в контексте рассмотренной выше истории изучения СК, можно согласиться с его оценкой А. И. Соболевским, отметившим, что «нельзя сказать, чтобы все его ответы были новы, но необходимо признать, что он подкрепил некоторые старые мнения новыми данными»[144]. Как представляется, важнейшей заслугой П. Г. Васенко в деле изучения памятника наряду с обобщением наблюдений предшественников в виде целостной гипотезы относительно авторства и датировки СК является начало изучения ее рукописной традиции. Его итоги дали возможность предложить первую в науке схему взаимоотношения редакций СК, что позволило историку осуществить ее научное издание. Судя по названию монографии П. Г. Васенко и тематике его последующих работ, историк планировал продолжить изучение СК — прежде всего, ее источников и рукописной традиции. Очевидно, в силу увлечения публицистикой Смутного времени, а также в связи с политическими событиями 20—30-х гг. XX в. историку не удалось в полной мере реализовать свои планы[145].

---

[142] *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 161—163.

[143] Там же. С. 233—240.

[144] *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. Ч. 1. СПб., 1904: Отзыв академика А. И. Соболевского // СОРЯС. 1907. Т. 82, № 6: Отчет о присуждении премий имени графа Д. А. Толстого в 1906 году. С. 7.

[145] В период, последовавший за появлением монографии П. Г. Васенко, кроме издания СК 1908—1913 гг. историк опубликовал ряд статей по поздним переделкам памятника, а также предпринял попытку начать рассмотре-

Монография П. Г. Васенко вызвала интерес у целого ряда специалистов по истории древнерусской книжности, некоторые из которых (С. Ф. Платонов, А. И. Соболевский, И. А. Шляпкин) составили обстоятельные отзывы на его работу, сделав немало ценных для изучения СК замечаний[146].

Рецензируя труд своего ученика, С. Ф. Платонов обратил внимание читателя на то, что монография П. Г. Васенко «есть подготовительный этюд, вводящий в историко-литературное изучение памятника». Отдав должное проделанной работе, С. Ф. Платонов указал на необходимость специального изучения источников СК (прежде всего летописных)[147] и наметил пути дальнейшего исследования памятника в словах, справедливость которых нельзя не признать и в начале XXI в.:

«Степенная книга, как литературное произведение, может быть определена правильно лишь при глубоком знакомстве со всеми разветвлениями той исторической и публицистической письменности, какие пошли от единого национально-государственного корня. Нельзя сомневаться в том, что такое знакомство обязательно...»[148].

Немаловажное значение для историографии СК имеют работы А. И. Соболевского. Оценивая СК в целом, филолог отметил ограниченность ее определения П. Г. Васенко как «торжественной книги», указывая на сложный характер произведения, связанного как с агиографической, так и с летописной традициями[149].

ние состава его первоначальной редакции. См.: *Васенко П. Г.* 1) Синодальный список Латухинской Степенной книги // ИОРЯС. 1904. Т. 9, кн. 2. С. 299—302; 2) Трегубовская степенная // ИОРЯС. 1907. Т. 12, кн. 2. С. 360—367; 3) Составные части книги Степенной царского родословия. СПб., 1908; 4) Заметки к Никоновскому (Академическому) списку Степенной книги // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 62—69; 5) Академический список Латухинской Степенной книги // Доклады АН СССР. Л., 1929. № 15. С. 280—282.

[146] Рецензия Н. Ретвиха на монографию П. Г. Васенко (см.: *Ретвих Н.* [Рец.] // Исторический вестник. 1904. № 5. С. 687. Рец. на кн.: *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. Ч. 1. СПб., 1904) носит реферативный характер и нами специально не рассматривается.

[147] *Платонов С. Ф.* [Рец.] // ЖМНП. 1905. № 6. С. 443—444. Рец. на кн.: *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. Ч. 1. СПб., 1904.

[148] Там же. С. 441.

[149] Отзыв академика А. И. Соболевского... С. 8—9.

А. И. Соболевский выдвинул любопытное предположение относительно личности инициатора работы над СК и ее создателя. В этом вопросе исследователь опирался на два факта: во-первых, на несомненное стремление составителя СК к прославлению русских государей и первосвятителей, во-вторых, на аполитичность митрополита Макария. На этом основании А. И. Соболевский счел, что «если уже пускаться в догадки, мы можем предположить инициатором другое лицо — царя Ивана Грозного», который «был именно, прежде всего, своеобразным политиком, и мысль о святости Рюрикова рода была ему, как известно, не чужда»[150]. Останавливаясь на фигуре исполнителя замысла первого русского царя, А. И. Соболевский высказал мнение о двусоставном характере СК: согласно его предположению, Житие Ольги и первые степени следует отделять от заключительных граней[151] (служащее своего рода введением к памятнику «Начальное слово» А. И. Соболевский относил ко второй части СК). Как полагал исследователь, обе эти части были написаны разными лицами; второму лицу наряду с введением и заключительными гранями «принадлежит окончательная редакция всей Степенной, ссылки на степени и грани и т. д.» (этому же книжнику А. И. Соболевский атрибутировал и помещенное в 16 ст. Житие Даниила Переяславского). Наиболее характерными произведениями первого автора А. И. Соболевский считал Жития Ольги и Владимира[152]. Принимая высказанное И. Н. Ждановым предположение об авторстве Жития Ольги Сильвестра и отмечая его близость к Житию Владимира в СК, А. И. Соболевский склонен был перу этого писателя приписывать и создание первых степеней[153]. Исследователь, отметив незавершенность СК, а также несомненный факт участия в ее составлении Андрея-Афанасия, предположил, что «Степенная была оставлена без окончания потому, что Афанасий сделался митрополитом и многочисленные дела по церковному управле-

---

[150] Отзыв академика А. И. Соболевского... С. 10.

[151] А. И. Соболевский не привел аргументов в пользу этого предположения. Вероятно, он основывался на том, что косвенные указания на авторство Андрея-Афанасия сосредоточены именно в заключительной части СК (15 ст. содержит описание чудесного исцеления составителя СК во Владимирском Рождественском соборе, в конце 16 ст. помещено Сказание о Данииле Переяславском, фрагмент этого памятника содержится и в 17 ст.).

[152] Отзыв академика А. И. Соболевского... С. 11.

[153] Там же. С. 12—13.

нию лишили его необходимого досуга». Также А. И. Соболевский не исключил и того, что, получив СК «в наследство» от Сильвестра, Андрей-Афанасий мог и не знать его замысла относительно завершения памятника[154].

Ряд ценных замечаний сделал А. И. Соболевский по поводу особенностей включения в СК Жития Ольги. Справедливо связав с СК его пространную редакцию, он отметил крупный фрагмент (ряд рассказов об охотах и прочих увеселениях византийских императоров[155]), который был пропущен книжником при включении Жития Ольги в СК. Как предположил А. И. Соболевский, пропущенные в СК отрывки Жития «направлены против ловитв, или охоты, и могли быть неприятны царю и многим сильным сего мира, которые часто были страстными охотниками»[156].

Немало ценных замечаний относительно СК в своем отзыве на книгу П. Г. Васенко сделал И. А. Шляпкин[157]. Не отрицая возможности участия Андрея-Афанасия в деле составления СК, историк счел, что речь может идти о ее коллективном авторе, поскольку «вокруг Макария работала целая группа сотрудников»[158]. Полемизируя с П. Г. Васенко, И. А. Шляпкин сделал замечание относительно общего характера памятника. По его мнению, «книга Степенная не есть книга только степеней родства — это книга высокая (царственная), книга восхождения». Согласно И. А. Шляпкину, «для митр. Макария и его подручных — списателей Степенной книги — слово *степень* обозначало известный период, княжение, царствование — со всеми особыми проявлениями Божьей благодати. Об истории тут и помину не было — дело шло о символическом понимании преемства власти, власти благочестивой, боговенчанной, ведущей на небо, как златыя ступени лестницы, на небо восходной. Грань — это то, что мы назвали бы томом, частью. Степени и грани совпадают случайно, но степень имеет в виду внутренний, а грань

---

[154] Отзыв академика А. И. Соболевского... С. 14. В более поздней работе А. И. Соболевский, разбирая литературную деятельность Сильвестра, повторил это свое предположение, не приведя, впрочем, новых доводов в его пользу (см.: *Соболевский А. И.* Поп Сильвестр и Домострой // ИОРЯС. 1929. Т. 2, кн. 1. С. 202).

[155] Фрагмент издан А. И. Соболевским, см.: *Соболевский А. И.* Поп Сильвестр и Домострой. С. 198—200.

[156] Там же. С. 200—201.

[157] *Шляпкин И. А.* [Рец.]. С. 151—157.

[158] Там же. С. 153.

чисто внешний признак... Итак, слово *степень* носит символический характер. Всякий из родоначальников современного составителю Грозного царя Ивана Васильевича является не только благоверным и самодержавным Великим Князем всея Русии, но и человеком богоугодившим или своим благочестием, или своими подвигами»[159].

Определяя мотивы, которыми руководствовался составитель СК, И. А. Шляпкин указал на то, что его «главной целью» являлось «доказать святость семени Владимира»[160]. Также историк сделал важное замечание относительно связи представленных в СК идей и замысла создателей росписей Золотой палаты, Архангельского собора и Царского места в Успенском соборе Кремля[161].

Большое значение для реконструкции состава источников СК имеет кандидатское сочинение студента МДА Н. Ф. Околовича[162] «Жития святых, помещенные в Степенной книге» (1909 г.)[163], которое, долгое время оставаясь неопубликованным, не было известно исследователям памятника[164].

Во введении к своей работе Н. Ф. Околович справедливо указал на наименее изученный аспект СК — вопрос об ее источниках[165]. На материале Житий Ольги и Владимира исследователь попытался закрыть, по крайней мере отчасти, эту лакуну. Выбор Н. Ф. Околовичем Житий Ольги и Владимира, по-видимому, обусловливался двумя обстоятельствами. Во-первых, с этих памятников собственно и начинается текст СК, что побуждает именно с них и начать комплексное изучение ее источников. Во-вторых, ко времени написания рассматриваемого труда была опубликована лишь первая часть нового издания СК, которая содержала данные произведения[166]. Тщательность Н. Ф. Околовича, на которую обращал внимание в своем отзыве на его рабо-

---

[159] *Шляпкин И. А.* [Рец.]. С. 155—156.

[160] Там же. С. 157.

[161] Там же. С. 155—156.

[162] Н. Ф. Околович учился на 64 курсе МДА (1905—1909 гг.). Подробнее о нем см.: *Усачев А. С.* О работе Н. Ф. Околовича «Жития святых, помещенные в Степенной книге» // *Околович Н. Ф.* Жития святых... С. 3—10.

[163] Современный шифр: ОР РГБ. Ф. 172. К. 325. № 2. Здесь и далее ссылки даются по публикации, см.: *Околович Н. Ф.* Жития святых... С. 13—95.

[164] Единственное упоминание работы Н. Ф. Околовича содержится в обзорной статье архим. Макария, см.: *Макарий (Веретенников).* Макарьевская проблематика... С. 66—67.

[165] *Околович Н. Ф.* Жития святых... С. 16.

[166] ПСРЛ. Т. 21, 1-я половина.

ту С. И. Смирнов[167], по всей видимости, не позволила ему в сроки, установленные для написания кандидатского сочинения, продолжить разбор источников последующих степеней СК.

Есть основания думать, что в ходе работы с текстом СК Н. Ф. Околович составил собственное представление о времени ее написания. Так, в целом соглашаясь с П. Г. Васенко в вопросе об авторстве и времени создания СК, Н. Ф. Околович принял «широкую» датировку историка (которая, как уже отмечалось выше, была предложена еще М. Я. Диевым): 1556—1563 гг.[168], очевидно, полагая, что создание памятника такого объема, как СК, было невозможно в течение трехлетнего периода (конкретных аргументов Н. Ф. Околович по этому вопросу не привел).

Несомненно, наиболее ценные замечания Н. Ф. Околовича относятся к источникам СК. Отказавшись от выдвинутого А. А. Шахматовым предположения о восхождении Ник., Воскр. и СК к общему источнику (Полихрону 1423 г.), он определил Воскр. и Ник. как источники СК. Исследователь также указал на использование в СК греческих сказаний об апостоле Андрее (23 гл. 1 ст.), славяно-русского перевода «Окружного послания» патриарха Фотия и послания митрополита Фотия Василию I Дмитриевичу в 6, 8 гл. 1 ст., т. н. обычного и проложного Житий Владимира, Поучения на память этого князя в 1 ст. (1, 29, 42, 49—50, 69, 70, 72 гл. 1 ст.)[169], ряда памятников, посвященных Клименту, папе Римскому (Житие, Сказание чудес и Похвала; 35 гл. 1 ст.), Житий Параскевы Пятницы (17 гл. 1 ст.), Константина и Елены (29 гл. 1 ст.), Леонтия Ростовского (53 гл. 1 ст.). Также Н. Ф. Околович в 1 ст. выявил фрагменты «Памяти и похвалы» Иакова Мниха (1, 20, 22, 28, 30, 38, 52, 60, 69—70 гл. 1 ст.) и «Слова о законе и благодати» (26, 70—72 гл. 1 ст.)[170], на использование которых в СК указывал еще митр. Ма-

---

[167] *Околович Н. Ф.* Жития святых... С. 96—97.

[168] Там же. С. 18.

[169] Полное название памятника: «Поучение на память иже в святых равнаго апостолом благовернаго великаго князя Владимера, в святем крещении нареченнаго Василиа, крестившаго всю Рускую землю. Житие и Похвала въкратце». Памятник известен в единственном списке XVI в., содержащемся в составе конволюта, собранного в 1535/36 г. по указанию волоцкого игумена Нифонта Кормилицына (см.: ОР РГБ. Ф. 113 (Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря). № 659). Далее ссылки на этот памятник будут даваться по его публикации, см.: *Усачев А. С.* Из истории... С. 39—44.

[170] *Околович Н. Ф.* Жития святых... С. 48—53, 56—59, 62, 65—69, 71—73, 75—76, 79—82.

карий (Булгаков). В силу того, что труд Н. Ф. Околовича не был издан и вследствие этого не был известен, ряд высказанных в его работе положений был продублирован в историографии (в т. ч. и автором настоящей работы)[171].

К числу несомненных заслуг Н. Ф. Околовича в деле изучения СК можно отнести и предложенную им методику изучения ее источников: в контексте рассмотрения особенностей правки их фрагментов книжником при включении в текст памятника. Подобный подход резко контрастировал с работами предшественников исследователя, которые ограничивались перечислением разделов СК[172]. Работу Н. Ф. Околовича отличало стремление отметить особенности редактирования отрывков источников памятника, которое он четко сформулировал при разборе источников Жития Ольги, отметив, что его задачей является «определить источники... отмечая в то же время и те изменения, которым составитель Степенной подвергал сообщения источников, приспособляя их для своих целей»[173].

Первая треть XX века также отмечена появлением ряда работ, в которых отсутствует взгляд на СК в целом, — в них рассматривались отдельные вошедшие в нее произведения. Однако эти труды имеют большое значение для выявления круга источников составителя СК и определения места памятника в развитии древнерусской книжности. К числу подобных работ относятся публикации С. К. Шамбинаго, С. И. Смирнова, Г. З. Кунцевича, В. П. Мансикки и Н. И. Серебрянского.

Развивая наблюдения Н. С. Державина об источниках 12 ст., С. К. Шамбинаго специально рассмотрел различные редакции памятников Куликовского цикла и указал, что источником рас-

---

[171] См.: *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 297—299 (вывод об использовании в СК Ник. и Воскр.); *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 186—187 (указание на использование в СК послания митрополита Фотия Василию I Дмитриевичу); *Буланин Д. М.* Переводы и послания Максима Грека (неизданные тексты). Л., 1984. С. 85, примеч. 18 (указание на использование в СК славяно-русского перевода «Окружного послания» патриарха Фотия); *Усачев А. С.* Источники... С. 256—271, 278—280 (о привлечении проложного Жития Владимира и Поучения на его память); *Милютенко Н. И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники. СПб., 2008. С. 198 (об использовании т. н. «обычного» Жития Владимира).

[172] См.: *Поленов Д. В.* Библиографическое обозрение русских летописей. СПб., 1850. С. 42—49; *Державин Н. С.* «Степенная книга»... С. 26—144; *Васенко П. Г.* Составные части... С. 10—51.

[173] *Околович Н. Ф.* Жития святых... С. 23.

сказа о Куликовской битве в 6—7 гл. 12 ст. СК послужило «Слово о житии и преставлении Димитрия Ивановича, царя русского»[174], которое было дополнено прочим летописным материалом[175]. Специально сравнив тексты 6—7 гл. 12 ст. и «Слова о житии»[176], исследователь отметил: «что касается риторических добавлений [к источнику в СК. — *А. У.*], то дальше тавтологических оборотов и вставки новых эпитетов они не идут». С. К. Шамбинаго также рассмотрел особенности представления в СК жизнеописания Даниила Московского, не останавливаясь на вопросе об источниках этого рассказа[177]. Вставка рассказа о Данииле в СК, согласно мнению исследователя, была произведена для того, чтобы обосновать, что «родоначальник князей московских, трактуемый по характеру и поступкам как потенциальный святой», «Даниил является начинателем, а Иван Грозный завершителем могущества Московского государства»[178].

В своем обстоятельном исследовании Жития Даниила Переяславского С. И. Смирнов сделал ряд важных замечаний относительно СК[179]. Приняв высказанное М. Я. Диевым и поддержанное А. И. Свирелиным и П. Г. Васенко мнение об авторстве Жития Даниила Андрея-Афанасия, историк выявил и опубли-

---

[174] Исследователь, специально не останавливаясь на редакции «Слова о житии», включенной в СК, сравнивал ее текст со «Словом» по Новгородской IV летописи (далее — НIV).

[175] *Шамбинаго С. К.* Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. (СОРЯС. Т. LXXXI, № 7). С. 352.

[176] Там же. С. 352—358.

[177] *Шамбинаго С. К.* Повести о начале Москвы // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 80—82.

[178] Там же. С. 82.

[179] Результаты исследования С. И. Смирновым Жития Даниила опубликованы (см.: Житие преподобного Даниила...). В архиве С. И. Смирнова (см.: ОР РГБ. Ф. 280 (Архив С. И. Смирнова). К. 9. № 3), хранится экземпляр этого издания, который содержит несколько десятков случаев авторской правки (см. *Ил. 1—3*). Есть основания полагать, что она была внесена в связи с тем, что С. И. Смирнов готовил новое издания Жития Даниила, либо планировал в будущем продолжить изучение Жития и биографии его наиболее вероятного автора Андрея-Афанасия. Подробнее об этом экземпляре см.: *Усачев А. С.* Экземпляр... С. 54—60 (там же опубликованы случаи авторской правки С. И. Смирнова). Указание на данную ркп. содержится в соответствующей словарной статье «Православной энциклопедии» (см.: *Горшкова В. В., Сукина Л. Б.* Даниил [Переяславский] // ПЭ. Т. 14. М., 2006. С. 57). Данный шифр был указан нами при рецензировании этой статьи; при ее доработке ссылка на нашу, тогда еще не опубликованную, работу не была включена в текст статьи.

ковал первоначальную редакцию Жития (по спискам XVII в.), которая предшествовала степенной[180]. Последнюю С. И. Смирнов атрибутировал этому же книжнику. Проведя сличение текстов обоих редакций жизнеописания переяславского святого, С. И. Смирнов выявил 15[181] случаев правки Жития при его включении в СК; также он очертил круг памятников, с которыми, по всей видимости, был знаком его автор — Жития Власия, Иосифа Волоцкого, Андрея Смоленского, Ефросина Псковского, Ефросина повара.

С. И. Смирнов сделал ряд важных замечаний относительно биографии наиболее вероятного автора Жития Даниила и СК. Так, историк Церкви обратил внимание на фрагмент Жития, в котором указывалось, что нападение разбойников на не названного по имени «просвитера» — автора Жития — состоялось за 20 лет до того, как он стал духовником Ивана IV, а это произошло около 1550 г. Это дало возможность наметить примерный возраст Андрея: приняв во внимание, что, согласно 14-му правилу Трульского собора, священниками должны были становиться лица не моложе 30 лет, а в 1529/30 г. Андрей уже был «презвитером», историк высказал мнение о том, что он родился не позднее 1500 г.[182] Также С. И. Смирнов выдвинул интересное предположение о наличии у Андрея семьи, судьба которой неизвестна. Исследователь основывался на фразе из Жития в рассказе о пророчестве Даниила относительно постriга Андрея: «...мужи рекоша Данилу: „что повелеваеши о сем, на немже манатия, яко супруга и чада имат?“» (подчеркнуто С. И. Смирновым. — *А. У.*)[183]. Заслуживает внимания и предположение С. И. Смирнова о том, что Андрей-Афанасий не был близок к кругу Сильвестра и А. Ф. Адашева — как указал историк, если бы они были действительно близки, вряд ли после опалы на А. Ф. Адашева и удаления из Москвы Сильвестра Андрей-Афанасий при активной поддержке Ивана IV стал бы митрополитом[184].

---

[180] Житие преподобного Даниила... С. 3—77.

[181] В печатном издании их выявлено 13 (см.: Житие преподобного Даниила... С. XXI—XXIV), в рукописных дополнениях к привлеченному нами экземпляру книги их содержится еще 2 (см. *Ил. 3*), см.: *Усачев А. С.* Экземпляр... С. 56—57.

[182] Житие преподобного Даниила... С. XIV, примеч. 1.

[183] Там же. С. 76; *Усачев А. С.* Экземпляр... С. 55.

[184] *Усачев А. С.* Экземпляр... С. 55.

Ценное замечание относительно источников СК сделал Г. З. Кунцевич: отметив связь 14 гл. 17 ст. с 19-м чудом Никиты Переяславского из его Жития, которое также читается и в Казанской истории (далее — КИ), он высказал предположение о наличии у этих произведений общих источников[185]. Также Г. З. Кунцевич указал на отождествление в памятниках середины XVI в. (летописях, СК и КИ) Волжской Болгарии с Казанским ханством[186].

Разбирая рукописную традицию Жития Александра Невского, В. П. Мансикка особое внимание уделил его степенной редакции, помещенной в 8 ст.[187], в известной степени развивая наблюдения П. Г. Васенко о жизнеописании Александра в СК[188]. Сравнив помещенную в СК редакцию Жития с прочими, а также с иными памятниками древнерусской книжности, исследователь установил, что в основу 8 ст. была положена т. н. Владимирская редакция Жития Александра Невского. Как указал В. П. Мансикка, ее текст в СК дополнялся данными Жития Александра редакции Василия-Варлаама (1, 8, 11 гл.), а также материалом летописных источников, вероятно, Софийской I летописи (далее — СI) и Воскр. Также этот историк обратил внимание на уникальное известие СК, долгое время остававшееся незамеченным в историографии, — рассказ о легкомыслии брата Александра Андрея Ярославича, который делам управления предпочитал охоту в окружении неправедных советников (5 гл. 8 ст.)[189].

---

[185] *Кунцевич Г. З.* 1) Житие св. Никиты Переяславского // ЖМНП. 1902. № 5. С. 1—7; 2) Житие св. Никиты Столпника Переяславского. Чудо 19-е и 20-е. СПб., 1902. С. 4; 3) История о Казанском царстве или Казанский летописец (историко-литературное исследование). СПб., 1905. С. 542. На связь СК с чудесами Никиты Переяславского, не зная о наблюдениях Г. З. Кунцевича, позднее указывала и М. А. Федотова (см.: *Федотова М. А.* К вопросу о Житии Никиты Столпника Переяславского // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 366—383).

[186] *Кунцевич Г. З.* История о Казанском царстве... С. 195.

[187] *Мансикка В. П.* Житие Александра Невского (Разбор редакций и текст). М., 1913. С. 143—165.

[188] П. Г. Васенко, специально не занимаясь рукописной традицией Жития Александра Невского, обратил внимание на то, что 8 ст. основана не на редакции этого Жития Василия-Варлаама, а на другом памятнике, тем самым оставляя открытым вопрос об источнике жизнеописания Александра Ярославича в СК. См.: *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 197.

[189] *Мансикка В. П.* Житие Александра Невского... С. 155.

Разбирая степенные редакции памятников княжеской агиографии, Н. И. Серебрянский сделал целый ряд важных замечаний относительно источников СК. Рассматривая Житие Ольги, исследователь, незнакомый с его пространной редакцией, а также с сочинением Н. Ф. Околовича, отметил ряд близких к нему произведений (Житие Ольги псковской редакции и др.), выделив в его составе и ряд уникальных известий (о встрече Ольги с Игорем на перевозе, основании Ольгой Пскова и т. д.)[190]. Специально не останавливаясь на источниках Жития Владимира в СК, которые ему, судя по всему, были неизвестны, Н. И. Серебрянский лишь констатировал, что «житие в Степенной книге не имеет особой близости к церковной письменности о св. князе, это распространение главным образом древнего летописного рассказа»[191]. Большое значение для изучения источников СК имеют итоги рассмотрения Н. И. Серебрянским памятников борисоглебского цикла. Сравнив их между собой и текстом 1 ст., историк пришел к выводу о том, что редакция Сказания о Борисе и Глебе в СК «представляет собой, кажется, единственный опыт объединения текста Сказания с текстом Несторова жития». Как отметил исследователь, в основу помещенного в СК рассказа о князьях-мучениках положено Сказание, которое было дополнено целым рядом деталей из Несторова Чтения (о любви Бориса к чтению книг, о браке Бориса и т. д.)[192]. Ценные замечания сделал Н. И. Серебрянский и относительно редакции Повести о Михаиле Черниговском и его боярине Федоре в 7 ст.: историк указал на использование в СК ее минейной редакции, а также летописного источника (как отметил Н. И. Серебрянский, чисто риторические дополнения составителя СК не содержали дополнительных сведений о биографии черниговского князя)[193]. Интересное предположение выдвинул исследователь при разборе «Слова о погибели Русской земли» — согласно его мнению, СК восходит к тексту древнего Родословца (основанного в свою очередь на «Слове»), текст которого в 7 ст. вос-

---

[190] *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915. С. 36—41.

[191] Там же. С. 80.

[192] Там же. С. 98. Этот вывод Н. И. Серебрянского приняли Д. И. Абрамович и В. В. Кусков, см.: *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. С. XV, примеч. 1; *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 109.

[193] *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития... С. 131—132.

произведен без изменений[194]. Как указал Н. И. Серебрянский, в основу степенной редакции Жития Федора Ярославского была положена анонимная минейная редакция; также историк отметил ряд случаев близости к СК и Антониевой редакции (последнюю, однако, в число источников СК он не помещал)[195]. Также Н. И. Серебрянский обратил внимание на использование в 9 гл. 5 ст. Жития Всеволода Псковского редакции Василия-Варлаама в СК с «переделками»[196] (как было показано выше, на наличие летописных вставок в Житии указывали еще архиеп. Филарет и Н. С. Державин).

Несмотря на то, что А. П. Кадлубовский специально СК не занимался, он сделал ряд наблюдений, важных для ее анализа. Так, он указал на использование в СК Жития Никиты Переяславского[197]. Интересное замечание А. П. Кадлубовский сделал относительно памятников княжеской агиографии, которые составляют большинство среди включенных в СК житий. Отметив, что в эпоху Средневековья «иночество являлось основным идеалом, святой подвижник — высшим образцом», исследователь, прямо не указывая на СК, отметил своеобразие княжеских житий, которые в отличие от прочих содержали «большую долю элемента чисто исторического, фактического». В силу того, что представленный в них идеал не мог адресоваться широким слоям населения, исследователь предположил, что они могли предназначаться, преимущественно, представителям знати[198]. Интересное наблюдение сделал историк относительно Жития Даниила Переяславского. Оставляя в стороне вопрос о его авторстве (о гипотезе М. Я. Диева А. П. Кадлубовский, судя по всему, не знал), он в результате разбора текста памятника пришел к выводу о том, что «образ мыслей» его автора «представляется родственным тому, который отразился в... агиобиографических памятниках волоколамских и боровских: то же в основании понимание задач иноческого подвига, культ внешнего благочестия; любовь к легенде и легендарным представлениям, в частности демонологическим (последняя черта менее ясно выражена); с другой стороны, культ власти московского

---

[194] *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития... С. 165.

[195] Там же. С. 232.

[196] Там же. С. 260.

[197] *Кадлубовский А. П.* Очерки по истории древнерусских житий святых. Варшава, 1902. С. 117, примеч. 2.

[198] Там же. С. 170—171.

государя (рисуется в житии и близость к нему святого и его обители)»[199].

В литературе в этот период был сделан и ряд замечаний о СК как памятнике исторической и политической мысли. Попытки связать особенности изображения прошлого в СК с политическими реалиями времени ее написания прослеживаются в работах В. Д. Сокольского и В. Е. Вальденберга. Согласно В. Д. Сокольскому, на изображение русской истории в СК большое влияние оказывали две основные идеи, которые, по его мнению, последовательно проводились в памятнике, — необходимость борьбы государя с еретичеством и с остатками раздробленности[200]. В. Е. Вальденберг в обобщающей работе по истории русской средневековой политической мысли, специально не исследуя СК, поместил ее в контекст развития московской книжности середины XVI в., в которой особое значение приобретает поиск модели поведения русского государя в контексте его миссии хранителя православия в единственной оставшейся ему верной стране (Московском царстве). Историк рассматривал СК в ряду других крупных произведений, инициированных митрополитом Макарием, — Стоглава и ВМЧ[201]. Интересное наблюдение В. Е. Вальденберг сделал относительно включения в СК указанного М. А. Дьяконовым памятника — «Слова похвального» Василию III: он отметил, что это произведение в 16 ст. СК вошло «почти сполна», правда, при этом было разбито на две части («Благодарение и похвала...» и «Похвала вкратце» Василию III)[202].

Интересные наблюдения относительно жанрового своеобразия и политических взглядов СК сделал А. А. Кизеветтер. Он отметил, что великокняжеская власть, подчинив себе уделы и объединив страну, стремилась освятить свою победу авторитетом прошлого — как указал историк, «недавно добытый успех в сфере практической политики старались теперь теоретически оправдать ссылками на данные истории, причем, конечно, отнюдь

---

[199] *Кадлубовский А. П.* Очерки... С. 283—284.

[200] *Сокольский В. Д.* Участие русского духовенства и монашества в развитии единодержавия и самодержавия в Московском государстве в конце XV и первой половине XVI вв. (исследование по памятникам древнерусской письменности конца XV и первой половины XVI вв.). Киев, 1902. С. 165.

[201] *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого и до конца XVII в. Пг., 1916. С. 287.

[202] Там же. С. 105, примеч. 5.

не думали церемониться с исторической правдой. Перо закрепляло теперь успехи оружия»[203]. Как полагал А. А. Кизеветтер, «историческая компиляция являлась самой подходящей формой для пропаганды» взгляда на «московский порядок» как «носитель вечных национальных основ русской жизни, временно искаженных в эпоху политического раздробления Руси теми удельными правительствами, которые только что поплатились за это политической смертью». Согласно мнению историка, «внешняя форма *свода* [выделено А. А. Кизеветтером. — *А. У.*], в которую облекались подходящие легенды и сказания, должна была отвести читателю глаза, убедить его в том, что он стоит лицом к лицу с подлинной русской стариной. Именно так возникла Степенная книга: по форме — летописный свод, по сущности — политический памфлет»[204].

Несмотря на весь авторитет П. Г. Васенко в вопросах, связанных с изучением СК (редкая так или иначе затрагивающая ее работа обходится без ссылки на монографию этого историка), критикуемый им взгляд на СК как «опыт систематического изложения русской истории»[205] прочно укоренился в литературе. Особенно отчетливо эта точка зрения проявилась в трудах по русской средневековой историографии.

Одной из первых подобных работ стал «Опыт русской историографии» В. С. Иконникова. Историк рассматривал СК в качестве нового вида исторического сочинения, особого этапа в эволюции русского летописания, этапа, для которого характерен разрыв с традицией изложения материала в виде погодных записей[206]. Исследователь отметил противоречивый характер памятника, указав, что СК, с одной стороны, «как светская биография должна была служить идее государственности»; с другой, сохранила и в значительной степени дополнила текст известиями из области средневековой фантастики (чудесами и знамениями)[207]. В целом В. С. Иконников рассматривал СК, с одной стороны, как «первое историческое произведение в духе един-

---

[203] Цит. по последнему изданию: *Кизеветтер А. А.* Политические тенденции древнерусского Домостроя // *Кизеветтер А. А.* Исторические очерки: из истории политических идей — школа и просвещение — русский город в XVIII столетии — из истории России в XIX столетии. М., 2006. С. 34—35 (первое издание — 1912 г.).

[204] Там же. С. 35.

[205] *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 237—240.

[206] *Иконников В. С.* Опыт... Т. 2, кн. 2. С. 1308.

[207] Там же. С. 1326.

ства Руси под главенством Москвы», с другой, как «историческое руководство, составленное для назидания читателей в интересах политического самосознания»[208]. Прозвучавшая в труде В. С. Иконникова оценка СК как памятника, отражавшего «государственнические», объединительные тенденции, который был призван воздействовать на сознание людей середины XVI в., оказала значительное влияние на ее последующее изучение.

Кратко характеризуя СК, П. Н. Милюков порицал Н. М. Карамзина за использование ее «фантастических» рассказов, имевших мало общего с действительностью[209]. Историк подчеркнул, что со времени правления Ивана III, начавшего борьбу за присоединение южнорусских земель, в памятниках московской письменности «уже не политика объясняла историю, а, напротив, история употреблялась как одно из орудий политики». Этим в свою очередь и обусловливалось стремление книжников и политиков «придать киевскому периоду характер московского». В результате появились легенды о происхождении литовских князей от конюха и московских князей от Пруса, легенды о дарах Мономаху и идея «Москва — третий Рим», которая дополнила идею «Москва — второй Киев». Прямо не указывая на СК, П. Н. Милюков отметил, что в памятниках московской историографии «царь московский имел своего предшественника в царе киевском»[210]. Аналогичным образом оценивал памятники историографии XVI в. и А. Е. Пресняков[211]. Отмечая сочетание в СК традиций русской агиографии и летописания, С. А. Богуславский определял СК как «систематизированную летопись в агиографической обработке»[212].

Сочетание методов литературоведческого и историографического анализа характерно для трудов А. С. Орлова, который в своей ранней работе, специально посвященной рассмотрению памятников исторической литературы XVI в., особое внимание уделил Воскр., Ник., ЛЛС, КИ и СК. Как отметил исследователь, эти произведения отразили идеи религиозно-политическо-

---

[208] *Иконников В. С.* Опыт... Т. 2, кн. 2. С. 1337—1338.

[209] Цит. по последнему изданию: *Милюков П. Н.* Очерки истории исторической науки. М., 2002. С. 158—159, 164.

[210] Так же. С. 176—184.

[211] Цит. по последнему изданию: *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. М., 1998. С. 14—15.

[212] *Богуславский С. А.* Главнейшие характерные черты московского периода русской литературы. Чернигов, 1916. С. 9.

го могущества Московского государства. Большое влияние на этот процесс оказали усилившееся со второй половины XV в. связи русской литературы с южнославянской, побуждавшие древнерусских книжников «воскрешать старое византийское витийство». Именно этим, как отмечает А. С. Орлов, и было обусловлено то, что крупнейшие памятники макарьевского времени отличал «высокопарный стиль», характеризующий церковную литературу той поры. В связи с усилением церковного влияния на процесс создания исторических произведений это привело к тому, что «сама история приобрела благочестивое содержание и торжественный вид житий правителей-подвижников Московского государства». Как указал А. С. Орлов, эта тенденция, характеризующая все исторические сочинения той поры, особенно ярко проявилась в СК[213]. Исследователь отметил, что цель, поставленная писателями круга Макария, была достигнута — «проповедь религиозного и политического могущества была утверждена в народном сознании окончательно». Со смертью в 1560—1570-е гг. создателей обобщающих трудов прекратилась практика составления крупных памятников идеологии. С этим обстоятельством А. С. Орлов связывал угасание летописного жанра в книжности Московской Руси, которая начинает испытывать все возрастающее влияние западной литературы[214].

* * *

Подводя итоги рассмотрения изучения СК в первой трети XX в., к числу отличительных черт этого периода в историографии следует отнести: появление обобщающих трудов, издание памятника на основе изучения его рукописной традиции, а также накопление значительного материала относительно источников СК и историко-политических взглядов ее составителя.

1.3. Исследования 40—70-х гг. XX в.

Итоги исследований СК первой трети XX в. позволили многое прояснить в решении ряда вопросов, связанных с изучением

[213] *Орлов А. С.* Великорусская историческая литература XVI века: Конспект лекций, читанных в И. М. У. в 1911—12 ак. году. М., 1912. С. 19.

[214] Там же. С. 57—58.

авторства и времени создания памятника, который был издан по всем правилам археографии этого времени. Также были выявлены основные источники СК. В трудах последующих десятилетий наибольшее внимание было уделено источникам, а также рассмотрению историко-политических идей произведения и особенностей их представления в нем.

В работе, посвященной литературной истории «Повести о Иулиании Вяземской», М. О. Скрипиль указал на то, что 26 гл. 13 ст., содержащая «Сказание о Юрии Святославиче», была основана на старшей редакции «Повести о Иулиании Вяземской». Принимая во внимание упоминание в тексте «Сказания» «чад» Василия III (т. е. Ивана и Юрия), а также предположив, что на момент написания произведения Василий III был жив (его кончина относится к 1533 г.), М. О. Скрипиль заключил, что данный памятник (и, соответственно, СК в целом) создавался в 1533 г. (к этому году относится рождение Юрия)[215]. Гипотеза М. О. Скрипиля подверглась справедливой критике (в приведенном им фрагменте отсутствует прямое указание на то, что Василий III на момент написания «Сказания» был жив)[216] и распространения не получила.

Последующее изучение источников СК, а также целого ряда других вопросов предпринял В. В. Кусков. В диссертации, в полном объеме так и оставшейся неопубликованной[217], он предельно четко определил задачи своего исследования, указав на то, что в нем «на основании печатного текста Степенной книги и сопоставления его с Воскресенской, Никоновской и отчасти — Софийской летописями и Великими Четьи-Минеями сделана попытка выяснить состав и источники Степенной книги, а также своеобразие художественных стилистических средств, при помощи которых автор изучаемого памятника стремился к наиболее полному раскрытию идеи мощи и величия Московского „царства“». Отмечая, что «работа не претендует на детальное

---

[215] *Скрипиль М. О.* Литературная история «Повести о Иулиании Вяземской» // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 167.

[216] См.: *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 211—212; *Неберекутина Е. В.* Митрополит Афанасий... С. 133; *Усачев А. С.* К вопросу... С. 30. Подробнее на точке зрения этого исследователя мы остановимся во второй главе настоящей работы.

[217] По этой причине диссертация В. В. Кускова осталась неизвестной целому ряду специалистов по древнерусской книжности — лишь немногие авторы в данный период учитывали выводы филолога. Об использовании диссертации В. В. Кускова в XX в. см.: *Усачев А. С.* Источники... С. 215.

разрешение всех вопросов, связанных с изучением Степенной книги», В. В. Кусков указал, что «она ставит своей целью дать общее представление об идейно-художественном своеобразии памятника и его роли в общественно-политической борьбе своего времени»[218].

Центральное место в исследовании В. В. Кускова занимает разбор источников известий СК, который выполнен по степеням и главам. Это придавало работе характер развернутого комментария текста произведения[219]. Рассмотрев практически все известия СК — она сравнивалась, прежде всего, с Ник. и Воскр., а также с рядом других (по преимуществу агиографических) памятников, — В. В. Кусков показал особенности редактирования тех или иных сообщений источников СК, связывая изменение их текста ее составителем с тенденциями, характерными для русской книжности середины XVI в. Целый ряд известий, которые ему не удалось возвести к выявленным им источникам СК, согласно мнению В. В. Кускова, был домыслен ее составителем.

Обобщив и дополнив наблюдения своих предшественников, В. В. Кусков в качестве основных источников СК выделил Ник. и Воскр., на близость которых к СК уже указывали его предшественники[220]. В отличие от них В. В. Кусков, не ограничиваясь упоминанием общности уникальных известий по древнейшему периоду (как это делалось ранее), пришел к данному выводу на основе сравнения всего текста СК с Ник., Воскр., Софийской I летописью младшего извода (далее — СI мл.) и рядом других памятников. Также исследователь дополнил наблюдения В. П. Мансикки относительно использования в СК СI, отметив случаи близости к этой летописи в 58 гл. 1 ст., 6 гл. 18 ст., 2—5 тит. 6 гл. 15 ст. Кроме того, В. В. Кусков обратил внимание на близость известий, помещенных в 17 ст., к Лебедевской летописи (далее — Лебедев.). В. В. Кусков высказал предположение об использовании в СК Хр. 1512 (17 гл. 14 ст.) и ряда других па-

---

[218] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 2.

[219] Там же. С. 79—296.

[220] Впрочем, В. В. Кусков (см.: Там же. С. 301) не исключил возможности того, что в СК мог быть использован один летописный свод, более полный, чем известные в настоящее время, — возможно, протограф Ник. Очевидно, делая данное предположение, исследователь находился под влиянием уже отмеченной нами выше гипотезы А. А. Шахматова относительно восхождения Ник., Воскр. и СК к общему источнику (ссылку на А. А. Шахматова см.: Там же. С. 301, примеч. 1).

мятников: Житий Никиты Переяславского (18 гл. 6 ст.)[221], Стефана Пермского (редакции Епифания Премудрого) (в 9 гл. 13 ст.)[222], Зосимы и Савватия Соловецких (8 тит. 4 гл. 15 ст.)[223], Пафнутия Боровского (12 гл. 15 ст.)[224], а также «Слова похвального» Льва Филолога Михаилу Черниговскому (4 гл. 7 ст.)[225] и «Сказания о знамении» Богородичной иконы в Новгороде редакции Пахомия Серба (13 тит. 12 гл. 6 ст.)[226]. Осторожное предположение высказал историк литературы относительно возможности влияния на составителя СК (9 гл. 7 ст.) произведений Серапиона Владимирского, красочно описавшего ужасы татарского нашествия на Русь[227]. Исследователь также уточнил наблюдения С. К. Шамбинаго: он указал на то, что кроме 6—7 гл. 12 ст. «Слово о житии» Дмитрия Ивановича также использовалось в других разделах этой степени (1, 3, 10—13 гл.)[228].

Много ценных замечаний сделал В. В. Кусков относительно особенностей представления русской истории в СК. Он отметил стремление книжника показать коренящиеся в далеком прошлом единство и могущество Русской земли и добродетельность ее правителей. Также исследователь подчеркнул явно выраженную в СК тенденцию к замалчиванию и сокращению изложения событий, связанных с междоусобными войнами (конфликт Ярослава Владимировича с Мстиславом Тмутороканским, усобицы XII—XIII вв., московско-тверские столкновения XIV в.[229] и т. д.), и известий о неприглядной роли в них воспеваемых в памятнике предков династии московских государей (убийство Владимиром Святославичем своего брата Ярополка, захват Ярославичами Всеслава Полоцкого, роль Юрия Даниловича в смерти Михаила Тверского и т. д.). Как отметил исследователь, составитель СК представил читателю и случаи неповиновения самодержцам — новгородцев (в рассказах о мятеже Вадима, войнах Новгорода с владимирскими и московскими князьями) и киевлян (в рассказе об убийстве Игоря Ольговича)[230].

---

[221] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 140.
[222] Там же. С. 198, примеч. 5.
[223] Там же. С. 242.
[224] Там же. С. 249.
[225] Там же. С. 146.
[226] Там же. С. 136—137.
[227] Там же. С. 148, примеч. 5.
[228] Там же. С. 186—187, 191—192.
[229] Там же. С. 110, 131, 142, 176.
[230] Там же. С. 91—92, 128, 135—137, 239—248.

Согласно предположению В. В. Кускова, СК писалась по поручению Ивана IV. Это, по его мнению, и определило представленный в ней политический идеал: заключая рассмотрение жизнеописания Владимира в 1 ст., В. В. Кусков пришел к выводу о том, что СК «служила средством пропаганды теории сильной самодержавной власти московского великого князя, грозного и беспощадного по отношению к врагам государства и милостивого к его „доброхотам“, и была направлена против боярской оппозиции»[231].

Также В. В. Кусков провел специальное исследование стилистики СК, выделив характерные для ее автора черты литературного оформления текста произведения: стремление к использованию придающих торжественность тексту неполногласных форм («град», «Новград», «краль», «брада» и т. д.), архаизации лексики, употреблению сложных слов («богомудрая», «светловидный путь», «мужеумный смысл», «злоначальное коварство» и т. д.); также исследователь отметил имеющее четкое литературное оформление противопоставление «богохранимой» Русской земли и управляющих ею «боголюбивых», «благоверных» и «многомудрых» «самодержцев» «безбожным», «злоименитым» и др. врагам Руси (половцам, волжским болгарам, татарам, «немцам» и т. д.)[232].

Определяя место трудов В. В. Кускова в историографии, необходимо отметить их принципиальное отличие от ряда предшествующих работ. Не зная о неопубликованной работе Н. Ф. Околовича, В. В. Кусков начал комплексное исследование источников СК на основе предложенной им методики — посредством сравнительного анализа текста памятника с известиями его источников на материале всего текста произведения. Несмотря на то, что источники целого ряда ее сообщений не удалось установить, работа В. В. Кускова во многом заложила методический и фактический фундамент для последующего изучения памятника. Рассмотрев весь текст СК, историк лите-

---

[231] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 106.

[232] *Кусков В. В.* 1) Там же. С. 317—480; 2) Из наблюдений над стилем Степенной книги // УЗ Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Вып. 28: Филологический (Кафедра русской литературы). Свердловск, 1959. С. 259—292 (здесь и далее ссылки на эту работу будут производиться по последнему изданию, см.: *Кусков В. В.* О некоторых особенностях стиля Степенной книги // *Кусков В. В.* Эстетика идеальной жизни. М., 2000. С. 185—217).

ратуры выявил лакуны в изучении источников памятника, отметив те его фрагменты, источники которых ему остались неизвестны (авторство части этих известий В. В. Кусков склонен был приписывать составителю СК). Результаты наблюдений исследователя дали возможность выявить целый ряд «белых пятен» в изучении источников СК.

В данный период в литературе большое внимание было уделено рассмотрению СК в контексте развития русской средневековой исторической мысли. Эта тенденция проявилась в ряде обобщающих трудов по историографии Н. Л. Рубинштейна, М. Н. Тихомирова и А. М. Сахарова. Их работы отличало стремление их авторов установить связь памятников исторической мысли с социально-политическими процессами, характерными для России XVI в.

Н. Л. Рубинштейн подчеркнул, что развитие исторической мысли конца XV—XVI вв. в Русском государстве определялось теми переменами, которые произошли в стране в это время. Объединение русских земель в составе единого Русского государства сопровождалось идеологическим обоснованием этого процесса. Поэтому «программа политического единства Русской земли противопоставлялась феодальной раздробленности, утверждалось преемство Московского государства в отношении Киевской Руси». Историк отметил, что «идея единства Русской земли распространялась и на южные и западные русские земли, находившиеся под властью Литвы и Польши». Согласно Н. Л. Рубинштейну, это в свою очередь обосновывало почерпнутыми в прошлом аргументами активную внешнюю политику русского правительства, направленную на присоединение южных и западных русских земель, которые в XVI в. находились в составе Польско-Литовского государства. Новым в развитии исторической литературы той поры, согласно Н. Л. Рубинштейну, было выражение в ней «новой политической программы» — «программы» общерусского единства, которая «находилась в резком противоречии» с линией местных летописных центров. По мнению исследователя, все это «усложняло проблемы, занимающие „историка“» XVI в., что в свою очередь привело к «росту средств, расширению знаний тех лиц, которые брались за разрешение назревших исторических задач»[233]. Н. Л. Рубинштейн указал на то, что новые задачи, вставшие перед исторической

[233] *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1941. С. 28.

мыслью той поры, потребовали использования новых принципов в их решении. Традиционная летописная манера изложения, в XVI в. представленная Ник. и Воскр., более не удовлетворяла требованиям, предъявленным эпохой к исторической литературе. Это привело к тому, что летописная манера изложения материала должна была уйти в прошлое. Как полагал Н. Л. Рубинштейн, первым историческим сочинением, в котором удалось в полной мере подчинить факт концепции, явилась СК: она представляла новый тип повествования о прошлом, основанный не на принципе последовательного описания событий, а на их отборе и группировке в соответствии с авторским замыслом. При этом принцип представления материала в СК был заимствован из «Сказания о князьях Владимирских»[234] (в данном предположении историка, очевидно, сказалось влияние гипотезы И. Н. Жданова о близости «Сказания» к СК). Указав на то, что появление СК «нанесло решительный удар старой летописной истории», Н. Л. Рубинштейн охарактеризовал памятник в соответствии с историографической традицией начала XX в. как «первую систематизированную схему русской истории»[235].

Рассматривая развитие русской средневековой историографии в контексте политического развития России, М. Н. Тихомиров отметил, что исторические сочинения того времени «ставят своей задачей борьбу с пережитками феодальной раздробленности и проводят идеи сильного централизованного государства»[236]. Вслед за Н. Л. Рубинштейном указывая на то, что летописная манера изображения прошлого более не удовлетворяла новым потребностям, исследователь высказал мнение о том, что Ник. «по существу говоря, заканчивает летописный период русской историографии»[237]. Как отметил М. Н. Тихомиров, новые приемы в изображении прошлого — осмысление «непонятных старых известий», расширение круга источников за счет привлечения агиографических, хронографических и иных произведений, стремление к занимательности в изложении материала —

---

[234] *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. С. 33.

[235] Там же. С. 33—34.

[236] *Тихомиров М. Н.* Развитие исторических знаний в Киевской Руси, феодально раздробленной Руси и Российском централизованном государстве (X—XVII вв.) // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М., 1955. С. 75.

[237] Там же. С. 79.

начинают проникать уже в Ник. и наиболее полное выражение приобретают в СК[238]. Заключая рассмотрение СК как памятника историографии, историк оценивал ее следующим образом:

«Автор Степенной книги очень вольно обращался со своими источниками, в силу чего Степенная книга как исторический источник крайне недостоверна. Но в смысле историографическом она представляет собой крупное явление, показывающее, что русская литература XVI в. умела ставить и разрешать сложные историографические задачи. ... Отбрасывая всякое стремление дать вполне достоверный рассказ о событиях русской истории, Степенная книга стремилась поразить воображение читателя рассказами о подвигах и чудесах, о различного рода „знамениях“ небесных и земных, проявлявших божественный гнев и милость. Степенная книга ставит определенные дидактические задачи: дать своего рода учебное пособие или книгу для чтения, воспитывающую в духе покорности самодержавию и церкви».

Характеризуя памятник в целом, М. Н. Тихомиров отметил, что в нем «на первый план поставлены политические задачи московского самодержавия в традиционной церковной обработке»[239].

Основные положения Н. Л. Рубинштейна и М. Н. Тихомирова относительно памятников русской историографии XVI в. были приняты в последующих трудах по исторической мысли средневековой Руси. Среди них можно выделить работы А. М. Сахарова. Историк отметил, что на развитие исторических знаний (как и всей культуры в целом) России XVI в. наибольшее влияние оказало формирование русской (великорусской) народности, образование единого Русского государства и окончательная ликвидация зависимости страны от осколков Золотой Орды[240]. Под влиянием этих факторов перед создателями памятников исторической мысли вставали новые задачи. Основной среди них, по мнению исследователя, была необходимость «освятить новые, только складывавшиеся политические порядки единого Российского государства авторитетом традиции, укрепить настоящее ссылкой на прошлое, а для этого требовалось переос-

---

[238] *Тихомиров М. Н.* Развитие... С. 78, 82.

[239] Там же. С. 82.

[240] Подробнее см.: *Сахаров А. М.* 1) Русская духовная культура в XVI столетии // ВИ. 1974. № 9. С. 118—132; 2) Россия и ее культура в XVI веке // Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. М., 1976. С. 7—42.

мыслить и даже кое в чем переписать историю». Как отметил А. М. Сахаров, «ни чем другим, как остротой идейно-политической борьбы вокруг вопроса о характере, пределах, назначении, природе самодержавной власти, небывалыми по силе политическими потрясениями и кризисами в России XVI в., нельзя объяснить совершенно неизмеримую по сравнению с прошлыми веками работу, проделанную по мобилизации и интерпретации исторических материалов»[241]. Согласно предположению историка, место переписчика текста предшествующих произведений занял редактор, который отбирал, пропускал и интерпретировал материал своих источников[242]. Характеризуя особенности изображения русской истории в СК, А. М. Сахаров отметил, что в ней «главное внимание обращено не на точную передачу известий, а на подчеркивание исключительной роли православия и церкви в истории России». Именно поэтому в произведении, с одной стороны, пропускаются или сглаживаются факты противоречий представителей духовной и светской властей, а с другой — «обстоятельно расписаны всякого рода „чудеса“ и „подвиги“ деятелей церкви». Отмечая ярко выраженный интерес составителя СК к русской истории, А. М. Сахаров подчеркнул, что он счел возможным начать повествование об истории Руси вопреки летописной традиции не с Ноя, а с первых русских князей[243].

В монографии, посвященной изучению особенностей восприятия Западной Европы в памятниках древнерусской книжности, М. А. Алпатов кратко охарактеризовал специфические черты, характерные для представления всемирной истории в СК. Специально не останавливаясь на выяснении круга ее источников, историк указал на то, что включение и специфика подачи исторического материала, в котором так или иначе затрагивалась проблематика всемирной истории, определялись стремлением книжника обосновать преемственность власти московских великих князей от Августа. Достигалось это путем установления связи истории Руси с западноевропейской историей: согласно М. А. Алпатову, это в наиболее ярком виде проявилось во включении в СК рассказов о происхождении Рюрика от родст-

---

[241] *Сахаров А. М.* Исторические знания // Очерки русской культуры XVI века. Ч. 2. М., 1977. С. 139.

[242] Там же. С. 141, 143.

[243] Там же. С. 144.

венника римского императора Августа Пруса. Кроме того, как отметил исследователь, вписывая русскую историю в контекст европейской, книжник особое внимание уделял событиям церковной истории, подробно повествуя о борьбе Александра Невского за веру с Ливонским орденом, а также о событиях, связанных с Ферраро-Флорентийской унией и падением Константинополя[244].

Большое внимание СК было уделено в целом ряде литературоведческих исследований А. С. Орлова (40-е гг. XX в.), Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье, в которых были рассмотрены ее жанровые и стилистические особенности.

В своих работах, написанных в этот период, А. С. Орлов отметил, что в ситуации идейных брожений первой половины XVI в. (споры иосифлян с нестяжателями, московско-новгородская ересь рубежа XV—XVI вв., ересь Матвея Башкина), грозивших подорвать отстаиваемое Церковью «единомудрствование», представители высшего духовенства были вынуждены вступить в союз с великокняжеской властью и принять самое активное участие в идеологическом отстаивании ее интересов, особенно возросших после образования единого Русского государства и повышения его международного статуса. Как указал А. С. Орлов, с этой целью новгородским архиепископом (позднее митрополитом) Макарием был создан целый ряд крупных литературных памятников обобщающего характера, которые оформили «официальную» картину прошлого и настоящего. Среди «обобщающих культурных предприятий» этой поры историк литературы выделил ВМЧ, Стоглав, Домострой и СК. Согласно А. С. Орлову, эти произведения должны были расставить все точки над «i» по основным вопросам идеологии, религиозного миросознания и быта. В изображении прошлого особая роль в ряду этих памятников отводилась ВМЧ и СК, в которых история приобретала ярко выраженные агиобиографические черты. Так, по мнению А. С. Орлова, в СК «политическая история приобрела церковную окраску, будучи представлена в виде житий правителей государства». При этом исследователь поместил создание СК в контекст возросшего в России XVI в. интереса к прошлому, который выразился в появлении целого ряда

---

[244] *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973. С. 210—211.

памятников историографии — в частности, Ник., Воскр. и Летописца начала царства (далее — ЛНЦ)[245].

Высказанные А. С. Орловым идеи были развиты в целом ряде работ Д. С. Лихачева. Исследователь рассматривал появление СК как закономерный этап в эволюции летописания, которое из исторического документа превращается в литературное произведение (историческую повесть), излагающее русскую историю в хронографической манере[246]. Рассматривая особенности литературы XVI в., Д. С. Лихачев особое внимание уделил изучению стилистики и жанровых особенностей произведений, созданных в круге митрополита Макария. Историк литературы отметил, что они противопоставлялись свободному сюжетному повествованию — целому ряду лишенных назидательности («неполезных») повестей. Д. С. Лихачев указал на то, что близкие к Макарию писатели, вытесняя памятники в значительной мере секуляризированной литературы из круга чтения человека середины XVI в., представляли ему помпезные, практически лишенные занимательности произведения, имевшие ярко выраженную дидактическую направленность. К крупнейшим памятникам литературы подобного рода Д. С. Лихачев относил СК.

В соответствии с историографической традицией, Д. С. Лихачев цель создания СК определял как «прославление нынешнего рода московских государей», подчеркивая, что в ней «прошлое лишь подкрепляет... настоящее величие Москвы — ее государей и церковных иерархов»[247]. К числу особенностей представления в этом произведении прошлого и настоящего исследователь относил стремление его составителя закрепить неизменность, «вечность» истории. Д. С. Лихачев, специально останавливаясь на характеристике открывающего СК «Сказания о святем благочестии российских началодержец», в котором одним из центральных образов является образ ведущей к Богу лестницы, предположил, что в СК пространство является «своеобразным восприятием вечности», при этом время в ней

---

[245] См.: *Орлов А. С.* Древняя русская литература X—XVII веков. М.; Л., 1945. С. 289; История русской литературы. Т. 2: Литература 1220-х—1580-х гг. Ч. 1. М.; Л., 1945. С. 446—447 (раздел написан А. С. Орловым).

[246] *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 362, 423.

[247] *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд. Л., 1971. С. 316.

«закреплялось в пространственных формах». Это в свою очередь приводило к тому, что «подвижное становилось неподвижным» — «изображение в пространстве придавало русской истории известную помпезность, монументальность»[248]. Отметив особенность структуры памятника, разделенного на 18 (включая повествование о княгине Ольге) жизнеописаний, исследователь указал, что время в СК разбито на ряд самостоятельных отрезков, связанных с тем или иным героем степени.

Значительное внимание уделил Д. С. Лихачев и специфике изображения персонажей русской истории в произведении, отмечая, что в СК всем действующим лицам присущи «вневременные» характеристики — согласно замыслу ее создателя, их действия эти характеристики и должны были иллюстрировать[249]. Указывая на многочисленные ссылки в памятнике на жития, чудеса, происходящие от чудотворных икон, и подвиги святых, а также постоянное подчеркивание того, что чудеса совершаются «и до ныне», Д. С. Лихачев определил СК как «путеводитель» по России середины XVI в., «святой и державной», путеводитель, «который сам является достопримечательностью и святыней», своего рода иконой «всех святых» Русского государства, «в которой временному придан вневременный смысл»[250]. Исследуя жанровые особенности СК, Д. С. Лихачев отметил проникновение в нее «сознательного вымысла», который вводился в назидательных целях (рассказ о встрече Ольги-перевозчицы с Игорем и т. д.).

Наблюдения А. С. Орлова и Д. С. Лихачева относительно особенностей СК как памятника литературы XVI в. были развиты в трудах Я. С. Лурье. Этот исследователь выделил две тенденции, которые определяли процесс создания СК. Вслед за Д. С. Лихачевым первую тенденцию Я. С. Лурье связывал с эволюцией древнерусской литературы, в которую в XVI в. начинает входить сюжетное повествование и связанный с ним вымысел. При этом СК рассматривалась как наиболее яркий пример «проникновения сознательного вымысла в историческое повествование». По мнению исследователя, составитель произведения, не довольствуясь материалом своих источников, «создавал новые рассказы, отсутствующие в летописных источниках памят-

---

[248] *Лихачев Д. С.* Поэтика... С. 315.

[249] *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. Л., 1970. С. 98—100.

[250] *Лихачев Д. С.* Поэтика... С. 316—317.

ника»[251]. Вторая тенденция, по Я. С. Лурье, была связана с политической конъюнктурой времени написания СК, которая требовала от книжника обоснования прав московских государей на земли, вошедшие в состав Русского государства. Рассматривая отдельные помещенные в СК рассказы, повествующие о событиях, связанных с описанием присоединения тех или иных земель или деятельности московских государей (особое внимание Я. С. Лурье уделял XV в.), историк литературы охарактеризовал СК как «своеобразный памятник правящей династии, не допускающий никаких известий, могущих бросить тень» на московских князей и их предков. Как указал Я. С. Лурье, взаимное переплетение этих тенденций и определило специфику представления русской истории в СК, составитель которой «переделывал и „исправлял“ свои источники в таких масштабах, которых не знало предшествующее летописание — даже Никоновская летопись»[252]. Сравнивая СК преимущественно с летописными источниками (прежде всего, с Ник.), Я. С. Лурье, специально не занимаясь реконструкцией источников памятника, отметил отсутствующие в летописях известия СК, указав на «искажение» целого ряда фактов русской истории (событий междоусобной войны середины XV в., присоединения Новгорода, стояния на Угре и др.) в произведении путем пропуска сообщений своих источников и не основанных на них добавлениях[253]. Так, вслед за В. П. Мансиккой остановившись на особенностях представления биографии Александра Невского в 8 ст., историк литературы заключил, что СК «с наибольшей смелостью переделывала историю Руси на всем ее протяжении»[254].

В целом низко оценивая достоверность сообщаемых СК известий, Я. С. Лурье развил уже высказанное в историографии мнение[255] о том, что она представляет интерес исключительно

---

[251] Истоки русской беллетристики (возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе). Л., 1970. С. 426—427 (раздел написан Я. С. Лурье).

[252] *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века: ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 20.

[253] *Лурье Я. С.* 1) Две истории... С. 84, 86, 133, 153—154, 187, 195—197, 209; 2) Россия Древняя и Россия Новая (Избранное). СПб., 1997. С. 41.

[254] *Лурье Я. С.* К изучению летописной традиции об Александре Невском // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 399.

[255] См., например: *Тихомиров М. Н.* Развитие... С. 82.

как памятник литературы и историографии, дающий возможность выяснить, как люди в XVI в. воспринимали русскую историю[256]. Не зная о работе В. В. Кускова, Я. С. Лурье сделал замечания относительно источников СК, указав на то, что все сведения, связанные с периодом занятия кафедры Исидором и поставлением митрополита Ионы, в СК были заимствованы из Жития Ионы, помещенного в ВМЧ[257]. Также Я. С. Лурье указал на использование в СК «Просветителя» Иосифа Волоцкого в 33 тит. 7 гл. 11 ст., 20 гл. 15 ст.[258] Характеризуя достоверность известий СК в целом, исследователь, обратив внимание читателя на их «лживость и недостоверность», заключил, что «у нас нет оснований полагать, что Степенная книга... опиралась... на особый, ранний источник. Мы знаем другое: рассказ Степенной книги... имеет все признаки позднего и тенденциозного вымысла»[259].

Впрочем, для данного периода изучения СК характерен и иной взгляд на ее уникальные известия: ряд исследователей склонен был в них видеть не «сознательный вымысел» ее составителя, а отголоски доступных ему ранних источников. Особенно ярко данная тенденция в исследовании СК проявилась в работах И. У. Будовница и Б. А. Рыбакова.

Рассматривая особенности представления русской истории в СК, И. У. Будовниц подчеркнул «патриотическую» составляющую в памятнике, отметив, что книжник XVI в. с гордостью повествует о славных для Руси событиях в предшествующий ее крещению период. Как указал историк, «отстаивая из политических соображений происхождение московских государей от Рюрика и родство последнего с римским императором Августом, авторы Степенной книги в то же время, на основании Жития Стефана Сурожского, приходят к выводу» о славном прошлом Руси и до Рюрика[260]. Затрагивая вопрос об уникальных известиях СК, И. У. Будовниц, характеризуя СК как «летопись XVI в.»[261], счел возможным считать эти сообщения отго-

---

[256] *Лурье Я. С.* Россия Древняя и Россия Новая... С. 99.

[257] *Лурье Я. С.* Две истории... С. 100.

[258] Там же. С. 208—209.

[259] Там же. С. 210.

[260] *Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XIV вв.). М., 1960. С. 49.

[261] *Будовниц И. У.* Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1969. С. 334.

лосками не сохранившихся источников. Так, комментируя содержащееся лишь в Ник. и СК известие о согрешившем, а затем раскаявшемся иноке Адриане (63 гл. 1 ст.), И. У. Будовниц предположил, что создатели Ник. и СК почерпнули его из подобного источника[262]. Этот исследователь также обратил внимание на проведение в СК «идеи согласованной, дружной работы, взаимопонимания и сотрудничества обеих властей — светской и духовной»[263].

Сходным образом к уникальным известиям памятника подошел Б. А. Рыбаков. Историк выдвинул предположение о том, что ряд отсутствующих в других источниках известий СК (указание на войны «русских воев» с Феодосием Великим и походы Руси на персидского царя Хозроя в 8 гл. 1 ст.) являлись отголосками доступных книжникам XVI в., но утраченных впоследствии ранних источников[264].

Ценные замечания относительно СК были сделаны в искусствоведческих работах. Среди них выделяется ряд статей Е. С. Сизова. На них значительное влияние оказала реставрация росписи Архангельского собора Московского Кремля (1953—1955 гг.)[265]. Е. С. Сизов особое внимание уделил изучению росписи XVI в. (согласно его датировке, 1564—1565 гг.)[266] этого храма в историко-литературном контексте эпохи. Исследователь выявил ряд представленных в ней персонажей русской истории, отметив, что в росписи присутствуют предки Ивана IV: как причтенные, так и не причтенные к лику святых. На этом основании Е. С. Сизов связал данный изобразительный ряд с описаниями русских князей — потомков Владимира Святославича — в СК,

---

[262] *Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси... С. 259.

[263] *Будовниц И. У.* Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947. С. 195.

[264] *Рыбаков Б. А.* 1) Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 162; 2) Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1993. С. 350.

[265] О ходе реставрации подробнее см.: *Самойлова Т. Е.* 1) Реставрация стенописи Архангельского собора // Сокровищница России: страницы исторической биографии музеев Московского Кремля. М., 2002. С. 230—239; 2) Княжеские портреты в росписи Архангельского собора Московского Кремля. Иконографическая программа XVI века. М., 2004. С. 17—25.

[266] Подробнее см.: *Сизов Е. С.* 1) «Воображены подобия князей»: стенопись Архангельского собора Московского Кремля. М., 1969. (Публикация одного документа — 3); 2) К атрибуции княжеского цикла в росписях Архангельского собора // Материалы и исследования — 2 / Государственные музеи Московского Кремля. М., 1976. С. 62—97.

указав на близость идей, представленных в росписи и этом произведении[267].

Рассматриваемый период в истории изучения СК отмечен появлением целого ряда литературоведческих и источниковедческих трудов, в которых специально были разобраны многие памятники, которые целиком или частично были включены в СК.

В. П. Адрианова-Перетц дополнила наблюдения С. К. Шамбинаго относительно использования в СК «Слова о житии». Как указала исследовательница, в СК (так же, как в Ник.[268]) текст этого памятника в 12 ст. сокращен в Похвале, но расширен риторическими добавлениями и вставками из летописной повести[269]. Интересно наблюдение исследовательницы относительно того, что «оцерковленный образ Дмитрия Донского послужил примером для автора панегирической биографии отца Грозного, Василия III» — В. П. Адрианова-Перетц полагала, что Похвала отцу Ивана IV в 16 ст. создавалась «в тоне» «Слова о житии»[270].

Специально рассмотрев особенности представления событий русской истории последней четверти XII в. в 6 ст., Д. Н. Альшиц выдвинул любопытную гипотезу относительно одного возможного источника СК. Привлекая к сравнению с повествующей о правлении Всеволода Юрьевича 6 ст. Лаврентьевскую летопись (далее — Лавр.; об использовании в СК памятников позднего летописания — Ник. и Воскр. — ему известно не было), Д. Н. Альшиц все несоответствующие ей известия (рассказ об освобождении Всеволодом плененных половцами Ольговичей, описание покорности владимирскому князю всех прочих русских князей и др.) расценивал как сознательный вымысел книжника макарьевского круга. Не проводя специального

---

[267] *Сизов Е. С.* 1) Датировка росписи Архангельского собора Московского Кремля и историческая основа ее сюжетов // Древнерусское искусство. XVII век. М., 1964. С. 160—174; 2) Русские исторические деятели в росписях Архангельского собора и памятники письменности XVI в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 264—276.

[268] Исследовательница (см.: *Адрианова-Перетц В. П.* Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 74), основываясь, очевидно, на приведенном выше мнении А. А. Шахматова, полагала, что они восходили к общему источнику.

[269] *Адрианова-Перетц В. П.* Слово о житии... С. 74.

[270] Там же. С. 96. Судя по всему, указание М. А. Дьяконова на использование в 16 ст. «Слова похвального» Василию III исследовательнице известно не было.

исследования источников СК по домонгольскому периоду, историк, справедливо указав на различия в описании похода Игоря и сопутствующих ему событий в 6 ст. и «Слове о полку Игореве», выдвинул предположение, что писатель середины XVI в. был знаком со «Словом». Согласно Д. Н. Альшицу, 6 ст. представляет собой полемический ответ на содержащееся в «Слове» описание событий последней четверти XII в. Характеризуя СК в целом, исследователь был склонен определять ее как памятник, который «должен был отныне и на века покончить с прежними заблуждениями и утвердить единственно „правильную“ версию истории Руси» — версию перехода «самодержавства» от Киева к Владимиру[271].

Явная недостаточность источниковедческой аргументации предположения Д. Н. Альшица о знакомстве автора СК со «Словом о полку Игореве» привела к его критике как сторонниками принадлежности «Слова» XII в., так и их оппонентами, которые отметили отсутствие достаточных оснований для данной гипотезы. Так, не соглашаясь с мнением Д. Н. Альшица, Б. А. Рыбаков был склонен полагать, что авторы СК «возражали не столько концепции „Слова о полку Игореве“, сколько концепции киевского летописного свода XII в.»[272]. Весьма скептически оценил предположение Д. Н. Альшица А. А. Зимин: он указал на то, что «никаких текстологических данных в пользу того, чтобы считать это Житие [Всеволода в 6 ст. СК. — *А. У.*] откликом на Слово, Д. Н. Альшиц не привел»[273].

На два важных источника СК обратил внимание А. А. Зимин. Он исследовал и опубликовал использованные в 16 гл. 16 ст., 9 гл. 17 ст. СК Повести о нашествии Магмет-Гирея в 1521 г. и о московском пожаре 1547 г., отметив ряд сокращений, которые допустил книжник при их включении в СК[274].

---

[271] *Альшиц Д. Н.* Легенда о Всеволоде — полемический отклик XVI в. на «Слово о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 67. Основные положения данной работы были повторены в более поздней публикации историка, см.: *Альшиц Д. Н.* Иван Грозный и его официозные историки о «Слове о полку Игореве» // «В кратких словесах многой разум замыкающе...»: Сб. науч. тр. в честь 75-летия профессора Руслана Григорьевича Скрынникова. СПб., 2008. С. 337—342.

[272] *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1972. С. 30—31.

[273] *Зимин А. А.* Слово о полку Игореве. СПб., 2006. С. 237.

[274] *Зимин А. А.* 1) К изучению источников Степенной книги // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 225—230; 2) Повести в сборнике XVI в. Рогожского собрания // ЗОР ГБЛ. М., 1958. Вып. 20. С. 186—204. Также см.: *Каган М. Д.*

Характеризуя СК в целом в своем обобщающем труде по общественной мысли середины XVI в. в разделе «Публицистика воинствующих церковников», А. А. Зимин определил ее как произведение, служащее «обоснованию самодержавной власти московских государей», в котором также подчеркивается «роль русской церкви и высших церковных иерархов в строительстве централизованного государства»[275].

И. М. Кудрявцев специально разобрал редакцию Повести о приходе Ахмата на Русь в 16 гл. 15 ст. СК, отметив ее близость к Шумиловскому тому ЛЛС (историк специально не останавливался на изучении источника данного рассказа в СК). Как показал И. М. Кудрявцев, в результате редактирования Повести, из которой были изъяты выпады против «богатых и брюхатых» сторонников примирения с Ордой, в событиях этого времени действуют «две ведущие силы — великий князь московский и церковь, представленная митрополитом и Вассианом Ростовским»[276].

Н. Н. Розов, исследовав и опубликовав «Слово похвальное» Василию III[277], развил наблюдение М. А. Дьяконова и В. Е. Вальденберга относительно использования этого произведения в СК. Как отметил исследователь, данный памятник вошел в СК не полностью (как полагал М. А. Дьяконов) — из него в 22 гл. 16 ст. было заимствовано несколько фрагментов с различной степенью близости к «Слову» (это буквальные цитаты и вольный пересказ)[278].

Наблюдения С. К. Шамбинаго об использовании в СК «Слова о житии» Дмитрия Ивановича развила М. А. Салмина. Исследовательница отметила наибольшую близость рассказа 12 ст. к редакции памятника, восходящей к CI[279] (не остановившись,

---

Степенная книга и «Слово» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 5. СПб., 1995. С. 54—56.

[275] *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 86.

[276] *Кудрявцев И. М.* «Угорщина» в памятниках древнерусской литературы (летописные повести о нашествии Ахмата и их литературная история) // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 62.

[277] *Розов Н. Н.* Похвальное слово великому князю Василию III // АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 278—289. Согласно гипотезе Д. М. Буланина (см.: *Буланин Д. М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв. München, 1991. С. 201—202), его автором являлся Федор Карпов.

[278] *Розов Н. Н.* Похвальное слово... С. 278.

[279] Не задаваясь вопросом о редакции «Слова о житии» в СК, С. К. Шамбинаго к сравнению с СК привлекал текст редакции HIV.

правда, на вопросе о том, о каком именно изводе данного свода идет речь). Не зная о работе В. В. Кускова, исследовательница повторила его наблюдения относительно использования «Слова о житии» не только в 6—7 гл. но и в 1, 10—12 гл. 12 ст.[280]

В результате специального изучения рукописной традиции Повести о Михаиле Тверском В. А. Кучкин установил, что редакция Повести СК (6 гл. 10 ст.) обнаруживает наибольшую близость к редакции СІ мл. Как отметил историк, в текст источника были внесены незначительные дополнения (прежде всего генеалогического характера, содержащие перечень предков тверского князя), а также произведена стилистическая правка, которая заключалась в замене ряда фраз и лексем XV в., очевидно, более привычными книжнику середины XVI столетия[281]. К числу заимствований из СІ мл. В. А. Кучкин отнес и следующую за жизнеописанием тверского князя 7 гл. 10 ст.[282]

На источниках рассказа о походе Андрея Боголюбского на Новгород специально остановился Л. А. Дмитриев. Как указал исследователь, для СК, вероятно, ее составителем, была написана особая редакция «Сказания о чуде новгородской иконы Знамения», которая включена в 13 тит. 12 гл. 6 ст. СК и Лаптевский том ЛЛС. Эта редакция создавалась на основе сочетания данных летописных повестей проновгородской (Новгородская V (хронографическая) летопись; далее — HV) и антиновгородской (Лавр. и др. летописи) направленности. Как отметил Л. А. Дмитриев, особенности правки источников автором этой редакции определялись его стремлением «показать пагубность „самовластия“, неподчинения воле великих князей» новгородцев. Исследователь показал, что рассказ о походе владимирского князя на Новгород в СК является важным звеном в цепи рассказов о новгородском самовластии в памятнике, обосновывающем неизбежность подчинения Новгорода воле великих князей[283]. Также историк литературы указал на близость рассказа о про-

---

[280] *Салмина М. А.* «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго» // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 89.

[281] *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском (историко-текстологическое исследование). М., 1974. С. 116—119, схема.

[282] Там же. С. 119.

[283] *Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. (Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний). Л., 1973. С. 138—141.

рочестве Михаила Клопского, который помещен в Тучковской редакции Жития этого святого, к 1 гл. 15 ст.[284]

Приняв предположение И. Н. Жданова и А. И. Соболевского о создании Житий Ольги и Владимира в СК Сильвестром, И. В. Курукин сделал интересное предположение об источниках 14—18 гл. 1 ст., порицающих охоты. Согласно мнению историка, помещенное в Житии Ольги и пропущенное при его включении в СК описание охот византийских императоров было использовано в осуждающих «позорные ловитвы» пассажах, которые предшествовали описанию усобиц между сыновьями Святослава Игоревича после его смерти[285].

В историографии был сделан и ряд других, более частных, замечаний относительно источников СК. Так, М. Горлин, развив наблюдения И. Н. Жданова об использовании в СК «Слова о погибели Русской земли», обратил внимание на то, что те народы, которые в «Слове о погибели» представлены в качестве соседей Руси (чехи, ляхи, литва, угры, немцы и др.), в 7 ст. СК фигурируют в числе народов, подчиненных Руси[286]. И. Шевченко указал на близость содержащегося в 1 гл. 15 ст., 27 тит. 10 гл. 14 гл. 17 ст. СК толкования имени «Иоанн» переводу, представленному в лексикографическом трактате «О именех глаголемых жидовским языком»[287]. Также историк отметил ссылки в СК на «Завещание» Иосифа Волоцкого в Житии Ионы в СК

---

[284] Повести о Житии Михаила Клопского / Подгот. текста и ст. Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1958. С. 83.

[285] *Курукин И. В.* 1) Сильвестр и составление Жития Ольги Степенной книги // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории: Сб. ст. М., 1978. С. 51—60; 2) Сильвестр: политическая и культурная деятельность... С. 119.

[286] *Gorlin M.* Le Dit de la Ruine de la terre russe et de la mort du grand-prince Jaroslav // Revue des études slaves. 1947. T. 23, fas. 1—4. P. 18. Попытку выявить в СК следы протографа «Слова о погибели» также предприняли Н. К. Гудзий и Ю. К. Бегунов, см.: *Гудзий Н. К.* О «Слове о погибели Рускыя земли» // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 537—539; *Бегунов Ю. К.* 1) Следы «Слова о погибели Рускыя земли» в Степенной книге // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 116—130; 2) Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 145—152.

[287] См.: *Ševčenko I.* A Neglected Byzantine Source of Muscovite Political Ideology // *Ševčenko I.* Byzantium and the Slavs in Letters and Culture. Cambridge; Mass., 1991. P. 68, Note. 63. Здесь и далее ссылки даются по последнему изданию; впервые работа была опубликована в 1954 г. (см.: *Ševčenko I.* A Neglected Byzantine Source of Muscovite Political Ideology // Harvard Slavic Studies. 1954. Vol. II. P. 141—179).

(19 гл. 14 ст.) и на «Просветитель» (20 гл. 15 ст.)[288]. Я. Н. Щапов установил, что в 58 гл. 1 ст. был использован Устав Владимира в Синодальной редакции[289]. Специально не останавливаясь на разборе редакций Жития митрополита Ионы, Н. А. Казакова отметила, что в рассказе о поставлении Ионы в 19 гл. 14 ст. книжник воспользовался посланием Василия Темного императору Константину Палеологу, из которого привел крупные выдержки. При этом, как отметила исследовательница, «рассказ Степенной книги подробнее: составитель ее произвел хронологические расчеты, привел имена византийских исторических деятелей и полнее использовал Послание Константину Палеологу» (начало 50-х гг. XV в.), чем в других летописях[290].

В рассматриваемый период значительный интерес к СК был проявлен в зарубежной историографии. Наибольшее внимание памятнику было уделено в трудах Я. Пеленского, Ф. Кэмпфера, Д. Миллера и У. Барнетта. Эти исследователи, следуя тенденциям, присущим советской историографии, особое внимание уделили выявлению связи между написанием СК и стремлением русского правительства середины XVI в. решить свои как внутри-, так и внешнеполитические задачи (особое внимание зарубежные исследователи уделили последним).

Попытку выявить в тексте СК случаи отражения внешнеполитических интересов Русского государства предприняли Ф. Кэмпфэр и Я. Пеленский. В работе, посвященной рассмотрению особенностей описания присоединения Казани к России в памятниках исторической мысли XVI в., немецкий историк Ф. Кэмпфер отметил ряд особенностей изображения русской истории в СК. Рассматривая ее текст, он проследил цепь событий, которые были связаны с Волжской Болгарией и Казанью (на их отождествление в памятниках середины XVI в., как было показано выше, указал еще Г. З. Кунцевич): войны Владимира и последующих русских князей (Андрея и Всеволода Юрьевичей) с волжскими болгарами, а также направление к ним философа с мис-

---

[288] *Ševčenko I.* A Neglected Byzantine Source... P. 67, Note. 59. Это наблюдение, как уже отмечалось выше, было продублировано в работе 1994 г. Я. С. Лурье, которому, по всей видимости, не была известна данная статья И. Шевченко.

[289] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 81.

[290] *Казакова Н. А.* Известия летописей и хронографов о начале автокефалии русской церкви // ВИД. Л., 1983. Вып. 15. С. 95.

сионерскими целями. Отмечая «историческую безосновательность» соотнесения Астрахани с Тмутороканью, историк высказал мнение о том, что «высокообразованный автор» СК по ошибке не мог допустить подобной путаницы. Это в свою очередь дало основания Ф. Кэмпферу связать интерес современника первого русского царя к истории Астрахани и Казани с его стремлением оправдать их захват Иваном Грозным[291]. Также исследователь вслед за Е. С. Сизовым указал на связь идей СК и современных ей памятников изобразительного искусства[292].

Несколько шире поставил проблему исследователь из США Я. Пеленский, который специально рассмотрел СК и КИ в контексте претензий русского правительства на киевское наследие. Подчеркивая основные линии этой преемственности — «имперскую» и церковную[293], историк отметил, что СК явилась важным шагом на пути утверждения в общественном сознании представления о преемственности Москвы по отношению к Киеву и Владимиру[294]. Отмечая в СК и КИ отождествление Волжской Болгарии и Казани[295], которое также представлено в современных им продолжении Ник., а также в Лебедев. и Львовской (далее — Львов.) летописях[296], Я. Пеленский не исключил того, что московский книжник середины XVI в. весьма смутно представлял себе реалии древнерусской исторической географии. Вместе с тем он отметил, что это отождествление отражало внешнеполитические амбиции русского правительства. Кроме того, указав на широкое использование в СК памятников церковной литературы, Я. Пеленский обратил внимание на значение включения в ее текст многочисленных чудес, знамений и

---

[291] *Kämpfer F.* Die Eroberung von Kasan 1552 als Gegenstand der zeitgenössischen russischen Historiographie // FOG. 1969. Bd. 14. S. 125, 141—144.

[292] *Kämpfer F.* «Rußland an der Schwelle zur Neuzeit». Kunst, Ideologie und historisches Bewußtsein unter Ivan Grosnyj // JGO. 1975. Bd. 23. S. 520.

[293] *Pelenski J.* 1) The Origins of the Muscovite Ecclesiastical Claims to the Kievan Inheritance // Le origini e lo sviluppo della cristianità Slavo-Bizantina. Roma, 1992. P. 213—226; 2) The Origins of the Muscovite Ecclesiastical Claims to the Kievan Inheritance (Early Fourteenth Century to 1458/1461) // Christianity and the Eastern Slavs. Vol. 1. Slavic Cultures in the Middle Ages. Berkley; Los Angeles; Oxford, 1993. P. 102—115; 3) The Contest for the Legacy of Kievan Rus'. N.Y., 1998. P. 61—101, 117—129.

[294] *Pelenski J.* The Contest... P. 190.

[295] *Pelenski J.* 1) Russia and Kazan: Conquest and Imperial Ideology (1438—1560s). The Hague; Paris, 1974. P. 7—20; 2) The Contest... P. 194, 197—198.

[296] *Pelenski J.* 1) Russia and Kazan... P. 122; 2) The Contest... P. 199.

пророчеств, которые свидетельствовали о небесном покровительстве московским государям и их предкам[297].

Попытку целостной реконструкции мировоззрения составителя СК почти четверть века спустя после появления диссертации В. В. Кускова предпринял историк из США Д. Миллер[298]. На основе сравнительного анализа ВМЧ и СК он попытался проследить процесс зарождения национального самосознания в России середины XVI в.

Согласно мнению историка, вдохновляемый митрополитом Макарием создатель СК задался целью представить в ней историю изначально независимой и славной своим прошлым страны. Отмечая несомненное стремление книжника к сопоставлению Руси и Византии, Д. Миллер выделил и иную тенденцию — тенденцию к подчеркиванию «древности, независимости и равенства» Древней Руси и Византии. С этой целью, согласно его мнению, в произведение был введен пространный рассказ о приходе на Русь апостола Андрея; его трактовка в СК позволяла ее

---

[297] *Kämpfer F.* 1) Die Eroberung von Kasan 1552... S. 79, 110; *Pelenski J.* Russia and Kazan... P. 214—231; 2) The Contest... P. 200—201.

[298] Недавно был осуществлен перевод работы Д. Миллера на русский язык, см.: *Миллер Д.* 1) Великие Минеи Четьи и Степенная книга митрополита Макария и истоки русского национального самосознания / Перевод Н. Н. Бобринского // Макарьевские чтения. Можайск, 2002. Вып. 9. С. 83—96; 2) Великие Минеи Четьи и Степенная книга митрополита Макария и истоки русского национального самосознания (продолжение) // Макарьевские чтения. М.; Можайск, 2003. Вып. 10. С. 626—646; 3) Великие Минеи Четьи и Степенная книга митрополита Макария и истоки русского национального самосознания (продолжение) // Макарьевские чтения. Можайск, 2004. Вып. 11. С. 304—327; 4) Великие Минеи Четьи и Степенная книга митрополита Макария и истоки русского национального самосознания (продолжение) // Макарьевские чтения. Можайск, 2005. Вып. 12. С. 356—391; 5) Великие Минеи Четьи и Степенная книга митрополита Макария и истоки русского национального самосознания (окончание) // Макарьевские чтения. Можайск, 2006. Вып. 13. С. 393—424. Учитывая несовершенство русского перевода (из него читатель узнает о существовании «популярного» рода бояр Романовых, «трех полных либо неполных рукописей» ВМЧ, «Предания о князьях Владимирских», «Жития Василия-Варлаама Псковского», Козьмы «Индикоплейста», Тучковском «издании» Жития Михаила Клопского, некой «Сокращенной хроники» (Краткого летописца), о «разумной бездеятельности» митрополита Макария во время болезни Ивана IV в 1553 г. и т. д.), а также отсутствие полного текста примечаний Д. Миллера, имеющих для нас огромное значение, мы будем пользоваться немецким изданием этой работы (см.: *Miller D.* The Velikie Minei Chetii and the Stepennaia kniga of Metropolitan Macarii and the Origins of Russian National Consciousness // FOG. 1979. Bd. 26. S. 263—382).

составителю связать начало проникновения христианства на Русь с апостольскими временами. Д. Миллер также обратил внимание на то, что рассказы о походах языческой Руси на Византию были включены в СК для того, чтобы прославить древнейший период русской истории[299]. Как полагает историк, этой же цели служило упоминание в СК двух первых русских митрополитов, поставленных без санкции константинопольского патриарха, — Илариона и Климента Смолятича[300].

Характеризуя особенности изображения прошлого Руси в СК в целом, Д. Миллер отметил, что пронизывающая весь ее текст идея преемственности московских государей (по прямой линии наследства) и митрополитов киевским была обусловлена необходимостью восполнения лакун в политической истории Руси домонгольского периода, а также периода подчинения Орде[301]. Представленная в памятнике реконструкция линии наследования русских князей и митрополитов друг другу, согласно Д. Миллеру, служила средством выстраивания линии преемственности всей русской истории. Как отметил историк, проводя в СК идею этой преемственности, книжник искажал события периода зависимости Орде, не желая связывать усиление московских князей с поддержкой их ордынскими правителями[302]. Обращая внимание на неоднократные указания книжника на древность прав московских князей на Киев и на царский титул, Д. Миллер отметил особенности представления ряда эпизодов русской истории в СК. Так, историк указал на не слишком подробный рассказ в 5 гл. 15 ст. СК о Софии Палеолог, объясняя это тем, что, во-первых, невеста Ивана III пришла из католического Рима; во-вторых, составитель стремился показать древность прав на царский титул русских государей, которая своими корнями уходила намного глубже 70-х гг. XV в.[303] Результаты рассмотрения особенностей представления прошлого в СК дали основания историку сделать интересный вывод о том, что СК являлась первым «памятником историописания в России начала Нового времени»[304].

Резюмируя итоги рассмотрения СК, Д. Миллер фиксирует в ней как ряд новых черт, роднящих ее с памятниками истори-

---

[299] *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 326—327.
[300] Ibid. S. 332.
[301] Ibid. S. 320.
[302] Ibid. S. 325.
[303] Ibid. S. 324.
[304] Ibid. S. 361.

ческой мысли Нового времени, так и консервативные черты. Так, с одной стороны, в СК русская история, органично развивающаяся в рамках преемственности «Киев — Владимир — Москва», была связана воедино триадой — династия, Церковь (православие) и Русское царство — триадой, которая во многом определила течение русской историографии Нового времени. С другой стороны, Д. Миллер, указывая на многочисленные случаи искажения источников СК ее составителем в угоду имущественным и идеологическим интересам Церкви и государства середины XVI в., отметил религиозную трактовку русской истории в памятнике, в целом характерную для эпохи Средневековья. Проводя аналогии между русской и западноевропейской историей, историк обратил внимание на то, что в то время как в Европе Мартин Лютер и его последователи своими проповедями расшатывали основы религиозного миросозерцания, в России книжники круга митрополита Макария утверждали его, тем самым закрепляя консервативные черты в общественном сознании[305].

Специально останавливаясь на характеристике политических взглядов составителя СК, Д. Миллер заметил, что памятник отражал умонастроения инициатора работ над ним — митрополита Макария, который разделял византийскую концепцию государства и общества с характерной для нее теорией симфонии светской и духовной властей. Отмечая, что Макарий «ориентировал Ивана IV на проведение наступательной внешней политики», Д. Миллер относил СК к числу наиболее ранних и крупных памятников, в которых идеологическими и историческими аргументами отстаивались права русского царя на Казань и Астрахань, а также земли Ливонского Ордена и Польско-Литовского государства[306]. При этом историк сделал важное наблюдение. Как указал Д. Миллер, в СК, несомненно, выдвигаются претензии на земли соседей. Однако пределы этих притязаний не выходят за границы «Русской державы» в том виде, в котором она представлена в СК, — книжник обосновывает права московских государей на их «отчины» (земли, входящие в состав Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ), Ливонского ордена и осколков Золотой Орды), не претендуя при этом на создание универсального государства, стремление к по-

[305] *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 365—366.
[306] Ibid. S. 362, 351.

строению которого характерно для Византии. Это позволило Д. Миллеру заключить, что идеологические предприятия митрополита Макария (прежде всего, СК), выдвигая на первый план «страну, династию и веру», «закладывали основания русского национального самосознания»[307]. Характеризуя СК в целом, Д. Миллер указал на то, что она являлась первым памятником древнерусской книжности, в котором «сочетался взгляд на мир, характерный для восточного христианства, с историческим обоснованием самодержавия и русским национальным самосознанием»[308].

Специально не занимаясь реконструкцией круга источников СК, Д. Миллер, тем не менее, сделал ряд замечаний и по этому вопросу. Так, он указал на использование в СК непосредственно ВМЧ[309], а также «Слова... еже на латину» и Послания Ионы в Литву (в степенной редакции Жития митрополита Ионы — 19 гл. 14 ст.)[310]. Д. Миллер отметил и влияние «Наставления» Агапита на Похвалу Василию III в 16 ст.[311] Историк обратил внимание и на другие источники СК: согласно его мнению, источником рассказа о приходе митрополита Михаила на Русь (35 гл. 1 ст.) наряду с Ник. могли послужить Устав Владимира, а также послание митрополита Макария Ивану IV (1550 г.)[312]. Затрагивая вопрос об источниках помещенного в 24 гл. 13 ст. Сказания о Владимирской Богородичной иконе, в своей более поздней работе Д. Миллер указал на то, что оно было создано на основе сочетания летописных повестей о перенесении иконы из Киева во Владимир и Москву, а также Повести о приходе Тамерлана на Русь[313]. В этой же статье историк сделал исключительно важное наблюдение относительно основного источника

---

[307] *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 363. Позднее Д. Миллер развил этот свой вывод, обратив внимание на то, что «национальное» в СК особенно ярко проявляется при описании столкновений Руси с внешним противником — «безбожными» казанцами, «латинянами» и т. д. Так, в СК поход Тамерлана на Русь (24 гл. 13 ст.) превращен в важный эпизод борьбы Руси за православие, в биографии Александра Невского в СК (8 ст.) подчеркнуты его столкновения с католиками (немцами и шведами). См.: *Miller D.* Official history in the reign of Ivan Groznyi and its seventeenth-century imitators // RH. 1987. Vol. 14, Nos. 1—4. P. 345—347.

[308] *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 361.

[309] Ibid. S. 316—317.

[310] Ibid. S. 332, 335.

[311] Ibid. S. 336.

[312] Ibid. S. 319.

[313] *Miller D.* Official history... P. 345.

17 ст., отметив ее близость к ЛНЦ. Выяснив, что СК «вобрала» в себя материал этого памятника, исследователь не остановился на характеристике конкретной редакции ЛНЦ, которая использовалась в СК, а также специально не рассматривал вопрос о том, какие именно известия восходят к этому летописному источнику[314].

Важной заслугой Д. Миллера в изучении СК является помещение изучения памятника в контекст развития русской книжности XVI в. Так, историк сделал любопытное замечание относительно связи СК с сочинениями Ивана Грозного: он указал, что СК является единственным памятником исторической мысли (до появления посланий Ивана Грозного), в котором бояре, захватившие власть в период малолетства Ивана IV, прямо обвиняются в узурпации власти и присвоении чужого имущества (7 гл. 17 ст.)[315]. Также Д. Миллер присоединился к уже представленному в литературе предположению о наличии связи СК с памятниками живописи (в частности, иконой «Благословенное воинство»). Исследователь отметил и влияние СК на последующие памятники древнерусской книжности — КИ и ЛЛС[316].

Сходную с В. В. Кусковым работу, не зная о его диссертации, спустя почти три десятилетия провел американский исследователь У. Барнетт. Свой труд он посвятил изучению методов, с помощью которых книжник создавал текст СК, богословских и исторических идей ее составителя, а также стилистических особенностей произведения[317]. Диссертация У. Барнетта, так же как и В. В. Кускова, построена в форме комментирования текста СК. В целом плохо знакомый с историографией памятника (кроме диссертации В. В. Кускова ему были неизвестны работы Н. С. Державина, Н. И. Серебрянского, А. И. Соболевского, А. А. Зимина, Ф. Кэмпфера, Я. Пеленского и др.), он фактически ограничился приведением параллельных текстов СК и ее уже известных источников.

В то же время У. Барнетт сделал ряд ценных наблюдений. К их числу относятся: любопытное замечание относительно бли-

---

[314] *Miller D.* Official history... P. 341.

[315] *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 342.

[316] Ibid. S. 351, Fus. 235.

[317] *Barnette W.* Stepennaja kniga: Sources, Their Adaptation and Development. Ph. D. diss. Nashville, 1979. P. 4. Автор настоящей работы выражает признательность Г. Ленхофф за предоставление копии этой труднодоступной для российского исследователя диссертации.

зости фрагмента «Слова о житии» Дмитрия Ивановича к вводной части СК (согласно мнению исследователя, «Слово» оказало влияние на композицию памятника, разделенного на степени)[318], интересное предположение об использовании в 15 гл. 1 ст. СК Стоглава[319], в 16 гл. 1 ст. Хр. 1512[320], «Слова о законе и благодати» в 1, 5 гл. 2 ст.[321], установление связи между рассказом Киево-Печерского патерика о Николае Святоше с повествующей об этом князе 11 гл. 3 ст.[322], указание на использование Жития Димитрия Прилуцкого в 28 гл. 13 ст.[323] Касаясь вопросов, связанных с изучением особенностей литературного оформления позиции составителя СК, У. Барнетт отметил, что важнейшими здесь были традиционные для памятников древнерусской литературы сравнения, уподобления, противопоставления и метафоры, которые черпались из источников СК[324]. Отмечая характер их редактирования, историк указал, что перед помещенными в ней повестями и сказаниями стояли две основные задачи — развлечение читателя, а также назидание ему[325]. Не будучи опубликованной, диссертация У. Барнетта осталась неизвестной исследователям СК[326].

* * *

Резюмируя, можно отметить, что для 40-х—70-х гг. прошлого столетия характерно постепенное накопление материала о СК (особенно о произведениях, вошедших в ее состав), а также помещение изучения памятника в литературный и историко-политический контекст эпохи. К числу особенностей данного этапа в изучении СК следует также отнести появление ряда посвященных ей зарубежных работ (в т. ч. специальных).

---

[318] *Barnette W.* Stepennaja kniga... P. 241—242.

[319] Ibid. P. 66.

[320] Ibid. P. 66, 247—248.

[321] Ibid. P. 155.

[322] Ibid. P. 163.

[323] Ibid. P. 260.

[324] Ibid. P. 311—313.

[325] Ibid. P. 320.

[326] Единственное известное нам упоминание диссертации У. Барнетта содержится в монографии А. Л. Хорошкевич (см.: *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003. С. 31, примеч. 8).

1.4. Работы последних лет (80-е гг. XX в.—начало XXI в.)

По числу работ, посвященных СК, а также по объему материала, накопленного в историографии о ней, и интенсивности ее изучения данный период сравним, пожалуй, лишь с первой третью XX в. Как и предыдущий, рассматриваемый этап исследования СК характеризуется появлением как специально посвященных ей трудов, так и частных работ, в которых, тем не менее, был сделан ряд важных наблюдений о памятнике.

Изучение связи СК и современных ей произведений изобразительного искусства было продолжено В. В. Морозовым, развившим и дополнившим наблюдения И. А. Шляпкина и Е. С. Сизова. Историк обратил внимание на совпадение числа упоминаемых в СК канонизированных князей с составом воинов на иконе середины XVI в. «Благословенное воинство царя небесного», а также на образ сада во вводной части СК и на изображение цветов на этой иконе. Согласно интерпретации этого памятника В. В. Морозова, «род российских самодержцев от Владимира Святого до Ивана Грозного» является «главным героем» иконы[327].

Интересное предположение выдвинул В. В. Морозов и относительно датировки СК. Справедливо отметив, что она представляет собой масштабное произведение, написание которого маловероятно в течение небольшого отрезка времени, историк указал на то, что часть СК до смерти митрополита Алексия (т. е. до 11 ст. включительно) была написана до 1560 г.[328] Свое мнение В. В. Морозов основывал на фрагменте из Жития митрополита Алексия в 7 гл. 11 ст. СК, на который в историографии уже обращалось внимание[329]. Так, в этом отрывке указы-

---

[327] *Морозов В. В.* Икона «Благословенное воинство» как памятник публицистики XVI века // Произведения русского и зарубежного искусства XVI—начала XVIII века. М., 1984. С. 23—24. Предположение В. В. Морозова о возможности соотнесения всадников на иконе с потомками Владимира оспорил И. А. Кочетков. Специально не разбирая текст СК в контексте рассмотрения представленных на иконе персонажей, исследователь предположил, что на иконе изображены павшие при взятии Казани воины, которые направляются в рай (см.: *Кочетков И. А.* К истолкованию иконы «Церковь воинствующая» («Благословенное воинство небесного царя») // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38. С. 193, 198).

[328] *Морозов В. В.* Икона «Благословенное воинство»... С. 28.

[329] Например, см.: *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 214.

валось, что Житие создавалось «в лѣта благочестивыя дръжавы... Ивана Василиевича всеа Русии и при сынѣ его царевичи Иванѣ»[330], который родился в марте 1554 г. (в этой редакции Жития нет упоминания Федора, который родился в июле 1557 г.). Т. к. в Похвале митрополиту Ионе фигурируют «богодарованные чада» Ивана IV (19 гл. 14 ст.)[331], то, по мнению В. В. Морозова, к 1557 г. «замысел, структура и основная часть Степенной книги были уже разработаны»[332].

Также исследователь, специально рассмотрев случаи использования в ЛЛС СК (историк выделил 30 фрагментов[333]), на основании анализа печатного текста издания 1908—1913 гг. СК предположил, что при создании ЛЛС был использован Чуд. или близкий к нему список[334].

Ряд важных замечаний относительно СК сделал Б. М. Клосс. Рассматривая рукописную традицию Ник., исследователь на основании анализа ряда орфографических разночтений и факта близости к вводной статье СК «История, сиречь повестник...» соответствующего раздела Ник., высказал предположение об использовании при составлении СК непосредственно Патриаршего списка Ник. (далее — Патр.)[335]. Также Б. М. Клосс выявил важный источник СК — в собрании Волоцкого монастыря он обнаружил два списка третьей четверти XVI в. Повести на перенесение Владимирской Богородичной иконы в Москву в редакции, которая включена в 24 гл. 13 ст. СК[336]. Проведя текстологический анализ Повести о нашествии на Москву Магмет-Гирея, Б. М. Клосс путем сравнения версии СК с первоначаль-

---

[330] Степенная книга. Т. 2. С. 38.

[331] Там же. С. 216.

[332] *Морозов В. В.* Икона «Благословенное воинство»... С. 28.

[333] *Морозов В. В.* Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005. С. 75, 102, 120—121.

[334] *Морозов В. В.* 1) Царственная книга и Книга Степенная царского родословия // Конференция по истории средневековой письменности и книги к 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы докладов. 25—27 октября 1977 г. Ереван, 1977. С. 58—59; 2) Царственная книга как памятник летописания XVI века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979. С. 16; 3) Лицевой свод... С. 102, 134.

[335] ОР БАН. Ф. 31 (Основное собрание). 32.14.8; *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 192—193.

[336] ОР РГБ. Ф. 113. № 632, 633; *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 2. М., 2000. С. 133—134. Согласно предположению Б. М. Клосса (там же. С. 134), список, помещенный в ркп. № 633, является непосредственной копией списка сборника № 632.

ной редакцией Повести подтвердил вывод В. В. Морозова о том, что наибольшую близость она обнаруживает к Чуд. При этом историк в ходе сличения текста Повести с Шумиловским томом ЛЛС развил данное наблюдение В. В. Морозова, заключив, что Повесть была заимствована из списка СК, который являлся протографом Чуд.[337]

Интересные замечания сделал Б. М. Клосс относительно биографии наиболее вероятного составителя СК. Согласно его мнению, Андрей-Афанасий после своего ухода с митрополичьей кафедры не оставил своих литературных занятий, приняв участие в составлении ЛЛС. Данное предположение Б. М. Клосс аргументировал упоминанием «изящного в добродетелях» митрополита Афанасия в Царственной книге, а также записью об исцелении у гроба Александра Невского во Владимире-на-Клязьме в Шумиловском томе ЛЛС, которая, согласно Б. М. Клоссу, принадлежит перу непосредственно Андрея-Афанасия[338]. Важное наблюдение было сделано относительно связи Андрея-Афанасия с Волоцким монастырем. Так, Б. М. Клосс, обратившись к рукописи из собрания этого монастыря № 426 (Апостол начала XVI в.), отметил запись о том, что она была «дана на список благовещенскому протопопу Ондрею»[339]. Ценное замечание сделал Б. М. Клосс относительно датировки смерти Андрея-Афанасия, которую он отнес к периоду между 1568 и 1575 гг.[340]

---

[337] *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 262—263.

[338] Там же. С. 263.

[339] ОР РГБ. Ф. 113. № 426. Л. 1; *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 263, примеч. 133. Очевидно, данная запись не привлекла внимания исследователей СК (прежде всего П. Г. Васенко) в силу того, что в печатном описании ркп. (см.: *Иосиф, иером.* Опись рукописей, принесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882. С. 50) была допущена ошибка в прочтении записи — вместо «Ондрея» в описании содержится «Онофрею». Ошибка исправлена в машинописных дополнениях к печатному описанию (см.: *Неволин Ю. А., Тиганова Л. В., Тихомиров Н. Б.* Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря. Фонд. № 113: Дополнительная опись к печатному описанию иером. Иосифа «Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882». М., 1972. Машинопись. С. 63).

[340] Как отметил Б. М. Клосс, митрополит Афанасий фигурирует в Послесловии к Псалтири 1568 г., в 1575 г. его уже явно не было в живых, т. к. он упомянут в Троицком синодике, датируемом этим годом (см.: ОР РГБ. Ф. 304.III (Собрание ризницы Троице-Сергиевой лавры). № 25. Л. 12 об.; *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 263).

Биографию Андрея-Афанасия специально рассмотрел архим. Макарий (Веретенников)[341]. Обобщив накопленный в историографии материал, историк Церкви представил основные факты жизни этого книжника, а также выдвинул ряд интересных предположений об участии Андрея-Афанасия в создании других памятников древнерусской литературы (помимо составления СК и Жития Даниила Переяславского). Так, проанализировав текст «Сказания о смерти митрополита Макария», которое явно было написано лицом, близким к этому святителю, он выдвинул интересную гипотезу о его принадлежности перу Андрея-Афанасия. Также архим. Макарий высказал мнение об участии Андрея-Афанасия в составлении несохранившегося Пространного Хронографа, который, согласно реконструкции генеалогии русской хронографии О. В. Творогова, послужил источником Хронографа редакций 1599 и 1601 гг.[342] Свое предположение исследователь основывал на том, что Хронограф по духу близок к прочим крупным литературным памятникам времени митрополита Макария (ВМЧ, СК, Стоглаву и др.), а среди авторов исторических сочинений этого времени известен лишь Андрей-Афанасий[343]. Также Макарий, не приведя новых аргументов, поддержал предположение Б. М. Клосса об участии Андрея-Афанасия в составлении ЛЛС[344].

Позднему этапу развития рукописной традиции СК посвящен ряд работ Д. О. Серова. В них исследователь свое внимание сосредоточил на рассмотрении рукописной традиции памятни-

---

[341] Первое издание его работы вышло в 1984 г. (см.: *Макарий (Веретенников)*. Всероссийский митрополит Афанасий (1564—1566) // Богословские труды. 1984. Сб. 25. С. 247—259). В настоящей работе мы будем ссылаться на последнее (исправленное и дополненное) издание данной статьи (см.: *Макарий (Веретенников)*. Всероссийский митрополит Афанасий (1564—1566) // *Макарий (Веретенников)*. Из истории русской иерархии XVI века. М., 2006. С. 104—125). В концентрированном виде основные факты биографии Андрея-Афанасия архим. Макарий изложил в статье, подготовленной для «Православной энциклопедии» (см.: *Макарий (Веретенников)*. Афанасий // ПЭ. Т. 3. М., 2001. С. 708). Также см. раздел «Всероссийский митрополит Афанасий (1564—1566)» в монографии Макария (Веретенникова): *Макарий (Веретенников)*. Жизнь и труды святителя Макария, митрополита Московского и всея Руси. М., 2002. С. 302—309.

[342] *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 44—45, 230, 233 (стемма 8).

[343] *Макарий (Веретенников)*. Всероссийский митрополит Афанасий... С. 122.

[344] Там же. С. 123—124.

ка XVII—XVIII вв., уделив особое внимание редакции Ивана Юрьева (1716—1718 гг.)[345]. Исследователь ввел в научный оборот ряд неизвестных П. Г. Васенко списков (по преимуществу, XVII в.), доведя число известных в науке списков до 84[346] (П. Г. Васенко было известно 56). Специальное внимание Д. О. Серов уделил разбору фактов биографии крупнейшего исследователя СК — П. Г. Васенко, составив полную библиографию его трудов[347].

Попытку пересмотреть взгляд М. Я. Диева и П. Г. Васенко на авторство Андрея-Афанасия предприняла Е. В. Неберекутина, развившая предположение Н. С. Державина об участии в создании СК Василия-Варлаама. Свою гипотезу по этому вопросу она представила в специальном разделе коллективного труда, в котором была предложена новая методика определения авторства памятников русской литературы XI—XVIII вв. на основе использования математических методов[348]. Суть данной методики состоит в сравнении равных по объему фрагментов различных произведений, авторство которых известно, и анонимных. Итоги сравнительного анализа представляются в числовом выражении (количестве случаев использования тех или иных лексических единиц и их сочетаний). В случае выявления близости надлежащих параметров в произведениях, автор которых известен, с анонимными сочинениями появляются основания полагать, что тексты сравниваемых памятников могли быть написаны одним автором — соответствующим писателем[349].

---

[345] *Серов Д. О.* 1) Юрьевская Степенная и ее автор // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 115—127; 2) Степенная книга редакции Ивана Юрьева...; 3) Чудо в Юрьевской Степенной книге // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1992. Сб. 4. С. 318—328.

[346] В словарной статье «Степенная книга» (см.: *Серов Д. О.* Степенная книга // Литература Древней Руси: Биобиблиографический словарь. Л., 1996. С. 211) Д. О. Серов осторожно указал на существование «свыше 80» списков СК. По предварительным подсчетам историка (см.: *Серов Д. О.* Степенная книга редакции Ивана Юрьева. С. 44), работавшего в основном с материалами архивохранилищ Москвы и Санкт-Петербурга, в архивах других городах может содержаться еще около 10 списков СК.

[347] *Серов Д. О.* П. Г. Васенко... С. 419—429.

[348] Впервые свой взгляд на авторство СК Е. В. Неберекутина представила в своей диссертации, см.: *Неберекутина Е. В.* Методика атрибуции публицистических и исторических произведений русского средневековья середины XVI в. (Степенная книга. Вопросы авторства): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.

[349] Подробнее о данной методике см.: *Милов Л. В.* Основные принципы разработки методики определения структуры авторского стиля. История вопроса //

Проанализировав основные работы, посвященные СК, Е. В. Неберекутина отметила наличие различных версий относительно личности ее создателя: она указала на представленные в историографии гипотезы об участии в написании памятника Сильвестра, Андрея-Афанасия, Василия-Варлаама, а также мнение о коллективном авторстве памятника[350]. Специально не останавливаясь на рассмотрении жанровых особенностей памятников древнерусской литературы, ее «общих мест» и т. д., на основе охарактеризованной выше методики Е. В. Неберекутина предприняла попытку внести ясность в этот вопрос. Сравнив ряд сочинений, принадлежащих перу Сильвестра, Андрея-Афанасия и Василия-Варлаама, исследовательница установила, что наибольшую близость к ряду крупных разделов СК (Житие Ольги, Похвала Василию III, Сказание о Данииле Переяславском в 16 ст., описания чудес, связанных с взятием Казани в 17 ст.) обнаруживают произведения Василия-Варлаама[351]. На этом основании Е. В. Неберекутина, не отрицая возможности участия Андрея-Афанасия в составлении СК, высказала предположение о написании соответствующих разделов памятника Василием-Варлаамом, тем самым «признав верной точку зрения тех исследователей, которые считали, что над созданием Степенной книги работала целая группа сотрудников»[352]. Также Е. В. Неберекутина, отметив значение СК для утверждения прав русского государя на царский титул и на богоустановленный характер власти, сочла «вполне вероятным», что «Иван Грозный был инициатором как составления Степенной книги в целом... так и появления отдельных ее сказаний (например, о княгине Ольге, о Данииле и Никите Переяславских и др.)»[353].

От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства. М., 1994. С. 5—32; *Бородкин Л. И.* Математические методы и компьютер в задачах атрибуции текстов // Там же. С. 33—39.

[350] *Неберекутина Е. В.* Митрополит Афанасий... С. 126—153.

[351] *Неберекутина Е. В.* Поиски автора Степенной книги // От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства. М., 1994. С. 154—224. Согласно мнению Е. В. Неберекутиной, Житие Ольги обнаруживает наименьшую близость к трудам Василия-Варлаама среди прочих рассмотренных ею разделов СК. На этом основании исследовательница, не согласившись с распространенным в литературе мнением об авторстве Жития Сильвестра, предположила, что Василий-Варлаам являлся если не автором, то редактором помещенного в СК жизнеописания Ольги (там же. С. 211).

[352] Там же. С. 211.

[353] *Неберекутина Е. В.* Митрополит Афанасий... С. 131.

Гипотеза Е. В. Неберекутиной относительно авторства памятника в историографии была встречена неоднозначно. Б. Н. Флоря и И. Ф. Юшин, отметив сложность атрибуции памятников исключительно на основе математических данных, приняли гипотезу Е. В. Неберекутиной, выразив надежду на то, что ею «так успешно начатое исследование Степенной книги будет продолжено»[354]. Л. М. Брагина и А. А. Горский также сочли убедительными аргументы, представленные Е. В. Неберекутиной в пользу участия в создании СК Василия-Варлаама[355]. В. И. Калиганов, не приведя дополнительных данных, также поддержал гипотезу Е. В. Неберекутиной, сочтя, что приведенные ею данные «опровергают мнение о единоличном составлении Степенной книги митрополитом Афанасием»[356]. Также не приведя дополнительных данных, согласился с мнением исследовательницы и архим. Макарий (Веретенников), указав на редакторскую правку в СК указанных Житий Василием-Варлаамом[357].

В рецензии на коллективный труд, в котором помещены статьи Е. В. Неберекутиной, А. А. Алексеев усомнился в плодотворности «квантитативной» методики определения авторства в памятниках средневековой литературы, для которых было характерно постоянное использование «общих мест»[358]. А. В. Сиренов, не отвергая наблюдений исследовательницы относительно случаев близости сочинений Василия-Варлаама к ряду вклю-

---

[354] *Флоря Б. Н., Юшин И. Ф.* [Рец.] // ОИ. 1997. № 4. Рец. на кн.: От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства. М., 1994. С. 194. За истекшие после выхода в свет данного сборника годы, насколько известно автору настоящей работы, Е. В. Неберекутина специально СК более не занималась.

[355] *Брагина Л. М., Горский А. А.* [Рец.] // ВИ. 1996. № 9. Рец. на кн.: От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства. М., 1994. С. 173.

[356] *Калиганов В. И.* Веков связующая нить (вопросы истории и поэтики славянских литератур и культур). М., 2006. С. 80.

[357] *Макарий (Веретенников).* Василий // ПЭ. Т. 7. М., 2004. С. 73. В комментариях к последнему изданию «Истории русской церкви» митрополита Макария (Булгакова) (см.: *Макарий (Булгаков).* История русской церкви. Кн. 4, ч. 1. С. 582, коммент. [182*]) исследователь счел убедительной атрибуцию Е. В. Неберекутиной Жития Ольги Василию-Варлааму. Поддержал мнение Е. В. Неберекутиной архим. Макарий и в других работах (например, см.: *Макарий (Веретенников).* Макарьевская проблематика... С. 67).

[358] *Алексеев А. А.* «Текстолог-квантификатор» и индивидуально-авторский стиль // РЛ. 1995. № 4. С. 172—175. Рец. на кн.: От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства. М., 1994.

ченных в СК произведений, осторожно заметил, что вопрос об авторстве СК окончательно «еще не решен»[359]. Позднее этот историк более критично высказался относительно гипотезы Е. В. Неберекутиной: отметив несовершенство методики, на которой основано ее исследование, а также отсутствие прямых указаний на авторство Сильвестра и Василия-Варлаама в источниках, А. В. Сиренов заключил, что гипотеза об участии «в составлении Степенной книги Сильвестра и Василия-Варлаама опирается» не на показания источников, а «только на общие соображения отдельных исследователей»[360].

Наиболее последовательно гипотезу Е. В. Неберекутиной рассмотрела В. И. Охотникова[361]. Исследовательница специально разобрала степенную редакцию Жития Всеволода Псковского, развив и дополнив наблюдения Н. С. Державина и В. В. Кускова[362]. В. И. Охотникова тщательно рассмотрела особенности включения Жития в 9 гл. 5 ст., выявив особенности редакторской правки текста памятника, определила фрагменты Жития в СК, имеющие летописное происхождение (как отметила В. И. Охотникова, наибольшую близость к СК обнаруживают Ник. и Воскр.[363]). Итоги сравнения степенной редакции и редакции Василия-Варлаама, на использование которой в СК указал еще архиеп. Филарет (Гумилевский), показали целый ряд значимых расхождений (подробнее они будут рассмотрены в четвертой главе настоящей работы). Согласно В. И. Охотниковой, их трудно объяснить, если исходить из предположения о написании обоих памятников одним лицом. Воспользовавшись на-

---

[359] *Сиренов А. В.* Житие князя Владимира... С. 89.

[360] *Сиренов А. В.* Степенная книга... С. 42. Также см.: *Сиренов А. В.* Митрополит Афанасий и проблема авторства Степенной книги // ОА. 2007. № 4. С. 49—50.

[361] *Охотникова В. И.* Пути развития псковской агиографии // Псков в российской и европейской истории: Международная научная конференция. Т. 2. М., 2003. С. 322, примеч. 18. Наиболее последовательную критику гипотезы Е. В. Неберекутиной В. И. Охотникова представила позднее, см.: *Охотникова В. И.* 1) Житие Всеволода-Гавриила в составе Степенной книги // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 484—503; 2) Псковская агиография XIV—XVII вв. Т. 1. СПб., 2007. С. 135—138.

[362] Не зная о статье В. И. Охотниковой, автор настоящего труда провел во многом сходную работу (см.: *Усачев А. С.* Источники... С. 287—291; работа была сдана в печать до публикации сборника, содержащего статью В. И. Охотниковой «Житие Всеволода-Гавриила в составе Степенной книги»).

[363] *Охотникова В. И.* 1) Житие Всеволода-Гавриила... С. 500; 2) Псковская агиография. Т. 1. С. 122—124.

блюдениями В. П. Мансикки, В. И. Охотникова указала на то, что в СК вошла т. н. Владимирская редакция Жития Александра Невского, а не редакция Василия-Варлаама, что также необъяснимо, если придерживаться версии об авторстве СК Василия-Варлаама[364]. Также исследовательница указала на особую близость к записи под 6720 г. CI известия о походе князя Мстислава Мстиславича Торопецкого на чудь[365].

В. И. Охотникова сделала и ряд других важных наблюдений об источниках СК. Так, она установила, что рассказ СК о князьях Войшелке и Довмонте Псковском (10—12 гл. 9 ст.) восходит не к Повести о псковском князе, а к соответствующим записям CI и Ермолинской летописи (далее — Ерм.)[366]. Согласно мнению исследовательницы, жизнеописание Довмонта в СК, «несколько абстрагированное от псковских интересов, было составлено, вероятнее всего, не псковским автором»[367]. Как установила В. И. Охотникова, составитель СК из жизнеописания Довмонта убрал «лишние» детали, подверг его стилистической обработке, «приблизив биографию Довмонта к „чюдным повестям“ Степенной книги»[368].

Масштабное исследование СК предпринял Н. Н. Покровский[369]. Его отправной точкой послужила важная находка, сделанная в ходе «археографического открытия» Сибири: историк обнаружил и ввел в научный оборот новый, ранее не известный список, найденный им в Томском областном краеведческом му-

---

[364] *Охотникова В. И.* Житие Всеволода-Гавриила... С. 500—503.

[365] Там же. С. 488.

[366] *Охотникова В. И.* 1) Повесть о Довмонте: Исследования и тексты. Л., 1985. С. 96—99, 100 (стемма), 113—115 (стемма); 2) Псковская агиография. Т. 1. С. 451—455 (стемма).

[367] *Охотникова В. И.* Житие Всеволода-Гавриила... С. 503.

[368] *Охотникова В. И.* Повесть о Довмонте... С. 99.

[369] Основные положения исследования Н. Н. Покровского были изложены им в докладе «Томский список Степенной книги и некоторые вопросы ранней текстологии памятника» на заседании Археографической комиссии в 1979 г. (изложение доклада и его обсуждения см.: *Морозов В. В.* Деятельность Археографической Комиссии в 1979 г. // АЕ за 1979 год. М., 1981. С. 337—343). Материалы доклада были использованы Н. Н. Покровским при подготовке статьи «Афанасий» для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» (см.: *Покровский Н. Н.* Афанасий // СККДР. Вып. 2, ч. 1. Л., 1988. С. 73—79). В полном виде доклад был опубликован в 2001 г. См.: *Покровский Н. Н.* Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые вопросы ранней текстологии памятника // Общественное сознание и литература XVI—XX вв. Новосибирск, 2001. С. 3—43.

зее (далее — Томск.)[370]. Как отметил историк, Томск. не имеет вводных статей и окончания Жития митрополита Алексия. Результаты кодикологического и текстологического сравнительного анализа Томск. с прочими списками СК дали основания отметить его особую близость к Чуд. (общность филиграней бумаги, почерков и украшений соответствующих ркп., а также ряд сходных чтений и случаев редакторской правки); последний П. Г. Васенко, датируя 1565—1568 гг., относил ко второму типу списков памятника. После детального обследования Чуд. и Томск. Н. Н. Покровский пришел к обоснованному вескими аргументами выводу об их создании примерно в одно время в одном скриптории (вероятнее всего, Чудова монастыря). При этом Томск. возник, по-видимому, несколько ранее — как установил историк, исправления в Томск. были учтены при создании Чуд. (ряд заголовков, внесенных на полях Томск., прочно занял свое место в основном тексте Чуд и т. д.)[371]. На основе изучения этих двух списков и изданного П. Г. Васенко текста Н. Н. Покровский заключил, что положенный в основу публикации 1908—1913 гг. Пискарев. не отражает древнейшую редакцию СК — он датируется началом XVII в. и сохранил худшие чтения. Как отметил Н. Н. Покровский, лучшие чтения среди привлеченных к изданию П. Г. Васенко списков дает Чуд.[372]

Специально рассматривая процесс создания СК, Н. Н. Покровский на основе анализа Томск. и Чуд. установил, что первоначально СК, по-видимому, была доведена до конца 16 ст. (без Сказания о Данииле Переяславском) и лишь несколько позднее в текст памятника были включены жизнеописание переяславского святого и заключающая СК 17 ст. Определяя время написания древнейших списков памятника, Н. Н. Покровский исходил из версии о написании их в период занятия митрополичьей кафедры Андреем-Афанасием (1564—1566 гг.), отнеся к этому времени создание и редактирование Томск. и Чуд.[373] Как убедительно показал Н. Н. Покровский, работа над произ-

---

[370] ТОКМ. № 7903/2 (далее при цитировании Томск. шифр рукописи указываться не будет).

[371] *Покровский Н. Н.* Исторические постулаты Степенной книги царского родословия // Исторические источники и литературные памятники XVI—XX вв.: развитие традиций. Новосибирск, 2004. С. 5.

[372] *Покровский Н. Н.* Томский список... С. 13—43.

[373] Там же. С. 41—42.

ведением не была закончена. По мнению исследователя, это обусловливалось политическими причинами — близкий к опричнине период уже был далек от той идеальной модели взаимоотношений царя и митрополита, которая представлена в СК. Выступающий против репрессий Грозного ее наиболее вероятный составитель — митрополит Афанасий — уже не счел нужным заканчивать памятник, который начал создаваться в пору безоблачных (в сравнении с церковно-государственными отношениями середины 1560-х—1570-х гг.) взаимоотношений Ивана IV и митрополита Макария[374].

В работе, специально посвященной рассмотрению СК как памятника историографии, Н. Н. Покровский наметил основные идеи, которыми руководствовался ее создатель, представляя русскую историю читателю. Согласно мнению историка, их было три: 1) история страны — это, прежде всего, история деяний добродетельных «самодержцев» — потомков Владимира; 2) единство страны обеспечивается единством управляющей ею династии, которой власть над Русью даровал сам Бог; 3) Церковь и государство на протяжении всей истории действуют в добром согласии в духе византийской концепции симфонии светской и духовной власти[375]. Справедливо отмечая, что «идеи эти — не изобретение Макария и Афанасия, за ними были многие века истории многих христианских стран, их отражали русские летописи, повести, жития святых»[376], Н. Н. Покровский, специально не занимаясь выявлением круга источников СК, не рассматривает памятники, послужившие источниками как отдельных рассказов СК, так и ключевых идей ее составителя (исключение составляют лишь указание на близость к также создаваемой при митрополичьей кафедре Ник. с ее повышенным интересом к церковной истории[377] и замечание относительно созвучия назидательного мотива «Наставления» Агапита и идеи богоустановленности царской власти СК[378]).

Интересное предположение сделал Н. Н. Покровский относительно цели составления СК — согласно его мнению, пред-

---

[374] *Покровский Н. Н.* Томский список... С. 9.

[375] *Покровский Н. Н.* Исторические постулаты... С. 9.

[376] Там же. С. 10.

[377] Там же. С. 31—33.

[378] *Покровский Н. Н.* Византийский дьякон Агапит и московский митрополит Афанасий (XVI в.) // Человек в культуре античности, средних веков и Возрождения: Сб. науч. тр. в честь юбилея Нины Викторовны Ревякиной. Иваново, 2006. С. 165—175.

ставленные в произведении биографии добродетельных потомков Владимира, по замыслу книжника, должны были служить своего рода примером для Ивана IV[379]. Как отмечает историк, в соответствии с этим жизнеописания русских князей и представлены в СК — в них пропущены или сведены к минимуму описания политической деятельности этих князей (прежде всего рассказы об их участии в междоусобных войнах); внимание читателя сосредотачивалось, главным образом, на описании морально-этических достоинств русских князей[380].

Исследование рукописной традиции СК продолжил А. В. Сиренов, дополнив и развив наблюдения Н. Н. Покровского. А. В. Сиренов рассмотрел связи ряда списков СК с литературными памятниками, вошедшими в ее состав: пространной редакцией Жития Ольги и Житием Евфросинии Полоцкой редакции сборников. Историк отметил, что наиболее близкие к этим произведениям чтения, которые по отношению к Чуд., Томск и другим спискам являются первичными, содержит дошедший во фрагментах Волк.[381], известный еще П. Г. Васенко[382], который, однако, не отнесся к нему с должным вниманием. Подробно изучив состав рукописи, содержащей Волк.[383], а также сравнив его с Чуд., Томск. и с рядом других списков СК, А. В. Сиренов отметил кодикологическое родство Волк., Томск. и Чуд. В результате тщательного анализа древнейших списков СК исследователь пришел к выводу о первичности Волк. по отношению к Томск. и Чуд. Так, целый ряд записей на полях, исправлений в тексте Волк. был учтен в тексте Томск. и Чуд. Выявленная А. В. Сиреновым бóльшая близость Волк. к источникам СК,

---

[379] *Покровский Н. Н.* Исторические постулаты... С. 25.

[380] Подробнее см.: *Покровский Н. Н.* О концепции святости русских государей в представлении создателей Степенной книги царского родословия // Времена и судьбы: Сб. ст. в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. СПб., 2006. С. 97—107.

[381] РГАДА. Ф. 181. № 185 (далее при ссылках на Волк. шифр рукописи указываться не будет).

[382] *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 86, 137.

[383] А. В. Сиренов (см.: *Сиренов А. В.* О Волковском списке Степенной книги // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. СПб., 2001. Вып. 4. С. 248—249) отметил сложный характер рукописи. С Жития Ольги до конца 11 гл. 6 ст. (за некоторыми исключениями — л. 100—102 и др.) следует древнейшая часть Волк., которая по кодикологическим признакам современна Чуд. и Томск. Утраты в части XVI в. (с 12 гл. 6 ст.) были восполнены в следующем столетии.

а также его первичность по отношению к ее древнейшим спискам Чуд. и Томск. дали ему веские основания полагать, что Волк. является оригиналом СК, к которому восходят все известные ему 145 списков памятника XVI—XVIII вв.[384], значительную часть которых в научный оборот ввел этот историк[385]. Рассмотрев аргументы А. В. Сиренова, Н. Н. Покровский поддержал его гипотезу о Волк. как протографе Томск. и Чуд.[386]

А. В. Сиренов, согласившись с мнением об авторстве Андрея-Афанасия, выдвинул предположение, что этот книжник собственноручно осуществлял редактирование древнейших списков памятника[387]. Сохранилось 2 автографа этого книжника — его подпись на крестоцеловальных записях боярина И. П. Яковлева (1565 г.)[388] и князя М. И. Воротынского (1566 г.)[389]. Обе записи, содержание которых одинаково («Б[о]жиею м[и]л[ос]тию, смиренный Афонасий, митрополит всея Русии»), вне всякого сомнения, выполнены одним почерком. На основе сравнения этого почерка с записью на полях Чуд. о «собрании» СК Афанасием П. Г. Васенко (с участием С. А. Белокурова и Н. П. Попова[390]) еще в начале XX в. сделал вывод о том, что эти по-

---

[384] *Сиренов А. В.* 1) О Волковском списке... С. 253—291; 2) Степенная книга... С. 101—218. Также см. стемму списков СК А. В. Сиренова (см.: *Сиренов А. В.* 1) Степенная книга как исторический источник... С. 18; 2) Степенная книга... С. 218).

[385] См.: *Сиренов А. В.* 1) Степенная книга редакции Ионы Думина // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. Вып. 3. СПб., 2000. С. 256—304; 2) Степенная книга из собрания В. Н. Татищева. С. 112—118; 3) Краткая редакция Степенной книги // Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии. СПб., 2004. С. 112—144; 4) Степенная книга... С. 52—61, 483—504. Также см. выполненное А. В. Сиреновым описание всех известных списков СК: *Сиренов А. В.* Научное описание выявленных списков Степенной книги // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1. М., 2007. С. 24—88.

[386] *Покровский Н. Н.* 1) Неоконченный манускрипт: Степенная книга царского родословия // Вестник истории, литературы и искусства. Т. 1. М., 2005. С. 284; 2) Исторические постулаты... С. 11.

[387] *Сиренов А. В.* 1) Житие князя Владимира... С. 92—93; 2) Митрополит Афанасий... С. 47—53; 3) Степенная книга... С. 160—164.

[388] РГАДА. Ф. 135 (Государственное древлехранилище). Отд. III. Руб. II. Ед. № 30. Изображение записи опубликовано: *Макарий (Булгаков).* История русской церкви. Кн. 4, ч. 1. С. 162.

[389] РГАДА. Ф. 135. Отд. III. Руб. II. Ед. № 35.

[390] *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 201—202, примеч. 5. (там же П. Г. Васенко благодарит за помощь в сравнении почерков С. А. Белокурова и Н. П. Попова).

черка принадлежат разным лицам. Итоги сравнения этих трех записей, редакторского почерка Волк. (согласно классификации почерков Волк. А. В. Сиренова, почерк № 2[391]), а также текста Томск. и Чуд. убеждают в справедливости мнения П. Г. Васенко. Впрочем, как отметил А. В. Сиренов, подписи русских средневековых иерархов стереотипны. При этом, по его мнению, подпись Андрея-Афанасия ближе к редакторскому почерку Волк., Томск. и Чуд, чем автографы других иерархов Церкви этого времени[392]. Учитывая, что почерка Волк., Томск. и Чуд. не могут быть со значительной степенью уверенности соотнесены с известными автографами Андрея-Афанасия, А. В. Сиренов отметил гипотетический характер своего предположения, указав, что на более твердую почву при атрибуции редакторского почерка древнейших списков СК исследователи встанут лишь тогда, когда будут обнаружены рукописи, написанные непосредственно Андреем-Афанасием[393].

А. В. Сиренов сделал и ряд других ценных замечаний. Так, он обнаружил и опубликовал выполненное К. Ф. Калайдовичем описание перечня книг, переданных А. А. Волковым Архиву министерства иностранных дел, в котором фигурирует Волк.[394] Также интересное предположение выдвинул А. В. Сиренов относительно источника описания погребений русских князей в Успенском соборе владимирского Княгинина монастыря в 10 гл. 6 ст. Так, сопоставив соответствующий фрагмент СК с описаниями гробниц при прочих монастырях, историк выдвинул аргументированное предположение о наличии практики составления соответствующих описаний в середине XVI в. — одно из них, очевидно, и было использовано в СК[395]. Помещая составление СК в контекст развития древнерусской книжности времени

---

[391] *Сиренов А. В.* О Волковском списке... С. 249. Иллюстрации листов Волк., написанных редакторским почерком, см.: *Сиренов А. В.* Степенная книга... С. 163, рис. 15; Степенная книга. Т. 2. Ил. 14.

[392] *Сиренов А. В.* Житие князя Владимира... С. 92—93. Также см.: *Сиренов А. В.* 1) Митрополит Афанасий... С. 50—52; 2) Степенная книга... С. 160—164.

[393] Указав на отсутствие палеографической почвы для данного предположения, Н. Н. Покровский отметил, что оно не противоречит накопленным в науке знаниям о наиболее вероятном составителе СК и методах его работы (см.: *Покровский Н. Н.* Исторические постулаты... С. 11).

[394] *Сиренов А. В.* К истории изучения Волковского списка... С. 202—204.

[395] *Сиренов А. В.* Описи древних гробниц в рукописных сборниках XVII в. // История в рукописях и рукописи в истории. СПб., 2006. С. 399—414.

митрополита Макария, А. В. Сиренов отметил близость времени создания СК к периоду составления Государева родословца (который, как установлено в литературе, датируется 1555 г.[396]), предположив, что создание этих двух памятников могло быть связано (в т. ч. и использованием общих источников)[397]. Рассматривая вопрос о последующей судьбе СК, А. В. Сиренов на основе сравнения ряда возводимых к СК фрагментов ЛЛС с древнейшими списками СК выдвинул любопытное предположение об использовании при создании ЛЛС непосредственно Томск.[398] Также А. В. Сиренов рассмотрел ряд переработок СК в XVII—XVIII вв.[399] Обобщив наблюдения предшественников и свои собственные о историко-политических идеях СК, А. В. Сиренов в специальной работе поместил это сочинение в контекст процесса формирования идеологии русской монархии XVI в., для которой почерпнутые в прошлом доводы служили важными аргументами легитимности власти московских государей над Русью[400].

Результаты исследования рукописной традиции СК Н. Н. Покровского и А. В. Сиренова, в которых была пересмотрена классификация списков памятника П. Г. Васенко, подготовили почву для нового издания СК по ее древнейшим спискам[401].

---

[396] Подробнее см.: *Лихачев Н. П.* Государев родословец и Бархатная книга. СПб., 1900.

[397] *Сиренов А. В.* 1) «Книга Степенная царского родословия» и рукописная традиция родословных книг // Источниковедческая компаративистика и историческое построение. Тезисы докладов и сообщений XV научной конференции 30 января—1 февраля 2003 г. М., 2003. С. 439—440; 2) Материалы к составлению Книги Степенной в Патриаршей редакции родословной книги // Вестник СПбГУ. Серия 2: История. 2007. Вып. 4. С. 3—9; 3) Степенная книга... С. 376—385.

[398] *Сиренов А. В.* Степенная книга... С. 411—413.

[399] *Сиренов А. В.* 1) Поздние редакции... С. 62—76; 2) Степенная книга... С. 315—370.

[400] *Сиренов А. В.* Формирование идеологии русской монархии в XVI в. и *Степенная книга* // Cahiers du Monde russe. 2005. Т. 46, № 1—2. P. 337—344.

[401] После публикации П. Г. Васенко было осуществлено лишь издание крупных фрагментов ряда разделов СК (Предисловие, Житие Ольги, 1, 5—10, 12, 15—17 ст.) в серии «Библиотека литературы Древней Руси». Текст был издан по положенному в основу издания 1908—1913 гг. Пискарев. и сопровожден переводом, а также краткими комментариями, см.: Из Степенной книги царского родословия / Подгот. текста, перевод, коммент. В. К. Зиборова, О. П. Лихачевой, Н. В. Понырко, А. В. Сиренова, Т. Г. Фруменковой, Л. А. Чуркиной // БЛДР. Т. 12. СПб., 2003. С. 322—535 (текст и перевод), 588—617 (комментарии).

Издание было осуществлено в рамках международного проекта в 2007—2008 гг.[402] В основу публикации был положен Чуд. «как своеобразная „последняя авторская воля“ „собирателя“ СК» (по-видимому, Чуд. является наиболее поздним из трех древнейших списков памятника)[403]; в виде разночтений были изданы Волк., Томск., Пискарев, а также Думинский (1594 г.)[404] и Эрмитажный (конец XVI в.)[405] списки. Издание снабжено археографическим предисловием О. Д. Журавель, Н. Н. Покровского и А. В. Сиренова, в котором обоснован состав привлеченных к изданию списков и принципы передачи текста, выполненным А. В. Сиреновым описанием всех известных списков СК, а также статьями Н. Н. Покровского и Г. Ленхофф, посвященными характеристике СК как памятника древнерусской книжности и историографии[406].

Целый ряд работ, важных для изучения СК, принадлежит перу американского слависта Г. Ленхофф, рассматривающей ее на широком фоне предшествующих и современных ей произведений.

Обратив внимание на состав СК, включающей в себя главным образом княжеские жития, Г. Ленхофф отметила ее дидактический тон и на этом основании предположила, что она была адресована правящему государю как своеобразное назидание (по преимуществу, морально-этического характера); тем самым исследовательница присоединилась к уже высказанному в литературе предположению о том, что памятник был адресован непосредственно Ивану IV[407]. Проанализировав особенности композиции СК, Г. Ленхофф согласилась с мнением А. И. Соболевского и Н. Н. Покровского о незавершенности работы над ней.

---

[402] Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1—2. М., 2007—2008.

[403] *Покровский Н. Н., Журавель О. Д., Сиренов А. В.* Археографическое предисловие // Степенная книга. Т. 1. С. 6.

[404] РГАДА. Ф. 381 (Типографская библиотека). № 346.

[405] ОР РНБ. Ф. 885 (Эрмитажное собрание). № 385.

[406] *Покровский Н. Н., Журавель О. Д., Сиренов А. В.* Археографическое предисловие. С. 6—23; *Сиренов А. В.* Научное описание... С. 24—88; *Покровский Н. Н.* Исторические концепции Степенной книги царского родословия // Степенная книга. Т. 1. С. 89—119; *Ленхофф Г. Д.* Степенная книга: замысел, идеология, адресация // Там же. С. 120—144. Подробнее об этом издании см. нашу рецензию: *Усачев А. С.* Современные исследования Степенной книги // ОИ. 2008. № 4. С. 179—180.

[407] *Lenhoff G.* The Construction of Russian History in *Stepennaja kniga* // Revue des études slaves. 2005. T. LXXVI, № 1. P. 49—50.

Г. Ленхофф высказала интересное предположение относительно того, что 1 и 17 ст., которые открывают и заключают памятник, согласно замыслу его составителя, должны были быть приблизительно равны. При этом 17 ст. должна была охватывать весь период правления Ивана IV — древнейшие списки СК сохранили лишь повествование о первой трети правления первого русского царя, описание которого составляет примерно треть относительно 1 ст. Согласно интересному предположению Г. Ленхофф, 17 ст. должна была заканчиваться чудесами и сказаниями, которые были связаны с правлением Грозного[408].

Также любопытное разыскание провела исследовательница, стремясь определить «стоимость» работ по созданию СК. Результаты специального рассмотрения этого вопроса дали ей основания заключить, что в финансовом отношении (стоимость бумаги и труда писцов, затраченных на написание Волк., Томск. и Чуд.) создание СК не было столь масштабным предприятием, как составление ВМЧ. Исходя из этого, Г. Ленхофф сделала важное предположение о том, что создание этого памятника было вполне по силам сотрудникам одной книгописной мастерской (в отличие от Ник., в создании которой участвовали волоцкие книжники, и ВМЧ, для создания которых наряду с ресурсами московских привлекались и возможности новгородских скрипториев)[409]. В то же время, как отмечает Г. Ленхофф, по объему использованного источникового материала СК вполне сопоставима с другими монументальными литературными предприятиями этого времени[410].

Обращаясь к проблеме авторства СК, исследовательница отметила сложность работы над ней, состоявшей в сравнении данных различных источников, написании целого ряда расска-

---

[408] *Lenhoff G.* The «Stepennaja kniga» and the Idea of the Book in Medieval Russia // Germano-Slavistische Beiträge. Festschrift für Peter Rehder zum 65. Geburstag. Münhen, 2004. S. 455.

[409] Вслед за Н. Н. Покровским Г. Ленхофф высказала мнение о написании СК в связанном с митрополичьей кафедрой Чудовом монастыре (*Lenhoff G.* The Economics of a Medieval Literary Project: Direct and Indirect Costs of Producing the *Stepennaia kniga* // RH. 2007. Vol. 34, Nos. 1—4. P. 219—237). Наблюдения Н. Н. Покровского над Томск. и Чуд. Г. Ленхофф дополнила указанием на связь развития культа основателя Чудова монастыря митрополита Алексея (его подробное жизнеописание содержится в СК) с интересами митрополичьей кафедры, см.: *Lenhoff G.* The Chudov monastery and the Stepennaia kniga (в печати).

[410] *Lenhoff G.* The Economics of a Medieval Literary Project... P. 219—237.

зов и т. д. На этом основании она присоединилась к мнению А. И. Соболевского и И. В. Курукина о том, что речь может идти об участии в работе над СК ряда книжников (в т. ч. Сильвестра), связанных с Чудовым монастырем[411]. Г. Ленхофф, рассматривая вопрос о времени написания, склонилась к датировке, предложенной М. Я. Диевым: 1555—1563 гг. Однако в отличие от этого историка, основывавшегося на анализе текста, Г. Ленхофф начало написания СК связывала с этой датой, полагая, что возможность одновременной работы над такими крупными памятниками, как СК и ВМЧ, книжников круга Макария сомнительна. В соответствии с этим исследовательница и относила написание СК ко времени не ранее окончания работ над ВМЧ (т. е. к периоду, последовавшему за 1554 г., к которому относится завершение оформления текста этого агиографического свода)[412].

Г. Ленхофф также сделала замечания относительно целого ряда помещенных в СК рассказов. Она специально рассмотрела служащее своего рода введением к СК «Сказание о святем благочестии российских началодержец», выявив целый ряд параллелей этому пассажу в св. Писании и памятниках святоотеческой литературы[413]. В статье, посвященной особенностям представления русских святых в произведениях средневековой агиографии, Г. Ленхофф отметила своеобразие обработки в СК житийного материла о княгине Ольге и ее внуке Владимире. Так, она указала, что летописный сюжет об отказе Ольги в замужестве Иоанну Цимисхию в памятнике середины XVI в. был опрокинут во времена юности равноапостольной княгини (рассказ о встрече Ольги с Игорем на перевозе). Согласно созданному в макарьевское время Житию, уже с малых лет, еще не зная христианских догматов, Ольга вела вполне христианский образ жизни. Как отмечает Г. Ленхофф, сходным образом представляет составитель СК и Владимира: в его Житие введен целый ряд подробностей, подчеркивающих его происхождение от Пруса, а также связь крещения Владимира и всей Русской земли

---

[411] См.: *Ленхофф Г. Д.* Степенная книга... С. 120, примеч. 1, 133; *Lenhoff G.* The Economics of a Medieval Literary Project... P. 232—237.

[412] *Lenhoff G.* The Economics of a Medieval Literary Project... P. 233.

[413] *Ленхофф Г. Д.* О библейских и святоотеческих подтекстах Предисловия к Степенной книге // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI—XX вв.: сб. науч. тр. Новосибирск, 2005. С. 181—189.

с пророчеством апостола Андрея[414]. Большую работу провела Г. Ленхофф по определению особенностей редакторской правки вошедших в СК жизнеописаний — Бориса и Глеба[415] и особенно Федора Ярославского (согласно наблюдениям Г. Ленхофф, степенная редакция Жития последнего была основана как на минейной редакции, так и на Антониевой). Исследовательница подчеркивает, что Жития, помещенные в рассматриваемое произведение, значительно отличались от редакций ВМЧ. Так, в СК на основе Ник. были подчеркнуты генеалогические связи ярославского князя, а также введен ряд светских подробностей о его жизни (женитьба и т. д.)[416]. Рассмотрев в специальной работе особенности изображения некоторых московских князей в СК (Даниила Александровича, Ивана Даниловича, Дмитрия Ивановича и его жены Евдокии), Г. Ленхофф поместила ее в контекст инициированных великокняжеской властью мероприятий, которые готовили почву для канонизации соответствующих представителей рода русских государей[417]. Итоги специального изучения особенностей степенной редакции Жития митрополита Ионы дали основания Г. Ленхофф рассматривать этот памятник в контексте исходящего от московской митрополичьей кафедры стремления закрепить почитание первого русского автокефального первосвятителя, причтенного к лику святых незадолго до составления СК[418]. Изучая специфику представления в памятнике жизнеописания митрополита Алексия — основателя Чудова монастыря, наиболее вероятного места написания СК, исследовательница зафиксировала проявленный в ней интерес к деталям, подчеркивающим близкие отношения этого святителя с Даниловичами, а также его небесное покровительство дому московских князей, которые неизменно почитали данного иерарха[419].

---

[414] *Lenhoff G.* «Vsja svjatyja pomjanuvshe...»: Strategies of Biographical Reconstruction in Muscovite Saint's Lives // Sprache — Text — Geschichte. Festschrift für Klaus-Dieter Seemann. Munich, 1997. S. 169.

[415] *Lenhoff G.* The Martyred Princes Boris and Gleb: A Socio-Cultural Study of the Cult and the Texts. Colambus, 1989. P. 53, 123.

[416] *Lenhoff G.* Early Russian Hagiography: The Lives of Prince Fedor the Black. Wiesbaden, 1997. P. 160, 163.

[417] *Lenhoff G.* Unofficial Veneration of the Danilovichi in Muscovite Rus' // Московская Русь (1359—1584): культура и историческое самосознание. М., 1997. С. 391—416.

[418] *Lenhoff G.* The Cult of the Metropolitan Iona and the Conceptualization of Ecclesiastical Authority in Muscovy // Speculum Slaviae Orientalis: Muscovy, Ruthenia and Lithuania in the Later Middle Ages. M., 2004. C. 137—138.

[419] *Lenhoff G.* The Chudov monastery...

Значительное внимание Г. Ленхофф уделила и особенностям представления ряда событий русской истории в СК[420]. Так, рассмотрев на фоне целого ряда памятников книжности и изобразительного искусства сформированный к середине XVI в. образ Платона, исследовательница выдвинула обоснованное предположение, что включение рассказа о крещении его костей в контекст повествования о крещении костей братьев Владимира — Ярополка и Олега — Ярославом (75 гл. 1 ст.) обусловливалось стремлением книжника обосновать этот не слишком каноничный акт авторитетным прецедентом[421]. Г. Ленхофф, изучив специфику повествования о походе войск Андрея Боголюбского на Новгород в 1169 г., высказала интересное предположение относительно мотивов, которыми мог руководствоваться писатель макарьевского круга, создавая этот рассказ. Согласно Г. Ленхофф, в СК Новгород, прекословящий воле «державных», уподобляется впавшей в грехи Ниневии. Как показано в СК, от неминуемого наказания (в 1169 г. — войском суздальского князя) город был спасен сначала заступничеством Богородицы, а затем присоединением к Русскому государству Иваном III (последний в СК уподоблен Моисею)[422]. Также Г. Ленхофф специально разобрала источники Повести о походе Тамерлана на Русь в 24 гл. 13 ст.[423], которая, как показал Б. М. Клосс, была полностью заимствована составителем СК.

Интересную гипотезу относительно возможной связи СК с современными ей памятниками изобразительного искусства (прежде всего, росписью Архангельского собора) выдвинула Т. Е. Самойлова. Развив взгляды своих предшественников (И. А. Шляпкина, Е. С. Сизова, В. В. Морозова) по данному вопросу, исследовательница допустила, что эта связь обусловливалась не только общностью идей, но и единством руководи-

---

[420] В сжатом виде основные особенности представления русской истории в СК изложены в работе: *Lenhoff G.* The Construction of Russian History... P. 31—50.

[421] *Lenhoff G.* How the Bones of Plato and Two Kievan Princes were baptised: Notes on the Political Theology of the «Stepennaja kniga» // Die Welt der Slaven. XLVI. 2001. S. 313—330.

[422] *Lenhoff G.* Novgorod's *Znamenie* Legend in Moscow's *Stenennaia kniga* // Московская Русь: специфика развития. Budapest, 2003. P. 175—182.

[423] *Lenhoff G.* 1) The Tale of Tamerlane in the Royal Book of Degrees // The place of Russia in Eurasia. Budapest, 2001. P. 122—129; 2) Temir Aksak's Dream of the Virgin as Protectress of Muscovy // Die Welt der Slaven. XLIX. 2004. S. 39—64.

теля работ по созданию как СК, так и росписей Архангельского собора. Т. Е. Самойлова обратила внимание на летописные известия о «поновлении» Андреем-Афанасием образа Николы Великорецкого в 1555 г. и Владимирской Богородичной иконы в 1568 г. и на этом основании выдвинула предположение, что этот книжник был достаточно компетентен в живописи и, соответственно, мог являться руководителем работ по росписи Архангельского собора[424]. Также исследовательница сопоставила иконописный портрет Василия III с Похвалой ему, помещенной в СК. Итоги анализа выполненного в иконографической традиции изображения и выдержанного в агиографических тонах портрета этого князя в СК дали основания полагать, что в первые годы правления Ивана IV готовилась почва для канонизации его отца, которая бы, несомненно, значительно усилила авторитет династии и царской власти (прежде всего, самого Ивана IV)[425]. Гипотезу Т. Е. Самойловой об участии Андрея-Афанасия в росписи Архангельского собора принял архим. Макарий (Веретенников)[426].

Изучение представленных в СК идей в контексте их возможных связей с произведениями изобразительного искусства продолжил А. Б. Конотоп. Историк особое внимание обратил на представление «нового Израиля» — Московского царства — в памятниках книжности и живописи середины XVI в. А. Б. Конотоп отметил ряд случаев уподобления героев русской истории в СК персонажам истории ветхозаветной, обратив внимание на то, что особой популярностью в этот период пользовался образ Моисея, с которым сравнивались Владимир Святославич, выведший русский народ из тьмы «кумиробесия», Иван III при описании присоединения Новгорода в 15 ст. и т. д. Исследователь отметил сходные мотивы в памятниках иконописи — иконах «Благословенное воинство царя небесного», «Шествие к небесному Иерусалиму». Как предположил А. Б. Конотоп, создателям этих произведений изобразительного искусства были

---

[424] *Самойлова Т. Е.* 1) Митрополит Афанасий как один из авторов программы росписи Архангельского собора Московского Кремля // История и культура Ростовской земли. 1996. Ростов, 1997. С. 45—48; 2) Княжеские портреты... С. 133—149, 156, 207—209, 223—224.

[425] *Самойлова Т. Е.* Новооткрытый «портрет» Василия III и идея святости государя и государева рода // Искусствознание. 1/99. С. 39—58.

[426] *Макарий (Веретенников).* 1) Афанасий. С. 708; 2) Всероссийский митрополит Афанасий... С. 121, примеч. [62].

хорошо известны идеи, которые отразились в СК (историк не исключал и возможности непосредственного знакомства иконописцев с ее текстом)[427].

Ряд важных замечаний о СК сделал Б. Н. Флоря. В своей обобщающей работе, посвященной биографии Ивана IV, он отметил сходство идей о божественном источнике царской власти и ее неограниченном характере в СК и в Первом послании Ивана Грозного А. М. Курбскому и на этом основании высказал предположение о написании СК по инициативе первого русского царя. Также историк указал на многочисленные случаи вторжения составителя СК в текст своих источников, которые подвергались «идейной и стилистической обработке» — в текст памятника «неоднократно вносились отсутствовавшие в источниках „Степенной книги“ характеристики отдельных правителей, событий и периодов русской истории»[428]. Также Б. Н. Флоря специально рассмотрел рассказ об убийстве древлянами князя Игоря и мести княгини Ольги в помещенном в СК ее Житии: сравнив летописную версию рассказа с помещенной в Житии, он указал, что в последней убийство Игоря подается как убийство государя своими подданными, а месть Ольги рассматривается как заслуженное наказание для мятежников, проливших «царскую кровь»[429].

В значительной мере продолжая работу, начатую Д. Миллером, немецкий исследователь П. Ниче поставил под сомнение широко распространенное в историографии мнение относительно универсалистского, «имперского» характера идеологии Русского государства эпохи первого русского царя. Обратившись к СК, историк отметил неоднократные указания ее составителя на преемственность Москвы Киеву и заключил, что в памятни-

---

[427] *Конотоп А. Б.* 1) Представления о Русском государстве как о «новом Израиле» и их отражения в памятниках литературы, живописи и архитектуры XVI в. // Историческое обозрение. М., 2005. С. 38—48; 2) Композиция «Шествие к небесному Иерусалиму» на иконе «Страшный суд» из Национального музея Швеции (источниковедческие проблемы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 11, 13—15, 17—18. Во всяком случае, определяя время написания иконы «Шествие к небесному Иерусалиму», А. Б. Конотоп, приняв датировку СК П. Г. Васенко, относил ее создание к периоду после 1563 г. — к 1564—1572 гг. (см.: *Конотоп А. Б.* Композиция... С. 18).

[428] *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 105.

[429] *Флоря Б. Н.* Убийство Игоря древлянами и месть Ольги в памятниках позднего русского летописания // Раннее Средневековье глазами Позднего Средневековья и Раннего Нового времени (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа): Материалы конференции. М., 2006. С. 90—91.

ке не прослеживается идея translatio imperii, воплощенная в виде известной мифологемы «Москва — третий Рим»[430]. Как отмечает П. Ниче, в общественной мысли эпохи Ивана IV особое внимание уделялось «национальным» корням русского царства[431]. Указывая на важную роль в СК пространного рассказа об апостоле Андрее, П. Ниче предположил, что стремление книжника подчеркнуть национальные истоки государственности и православия отразилось и в описании древнерусского периода, в истории которого роль Византии в памятнике сведена к минимуму (особенно в рассказе о крещении Руси)[432]. Характеризуя СК, исследователь отметил, что на общем фоне прославления русских государей в произведении тщательность исторического повествования отходила на второй план. В то же время прямой фальсификации фактов составитель СК избегал, приводя в тексте памятника такие нелицеприятные для «самодержца» Всеволода Ярославича факты, как его участие в изгнании его брата Изяслава и его место среди сыновей Ярослава (в СК упомянуто, что он был лишь третьим по старшинству сыном этого князя)[433].

В работе обзорного характера А. М. Ранчин знакомит читателя с некоторыми особенностями представления древнерусской истории в памятниках XIV—XVII вв. Рассматривая изображение истории домонгольской Руси в произведениях середины XVI в., исследователь отметил отразившиеся в повествовании о Киевской Руси черты, характерные для Русского государства этого времени, — в частности, наследование по прямой линии великокняжеской власти, которой сообщен богоустановленный и самодержавный характер. Это в свою очередь дало А. М. Ранчину основания предположить, что описание древнерусского периода в историографии того времени «фактически было не толь-

---

[430] *Nitsche P.* Translatio imperii? Beobachtungen zum historischen Selbstverständnis im Moskauer Zartum um die Mitte des 16. Jahrhunderts // JGO. 1987. Bd. 35, H. 3. S. 327.

[431] Так, П. Ниче (см.: *Nitsche P.* Translatio imperii?... S. 328) обращает внимание на первое послание Грозного Курбскому, в котором русский царь обосновывает самодержавную власть не примерами из всемирной истории, а ссылками на «самодержавство» его предков — Владимира Святославича, Владимира Мономаха, Александра Невского и др.

[432] *Nitsche P.* 1) Translatio imperii?... S. 329; 2) «Nicht an die Griechen glaube ich, sondern an Christus» (Russen und Griechen im Selbstverstandnis des Moskauer Staates an der Schwelle zur Neuzeit). Düsseldorf, 1991. S. 42—47.

[433] *Nitsche P.* Translatio imperii?... S. 324.

ко описанием Киевского государства позднейшей русской мыслью, но и самоописанием Московской Руси, ее образом-эталоном»[434]. В значительной мере основываясь на помещенном в СК Житии Ольги, историк литературы отметил ряд особенностей в изображении русской истории в памятнике. Так, с одной стороны, книжник в рассказе о смерти князя Игоря указывает на его жадность, с другой — в Житии решительно осуждаются поднявшие руку на «державного» древляне. Анализируя СК в контексте памятников, утверждающих идею translatio imperii, А. М. Ранчин полагает, что поименование киевских князей «самодержцами» обусловливалось стремлением составителя включить Россию в последовательность великих царств прошлого: «Римская империя — Византия — Русь/Россия»[435].

Рассматриваемый период изучения СК характеризуется также появлением ряда работ, в которых уделяется внимание особенностям представления в ней отдельных периодов русской истории, ее героев и событий. Нередко итоги исследования этих, казалось бы, частных сюжетов дают новый материал для изучения историко-политических идей, представленных в СК.

Выявлению особенностей изображения истории языческой Руси в СК посвящена работа А. А. Турилова. Невысоко оценивая достоверность сведений о древнерусской истории, сообщаемых историческими сочинениями XVI в., ученый отметил важность их анализа «как памятников исторической и общественно-политической мысли, свидетельствующих о представлениях и взглядах породившей их эпохи на русскую (и отчасти славянскую) историю». При этом А. А. Турилов особое внимание уделил изучению СК как произведения историографии, при рассмотрении которого огромное значение приобретает «вопрос о круге источников, свидетельствующих об эрудиции автора и, до некоторой степени, о принципах отбора»[436]. Не останавли-

---

[434] Здесь и далее ссылки на работу А. М. Ранчина даются по изданию 1999 г.: *Ранчин А. М.* Киевская Русь в русской историософии XIV—XVII вв. (Некоторые наблюдения) // *Ранчин А. М.* Статьи о древнерусской литературе. М., 1999. С. 140.

[435] Там же. С. 149—150.

[436] *Турилов А. А.* Древнейшая история славян и Руси в «Книге Степенной царского родословия» (хронология, круг источников, их отбор и использование) // Славяне и их соседи. Миф и история. Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего Средневековья и раннего Нового времени (Тезисы 15 конференции). М., 1996. С. 47.

ваясь на разборе конкретных событий дохристианского периода русской истории, А. А. Турилов в характеристике особенностей его изображения в памятнике указывает на то, что описание языческого прошлого Руси было подчинено необходимости подготовки читателя к восприятию ключевого, согласно выраженному в СК взгляду, события — крещения Русской земли. Как отметил исследователь, это делало излишним передачу летописных известий о языческих нравах и обычаях славянских племен. Напротив, в СК на основе Чудес Дмитрия Солунского и Жития Стефана Сурожского подчеркивается древность контактов Руси с Византией, а также указывается, что Август, к родственнику которого (Прусу) московские князья возводили свою генеалогию, правил во времена Иисуса Христа. Последняя деталь, как подметил историк, вносила «дополнительный элемент сакрализации династии посредством указания на сакральность эпохи ее родоначальника»[437]. Специально останавливаясь на характеристике источниковой базы составителя СК по древнейшему периоду, А. А. Турилов указал на то, что наряду с летописными источниками в основу повествования были положены также и современные СК памятники — прежде всего, ряд произведений, включенных в ВМЧ (Жития Климента Римского, Стефана Сурожского и др.)[438].

Ряд вопросов, связанных с изучением специфики изображения русской истории в СК, затронут И. С. Шумиловым. Обобщив накопленный в историографии материал, он отметил особенности представления в памятнике событий политической истории середины XII в.: историк разобрал рассказ СК об убийстве Игоря Ольговича киевлянами, а также вслед за своими предшественниками указал на последовательное проведение в СК идеи преемственности Москвы Киеву и Владимиру[439].

Особенности представления митрополита Макария в СК рассмотрела Н. В. Трофимова. По ее мнению, «сам замысел произведения, ставящего своей целью прославить род русских князей, не требовал подробной разработки образов духовных лиц».

---

[437] *Турилов А. А.* Древнейшая история... С. 47—48.

[438] Там же. С. 49.

[439] *Шумилов И. С.* Политическая история Древнерусского государства середины XII века в изображении «Степенной книги царского родословия» // Раннее Средневековье глазами Позднего Средневековья и Раннего Нового времени (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа): Материалы конференции. М., 2006. С. 100—107.

Согласно Н. В. Трофимовой, этим и обусловливается меньшая конкретность биографии Макария в СК (по сравнению с памятниками современного ей летописания, фиксирующими основные события, в описании которых фигурировал московский митрополит). Как полагает Н. В. Трофимова, данная особенность изображения Макария в СК обусловливалась тем, что ее создателя интересовал Макарий как митрополит, а не как личность[440].

Ряд важных наблюдений о СК сделал А. С. Демин. В своей сжатой характеристике памятника историк литературы отметил ряд его особенностей. Так, он зафиксировал последовательно проведенное в тексте произведения стремление его составителя подчеркнуть, что «буквально все события, от великих до мельчайших», происходят «Божиимъ хотением... а не человеческимъ самочиниемъ». Этим, согласно А. С. Демину, и обусловливалась «подтвердительная» манера изложения материала в СК: книжник неоднократно повторялся в описаниях деталей, повествуя о тех или иных событиях. Как указывает исследователь, это нужно было для того, «чтобы подтвердить: да, этот персонаж или это событие именно такие-то»[441]. Как заключает А. С. Демин, «связь между идеологией автора „Степенной книги“ и его повествовательной манерой достаточно прямолинейна»[442].

М. Б. Плюханова, не останавливаясь на вопросе об источниках СК, рассмотрела помещенный в ней рассказ о спасении Руси от нашествия Тамерлана иконой Владимирской Богоматери (24 гл. 13 ст.). Согласно мнению исследовательницы, рассказ о главной святыне Русской земли был включен в СК для того, чтобы дополнить весомым аргументом перечень доказательств особого покровительства Руси Богородицы, распростершей над ней свой Покров, уберегающий ее от врагов. Согласно интересному предположению М. Б. Плюхановой, создание по-

---

[440] *Трофимова Н. В.* К вопросу об изображении митрополита Макария в исторической литературе XVI в. («Никоновская летопись», «Степенная книга», «Казанская история») // Художественно-исторические памятники Можайска и русская культура XV—XVI веков (материалы 1-й Всероссийской научной конференции в Можайске 10—12 июня 1993 г., посвященной памяти святителя Макария). Можайск, 1993. С. 148—149.

[441] *Демин А. С.* «Книга Степенная царского родословия» // Литература Московской и домосковской Руси: Аналитическое пособие. М., 2008. С. 137, 139.

[442] Там же. С. 140.

мещенного в СК Сказания об иконе Владимирской Богоматери было связано с развитием культа Покрова, который также воплощен в московском Покровском соборе, создаваемом одновременно с СК[443]. Оценивая СК в целом, М. Б. Плюханова определяет ее «общую тенденцию» — произведение должно было, «соединяя церковную и летописную словесность, создавать образ Святой Руси»[444].

Степенную редакцию Жития митрополита Алексия специально рассмотрел Д. Ю. Кривцов. Сравнивая помещенный в 7 гл. 11 ст. рассказ с предшествующей версией биографии этого святителя, историк обратил внимание на ее значение в СК. Как предположил Д. Ю. Кривцов, рассказ об Алексии введен в нее для того, чтобы представить идеальную модель взаимоотношений носителей светской и духовной власти на Руси в XIV в., давая тем самым читателю середины XVI в. некий образец для подражания[445].

Интерес составителя СК к истории православных балканских стран фиксирует С. И. Муртузалиев. Не останавливаясь на вопросе об источниках памятника, он обращает внимание на помещенные в его текст известия о судьбе завоеванной турками Болгарии (18 гл. 14 ст.) и приходе на Русь трех старцев из Ватопедского монастыря: Максима Грека, Неофита Грека и Лаврентия Болгарина (12 гл. 16 ст.)[446].

К числу работ последних лет, затрагивающих отдельные стороны изучения СК, относится монография финского историка Ю. Корпелы о Владимире Святославиче. Ее автор развивает ряд положений, высказанных в трудах Д. Миллера и П. Ниче. Пытаясь отделить в источниках портрет «реального» Владимира от позднейших наслоений, исследователь уделяет значительное

---

[443] *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 47.

[444] Там же. С. 46.

[445] *Кривцов Д. Ю.* Рассказ Степенной книги о «шествиях» в Орду митрополита Алексия и царско-митрополичьи отношения 60-х гг. XVI в. // Мининские чтения. Н. Новгород, 2001. С. 67—84.

[446] *Муртузалиев С. И.* 1) Степенная книга и Русский хронограф как источники по истории Болгарии XIV—XV вв. // Межславянские взаимоотношения и связи. Средние века — раннее Новое время: Сб. тезисов 18 конференции памяти В. Д. Королюка. М., 1999. С. 111—113; 2) Исторические знания в России XV—XVII вв. о турках-османах и «турецких» болгарах // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Ставрополь, 2004. Вып. 5. С. 126—127.

внимание его изображению в СК. В целом принимая точку зрения Д. Миллера и П. Ниче о том, что в ней подчеркивается независимость Руси от Византии, Ю. Корпела указывает, что данная идея воплотилась в культе этого князя в России середины XVI в. Также исследователь отмечает, что в условиях нарастания антигреческих настроений на Руси после заключения Флорентийской унии в памятниках московской книжности этого времени (прежде всего, в ВМЧ и СК) фигура князя Владимира приобретала особое значение. Это обусловливалось тем, что именно с этим князем традиция связывала принятие «национального» вероисповедания. Согласно Ю. Корпела, все это помещало образ Владимира в памятниках этого времени на вершину пантеона русских святых[447].

В своей работе Ю. Корпела затрагивает и более общие проблемы, связанные с особенностями представления русской истории в СК. По мнению историка, ее составитель, расценивая монгольское завоевание как фактор, незначительно задержавший развитие страны, описывает прошлое России в рамках преемственности «Киев — Владимир — Москва». При этом Ю. Корпела, не останавливаясь на конкретных примерах, кратко характеризует методы книжника середины XVI в., который, по его мнению, создал СК путем «пропуска, измышления и украшения фактов». Согласно Ю. Корпеле, подобный подход означал «полную ревизию истории восточнославянских племен»[448].

В монографии финской исследовательницы М. Исоа, посвященной рассмотрению особенностей восприятия в средневековой Руси образа Александра Невского, поднимается ряд вопросов, связанных с изучением специфики представления этого князя в СК. Характеризуя памятник в целом, автор отмечает, что он повествует «об истоках государственности и христианства у восточных славян» в рамках преемственности «Киев — Владимир — Москва», представляя собой «наиболее сложный» вариант изображения русской истории в исторической мысли Московского царства в XVI в.[449] Рассматривая вопрос об автор-

---

[447] *Korpela J.* Prince, Saint and Apostol: Prince Vladimir Svjatoslavič of Kiev, his Posthumous Life and the Religious Legitimization of the Russian Great Power. Wiesbaden, 2001. P. 195—196.

[448] Ibid. P. 195.

[449] *Isoaho M.* The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia: Warrior and Saint. Brill; Leiden; Boston, 2006. P. 25.

стве СК, М. Исоа поставила под сомнение весомость приведенного П. Г. Васенко аргумента о том, что упоминание имени Андрея-Афанасия в ЛЛС в рассказе об исцелении у гроба Александра Невского (рассказ без упоминания имени исцеленного помещен и в СК) служит свидетельством его авторства. Согласно точке зрения историка, упоминание имени исцеленного являлось общим местом в памятниках русской средневековой агиографии и поэтому не может являться аргументом в пользу авторства СК. По мнению М. Исоа, имя Андрея-Афанасия могло быть внесено при переписке соответствующего рассказа[450].

В рассматриваемой работе изучение особенностей представления Александра Невского в СК помещается в контекст развития русской и шире — общеевропейской — средневековой политической мысли. Так, отмечая, что в СК Александр представлен «кротким и хорошим правителем для своих подданных», «наводящим ужас» на врагов[451], М. Исоа указывает на то, что данный образ самым тесным образом связан с распространенным в Европе и на Руси представлением о правителе как образе Божием на земле, служба которому приравнивалась к службе Богу. На русской почве, согласно М. Исоа, данная традиция в концентрированном виде представлена в сочинениях Иосифа Волоцкого, активно использовавшего славяно-русский перевод «Наставления» Агапита[452]. Рассматривая особенности изображения Александра в СК, М. Исоа полагает, что, стремясь более рельефно показать его образ как идеального властителя, создатель произведения представляет читателю своего рода антиидеал русского правителя в лице его брата Андрея Ярославича[453]. По мнению исследовательницы, рассказ об Андрее в жизнеописание Александра в СК был введен для того, чтобы напомнить правителю о необходимости остерегаться неправедных советников и представить ему черты антиидеала государя — примера, достойного не подражания, а порицания[454].

Рассматривая особенности изложения фактов биографии Александра в СК, М. Исоа отмечает, что «деяния Александра более не рассматриваются как цепь отдельных событий, меха-

---

[450] *Isoaho M.* The Image of Aleksandr Nevskiy... P. 326—327.
[451] Ibid. P. 330.
[452] Ibid.
[453] Ibid. P. 331—332.
[454] Ibid. P. 332.

нически соединенных друг с другом» — перед книжниками XVI в. «стояла задача объяснения истории»[455]. Обращая внимание на специфику композиции степенной редакции Жития Александра, исследовательница отмечает, что читателю представлена картина разорения и запустения Русской земли после нашествия Батыя; эту мрачную картину с появлением главного героя 8 ст. начинает освещать луч надежды — образ добродетельного Александра Ярославича, который, будучи самим Богом укрыт от татар в недосягаемом для них Новгороде, согласно представленному в СК взгляду, олицетворял собой надежду на будущее возрождение Руси[456].

Принимая датировку СК П. Г. Васенко (1560—1563 гг.), М. Исоа указывает на то, что на написание 8 ст. большое влияние оказало время создания СК. Это, по ее мнению, проявилось в выпадах, направленных против Ливонского ордена, в памятнике, в котором «немцы выступают еще бóльшими еретиками, нежели в предыдущих редакциях» Жития Александра[457]. М. Исоа, остановившись на рассмотрении особенностей изображения новгородцев в 8 ст., подчеркивает естественность представления в СК их мятежного нрава и пороков, на фоне которых устремления добродетельных великих князей владимирских и московских подчинить этот город своей власти приобретали дополнительный («моральный») вес[458].

Ряд замечаний, связанных с изучением рассказа об Александре Невском в СК, содержит монография немецкого историка Ф. Б. Шенка[459]. Наряду с церковным (агиографическим), историк выделяет «династический дискурс» об Александре, который представлен Ник., СК и ЛЛС. Согласно Ф. Б. Шенку, его отличительной чертой было формирование специфического портрета государя, который бы способствовал утверждению «нового, самодержавного образа правителя, оправданию и легитимации его собственных политических действий, и не в по-

---

[455] *Isoaho M.* The Image of Aleksandr Nevskiy... P. 337.

[456] Ibid.

[457] Ibid. P. 342.

[458] Ibid. P. 346.

[459] См.: *Schenk F. B.* Aleksandr Nevskij: Heiliger — Fürst — Nationalheld (Eine Erinnerungsfigur im russischen kulturellen Gedächtnis, 1263—2000). Köln, 2004. Здесь и далее ссылки будут следовать на русский перевод работы: *Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263—2000). М., 2007.

следнюю очередь внутренней стабилизации царской власти»[460]. Именно поэтому, согласно мнению исследователя, при описании Александра в СК его «чудотворство и его святость уходят на второй план в пользу его деятельности как правителя»[461]. Как отмечает Ф. Б. Шенк, наряду с антилатинскими сентенциями, которые содержались в более ранних памятниках об Александре, СК усиливает антитатарскую линию в изображении русского князя, представляя его борцом за независимость Руси от Орды[462].

Ряд аспектов, связанных с рассмотрением особенностей изображения прошлого в СК, затронул Б. В. Кузнецов. Свое исследование он посвятил рассмотрению рассказов о знамениях и видениях в памятниках древнерусской письменности (особое внимание в работе уделено XVI—началу XVII вв.). В значительной мере продолжая изучение этого аспекта произведения, начатое его предшественниками[463], историк отметил, что «итоги работы летописцев со знамениями в XVI веке подвела» СК. Основываясь на конкретных примерах[464], Б. В. Кузнецов указывает на то, что ее составитель «тщательно собрал все знамения, упоминавшиеся в летописях, местами расширив их и добавив толкований, призванных накрепко связать дом Рюриковичей и Русское государство с волей Бога»[465]. Оценивая эту сторону изображения русской истории в СК в целом, Б. В. Кузнецов отмечает, что книжник середины XVI в. «выстроил ряд тщательно подобранных и скомпонованных мистических видений и знамений через всю русскую историю, выражая тем самым божественное

---

[460] *Шенк Ф. Б.* Александр Невский... С. 105.

[461] Там же. С. 107.

[462] Там же. С. 108.

[463] О роли чудес и знамений в СК, см.: *Кусков В. В.* 1) Степенная книга... С. 119, 132; 2) О некоторых особенностях стиля Степенной книги... С. 197; *Тихомиров М. Н.* Развитие... С. 82; *Лихачев Д. С.* Поэтика... С. 315—317; *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 351; *Pelenski J.* 1) Russia and Kazan... P. 214—231; 2) The Contest... P. 200—201.

[464] Известия о знамении Всеволоду Ярославичу во время охоты, об ангельской помощи Владимиру Мономаху в битве с половцами, о помощи Бориса, Глеба и Александра Невского Дмитрию Донскому в его борьбе с татарами и др. См.: *Кузнецов Б. В.* События Смутного времени в массовых представлениях современников («видения» и «знамения», их значение в этот период): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 90, 94—95, 99. Вопрос об источниках соответствующих рассказов Б. В. Кузнецов в своей работе не поднимал.

[465] *Кузнецов Б. В.* События Смутного времени... С. 88.

благословение надо всей Русской землей, а особенно над царствующей династией». При этом, как указал Б. В. Кузнецов, в СК «постоянное благожелательное присутствие небесных сил, их попечительство о доме Рюриковичей выразили новые представления о государственности, которая нуждалась в сакральном обосновании»[466].

Важной тенденцией, оказывающей влияние на оценку СК в трудах последних лет, является изучение представленных в ней идей в контексте рассмотрения особенностей отражения событий Ливонской войны в сочинениях московских книжников. Так, отмечая публицистичность СК, обосновывающей историческими аргументами подчинение Казани, Астрахани и Ливонии русскому царю, А. Н. Хорошкевич определяет ее как памятник «воинственно-патриотической идеологии»[467]. А. И. Филюшкин отметил особенности представления в СК первых лет Ливонской войны. Как выяснил исследователь, изображение событий начала Ливонской войны было основано на ряде постулатов: 1) борьба идет за возврат исконно русских земель, за реализацию права на эти земли российской монархии, которое выражается в требовании дани и обеспечении неприкосновенности ее подданных; 2) война носит богоугодный характер, т. к. является наказанием для впавших в ересь ливонских «немцев», которые в СК сравниваются с иконоборцами; 3) война закончена в 1560 г. пленением магистра и взятием его резиденции — дальнейшие события составителя СК не интересуют (их для него как бы не было)[468]. Также историк отметил место СК в процессе оформления модели царства в русской книжности середины XVI в.: по словам А. И. Филюшкина, в этом памятнике впервые последовательно, на материале всей русской истории, представлен взгляд на прошлое уподобленного Израилю «Российского царства», устремленного к Богу по лестнице, образ которой представлен во вводной части СК[469].

---

[466] *Кузнецов Б. В.* События Смутного времени... С. 104—105.

[467] *Хорошкевич А. Л.* Россия... С. 569.

[468] *Филюшкин А. И.* Изображение Ливонской войны в русском летописании XVI—XVII вв. // Исследования по истории средневековой Руси: К 80-летию Юрия Георгиевича Алексеева. СПб., 2006. С. 347—349.

[469] *Филюшкин А. И.* Модель «царства» в русской средневековой книжности XV—XVI вв. // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Сб. 10. С. 265, 268, 270.

Особое внимание в работах последних лет привлекают рассказы СК о чудесном рождении ряда московских князей. И. Тирет (США) в специальной работе, посвященной рассмотрению легенды о чудесном рождении русских государей в памятниках русской книжности XV—XVI вв., остановилась на особенностях представления рассказа о чудесном зачатии и рождении Ивана IV (22 гл. 16 ст.). Не обнаружив источников данного рассказа, исследовательница приписывает его авторство составителю СК, связав его появление с проводимой в ней идеей божественного покровительства династии московских государей[470]. В своей статье немецкая исследовательница К. Зольдат обращает внимание на помещенные в СК рассказы о чудесном рождении ряда московских князей в результате молитв благочестивых монахов и великих князей, нередко совершавших с этой целью паломничества по отдаленным монастырям. Согласно мнению исследовательницы, которая, правда, не останавливалась на источниках данных рассказов, в соответствующих пассажах сплелись как христианские представления о божественном покровительстве династии, так и остатки еще языческих по своей сути представлений о даровании сверхъестественными силами плодородия в ответ на мольбы правителя, объезжающего свои владения[471].

В рассматриваемый период появился целый ряд специальных работ, посвященных памятникам древнерусской книжности, послужившим источниками СК. В этих трудах рассматриваются особенности степенных редакций соответствующих памятников, а также подчеркивается специфика правки составителем СК фрагментов тех или иных произведений перед их включением в ее текст.

О. А. Линдеберг была отмечена связь СК со «Словом о князьях», обширный фрагмент которого помещен в 10 гл. 3 ст. Источник подвергся при включении в СК значительной редакторской правке, которая привела к появлению особой, степенной ре-

---

[470] *Thyrêt I.* 1) «Blessed Is the Tsaritsa's Womb»: The Myth of Miraculous Birth and Royal Motherhood Womanhood in Muscovite Russia // RR. 1994. Vol. 53, N. 4. P. 488—491; 2) Between God and Tsar: Religious Symbolism and the Royal Women of Muscovite Russia. DeKalb, 2001. P. 27—28.

[471] См.: *Soldat C.* Die Erzählungen über Empfängnis und Geburt russischer Herrscher in der *Stepennaja kniga carskogo rodoslovia* und ihr Zusammenhang mit alten slavischen Fruchtbarkeitsriten // Wiener slavistisches Jahrbuch. Wien, 2004. Bd. 50. S. 139—152.

дакции. По мнению О. А. Линдеберг, составителя СК «Слово о князьях» интересовало, прежде всего, как источник сведений о Давиде Святославиче — главном герое произведения; прочие известия «Слова» в СК включены не были[472].

Ценное замечание относительно источника помещенного в СК Жития Евфросинии Полоцкой сделал А. А. Мельников. Он установил, что в 11 гл. 5 ст. было использовано Житие в редакции сборников, которая известна в списках XVI в. Также исследователь, проанализировав особенности ее включения в СК, выяснил, что в этом памятнике Житие было дополнено указанием на генеалогию полоцкой святой[473]. Кроме того, А. А. Мельников в перечне списков Жития Евфросинии привел сведения о 63 списках СК, основная часть которых не была известна П. Г. Васенко[474].

Включенную в СК Повесть об иконе Луки Колочского (27 гл. 13 ст.) специально разобрала Л. И. Журова. В целом ряде своих работ[475] она рассмотрела рукописную традицию Повести и выяснила, что при написании СК была использована т. н. 2-я летописная редакция, представленная летописными памятниками, восходящими к Своду 1533 г. (согласно схеме русского летописания А. Н. Насонова; 2-я редакция, по мнению Л. И. Журовой, восходит к протографу 1-й, которая представлена Ник. и Сводом 1560 г.). Отмечая особенности редактирования текста Повести при ее включении в СК, Л. И. Журова фиксирует тенденцию к «ослаблению роли и затемнению личности можайского князя» Андрея Дмитриевича, при ко-

---

[472] *Линдеберг О. А.* «Слово о князьях» (проблема соотношения списков) // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988. С. 13.

[473] *Мельников А. А.* Литературная история агиографической повести о Евфросинии Полоцкой (на материале рукописей XVI—XVIII вв.): Дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1989. С. 45—46. Позднее к аналогичным выводам пришла Е. М. Воронова, которая, судя по всему, с работой А. А. Мельникова не была знакома (см.: *Воронова Е. М.* Житийная повесть о Евфросинии Полоцкой как литературно-исторический памятник XII века: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990. С. 50—52, 54, стемма).

[474] *Мельников А. А.* Литературная история... С. 191—212.

[475] См.: *Журова Л. И.* 1) Ранние редакции Повести о Луке Колочском // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 5—17; 2) Из литературной истории Повести о Луке Колочском // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 143—154; 3) «Повесть о Луке Колочском» в рукописной традиции XVI в. // Книга и литература: Сб. науч. ст. Новосибирск, 1997. С. 79—90; 4) Сказание о Колочской иконе. Новосибирск, 2000.

тором был основан Колочский монастырь, несмотря на то, что в СК подчеркиваются его родственные связи с великим князем московским[476].

Любопытное наблюдение относительно одного источника СК принадлежит О. В. Панченко. Начав специальное изучение рукописной традиции «Слова похвального» Михаилу Черниговскому Льва Филолога, исследователь выделил две редакции этого памятника. Развивая наблюдения М. А. Дьяконова, О. В. Панченко отметил наибольшую близость к СК второй редакции, которая была помещена в ВМЧ: эта редакция (так же как и 8 гл. 4 ст. СК) содержит ряд деталей в рассказе о царских дарах Владимиру Мономаху, которые отсутствовали в первой редакции, а также в «Сказании о князьях Владимирских»[477].

Итоги изучения рукописной традиции Жития митрополита Петра, предпринятого Р. А. Седовой, дали возможность закрыть одно из «белых пятен» в изучении источников СК — исследовательница связала происхождение рассказа 2 гл. 10 ст. СК о видении Ивану Калите снежной горы со Сказанием чудес Петра «некоего любомудреца» Кифы[478] (памятник был введен в научный оборот и издан Р. А. Седовой[479]). Согласно Р. А. Седовой, в СК рассказ был дополнен новыми подробностями — в частности, указанием на то, что видение произошло Ивану Калите во время его поездки верхом вдоль р. Неглинной в сопровождении «вельмож» московского князя[480].

Специально на характеристике степенной редакции «Рукописания Магнуша», помещенной в 10 гл. 11 ст., остановился А. Накадзава. Он отметил, что редакция СК «в основном восходит к тексту Воскресенской летописи, в частности к списку, близкому к Синодальному». Сведения Воскр. дополнялись по СІ (исследователь не указывает, о какой именно редакции этой ле-

---

[476] *Журова Л. И.* «Повесть о Луке Колочском»... С. 90.

[477] *Панченко О. В.* Две редакции Слова Льва Филолога Михаилу и Феодору Черниговскому // Проблемы развития русской литературы XI—XX веков: Тезисы научной конференции молодых ученых и специалистов 18—19 апреля 1990 года. Л., 1990. С. 7—8.

[478] Согласно предположению А. В. Сиренова, им мог быть священник Кремлевской церкви Иоанна Лествичника Петр (конец XV в). См.: *Сиренов А. В.* Московский книжник конца XV в. Петр и его произведения // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 582—593.

[479] *Седова Р. А.* Святитель Петр митрополит Московский в литературе и искусстве Древней Руси. М., 1993. С. 107—124.

[480] Там же. С. 111—112, примеч. 7.

тописи идет речь)[481]. А. Накадзава, разобрав особенности редактирования «Рукописания» при его включении в текст 10 гл. 11 ст., обратил внимание на замену названия произведения «Рукописание» на «Завет» в СК, что придавало памятнику черты «документа юридического характера»[482]. Определяя причины предпочтения составителем СК версии Воскр. редакции, помещенной в Ник., А. Накадзава делает важное замечание, характеризующее приемы его работы: «Отказ составителя Стп. от влияния изящного текста „Рукописания“ в Нкн. [Ник. — *А. У.*] и выбор Воскресенской летописи в качестве основного источника показывает, что для него была важна историческая документальность памятника»[483]. Объясняя причины включения «Рукописания Магнуша» в СК, А. Накадзава отмечает, что «внелетописный характер памятника подходил редактору для составления своеобразного исторического сочинения, собравшего в себя разные исторические документы и известия». Согласно мнению исследователя, создатель СК «мог считать „Рукописание“ историческим документом, который имел отношение к дипломатической деятельности Московского государства». По этой причине, как полагает А. Накадзава, в текст СК не было внесено никаких содержательных изменений, переработка была довольно незначительной и ограничивалась лишь стилистической правкой.

Важное для изучения источников СК наблюдение сделал У. Федер: он отметил связь рассказа 75 гл. 1 ст. о посмертном крещении дочери праведного мужа, которая скончалась некрещеной, и о ее чудесном перезахоронении с христианами с Иерусалимским патериком[484]. Любопытное предположение об одном вероятном источнике СК принадлежит А. Ю. Карпову, который допустил возможность использования в 35 гл. 1 ст. «Слова на

---

[481] *Накадзава А.* Рукописание Магнуша: Исследование и тексты. СПб., 2003. С. 60, 62.

[482] Там же. С. 61. Большой интерес для нас представляет указание исследователя (там же. С. 61, примеч. 46) на то, что сходной правке подвергся и Церковный устав Владимира при его включении в 58 гл. 1 ст. — в СК слово «устав» также заменено на «завет». Как полагает А. Накадзава, данная правка была произведена составителем СК «по стилистическим соображениям».

[483] *Накадзава А.* Рукописание Магнуша... С. 61—62.

[484] Данное наблюдение У. Федер сделал в устной беседе с Г. Ленхофф, см.: *Lenhoff G.* How the Bones of Plato and Two Kievan Princes were baptised... S. 323, Fus. 21.

обновление Десятинной церкви»[485]. Ряд интересных параллелей тексту СК привела Н. В. Рамазанова, рассматривая памятники русской средневековой гимнографии[486].

* * *

Подводя итоги изучения СК в последние годы, необходимо отметить, что, несмотря на отсутствие специального обобщающего труда по этому вопросу, в историко-филологической и искусствоведческой литературе был накоплен значительный материал о памятнике. Это дало возможность осуществить подготовку нового издания СК и создало необходимые условия для комплексного изучения ее древнейшей редакции в контексте рассмотрения ее ранней рукописной традиции, источников и идей, которые оказывали влияние на ее составителя. Это в свою очередь побуждает заключить, что в историографии накоплен достаточный материал, который позволяет вплотную подойти к рассмотрению СК на широком фоне современных и предшествующих ей памятников.

1.5. Итоги

Суммируя результаты рассмотрения основных тенденций в изучении СК, можно отметить следующее. В XVIII—XIX вв. СК была введена в научный оборот и опубликована. В этот период также был высказан ряд гипотез о времени ее написания и личности составителя. В историографии был собран значительный материал и об источниках памятника и мировоззрении его создателя. Все это подготовило почву для появления в XX в. обобщающих работ, посвященных специальному разбору произведения. Среди работ начала прошлого столетия о СК особое значение имеет монография П. Г. Васенко. Историк, обобщив наблюдения своих предшественников и дополнив их выводы дополнительными аргументами, высказал взгляд на время создания СК и личность ее автора, который в целом общепринят и поныне. Важнейшими заслугами П. Г. Васенко

---

[485] *Карпов А. Ю.* Древнейшие русские сочинения о св. Клименте Римском // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2007. Вып. 11. С. 47—48, примеч. 131.

[486] *Рамазанова Н. В.* Московское царство в церковно-певческом искусстве XVI—XVII вв. СПб., 2004. С. 115—120 и др.

является начало рассмотрения рукописной традиции СК и основанное на нем новое издание памятника.

В историографии XX в. в изучении СК выделяется две основные тенденции. Во-первых, в целом принимая гипотезу П. Г. Васенко относительно времени написания и личности составителя СК, исследователи свое внимание сосредотачивают на изучении источников памятника (В. В. Кусков, У. Барнетт и др.). Во-вторых, в подавляющем большинстве работ, в которых так или иначе затрагивались различные стороны СК, особое внимание уделяется изучению мировоззрения ее создателя (прежде всего, его политических и исторических взглядов) (Н. Л. Рубинштейн, В. В. Кусков, А. М. Сахаров, Д. Миллер и др.), а также особенностей их литературного представления (А. С. Орлов, Д. С. Лихачев, В. В. Кусков, Я. С. Лурье и др.). В последние годы исследователи вновь обращаются к начатому П. Г. Васенко изучению рукописной традиции СК (Н. Н. Покровский, Д. О. Серов, А. В. Сиренов), а также к рассмотрению источников и историко-политических взглядов ее составителя (Н. Н. Покровский, А. А. Турилов, Г. Ленхофф, Б. Н. Флоря, А. Л. Хорошкевич, А. И. Филюшкин и др.).

В целом ряде трудов XX—XXI вв., посвященных отдельным произведениям древнерусской литературы (С. И. Смирнов, В. П. Мансикка, Н. И. Серебрянский, В. А. Кучкин, Г. Ленхофф и др.), был накоплен значительный материал относительно источников СК и способах их редактирования при включении в ее текст. В искусствоведческих работах этого же времени (Е. С. Сизов, В. В. Морозов, Т. Е. Самойлова, А. Б. Конотоп) была отмечена общность идей СК (и других современных ей произведений книжности) с целым рядом памятников изобразительного искусства XVI в.

Как показывают итоги рассмотрения посвященной СК литературы, накопленный в ней материал колоссален. Вместе с тем анализ историографии обнаруживает ряд лакун, очевидных исследователю начала XXI в.

Н. Н. Покровский и А. В. Сиренов сделали два важнейших археографических открытия в истории изучения СК: они ввели в научный оборот Томск. и Волк., которые были использованы при подготовке нового издания памятника. Эти историки, обобщив неизвестный П. Г. Васенко материал, пересмотрели его схему взаимоотношения списков СК, предложив свою, согласно которой процесс создания древнейшей редакции памятника de facto может быть отождествлен с написанием и редактирова-

нием Волк., Томск. и Чуд. Последняя научная публикация СК, выполненная на основе этих списков, открывает перед ее исследователем новые возможности, связанные с получением дополнительных — кодикологических — аргументов при решении целого ряда вопросов: уточнение датировки СК, определение последовательности написания ее различных разделов, выявление редакторской правки, реконструкция процесса оформления древнейшей редакции. Ответ на эти вопросы позволит существенно дополнить данные текста памятника, анализом которого ограничивало себя большинство его исследователей.

В историко-филологической науке было выявлено значительное число летописных, агиографических и прочих источников СК. Вместе с тем результаты сопоставления текстов соответствующих памятников с СК дают возможность отметить целый ряд ее известий, которые не возводимы к источникам, установленным в посвященной ей литературе[487]. Также в историогра-

---

[487] Вводная статья «Царские сановники», толкования ряда имен, описание «Имен областей русских» (7 гл. 1 ст.), указание на войны с Русью византийского императора Ираклия (9 гл. 1 ст.), заключительная часть «Завета» Церкви Владимира (58 гл. 1 ст.), смерть митрополита Леонта и приход на Русь его преемника Ивана (63 гл. 1 ст.), датировка событий, связанных с вокняжением Владимира Мономаха в Киеве (5 гл. 4 ст.), рассказ о казни Кучковичей братьями Андрея Боголюбского (4—5 гл. 6 ст.), детали, связанные с небесным знамением 6694 г. (8 гл. 6 ст.), упоминание о любви Андрея Ярославича к охоте (в 5 гл. 8 ст.), описание основания Данилова монастыря и чудес Даниила Московского (6—8 гл. 9 ст.), упоминание о явлении старца Ивану Калите перед его смертью (2 гл. 10 ст.), указание на «совет» Дмитрия Донского с русскими святыми (5 гл. 12 ст.), чудо о свече у гроба Дмитрия Ивановича (13 гл. 12 ст.), описание Евдокии-Евфросинии (14—20 гл. 12 ст.), подробности рассказа о вокняжении Василия I Дмитриевича (1 гл. 13 ст.), указание на женитьбу византийского императора Мануила на дочери великого князя Василия I (19 гл. 13 ст.), сообщение о переводческой деятельности митрополита Киприана (25 гл. 13 ст.), детали в известии о чудесном рождении Василия II (2 гл. 14 ст.), описания пророчества митрополита Фотия относительно будущего занятия митрополичьей кафедры симоновским иноком Ионой, явления ангела Фотию перед его смертью, клевета на Фотия Саввы Аврамиева (16 гл. 14 ст.), подробности битвы под Суздалем 1445 г. и пленения ордынского посла Бигича муромскими наместниками (8 гл. 14 ст.), ряд деталей в рассказах о небесных знамениях (13—14 гл. 14 ст.), о Феррара-Флорентийском соборе и жизнеописании митрополита Ионы (19 гл. 14 ст.), сообщение о покупке половины Ростова Иваном Калитой (11 гл. 15 ст.), описание подробностей внутридинастической борьбы за власть в конце XV в. (24 гл. 15 ст.), повествования о чудесном рождении Василия III (15 гл. 15 ст., 1 гл. 16 ст.) и его сына Ивана IV (22 гл. 16 ст., 1 гл. 17 ст.), о чудесном избавлении Опочки от польско-литовских войск (11 гл. 16 ст.), ряд подробно-

фии отсутствует специальное рассмотрение вопроса о характере взаимоотношений важнейших агиографических сводов XVI в. — ВМЧ и СК. В большинстве случаев, не приводя источниковедческих аргументов, наши предшественники ограничивались указанием на использование ВМЧ при составлении СК, основываясь почти исключительно на факте более раннего написания ВМЧ.

Исследователи СК сделали немало ценных замечаний, позволяющих локализовать ее в литературном и историографическом процессе России XVI в., рассмотрели особенности представления в памятнике как отдельных периодов русской истории, так и ряда ее наиболее значимых деятелей. Вместе с тем нельзя не отметить, что подавляющее большинство авторов этих трудов вело изучение СК в отрыве от ее источников, нередко приписывая перу ее составителя известия, которые содержались в источниках памятника (например, помещенное в пространной редакции Жития Ольги известие о встрече Ольги с Игорем на перевозе). Это обусловливалось двумя обстоятельствами. Во-первых, работы Н. Ф. Околовича, В. В. Кускова и У. Барнетта, посвященные изучению источников СК, оставаясь неопубликованными, не были широко известны в науке (как показывают итоги разбора литературы по этому вопросу, большинству исследователей не были известны и опубликованные работы, в которых содержались указания на те или иные источники СК). Во-вторых, наши предшественники, изучая СК как явление русской литературы и историографии, нередко не имели возможности проводить кропотливый сравнительный анализ текстов соответствующих фрагментов произведения и его источников. Все это в значительной степени снижало источниковедческий «вес» представленных в науке мнений о СК как о памятнике русской средневековой литературы и историографии. Вместе с тем, как показывают итоги разбора посвященных СК работ, в целом ряде трудов, рассматривающих текстологию вошедших в нее памятников, подобная работа уже проделана; это предоставляет в распоряжение исследователя богатейший материал для определения тенденций редакторской правки вошедших в нее произведений, что, в конечном счете, дает возможность реконструировать историко-политические взгляды ее со-

---

стей в описании смерти Василия III (24 гл. 16 ст.), рассказы о чудесах, сопутствующих взятию Казани (10 гл. 17 ст.).

ставителя. Нельзя исключить того, что изучение данного вопроса даст дополнительный материал для ответа на до сих пор остающийся открытым вопрос о том, был ли Андрей-Афанасий единственным автором СК или являлся лишь одним из создателей памятника.

Отмеченные выше лакуны побуждают нас сосредоточить свое внимание на следующих аспектах:

1) Изучение времени написания СК и выявление основных этапов ее создания на основе анализа ее древнейших списков и датирующих указаний текста;

2) Выявление источников известий СК, которые еще не были установлены в историографии; это в перспективе даст возможность установить круг чтения книжников времени митрополита Макария;

3) Решение вопросов, связанных с определением того, писалась ли СК одним лицом или несколькими и каковы были функции этого лица (или лиц);

4) На основе анализа редакторской правки источников при создании памятника, их состава и особенностей изображения русской истории в произведении выявить основные взгляды составителя (прежде всего, отраженные в СК историко-политические идеи) и способы их представления на широком фоне современных и предшествующих памятников.

Решению этих задач и будут посвящены последующие главы монографии.

Глава 2

ВРЕМЯ СОЗДАНИЯ

Как уже отмечалось в предыдущей главе, наиболее авторитетное мнение о датировке СК, в настоящий момент разделяемое большинством исследователей, было высказано в работе П. Г. Васенко 1904 г. Этот историк основывался почти исключительно на данных текста памятника. Учитывая это, а также объем и значение данных, введенных в научный оборот после выхода в свет его монографии, обратимся к вопросу о времени написания СК. Ниже нами будет предпринята попытка на основе анализа данных, недоступных П. Г. Васенко, предложить свой взгляд относительно времени создания СК.

Решение этого вопроса нами будет предпринято в три этапа. На первом мы предложим свой вариант датировки древнейших списков СК на основе их кодикологического анализа. На втором на основе рассмотрения данных текста произведения мы попытаемся сузить этот временной промежуток. На третьем будут выделены основные периоды в процессе оформления древнейшей редакции памятника.

2.1. Датировка древнейших списков

Приступая к рассмотрению СК, исследователь сталкивается со случаем едва ли не уникальным в истории изучения древнерусской книжности — до настоящего времени сохранились три ее списка, которые писались и редактировались одними и теми же писцами примерно в одно время, вероятно, в одном скриптории. Важно отметить, что предлагаемая в работах Н. Н. Покровского и А. В. Сиренова датировка Волк. и, по всей видимости, восходящих к нему Томск. и Чуд. — 60-е гг. XVI в. —

близка ко времени создания текста СК — согласно точке зрения П. Г. Васенко, 1560—1563 гг. Значительный объем редакторской правки этих списков, а также их датировка дали Н. Н. Покровскому и А. В. Сиренову веские основания полагать, что правка текста СК в этих трех списках отражает процесс оформления текста ее древнейшей редакции. Учитывая это, есть все основания полагать, что Волк., Томск. и Чуд. создавались одновременно с оформлением текста СК и отражают процесс его создания. Таким образом, датировка этих списков даст возможность составить представление о времени написания СК.

Анализ списков памятника при решении вопроса о его датировке имеет особое значение. Это обусловливается тем, что датирующий потенциал текста СК (прежде всего, наиболее поздних по хронологии известий) существенно снижен вследствие уже отмеченных нашими предшественниками кодикологических особенностей Волк., Томск. и Чуд. Так, Волк. (в части XVI в.) доведен лишь до конца 6 ст. (нельзя исключить того, что несохранившаяся часть Волк., так же как Томск. и Чуд., была доведена до середины XVI в.[1]; однако здесь речь может идти лишь о более или менее обоснованных гипотезах — при кодикологическом исследовании древнейших списков СК приходится считаться с тем, что Волк. (в его сохранившейся части XVI в.) доведен лишь до известий рубежа XII—XIII в.). Как отметил Н. Н. Покровский, Томск. и Чуд. первоначально были доведены до 16 ст. — повествующая о времени правления Ивана IV 17 ст. в обоих списках была добавлена несколько позднее (данная правка отразилась и в гранесовании, в котором связанная с 17 ст. часть была также дописана позднее)[2]. Учитывая, что в самом начале процесса создания СК последняя грань, по-видимому, не планировалась, есть основания полагать, что данные текста Томск. и Чуд. дадут возможность составить представление скорее о завершении оформления текста, чем о его начале (итоги разбора 17 ст. будут представлены ниже). В силу этого, для того чтобы наметить нижнюю границу создания СК, необходимо определить период создания Волк. и время начала написания Томск. и Чуд.

---

[1] Так, на основании ознакомления с Волк. К. Ф. Калайдович в начале XIX в., отметив, что в части ркп. XVI в. гранесование доведено до конца 16 ст., предположил, что именно до кончины Василия III и был доведен несохранившийся текст XVI в. Волк. См.: *Сиренов А. В.* К истории изучения Волковского списка... С. 198, 203.

[2] *Покровский Н. Н.* Томский список... С. 10.

Обращаясь к ркп., содержащим древнейшие списки СК, отметим любопытный казус. По мнению А. В. Сиренова, Томск. и Чуд. восходят к Волк. Итоги изучения древнейших списков СК Н. Н. Покровским и А. В. Сиреновым свидетельствуют о том, что Чуд., по-видимому, был написан несколько позднее Томск. Согласно осторожному предположению Н. Н. Покровского, Чуд. и Томск. могли создаваться около 1564—1566 гг. (в период занятия митрополичьей кафедры Афанасием, наиболее вероятным составителем памятника)[3]. Любопытно, что, если наиболее близкие к водяным знакам Волк. и Чуд. аналоги в справочниках филиграней относятся к 60-м гг. XVI в., то ближайшие аналоги филиграней Томск. (знак «кабан» 2-х видов) датируются серединой 50-х гг. Обусловливалось ли это обстоятельство почти десятилетним периодом залежности бумаги Томск. или есть основания для уточнения его датировки? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить, в какой период использовалась бумага, характерная для Томск. Однако перед тем как вплотную подойти к решению данной проблемы, необходимо сделать ряд предварительных замечаний.

Определение времени создания русских средневековых рукописных книг является одним из ключевых вопросов в их изучении. Лишь незначительная часть ркп. имеет датирующие записи. Так, как отметила Л. М. Костюхина, из примерно 2600 славяно-русских рукописных книг XVI в.[4], ныне хранящихся в ОР ГИМ, датированных — 207[5] (т. е. несколько менее 10%). Любопытно, что приблизительно этот же процент ркп. с датами характерен и для более раннего времени[6]. В силу малого числа датированных ркп. время создания основной массы рукописных книг определяется на основе изучения водяных знаков бумаги, использованной при их написании.

---

[3] *Покровский Н. Н.* Томский список... С. 41—42.

[4] Согласно подсчетам М. В. Кукушкиной, всего сохранилось свыше 13 тыс. рукописных книг XVI в. (см.: *Кукушкина М. В.* Книга в России в XVI в. СПб., 1999. С. 94).

[5] *Костюхина Л. М.* Палеография русских рукописных книг XV—XVII вв. Русский полуустав. М., 1999. С. 21.

[6] См. данные по рукописям XI—XV вв., собранные А. А. Туриловым: *Турилов А. А.* Проблемы и перспективы отождествления хорватских глаголических книжных почерков // Glagoljica i hrvatski glagolizam: Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenog skupa povodom 100. obljetnice staroslavenske akademije I 50. obljetnice staroslavenskog instituta (Zagreb-KRK, 2-6 listopada 2002.). Zagreb-KRK, 2004. С. 285.

В России XVI в. была распространена исключительно зарубежная бумага[7] — в основном французская, в меньшей степени немецкая, итальянская и др.[8] Учитывая временные затраты на транспортировку и продажу европейской бумаги в России, следует признать, что справочники, фиксирующие использование бумаги в Западной и Центральной Европе (Ш. Брике, А. Мареша, Г. Пиккара и др.), не совсем точно отражают время использования бумаги в России. Именно поэтому особое значение приобретают альбомы филиграней, в которых отмечены датированные случаи использования бумаги в России.

В настоящее время наиболее авторитетным и, к сожалению, по сию пору, по сути, единственным справочником, фиксирующим использование бумаги в России XVI в., является альбом водяных знаков, собранный Н. П. Лихачевым[9]. Если после появления издания Н. П. Лихачева появился целый ряд альбомов, отражающих использование бумаги в XVII—XIX вв.[10], то

---

[7] Обнаружение Э. Кинаном и Н. В. Савельевой (см.: *Keenan E.* Paper for the Tsar: A Letter of Ivan IV of 1570 // Oxford Slavonic Papers. New series. 1971. Vol. 4. P. 21—29; *Савельева Н. В.* «Бумага для царя Ивана Грозного» в Древлехранилище Пушкинского Дома // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 430—440) двух листов бумаги русского производства (вероятно, 1566 г.) позволяет поставить вопрос о возможном существовании, по всей видимости, незначительного числа опытных образцов отечественной бумаги, а не о ее массовом производстве и использовании на протяжении всего XVI в. (также см.: *Клепиков С. А.* О допетровской бумаге и «бумаге для царя (письме Ивана IV)» Э. Кинана // Книга. Исследования и материалы. М., 1974. Сб. 28. С. 157—161; *Дашкевич Я. Р.* Бумага для царя или государева бумага? О начале производства бумаги в Московском государстве // RM. München, 1987. Т. 4/1. S. 221—246).

[8] *Каштанов С. М.* Распространение бумаги на Руси в XIV—XVI вв. // ИЗ. М., 2002. Вып. 5 (123). С. 94.

[9] *Лихачев Н. П.* 1) Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891; 2) Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1—3. Справочник К. Я. Тромонина (см.: *Тромонин К. Я.* Изъяснения знаков, видимых на писчей бумаге, посредством которых можно узнать, когда написаны или напечатаны какие-либо книги, грамоты, рисунки, картинки и другие старинные и нестаринные дела, на которых не означено годов. М., 1844), который по сию пору используется при датировке ркп., представляет собой в известной степени компилятивный труд, значительную часть которого составляет изложение материала предшествовавших ему зарубежных альбомов. Кроме того, в справочнике К. Я. Тромонина отсутствуют точные указания на ркп., которые явились источниками опубликованных прорисей водяных знаков.

[10] Например, см.: *Клепиков С. А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX веков. М., 1959; *Гераклі-*

специальных справочников по бумаге, употребляемой в России в интересующее нас столетие, создано не было. Поэтому и по сию пору труд Н. П. Лихачева, несмотря на ряд его «технических» недостатков[11], остается фактически единственным справочником, фиксирующим использование бумаги в России этого периода.

Обращаясь к альбому Н. П. Лихачева, необходимо учитывать некоторые его особенности. Первой является его неполнота. Она обусловливалась рядом причин.

С одной стороны, историку были недоступны ркп. целого ряда крупных рукописных собраний, которые на момент выхода в свет справочника (1899 г.) не имели печатных описаний (собрания Е. В. Барсова, Ф. Ф. Мазурина, РОБ МГАМИД, Епархиальное, Музейское, Чудова монастыря и др.), находились вне общедоступных архивохранилищ (Е. Е. Егорова, П. А. Овчинникова, Рогожской старообрядческой общины и др.) или вообще не были сформированы (например, собрания А. П. Гранкова, Единичных поступлений рукописных книг древней традиции и Отдела рукописей РГБ, Вологодское, В. Н. Перетца, М. И. Чуванова и др.). Некоторые собрания были описаны лишь частично (ОИДР, ОЛДП, М. П. Погодина, Синодальное, В. М. Ундольского и др.). Материал, представленный в фунда-

---

тов А. А. Филиграни XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963; Водяные знаки рукописей России XVII в. / Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина. М., 1988. Более полный перечень альбомов филиграней см.: *Андрюшайтите Ю. В.* Обеспеченность крупнейших хранилищ справочниками водяных знаков // Филигранологические исследования (теория, методика, практика): Сб. ст. Л., 1990. С. 148—152; *Сиренов А. В.* Датировка рукописей по маркировочным знакам бумаги: учебное пособие к курсу «Русская палеография» // *Рогулин Н. Г., Назаренко К. Б., Сиренов А. В.* Специальные курсы по источниковедению истории России. М.; СПб., 2006. С. 53—55. Также см.: *Богданов А. П.* Основы филиграноведения: история, теория, практика. М., 1999. С. 307—325 (указатель альбомов филиграней).

[11] Так, справочник не содержит сведений о понтюзо. Кроме того, в ряде случаев исследователем не были учтены отдельные знаки в датированных ркп. Так, Н. П. Лихачев пропустил знак «рука» в ркп. из собрания Троице-Сергиевой лавры (Пролог 1567 г., см.: ОР РГБ. Ф. 304.I (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 468. Л. 160, 161, 182 и др.), прориси водяных знаков которой представлены в его альбоме (см.: Лихачев, № 1926—1928); при публикации прорисей водяных знаков волоцкого Торжественника 1553/54 г. (см.: Лихачев, № 1754—1756) оказался не отмечен знак «кабан» 3-го вида (см.: ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). F.I.444. Л. 485, 487 и др.).

ментальном справочнике «Рукописные собрания ГБЛ»[12] (к сожалению, издания, сопоставимые по объему раскрытия собраний, по фондам прочих архивохранилищ отсутствуют), дает возможность составить представление о соотношении ркп. XVI в., хранящихся в собраниях Отдела рукописей Российской государственной библиотеки, описания которых были доступны Н. П. Лихачеву, и рукописных книг, известных современному исследователю. Представим соответствующий материал:

Собрание ОР РГБ	Фонды, имевшие печатные описания к моменту создания альбома Н. П. Лихачева	Количество славяно-русских ркп. XVI в., известных в настоящее время[13]
1	2	3
Амфилохия (Ф. 7)		36[14]
Е. В. Барсова (Ф. 17)		11[15]
И. Д. Беляева (Ф. 29)	+	4[16]
Т. Ф. Большакова (Ф. 37)		82[17]
Генерального штаба (Ф. 68)		22[18]
А. В. Горского (Ф. 79)		1[19]
В. И. Григоровича (Ф. 87)	+	11[20]
С. О. Долгова (Ф. 92)		12[21]
Н. П. Дурова (Ф. 96)		1[22]

[12] Рукописные собрания ГБЛ. Т. 1, вып. 1—3. М., 1983—1996.

[13] Подсчеты даются на основе материалов обзоров, помещенных в «Рукописные собрания ГБЛ» (исключения специально оговариваются). В общее число включены рукописные книги рубежа XV—XVI вв., XVI в. и рубежа XVI—XVII вв., а также конволюты, содержащие части XVI в.

[14] *[Рыков Ю. Д., Щербачева Н. А.]* Собрание рукописей, поступивших от архимандрита Амфилохия (ф. 7) // РС. Т. 1, вып. 1. М., 1983. С. 55.

[15] *[Рыков Ю. Д.]* Собрание Е. В. Барсова (ф. 17) // РС. Т. 1, вып. 2. М., 1986. С. 332.

[16] *[Рыков Ю. Д., Червяков А. Д.]* Собрание И. Д. Беляева (ф. 29) // РС. Т. 1, вып. 1. С. 158.

[17] *[Рыков Ю. Д., Травников С. Н.]* Собрание Т. Ф. Большакова (ф. 37) // РС. Т. 1, вып. 1. С. 81.

[18] *[Майкова К. А.]* Собрание Генерального штаба (ф. 68) // РС. Т. 1, вып. 2. С. 294.

[19] *[Майкова К. А., Саенко (Грязина) Л. П., Червяков А. Д.]* Собрание А. В. Горского (ф. 79) // РС. Т. 1, вып. 2. С. 134.

[20] *[Тихомиров Н. Б.]* Собрание В. И. Григоровича (ф. 87) // РС. Т. 1, вып. 1. С. 173.

[21] *[Майкова К. А., Саенко (Грязина) Л. П., Тиганова Л. В., Червяков А. Д.]* Собрание С. О. Долгова (ф. 92) // РС. Т. 1, вып. 2. С. 268.

[22] *[Рыков Ю. Д., Тиганова Л. В.]* Собрание Н. П. Дурова (ф. 96) // РС. Т. 1, вып. 1. С. 197.

Продолжение

1	2	3
Е. Е. Егорова (Ф. 98)		524[23]
Иосифо-Волоколамского монастыря (Ф. 113)	+	185[24]
Великоустюжского районного краеведческого музея (Ф. 122)		1[25]
Костромской областной библиотеки им. Н. К. Крупской (Ф. 138)		17[26]
Н. А. Лукашевича и Н. А. Маркевича (Ф. 152)		26[27]
Фундаментальное собрание библиотеки МДА (Ф. 173.I)	+	63[28]
Дополнительное собрание библиотеки МДА (Ф. 173.II)		3[29]
Собрание по временному каталогу библиотеки МДА (Ф. 173.III)		10[30]
Собрание «прочие» библиотеки МДА (Ф. 173.IV)		9[31]
Музейное (Ф. 178)		303[32]
К. И. Невоструева (Ф. 194)		10[33]
П. Н. Никифорова (Ф. 199)		125[34]
Ниловой пустыни (Ф. 200)		16[35]
А. С. Норова (Ф. 201)		9[36]

[23] *[Рыков Ю. Д.]* Собрание Е. Е. Егорова (ф. 98) // РС. Т. 1, вып. 2. С. 79—82.

[24] *[Турилов А. А.]* Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря (ф. 113) // РС. Т. 1, вып. 2. С. 151.

[25] *[Кириллин В. М.]* Собрание Великоустюжского районного краеведческого музея (ф. 122) // РС. Т. 1, вып. 3. М., 1996. С. 153.

[26] *[Рыков Ю. Д.]* Собрание Костромской областной библиотеки им. Н. К. Крупской (ф. 138) // РС. Т. 1, вып. 3. С. 90.

[27] *[Рыков Ю. Д., Саенко (Грязина) Л. П.]* Собрание И. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича (ф. 152) // РС. Т. 1, вып. 1. С. 131.

[28] *[Щербачева Н. А.]* Фундаментальное собрание библиотеки МДА (ф. 173.I) // РС. Т. 1, вып. 2. С. 104.

[29] *[Червяков А. Д.]* Дополнительное собрание библиотеки МДА (ф. 173.II) // РС. Т. 1, вып. 2. С. 114.

[30] *[Червяков А. Д.]* Собрание по временному каталогу библиотеки МДА (ф. 173.III) // РС. Т. 1, вып. 2. С. 120.

[31] *[Червяков А. Д.]* Собрание «прочие» библиотеки МДА (ф. 173.IV) // РС. Т. 1, вып. 2. С. 128.

[32] Подсчеты проведены нами на основе просмотра описи этого собрания (см.: Музейное собрание рукописей: Описание. Т. 1—7. М., 1961—1974 (Т. 3—7 — Машинопись)). Архивная часть Музейного собрания не учитывалась.

[33] *[Майкова К. А., Саенко (Грязина) Л. П., Червяков А. Д.]* Собрание К. И. Невоструева (ф. 194) // РС. Т. 1, вып. 2. С. 157.

[34] *[Рыков Ю. Д., Тиганова Л. В.]* Собрание П. Н. Никифорова (ф. 199) // РС. Т. 1, вып. 1. С. 229.

[35] *[Хегатуров А. Н.]* Собрание Ниловой пустыни (ф. 200) // РС. Т. 1, вып. 2. С. 345.

[36] *[Майкова К. А.]* Собрание А. С. Норова (ф. 201) // РС. Т. 1, вып. 1. С. 64.

Продолжение

1	2	3
Общества истории и древностей российских (Ф. 205)	+[37]	63[38]
П. А. Овчинникова (Ф. 209)		181[39]
Олонецкой духовной семинарии (Ф. 212)		17[40]
Оптиной пустыни (Ф. 214)		2[41]
Отдела рукописей (Ф. 218)		82[42]
Д. В. Пискарева (Ф. 228)	+	43[43]
А. Н. Попова (Ф. 236)		18[44]
Г. М. Прянишникова (Ф. 242)		29[45]
Рогожского кладбища (Ф. 247)	[46]	166[47]

[37] 9 ркп. XVI в. этого собрания, хранящиеся ныне в ОР РГБ, были описаны лишь в 1905 г. См.: *Соколов Е. И.* Библиотека Императорского Общества истории и древностей российских. Вып. 2: Описание рукописей и бумаг, поступивших с 1846 по 1902 г. вкл[ючительно]. М., 1905.

[38] *[Тиганова Л. В.]* Собрание Общества истории и древностей российских (ф. 205) // РС. Т. 1, вып. 2. С. 319.

[39] *[Тиганова Л. В., Червяков А. Д.]* Собрание П. А. Овчинникова (ф. 209) // РС. Т. 1, вып. 2. С. 183.

[40] *[Рыков Ю. Д., Щербачева Н. А.]* Собрание Олонецкой духовной семинарии (ф. 212) // РС. Т. 1, вып. 1. С. 183.

[41] *[Червяков А. Д.]* Собрание Оптиной Введенской пустыни (ф. 214) // РС. Т. 1, вып. 2. С. 282.

[42] Результаты подсчетов по описям собрания ОР РГБ автора настоящей работы. При подсчетах учитывались лишь славяно-русские ркп. (в т.ч. отрывки, выделенные в отдельные единицы хранения). Архивные документы не учитывались.

[43] *[Рыков Ю. Д., Червяков А. Д.]* Собрание рукописей, поступивших от Д. В. Пискарева // РС. Т. 1, вып. 1. С. 111—112.

[44] *[Рыков Ю. Д., Тиганова Л. В.]* Собрание А. Н. Попова (ф. 236) // РС. Т. 1, вып. 1. С. 188.

[45] *[Саенко (Грязина) Л. П., Червяков А. Д.]* Собрание Г. М. Прянишникова (ф. 242) // РС. Т. 1, вып. 2. С. 35.

[46] Описание ркп. Рогожского собрания, подготовленное И. В. Власовым (см.: *[Власов И. В.]* 1) Описание славяно-российских рукописей и книг церковной печати, с прибавлением каталога греческих книг собрания старообрядческого Рогожского богадельного дома и кладбища. М., 1890, см.: ОР РГБ. Ф. 246 (Архив Рогожского кладбища). № 153.3, 154.1, 155.2; 2) Краткое описание Б[иблиотеки] Р[огожского] к[ладбища]. [Б.м., б.д.], см.: ОР РГБ. Ф. 246. № 155.3), на момент создания справочника Н. П. Лихачева опубликовано не было.

[47] *[Рыков Ю. Д.]* Собрание Рогожского кладбища (ф. 247) // РС. Т. 1, вып. 2. С. 49. Вероятно, выборочно Н. П. Лихачев знакомился с книгами из Рогожского собрания. Так, в начале XX в. им был обнаружен летописец середины XV в. из этого собрания (т.н. Рогожский летописец, см. протоколы заседания Археографической комиссии от 17 ноября 1906 г. и 3 апреля 1907 г.; цит. по:

Продолжение

1	2	3
Н. П. Румянцева (Ф. 256)	+	130[48]
П. И. Севастьянова (Ф. 270.II)	+	20[49]
Синодальной библиотеки (Ф. 272)		27[50]
С. П. Строева (Ф. 292)		16[51]
Н. С. Тихонравова (Ф. 299)		107[52]
Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры (Ф. 304.I)	+	393[53]
Ризницы Троице-Сергиевой лавры (Ф. 304.III)	+	7[54]
В. М. Ундольского (Ф. 310)	+[55]	211[56]

ПСРЛ. Т. 15. М., 2000 [репринтное воспроизведение издания 1922 г.]. С. I). Однако датированные ркп. этого собрания не были использованы историком в его справочнике. Очевидно, это обусловливалось трудностями с доступом к книгам в период их нахождения в библиотеке старообрядческой общины (подробнее об этом см.: *[Рыков Ю. Д.]* Собрание Рогожского кладбища. С. 46—47). Лишь после приобретения Рогожского собрания Румянцевским музеем в 1918 г. был значительно облегчен доступ исследователей к его ркп. Это сделало возможным, в частности, публикацию Рогожского летописца (см.: ПСРЛ. Т. 15).

[48] *[Рыков Ю. Д., Червяков А. Д.]* Собрание Н. П. Румянцева (ф. 256) // РС. Т. 1, вып. 1. С. 23.

[49] *[Довгалло Г. И., Тихомиров Н. Б.]* Собрание П. И. Севастьянова (ф. 270) // РС. Т. 1, вып. 1. С. 146.

[50] *[Саенко (Грязина) Л. П., Червяков А. Д.]* Собрание рукописей, переданных из Синодальной библиотеки в библиотеку МДА (ф. 272) // РС. Т. 1, вып. 2. С. 163.

[51] *[Майкова К. А.]* Собрание С. П. Строева (ф. 292) // РС. Т. 1, вып. 2. С. 351.

[52] *[Рыков Ю. Д., Травников С. Н.]* Собрание Н. С. Тихонравова (ф. 299) // РС. Т. 1, вып. 1. С. 220.

[53] *[Алехина Л. И.]* Главное собрание библиотеки ТСЛ (ф. 304.I) // РС. Т. 1, вып. 2. С. 217.

[54] *[Тихомиров Н. Б.]* Собрание ризницы ТСЛ (ф. 304.III) // РС. Т. 1, вып. 2. С. 240.

[55] В печатном описании собрания (см.: Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания, с № 1-го по № 579-й, с приложением Очерка собрания рукописей В. М. Ундольского, в полном составе, А. Е. Викторова. М., 1870) отражены лишь первые 579 номеров (из 1549, зарегистрированных в настоящее время и описанных в машинописной описи, см.: Опись фонда 310 (Собрание В. М. Ундольского). Т. 2—3. Машинопись. М., 1975). Таким образом, в печатном виде на момент составления справочника Н. П. Лихачева были представлены 132 рукописные книги XVI в. (расчеты выполнены нами по печатному описанию, а также машинописным дополнениям к нему).

[56] *[Саенко (Грязина) Л. П.]* Собрание В. М. Ундольского (ф. 310) // РС. Т. 1, вып. 1. С. 93.

		Продолжение
1	2	3
И. М. Фадеева (Ф. 312)		10[57]
П. П. Шибанова (Ф. 344)		22[58]
Архангельской областной библиотеки им. Н. А. Добролюбова (Ф. 353)		1[59]
Вологодское (Ф. 354)		40[60]
Д. В. Разумовского (Ф. 379)		1[61]
А. И. Хлудова (Ф. 394)		5[62]
Ф. И. Буслаева (Ф. 396)		1[63]
Г. М. Залкинда (Ф. 412)		11[64]
Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе (Ф. 445)		6[65]
Е. Е. Егерова (Ф. 466)		6[66]
Вифанской духовной семинарии (Ф. 556)	+	4[67]
Братства Петра митрополита (Ф. 579)		1[68]
Г. Г. Юдина (Ф. 594)		2[69]
Г. Р. Наумова (Ф. 595)		2[70]
Е. И. Усова (Ф. 651)		12[71]

[57] *[Аксенова Г. В.]* Собрание И. М. Фадеева (ф. 312) // РС. Т. 1, вып. 3. С. 34.

[58] *[Червяков А. Д.]* Собрание П. П. Шибанова (ф. 344) // РС. Т. 1, вып. 2. С. 24.

[59] *[Анхимюк Ю. В.]* Собрание Архангельской областной библиотеки им. Н. А. Добролюбова (ф. 101) // РС. Т. 1, вып. 3. С. 111.

[60] *[Анхимюк Ю. В.]* Вологодское собрание (ф. 354) // РС. Т. 1, вып. 3. С. 136.

[61] *[Рыков Ю. Д., Щербачева Н. А.]* Собрание Д. В. Разумовского (ф. 379) // РС. Т. 1, вып. 1. С. 237.

[62] *[Рыков Ю. Д., Щербачева Н. А.]* Собрание рукописей, поступивших от А. И. Хлудова (ф. 394) // РС. Т. 1, вып. 1. С. 105.

[63] *[Рыков Ю. Д., Червяков А. Д.]* Собрание рукописей, поступивших от Ф. И. Буслаева (ф. 396) // РС. Т. 1, вып. 1. С. 206.

[64] *[Саенко (Грязина) Л. П.]* Собрание Г. М. Залкинда (ф. 412) // РС. Т. 1, вып. 3. С. 193.

[65] *[Рыков Ю. Д.]* Собрание Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе (ф. 445) // РС. Т. 1, вып. 3. С. 226.

[66] *[Щербачева Н. А.]* Собрание Е. Е. Егерова (ф. 466) // РС. Т. 1, вып. 3. С. 206.

[67] *[Саенко (Грязина) Л. П., Червяков А. Д.]* Собрание Вифанской духовной семинарии (ф. 556) // РС. Т. 1, вып. 2. С. 175.

[68] *[Рыков Ю. Д., Червяков А. Д.]* Собрание братства Петра митрополита (ф. 579) // РС. Т. 1, вып. 2. С. 263.

[69] *[Рыков Ю. Д.]* Собрание Г. Г. Юдина (ф. 594) // РС. Т. 1, вып. 3. С. 265.

[70] *[Николаевская Т. Ю.]* Собрание рукописей, поступивших от Г. Р. Наумова (ф. 595) // РС. Т. 1, вып. 3. С. 296.

[71] *[Червяков А. Д.]* Собрание Е. И. Усова (ф. 651) // РС. Т. 1, вып. 2. С. 256.

Окончание

1	2	3
А. П. Гранкова (Ф. 711)		44[72]
Единичных поступлений рукописных книг древней традиции (Ф. 722)		38[73]
Нижегородское собрание (Ф. 732)		22[74]
Смоленское (Ф. 733)		1[75]
Гуслицкое (Ф. 734)		5[76]
Рязанское (Ф. 735)		4[77]
Самарское (Ф. 736)		1[78]
Саратовское (Ф. 737)		2[79]
Калужское (Ф. 738)		4[80]
М. И. Полякова (Ф. 741)		1[81]
А. И. Маркушевича (Ф. 755)		5[82]
А. Я. и В. А. Горячевых (Ф. 827)		7[83]

Как следует из приведенных выше данных, наряду с собраниями, содержащими относительно небольшое число рукописных книг XVI в. (например, Ф. И. Буслаева и А. В. Горского), на момент создания альбома Н. П. Лихачева по целому ряду

---

[72] *[Анхимюк Ю. В.]* Собрание А. П. Гранкова (ф. 711) // РС. Т. 1, вып. 3. С. 402.

[73] Данные собраны нами на основе просмотра описи ф. 722, см.: Фонд № 722. Собрание Единичных поступлений рукописных книг древней традиции: Описание рукописей, поступивших в 1976—2003 гг. Машинопись. М., 1978—2006. Т. 1—25; часть описаний рукописей ф. 722 (поступления 1976—1988 гг.) также представлена в печатном виде в выпусках «Записок отдела рукописей ГБЛ/РГБ» (М., 1979—2008. Вып. 40—53).

[74] *[Щербачева Н. А.]* Нижегородское собрание (ф. 732) // РС. Т. 1, вып. 3. С. 177.

[75] *[Щербачева Н. А.]* Смоленское собрание (ф. 733) // РС. Т. 1, вып. 3. С. 50.

[76] *[Щербачева Н. А.]* Гуслицкое собрание (ф. 734) // РС. Т. 1, вып. 3. С. 279.

[77] *[Алехина Л. И.]* Рязанское собрание (ф. 735) // РС. Т. 1, вып. 3. С. 242.

[78] *[Алехина Л. И.]* Самарское собрание (ф. 736) // РС. Т. 1, вып. 3. С. 307.

[79] *[Алехина Л. И.]* Саратовское собрание (ф. 737) // РС. Т. 1, вып. 3. С. 309.

[80] *[Алехина Л. И.]* Калужское собрание (ф. 738) // РС. Т. 1, вып. 3. С. 340.

[81] *[Алехина Л. И.]* Собрание М. И. Полякова (ф. 741) // РС. Т. 1, вып. 3. С. 350.

[82] *[Турилов А. А.]* Собрание А. И. Маркушевича (ф. 755) // РС. Т. 1, вып. 3. С. 446.

[83] *Левочкин И. В.* О собрании рукописных книг А. Я. и В. А. Горячевых // Румянцевские чтения: Материалы международной научной конференции (11—13 апреля 2006). М., 2006. С. 163—165.

причин исследователю не были доступны коллекции, включающие весьма значительное число ркп. XVI в., в т. ч. датированных (Е. Е. Егорова, П. Н. Никифорова, П. А. Овчинникова, Н. С. Тихонравова, Отдела рукописей и др.)[84]. Ко времени создания справочника Н. П. Лихачева в научный оборот было введено около трети (1046[85]) рукописных книг XVI в., ныне хранящихся в ОР РГБ[86] (3251[87]). Поэтому из всех рукописных собраний, ныне содержащихся в ОР РГБ, в справочнике Н. П. Лихачева представлен материал лишь собраний Волоцкого и Троицкого монастырей, МДА, Н. П. Румянцева, ОИДР, Д. В. Пискарева и П. И. Севастьянова.

---

[84] Определенный объем информации о рукописных книгах собраний, поступивших в МПРМ и не имевших печатных описаний, содержат Отчеты МПРМ за 1876—1899 гг. (см.: Отчеты Московского публичного и Румянцевского музеев за 1876—1899. М., 1879—1900). Однако Отчеты содержали, во-первых, выборочные сведения о вновь поступивших книгах (так, в описании ркп. Олонецкой духовной семинарии отмечено, что сведения будут даваться лишь о наиболее «замечательнейших» рукописных книгах — 38 (из 70), см.: Отчеты... за 1876. М., 1879. С. 68); во-вторых, набор этих сведений был весьма краток; в-третьих, Отчеты не могли отражать фондов собраний (Е. Е. Егорова, Н. П. Никифорова, П. А. Овчинникова и т. д.), еще не поступивших в МПРМ на конец XIX в., которые содержат наибольшее число рукописных книг рассматриваемого периода.

[85] Цифра приблизительна. Так, в это число входят иностранные ркп. XVI в. (их число незначительно, в данном вопросе мы полагались на данные, приведенные в обзорах «Рукописных собраний РГБ»), а также ркп. рубежа XV—XVI вв. и XVI—XVII вв. Уточнение их датировки и фронтальный просмотр описаний всех рукописных собраний РГБ дадут возможность уточнить эти данные. Это, однако, потребует специального исследования.

[86] Впрочем, необходимо отметить, что в отдельных случаях Н. П. Лихачев привлекал ркп. из неописанной части рукописных собраний. Так, например, историк опубликовал отрывок расходной книги костромского Ипатьевского монастыря по ркп. ОР РГБ. Ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского). № 1235 (см.: Сборник Археологического института. СПб., 1898. Кн. 6, отд. 2. С. 127—137), сведения о которой не вошли в печатное описание собрания В. М. Ундольского. Однако в данном случае речь шла об исключении из общего правила.

[87] Цифра предварительна. Основной массив данных приведен в соответствии с обзорами, содержащимися в «Рукописных собраниях ГБЛ», в которых в число книг XVI в. включались иностранные ркп. (их число незначительно). Безукоризненную точность подсчетов не может обеспечить и включение нами в число ркп. XVI в. книг рубежа XV—XVI вв. и XVI—XVII вв. Окончательно вопрос о количестве славяно-русских ркп. XVI в. в собраниях РГБ может быть решен лишь после изучения всех описаний и уточнения датировок рукописных книг рубежа веков (описание фонда Е. Е. Егорова, содержащего наибольшее число рукописных книг рассматриваемого времени, отсутствует).

Есть основания полагать, что сходным образом обстоит дело и с рукописными собраниями других крупнейших архивохранилищ. В конце XIX в. отсутствовали печатные описания всех собраний, ныне хранящихся в РГАДА (РОБ МГАМИД, Ф. Ф. Мазурина, М. А. Оболенского и др.), которые содержат ркп. XVI в. Из примерно 350 рукописных книг этого времени, в печатном виде на момент создания справочника Н. П. Лихачева были представлены описания лишь незначительной части[88]. Именно поэтому использование материала этих собраний в справочнике Н. П. Лихачева носит характер исключений — в альбоме представлены прориси лишь 5 (из 127 привлеченных к составлению справочника) славяно-русских рукописных книг XVI в., ныне хранящихся в РГАДА[89]. Из всех рукописных собраний БАН на конец XIX в. была описана лишь небольшая часть ркп. Многотомное фундаментальное описание основной массы манускриптов этого архивохранилища начало выходить лишь с 1910 г.[90] Степень глубины раскрытия рукописных богатств, ныне хранящихся в Отделе рукописей РНБ, на момент создания труда Н. П. Лихачева также оставляла желать лучшего. Несмотря на существование ряда фундаментальных описаний (например, не доведенных до конца описаний собраний новгородского Софийского собора (описана 261 ркп. из 1585), М. П. Погодина (91 из 2105), ОЛДП (624 из 3343) и др.), Д. А. Толстого, П. Д. Богданова и др., описания значительного массива рукописных книг на конец XIX в. не были представлены в печатном виде[91]. Не могли быть доступны Н. П. Лихачеву

---

[88] *Бегунов Ю. К., Бельчиков Н. Ф., Рождественский Н. П.* Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей. М.; Л., 1963. С. 162—179 (№ 1433—1574); *Творогов О. В.* Рукописные собрания России: состояние изучения и описания // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 718; *[Мошкова Л. В.]* Предисловие // Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. Вып. 1: Апостол — Кормчая. М., 2005. С. 5—8.

[89] Н. П. Лихачев опубликовал прориси списка 1520-х гг. М. А. Оболенского Ник., см.: Лихачев, № 2879; водяные знаки 3-х ркп. из собрания Ф. Ф. Мазурина, см.: Лихачев, № 1589—1597 и др.

[90] Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Т. 1—8. СПб., 1910—2001. Подробнее об описании рукописных фондов БАН см.: *Бегунов Ю. К., Бельчиков Н. Ф., Рождественский Н. П.* Справочник-указатель... С. 71—89 (№ 557—725); *Творогов О. В.* Рукописные собрания России... С. 724—726.

[91] Подробнее см.: *Бегунов Ю. К., Бельчиков Н. Ф., Рождественский Н. П.* Справочник-указатель... С. 90—109 (№ 726—901); *Творогов О. В.* Рукописные

и ркп., ныне хранящиеся в Институте русской литературы РАН (Пушкинский дом) — его Древлехранилище было сформировано лишь в 1949 г. и комплектовалось в основном за счет даров частных лиц и находок, сделанных в ходе археографических экспедиций середины—второй половины XX в.[92] Из крупнейших собраний Отдела рукописей ГИМ, содержащих рукописные книги XVI в., на момент создания справочника Н. П. Лихачева было описано (и то не полностью — 576 ркп. из 1051) Синодальное, а также собрания А. С. Уварова, Воскресенского монастыря и ряд других[93]. Исследователь не располагал описаниями таких богатых коллекций как собрания Чудова монастыря, Епархиальное[94], Музейское, почти половина Синодального. Не было опубликовано и по сию пору остающееся рукописным описание богатейшего собрания Е. В. Барсова, содержащее не менее 300 ркп. XVI в.[95]

Сказанное выше дает основания заключить, что в свете данных, которыми располагает исследователь начала XXI в., материал, доступный в конце XIX столетия Н. П. Лихачеву, на современном уровне развития науки нельзя признать достаточным для полноценной датировки славяно-русских рукописных книг XVI в. Этим обстоятельством в частности и обусловливается ряд лакун в данном справочнике, с которыми сталкивался каждый специалист по рукописным книгам эпохи Средневековья. Это побуждает его обращаться к справочникам, созданным на основе анализа зарубежного материала.

собрания России... С. 720—723. Правда, необходимо отметить, что краткие сведения о рукописных книгах, в т. ч. и о не вошедших в печатные описания, содержались в «Отчетах императорской публичной библиотеки», издававшихся с 1851 г.

[92] Подробнее см.: *Бегунов Ю. К., Бельчиков Н. Ф., Рождественский Н. П.* Справочник-указатель... С. 110—118 (№ 916—995); *Малышев В. И.* Древнерусские рукописи Пушкинского дома (Обзор фондов). М.; Л., 1965; *Творогов О. В.* Рукописные собрания России... С. 726—732.

[93] Подробнее см.: *Бегунов Ю. К., Бельчиков Н. Ф., Рождественский Н. П.* Справочник-указатель... С. 143—160 (№ 1242—1414); *Творогов О. В.* Рукописные собрания России... С. 716—718.

[94] 5 датированных рукописных книг XVI в. из Епархиального собрания Н. П. Лихачеву были известны — прориси водяных знаков их бумаги представлены в его справочнике, см.: Лихачев, № 1600—1611 (1535 г.) и др.

[95] Данные о количестве рукописных книг XVI в. из собрания Е. В. Барсова приводим на основе ознакомления с его рукописной описью. В своем справочнике Н. П. Лихачев привел прориси водяных знаков 2 (из, по меньшей мере, 21) датированных ркп. XVI в. этого собрания, см.: Лихачев, № 1479—1484 (1519 г.), 1630—1635 (1536 г.).

Второй особенностью, которую следует иметь в виду, обращаясь к альбому Н. П. Лихачева, является выборочность использования исследователем доступного ему материала. Так, из 61 датированного периодом 1550—1570 гг. акта из собрания И. Д. Беляева (ныне: ОР РГБ. Ф. 28) Н. П. Лихачев в своем справочнике привел данные о водяных знаках бумаги лишь 13.

Третьей не менее значимой для настоящей работы специфической чертой альбома Н. П. Лихачева является отсутствие специальных попыток определения времени использования бумаги того или иного типа: историк фиксировал лишь единичные случаи использования бумаги. Это существенно сужает круг знаний об употреблении бумаги в России XVI в. Так, например, знаки «кабан», представленные в рассматриваемом альбоме под 1548 г. (№ 1733—1734), также использовались и позднее — они фиксируются в Паремийнике 1550 г.[96] Готическая литера «Р», помещенная в справочнике Н. П. Лихачева под № 1433 (1513 г.), тождественна филиграни волоцкого Апостола 1511/12 г.[97] Порой разрыв между временем употребления использования водяных знаков был значительнее. Так, представленная в справочнике Н. П. Лихачева прорись знака «кабан» (№ 3294) помещена под 1544 г. Однако итоги просмотра появившихся позднее альбомов филиграней дают основания полагать, что бумага данного типа использовалась еще в течение по крайней мере 14 лет — справочник Э. Лауцявичюса фиксирует использование данного типа бумаги в 1551, 1554 гг. (№ 3657), а альбом А. Мареша — под 1557, 1558 гг. (см.: Mareş, № 357). Кроме того, бумага с данным водяным знаком характерна и для сентябрьской минеи из собрания П. А. Овчинникова 1555/56 г.[98]

Итоги рассмотрения труда Н. П. Лихачева дают основания заключить, что, учитывая время его появления, нельзя не отметить необходимость создания нового справочника подобного рода, который был бы избавлен от недостатков, характерных для работы более чем вековой давности. Вряд ли подобный грандиозный труд может появиться в ближайшее время[99]. Однако на-

---

[96] См.: ОР РГБ. Ф. 310. № 1277. Л. 18, 21 и др.

[97] ОР РГБ. Ф. 113. № 426. Л. 2, 5 и др.

[98] ОР РГБ. Ф. 209 (Собрание П. А. Овчинникова). № 257. Л. 3, 10 и др. Подробнее об этой ркп. ниже.

[99] Если в ряде архивохранилищ (ОР ГИМ, ОР РНБ) предпринимаются попытки сбора и обобщения данных о водяных знаках, характерных для рукописных книг XV в. (например, см.: *Уханова Е. В.* Компьютерные базы дан-

копленный в историографии материал позволяет поставить вопрос о том, каким образом на современном уровне развития науки можно повысить точность при датировке ркп. на основе данных водяных знаков. Один из возможных вариантов ответа на этот вопрос и будет представлен ниже.

Как представляется, для решения поставленной проблемы необходимо решить две взаимосвязанные задачи:

1) Расширить состав датированных ркп. за счет привлечения тех, которые не были использованы Н. П. Лихачевым;

2) Выявить периоды использования бумаги с соответствующими водяными знаками в России в рассматриваемое время.

Ниже на материале ряда рукописных книг середины—третьей четверти XVI в. и будет предпринята попытка определить наиболее вероятное время написания древнейших списков СК — Волк., Томск. и Чуд.

Учитывая важность поставленного выше вопроса о возможности примерно 10-летней залежности бумаги Томск., начнем рассмотрение водяных знаков древнейших списков СК с этой ркп. Определенные Н. Н. Покровским[100] филиграни очень качественной бумаги ркп., содержащей Томск., представлены знаком «кабан» 2-х видов. Знак «кабан» 1-го вида (*Ил. 10*) — близ. (идентич.?): Лихачев, № 1755 (1553/54 г.), Лауцявичюс, № 3654 (1556 г.); 2-го вида (*Ил. 11*) — близ. (идентич.?): Лихачев, № 1754 (1553/54 г.), нами также была отмечена близость этого знака к прориси Piccard, XV, 3, № 109 (1555 г.)[101].

Для того чтобы определить время использования бумаги данного типа, нами был предпринят поиск ркп., содержащих бумагу с аналогичными водяными знаками. К исследованию было привлечено около 200 рукописных книг, а также около 50 подлинников актов середины—третьей четверти XVI в., находя-

---

ных ОР ГИМ: принципы создания и перспективы развития // АЕ за 2003 год. М., 2004. С. 79—96; *Шибаев М. А.* 1) Бумага в России в XV в. // Актуальные вопросы бумаги и бумажного производства: к 40-летию со дня выхода в свет книги З. В. Участкиной «Из истории российских бумажных мануфактур и их водяных знаков». Материалы и сообщения первых научных чтений. СПб., 2003. С. 36—45; 2) К вопросу об атрибуции рукописей Кирилло-Белозерского монастыря XV в. по кодикологическим данным // Исследования по истории средневековой Руси: К 80-летию Юрия Георгиевича Алексеева. СПб., 2006. С. 429—433), то факты подготовки обобщающих трудов по филиграням XVI в. автору настоящей работы неизвестны.

[100] *Покровский Н. Н.* Томский список... С. 15—16.

[101] *Усачев А. С.* О датировке Томского списка... С. 403.

щихся в центральных московских, петербургских и некоторых региональных хранилищах (Архив СПбИИ, ВСМЗ, ОР ГИМ, ОР РГБ, ОР РНБ, ОР БАН, РГАДА, ОРК ГПНТБ). Отсматривались преимущественно рукописные книги форматом в 1° и в 2°, который дает возможность наблюдения водяного знака целиком (ркп. форматом в 1° и в 2°, датированные 1550—1570 гг., по возможности, были отсмотрены все[102]). К исследованию также были привлечены экземпляры русских печатных книг 50—60-х гг. XVI в. Сравнение водяных знаков проводилось путем наложения калек прорисей Томск. на соответствующие листы привлеченных к изучению книг[103]. Сходная работа проводилась и при поиске аналогов водяных знаков Волк. и Чуд. Результаты проведенной работы представлены ниже.

Наиболее ранний случай использования водяного знака «кабан» 1-го и 2-го видов фиксируется в Торжественнике 1553/54 г.[104], прориси которого были опубликованы в справочнике Н. П. Лихачева (№ 1754—1756). Согласно тексту выходной записи, «в лето 7000 шестьдесят втораго написана бысть книга сиа, глаголемая соборник торжественый в дому пречистыя Богородиця честнаго и славнаго еа Успениа и преподобнаго отца нашего игумена Иосифа, благословением и повелѣнием господина отца нашего игумена Галактиона, еже о Христѣ з братею, рукою многогрѣшнаго инока Якима постриженика Спаского Ефимиива монастыря Суждальского»[105]. Галактион как раз в это время (1552—1558 гг.)[106] был настоятелем волоцкого монастыря. Таким образом, материал водяных знаков Торжест-

---

[102] Исключение составляют ркп., привлеченные Н. П. Лихачевым — данные о водяных знаках этих ркп. нами (за редкими исключениями) черпались из его альбома.

[103] Прориси водяных знаков Томск. были изданы Н. Н. Покровским (см.: *Покровский Н. Н.* Томский список... С. 15, рис. 1—2), правда, без сведений о понтюзо. Понтюзо отмечены на кальках филиграней Томск. А. В. Сиренова, которые он любезно предоставил автору настоящей работы.

[104] Современный шифр: ОР РНБ. ОСРК. F.I.444.

[105] ОР РНБ. ОСРК. F.I.444. Л. 555. Любопытно, что, как отметил Н. П. Лихачев (см.: *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение... Ч. 1. С. 168), в Торжественнике представлена бумага почти исключительно рассматриваемого типа (лишь в последней тетради исследователь отметил появление бумаги иного типа, см.: Лихачев, № 1756). Нам удалось в конце ркп. (л. 485, 486 и др.) зафиксировать также филигрань «кабан» 3-го вида, близкий: Mareş, № 360 (1558 г.).

[106] *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 182.

венника указывает на то, что бумага данного типа использовалась в 1553/54 г. в волоцком скриптории.

Большое значение для определения ареала использования бумаги типа, характерного для Томск., имеет материал водяных знаков сентябрьской минеи из собрания П. А. Овчинникова[107]. Выходная запись (л. 672) сообщает, что ркп. была написана «Июдой Ивановым сыном, прозвищем Юшко Сасинов Торопченинов» в 7064 (1555/56) г. Для настоящей работы очень важно указание писца на то, что ркп. писалась «на Москве». Материал овчинниковской минеи № 257 дает основания утверждать, что бумага данного типа использовалась в середине 50-х гг. XVI столетия в столице. Это в свою очередь хорошо согласуется с поддержанной А. В. Сиреновым гипотезой Н. Н. Покровского о написании и редактировании древнейших списков СК в московском Чудовом монастыре.

Следующий по хронологии случай использования бумаги со знаком «кабан» 2-го вида фиксируется в ВКЛ — в Церковном уставе 1556 г. Ркп. была написана «рукою многогрѣшнаго раба Божия Михаила Моисѣевича съ Полоцка, повелѣниемъ священноерѣя Тимофѣя Корнеевича з Борисова, въ лѣто 1556-го року, при дръжавѣ великаго короля Жикгимонта Августа, при митрополитѣ Киевскомъ и всея Руси нареченнѣмъ киръ Селивестрѣ...»[108]. Таким образом, ареал распространения бумаги включал в себя ВКЛ.

Филигрань «кабан» 1-го и 2-го видов также встречается в июльской минее 1557/58 г.[109] Она была написана «въ обители

---

[107] ОР РГБ. Ф. 209. № 257. Знак «кабан» 1-го вида (л. 21, 22 и др.); 2-го вида (л. 16, 88 и др.). Описание см.: Опись собрания рукописных книг П. А. Овчинникова: Фонд № 209 / Тиганова Л. В., [Попова О. С., Трофимова Н. В., Зимина В. Г.]. М., 1963[—1983]. Машинопись. С. 52; *Усачев А. С.* Минея № 257 из собрания П. А. Овчинникова и значение ее водяных знаков для датировки ряда рукописных книг середины—третьей четверти XVI в. // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2007. Вып. 11. С. 304—308.

[108] ОР ГИМ. Собрание А. С. Уварова. № 400. Л. 226 об. (водяной знак «кабан» 2-го вида фиксируется лишь на одном листе ркп. — л. 176). Описание см.: *Леонид, архим.* Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова. Ч. 2. М., 1893. С. 34—35.

[109] ОР РГБ. Ф. 173.I (Фундаментальное собрание библиотеки МДА). № 95. Л. I, 376, 377 и др. (знак «кабан» 1-го вида); л. 8, 380, 386 и др. (2-го вида). Описание ркп. см.: *Леонид (Кавелин).* Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троице-Сергиевой Лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. (ныне находящихся в библиотеке

живоначяльныа Троици Сергиева монастыря при царствѣ благочестиваго царя великого князя Ивана Василиевичя всея Русии и при его дѣтех царевиче князе Иване и царевиче князе Феодоре и при троицком Сергиева манастыря игумене Иасафе и при келарѣ Андрѣане Анггелове» старцем Иасафом и священником Фирсишко[110]. Также бумагу с рассматриваемыми водяными знаками содержит сборник житий из собрания Е. Е. Егорова[111], который, по всей видимости, создавался примерно в это же время, вероятно, также в троицком скриптории. На это указывает совпадение всех водяных знаков ркп. — «кабан» трех видов с троицкой минеей 1557/58 г.[112], а также выполненная скорописью XVII в. владельческая запись на верхнем поле л. 14: «Старца Иоакима Василивича». Данный персонаж может быть соотнесен с троицким монахом Иоакимом — в миру Иваном Васильевичем Морозовым. В троицкой вкладной книге он фигурирует в записях под 1636, 1656, 1658—1661, 1664, 1668 гг. как «старец Иоаким», «старец Иаким, что был в мире боярин Иван Васильевич Морозов», «старец Иоаким Морозов», «старец Иоаким Васильевич Морозов» († 1670 г.), который похоронен в Троицком монастыре[113]. Таким образом, бумага с филигранью «кабан» 1-го и 2-го видов фиксируется в троицком книгописном центре (в одной, или, если принять наше предположение о месте создания сборника № 32, в двух рукописных книгах).

Московской духовной академии). Вып. 1. М., 1887. С. 54—60; Каталог миниатюр, орнамента и гравюр собраний Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии / Сост. Т. Б. Ухова; описание переплетов составил С. А. Клепиков // ЗОР ГБЛ. М., 1960. Вып. 22. С. 182; *Дыбо В. А., Кучкин В. А.* Болгарский текст в русской минее XVI в. // Byzantinobulgarica. T. II. 1966. S. 296—297; *Усачев А. С.* Из истории... С. 20—21.

[110] ОР РГБ. Ф. 173.I. № 95. Л. 528 об.—529; полный текст записи см. в описании ркп.: *Леонид (Кавелин).* Сведения... Вып. 1. С. 55.

[111] ОР РГБ. Ф. 98. № 32. Выражаем признательность сотрудникам сектора рукописной книги НИО рукописей РГБ за возможность ознакомиться с подробным предварительным описанием ркп. до его публикации. Подробнее об этой книге см.: *Усачев А. С.* Сборник житий из собрания Е. Е. Егорова № 32: время и место создания // Румянцевские чтения: Материалы международной научной конференции (11—13 апреля 2006). М., 2006. С. 276—281.

[112] Знак «кабан» 3-го вида сборника № 32 (л. 2, 4 и др.) и минеи № 95 (л. 11, 12 и др.), близкий: Mareş, № 360 (1558 г.).

[113] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 54; Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре, от основания оной до 1880 года. М., 1880. С. 81 (№ 840).

К числу ркп., при создании которых использовалась бумага с филигранью «кабан» 1-го и 2-го видов, относится Евангелиететр из собрания Е. В. Барсова[114]. Книга была переписана в 1557/58 г. «въ обители царьстѣ въ градѣ Владимѣри при благовѣрном цари великом князе Иване Васильевиче всея Руси» «десницею неразумнаго и многогрѣшнаго и многыя грубости исполненаго священного иерѣя Петра служебника страстотерпца Христова Георгиа»[115]. Любопытно, что в записи отсутствует указание на митрополита Макария или какое-либо другое лицо из высших иерархов. Вероятно, можно принять предположение Л. М. Костюхиной о том, что под «страстотерпцем Христовым Георгием» подразумевался владимирский Георгиевский монастырь[116]. Его основание датируется временем не позднее 1498 г.[117] В справочнике П. М. Строева есть лакуна в перечне настоятелей этого монастыря в XVI в.: под 1498 г. упоминается игумен Вассиан, а следующий игумен Павел фиксируется только под 1593 г.[118] Отметим, что в рассматриваемый период в монастыре наряду с представителями черного фиксируются и представители белого духовенства, к которому, очевидно, и принадлежал «священноиерей Петр». Так, согласно тексту одной из грамот этому монастырю периода правления Ивана IV, в обители служили «протопоп да протодьякон, да дьякон, да боголюбивый игумен с дьяконом»[119]. Таким образом, ареал использования бумаги данного типа включал в себя Владимир-на-Клязьме.

Большое значение для определения верхней хронологической границы использования бумаги со знаком «кабан» 1-го вида имеет духовная Ивана Афанасьевича Тютчева 1558/59 г.[120], подлинник которой содержит данный водяной знак. Указание на место написания грамоты в ее тексте отсутствует. Известно лишь, что в ходе возникшего после смерти И. А. Тютчева спора

---

[114] ОР ГИМ. Собрание Е. В. Барсова. № 52. Л. 133, 134 и др. (знак «кабан» 1-го вида); л. 139, 140 и др. (2-го вида).

[115] ОР ГИМ. Барсов. № 52. Л. 226—226 об.

[116] *Костюхина Л. М.* Палеография... С. 55, табл. 2.

[117] Подробнее см.: *Маштафаров А. В.* Владимирский во имя великомученика Георгия Победоносца мужской монастырь // ПЭ. Т. 9. М., 2005. С. 68.

[118] *Строев П. М.* Списки иерархов... Стб. 702.

[119] См.: *Маштафаров А. В.* Владимирский во имя великомученика Георгия Победоносца мужской монастырь. С. 68—69.

[120] ОР РГБ. Ф. 28 (Собрание И. Д. Беляева). № 116. Данный документ не учтен в справочнике Н. П. Лихачева. Текст грамоты издан А. А. Зиминым, см.: АФЗХ. Ч. 2. М., 1956. С. 282—284 (№ 275).

об ее подлинности грамота была «явлена 7067-го марта в 3 день» митрополиту Макарию, который удостоверил ее подлинность своей черновосковой печатью[121]. На основе ряда косвенных данных можно высказать предположение относительно возможного места написания грамоты. При его определении большое значение имеют три обстоятельства.

Во-первых, согласно тексту духовной, Волоцкому монастырю отходило село Савельево в Ижевском стане Дмитровского уезда «со всеми угодьи, покуды ходила коса и топор по старине» с условием внесения в волоцкий синодик имени И. А. Тютчева, а также имен его отца Афанасия и деда Бориса[122]. Также И. А. Тютчев просил похоронить его в Волоцком монастыре.

Во-вторых, рождественский поп (из волости Войничи Рузского уезда) Семен Иванов сын (писец духовной и один из послухов), судя по всему, был тесно связан с волоцкой обителью. Так, в 1541/42 г. он дал «в дом пречистые Осифов манастырь игумену Нифонту [Кормилицыну. — *А. У.*] з братиею» купленную им деревню Корость в волости Войничи Рузского уезда[123], а в 1556/57 г. половину деревни Выжлово, находящейся там же, с просьбой записать его имя в волоцкий синодик[124]. Также Семен Иванов сын писал и данную того же И. А. Тютчева на уже упомянутое село Савельево Волоцкому монастырю (5 февраля 1559 г.)[125].

В-третьих, подбор послухов духовной также свидетельствует о ее написании в Волоцком уезде. Так, в духовной фигурирует «Офонасей Федоров сын Кусаков», который также упомянут в ряде волоцких актов 1545/46—1549/50 гг.[126]; в двух актах 1561/62 г., связанных с Волоцким монастырем, упоминается и

---

[121] Подробнее об этом см.: *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977. С. 210.

[122] АФЗХ. Ч. 2. С. 282 (№ 275). Соответствующие имена были внесены в волоцкий синодик под 7067 г., см.: *Титов А. А.* Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века и упраздненные монастыри и пустыни в Ярославской епархии. М., 1906. С. 53.

[123] АФЗХ. Ч. 2. С. 156 (№ 163).

[124] Там же. С. 268 (№ 264). Обе деревни, данные рождественским попом, а также село Савельево И. А. Тютчева в жалованной тарханной и несудимой грамоте Ивана IV от 20 декабря 1563 г. Волоцкому монастырю фигурируют в числе его владений. См.: АФЗХ. Ч. 2. С. 318, 321 (№ 302).

[125] АФЗХ. Ч. 2. С. 287 (№ 278).

[126] Там же. С. 189 (№ 187), 216 (№ 211), 218 (№ 214), 220 (№ 216).

другой послух «Петр Степанов сын Сверчков»[127]; с Волоцким уездом связаны и упоминания послуха «Степана Торхова сына Литвинова» (1545/46 г. — 1556—1567 гг.)[128]; в волоцких и дмитровских актах, связанных с волоколамской обителью, фигурирует и послух «Пятый Злобин сын Курбатов» (1545/46—1568/69 гг.)[129]. Предпринятый нами поиск имен данных персонажей в актах, не связанных с Волоцким монастырем или уездом, результатов не дал.

К сказанному выше также можно добавить, что использование значительной партии бумаги, характерной для духовной И. А. Тютчева, документально зафиксировано в Волоцком монастыре несколькими годами ранее (Торжественник 1553/54 г.). Нельзя исключить того, что остатки этой партии (1 лист) были использованы при написании рассмотренной грамоты. Таким образом, есть основания полагать, что духовная И. А. Тютчева могла писаться в Волоцком монастыре или поблизости от него. Однако вне зависимости от того, писалась ли духовная И. А. Тютчева в Волоцком монастыре или каком-либо ином месте, важно отметить, что данный акт дает наиболее поздний датированный случай использования бумаги со знаком «кабан» 1-го вида — 1558/59 г.

На конец 50-х гг. XVI в. как время использования бумаги данного типа также указывают водяные знаки экземпляров одной из первых русских печатных книг. Так, удалось установить, что филиграни «кабан» 1-го и 2-го видов идентичны водяным знакам экземпляров одной из самых загадочных русских печатных книг этого времени — среднешрифтного Евангелия[130], созданного в т. н. анонимной типографии в Москве (около 1553—1565 гг.). Согласно наблюдениям Е. Л. Немировского, эта печатная книга датируется периодом около 1558—1559 гг. (во всяком случае, не позднее 1561 г. — к этому году относится древнейшая запись на одном экземпляре данной печатной кни-

---

[127] АФЗХ. Ч. 2. С. 298 (№ 290), 299 (№ 291).

[128] Там же. С. 220 (№ 216), 241—242 (№ 238), 254—255 (№ 251), 259 (№ 254), 269—270 (№ 265).

[129] Там же. С. 189 (№ 187), 218 (№ 214), 226 (№ 225), 242 (№ 239), 342—343 (№ 325), 362—363 (№ 344).

[130] Согласно классификации филиграней бумаги безвыходных изданий О. Н. Кичиной, № 3, 5. См.: *Кичина О. Н.* Филигранологическое исследование безвыходных московских изданий // Федоровские чтения. 1983. М., 1987. С. 145—146.

ги)[131]. Важно отметить, что, как единодушно признавали исследователи, это издание по бумажной массе своих экземпляров выделяется среди прочих печатных книг[132] (случаи использования бумаги экземпляров среднешрифтного Евангелия в других печатных и рукописных книгах XVI в. историкам книги зафиксировать не удалось). Таким образом, материал данной печатной книги указывает на то, что бумага данного типа не позднее 1561 г. использовалась в первой русской типографии.

Обобщая результаты рассмотрения датированных случаев использования бумаги со знаком «кабан» 1-го и 2-го видов в XVI в., можно отметить следующее:

1) Бумага данного типа использовалась в 1553/54—1558/59 гг. Любопытно, что данный отрезок времени близок к отмеченному Ш. Брике и С. А. Клепиковым среднему периоду залежности бумаги в XVI в. Согласно мнению этих исследователей, для основной массы бумаги в это время был характерен период залежности в 5—6 лет, который, однако, мог составлять и 15 лет[133]. Поэтому С. А. Клепиков рекомендовал для определения наиболее корректного диапазона датировки ркп. по филиграням ее бумаги к дате прориси, наиболее близкой к водяному знаку бумаги рассматриваемой ркп., прибавлять/отнимать 7 лет[134]. Если принять точку зрения историка, то наиболее ши-

---

[131] Подробнее о датировке среднешрифтного Евангелия см.: *Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964. С. 196. Датировка Е. Л. Немировского представлена в последнем справочнике по славянским печатным книгам второй половины XVI в., см.: *Гусева А. А.* Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века. Сводный каталог. Кн. 1. М., 2003. С. 47. № 9. Основываясь на материале водяных знаков среднешрифтного Евангелия, А. С. Зернова датировала его создание периодом до 1560 г. См.: *Зернова А. С.* Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947. С. 80—81.

[132] См.: *Тихомиров М. Н.* Начало книгопечатания в России // *Тихомиров М. Н.* Русская культура X—XVIII вв. М., 1968. С. 308; *Протасьева Т. Н.* Первые издания московской печати в собрании Государственного исторического музея. М., 1955. С. 13; *Немировский Е. Л.* Некоторые проблемы филигранологического исследования старопечатных изданий // Филигранологические исследования (теория, методика, практика): Сб. ст. Л., 1990. С. 118; *Кичина О. Н.* Филигранологическое исследование... С. 119.

[133] Вспомним уже приведенный выше пример водяного знака «кабан» Лихачев, № 3294, Лауцявичюс, № 3657, Mareş, № 357 (1544—1558 гг.).

[134] *Клепиков С. А.* Использование филиграней в работе с недатированными рукописными и печатными книгами XV—XVI вв. // СА. 1968. № 6. С. 50—57. Также см.: *Дианова Т. В.* Метод датировки документов с помощью водяных

рокой (и, с точки зрения С. А. Клепикова, корректной) датировкой бумаги Томск. будет интервал 1546/47—1560/61 гг. (в качестве исходной даты выступает 1553/54 г.).

2) Бумага, характерная для Томск., была распространена как в Северо-Восточной Руси, так, по всей видимости, и в других регионах Восточной Европы. Есть веские основания полагать, что в рассматриваемый период она использовалась во Владимире-на-Клязьме (барсовское Евангелие № 52 1557/58 г.), а также в троицком (минея № 95 1557/58 г. и, вероятно, егоровский сборник № 32) и в волоцком (Торжественник 1553/54 г. № 444 и, если верно наше предположение о месте ее написания, духовная И. А. Тютчева) книгописных центрах. Материал овчинниковской минеи № 257 указывает на использование бумаги данного типа в Москве в 1555/56 г. Учитывая материал водяных знаков уваровской ркп. № 400 1556 г., а также данные, представленные в справочнике Э. Лауцявичюса, можно предположить, что ареал использования бумаги рассматриваемого типа включал в себя ВКЛ (бумагу со знаком «кабан» 1-го вида исследователь зафиксировал в тракайских документах).

Однако есть все основания полагать, что число ркп., содержащих бумагу с водяным знаком «кабан» рассмотренных видов, существенно больше. Для того чтобы составить более полное представление об использовании бумаги, характерной для Томск., кратко охарактеризуем ркп., не имеющие выходных записей.

К числу рукописных книг, в которых содержатся исключительно знаки «кабан» 1-го и 2-го видов Томск., относится хранящаяся в собрании Ф. Ф. Мазурина ркп. середины XVI в., в которую помещен список Воскр. с рядом дополнительных статей (далее — Мазур.)[135]. Учитывая отмеченный нами период использования этой бумаги (1553/54—1558/59 гг.), очевидно,

---

знаков и принципы публикации филиграней // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 56—57.

[135] РГАДА. Ф. 196 (Собрание Ф. Ф. Мазурина). № 1530. Л. 4, 22, 33 и др. (знак «кабан» 1-го вида); л. 13, 19, 43, 330 и др. (2-го вида). Ркп. описана С. А. Левиной (см.: *Левина С. А.* 1) К изучению Воскресенской летописи // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 691—692; 2) Списки Воскресенской летописи // ЛХ. 1984. М., 1984. С. 57—58). Ее описание было уточнено И. Л. Жучковой (выражаем ей самую глубокую благодарность за возможность ознакомиться с описанием этой ркп., выполненным для каталога славяно-русских рукописных книг XVI в., хранящихся в РГАДА, до его публикации).

этим временем можно датировать и Мазур. Бумага исключительно данного типа («кабан» 1-го и 2-го видов) использовалась также и в Евангелии, которое в описании ркп. датировано серединой—третьей четвертью XVI в.[136] Учитывая выявленный хронологический диапазон использования рассматриваемой бумаги, можно сузить датировку этих ркп. — по-видимому, они были написаны в середине—второй половине 50-х гг. этого столетия.

Очевидно, приблизительно к периоду 1553/54—1558/59 гг. может быть отнесено время написания ряда других рукописных книг, бумага которых наряду со знаком «кабан» 1-го и 2-го видов имеет и другие знаки.

К этому интервалу, по всей видимости, можно отнести появление Евангелия № 2976 из Музейного собрания, которое в описании ркп. справедливо было отнесено к середине XVI в.[137] В данной ркп. бумага со знаком «кабан» рассмотренных видов составляет около двух третей общего объема ркп. (л. 1—99, 110, 114 и др.; объем ркп. — 161 л.). Остальные водяные знаки предлагаемой датировке не противоречат[138].

Число подобных ркп. следует пополнить минеей на май—август из собрания Е. Е. Егорова (в описании минея датирована серединой—третьей четвертью XVI в.)[139]. Книга была написана

---

[136] ОР РГБ. Ф. 722 (Собрание единичных поступлений рукописных книг древней традиции). № 307. Л. 11, 12 и др. (знак «кабан» 1-го вида); 23, 28 и др. (2-го вида). Описание ркп. см.: *[Алехина Л. И., Байдина М. В., Рыков Ю. Д., Тихомиров Н. Б., Щербачева Н. А., Устинов С. В.]* Рукописи, пополнившие в 1982 г. Собрание единичных поступлений рукописных книг древней традиции (Ф. 722) // ЗОР ГБЛ. М., 1987. Вып. 46. С. 34—35 (описание ркп. № 307 выполнено Н. Б. Тихомировым).

[137] ОР РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). № 2976. Л. 3, 12 и др. (знак «кабан» 1-го вида); л. 2, 11 и др. (2-го вида). Описание ркп. см.: Музейное собрание рукописей. Описание. Т. 1. М., 1961. С. 391—392.

[138] Знак «кабан» 3-х видов: 1-й вид (л. 100, 101 и др.), тип близкий: Briquet, № 13580 (1556 г.), Piccard, XV, III, № 138 (1558 г.) (данный водяной знак идентичен соответствующей филиграни бумаги Устава церковного 1556 г., см.: ОР ГИМ. Уваров. № 400. Л. 1, 3 и др.); 2-й вид (л. 117, 121, 140 и др.), тип: Piccard, XV, III, № 113 (1559 г.); 3-й вид (л. 151 и др.), тип: Piccard, XV, III, № 115 (1560 г.).

[139] ОР РГБ. Ф. 98. № 8. Знак «кабан» 1-го вида просматривается на л. 365, 366 и др.; 2-го вида — на л. 354, 357 и др. Пользуясь случаем, выражаем самую глубокую признательность сотрудникам сектора рукописной книги НИО рукописей РГБ за возможность ознакомиться с подробным описанием ркп. до его публикации. Описание выполнено Т. В. Анисимовой и Ю. Д. Рыковым.

не позднее 1570 г. — к этому времени относится вкладная запись на л. 9—464 дьяка Поместного приказа Путилы Михайлова[140]. Однако рассмотренный выше материал дает основания сузить эту датировку. Любопытно, что у егоровской минеи № 8 с упомянутой выше овчинниковской минеей № 257 1555/56 г. наряду со знаком «кабан» 1-го и 2-го видов совпадает также знак «кабан» еще двух видов[141]. Поэтому, очевидно, время создания этой ркп. также можно отнести к 50-м гг. XVI в. Материал прочих водяных знаков данной книги («гербовый щит»[142] и «кабан» 2-х видов[143]) хорошо согласуется с указанной датировкой.

Очевидно, к периоду, близкому к написанию овчинниковской и егоровской миней, относится создание сборника из собрания Н. С. Тихонравова № 631[144]. Отметим, что среди содержащихся в этой ркп. статей помещено Житие Евфросинии Полоцкой в редакции сборников, которая вошла в СК.

Ко времени, близкому к рассматриваемому хронологическому отрезку, может быть отнесено и написание Евангелия № 5, которое в описании датировано третьей четвертью XVI в.[145] Впрочем, нельзя исключить и того, что данная ркп. создавалась в 60-е гг. XVI в.[146] Использование бумаги «кабан» 1-го и

---

[140] О книжном собрании этого лица подробнее см.: *Рыков Ю. Д.* Путила Михайлов — дьяк и опричный казначей (в печати).

[141] ОР РГБ. Ф. 98. № 8. Л. 11, 15 и др. (этот знак также совпадает с бумагой подлинника купчей 1554 г., см.: Архив СПбИИ. Ф. 20 (Коллекция И. С. Белюстина). № 9); Л. 1, 2 и др.

[142] ОР РГБ. Ф. 98. № 8. Л. 512, 516 и др. Близкие: Лихачев, № 3283 (1560 г.), Лауцявичюс, № 1777 (1560 г.).

[143] ОР РГБ. Ф. 98. № 8. Л. 204, 280 и др. (в справочниках не найден); л. 203, 234 и др. (тип близкий: Briquet, № 13581 (1556 г.)).

[144] ОР РГБ. Ф. 299 (Собрание Н. С. Тихонравова). № 631. Л. 55, 174 и др. («кабан» 1-го вида); л. 175 и др. (2-го вида). Также очень близки (идентичны?) две другие филиграни этой ркп. к овчинниковской минее — филигрань «кабан» двух видов (л. 2, 5 и др.; ср. с соответствующим знаком овчинниковской миней, л. 3, 9 и др., ср. л. 5 минеи № 257).

[145] ОР РГБ. Ф. 738. № 5. Л. 209, 227 и др. (знак «кабан» 1-го вида); л. 210, 213 и др. (2-го вида). Описание ркп. см.: Ф. 738. Калужское собрание. Описание. М., 1985. Машинопись. С. 3.

[146] См. прочие филиграни ркп. (знак «кабан» 4-х видов): л. 2, 7 и др. — тип, близкий: Piccard, XV, 3, № 105 (1559 г.), № 106 (1560 г.); л. 4, 5 и др. — тип, близкий: Mareş, № 345 (1549 г.), Piccard, XV, 3, № 103 (1551 г.); л. 249, 251 и др. — тип: Briquet, № 13583 (1562 г.); л. 298, 302 и др. — тип: Mareş, № 379 (1579 г.).

2-го видов также фиксируется в Евангелии-тетр середины XVI в.[147]

Большое значение для уточнения ареала распространения бумаги рассматриваемого вида имеет материал водяных знаков погодинского Евангелия № 145 третьей четверти XVI в.[148] По-видимому, оно создавалось в Молдавии[149]. Это в свою очередь дает основания говорить об употреблении бумаги рассматриваемого типа в данном регионе. Наряду с Молдавией бумага данного типа (со знаками «кабан» обоих видов) фиксируется и на Балканах — в сербском Торжественнике 50-х гг. XVI в.[150]

Представленный выше материал позволяет отметить определенную тенденцию в использовании бумаги рассматриваемого вида. Так, если в волоцком Торжественнике 1553/54 г. представлен почти исключительно данный тип бумаги (лишь в последних тетрадях этой ркп. фиксируется бумага иного типа), то в троицкой минее 1557/58 г. бумага с филигранями «кабан» (обоих рассматриваемых видов) составляет лишь около половины ркп.[151] Этого, конечно, недостаточно для того, чтобы судить о количестве бумаги с филигранью «кабан» рассмотренных видов в России середины XVI в. и в отдельных скрипториях.

---

[147] ОР БАН. Ф. 1 (Архангельское собрание). Д. 47. Л. 183, 189 и др. (знак «кабан» 1-го вида); л. 186, 187 и др. (2-го вида). Описание ркп. см.: Описание рукописного отдела БАН СССР. Т. 8, вып. 1: Рукописи Архангельского собрания. Л., 1989. С. 50—51.

[148] ОР РНБ. Погод. № 145. Л. 59, 60 и др. («кабан» 1-го вида); л. 66, 74 и др. (2-го вида).

[149] Подробнее об этой ркп. см.: *Иванова К.* Български, сръбски и молдовлахийски кирилски ръкописи в сбирката на М. П. Погодина. София, 1981. С. 85—87. № 14 (датировка исследовательницы — 30-е гг. XVI в. — представляется слишком ранней); Рукописные книги собрания М. П. Погодина. Каталог. Вып. 1. Л., 1988. С. 105 (ркп. датирована третьей четвертью XVI в.). Прочие водяные знаки («рука», «якорь в круге») просматриваются плохо.

[150] См. прориси водяных знаков этой ркп.: *Станкови? Р.* Рукописне књиге музеја српске православнее цркве у Београду. Воднени знаци и датирање. Београд. Т. 5. С. 11 (№ 25), 96, ил. 65 (знак «кабан» 1-го вида), ил. 67 (2-го вида). В печатном описании собрания М. Н. Тихомирова (см.: *Тихомиров М. Н.* Описание Тихомировского собрания рукописей / Отв. ред. Н. Н. Покровский. М., 1968. С. 85) указано на сходство знака «кабан» минеи на сентябрь XVI в. (см.: ОРК ГПНТБ. Собрание М. Н. Тихомирова. № 282) прориси Лихачев, № 1754. Однако итоги просмотра водяных знаков этой ркп. указывают на то, что в данном случае речь может идти лишь о типологической параллели.

[151] Бумага рассматриваемого типа (за исключением нескольких листов в начале ркп. — л. I, 8 и др.) в минее представлена с л. 365 и до конца ркп. (в ней 538 л., формат ркп. — 1°).

Имеющийся материал лишь позволяет зафиксировать факт использования данной бумаги в России в 1553/54—1558/59 гг. и отметить тенденцию к уменьшению ее количества к концу 1550-х гг.[152] Косвенно на это указывает материал среднешрифтного Евангелия. Как уже неоднократно отмечалось в историографии, данное издание по бумаге своих экземпляров обособлено от прочих первых русских печатных книг. Одним из возможных объяснений этого казуса может являться исчерпание запасов данной бумаги в ходе ее интенсивного использования в скрипториях. Учитывая то, что объем данного вида бумаги, выделенной типографии, был невелик (относительно других сортов бумаги)[153], а также то, что в экземплярах более поздних изданий она не фиксируется, можно предположить, что в среднешрифтном Евангелии были использованы остатки бумаги, которая, как указывают итоги проведенного исследования, активно потреблялась книгописными мастерскими в 50-е гг. XVI в.

На уменьшение количества бумаги рассматриваемого типа к концу 50-х гг. указывает и материал ркп., содержащей Чуд. Как отметил Н. Н. Покровский, в Чуд. также встречается водяной знак «кабан» 1-го и 2-го видов. Н. Н. Покровский и А. В. Сиренов установили, что, по всей видимости, Чуд. создавался несколько позднее Томск. Эта ркп. содержит лишь 4 листа с водяным знаком «кабан» 3-го и 4-го видов (л. 601, 774—776). Есть основания полагать, что в написанном на основе Томск. (возможно, с привлечением Волк.) Чуд. были использованы остатки бумаги данного типа.

При определении времени использования бумаги со знаком «кабан» двух рассматриваемых видов значительный интерес представляют результаты наблюдений А. А. Амосова. Специально исследовав бумагу двинских монастырей XVI в., историк заключил, что основной объем партий бумаги в крупных монастырских скрипториях потреблялся в среднем за 3—4 года

---

[152] На этом основании время написания Мазур., на создание которого также ушел весьма значительный объем бумаги (в ркп. 570 л., ее формат — 1°), можно отнести ко времени, близкому к выявленному нами периоду активного использования бумаги рассматриваемого типа, т. е. к 1553/54—1558/59 гг.

[153] Согласно потетрадному описанию филиграней экземпляров среднешрифтного Евангелия О. Н. Кичиной (см.: *Кичина О. Н.* Филигранологическое исследование... С. 124—128), рассматриваемые два вида водяного знака «кабан» содержатся в МК РГБ: в № 3607 на листах 3 тетрадей, в № 3608 на 3, в № 3954 на 11 из 52 тетрадей этого издания.

(т. е. в течение срока, близкого к периоду 1553/54—1558/59 гг.), а затем в течение нескольких месяцев бумага предыдущей партии сосуществовала с последующей партией. При этом А. А. Амосов указал, что на протяжении некоторого (порой весьма значительного) времени остатки бумаги предыдущей партии могли использоваться в виде отдельных листов в массивах более поздней бумаги[154]. Однако 750 л. бумаги Томск. (формат ркп. — 1°)[155] под определение «остатки» явно не подходят (в отличие от 4 (из 782) листов Чуд. с филигранью «кабан» 1-го и 2-го видов).

Таким образом, есть основания полагать, что партия бумаги, характерная для Томск., была использована в период наиболее интенсивного потребления бумаги данного типа, который, как следует из представленного выше материала, приходился на 1553/54—1558/59 гг. Ареал ее распространения включал в себя, по крайней мере, Москву, Владимир-на-Клязьме, волоцкий и троицкий книгописные центры, а также территорию ВКЛ и, вероятно, Молдавию и Сербию. Нельзя исключить, что какое-то количество бумаги рассматриваемого типа потреблялось и позднее (в 60-е гг.), в том числе и в скриптории, в котором создавались древнейшие списки СК. Однако, в свете приведенных выше данных предположение об использовании значительной (несколько сот листов) партии бумаги данного типа без привлечения бумаги с другими водяными знаками после 1558/59 г. выглядит весьма сомнительным. Все это дает основания полагать, что работа над Томск., очевидно, началась не позднее середины—второй половины 50-х гг. XVI в.

А теперь обратимся к ркп., которую А. В. Сиренов на основе комплексного анализа определил как протограф Томск. — к конволюту, содержащему Волк. (формат ркп. — 4°). Для части этой книги XVI в. характерна бумага в целом невысокого качества, содержащая 9 водяных знаков:

1) «Рука» с короной над пальцами (л. 37, 40, 46—47 и др.), тип, близкий: Лихачев, № 1849 (1562 г.), № 2717 (около 1560 г.); тип: Piccard, XVII, VI, № 1717 (1563 г.). Данный знак также обнаруживает типологическую близость к филиграни

---

[154] *Амосов А. А.* Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998. С. 145.

[155] Всего в ркп. 751 л. Как указал Н. Н. Покровский, л. 706 вставлен позднее (см.: *Покровский Н. Н.* Томский список... С. 14).

экземпляров Апостола 1564 г. (см.: Тромонин, № 483; Мацюк, № 98[156]).

2) «Рука» с шестиконечной звездой над пальцами, лилией на ладони и сердцем на рукаве (л. 127—128[157] и др.; *Ил. 13*). Важно отметить, что этот тип бумаги преобладает в Волк. Так, из 118 листов части XVI в. Волк., на которых просматриваются филиграни, 56 (т. е. почти половину) составляют листы с данным водяным знаком. Поэтому определение времени использовании данного вида бумаги в России XVI в. имеет ключевое значение для датировки Волк. Приведем наиболее близкие аналоги данному знаку в известных нам альбомах филиграней — тип: Лихачев, № 1882 (1567 г.), № 3111 (1562 г.); Briquet, № 10858 (1561 г.); Piccard, XVII, IV, № 1489 (1559 г.). Данный знак также обнаруживает типологическую близость к филиграни экземпляров Апостола 1564 г. (см.: Тромонин, № 669; Лихачев, № 3452; Мацюк, № 96), а также сентябрьской минеи 1567 г.[158] и январской минеи 1568 г.[159] Всего этого было бы достаточно для датировки бумаги с данным знаком 60-ми гг. XVI в., если бы не одно обстоятельство — в приведенных выше аналогах речь идет лишь о типологической близости соответствующих знаков к филиграни Волк. Предпринятый нами поиск датированных рукописных и печатных книг, для которых бы была характерна бумага с идентичными водяными знаками, результатов не дал. Однако нам удалось зафиксировать один точно не датированный случай использования бумаги с тождественной филигранью — данный водяной знак фиксируется в экземплярах т. н. узкошрифтного Евангелия (см.: Кичина, № 119[160]), созданного в анонимной типографии около 1553—1554 гг.[161] (во всяком случае, не позднее 1559 г. — этим временем дати-

---

[156] Здесь и далее следуют ссылки на издание прорисей водяных знаков изданий Ивана Федорова (в уменьшенном виде), см.: *Мацюк О. Я.* Бумага изданий Ивана Федорова // Федоровские чтения. 1978. М., 1981. С. 21—34.

[157] Данные листы Волк. представляют две половины одного согнутого листа, который выпадает. В силу этого возможность просмотра данной филиграни приближается к возможности просмотра водяного знака ркп. форматом в 1°.

[158] ОР РГБ. Ф. 304.I. № 468. Л. 161 и др. Прорись данного водяного знака отсутствует в справочнике Н. П. Лихачева, хотя прориси трех других филиграней этой ркп. в нем представлены (см.: Лихачев, № 1926—1928).

[159] ОР ГИМ. Музейское собрание. № 4056. Л. 481, 482 и др. (данный знак идентичен прориси Лихачев, № 1882).

[160] См.: ОР ГИМ. Щапов. № 16. Л. 98, 102 и др.; ОР ГИМ. Меньш. № 1680 (листы книги не нумерованы).

[161] *Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания... С. 263.

руется древнейшая запись на экземпляре этой книги[162]). Данное издание, судя по накопленному в историографии материалу, является древнейшей русской печатной книгой, первым изданием анонимной типографии. Таким образом, учитывая идентичность соответствующей филиграни Волк. экземплярам узкошрифтного Евангелия, можно полагать, что данный тип бумаги характерен для 50-х гг. XVI в.

3) «Сфера» с лилией (л. 70—71 и др.), тип: Лихачев, № 2997—2998 (1562 г.). Типологическую близость к этому знаку обнаруживает соответствующая филигрань федоровского Апостола, см.: Мацюк, № 155. Типологически близкий знак также встречается в широкошрифтном Евангелии (см.: Кичина, № 299), созданном около 1563—1564 гг.[163]

4) «Сфера» со звездой 1-й вид (л. 65, 103), тип, близкий: Лихачев, № 1845 (1562 г.), № 1758 (1555 г.); тип: Briquet, № 13999 (1553 г.).

5) «Сфера» со звездой 2-й вид (л. 74, 97 и др.), тип: Тромонин, № 645 (1564 г.); Briquet, № 14013 (1570 г.); Лихачев, № 1843 (1562 г.), № 3161 (1570 г.). Близкий знак содержится в Чуд. (л. 91, 94 и др.). Знак очень близок (идентичен?) знаку бумаги экземпляров Триоди постной[164], напечатанной в анонимной типографии около 1555—1556 гг. (древнейшая запись на экземпляре этой книги относится к 1561/62 г.)[165].

6) «Сфера» со звездой 3-й вид (л. 160, 234 и др.), тип: Лаўцявичюс, № 4242 (1558, 1562 гг.). Знак близок (идентичен?) знаку бумаги экземпляров Триоди постной[166].

7) «Лилия» (л. 75, 77 и др.), тип, близкий: Briquet, № 6951 (1553 г.), № 6989 (1556 г.).

8) «Сфера» с литерой «М» 1-й вид (л. 60) (*Ил. 8*), тип, близкий: Лихачев, № 1854 (1562 г.). Данный знак очень близок (идентичен?) филиграни экземпляров Апостола 1564 г. (см.: Лихачев, № 3442; Мацюк, № 149)[167]. Как показывают результаты

---

[162] *Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания... С. 149; *Гусева А. А.* Издания... Кн. 1. С. 28. № 3.

[163] *Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания... С. 263; *Гусева А. А.* Издания... Кн. 1. С. 148. № 30.

[164] См.: ОР ГИМ. Щапов. № 17 (нумерация листов отсутствует).

[165] *Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания... С. 263; *Гусева А. А.* Издания... Кн. 1. С. 41, 43 (№ 5).

[166] См.: ОР ГИМ. Щапов. № 17 (нумерация листов отсутствует).

[167] Филиграни бумаги экземпляров Апостола 1564 г. наряду с изданными О. Я. Мацюком прорисями сравнивались с двумя экземплярами этой печат-

исследований О. Н. Кичиной филиграней т. н. анонимных изданий московской типографии 50-х—первой половины 60-х гг. XVI в., знаки того же типа также содержатся в широкошрифтном Евангелии (около 1563—1564 гг.) (см.: Кичина, № 276—278). Данный знак также характерен для Чуд., см. л. 363 и др.

9) «Сфера» с литерой «М» 2-й вид (л. 62—63[168] и др.) (*Ил. 9*), близкие: Лихачев, № 1854 (1562 г.). Данный знак идентичен филиграни экземпляров Апостола 1564 г. (см.: Лихачев, № 3442; Мацюк, № 149). Знаки того же типа также содержатся в широкошрифтном Евангелии (см.: Кичина, № 276—278). Данный знак также характерен для Чуд., см. л. 360 и др.

На знаках «сфера» с литерой «М», которые содержатся также в Чуд., необходимо остановиться несколько подробнее. Ближайшей аналогией этим знакам является Трефолог 1562 г., послуживший источником соответствующих прорисей для Н. П. Лихачева, а также экземпляры изданных в первой половине 60-х гг. широкошрифтного Евангелия и Апостола. Этого было бы достаточно для предположения о том, что бумага Волк. (или, по крайней мере, данный тип бумаги) характерна исключительно для 60-х гг., если бы не отмеченные ранее особенности справочника Н. П. Лихачева, который фиксирует единичные случаи употребления бумаги. Это побуждает нас наметить вероятные пределы использования бумаги со знаком «сфера» с литерой «М».

Различные варианты знака «сфера» с литерой «М» в альбоме Н. П. Лихачева фиксируются с 1560 (№ 2722) по 1567 гг. (№ 1892). Однако есть все основания полагать, что временной промежуток использования данного знака был шире (это в свою очередь не позволяет согласиться с высказанным в историографии мнением об использовании данной филиграни исключительно в 60-е гг. XVI в.[169]). С одной стороны, знак «сфера» с ли-

---

ной книги. См.: МК РГБ. Инв. 1353 (рассматриваемая филигрань на л. 152, 163, 175, 181 и др.); Инв. 1354 (л. 152, 155, 165 и др.). Прорись данного вида этой филиграни О. Я. Мацюк не издал.

[168] Так же как и в случае с филигранью № 2, данные листы Волк. представляют собой две половины согнутого листа, который выпадает. В силу этого, возможность просмотра данной филиграни приближается к возможности просмотра водяных знаков ркп. форматом в 1°.

[169] См.: *Петров К. В.* 1) К изучению сборников с документами XVI—нач. XVII в. из собрания РНБ // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: археография, палеография, кодикология. СПб., 1999. С. 96; 2) Об истории текста и рукописи книги Полоцкого похода 1563 г. // Книга

терой «М» встречается и после 1567 г. Например, он фиксируется в январской минее 1568 г.[170] С другой стороны, можно говорить об использовании бумаги рассматриваемого типа и до 1560 г. Так, использование знака «сфера» с литерой «М» справочник Ш. Брике фиксирует под 1556 г. (см.: Briquet, № 14067) (в других альбомах филиграней знак «сфера» с литерой «М» нам обнаружить не удалось). Использовался данный вид знака до 1560 г. и в России. Так, эта филигрань фиксируется в Октоихе 1558/59 г.[171]. Есть, однако, и более ранний случай использования бумаги с данным знаком в России. Согласно описанию водяных знаков томов Успенского комплекта ВМЧ Л. М. Костюхиной[172], знак «сфера» с литерой «М» фиксируется в февральском томе этого списка (в качестве ближайшей аналогии исследовательница приводит прорись Briquet, № 14067). Создание Успенского комплекта ВМЧ датируется периодом около 1545—1552 гг.[173] В результате полистного описания филиграней томов Успенского списка ВМЧ Л. М. Костюхина установила, что бумага характерная для второй половины 40-х—начала 50-х гг. XVI в., составляет лишь мизерную часть по отношению к сортам более ранней бумаги — около 1,5%[174]. Это в свою очередь дает основания полагать, что в февральском томе ВМЧ мы сталкиваемся с одним из наиболее ранних случаев использования бумаги с филигранью «сфера» с литерой «М». Столь раннее использование бумаги с указанным знаком обусловливалось отмеченным Т. В. Дианової фактом того, что в России XVI в. отдельные виды бумаги использовались при-

---

Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст). СПб., 2004. С. 9 (данный вывод основан исключительно на материале прорисей, помещенных в альбоме Н. П. Лихачева, который впервые выдвинул предположение о том, что «знак сферы в громадном большинстве случаев указывает именно на 1560-е годы», см.: *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение... Ч. 1. С. 323).

[170] ОР ГИМ. Музейск. № 4056. Л. 276 (на других листах этой рукописной книги рассматриваемый водяной знак не фиксируется).

[171] ОР ГИМ. Собрание Н. П. Вострякова. № 827. Л. 330, 333 и др. Ркп. была «списана», очевидно, «иноком Марком», пространная молитва которого помещена в самом конце книги (см. л. 352—353 об.).

[172] *Костюхина Л. М.* Палеография... С. 60.

[173] Там же. С. 23.

[174] *Костюхина Л. М.* Роль филиграней в палеографическом исследовании Макарьевских Миней-Четьих // Филигранологические исследования (теория, методика, практика): Сб. ст. Л., 1990. С. 76.

мерно в одно время со странами Западной Европы[175]. На раннее использование бумаги со знаком «сфера» с литерой «М» указывает и материал двух ркп. из Архангельского собрания ОР БАН[176]. На основе изучения всей совокупности их филиграней (часть водяных знаков этих книг имеет аналоги в 40-х гг.) в описаниях данные рукописные книги отнесены к 50-м гг. XVI в.

Таким образом, есть все основания полагать, что бумага со знаком «сфера» с литерой «М» в России использовалась в 50-е—60-е гг. XVI столетия. Этот интервал близок к отмеченному С. А. Клепиковым 15-летнему сроку использования бумаги в этот период.

Листы XVI в. конволюта, содержащего Волк., на которых просматриваются филиграни, распределяются следующим образом:

Филигрань	Количество листов	Листы
1	2	3
«Рука» с короной	23	13—16, 27—29, 31—32, 35, 37, 39—40, 42, 45—48, 54—55, 231, 274, 286
«Рука» с шестиконечной звездой	56	19, 21, 24, 26, 108, 110—111, 114—115, 121, 123, 127—128, 130, 133—138, 141—142, 145—146, 148, 151—152, 155, 157, 159, 163, 166, 168—169, 171, 173, 182, 184—185, 187, 190—191, 194, 205, 217, 263, 277, 280, 283—284, 287, 309, 331, 333
«Сфера» с лилией	6	61, 67, 70—71, 158, 186
«Сфера» со звездой 1-й вид	2	65, 103
«Сфера» со звездой 2-й вид	16	74, 97, 192, 206, 219, 227, 244, 246, 250, 282, 294, 296, 304, 313, 326—327
«Сфера» со звездой 3-й вид	8	160—161, 234, 249, 299, 302, 311, 320
«Лилия»	4	75, 77, 254, 336

[175] *Дианова Т. В.* Исследование бумаги и бумажных водяных знаков мартовского тома Софийского комплекта Великих Миней Четьих митрополита Макария // Abhandlungen zu den Grossen Lesemenäen des Metropoliten Makarij (Kodikologische, miszellanologische und textologische Untersuchungen). Bd. 1. Freiburg i. Br., 2000. S. 9.

[176] ОР БАН. Ф. 1. Д. 61 (Псалтирь). Л. 10, 12 и др.; Ф. 1. Д. 73 (Требник). Л. 5, 7 и др. Подробное описание этих ркп. см.: Описание рукописного отдела БАН СССР. Т. 8, вып. 1. С. 65—66, 77—78.

Окончание

1	2	3
«Сфера» с литерой «М» 1-й вид	1	60
«Сфера» с литерой «М» 2-й вид	2	62—63
Фрагменты, не идентифицированные с каким-либо водяным знаком	17	80, 96, 118, 183, 195, 204, 213, 224, 241, 265, 269, 272, 279, 290, 310, 335

Итоги рассмотрения водяных знаков Волк. в целом[177] побуждают считать наиболее осторожной датировкой Волк. достаточно широкий интервал: 50-е—60-е гг. XVI в. Однако из двух десятилетий (50-е и 60-е гг.), в которые возможно создание Волк., на наш взгляд, предпочтение следует отдать первому. Во-первых, в пользу этого свидетельствует представленная вы-

[177] Принимая предложенную С. А. Клепиковым методику определения времени написания древнерусских рукописных книг, для различных видов бумаги Волк. можно предложить следующую датировку (вычисления проводились путем вычитания/прибавления 7 лет от даты ближайшего аналога):

Водяной знак	Дата ближайшего аналога в справочнике	Вероятный диапазон использования бумаги
«Рука» с короной	1560	1553—1567
	1562	1555—1569
	1563	1556—1570
	1564	1557—1571
«Рука» со звездой	1550-е	третья четверть XVI в.
	1559	1552—1566
	1561	1554—1568
	1562	1555—1569
	1564	1557—1571
	1567	1560—1574
«Сфера» с лилией	1562	1555—1569
«Сфера» со звездой 1-й вид	1553	1546—1560
	1555	1548—1562
	1562	1555—1569
«Сфера» со звездой 2-й вид	1562	1555—1569
	1564	1557—1571
	1570	1563—1577
«Сфера» со звездой 3-й вид	1558	1551—1565
	1562	1555—1569
«Лилия»	1553	1546—1560
	1556	1549—1563
«Сфера» с литерой «М» (обоих видов)	1562	1555—1569
	1564	1557—1571

ше датировка восходящего к Волк. Томск., начало создания которого трудно вывести за пределы 50-х гг. Во-вторых, в пользу этого предположения свидетельствуют и итоги рассмотрения филиграней Волк. Так, основной массив бумаги Волк. (со знаком «рука» со звездой) характерен для 50-х гг. К этому же времени следует отнести и бумагу со знаками, идентичными филиграням экземпляров напечатанной в этом десятилетии Триоди постной (знак «сфера» 2-го и 3-го и видов). К 50-м гг. относятся и ближайшие аналоги знака «лилия» (нами были просмотрены по возможности все справочники, содержащие сведения о филигранях XVI в.). Другие знаки (за исключением знака «сфера» с литерой «М») обнаруживают лишь типологическое сходство со знаками, относящимися к 60-м гг. Также необходимо отметить, что нам не удалось обнаружить датированных рукописных или печатных книг (за исключением федоровского Апостола), которые бы содержали филиграни «сфера» с литерой «М» (двух видов), идентичные Волк., Чуд. Таким образом, материал Апостола 1564 г. представляет единственный известный нам датированный аналог филиграней Волк., выходящий за 50-е гг. Учитывая отсутствие сведений о более ранних или поздних датированных случаях использования данной бумаги, 1564 г. следует рассматривать как единичный случай использования бумаги, которая могла употребляться в течение примерно полутора десятилетий (если следовать методике С. А. Клепикова, наиболее корректной датировкой в данном случае будет 1557—1571 гг.). Фиксируют ли экземпляры Апостола начало или конец использования бумаги данного типа, точно не известно. В любом случае, в свете изложенного выше материала единичный случай использования того или иного типа бумаги не представляется достаточным основанием для датировки как данного типа бумаги, так и ркп. в целом. Таким образом, учитывая наиболее вероятный период начала создания Томск. (около 1553/54—1558/59 гг.), восходящего к Волк., а также аналогии основной массы бумаги содержащей его ркп. в 50-х гг., время создания древнейшего списка СК следует отнести ко времени не позднее середины—второй половины этого десятилетия[178].

[178] Впрочем, несомненно, что в Волк. вносились дополнения в ближайшие годы после написания его основного текста (вероятно, в начале 60-х гг.). Выявленная А. В. Сиреновым вставка в Волк. окончания 72 гл. 1 ст. (л. 213—

мы считаемъ своимъ долгомъ отмѣтить здѣсь, что такое мнѣніе объ авторѣ изучаемаго Житія вовсе не является новостью. Еще въ 1863 г. оно было высказано *А. И. Спирьлинымъ* (тогда священникомъ) въ брошюрѣ «О началѣ и устроеніи Переславскаго Данилова монастыря» (стр. 80—85) и повторено въ его «Житіи преп. Даніила», Изд. 2-ое. Пересл.-Залѣсскій 1894 г., стр. 36, прим., 49 и слѣдд. Это мнѣніе провинціальнаго изслѣдователя, къ сожалѣнію, осталось повидимому неизвѣстнымъ г. Васенко, по крайней мѣрѣ въ его книгѣ не отмѣчено; не было оно извѣстно и прежнимъ ученымъ, занимавшимся Житіемъ преподобнаго Даніила.

Приведемъ тѣ немногочисленныя и отрывочныя біографическія данныя объ Андреѣ-Аѳанасіи, которыя сохранились въ источникахъ и которыя относятся къ періоду его жизни до митрополитства, когда онъ могъ писать Житіе преподобнаго Даніила. Родомъ Переяславецъ[1], онъ упоминается въ лѣтописяхъ какъ духовникъ царя Ивана во время знаменитаго третьяго похода на Казань въ 1552 г. На пути къ Казани, во Владимірѣ на Клязьмѣ 8—10 поля онъ «грѣшнѣйшій Афонасій сигелъ Благовѣщенской» получилъ чудесное исцѣленіе у мощей св. Александа Невскаго[2]. Предъ началомъ осады татарской столицы 23 августа, царь принимаетъ благословеніе отъ своего духовнаго отца Андрея протопопа[3] Наканунѣ взятія Казани, съ 1 октября на 2-е царь всю ночь пробылъ наединѣ съ своимъ духовникомъ[4,5] 2 октября, въ достопамятный день покоренія татарской столицы «изрядный Андрей протопопъ» благословляетъ царя на ратный подвигъ[5]. Лишь только пала Казань, «и посла государь въ той часъ по духовнаго своего отца, изящнаго въ добродѣтелехъ Андрѣя, протопопа Благовѣщенскаго, и повелѣ ему притти изъ своего царскаго стану со всѣмъ освященымъ соборомъ, яже бяху тогда съ благочестивымъ царемъ. Андрѣй же з животворящимъ и со псалмопѣніе (sic) и съ всѣмъ соборомъ приде ко о (sic) государю множа

1 Карамз. IX, пр. 95.

2 П. С. Р. Л. XII, 280, ср. Степ. кн. II, 156—157. *Васенко*, Отеч. зап. 203, прим. 6.

3 П. С. Р. Л. XIII, 1-я пол. (Никон. л.), 204; XIII, 2-я пол. (Царств. кн.), 500.

4 П. С. Р. Л. XIII, 1-я пол., 215; 2-я пол., 510—511.

5 П. С. Р. Л. VI, 31, XIII, 1-я пол. 217; 2-я, 512; ср. XIX, 153 и 438 (здѣсь говорится о молебнѣ, который пѣлъ Андрей по приказанію царя).

Ил. 1. Издание «Житие преподобного Даниила...».
Экземпляр С. И. Смирнова (ОР РГБ. Ф. 280. К. 9. № 3. Л. 7)

Въ 1555 г. протопопъ Андрей вмѣстѣ съ митрополитомъ Макаріемъ поновлялъ чудотворный образъ Николы Великорѣцкаго. По этому случаю сообщается: «иконному бо писанію митрополитъ и Андрѣй научени сей хитрости»[1].

Въ 1561 г. поля 6 «Андрей, протопопъ Благовѣщенской» огласилъ ко крещенію черкасскую княжну, ставшую потомъ супругой Грознаго[2]. Здѣсь въ послѣдній разъ онъ названъ мірскимъ именемъ и Благовѣщенскимъ протопопомъ. «А какъ постригся, говоритъ о немъ Псковская первая лѣтопись, два лѣта ему прошло въ черньчествѣ до митрополитена»[3]. Но въ митрополиты по смерти Макарія онъ избранъ 24 февраля, посвященъ 5 марта 1564 г.[4] Слѣдовательно постригся послѣ 6 поля 1561 и до 5 марта 1562 г. Пострижение Андрей принялъ въ Чудовѣ монастырѣ[5] съ именемъ Аѳанасія. Въ повѣсти «О немощи и о преставлении и о погребении Макарія, митрополита всея Руси», описывающей событія съ 15 сентября по 31 декабря 1563 г., онъ нѣсколько разъ называется «старцемъ Аѳанасіемъ, духовникомъ государевымъ»[6]. Не означаетъ ли это того, что Андрей, принявъ монашество, въ Чудовомъ монастырѣ и оставивъ должность Благовѣщенскаго протопопа, продолжалъ быть духовникомъ Грознаго? Порученія, которыя давались въ эти дни Аѳанасію, свидѣтельствуютъ во всякомъ случаѣ о близости и довѣріи къ нему царя и митрополита. Царь ему поручаетъ—вмѣстѣ съ митрополичьимъ духовникомъ и чудовскимъ архимандритомъ навѣщать больного святителя въ свое отсутствіе, пока ѣздитъ къ

---

[1] П. С. Р. Л. XIII, 1-я пол., 254 и 273.

[2] П. С. Р. Л. XIII, 2-я пол., 333.

[3] П. С. Р. Л. IV, 315.

[4] П. С. Р. Л. XIII, 2-я пол., 380.

[5] *Архим. Леонидъ* въ ст. Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія (Чт. Общ. Ист. и Др. 1874, I, 15—16) и «Духовники великихъ князей и царей Московскихъ и всея Россіи» (Чт. Об. И. и Др. 1876, I, 217—218) говоритъ, что Аѳанасій былъ архимандритомъ Новоспасскаго монастыря, въ которомъ постригся. Но въ Новоспасскомъ монастырѣ въ это время (съ 1558 по 1565 гг.) архимандритомъ былъ Галактіонъ (*Строевъ*, Списки іерарховъ, стб. 142). О пострижении Андрея въ Чудовѣ монастырѣ есть прямое указаніе лѣтописи (П. С. Р. Л. XIII, 2-я пол., 401).

[6] Ркп. новаго письма, Моск. Синод. Б—ки № $\frac{90}{109}$, нынѣ Моск. Дух. Академіи. Другой списокъ этой повѣсти, также поздній, въ ркп. Большак. въ Моск. публ. муз. указанъ *В. О. Ключевскимъ*, Житія святыхъ, 221.

Ил. 2. Издание «Житие преподобного Даниила...».
Экземпляр С. И. Смирнова (ОР РГБ. Ф. 280. К. 9. № 3. Л. 8)

10. Въ разсказѣ «О избавлении от разбойникъ святаго» мѣсто происшествія въ *Житіи* обозначено, «въ селѣ Калязинскаго монастыря» (стр. 58). *Сказание* къ этому добавляетъ: «въ предѣлѣхъ града Кашина» (стр. 229).

11. Въ «Повѣсти чюдной» по *Житію* (стр. 67—68) передается, что преподобный ее разсказывалъ «намъ», т.-е. автору, какъ одному изъ слушателей. *Сказание* же отмѣчаетъ, что святой старецъ повѣдалъ ее «приходящимъ къ нему человѣкомъ пользы ради» (стр. 231. Выводы, какие слѣдуютъ изъ даннаго сопоставления въ отношении къ вопросу объ авторѣ Житія, сдѣланы выше, VIII).

12. Въ *Сказании* опредѣляется возрастъ подвижника, въ которомъ тотъ скончался: «лѣтъ же бяше святый яко вящше осмидесяти» (стр. 232), чего нѣтъ въ *Житии* (ср. 73). Между тѣмъ для биографии преп. Даниила эта точная дата имѣетъ первостепенное значение.

13. Наконецъ, заключительныя строки *Житія* объ успѣхахъ христианства въ завоеванной Казани, слишкомъ общія — «и много множество тогда и преже того и потомъ отъ невѣрныхъ во православную вѣру христианскую обратишася и крестишася» (стр. 77) — въ *Сказании* осложнены подробностями: «и архіепископа устрои быти въ немъ, и мнози отъ невѣрныхъ мужска полу и женска погани Татаровѣ: и князи, и вельможи, и простии, еще же и сами два царя Казанские Александръ и и Симеонъ в православную вѣру христианскую обратишася и спятымъ крещеніемъ крестишася» (стр. 234—235). Выше было выяснено, что здѣсь мы имѣемъ дѣло лишь съ редакціонным распространеніемъ разсказа[1].

Кто же переработалъ полное Житіе преп. Даниила въ «Сказание вкратцѣ»? Переработка произведена для Степенной книги, и, естественно, произвелъ ее составитель Степенной. Но въ настоящее время, какъ уже замѣчалось выше, доказано, что ея

[1] Укажемъ и другія, болѣе мелкія редакціонныя отличія въ двухъ изводахъ жизнеописания преп. Даниила: *Житие* (стр. 40): «Вельможа видѣ Даниила ико единаг от работникъ тружающася и ямы копающа, забраламъ ихе округъ монастыря», *Сказание* (стр. 224): «самъ древеса поняше, и ямы ископаваше и столпы въ землю водружаше на ограждение монастырю»... *Житие* (стр. 73) кн. Андрей Оленкинъ «невѣрие имѣя на служащая ему книгиня», *Сказание* (стр. 233)... «на малыя отроки». *Житие* (стр. 76) церковницъ послѣ видѣния возбуди же ту нѣкоего вельможу спяща уязвлена стрѣлою на бранѣ»... *Сказание* (стр. 234): «возбуди же спящих ту».

Ил. 3. Издание «Житие преподобного Даниила...».
Экземпляр С. И. Смирнова (ОР РГБ. Ф. 280. К. 9. № 3. Л. 13 об.)

Ил. 4. Филигрань Чуд. «сфера» с большой звездой
(ОР ГИМ. Собрание Чудова монастыря. № 56/358. Л. 290)

Ил. 5. Филигрань Чуд. «сфера» с небольшой звездой
(ОР ГИМ. Собрание Чудова монастыря. № 56/358. Л. 69)

Ил. 6. Филигрань Чуд. «сфера» со звездой и лилией 1-й вид
(ОР ГИМ. Собрание Чудова монастыря. № 56/358. Л. 679)

Ил. 7. Филигрань Чуд. «сфера» со звездой и лилией 2-й вид
(ОР ГИМ. Собрание Чудова монастыря. № 56/358. Л. 201)

Ил. 8. Филигрань Чуд. «сфера» с литерой «М» 1-й вид
(ОР ГИМ. Собрание Чудова монастыря. № 56/358. Л. 469)

Ил. 9. Филигрань Чуд. «сфера» с литерой «М» 2-й вид
(ОР ГИМ. Собрание Чудова монастыря. № 56/358. Л. 360)

Ил. 10. Филигрань Чуд. «кабан» 1-й вид
(ОР ГИМ. Собрание Чудова монастыря. № 56/358. Л. 601)

Ил. 11. Филигрань Чуд. «кабан» 2-й вид
(ОР ГИМ. Собрание Чудова монастыря. № 56/358. Л. 776)

Ил. 12. Филигрань Чуд. «сфера» с лилией
(ОР ГИМ. Собрание Чудова монастыря. № 56/358. Л. 778)

Ил. 13. Филигрань узкошрифтного Евангелия «рука со звездой»
(ОР ГИМ. Щапов. № 16. Л. 98)

Наряду с Томск. к Волк. (либо непосредственно, либо через Томск.) восходит Чуд. Филиграни содержащей его ркп. были определены Н. Н. Покровским[179]. В предлагаемом ниже разборе представлены аналоги водяным знакам этой ркп. из просмотренных нами русских рукописных и печатных книг середины—третьей четверти XVI в. Филиграни бумаги Чуд. (ее качество сопоставимо с бумагой Волк.) представлены знаком «сфера» 7-ми видов и знаком «кабан» 2-х видов:

1) «Сфера» с небольшой звездой (л. 81, 82 и др.; *Ил. 5*), близкие: Лихачев, № 1836 (1557/58 г.), № 1795 (1556/57 г.); Briquet, № 14007 (1559 г.).

2) «Сфера» с большой звездой (л. 91, 94 и др.; *Ил. 4*), тип: Briquet, № 14013 (1570 г.); Лихачев, № 1843 (1562 г.), № 3161 (1570 г.). Очень близкий (идентичный?) знак фиксируется в экземплярах Триоди постной[180] (около 1555—1556 гг.).

3) «Сфера» со звездой и лилией 1-й вид (л. 4, 10 и др.; *Ил. 6*).

4) «Сфера» со звездой и лилией 2-й вид (л. 6, 8 и др.; *Ил. 7*).

Аналоги знакам Чуд. № 3—4 (очевидно, речь идет о парной филиграни) отсутствуют в справочниках. Определенное сходство с филигранью № 4 прослеживается в прориси водяного знака Briquet, № 14056 (1548—1552 гг.); Лихачев, № 1288 (вторая половина XVI в.). «Сфера» этого знака в целом очень близка филиграни Чуд. Однако по бокам сферы, прориси которой опубликованы Ш. Брике и Н. П. Лихачевым, помещены литеры «I» и «B», которых нет в Чуд. Можно предположить, что данный знак характерен для 50-х гг. XVI в. (хотя, конечно, нельзя отрицать и возможности его использования в следующем десятилетии). Так, подобный знак (но с литерами «I» и «B») фик-

---

217; подробнее об этой вставке ниже), которая была связана с правкой соответствующего места созданного несколько позднее Чуд. (о его датировке см. ниже), указывает на то, что дополнения к этому списку могли быть весьма значительными. Косвенно об этом свидетельствует и факт использования в Волк. бумаги с филигранями характерными для Чуд. Принимая во внимание, что вставки производились одной группой писцов, работавших в одном скриптории, и выполнялись на одной бумаге, на данном этапе исследования не представляется возможным отделить все подобные случаи правки в Волк. от его первоначального текста. Таким образом, если рассматривать создание первоначального текста этого списка и его редактирование как единый процесс, то его можно датировать временем от середины—второй половины 50-х гг. до начала 60-х гг. XVI в.

[179] *Покровский Н. Н.* Томский список... С. 15.

[180] См.: ОР ГИМ. Щапов. № 17 (нумерация листов отсутствует).

сируется в февральском томе Успенского комплекта ВМЧ[181]. Встречается этот знак и в экземплярах изданий анонимной типографии — согласно наблюдениям О. Н. Кичиной (см.: Кичина, № 87—91), данный знак характерен для экземпляров среднешрифтной Псалтири, издание которой Е. Л. Немировский датировал временем около 1559—1560 гг.[182]; также знак данного типа фиксируется в Триоди постной[183] (около 1555—1556 гг.). Итоги отсмотра славяно-русских рукописных книг середины—третьей четверти XVI в. позволяют зафиксировать лишь два точно не датированных случая использования водяных знаков Чуд. № 3—4. Во-первых, эти знаки фиксируются в недатированном конволюте, содержащем «Хождение» игумена Даниила, каноны и поучения (в описании первая часть ркп. отнесена ко второй четверти XVI в.[184], вторая — ко второй половине этого столетия; интересующие нас водяные знаки характерны для второй части ркп. (л. 164—229), которая содержит непосредственно «Хождение»)[185]. Во-вторых, знак № 3 фиксируется в сборнике известного священника Сильвестра середины XVI в.[186] Любопытно отметить, что в этой ркп. данный знак фиксируется лишь на одном листе (л. 267) в середине ркп. (ее объем — 410 листов).

5) «Сфера» с литерой «М» 1-й вид (л. 361, 363 и др.). Идентична соответствующему знаку Волк. (*Ил. 8*).

---

[181] *Костюхина Л. М.* Палеография... С. 60, 65.

[182] *Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания... С. 263. Также см.: *Гусева А. А.* Издания... Кн. 1. С. 49. № 10.

[183] См.: ОР ГИМ. Щапов. № 17 (нумерация листов отсутствует).

[184] Водяные знаки первой части ркп. представлены знаком «рука» 2-х видов: 1-й вид (л. 4, 5 и др.), близкий: Piccard, XVII, V, № 1676 (1533 г.); 2-й вид (л. 127), тип: Piccard, XVII, II, № 450 (1522 г.), № 453 (1523 г.).

[185] ОР РГБ. Ф. 178. № 935. Л. 174, 177 и др. («сфера» Чуд. № 4), 168, 169 и др. (№ 5) (несмотря на то, что книга имеет формат 4°, итоги сравнения калек водяных знаков Чуд. с филиграними этой ркп. не оставляют никаких сомнений в их тождестве). Описание ркп. см.: Музейное собрание рукописей. Описание. Т. 1. С. 146—148.

[186] ОР РНБ. Соф. № 1281. Две филиграни ркп. (из четырех) были определены И. В. Курукиным (см.: *Курукин И. В.* Сильвестр: политическая и культурная деятельность... С. 112). По всей видимости, ркп. может быть датирована 50-ми гг. XVI в. Кроме указанной филиграни «сфера», для нее характерны знаки: «кувшин» (л. 1, 2 и др.) — тип, близкий: Briquet, № 12817 (1545 г.); «тиара» (ненумерованный лист в начале ркп.) — близкий: Лихачев, № 1817 (1558 г.); «сердце» (л. 221, 406 и др.) — сходные не найдены.

6) «Сфера» с литерой «М» 2-й вид (л. 360, 379 и др.). Идентична соответствующему знаку Волк. (*Ил. 9*).

7) «Кабан» 1-й вид (л. 601, 774, 775). Идентичен знаку «кабан» 1-го вида Томск. (*Ил. 10*).

8) «Кабан» 2-й вид (л. 776). Идентичен знаку «кабан» 2-го вида Томск. (*Ил. 11*).

9) «Сфера» с лилией (л. 770, 772 и др.; *Ил. 12*), тип, близкий: Лихачев, № 3179 (1560 г.); Briquet, № 14029 (1563 г.); Крушельницкая[187], № 297 (1568 г.). Близка (идентична?) водяному знаку ркп., содержащей Паренесис Ефрема Сирина 1568/69 г.[188] Также знак Чуд. № 9 очень близок филиграни книги, в которую помещен Устав церковный Иерусалимский 1568/69 г.[189], и филиграни, характерной для бумаги экземпляров широкошрифтной Псалтири[190] (около 1564—1565 гг.[191]).

Количество листов Чуд., на которых просматриваются водяные знаки, распределяется следующим образом:

Филигрань	Количество листов	Листы
1	2	3
«Сфера» с небольшой звездой	33	56, 59—60, 62, 69—71, 73, 78, 81—82, 84—85, 87, 89, 98, 100, 738, 741—743, 745—748, 754, 756, 758, 760, 765—768

[187] См.: *Крушельницкая Е. В.* Филиграни на бумаге документов и рукописных книг, созданных в Соловецком монастыре в XVI в. // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С. 3—153.

[188] ОР РГБ. Ф. 735 (Рязанское собрание). № 29. Л. 7 и др. Книга была написана в 7077 г. в Геннадиевой пустыни при святителе Иосифе, «диачишком» Афанасием (см. запись на л. 330). Описание см.: Рязанское собрание рукописных книг. Ф. 735: Описание. М., 1983. Машинопись. С. 20.

[189] ОР ГИМ. Музейск. № 205. Л. 27 и др. Ркп., по-видимому, имеет ростовское происхождение, см. писцовую запись (л. 6) о ее написании в 7077 г. при царе Иване Васильевиче, митрополите Кирилле и ростовском архиепископе Корнилии. Описание ркп. см.: Каталог рукописей Музейского собрания Отдела рукописей ГИМ // Труды Государственного исторического музея. Вып. 78: Вопросы источниковедения и палеографии. М., 1993. С. 70.

[190] Кичина, № 409—410. См.: ОР ГИМ. Менш. № 559 (нумерация листов отсутствует).

[191] Эта датировка Е. Л. Немировского (см.: *Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания... С. 263) представлена в справочнике А. А. Гусевой, см.: *Гусева А. А.* Издания... Кн. 1. С. 290. № 33.

Продолжение

1	2	3
«Сфера» с большой звездой	127	91, 94, 96, 101—103, 105, 111—112, 115—116, 120, 122—127, 129, 135, 137, 139—141, 145—147, 149, 151—152, 155, 157—159, 161, 169—170, 172—173, 179—181, 184—185, 187, 190, 192—193, 196, 205—207, 213—217, 219, 221, 223, 225, 228, 230—231, 234, 237—238, 240, 243—244, 247—248, 250, 252, 254, 256, 258—259, 261, 264, 267, 269, 271—275, 281—282, 284, 287—288, 290—291, 294, 296, 298—299, 302, 306, 308, 310—313, 315, 317, 322—323, 326—331, 337, 339, 341, 343, 345—346, 348, 351, 355, 357, 358—359
«Сфера» со звездой и лилией 1-й вид	60	4, 10—11, 14, 19, 21, 27—28, 36—37, 44, 46, 50, 66, 68, 167, 369, 552, 558—559, 562—563, 566, 575, 577—579, 582, 591—592, 603—604, 609—610, 622—624, 639, 648, 653, 659, 662, 665—667, 674, 679, 682, 691, 697, 700—701, 705, 713—714, 719, 726, 728, 733, 736
«Сфера» со звездой и лилией 2-й вид	66	6, 8, 15, 18, 20, 26, 29, 35, 41—43, 52, 67, 200—201, 548, 550, 553, 560—561, 567, 573, 576, 580, 590, 593, 598, 599—600, 608, 613, 620, 621, 626, 628, 630, 635, 637—638, 642, 644, 646—647, 649, 652, 656, 661, 671, 673, 676, 681, 683, 687—688, 689—690, 703, 706, 708, 711, 716, 720, 722—723, 730—731
«Сфера» с литерой «М» 1-й вид	43	361, 363, 365, 368, 372—373, 376, 383, 385—386, 388, 390, 394, 399, 406, 415, 424, 427, 431, 440, 444, 446, 448—449, 459, 469, 475, 488, 489, 495, 497, 502, 504, 510, 514, 516—517, 523—524, 529, 539, 542—543

Окончание

1	2	3
«Сфера» с литерой «М» 2-й вид	49	360, 379, 381, 392, 395, 398, 404, 408—409, 411, 413, 417—418, 420—421, 426, 429, 436—437, 441, 451—452, 454, 457—458, 462—463, 466—467, 471, 474, 476, 478, 486—487, 494, 496, 500, 505, 507—508, 513, 520, 526, 530, 532—533, 536, 538
«Кабан» 1-й вид	3	601, 774—775
«Кабан» 2-й вид	1	776
«Сфера» с лилией	5	770, 772, 778, 780—781

Как показывает приведенный выше материал, бумага последних трех типов (со знаками «кабан» 2-х видов и «сфера» с лилией) составляет лишь 9 листов, на которых просматриваются водяные знаки. Все эти листы (за исключением л. 601) расположены в самом конце ркп. (ее общий объем — 781 лист). Это в свою очередь дает основания для одного предположения. Учитывая то, что датированные аналоги филиграни «кабан» характерны для 50-х гг. XVI в., а также для создававшегося несколько ранее Чуд. Томск., можно думать, что в Чуд. были использованы остатки партии бумаги, предназначенной для Томск. То обстоятельство, что ближайшие аналоги филиграни Чуд. «сфера» с лилией и сердцем характерны для 60-х гг. (1560, 1563, 1568/69 гг.), дает основание полагать, что при окончании работ над Чуд. была использована новая партия бумаги, которая наиболее широкое распространение получила в 60-е гг. Учитывая, что в Чуд. использовалась также бумага с характерной для Волк. филигранью «сфера» с литерой «М» и со знаком «сфера» с небольшой звездой (ближайшие аналоги прориси относятся к 1556/57—1559 гг.), можно предположить, что для Чуд. была характерна бумага трех типов. Первый (преобладающий) составляла бумага, по-видимому, характерная для 50-х гг. (знаки № 1, 2, 5, 6, 7, 8; всего 258 листов, на которых просматриваются филиграни). Второй тип представлен бумагой со знаком № 9, аналоги которой в целом характерны для следующего десятилетия; он составляет незначительную часть бумажной массы Чуд. — всего 5 листов. Учитывая отсутствие датированных аналогов для бумаги третьего типа (со знаками № 3—4; 126 листов), трудно сказать точно, для какого именно десятилетия (50-х или

60-х гг.) наиболее характерно ее использование. Суммируя итоги рассмотрения водяных знаков Чуд., можно предположить, что, по-видимому, данная ркп. создавалась либо на рубеже 50—60-х гг., либо в начале 60-х гг. XVI в.[192]

* * *

Результаты анализа приведенного выше материала дают возможность представить процесс использования бумаги, характерной для древнейших списков СК, следующим образом. На первоначальном этапе (середина—вторая половина 50-х гг.) для создания Волк. была привлечена партия бумаги невысокого качества, в целом характерной для 50-х гг. На следующем этапе был создан Томск. на бумаге очень высокого качества (возможно, специально закупленной для Томск.) примерно этого же времени. Затем на рубеже 50—60-х гг. или в начале 60-х гг. остатки бумаги, характерной для Волк. и Томск., были использованы при создании Чуд.[193] При этом была дополнительно при-

[192] Подобная датировка не противоречит «широкой» датировке бумаги, характерной для Чуд., основанной на предложенной С. А. Клепиковым методике, см.:

Водяной знак	Дата ближайшего аналога в справочнике	Вероятный диапазон использования бумаги
«Сфера» с небольшой звездой	1556/57	1549/50—1563/64
	1557/58	1550/51—1564/65
	1559	1552—1566
«Сфера» с большой звездой	1562	1555—1569
	1570	1563—1577
«Сфера» со звездой и лилией (двух видов)	1548—1552	1541–1545—1555–1559
«Сфера» с литерой «М» (двух видов)	1562	1555—1569
	1564	1557—1571
«Кабан» 1-й вид	1553/54	1546/47—1560/61
	1556	1549—1563
«Кабан» 2-й вид	1553/54	1546/47—1560/61
«Сфера» с лилией	1560	1553—1567
	1563	1556—1570
	1568/69	1561/62—1575/76

[193] Любопытно, что подобная последовательность использования бумаги в целом согласуется с материалом старопечатных книг. Ниже в обобщенном виде представлены результаты сравнительного анализа филиграней Волк., Томск. и Чуд. и экземпляров первых русских печатных книг в контексте последова-

влечена бумага, аналоги которой относятся к 50-м и 60-м гг. Таким образом, если рассматривать процесс составления СК как написание и редактирование Волк., Томск. и Чуд., время ее создания можно датировать серединой—второй половиной 50-х и, возможно, началом 60-х гг. XVI в. Датировку СК позволят сузить итоги анализа ее текста. Обратимся к нему.

2.2. Данные текста памятника

На сегодняшний день в историографии принята точка зрения П. Г. Васенко относительно времени написания СК, которая базируется исключительно на итогах анализа ее текста. Коротко напомним основные аргументы историка.

Датируя СК, П. Г. Васенко отметил, что в ней содержатся известия о событиях в основном до 1560 г. включительно. На этом основании историк предположил, что именно в этом году началось создание текста памятника. Дату окончания работ над произведением П. Г. Васенко определял на основании того, что:

— в СК названы четыре сына Грозного (Дмитрий, Иван, Федор, Василий; последний родился в марте 1563 г.);

— в тексте произведения содержится намек на вдовство Ивана IV (царица Анастасия умерла 7 августа 1560 г.);

— в памятнике есть указание на русско-литовское перемирие до 1562 г.;

— в рассказе Шумиловского тома ЛЛС об исцелении от мощей Александра Невского, выполненном от первого лица, Андрей уже фигурирует под монашеским именем Афанасий; явно монахом написано и помещенное в 16 ст. Чудо о явлении Даниила Переяславского некоему пресвитеру под Казанью в 1552 г. (Андрей был пострижен около 1562 г.);

тельности их появления (отмечены лишь случаи тождественности водяных знаков):

Списки СК	Печатные книги
Волк.	Узкошрифтное Евангелие (около 1553—1554 гг.) Триодь постная (около 1555—1556 гг.) Апостол (1564 г.)
Томск.	Среднешрифтное Евангелие (около 1558—1559 гг.)
Чуд.	Триодь постная (около 1555—1556 гг.) Апостол (1564 г.) Широкошрифтная Псалтирь (около 1564—1565 гг.)

— 18 гл. 17 ст. указывает на взятие Полоцка (15 февраля 1563 г.);

— в произведении нет сообщения о смерти митрополита Макария, умершего 31 декабря 1563 г.

Таким образом, согласно мнению П. Г. Васенко, создание СК относится к 1560—1563 гг. (окончание работы над памятником исследователь датировал мартом—декабрем 1563 г.)[194].

После П. Г. Васенко лишь дважды предпринимались попытки пересмотра предложенной им датировки СК. Как уже отмечалось в первой главе, в работе, посвященной литературной истории «Повести о Иулиании Вяземской», М. О. Скрипиль обратил внимание на фразу, заключающую «Сказание о Юрии Святославиче», которое послужило источником 26 гл. 13 ст.:

«И таковымъ тогда неправеднымъ похыщениемъ Витофтъ Смоленьское великое княжество из Русьскиа державы исторже къ своеи Литовьскои области, им же властьвоваху Литва и до самодержавнаго государя и великого князя Василиа Ивановичя всея Руси. Ему же благоволи Богъ многимъ подвигом паки исторгнути отъ латыньства градъ Смоленьскъ отъ области литовьскаго краля Жыгдиманта къ своему отеческому наслѣдию Русьскаго царствиа в достояние ему и чадомъ его [разрядка М. О. Скрипиля. — *А. У.*] в роды и роды. Их же благочестивую державу благостию своею, Господи, сугубо ураспространи и всякиа благодати исполни, и на вся сопротивныя имъ пособьствуи, мирно же и безмятежно и благоугодно Тебѣ благочестивое царствие ихъ во благоденьствии утверди...»[195].

Согласно М. О. Скрипилю, «по ясному смыслу этих строк речь идет о княжении Василия Ивановича, причем о том времени его княжения, когда у него уже есть дети, а это произошло не ранее 1533 г., года рождения у Василия Ивановича второго сына — Юрия». По мнению исследователя, время создания «Сказания о Юрии Смоленском» и определяется тем, что на момент его написания Василий был жив и уже имел двух сыновей, что указывает на 1533 г.[196]

М. О. Скрипиль в данном фрагменте подметил важный датирующий признак — упоминание в СК обоих сыновей Васи-

---

[194] *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 214—217.

[195] *Скрипиль М. О.* Литературная история... С. 167. В СК этот фрагмент вошел без изменений (см.: Степенная книга. Т. 2. С. 115).

[196] *Скрипиль М. О.* Литературная история... С. 167.

лия III — Ивана и Юрия (ум. 24 ноября 1563 г.), которые оба явно были живы на момент написания памятника[197]. Однако, как уже отмечалось в историографии[198], нельзя согласиться с тем, что из этого фрагмента прямо следует, что великий князь московский Василий был жив. В заключительной части приведенного выше отрывка следует молитва за «безмятежное и благоугодное» Богу «царствие их» (т. е. сыновей Василия III), но не за здоровье и т. д. их отца (трудно представить, чтобы книжник адресовал Ивану и Юрию подобные пожелания при живом отце — великом князе). Кроме того, как указала Е. В. Неберекутина[199], упоминание «Русского царства» скорее следует относить ко времени после 1547 г. Таким образом, предположение М. О. Скрипиля о том, что СК была написана в 1533 г., не может быть признано основательным.

Как уже отмечалось выше, хронологические рамки создания СК попытался раздвинуть В. В. Морозов. Обратив внимание на весьма значительный объем памятника, историк высказал гипотезу, что часть СК, повествующая о русской истории до смерти митрополита Алексия (т. е. до 11 ст. включительно) была написана до 1560 г. В. В. Морозов основывался на фрагменте из Жития митрополита Алексия в СК, в котором сообщалось о том, что Житие писалось при Иване IV и его сыне царевиче Иване[200] около 1555 г.[201]; последний родился в марте 1554 г. (в этой редакции Жития Алексия нет упоминания Федора, ко-

---

[197] На отсутствие в СК известия о смерти Юрия Углицкого также указывали П. Г. Васенко и А. И. Соболевский. См.: *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 215, примеч. 6; Отзыв академика А. И. Соболевского... С. 13.

[198] См.: *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 212; *Неберекутина Е. В.* Митрополит Афанасий... С. 133.

[199] *Неберекутина Е. В.* Митрополит Афанасий... С. 133.

[200] Степенная книга. Т. 2. С. 38.

[201] Помещенная в СК 4-я редакция Жития митрополита Алексия создавалась в макарьевское время на основе помещенной в Ник. 3-й и Пахомиевой (2-й) редакций (см.: *Прохоров Г. М.* Житие Алексея митрополита // СККДР. Вып. 2, ч. 1. С. 244; *Кривцов Д. Ю.* Рассказ Степенной книги... С. 68—70, 72). На 1555 г. как время создания Жития указывает его текст. Так, в его степенной редакции упоминается, что со времени кончины святого (12 февраля 1378 г.) до создания Пахомиевской редакции его Жития прошло без малого 70 лет, а с этого последнего срока до создания Сказания о чудесах митрополита Алексия 108 лет. См.: Степенная книга. Т. 2. С. 37; *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых... С. 245, примеч. 2; *Покровский Н. Н.* Томский список... С. 8.

торый родился в июле 1557 г.). Приняв во внимание упоминание «богодарованных чад» Ивана IV в Житии митрополита Ионы (19 гл. 14 ст.)[202], В. В. Морозов предположил, что к 1557 г. основной текст СК был уже написан[203].

Если можно согласиться с тем, что примыкающее к Житию Сказание о чудесах митрополита Алексия было создано около 1555 г., то это вовсе не означает, что весь текст СК (или, во всяком случае, ее часть до 11 ст. включительно) писался в это время. Житие Алексия послужило одним из источников СК и поэтому нет никаких оснований связывать со временем ее создания написание одного из вошедших в ее состав произведений. Так, в 1550-е гг. появляется ряд произведений, которые создавались макарьевскими книжниками, возможно, специально для СК: пространная редакция Жития Ольги (1550-е гг.)[204], редакция Василия-Варлаама Жития Всеволода Псковского (согласно В. О. Ключевскому, около 1550—1552 гг.)[205] и др. Таким образом, справедливое замечание В. В. Морозова относительно времени появления Жития митрополита Алексия может быть отнесено лишь к этому памятнику, а не ко всему тексту СК.

Как видим, мнение П. Г. Васенко о времени создания СК в целом осталось не поколебленным. Однако, как было показано выше, материал, накопленный после выхода в свет его работы, побуждает еще раз обратиться к изучению датирующих показаний текста СК. Разберем доводы П. Г. Васенко по порядку.

---

[202] Степенная книга. Т. 2. С. 216.

[203] *Морозов В. В.* Икона «Благословенное воинство»... С. 28.

[204] Подробнее см.: *Соболевский А. И.* Поп Сильвестр и Домострой. С. 197—202; *Курукин И. В.* 1) Сильвестр и составление Жития Ольги... С. 51—60; 2) Сильвестр: политическая и культурная деятельность... С. 113—129. О датировке пространной редакции Жития Ольги также см.: *Усачев А. С.* Датирующее указание или литературный штамп? (о датировке пространной редакции Жития Ольги) // Календарно-хронологическая культура и проблемы ее изучения: К 870-летию «Учения» Кирика Новгородца: Материалы научной конференции. Москва, 11—12 декабря 2006 г. М., 2006. С. 168—171.

[205] *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых... С. 248. Подробнее о создании Жития Всеволода редакции Василия-Варлаама см.: *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития... С. 257—261; *Дмитриева Р. П.* Василий // СККДР. Вып. 2, ч. 1. С. 113; *Неберекутина Е. В.* Поиски... С. 159; *Охотникова В. И.* 1) Житие Всеволода в редакции Василия и Григория (взаимоотношения редакций) // 200 лет первому изданию Слова о полку Игореве (материалы юбилейных чтений по истории и культуре древней и новой России. 27—29 августа. Ярославль—Рыбинск). Ярославль, 2001. С. 131—141; 2) Пути развития... С. 318; 3) Псковская агиография. Т. 1. С. 22—52.

К числу аргументов П. Г. Васенко в пользу составления СК (или, по крайней мере, 17 ст.) не ранее марта 1563 г. относится упоминание имени царевича Василия (р. в марте 1563 г.) в перечне детей Ивана IV. Приводимый П. Г. Васенко перечень детей первого русского царя содержится во вводной статье «Родословие русских государей»[206]. Однако, как уже было отмечено выше, Н. Н. Покровский и А. В. Сиренов установили, что древнейший текст памятника сохранили Волк., Томск. и Чуд., которые этой статьи не содержат[207]. Рассматриваемая родословная статья появляется лишь в списке рубежа XVI—XVII вв. или начала XVII в. Пискарев., который, как показал Н. Н. Покровский, сохранил более поздний текст. Таким образом, интересующее нас известие вместе с содержащей его статьей появляется в рукописной традиции памятника не ранее конца XVI в. и, таким образом, не может рассматриваться в качестве аргумента при датировке древнейшего текста памятника. В СК есть и прямое указание на то, что ее создателю неизвестно о рождении Василия. Так, в содержащемся в 8 гл. 17 ст. перечне детей Ивана IV фигурируют лишь Дмитрий, Иван, Федор, а также «три дщери»[208]. Таким образом, позднее по своему происхождению упоминание в перечне детей Грозного Василия не может служить признаком, датирующим время появления древнейшей редакции памятника.

В СК, в которой материал сгруппирован по генеалогической схеме, большое внимание уделено описанию семейной жизни русских государей — произведение сообщает об их рождении, смерти, женитьбах, появлении у них детей и т. д.[209] Среди прочего СК содержит известия о смерти жен московских князей[210], которые нередко под влиянием ее источников разрастались в пространные повести[211]. Огромное значение для датировки памятника имеет то обстоятельство, что в нем отсутствует указа-

---

[206] Степенная книга. Т. 2. С. 458; *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 217.

[207] В Волк. (л. 1—6 об.) данная статья содержится на листах XVII в.

[208] Степенная книга. Т. 2. С. 353.

[209] Об этом, например, см.: *Скрипиль М. О.* Литературная история... С. 166.

[210] Степенная книга. Т. 2. С. 49, 69, 144—145, 278—279, 351.

[211] Так, Г. Ленхофф проследила особенности изображения в СК вдовы московского князя Дмитрия Ивановича Евдокии-Евфросиньи, повествование о которой в СК готовило почву для ее канонизации. См.: *Lenhoff G.* Unofficial Veneration... С. 411—414.

ние на смерть царицы Анастасии (ум. 7 августа 1560 г.), описанию которой в летописи уделено немалое внимание[212].

Осознавая значение этого обстоятельства для датировки СК, П. Г. Васенко выдвинул предположение о том, что в СК содержится намек на вдовство Ивана IV. В пользу этого предположения исследователь привел ряд фрагментов из текста памятника. Так, историк[213] приводит слова СК, которые следовали за известием о рождении Ивана Ивановича: «Потом же родишяся государю отъ тоя же [разрядка П. Г. Васенко. — *А. У.*] христолюбивыя царици Анастасии царевна Евдокѣя и царевичь Феодоръ»[214]. Учитывая, что в тексте СК отсутствует указание на какую-либо иную супругу Ивана IV, вряд ли можно вслед за П. Г. Васенко рассматривать данные слова как попытку создателя СК подчеркнуть, что Евдокия и Федор были рождены именно Анастасией (а не какой-либо иной женой царя). Отмечая упоминания в Житии Ольги братьев Грозного, его чад и супруги[215], П. Г. Васенко указал на то, что это может свидетельствовать о том, что СК появилась 1) либо в 1556—1560 гг.[216] 2) либо в 1561—1563 гг.[217] Историк остановился на последнем периоде, поскольку в Житии Александра Невского упомянуты лишь Грозный и его «чада в роды и роды» (без супруги) — это, по мнению П. Г. Васенко[218], указывает на период вдовства первого русского царя, т. е. на август 1560—август 1561 гг. Приведем этот отрывок полностью:

---

[212] См. пространный летописный рассказ о смерти Анастасии: ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 328; Т. 29. М., 1965. С. 287—288.

[213] *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 214.

[214] Степенная книга. Т. 2. С. 375.

[215] Вслед за своим источником (пространной редакцией Жития Ольги) в этой фразе книжник обращается к небесным покровителям рода московских государей — княгине Ольге, Владимиру Святославичу, его сыновьям Борису и Глебу и «всем святым» — с просьбой молиться за благополучие «царя и великого князя Ивана, и съ благопребытнымъ супружествомъ его, и съ благороднѣишими чяды его, и съ благовѣрными ему братиами, и со всѣмъ синъклитомъ, и съ прочими сановники и чиновники, и со всѣми христоименитыми людьми». См.: Степенная книга. Т. 1. С. 185; ОР РГБ. Ф. 98. № 124. Л. 341 об.

[216] После рождения царевны Евдокии (26 февраля 1556 г.) уже появилась возможность говорить о «чадах» Грозного (до этого времени дети Ивана IV — Анна, Мария и Дмитрий — умирали, не успев дожить до появления своих братьев и сестер); 7 августа 1560 г. умерла Анастасия.

[217] Т. е. в период от женитьбы Ивана IV на Марии Темрюковне (21 августа 1561 г.) до смерти Юрия Углицкого (24 ноября 1563 г.) и Макария (31 декабря 1563 г.).

[218] *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 216.

«Его же [Бога. — *А. У.*] прилѣжно моли, о преблаженныи и многочюдесныи великии княже Александре, и с равноапостолнымъ прародителемъ ти, блаженнымъ и честнымъ Владимеромъ, и с праведными ти сродники, и съ всѣми святыми даровати благочестивымъ скипетродръжателемъ дръжавы царствиа вашего [потомков Владимира Святославича. — *А. У.*], иже отъ святаго сѣмени вашего прозябшимъ, христолюбивому царю нашему Ивану и благороднеишимъ чядомъ его в роды и роды въ вѣки душевное спасение и тѣлесное здравие, и на вся супротивная побѣды и одолѣние, и глубокий миръ, и братолюбие, и благоденьствено житие и изообилие всякаго благопотребьства, и всякиа благодати исполнение, заступая и спасая ихъ отъ всѣхъ врагъ, видимыхъ и невидимыхъ»[219].

Как видим, в данном фрагменте речь идет о «скипетродержателях» — потомках Владимира. Есть основания полагать, что речь идет именно о мужских представителях рода. Как уже неоднократно отмечалось в историографии, слова с корнем «держ» («самодержец», «скипетродержец», «держатель» и т. д.) в СК являются самыми распространенными[220]. Однако эти эпитеты адресуются исключительно мужским представителям княжеского рода. Так, лишь княгиню Ольгу и Елену Глинскую (т. е. матерей князей Святослава и Ивана IV, правивших в период их малолетства) составитель СК называет «державными»[221]. Прочим представительницам рода русских князей адресуются иные эпитеты («благоверные», «христолюбивые» и т. д.), которые отражают их нравственные характеристики, а не «скипетродержство», связанное с делами управления[222]. Это, а так-

---

[219] Степенная книга. Т. 1. С. 535.

[220] См.: *Соболевский А. И.* 1) Поп Сильвестр и Домострой. С. 202; *Покровский Н. Н.* Афанасий. С. 76; 2) Томский список... С. 3; *Ingham N.* Genealogy and Identity in the Rhetoric of the Muscovite Rulership // Московская Русь (1359—1584): культура и историческое самосознание. М., 1997. С. 178.

[221] См.: Степенная книга. Т. 1. С. 157, 166, 168; Т. 2. С. 346, 351. В СК содержатся упоминания «державства» и некоторых других княгинь. Однако употребление этого термина не связано с реальными делами управления. Например, см.: «Како сиа державная [Евдокия, вдова Дмитрия Ивановича. — *А. У.*], в самовольствии и в нѣговании вдовьствуя...» (см.: Степенная книга. Т. 2. С. 67).

[222] Например, см. характеристики Марии, жены Всеволода Юрьевича, Василисы-Феодоры, жены Андрея Константиновича Нижегородского, Евдокии-Евфросинии, жены Дмитрия Ивановича. См.: Степенная книга. Т. 1. С. 456—458; Т. 2. С. 44—46, 68—69.

же пожелание «побед и одоления и глубокого мира» русским правителям, побуждает думать, что понятие «скипетродержатели» в данном фрагменте отнесено к Ивану IV и его сыновьям (т. е. не всем «чадам») — Ивану и Федору. Таким образом, есть основания полагать, что женскую часть великокняжеского семейства книжник в рассматриваемом фрагменте не подразумевал[223]. В пользу того, что под «скипетродержцами» составитель СК понимал, прежде всего, мужских представителей династии, служат и указания на наследование именно ими (а не их женами и дочерьми) «отеческого скипетродержания»[224]. Это в свою очередь позволяет заключить, что упоминание Анастасии отсутствует в данном отрывке не потому, что ко времени его написания ее уже не было в живых, а в силу того, что в рассматриваемом фрагменте речь идет о мужских представителях рода московских князей — Иване IV и его сыновьях Иване и Федоре[225].

---

[223] В пользу этого предположения говорит и текст богомольной грамоты, несомненно, причастного к созданию СК митрополита Афанасия епископу Сарскому и Подонскому Матвею (29 сентября 1564 г.). В грамоте митрополит просил епископа молиться за здоровье и благополучие всего великокняжеского семейства (Ивана IV, Марии Темрюковны, царевичей Ивана и Федора), в то время как пожелание побед над врагами и отсутствие междоусобных браней адресовалось лишь мужским представителям рода: царю Ивану и его сыновьям. См.: «И ты бъ, сыну [Матвей. — *А. У.*], пожаловалъ о томъ настоящемъ времени со всѣмъ священымъ соборомъ въ церкви пѣли молебны по вся дни и особне по кѣльямъ и по домомъ, и молили всесилнаго Бога и Пречистую Богородицу, и небесныхъ силъ, и святыхъ новыхъ чюдотворцовъ и всѣхъ святыхъ, елика ваша сила, о устроении земскомъ, и о миру, и о тишине, и о многолѣтномъ здравьи и спасении боговенчаннаго царя государя нашего великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, и о его благочестивой царице великой княгине Марьи, и о ихъ богодорованныхъ чадехъ, благоверномъ царевиче Иване и благовѣрномъ царевиче Феодоре, и о болярехъ, и о всемъ его христолюбивомъ воинствѣ, и о провославныхъ крестьянехъ; и чтобъ Господь Богъ избавилъ боговенчаннаго царя государя нашего и его царевичевъ, и все христолюбивое воинство ото всѣхъ врагъ видимыхъ и невидимыхъ и межуусобныя брани и не попустилъ бы богомерския латыни...» (см.: ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. № 267. С. 302; РИБ. Т. 32. Пг., 1915. № 222. Стб. 450).

[224] Например, Ярослав Владимирович просил: «И дасть ти [Всеволоду. — *А. У.*] Господь Богъ наслѣднику быти скипетродръжания моего»; Владимир Мономах «благочестно приятъ отьческое наслѣдие русьскиа хоругви скипетродръжание»; Иван IV «бысть наслѣдникъ отьческаго скифетродръжания, Богомъ утвержденаго ему царствия всея Русии». См.: Степенная книга. Т. 1. С. 387, 407; Т. 2. С. 346.

[225] В пользу предположения, что отсутствие Анастасии в соответствующем перечне членов великокняжеского семейства не свидетельствует о том, что ее не было в живых, служит фрагмент из Жития Алексия в СК (см.: Степенная

Таким образом, данный аргумент П. Г. Васенко в пользу того, что на момент написания данного отрывка Анастасии уже не было в живых, также нельзя признать состоятельным.

Для того чтобы закончить с указаниями в СК на супружество Ивана IV в связи с датировкой памятника, отметим, что в его тексте фигурирует лишь одна жена царя — Анастасия. Поскольку в СК отсутствуют даже упоминания Марии Темрюковны[226], вряд ли можно сомневаться в том, что именно Анастасия подразумевается даже в тех случаях, когда речь идет о безымянной «христолюбивой царице»[227]. Большое значение для датировки СК имеет уже отмеченный выше факт того, что ее составитель подробно повествует о важнейших событиях из жизни великокняжеского семейства (свадьбах, рождении и смерти детей, жен и т. д.). Именно поэтому известие о смерти Анастасии обязательно отразилось бы в СК. Однако она данного известия не содержит, как не содержит и сообщения о женитьбе Ивана IV на Марии Темрюковне (август 1561 г.). Трудно представить, что об этих событиях не знал духовник русского царя, который к тому же лично участвовал в крещении Марии[228]. Таким образом, есть все основания полагать, что 1) либо ближайшему к царю Ивану лицу не было известно об этих фактах; 2) либо Андрей-Афанасий по каким-то причинам счел возможным умолчать об этих важнейших событиях из жизни главного героя 17 ст., что шло вразрез с основными принципами изложения материала в СК.

Как отметил П. Г. Васенко[229], в 6 гл. 17 ст., повествующей о русско-литовской войне в период малолетства Ивана IV, содер-

---

книга. Т. 2. С. 38). Там книжник указывает на то, что Житие писалось при царе Иване IV и его сыне Иване. Вряд ли можно сомневаться в том, что около 1555 г. (времени написания этого произведения) Анастасия была жива.

[226] В Похвале митрополиту Алексию в позднем списке СК Пискарев. (см.: ПСРЛ. Т. 21, 2-я половина. С. 364, примеч. 10; Степенная книга. Т. 2. С. 32, примеч. 11) содержится указание на царицу Марию — в древнейших списках СК Чуд. (л. 430) и Томск. (л. 412 об.) фигурирует лишь безымянная «христолюбивая царица». П. Г. Васенко (см.: *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 216, примеч. 2) упоминание Марии справедливо расценил как позднюю вставку.

[227] Например, см.: Степенная книга. Т. 1. С. 185; Т. 2. С. 32.

[228] ПСРЛ. Т. 13. С. 333; Т. 29. С. 291.

[229] *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 215, примеч. 4.

жится указание на перемирие России с Литвой до 7070 г.[230] Из текста данного сообщения исследователь заключил, что оно свидетельствует о написании СК (или, во всяком случае, 17 ст.) не ранее 1562 г. Следует ли прямо из текста СК, что ее создателю известно о завершении перемирия в 1562 г.? Есть основания думать, что данная интерпретация, являясь допустимой, тем не менее, оставляет возможность и для иных прочтений данного фрагмента.

Источником данного известия явилась летописная запись под 7045 г.[231] Указание на перемирие до 1562 г. является обычной для создателя СК вставкой сообщения о современных ему событиях при описании далекого прошлого[232]. Однако, следует ли прямо из текста СК, что ему известно о завершении перемирия в 1562 г.? Как представляется, прямого указания в тексте 7 гл. на это нет. Откуда же составителю могло быть известно о русско-литовском перемирии до 1562 г.? По всей видимости, книжник мог знать о заключенном 1 февраля 1556 г. шестилетнем перемирии с Литвой (до 25 марта 1562 г.)[233]. Таким образом, эта запись могла появиться не обязательно в 1562 г. — составитель, повествуя о событиях 1530-х гг., вполне мог внести указание на перемирие, заключенное до этого года[234], т. е. данная вставка могла появиться в любое время между 1556—1562 гг.

Большое значение при датировке СК П. Г. Васенко справедливо придавал указанию на явную принадлежность ее составителя к черному духовенству. Так, Шумиловский том ЛЛС в записи под 6999 г. повествует о чуде у гроба Александра Невского во Владимирском Рождественском соборе. Рассказ заканчивается сообщением о посещении гробницы Александра Ярослави-

---

[230] «И оттуду начя быти перемирие межь государеи до лѣта 7070-го» (см.: Степенная книга. Т. 2. С. 351).

[231] См.: «...и взяша с королемъ перемирие на пять лѣтъ, отъ Благовещѣниева дни лѣта 7045 до Благовещениева дни лѣта 7050...» (см.: ПСРЛ. Т. 13. С. 116).

[232] Например, см. известия о взятии Иваном IV Казани в рассказе о войне Владимира Святославича с Волжской Болгарией (55 гл. 1 ст.), указание на завоевание Новгорода Иваном III в рассказе о войне с новгородцами Андрея Боголюбского (13 тит. 12 гл. 6 ст.). См.: Степенная книга. Т. 1. С. 308—309, 470.

[233] ПСРЛ. Т. 29. С. 243; *Хорошкевич А. Л.* Россия... С. 177.

[234] В Томск. (л. 711 об.) после известия о перемирии до 1562 г. содержится более поздняя запись о начале новой русско-литовской войны и взятии Полоцка (о ней ниже).

ча Иваном IV перед походом на Казань. Среди прочего в рассказе отмечается: «...и тогда въ церкви той во время соборныя молитвы случися быти ту, у цѣлбоноснаго гроба блаженнаго и великаго князя Александра, и мнѣ грѣшнѣйшему Афонасию сиггелу Благовѣщенскому»[235]. Данный рассказ содержится и в 21 гл. 15 ст. СК (правда, без указания имени свидетеля пребывания Ивана IV у гроба своего предка)[236]. Основываясь на этом сообщении, П. Г. Васенко сделал вполне обоснованное предположение об участии Андрея-Афанасия в создании СК[237]. Обратив внимание на то, что этот писатель в рассказе ЛЛС назван монашеским именем, исследователь предположил, что на момент составления этого фрагмента для СК, которая появилась ранее ЛЛС, Андрей уже являлся монахом, т. е. данный рассказ не мог быть составлен ранее пострижения Андрея в монахи[238] (между 6 июля 1561 г. и 5 марта 1562 г.[239]). Однако необходимо учесть, что рассказчик в СК по имени не назван. Имя появляется в ЛЛС, который был создан либо на рубеже 1560—1570-х гг.[240], либо десятилетием позднее[241]. Как бы то ни было ко времени создания ЛЛС (в данном случае Шумиловского тома) Андрей уже достаточно длительное время был монахом и поэтому, вероятно, было сочтено уместным назвать его монашеским именем при описании событий, случившихся до его пострига. Таким образом, указание Шумиловского тома отражает реалии времени создания ЛЛС, который составлялся позднее СК с привлечением ее материала[242], и не может служить аргументом

---

[235] ПСРЛ. Т. 12. С. 230.

[236] Степенная книга. Т. 2. С. 269—270.

[237] Подробнее см.: *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 202—204.

[238] Там же. С. 216, примеч. 3.

[239] Указание на постриг Афанасия около 1562 г. содержит Псковская III летопись (далее — ПЛЛ), отмечающая, что Андрей принял постриг за два года до занятия кафедры (т. е. за два года до 5 марта 1564 г.): «...и поставленъ бысть митропольскии епископъ Афонасии инок ис Чюдова монастыря, февраля, а былъ преже протопопъ благовещенскии, и как постригся два лѣта ему прошло в чернечестве до митрополитства» (см.: ПСРЛ. Т. 5, вып. 2. М., 2000. С. 245). 6 июля 1561 г. Андрей последний раз фигурирует под своим мирским именем (в рассказе о крещении Марии Темрюковны). См.: Житие преподобного Даниила... С. XI.

[240] *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 245—249.

[241] *Амосов А. А.* Лицевой летописный свод... С. 221—222.

[242] Об использовании в ЛЛС данных СК см.: *Пресняков А. Е.* Московская историческая энциклопедия XVI века. СПб., 1900. С. 38—50; *Морозов В. В.*

в пользу предположения о составлении данной части СК не ранее 1562 г.

Впрочем, есть одно указание в тексте Сказания о Данииле Переяславском (25 гл. 16 ст.), которое может свидетельствовать о том, что на момент включения Жития переяславского святого в СК Андрей-Афанасий был уже пострижен. В заключительной части Жития описывается видение Даниила некоему пресвитеру Ивана IV, который «нѣкогда имѣа духовныи совѣтъ къ преподобному Данилу». Безымянный пресвитер, в котором исследователи не без оснований видели Андрея-Афанасия[243], в одну ночь во время похода Ивана IV на Казань узрел Даниила, а также увидел на себе мантию, «**еще** [выделено нами. — *А. У.*] не пострижену ему во иночество». На вопрос спутников святого Даниил ответил, что «нынѣ убо, въ не же званъ, въ томъ да пребудетъ. Последи же не лишенъ будетъ таковаго образа»[244]. В историографии уже отмечалось, что включение данного пророчества было уместно после принятия Афанасием пострига, т. е. после 1561—1562 гг.[245] Значит ли это, что СК (или, во всяком случае, 16 ст.) появилась не ранее этого года?

Отвечая на этот вопрос, необходимо обратиться к результатам изучения древнейших списков СК Н. Н. Покровским. Историк отметил, что Житие Даниила Переяславского в древнейших списках СК — Томск. и Чуд.[246] — появилось лишь на завершающем этапе редактирования текста памятника[247]. Таким

---

1) Царственная книга и книга Степенная царского родословия... С. 58—59; 2) Лицевой летописный свод XVI в. и его источники (Об одной историографической легенде) // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст. 1984. М., 1986. С. 133—134, 138; 3) Лицевой свод... С. 102, 121—122; *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 209; *Лурье Я. С.* Две истории... С. 20, 187; *Амосов А. А.* Лицевой летописный свод... С. 308—311.

[243] *Свирелин А. И.* О начале и устроении Переславского Данилова монастыря. С. 76; *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 208; Житие преподобного Даниила... С. XX.

[244] Степенная книга. Т. 2. С. 341—342.

[245] О времени пострижения Андрея см.: *[Свирелин А. И.]* Житие преподобного отца нашего Даниила... С. 36, примеч. [1], 49—53; *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 209; Житие преподобного Даниила... С. VI.

[246] Об этом свидетельствует: 1) гранесование в Томск. (л. 64 об.) и Чуд. (л. 67 об.), в котором название повествующей о Данииле Переяславском 25 гл. 16 ст. вписано позднее; 2) в Томск. Л. 689, заключающий 24 гл. 16 ст., заканчивался обычной для окончания степеней «пирамидкой».

[247] *Покровский Н. Н.* Томский список... С. 22—23.

образом, включение завершающей 16 ст. главы можно отнести к периоду не ранее 1561—1562 гг., когда основной текст памятника был уже создан. Это, в свою очередь, дает основания вывести за скобки указание на постриг Андрея-Афанасия при определении времени создания древнейшего текста СК.

Пожалуй, самым весомым аргументом П. Г. Васенко в пользу предположения о 1563 г. как о времени окончания работ над основным текстом СК является указание в 18 гл. 17 ст. на взятие Полоцка русскими войсками (15 февраля 1563 г.). Для того чтобы оценить значение данного известия для датировки СК, рассмотрим упоминания о последних по хронологии фактах, которые содержатся в произведении.

Нить известных составителю СК событий прерывается сообщениями февраля 1560 г.: памятник повествует о происшествиях осени 1559 г.—зимы 1559/60 г. (рассказы об освящении Покровского собора, а также о событиях на русско-крымской границе)[248]. Последними известиями в этом ряду являются сообщения о послании попов в Черкассы и войска в Шевкалы (февраль 1560 г.), о взятии Феллина и пленении магистра Ливонского ордена (20 августа 1560 г.), а также о взятии Полоцка (15 февраля 1563 г.)[249]. Важно отметить, что два из трех этих событий (в т. ч. и последнее по хронологии — взятие Полоцка) приходятся на события Ливонской войны, о которой повествует 18 гл. 17 ст. (сообщение о послании попов в Черкассы и войска в Шевкалы примыкает к цепи известий рубежа 1559—1560 гг.). Таким образом, известия о взятии Феллина и Полоцка стоят несколько в стороне от основного текста 17 ст. Хронологической же границей основного массива известий СК является февраль 1560 г. За этот рубеж выходят лишь рассказы о взятии Феллина и Полоцка, о которых повествует «ливонская» 18 гл. 17 ст. Таким образом, встает вопрос: заканчивался ли основной текст СК описанием событий февраля 1560 г. и известия о взятии Феллина и Полоцка являются более поздними вставками, или СК, как полагал П. Г. Васенко, писалась до конца 1563 г.? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к самым поздним известиям памятника. Они содержатся в 18 гл. 17 ст., которая кратко повествует о событиях первых лет Ливонской войны. Рассмотрим эту главу подробнее.

---

[248] Степенная книга. Т. 2. С. 401—404.

[249] Там же. С. 388—389, 400—401.

Как указал Н. Н. Покровский, как сам текст 17 ст. в Томск. и Чуд., так и гранесование 17 ст. в этих списках были выполнены на позднейшем этапе их создания[250]. Так, в гранесовании Чуд. в заголовке 17 ст. (л. 67 об.) отсутствует указание на количество глав этой степени, так же как и в заголовке самой 17 ст. (л. 738). В Томск. (л. 64 об.) также не приведены сведения о количестве глав (они вписаны явно позднее; первый лист 17 ст. в Томск. (л. 706), очевидно утраченный, был восполнен позднее). Таким образом, нет данных для того, чтобы судить о количестве глав, которое первоначально планировалось включить в 17 ст. Как уже отмечалось в историографии, Томск. создавался ранее Чуд., который, по-видимому, восходит к нему[251]. Учитывая, что в Волк. отсутствует текст 17 ст., можно констатировать, что именно Томск. сохранил древнейший текст заключительной степени СК. Обратимся к нему.

Итоги рассмотрения текста 18 гл. 17 ст. в Томск. дают основания отметить один важный момент — в Томск. Л. 732 об. (завершающий 17 гл.) не дописан до конца — после окончания 17 гл. («О брани со свейскими немцы») около трети листа оставлено без текста. Затем с нового листа (л. 733) начинается 18 гл. Этот лист заканчивается словами «мучители немилостивии бышя имъ»[252]. Следующий (л. 733 об.) текста также не содержит[253]. Л. 734 начинается со слов «И всѣх жителеи руских...» («И» заглавная — именно с нее и начинается фраза). А. В. Сиренов это наше наблюдение дополнил указанием на то, что кодикологический «шов» (хотя и не столь явный) в данном месте текста СК фиксируется и в Чуд. (л. 764 об.—766)[254]. Таким образом, можно констатировать разрыв в древнейших полных

---

[250] *Покровский Н. Н.* Томский список... С. 10, 40—41 и др.

[251] *Покровский Н. Н.* 1) Томский список... С. 37; 2) Исторические постулаты... С. 5. Как уже отмечалось выше, согласно мнению А. В. Сиренова, наряду с Томск. к созданию Чуд. привлекался и Волк. (см.: *Сиренов А. В.* 1) Степенная книга как исторический источник... С. 18, стемма; 2) Степенная книга... С. 218, стемма).

[252] Степенная книга. Т. 2. С. 381.

[253] Лишь на нижнем поле содержится более поздняя запись (XVII в.?): «Потомъ же гордостии нѣмцы...».

[254] См.: *Усачев А. С.* К вопросу... С. 39; *Сиренов А. В.* Степенная книга... С. 200—201. Также см. представленную О. Д. Журавель последовательность смены почерков в Чуд. (см.: *Покровский Н. Н., Журавель О. Д., Сиренов А. В.* Археографическое предисловие. С. 16; описание почерков Чуд. выполнено О. Д. Журавель).

списках СК между сообщающей о русско-шведской войне 17 гл. и повествующей о начале Ливонской войны 18 гл.

Об особом месте 18 гл. в 17 ст. говорит и отмеченная Н. Н. Покровским правка в Томск. Как указал историк[255], в Томск. после известия о русско-литовском перемирии до 1562 г. (6 гл. 17 ст.)[256] следует уточняющая запись на нижнем поле л. 711: «Потом же паки начат быти брань царя и великого князя людем с кралевыми литовскими людьми по украинам. Царь же и велики князь сам шед и взя град Полтескъ и прочая же. О сих же инде речется, здѣ же настоящее да глаголется». Эта запись отсутствует в Чуд. (л. 743 об.), восходящем к Томск. Как предположил Н. Н. Покровский, создатели Чуд. сочли повторение этого известия излишним (о взятии Полоцка более подробно сообщала 18 гл. 17 ст.). В любом случае несомненно, что данная вставка в Томск. могла появиться лишь после создания 18 гл. (на текст которой, собственно, и содержится ссылка во вставке). Учитывая поздний (по сравнению с основным текстом 17 ст.) характер данной вставки в Томск., не будет большой натяжкой и предположение о позднем характере 18 гл. в СК. В пользу этой гипотезы говорит:

— несомненный факт разрыва между 17 и 18 гл.;

— явная связь текста 18 гл. со вставкой на л. 711 об. Томск.;

— наличие в тексте 18 гл. двух известий, хронологически наиболее поздних в СК: захват Феллина и пленение магистра (20 августа 1560 г.), сообщение о взятии Полоцка (15 февраля 1563 г.);

— 18 гл., повествующая о событиях 1554—начала 1563 гг. на северо-западной границе России, разрывает хронологически последовательный текст: 15—17 гл. сообщают о взятии Астрахани (1556 г.), войне с крымским ханом (1555 г.), русско-шведской войне 1554—1557 гг.[257]; 19—26 гл. повествуют о ряде событий начиная с 1555 г. (приход английских послов) до февраля 1560 г. (сообщение о послании попов в Черкассы);

— косвенным аргументом в пользу предположения о позднем происхождении «ливонской» главы в 17 ст., повествующей о взятии Полоцка, является указание на титул Ивана IV, упомянутый в его послании александрийскому патриарху Иоаки-

---

[255] *Покровский Н. Н.* Томский список... С. 34.

[256] Степенная книга. Т. 2. С. 351.

[257] Там же. С. 377—380.

му. В титуле содержится определение «обладатель Ливоньскиа земли града Юрьева»[258], но отсутствует определение «полоцкий» (т. е. создатель СК точно копирует текст своего источника, созданного в 1558 г.[259]), которое вошло в титул первого русского царя уже через несколько дней после взятия Полоцка[260].

Таким образом, результаты анализа Томск. и всего комплекса известий, содержащихся в 15—26 гл. 17 ст., дают веские основания считать, что 18 гл. 17 ст., повествующая о событиях начала Ливонской войны, в тексте памятника появилась не сразу. Это в свою очередь позволяет заключить, что комплекс известий о Ливонской войне вошел в СК не только позднее создания основного текста СК, но и после написания основной части 17 ст. Вышесказанное побуждает рассматривать включение 18 гл., повествующей о двух хронологически выходящих за февраль 1560 г. событиях (о взятии Феллина и Полоцка), как позднюю вставку, которая была произведена после написания всего текста СК (включая и основную часть 17 ст.). Последнее заставляет думать, что созданный до написания «ливонской» главы текст памятника не выходил за пределы февраля 1560 г.[261]

Вне зависимости от того, справедливо наше предположение о позднем характере 18 гл. 17 ст. или нет, рассмотренный ма-

---

[258] Степенная книга. Т. 2. С. 399.

[259] Им могла являться посольская книга по связям России с Балканами и Ближним Востоком. Эта посольская книга, судя по всему, могла послужить источником послания александрийского патриарха Иоакима к Ивану IV, а также ответного послания русского царя патриарху (23 гл. 17 ст.). См.: Степенная книга. Т. 2. С. 394—400; Россия и греческий мир в XVI веке. Т. 1. М., 2004. С. 235—239, 241—243, 328.

[260] ПСРЛ. Т. 13. С. 363; *Хорошкевич А. Л.* Россия... С. 337.

[261] Косвенно на окончание написания основного текста СК около 1560 г. свидетельствует и отсутствие в ней известия об освящении каменного храма в Даниловом монастыре 18 мая 1561 г. (см.: ПСРЛ. Т. 13. С. 332). Трудно представить, что составитель памятника, поместив в его текст пространное Сказание о начале Данилова монастыря (оно специально будет рассмотрено нами в третьей главе настоящей работы) и его восстановлении первым русским царем, ничего не сообщил бы о строительстве в нем каменного храма, на освящении которого присутствовали митрополит Макарий, Иван IV, а также царевичи Иван и Федор Ивановичи. Другим косвенным аргументом в пользу предлагаемой датировки является отсутствие текста или даже упоминания грамоты константинопольского патриарха Иоасафа (ноябрь 1560 г.), подтверждающей царский титул Ивана IV. Вряд ли можно сомневаться в том, что соответствующее упоминание было бы включено в Книгу Степенную **царского** родословия.

териал неизбежно ставит вопрос: когда в тексте СК появилось известие о взятии Полоцка? Вряд ли можно вслед за П. Г. Васенко доводить этот период до 31 декабря 1563 г. (т. е. до смерти митрополита Макария, о которой составителю СК ничего не известно). Интересно, что сам П. Г. Васенко, справедливо отмечая большое значение для определения времени написания СК отсутствия упоминания о смерти единственного родного брата Ивана IV Юрия Углицкого (ум. 24 ноября 1563 г.)[262], не остановился на этой дате. Однако и эта дата представляется слишком поздней — есть основания полагать, что внесение известия о полоцком взятии можно ограничить более ранним временем.

Как уже отмечалось выше, с предположением П. Г. Васенко о том, что создатель СК знал о рождении царевича Василия, трудно согласиться. Однако сам факт отсутствия этого известия в древнейшей редакции произведения, а также характер СК, аккуратно сообщавшей обо всех известных отпрысках великокняжеского семейства (вспомним полное название памятника!), побуждает думать, что в том случае, если бы книжнику было известно о рождении царского сына, это известие наверняка бы было включено в текст. Таким образом, есть все основания полагать, что вставка известия о взятии Полоцка (и, если наше предположение относительно позднего характера 18 гл. верно, всей «ливонской» главы) была произведена между 15 февраля 1563 г. и мартом этого же года (т. е. временем рождения Василия).

Итоги рассмотрения аргументов П. Г. Васенко относительно времени создания СК дают основания не согласиться с предложенной им датировкой, которая противоречит материалу, доступному исследователю начала XXI в. Так, есть основания полагать, что:

— перечень событий, известных составителю СК на момент создания ее древнейшей редакции, прерывается февралем 1560 г.;

— выходящие за рамки февраля 1560 г. известия (упоминания о взятии Феллина и Полоцка, а также намек на постриг создателя СК), содержатся в главах, которые в основной текст СК были внесены несколько позднее (вероятно, до марта 1563 г.);

---

[262] *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 215, примеч. 6.

— в тексте СК отсутствует ряд известий 1560—1563 гг. (о кончине Анастасии, втором браке Ивана IV и рождении царевича Василия), сообщения о которых неизбежно должны были быть включены в памятник.

* * *

Вышесказанное дает основания относить окончание работ над первоначальной редакцией СК — текстом первых 16 ст. (без 26 гл. 16 ст.) и основной части 17 ст. — ко времени около 1560 г. Древнейший текст СК, судя по всему, мог быть создан к февралю—началу августа 1560 г. (до смерти царицы Анастасии). Вероятно, в начале 1563 г. (судя по всему, в середине февраля—марте) памятник был дополнен рассказом о начале Ливонской войны. Очевидно, эта вставка была связана с взятием Полоцка, которое явилось главной победой России на начальном этапе этой войны.

2.3. Этапы работы

Представленные выше результаты обследования ркп., содержащих Волк., Томск. и Чуд., правки этих списков[263], а также анализа текста СК дают возможность выявить ряд этапов в процессе оформления древнейшей редакции памятника.

Н. Н. Покровский и А. В. Сиренов подробно изучили случаи редакторской правки древнейших списков СК, а также затронули общие вопросы, связанные с изучением времени и обстоятельств их написания. Это побуждает нас сосредоточить свое внимание на обобщении накопленного в историографии и представленного нами выше материала: не претендуя на полноту анализа Волк., Томск. и Чуд., ниже мы попытаемся наметить основные этапы в создании текста СК. Как уже отмечалось выше, итоги кодикологического анализа ркп., в которые помещены Волк. и Томск., убеждают в том, что их создание (по крайней мере, начало этого процесса) приходится на середину—вто-

[263] В ходе сравнительного анализа Волк., Томск. и Чуд. нами было учтено около 250 случаев их правки (зачеркивания, записи на полях и т. д.; в Волк. учитывалась лишь правка, выполненная полууставом XVI в. в древнейшей части конволюта).

рую половину 50-х гг. XVI в. Результаты рассмотрения текста СК побуждают думать, что основной текст был написан, вероятно, не ранее 1560 г. Однако есть все основания время около 1560 г. считать лишь одним из рубежей в создании СК. Итак, разберем этапы работы над ней по порядку.

1-й этап

А. В. Сиренов отметил, что одной из наиболее характерных черт Волк. является наличие вставок номеров глав и титл в степенях, а также ряда киноварных заголовков. Эти номера и заголовки по всему тексту Волк. расположены над строкой и на полях. В Томск. и Чуд. данные номера и заголовки уже читаются в основном тексте. Волк. содержит и целый ряд других случаев правки, которая также выполнена на полях и над строкой. Эта правка также учтена в Томск. и Чуд., в которых она читается в основном тексте[264]. Обобщив эти наблюдения, А. В. Сиренов выдвинул убедительную гипотезу о восхождении Томск. и Чуд. к Волк.[265] Таким образом, первым этапом написания СК является создание Волк.[266] До какой же степени был доведен древнейший дошедший во фрагментах список памятника?

Учитывая то, что часть XVI в. конволюта, в который помещен Волк., доведена лишь до 6 ст., при ответе на этот вопрос приходится опираться на косвенные аргументы. Так, есть основания полагать, что Волк. был доведен до 16 ст. (включитель-

---

[264] Подробнее о случаях этой правки см.: *Покровский Н. Н.* Томский список... С. 21—35; *Сиренов А. В.* 1) О Волковском списке... С. 260—291; 2) Степенная книга... С. 165—218; *Усачев А. С.* 1) Исследование представлений создателя Степенной книги в контексте изучения правки древнейших списков памятника // Труды научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов-2004». История. М., 2004. С. 13—16; 2) Древняя Русь... С. 90—91, 111, 148, 151, 154, 181—182, 221, 253—255, 257—260, 300, 306—312, 315.

[265] *Сиренов А. В.* 1) О Волковском списке... С. 246—303; 2) Степенная книга... С. 101—164.

[266] Согласно гипотезе А. В. Сиренова, первоначально текст СК (и, соответственно, Волк.) ограничивался Житием князя Владимира, к которому несколько позднее было приписано Житие Ольги и текст прочих степеней (см.: *Сиренов А. В.* Степенная книга... С. 385—391). В нашем исследовании создание Волк. рассматривается как единый этап в оформлении древнейшей редакции СК. Согласно гипотезе, которая нами будет подробнее изложена в четвертой главе настоящей работы, созданию Волк. могли предшествовать материалы предварительного характера, которые не включали в себя «компилятивные» разделы СК — рассказы ее источников, вошедшие в текст памятника с минимальной правкой.

но). Первым такое мнение высказал К. Ф. Калайдович, который, ознакомившись с Волк., отметил, что в части ркп. XVI в. гранесование доведено до конца 16 ст.[267], и предположил, что именно до кончины Василия III и был доведен несохранившийся текст XVI в. Волк.[268] Вряд ли в 16 ст. Волк. входило заключающее ее Сказание о Данииле Переславском (25 гл.) — как справедливо отметил Н. Н. Покровский, в Томск. (который создавался на основе Волк.) оно представляет вставку[269], что было бы невозможно в том случае, если бы протограф Томск. содержал данный текст. Косвенно на то, что Волк. был доведен до 24 гл. 16 ст., указывает и отсутствие кодикологических «швов» в его копии Томск. (до 25 гл. 16 ст.). Итак, древнейший список СК, вероятно, был доведен до 16 ст. (исключая 25 гл.)[270]. На какое же время приходится этот этап в процессе оформления древнейшей редакции СК?

В вопросе о времени создания Волк. можно полагаться как на материал филиграней, которые, как было отмечено выше, характерны для середины—второй половины 50-х гг., так и на данные текста СК, указывающие примерно на тот же хронологический период. Если допустить, что Волк. действительно был доведен до 16 ст., то к числу аргументов в пользу его датировки серединой—второй половиной 50-х гг. можно отнести время написания степенной редакции Жития митрополита Алексия. В ней содержится отмеченное еще В. О. Ключевским указание на ее создание в 1555 г.[271] К этому также следует прибавить и датировку т. н. третьей редакции Жития митрополита Ионы (не ранее 1556 г.), которая вошла в СК (вопрос об этом источнике памятника специально будет рассмотрен в третьей главе).

---

[267] Любопытно, что гранесование Волк. (л. 100 об.) содержит сведения о 25 гл. 16 ст., т. е. о Сказании о Данииле Переяславском. Учитывая, что в Томск. и Чуд. название этой главы представляет собой более позднюю приписку (об этом ниже), есть основания полагать, что гранесование Волк. писалось на основе Томск. и/или Чуд. Как мы увидим ниже, данный случай внесения правки в Волк. одновременно с Томск. или Чуд. не был единичным.

[268] См.: *Сиренов А. В.* К истории изучения Волковского списка... С. 198, 203.

[269] *Покровский Н. Н.* Томский список... С. 22—23.

[270] Вопрос о структуре древнейшего текста СК нами специально будет рассмотрен при исследовании методов работы составителя памятника в четвертой главе настоящей работы.

[271] Степенная книга. Т. 2. С. 37—38; *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых... С. 245.

Хронологически наиболее поздним известием этого произведения является указание на возвращение образа Николы Великорецкого на Вятку (лето 1556 г.). Таким образом, первый этап работы над СК (создание и первый этап редактирования Волк.) можно отнести ко второй половине 50-х гг. XVI в. (ко времени не ранее 1556 г.[272]).

Определенное датирующее значение имеет и следующее обстоятельство. Составитель СК включал в текст памятника упоминания всех русских святых (канонизированных на момент его составления), нередко давая более или менее подробные пересказы их житий (подробнее об этом см. в следующей главе нашего исследования). В СК не упомянут св. Никита, архиепископ новгородский, канонизированный в 1558 г.[273] Вероятно, это обстоятельство обусловлено тем, что составителю СК мог быть неизвестен этот факт. Если это действительно так, то можно предположить, что работа над СК могла начаться не позднее 1558 г. Приняв это допущение, начало работ над памятником можно датировать периодом около 1556—1558 гг.

2-й этап

На данном этапе, по всей видимости, был создан Томск. В каком виде первоначально читался текст СК в этом списке?

Как справедливо отметил Н. Н. Покровский, который впервые в историографии СК привлек кодикологические аргументы для определения процесса ее создания, в Томск. и Чуд. заключающая памятник 17 ст. была приписана несколько позднее[274].

---

[272] Возможно, начало создания СК было связано с оживлением интереса к генеалогии великокняжеского рода в 1556—1557 гг. Так, на этот период приходится пребывание в Москве посла Константинопольского патриарха Дионисия митрополита Евгрипского Иоасафа, приехавшего в Москву 1 октября 1556 г. Покидая Москву 30 января 1557 г., Иоасаф получил от Ивана IV с собой царский синодик (согласно датировке С. М. Каштанова, он был составлен в период между осенью 1556 г. и январем 1557 г.), который содержал подробное родословие русских государей (см.: *Каштанов С. М.* Царский синодик 50-х годов XVI в. // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Париж, 1993. Вып. 2. С. 44—67; Россия и греческий мир в XVI веке. Т. 1. С. 393—394, 398—400). Нельзя исключить того, что начало создания СК было связано с составлением царского синодика с подробным перечнем его предков. На возможную связь составления СК и царского синодика в устной беседе указал С. М. Каштанов.

[273] *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1998. С. 54—56.

[274] *Покровский Н. Н.* Томский список... С. 41.

Это выразилось в наличии явного кодикологического шва в Томск. и Чуд. между концом 16 ст. и началом 17 ст. (это проявилось в смене почерков)[275]. При этом, как отметил исследователь, в Томск., к которому, по всей видимости, восходит Чуд., Сказание о Данииле Переяславском (25 гл. 16 ст.) было написано, по всей видимости, одновременно с 17 ст. Это дает основания полагать, что древнейший текст Томск. был доведен до кончины Василия III и не содержал жизнеописания Даниила. Лишь в Чуд. вставной характер Сказания не бросается в глаза[276], хотя, как отметил Н. Н. Покровский, в оглавлении Чуд. порядкового номера 25 гл. нет (его нет и в тексте, в отличие от Томск.), а ее заглавие лишь начали писать на том же месте, что и в Томск., а затем стерли[277]. Как уже было отмечено выше, Волк., по-видимому, также был доведен лишь до 16 ст. Если это действительно так, то есть основания полагать, что на данном этапе сначала текст СК был доведен до 16 ст. в Волк., после чего с него была снята копия (Томск.).

Таким образом, на 2-м этапе на основе Волк., доведенного, очевидно, до 16 ст.[278] (вероятно, без Сказания о Данииле Переяславском) был создан Томск. Любопытно, что для создания Томск. была привлечена новая (возможно, специально для этого купленная) партия бумаги (со знаком «кабан» 2-х видов) очень высокого качества (несколько листов этой партии позднее были использованы при написании Чуд.). Это, а также наличие роскошных миниатюр на листах Томск. (л. 2, 67) косвенно указывает на то, что книга изначально предназначалась для высокого адресата (подробнее вопрос о возможном адресате СК нами будет рассмотрен ниже). Выявить хронологические рамки данного этапа можно лишь на основании датировки ркп., содержащей Томск., по водяным знакам ее бумаги. Они, как уже было отмечено выше, указывают на вторую половину—конец 50-х гг. XVI в.

---

[275] См.: Томск. Л. 689—689 об.

[276] См.: Чуд. Л. 720 об.

[277] *Покровский Н. Н.* Томский список... С. 23.

[278] В пользу этого предположения говорит указание на время правления Ивана IV в 24 гл. 16 ст. Так, повествуя о славном правлении первого русского царя, книжник отмечает, что о нем «лѣпо есть особно степени вчинитися, яко же в лѣтописаниихъ явлено есть довольно сказание, како трудолюбезно подвизашеся о благочестии...» (см.: Степенная книга. Т. 2. С. 327). Как видим, отмечая наличие летописных рассказов о первом русском царе, составитель СК лишь выражает надежду на создание особой степени об этом герое русской истории.

3-й этап

На данном этапе, по всей видимости, был написан Чуд.[279], который, судя по всему, первоначально не содержал Сказания о Данииле и текста 17 ст., отсутствовавших и в его источнике Томск. На этом же этапе последний был дополнен текстом Сказания о Данииле Переяславском и основной частью 17 ст. (отраженные в ней события не простирались далее 1560 г.). Вероятно, вскоре после внесения этой правки в Томск. соответствующие дополнения были внесены и в Чуд.

Точно определить время начала написания 17 ст. трудно. Пожалуй, единственным возможным путем решения этой проблемы здесь может служить анализ степени полноты известий, посвященных времени правления Ивана IV. Так, как указал еще М. Я. Диев на основе анализа хронологически наиболее поздних известий СК, время ее создания можно отнести к 1555—1563 гг. — поскольку памятник упоминает о перенесении образа Николы Великорецкого, учреждении казанской епископии, а также взятии Полоцка[280]. Ранее нами уже отмечалось, что в качестве основного аргумента в пользу 60-х гг. выступает рассказ о начале Ливонской войны, который, как было установлено выше, имеет вставной характер.

Таким образом, если учитывать совокупность известий, помещенных в 17 ст., в качестве наиболее осторожной датировки 17 ст. можно рассматривать период не ранее начала 1560 г. На этот рубеж указывает и состав известий, заключающих основной текст СК: рассказы о победе над татарами под Пронском, об освящении Покровского собора в Москве, о морском походе на Крым (1559 г.), о послании попов в Черкассы и войска в Шевкалы (февраль 1560 г.). Таким образом, хронологически наибо-

---

[279] Любопытно отметить, что бумага, характерная для ркп., содержащей Томск. (со знаком «кабан» 2-х видов), в Чуд. фиксируется лишь начиная с л. 601 (на этом листе помещен текст заключающей 14 ст. 19-й гл.). Не исключено, что к моменту написания данного раздела Чуд. работа над основным текстом Томск. уже была закончена и остатки предназначенной для него бумаги были использованы при написании Чуд. Если это действительно так, то можно полагать, что работа над Томск. была закончена не позднее времени написания 19 гл. 14 ст. в Чуд. Предположению о создании Чуд. на 2-м этапе мешает то обстоятельство, что, в отличие от Томск., текст Сказания о Данииле Переяславском, появившегося в Томск. примерно одновременно с 17 ст., в Чуд. не носит характера явной вставки.

[280] *Усачев А. С.* Забытое мнение... С. 77—84.

лее позднее сообщение датируется февралем 1560 г. Почему именно на этом известии заканчивается основной текст СК? Ответ на этот вопрос дают результаты сравнения текста СК и ряда современных ей памятников летописания. Так, выясняется, что подборка наиболее поздних событий в СК совпадает с заключительной частью Свода 1560 г. (подробнее вопрос о летописном источнике 17 ст. нами будет рассмотрен ниже). Это в свою очередь дает основания полагать, что данный рубеж в СК был обусловлен, очевидно, не только обстоятельствами, связанными с созданием произведения, но и составом его источников[281]. На какой же период приходится написание основного текста 17 ст.?

При ответе на этот вопрос большое значение приобретает анализ текста вставки Сказания о Данииле Переяславском в 16 ст. Томск., которая, как установил Н. Н. Покровский, была произведена примерно одновременно с написанием 17 ст.[282] Как было установлено в литературе, постриг Андрей (наиболее вероятный автор Жития переяславского святого) принял около 1561—1562 гг. Это в свою очередь дает основания полагать, что вставка Сказания о Данииле и создание основного текста 17 ст. относятся к периоду не ранее 6 июля 1561 г.—5 марта 1562 г. (если признать справедливость указания ПШЛ на двухгодичное черничество Афанасия до занятия им митрополичьей кафедры). Как предположил Н. Н. Покровский, сравнительно позднее включение основного текста 17 ст. в СК обусловливалось колебаниями ее наиболее вероятного создателя, «осторожного и вполне лояльного власти Афанасия в политических обстоятельствах 1560—

---

[281] Любопытно отметить, что состав заключительных известий определялся набором источников, которыми располагал книжник XVI в., не только в СК. Так, по всей вероятности, окончания ряда крупных разделов «Истории о великом князе московском» А. М. Курбского (далее — ИВКМ) также обусловливались составом источников беглого князя, а «не особыми литературными или политическими причинами» (см.: *Ерусалимский К. Ю.* Как сделана «История» А. М. Курбского: проблема хронологии текста // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2004. Сб. 11. С. 609).

[282] В то же время есть веские основания полагать, что создатель СК планировал вставку специального рассказа о Данииле еще при написании основного текста 16 ст. Так, сообщая о крещении Ивана IV Даниилом в 22 гл. 16 ст., составитель указывает на то, что о переяславском святом «последи речется во степени сеи», см.: Степенная книга. Т. 2. С. 317. Любопытно отметить, что данные слова читаются в основном тексте не только Чуд., но и Томск. Подробнее вопрос о ссылках нашего книжника на различные разделы СК будет рассмотрен в четвертой главе.

1563 гг.», относительно того, «стоит ли прямо включать современность в описание истории страны»[283].

4-й этап

Данный этап создания СК характеризуется дополнением 17 ст. текстом 18 гл., повествующей о событиях первых лет Ливонской войны. В это время, судя по всему, и была произведена общая правка в Томск. и Чуд. Учитывая то, что в произведении отсутствует известие о родившемся в марте 1563 г. сыне Ивана IV Василии, можно предположить, что вставка данной главы была произведена во второй половине февраля—начале марта 1563 г. (отраженное в 17 ст. взятие Полоцка состоялось 15 февраля). По всей видимости, эта вставка была обусловлена успешным для России началом Ливонской войны, стремлением составителя СК в ее тексте зафиксировать самую громкую (после взятия Казани) внешнеполитическую победу первого русского царя — взятие Полоцка. Вероятно, на период после вставки «ливонской главы» приходится доработка Чуд., который, судя по всему, писался в явной спешке[284]. Исходя из вышесказанного, можно полагать, что окончательное оформление древнейшей редакции СК, представленной Волк., Томск. и Чуд., приходится на начало 1563 г.[285]

---

[283] *Покровский Н. Н.* Византийский дьякон Агапит... С. 174.

[284] Об этом свидетельствует незаконченный характер заставки на л. 55 Чуд., а также некоторая небрежность, допущенная при редактировании этого списка. Так, если в Томск. на нижнем поле л. 438 читается «образ Пречистыя Богоматери Тихвиньский», то в Чуд. также на нижнем поле (л. 456 об.) первоначально читалось «Пречистыя Богоматери образ», лишь несколько позднее было приписано «на Тихвинѣ». Как сообщила в устной беседе О. Д. Журавель, следы спешки при создании Чуд. проявились и в работе его писцов, допускавших ряд ошибок. Также мы опираемся на материалы доклада О. Д. Журавель «Кодикологические наблюдения над ранними списками Степенной книги», представленного на международной конференции «Книга Степенная царского родословия и русское историческое самосознание» (Лос-Анджелес, UCLA, 26—28 февраля 2009 г.). На незаконченный характер Чуд. (так же как и Томск.) обращал внимание и Н. Н. Покровский, см.: *Покровский Н. Н.* 1) Томский список... С. 18—19, 24, 41; 2) Неоконченный манускрипт... С. 280—293; 3) Исторические концепции... С. 91—92.

[285] Вряд ли можно полагать, что доработка Чуд. производилась намного позднее начала 1563 г. — так, в его тексте наряду с указанием на второй брак Ивана IV и рядом других известий отсутствует и указание на смерть брата царя Юрия Углицкого (24 ноября 1563 г.), и — что важнее всего — в древнейших списках СК нет упоминания о кончине митрополита Макария (31 де-

5-й этап

Как указал Н. Н. Покровский[286], Чуд. (л. 167—168) содержит правку, которая отсутствует в Томск. — вставку окончания в Житии Владимира в СК (72 гл. 1 ст.)[287]. А. В. Сиренов отметил, что данная вставка также помещена в Волк. (л. 213—217)[288]. На этом основании А. В. Сиренов и автор этих строк независимо друг от друга высказали предположение о том, что на определенном этапе работ над СК Томск. покинул пределы того скриптория, в котором он создавался (вероятно, Чудова монастыря, об этом см. ниже)[289]. Однако и после этого работа над текстом памятника продолжалась, свидетельством чему и является вставка в 72 гл., которая отразилась в Волк. и Чуд.

Трудно сказать точно, когда именно было внесено это дополнение. В любом случае очевидно, что вставка была сделана после того, как Томск. был использован при написании 17 ст. Чуд. (в т. ч. 18 гл.), т. е. не ранее начала 1563 г. Вряд ли данная вставка была произведена намного позднее — так, в Волк. кодикологический шов (смена почерка и чернил) в соответствующем месте не фиксируется (вставка выполнена на листах бумаги, характерной для Волк., почерком одного из его писцов); в Чуд., хотя вставка и выполнена особым почерком, она помещена на бумаге с филигранью «сфера» с лилией и звездой (1-го вида, л. 167), которая характерна для ркп., содержащей Чуд. (как было показано выше, данный тип бумаги составляет

кабря 1563 г.) — и занятии митрополичьей кафедры его приемником Андреем-Афанасием. Сомнительно, что эти события могли быть проигнорированы в памятнике, написанном, по всей видимости, в скриптории митрополичьего Чудова монастыря, повествующем о взаимоотношениях русских государей с первосвятителями. На рубеж 50-х—60-х—начало 60-х гг. указывают и водяные знаки бумаги Чуд.

[286] *Покровский Н. Н.* Томский список... С. 22.

[287] Как установил Н. Ф. Околович, источником данного фрагмента послужило Поучение на память Владимира (см.: *Околович Н. Ф.* Жития святых... С. 82).

[288] *Сиренов А. В.* О Волковском списке... С. 268.

[289] *Сиренов А. В.* Краткая редакция... С. 130; *Усачев А. С.* К вопросу о последовательности русских митрополитов в Степенной книге // «Честному и грозному Ивану Васильевичу»: К 70-летию И. В. Левочкина: Сб. ст. М., 2004. С. 58. Согласно мнению А. В. Сиренова, Томск. был поднесен царю (см.: *Сиренов А. В.* Степенная книга... С. 413). С данным предположением историка не согласилась О. Д. Журавель, полагая сомнительным поднесение царю ркп., содержащей целый ряд случаев редакторской правки (см.: *Журавель О. Д.* Кодикологические наблюдения...).

основной ее объем). С другой стороны, учитывая то, что Волк. и Чуд., по всей видимости, продолжали оставаться и редактироваться в скриптории при митрополичьем монастыре, трудно полагать, что известие о смерти митрополита Макария не отразилось бы в Волк. и Чуд. Если это так, то внесение этой правки нельзя отодвигать за 31 декабря 1563 г. Сделав это допущение, внесение данной вставки в Волк. и Чуд. следует отнести к периоду между началом и концом 1563 г.

В контексте изучения правки в Чуд., которая не фиксируется в Томск., важно отметить, что в Чуд. на данном этапе была вставлена вводная статья «Царские сановники»[290], составленная, по-видимому, с использованием лексикографического источника (вопрос об источниках этой статьи нами будет рассмотрен ниже). Волк. и Томск. данной статьи не содержат. Ее отсутствие в Томск. может быть объяснено тем, что в период ее внесения его уже не было в скриптории, в котором создавались древнейшие списки СК. Для объяснения отсутствия этой статьи в Волк. можно предложить следующие варианты: 1) она не вносилась в Волк.; 2) листы с данной статьей, помещенные перед основным текстом, были утрачены (учитывая то, что порядок листов в ркп., содержащей Волк., перепутан, можно предположить, что в первые десятилетия своего существования Волк. хранился в виде непереплетенных тетрадей). В свете отмеченного выше случая совместного редактирования Волк. и Чуд. второе предположение выглядит более предпочтительным.

Важно отметить, что изъятие Томск. из скриптория, в котором он создавался, по всей видимости, не было связано с окончанием работ над СК (на это указывает продолжение редактирования Волк. и Чуд.). Учитывая то, что и после удаления Томск. из скриптория, в котором создавалась СК, работа над ней (Волк. и Чуд.) продолжалась теми же книжниками на основании тех же источников[291], можно полагать, что удаление Томск. было связано с какими-либо другими причинами.

---

[290] Степенная книга. Т. 2. С. 457; Чуд. Л. 1 об.

[291] Как уже было отмечено выше, в тексте вставки был использован фрагмент Поучения на память Владимира (см.: *Усачев А. С.* Из истории... С. 44), памятника, который активно использовался при составлении Жития Владимира в СК. Подробнее о заимствованиях из Поучения на память Владимира в 1 ст. см.: *Усачев А. С.* Источники... С. 256—271; *Околович Н. Ф.* Жития святых... С. 52, 65, 71, 73, 75—76, 80—82.

Доработка Томск. также была продолжена после того, как он покинул место своего создания и редактирования. Так, как было установлено нами ранее[292], в этом списке в 4 гл. 2 ст. фиксируется фраза, которая отсутствует в Волк. и Чуд. (а также Пискарев. начала XVII в., который П. Г. Васенко положил в основу издания СК[293]): «Велику созда. По Феопенте же митрополите»[294]. Эти слова представляют собой полууставную запись XVI в. (?), выполненную на месте двух заклеенных строк — «Феопентъ пасъ церковь Божию лѣтъ 12. По» (Томск. Л. 198 об.)[295]. В Томск. также фиксируются две других правки, которые выполнены сходным почерком XVI в.: написанное по соскобленному слово «Феопентъ» в гранесовании 2 ст. (л. 54 об.) и написанное также по соскобленному слово «Иларионъ» в заголовке 2 ст. (л. 196). Кроме того, как отметил Н. Н. Покровский[296], на л. 427 об. Томск. (перед началом посвященной жизнеописанию Дмитрия Донского 12 ст.) в XVI в. (?) был внесен крупный фрагмент текста, повествующий о митрополитах Киприане и Пимине. Точно датировать эти случаи редакторской правки Томск. не представляется возможным.

* * *

5-й этап явственно показывает незавершенность работы над текстом СК, которая была свернута в самый канун опричнины. На завершающем этапе редактирования СК Томск. был изъят у ее создателей и покинул пределы скриптория, в котором он писался и редактировался. Вряд ли можно полагать, что это могло произойти без ведома инициатора работ над памятником —

---

[292] *Усачев А. С.* К вопросу о последовательности русских митрополитов... С. 57—58.

[293] ОР РГБ. Ф. 228. № 177/612.

[294] См.: Волк. Л. 265; Чуд. Л. 204 об.; Степенная книга. Т. 1. С. 382.

[295] Полная фраза в Томск. «...юже святыи Владимиръ, отець Ярославль, велику създа Феопентъ пасъ церковь Божию лѣтъ 12. По Феопенте же митрополитѣ съвѣтомъ самодержца Ярослава...». В Волк., Чуд. и Пискарев., читается «...юже святыи Владимиръ, отець Ярославль, велику създа. По Феопенъте же митрополитѣ бысть съвѣтомъ самодръжца Ярослава...». См.: Степенная книга. Т. 1. С. 382; Волк. Л. 265 об.; Чуд. Л. 204 об.

[296] *Покровский Н. Н.* 1) Томский список... С. 33—34; 2) Неоконченный манускрипт... С. 281 (на этой же странице см. публикацию черно-белого изображения данной записи). Текст вставки издан, см.: Степенная книга. Т. 2. С. 47, примеч. 5.

митрополита Макария. Это в свою очередь заставляет думать, что наиболее роскошно украшенный и написанный на бумаге наилучшего качества среди других древнейших списков СК Томск. в начале 1563 г. понадобился Макарию. На вопрос о том, с какой целью Томск. был изъят из скриптория, вероятно, митрополичьего Чудова монастыря, прямого ответа источники не дают. Можно лишь отметить возрастание интереса к СК в начале 1563 г., выразившееся в дополнении ее текста рассказом о начале Ливонской войны и в изъятии Томск. Учитывая характер доработки Томск. в начале 1563 г., который носил явно не церковный характер (вставка рассказа о начале Ливонской войны), можно предположить, что интерес к СК проявили, по всей видимости, не церковные власти (или, во всяком случае, вставка 18 гл. 17 ст. была ориентирована на светскую власть, очевидно, заинтересованную в представлении внешнеполитических успехов новейшего времени в памятнике исторической мысли; подробнее этот вопрос нами будет рассмотрен ниже). Если это действительно так, то становится понятной спешка в работе над Чуд. — по-видимому, осознавая незавершенность работы над СК, создававшие ее книжники в короткий срок стремились снять копию с Томск.[297] (который содержал более полный и исправный текст чем Волк.) в связи с тем, что уже стало известно о намерении его изъять. Данная гипотеза, впрочем, требует дополнительных аргументов.

2.4. Итоги

Как видим, текст СК создавался в достаточно сжатые сроки. Со значительной долей условности создание ее основного текста

---

[297] В связь с этим можно поставить уже упомянутую выше гипотезу А. В. Сиренова о том, что Чуд. списывался с Томск., вероятно, с привлечением Волк. Так, в целях повышения темпов работы над Чуд. разные его писцы могли получить для копирования как тетради Томск., так и Волк., создавая тем самым одновременно различные части Чуд. В связь с этим нашим предположением можно поставить наблюдения О. Д. Журавель. Исследовательница, проанализировав почерка писцов древнейших списков СК, отметила явные следы спешки в написании Чуд., для создания которого был привлечен ряд писцов, число которых гораздо больше, чем число писцов Томск. (см.: *Журавель О. Д.* Кодикологические наблюдения...). Можно предположить, что бóльшее число кописто́в, привлеченных к написанию Чуд. (в сравнении с Томск.) могло обусловливаться спешкой в работе над рукописью: в целях экономии времени к его созданию было привлечено значительно бóльшее число писцов, чем к написанию Томск.

(по 17 ст. включительно, без 18 гл. 17 ст.) можно отнести ко времени не ранее 1556 г.—1561–1562 гг. На начало 1563 г. приходится вставка повествующей о начале Ливонской войны 18 гл. 17 ст. и, вероятно, создание либо всего Чуд., либо, по крайней мере, 17 ст. в этом списке). Важно отметить, что между данными этапами, судя по всему, не было больших хронологических промежутков. Так, результаты анализа филиграней Волк., Томск. и Чуд. свидетельствуют, что бумага, оставшаяся от Волк. (со знаком «сфера» с литерой «М» 2-х видов), была использована в Чуд.; отдельные листы партии бумаги, на которой писался Томск. (со знаком «кабан» 2-х видов), также были использованы в Чуд. Это, на наш взгляд, указывает на то, что временные промежутки между написанием Волк., Томск. и Чуд. были не слишком продолжительными, поскольку в скриптории, в котором они писались, сохранялось некоторое количество листов бумаги, оставшихся после создания Волк. и Томск., которые использовались при создании Чуд.

Сказанное выше дает основания полагать, что процесс создания написанной в достаточно сжатые сроки (не ранее 1556—около 1561–1562 гг., вставки начала 1563 г.) СК состоял из следующих этапов:

1) создание и редактирование Волк.;

2) написание на его основе Томск. (по 16 ст., без 25 гл.);

3) дополнение Томск. Сказанием о Данииле Переяславском и основным текстом 17 ст., написание основного текста Чуд.;

4) вставка 18 гл. 17 ст. в Томск. и Чуд.;

5) редактирование Волк. и Чуд. независимо от Томск., который также дорабатывался.

Выявление этих этапов дает возможность представить работу над текстом древнейшей редакции СК следующим образом. Можно полагать, что первоначальный вариант СК, судя по всему, отраженный в Волк. (его начали писать, по-видимому, во второй половине 50-х гг. XVI в., не ранее 1556 г.), должен был доводить повествование о русской истории до кончины Василия III. Есть веские основания полагать, что рассказ о времени правления первого русского царя в памятнике появился не сразу. Очевидно, повествуя о современных ему событиях, составитель СК воспользовался летописным источником, близким к Своду 1560 г., из которого он заимствовал описания событий рубежа 50—60-х гг. XVI в. Учитывая то, что на заключительном этапе было внесено и Сказание о Данииле Переяславском, написанное явно монахом, можно полагать, что основной текст

СК по 17 ст. включительно был написан не ранее 1561—1562 гг. На начало 60-х гг. косвенно указывает и отсутствие упоминаний в памятнике к этому времени утративших милость царя А. Ф. Адашева и Сильвестра[298]. Очевидно в начале 1563 г. (вероятно, в связи с удачным походом на Полоцк) работа над СК была форсирована — в ее текст был включен рассказ о начале Ливонской войны; после этого с Томск. спешно была снята копия (Чуд.). Затем Томск. был изъят из скриптория, в котором СК создавалась. Осознавая незавершенность работы над памятником, книжники продолжили его доработку путем редактирования имеющихся в их распоряжении Волк. и Чуд. Вероятно, окончание работ над СК (в Волк. и Чуд.) следует относить к периоду до 31 декабря 1563 г. Судя по всему, в следующем году Андрей-Афанасий, занявший кафедру после смерти своего покровителя, по пока неясным причинам отказался от продолжения работы над СК, которая так и осталась незаконченной.

---

[298] Подробнее о персонажах, упоминаемых в 17 ст., см.: *Усачев А. С.* История царствования Ивана Грозного в Степенной книге // Общество, государство, верховная власть в России в Средние века и раннее Новое время в контексте истории Европы и Азии (X—XVIII столетия): Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика Л. В. Черепнина, Москва, 30 ноября — 2 декабря 2005: Тезисы докладов и сообщения. М., 2005. С. 79—81.

Глава 3

ИСТОЧНИКИ

Результаты предпринятого в первой главе разбора посвященной СК литературы показали, что большинство ее источников уже установлено нашими предшественниками. Вместе с тем источники ряда сообщений памятника остаются неизвестными. Попытка прояснить вопрос об их происхождении и будет предпринята в данном разделе работы. Он посвящен заполнению лакун в изучении состава источников СК и особенностей их правки ее составителем.

Для последующего изложения важно отметить, что специальные труды, в которых рассматривались источники СК (работы Н. С. Державина, Н. Ф. Околовича, В. В. Кускова и У. Барнетта), были построены в форме комментированного перечня разделов произведения. Это дало нашим предшественникам возможность показать особенности правки источников СК при включении их материала в ее текст. Сходным образом будет построено рассмотрение источников СК и в готовящихся комментариях к новому изданию. Сказанное выше избавляет нас от необходимости представления итогов нашего исследования источников СК в виде тотального разбора ее степеней и глав[1]. Это позволяет нам обратиться к изучению источников памятника не в порядке следования их известий в нем, а по группам источ-

[1] Этот разбор нами был осуществлен: в ходе изучения источников СК был проведен сравнительный анализ известий ее источников, установленных в историографии, с соответствующими фрагментами памятника. Результаты исследования этого вопроса дали возможность выявить совокупность сообщений СК, источники которых не удалось обнаружить нашим предшественникам. Попытка прояснить вопрос о происхождении этих известий и предпринимается в настоящей главе.

ников, которые использовались далеко не всегда в порядке следования соответствующих сообщений в их тексте или в тексте СК. По ходу изложения будут даваться пояснения относительно специфики правки обнаруженных нами источников, а также (в случае необходимости) и особенностей редактирования источников, установленных нашими предшественниками.

Прежде чем перейти непосредственно к разбору источников СК, сделаем ряд предварительных замечаний.

Рассматривая помещенное в СК Житие Ольги, З. А. Гриценко скептически отнеслась к самой возможности восстановления состава источников произведения. Исследовательница, отметив «широкую осведомленность автора [СК. — *А. У.*] в летописном и агиографическом наследии его предшественников», указала на то, что «трудно найти какой-то конкретный источник для Степенной книги»[2]. Можно ли вообще определить источники такого компилятивного памятника, как СК?

Отмеченная в литературе определенная близость СК к летописям дает основания воспользоваться разработанной А. А. Шахматовым методикой текстологического анализа летописей. В концентрированном виде она изложена Д. С. Лихачевым[3]. Основу текстологической работы с летописями и близкими к ним произведениями составляет сличение текстов. При этом на первый план выступает не анализ разночтений в узком смысле этого слова, а рассмотрение состава памятника. Анализ орфографических разночтений при этом вторичен — после проведения сравнения состава текстов он может служить дополнительным материалом для проверки и уточнения выводов, полученных при сопоставлении. Кроме того, значение анализа разночтений в процессе определения источников СК снижается отмеченной Е. Е. Голубинским особенностью работы ее составителя с летописным материалом. Историк Церкви справедливо указал на то, что создатель СК в целом ряде случаев стремился не к «дословному воспроизведению» летописных записей, а к их «более или менее свободному изложению»[4]. Поэтому в основу изучения источни-

---

[2] *Гриценко З. А.* Литературные памятники о княгине Ольге XII—XVII вв. (история текста, становление жанров, стиль): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. С. 116.

[3] *Лихачев Д. С.* Текстология (на материале русской литературы X—XVII вв.). СПб., 2001. С. 347—393.

[4] *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. 2, 2-я половина. С. 194.

ков СК будет положен сравнительный анализ содержания ее текста с известиями наиболее близких к ней трудов.

При подобном исследовании важно очертить круг произведений, привлекаемых к сопоставлению. А. А. Шахматов, отметив, что «замыкаясь в одном каком-либо памятнике, исследователь никогда не получит возможности определить его состав и происхождение», указал на то, что «единственно надежным путем должен быть признан путь сравнительно-исторический»[5]: сличение изучаемого текста с целым рядом наиболее близких к нему сочинений. Это побуждает предельно расширить круг сравниваемых с СК произведений за счет включения в него крупнейших летописных, агиографических и других предшествующих и современных ей памятников. О каких именно произведениях может идти речь?

В историографии было высказано мнение об использовании при написании СК Ник. и Воскр., СІ, ряда агиографических произведений (Киево-Печерского патерика, Житий Владимира, Евфросинии Полоцкой, Никиты Переяславского, Леонтия Ростовского, Всеволода Псковского, Сказания и Чтения о Борисе и Глебе, «Памяти и похвалы» Иакова Мниха, «Слова о знамении святыи Богородици», Сказания об иконе Владимирской Богоматери), «Слова о князьях», «Слова о законе и благодати». Кроме того, необходимо сличить текст СК с другими современными и предшествующими ей памятниками (сочинениями Максима Грека, Иосифа Волоцкого, И. С. Пересветова, КИ, циклом произведений, образующих «Сказание о князьях Владимирских», Чином венчания, Домостроем, памятниками церковного права и др.). В ряде случаев будут привлекаться произведения переводной литературы.

Сравнение этих сочинений с СК будет проводиться: 1) путем поиска текстуальных параллелей; 2) посредством выявления тематической близости. Кроме того, в настоящей работе будет развита предложенная Н. Ф. Околовичем и разработанная В. В. Кусковым методика сравнительного анализа текста СК и ее источников. Ее суть заключается в попытке выявить особенности редактирования вошедших в СК фрагментов ее источников, а также установить их связь со взглядами книжника макарьевского круга на прошлое и настоящее[6]. В работе данная методика бу-

---

[5] *Шахматов А. А.* Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси Северо-Восточной». СПб., 1899. С. 16.

[6] Как было показано в первой главе работы, в посвященной СК литературе были выявлены особенности правки части источников СК при включении

дет применена как к известным источникам СК, так и к тем памятникам, которые нашими предшественниками с ней не связывались.

Исследование будет основана на последнем научном издании СК (2007—2008 гг.)[7]. В случае необходимости наряду с публикацией будут привлекаться чтения Волк., Томск. и Чуд., а также случаи редакторской правки в этих списках (подобные случаи будут всегда оговариваться)[8].

Как отмечалось в историографии, источники СК отличаются разнородностью. Среди них выделяют летописные, агиографические и иные произведения; также есть основания полагать, что к написанию СК были привлечены произведения, которые в настоящее время не сохранились или списки которых еще не найдены. Для удобства изложения материала источники СК будут рассматриваться по группам[9].

Итак, обратимся к памятникам, к которым могут быть возведены известия, источники которых нашим предшественникам установить не удалось.

их в ее текст — Житий Ольги (А. И. Соболевский, И. В. Курукин), Всеволода Псковского (В. И. Охотникова), Даниила Переяславского (С. И. Смирнов) и т. д. Специфика редактирования ряда других источников памятника, вошедших в него полностью или в более или менее значительных фрагментах, специально не рассматривалась.

[7] Степенная книга. Т. 1—2.

[8] Особое внимание будет уделяться анализу правки древнейших списков СК по 6 ст. включительно. Значение этого раздела СК обусловливается тем, что сохранилась лишь первая часть ее древнейшего списка — Волк., к которому восходят Томск. и Чуд.; первый список в части XVI в. доведен до описания событий рубежа XII—XIII вв. Волк. содержит многочисленные случаи правки. Результаты их анализа позволяют более полно представить механизмы работы книжника и редактора с текстом своих источников, а также особенности изображения русской истории домонгольского периода, в то время как описание событий XIII—середины XVI в. представлено лишь в более поздних списках СК Томск. и Чуд. Последние, несмотря на ряд случаев правки, содержат уже своего рода «итоговый» текст произведения. Это в свою очередь существенно ограничивает возможность изучения процесса оформления его текста и представленной в нем историко-политической концепции, побуждая нас обратить особое внимание на текст СК по 6 ст. включительно.

[9] В представленном ниже разборе специально будут охарактеризованы не все источники СК: в работе особое внимание уделяется изучению источников, выявленных нами. Источники, установленные нашими предшественниками, специально будут рассматриваться лишь в тех случаях, когда их наблюдения требуют дополнений или пересмотра. Итоги реконструкции всех источников памятника, выполненной с учетом наблюдений, сделанных в литературе, и наших собственных, будут представлены в виде перечня источников СК в конце данной главы.

3.1. Памятники агиографии

Общеизвестно, что в СК был включен целый ряд произведений древнерусской и переводной житийной литературы. Их круг в целом был определен нашими предшественниками. Это дает нам возможность сосредоточить свое внимание на рассмотрении тех агиографических источников СК, которые были неизвестны в историографии, и тех, использование которых в ней было изучено, на наш взгляд, недостаточно. Для удобства изложения сначала будут рассмотрены произведения, которые в СК вошли полностью или почти полностью, а затем те, которые привлекались в более или менее значительных фрагментах или в изложении.

Произведения, посвященные митрополиту Петру

2—4 гл. 10 ст. повествуют о митрополите Петре. 3 гл., являющаяся своего рода введением к помещенному в следующей главе Житию Петра, по-видимому, написана составителем СК — в ней отсутствует новый (по сравнению с его источниками — Ник., Воскр., Житием митрополита Петра) материал[10]. Как следует из заголовка 4 гл. («Житие и подвизи... списано Киприановомъ...»), ее источником послужила Киприановская редакция Жития[11]. Текст источника внесен в СК без каких-либо существенных изменений. Пожалуй, наибольший интерес в историографии вызывал сюжет о явлении снежной горы Ивану Калите, который помещен во 2 гл. 10 ст.[12] Рассмотрим его подробнее.

В описании видения снежной горы Калите составитель СК ссылается на «чудное сказание», помещенное в неких «повестях»[13]. Как указала Р. А. Седова, в конце XV в. существовало две версии данного сообщения. Согласно первой, помещенной в Сказании «некоего любомудреца» Кифы, видение имело место наяву, в то время как в другой версии, отраженной в Волоколамском патерике, видение было послано Ивану Калите во время сна[14] (аналогичный пассаж содержится и в Житии Пафну-

[10] Степенная книга. Т. 1. С. 566—567.

[11] Там же. С. 567—581; *Седова Р. А.* Святитель Петр... С. 76—87.

[12] Основной текст 3 гл. возводим к памятникам летописания и Житию Петра.

[13] Степенная книга. Т. 1. С. 562.

[14] *Седова Р. А.* Святитель Петр... С. 111. Как отметила Р. А. Седова (Там же), Кифа располагал двумя источниками — устным рассказом и иконописным образом.

тия Боровского[15], которое было написано несколько позднее — в первой четверти XVI в., возможно, под влиянием Волоколамского патерика). Вероятно, на эти два рассказа книжник и ссылается в 2 гл. 10 ст. Известие включено в версии Сказания Кифы[16]. Как отметила Р. А. Седова, в СК оно обрастает новыми подробностями — в частности, указанием на то, что видение было явлено Ивану Калите во время его поездки верхом вдоль р. Неглинной[17]. Можно предложить два возможных объяснения различий между рассказами Кифы и 2 гл. 10 ст.: 1) отсутствующие в Сказании детали были дополнены составителем СК; 2) они могли содержаться в третьей (более близкой к СК, чем Сказание Кифы и фрагмент Волоколамского патерика) версии рассказа. Накопленный в специальной литературе материал позволяет считать такую гипотезу вполне допустимой. Так, в историографии было отмечено бытование наряду с литературной и иконописной версии данного сюжета, представленной в ряде памятников изобразительного искусства, хронологически предшествовавших СК[18]. Нельзя исключить и того, что мог существовать его устный вариант (во всяком случае, Кифа ссылается на то, что о данном событии «глаголют неции»[19]). Таким образом, к моменту создания СК существовало как минимум две версии данного рассказа, а также его изобразительное воплощение и, возможно, устный вариант. Все это побуждает нас отказаться от версии об измышлении данного фрагмента составителем СК.

Житие митрополита Алексия

Как указал еще В. О. Ключевский, в основу степенной редакции Жития митрополита Алексия (7 гл. 11 ст.) положена Пахомиева (2-я редакция), сведения из которой дополнены материалом 3-й редакции, помещенной в Ник.[20] Б. М. Клосс отметил,

---

[15] *Кадлубовский А. П.* Житие преподобного Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным // Сборник Историко-филологического общества при Институте кн. Безбородко в Нежине. Нежин, 1899. Т. 2. С. 134.

[16] Древнерусские патерики (Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик). М., 1999. С. 96.

[17] *Седова Р. А.* Святитель Петр... С. 112, примеч. [7].

[18] Сюжет запечатлен по крайней мере на двух иконах конца XV—первой половины XVI в., см.: *Седова Р. А.* Святитель Петр... С. 150, 158.

[19] Там же. С. 122.

[20] Подробнее о рукописной традиции Жития митрополита Алексия см.: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых... С. 132—140; *Прохоров Г. М.* Житие Алексея митрополита. С. 243—245.

что наряду с Ник. дополнительным источником 7 гл. 11 ст. послужило Житие Сергия Радонежского, фрагменты которого представлены в 13, 31 тит. 7 гл. 11 ст.[21] Также, вероятно, Житие Сергия использовалось и в известии о смерти Алексия в 5 гл. 12 ст. — там содержится указание на то, что этот святитель перед смертью безрезультатно просил Сергия занять кафедру[22].

В. В. Кусков, сравнив тексты источников 7 гл. 1 ст. с помещенным в СК Житием, установил, что дополнения составителя носили характер уточнений, призванных более тесными узами, чем это делалось прежде, связать деятельность митрополита Алексия с московскими князьями[23]. Очевидно, этим обстоятельством и обусловливается вставка в 5 гл. 12 ст. указания на то, что Алексий входил в число «советников» и «собеседников» великого князя московского Дмитрия Ивановича (наряду с некоторыми прочими известными деятелями Церкви второй половины XIV—начала XV в.): «Дарова Богъ благиа съвѣтники и нелестнии събесѣдници, богоносныя отци и учители: великаго въ святителехъ преосвященнаго митрополита и чюдотворца Алексиа, и преподобнаго игумена Сергиа, и Кириила Бѣлозеръскаго, и Димитрия Прилуцкаго чюдотворца, и прочихъ многихъ, тогда в чюдесѣхъ просиавшихъ святыхъ отець...»[24]. Данная вставка не требовала привлечения дополнительного источника, т. к. факт влияния митрополита Алексия на управление Московским княжеством в годы малолетства Дмитрия был известен по летописным и агиографическим источникам[25] (опре-

---

[21] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. М., 1998. С. 259. Б. М. Клосс, указав на конкретные случаи заимствований, развил уже высказанное в литературе мнение (см.: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых... С. 245; *Прохоров Г. М.* Житие Алексея митрополита. С. 244) о том, что Житие Сергия было привлечено к написанию степенной редакции Жития Алексия.

[22] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. С. 368—369, 406—407.

[23] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 182. В наиболее развернутом виде данная идея представлена в работе Д. Ю. Кривцова, см.: *Кривцов Д. Ю.* Рассказ Степенной книги... С. 67—84.

[24] Степенная книга. Т. 2. С. 50.

[25] Например, в Ник. указано, что Дмитрий Иванович совместно с «отцем своим пресвященным Алексѣем» пригласил Михаила Тверского в Москву; в этой же летописи также отмечено, что даже на смертном одре митрополит Алексий «не преста учить слову Божию и возводя всех на путь покаяния» (см.: ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 8, 34). Житие Алексия редакции Пахомия упоминает предсмертную речь Алексия Дмитрию Ивановичу, «наказавшего» московскому князю «словесы духовными о всяцем благочестии» (см.: *Кучкин В. А.* Из литературного наследия Пахомия Серба (Старшая редакция жи-

деление степени этого влияния — самостоятельная исследовательская задача, не имеющая непосредственного отношения к вопросу об источниках СК[26]).

Вероятно, Житие митрополита Алексия было использовано и в 4 гл. 11 ст. Так, наряду с кратким упоминанием первого прихода святителя в Орду при хане Джанибеке и исцеления Тайдулы, которое есть в летописях[27], в данном разделе СК помещено указание на второй приход в Орду Алексия, «утолившего» гнев хана Бердибека. Последнее известие отсутствует в памятниках летописания, но содержится в Житии Алексия[28].

«Сказание отчасти жития» митрополита Ионы

В 19 гл. 14 ст. СК помещено «Сказание отчасти жития» митрополита Ионы[29]. Согласно предположению В. В. Кускова, принявшего предложенную В. О. Ключевским классификацию редакций Жития митрополита Ионы (о ней ниже), в основу степенной редакции жизнеописания Ионы было положено «Слово похвальное» этому святителю, помещенное в ВМЧ. Материал «Слова», по мнению исследователя, был дополнен летописными данными[30]. Однако, принимая во внимание материал, доступный исследователю начала XXI в., нельзя не заметить, что данный взгляд нуждается в пересмотре. Не углубляясь в рассмотрение фактов биографии митрополита Ионы, разбору которой в последние годы был посвящен целый ряд специальных работ[31], обратимся к рукописной традиции Жития этого первосвя-

---

тия митрополита Алексия) // Источники и историография славянского средневековья. М., 1967. С. 250). По всей видимости, близкий к митрополиту Макарию книжник — составитель СК — при описании Алексия воспроизводит содержащееся в Ник. (также созданной при митрополичьей кафедре) представление о весомой роли этого святителя в период правления Дмитрия Ивановича.

[26] В обобщенном виде основные факты биографии митрополита Алексия см.: *Турилов А. А., Седова Р. А.* Алексий, святитель, митрополит всея Руси // ПЭ. Т. 1. М., 2000. С. 637—648.

[27] См. запись Ник. и Воскр. под 6865 г. (ПСРЛ. Т. 10. М., 2000. С. 229; Т. 8. М., 2001. С. 10).

[28] Подробнее об этом фрагменте СК см.: *Кривцов Д. Ю.* Рассказ Степенной книги... С. 67—84.

[29] Степенная книга. Т. 2. С. 190—216.

[30] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 236—237.

[31] См.: *Белякова Е. В.* К истории учреждения автокефалии русской церкви // Россия на путях централизации: Сб. ст. М., 1982. С. 152—156; *Казако-*

тителя и попробуем прояснить вопрос об источниках рассказа о нем в СК.

Начало изучению Жития митрополита Ионы было положено в магистерской диссертации В. О. Ключевского. Он выделил три редакции памятника. Первая[32] (помещенное в ВМЧ под 31 марта «Слово похвальное иже в святых отцу нашему Ионѣ митрополиту киевьскому и всея Русии чюдотворцу, списано бысть в лѣто 7055 повелѣнием благочестиваго царя великаго князя Ивана Василиевичя всея Русии самодеръжца и благословением преосвященаго Макария митрополита всея Русии»[33]), как следует из текста ее заглавия, была создана «повелением» митрополита Макария в 1547 г. «Слово похвальное», согласно В. О. Ключевскому, послужило основным источником второй редакции Жития митрополита Ионы, помещенной в СК[34]. К последней, по мнению В. О. Ключевского, восходит т. н. третья редакция («Повесть имат сказание собрано отчасти житиа и чюдотворениа иже во святых отца нашего Ионы митрополита всея Русии. В нем же нечто имат о уложении празнества руских чюдотворцов, о прочих знаменосных митрополитех, о великих князех, и яко въскоре Божии суд постиже отступников истиннаго православиа, греческаго царя и патриарха, иже латынскому собору приобщишася, и како благоразумныи великии князь Василеи Васильевич от ереси латынские деръжаву свою свободи и о подвизе его, иже показа о православии»[35]). Время ее соз-

---

ва Н. А. Известия... С. 92—102; *Ломизе Е. М.* Письменные источники сведений о Флорентийской унии на Московской Руси в середине XV в. // Россия и христианский Восток. Вып. 1. М., 1997. С. 69—85; *Кистерев С. Н.* Источники о пребывании рязанского епископа Ионы в Константинополе // Россия и Христианский Восток. М., 2004. Вып. 2—3. С. 41—68; *Lenhoff G.* The Cult of the Metropolitan Iona... P. 120—141; *Тарасов А. Е.* Возвышение митрополита Ионы (Из истории церковно-политической борьбы во второй четверти XV в.) // Вестник МГУ. Серия 8: История. 2005. № 2. С. 97—118; *Абеленцева О. А.* Митрополит Иона и установление автокефалии русской церкви. М.; СПб., 2008.

[32] Как позднее установила Е. В. Белякова (см.: *Белякова Е. В.* Об одном источнике жития митрополита Ионы // Архив русской истории. Вып. 2. М., 1992. С. 171—178), в «Слове похвальном» были использованы подготовительные материалы (записи о ряде чудес митрополита Ионы), которые отразились в сводной Кормчей митрополита Даниила.

[33] ВМЧ. Март. Дни 26—31. Freiburg, 2001. С. 1901—1911.

[34] *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых... С. 241—242.

[35] См.: ОР РНБ. Ф. 717 (Соловецкое собрание). № 510/529. Л. 275 об. Здесь и далее ссылки на третью редакцию Жития митрополита Ионы будут производиться по нашей публикации, в основу которой положен ее древнейший список (Соловецкий), см.: *Усачев А. С.* Житие митрополита Ионы... С. 17—60.

дания исследователь относил к последним годам жизни митрополита Макария[36]. Третья редакция Жития сохранилась в четырех списках XVI—XVII вв.[37] — Соловецком, Академическом, Мазуринском и Коллекции рукописных книг[38]. Мнение В. О. Ключевского о характере взаимоотношения редакций Жития митрополита Ионы закрепилось в историографии[39].

Учитывая близость второй (степенной) и третьей редакций Жития митрополита Ионы, к мнению о характере их взаимоотношений, высказанному В. О. Ключевским, можно было бы присоединиться, если бы не два обстоятельства.

Во-первых, как показали итоги кодикологического анализа ркп., содержащей древнейший список памятника — Соловецкий, ее создание следует относить к 50—60-м гг. XVI в.[40] Как

---

[36] В. О. Ключевский (см.: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых... С. 242), отметив датирующее значение известия о возвращении образа св. Николы на Вятку (лето 1556 г.), время создания третьей редакции Жития митрополита Ионы отнес к последним годам жизни митрополита Макария (т. е. к достаточно широкому хронологическому диапазону: 1556—1563 гг.).

[37] В. О. Ключевскому был известен список Жития XVIII в., по которому он опубликовал его фрагмент, повествующий о новых чудотворцах, канонизированных на соборах 1547—1549 гг. (см.: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых... С. 460—463, прил. IV). Современное местонахождение этого списка неизвестно.

[38] ОР РНБ. Сол. № 510/529; ОР БАН. Арх. (Архангельское собрание). Д. 64; РГАДА. Ф. 196. № 521; Архив СПбИИ. Ф. 115 (Рукописная книга). № 129. Соловецкий список указан Я. С. Лурье (см.: *Лурье Я. С.* Житие Ионы // СККДР. Вып. 2, ч. 1. С. 270—273); Академический и Мазуринский списки ввела в научный оборот Е. В. Белякова (см.: *Белякова Е. В.* Об одном источнике... С. 177). Последний список был обнаружен нами, к сожалению, лишь после предпринятой нами публикации этой редакции Жития. Список относится к рубежу XVI—XVII вв. Для ркп., содержащей данный список, характерна филигрань «кувшин» с литерами «P» и «R», тип: Briquet, № 12802 (1594 г.); Гераклитов, № 417 (1600 г.).

[39] См.: *Лурье Я. С.* Житие Ионы. С. 270—273; *Белякова Е. В.* Об одном источнике... С. 171—178; *Teiro E.* La chaire métropolitaine en pays russe (XIVe—XVIe siècles): version revue et augmentée: Diss. Université Paris-Sorbonne, 2002. P. 479—485; *Творогов О. В.* О «Своде древнерусских житий» // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 33.

[40] ОР РНБ. Сол. № 510/529. Минея на март. 1°. Учитывая отсутствие ранних записей в данной ркп., при ее датировке приходится полагаться на результаты обследования водяных знаков ее бумаги, которые указывают на этот период. Ркп. имеет следующие филиграни: 1) «гербовый щит» XVII в. (переплетные л. I, 320 об.; на др. листах ркп. данный водяной знак не фиксируется) — сходные не обнаружены; 2) «ваза с цветами» (л. 1; на др. листах ркп. данный водяной знак также не просматривается) — тип: Лихачев, № 1774

уже нами отмечалось выше, судя по всему, древнейшая редакция СК, в которую помещена вторая редакция Жития Ионы, создавалась примерно в этот же период. На это указывают результаты представленного нами выше рассмотрения вопроса о времени создания древнейших списков памятника и итоги разбора датирующих указаний в его тесте. К числу признаков, датирующих время появления Соловецкого списка Жития, можно отнести установленный нами характер взаимоотношения списков третьей редакции, которые, судя по всему, восходят к не дошедшему до нас протографу[41]. Таким образом, созданный в 50—60-е гг. Соловецкий список, по-видимому, не являлся древнейшим списком третьей редакции.

Во-вторых, следует обратить внимание на начало названия помещенной в СК второй редакции — «Сказание отчасти жития...». Есть основания полагать, что создатель второй редакции рассматривал ее как сокращение своего источника — некоего более пространного Жития митрополита Ионы. Судя по всему, слово «отчасти» (Сказание/Житие и т. д.) в СК вполне определенно говорило о характере переработки (в основном за счет сокращения) того или иного ее источника. Так, степенная редакция Жития Всеволода Псковского («Отчасти жития и дивная чюдеса...») в 9 гл. 5 ст., как было установлено в историографии, представляла собой сокращенную (а в ряде случаев дополненную летописным материалом) редакцию Жития этого святого, написанную Василием-Варлаамом[42]. На это прямо указывает и текст 9 гл.[43] Составитель СК обращает внимание читателя и на сокращенный характер версии Сказания о Владимирской Богородичной иконе, помещенной в 12 гл. 6 ст. («...и отчас-

---

(1556 г.), № 2850 (около 1560 г.); 3) «сфера» со звездой (л. 100, 102 и др.) — тип: Лихачев, № 1836 (1557/58 г.), № 1839 (1562 г.), № 3173 (1560 г.); Briquet, № 14008 (1559 г.). Наиболее подробные описания данной ркп. см.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Ч. 2. Казань, 1885. С. 423—430. № 628 (510); *Усачев А. С.* Житие митрополита Ионы... С. 13.

[41] *Усачев А. С.* Житие митрополита Ионы... С. 12.

[42] Подробнее о характере переработки Жития Всеволода Псковского редакции Василия-Варлаама в СК см.: *Охотникова В. И.* 1) Житие Всеволода-Гавриила... С. 484—503; 2) Псковская агиография. Т. 1. С. 121—138; *Усачев А. С.* Источники... С. 287—291.

[43] «Многая же его неисчетная чюдеса кто можетъ сказати или исписати, елика же нѣции потщашяся отчасти снискати и писанию предати, и сиа въ инои книзѣ в житии его обрящеши», см.: Степенная книга. Т. 1. С. 429.

ти чюдесъ ея...»), поясняя, что «здѣ же настоащее [чудеса, имевшие место от Владимирской иконы. — *А. У.*] въкратце мало да глаголется»[44]. Упоминание о приведении текстов источников СК «отчасти» (т. е. в сокращенном виде) характерно и для ряда других разделов (Чудеса Александра Невского и т. д.). В пользу нашего предположения, что под определением «отчасти» книжник подразумевал сокращение своих источников, говорит и то, что Жития, вошедшие в СК целиком (или с крайне незначительной правкой) — пространная редакция Жития Ольги, Житие Евфросинии Полоцкой редакции сборников[45] и т. д. — указания «отчасти» не содержат. Таким образом, есть все основания полагать, что помещенное в СК Житие митрополита Ионы представляет собой сокращенную редакцию более пространного памятника о нем. Это, в свою очередь, плохо согласуется с предположением В. О. Ключевского о восхождении степенной редакции Жития к «Слову похвальному» — даже самого поверхностного взгляда на «Слово похвальное» и Житие митрополита Ионы в 19 гл. 14 ст. достаточно, чтобы понять, что по своему объему скорее вторая редакция может рассматриваться в качестве сокращенного варианта первой, но никак не наоборот. Принимая во внимание значение определения «отчасти» в СК, можно полагать, что вторая редакция восходила к иному Житию митрополита Ионы. Кроме третьей редакции, иных крупных произведений, посвященных этому святому, в рассматриваемый период не фиксируется.

Таким образом, учитывая датировку древнейшего списка третьей редакции Жития Ионы (Соловецкого), время написания СК, а также указание ее составителя на сокращенный характер приведенного в 19 гл. 14 ст. материала по сравнению с текстом его источника, можно полагать, что т. н. третья редакция не могла создаваться на основе текста т. н. второй, которая фиксируется в древнейших списках СК (Томск. и Чуд.; древнейшая часть Волк. доведена до 6 ст.) во второй половине 50-х—начале 60-х гг. XVI в. Есть все основания заключить, что характер связи второй и третьей редакций был обратным тому, который предполагал В. О. Ключевский, незнакомый с Соло-

---

[44] Степенная книга. Т. 1. С. 460, 463.

[45] «Житие святыя блаженныя и равноапостольныа и въ премудрости пресловущиа великиа княгини Ольги...», «Житие и подвигъ блаженныа и преподобныя Еуфросинии...», см.: Там же. С. 149, 433.

вецким списком Жития. По всей видимости, т. н. третья редакция послужила источником второй, которую, таким образом, следует определять как «третью» (лишь во избежание путаницы в настоящей работе используются принятые в историографии названия редакций Жития, введенные в научный оборот еще В. О. Ключевским). Когда же создавалась третья редакция Жития митрополита Ионы?

Отвечая на этот вопрос, необходимо учитывать три обстоятельства: хронологически наиболее поздние известия произведения, датировку Соловецкого списка и время составления СК, при создании которой данная редакция использовалась. Наиболее поздними известиями памятника являются: повествование об учреждении казанской кафедры и избрании первого архиепископа, имя которого не указано (февраль 1555 г.), известие о закладке Покровского собора в столице (июль 1555 г.), а также рассказ о перенесении образа Николы Великорецкого в Москву (июнь 1555 г.) и его возвращении на Вятку (август 1556 г.). Итоги рассмотрения текста и древнейших списков СК указывают на вторую половину—конец 50-х гг. как время начала работ над ней (согласно нашим наблюдениям, основной текст СК был написан к началу 60-х гг. XVI в.). Таким образом, третья редакция к этому времени уже существовала. Учитывая то, что последнее известие в Житии датируется летом 1556 г., а во второй половине 50-х гг. Житие было привлечено к составлению СК, можно полагать, что памятник был создан вскоре после лета 1556 г. (возможно, в этом же году). Сказанное выше дает основания полагать, что, по всей видимости, написание т. н. третьей редакции Жития митрополита Ионы следует относить ко времени около 1556 г. Данному предположению не противоречит и датировка мартовской минеи, в которую помещен Соловецкий список: 50—60-е гг. XVI столетия.

Время написания и также близость текста третьей редакции Жития митрополита Ионы к СК побуждают рассматривать данный памятник в качестве ее источника. В каком виде он вошел в 19 гл. 14 ст.?

Как следует из названия степенной редакции Жития митрополита Ионы («Сказание отчасти жития, иже во святых отца нашего Ионы митрополита всея Руси...»), она представляет собой сокращенный вариант Жития этого святого. Результаты сравнительного анализа текстов второй и третьей редакций указывают на то, что третья редакция в «Сказание» действительно вошла в сокращенном виде. Так, в СК не был включен обшир-

ный фрагмент Жития, повествующий о новых чудотворцах («и сего же блаженнаго отца нашего мнози поведаху добродетели же и чюдодеиствиа... нечто о нех прозревшу, да не без нас съвершени будуть»)[46]. Очевидно, этот отрывок был пропущен в силу того, что он не имел непосредственного отношения к жизнеописанию святого, которому была посвящена 19 гл. 14 ст.

Как показывают итоги наблюдений над текстом степенной редакции, она почти исключительно повествует о митрополите Ионе. В помещенное в СК «Сказание» включены содержащиеся в третьей редакции биография митрополита Ионы, описание его чудес и Похвала святому[47]. Результаты наблюдений над текстами второй и третьей редакций дают возможность выявить ряд пропусков в тексте Жития, которые были допущены составителем СК при его включении в «Сказание».

К их числу относятся следующие рассказы: о явлении ангела митрополиту Фотию перед его смертью, о примирении этим святителем Василия II и Юрия Галицкого, об отравлении Дмитрия Шемяки, о митрополитах Киприане и Феогносте, о смерти митрополита Филиппа, об основании Покровского собора[48]. В 19 гл. 14 ст. значительно сокращен рассказ третьей редакции Жития митрополита Ионы о перенесении образа Николы Великорецкого; пропущен и ряд деталей, связанных с Ферраро-Флорентийским собором (речь московского князя Василия II Исидору перед его поездкой в Феррару, пространные речи Марка Эфесского латинским «гардиналам», рассказ о поставленном из Рима константинопольском патриархе Григории и т. д.)[49]. Как нетрудно заметить, все эти известия объединяет одно — они напрямую не касаются биографии митрополита Ионы. Очевидно, поэтому они и отсутствуют в его жизнеописании.

Ряд фрагментов, пропущенных в «Сказании» о митрополите Ионе в 19 гл. 14 ст., был использован в других разделах СК. Так, есть основания полагать, что третья редакция Жития (главки «О пришествии Сидора безумнаго на Москву и о суемысленом его соборе латынском», «О благом подвизе и страдании Марка митрополита Ефескаго», «О непотребстве Исидорове»)[50],

---

[46] *Усачев А. С.* Житие митрополита Ионы... С. 18—22.

[47] Там же. С. 22—60.

[48] Там же. С. 24—25, 37, 49, 50—51, 55—56.

[49] Степенная книга. Т. 2. С. 192—196, 212—213; *Усачев А. С.* Житие митрополита Ионы... С. 26—34, 53—57.

[50] *Усачев А. С.* Житие митрополита Ионы... С. 26—32.

судя по всему, послужила источником рассказа о Ферраро-Флорентийском соборе, помещенного в 7 гл. 14 ст.[51] Содержащиеся в нем чтения близки ряду памятников летописания[52] и полемической литературы (Сказанию Семиона суздальца[53], «Слову... еже на латину»[54]), а также «Слову похвальному» Ионе[55]. Однако третья редакция (так же как и СК) содержит известие, источник которого неясен, — рассказ о смерти императора Иоанна на корабле по пути в Константинополь сразу же после заключения Флорентийской унии (известно, что подписавший унию византийский император Иоанн VIII Палеолог (1425—1448 гг.) умер в Константинополе, получив известие о разгроме союзников Византии турками в битве на Косовом поле (1448 г.), т. е. через несколько лет после заключения Флорентийской унии[56])[57]. Таким образом, третья редакция является единственным известным памятником, содержащим данное известие. Поэтому, учитывая время ее создания, есть веские основания полагать, что именно она послужила источником соответствующих фрагментов СК.

К числу рассказов, которые, по всей видимости, также восходят к третьей редакции Жития митрополита Ионы, можно отнести описания пророчества митрополита Фотия относительно будущего занятия митрополичьей кафедры симоновским иноком Ионой[58] и явления ангела митрополиту Фотию перед его

---

[51] Степенная книга. Т. 2. С. 134—136.

[52] ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. М., 2001. Стб. 73—91; Т. 8. С. 100—106; Т. 20, ч. 1. М., 2005. С. 241—242, 244—251; Т. 25. М., 2004. С. 253—259.

[53] *Попов А. Н.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV в.). М., 1875. С. 340—344.

[54] Там же. С. 363—378.

[55] ВМЧ. Март. Дни 26—31. С. 1903—1904.

[56] См.: *Успенский Ф. И.* История Византийской империи XI—XV вв. Восточный вопрос. М., 1997. С. 623; История Византии. Т. 3. М., 1967. С. 185.

[57] Возможно, в Житии митрополита Ионы было использовано некое сказание, отразившееся, очевидно, в одном из полемических сочинений против латинян середины XV—первой половины XVI в. Во всяком случае, итоги просмотра ряда памятников хронографии и русских полемических сочинений против латинян, посвященных Ферраро-Флорентийскому собору, не дали возможности ответить на вопрос об источнике этого рассказа.

[58] Степенная книга. Т. 2. С. 160; *Усачев А. С.* Житие митрополита Ионы... С. 23. Данное известие также содержится и в первой редакции Жития Ионы. Однако, учитывая отсутствие в СК фрагментов «Слова похвального», которых бы не было в третьей редакции, использование «Слова» представляется возможным, но не доказанным. Поэтому, не исключая полностью возможности

смертью в посвященной его жизнеописанию 16 гл. 14 ст.[59] Прямую ссылку на Житие Ионы содержит и рассказ о его избрании на русскую митрополию в 11 гл. 14 ст.: сообщив о поставлении Ионы, книжник отмечает, что его «чюдесы Богъ прослави, **яко же въ житии его свѣдѣтельствуетъ о немъ**»[60] (выделено нами. — *А. У.*). Третья редакция действительно включает в себя описания целого ряда чудес этого святителя[61]. По всей видимости, Житие митрополита Ионы третьей редакции послужило и источником 12 гл. 14 ст., среди прочего передающей «пророчество двух святителей» — митрополита Ионы и новгородского архиепископа Ионы — об избавлении Руси в ближайшем будущем от власти Орды[62].

Как отметил В. В. Кусков, в основу рассказа о митрополите Киприане в 25 гл. 13 ст.[63] положена летописная запись Ник.

его использования в 14 ст., тем не менее, именно третью редакцию следует рассматривать как ее источник (в том числе и описания пророчества митрополита Фотия).

[59] Степенная книга. Т. 2. С. 162—163; *Усачев А. С.* Житие митрополита Ионы... С. 24—25.

[60] Степенная книга. Т. 2. С. 146.

[61] См.: *Усачев А. С.* Житие митрополита Ионы... С. 39—46, 48—49, 52—53, 57—59.

[62] Д. Миллер, специально не разбирая третью редакцию Жития митрополита Ионы, высказал мнение, что в 12 гл. 14 ст. было использовано Житие Ионы Новгородского («Воспоминание») (см.: *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... С. 341), созданное, вероятно, вскоре после смерти этого святителя Пахомием Сербом (см.: *Прохоров Г. М.* Митрополит Иона // СККДР. Вып. 2, ч. 2. Л., 1989. С. 175—176). Однако итоги сравнения текстов памятников убеждают в том, что в СК была использована третья редакция Жития митрополита Ионы. Так, если в «Воспоминании» при описании данного пророчества фигурирует один Иона Новгородский, то в СК и Житии митрополита Ионы оба святителя. В рассказах содержится и ряд чтений, которые побуждают сближать СК именно с версией, представленной в Житии митрополита Ионы, ср.:

Житие Ионы Новгородского	Житие митрополита Ионы	СК
—	«сия же и лицем к лицю самому великому князю Василью Василиевичю...»	«усты къ устомъ самому великому князю Василию Василиевичу...»
«свободу сынови твоему от ординьских царей приати от Бога...» (см.: БЛДР. Т. 7. СПб., 1999. С. 246)	«свободу от ординьских цареи и Рускому царству разспространение...» (см.: *Усачев А. С.* Житие митрополита Ионы... С. 43—44)	«свободу отъ ординьскыхъ цареи и всему ихъ Русьскому царствию распространение...» (см.: Степенная книга. Т. 2. С. 149)

[63] Степенная книга. Т. 2. С. 108—112.

под 6915 г.[64] Однако, как указал исследователь, в этой записи отсутствует содержащееся в СК упоминание о переводческой деятельности митрополита Киприана и написании им Жития митрополита Петра (В. В. Кусков полагал, что данную деталь мог внести сам составитель СК). Однако это сообщение содержится в кратком рассказе о митрополите Киприане в третьей редакции (в главке «О Киприане митрополите»)[65]. Вероятно, данная подробность и была позаимствована из этого источника в 25 гл. 13 ст.

Большое значение для изучения методов работы составителя СК и процесса создания ее текста имеет небольшой заключительный отрывок Похвалы митрополиту Ионе. Как отметил Н. Н. Покровский[66], при ее написании (текст Похвалы, согласно нашим наблюдениям, восходит к третьей редакции) книжник допустил примечательную описку. В помещенной в 19 гл. 14 ст. Похвале митрополиту Ионе составитель СК, вслед за своим источником[67], использует характерную для богослужебной литературы форму с «имярек» применительно к правящему на момент ее написания русскому государю (Ивану IV)[68]. При этом любопытно, что в соответствующем фрагменте, относящемся к митрополиту Макарию, его имя приведено[69]. Очевидно, можно присоединиться к предположению Н. Н. Покровского о том,

---

[64] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 206; ПСРЛ. Т. 11. С. 194—197

[65] Киприан «многи книги преведе с греческаго на рускии. И великаго чюдотворца Петра, митрополита всея Руси, житие умильно и полезно состави и многи книги своею рукою писаше...», см.: *Усачев А. С.* Житие митрополита Ионы... С. 49.

[66] См.: *Покровский Н. Н.* Томский список... С. 11.

[67] См.: «...испроси благочестивому царю нашему великому князю имярек, государю и самодеръжцу всея Русии», см.: *Усачев А. С.* Житие митрополита Ионы... С. 60.

[68] Степенная книга. Т. 2. С. 216.

[69] Ср.:

Третья редакция Жития митрополита Ионы	СК
«Пресвященному же архиепископу имярек, митрополиту всея Русии, правящаго престол твои, в мире житие исправити...» (см.: *Усачев А. С.* Житие митрополита Ионы... С. 60).	«Пресвященнаго же господина нашего архиепископа Макариа, митрополита всея Русии, правящаго престолъ твои, в миръ житие исправити...» (см.: Степенная книга. Т. 2. С. 216).

Любопытно, что в СК подчеркнуто то, что Макарий является «господином нашим», т. е. создателя степенной редакции.

что сохранение формы с «имярек» в степенной редакции Жития митрополита Ионы является одним из следов недоработки составителем памятника его текста, который он, по всей видимости, не успел «вычитать» и внести соответствующую правку (в данном случае указание на имя правящего государя; относительно митрополита Макария данная правка была произведена).

Таким образом, есть все основания полагать, что при включении в СК третья редакция Жития митрополита Ионы претерпела существенные изменения. В 19 гл., посвященную жизнеописанию этого святителя, не вошли фрагменты, которые не имели непосредственного отношения к биографии Ионы. Это в свою очередь на новом материале подтверждает уже высказанное в историографии предположение о том, что для СК создавались особые жизнеописания, в которых могли пропускаться детали, не относящиеся напрямую к их главным героям[70]. В то же время Житие Ионы послужило источником сведений о событиях, которые непосредственного отношения к этому святому не имели, но, очевидно, представлялись значимыми для составителя памятника.

Подводя итоги рассмотрения вопроса об использовании Жития митрополита Ионы в СК, можно констатировать следующее:

— в СК была использована т. н. третья редакция Жития Ионы, создание которой, по-видимому, датируется второй половиной 50-х гг. XVI в. (вероятно, временем около 1556 г.)[71];

---

[70] В наиболее аргументированном виде этот взгляд представлен в работе Г. Ленхофф (см.: *Lenhoff G.* Early Russian Hagiography... P. 157—163). В ней исследовательница, сравнив степенную редакцию Жития Федора Ярославского с предшествующими ей, выяснила, что создатель степенной редакции, стремясь к созданию полной биографии ярославского святого, порой жертвовал агиографическим материалом, не имевшим непосредственного отношения к его жизнеописанию.

[71] Ранее, до нашего специального знакомства с неопубликованной третьей редакцией Жития Ионы, мы полагали, что существовала отдельно от СК степенная редакция, которая (наряду с другими памятниками — Житием Ольги пространной редакции и т. д.) могла входить в число тех материалов, на которых основывался составитель СК (согласно высказанному нами предположению, они отражены в сборнике, дошедшем в виде отдельных фрагментов, подробнее см.: *Усачев А. С.* Сборник житий из собрания В. М. Ундольского: опыт реконструкции // Памятники отечественной книжности: новые тексты, новые интерпретации. Новосибирск, 2007. С. 33—63). Однако в настоящее время в свете наших наблюдений над редакциями Жития Ионы становится очевидным, что реконструированный нами сборник представляет ряд ранних

— в посвященную жизнеописанию Ионы 19 гл. 14 ст. текст третьей редакции вошел со значительными сокращениями — был пропущен ряд ее фрагментов, которые непосредственно не относились к биографии этого святого;

— ряд отрывков третьей редакции Жития Ионы был использован в других разделах памятника (в рассказе о Ферраро-Флорентийском соборе и др.);

— есть основания полагать, что степенная редакция жизнеописания митрополита Ионы отразила незавершенность работ над СК.

Памятники, посвященные Клименту Римскому

Источником 35 гл. 1 ст., повествующей о возвращении Владимира в Киев после взятия Корсуня, является запись Ник. под 6497 г.[72] Летопись указывает на взятие киевским князем мощей св. Климента, папы Римского, и его ученика Фива. Как отметил Н. Ф. Околович[73], летописный материал дополнен данными произведений, посвященных Клименту, — Жития, Сказания чудес и Похвалы. Житие («Мучение») Климента сохранилось в двух переводах — старшем и младшем, которые изданы А. И. Соболевским и П. А. Лавровым[74]. Учитывая незначительный объем заимствованного текста, а также то, что содержащийся в 35 гл. рассказ содержит не дословные цитаты, а пересказ источника, трудно сказать точно, каким именно переводом воспользовался составитель СК[75]. Указание книжника на «див-

---

(рубеж XVI—XVII вв.) выписок из СК. В пользу этого также свидетельствует то, что в данный сборник вошла версия Жития Ольги без фрагмента, повествующего об охотах византийских императоров, который, как установил еще А. И. Соболевский, был изъят при включении пространной редакции жития этой княгини в СК.

[72] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 98; ПСРЛ. Т. 9. М., 2000. С. 57. В. В. Кусков и У. Барнетт отметили, что повествующий о Клименте отрывок не может быть возведен к летописным источникам СК, см.: *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 98, примеч. 12; *Barnette W.* Stepennaja kniga... P. 68.

[73] *Околович Н. Ф.* Жития святых... С. 68.

[74] *Соболевский А. И.* Жития святых по древнерусским спискам. 1. Мучение св. Климента Римскаго. 2. Житие св. Василия Великаго. 3. Мучение 40 мучеников в Севастии. СПб., 1903. (ПДПИ. Вып. 149). С. 7—16; *Лавров П. А.* Жития херсонских святых в греко-славянской письменности. М., 1911. С. 13—24, 115—126.

[75] Вероятно, книжник воспользовался списком, отличным от опубликованных А. И. Соболевским и П. А. Лавровым. Так, если в опубликованном Жи-

ные чудеса», которыми Бог прославил св. Климента, очевидно, и побудили Н. Ф. Околовича высказать догадку о привлечении Чудес херсонесского святого к созданию СК[76]. Однако содержащийся в 35 гл. рассказ не содержит деталей, которые нельзя было бы возвести к Житию.

В СК текст Жития передается с большими сокращениями (пропущено описание деятельности св. Климента в Риме, сокращен рассказ о его пребывании в Херсонесе). В заимствованном в 35 гл. отрывке Жития отмечены, очевидно, лишь важнейшие (с точки зрения составителя СК) эпизоды из жизни св. Климента: заточение в Херсонесе императором Траяном, его миссионерская деятельность в изгнании, разрушение языческих храмов и посмертные чудеса[77]. Все эти уточнения к краткому летописному известию о перенесении мощей св. Климента книжнику понадобились, видимо, для того, чтобы подчеркнуть значимость святого, чьи мощи оказались первыми мощами на Русской земле.

Таким образом, к написанию 35 гл. 1 ст. было привлечено Житие Климента Римского (старший или младший перевод). Не исключено знакомство создателя СК и с Чудесами этого свя-

---

тии указано на то, что перед тем как утопить Климента в море к его шее привязали «котъку анкуру» (в др. списках «анкуру», «котку желѣзну»), а явившаяся чудесным образом из воды церковь была «образом» «мраморяна», то в СК читается в первом случае «якорем» (т. е. приведен перевод с греческого «ἄγκυρα» (лат. «ancora»), т. е. «якорь»; это же толкование дает и «Азбуковник» старшей редакции — «анкира, якорь», см.: *Ковтун Л. С.* Азбуковники XVI—XVII вв. (старшая разновидность). Л., 1989. С. 147), во втором — «церковь бяше, яко хрустална» (т. е. представлен перевод греческого «κρυστάλλινος» — «кристальный», «сделанный из кристалла», «прозрачный как кристалл» или «μαρμάρεος» — «блистающий», «сверкающий»). Благодарю Д. Н. Рамазанову за консультацию. Любопытно, что в созданных в близкий к составлению СК период ВМЧ содержатся чтения «анкуру» и «мраморяну» (см.: ВМЧ. Ноябрь. Дни 23—25. СПб., 1917. Стб. 3327). Как показал П. Д. Диатроптов (см.: *Диатроптов П. Д.* Предания о мученичестве Климента папы Римского в Херсонесе Таврическом // Россия и христианский Восток. Вып. 2—3. М., 2004. С. 11—12), во всех известных славяно-русских списках «Мучения» фигурирует «анкура», «агкира», «агкира, еже есть железо корабельное», «котка», «котга», т. е. греческие и церковнославянские обозначения якоря. Ни в одном списке не встречается термин «якорь». Очевидно, в руках составителя СК находился список, содержавший иной перевод (в первом случае более полный).

[76] Например, см.: *Лавров П. А.* Жития херсонских святых... С. 31—35.

[77] Степенная книга. Т. 1. С. 299—290.

того, использование которых, однако, не доказано (фрагментов 35 гл., возводимых к Похвале Клименту, на возможность использования которой также указывал Н. Ф. Околович, нам обнаружить не удалось). Согласно приведенному выше предположению А. Ю. Карпова, в данном разделе СК использовалось «Слово на обновление Десятинной церкви». Однако отсутствие прямых текстуальных параллелей, а также фрагментов в 35 гл., которые можно было бы возвести исключительно к этому памятнику, побуждает осторожно отнестись к данному предположению.

Житие Леонтия Ростовского

Как отметил еще Н. С. Державин[78], источником заключительной части 53 гл. 1 ст. («Начало Ростовстей церкви») послужило Житие Леонтия Ростовского (исследователь специально не останавливался на определении использованной в СК редакции этого произведения). Ввиду незначительности объема заимствованного в СК материала, трудно сказать точно, какая именно из двенадцати (согласно классификации В. О. Ключевского[79]) редакций Жития послужила источником произведения. Отметим его некоторую близость к десятой редакции, которая была опубликована А. А. Титовым[80]. Ее сходство с СК определяется указанием, что поставление Леонтия ростовским владыкой было обусловлено тем, что «Божия же аггела объявленъ бысть патриарху, да его освятить въ епископы Ростову»[81] (в десятой редакции назначение было обусловлено троекратным гласом с неба[82], который писатель середины XVI в., возможно, счел необходимым приписать ангелу). Другие редакции лишь кратко констатируют, что Леонтий «за многия свои добродѣтели поставленъ былъ епископомъ города Ростова»[83]. Во всяком случае, в выделенных и опубликованных Г. В. Семенченко[84] древнейших редакциях Жития — Синодальной и Троицкой — упо-

---

[78] *Державин Н. С.* «Степенная книга»... С. 67.

[79] *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых... С. 4—22.

[80] См.: ЧОИДР. 1893. Кн. 4. С. 1—35.

[81] Степенная книга. Т. 1. С. 307.

[82] ЧОИДР. 1893. Кн. 4. С. 3—4.

[83] См.: Житие Святаго Леонтия, епископа Ростовского // ПС. 1858. Февраль. С. 301; аналогичный текст см.: Сказание о Леонтии Ростовском // Древнерусские предания (XI—XVI вв.). М., 1982. С. 125.

[84] См.: *Семенченко Г. В.* Древнейшие редакции жития Леонтия Ростовского // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 241—254.

минание об этом эпизоде отсутствует. Результаты сравнения текстов СК и ее источника дают возможность отметить пропуск описания чудес Леонтия (за исключением чуда об ослеплении и исцелении ростовских язычников, поднявших руку на святителя). Заключая свое краткое изложение Жития Леонтия Ростовского, составитель СК отмечает, что «оттоле въ Ростове утвердися совершенно благочестие и до нынѣ».

Есть основания полагать, что в 53 гл. также был использован и летописный материал. В начале главы сообщается о строительстве дубовой Успенской церкви в Ростове. Это известие наибольшую близость обнаруживает к записи Воскр. под 6499 г.[85] Источником следующего затем краткого рассказа об обретении мощей Леонтия Ростовского после пожара в Ростове при Андрее Боголюбском, как установил У. Барнетт, по всей видимости, послужила летописная запись Ник. под 6670 г.[86]

Житие Никиты Переяславского

В. В. Кусков справедливо связал 18 гл. 6 ст. («Чудо преподобнаго Никиты Переяславскаго о исцелении князя Михаила Черниговскаго»)[87] с Чудесами переяславского святого, помещенными в его Житии[88]; однако исследователь специально не остановился на рассмотрении особенностей правки соответствующего фрагмента при его включении в СК. Принимая во внимание важность этой главы не только для изучения источников СК, но и для проблемы ее авторства, разберем этот раздел памятника.

Прежде всего необходимо отметить, что книжник, судя по всему, использовал т. н. Основную редакцию Жития Никиты Переяславского — как указала М. А. Федотова, именно эта редакция содержит помещенный в СК рассказ об исцелении Михаила Черниговского[89].

---

[85] ПСРЛ. Т. 7. М., 2001. С. 313—314.

[86] Степенная книга. Т. 1. С. 307; ПСРЛ. Т. 9. С. 230; *Barnette W.* Stepennaja kniga... P. 70.

[87] Степенная книга. Т. 1. С. 479—481.

[88] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 140.

[89] *Федотова М. А.* 1) Краткая редакция Жития Никиты Переяславского // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 294—295; 2) Житие Никиты Столпника Переяславского (рукописная традиция Жития) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 311.

В 18 гл. изменено начало отрывка Жития[90]. Так, место его слов «в та же времена бѣ въ градѣ в Черниговѣ благовѣрный князь Михайло» в СК заняла более пространная фраза: «Въ оно же время при дръжавѣ великаго князя Всеволода Георгиевича черниговьскии князь Михаилъ Всеволодовичь Чермнаго, еще младъ сыи, внукъ Свѣтославль, правнукъ Олговъ, праправнукъ Свѣтославль Ярославича Великаго»[91]. Таким образом, в СК была введена генеалогия (правда, не совсем точная — Михаил был не праправнуком, а прапраправнуком Святослава Ярославича) черниговского князя, очевидно, для того чтобы подчеркнуть его место в ряду представителей воспеваемого в памятнике рода.

В 18 гл. сделан ряд других вставок. Так, слова Жития «и слышавъ о преподобънѣмъ чюдотворцѣ Никитѣ» в СК были заменены на «слышав же, яко въ градѣ Переяславли, иже на Клещинѣ езерѣ есть старець святъ и преподобенъ именемъ Никита»[92]. Эта вставка, по-видимому, объяснялась, с одной стороны, стремлением составителя СК дать максимально подробное описание Никиты, с другой стороны — его особым вниманием к переяславской историко-церковной географии. Этим же, очевидно, обусловливалась и правка окончания рассматриваемого отрывка Жития — после заключающих его слов «хвалу въздая Богу и его молебнику чюдотворцу Никитѣ» следует дополнение, очевидно, принадлежащее нашему книжнику: «Честныи же тои крестъ и **донынѣ** [выделено нами. — *А. У.*] стоитъ, надписание лѣту цѣло имѣа»[93]. К числу случаев вмешательства книжника в текст своего источника можно отнести сокращение содержащейся в Житии даты — вместо «лъто 6694 месяця майя 16 индикта 8», в СК указано лишь на «лѣто 6694». 18 гл. завершается кратким указанием на дальнейшую судьбу Михаила, который после своего «богоугодного господствия» в Чернигове «за Христа мучениемъ жизнь свою съврьши отъ безбожнаго Батыя».

Итоги разбора рассказа о чудесном исцелении Михаила Черниговского в СК позволяют предположить, что его редакция, скорее всего, принадлежала переяславцу, который в памятник внес местные (переяславские) подробности, а также уточнил ге-

---

[90] См.: *Федотова М. А.* Житие Никиты... С. 326—327.

[91] Степенная книга. Т. 1. С. 479.

[92] Там же. С. 479.

[93] Там же. С. 481.

неалогию Михаила и кратко сообщил о его дальнейшей судьбе. Это придавало 18 гл. характер законченного повествования о Михаиле Черниговском. Как уже было указано ранее, Г. З. Кунцевич установил, что 19-е чудо из Жития Никиты вошло в 14 гл. 17 ст. СК (а также в КИ). Согласно предположению Н. В. Понырко, рассказ о данном чуде принадлежит перу Андрея-Афанасия[94].

Таким образом, Житие Никиты Переяславского было привлечено к написанию 18 гл. 6 ст. и 14 гл. 17 ст.

Агиографические тексты, посвященные Сергию Радонежскому

Как отмечается в 5 гл. 13 ст., она основана на «торжественном словеси великаго жития» Сергия Радонежского. Вместе с тем книжник обращает внимание на то, что повествование о радонежском святом «во многихъ мѣстех обрѣтаемо есть: ово составлено отъ ученика его Епифаниа, ово же сотворено Пахомиемъ Святогорцемъ»[95]. Очевидно, речь может идти о его знакомстве с двумя редакциями Жития — Епифания Премудрого, которая до настоящего времени не сохранилась (известны лишь фрагменты в сочинениях Пахомия, которые в большей или меньшей степени отражают авторский текст Епифания)[96] и переработавшего ее Пахомия Серба. Отмечая лишь отдельные факты биографии Сергия (основание Троицкого монастыря, молитва о победе Дмитрия Ивановича на Куликовом поле и т. д.), составитель СК специально указывает на то, что «всего подлиннаго жития великаго свѣтильника и чюдотворца Сергия не писано в книзе сей» в силу того, что читатель мог найти соответ-

---

[94] *Понырко Н. В.* Житие Никиты Столпника Переяславского // СККДР. Вып. 2, ч. 1. С. 307—308.

[95] Степенная книга. Т. 2. С. 75. Подробнее о биографии Сергия и источниках для ее изучения см.: *Кучкин В. А.* Сергий Радонежский // ВИ. 1992. № 10. С. 75—92.

[96] Подробнее о рукописной традиции Жития Сергия Радонежского см.: *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. С. 145—267; *Кучкин В. А.* 1) Антиклоссицизм // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 2 (8). С. 113—123; 2002. № 3 (9). С. 121—129; 2002. № 4 (10). С. 98—113; 2003. № 1 (11). С. 112—118; 2003. № 2 (12). С. 127—133; 2003. № 3 (13). С. 112—130; 2003. № 4 (14). С. 100—122 (там же историография вопроса); 2) О древнейшем списке Жития Сергия Радонежского // Поволжье и сопредельные территории в Средние века. М., 2002. (Труды Государственного Исторического музея. Вып. 135). С. 96—107.

ствующий материал в специально посвященных ему памятниках.

Как отмечалось выше, Б. М. Клосс отметил случаи использования отрывков пространной (Пахомиевой) редакции Жития радонежского святого также и при создании Жития митрополита Алексия в СК (13, 31 тит. 7 гл. 11 ст.)[97].

Судя по всему, Житие Сергия было привлечено и к написанию 5 гл. 12 ст., которая содержит рассказ о «совете» и «собеседовании» великого князя московского Дмитрия Ивановича с русскими святыми — Сергием, митрополитом Алексием, Кириллом Белозерским и Димитрием Прилуцким. Рассказ о «совете» московского князя перед Куликовской битвой содержится в различных редакциях Жития Сергия (согласно классификации Б. М. Клосса, в первой и третьей Пахомиевых)[98].

Составитель СК не ограничился использованием посвященных Сергию памятников агиографии в 11—12 ст. Так, в 16 гл. 15 ст. помещен рассказ о чудесном рождении Василия III[99], источники которого нашим предшественникам обнаружить не удалось[100] (рассказ в кратком виде продублирован в 1 гл. 16 ст.)[101]. Очевидно, к созданию СК были привлечены записи чудес Сергия, которые не соотносятся ни с одной из известных редакций Жития. Согласно Б. М. Клоссу[102], они были записаны в XVI в. (известны в списке 20—30-х гг. XVII в.[103]). В СК вклю-

---

[97] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. С. 259.

[98] Там же. С. 369, 403.

[99] Степенная книга. Т. 2. С. 250—251.

[100] В. В. Кусков полагал, что источником послужил непосредственно рассказ митрополита Иоасафа. Д. Миллер связал включение данного пассажа в СК с использованием для повышения авторитета династии культа популярного на Руси Сергия Радонежского. См.: *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 253; *Miller D.* The Cult of Saint Sergious of Radonezh and Its Political Uses // Slavic Revue. 1993. № 52, № 4. P. 695—696. Нам не удалось ознакомиться с недавно опубликованной работой П. Гонно, которая на момент сдачи нашей книги в печать отсутствовала в центральных российских библиотеках (см.: *Gonneau P.* A l'aube de la Russie moscovite: Serge de Radonège et André Roublev: légendes et images (XIVe—XVIIe siècles). P., 2008).

[101] Степенная книга. Т. 2. С. 286.

[102] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. С. 223.

[103] ОР РГБ. Ф. 173.I. № 88. Указание на список содержится в работе Б. М. Клосса (см.: *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. С. 223). Описание ркп. см.: *Леонид (Кавелин).* Сведения... Вып. 1. С. 19—24; Каталог миниатюр... С. 180; *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. С. 223.

чено Чудо о зачатии и рождении Василия III[104]. В тексте СК его описание подверглось сокращению: в 16 гл. 15 ст. было пропущено начало рассказа, в котором содержалось указание на родословную Ивана III, — место этого князя в ряду потомков Владимира Святославича определено в 1 гл. 15 ст., и создатель СК, очевидно, не счел необходимым повторять генеалогию московского государя (16 гл. начинается непосредственно с указания на его детей от первого брака)[105]. К числу случаев правки текста Чуда в 16 гл. также можно отнести пропуск имени тверского князя (Бориса Александровича) — отца первой жены Ивана III. Еще одним расхождением в рассказах СК и Чуда является указание на то, что митрополит Иоасаф слышал данный рассказ «от уст самого великаго князя Иванна Василиевича всеа Руси самодеръжца» (в Чуде)[106] и от «великого князя Василия Ивановича» (в СК)[107]. Рассказ имеет явное троицкое происхождение: во-первых, он примыкает к созданным в Троицком монастыре агиографическим памятникам, посвященным Сергию[108]; во-вторых, источником записи послужил рассказ бывшего троицкого игумена Иоасафа (1529—1539 гг.[109]), который после своего ухода с митрополичьей кафедры проживал в Троицком монастыре (1547—1555 гг.), где и похоронен[110]; в-третьих, единственный

---

[104] ОР РГБ. Ф. 173.I. № 88. Л. 517—518 об.; Степенная книга. Т. 2. С. 250—251.

[105] Ср.:

Чудеса Сергия	16 гл. 15 ст.
«И сему убо благочестивому великому князю Ивану Василиевичю, от Бога прославлену и благоденьствено царствующу, и дарова же ему Бог и чядуродие доволно от первыа ему съжитницы от великыя княгини Марии...» (см.: ОР РГБ. Ф. 173.I. № 88. Л. 517).	«И тако ему отъ Бога прославлену и благоденьствено царствующу, дарова же ему Богъ и чадородие доволено отъ первыя ему сожитницы, от великиа княгини Марии...» (см.: Степенная книга. Т. 2. С. 250).

[106] ОР РГБ. Ф. 173.I. № 88. Л. 518—518 об.

[107] Степенная книга. Т. 2. С. 251.

[108] Возможно, данный рассказ получил распространение за пределами Троицкого монастыря лишь незадолго до составления СК. Косвенно на это указывает то, что он не был привлечен к созданию «Слова похвального» Василию III, составленного в середине XVI в. (его автором, согласно уже приведенной выше гипотезе Д. М. Буланина, был Федор Карпов, связанный с книжниками Волоцкого монастыря).

[109] *Строев П. М.* Списки иерархов... Стб. 138.

[110] См.: Список погребенных... С. 9 (№ 66). Подробнее о биографии Иоасафа (Скрипицына) см.: *Дмитриева Р. П.* Иоасаф (Скрипицын) // СККДР. Вып. 2, ч. 2. С. 409—414.

известный список данного Чуда, по-видимому, имеет троицкое происхождение или, во всяком случае, бытование[111].

Предположение об использовании Чудес Сергия Радонежского при создании СК можно подкрепить еще одним случаем их использования. В рассказ 11 гл. 16 ст. об избавлении Опочки от польско-литовских войск в начале XVI в. было включено описание Чуда радонежского святого: согласно этому рассказу, его заступничество избавило город от осаждавших его иноплеменников (пассаж в СК вошел полностью, существенно дополнив летописный материал, который был положен в основу 11 гл.)[112]. Рассматривая Чудо Сергия в Опочке, следует обратить внимание на то, что в XVI в. фиксация чудес этого святого вышла далеко за пределы стен троицкой обители. На это, в частности, указывает включенное в КИ чудо Сергия под Казанью в 1552 г.[113]

Таким образом, к составлению СК были привлечены Житие Сергия (вероятно, в Епифаниевой и Пахомиевой редакциях), а также его Чудеса, которые были записаны в первой половине—середине XVI в., вероятно, в Троицком монастыре.

Житие Стефана Пермского

Согласно В. В. Кускову[114], к числу источников СК можно отнести Житие Стефана Пермского, на котором основан текст 9 гл. 13 ст. В ней содержится лишь ряд кратких выдержек из жизнеописания пермского святителя, созданного Епифанием Премудрым. Книжник прямо ссылается на свой источник сведений об этом святом: «Доволно же о семъ блаженомъ Стефанѣ повѣсть трудолюбно собра и преукрашено написа священноинокъ Епифаний, ученикъ преподобнаго игумена великаго чюдотворца Сергиа». В СК включены следующие известия: повествование о рождении и детстве Стефана, описание Пермского края и населяющих его народов, указание на перевод Стефаном

---

[111] См. запись (XVII в.?) на ненумерованном листе ркп.: «Месяц сентябрь. Четия соборная. Чтут по ней у Троицы и в трапезѣ».

[112] Степенная книга. Т. 2. С. 299—302; ОР РГБ. Ф. 173.I. № 88. Л. 518 об.—521 об. Источником данного рассказа В. В. Кусков считал «церковную легенду»; согласно Д. Миллеру, он был вымышлен создателем СК (см.: *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 275; *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 360; *Миллер Д. С.* Преподобный Сергий Радонежский, заступник Русской земли // Макариевские чтения. Можайск, 1996. Вып. 4, ч. 2. С. 23).

[113] ПСРЛ. Т. 19. М., 2000. Стб. 143.

[114] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 198.

книг с русского языка на пермский, упоминание «лютейшего волхва» Пама, а также указание на смерть пермского святителя в Москве и его погребение[115].

Житие Димитрия Прилуцкого

У. Барнетт[116] обратил внимание на то, что в 2 тит. 28 гл. 13 ст. при описании болезни «корчеты», распространившейся по Руси в 1409 г., помещена ссылка на чудеса Димитрия Прилуцкого, содержащиеся в его Житии[117]. Памятник сохранился в целом ряде предшествующих СК редакций (ранняя, минейная (XV в.), различные варианты проложной, сводная)[118]. Так как чудо об исцелении страждущих «корчетой» у гроба вологодского святого сходно читается в различных редакциях[119], вряд ли возможно определить, какая из них была использована в СК.

Т. Н. Украинская отметила факт упоминания Димитрия Прилуцкого в 5 гл. 12 ст., не останавливаясь на ее источниках[120]. В данном фрагменте СК, текст которого был приведен выше, указано на то, что Димитрий Прилуцкий входил в число «благих советников и нелестных собеседников», которых Дмитрию

---

[115] Ср.: Степенная книга. Т. 2. С. 79—80; Святитель Стефан Пермский. СПб., 1995. С. 56, 62, 64, 122—150, 178, 190, 210, 212.

[116] *Barnette W.* Stepennaja kniga... P. 260.

[117] Степенная книга. Т. 2. С. 118.

[118] Подробнее о рукописной традиции Жития прилуцкого святого см.: *Дмитриев Л. А.* 1) Дмитрия Прилуцкого Житие // ТОДРЛ. М.; Л., 1985. Т. 39. С. 195—196; 2) О «Житии Димитрия Прилуцкого» // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 190—194; *Украинская Т. Н.* 1) Житие Димитрия Прилуцкого // СККДР. Вып. 2, ч. 1. С. 259—262; 2) Житие Димитрия Прилуцкого — памятник вологодской агиографии // Древлехранилище Пушкинского дома: Материалы и исследования. Л., 1990. С. 7—25; 3) Ранняя редакция жития преподобного Димитрия Прилуцкого, вологодского чудотворца // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 249—253; *Семячко С. А.* Из истории вологодской агиографии (Жития Димитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского) // Жития Димитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского: Тексты и словоуказатель / Ред. А. С. Герд. СПб., 2003. С. 11—26.

[119] См.: *Украинская Т. Н.* 1) Житие Димитрия Прилуцкого... С. 33—34; 2) Ранняя редакция... С. 256; Жития Димитрия Прилуцкого... С. 87.

[120] *Украинская Т. Н.* Житие Димитрия Прилуцкого... С. 8. В. В. Кусков, отмечая известие о «совете» и «собеседовании» Дмитрия Донского с русскими святыми, также не остановился на его источнике (см.: *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 188).

Донскому «дарова Бог». Учитывая отсутствие упоминания о «совете» и «собеседовании» московского князя с вологодским святым в летописных источниках, есть основания полагать, что при написании данного пассажа составитель воспользовался Житием Димитрия Прилуцкого. В нем содержится указание на то, что Дмитрий Иванович, «слышав о сем святем отце нашем Димитрие, с радостию того призывает к себе благословения ради. И почитааше его, яко же другаго в Руси столпа, великаго Сергиа, тако же и сего блаженаго»[121]. Житие сохранило известие и о послании «милостыни» Дмитрием Ивановичем в вологодскую обитель, «идеже пребывает преподобныи его старец»[122]. Все это дает основания рассматривать Житие Димитрия Прилуцкого как один из источников СК. Учитывая незначительный объем заимствований, установить точно, какой именно редакцией воспользовался книжник, вряд ли возможно.

Житие Кирилла Белозерского

В заключительной части 16 гл. 14 ст. содержится указание на смерть Кирилла Белозерского. Далее СК сообщает о том, что «о нем же доволно имать писание въ тръжественомъ словеси житиа его чюдеснаго»[123]. Как видим, 16 гл. содержит вполне адресную ссылку на Житие Кирилла, список которого, по всей видимости, находился в распоряжении составителя памятника. Учитывая отсутствие фрагментов Жития в тексте СК, трудно сказать, о какой именно редакции шла речь (вероятно, писатель середины XVI в. мог воспользоваться Краткой или Пространной редакцией, которые принадлежали перу Пахомия Серба[124]).

Как уже было отмечено выше (при рассмотрении случаев использования Жития Димитрия Прилуцкого в СК), в 5 гл. 12 ст. содержится указание на «совет» и «собеседования» Дмитрия Ивановича с Кириллом Белозерским и другими иерархами. Прямого указания на «совет» великого князя московского с Кириллом Житие последнего не содержит. Однако в нем есть фраза, которая может быть истолкована как указание на беседы тогда

---

[121] Цит. по: *Украинская Т. Н.* Житие Димитрия Прилуцкого... С. 29. Сходным образом данное известие читается: *Украинская Т. Н.* Ранняя редакция... С. 254—255; Жития Димитрия Прилуцкого... С. 77.

[122] Жития Димитрия Прилуцкого... С. 81.

[123] Степенная книга. Т. 2. С. 169.

[124] *Прохоров Г. М.* Пахомий Серб // СККДР. Вып. 2, ч. 2. С. 173.

еще инока великокняжеского Симонова монастыря[125] Кирилла с Дмитрием: «Мнози отвсюду **князи** [выделено нами. — *А. У.*] и вельможа прихождааху к нему ползы ради и того [Кирилла. — *А. У.*] безмолвие пресѣцаху»[126]. Таким образом, знакомый с Житием писатель мог допустить, что в числе «князей», посещавших Кирилла в московский период его жизни, мог быть и Дмитрий Иванович. Очевидно, вставка указания на «совет» и «собеседования» московского князя с Кириллом (как и с митрополитом Алексием, Сергием Радонежским и Димитрием Прилуцким) обусловливалась тем авторитетом, которым пользовались эти святые в России XVI в. Так, митрополит Алексий (наряду с митрополитами Петром и Ионой), Сергий Радонежский (наряду со своим учеником Никоном), Кирилл Белозерский, Димитрий Прилуцкий упоминаются в числе наиболее почитаемых святых в таких важных документах, связанных с митрополичьей кафедрой середины—третьей четверти XVI в., как Стоглав, «Ответ» митрополита Макария, «Соборная грамота о белом клобуке» и др.[127]

Сказанное выше побуждает заключить, что Житие Кирилла входило в число источников СК. Принимая во внимание незначительный объем заимствований, определить, какая именно редакция была использована в этом произведении, вряд ли возможно.

---

[125] Являясь одним из первых насельников основанного весной—осенью 1377 г. Симонова монастыря, Кирилл проживал в нем с первых лет его существования, а в 1390—1396 гг., согласно П. М. Строеву (см.: *Строев П. М.* Списки иерархов... Стб. 149), являлся настоятелем этой обители. Подробнее о статусе монастыря и его ранней истории см.: *Кучкин В. А.* Начало московского Симонова монастыря // Культура средневековой Москвы XIV—XVII вв. М., 1995. С. 113—122; *Давиденко Д. Г.* Судебная подведомственность Симонова монастыря в XV—XVII вв. // ВЦИ. 2006. № 3. С. 187—196. О пребывании Кирилла в Симоновом монастыре также см.: *Семячко С. А.* Старчество и сборник «Старчество» на Руси // РЛ. 2008. № 1. С. 148.

[126] Цит. по: *Яблонский В. П.* Пахомий Серб и его агиографические писания: Биографический и биографически-литературный очерк. СПб., 1908. С. XIII. Сходный текст см.: Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские / Ст., подгот. текстов, пер. с древнерус. и коммент. Г. М. Прохорова, Е. Э. Шевченко, Е. Г. Водолазкина. 2-е изд., испр., доп. СПб., 1994. С. 70; Житие Кирилла Белозерского: Текст и словоуказатель. СПб., 2000. С. 27.

[127] *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. М., 2000. С. 243; «Ответ» митрополита Макария царю Ивану IV // РФА. Ч. 4. М., 1988. № IX. С. 741; АИ. Т. 1. СПб., 1841. № 168. С. 320.

Житие Мартиниана Белозерского

Есть основания полагать, что к созданию СК могло быть привлечено жизнеописание и другого белозерского святого — Мартиниана. Во всяком случае, его Житие является единственным известным в настоящее время источником сведений (по середину XVI в. включительно) о Галактионе Белозерском. О нем кратко повествует 2 гл. 16 ст.: в СК упомянуто о добродетельном житии этого подвижника в Ферапонтовом монастыре, а также о его пророчестве относительно взятия Казани еще не родившимся сыном Василия III[128]. Житие кратко сообщает о жизни Галактиона в Ферапонтовом монастыре, особое внимание читателя сосредотачивая на описании его пророческого дара (так, в Житии указаны его сбывшиеся пророчества относительно пожара в монастыре и т. д.)[129]. Никаких сведений о «проречении» им рождения сына у Василия III и покорении им Казани Житие не содержит. Трудно сказать точно, на основе каких источников составитель СК выполнил рассказ, помещенный в 2 гл. 16 ст.

Как представляется, возможны две версии. Так, вполне возможно существование специального агиографического текста о Галактионе, который содержал описание его пророчеств, а также происхождения (если о последнем Житие Мартиниана ничего не сообщает, то СК повествует о «приходе во иночество» Галактиона «от воиньскаго чина»). Возможен и иной вариант — книжник, будучи, по всей видимости, знаком с Житием Мартиниана, вероятно, привлек устные рассказы о Галактионе. Второй вариант представляется более предпочтительным. Во-первых, в СК отсутствует обычная ссылка на «житие», «слово» или «повесть» о Галактионе (подобные ссылки, как показывают итоги изучения памятника, делались в тех случаях, когда его составитель располагал письменным источником рассказа о соответствующем персонаже)[130]. Во-вторых, использование целого ряда имеющих явно устное происхождение рассказов, посвященных взятию Казани (знамений, пророчеств, чудес), фиксиру-

---

[128] Степенная книга. Т. 2. С. 288—289. Рассказ о пророчестве рождения у Василия III сына продублирован в 1 гл. 17 ст. (см.: Там же. С. 345).

[129] Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. С. 274, 276.

[130] Известное Житие Галактиона было написано в начале XIX в. на основе помещенного в СК рассказа. Подробнее о Галактионе и истории его почитания см.: *Стрельникова Е. Р.* Галактион [Белозерский] // ПЭ. Т. 10. М., 2005. С. 289.

ется в 17 ст. Если это действительно так, то можно полагать, что, основываясь на Житии Мартиниана Белозерского, составитель СК при написании рассказа о Галактионе привлек ряд устных рассказов, создав краткое жизнеописание инока, по пророчеству которого было осуществлено взятие Казани. Вероятно, активизация интереса к этому белозерскому подвижнику была связана с взятием Казани по его «проречению»: как отмечено в СК, после исполнения пророчества все «тогда воспомянуша, яко истинно бысть проречение Галактиона». Следствием этого мог явиться и интерес к его биографии. Учитывая то, что во 2 гл. 16 ст. упомянуто и о взятии Астрахани, можно полагать, что помещенный в СК рассказ о Галактионе составлялся не ранее 1556 г.

Житие Зосимы и Савватия Соловецких

Как отметил В. В. Кусков[131], в 8 тит. 4 гл. 15 ст. рассказ о казни новгородских бояр в СК дополнен почерпнутым из Жития Зосимы и Савватия видением Зосиме Соловецкому новгородских бояр на пиру без голов[132]. Это известие в СК помещено со ссылкой на Житие Зосимы («...о них же преже сего прореч преподобный Зосима, начальник Соловецкий, яко же в Житии его пишет»). В жизнеописании соловецкого святого, действительно, содержится соответствующий сюжет[133]. Трудно сказать, какой именно редакцией воспользовался составитель СК — данный фрагмент содержится практически во всех редакциях Жития[134] (исключение составляют 3-я дополнительная и 1-я сокращенная редакции, в которых текст видения передан в сокращенном виде[135]). К числу случаев редакторской правки создателя СК можно отнести пропуск пророчества о запустении дома Мар-

---

[131] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 242.

[132] Степенная книга. Т. 2. С. 232—233.

[133] См.: «И въспомянуша же иже ту бывшеи о видѣнии раба Божиа Зосимы, иже видѣ видѣние в дому пришествиа оноа боарыни Марфы, им же сѣдящим за трапезою, а глав не имущи, им же бысть кончина в свое время, и пророчество старче, иже о запустении дому ее изрече, егда изгнан бысть от лица Марфы оноа боярыни...», см.: *Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI—XVIII вв.). Т. 2. Тексты. М., 2001. С. 38 (цит. по первоначальной редакции).

[134] *Минеева С. В.* Рукописная традиция. Т. 2. С. 113, 175, 232, 301, 320, 339, 369, 388.

[135] Там же. С. 258, 280.

фы Борецкой. Очевидно, в данном случае эту деталь книжник, рассматривая присоединение Новгорода в целом, счел малозначимой. Таким образом, к числу источников СК можно отнести Житие Зосимы и Савватия Соловецких, оставляя, правда, открытым вопрос о его редакции.

Житие Михаила Клопского

В историографии отмечались случаи близости к СК Жития Михаила Клопского Тучковской редакции[136]. При этом свое внимание исследователи обращали, прежде всего, на рассказ о посещении апостолом Андреем новгородской веси Грузино. Это известие представлено в Житии Ольги, 23 гл. 1 ст. и указанной редакции Жития Михаила Клопского. Однако необходимо помнить, что источником как Жития Ольги, так и 1 ст. СК послужила пространная редакция Жития Ольги, созданная, очевидно, в середине XVI в., которая содержит соответствующий рассказ[137]. Таким образом, составитель СК мог почерпнуть сведения о приходе апостола в весь Грузино как из Жития Михаила Клопского, так и из пространной редакции Жития Ольги[138]. Есть, однако, один более определенный случай заимствования из Жития Михаила Клопского.

В 1 гл. 15 ст. содержится описание пророчества Михаила Клопского относительно рождения Ивана III; согласно пророче-

---

[136] Например, см.: *Державин Н. С.* «Степенная книга»... С. 57; *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 85.

[137] ОР РГБ. Ф. 98. № 124. Л. 309 об.

[138] Сходный фрагмент содержится в списке XVII в. Деяний апостола Андрея (см.: ОР РГБ. Ф. 209. № 274), а также в «Слове похвальном» этому апостолу, которое известно в списках этого же столетия (см.: ОР РГБ. Ф. 775 (Собрание М. И. Чуванова). № 21 (ркп. представляет собой конволют из старопечатной и рукописной частей). Описание: коллекция старопечатных книг XVI—XVII вв. из собрания М. И. Чуванова. Каталог. М., 1981. № 37. С. 52—53; Опись фонда № 775. Собрание рукописей Чуванова Михаила Ивановича. Т. 1: Третья четверть XV в.—конец XVII в.—начало XVIII в. М., 1988. Машинопись. № 35. С. 68—71). На данные аналогии рассказу о посещении Андреем Грузино в устной беседе указал А. А. Турилов. Не исключая полностью возможности использования «Слова похвального» апостолу Андрею в СК, тем не менее отметим, что других параллелей в СК и этих сочинениях (в отличие от Тучковской редакции Жития Михаила Клопского и пространной редакции Жития Ольги) не фиксируется. В сжатом виде характеристику русских памятников, посвященных апостолу Андрею, см.: Андрей Первозванный // ПЭ. Т. 2. М., 2001. С. 373 (раздел написан Т. В. Анохиной, А. Ю. Виноградовым, О. В. Лосевой, М. Сургуладзе).

ству, именно этому князю суждено подчинить Новгород. Сходный рассказ, кроме 1 гл. 15 ст. СК и Тучковской редакции, как отметил Л. А. Дмитриев, содержится в записи Воскр. под 6948 г.[139] Помещенное в СК и Житии, но отсутствующее в Воскр. упоминание о новгородском богатстве, которое захватил московский князь, позволяет отметить близость СК именно к жизнеописанию клопского святого.

«Слово похвальное» Михаилу Черниговскому Льва Филолога

Как указал Н. И. Серебрянский, в основу рассказа о Михаиле Черниговском в 14 гл. 7 ст. было положено Пахомиево Житие этого князя, сведения которого дополнялись летописным материалом. В. В. Кусков уточнил, что кроме Жития Михаила Черниговского к созданию СК было привлечено «Слово похвальное» этому князю Льва Филолога. Памятник, судя по всему, создавался в 10—20-е гг. XVI в. жившим на Руси в этот период сербским писателем Львом[140]. В. В. Кусков с этим произведением связал 4 гл. 7 ст., которая вслед за «Словом» красочно описывает ужасы Батыева нашествия на Русь.

Как предположил В. В. Кусков[141], в 9 гл. 7 ст. при описании разорения Русской земли татарами могли использоваться сочинения Серапиона Владимирского (второе и третье Слова). Однако итоги сравнения трудов владимирского проповедника XIII в. и книжника времени митрополита Макария дают весьма ограниченное число случаев некоторого сходства в соответствующих фрагментах[142]. Связь же «Слова похвального» с данным

---

[139] Повести о Житии Михаила Клопского. С. 83, 157; ПСРЛ. Т. 8. С. 108.

[140] *Дмитриева Р. П.* Лев Филолог // СККДР. Вып. 2, ч. 2. С. 3—4.

[141] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 148. К мнению В. В. Кускова в данном вопросе присоединился Д. Миллер, см.: *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 345.

[142] Приведем наиболее близкие чтения в 9 гл. 7 ст. и в сочинениях Серапиона:

«Слово» Серапиона	СК
«...князии наших воевод крѣпость ищезе; храбрии ниши, страха наполънъше, бѣжаша...»	«...храбрѣиших русьскихъ сыновъ многихъ мечь пояде, овии же плещи вдаша сопротивнымъ...»
«...богатство наше онѣм в користь бысть...» (*Петухов Е. В.* Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888. С. 8)	«...и корысть многу стяжа, княжьска имѣниа изообрѣтъ» (см.: Степенная книга. Т. 1. С. 497)

фрагментом очевидна, что не оставляет никаких сомнений в том, что именно оно и послужило источником рассматриваемого рассказа[143].

Вполне вероятно влияние «Слова похвального» на 72 гл., прославляющую Владимира за основание многочисленной династии верных православию государей. Так, под влиянием сочинения Льва Филолога мог быть создан фрагмент краткого описания деяний потомков Владимира. Отсутствие прямых текстуальных совпадений не дает оснований для опровержения этой гипотезы: влияние сочинения сербского книжника прослеживается в прославлении Владимира за основание им многочисленной династии, которая украшена рядом святых (в «Слове похвальном», как и в СК, среди них выделены Борис и Глеб). Так, «Слово похвальное» отмечает:

«...сего великаго Владимира, иже Василие, сих ради Господь Бог благословеньми веньчя и почте его чяд множеством ему, из нихъже велиции князи и властеле, мѣстници же и градодръжци по приатию рода яко отечеством Русию владычьствоваху»[144].

Обратим внимание на то, что в 72 гл. отсутствует последующий рассказ, помещенный в «Слове», об умножении зависти и междоусобий между потомками крестителя Руси. Очевидно, этот фрагмент был сочтен излишним при описании благочестия потомков Владимира в прославляющей их 72 гл. Однако этот фрагмент, как указал В. В. Кусков, также был учтен составителем СК — он был почти полностью включен в описание междоусобиц между сыновьями Всеволода Юрьевича, последовавших после его смерти в 4 гл. 7 ст. (см.: «Его же Господь Богъ вѣчными благословенми вѣнча... быхомъ в попрание иноплемянникомъ...»)[145]. При этом в СК пропущен ряд подробностей междоусобиц, которые содержались в ее источнике (о предании в руки «иноплеменников» русскими князьями своих «подручников» и т. д.). Таким образом, книжник, заимствуя осуждающий княжеские раздоры мотив, не счел необходимым подробно их описывать.

К числу уникальных известий СК относится указание на войны Руси в период правления византийского императора Ираклия

---

[143] Текст «Слова похвального» в 9 гл. 7 ст. следует со слов «тогда же мучительнѣишаго варвара, кровояднаго царя Батыя» до «даже и до Великаго Новаграда». См.: Степенная книга. Т. 1. С. 497—498; ВМЧ. Сентябрь. Дни 14—24. СПб., 1869. Стб. 1312, 1332.

[144] ВМЧ. Сентябрь. Дни 14—24. Стб. 1310.

[145] Там же. Стб. 1310—1311; Степенная книга. Т. 1. С. 493.

(9 гл. 1 ст.)[146]. Как нетрудно заметить, обратившись к «Слову похвальному», его автор, сравнивая ужасы татарского нашествия на Русь с событиями далекого прошлого, повествует о том, что Батый «с многою буестию и свѣрепьством, яко сточнитися лютости его оному мучительству, иже **при Ракли варваром иногда храбрыя Руси мечь пояде**» (выделено нами. — *А. У.*)[147]. Таким образом, источник СК давал упоминание о неких войнах «храброй Руси» во времена императора Ираклия.

Вероятно, содержащееся в 9 гл. 7 ст. указание на особую судьбу Новгорода, который не подвергся нашествию татар, также может быть связано со «Словом похвальным». Оно содержит указание на избавление Новгорода от нашествия Богом, что явилось прямым следствием добродетелей обитателей этого города, которые были избавлены от зависти, неправды и гордыни, а также связанных с ними усобиц, присущих Северо-Восточной Руси. В СК, в которой также отмечена божественная защита Новгорода от татар, акценты смещены: в центр внимания ее составителя помещены представители добродетельного семейства Ярослава Всеволодовича (прежде всего, его сын Александр), которых сам Бог хранил от татар[148]. Можно предположить, что появление данной версии спасения Новгорода от татар могло обусловливаться двумя причинами. Во-первых, книжник в очередной раз обратил внимание читателя на богоизбранность династии русских государей. Во-вторых, в памятнике, осуждающем мятежный нрав и «самовластие» новгородцев (подробнее об этом ниже), упоминание об их нравственной «чистоте», отсутствии у них «зависти, неправды и гордости», очевидно, было сочтено неуместным.

Как уже отмечалось выше, согласно наблюдениям О. В. Панченко, в СК была использована вторая редакция «Слова похвального», которая включена в ВМЧ. Исследователь указал, что вторая редакция передает рассказ о дарах византийских императоров Владимиру Мономаху, а также повествует о царском венчании этого князя присланными из Царьграда митрополитами; последний фрагмент сходным образом читается в 8 гл. 4 ст. (первая редакция «Слова похвального» этого пассажа не

---

[146] См.: «...и при Ираклии цари ходиша и на царя Хоздроя Прьскаго» (см.: Степенная книга. Т. 1. С. 226).

[147] ВМЧ. Сентябрь. Дни 14—24. Стб. 1312—1313.

[148] Ср.: Там же. Стб. 1313; Степенная книга. Т. 1. С. 498.

содержит)[149]. Впрочем, вряд ли только на этом основании можно возводить СК к ВМЧ. Так, известно, что в этот свод вошел ряд редакций памятников, которые писались ранее (в частности, Жития митрополитов Петра и Алексия Пахомия и Киприана); а созданные в середине XVI в. известны в списках, независимых от ВМЧ (например, редакция Василия-Варлаама Жития Всеволода Псковского)[150].

Таким образом, «Слово похвальное» (вероятно, во второй редакции) использовалось в 8 гл. 4 ст., 4, 9 гл. 7 ст. этой степени, а также, возможно, в 9 и 72 гл. 1 ст. СК.

Иерусалимский патерик

Как уже отмечалось выше, У. Федер указал на использование в рассказе о крещении костей Платона, помещенном в 75 гл. 1 ст., сюжета о посмертном крещении язычницы ее отцом, который содержится в Иерусалимском патерике. Приведем сравнительный материал соответствующих отрывков СК и славяно-русского перевода Иерусалимского патерика. Итоги сравнения текстов показывают, что рассматриваемый фрагмент СК является дословной цитатой из патерика, ср.:

Иерусалимский патерик	СК
«Глаголаше старець, яко бяше нѣкто из мира изшелъ, имѣя женоу такожед и дщерь оглашеноу, обаче же христианица. Раздѣли же имѣниа своя на три части. Преставльши же ся дщери его тако оглашеннѣ помощи ради и избавлениа даде чясть ея нищиимь отець, к томоу же и часть жены своея и свою, не престааше же моля Бога о ней. Моляшоу же ся емоу прииде емоу глас, глаголя: „Яко крестися дщи твоя, не скорби“. Он же не верова. Глагола же пакы емоу невидимыи глас: „Окопаи гробъ ея, аще обящеши ю“. Он же шед на гробъ и откопа и не обрѣте ю тамо, прѣложена оубо бысть съ верными»[151].	«Яко же пишетъ въ Патерицѣ, яко бяше нѣкто из мира изшелъ, имѣя жену и дщерь оглашену, и раздѣли имѣние свое на три чясти. Преставивши же ся дщери его некрещенъ, и погребошя ю с невѣрными. Отець же ея, хотя помощи еи и избавлениа ради души ея, даде чясть ея нищимь, и к тому же чясть и жены своея и свою и непрестая Бога моляше о неи. И прииде ему гласъ глаголя: „Крестилася дъщи твоя, не скоръби“. Онъ же не вѣрова. Паки же рече ему невидимыи гласъ: „Окопаи гробъ ея, аще обрящеши ю“. Онъ же шедъ на гробъ ея и окопа, и не обрѣте ю тамо, но преложена бысть с вѣрными»[152].

[149] *Панченко О. В.* Две редакции... С. 7—8.

[150] Подробнее вопрос о характере взаимоотношений ВМЧ и СК нами будет рассмотрен ниже.

[151] ОР РГБ. Ф. 304.I. № 701. Л. 191 об. В настоящей работе используется список славяно-русского перевода Иерусалимского патерика, содержащийся в рукописной книге, которая по записи датируется 1469 г.

[152] Степенная книга. Т. 1. С. 377.

Как видим, единственным случаем правки этого отрывка было изменение начала первой фразы: слова Патерика «глаголаше старець, яко бяше...» составитель СК заменил уточнением источника данного известия («яко же пишетъ въ патерице, яко бяше...»).

Великие Минеи Четии и Степенная книга

Наряду с СК в третьей четверти XVI в. в Москве существовал и другой крупный свод памятников русской оригинальной и переводной агиографии, в т. ч. и тех, которые полностью или частично вошли в СК — ВМЧ. Рассуждая с позиций человека Нового времени, трудно представить, что эти два крупнейших свода, созданных по инициативе одного лица — митрополита Макария, писались вне какой-либо связи друг с другом. Учитывая то, что ВМЧ составлялись несколько ранее СК (об этом ниже), последнюю, как было отмечено в первой главе настоящей работы, исследователи нередко возводили к первым[153]. Если это предположение справедливо, то проблема источников СК в значительной степени упрощается, поскольку ВМЧ содержат значительное число произведений, включенных в СК. Учитывая важность вопроса о характере взаимоотношений ВМЧ и СК для изучения источников последней и определения ее связей с прочими «обобщающими предприятиями» макарьевской поры, разберем его специально.

Рассматривая работы, в которых СК возводилась к ВМЧ, отметим, что это предположение основывается на логическом допущении того, что составленный в 30-е—начале 50-х гг. XVI в. агиографический свод, вобравший в себя едва ли не половину всех известных в Московской Руси памятников древнерусской оригинальной и переводной литературы, послужил источником целого ряда рассказов в СК, созданной в последние годы жизни митрополита Макария. В наиболее последовательном и аргументированном виде гипотеза о восхождении СК к ВМЧ представлена в работе Д. Миллера. Историк, отметив факт создания ВМЧ и СК по инициативе Макария, указал на использование в СК ряда помещенных в ВМЧ произведений (Тучковской ре-

---

[153] Например, см.: *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 232—235; *Иконников В. С.* Опыт... Т. 2, кн. 2. С. 1318; *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 18; *Сиренов А. В.* Формирование... Р. 339; *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 316—317, 340—341.

дакции Жития Михаила Клопского, «Слова... еже на латину», «Слова похвального» Михаилу Черниговскому Льва Филолога, Сказания о Владимирской иконе, Житий Александра Невского, Евфросинии Полоцкой, Михаила Тверского, Михаила Черниговского, митрополита Петра и Федора Ярославского) и на этом основании возвел СК к ВМЧ[154].

Важно отметить, что предположение о восхождении СК к ВМЧ ни Д. Миллер, ни другие исследователи не подкрепляли текстологическими данными — как было отмечено выше, в качестве аргументов приводился факт наличия в СК и ВМЧ ряда общих житий, при этом вопрос об их редакциях, как правило, не рассматривался. Попытаемся заполнить эту лакуну в историографии памятника и прояснить вопрос о характере связи СК и ВМЧ. Рассмотрим произведения, вошедшие в их состав.

ВМЧ сохранились в трех комплектах. Софийский, будучи написан в Новгороде около 1529/30—1541 гг. XVI в., по всей видимости, не покидал пределов Софийского собора, в который он был вложен новгородским архиепископом Макарием в 1541 г. В 40-е—начале 50-х гг. Софийский комплект был привлечен к созданию Успенского и Царского комплектов ВМЧ, основной объем работы над которыми был произведен в Новгороде[155]. Судя по результатам специального изучения ВМЧ, в Москве, куда были отправлены Успенский и Царский списки, была произведена их окончательная обработка[156]. Успенский комплект

---

[154] См.: *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 316—317, 340—341.

[155] В Новгороде Софийский комплект ВМЧ, по-видимому, использовался для переписки книг и позднее. Так, согласно предположению Е. М. Юхименко, январская минея из Софийского комплекта (в настоящее время утрачена) в 1567 г. была привлечена для написания январской минеи (см.: ОР ГИМ. Музейск. № 4056), которая в начале XVIII в. поступила в Выголексинскую библиотеку (см.: *Юхименко Е. М.* Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература. Т. 1. М., 2002. С. 100—101).

[156] Подробнее о времени написания комплектов ВМЧ и характере их взаимоотношений см.: *Кучкин В. А.* 1) О формировании Великих Миней Четий митрополита Макария // Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела. II Всесоюзная научная конференция по проблемам книговедения. Секция рукописной книги. М., 1974. С. 22—26; 2) О формировании Великих Миней Четий митрополита Макария // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 86—101; *Дробленкова Н. Ф.* Ранний вариант декабрьского тома Великой Минеи Четьи // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 386—390; *Костюхина Л. М.* 1) Роль филиграней... С. 76—86; 2) Палеография... С. 22—29; 3) Русские писцы в книжной мастерской митрополита Макария (по Успенско-

был вложен митрополитом Макарием в 1552 г. в московский Успенский собор «на память своей душе и по своих родителех в вечный поминок»; Царский комплект был поднесен митрополитом Ивану IV, в библиотеке которого он и хранился (по крайней мере, до конца XVII в.)[157]. Учитывая явно московское происхождение древнейших списков СК Волк., Томск. и Чуд., Софийский комплект мы исключим из числа возможных непосредственных источников СК и обратимся к Успенскому и Царскому спискам. Итак, рассмотрим памятники, которые вошли как в СК, так и в Успенский и Царский комплекты ВМЧ[158].

му списку Великих Миней Четьих) // Abhandlungen zu den Grossen Lesemenäen des Metropoliten Makarij (Kodikologische, miszellanologische und textologische Untersuchungen). Bd. 1. Freiburg i. Br., 2000. S. 21—41; *Бобров А. Г.* О новосибирском списке сказания Афродитиана (К вопросу о формировании Великих Миней Четий митрополита Макария) // Рукописная традиция XVI—XX вв. на Востоке России. Новосибирск, 1983. С. 117—119; *Диановa Т. В.* Исследование бумаги и бумажных водяных знаков мартовского тома Софийского комплекта Великих Миней Четьих митрополита Макария // Abhandlungen zu den Grossen Lesemenäen des Metropoliten Makarij... S. 1—20. Обобщающая информация по данному вопросу представлена в статье Н. Ф. Дробленковой, помещенной в «Словаре книжников и книжности Древней Руси», см.: *Дробленкова Н. Ф.* Великие Минеи Четии // СККДР. Вып. 2, ч. 1. С. 126—133 (там же приведена библиография). О связи Макария в московский период с новгородскими мастерами-миниатюристами см.: *Антонова Л. И.* Иллюстративный цикл Жития Нифонта и макарьевская книгописная мастерская // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. СПб., 2006. С. 66—73.

[157] См.: *Жданов И. Н.* Сочинения царя Ивана Васильевича // *Жданов И. Н.* Сочинения. Т. 1. СПб., 1904. С. 131; Библиотека Ивана Грозного: реконструкция и библиографическое описание / Сост. Н. Н. Зарубин, под ред. С. О. Шмидта, подгот. к печати, примеч., доп. А. А. Амосова. Л., 1982. С. 10, 12, примеч. 12.

[158] ВМЧ по Успенскому и Царскому списку изданы лишь частично (перечень изданных томов ВМЧ см.: Библиографический указатель изданий Археографической комиссии (К 150-летию Археографической комиссии). М., 1985. С. 27—29; *Дробленкова Н. Ф.* Великие Минеи Четии. С. 131). При определении состава неопубликованной части ВМЧ мы опирались на наиболее подробные описания ВМЧ: А. В. Горского и К. И. Невоструева (см.: *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание Великих Четьих-Миней Макария митрополита всероссийского, с предисловием и дополнениями Е. В. Барсова // ЧОИДР. 1884. Кн. 1, отд. 2. С. I—XIX, 1—64; 1886. Кн. 1, отд. 2. С. 65—184; т. к. нумерация страниц в «Описании...» сплошная, при ссылках на него мы будем указывать лишь номер страницы без указания выпуска «Чтений...»); в части, не вошедшей в их описание (27 мая—31 августа), на оглавление иером. Иосифа (см.: *Иосиф, иером.* Подробное оглавление Великих Четиих Миней всероссийского митрополита Макария, хранящихся в Московской патриаршей (ныне Синодальной) библиотеке. М., 1892).

Как уже было отмечено ранее, в СК с незначительной правкой вошла пространная редакция Жития Ольги, которая в июльском томе ВМЧ не фиксируется[159] (как указал Н. И. Серебрянский, в ВМЧ помещена проложная редакция[160]). Исследователи Жития Ольги, рассмотревшие ее пространную редакцию (включенную в СК), отмечая ее близость к т. н. псковской редакции (созданной, вероятно, Василием-Варлаамом) и Ник., не находили параллелей с ВМЧ[161].

Как было отмечено Н. Ф. Околовичем и нами в результате уточнения его выводов[162], в основу Жития Владимира было положено Поучение на память этого князя, а также целый ряд других памятников — пространная редакция Жития Ольги, проложное Житие Владимира, «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, «Память и похвала» Иакова Мниха и др. Важно отметить, что если «Слово» киевского митрополита (третьей редакции) фиксируется в ВМЧ[163] (и в целом ряде других рукописных книг XV—XVI вв.)[164], так же как проложное Житие Владимира и «Память и похвала»[165], то Поучение на память Владимира и пространная редакция Жития Ольги в этом агиографическом своде отсутствуют. Таким образом, возведение степенной редакции Жития Владимира к ВМЧ сомнительно.

В 1 ст. СК вошли фрагменты и ряда других памятников. В 8 гл. 1 ст. СК содержится ссылка на одно из Чудес Димитрия Солунского (вероятно, «Чудо о градѣ Солуньстѣмъ и о Пребудѣ князѣ и неослабнѣмъ его воевании»), которое помещено в ВМЧ[166].

---

[159] *Иосиф, иером.* Подробное оглавление... Стб. 308.

[160] *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития... С. 173.

[161] Там же. С. 37—38; *Гриценко З. А.* Литературные памятники... С. 9; *Курукин И. В.* Сильвестр и составление Жития Ольги... С. 51—60.

[162] *Околович Н. Ф.* Жития святых... С. 52, 65, 71, 73, 75—76, 80—82; *Усачев А. С.* 1) Источники... С. 256—271; 2) Об одном источнике Жития Владимира в Степенной книге // ПИ. М., 2006. Вып. 1(12). С. 327—336.

[163] См.: *Иосиф, иером.* Подробное оглавление... Стб. 313—314. На использование в ВМЧ третьей редакции «Слова» указал еще Н. К. Никольский, см.: *Никольский Н. К.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906. С. 78—79.

[164] Обзор списков третьей редакции «Слова», см.: *Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984. С. 24—25.

[165] *Иосиф, иером.* Подробное оглавление... Стб. 313. Также см.: *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития... С. 174.

[166] ВМЧ. Октябрь. Дни 19—31. СПб., 1880. Стб. 1928—1943.

Как было установлено в историографии, в ВМЧ вошли распространенные на Руси произведения о Димитрии, которые известны в списках начиная с XIV в.[167] Аналогичным образом дело обстоит и с Житием Стефана Сурожского, на которое содержится ссылка в 8 гл. 1 ст., — как указал В. Г. Васильевский, Житие появилось на Руси в XV в.[168] и известно в списках XV—XVI вв.[169]. Сказанное выше также справедливо и для славяно-русского перевода «Окружного послания» патриарха Фотия, которое, как установил Д. М. Буланин, было распространено в ряде списков середины XVI в.[170] и помещено в ВМЧ под 31 авгу-

---

[167] В обобщенном виде результаты изучения рукописной традиции Жития Димитрия Солунского представлены в обзорной статье в «Словаре книжников и книжности Древней Руси», см.: *Буланин Д. М.* Мучение Димитрия Солунского // СККДР. Вып. 1. Л., 1987. С. 260—265. Наиболее полный перечень списков произведений, посвященных Димитрию см.: *Творогов О. В.* Переводные жития в русской книжности XI—XIV вв. Каталог. М.; СПб., 2008. С. 44—46.

[168] *Васильевский В. Г.* Труды. Т. 3. С. CXLIII. О Житии этого святого также см.: *Вестберг Ф. Ф.* О житии св. Стефана Сурожского // ВВ. СПб., 1909. Т. 14. С. 227—236.

[169] Подробнее о славяно-русских списках Жития Стефана Сурожского см.: *Васильевский В. Г.* Труды. Т. 3. С. CCLXXXVI—CCLXXXVIII; *Творогов О. В.* Переводные жития... С. 111.

[170] См.: Древлехранилище ИРЛИ. Коллекция В. Н. Перетца. № 54; ОР РНБ. Соф. № 1195; ОР РНБ. ОСРК. Q.I.487. О рукописной традиции славяно-русского перевода «Окружного послания» см.: *Буланин Д. М.* 1) «Окружное послание» константинопольского патриарха Фотия в древнерусских рукописях XVI—XVII вв. // Palaeobulgarica (Старобългаристика). София, 1981. Т. V, вып. 2. С. 35—54; 2) Переводы и послания Максима Грека... С. 85—86. Наиболее ранним из известных списков «Окружного послания» является августовский том Софийского комплекта ВМЧ (см.: РГАДА. Ф. 201 (Собрание М. А. Оболенского). № 161; не позднее 1541 г.). Однако при датировке появления славяно-русского перевода послания необходимо учесть два момента. Во-первых, как установил Д. М. Буланин, перевод «Окружного послания» (выполненный, согласно Д. М. Буланину, Максимом Греком) встречается в сборниках совместно со «Словом на латинов» Максима Грека, создание которого датируется первыми годами жизни афонского старца в России (около 1519—1521 гг., см.: *Иванов А. И.* Литературное наследие Максима Грека: характеристика, атрибуция, библиография. Л., 1969. С. 111. № 134; *Синицына Н. В.* Максим Грек в России. М., 1977. С. 81; *Буланин Д. М.* Переводы и послания Максима Грека... С. 88). Во-вторых, как отметил этот же исследователь (см.: *Буланин Д. М.* Переводы и послания Максима Грека... С. 90), результаты текстологического изучения списков послания указывают на то, что антилатинский комплекс статей (в который и помещен славяно-русский перевод «Окружного послания») «сложился до составления Великих Миней Четьих митрополита Макария, которые дают вторичные чтения».

ста[171], а также для Жития Параскевы Пятницы (его отрывок читается в 17 гл. 1 ст.), содержащегося в ВМЧ под 28 октября, но известного в более ранних списках[172]. Как указал У. Федер, в 75 гл. 1 ст. был включен фрагмент Азбучно-Иерусалимского патерика, который помещен в ВМЧ под 31 декабря[173]. Однако известны и другие, независимые от ВМЧ, списки этого памятника[174]. Несомненно использование в СК Киево-Печерского патерика[175], включенного в майский том ВМЧ (Успенского комплекта) под 3 мая[176] (как установил Д. И. Абрамович[177], в Кассиановской первой редакции)[178]. На этом основании, впрочем, вряд ли можно возводить СК к ВМЧ — как было установлено нашими предшественниками, Киево-Печерский патерик имеет весьма богатую рукописную традицию, представленную по меньшей мере 164 списками начала XV—XVIII вв.[179] В 35 гл. 1 ст. использовался славяно-русский перевод Жития («Мучения») Климента Римского, которое появляется на Руси в домонгольский период. Данный памятник помещен в ВМЧ под 25 ноября[180], а также известен в целом ряде независимых от них списков (на-

---

[171] *Иосиф, иером.* Подробное оглавление... Стб. 470.

[172] ВМЧ. Октябрь. Дни 19—31. Стб. 1968—1969, 1972—1979; *Творогов О. В.* Переводные жития... С. 95.

[173] *Николаев Н. И.* Патерик Азбучно-Иерусалимский // СККДР. Вып. 1. С. 302; *Иосиф, иером.* Подробное оглавление... Стб. 296—307.

[174] Например, уже упоминаемый выше список 1469 г. ОР РГБ. Ф. 304.I. № 701.

[175] Ввиду малого объема заимствований из Патерика, вряд ли возможно определить точно, какой именно редакцией воспользовался составитель СК. Подробнее об использовании Киево-Печерского патерика в СК см.: *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 115, 304; *Barnette W.* Stepennaja kniga... P. 163; *Усачев А. С.* Источники... С. 280—281.

[176] См.: *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание... С. 171.

[177] *Абрамович Д. И.* Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902. С. 81.

[178] Подробнее о включении Патерика в ВМЧ см.: *Шульгина Э. В.* Киево-Печерский патерик в составе Великих Миней Четьих // Федоровские чтения. 2005. М., 2005. С. 478—481.

[179] См.: *Абрамович Д. И.* Исследование о Киево-Печерском патерике. С. 1—113; *Ольшевская Л. А.* Типолого-текстологический анализ списков и редакций Киево-Печерского патерика // Древнерусские патерики (Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик). М., 1999. С. 253—315. Об использовании Киево-Печерского патерика в памятниках книжности XV—XVII вв. также см.: *Головань Н. А.* Киево-Печерский патерик и его читатели в XIII—XVII вв. // Книга в пространстве культуры. Вып. 1 (3). М., 2007. С. 16—19.

[180] ВМЧ. Ноябрь. Дни 23—25. СПб., 1917. Стб. 3317—3327.

чиная с XIV в.)[181]. Как нами было отмечено выше, судя по всему, составитель СК воспользовался переводом, отличным от включенного в ВМЧ.

К числу наиболее объемных вошедших в СК агиографических памятников относится Сказание о Борисе и Глебе. В ВМЧ под 2 мая помещено «Слово на перенесение мощей» Бориса и Глеба[182], которое, как предположил Д. И. Абрамович, могло быть составлено специально для ВМЧ[183]; в июльском томе ВМЧ помещено Сказание[184] и Чтение[185]. Н. И. Серебрянский[186] указал, что в 73 гл. 1 ст. СК представлена особая редакция, которая создавалась на основе Сказания с привлечением ряда деталей из Чтения Нестора, а также включала «Сказание чудес». Как установил этот исследователь, «житийным сказанием составитель Степенной пользовался не в редакции В. Ч. Миней, а в одной из версий редакции древнейшей»[187].

---

[181] «Мучение» Климента Римского, послужившее источником СК, было создано на рубеже IV—V вв. и переведено на славянский язык в домонгольское время. Подробнее о славянских переводах произведений, посвященных Клименту Римскому, см.: *Соболевский А. И.* Жития святых... С. 1—2; *Шестаков С.* К истории текстов Жития св. Климента, папы Римского, пострадавшего в Херсоне // ВВ. СПб., 1908. Т. 14. С. 215—226; *Лавров П. А.* Жития херсонских святых... С. III—XVI; *Бегунов Ю. К.* Русское Слово о чуде Климента Римского и кирилло-мефодиевская традиция // Slavia. 1974. Roč. 43, Seš. 1. С. 26—46 (там же приведена библиография); *Панич Т. В.* «Эпистолия Климента Римского о житии его» в переводе Евфимия Чудовского // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 202—204; *Диатроптов П. Д.* Предания... С. 10—18; *Творогов О. В.* Переводные жития... С. 73.

[182] *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание... С. 170.

[183] *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба... С. XIX.

[184] Там же. С. XXII (Д. И. Абрамович ссылался на июльский том ВМЧ из Софийского комплекта, см.: ОР РНБ. Соф. № 1323). Список был издан Д. И. Абрамовичем в виде разночтений, см.: *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба... С. 27—66. Также см.: *Иосиф, иером.* Подробное оглавление... Стб. 326—327.

[185] Список Чтения, помещенный в неопубликованный июльский том Успенского комплекта, был издан в виде разночтений Д. И. Абрамовичем, см.: *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба... С. 1—26. Подробнее о памятниках борисоглебского цикла в ВМЧ см.: *Ранчин А. М. Сказание* и *Чтение* о Борисе и Глебе в составе *Великих Миней Четиих* митрополита Макария // *Ранчин А. М.* Вертоград златословный: древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях: [Сб. ст.]. М., 2007. С. 63—68.

[186] *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития... С. 98.

[187] Там же. С. 98. Подробнее о степенной редакции Сказания о Борисе и Глебе см.: *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба... С. XV; *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 109.

Наши предшественники отметили, что в основу степенной редакции Жития Всеволода Псковского была положена редакция Жития этого святого Василия-Варлаама[188]. Данная редакция помещена и в ВМЧ[189]. Однако результаты исследования рукописной традиции этого Жития указывают на то, что в середине XVI в. существовали и не возводимые к ВМЧ списки этого памятника[190]. Кроме того, при составлении степенной редакции Жития Всеволода Псковского активно использовался летописный материал[191]. Таким образом, источником степенной редакции Жития Всеволода-Гавриила могли послужить как ВМЧ, так и другие списки этого памятника.

Как отмечалось выше, А. А. Мельников указал, что в 11 гл. 5 ст. СК помещено Житие Евфросинии Полоцкой в редакции сборников (Житие внесено в СК без серьезных изменений — в ее тексте лишь была уточнена генеалогия полоцкой святой)[192], которая встречается в списках середины XVI в.[193] На этом основании исследователь заключил, что мы можем «противопоставить» списки редакций СК и ВМЧ[194]. Любопытно, что, согласно результатам текстологического изучения памятника А. А. Мельникова, редакция сборников также послужила источником редакции ВМЧ, помещенной в этом своде под 23 мая[195] (в тексте редакции ВМЧ усилена риторическая и дидактическая составляющая)[196]. Таким образом, редакции ВМЧ и СК, судя по всему, восходили к общему источнику — редакции сборников.

---

[188] *Державин Н. С.* «Степенная книга»... С. 77; *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития... С. 260.

[189] *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание... С. 128. Подробнее об этой редакции см.: *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития... С. 257—260; *Охотникова В. И.* Псковская агиография. Т. 1. С. 14—73.

[190] См.: ОР РГБ. Ф. 256 (Собрание Н. П. Румянцева). № 397 (середина XVI в.).

[191] Подробнее см.: *Охотникова В. И.* 1) Житие Всеволода-Гавриила... С. 484—503; 2) Псковская агиография. Т. 1. С. 121—138.

[192] Текст Жития данной редакции издан А. А. Мельниковым, см.: *Мельников А. А.* Литературная история... Прил. С. 2—75 (в публикации приведены тексты четырех вариантов этой редакции).

[193] Например, см.: ОР РГБ. Ф. 113. № 632; ОР РГБ. Ф. 98. № 124; ОР РГБ. Ф. 212 (Собрание Олонецкой духовной семинарии). № 11.

[194] *Мельников А. А.* Литературная история... С. 46.

[195] *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание... С. 183. Текст редакции ВМЧ издан А. А. Мельниковым, см.: *Мельников А. А.* Литературная история... Прил. С. 134—151.

[196] Подробнее об отличиях редакций Жития Евфросинии, помещенных в СК и ВМЧ, см.: *Мельников А. А.* Литературная история... С. 45—48.

К написанию СК было привлечено Житие Никиты Переяславского. Так, как отмечалось выше, в 18 гл. 6 ст. содержится большой фрагмент (Чудо об исцелении Михаила Черниговского) из Основной редакции Жития этого святого. Житие, которое сохранилось в списках начиная с XV в.[197], помещено в ВМЧ под 23 мая[198]. Любопытно заметить, что, как указал Г. З. Кунцевич[199], в редакции ВМЧ отсутствует 19-е чудо Никиты, которое вошло в 14 гл. 17 ст. СК. Это обстоятельство заставляет с сомнением отнестись к возможности возведения этого Жития в СК к ВМЧ.

В число источников СК входит Сказание о Владимирской иконе[200], помещенное в ВМЧ под 26 августа[201]. Крупный фрагмент из этого произведения помещен в 1—7, 9—10 тит. 12 гл. 6 ст. СК. Однако в ВМЧ отсутствует Повесть на сретение образа Владимирской Богоматери в редакции, помещенной в 24 гл. 13 ст., — как установил Б. М. Клосс, содержащаяся в СК редакция представлена двумя списками третьей четверти XVI в., независимыми от этого агиографического свода[202].

К источникам СК исследователи справедливо относили включенную в сентябрьский том ВМЧ[203] Пахомиеву редакцию Сказания об убиении в Орде Михаила Черниговского (XV в., древнейшие списки относятся к этому же столетию)[204]. К созданию

---

[197] Например, см.: ОР РГБ. Ф. 98. № 950 (конец XV в.); ОР РГБ. Ф. 7 (Собрание рукописей, поступивших от архимандрита Амфилохия). № 16 (начало XVI в.). Подробнее о рукописной традиции Жития см.: *Федотова М. А.* 1) Краткая редакция... С. 289—297; 2) Житие Никиты... С. 309—331.

[198] *Поныркo Н. В.* Житие Никиты... С. 309 (в этой статье содержится ссылка на майский том Софийского комплекта ВМЧ, см.: ОР РНБ. Соф. № 1321). Также см.: *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание... С. 181.

[199] *Кунцевич Г. З.* Житие св. Никиты Столпника Переяславского. Чудо 19-е и 20-е. С. 3.

[200] Как отметили В. А. Кучкин и Т. А. Сумникова, списки Сказания могут быть разбиты на две группы — сборников и минейную; различия между ними незначительны и фактически сводятся к ряду орфографических разночтений (см.: Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери / Вступ. ст. и публ. В. А. Кучкина, Т. А. Сумниковой // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 489—491).

[201] *Иосиф, иером.* Подробное оглавление... Стб. 436.

[202] ОР РГБ. Ф. 113. № 632, 633; *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 2. С. 133—134. Об источниках помещенной в СК версии Повести на сретение Владимирской Богородичной иконы см.: *Lenhoff G.* The Tale of Tamerlane... P. 122—129.

[203] ВМЧ. Сентябрь. Дни 14—24. Стб. 1298—1305.

[204] *Яблонский В. П.* Пахомий Серб... С. 100—105; *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития... С. 119—120, 127, 131; *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 150.

СК, как отмечалось ранее, было привлечено и «Слово похвальное» этому святому Льва Филолога (в ВМЧ читается под 10 сентября[205]), написанное, судя по всему, в 10—20-е гг. XVI в. в период пребывания сербского книжника на Руси[206].

В. П. Мансикка в своем специальном исследовании Жития Александра Невского выяснил, что в основу 8 ст. СК была положена т. н. Владимирская редакция («Слово похвальное»), которая помещена в ВМЧ под 23 ноября[207]. При этом важно отметить два момента. Во-первых, при создании степенной редакции Жития использовался дополнительный (преимущественно летописный) материал, который отсутствовал в ВМЧ (В. П. Мансикка высказал предположение о наибольшей близости к СК СІ[208]). Во-вторых, Владимирская редакция Жития Александра, которая, согласно В. П. Мансикке, создавалась вскоре после 1547 г. в кругу иноков Владимирского Рождественского монастыря[209], известна в ряде других списков середины—третьей четверти XVI в.[210] Это побуждает заключить, что оснований для возведения степенной редакции Жития Александра Невского непосредственно к ВМЧ нет.

Как указал Н. И. Серебрянский, в основу степенной редакции Жития Федора Ярославского была положена анонимная (минейная) редакция, появление которой он датировал концом XV в.[211] Г. Ленхофф в своем труде, посвященном рукописной

---

[205] ВМЧ. Сентябрь. Дни 14—24. Стб. 1310—1312.

[206] *Дмитриева Р. П.* 1) К вопросу о литературной деятельности Льва Филолога // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 64—68; 2) Лев Филолог. С. 3—4. Рукописная традиция памятника практически не изучена. Как отмечалось выше, в историографии существует лишь краткая заметка О. В. Панченко, выделившего две его редакции. См.: *Панченко О. В.* Две редакции... С. 7—8.

[207] См.: ВМЧ. Ноябрь. Дни 23—25. М., 1916. Стб. 3224—3242; Житие Александра Невского по Успенскому списку ВМЧ было также издано В. П. Мансиккой, см.: *Мансикка В. П.* Житие Александра Невского... Прил. С. 15—31. Обобщенную характеристику рукописной традиции Жития см.: *Охотникова В. И.* Повесть о Житии Александра Невского // СККДР. Вып. 1. С. 355—363.

[208] *Мансикка В. П.* Житие Александра Невского... С. 143—165.

[209] Там же. С. 110.

[210] См.: ОР РНБ. Соф. № 1491; ОР РНБ. Погод. № 679; ОР РГБ. Ф. 113. № 632; ОР РГБ. Ф. 304.I. № 199 (списки указаны В. П. Мансиккой, см.: *Мансикка В. П.* Житие Александра Невского... Прил. С. 15).

[211] *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития... С. 232; ВМЧ. Сентябрь. Дни 14—24. Стб. 1255—1261.

традиции Жития этого святого, отметила, что в СК также была использована редакция Антония. Исследовательница обратила внимание на то, что помещенная в СК редакция отлична от содержащейся в сентябрьском томе ВМЧ[212]. Б. М. Клосс, также специально рассмотревший историю текста Жития ярославского святого, уточнил время создания минейной редакции: ее появление он датировал первой четвертью XVI в.[213]

Редакция СК Жития митрополита Петра в 4 гл. 10 ст. также не может быть возведена непосредственно к Житию, помещенному в декабрьском томе ВМЧ[214] (как указала Р. А. Седова, в ВМЧ была использована редакция Киприана с рядом незначительных дополнений[215]). Не останавливаясь на многочисленных мелких орфографических разночтениях соответствующих текстов СК и ВМЧ, обратим внимание на наиболее крупные различия. Так, в ВМЧ отсутствует имя отца митрополита Петра, в то время как в СК оно упоминается[216]. В СК нет содержащегося в ВМЧ отрывка «...подгнещая его... удалятися. И се убо творяше...»[217]) (в СК «подгнѣщая его къ Царюграду. И сие убо творяше...»[218]) (данные фрагменты, как выяснила Р. А. Седова, и отличают редакцию ВМЧ от Киприановой)[219]. Имеет ряд различий и окончание жизнеописания митрополита Петра. Так, если в ВМЧ читается «непрестанно всем приходящим к нему, алчущим и убогым, и сирым, вдовицам, и в темницах сѣдящим, такожде и монастырем, и по церквам иереом»[220], то в СК текст читается по-иному: «Не преста милостыню творити всѣм прихо-

---

[212] ВМЧ. Сентябрь. Дни 14—24. Стб. 1261—1282; *Lenhoff G.* Early Russian Hagiography... P. 160.

[213] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 2. С. 307, 310.

[214] ВМЧ. Декабрь. Дни 18—23. М., 1907. Стб. 1620—1646.

[215] *Седова Р. А.* Святитель Петр... С. 44—45.

[216] Ср.:

СК	ВМЧ
«...отъ родителю христиану и благоговѣину, отца именемъ Феодора и материиа его...» (см.: Степенная книга. Т. 1. С. 568).	«...от кристиану и благовѣйну [так! — *А. У.*] родителю...» (см.: ВМЧ. Декабрь. Дни 18—23. Стб. 1621).

[217] ВМЧ. Декабрь. Дни 18—23. Стб. 1626.

[218] Степенная книга. Т. 1. С. 571.

[219] Любопытно, что данное чтение ближе к списку киприановой редакции последней четверти XV в., который привлечен нами к сравнению текстов редакции Киприана, СК и ВМЧ, см.: ОР РГБ. Ф. 304.I. № 789. Л. 55 об.

[220] ВМЧ. Декабрь. Дни 18—23. Стб. 1636.

дящимъ к нему убогимъ, такожде и монастырем и по церквамъ иереомъ и диакономъ»[221]. Нет в СК и указания на дату празднования памяти митрополита Петра[222]. Отсутствуют в ней и содержащиеся в ВМЧ заголовки: «О преставлении святителя Петра...», «Чюдо о раслабленом юноши...», «О прихождении Феогнаста митрополита...», «В тои же день слово похвально...»[223]. Отмеченные расхождения дают основания заключить, что, по-видимому, источником СК послужил список Киприановой редакции Жития митрополита Петра, который был отличен от текста, подвергшегося обработке при создании декабрьского тома ВМЧ[224].

К числу крупных произведений, включенных как в СК, так и в ВМЧ, относится Повесть о Михаиле Тверском. Как отметил В. А. Кучкин, специально исследовавший ее рукописную традицию, в СК помещена отличная от ВМЧ редакция[225], которая наибольшую близость обнаруживает к CI мл.[226] Помещенная

---

[221] Степенная книга. Т. 1. С. 577. Данное чтение также ближе к вышеупомянутому списку XV в., см.: «Не преста милостыню творити всѣм приходящим к нему убогым, такожде и монастырем и по церквам иереом» (ОР РГБ. Ф. 304.I. № 789. Л. 62).

[222] Ср.:

СК	ВМЧ
«...празднуемъ есть по достоиньству святыи» (см.: Степенная книга. Т. 1. С. 579).	«...празднуем есть святыи Петр по достоиньству месяца декамвриа в 21 день...» (см.: ВМЧ. Декабрь. Дни 18—23. Стб. 1642).

Это хронологическое указание также отсутствует и в привлеченном к сравнению текстов списке ОР РГБ. Ф. 304.I. № 789. Л. 64 об.

[223] Ср.: Степенная книга. Т. 1. С. 578; ВМЧ. Декабрь. Дни 18—23. Стб. 1636—1642. Отсутствие данных киноварных заголовков также характерно и для упомянутого выше списка Жития митрополита Петра, см.: ОР РГБ. Ф. 304.I. № 789. Л. 64 об.—66 об.

[224] Приведенные выше ссылки на случаи близости списка Жития митрополита Петра ОР РГБ. Ф. 304.I. № 789 вряд ли можно рассматривать как аргументы в пользу того, что именно этот список послужил непосредственным источником СК (как было отмечено выше, не все случаи различий СК и ВМЧ характерны для этого списка). На данном этапе исследования важно зафиксировать, что в период, близкий к созданию СК, существовали предшествующие ВМЧ списки, которые отразили текст, более близкий к помещенному в СК Житию митрополита Петра, чем ВМЧ.

[225] ВМЧ. Ноябрь. Дни 16—22. М., 1914. Стб. 3092—3104.

[226] *Кучкин В. А.* Повести... С. 116—119, схема.

в ВМЧ редакция (около 1550 г.), как установил этот историк, восходит к общерусскому летописному своду 60-х гг. XV в.[227]

В состав источников СК входит Житие митрополита Алексия. В ВМЧ под 12 февраля помещены две редакции Жития этого святого — Пахомия Серба и приписываемая пермскому епископу Питириму[228]. Как уже отмечалось в историографии, в основу степенной редакции была положена редакция Пахомия (1459 г.), которая была дополнена летописным материалом[229].

Вопрос о редакциях Жития митрополита Ионы нами был рассмотрен выше. Результаты его изучения дали основания отметить, что при создании степенной редакции жизнеописания Ионы была использована т. н. третья редакция (не ранее 1556 г.), а не «Слово похвальное» (1547 г.), включенное в ВМЧ.

В 12 гл. 15 ст. содержится ссылка на Житие Пафнутия Боровского, которое было написано Вассианом Саниным на основе «Записки о последних днях Пафнутия» Иннокентия (не позднее 1515 г.)[230] и лишь потом включено в ВМЧ под 1 мая[231].

Краткие выдержки из ряда других использованных в СК произведений или их упоминания, которые были написаны до ВМЧ (Жития Сергия Радонежского, Димитрия Прилуцкого, Кирилла Белозерского, Зосимы и Савватия Соловецких и др.), не дают возможности точно определить, какие именно их редакции были привлечены к созданию памятника.

Представленный выше материал дает основания констатировать следующее:

1) В СК не фиксируются памятники, которые можно было бы возвести исключительно к ВМЧ, — в том случае, когда редакции житий совпадают, есть ряд их списков не позднее третьей четверти XVI в., которые помимо ВМЧ могли быть использованы в СК (Жития Всеволода Псковского, митрополитов Петра, Алексия и т. д.).

---

[227] *Кучкин В. А.* Повести... С. 169—178, схема.

[228] *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание... С. 129.

[229] Подробнее о степенной редакции Жития см.: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых... С. 243—245; *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 181—183; *Кривцов Д. Ю.* Рассказ Степенной книги... С. 67—84.

[230] Подробнее см.: *Кадлубовский А. П.* Житие преподобного Пафнутия Боровского... С. 98—149; *Лурье Я. С.* Вассиан Санин // СККДР. Вып. 2, ч. 1. С. 125—126.

[231] *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание... С. 167—169.

2) В ВМЧ отсутствует целый ряд агиографических произведений, которые были включены в СК или на которые ссылается ее составитель (пространная редакция Жития Ольги, Поучение на память Владимира, «Слово о князьях», «Слово о житии» Дмитрия Ивановича и др.).

3) В СК был включен ряд житий в редакциях, отличных от тех, которые были помещены в ВМЧ (Жития Александра Невского, митрополита Ионы, Федора Ярославского и т. д.). Есть основания полагать, что помещенные в СК редакции либо отражали следующий (сравнительно с ВМЧ) этап в истории рукописной традиции этих памятников (помещенная в СК т. н. третья редакция Жития митрополита Ионы создавалась на основе включенного в ВМЧ «Слова похвального», Житие Александра Невского составлялось на основе помещенной в ВМЧ Владимирской редакции), либо создавались на основе общих источников (Житие Федора Ярославского составлялось на основе также использованной в ВМЧ минейной редакции, источником СК и ВМЧ послужила редакция сборников Жития Евфросинии Полоцкой).

Сказанное выше дает основания заключить, что аргументы, приводимые в пользу гипотезы о восхождении СК к ВМЧ недостаточны. Таким образом, в свете доступных нам данных можно полагать, что в настоящее время веских оснований для возведения СК к ВМЧ нет. Впрочем, вряд ли стоит полностью отвергать возможность знакомства протопопа московского Благовещенского собора — духовника Ивана IV Андрея — с Царским или Успенским комплектом ВМЧ[232]. Вероятно, можно полагать, что итоги специального исследования состава ВМЧ (прежде всего памятников, помещенных здесь в некалендарном порядке) в перспективе дадут дополнительный материал для решения вопроса о характере взаимоотношений этого свода и СК. Это, однако, потребует специального исследования, далеко выходящего за пределы изучения состава и источников СК. Подводя итоги рассмотрения представленного выше материала, можно констатировать, что на данном этапе изучения СК и ВМЧ достаточных оснований для возведения первого памятника ко второму нет.

---

[232] Также нельзя исключать возможность участия в работе над СК и ВМЧ одного круга книжников. Об участии чудовских писцов в написании ВМЧ см.: *Кучкин В. А.* О формировании... С. 98—101.

3.2. Летописи

Как справедливо отметили наши предшественники (Н. Ф. Околович, В. В. Кусков и др.), основными летописными источниками СК служили Ник., а также Воскр. Вместе с тем итоги разбора источников СК заставляют думать, что к ее написанию были привлечены и иные памятники летописания. Обратимся к ним.

Летописные источники 16—17 ст.

Общеизвестно, что основным источником СК являлась Ник. Соглашаясь с этим фактом, нельзя не задаться вопросом о том, каким летописным источником книжник воспользовался при описании событий русской истории, случившихся после 1520 г., которым завершает повествование Ник.

Определяя источники окончания 16 и текста 17 ст., В. В. Кусков отметил близость к СК Воскр., а также Львов. и Лебедев.[233] Однако необходимо помнить следующее: Воскр. заканчивается описанием событий 7049 г.; составленная, по-видимому, во второй половине 60-х гг. XVI в. Львов.[234] не могла являться источником СК, написанной не позднее 1563 г.; Лебедев. (наряду с Александро-Невской летописью; далее — Ал.-Невск.), как показал еще А. Е. Пресняков[235], представляет собой копию частей ЛЛС, составление которого началось также не ранее конца 60-х гг. этого столетия. Рассмотрим вопрос о летописном источнике заключительной части СК.

В. В. Кусков установил, что рассказ о последних годах правления Василия III основан на данных Воскр.[236], текст которой послужил источником продолжения Ник. (в ее древнейших списках — Патр. и М. А. Оболенского) до 7042 г. Какой источ-

---

[233] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 269—296.

[234] Подробнее о датировке Львов. см.: *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 202.

[235] Подробнее см.: *Пресняков А. Е.* Царственная книга... С. 28—30. Также см.: *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 227—231.

[236] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 278—280. В. В. Кусков наряду со ссылками на 8-й том ПСРЛ, в который помещена Воскр., также ссылается на 13-й том, в котором содержится окончание Ник. Однако в соответствующих местах в списках Ник. воспроизведен текст Воскр. (записи за 7029—7041 гг., см.: ПСРЛ. Т. 13. С. 37—74; на это обратили внимание издатели Ник., см.: Там же. С. 37, примеч. 1), которая продолжает прерванный окончанием Ник. рассказ о русской истории.

ник был положен в основу рассказа о событиях русской истории начиная с 7042 г.? Как было указано выше, Д. Миллер отметил близость к 17 ст. ЛНЦ[237], не останавливаясь на характеристике вошедшей в СК редакции этого памятника. Восполним этот пробел в изучении источников памятника.

Есть все основания согласиться с мнением Д. Миллера относительно использования при создании СК ЛНЦ. Его первоначальная редакция (около 1553—1555 гг.[238]) была доведена до 1552 г., а поздние до 1556 и, возможно, до 1558 и 1560 гг.[239] На использование ЛНЦ при создании СК указывает ряд близких фрагментов в ее 16—17 ст. и этом Летописце. Приведем их.

Первым подобным отрывком является рассказ о смерти Василия III в 24 гл. 16 ст., источником которого послужила летописная запись за 7042 г.:

СК	ЛНЦ	Продолжение Ник., Воскр.
«Вся же правления Русьскаго царствиа завѣщаваетъ дръжавьствовати и по Бозе устраати и разсужати съ сыномъ своимъ царемъ и великимъ княземъ Иваномъ, дондеже отъ младости устрабится, матери его, а своеи великой княгине Елене: вѣдяше еа боголюбиву, и милостиву, и правдиву, мудру же и мужествену, и сердце еа всякого царскаго разума исплънено»[240].	«А приказывает великои княгине Елене своеи дѣти и престол области державствовати скипетръ великия Русии до возмужения сына своего, вѣдаше бо ея великии государь боголюбиву и милостиву, тиху и праведливу, мудру и мужествену, и всякого царьского разума исполнено сердце ея...»[241].	«...а великой княгинѣ Еленѣ приказываетъ подъ сыномъ своимъ государство держати до возмужаниа своего сына»[242].

[237] *Miller D.* Official history... P. 341.

[238] *Лавров Н. Ф.* Заметки о Никоновской летописи // ЛЗАК за 1926 год. Л., 1927. Вып. 1 (34). С. 87.

[239] Именно до этого года доведена редакция ЛНЦ, помещенная в Патр. (см.: ПСРЛ. Т. 13. С. 267). Предположение о доведении ЛНЦ сначала до 1558 г., а затем до начала 1560 г. выдвинул Б. М. Клосс (см.: *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 201). В. В. Морозов в ранней работе писал о существовании редакций ЛНЦ, доведенных до 1558 и 1560 гг. (см.: *Морозов В. В.* О парадигме, историографии и Алексее Адашеве // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII веков: Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. Москва, 13—18 мая 1990 г. М., 1990. С. 182). Подробнее этот вопрос будет рассмотрен ниже.

[240] Степенная книга. Т. 2. С. 325.

[241] ПСРЛ. Т. 29. С. 9.

[242] Цит. по Ник., Воскр. содержит аналогичный фрагмент, см.: ПСРЛ. Т. 13. С. 76; Т. 8. С. 285.

Как видим, в СК содержится ряд деталей, которые могут быть возведены лишь к ЛНЦ. Сходным образом дело обстоит и с рядом других фрагментов. Так, в рассказе об аресте Юрия Дмитровского (2 гл. 17 ст.) указано, что «совѣтомъ боярьскимъ поиманъ бысть братъ великаго князя Василия князь Юрьи Ивановичь Дмитровьскии: бояху бо ся, егда како людие к нему обратятся и вкупѣ с нимъ нѣкии мятежь сотворятъ на юношьство государьское»[243]. В ЛНЦ содержится сходный фрагмент: дьявол «вложи бояром великого князя мысль неблагу: только не поимати князя Юрья Ивановича, ино великого князя государству крепку быти нельзя, потому что государь еще млад, трех летъ, а князь Юрьи совръшенныи человѣкъ, люди приучити умѣет, и как люди к нему поидутъ, и он станет под великим княземъ государьства подискивати»[244]. В прочих источниках СК данный пассаж при описании заключения Юрия Дмитровского не фиксируется[245].

К числу рассказов СК, которые могут быть возведены исключительно к ЛНЦ, можно отнести сообщения о русско-литовской войне в годы малолетства Ивана IV (6 гл. 17 ст.). Среди этих известий, отмеченных В. А. Волковым, выделяются сообщения о том, что в ходе штурма Стародуба литовцами «изъ града же мнози людие утекоша», а также о взятии у литовцев после победы под Себежем «знамен и накров» (эти детали В. А. Волков, специально не занимаясь источниками СК, ошибочно относил к числу ее уникальных известий)[246]. Указанные подробности содержатся в записи ЛНЦ под 7043 г., которая послужила источником 6 гл.[247]

Учитывая то, что лишь в ЛНЦ содержится связный рассказ о последующих событиях (Воскр. заканчивается на изложении событий 7049 г.), именно этот памятник можно определить как главный источник последующего повествования в СК (по крайней мере, до событий 1556 г. включительно, если не принимать гипотезу Б. М. Клосса о продолжении ЛНЦ до 1558 и 1560 гг.). В пользу этого мнения говорит тот факт, что в 17 ст. СК отсутствуют известия, имеющие летописное происхождение (по край-

---

[243] Степенная книга. Т. 2. С. 346.

[244] ПСРЛ. Т. 29. С. 10.

[245] Ср.: ПСРЛ. Т. 13. С. 77—78; Т. 8. С. 286.

[246] Степенная книга. Т. 2. 350—351; *Волков В. А.* Войны Московской Руси конца XV—XVI вв. М., 2001. С. 198, примеч. 219, 223.

[247] См.: ПСРЛ. Т. 29. С. 19, 25.

ней мере, до 1556 г.), которые не возводимы к ЛНЦ. Какая именно редакция ЛНЦ была использована в СК и есть ли основания говорить о привлечении дополнительного источника к написанию 17 ст.?

При изучении вопроса о датировке СК выше мы рассмотрели в хронологическом порядке все известия, отразившиеся в заключающей ее 17 ст. Как выясняется, помещенное в последней (26-й) главе 17 ст. сообщение — о голоде в Крыму (осень 1559 г.) — не является хронологически наиболее поздним. Самым поздним (если не считать рассказа о начале Ливонской войны, который, как было показано выше, в текст СК был включен не сразу) известием в древнейшем тексте СК является упоминание в 25 гл. о направлении русского войска в Черкассы и на Шевкалы, а также о послании «попов християнских» для крещения «черкас кабардинских по умолению их» (февраль 1560 г.)[248]. Почему рассказ именно об этих событиях заключает основной текст произведения?

В поисках ответа на этот вопрос мы обратились к предшествующим и современным СК памятникам. Результаты предпринятых разысканий заставляют обратить внимание на летопись 1560-х гг., которая заканчивается теми же известиями. Речь идет о т. н. Своде 1560 г., который отражен в Львов. Эта летопись, по мнению Б. М. Клосса, создавалась в середине 60-х гг. XVI в.[249] Свод 1560 г. повествует о событиях русской истории 1389—1560 гг. и заканчивается как раз интересующими нас сообщениями[250]. Вряд ли совпадение окончания произведений, создаваемых примерно в одно время, можно считать случайностью. Однако являлся ли составленный в середине 60-х гг. XVI в.

---

[248] Степенная книга. Т. 2. С. 400—404. На окончание основного текста СК известиями февраля 1560 г. обратил внимание П. Г. Васенко, см.: *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 214—215. Как нами было отмечено выше, текст 18 гл. 17 ст., содержащий известия о начале Ливонской войны (в т. ч. о взятии Полоцка в 1563 г.), был приписан позднее.

[249] *Клосс Б. М.* 1) Никоновский свод... С. 202—203; 2) Об издании летописного Свода 1560 г. // ЛХ. 1980. М., 1981. С. 215—222.

[250] Списки Свода 1560 г. введены в научный оборот А. Н. Насоновым, с именем которого связано начало изучения этого памятника (см.: *Насонов А. Н.* История русского летописания XI—начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 450—472). Памятник не издан и известен в ряде списков, древнейшими из которых являются списки рубежа XVI—XVII вв. — Румянцевский (ОР РГБ. Ф. 256. № 255) и Архивский (РГАДА. Ф. 181. № 11). Описание этих списков см.: *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 203—205.

Свод 1560 г. непосредственным источником СК, которая писалась, как мы выяснили, по-видимому, во второй половине 50-х—начале 60-х гг. этого столетия?

Отвечая на этот вопрос, обратимся к источникам Свода 1560 г. Как отметил Б. М. Клосс, специально исследовавший русское летописание рассматриваемого времени, в основу этого памятника были положены Ник. и ЛНЦ[251]. Согласно мнению этого историка, при составлении Свода 1560 г. была использована не ранняя редакция ЛНЦ, завершающаяся описанием событий 1552 г., а одна из поздних редакций этого памятника, доведенная до 1560 г.[252] Строго говоря, существование доведенной до этого года редакции ЛНЦ является гипотезой — в настоящее время не выявлены списки ЛНЦ, доведенные до этого хронологического рубежа[253]. Однако, тем не менее, есть основания говорить если не о продолжении ЛНЦ до 1560 г., то, во всяком случае, о существовании использованного в СК летописного памятника, составленного не позднее начала 1561 г., в котором изложение событий было доведено до февраля 1560 г. Приведем их.

Важно зафиксировать, что, как уже неоднократно отмечалось в специальной литературе, составление ЛНЦ (а также его предполагаемых продолжений до 1558 и 1560 гг.) было связано с личностью А. Ф. Адашева, который в 50-е гг. XVI в. оказывал значительное влияние на деятельность правительства «Избранной рады». С опалой А. Ф. Адашева, выразившейся в его направлении воеводой в Ливонию в мае 1560 г., что в историо-

---

[251] Любопытно, что первая является основным источником 1—16 ст. СК, а на втором основаны окончание 16-й и основной текст 17-й ст.

[252] *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 201. На возможность существования ЛНЦ редакции 1560 г., которая могла использоваться в Львов., указал еще А. А. Шахматов, см.: *Шахматов А. А.* Разбор сочинения И. А. Тихомирова... С. 175—176.

[253] На этом основании В. В. Морозов вполне справедливо отметил, что на более твердую почву при решении данного вопроса исследователи встанут лишь после того, как текст продолжения ЛНЦ до 1560 г. будет выявлен в летописных сводах XVI в. (см.: *Морозов В. В.* Лицевой свод... С. 105). Как полагает В. В. Морозов, не отрицая существования доведенного до 1560 г. летописного свода, в своей поздней редакции ЛНЦ был доведен до 1556 г. и лишь через посредство доведенного до 1558 г. общего протографа Ник. и Свода 1560 г. влиял на Свод 1560 г. (см.: *Морозов В. В.* Об одной забытой летописи (Свод 1560 г.) // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского Средневековья. М., 1982. С. 25—33).

графии однозначно расценивают как почетную ссылку, а позднее (осенью этого года) аресте в Юрьеве, историки связывают и завершение летописных работ этого лица[254]. Однако был ли доведен летописный труд А. Ф. Адашева до описания событий февраля 1560 г.?

Точно ответить на этот вопрос не представляется возможным. Однако итоги анализа имеющихся в нашем распоряжении данных позволяют считать такую гипотезу вполне допустимой.

Во-первых, обратимся к биографии А. Ф. Адашева. Он в качестве третьего воеводы Большого полка отправился в Ливонский поход, покинув Москву в мае 1560 г. В августе этого года он был назначен воеводой в Феллине, откуда позднее был переведен в Юрьев, где и скончался в заключении в начале 1561 г. Таким образом, если полагать, что ведением летописания А. Ф. Адашев занимался, исключительно находясь в Москве, его участие в составлении летописи должно было закончиться не позднее мая 1560 г. Впрочем, судя по материалам Описи Царского архива, в Юрьеве среди вещей, оставшихся после А. Ф. Адашева, были некие черновые летописные материалы (об этом ниже). Это в свою очередь побуждает думать, что он мог заниматься подготовкой к составлению летописи и в походе[255]. Напомним, что описание событий в Своде 1560 г. и его предполагаемом Б. М. Клоссом источнике — ЛНЦ редакции 1560 г. — было доведено до февраля 1560 г. заставляет предположить, что гипотеза о наличии ЛНЦ редакции 1560 г. или какой-либо иной летописи, составленной А. Ф. Адашевым, доводившей повество-

---

[254] Подробнее о биографии А. Ф. Адашева см.: *Шмидт С. О.* 1) Правительственная деятельность А. Ф. Адашева и восточная политика Русского государства в середине XVI столетия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1949; 2) Правительственная деятельность А. Ф. Адашева // *Шмидт С. О.* Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 50—84 (цит. по последнему изданию); 3) А. Ф. Адашев и Ливонская война // Там же. С. 246—248; *Зимин А. А.* 1) И. С. Пересветов и его современники... С. 29—41; 2) Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 311—313, 316—325, 407—410, 413—415, 474—476; *Курукин И. В.* Сильвестр: политическая и культурная деятельность... С. 148—151, 165—179; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 98—129, 132—137.

[255] *Шмидт С. О.* Российское государство в середине XVI в.: царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984. С. 165. Б. М. Клосс высказал мнение о редактировании А. Ф. Адашевым списка М. А. Оболенского Ник. в Ливонском походе; эта гипотеза вызвала резкую критику В. В. Морозова, см.: *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 197—199; *Морозов В. В.* Лицевой свод... С. 96—98.

вание до начала 1560 г., не противоречит известным в настоящее время данным относительно биографии А. Ф. Адашева[256].

Во-вторых, необходимо обратить внимание на последние известия Свода 1560 г. (и, соответственно, его источника). Он завершается описанием внешнеполитических событий: сообщениями о происходящем на русско-крымской границе в конце 1559 г., известиями о посылке русского войска «по челобитию кабардинских князей и по неправдам Шевкаловым» «на Шавкал», а также сообщением о посылке русских попов в Кабарду «по челобитию крестити кабардинских черкас» в начале 1560 г.[257] Как известно, А. Ф. Адашев, который совместно с И. М. Висковатым фактически определял внешнюю политику Русского государства в середине XVI в., проявлял особый интерес к делам на южной «украине»: он осуществил дипломатическую подготовку присоединения Казани и Астрахани, а также инициировал ряд походов русских войск на владения крымского хана[258] (как отмечается в историографии, именно настойчивость А. Ф. Адашева относительно необходимости сосредоточения военно-дипломатических усилий страны на южном направлении и явилась важнейшей причиной его разрыва с Иваном IV, желавшим закрепления и расширения территориальных приобретений в Прибалтике[259]). Это в свою очередь также позволяет считать, что характер последних известий летописи если и не является прямым доказательством участия в ее составлении

---

[256] Так, А. Н. Ясинский разрыв в русском летописании между февралем 1560 г. и февралем 1563 г. связывал с опалой и смертью А. Ф. Адашева (см.: *Ясинский А. Н.* Сочинения князя Курбского как исторический материал. Киев, 1889. С. 15).

[257] Цит. по Архивскому списку, см.: РГАДА. Ф. 181. № 11. Л. 349 (в Румянцевском списке окончание текста Свода 1560 г. утрачено).

[258] Подробнее об этом см.: *Шмидт С. О.* 1) Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545—1546) // ТМГИАИ. М., 1954. Т. 6. С. 187—256; 2) Восточная политика России накануне «Казанского взятия» // Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI—XX вв. М., 1964. С. 538—558; 3) Восточная политика Российского государства в середине XVI века и Казанская война // УЗ Чувашского научно-исследовательского института. Чебоксары, 1977. С. 25—62; *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994. С. 54—362; *Хорошкевич А. Л.* Россия... С. 84, 90, 99 и др.

[259] Например, см.: *Зимин А. А.* 1) Реформы... С. 474; 2) Опричнина. М., 2001. С. 65; *Курукин И. В.* Сильвестр: политическая и культурная деятельность... С. 173; *Хорошкевич А. Л.* Россия... С. 240.

А. Ф. Адашева, то, во всяком случае, и не противоречит этой гипотезе[260].

В-третьих, следует обратить внимание на материалы Царского архива XVI в. Сведения об их составе содержит его Опись. Раскрывая содержимое ящика 223, она фиксирует «списки черные, писал память, что писати в Летописец лет новых, которые у Олексея взяты» в Юрьеве князем А. П. Телятьевским[261]. Как отметил А. А. Зимин, вряд ли можно сомневаться в том, что речь идет об изъятых у А. Ф. Адашева подготовительных материалах летописного характера[262]. О какой именно летописи шла речь?

---

[260] К сказанному выше также следует прибавить, что в русском летописании XVI в. фиксируется разрыв, приходящийся на 1560 г.: крупнейшие памятники летописания — Свод 1560 г. и связанная с ним Львов., а также СК, в которой основной текст доведен до 1560 г., — рассказ о событиях русской истории заканчивают именно описанием указанных выше событий. В связь с разрывом в летописании в этот период можно поставить и весьма краткое описание главной победы России в начале Ливонской войны в СК — взятия Полоцка (18 гл. 17 ст.): учитывая то, что события Ливонской войны по 1559 г. изложены намного более пространно, есть основания полагать, что источником этого рассказа для составителя СК послужила не соответствующая летописная запись, а рассказы очевидцев (подробнее этот вопрос будет рассмотрен ниже). Любопытно отметить, что этот разрыв также фиксируется и в созданном несколько позднее ЛЛС. Как отметил Д. Н. Альшиц, специально рассмотревший кодикологические особенности Синодального тома этого свода, для его текста до 1560 г. характерно множество киноварных заголовков (308 на 14 летописных записей), дробивших текст памятника на небольшие фрагменты; в части Синодального тома 1560—1567 гг. число киноварных заголовков резко снижается (до 10 для 7 летописных записей). На этом основании Д. Н. Альшиц выдвинул предположение о том, что в основу изложения Синодального тома был положен источник, доведенный до 1560 г., а при описании событий 1560—1567 гг. книжник использовал лишь черновые материалы, не имевшие киноварных заголовков (см.: *Альшиц Д. Н.* Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // ИЗ. М., 1947. Т. 23. С. 257—259). Сказанное выше позволяет вслед за нашими предшественниками связать несомненный разрыв в русском летописании XVI в. с арестом А. Ф. Адашева осенью 1560 г. (например, см.: *Ясинский А. Н.* Сочинения князя Курбского... С. 15; *Зимин А. А.* Опричнина. С. 59). Важно отметить, что подобный разрыв не фиксируется в 1570 г., в котором последовала казнь И. М. Висковатого, которому (наряду с А. Ф. Адашевым) также приписывают ведение официальной летописи (например, см.: *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый... С. 423).

[261] *Зимин А. А.* Государственный архив России XVI столетия: опыт реконструкции. Вып. 1. М., 1978. С. 94.

[262] *Зимин А. А.* Государственный архив. Вып. 3. М., 1978. С. 514.

Важный материал для ответа на этот вопрос дает описание ящика 224 — как отмечается в Описи, в нем были помещены «списки, что писати в летописец, лета новые прибраны от лета 7068-го до лета 7074-го и до 76-го»[263]. Анализируя содержимое обоих ящиков, А. А. Зимин высказал вполне обоснованное предположение о том, что в них содержались летописные материалы: представленные в ящике 224 летописные записи за 1560—1566 (1568) гг., по всей видимости, являлись продолжением летописи, помещенной в ящик 223, доведенной, вероятно, до 1559/1560 г. (под последней историк подразумевал продолжение ЛНЦ до этого года)[264]. Вряд ли можно полагать, что в ящике 223 содержался список Свода 1560 г. — Опись упоминает «Летописец **лет новых**» (выделено нами. — *А. У.*), чего нельзя было сказать о летописи, начинающей изложение с событий XIV в., описание которых открывает Свод 1560 г.

Таким образом, можно констатировать, что в Описи Царского архива речь шла о неких изъятых у А. Ф. Адашева подготовительных материалах к летописи, повествующих о современных событиях (по февраль 1560 г. включительно). Учитывая отсутствие соответствующего материала для сравнения, трудно сказать наверняка, были ли это подготовительные материалы для поздней редакции ЛНЦ или речь шла о материалах для какой-то другой летописи (учитывая то, что речь шла о «Летописце **лет новых**», второй вариант представляется более предпочтительным; это, конечно, не исключает возможности подготовки А. Ф. Адашевым летописи, отличной от ЛНЦ, повествующей о событиях последних лет).

Как видим, есть основания полагать, что выдвигаемая нами гипотеза об использовании при создании СК источника Свода 1560 г., доводящего изложение до событий февраля 1560 г., не противоречит данным известных источников. Шла ли речь о ЛНЦ редакции 1560 г., на существовании которой настаивает Б. М. Клосс, или была привлечена другая летопись (или подготовительные к ней материалы), доводившая повествование до соответствующего хронологического рубежа, на данном этапе изучения русского летописания рубежа 50—60-х гг. XVI в. ска-

---

[263] *Зимин А. А.* Государственный архив. Вып. 1. С. 96. Как полагал А. А. Зимин, «и до 76-го» представляет собой более позднюю приписку (см.: *Зимин А. А.* Государственный архив. Вып. 3. С. 525—526).

[264] См.: *Зимин А. А.* 1) И. С. Пересветов и его современники... С. 31; 2) Государственный архив. Вып. 3. С. 525—527.

зать трудно. Во всяком случае, принимая во внимание наблюдения наших предшественников о ведении летописания в этот период (в частности, указание на причастность к составлению летописи А. Ф. Адашева, а также несомненный факт хранения его летописных материалов в Царском архиве), можно полагать, что этот источник СК, по-видимому, имел не митрополичье происхождение[265]. Учитывая, что, по всей видимости, при написании заключающей СК 17 ст. (начало 60-х гг. XVI в.) был использован поступивший в 1561 г. в Царский архив летописный материал, происхождение которого связано с А. Ф. Адашевым[266], к тому времени попавшим в опалу и вскоре умершим в заключении, можно полагать, что составитель СК имел доступ к этому хранилищу[267]. Это не должно удивлять: книжник, несомненно причастный к написанию СК, — Андрей — являлся одним из самых близких к Ивану IV лиц — его духовником, протопопом придворного Благовещенского собора (подробнее вопрос об участии этого книжника в написании памятника нами будет рассмотрен в четвертой главе настоящей работы)[268].

---

[265] В связь с этим также следует поставить предположение Я. Г. Солодкина о сомнительности ведения митрополичьего летописания в 60—70-е гг. XVI в. (см.: *Солодкин Я. Г.* К реконструкции митрополичьего летописания второй половины XVI в. // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI—XX вв.: сб. науч. тр. Новосибирск, 1998. С. 38—54). Впрочем, нельзя исключить какой-то степени участия митрополита Макария в создании ЛНЦ («благословение» составителя?). Такое предположение выдвинул еще Н. Ф. Лавров, мнение которого поддержал А. Н. Насонов (см.: *Лавров Н. Ф.* Заметки... С. 89; *Насонов А. Н.* История... С. 408). Характеристика ЛНЦ как памятника светской литературы принадлежит А. А. Зимину; Д. С. Лихачев отметил специфику ЛНЦ с литературоведческой точки зрения, обратив внимание на использование в нем дипломатических документов, хронографических приемов изложения, а также на смешение в его тексте «деловой приказной речи с литературно-украшенной». См.: *Лихачев Д. С.* Русские летописи... С. 369; *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники... С. 30—41.

[266] Как отметил С. О. Шмидт, А. Ф. Адашев в свою очередь неоднократно привлекал материалы Царского архива при составлении Государева родословца, Дворовой тетради, ЛНЦ и т. д. См.: *Шмидт С. О.* Российское государство в середине XVI в. С. 165.

[267] Во всяком случае, между началом 1561 г. (временем конфискации летописных материалов, оставшихся после смерти А. Ф. Адашева) и концом 1563 г., позднее которого не мог быть написан текст СК.

[268] Справедливо оспаривая высказывавшееся в литературе мнение о том, что лишь Иван IV обладал возможностью использования материалов Царского архива, С. О. Шмидт отметил, что доступом к нему обладал узкий круг лиц, реконструкция которого является делом будущего (см.: *Шмидт С. О.*

Сказанное выше дает основания полагать, что, создавая заключительную часть 16 ст. и основной текст 17 ст., при описании событий 1533—1556 гг. составитель СК основывался на ЛНЦ, который был доведен, по крайней мере, до 1556 г. Определенно указать источник рассказа о событиях 1556—1560 гг. (17—26 гл.) трудно — им мог быть либо (если принять гипотезу Б. М. Клосса) ЛНЦ редакции 1560 г., либо другой источник Свода 1560 г., содержащий соответствующий материал (предлагаемая нами схема взаимоотношений СК и памятников летописания XVI в. представлена в Стеммах 1—2)[269].

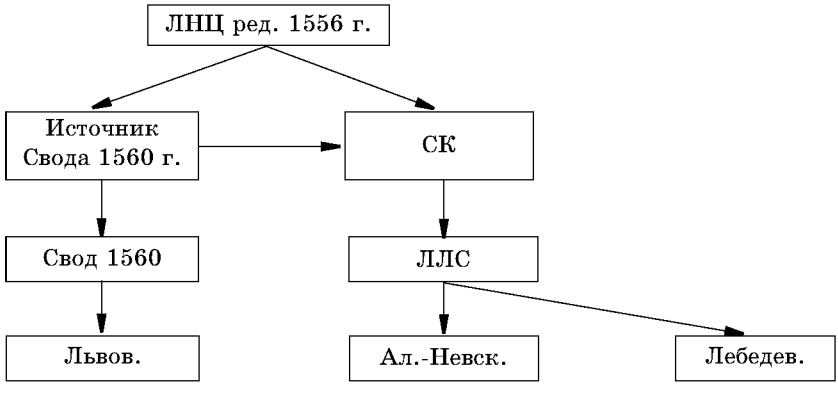
Стемма 1

Основные летописные источники СК

Ник., Воскр.	Воскр.	ЛНЦ ред. 1556 г.	Источник Свода 1560 г.
по 7028 г.	7028—7042 гг.	7042—7064 гг.	7064—7068 гг.
СК			

Стемма 2

СК и русские летописи середины—третьей четверти XVI в.

Российское государство в середине XVI в. С. 165—166). Итоги предпринятого исследования побуждают думать, что в этот круг мог входить составитель СК.

[269] Косвенно на использование нескольких летописей при описании событий времени правления Ивана IV указывает замечание составителя СК в 24 гл. 16 ст. В ней книжник, обращая внимание на необходимость создания жизнеописания первого русского царя, указывает на то, что о нем «в **лѣтописаниихъ** явлено есть довольно сказание» (выделено нами. — *А. У.*). См.: Степенная книга. Т. 2. С. 327.

Софийская I летопись

Результаты изучения нашими предшественниками текстологии произведений, вошедших в СК, побуждают в число ее летописных источников поместить СI. Какая же редакция этой летописи — старшая или младшая — была использована при составлении СК? Проанализируем соответствующие фрагменты.

Как уже указывалось выше, В. П. Мансикка отметил ряд вставок в Житии Александра Невского в 8 ст. из СI. В. В. Кусков, рассмотрев рассказ о желании Марфы Борецкой выйти замуж за Михаила Олельковича (5 тит. 4 гл. 15 ст.), отметил его близость также к этой летописи[270], а кроме того и к Львов.[271] К выводу об использовании СI в СК пришел и А. Накадзава: он отметил ряд вставок из нее в помещенном в 10 гл. 11 ст. «Рукописании Магнуша». На использование летописи, близкой к СI и Ерм., в жизнеописании Войшелка и Довмонта Псковского (10—12 гл. 9 ст.) указала В. И. Охотникова: как отмечает исследовательница, ряд фрагментов возводим исключительно к СI, ряд других отрывков к источнику, чтения которого близки как СI, так и Ерм.[272] Также В. И. Охотникова указала на особую близость к записи под 6720 г. СI известия о походе князя Мстислава Мстиславича Торопецкого на чудь в Житии Всеволода Псковского (9 гл. 5 ст.). Об использовании какой редакции СI может идти речь?

---

[270] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 242. К СI В. В. Кусков также возводил «Завет» (Устав) Владимира в 58 гл. 1 ст. Однако, как было показано в первой главе работы, результаты специального исследования текстологии памятников церковного права Я. Н. Щапова показали, что в СК был использован Устав Владимира Синодальной редакции (см.: Древнерусские княжеские уставы... С. 81).

[271] Как было показано выше, связь СК с создаваемой во второй половине 60-х гг. XVI в. Львов. более чем сомнительна; вероятно, в данном случае речь шла об общем источнике, охарактеризованном выше.

[272] В. И. Охотникова отметила в ряде мест сходные с Ерм. сокращения в описании СК. Это побудило ее усомниться в возможности того, что «Степенная книга независимо от Ермолинской летописи сокращала текст Повести типа С1Л». На этом основании исследовательница полагает, что «либо в основу рассказа о Довмонте Степенной книги был положен текст, сходный с Ермолинской летописью, и он дополнялся по летописному источнику, близкому С1Л, либо непосредственный источник Степенной книги представлял собой летопись переходного типа от С1Л к Ермолинской и был пространнее последней», см.: *Охотникова В. И.* Повесть о Довмонте... С. 97. Также см.: *Охотникова В. И.* Псковская агиография. Т. 1. С. 453.

В СК помещен значительный фрагмент, итоги анализа которого проливают свет на этот вопрос, — Повесть о Михаиле Тверском (6 гл. 10 ст.). Рассмотрев все известные версии Повести, В. А. Кучкин показал, что наибольшую близость к СК обнаруживает СI мл.

Перечислим известия, которые могут быть возведены к этой летописи:

— рассказ о выкупах Александром Ярославичем пленных у татар в записи под 6754 г. (1 гл. 8 ст.)[273];

— известие о смерти матери Александра Невского Феодосии под 6752 г. (2 гл. 8 ст.)[274];

— описание приезда Александра в Орду («И бысть грозно пришествие его...») в записи под 6754 г. (3 гл. 8 ст.)[275];

— Повесть о Михаиле Тверском (6 гл. 10 ст.)[276];

— сообщение об изгнании татар из Ростова в записи под 6828 г. (7 гл. 10 ст.)[277].

Несколько особняком стоит известие о желании Марфы Борецкой выйти замуж за Михаила Олельковича (5 тит. 4 гл. 15 ст.). Оно помещено в т. н. «Словесах избранных от святых Писаний... и о гордости величавых мужей новгородских...», написанных, по мнению М. А. Шибаева, около 1471—1473 гг.[278] Это сочинение, согласно Я. С. Лурье, имеет митрополичье происхождение[279]. Текст «Словес избранных» помещен в ряде ркп., заключающих в себе списки летописных памятников XV—XVI вв.: Бальзеровский (конец 60-х—первая половина 70-х гг.

---

[273] ПСРЛ. Т. 5. СПб., 1851. С. 186; Т. 6, вып. 1. М., 2000. Стб. 326.

[274] ПСРЛ. Т. 5. С. 182; Т. 6, вып. 1. Стб. 317. Сходным образом известие читается и в Воскр. под тем же годом (см.: ПСРЛ. Т. 7. С. 152). Однако в Воскр. отсутствует дата погребения Феодосии — 4 мая, которая содержится в СI (мл. и ст.) и СК.

[275] ПСРЛ. Т. 5. С. 186; Т. 6, вып. 1. Стб. 326.

[276] ПСРЛ. Т. 5. С. 207—215; Т. 6, вып. 1. Стб. 375—394.

[277] ПСРЛ. Т. 5. С. 216; Т. 6, вып. 1. Стб. 396.

[278] *Шибаев М. А.* Софийская 1 летопись Младшей редакции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. С. 11. В развернутом виде эта гипотеза была представлена в докладе М. А. Шибаева «К вопросу о происхождении произведения XV века „Словеса избранна от святых писаний...“» на Международной научной конференции «Историческое повествование в Древней Руси» в ИРЛИ РАН 24 ноября 2003 г. Изложение доклада см.: *Ромодановская В. А., Семячко С. А.* Вторые Лихачевские чтения «Историческое повествование в Древней Руси» // РЛ. 2004. № 2. С. 270.

[279] *Лурье Я. С.* 1) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 219; 2) Две истории... С. 128—130.

XV в.[280]) и И. Н. Царского (первая четверть XVI в.[281], далее — СЩ) СІ мл., списки Софийской II летописи и Львов., а также Новгородскую летопись по списку П. П. Дубровского (далее — НДубр.)[282]. Трудно сказать точно, версией какого именно летописного свода воспользовался составитель СК[283]. Также вряд ли

---

[280] *Шибаев М. А.* Софийская 1 летопись... С. 8.

[281] Согласно Б. М. Клоссу, ркп. была написана вскоре после 1508 г. (см.: *Клосс Б. М.* Список Царского Софийской I летописи и его отношение к Воскресенской летописи // ЛХ. 1984. М., 1984. С. 25). Отмечая наличие «Словес избранных» в Бальзеровском и И. Н. Царского списках СІ мл., а также ряд общих чтений, Б. М. Клосс высказал предположение о восхождении СЩ к списку, близкому к Бальзеровскому (см.: Там же. С. 28).

[282] ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 1—15; Т. 6, вып. 2. Стб. 177—208; Т. 20, ч. 1. С. 283—296; Т. 39. М., 1994. С. 149—158; Т. 43. М., 2004. С. 188—198. Нельзя исключить и того, что «Словеса избранные» содержались и в т. н. Своде 1518 г. — общем источнике Софийской II летописи и Львов. (подробнее об этом памятнике см.: *Насонов А. Н.* История... С. 369—372; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи... С. 210—213, 223—225, 227—239).

[283] Возможно, при создании СК был использован Бальзеровский список СІ мл. (или близкий к нему, к которому, как уже отмечалось выше, Б. М. Клосс возводил СЩ). Предположению об использовании СЩ мешает отмеченная В. А. Кучкиным близость помещенной в СК Повести о Михаиле Тверском к др. спискам СІ мл. — как отметил историк, версия СЩ относится к другой редакции рассказов о тверском князе, отраженной в Воскр. (см.: *Кучкин В. А.* Повести... С. 110—116, схема). Учитывая то, что позаимствованные из СІ мл. в СК фрагменты слишком лаконичны и не позволяют отметить особой близости СК к какому-либо (в т. ч. Бальзеровскому) списку, предположение об использовании этого (или близкого к нему) списка представляется гипотезой, которая, правда, не противоречит совокупности имеющихся данных. Во всяком случае, как отмечает последний исследователь СІ мл., эта летопись создавалась в 60-е гг. XV в. в явно промосковском центре — согласно М. А. Шибаеву, им был Кирилло-Белозерский монастырь, игумен которого Трифон активно поддержал Василия II в борьбе с Дмитрием Шемякой; там же, согласно мнению историка, примерно в одно время создавались и древнейшие сохранившиеся списки СІ мл. — Толстовский и Бальзеровский (см.: *Шибаев М. А.* Софийская 1 летопись... С. 9—19). Трудно сказать точно, находился ли Бальзеровский список в Москве — во всяком случае, как отмечалось в историографии (например, см.: *Клосс Б. М.* Список Царского... С. 28), именно к этому (или близкому к нему) списку восходит СЩ, которая в свою очередь послужила непосредственным источником Воскр., московское происхождение которой в историографии под сомнение не ставилось. Таким образом, есть определенные основания для гипотезы о том, что Бальзеровский (или близкий к нему) список в середине XVI в. мог находиться в Москве (вероятно, в митрополичьей библиотеке). В любом случае, другой древнейший список СІ мл. — Толстовский — источником СК признан быть не может, т. к. содержит чтение «лѣт 27» вместо «лѣт 29» прочих списков и СК в 11 гл. 12 ст. (см.: Степенная книга. Т. 2. С. 59; ПСРЛ. Т. 6. С. 107).

можно определить, была ли использована СІ в рассказе СК о Довмонте Псковском — как отметила В. И. Охотникова, в 11 гл. 9 ст. СК могла быть использована летопись, близкая как СІ, так и Ерм.

Есть основания полагать, что СІ мл. была привлечена и при написании 12 ст. Как отметили С. К. Шамбинаго и уточнивший его наблюдения В. В. Кусков, в основу рассказа о Дмитрии Ивановиче положено «Слово о житии». Итоги сравнения его текста с различными сводами (прежде всего, Воскр. и Софийской I летописью старшего извода; далее — СІ ст.) указывают на наибольшую близость к СК версии СІ мл. — об этом свидетельствуют чтения в соответствующем рассказе:

СІ ст.[284]	СІ мл.[285]	Воскр.[286]	СК[287]
«держаше лѣт 20 и 9 и 6 месяць»	«держаше лѣт 29»	«держаше 24 лѣта»	«держаше лѣт 29»
«прискорбен бых вельми»	«прискорбен бысть вельми»	«прискорбен бысть добрѣ»	«прискорбен бысть вельми»

Прослеживается влияние «Слова о житии» (т. е. СІ мл.) и в 14 гл. 12 ст., повествующей о Евдокии-Евфросинии. Так, наряду с рассуждениями составителя СК эта глава содержит фрагменты, которые могут быть возведены к «Слову»:

«Слово о житии»[288]	СК[289]
«...от земля Суздальскыя, дщерь великого князя Дмитрия Костянтиновича...».	«Дщи же бяше великаго князя Димитриа Конъстянтиновича Суждальскаго».
«Поживе лѣт с своею княгынею Евдокѣею 20 лет и два лѣта в цѣломудрии, прижи сыны и дщери и въспита в благочестии...».	«...с ним же единомудрено в заповѣдехъ Господнихъ благозаконно живущи, породи ему сынове и дщери и воспита ихъ благочестно, пребысть же в супружьствѣ 22 лѣта».

[284] ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 491—502.

[285] ПСРЛ. Т. 6. С. 105—111.

[286] ПСРЛ. Т. 8. С. 53—60. Ряд чтений в «Слове о житии», отличных от СІ мл. и СК, но близких к Воскр., содержит СІЦ (см.: ПСРЛ. Т. 39. С. 128—132). Последняя, как было установлено в историографии, послужила непосредственным источником Воскр. (см.: Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи. СПб., 1904. С. 42—43; *Лаптев В. В.* Воскресенская летопись // УЗ ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1955. Т. 102. С. 191—198; *Кучкин В. А.* Повести... С. 110—115; *Клосс Б. М.* Список Царского... С. 37).

[287] Степенная книга. Т. 2. С. 58—65.

[288] ПСРЛ. Т. 6. С. 104, 107.

[289] Степенная книга. Т. 2. С. 66.

Сказанное выше дает основания полагать, что к созданию СК был привлечен ряд известий из СІ. В большинстве случаев эти известия сходно читаются в СІ ст. и мл. Однако итоги обобщения наблюдений В. А. Кучкина относительно редакции Повести о Михаиле Тверском в СК, а также нашего анализа ряда чтений в «Слове о житии» побуждают отметить близость к СК младшего извода СІ. В пользу данного предположения говорит и факт использования при создании СК «Словес избранных», которые фиксируются в одном из списков этой летописи (в свете имеющихся в настоящее время данных нет веских оснований отмечать близость к СК ряда других памятников, также содержащих «Словеса избранные»). Таким образом, можно констатировать, что представленные выше данные дают дополнительный материал для уже высказанного В. А. Кучкиным предположения о том, что к созданию СК была привлечена СІ мл. (или близкая к ней летопись), которая явилась источником ряда известий не только в 10 ст., но и в 8, 12 и, возможно, в 9 и 15 ст.

Новгородский источник

К числу не возводимых к Ник. и Воскр. известий, которые также не могут быть связаны и с СІ мл., относится ряд сообщений, имеющих новгородское происхождение. Рассмотрим их.

В тексте основанного на «Слове о знамении»[290] 13 тит. 12 гл. 6 ст., которое сообщает о чудесном спасении Новгорода от войск Андрея Боголюбского, делается ряд летописных вставок. Среди них выделяется указание на период безвластия в Новгороде после изгнания Святослава Ростиславича. СК сообщает о том, что до прихода Романа Мстиславича в Новгород «не бысть у нихъ [новгородцев. — *А. У.*] князя отъ мѣсяца септября 7 мѣсяцъ»[291]. О сроке безвластия в городе сообщают новгородские (Новгородская I летопись старшего и младшего изводов, Новгородская Карамзинская (далее — НІ ст. и мл., НК), НІV и НV летописи и связанные с ними летописные памятники (СІ ст., СІ мл., СІЦ,

---

[290] В. В. Кусков (см.: *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 136) отметил связь 12 гл. 6 ст. со Сказанием о чудесном спасении Новгорода от войск Андрея Боголюбского. Л. А. Дмитриев (см.: *Дмитриев Л. А.* Житийные повести... С. 131, 138) уточнил, что в СК было использовано «Сказание» в редакции «Слова о знамении». Обзор источников 13 тит. 12 гл. 6 ст. см.: *Дмитриев Л. А.* Житийные повести... С. 139—140; *Lenhoff G.* Novgorod's *Znamenie* Legend... P. 179—182.

[291] Степенная книга. Т. 1. С. 468.

Тверская летопись; далее — Тв.)[292]. Все эти летописи под 6675 г. сообщают о том, что в Новгороде не было князя «от Семена дни до Велика дни» (т. е. от 1 сентября до 9 апреля[293]) — те же 7 месяцев с небольшим.

Итоги рассмотрения рассказа об основании Хутынского монастыря Варлаамом Хутынским (19 гл. 6 ст.) позволяют точнее определить источник новгородских известий СК. Сообщая об этом событии, СК приводит светское имя Варлаама — «Алекса», которое отсутствует в Ник. и Воскр.[294], а также в Житии Варлаама Хутынского[295]. Мирское имя основателя Хутынской обители содержат памятники новгородского летописания и связанные с ними своды — запись под 6700 г. HI (ст., мл.), НК, HIV, HV, НДубр., Владимирский летописец (далее — ВЛ) и Тв.)[296]. В СК, однако, есть две детали, которые позволяют значительно сузить круг поисков. Так, в 19 гл. Варлаам упомянут как «игуменъ Варлаамъ» (среди перечисленных выше сводов эта деталь есть в Голицынском списке HIV[297], HV, НДубр. и ВЛ; в прочих названных сводах Варлаам фигурирует как «чернец»). Кроме того, СК указывает на то, что построенная церковь была каменной. Об этом сообщают НК, HIV, HV и НДубр. Таким образом, итоги разбора данного известия дают основания отметить наибольшую близость к СК HIV и HV. Об особой близости к СК именно этих летописей говорит и рассказ о пожаре в Новгороде (4 тит. 28 гл. 13 ст.), источник которого В. В. Кускову установить не удалось[298]: описание этого события

---

[292] ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 32, 220; Т. 42. СПб., 2002. С. 76; Т. 6, вып. 1. Стб. 235; Т. 4, ч. 1. М., 2000. С. 162; Т. 5, вып. 1. М., 2003. С. 171; Т. 4, ч. 2, вып. 1. Пг., 1917. С. 161; Т. 39. С. 62; Т. 15. Стб. 239. Итоги рассмотрения этого известия, отсутствующего в Ник. и Воскр., которые считались основными летописными источниками 13 тит. 12 гл. (В. В. Кусков, Л. А. Дмитриев, Г. Ленхофф), дают основания полагать, что для создания рассматриваемого рассказа также был привлечен летописный источник, который содержал это новгородское известие.

[293] См.: *Черепнин Л. В.* Русская хронология. М., 1944. С. 58, табл. XV.

[294] Это в свою очередь дает основания не согласиться с В. В. Кусковым (см.: *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 140), который считал, что источником этого рассказа послужили Воскр. и Ник.

[295] *Дмитриев Л. А.* Житийные повести... С. 14.

[296] ПСРЛ. Т. 3. С. 40, 231; Т. 42. С. 79; Т. 4, ч. 1. С. 174; Т. 4, ч. 2, вып. 1. С. 175; Т. 43. С. 76; Т. 30. М., 1965. С. 77; Т. 15. Стб. 280.

[297] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 174, вар. 54.

[298] Степенная книга. Т. 2. С. 125; *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 216, примеч. 8.

содержится в записи под 6927 г. HIV и HV, а также HI мл., Летописи Авраамки (далее — ЛА) и НДубр.[299]

Какой из этих двух памятников — HIV или HV — наиболее близок к СК? Ответить на этот вопрос помогает разбор сообщения о кончине Варлаама Хутынского. Повествуя о его смерти без привязки к какой-либо дате, 16 гл. 7 ст. отмечает: преставился «преподобныи и многодобродѣтельныи великии чюдотворець Варламъ, игуменъ Футыньскии, иже мирскимъ именемъ зовомъ бѣ Алекса Михаиловичь, по реклу же Вячеславъ Прокшиничь»[300]. Вряд ли прав В. В. Кусков[301], который полагал, что это известие в СК заимствовано из записи Воскр. под 6751 г. — эта летопись содержит лишь краткое сообщение («преставися Варламъ Хутыньскый»[302]). По всей видимости, к созданию СК был привлечен материал летописной записи, восходящей к новгородскому летописанию. О мирском имени (Вячеслав Прокошинич) умершего в 6751 г. инока Варлаама сообщают HI ст., HI мл., HIV, CI ст., CI мл. Эти памятники, с одной стороны, не указывают на то, что умерший был хутынским игуменом, с другой — HIV, CI ст., CI мл. и НДубр. датируют смерть основателя Хутынского монастыря 6701 г.[303] Откуда же взялось указание на то, что умерший Вячеслав Прокошинич был хутынским игуменом? Можно предположить, что в руках создателя СК мог находиться свод (список?), который (по ошибке писца?[304]) именовал Варлаама (в миру Вячеслава Прокошинича) игуменом. О том, что подобное чтение содержалось в памятниках новгородского летописания, свидетельствует ЛА, которая под 6751 г. сообща-

---

[299] ПСРЛ. Т. 3. С. 411; Т. 16. Стб. 171; Т. 4, ч. 1. С. 425; Т. 43. С. 174; ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 280. Л. 699 об. (верхняя пагинация).

[300] Степенная книга. Т. 1. С. 515.

[301] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 150—151.

[302] ПСРЛ. Т. 7. С. 152.

[303] ПСРЛ. Т. 3. С. 79, 297; Т. 4, ч. 1. С. 176 (о смерти Вячеслава Прокошинича сообщает лишь Летописец по списку Н. К. Никольского, см.: Т. 4, ч. 1. С. 595); Т. 6, вып. 1. Стб. 316, 248; Т. 5, вып. 1. С. 229, 181; Т. 43. С. 76. Наличие данного известия в этих летописях обусловливается их генеалогией. Так, как отметил Г. М. Прохоров (см.: *Прохоров Г. М.* Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема общерусского сводного летописания // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 185), в HIV прослеживается влияние статей HI мл. на достаточно продолжительном отрезке времени (с 6508 по 6933 гг.). В свою очередь HV, создаваемая на основе HIV, оказала влияние на ЛА (см.: *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 242, стемма).

[304] *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв.: хронологический комментарий. М., 1991. С. 208.

ла о том, что «умре Варламъ, игуменъ на Хутинѣ»[305]. Связь СК с ЛА сомнительна, но важно отметить, что существовали предшествующие СК своды, которые сообщали о том, что умерший в 6751 г. Варлаам был игуменом Хутынского монастыря.

Таким образом, можно предположить, что в руках книжника круга митрополита Макария мог быть подобный свод (список?), который, с одной стороны, содержал более полное описание смерти Варлаама в 6751 г., включая его мирское имя, с другой — указывал на его игуменство. По всей видимости, составитель СК счел необходимым примирить противоречие, связанное с наличием двух мирских имен умершего хутынского игумена. Поэтому Варлаам был поименован Алексой Михайловичем, как он назван в известии об основании Хутынского монастыря, и одновременно Вячеславом Прокошиничем. Поскольку в HV известие о смерти какого-либо инока Варлаама в записи под 6751 г. отсутствует, есть основания полагать, что это известие могло быть заимствовано в СК из HIV[306].

Результаты сравнительного анализа наиболее близких к СК новгородских известий можно представить в виде таблицы (знаком «+» обозначается не только наличие сообщения в тексте той или иной летописи, но и его близость к СК, которая позволяет рассматривать соответствующий свод в качестве потенциального источника изучаемого известия):

Известие	HI ст.	HI мл.	НК	CI ст.	CI мл.	СІЦ	ЛА	HIV	HV	НДубр.	Тв.	ВЛ
Срок безвластия в Новгороде (13 тит. 12 гл. 6 ст.)	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+
Основание Хутынского монастыря (19 гл. 6 ст.)								+	+	+		
Смерть Варлаама (16 гл. 7 ст.)	+	+		+	+			+		+		
Пожар в Новгороде в 6927 г. (4 тит. 28 гл. 13 ст.)		+					+	+	+	+		

Таблица показывает, что наибольшую близость к СК обнаруживает HIV, которую, таким образом, можно отнести к числу вероятных источников СК[307].

---

[305] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 52.

[306] Разбор версий различных источников о смерти Варлаама Хутынского см.: *Дмитриев Л. А.* Житийные повести... С. 14—15.

[307] Привлекая HIV к сравнению с СК, В. В. Кусков (см.: *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 218, примеч. 7; С. 263), однако, воздержался от вывода об использовании в ней этой летописи.

Свод, близкий к «Летописцу от 72-х язык»

В СК фиксируется ряд известий, которые наибольшую близость обнаруживают к некоторым другим летописным сводам. Итоги их рассмотрения дают возможность наметить контуры еще одного источника памятника.

Результаты проведенного нами текстологического анализа известий СК, имеющих летописное происхождение, не позволяют возвести рассказ о походе Олега на Царьград (4 гл. 1 ст.) к основным летописным источникам памятника Ник. и Воскр.: в СК содержатся чтения «и поидоша в кораблихъ ко граду по суху»[308], «оступиша Царьградъ» и «препяша чепь»; первые два чтения в Ник. и Воскр. отсутствуют, третье в этих сводах читается как «замкоша сосудъ» (в Воскр. «съсудъ»). Наибольшую близость к данному рассказу СК обнаруживают Своды 1497 и 1518 гг., а также т. н. Лихачевский летописец (назван по имени владельца ркп., содержащей единственный список памятника, — Н. П. Лихачева[309]; далее — Лих.), которые дают сходные чтения: «И поидоша в кораблих ко граду по суху», «оступишя Царьградъ» (в Своде 1497 г. и в Лих. «Царьгород»), «препяшя чѣпъ»[310].

С этими сводами сближает СК и ряд чтений в 5 гл. 1 ст., повествующей о Святославе Игоревиче:

Лих.[311]	Свод 1497 г.[312]	Свод 1518 г.[313]	Ник.[314]	Воскр.[315]	СК[316]
«на оуголии печаше»	«на оуголии печаше»	«на оугольи и печаше»	«на углехъ испекъ»	«на углѣхъ испекъ»	«на углии печаше»
«спаше же на воилоцѣ»	«спаше же на воилоцѣ»	«спаше же на воилоцѣ»	«войлокъ»	—	«спаше же на воилоцѣ»

[308] Степенная книга. Т. 1. С. 223. Чуд. содержит чтение «...по сухоу къ граду». Однако древнейший список СК — Волк. (л. 107) — дает приведенный выше вариант (Там же. С. 223, примеч. 52).

[309] Памятник введен в научный оборот и кратко охарактеризован В. Ф. Покровской, см.: *Покровская В. Ф.* Летописный Свод 1488 года из собрания Н. П. Лихачева // Памятники культуры: новые открытия. 1974. М., 1975. С. 28—32. Лих. не опубликован, сохранился в единственном списке последней четверти XV в., см.: Архив СПбИИ. Ф. 238 (Собрание Н. П. Лихачева). Оп. 1. № 365 (здесь и далее ссылки приводятся по этой ркп.).

[310] Степенная книга. Т. 1. С. 223; ПСРЛ. Т. 28. М.; Л., 1963. С. 14, 168; Т. 9. С. 18; Т. 7. С. 272; Архив СПбИИ. Ф. 238. Оп. 1. № 365. Л. 549—549 об. (здесь и далее номера листов будут даваться по карандашной пагинации).

[311] Архив СПбИИ. Ф. 238. Оп. 1. № 365. Л. 551 об.

[312] ПСРЛ. Т. 28. С. 15.

[313] Там же. С. 169.

[314] ПСРЛ. Т. 9. С. 31.

[315] ПСРЛ. Т. 7. С. 287.

[316] Степенная книга. Т. 1. С. 224.

Составитель СК сочетал в этой главе материал двух летописных записей, соединив известия о походах 6475 и 6678 гг. в один рассказ, прославляющий храбрость Святослава. Представленный выше материал свидетельствует о том, что в 5 гл. книжник воспользовался дополнительным летописным источником, близким к Лих., Сводам 1497 и 1518 гг.

Невозможность возведения известий, содержащихся в 4—5 гл. 1 ст. к Ник. и Воскр., была очевидна крупнейшим исследователям источников СК. Так, рассматривая описание Святослава в 5 гл., Н. С. Державин определил его как «своеобразную редакцию» летописной характеристики этого князя, которая отсутствует в летописных сводах[317] (на момент написания работы Н. С. Державина Свод 1518 г. еще не был издан, а Свод 1497 г. и Лих. не были известны в науке). Вероятно, понимая сложность отнесения сообщений 4—5 гл. лишь к Ник. и Воскр., В. В. Кусков отметил, что эти главы представляют собой сокращение из записей «Воскресенской, Никоновской и **других** [выделено нами. — *А. У.*] летописей»[318].

Итоги сравнения ряда чтений в 7 гл. 1 ст. («Имена областиямъ рускимъ») с предшествующими СК памятниками также дают основания отметить ее близость к Сводам 1497 и 1518 гг.[319]: в 7 гл. и в этих летописях упоминается Ростовская «земля», «нерова», а также совпадают чтения «лутичи», «велынци» (в Своде 1518 г. «волынцы»); в Ник. и Воскр. помещено указание на Ростовское «озеро», упоминание «неровы» отсутствует, эти своды содержат чтения «наутицы» (Ник.) и «лутицы» (Воскр.), «волыняне»[320].

Лих., Своды 1497 и 1518 гг. обнаруживают близость и к другим сообщениям СК. К их числу относится рассказ о приходе на Русь митрополита Иоанна (2 гл. 6 ст.). Результаты анализа

---

[317] *Державин Н. С.* «Степенная книга»... С. 51.

[318] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 92. Очевидно, опубликованные лишь в 1963 г. (см.: ПСРЛ. Т. 28) Своды 1497 и 1518 гг. были неизвестны В. В. Кускову (Свод 1518 г. был издан ранее, однако лишь в примечаниях к Ерм., см.: ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910; далее ссылки будут следовать на издание: ПСРЛ. Т. 23. М., 2004).

[319] В Лих., который содержит изложение событий начиная с рассказа о появлении венгров под Киевом (см.: Архив СПбИИ. Ф. 238. Оп. 1. № 365. Л. 549), листы книги, на которых, очевидно, было помещено это известие, утрачены.

[320] Степенная книга. Т. 1. С. 226; ПСРЛ. Т. 28. С. 13, 167; Т. 9. С. 4—5; Т. 7. С. 263—264.

этого известия не позволяют нам вслед за В. В. Кусковым[321] связать его с Ник., в которой отсутствует целый ряд подробностей этого события (указание на нежелание киевского князя Ростислава Мстиславича принять Иоанна, сообщение о посольстве византийского императора к нему с дарами и о последующем принятии митрополита Ростиславом). Данные детали наряду с Ерм., Тв., Холмогорской летописью (далее — Холм.) и Львов. содержат Своды 1497 и 1518 гг., а также Лих. (запись под 6672 г.)[322].

Другим известием, по всей видимости, также восходящим к источнику, близкому к Лих., Сводам 1497 и 1518 гг., является сообщение о небесном знамении 6694 г. в 8 гл. 6 ст.[323], которое В. В. Кусков справедливо связывал с Воскр.[324] Однако от внимания исследователя ускользнула одна деталь, которая позволяет выдвинуть предположение об использовании в этом рассказе дополнительного источника, — указание на время события. СК сообщает о том, что оно произошло «въ часъ 11» (в Воскр. указание на час знамения отсутствует). Этим же[325] временем затмение датируют Ерм., Лих., Своды 1497 и 1518 гг., а также Тв. и Львов, которые повествуют о том, что знамение имело место «въ 11 часъ дне»[326].

---

[321] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 123.

[322] Степенная книга. Т. 1. С. 449; ПСРЛ. Т. 23. С. 46; Т. 28. С. 35, 191; Т. 15. Стб. 235; Т. 33. М., 1977. С. 51; Т. 20, ч. 1. С. 122; Архив СПбИИ. Ф. 238. Оп. 1. № 365. Л. 593. Этот рассказ также есть в Ип. (см.: ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 522). Однако в ней он сильно сокращен — Ип. описывает приход митрополита, нежелание Ростислава принять его, посольство византийского императора, а затем содержит пропуск известия о принятии митрополита киевским князем. Можно предположить, что пространная версия рассказа, которая содержалась в данных сводах, восходила к выявленному А. Н. Насоновым (см.: *Насонов А. Н.* Московский Свод 1479 г. и его южнорусский источник // ПИ. М., 1961. Вып. 9. С. 364—377) южнорусскому своду конца XII в. — общему источнику Московского летописного свода конца XV в. и Ерм. Этот свод, согласно А. Н. Насонову, полнее Ип. отразил южнорусский свод XII в.

[323] Степенная книга. Т. 1. С. 454.

[324] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 132.

[325] В Ерм., а также ряде других летописей (HI ст. и мл., Ип., НК, HIV, CI и др.) знамение датировано 6693 г. См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 638; Т. 3. С. 38, 228; Т. 4, ч. 1. С. 172; Т. 6, вып. 1. Стб. 246; Т. 23. С. 53; Т. 42. С. 78.

[326] См.: ПСРЛ. Т. 23. С. 53; Т. 28. С. 40, 197; Т. 15. Стб. 272; Т. 20, ч. 1. С. 136; Архив СПбИИ. Ф. 238. Оп. 1. № 365. Л. 603. Среди прочих сводов лишь HI ст. и мл. под 6693 г. (Т. 3. С. 37, 228) сообщают о точном времени затмения, но в них читается «въ час 10 дни». По мнению Д. О. Святского, который привел три датировки этого затмения (в «10 час» по HI, в «11 час»

Определяя источники 5 гл. 4 ст., повествующей о смерти Святополка Изяславича и вокняжении Владимира Мономаха в Киеве, исследователь сталкивается с рядом трудностей. Так, наиболее близкое к СК описание этих событий содержит Воскр.[327] Однако она датирует кончину Святополка 16 (Воскресенский и Алатырский списки — 17) апреля. В Ник. также читается 16 апреля[328]. СК, не указывая года смерти киевского князя, сообщает о ней под 19 марта. Можно предположить, что книжник столкнулся с противоречием в датировке смерти Святополка и вокняжения Мономаха — основные источники СК (Ник. и Воскр.) сообщали о приходе Владимира в Киев после смерти Святополка, однако Ник. датировала смерть Святополка 16 апреля и вместе с тем содержала указание на 20 марта как дату вокняжения Владимира в Киеве[329]. Видимо, составитель СК, столкнувшись с этим противоречием, попытался разрешить его путем привлечения дополнительного источника. Отдав предпочтение датировке вокняжения Мономаха в Киеве (20 марта) Ник. (6 гл. 4 ст.), он обратился к имеющимся в его распоряжении источникам для поиска подходящей даты кончины его предшественника. Подобным требованиям, по-видимому, отвечало 19 марта. Так кончину Святополка датируют Ерм., Лих. и Свод 1497 г.[330] Видимо, эта дата соответствовала представлениям писателя сере-

---

по Тв. и в «годину/звонение вечернее», «вечерню» по Лавр., Новгородской II, Псковской I летописям и Ник.), подобная разноголосица источников относительно датировки этого знамения обусловливалась приблизительностью представлений русских летописцев о времени, а также регионом, в котором знамение фиксировалось. Как указал исследователь, в силу того, что затмение описано как полное — таковым оно было на Северо-Западе и Северо-Востоке Руси — запись о нем была сделана, скорее всего, новгородцем. См.: *Святский Д. О.* Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. Пг., 1915. С. 22—29, карта II.

[327] Ср.: «И положиша его въ церкви святаго архистратига Михаила, юже бѣ самъ създалъ», «княгини же его много» в СК и «и положиша и въ церкви святаго Михаила, юже бѣ самъ создалъ», «княгини же его много» в Воскр. См.: Степенная книга. Т. 1. С. 407; ПСРЛ. Т. 7. С. 22—23; *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 120.

[328] ПСРЛ. Т. 9. С. 143.

[329] Там же. С. 143—144.

[330] ПСРЛ. Т. 23. С. 29; Т. 28. С. 26; Архив СПбИИ. Ф. 238. Оп. 1. № 365. Л. 572. Указание на 19 марта также есть в HV (см.: ПСРЛ. Т. 4, ч. 2, вып. 1. Пг., 1917. С. 143). Однако из ее текста неясно, к какому именно событию относится эта дата — к смерти Святополка или к предшествующему ей описанию небесного знамения.

дины XVI столетия о характере наследования великокняжеской власти: согласно версии, помещенной в СК, вокняжение Владимира Мономаха в Киеве состоялось на следующий день после смерти его предшественника. Можно предположить, что такой порядок вещей в России времени написания СК считался вполне естественным — после смерти великого князя московского престол сразу же переходил к его наследнику. Видимо, для того, чтобы согласовать датировку вокняжения Мономаха в Киеве своего основного источника с датой смерти Святополка, составитель СК и воспользовался данными своего дополнительного источника. Таким образом, из русской истории исчезал период безвластия в Киеве, который, согласно описаниям Воскр. и ряда других предшествовавших СК летописных сводов, был заполнен мятежом киевлян и колебаниями Владимира Мономаха.

К источнику, близкому к Лих., Сводам 1497 и 1518 гг., а также Ерм., вероятно, могут быть возведены известия о небесных знамениях, помещенные в 13—14 гл. 9 ст. СК[331].

Как явствует из текста СК, датирующей знамение 6783 г., источником рассказа послужила летописная запись под этим годом. Среди основных летописных источников в наиболее близком к СК виде известие о небесном знамении читается в Воскр.[332] Однако в ней оно отнесено к 18 июня (в Алатырском и Карамзинском списках читается «июля»), в то время как указание на 18 апреля содержится в СК[333], а также Сводах 1497 и 1518 гг., Ерм. и Лих.[334] Обратим внимание на то, что наряду с датой СК и ее предполагаемый летописный источник сближают и одинаковые сокращения известия, ср.:

СК	Свод 1497 г.[335]	Воскр.[336]
«солнце оградися дугами, и бяху сини и зелены, и жолты, и черлены, и багряны, посредѣ же ихъ честныи крестъ»	«...в солнцы: огради бо ся дугами, и бяху сини, зелены, желты, черлены, багряны, а посреде их крест»	«...во солнци: огради бо ся круги, а посреди круговъ крестъ, дуги же ти бяху сини, зелены, жолты, багряны и чрьвлены, и бяху хрепты къ себѣ»

[331] Степенная книга. Т. 1. С. 548.

[332] ПСРЛ. Т. 7. С. 173.

[333] Ник. данное событие датирует 3 мая 6783 г. См.: ПСРЛ. Т. 10. С. 152.

[334] ПСРЛ. Т. 23. С. 89—90; Т. 28. С. 61, 220; Архив СПбИИ. Ф. 238. Оп. 1. № 365. Л. 648.

[335] Свод 1518 г., а также Ерм. и Лих. содержат аналогичное чтение.

[336] Чтения Ник. аналогичны Воскр.

Помещенное в 14 гл. 9 ст. описание знамения также близко к записи под 6785 г. рассматриваемого летописного источника. В целом известие сходным образом читается в Воскр. и Ник.[337] Однако данный пассаж содержит чтение, которое позволяет более определенно очертить устанавливаемый летописный источник. Если все указанные летописи содержат чтение «[север] рогы/роги», то в СК читается «горы». Среди рассматриваемых летописей указанное чтение помещено лишь в Своде 1497 г.

Изучая источники 2 гл. 14 ст., повествующей о чудесном рождении Василия II, В. В. Кусков отметил, что в отличие от летописей, сообщающих об этом событии, которые датируют рождение князя 10 марта 6923 г., в СК содержится иная дата — 15 марта[338]. Различие в датах можно было бы отнести к числу описок, если бы не одно обстоятельство — представленная в СК дата характерна и для Ерм., Лих., а также Сводов 1497 и 1518 гг.[339] С этими летописями СК сближает и отсутствие в ней (так же как и в них) ссылки на рассказ великой княгини как источник рассматриваемого сообщения, которая характерна для Воскр.[340]

Несколько особняком в ряду рассматриваемых известий стоит помещенное в 8 гл. 14 ст. описание захвата ордынского посла Бигича муромскими наместниками Василия II. Как справедливо отметил В. В. Кусков, характерные для СК подробности этого рассказа (сообщение о том, что муромские наместники напоили Бигича медом и лишь затем «оковали») отсутствуют в основных летописных источниках СК — Воскр. и Ник.[341] Однако, как показал А. А. Зимин, специально рассмотревший источники по истории Большой феодальной войны, указанные подробности характерны для версии, представленной в Ерм.;

---

[337] Ср.: ПСРЛ. Т. 23. С. 90; Т. 28. С. 61, 220; Т. 7. С. 173; Т. 10. С. 155; Архив СПбИИ. Ф. 238. Оп. 1. № 365. Л. 649.

[338] Степенная книга. Т. 2. С. 129.

[339] ПСРЛ. Т. 23. С. 144; Т. 28. С. 93, 259; Архив СПбИИ. Ф. 238. Оп. 1. № 365. Л. 718.

[340] ПСРЛ. Т. 8. С. 87.

[341] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 225. В работе, посвященной рассмотрению летописных известий о Муроме и Рязани, А. Г. Кузьмин, очевидно, сочтя данное сообщение СК поздней вставкой, не остановился на его характеристике (см.: *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание (сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века). М., 1965).

аналогичное известие СК историку известно не было[342]. Сравним соответствующие отрывки СК и Ерм.:

СК	Ерм.
«...и прииде ему [Василию II. — *А. У.*] вѣсть, яко Бигичь идетъ к Шемякѣ о управѣ на великое княжение. Намѣстницы же муромьстии повелѣниемъ великаго князя послаша къ Бигичю меду. Онъ же напився и усну. А сии, пришедше, емше его [и оковаша] и въ Муромъ отведоша»[343].	«...и прииде ему [Василию II. — *А. У.*] вѣсть, яко идетъ Бигичь ко царю о всеи управѣ Шемякѣ на великое княженьѣ, а ночевати ему перевезся Оку. И слышавше то князь велики, и поиде съ своими людьми мало напередъ татаръ, и посла на Бигича, повелѣ его изымати, а муромьскиѣ намѣстници к Бигичу выслаша меду много; он же напився и усну, а сии послании, пришедше, и поимаше его и отвѣдоша его во градъ...»[344].

Как видим, рассказ СК может быть возведен к летописному известию, представленному в Ерм. Важно отметить, что близкий к Ерм. Лих., а также Своды 1497 и 1518 гг. данного рассказа не содержат. Согласно предположению Я. С. Лурье, он мог иметь устное происхождение[345].

Итоги изучения приведенных выше известий позволяют отметить близость СК к летописному источнику, близкому Ерм., Лих., а также Сводам 1497 и 1518 гг. Для того чтобы сузить ареал поисков наиболее вероятного источника СК, перечислим все известия, возводимые к нему (как и в случае с приведенных выше разбором новгородского летописного материала в СК, знак «+» обозначает не только наличие сообщения в тексте той или иной летописи, но и его близость к СК, которая позволяет рассматривать соответствующий свод в качестве потенциального источника рассматриваемого рассказа):

---

[342] *Зимин А. А.* Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 107. Материал СК историк к анализу не привлекал.

[343] Степенная книга. Т. 2. С. 138. Заключенные в квадратные скобки слова отсутствовали в первоначальном тексте СК: в ее древнейших списках Томск. (л. 518) и Чуд. (л. 536) они вставлены на правом поле иным почерком и цветом чернил позднее. Это в свою очередь побуждает думать, что первоначальный текст СК, не содержащий этих слов, был ближе к версии ее источника. В тоже время данная вставка указывает на то, что редактор древнейших списков, по всей видимости, сверял написанный текст с данными источников — если рассказ в версии Ерм. указания на «окование» не содержит, то прочие летописи, повествующие об аресте Бигича, сообщают о том, что ордынского посла «окова» (например, см.: ПСРЛ. Т. 12. С. 66; Т. 8. С. 114).

[344] ПСРЛ. Т. 23. С. 152.

[345] *Лурье Я. С.* Две истории... С. 91.

Известие	Ерм.	Лих.	Свод 1497 г.	Свод 1518 г.
Поход Олега на Царьград (4 гл. 1 ст.)		+	+	+
Описание Святослава Игоревича (5 гл. 1 ст.)		+	+	+
Перечень «Имен областей русских» (7 гл. 1 ст.)			+	+
Приход на Русь митрополита Иоанна (2 гл. 6 ст.)	+	+	+	+
Вокняжение Владимира Мономаха в Киеве (5 гл. 4 ст.)	+	+	+	
Небесное знамение 6694 г. (8 гл. 6 ст.)	+	+	+	+
Описание знамения 6783 г. (13 гл. 9 ст.)	+	+	+	+
Описание знамения 6785 г. (14 гл. 9 ст.)			+	
Рождение Василия II (2 гл. 14 ст.)	+	+	+	+
Захват Бигича муромскими наместниками (8 гл. 14 ст.)	+			

Представленный выше материал дает возможность наметить контуры вероятного летописного источника СК. Среди прочих памятников летописания, привлеченных к сравнению с ней, есть основания отметить наибольшую близость к ней Лих. и Свода 1497 г. В ряде случаев наряду со Сводом 1518 г. сходным образом рассмотренные известия читаются в Ерм., а также в Тв., Холм. и Львов. Большое значение для определения возможного источника СК имеет то, что наибольшую близость к известиям СК, Лих., Сводов 1497 и 1518 гг. обнаруживает Ерм. (датировка смерти Святополка, известие о приходе митрополита Иоанна, указание на час знамения 6694 г. и др.). Ерм. также содержит уникальные подробности в рассказе о пленении Бигича, которых нет в прочих рассматриваемых памятниках. Последнее, на наш взгляд, не дает достаточных оснований полагать, что именно Ерм. была привлечена к созданию СК (как было показано выше, ряд других известий, восходящих к соответствующему летописному источнику, не может быть возведен к Ерм.). По всей видимости, составитель СК воспользовался общим источником Сводов 1497 и 1518 гг. и Лих. (или близким к ним сводом), который в свою очередь мог быть близок Ерм. или ее протографу. Результаты исследований А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, А. Н. Насонова, К. Н. Сербиной, которые отметили связь этих памятников с ростовской летописной традицией, дают основания для предположения о существовании подобного свода[346]. В ряде своих работ Я. С. Лурье выдвинул предположе-

[346] Не зная о существовании Свода 1497 г., введенного в научный оборот лишь А. Н. Насоновым (см.: *Насонов А. Н.* Летописные памятники хранилищ

ние о том, что Лих., а также Своды 1497 и 1518 гг. являются различными изводами одного памятника — «Летописца от 72-х язык», который состоял в недалеком генеалогическом родстве с Ерм.[347]

Таким образом, можно полагать, что книжник в качестве дополнительного летописного источника использовал свод, близкий к Лих., Сводам 1497 и 1518 гг., а также к Ерм. (возможно, «Летописец от 72-х язык»). Из него был взят ряд известий по русской истории по XV в. включительно. По этому же своду вносились дополнения к свидетельствам основных летописных источников (описание прихода митрополита Иоанна на Русь, указание на час затмения 6694 г., дата смерти Святополка[348]). Судя по всему, данный дополнительный источник использовался непосредственно при создании первоначального текста СК (бытование связанных с ним известий на полях ее древнейших

Москвы (новые материалы) // ПИ. М., 1955. Вып. 4. С. 251), А. А. Шахматов возводил Ерм. и Свод 1518 г. к Ростовскому владычному своду, составленному архиепископом Трифоном (до 1467 г.). Исследователь полагал, что составитель Свода 1518 г. использовал его лишь в части до 1417 г., в которой он сходен с Ерм. (см.: *Шахматов А. А.* Ермолинская летопись и ростовский владычный свод. СПб., 1904. С. 82—83). По мнению М. Д. Приселкова, Ерм. и Свод 1518 г. восходят к ростовской обработке Фотиева Полихрона 1418 г. (см.: *Приселков М. Д.* История русского летописания. СПб., 1996. С. 209, 229, рис. 5). Согласно исследованиям А. Н. Насонова (см.: *Насонов А. Н.* История... С. 351, 373—374), общим источником Сводов 1497 и 1518 гг. (в известиях до 1484 г.) был источник редакции ростовского архиепископа Тихона 1484 г., который восходил к Ростовскому владычному своду 1417 г., являвшемуся источником протографа Ерм. Вывод А. Н. Насонова о существовании общего источника Сводов 1497 и 1518 гг. разделила К. Н. Сербина, специально исследовавшая эти своды (см.: *Сербина К. Н.* 1) Летописный Свод 1518 г. // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР: Сб. ст. М.; Л., 1963. С. 594—606; 2) Из истории русского летописания конца XV в. (Летописный Свод 1497 г.) // ПИ. М., 1963. Вып. 11. С. 416, стемма).

[347] *Лурье Я. С.* 1) Общерусские летописи... С. 165; 2) Две истории... С. 188.

[348] К числу известий СК, которые восходят к данному источнику, вероятно, также можно отнести известие о начале Москвы в 3 гл. 5 ст. («О московскомъ господоначальствѣ»). В СК под 6655 г. фиксируется первое упоминание Москвы (см.: Степенная книга. Т. 1. С. 413). Возможно, составитель памятника не сам производил поиск первого упоминания этого города в своих источниках, а обратился к своду, близкому к «Летописцу от 72-х язык»: в связанных с ним летописях в соответствующей погодной записи фиксируется заголовок «О Москве», который и мог оказать влияние на СК (см.: ПСРЛ. Т. 23. С. 33; Т. 28. С. 28, 183).

списков не прослеживается). Как видим, есть основания полагать, что наряду с Ник. и Воскр., а также CI мл. и новгородским источником к созданию памятника была привлечена и иная летопись — свод, близкий к Лих., Сводам 1497 и 1518 гг., а также к Ерм.

Представленный выше материал побуждает поставить вопрос о том, находился ли список подобного летописного свода в митрополичьей библиотеке, с которой, несомненно, был связан составитель СК. Проясняя этот вопрос, необходимо обратить внимание на любопытное замечание В. А. Кучкина. Этот историк отметил, что Свод 1497 г. (или близкий к нему памятник, который также обнаруживает некоторую степень сходства с Ерм.) послужил источником Ник., которая так же, как и СК, создавалась при митрополичьей кафедре[349]. Таким образом, можно считать установленным факт того, что по крайней мере в первой трети XVI в., на которую приходится составление Ник., в митрополичьей библиотеке, по всей видимости, находился список летописи, близкой к Своду 1497 г. (возможно, «Летописец от 72-х язык»). Учитывая отмеченные нами выше случаи близости СК к этому памятнику, можно полагать, что его список продолжал находиться в митрополичьей библиотеке (или скриптории) и в 50—60-е гг. XVI в.

Хронографический источник

Итоги изучения текста СК на фоне предшествующих и современных ей памятников древнерусской литературы наводят на мысль, что наряду с летописными памятниками к ее созданию был привлечен и Хронограф.

У. Барнетт высказал предположение об использовании хронографического источника в 16 гл. 1 ст., повествующей об охотах и прочих увеселениях византийских императоров[350]. Однако, как отметил И. В. Курукин, данный раздел СК основан на Житии Ольги пространной редакции — на фрагменте, пропущенном в жизнеописании первой русской христианки в СК, ко-

---

[349] *Кучкин В. А.* Статья 1146/47 г. Никоновской летописи и ее источники // У источника. Сборник статей в честь члена-корреспондента Российской Академии наук Сергея Михайловича Каштанова. Ч. 1. М., 1997. С. 239, 243, 246, 249, 251—252, 254—256, 260.

[350] См.: *Barnette W.* Stepennaja kniga... P. 66, 247—248.

торый опубликовал А. И. Соболевский[351]. В. В. Кусков высказал предположение, что Хр. 1512 послужил источником рассказа о взятии Царьграда турками в 18 гл. 14 ст. СК[352] (позднее данное мнение поддержал Д. Миллер[353]). Как предположил Н. А. Смирнов, в СК вошла искандеровская (историческая) редакция Повести, отличная от хронографической[354]. Принимая во внимание то, что наши предшественники не привели текстологических аргументов, рассмотрим этот вопрос подробнее.

Прежде всего, следует отметить, что перед основным текстом Повести помещено своего рода введение, содержащее материал, в ней отсутствующий. Так, если Повесть (как искандеровская, так и хронографическая редакция) начинает рассказ с указания на правление в Риме императора Константина Великого, то в СК дана своего рода предыстория византийской столицы: 18 гл. 14 ст. сообщает о рождении Александра Македонского, о вторичном браке его матери Олимпиады с царем Вузом и рождении от этого брака дочери Антии, в честь которой и был назван Византий[355]. Эти отсутствующие в Повести сведения содержатся в Хр. 1512[356]; составитель СК объединил разрозненные известия в целостный рассказ, повествующий о начале Царьграда. Последнее, впрочем, не является аргументом, достаточным для того, чтобы возводить основной текст 18 гл. исключительно к Хр. 1512.

Касаясь вопроса о редакции Повести о взятии Царьграда турками, использованной в 18 гл. 14 ст., отметим, что итоги анализа чтений хронографической, искандеровской и степенной редакций не дают твердых оснований возводить последнюю к какой-либо из первых двух. Так, ряд чтений сближает СК и

---

[351] См.: *Соболевский А. И.* Поп Сильвестр и Домострой. С. 200; *Курукин И. В.* Сильвестр: политическая и культурная деятельность... С. 119.

[352] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 235; Степенная книга. Т. 2. С. 172—190; ПСРЛ. Т. 22, ч. 1. СПб., 1911. С. 443—460.

[353] *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... P. 334, Fus. 135.

[354] Здесь и далее ссылки на эту редакцию будут даваться по публикации архим. Леонида, см.: «Повесть о Царьграде» (его основании и взятии турками в 1453 г.) Нестора Искандера XV в. (По рукописи Троице-Сергиевой лавры нач. XVI в., № 773) / Сообщил архим. Леонид. СПб., 1886. (ПДПИ. Вып. 62). С. 1—42; Также см.: *Смирнов Н. А.* Значение «Повести» Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 г. // ВВ. М., 1953. Т. 7. С. 53.

[355] Степенная книга. Т. 2. С. 172.

[356] ПСРЛ. Т. 22, ч. 1. С. 185—187, 214.

искандеровскую редакцию[357]. В тоже время нельзя не отметить и того, что некоторые другие чтения СК сближают ее с хронографической редакцией[358]; это делает гипотезу об ее привлечении к написанию СК возможной[359]. Также обратим внимание на то, что в СК содержатся и чтения, которые отсутствуют в известных списках как хронографической, так и искандеровской редакций[360]. Это в свою очередь побуждает заключить, что в свете доступного нам материала в настоящее время вопрос о редакции Повести, использованной в СК, решить вряд ли удастся. На данном этапе изучения этого вопроса можно лишь высказать предположение о том, что в распоряжении составителя

---

[357] См.:

Хронографическая редакция	Искандеровская редакция	СК
«Въ лѣто 5800 осьмнадесятъ, царствующу...»	«Въ лѣто 5803. Царствующу...»	«Въ лѣто 5803 царствующю...»
«похвалиша ему Визанътию и Макидонию»	«похвалиша ему Македонию и Византию»	«похвалиша ему Македонию и Визъантию»

[358] Например, см.:

Хронографическая редакция	Искандеровская редакция	СК
«мужей мудрыхъ»	«мужей достойныхъ»	«мужеи мудрыхъ»
«жену свою царицю Максимину»	«жену свою Максимину»	«жену свою царицю Максимину»
«раб имъ не покупати»	«раб не покупати»	«раб не покупати»
«зятя своего Ликиния»	«Ликиния, зятя своего»	«зятя своего Ликиниа»
«мегистанъ, сиреч земскихъ князей, и магистровъ»	«мегистанъ и магистровъ»	«мегистановъ, сиирѣчь земскихъ князеи и магистровъ»

[359] Впрочем, даже если Повесть была включена в хронографической редакции, это не означает, что был использован именно Хр. 1512 — известно, что списки этой редакции встречаются и отдельно от Хр. 1512, по крайней мере, начиная с конца XV в. Так, фрагмент списка Повести, датируемый этим временем (ОР РНБ. ОСРК. Q.IV.544), ввел в научный оборот С. Н. Азбелев, см.: *Азбелев С. Н.* К датировке русской повести о взятии Царьграда турками // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 337.

[360] Например, см.:

Хронографическая редакция	Искандеровская редакция	СК
«Адаманта»	«Адаманта»	«Далмата»
«чести»	«нечестия»	«бесчестия»
«потече по мѣсту»	«потече по мѣсту»	«потече по мѣсту тому»
«възлѣтевъ изъ очью на долгъ часъ»	«възлѣтевъ изо очию на длъгъ часъ»	«възлетѣ на высоту на длъгъ часъ»

СК находился список Повести, который содержал чтения, характерные как для искандеровской, так и для хронографической редакции.

Текст Повести при включении в 18 гл. 14 ст. подвергся правке. Так, в ее текст составитель СК внес ряд дополнений, сгруппированных в «Изъявление въ мале о турьскихъ царехъ, откуду быша», которое повествует о начале «турецкого царства»[361]. Соответствующие рассказы содержатся в Хр. 1512, который мог послужить источником этих добавлений[362]. Другим дополнительным источником, по-видимому, послужила входящая в состав Повести на перенесение Владимирской иконы из Владимира-на-Клязьме в Москву Повесть о Темир Аксаке, которая, как уже отмечалось выше, полностью воспроизведена в 24 гл. 13 ст. (в ней содержатся прозвища турецкого султана Баязета «Крещий» «Толочан», которые отсутствуют в Хр. 1512). С другой стороны, описание событий, связанных непосредственно со взятием Константинополя, в СК сокращено.

Сказанное выше подводит к заключению, что Хр. 1512, вероятно, явился источником 18 гл. 14 ст., но источником дополнений к Повести о взятии Царьграда, вопрос о редакции которой остается открытым.

В тексте СК содержится еще одно известие, которое может быть возведено исключительно к хронографическому источнику. Как отметил В. В. Кусков, источником 19 гл. 13 ст. является запись Ник. под 6919 г.[363] Эта глава повествует о женитьбе византийского императора Мануила на дочери великого князя Василия I Дмитриевича[364]. В. В. Кусков указал, что, по всей видимости, в СК допущена ошибка — в Ник. содержится указание на женитьбу сына Мануила Ивана; согласно же тексту СК, на дочери московского князя женился сам Мануил[365]. Однако, если данное несоответствие может объясняться ошибкой составителя СК, то ряд других подробностей, содержащихся в 19 гл., заставляет усомниться в том, что данный фрагмент СК восходит исключительно к Ник. Так, в СК содержится указание на срок

---

[361] Степенная книга. Т. 2. С. 176—177.

[362] ПСРЛ. Т. 22, ч. 1. С. 417—422, 427—429, 434—435, 437.

[363] ПСРЛ. Т. 11. С. 217—218. В Воскр. (Т. 8. С. 86) известие читается очень кратко.

[364] Степенная книга. Т. 2. С. 86. Подробнее об этом событии см.: *Медведев И. П.* Внучка Дмитрия Донского на византийском престоле? // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 255—262.

[365] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 201.

царствования Мануила (33 года), а также сюда помещен перечень его сыновей — в Ник., передающей данное известие в кратком виде, подобные детали отсутствуют[366]. На использование хронографического источника в 19 гл. указывает и заключающее главу замечание составителя СК: «О них же [сыновьях Мануила. — *А. У.*] в **греческих** [выделено нами. — *А. У.*] лѣтописаниих известно писана суть».

Итоги сравнения 19 гл. 13 ст. СК с другими предшествующими ей памятниками дает возможность отметить близость к ней фрагмента Хр. 1512, а также Хронографа западнорусской редакции[367]. Сравним эти тексты:

Хр. 1512	СК
«Потом же царь Мануил присла к великому князю Василию Димитреевичю, прося у него за себе тщерь Анну, еюже и отпусти со многою честию и сотвори брак любочестен и всенароден на многи дни царь Мануил в царьствующем градѣ и своим посланьным пирьшество велико и многотолъстотъны трапезы и гостьбу велику. И посланных отпущает со многими дарми и поминки. Царствова же Мануил 33 лѣта и роди ото Анны царици сынов 6: Калуяна, Андроника, Феодора, Коньстянтина, Димитриа, Фому»[368].	«И тои [Мануил. — *А. У.*] посла на Москву к великому князю Василию Димитриевичю, прося у него за себе дщери его великия княжны Анны. Онъ же о семъ совѣтъ сотвори со отцемъ своим Фотѣемъ, митрополитом всеа Русии. Отъ него же вземъ благословение, отпусти ю со многою честию. Царь же Мануил въ Царьствующемъ граде поятъ ю, и сотвори бракъ любочестен, и всенароднѣ своимъ людемъ и рускимъ посланникомъ пиршество велико, и многотолъстотны трапезы, и гостьбу велику. И посланниковъ отпущаетъ со многими дарми и поминки. Царствова же Мануилъ 33 лѣта и роди отъ царици Анны сынов 6: Калуяна, Андронника, Феодора, Констянтина, Димитриа, Фому...»[369].

[366] «И потом совѣт сотвори князь велики Василей Дмитреевичь со отьцем своим Фотѣем митрополитом о дщери своей Аннѣ, юже хотяше дати в Греки в Костянтинъград за царевича Ивана, Мануилова сына; Фотѣй же митрополит благоволи ему тако быти и благослови его. Того же лѣта князь велики Василей Дмитреевич оттдаде дщерь свою княжну Анну в Царьград за царевича Ивана Мануиловича». См.: ПСРЛ. Т. 11. С. 217—218.

[367] На то, что известие о женитьбе императора Мануила на дочери Василия Дмитриевича встречается лишь в памятниках древнерусской хронографии, обратил внимание еще А. А. Шахматов (см.: *Шахматов А. А.* Обозрение... С. 136).

[368] ПСРЛ. Т. 22, ч. 1. С. 422. Сходный текст читается также в Хронографе западнорусской редакции, см.: ПСРЛ. Т. 22, ч. 2. Пг., 1914. С. 196.

[369] Степенная книга. Т. 2. С. 86.

Как видим, единственным расхождением в приведенных выше отрывках является указание на «совет» Василия I Дмитриевича с митрополитом Фотием и благословение последнего. Это сообщение, по всей видимости, было заимствовано из Ник. Среди известных памятников лишь Хр. 1512 (а также Хронограф созданной позднее западнорусской редакции) и СК указывают на брак Анны с Мануилом (а не его сыном Иоанном); последнее прямо свидетельствует о связи этих двух памятников. По всей видимости, составитель СК столкнулся с разными версиями данного известия — летописной и хронографической. Вероятно, он отдал предпочтение последней как основанной на «греческих летописаниях», что, возможно, сообщало ей дополнительный вес в глазах книжника макарьевского круга.

Таким образом, в основу содержащегося в 19 гл. 13 ст. рассказа о женитьбе византийского императора на дочери московского князя был положен хронографический источник (вероятно, Хр. 1512), сообщение которого было дополнено записью Ник. Из хронографического источника, вероятно, были заимствованы и дополнения к Повести о взятии Царьграда турками (18 гл. 14 ст.).

* * *

Заключая рассмотрение летописных источников СК, можно согласиться с высказанным нашими предшественниками мнением о том, что Ник. и Воскр. являлись ее основными летописными источниками. Вместе с тем есть основания полагать, что свидетельства этих памятников дополнялись по другим летописным источникам: CI мл., своду, близкому к «Летописцу от 72-х язык», и HIV. В основу окончания 16 ст. и основного текста заключающей памятник 17 ст. были положены ЛНЦ, а также, по всей видимости, его продолжение, доводившее повествование до февраля 1560 г. Кроме того, к составлению СК был привлечен и хронографический источник (вероятно, Хр. 1512).

3.3. Другие источники

В тексте СК наряду с агиографическими и летописными источниками фиксируются случаи использования и иных памятников. Обратимся к ним.

Слово о князьях

В работе О. А. Линдеберг, посвященной изучению рукописной традиции «Слова о князьях» (XII в.[370]), была отмечена его связь с 10 гл. 3 ст.[371], повествующей о Давыде Святославиче[372]. Источник при включении в СК подвергся значительной редакторской правке, которая привела к появлению особой, степенной, редакции. Согласно О. А. Линдеберг, в ней был использован несохранившийся список, который в свою очередь восходил к архетипу «Слова». Судить об источнике СК можно по четырем дошедшим до нас спискам конца XV—XVII вв.[373], положенным в основу публикации этого произведения. По мнению О. А. Линдеберг, составителя СК «Слово о князьях» интересовало прежде всего как источник сведений о прошлом. Поэтому он «отбросил все, что казалось ему лишним, и оставил лишь рассказ о Давиде Святославиче»[374]. Рассмотрим особенности правки источника 10 гл.

---

[370] *Лопарев К. Х.* Слово похвальное на перенесение мощей св. Бориса и Глеба (неизданный памятник литературы XII века) // ПДПИ. СПб., 1894. Вып. CXXIV. С. 10. По мнению П. В. Голубовского (см.: *Голубовский П. В.* Опыт приурочения древнерусской проповеди «Слово о князьях» к определенной хронологической дате // Древности: Труды Археографической комиссии Московского археологического общества. Т. 1, вып. 1—3. СПб., 1898. Стб. 502—509), произнесение «Слова» состоялось в Чернигове в 1175 г. и было связано с конфликтом старшего в роде черниговских князей Святослава Всеволодовича и Олега Святославича, который, нарушив крестное целование, захватил Чернигов. Последующие исследователи, подчеркивая слабость аргументации П. В. Голубовского, неопределенно относили этот памятник к XII в., при этом отмечая отсутствие данных для более точной датировки. См.: *Линдеберг О. А.* «Слово о князьях»... С. 4—5; *Салмина М. А.* Слово о князьях // СККДР. Вып. 1. С. 430. А. В. Поппэ датировал появление «Слова» временем «около 1170 года» (см.: *Поппэ А. В.* Святые венценосцы (Как возник культ Бориса и Глеба) // Родина. 2002. № 11—12. С. 97).

[371] В. В. Кускову не удалось обнаружить источники 10—11 глав 3 ст. (см.: *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 117, примеч. 1).

[372] Степенная книга. Т. 1. С. 395—396; Слово о князьях // ПЛДР. XII век. Л., 1980. С. 338—343. Подробнее о биографии Давида Святославича см.: *Горский А. А.* Давид Святославич // ПЭ. Т. 13. М., 2006. С. 602—603.

[373] *Линдеберг О. А.* «Слово о князьях»... С. 13, стемма. На четвертый список памятника (60-е гг. XVII в.) совсем недавно внимание исследователей обратил Ч. Х. Чой (см.: *Чой Ч. Х.* О вновь найденном списке «Слова о князьях» (XII в.) // Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 352—363; на с. 361—363 помещена публикация текста «Слова» по этому списку).

[374] *Линдеберг О. А.* «Слово о князьях»... С. 13.

В СК пропущена вводная часть «Слова о князьях». В ней ясно читался мотив, осуждающий княжеские усобицы. Так, автор «Слова» восклицал: «Слышите князи противящеся старѣшей братьи и рать въздвижуще и поганыя на свою братию возводяще, не обличилъ ти есть Богъ на страшнѣмъ судищи!». Также памятник уточнял вину князей-братоненавистников: «Вы же до слова брату стерпѣти не можете и за малу обиду вражду смертоносную въздвижете, помощь приемлете от поганых на свою братию». Приводя ветхозаветные примеры братоубийств, автор «Слова» выделял фигуры Бориса и Глеба, которые развязыванию братоубийственной войны предпочли мученическую кончину[375]. Согласно О. А. Линдеберг, вводная часть произведения должна была подводить читателя к его главной идее — осуждению братоубийственных усобиц на Руси[376]. Перед началом повествования о Давыде Святославиче составитель СК пропустил фразу «Слова» о том, что этот князь «не в чуже странѣ бывшу»[377]. Далее, в соответствии с текстом своего источника, книжник воспроизвел рассказ о черниговском князе. Единственным случаем редакторской правки основной части «Слова о князьях» является отмеченное О. А. Линдеберг[378] внесение уточнения относительно родственных связей воспеваемого в памятнике князя[379]. Создатель СК пропустил содержащийся в конце «Слова» призыв его автора к древнерусским князьям прекратить братоубийственную борьбу и тем самым последовать примеру Бориса и Глеба, которые отказались участвовать в междоусобице[380].

Как видим, к особенностям редактирования «Слова о князьях» в СК относится не только пропуск сведений, не имеющих прямого отношения к Давыду Святославичу, но и сознательное освобождение текста от информации о каких-либо междоусобных бранях на Руси. При этом отметим, что, если рассказ о Давыде в «Слове» помещен между сентенциями, осуждающими усобицы на Руси, то повествование об этом князе в СК заключено между выдержанными в агиографических тонах рассказами о Ярополке Изяславиче и Святославе Давыдовиче.

---

[375] Слово о князьях. С. 338.

[376] *Линдеберг О. А.* «Слово о князьях»... С. 5.

[377] Слово о князьях. С. 340.

[378] *Линдеберг О. А.* «Слово о князьях»... С. 12.

[379] Степенная книга. Т. 1. С. 393—394.

[380] Слово о князьях. С. 340.

«Слово о погибели Русской земли»

Для определения возможного источника СК по древнейшему периоду русской истории большое значение имеет список «Имен областей русских» (7 гл. 1 ст.). Ввиду важности этого рассказа для последующего изложения приведем его текст:

«Имена областиамъ рускымъ. Многа же и различна бяху именованиа многимъ странамъ Рускаго царьствиа, ими же царствоваху и дани емляху благословеное сѣмя сего великаго князя Владимира Свѣтославича в роды и роды. Имена же тѣмъ землямъ зде отчасти да глаголются, яже суть сиа: чюдь, иже бяху сосѣдни Новуграду и Пскову, словени, иже Новаграда Великаго и Пскова область, меря же — Ростовская земля и Переяславьская, иже по Клещину езеру, весь же — Бѣлоезерьская земля, к симъ же муромъ, черемиса, мръдва, пермь, печера, емь, литва, зимгола, корсь, нерова, либи, козари, иже отъ скифъ глаголемии блъгари, иже по Дунаю, угри бѣлии, чехи, ляхи, лутичи, мазовшане, поморяне, поляне, древляне, дреговичи, полочане, сѣвера, кривичи, велынци, двиняне и ины многы»[381].

Определение источника перечня основной части народов, упоминаемых в СК в составе «Русской державы», не представляет особых затруднений — как отметил Я. Пеленский[382], 7 гл. 1 ст. основывается на содержащемся в летописных источниках памятника перечислении славянских племен и народов, дающих дань Руси[383]. Однако в литературе было подмечено, что в список «Имен областей русских» были включены племена, которые ни в источниках СК, ни в других предшествующих ей произведениях исторической мысли никогда не включались в состав Древнерусского государства (чехи, литва, ляхи, лютичи, мазов-

---

[381] Степенная книга. Т. 1. С. 225—226.

[382] *Pelenski J.* Russia and Kazan... P. 112.

[383] «Сими же всѣми обладаху Русь, иже от Киева града, и дань емляху на чуди, на новогородцѣх, на мери, на веси, на мурому, на черемисѣ, на мордвѣ, на перми, на печерѣ, на еми, на литвѣ, на зимголѣ, на корсѣ, на либи, иже на полунощных странах живут, от колѣна Афетова имущи свои язык. А инии, пришед от скиф, иже суть козари, сѣдоша по Дунаю, иже нарекошася болгаре, а инии приидоша оугри бѣлии и сѣдоша в словенъскои земли, прогнав волох при царствѣ Ираклиеве...». Цит. по Своду 1497 г. (как было отмечено выше, наибольшую близость к 7 гл. 1 ст. обнаруживает летописный источник, близкий к Лих., Сводам 1497 и 1518 гг.; в Лих. листы, содержащие этот фрагмент, не сохранились); в Своде 1518 г., Ник. и Воскр. содержится сходный текст. См.: ПСРЛ. Т. 28. С. 13, 167; Т. 9. С. 5; Т. 7. С. 264.

шане, поморяне, угры). Как предположил В. В. Кусков, «подчеркивая могущество Русского государства в далеком прошлом, автор [СК. — *А. У.*] перечисляет области, входившие якобы издревле в его состав». Исследователь полагал, что содержащийся в 7 гл. список областей «Русского царствия» в произведении служил оправданием внешней политики Грозного[384]. Есть основания считать, что представленный в СК перечень «Имен областей русских» мог обусловливаться не только стремлением обосновать историческими аргументами присоединение ряда земель к Русскому государству, но данными источников памятника.

По всей видимости, наряду с летописным материалом определенное влияние на 7 гл. 1 ст. оказало «Слово о погибели Русской земли». В историографии уже было отмечено два случая близости текста этого произведения к СК — вводной статьи «Родословие русских государей», которая, однако, отсутствовала в древнейших списках памятника (Волк., Томск. и Чуд.), и 7 ст., повествующей о Ярославе Всеволодовиче[385]. Если предположение целого ряда исследователей относительно использования «Слова» в СК верно, то оно кроме 7 ст., на наш взгляд, также может быть связано и со списком «Имен областей русских».

«Слово» содержит пространный перечень племен, подчиненных русским князьям Владимиру Мономаху, Юрию Долгорукому и Всеволоду Юрьевичу[386]. При этом, как указал М. Горлин[387],

---

[384] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 93. Подробнее это представленное в историографии мнение нами будет рассмотрено ниже, в шестой главе.

[385] Подробнее о параллелях СК и «Слова о погибели Русской земли» см.: *Жданов И. Н.* Русский былевой эпос... С. 95—96; *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития... С. 163—166; *Gorlin M.* Le Dit de la Ruine de la terre russe et de la mort du grand-prince Jaroslav. P. 13—22; *Гудзий Н. К.* О «Слове о погибели Рускыя земли». С. 537—539; *Бегунов Ю. К.* 1) Следы... С. 116—130; 2) Памятник русской литературы XIII века... С. 145—152.

[386] «Отселѣ до ОУгоръ и до Ляховъ, до Чаховъ, от Чахов до Ятвязи и от Ятвязи до Литвы, до Немець, от Нѣмець до Корѣлы, от Корѣлы до ОУстьюга, гдѣ тамо бяхоу Тоимици погании, и за Дышючимъ моремъ; от моря до Болгаръ, от Болгаръ до Боуртасъ, от Боуртасъ до Чермисъ, от Чермисъ до Моръдви — то все покорено было Богомъ крестияньскому языкоу поганьскыя страны: великому князю Всеволоду, отцю его Юрью, князю Кыевьскомоу, дѣду его Володимеру и Манамаху» (Цит. по: *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века... С. 154).

[387] *Gorlin M.* Le Dit de la Ruine de la terre russe et de la mort du grand-prince Jaroslav. P. 18.

те народы, которые в «Слове о погибели Русской земли» представлены в качестве соседей Руси (чехи, ляхи, литва, угры, немцы и др.), в СК фигурируют в числе «Имен областей русских». Есть основания полагать, что таким образом составитель памятника понял фрагмент своего источника[388]. На это прямо указывает отрывок «Слова о погибели Русской земли», содержащийся в 1 гл. 7 ст.:

«...вси страны трепетаху именъ ихъ [предков Ярослава Всеволодовича. — *А. У.*], не токмо ближнии, но и далнии земли и царства и самии гречестии царие, и како повсюду бысть въ всеи в Русьстѣи земли православная вѣра христианьская, идѣже бысть всякиа божественыя благодати исполнение и всего земнаго доброплодиа изобилование, в них же не бяше тогда поганина. Юду же присягаху и повиновахуся многиа страны и дань даяху от моря и до моря: угрове, и чахи, и ляхи, и ятвяги, и литва, и нѣмци, и чюдь, и корѣла, и Устьюгъ, и обои блъгары, и буртасы, и черкасы, и мордва, и черемиса, и самии половци дань даяху и мосты мостяху, литва же тогда и из лесовъ бояхуся выницати, татари же тогда ни слухомъ не именовахуся»[389].

Таким образом, как видим, представив соседей Руси (их перечень представлен в «Слове о погибели Русской земли») как ее данников, составитель СК и поместил в состав Русской «державы» племена, которые, согласно его летописным источникам, никогда не подчинялись Руси.

«Сказание о Тихвинской иконе Богоматери»

Есть основания говорить о знакомстве создателя СК и со «Сказанием о Тихвинской иконе». Так, в начале 9 гл. 12 ст. содержится ссылка на этот памятник: «Въ двадесять четвертое же лѣто государства его [Дмитрия Ивановича. — *А. У.*] явися многочюдесныи Пречистыя Богоматери образ на Тихвинѣ, **о нем же сказание иматъ**» (выделено нами. — *А. У.*)[390]. Учитывая отсутствие сколько-нибудь пространных заимствований из «Сказания» в СК, трудно сказать, какой из по меньшей мере 8 редак-

---

[388] *Gorlin M.* Le Dit de la Ruine de la terre russe et de la mort du grand-prince Jaroslav. P. 18.

[389] Степенная книга. Т. 1. С. 487.

[390] Там же. Т. 2. С. 57. Как уже отмечалось выше, приведенные слова в тексте памятника появились не сразу — они вставлены на полях в Томск. и Чуд. (также см.: Там же. С. 57, примеч. г).

ций воспользовался книжник[391]. Можно лишь высказать предположение, что, скорее всего, речь не шла о ссылке на краткий летописный вариант «Сказания»[392]. Так, в 10 гл. 12 ст. отмечается, что «о нем же сказание имат». При ссылках на летописные источники, как правило, составитель СК указывал на то, что соответствующие сведения содержатся «в летописаниих»[393]. Обратим внимание, что, как уже указывалось в литературе, «Сказание» было весьма популярно в кругах книжников, близких к Волоцкому монастырю, с которым были связаны московские митрополиты Даниил и инициатор составления СК Макарий[394]: текст памятника содержится в ряде волоцких списков, близких по времени к созданию СК[395] (как будет показано ниже, привлечение волоцких материалов к составлению памятника вполне вероятно).

Памятники церковного права

В. В. Кусков установил, что в основу 58 гл. 1 ст. был положен Устав князя Владимира[396], который, как уточнил позднее Я. Н. Щапов, использовался в Синодальной редакции[397]. Однако в Уставе отсутствует описание даров княгинь церквям и указание на «Нищих богатство». Каково происхождение этих фрагментов СК?

Поиски ответа на этот вопрос заставили нас обратить внимание на «Правило о церковных людях», которое, как отметил

---

[391] Подробнее о рукописной традиции и литературной истории «Сказания» см.: *Иванова И. А.* 1) Икона Тихвинской Богоматери и ее связь со «Сказанием о чудесах иконы Тихвинской Богоматери» // ТОДРЛ. Л., 1966. Т. 22. С. 419—436; 2) Летописные сведения об иконе «Богоматерь Тихвинская» // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 242—244; *Дмитриева Р. П.* Сказание о иконе богоматери Тихвинской // СККДР. Вып. 2, ч. 2. С. 365—367; *Ebbinghaus A.* Die altrussischen Marienikonen-Legenden. Wiesbaden, 1990. S. 174—188; *Кириллин В. М.* Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия». М., 2007. С. 30—74.

[392] Предположение об использовании в данном случае «Сказания о Тихвинской иконе Богоматери» в редакции Воскр. (запись под 6891 г.) высказал В. В. Кусков (см.: *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 191, примеч. 4).

[393] Например, см.: Степенная книга. Т. 1. С. 219.

[394] См.: *Кириллин В. М.* 1) Текстологический анализ ранних редакций «Сказания о Тихвинской Одигитрии» // Литература Древней Руси. Источниковедение: Сб. науч. тр. Л., 1988. С. 143; 2) Сказание... С. 35—43.

[395] Например, см.: ОР РГБ. Ф. 113. № 659.

[396] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 104.

[397] Древнерусские княжеские уставы... С. 81.

Я. Н. Щапов, представляет собой хотя и близкий к Уставу князя Владимира, но более поздний памятник полемической литературы, обосновывающий право Церкви на крупную собственность[398]. По мнению этого историка, «Правило» было написано в последней четверти XIII—начале XIV в. при ростовской владычной кафедре. «Правило», получившее особое распространение в XIV—XV вв., было основано на тех же источниках, что и Устав князя Владимира. В отличие от сложившегося в XI—XII вв. Устава, «Правило» с самого начала говорит о церковной земельной собственности. По-видимому, ближе всего к СК пространная редакция «Правила», т. к. в ней появляется ссылка на князя Владимира Святославича, которая была призвана дополнить исторической аргументацией тезис о законности земельной собственности Церкви. Эта редакция, по мнению Я. Н. Щапова, появилась в последней четверти XIV в., вероятно, во Владимире-на-Клязьме[399].

Результаты сравнения СК с текстом «Правила» дают основания зафиксировать близость к нему второй половины 58 гл. (со слов «еже и до нынѣ благодатию Христовою»). Так, фрагмент СК о «многоразличных даяниях» является пересказом текста «Правила». При этом книжник заменяет упоминание «великих князей», которые делали многочисленные дары Церкви, указанием на наследников Владимира, которые, «ревнующе» своему равноапостольному предку, проявляли исключительную заботу о Церкви[400]. Вслед за этим в СК следует весьма пространная цитата из «Правила»:

«Правило»	СК
«А княгини ихъ свою многоцѣнную кузнь, порты, злато, каменье драгое, великии жемчюгъ, и иконы украшеныя, евангилья утварна, священныя тряпезы, съсуды царски украсивше обогатили паче тѣхъ, отъ кого ти приняли. Писано бо есть въ святыхъ апостолахъ правилѣхъ въ 59-мь: церковное богатьство нищихъ богатьство	«**Церковная утварь.** Тако же и христолюбивыя ихъ царици и благовѣрныя княгини усрѣдно вдаваху свою лѣпотную утварь и всякую нарочитую кузнь и свѣтлыя ризы, злато же и камение драгое, и великии женчюгъ, и святыи иконы, и еуагелиа, и царьскими съсуды святыя престолы украсивше, обогатили паче и тѣхъ, от кого

[398] Древнерусские княжеские уставы... С. 5.

[399] *Щапов Я. Н.* «Правило о церковных людях» // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 81.

[400] Ср.: Степенная книга. Т. 1. С. 311—313; *Бенешевич В. Н.* Памятники древнерусского канонического права. Ч. 2, вып. 1. Пг., 1920. (РИБ. Т. 36). С. 42.

«Правило»	СК
възраста ради сиротъ и старости и немощи въ недугъ въпадшихъ, и нищихъ кормление, страннои чяди прилежание, и сиротамъ и убогимъ промышление, и вдовамъ пособие, дѣвицамъ потребы, обидимымъ заступление, въ напастехъ побѣженье и въ пожарѣ и въ потопѣ, и плѣненымъ свобожение и искупление, въ гладъ прекормленье въ худобѣ умирающимъ покровъ на гробы и погребанье, а церквамъ и монастыремъ и пустынямъ подъятье, живымъ прибѣжище и утѣшение, а мертвымъ памяти. Того ради на потребу церковную и люди своя давали»[401].	сия прияли суть, внимающе Писанию апостольскихъ правилъ. **Нищихъ богатьство.** Яко церковное богатьство — нищихъ есть богатьство, еже симъ издовляти весь освященныи чинъ и вся причетники церковныя и възраста ради сиротъ и въ старость пришедшимъ, и в немощи и в недуги впадшимъ, и нищимъ въ прекръмление, и многымъ убогои чади и страннымъ прилежание, и убогимъ сиротамъ промышление, вдовицамъ пособие, дѣвицамъ потребы, обидимымъ заступление, плѣннымъ искупление, въ гладѣ прокормление, въ худобѣ умирающимъ покровы и гробы и погребание, церквамъ пустымъ и монастыремъ подъятие, живымъ прибѣжище и утѣшение, а мрътвымъ память. Сихъ ради потребъ церковныхъ людие даваху имѣния своя»[402].

К случаям правки этого фрагмента составителем СК следует отнести внесение указания на «христолюбивых цариц», а также пропуск ссылки на конкретное (согласно «Правилу о церковных людях», 59-е) правило.

Как отметил Я. Н. Щапов, в период создания Русского государства его идеологи «черпали из наследия Древней Руси все то, что так или иначе, прямо или косвенно можно было связать с нуждами своего времени». При этом юридические памятники могли переосмысливаться и использоваться не по их первоначальному назначению[403]. Примером такого использования и является 58 гл. 1 ст. СК. В ней содержащийся в «Правиле» материал (свидетельства о щедрости князей и княгинь по отношению к Церкви, а также описание благотворительной деятельности духовенства) использован для того, чтобы, с одной стороны, подчеркнуть почитание Церкви русскими князьями, с другой, дополнить рассказ о добродетелях Владимира. Так, после окон-

[401] *Бенешевич В. Н.* Памятники... С. 44—46. В последних словах в др. списках читается: «...на потребу церковную имение...».

[402] Степенная книга. Т. 1. С. 314.

[403] *Щапов Я. Н.* Вторая жизнь памятников права Древней Руси // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 212—213.

чания отрывка «Правила» о нищелюбии русских правителей в СК следует уточнение: «О таковыхъ потребахъ блаженныи Владимиръ великъ подвигъ показа и вѣчное блаженьство получи»[404]. Эта вставка давала возможность связать деятельность анонимных дарителей Церкви с вполне конкретным князем, который к тому же, согласно принятой в памятнике версии его источников, положил начало покровительству Церкви. Таким образом, сочетая материал Устава и «Правила» в 58 гл., книжник середины XVI в. сообщал рассказу о начале представленной в памятнике модели взаимоотношений князя и Церкви ту полноту, которую только позволяли его источники. Впрочем, не исключено, что составитель СК имел предшественников, которые соединяли в одном произведении Устав Владимира и «Правило»[405].

Списки митрополитов

В СК проведен принцип строгой последовательности русских митрополитов. Это, в частности, выразилось в том, что при первом упоминании всех первосвятителей приведены их порядковые номера в овалах, которые помещены в Волк., Томск. и Чуд. на заключительном этапе их редактирования. Данные случаи редакторской правки свидетельствуют о стремлении книжника в максимально полной мере представить наследование русских митрополитов друг другу. Важно отметить, что это делалось даже в тех случаях, когда соответствующие известия в летописных источниках СК отсутствовали. Это проявилось при описании ряда русских митрополитов в домонгольский период русской истории. Не останавливаясь на уже изученном в историографии вопросе о реальной последовательности русских первосвятителей в данный отрезок времени[406], обратимся

---

[404] Степенная книга. Т. 1. С. 314.

[405] Опубликованный Я. Н. Щаповым (см.: Древнерусские княжеские уставы... С. 48) Волоколамский извод Устава Владимира, являвшийся выдержкой из «Ответа» Макария (см.: «Ответ» митрополита Макария... С. 717—748), представлял собой смешение Устава Владимира и «Правила». В пользу этого предположения говорит наличие в «Ответе» (с. 733) характерных для «Правила» слов: «Царь или князь в девятих частих, а церкви соборная в десятой части» (эта фраза отсутствует в Уставе).

[406] Подробнее см.: *Макарий (Булгаков).* История русской церкви. Кн. 1—4. М., 1994—1996; *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. 1—2. М., 1997; *Щапов Я. Н.* Государство и церковь в Древней Руси X—XIII вв. М., 1989.

к особенностям ее представления в СК в контексте изучения ее источников.

Вторая часть 63 гл. 1 ст. сообщает о смерти митрополита Леонта и приходе на Русь его преемника Ивана. Также в этой главе содержится известие о строительстве митрополитом Иваном церкви св. Петра и Павла. Если источник последнего сообщения затруднений не вызывает — им послужила запись Ник. под 6516 г.[407] — то первые два известия отсутствуют в предшествующих СК летописных сводах. Откуда же могли быть позаимствованы сообщения о смерти Леонта и приходе на Русь его преемника? Состояние источников не дает возможности точно ответить на этот вопрос. Однако итоги рассмотрения внелетописных статей, помещенных перед Ник. и Воскр., дают основания выдвинуть одно предположение.

В списке «Имен митрополитом русским от крещения Владимирова и до ныне», представленном в летописи, содержится перечень русских первосвятителей в хронологической последовательности: «1. Михаил; 2. Леонтий; 3. Иван; 4. Феопемтъ...»[408]. Как видим, из этого списка прямо следует, что Леонту наследовал Иван. Таким образом, несмотря на отсутствие соответствующего летописного известия о приходе нового митрополита на Русь после смерти Леонта, у составителя СК были все основания написать о том, что «въ него же мѣсто поставленъ бысть Киеву и всеи России въ митрополиты именемъ Иванъ отъ святѣишаго патриарха въ царствующемъ граде». Сказанное выше дает основания предположить, что почерпнутая из списка русских митрополитов информация дала возможность книжнику круга митрополита Макария сделать это добавление к своему основному летописному источнику и тем самым заполнить лакуну относительно смены иерархов на киевской кафедре.

С. 191—207 (перечень русских митрополитов за 988—1305 гг. подготовлен А. В. Поппэ); *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.). СПб., 1996. С. 443—471; *Назаренко А. В.* Русская Церковь в X—1-й трети XV в. // ПЭ. Т.: Русская православная церковь. М., 2000. С. 38—47.

[407] Степенная книга. Т. 1. С. 321; ПСРЛ. Т. 9. С. 69; *Державин Н. С.* «Степенная книга»... С. 69; *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 104.

[408] ПСРЛ. Т. 9. С. XXI. В статьях, предшествующих Воскр., есть аналогичный список, в котором, однако, последовательность митрополитов иная: «1-ой митрополитъ в Киевѣ Леонтъ, Михаилъ, Иоанн, Феопементъ...» (см.: ПСРЛ. Т. 7. С. 230).

Вероятно, этот же источник был использован и при упоминании митрополита Михаила, которое следует после сообщения о смерти его предшественника Никиты в 9 гл. 4 ст. В СК (так же как и в ее летописных источниках) отсутствует описание прихода митрополита из Константинополя — в ней лишь указано, что после смерти митрополита Никиты «по немъ бысть Михаилъ митрополитъ всеа Русии». Есть основания полагать, что составитель, как и в предыдущем случае, воспользовался списком митрополитов, который давал вполне однозначный ответ на вопрос о наследнике митрополита Никиты — содержащийся в Ник. перечень указывает: «12. Никита; 13. Михаил...»[409]. По-видимому, наш книжник не располагал каким-либо источником, который бы описывал его приход на Русь. Однако имеющийся в его руках материал давал ему возможность упомянуть о Михаиле как о митрополите, который наследовал Никите. Все вышесказанное позволяет считать использование списков митрополитов[410] в СК вполне вероятным.

Лексикографический источник

Перед основным текстом СК помещены три вводные статьи («История сирѣчь повѣстникъ о епископияхъ, еликии подлежатъ и послушни суть митрополиту Киевъскому и всеа Руси»,

---

[409] ПСРЛ. Т. 9. С. XXI. В помещенных в Воскр. списках (см.: ПСРЛ. Т. 7. С. 239) Михаил также следует за Никитой. Очевидно, вставка этого имени в число русских митрополитов была произведена позднее. Так, как отметил еще П. Г. Васенко (см.: ПСРЛ. Т. 21, 1-я половина. С. 184, примеч. 2; также см.: Степенная книга. Т. 1. С. 411), в Чуд. (л. 220) «Михаил» было написано над именем «Кирил» в оглавлении 4 ст. Аналогичная правка содержится и в Волк. (л. 282 об.) — в том же месте имя «Михаил» написано обычными чернилами непосредственно на выполненном киноварью имени «Кирил». В Томск. (л. 214) имя «Михаил» в заголовке 4 ст. было написано по стертому.

[410] Трудно сказать наверняка, какой именно список — представленный в ркп., в которые помещены списки Ник., Воскр., или какие-либо другие памятники — был использован в СК. Вполне возможно, что составитель СК воспользовался митрополичьим списком, который мог и не содержаться в ркп. с летописными текстами — известны митрополичьи списки, помещенные в синодиках. Так, например, список киевских и московских митрополитов представлен в Синодике 1558/59 (7067) г. (см.: ОР РНБ. Соф. № 1058. Л. 20 об.—22; описание ркп. см.: Ф. 728. Библиотека новгородского Софийского собора: Опись. М., 1984. Машинопись. Ч. 3. С. 617—619). Подробнее вопрос об особенностях изображения последовательности русских первосвятителей в СК будет рассмотрен в шестой главе настоящей работы.

«Царские сановники», «Родословие русских государей»), которые, как указал П. Г. Васенко, «не имеют непосредственного отношения к Степенной книге, но гармонируют в значительной мере с ее содержанием»[411]. Эти статьи отсутствуют в наиболее ранних списках СК — Волк.[412] и Томск. Среди древнейших списков памятника лишь Чуд. содержит статью «Царские сановники»[413]. В то время как первая статья («История сирѣчь повѣстникъ...»), как отметил В. В. Кусков, обнаруживает текстуальные совпадения с соответствующей статьей, предшествующей большинству списков Ник.[414], а третья статья может быть возведена к вводным статьям Воскр.[415], найти источник для второй статьи значительно сложнее. Во всяком случае, в том виде, в котором она вошла в СК, ее не удалось обнаружить в предшествовавших ей памятниках.

В поисках источников статьи «Царские сановники» особое внимание мы обратили на ее содержание. В этой статье даются переводы и толкования ряда греческих и латинских слов («епарх», «стратилат», «патрикий», «дукс» и т. д.). Это наводит на мысль о возможной связи рассматриваемой статьи со средневековыми лексикографическими сочинениями. Результаты их сравнения с текстом СК дали основания отметить наибольшую близость к статье «Царские сановники» крупнейшего памятника русской лексикографии XVI в. «Азбуковника» старшей редакции. Приведем соответствующий материал:

СК	«Азбуковник»[416]
«ерапархъ[417] — большии судия градъцскыи»	«епархъ, судия»
«стратилатъ — воевода»	«стратилат, воевода»[418]

[411] *Васенко П. Г.* Составные части... С. 10, примеч. 3.

[412] Эти статьи, отсутствующие в древнейшей части Волк., были восполнены в XVII в.

[413] Степенная книга. Т. 2. С. 457; Чуд. Л. 1 об.

[414] На связь СК со статьей «История сиречь повестник...» Ник., не зная о работе В. В. Кускова, также указал Б. М. Клосс (см.: *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 193).

[415] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 82, примеч. 1.

[416] К сравнению привлекаются различные списки «Азбуковника» старшей редакции, изданные Л. С. Ковтун. См.: *Ковтун Л. С.* 1) Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975. С. 268—312; 2) Азбуковники... С. 136—292.

[417] Так в Чуд.

[418] *Ковтун Л. С.* Азбуковники... С. 185, 252.

СК	«Азбуковник»
«чигосъ[419] — сильныи»	«чигот т[олкование][420] силныи»[421]
«ипатъ — болшии съвѣтникъ и градъскии строитель»	«ипатъ, воевода болшои»
«синьклитикъ — съвѣтникъ»	«сигклитикъ, бояринъ»
«патрикии — отецъ общаго народнаго промышления»	«патрикѣи, отець общаго народнаго промышления»
«архонъ — князь»	«архондосъ. князь, архонти, князю»
«логофетъ — словесемъ сложитель»	«логофет, словесем сложитель»
«комитъ — людемъ начальствуяи»	—
«дуксъ — вожь, сиирѣчь князь»	«дуксъ. князь»
«препоситъ — предсѣдяи в совѣте»	«препосит, председая в полатѣ цареве»
«доместикъ — римъская пословица тривунъ, — слуги судилищныя»	—
«протикторъ — палачь»	«протикторы, воины»
«игемонтъ — князь»	«игемонъ, предстатель воинству или меншои воевода»
«спафарие — меченосецъ»	«спанфарие, меченосець»[422]
«тиронъ — новыи воинъ»	«тиронъ т[олкование] новыи воин»[423]
«схоларь — ученикъ, иже въ учении упразняется»	«схоларъ, ученикъ»[424]
«анфипатъ — намѣстникъ ипатовъ»	«анфипат намѣсникъ»[425]
«тривонатарии — судилищныя писцы»	«триунотари, подячии или пищики»
«кентирионъ — сотникъ»	«кентурионъ, сотникъ»[426]
«хартуларъ — яселничеи»	—

Очевидно, что большинство толкований СК находит соответствия в «Азбуковнике». Вместе с тем необходимо отметить, что в рассмотренных памятниках русской средневековой лексикографии нет переводов слов «комит», «доместик» и «хартулар». Обращает на себя внимание и различие в толковании целого ряда слов в «Азбуковнике» и СК. Так, если «Азбуковник»

---

[419] Так в Чуд.

[420] Как отметила Л. С. Ковтун (см.: *Ковтун Л. С.* Азбуковники... С. 39), между толкуемым словом и его определением в «Азбуковнике» стоит знак (точка или запятая), а иногда буква «Т» или сочетание букв «ТЛ» (т. е. толкование). Поэтому при цитировании текста памятника для удобства чтения это сокращение нами будет раскрываться — «т[олкование]».

[421] *Ковтун Л. С.* Лексикография... С. 311.

[422] *Ковтун Л. С.* Азбуковники... С. 196, 252—253, 239, 143, 220.

[423] *Ковтун Л. С.* Лексикография... С. 306.

[424] *Ковтун Л. С.* Азбуковники... С. 253.

[425] *Ковтун Л. С.* Лексикография... С. 272.

[426] *Ковтун Л. С.* Азбуковники... С. 263, 205.

толкует слово «ипат» как «воевода болшои», то в статье «Царские сановники» он выступает как «больший совѣтникъ и градскии строитель». СК содержит толкование слова «протиктор» — «палачь», в то время как «Азбуковник» трактует его как «воин». Различается и перевод понятия «игемон»: если в СК он фигурирует как «князь», то в «Азбуковнике» как «предстатель воинству или меншои воевода».

Расхождения толкований в других случаях менее существенны и, в сущности, сводятся к уточнениям составителя СК. Так, он поясняет, что «анфипат» является наместником «ипатов»; «синклитик» является не «боярином», а «советником»; «препосит» «председает» не в «царевой палате», а в «совете». Сюда же может быть отнесено и уточняющее указание на то, что ученик — это тот, кто «во учении упразняется». Не исключено, что ряд толкований принадлежал непосредственно создателю СК, который мог их выполнить на основе знания им древних языков. В то же время, на счет эрудиции книжника вряд ли можно отнести дословные совпадения целого ряда толкований слов («стратилат», «чигот», «патрикий», «спафирий», «логофет», «кентурион») этой вводной статьи с «Азбуковником». Данные совпадения могут свидетельствовать лишь о текстуальной связи толкований статьи «Царские сановники» с «Азбуковником» (или близким к нему памятником). Однако характер этой связи до конца не ясен — это могло быть как знакомство составителя СК с неизвестным списком «Азбуковника», так и использование его источников. Впрочем, не исключено, что все эти объяснения имеют право на существование — эрудированный писатель середины XVI в. вполне мог основываться на недошедшем до нас списке своего лексикографического источника, который он пополнял на основе знания им древних языков[427].

---

[427] Фиксируя значительное увеличение числа русских книжников, знакомых с греческим языком, начиная с середины XVII в., А. И. Соболевский указал на знание греческого языка и писателями середины XVI в. (монах Сильван и др.) (см.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVI вв. СПб., 1903. С. 285—286). О переводческой деятельности в этот период также см.: *Савва В.* Несколько случаев изучения иностранных языков русскими людьми во второй половине XVI века. Харьков, 1913; *Ковтун Л. С.* Лексикография... С. 65—70; История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII в. Т. 1: Проза. СПб., 1995. С. 32—34, 46—47, 61—62 (раздел написан Д. М. Буланиным); *Калугин В. В.* 1) Теории текста в русской литературе XVI в. // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50. С. 614; 2) Андрей Курбский и Иван Грозный (Теоретические взгляды и литературная техника

Кроме близости ряда толкований статьи «Царские сановники» к «Азбуковнику», есть и иные аргументы в пользу предположения о связи этого лексикографического сочинения и СК.

В 1 гл. 1 ст., которая служит своего рода введением к жизнеописанию Владимира Святославича в СК, ее составитель разъясняет читателю важность составления всеобъемлющего рассказа о крестителе Руси. На основе данных своих источников книжник повествует о достоинствах киевского князя, которые, с его точки зрения, заслуживают самого пристального внимания потомков. Среди прочего он отмечает:

«Почто же наречеся Владимиръ? Владыческое бо имя преименито есть всякому имени, понеже единъ Богъ — владыи миромъ видимымъ и невидимымъ и всею тварию. Дивно имя Владимиръ, Божиаго звания тезоименитое наречение; таковымъ дивнымъ именованиемъ преже сего Владимира не получи никто же именоватися. Съи самодръжавныи не туне Владимиръ именовася, иже никимъ же отъ человѣкъ не обладанъ бысть, но сам владыи надъ всею Росиею и многымъ странамъ одолѣвая... в лѣпоту Владимиръ наречеся, яко да владыи миромъ и побѣжая съпостаты, не токмо егда въ нечестии пребывая, наипаче же послѣди, егда и въ благочестии преспѣвая и владыи миромъ, и премирная наслѣдова, и не токмо видимыя врагы побѣжаше... тако въ святомъ крещении сугубо тезоименитьство царскаго званиа приобрѣте. Василии нареченъ бысть. Василии же по греческому языку глаголется, по рускому же языку толкуется „царь“. Василии бо царское священие, царское же се и божественое именование»[428].

В тесной связи с приведенным выше текстом находится и указание в рассказе о крещении Владимира (29 гл. 1 ст.) на то, что корсунский епископ «заповѣда же ему [Владимиру. — *А. У.*] о молитвѣ и о постѣ и о покаянии, и благослови его епископъ, и сътвори и оглашенна, и нарече ему **царское имя** Василий» (выделено нами. — *А. У.*)[429].

Первый пассаж, а также указание на принятие Владимиром «царского» имени после крещения не находят параллелей в известных источниках СК. Откуда же эти рассказы могли появиться в ее тексте?

древнерусского писателя). М., 1998. С. 112—119. Также см.: *Буланин Д. М.* Античные традиции...

[428] Степенная книга. Т. 1. С. 220—221.

[429] Там же. С. 278.

Можно допустить, что толкование славянского имени киевского князя было достаточно широко распространено уже в домонгольской Руси. Е. К. Ромодановская связала содержащуюся в СК трактовку имени равноапостольного князя с фрагментом написанного в начале XII в. «От иного послания о повинных». Это послание адресовано неназванному «почтеному господьскымъ и царьскымъ саномъ и пресвятымъ и благимъ и живоворящимъ Духомъ его зблюдаему и усиляему на прѣдспѣние же и царьских разумъ и державы, благочестивому, христолюбивому великому князю»[430] (возможно, им был Владимир Мономах)[431].

Есть основания полагать, что уже современники соответствующим образом интерпретировали славянское имя киевского князя. Во всяком случае, такое толкование содержится в Хронике Титмара Мерзебургского (начало XI в.)[432], который выполнил его (так же как и трактовку имен ряда других правителей Восточной и Центральной Европы — Яромир, Болеслав и др.) на основе знания им славянских языков[433]. Не исключено также и определенное влияние на толкование славянского имени крестителя Руси в СК перевода имени «Панкратеи» Максимом Греком, который содержался в его трактате «Толкование имен по алфавиту» (одном из основных источников «Азбуковника» старшей редакции). Афонский старец определял это имя как «всѣми владея ли одолѣвая»[434] (в СК «владый миромъ и побежая съпостаты»). Вполне вероятно, что книжник времени Ива-

---

[430] *Понырко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI—XIII вв. СПб., 1992. С. 56.

[431] *Ромодановская Е. К.* О поэтике имени в древнерусской литературе // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 4—5. Подробнее о датировке и атрибуции «Послания о повинных» см.: *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные памятники. 2. Киевские князья XI столетия в Послании о повинных // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 454—455; *Творогов О. В.* Даниил // СККДР. Вып. 1. С. 109; *Понырко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси... С. 51—55.

[432] «Имя названного короля [князя Владимира Святославича. — *А. У.*] не по праву **толкуют как власть мира** [выделено нами. — *А. У.*], ибо не тот вечно непостоянный мир зовется истинным, который царит меж нечестивыми и который дан детям сего века, но действительного мира вкусил лишь тот, кто, укротив в своей душе всякую страсть, снискал царствие небесное в награду за смирение, побеждающее невзгоды». Цит. по: *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 141.

[433] Там же. С. 172—173, коммент. 59.

[434] *Ковтун Л. С.* Лексикография... С. 326.

на IV мог воспользоваться содержащимся в его источниках переводом и соотнес его со славянским именем. При этом толкование греческого имени было самым тесным образом увязано с лексемами, входящими в состав имени «Владимир»[435]. К «владый» составитель СК, возможно испытывая влияние трактовки, восходящей к «Толкованию имен по алфавиту» Максима Грека, добавляет «одолевая». Как видим, в распоряжении создателя СК находился пример перевода греческого имени, который мог быть использован при пояснении значения славянского имени Владимира. Оно в свою очередь трактовалось как «Божияго звания тезоименитое наречение», тем самым уподобляя крестителя Руси Христу. В свете вышесказанного также отметим, что толкование славянских имен в средневековой Руси в период, предшествовавший написанию СК, судя по всему, представляло уже вполне сложившуюся традицию. На это, в частности, указывает толкование имени Твердислова (Исидора) Ростовского («Твердислов в правду тезоимѣнно наречеся, утверди бо ум с словом вкупе, еже к Богу обѣща»[436]). Житие этого святого (конец XV в.) нередко встречается в рукописных сборниках[437]. Вероятно, эта традиция складывалась под влиянием памятников переводной литературы, в которых обыгрывались переводы имен тех или иных персонажей[438].

Обратимся к трактовке в СК христианского имени как «царского». Результаты сравнения СК с предшествующими ей памятниками дают основания полагать, что обыгрывание «царственности» христианского имени Владимира было характерно и для других произведений московской книжности XVI в. Так,

---

[435] О семантике имени «Владимир» на Руси см.: *Сендерович С. Я.* К истории восточнославянского имени Владимир // Славяноведение. 2007. № 2. С. 9—16.

[436] См.: ОР ГИМ. Собрание Чудова монастыря. № 264. Л. 503 об. (цит. по: *Попов А. Н., Сперанский М. Н.* Сборник белорусский Чудова монастыря // ЧОИДР. 1889. Кн. 3. С. 47).

[437] Например, см.: ОР РГБ. Ф. 98. № 32 (сборник середины XVI в.); ОР РНБ. Соф. № 1419 (Торжественник 1536—1538 гг.); ОР РНБ. Титов. № 2059; ОР РНБ. Соф. № 1364; ОР ГИМ. Чуд. № 264 (сборники XVI в.). Подробнее о рукописной традиции Жития см.: *Каган М. Д.* Житие Исидора Твердислова // СККДР. Вып. 2, ч. 1. С. 280—284.

[438] Например, в переводном Житии Андрея Стратилата обыгрывается «мужественность» его имени — Житие сообщает, что Андрей «мужьства тезоименитъ явлься, мужскы храброва съ врагом съплется», «мужьства истиннаго бывъ тезоименитъ», см.: ОР РНБ. ОСРК. F.I.933. Л. 296, 298 об. (Минея на июль—август, XVI в.).

созданная по инициативе новгородского архиепископа (позднее митрополита) Макария Тучковская редакция Жития Михаила Клопского (1537 г.) среди прочего сообщала о том, что «Владимиръ, иже благочестиа ревнитель блаженыи Василие, цареи наших православныхъ корень влечет, иже воистиноу достоинь царскоименемъ нарещися»[439]. Аналогичное толкование содержится и в Житии митрополита Ионы третьей редакции (середина XVI в.), сообщающей о «царском именовании» Василия II[440]. Не исключено, что составитель СК, который, как отмечалось выше, был знаком с этими двумя произведениями, воспользовался этим переводом христианского имени крестителя Руси. Очевидно, толкование значения христианского имени киевского князя в СК можно рассматривать в контексте той значительной работы, которая в первой половине—середине XVI в. проводилась по созданию обобщающих лексикографических трудов, среди которых выделяется «Азбуковник» старшей редакции. Также обратим внимание на созвучие данного приема создателя СК византийским хронистам, которые, как отметил Я. Н. Любарский, любили обращать внимание читателя на значение этимологии или созвучие слов[441]. Так, внимание на «царственность» имени «Василий» обращается в жизнеописании Василия I Македонянина[442].

Результаты сравнения этого сюжета Жития Владимира в СК с предшествующими и современными ему памятниками наряду с «Посланием о повинных», Хроникой Титмара Мерзебургского и Тучковской редакцией Жития Михаила Клопского дают основания также отметить близость содержащегося в 1 гл. 1 ст. фрагмента к трактату Максима Грека «Толкование именам по алфавиту»[443], а также к созданной в конце 1550-х—1560-х гг.[444]

---

[439] ВМЧ. Январь. Дни 6—11. СПб., 1914. Стб. 634; Повести о Житии Михаила Клопского. С. 143.

[440] *Усачев А. С.* Житие митрополита Ионы... С. 37.

[441] Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. подгот. Я. Н. Любарский. СПб., 1992. С. 297, коммент. 2.

[442] Там же. С. 91 (Василий «сам был царской власти созвучен»).

[443] В русской лексикографической традиции до трактата Максима Грека бытовали лишь сочинения, толкующие имена героев ветхозаветной истории (например, трактат «О именех глаголемых жидовьскым языком»). Подробнее см.: *Ковтун Л. С.* 1) Русская лексикография эпохи средневековья. М.; Л., 1963. С. 52—80; 2) История русской лексикографии. СПб., 1998. С. 41—42.

[444] *Ковтун Л. С.* Азбуковники... С. 117. Позднее Л. С. Ковтун высказала мнение, что первая редакция Азбуковника создавалась в Троицком монастыре

с его привлечением старшей редакции «Азбуковника». Афонский старец указывал на то, что «Василеи царьскы»[445]. «Азбуковник» же сообщает о том, что «Василие — царь»[446]. Как видим, наряду с Тучковской редакцией Жития Михаила Клопского составитель СК мог позаимствовать толкование имени «Василий» как из сочинения ученого грека, так и из восходящего к нему «Азбуковника». Впрочем, не исключено, что наш книжник был знаком со всеми тремя памятниками — с созданной по заказу Макария, который также инициировал создание СК, Тучковской редакцией Жития Михаила Клопского, помещенной в ВМЧ под 11 января, активно перерабатываемым в 1550-е гг.[447] трактатом Максима Грека и составленной примерно в одно время с СК старшей редакцией «Азбуковника».

Также следует обратить внимание на приведенные выше слова о наречении Владимира в крещении Василием. Этот пассаж обнаруживает связь с указанием «Слова о законе и благодати» на то, что князь «имя приимъ вѣчно Василеи именито в роды и роды, им же написася въ книгы животныа»[448]. Характерно, что в «Слове» отсутствует какое-либо указание на «царственность» христианского имени Владимира. Таким образом, можно заключить, что составитель СК в своем рассказе сочетал толкование христианского имени с указанием на его принятие при крещении. Какую цель преследовал книжник, соединяя в этом рассказе известия двух источников?

В ходе поиска ответа на этот вопрос мы обратили внимание на один любопытный факт: Владимир ни разу в языческий период жизни не именуется царем[449] — все его немногочисленные

(очевидно, последователями Максима Грека) в середине XVI в. по указанию митрополита Макария (см.: *Ковтун Л. С.* Язык высокой книжности в трактовке лексикографов восточных славян XVI в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 255).

[445] *Ковтун Л. С.* Лексикография... С. 315.

[446] *Ковтун Л. С.* Азбуковники... С. 170.

[447] См.: *Ковтун Л. С.* Лексикография... С. 203. Влияние, хотя и опосредованное, сочинений афонского старца на текст СК отметила Г. Ленхофф (см.: *Lenhoff G.* How the Bones of Plato and Two Kievan Princes were baptized... S. 319) при разборе источников рассказа о крещении костей Платона в 75 гл. 1 ст.

[448] *Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати»... С. 175.

[449] Исключение составляет обращение бояр к князю («никто же не противенъ благому съвѣту црьскаго твоего повелѣния»), в котором они соглашаются с необходимостью крещения. Однако этот эпизод уже «чисто» языче-

поименования царским титулом приходятся на время после крещения. Как видно из толкования христианского имени этого князя, в 1 ст. оно определяется как «божественное именование», которое сопряжено со «священием». Это вполне однозначно помещало именование Владимира царем в христианский контекст, что, очевидно, и не позволило составителю СК именовать Владимира-язычника царем.

Суммируя вышесказанное, можно отметить, что книжнику середины XVI в. было известно толкование греческого имени «Василий» и то, что это имя князь получил после крещения «в роды и роды». Этим, по всей видимости, и обусловливалось то, что в СК Владимир именуется царем лишь после крещения. Наглядным выражением этого, согласно версии памятника, явилось принятие князем «царского» имени от греческого епископа. Возможно, определенное влияние на логику рассуждений создателя СК оказало то, что современный Владимиру византийский император носил имя Василий, т. е. после крещения киевский князь уподоблялся ему. Таким образом, согласно тексту 1 ст., получение «царского» имени непосредственно вытекало из принятия христианства. При этом писатель, судя по всему, воспользовался содержащимся в его источниках толкованием греческого имени.

Разбор толкования христианского имени Владимира неизбежно ставит один вопрос. Известно, что в воспеваемой в СК династии были и другие государи с именем Василий[450]. Обыгрывал ли книжник как-либо «царственность» их имени?

В рассказе о достоинствах Владимира Мономаха (в крещении Василия) в 1 гл. 4 ст. специально оговаривается, что князь «пресловущь в Руси царским именованием»[451]. Аналогичное толкование содержит 1 гл. 13 ст., которая открывает жизнеописание Василия I Дмитриевича. Она сообщает: «Вторыи же в началодержавныхъ именуемъ есть сии деръжавныи Василии. Никто же бо не получи в началнодержавъствующихъ в Руси сего царственаго имени Василиа до сего державнаго Василиа отъ самого перваго святаго и равноапостолнаго Владимира, иже нареченъ

ским назвать трудно — «жаждущий» крещения Владимир готов принять христианство. См.: Степенная книга. Т. 1. С. 272.

[450] О популярности этого имени в роду Рюриковичей см.: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X—XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 88, 116—116, 419, 421.

[451] Степенная книга. Т. 1. С. 402.

бысть симъ царственымъ именемъ во святомъ крещении Василии»[452]. «Царскоименитость» Василия Темного подчеркивает 1 гл. 14 ст.[453] На царское имя другого Василия — Василия III Ивановича — и его «тезоименитство» с Владимиром Святославичем указывает 1 гл. 16 ст.[454] Как видим, содержащееся в лексикографическом источнике СК толкование имени «Василий» прочно вошло в ее текст.

Высказанное предположение о связи СК с произведениями русской лексикографии подкрепляется и другими примерами. Так, в памятнике содержится указание на то, что великие князья московские Иван I Калита (2 гл. 10 ст.)[455], Иван III (1 гл. 15 ст.)[456], Иван IV (27 тит. 10 гл. 17 ст.)[457], а также сын последнего Иван Иванович (14 гл. 17 ст.)[458] носили «благодатное» имя (косвенное указание на «благодатность» имени Ивана II Красного содержится в 1 гл. 11 ст.[459]). Эту деталь можно было бы счесть обычным эпитетом, которыми богата СК, если бы не одно обстоятельство — данное толкование представлено в памятниках русской лексикографии. Так, «Азбуковник» указывает на то, что «Иоаннъ т[олкование] по еврейски Иоан толкуется благодать, а по еллински глас»[460]. Аналогичный перевод содержит и «Толкование имен по алфавиту» Максима Грека[461].

---

[452] Степенная книга. Т. 2. С. 71.

[453] Там же. С. 129.

[454] «Сии благородныи и христолюбивыи царскоименитыи самодръжавныи государь и великии князь Василии Ивановичь... отъ него же [Владимира. — *А. У.*] бысть сии тезоименитыи ему самодръжець Василии шестыинадесять степень...» (см.: Там же. С. 286).

[455] «Иванъ именовася, иже есте благодатное имя» (см.: Степенная книга. Т. 1. С. 566).

[456] «Сеи убо православно въ дръжавныхъ благодатное имя Иванъ родися в лѣто...» (см.: Там же. Т. 2. С. 218).

[457] «Сице богоподражательныи побѣдоносець, боговенчянныи царь, благодатное имя Иваннъ...» (см.: Там же. С. 371).

[458] «Егда же приспѣ время, и родися има богодарованныи сынъ и нареченъ бысть отчимъ благодатнымъ именемъ царевичь Иваннъ» (см.: Там же. С. 375).

[459] В этой главе указано на то, что этот князь «тезоименитыи и изрядныи **наслѣдникъ отеческаго имени** и дръжавы...» (выделено нами. — *А. У.*) (см.: Там же. С. 5).

[460] *Ковтун Л. С.* Азбуковники... С. 201.

[461] «Иванъ т[олкование] римски гласо еллиньски благодать» (см.: *Ковтун Л. С.* Лексикография... С. 285). И. Шевченко связал данное толкование в СК с переводом, содержащимся в трактате «Речь жидовского языка», который послужил источником «Азбуковника» старшей редакции. См.: *Ševčenko I.* A Neglected Byzantine Source... P. 68.

Впрочем, нельзя не отметить, что данное толкование содержало и хорошо известное составителю СК «Слово похвальное» Василию III, указывающее на то, что «Иоан толкуетъца благодати Божия»[462].

Рассматривая СК в ряду современных ей сочинений русских писателей, важно зафиксировать, что и в следующий за ее написанием период младшие современники ее составителя в свои произведения включали толкования имен, которые служили публицистическим целям. Так, в своем полемическом ответе протестанту Яну Роките (1570 г.) Иван IV прямо указывал на то, что «во истину бо Люторъ иже лютъ глаголется»[463]. Стремление обыграть толкование имен отличало и А. М. Курбского: как отметил К. Ю. Ерусалимский, сторонника неограниченной власти Ивана IV Вассиана Топоркова беглый князь в ИВКМ сравнивал с «секирой», а поступки участника суда над Сильвестром и А. Ф. Адашевым Вассиана Бесного связывал с его именем[464]. Однако в приведенных выше случаях речь идет о толкованиях, выполненных, по всей видимости, авторами соответствующих сочинений, в то время как в СК заимствовались уже готовые толкования, представленные в «Азбуковнике» и других произведениях.

О знакомстве составителя СК с памятниками русской лексикографии может свидетельствовать и одна деталь из рассказа о крещении киевлян. СК содержит важное добавление к известиям своих источников. 38 гл. 1 ст. сообщает о том, что в память о крещении Киев «наречеся мати всѣмъ градовомъ русьскимъ»[465]. По всей видимости, эти слова были почерпнуты книжником из летописной записи под 6390 г., в которой они относятся к рассказу о вокняжении Олега в Киеве (в кратко повествующей о его правлении 4 гл. 1 ст. это указание пропущено). В СК рассматриваемые слова помещены в принципиально иной контекст. 38 гл. сообщает о том, что лишь после креще-

---

[462] *Розов Н. Н.* Похвальное слово... С. 285.

[463] *Попов А. Н.* Древнерусские полемические сочинения против протестантов. I. Ответ царя Иоанна Васильевича Грозного Яну Роките // ЧОИДР. 1878. Кн. 2. С. 2.

[464] *Ерусалимский К. Ю.* Андрей Курбский как ренессансный историк // Время — история — память: историческое сознание в пространстве культуры. М., 2007. С. 200; Сочинения князя Курбского. Т. 1: Сочинения оригинальные // РИБ. СПб., 1914. Т. 31. Стб. 57, 103.

[465] Степенная книга. Т. 1. С. 295.

ния в память об этом событии «преименитый Киевъ, нарецеся мати всѣмъ градовомъ рускимъ» и при этом уточняет, что «не туне бо тако нарецеся, но яко в немъ преже Русьская земля обновися благочестием», «в том же градѣ прьвие вся люди своя въ богоразумие приведе»[466]. Можно констатировать, что в СК идея старейшинства («материнства») Киева начинает связываться, прежде всего, с его первенством в принятии крещения[467]. При этом есть основания полагать, что на подобное смещение акцентов могло повлиять содержащееся в «Азбуковнике» толкование слова «митрополия»: «Митрополи, матери градовом, по гречески митрополъ, а по руски болшии град над грады, аки мати всѣм градовом»[468]. На известность этого толкования в средневековой Руси указывает 68 гл. Кормчей книги, отмечающей, что «митрополита же чин глаголеть „матере градовом“; превеликый град, идеже есть такоже глава отцем преподобным и святителем»[469]. Как видим, мотив «материнства» связывается со значением понятия «митрополия». Вероятно, книжник круга митрополита Макария связал известия о крещении Киева первым среди прочих русских городов и утверждении в нем митрополичьей кафедры с почерпнутым из летописных источников представлением о «материнстве» этого города.

Рассмотренный выше материал позволяет выдвинуть предположение о связи СК с предшествующими и современными ей памятниками русской лексикографии. При этом точно определить лексикографический источник (источники?) вряд ли возможно. Как было отмечено при разборе статьи «Царские сановники», ряд содержащихся в ней толкований не может быть возведен к «Азбуковнику» (их появление могло обусловливаться как эрудицией составителя СК, который мог их выполнить самостоятельно, так и возможностью использования им неизвестных в настоящее время списков «Азбуковника» или его источ-

---

[466] Степенная книга. Т. 1. С. 295.

[467] Не исключено, что на подобное смещение акцентов могла повлиять и политическая ситуация середины XVI в. — в период написания СК Россия вела напряженную борьбу с Польско-Литовским государством, которое продолжало удерживать южные русские земли (в том числе и «матерь городов» русских). Не исключено, что в подобной ситуации указание на то, что Киев является старшим городом Русской земли, московским книжником было сочтено излишним.

[468] *Ковтун Л. С.* Азбуковники... С. 224.

[469] РФА. М., 1987. С. 297 (ссылка следует на публикацию Кормчей русского извода сербской редакции).

ников). В то же время большинство толкований в этой статье, а также перевод слов «митрополия» и «Василий», обнаруживают текстуальную связь с «Азбуковником»[470]. Наряду с этим памятником толкования имен «Василий» и «Владимир» содержат Тучковская редакция Жития Михаила Клопского и трактат Максима Грека «Толкование имен по алфавиту». Трудности при определении вероятного источника СК прибавляет и то, что не все представленные в СК толкования содержались в «Азбуковнике» старшей редакции (во всяком случае, в известном в настоящее время его виде). Так, в СК содержится толкование имени «Георгий» (Ярослава Владимировича) — «Божие дело» (1 гл. 2 ст.). Это толкование отсутствует в «Азбуковнике» (в нем читается «Георги, воздѣланъ или твердыи адамантъ»[471]) и других известных нам памятниках.

Резюмируя, можно зафиксировать, что приведенный выше материал побуждает расширить представления о пределах эрудиции нашего книжника: есть все основания полагать, что он был знаком с произведениями русской средневековой лексикографии. При этом точно определить его источник не представляется возможным. В то же время отметим, что «Азбуковник» старшей редакции среди прочих рассмотренных произведений обнаруживает наибольшую близость к СК (особенно к статье «Царские сановники»). Это наводит на мысль, что знакомство ее составителя с ним или с его источниками вполне вероятно. Возможно, он воспользовался особым списком «Азбуковника», или в его распоряжении были источники этого лексикографического свода.

Статья «А се князи русьтии»

4—5 гл. 6 ст. сообщают о наказании убийц Андрея Юрьевича его братьями Михаилом и Всеволодом:

«По Андрѣе же Боголюбьскомъ, приемникъ бысть дръжавы его братъ его Михалко Георгиевичь, пришедъ ис преславнаго

---

[470] Если приведенные в этой работе аргументы в пользу связи СК с «Азбуковником» верны, то есть все основания для уточнения датировки появления его старшей редакции. Как нами было отмечено во второй главе, основной текст СК (включая и те фрагменты, в которых использовался лексикографический источник), по-видимому, был написан ко времени около 1560 г. Соответственно составление «Азбуковника» (или его источника) относится к периоду не позднее конца 50-х гг. XVI в.

[471] Степенная книга. Т. 1. С. 379; *Ковтун Л. С.* Азбуковники... С. 176.

града Москвы и отмьсти кровь брата своего Андрея. Самъ же лѣто едино дръжавьствова и къ Богу отъиде. Тогда же богохранимыи великии князь Всеволодъ Георгиевичь господьствуя в Переяславли, отнуду же владимиръстии людие многимъ желаниемъ призваша его въ Владимиръ и достодлъжнымъ любочестиемъ срѣтошя его. И тако надо всѣми владомыми в Рустѣи земли бысть единъ всѣми любимъ самодръжець. Тако же и самъ всѣхъ любя, токмо единѣхъ злодѣевъ, дръзнувшихъ пролиати неповинную кровь брата его, великаго князя Андрея, и сихъ всѣхъ изыска и сугубои казни предаде и всѣхъ обѣщьниковъ ихъ. Самѣх же безумныхъ Кучковичь ухващая и в коробы пошивая, въ езерѣ истопити повелѣ»[472].

В. В. Кусков отметил отсутствие этого эпизода в предшествовавшей СК летописной традиции[473]. Справедливо указав на идейно-политическое значение рассказа о мести убийцам Андрея в памятнике эпохи Ивана IV, прославляющем русских «самодержцев», исследователь предположил, что авторство этого пассажа принадлежит непосредственно составителю СК[474]. Таким образом, если согласиться с В. В. Кусковым, появятся серьезные основания в нашем книжнике видеть не только компилятора, но и сочинителя отвечающих его воззрениям фактов. Для того чтобы подтвердить (или опровергнуть) предположение об уникальности этого известия в СК, нами был просмотрен ряд

---

[472] Степенная книга. Т. 1. С. 450—451. Заголовки в ранних списках СК были вписаны позднее, т. е. текст без них отражал более ранний вариант, и, соответственно, ближе стоял к источникам памятника. Поэтому содержащийся между словами «къ Богу отъиде» и «тогда же» заголовок 5 гл. («Глава 5. Самодръжавьство великаго князя Всеволода Георгиевича въ градѣ Владимирѣ») в цитате опущен. В 14 тит. 12 гл. это известие в более кратком виде продублировано: «Злодѣиственым же убиицамъ брата своего великаго князя Андрея, сугубо възмездие учини самѣмъ Кучковичемъ, и всему сродьствию ихъ, и всѣмъ обещникомъ ихъ. Их же ухващая, многоразличнымъ смертемъ предати повелѣ, овѣх же в коробы пошивая, въ езерѣ истопити осуди» (см.: Степенная книга. Т. 1. С. 473).

[473] Специально занимаясь изучением повестей о начале Москвы, С. К. Шамбинаго отметил наличие данного рассказа в СК. Исследователь предположил, что рассказ об убиении Андрея Боголюбского в СК восходит к первой редакции, отраженной в Ип. (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 580—593), которая рассматриваемого рассказа о наказании Кучковичей братьями владимирского князя не содержит. Недостающие в первой редакции детали, согласно С. К. Шамбинаго, были домыслены составителем СК (см.: *Шамбинаго С. К.* Повести о начале Москвы. С. 61).

[474] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 137.

как летописных, так и других памятников древнерусской книжности.

Результаты предпринятых поисков дали основания отметить близость к этому рассказу СК:

— Известного В. Н. Татищеву т. н. Еропкина манускрипта[475];

— Статьи «А се князи русьтии», которая сохранилась в сборниках, содержащих Комиссионный список НІ мл. (далее — Км.)[476], ЛА[477], Летописец епископа Павла (далее — ЛЕП)[478], а также в подборке известий о суздальских князьях[479];

— Памятников белорусско-литовского летописания — Никифоровской и Супрасльской летописей (далее — Никиф. и Супр.)[480];

— «Повестей о начале Москвы»[481];

— Записей под 6686 г. Пискаревского[482] и под 6683 г. Мазуринского[483] летописцев (далее — ПЛ и МЛ).

Могли ли эти произведения служить источниками СК?

Учитывая поздний характер «Повестей о начале Москвы»[484], ПЛ и МЛ[485], исключим их из круга потенциальных источников СК.

---

[475] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. 2—3. М., 1994. С. 250.

[476] ПСРЛ. Т. 3. С. 468.

[477] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 310.

[478] ОР БАН. Ф. 37 (Собрание П. Н. Доброхотова). № 18. Л. 32 об. Описание сборника, содержащего ЛЕП, см.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3, вып. 2. Исторические сборники XV—XVI вв. М.; Л., 1965. С. 133—137.

[479] ОР РНБ. Погод. № 1596. Л. 173 об.—174. Выражаем благодарность Е. Л. Конявской за указание на эту ркп. Ее подробное описание см.: *Конявская Е. Л.* Ответ митрополита Макария и новгородский летописный материал в сборнике XVI века // Макарьевские чтения. Можайск, 2003. Вып. 10. С. 131—134. О составе сборника см.: *Новикова О. Л.* Материалы для изучения русского летописания конца XV—первой половины XVI в.: I. Летописные подборки рукописи Погод. 1596 // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2007. Вып. 11. С. 132—258.

[480] ПСРЛ. Т. 35. С. 36, 19.

[481] *Салмина М. А.* Повести о начале Москвы. М.; Л., 1964. С. 191, 195.

[482] ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 79.

[483] ПСРЛ. Т. 31. М., 1968. С. 65.

[484] Различие версий рассказа о казни Кучковичей в «Повести о начале Москвы» и СК отметил М. Гардзанити, см.: *Гардзанити М.* Централизм и местные автономии в свете идеи римского универсализма в «Повести о начале Москвы» // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 953.

[485] «Повести» отмечают факт казни Кучковичей в отместку за смерть Андрея Боголюбского. В этом рассказе отсутствует мотив зашивания в короба убийц владимирского князя. В ПЛ изложение рассматриваемого материала

О содержании рассматриваемого известия в белорусско-литовском летописании можно судить по Супр., которая сохранила начало фразы, утерянное в Никиф. Супр. под 6605 г. (в кратком рассказе о древнерусских князьях) сообщает: «Князь великыи Дмѣтреи Всеволъд и мсти кровь брата своего Андрѣя: Кучьковичи поби, а иных бояр за Юръвым изыма и поби»[486]. Как видим, в сохранившейся части Никиф. и Супр. сообщается о том, что 1) за брата отомстил один Всеволод Юрьевич; 2) убийцы князя Андрея были «изыманы и побиты». Пропуск Михаила, а также отсутствие каких-либо деталей «побиения» убийц князя не дают достаточных оснований усматривать связь Никиф. и Супр. с СК.

В своем описании использованных при написании «Истории Российской» ркп. В. Н. Татищев указал на полоцкое происхождение Еропкина манускрипта[487]. В рассказе известного историку источника упомянуты короба, в которые были зашиты Кучковичи, вдова Андрея Боголюбского и утопление убийц владимирского князя. Кроме того, В. Н. Татищев со ссылкой на Еропкин манускрипт сообщает о суде Михаила над убийцами брата[488]. В примечании № 520 к третьему тому «Истории Российской» отмечено, что во многих источниках описание казни Кучковичей пропущено. Далее В. Н. Татищев пишет, что в «некоторых Степенных разно описано: некоторые в первом Михаила приходе, другие при Всеволоде казнь сию положили» (это действительно так: как было показано выше, в конце 4 гл. содержится известие о мести убийцам Андрея Боголюбского Михаила, а в 5 гл. сообщается об утоплении Кучковичей Всеволодом). Далее историк отметил, что воспользовался наиболее обстоятельным описанием, которое содержалось в Еропкиной летописи[489]. Характерной чертой использованного В. Н. Тати-

---

близко к статье «А се князи русьтии». Последнее дает основания полагать, что запись под 6686 г. ПЛ создавалась под влиянием рассматриваемой статьи. МЛ содержит лишь указание на то, что Всеволод «злодейственным же убийцам брата своего, великого князя Андрея, сугубо возмездие учини самем Кучковичем и всему сродствию их и всех советников их, ухващая различным смертем предати повеле». Подробнее вопрос о характере взаимоотношений ПЛ, МЛ и СК будет рассмотрен ниже.

[486] В Никиф. читается: «...Андрея, Кучковичи поби, а иных бояр за Юрьевым изыма и поби».

[487] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. 1, ч. 1. С. 122.

[488] Там же. Т. 2—3. С. 113.

[489] Там же. С. 250.

щевым рассказа является указание лишь на одно наказание Кучковичей — Михаилом Юрьевичем, в то время как СК сообщает о наказании убийц Боголюбского сначала Михаилом, а затем Всеволодом. Кроме того, текст Еропкина манускрипта не сохранился — о его составе можно строить лишь догадки[490]. Это побуждает нас сосредоточить внимание на статье «А се князи русьтии».

Происхождение и бытование этой статьи тесно связано с историей русского летописания XV в. На фоне его развития путь рассматриваемой статьи проследил А. А. Шахматов. По его мнению, наиболее ранний текст помещен в Км. Исследователь полагал, что дополнительные статьи (списки митрополитов, новгородских епископов, имен всех городов русских, «А се князи русьтии», «Правило о церковных людех», церковные уставы Владимира и Ярослава, статьи из судебника императора Константина и др.), содержащиеся в Км., были взяты из Свода 1448 г.[491] Опосредованно к нему А. А. Шахматов также возводил ЛА и ЛЕП[492].

Однако появление самой статьи датируется 1410—1420-ми гг.[493] Она кратко повествует о русских князьях от Владимира Моно-

---

[490] Как предположил А. П. Толочко, Еропкин манускрипт представлял собой один из списков СК (см.: *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева... С. 183). Учитывая наблюдение А. В. Сиренова относительно того, что рассказ о казни Кучковичей у В. Н. Татищева совпадает с версией рассказа Латухинской редакции СК (см.: «История Российская» В. Н. Татищева в новейших исследованиях (стенограмма заседания 12 мая 2006 г.) / Подгот. к печати А. В. Сиренова // Вестник СПбГУ. Серия 2: История. 2007. Вып. 1. С. 151—152 [выступление А. В. Сиренова]; *Сиренов А. В.* Степенная книга... С. 454), можно предположить, что под Еропкинским манускриптом скрывается список либо Латухинской СК, либо близкого к ней памятника.

[491] *Шахматов А. А.* Обозрение.... С. 167—168, 172, табл. 5.

[492] Там же. С. 247, 303.

[493] На основе анализа состава статьи (в ней есть известие о кончине княжича Ивана Васильевича (ум. в июле 1417 г.), но отсутствует указание на смерть умершего 27 февраля 1425 г. Василия Дмитриевича) А. А. Шахматов датировал ее появление 1417—1425 гг. (см.: *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды... С. 61). Позднее эту датировку поддержали В. А. Кучкин и Т. А. Сумникова (см.: Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери. С. 483). Определяя время написания статьи «А се князи русьтии», В. Л. Янин исходил из посылки о единовременном появлении целого ряда статей Км. («А се посадници новгородьстии», «А се новгородскыи епископы», «А се князи русьтии» и др.). Историк обратил внимание на то, что в списке умерших новгородских владык последним упомянут Симеон (ум. 15 июня 1421 г.), а следующий за ним владыка Феодосий (1421—сентябрь 1423 гг.) не назван. На этом основании В. Л. Янин предположил, что

маха до Василия Дмитриевича. Сравним текст рассматриваемого рассказа в СК и ее возможном источнике (цит. фрагмента статьи по Км.):

«А се князи русьтии»	СК
«И въ перьвое лѣто [после убийства Андрея Боголюбского. — *А. У.*] мстилъ обиду братъ его Михалко. Того же лѣта умре. На третии год прииде изъ замория из Селуня братъ его Всеволод, нареченыи въ крещении Дмитрии Юрьевичь, и сѣде на великое кънѣжение, и мсти обиду брата своего Андрѣеву: Кучковичи поималъ, и в коробы саждая, въ озерѣ истопилъ, якоже рече пророк: потребишася въ Ендорѣ, рекше въ безлѣпици, и бышя аки гнои земныи, и погыбе память ихъ съ шумомъ»[494].	«По Андрѣе же Боголюбьскомъ, приемникъ бысть дръжавы его братъ его Михалко Георгиевичь, пришедъ ис преславнаго града Москвы и отмьсти кровь брата своего Андрея. Самъ же лѣто едино дръжавьствова и къ Богу отъиде. Тогда же богохранимыи великии князь Всеволодъ Георгиевичь господьствуя в Переяславли, отнуду же владимиръстии людие многимъ желаниемъ призваша его въ Владимиръ и достодлъжнымъ любочестиемъ срѣтошя его. И тако надо всѣми владомыми в Рустѣи земли бысть единъ всѣми любимъ самодръжець. Тако же и самъ всѣхъ любя, токмо единѣхъ злодѣевъ, дрьзнувшихъ пролиати неповинную кровь брата его, великаго князя Андрея, и сихъ всѣхъ изыска и сугубои казни предаде и всѣхъ обѣщьниковъ ихъ. Самѣх же безумныхъ Кучковичь ухващая и в коробы пошивая, въ езерѣ истопити повелѣ»[495].

эти статьи были составлены между июнем 1421 и сентябрем 1423 г. (цит. по последнему изданию: *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 2003. С. 36—37). В целом с выводами В. Л. Янина согласился А. Г. Бобров, который склонен датировать появление включенного в Км. комплекса статей временем около 1423 г. (см.: *Бобров А. Г.* Новгородские летописи... С. 88—89). Позиция А. А. Шахматова, В. А. Кучкина и Т. А. Сумниковой представляется более предпочтительной в силу того, что датировка В. Л. Янина и А. Г. Боброва может быть принята лишь при весьма серьезном допущении — допущении того, что весь комплекс статей возник в течение одного—двух лет. Датировка данной статьи временем около 1417—1425 гг. позволяет избежать данного допущения. Впрочем, возможность появления данного комплекса статей в течение столь короткого периода тоже вероятна. Поэтому мы, не исключая возможности появления статьи «А се князи русьтии» около 1421—1423 гг., остановимся на более осторожной датировке А. А. Шахматова, В. А. Кучкина и Т. А. Сумниковой. Таким образом, есть все основания полагать, что рассматриваемая статья возникла в конце первой четверти XV в. (недавно А. А. Кузнецов высказал мнение, что домонгольская часть анализируемой статьи могла создаваться в конце XIV в., см.: *Кузнецов А. А.* Владимирский князь Георгий Всеволодович (1188—1238). Источниковедение, история, историография: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 2009. С. 15).

[494] ПСРЛ. Т. 3. С. 468.

[495] Степенная книга. Т. 1. С. 450—451 (фрагмент уже приводился ранее).

Как видим, 4—5 гл. не являются точным воспроизведением текста статьи «А се князи русьтии». Содержащийся в СК рассказ представляет собой скорее ее изложение. В отрывок внесен и ряд изменений: пропущено описание прихода Всеволода из Солуни, замененное на упоминание о его княжении в Переяславле, вставлено известие о приходе Михаила Юрьевича из Москвы, включен перечень достоинств Всеволода. Кроме того, в СК введен мотив мученической кончины Андрея Боголюбского: памятник указывает на пролитую Кучковичами «неповинную кровь» князя. Любопытно, что в СК мотив «мести» за «обиду брата» статьи «А се князи русьтии» вытесняется мотивом «казни» «дерзнувших» на пролитие крови великого князя. Однако все эти различия не могут заслонить содержательной близости данной статьи с текстом 4—5 гл. Таким образом, учитывая, что представленное в статье «А се князи русьтии» описание казни Кучковичей ближе к СК, чем известие какого бы то ни было другого источника (из предшествующих СК), можно предполагать знакомство ее составителя с данной статьей.

Желая точнее определить источник рассматриваемого известия, мы обратили внимание на отмеченную выше подборку известий о суздальских князьях. Ее отличительной особенностью является наличие в ней двух версий рассказа об убийстве Андрея Боголюбского и казни Кучковичей. Так, наряду с версией статьи «А се князи русьтии» она содержит и известие, сходное с отразившимся в Никиф. и Супр.[496] Включенные в подборку фрагменты текста статьи «А се князи русьтии» переставлены. Так, в середину повествования о казни Кучковичей вставлен рассказ об основании Владимиром Мономахом Владимира-на-Клязьме (в статье сюжет об основании этого города помещен в начало текста)[497]. Очевидно, эти перестановки могут объяснять-

---

[496] ОР РНБ. Погод. № 1596. Л. 174; ПСРЛ. Т. 35. С. 19, 36.

[497] «На третее лѣто приде из заморья из Селуни брат его Всеволод, наречен по крещении князь Дмитрей [Владимерович Манамахов, правнук великаго Владимира. Сии постави град Володимерь Залѣшьскии в Суздальскои земли и осыпа его спом, и созда первую церковь святого Спаса камену за 50 лѣт до Богородици наставления. И потом прииде с Киева Владимеръ Владимеров Мономах Юрьев Долгая Рука и постави другую церковь камену святого Георгиа за 30 лѣт до Богородици наставления]. Юрьевич сѣде на великом княжении; и мсти обиду брата своего Андрея, Кучковичев поима, в коробы пошивая и въ езере истопи» (ОР РНБ. Погод. № 1596. Л. 173 об.—174; текст вставки заключен в квадратные скобки). Этот рассказ, разрывающий повествование о наказании убийц Андрея Юрьевичами, содержится также в статье «А се кня-

ся самим характером подборки, которая, как отметил ее создатель (см. запись на верхнем поле листов ркп.: «Вынято из лѣтописца вкратце на память для»), носила компилятивный характер, выборочно передавая интересующие его известия. При этом в данной подборке совпадает чтение «в коробы пошивая» с СК[498] (в Км. «в коробы саждая», в ЛА «в коробы сажая»). Сближает эти памятники и отсутствие содержащейся в статье «А се князи русьтии» заключительной части рассказа о наказании убийц Андрея Боголюбского («якоже рече пророк: потребишася въ Ендорѣ, рекше въ безлѣпици, и бышя аки гнои земныи, и погыбе память ихъ съ шумомъ»). Всего вышесказанного, однако, недостаточно для того, чтобы полагать, что при создании использована именно эта подборка (или ее протограф).

Во-первых, отмеченный Е. Л. Конявской поздний характер подборки (исследовательница датирует время ее появления 1580-ми гг.) исключает ее непосредственную связь с СК, созданной не позднее конца 1563 г. Во-вторых, эту подборку отличает от СК и расположение материала — в повествование о мести убийцам Андрея Боголюбского (перед указанием на казнь Всеволодом Кучковичей) введен рассказ о строительстве церквей в Суздальской земле Владимиром Мономахом и Юрием Долгоруким. В СК данный отрывок в известии о наказании убийц князя отсутствует.

Сказанное выше дает основания полагать, что наиболее вероятным объяснением совпадения чтения СК и подборки Погод. № 1596 «пошивая» является не влияние подборки (или ее протографа) на СК, а их восхождение к общему источнику — одному из списков статьи «А се князи русьтии», который содержал это чтение. Все это позволяет предположить, что именно статья «А се князи русьтии» является наиболее вероятным источником известия о казни Кучковичей Михаилом и Всеволодом Юрьевичами в СК[499].

зи русьтии», но в ней он помещен в начальную часть. См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 467; Т. 16. Стб. 309; ОР БАН. Доброхот. № 18. Л. 32 об.

[498] Степенная книга. Т. 1. С. 451; ОР РНБ. Погод. № 1596. Л. 173 об.—174.

[499] В работе, посвященной изучению показаний источников о гибели Андрея Боголюбского, Ю. В. Кривошеев указал на наличие рассказа о мести Юрьевичей Кучковичам в НІ ст. и СК (см.: *Кривошеев Ю. В.* Гибель Андрея Боголюбского. Историческое расследование. СПб., 2003. С. 146). Историк специально не рассматривал статью «А се князи русьтии», включенную, как было показано выше, кроме ряда списков НІ ст. и в ряд ркп., содержащих другие летописи; также исследователь не остановился на изучении характера связи известий НІ ст. и СК.

Предположение об использовании текста этой статьи в СК подкрепляется и другим известием. Основную часть 12 гл. 6 ст. составляет Сказание о Владимирской иконе Богоматери[500]. Однако в его текст внесены изменения. Так, 8 тит. не может быть полностью возведено к этому произведению. Соответствующий фрагмент повествует о том, что Андрей, «послушавъ льстиваго совѣта окоянныхъ Кучьковичь», без отцова повеления самовольно перенес Богородичную икону на Северо-Восток Руси (данное известие также читается в начале 14 тит. 12 гл.[501]). Этого сообщения нет как в Сказании, так и в предшествующих СК летописных сводах[502]. Кроме того, в 8 тит. сообщалось о взятии из Вышгорода иерея Микулы и дьякона Нестера вместе с их домочадцами[503]. А. Эббингхауз справедливо связал данный пассаж в СК с влиянием статей, включенных в Км. (исследователь подробно не останавливался на статье «А се князи русьтии», рассматривая помещенные в Км. статьи лишь в контексте изучения Сказания о Владимирской иконе)[504]. В. А. Кучкин и Т. А. Сумникова отметили, что помещенный в статье «А се князи русьтии» рассказ (среди прочих позаимствованных из статьи сведений он также содержится и в рассмотренной выше подборке известий о суздальских князьях)[505] отражал текст Сказания, отличный от дошедшего[506]. Очевидно, для создания более под-

---

[500] Степенная книга. Т. 1. С. 461—466; Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери. С. 501—509; *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 135.

[501] Степенная книга. Т. 1. С. 471. По мнению А. Н. Насонова, это известие (историк ссылался на текст статьи по Км.) отразило устремления ростово-суздальского боярства, которое даже ценой ссоры Андрея Юрьевича с отцом стремилось получить собственного князя, способного отстоять независимость Ростово-Суздальской земли от Киева. Цит. по последнему изданию: *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства (историко-географическое исследование). Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). СПб., 2002. С. 169.

[502] Тв., которая дает наиболее подробный среди прочих летописей рассказ об уходе Андрея в Суздаль, повествует о том, что Юрий Владимирович «негодоваша» «велми» на сына за его самовольный уход (см.: ПСРЛ. Т. 15. Стб. 223). Однако в этом рассказе Кучковичи даже не упоминаются.

[503] Степенная книга. Т. 1. С. 463.

[504] *Ebbinghaus A.* 1) Andrej Bogoljubskij und die «Gottesmutter von Vladimir» // RM. München, 1987. T. 6/1. S. 182; 2) Die altrussischen Marienikonen-Legenden. S. 98. На эти работы автору настоящего исследования указала Г. Ленхофф.

[505] ПСРЛ. Т. 3. С. 467; ОР РНБ. Погод. № 1596. Л. 173 об.

[506] Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери. С. 483.

робного рассказа о переносе Владимирской Богородичной иконы из Киева во Владимир-на-Клязьме составитель СК привлек дополнительный источник — статью «А се князи русьтии».

Сказанное выше дает основания заключить, что в рассказе о казни убийц Андрея Боголюбского Михаилом и Всеволодом Юрьевичами, а также в Сказании об иконе Владимирской Богоматери в СК была использована статья «А се князи русьтии». Также укажем путь этой статьи в книжности XVI—первой половины XVII вв. и тем самым дополним проведенное А. А. Шахматовым изучение ее бытования в XV в. Есть все основания полагать, что 1) на рубеже 50—60-х гг. XVI в. статья послужила источником СК[507]; 2) в 1580-е гг. она была использована при составлении подборки известий о суздальских князьях; 3) в первой половине XVII в. памятник был привлечен при написании ПЛ[508].

Рассмотренный материал дает основания на поставленный выше вопрос о том, являлся сюжет о казни Кучковичей плодом усилий создателя СК или нет, ответить отрицательно. В то же время нельзя не согласиться с мнением В. В. Кускова относительно закономерности появления в памятнике эпохи Ивана IV рассказа, который резко осуждает «злодейственных убийц» и предрекает «конечную погибель» всем тем, кто дерзнет поднять руку на «самодержавных». Однако у составителя СК не было нужды измышлять соответствующие его политическим взглядам факты — их было более чем достаточно в тщательно отобранных им источниках. Итоги рассмотрения этого сюжета убеждают в том, что нашего книжника отличает стремление не измышлять известия, а изучать доступные ему источники, отбирать и интерпретировать их сведения. Сказанное выше дает

---

[507] Любопытно, что, как отметил Б. М. Клосс (см.: *[Клосс Б. М.]* Предисловие к изданию 2005 года // ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. IX), статья «А се князи русьтии» (наряду с прочими статьями) содержалась в протографе уже упоминаемого нами ранее Свода 1560 г., представленного т. н. Румянцевской летописью (см.: ОР РГБ. Ф. 256. № 255). Как указал исследователь, отдельные вошедшие в ее состав известия отразились в Львов. Если это действительно так, то можно думать, что статья «А се князи русьтии», была известна в 50—60-е гг. XVI в. и была привлечена не только к созданию СК, но и к составлению летописных памятников этого времени.

[508] Для создания ПЛ, скорее всего, был привлечен непосредственно текст статьи, а не подборка Погод. № 1596, так как в ПЛ содержится отсутствующее в подборке окончание рассказа о мести Юрьевичей Кучковичам («яко же рече пророк; и быша яко гной земны, тако си окоянные Кучковичи, и погибе память их с шумом»).

основания полагать, что 4—5 гл. а также 8 и 14 тит. 12 гл. 6 ст. СК создавались с привлечением статьи «А се князи русьтии», распространение которой в древнерусской книжности следует признать более широким, чем это было известно ранее.

3.4. Гипотетические источники

Выше был представлен ряд источников, которые, согласно нашему мнению, могли быть привлечены к написанию СК. В то же время есть основания полагать, что круг сочинений, известных ее составителю, этими памятниками не ограничивался. Итоги рассмотрения текста СК побуждают нас высказать предположение о том, что к ее созданию был привлечен ряд произведений, которые в настоящее время не сохранились или неизвестны в науке. Представим соответствующий материал.

Сказание о Даниле Московском

В. В. Кусков к числу известий СК, источники которых неизвестны, отнес ряд следующих сообщений в тексте 9 ст., посвященной жизнеописанию первого московского князя Даниила Александровича: рассказ об основании Данилова монастыря родоначальником московских князей и его погребении в нем, о перенесении монастыря в Москву, о его обновлении Иваном IV, описание чудес Даниила[509]. Эти известия содержатся в 3—8 гл. 9 ст.

В. А. Кучкин, рассматривая рассказ о начале Данилова монастыря в СК, обратил внимание на ссылку ее составителя на некие «летописания», т. е. более ранние летописные источники. Как указал историк[510], текст 3—5 гл. может быть возведен к летописному рассказу, представленному в записи под 6838 г. в ряде памятников т. н. Троицко-Лаврентьевской группы (Троицкая и Семионовская летописи, Рогожский летописец[511]), который восходит к московскому летописному источнику[512] (данные

---

[509] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 163, 165—166.

[510] *Кучкин В. А.* Первый московский князь Даниил Александрович // ОИ. 1995. № 1. С. 103. Также см.: *Кучкин В. А.* О дате основания московского Данилова монастыря // ВИ. 1990. № 7. С. 164—166.

[511] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 46; Т. 18. СПб., 1913. С. 91; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись (Реконструкция текста). СПб., 2002. С. 360—361.

[512] См.: *Муравьева Л. Л.* Рогожский летописец XV века. М., 1998. С. 96. Согласно В. А. Кучкину, данное известие содержалось в источнике Троицкой

об основании Данилова монастыря первым московским князем хорошо согласуются со сфрагистическим материалом[513]). Источником 3—5 гл. 9 ст., по всей видимости, послужила Ник.[514] Однако, как справедливо отметил В. В. Кусков, текст 6—8 гл., повествующих о чудесах московского князя Даниила и обновлении Данилова монастыря при Иване IV, не может быть возведен к известным летописным источникам СК. Это ряду исследователей дало основания полагать, что СК послужила источником рассказа о Данииле для последующих произведений[515]. Итоги просмотра ряда предшествующих и современных СК памятников не дают возможности точно ответить на вопрос об источнике этих сообщений. Вместе с тем, они позволяют выдвинуть одну гипотезу относительно возможного источника этих известий.

Как отметила Г. Ленхофф[516], среди памятников древнерусской книжности наиболее близкий к СК рассказ представлен в ПЛ (середина XVII в.). Мы также отметили близость описания чудес Даниила к МЛ. Очевидно, основываясь на том, что СК является единственным предшествующим ПЛ сочинением, содержащим описание чудес Даниила, Я. Г. Солодкин высказал предположение о том, что Сказание в ПЛ было позаимствовано из СК[517]. Результаты нашего исследования вопроса об источнике данного известия в СК побуждают не согласиться с этой точкой зрения — есть основания полагать, текст ПЛ не может быть возведен к СК[518]. Согласно нашему мнению, речь может идти об

летописи — Своде 1408 г. митрополита Киприана. Наиболее вероятным временем основания Данилова монастыря В. А. Кучкин склонен считать 1298—1299 гг. (см.: *Кучкин В. А.* Первый московский князь... С. 104—105).

[513] Так, были обнаружены буллы конца XIII—начала XIV в. с изображением св. Даниила Столпника, принадлежавшие Даниилу Александровичу и его старшему сыну Юрию, см.: *Кучкин В. А.* Первый московский князь... С. 93.

[514] ПСРЛ. Т. 10. С. 203—204. Также близкий текст читается в Воскр (см.: ПСРЛ. Т. 8. С. 202).

[515] Например, см.: *Амфилохий, архим.* Летописные и другие древние сказания... С. 7; *Салмина М. А.* Повесть о Даниловском монастыре // СККДР. Вып. 3, ч. 3. СПб., 1998. С. 113.

[516] *Lenhoff G.* Unofficial Veneration... С. 396.

[517] *Солодкин Я. Г.* Летописец Пискаревский // СККДР. Вып. 3, ч. 2. СПб., 1993. С. 269.

[518] ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 204—205. Рассматриваемые чудеса Даниила также содержатся в МЛ (см.: ПСРЛ. Т. 31. С. 109, 124, 131): чудо о явлении Даниила некому юноше и рассказ об обновлении Данилова монастыря (в записи под 6970 г.), о И. М. Шуйском (под 7013 г.), о купце (под 7056 г.). Ито-

использовании общего источника. Приведем соответствующие аргументы.

Первым доводом является несоответствие порядка перечисляемых чудес в соответствующих главах 9 ст. СК и ПЛ. Если в СК следует явление Даниила юноше, чудеса об Иване Шуйском и купце, рассказ об обновлении монастыря Иваном IV, то в ПЛ последовательность иная — чудо о купце, об Иване Шуйском, явление святого юноше, известие об обновлении обители. Важно отметить, что рассказ в ПЛ имеет заголовок «О чюдесех великого князя Данила Александровича Московского», который отсутствует в СК.

Второй аргумент представляется более весомым. Как уже неоднократно отмечалось в литературе, ПЛ содержит целый ряд лакун — к числу пропусков можно отнести рассказы о событиях времени правления Василия II, Ивана III и Василия III[519]. Согласно предположению О. А. Яковлевой, лакуны в тексте ПЛ могут быть объяснены содержанием приписки в его тексте (которая, согласно мнению исследовательницы, была сделана инициатором работ над ПЛ). Она указывает на то, что «списать было не с чево»[520]. Так, автор приписки прямо сетует на недостаток источников:

«Прописано [т. е. пропущено. — О. Я.] в сей книге тетради многие. По сю тетрадь 64-ю все писано рядом [т. е. подряд. — О. Я.], а в сей не писано — списать было не с чево — по великой нуже книги подлинной не было. А прописано княжение великаго князя Василья Васильевича все — только начало написано, а то было списать не с чево. Княжение великаго князя Василья Ивановича всеа Русии все же не писано. А почато уж писать напреди с царства царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии самодержца...»[521].

ги сравнительного анализа текстов чудес Даниила ПЛ, МЛ и СК убеждают во вторичности версии МЛ по отношению к СК, на которую его составитель прямо ссылается в ряде фрагментов (см.: ПСРЛ. Т. 31. С. 84 и др.). Об использовании СК создателем МЛ см.: *Корецкий В. И.* Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание Смутного времени // Славяне и Русь: Сб. ст. М., 1968. С. 282.

[519] ПСРЛ. Т. 34. С. 4.

[520] Пискаревский летописец / Подгот. текста, ввод. ст., примеч., указ. О. А. Яковлевой // Материалы по истории СССР. [Вып.] 2. Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955. С. 8.

[521] Цит. по: Пискаревский летописец... С. 8.

Если принять предположение Я. Г. Солодкина об использовании в ПЛ СК, трудно объяснить появление данной фразы — времени правления Василия II, Ивана III и Василия III в 14—16 ст. уделено большое внимание[522]. В ПЛ отсутствуют ссылки на СК, которые характерны для других памятников исторической мысли XVII в. (МЛ, «Истории» Ф. А. Грибоедова, «Скифской истории» А. И. Лызлова и др.). К этому также следует прибавить, что в ряде известных нам работ, так или иначе затрагивающих вопрос об источниках ПЛ[523], предположение об использовании при его написании СК не выдвигалось (исключение составляет точка зрения Я. Г. Солодкина).

Обращая внимание читателя на третий довод в пользу нашего предположения, следует отметить, что, как уже было установлено ранее, у ПЛ и СК были общие источники. Так, выше нам удалось зафиксировать использование в обоих памятниках внелетописной статьи «А се князи русьтии», которая послужила источником рассказа о казни Кучковичей владимирским князем Всеволодом Юрьевичем (как было показано выше, данный рассказ ПЛ не возводим к СК — представленная в ПЛ версия может восходить только к статье «А се князи русьтии»). Судя по всему, у ПЛ и СК могли быть и другие общие источники. Важно отметить, что интересующий нас фрагмент ПЛ, как указала О. А. Яковлева, относится к числу выписок, источник которых неясен[524]. Определяя источники первой части ПЛ (по 1431 г.), А. Н. Насонов заметил, что здесь этот Летописец «представляет текст общерусского свода, содержащий в числе других нить новгородских известий»[525]. В историографии отме-

---

[522] Степенная книга. Т. 2. С. 129—404.

[523] См.: Пискаревский летописец... С. 8—17; *Тихомиров М. Н.* Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XVI—начала XVII в. // ИСССР. 1957. № 3. С. 112—122; *Морозов С. А.* К изучению источников Постниковского и Пискаревского летописцев // ЛХ. 1984. М., 1984. С. 69—74; *Насонов А. Н.* История... С. 360—361, примеч. 67; *Корецкий В. И.* 1) К вопросу о неофициальном летописании времени опричнины // ЛХ. 1984. М., 1984. С. 88—112; 2) Развитие феодальной собственности в России XVI в. // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Ростов н/Д, 1980. С. 37—54; 3) История русского летописания второй половины XVI—начала XVII в. М., 1986. С. 24—26; *Хазанова С. И.* Пискаревский летописец: происхождение, источники, проблемы авторства: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

[524] Пискаревский летописец... С. 13.

[525] *Насонов А. Н.* Материалы и исследования по истории русского летописания // ПИ. М., 1958. Вып. 6. С. 268, примеч. 64.

чалась близость ПЛ к ряду летописных памятников[526], которые, впрочем, Сказания о Данииле не содержат.

Четвертым немаловажным аргументом в пользу нашей точки зрения является наличие в ПЛ известий, которые не могут быть возведены к СК. В чуде об Иване Шуйском содержится его прозвище: «Некий болярин, именем Иван Михайлович Шуйской, **выше имени имянуетца „Плетень“...**» (выделено нами. — *А. У.*)[527]. Это прозвище князя (одного из самых активных участников политической жизни России времени боярского правления в годы малолетства Ивана IV[528]) отсутствует в СК. Нет в ней и указания на то, что после исцеления сына купца «велию веру нача держати» к Даниилу не только он сам, но и «со всем домом своим»[529]. Есть и еще одна деталь, которая читается в ПЛ, но отсутствует в СК. Речь идет об указании на то, что Иван IV посетил место, где был Данилов монастырь, будучи на охоте. Так, если ПЛ сообщает «Ивану Васильевичу младу сущу, и ездяше на потеху, и ловы деюще»[530], то в СК известие читается по иному: «Ивану Васильевичю, всея Русии самодржъцю, нѣкогда грядущю мимо Даниловьское мѣсто, идѣже бяху честныя мощи блаженнаго великаго князя Даниила»[531]. Пропуск данной подробности, очевидно, может быть связан с отмеченным И. В. Курукиным осуждением княжеских охот составителем СК[532] (это особенно ярко проявилось в 14—19 гл. 1 ст.; подробнее этот вопрос нами будет рассмотрен ниже)[533]. Очевидно, книжник не хотел лишний раз упоминать о «позорных ловитвах» предка Ивана IV.

Пятым аргументом в пользу нашей гипотезы являются различия в употребляемой в СК и ПЛ лексике. Как уже неодно-

---

[526] *Солодкин Я. Г.* Летописец Пискаревский. С. 269—274 (там же приведена библиография).

[527] ПСРЛ. Т. 34. С. 205.

[528] О нем см.: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV—первой трети XVI в. М., 1988. С. 53, 70, 73, 99, 116—117, 185—186, 250, 275, 295, 306; *Абрамович Г. В.* Князья Шуйские и российский трон. М., 1991. С. 78, 91, 98—100, 103, 105; *Корзинин А. Л.* Политическая борьба в России в годы боярского правления (1538—1541 гг.) // Вестник СПбГУ. Серия 2: История. 2008. Вып. 1. С. 31—32, 36.

[529] ПСРЛ. Т. 34. С. 205.

[530] Там же.

[531] Степенная книга. Т. 1. С. 539.

[532] *Курукин И. В.* Сильвестр: политическая и культурная деятельность... С. 118—120.

[533] Степенная книга. Т. 1. С. 231—235.

кратно отмечалось в историографии[534], создатель СК редко дословно цитировал тексты своих летописных источников. Как правило, он их передавал в своей литературной обработке. При этом к числу наиболее часто встречающихся замен относится замена слов «боярин/болярин» на «вельможа/сановник/синклитик», «рече» на «глаголя/возвести» и т. д. Кроме лексических разночтений, в СК также фиксируются замены кратких летописных известий пространными фразами, которые содержали ряд эпитетов, но в которых отсутствовали дополнения фактического характера[535]. Со всеми этими особенностями мы сталкиваемся при сравнении текстов ПЛ и СК. Приведем некоторые конкретные примеры:

СК[536]	ПЛ[537]
«небрегомо мѣсто оно Даниловьское и яко забвению подлежимо, идѣже бяху честныя мощи блаженнаго сего великаго князя Даниила»	«месту тому небрегому быша — Данилову монастырю, где лежаху мощи святаго»
«сему же юноши случися тогда болѣзнь зѣлна толико, яко и живота отчатися и послѣднѣе дышющу»	«и внезапу сыну его разболевшуся и нача исходити живота близ монастыря»
«и абие сынъ его, яко от сна възбнувъ и здравие отъ болѣзни получи»	«и внезапу болящий воста и бысть здрав, яко не боле»
«юноша же единъ отъ велможьскихъ чадъ, отъ полку его»	«юноша некий ближнего чину»

Как видим, тексты СК и ПЛ отличает стилистическая правка, которая характерна и для других фрагментов СК, возводи-

---

[534] Например, см.: *Голубинский Е. Е.* 1) История русской церкви. Т. 2, 2-я половина. С. 194; *Кусков В. В.* Из наблюдений... С. 259—292; 2) О некоторых особенностях стиля... С. 185—217.

[535] Подробнее о стилистике сочинений макарьевского времени см.: *Орлов А. С.* Великорусская историческая литература XVI века... С. 18—19; *Лихачев Д. С.* Человек... С. 9—10, 103; Истоки русской беллетристики... С. 564—565; *Белозерцев Г. И.* О стилистических особенностях редакции жития Михаила Клопского // Памятники русского языка: Исследования и публикации. М., 1979. С. 177—185; *Берман Б. И.* Читатель жития (агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 160—161; Язык русской агиографии XVI в.: опыт автоматического анализа. Л., 1990; *Дмитриева Р. П.* Агиографическая школа митрополита Макария (на материале некоторых житий) // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 208—213; *Пиккио Р.* Древнерусская литература. М., 2002. С. 219—221; *Сперанский М. Н.* История древней русской литературы. СПб., 2002. С. 433—444; *Рогожникова Г. П.* Жития «Макарьевского цикла». СПб., 2003.

[536] Степенная книга. Т. 1. С. 539, 541.

[537] ПСРЛ. Т. 34. С. 204—205.

мых к летописному материалу. Случаи «обратного перевода» «пустословий» СК на более близкий к летописям язык нам неизвестны.

Сказанное выше дает основания полагать, что, по всей видимости, так же как и в случае с рассказом о казни Кучковичей князем Всеволодом Юрьевичем, в повествовании о чудесах Даниила составители СК и ПЛ воспользовались общим источником. Возможно, речь шла о некоем Сказании о начале Данилова монастыря или о его основателе Даниле Александровиче, которое, по всей видимости, возникло в XVI в., вероятно, в этой обители[538]. Во всяком случае, в XV—XVII вв. известен целый ряд исторических сочинений о начале относительно небольших монастырей, братия которых с их помощью вписывала историю своих обителей в общерусский, а иногда и общехристианский контекст («Сказание о Валаамском монастыре», «Сказание о Спасо-Каменном монастыре», «Повесть о Псково-Печерском монастыре» и др.)[539]. Вероятно, сочинение подобного рода было создано в Даниловом монастыре[540] и включало перечень чудес его

---

[538] Подобный взгляд ранее высказал архим. Амфилохий (см.: *Амфилохий, архим.* Летописные и другие древние сказания... С. 7—8), полагавший, что «сказание составлено, по всей вероятности, при Грозном и по его приказанию по возобновлении и по восстановлении Данииловского монастыря им». Согласно архим. Амфилохию, Сказание о Данииле в СК «составлено по верным летописцам, писанным в Москве». Источник Сказания (московские «верные летописцы») исследователь определил, вероятно, основываясь на заключающих 8 гл. 9 ст. словах о том, что сказание о Данииле «в древних летописаниях явлено» (см.: Степенная книга. Т. 1. С. 541). Учитывая, что, как показывают итоги разбора источников СК, представленные в ней ссылки на летописные, агиографические и иные памятники, как правило, не носили безадресного характера, нельзя исключить, что после своего составления рассказ о московском князе был помещен в летописи, которые и могли послужить источниками как СК, так и ПЛ, в изучении источников которого остается еще немало белых пятен.

[539] Например, см.: *Архипова Е. А.* Повести о монастырях: к вопросу о жанровых особенностях // Сборник научных работ Студенческого исторического общества. Вып. 2: Материалы межвуз. студ. науч.-практич. конф. СмолГУ — ИАИ РГГУ, 22 апреля 2006 г. Смоленск, 2006. С. 36—45.

[540] Косвенно на создание Сказания о Данииле в основанной им обители указывает то, что 6 (из 8!) глав, повествующих об этом князе в 9 ст., сообщают о событиях, связанных с началом этой обители: ее основанием, пострижением в ней Даниила и его погребением (3 гл.), перенесением Данилова монастыря на новое место (4—5 гл.), связанные с этой обителью чудеса московского князя (6—8 гл.). При этом любопытно, что включенные в повествование о Данииле рассказы о перенесении основанной им обители прямого отношения к жизнеописанию этого князя не имеют.

основателя[541]. Как небезосновательно полагает Л. И. Алехина, создавая помещенное в СК Сказание, книжник «собрал и осмыслил не только летописные свидетельства, но и предания, видимо, изустно бытовавшие среди москвичей. На их основе он создал произведение, отвечающее канонам агиографического жанра: здесь рассказывается о происхождении и детстве князя, его деяниях, блаженной кончине (главы 1—5) и посмертных чудесах (главы 6—8). В основу последних, надо полагать, и легли устные предания...»[542].

Данный реконструируемый источник СК можно датировать первыми двумя десятилетиями правления Ивана IV. Так, в рассказе об обновлении Данилова монастыря фигурирует первый русский царь вместе с не названным по имени митрополитом; в Сказании упоминается живший в первой половине XVI в. И. М. Шуйский. Памятник не мог появиться и до начала составления СК, т. е. до второй половины—конца 50-х гг. XVI в. Наиболее вероятной представляется фиксация чудес Даниила в 40-х—первой половине 50-х гг. XVI в.[543], т. е. в период наи-

---

[541] Нельзя исключить того, что запись чудес Даниила готовила его канонизацию. Так, несмотря на то, что его причтение к лику святых состоялось не ранее конца XVII в. (наиболее вероятным временем канонизации Даниила Е. Е. Голубинский считал рубеж XVIII—XIX вв., см.: *Голубинский Е. Е.* История канонизации... С. 190), служба ему была составлена уже в конце XVI в. (подробнее см.: *Алехина Л. И.* Время патриарха Иова и Служба князю Даниилу Московскому // Макариевские чтения. Можайск, 2005. Вып. 12. С. 260—272).

[542] *Алехина Л. И.* Служба и Житие благоверного князя Даниила Московского из собрания ЦМиАР // Макарьевские чтения. Можайск, 2003. Вып. 10. С. 497.

[543] Любопытно отметить, что, как было указано в литературе, к личности Даниила и основанной им обители в 50-е гг. XVI в. было проявлено особое внимание. Так, в этот период были приняты меры к восстановлению Данилова монастыря. На это указывает то, что в конце 50-х гг. в монастыре уже жила братия во главе с настоятелем; в 1561 г. митрополит Макарий освятил построенный в этом монастыре новый каменный собор; 6 декабря 1559 г. Иван IV пожаловал монастырю волость на юге Московского уезда (согласно предположению А. В. Антонова, это могло быть связано с выздоровлением царицы Анастасии от тяжелой болезни в ноябре 1559 г.); имя Даниила было включено в царский синодик, который был отправлен в 1557 г. из Москвы в Константинополь для внесения в патриарший синодик. Подробнее см.: *Беляев Л. А.* 1) Открытие храма XVI в. в Даниловом монастыре // Реставрация и архитектурная археология: Новые материалы и исследования. М., 1991. С. 56—75; 2) Древние монастыри Москвы по данным археологии. М., 1995. С. 101—151; *Антонов А. В.* К истории возобновления московского Данилова

высшей активности книжников макарьевского круга. Учитывая то, что значительное число собраний славяно-русских рукописных книг не описано вовсе или описано не полностью либо очень кратко (без полного раскрытия состава) (Музейское, М. П. Погодина, Е. Е. Егорова и др.), нельзя исключить, что в будущем ранний список этого памятника будет обнаружен и введен в научный оборот. Если наше предположение об использовании в СК и ПЛ Сказания о Данииле справедливо, то данный рассказ следует исключить из суммы уникальных известий обоих памятников.

Появление данного гипотетического источника СК, вероятно, было связано с тенденциями, присущими письменности этого времени. Так, нельзя не отметить, что примерно в это же время создается другое произведение, посвященное истории основания монастыря, — «Сказание о Валаамском монастыре»[544]. На этот же период приходится написание житий святых, которые были канонизированы на соборах 1547—1549 гг., — митрополита Ионы, Всеволода Псковского, Владимирская редакция Жития Александра Невского и др. Вероятно, к середине XVI столетия относится и написание «Слова похвального» Василию III, которое, согласно Т. Е. Самойловой, готовило почву для канонизации этого предка первого русского царя[545].

Подводя итоги краткого разбора возможного характера взаимоотношений СК и памятников книжности XVII в. (на материале ПЛ), можно отметить, что не всегда их связь была непосредственной. Не ставя под сомнение очевидную популярность СК в XVII столетии, тем не менее, необходимо указать на то, что на ее счет вряд ли можно «списывать» все уникальные известия в памятниках этого времени. Рассмотренный выше материал дает основания полагать, что источниками уникальных известий (как СК, так и произведений, созданных несколькими десятилетиями позднее) могли являться либо памятники, которые ранее с ними не связывались (внелетописная статья «А се князи

монастыря // РД. 2000. Вып. 6. С. 179—184; Россия и греческий мир в XVI веке. Т. 1. С. 399; *Флоря Б. Н., Чугреева Н. Н.* Даниил Александрович // ПЭ. Т. 14. М., 2006. С. 101 (раздел написан Б. Н. Флорей).

[544] Согласно датировке Н. А. Охотиной-Линд, этот памятник был создан в конце 1550-х гг., см.: *Охотина-Линд Н. А.* «Сказание о Валаамском монастыре». СПб., 1996. С. 30, 48.

[545] Подробнее см.: *Самойлова Т. Е.* Новооткрытый «портрет» Василия III... С. 39—58.

русьтии»), либо не дошедшие до нас источники (Сказание о Данииле Московском).

Похвала Ивану Калите

2 гл. 10 ст. среди прочего описывает смерть Ивана Калиты. В этой главе также помещено указание на пророчество Петра о смерти московского князя, которое отсутствует в Житии Петра и Сказании Кифы: «...и потом, егда услышиши старца к тебѣ пришедша, и тогда уразумѣеши и ты добраго ти житиа свершение течениа и къ Богу отшествие»[546]. Повествуя о смерти московского князя, СК указывает на исполнение пророчества митрополита Петра: «Во едину от нощий почивающу ему на ложи своем, и внезапу поторжеся чѣпь у двери ложьница его и глас слышася: „Се старец прииде“. И не вѣде никого же глаголюща. И уразумѣ великий князь, яко се збысться ему проречение великаго чюдотворца Петра...». После этого, как сообщает СК, Калита постригся в Преображенском монастыре и вскоре умер[547]. Точный источник этих известий нам найти не удалось[548]. Нельзя исключить того, что рассказ о приходе старца перед смертью московского князя мог быть создан с привлечением помещенного в Волоколамском патерике и Житии Пафнутия Боровского известия о нищем, трижды просящим милостыню у Ивана Калиты. Так, после третьего подаяния князю «явѣ есть, яко от Бога послан бяше, искушая его и извѣщая ему, яко по Бозѣ бяше дѣло его, еже творит»[549]. Известие о пострижении Калиты в Преображенском монастыре могло восходить к некому Сказанию о начале этой обители — как уже указывалось выше, XVI в. отмечен появлением ряда сказаний о начале монастырей и связанных с этим обстоятельствах (например, «Сказание о Ва-

---

[546] Степенная книга. Т. 1. С. 563.

[547] Там же. С. 566.

[548] Аналогичный рассказ содержится в МЛ последней четверти XVII в. (см.: ПСРЛ. Т. 31. С. 85), который, как уже отмечалось в историографии, создавался с привлечением СК (см.: *Корецкий В. И.* Мазуринский летописец... С. 282).

[549] Древнерусские патерики... С. 96. Также см.: *Кадлубовский А. П.* Житие преподобного Пафнутия Боровского... С. 133—134. О южнославянских параллелях этого рассказа см.: *Турилов А. А.* «Гарун-ар-Рашидовский» сюжет в славянских литературах XV—XVI вв. (сербский деспот Стефан Лазаревич и великий князь московский Иван Калита) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 2 (16). С. 8—11.

лаамском монастыре», восстанавливаемое нами выше Сказание о Данииле и основании им Данилова монастыря).

Нельзя исключить, что в распоряжении составителя СК имелся прославляющий Ивана Калиту памятник, который был отличен от летописного некролога. На наличие подобного текста косвенно указывает существование не возводимой к летописным источникам Похвалы Ивану Калите, которая помещена в записи писцов Мелентия и Прокоши в т. н. Сийском Евангелии 1340 г.[550] (писцовая запись относится к февралю этого года[551]). Несмотря на то, что текстуальных параллелей в посвященной этому московскому князю 10 ст. и Похвале не фиксируется, можно предполагать, что данной Похвалой и летописным некрологом круг памятников, прославляющих этого князя, не ограничивался. Судя по всему, эти памятники были доступны книжнику круга митрополита Макария.

Чудо о свече у гроба Дмитрия Ивановича

В основанной на «Слове о житии» Дмитрия Ивановича 13 гл. 12 ст. между двумя крупными отрывками «Слова» помещено Чудо о свече, возгоревшейся небесным огнем у гроба московского князя в церкви св. архистратига Михаила в Кремле. Согласно этому рассказу, данное событие имело место во время правления потомка Дмитрия Ивановича Василия III. Чудо состояло в том, что у гроба Дмитрия «свѣща небеснымъ огнемъ сама о себѣ возгорѣся, и необычьнымъ свѣтом оба полы свѣтяше, и на мно-

---

[550] ОР БАН. Ф. 2 (Археографическая комиссия). № 189. Последнее описание данной ркп., выполненное О. П. Лихачевой, см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1 (Апокалипсис — Летопись Лаврентьевская). М., 2002. С. 237—240 (там же приведена библиография; Похвала опубликована на С. 238—239). Об источниках Похвалы Ивану Калите см.: *Мещерский Н. А.* К изучению ранней московской письменности // *Мещерский Н. А.* Избранные статьи. СПб., 1995. С. 233—242.

[551] Писцовая запись, содержащая Похвалу Ивану Калите, датируется 25 (согласно Н. А. Мещерскому, С. М. Каштанову и Л. В. Столяровой) или 26 (по мнению А. А. Романовой) февраля 1340 г. См.: *Мещерский Н. А.* К датировке «Похвалы Ивану Калите» // Вестник ЛГУ. 1967. № 2. История — язык — литература. Вып. 1. С. 138—140; *Каштанов С. М., Столярова Л. В.* Еще раз о дате так называемого «Сийского евангелия» // Сообщения Ростовского музея. Ярославль, 1995. Вып. 8. С. 3—48; *Романова А. А.* Древнерусские календарно-хронологические источники XV—XVII вв. СПб., 2002. С. 56—58.

ги дни горяше, воску же не умаляшеся». Важно отметить, что в конце рассказа помещено уточняющее указание: «Есть же та свеща и донынѣ въ церкви тои, от нея же мнози с верою приимаху воску оного и отъ различьныхъ болѣзнеи здравие приимаху»[552]. В известных нам памятниках книжности данное Чудо обнаружить не удалось. Однако итоги анализа текста рассказа позволяют выдвинуть предположение о его происхождении.

Обратим внимание на то, что в отличие от ряда прочих рассказов о святых и их чудесах в СК, рассматриваемый пассаж не содержит ссылки на «житие», «сказание» или некие «глаголы», послужившие его источником. Важно отметить, что рассказ имеет явное московское происхождение: во-первых, чудо произошло у гроба похороненного в московском храме князя; во-вторых, содержится упоминание о чудесах от свечи, которые происходят «и до нынѣ в церкви той». Трудно сказать точно, состоялась ли письменная фиксация Чуда сразу после его совершения или устный рассказ впервые был записан лишь при создании СК[553]. В любом случае, упоминание «и до нынѣ», побуждает думать, что составитель СК либо являлся свидетелем чудес, либо располагал информацией о них, т. е., по-видимому, жил в Москве неподалеку от Архангельского собора[554]. По всей

---

[552] Степенная книга. Т. 2. С. 63.

[553] Во всяком случае, известно, что при ризнице Архангельского собора существовало значительное собрание рукописных книг. Подробнее об истории собора см.: *Баталов А. Л., Маштафаров А. В.* Архангельский собор // ПЭ. Т. 3. М., 2001. С. 489—494. О книгах собрания см.: *Сперанский М. Н.* Описание рукописей Московского Архангельского собора, составленное М. Н. Сперанским / Подгот. И. В. Левочкин // АЕ за 1979 год. М., 1981. С. 324—330.

[554] Как указал Б. Н. Флоря (см.: Димитрий Иоаннович Донской // ПЭ. Т. 15. М., 2007. С. 128. Автор раздела — Б. Н. Флоря), рассказ об этом чуде в кратком виде представлен в сборниках, содержащих Разрядные записи за 1475—1605 гг. Так, в них сообщается о том, что «лета 7033-го загорелась о себе свеща в Орхангиле в церкви над гробом великого князя Дмитрея Ивановича Донскаго и гореша шесть дней, а угасла о себе же» (см.: Разрядная книга 1475—1605. Т. 1, ч. 2. М., 1977. С. 191). Как отметил Ю. В. Анхимюк, описание данного чуда также читается и в указанных сборниках, содержащих разрядные записи за 1478—1603 гг., составление которых связывается с князьями Оболенскими (включение чуда о свече в соответствующие сборники Ю. В. Анхимюк относит к XVII в.). Согласно мнению историка, рассказ о чуде содержался в той части сборников с разрядными записями, которая представляет собой частные записи, дополняющие сведения Государева родословца (см.: *Анхимюк Ю. В.* Разрядная книга 1478—1603 г. // Румянцевские чтения: Материалы международной конференции (5—7 апреля 2005 г.). М., 2005. С. 11, 13. Подробнее об истории текста Разрядных книг см.: *Буганов В. И.*

видимости, выстроенное в соответствии с агиографическим каноном начало рассказа («И яко же он в жизни своей прослави Бога... не токмо в животѣ, но и по преставлении...») было призвано связать, возможно, устный рассказ с прославлением Дмитрия как святого в «Слове о житии» и тем самым придать жизнеописанию московского князя в 12 ст. некую законченность, в полной мере обеспечив его соответствие схеме повествования о святых в русской агиографии XVI в.: Житие — Похвала — Чудеса (об этом ниже).

Чудеса Евдокии-Евфросинии

14—20 гл. представляют пространное описание жизни и посмертных чудес вдовы великого князя московского Дмитрия Ивановича Евдокии-Евфросинии. Источники этих глав вызывали ряд вопросов в историографии[555]. Попытаемся ответить, по крайней мере, на часть их.

Как уже отмечалось выше, 14 гл. может быть возведена к «Слову о житии» Дмитрия Ивановича. В. В. Кусков[556] выяснил, что 15 гл. 12 ст. создавалась на основе сочетания летописных записей об основании Евдокией-Евфросинией церкви Рождества Богородицы (6901 г.)[557] и ее украшении (6903 г.)[558], об основании женского Вознесенского монастыря (6915 г.)[559]. Неясен источник известия о том, что Евдокия «в Переяславли же постави церковь близ града у реки у Трубежа Рожество святаго Ивана Предтечи и монастыри устрои»[560]. Эта церковь в летописных источниках не фиксируется[561].

Разрядные книги последней четверти XV—начала XVII в. М., 1962; *Анхимюк Ю. В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV—начало XVII вв. М., 2005). Связь СК с рассказом, помещенным в сборниках с разрядными записями, сомнительна: как явствует из сравнения текстов, в них и СК читаются не возводимые друг к другу варианты (например, по версии сборников, свеча горела «шесть дней», согласно СК — «многи дни», в сборниках событие датировано 7033-м годом, в СК — расплывчато временем правления Василия III, также см. отсутствующее в сборниках известие о «не умалении воска» и т. д.). При этом важно отметить сам факт того, что рассказы об этом событии фиксируются и помимо нашего памятника.

[555] Например, см.: *Lenhoff G.* Unofficial Veneration... С. 411—413.

[556] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 193.

[557] ПСРЛ. Т. 8. С. 64; Т. 11. С. 155

[558] ПСРЛ. Т. 8. С. 65; Т. 11. С. 157.

[559] ПСРЛ. Т. 8. С. 81; Т. 11. С. 198.

[560] Степенная книга. Т. 2. С. 66.

[561] Отсутствуют сведения об этом монастыре и в фундаментальном справочнике В. В. Зверинского, см.: *Зверинский В. В.* Материал для историко-топо-

Проясняя вопрос о происхождении данного известия, важно отметить, что не упоминаются в летописных источниках и две другие церкви, расположенные также на р. Трубеж под Переяславлем — св. царя Константина и св. Филиппа. На них указывает написанное явно переяславцем Сказание о Данииле Переяславском (25 гл. 16 ст.)[562]. Как нетрудно заметить, церкви Иоанна Предтечи, Константина и Филиппа связаны с переяславской историко-церковной географией. Принимая во внимание факт того, что эти церкви упоминаются в документах XVII в.[563], можно думать, что они существовали и в предшествующее столетие. Судя по всему, они были известны автору Сказаний о Данииле и Евдокии. Так как в 15 гл. 12 ст. упоминается переяславская церковь Иоанна Предтечи, известие о строительстве которой Евдокией отсутствует в известных источниках СК[564], есть основания полагать, что этот раздел был написан либо переяславцем, либо лицом, хорошо знакомым с переяславской историко-церковной географией, а возможно, и легендами, связанными с происхождением некоторых церквей. В этом случае источником 15 гл. наряду с летописями служили познания составителя СК.

16 гл. представляет собой краткую выписку из Повести на сретение Владимирской иконы, которая в полном виде помещена в 24 гл. 13 ст. На это указывает сам составитель СК, отмечая, что «доволно же о сихъ сказание имат въ книзѣ сеи

графического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем. Т. 1—3. СПб., 1890—1897.

[562] Степенная книга. Т. 2. С. 339.

[563] Данные церкви упомянуты в числе церквей, расположенных «на посаде» Переяславля (см.: Материалы для истории Владимирской епархии. Вып. 5. Переяславская десятина жилых данных церквей и пустовых церковных оброчных земель / [В. И. Холмогоров, Г. И. Холмогоров]. М., 1897. С. 47, 49, 53).

[564] Возможно, в XVI в. Рождественская церковь действительно была монастырской. Так, под 1540 г. упомянут Переяславский Рождественский монастырь, который позднее стал обычной церковью (см.: *Строев П. М.* Списки иерархов... Стб. 715). Если в данном случае речь идет именно о рассматриваемой церкви, то можно думать, что в середине XVI в. она была еще монастырской. Трудно сказать точно, действительно ли эта церковь была построена при Евдокии-Евфросинии или ее основание княгине-инокине приписывали лишь местные легенды. Во всяком случае, М. И. Смирнов указал на появление в XIV в. на посаде в Переяславле Предтеченской церкви, правда, не сославшись на источник своих сведений (см.: *Смирнов М. И.* Переславль-Залесский: его прошлое и настоящее. Сергиев Посад, 1913. С. 66).

в третьеинадесять степени»[565]. Любопытно, что в 16 гл. содержится указание на молитвы о спасении Руси не только митрополита Киприана, но и Евдокии-Евфросинии. Впрочем, вряд ли данное указание требовало дополнительного источника — в Повести сообщено о всенародном молении.

В соответствии с традицией, сложившейся в русской средневековой агиографии[566], книжник сообщает о явлении ангела Евдокии. При этом 18 гл. упоминает о написании по поручению княгини икон ангелов. Важно отметить, что третья икона была помещена в церкви Рождества Богородицы в Москве, «идѣже и **донынѣ** стоитъ» (выделено нами. — *А. У.*)[567]. Есть основания полагать, что писателю середины XVI в. было известно о существовании этой иконы. Также в Сказание о Евдокии помещены отсутствующие в известных памятниках рассказы о чудесном исцелении княгиней-инокиней слепца, тридцати больных, а также о свечах, возгоревшихся у гроба Евдокии.

Учитывая то, что в повествовании о Евдокии (так же как и в Чуде о свече у гроба ее супруга) отсутствуют какие-либо ссылки на «поведания» и «сказания», которые составитель СК делал, когда располагал соответствующими источниками, можно предположить, что в письменном виде развернутый рассказ об этой княгине впервые фиксируется в СК. Принимая во внимание место пострижения и смерти Евдокии-Евфросинии — Вознесенский монастырь в Москве — можно полагать, что именно в этой обители, расположенной неподалеку от Чудова монастыря (наиболее вероятного места написания СК, об этом ниже), начали собираться свидетельства о княгине-инокине. Вероятно, ими и воспользовался книжник, создавая рассказ о вдове Дмитрия Ивановича. Так же как и в некоторых других случаях, рассказ был выполнен в соответствии с определенным каноном — сообщив о добродетельном житии Евдокии, составитель СК затем перешел к описанию ее чудес. Вероятно, отсутствие обязательной для создания Жития Похвалы обусловливалось не-

---

[565] Степенная книга. Т. 2. С. 67. Впрочем, нельзя исключить и того, что источником 16 гл. послужила и редакция Повести, содержащаяся в Ник. под 6903 г. (см.: ПСРЛ. Т. 11. С. 158—161). Последняя, однако, не являлась источником Повести в 13 ст.

[566] Например, см.: Житие митрополита Ионы, рассказ о смерти митрополита Фотия в этом же памятнике, см.: *Усачев А. С.* Житие митрополита Ионы... С. 24, 45.

[567] Степенная книга. Т. 2. С. 68.

достатком соответствующего материала — очевидно, не имея возможности самостоятельно написать ее, писатель ограничился приведением данных доступных ему источников — «Слова о житии», Ник., Воскр. и, вероятно, каких-то материалов (устных рассказов?) о княгине, происхождение которых, возможно, было связано с Вознесенским монастырем.

* * *

Как нетрудно заметить, предполагаемые источники рассмотренных выше описаний Даниила, Ивана Калиты, Дмитрия Ивановича и Евдокии-Евфросинии объединяет одна черта — все они связаны с прославлением московских князей XIII—XV вв. Именно поэтому СК можно рассматривать как важный шаг на пути к фиксации соответствующих рассказов[568]. Трудно сказать точно, собирались ли они для подготовки канонизации указанных персонажей (подробнее этот вопрос будет рассмотрен нами ниже). Во всяком случае, можно констатировать, что вне зависимости от того, ставил книжник перед собой подобную цель или нет, представленные в СК жизнеописания (Даниила и Евдокии) использовались в агиографии XVII в.[569]

Рассмотренные выше пассажи можно связать с также помещенными в СК описаниями чудесных обстоятельств, сопутствующих зачатию и рождению ряда потомков этих князей. Важно отметить, что, в отличие от первых, источники последних удалось установить (хотя в течение длительного времени они относились к числу уникальных известий СК). Это в свою очередь побуждает думать, что по крайней мере с первой четверти XV в. началась фиксация рассказов о необычных фактах, касающихся жизни великокняжеского семейства, которые нашли отражение в памятниках летописания (рассказ о рождении

---

[568] Подробнее об этой черте СК см.: *Lenhoff G.* Unofficial Veneration... С. 391—416.

[569] Например, см.: *Барсуков Н. П.* Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 145—146, 176; Московский патерик. М., 2003. С. 29; *Салмина М. А.* Повесть о Даниловском монастыре. С. 113; *Lenhoff G.* Unofficial Veneration... P. 396—397, 413; *Ленхофф Г.* Из истории почитания великой княгини московской Евдокии, в иночестве Евфросинии // Духовный путь Московской Руси: Материалы научной конференции, посвященной 600-летию со дня блаженной кончины преподобной Евдокии-Евфросинии, великой княгини московской. М., 2007. С. 79—87.

Василия II), Житии Михаила Клопского (пророчество о рождении Ивана III[570]), Чудесах Сергия Радонежского (описание зачатия и рождения Василия III) и «Слове похвальном» Василию III (описание чудес, сопутствующих рождению Ивана IV). Учитывая явно московский характер этих известий, которые самым непосредственным образом касались жизни Даниила Александровича и его потомков, можно предположить, что соответствующие рассказы начали фиксироваться при великокняжеском дворе (возможно, при Кремлевском Благовещенском соборе, протопопы которого по традиции начиная с XIV в. являлись духовниками московских государей[571]). Если это действительно так, значит, если не все, то по крайней мере часть рассмотренных выше рассказов (о чудесах Даниила Московского, Дмитрия Ивановича, Евдокии-Евфросинии) также следует поместить в этот ряд.

Устные источники

К числу предполагаемых источников СК мы относим и устные рассказы, к которым, судя по всему, восходит ряд фрагментов этого памятника. Рассмотрим их.

Вероятно, устное происхождение имеет одна деталь из рассказа о кончине Василия III. При описании его смерти в 24 гл. 16 ст. составитель СК приводит сообщение, отсутствующее в его известных источниках, — упоминание о том, что перед смертью московского государя его духовнику, благовещенскому протопопу Алексею, умирающий князь поручил служить литургию[572]. Ранние летописные источники ничего не сообщают об этом факте (известие читается лишь в Ал.-Невск.[573], которая восходит к ЛЛС, создаваемому под влиянием СК). Наиболее вероятным нам представляется предположение о связи появления этого известия в СК с фигурой другого благовещенского протопопа — Андрея. Он, будучи так или иначе причастным к написанию СК

---

[570] Как отмечалось выше, описание этого пророчества также содержится и в летописи.

[571] См. перечень духовников московских князей: *Смирнов С. И.* Древнерусский духовник. Исследование с приложением: материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1914. С. 251—252, прил. I.

[572] Степенная книга. Т. 2. С. 324. Данное известие также содержится в Царственной книге ЛЛС (ПСРЛ. Т. 13. С. 412), при составлении которого, как известно, использовалась СК.

[573] ПСРЛ. Т. 29. С. 121.

(подробнее этот вопрос будет рассмотрен в следующей главе настоящей работы), мог внести соответствующее известие на основе воспоминаний очевидцев смерти Василия III (возможно, служивших вместе с Алексеем священников, которые могли продолжать служить в Благовещенском соборе и при Андрее[574]).

Как указывалось выше, в 2 гл. 16 ст. помещено описание инока Галактиона, который предрек взятие Казани сыном Василия III. Как уже было отмечено, какие-то самые общие сведения об этом иноке составитель СК мог почерпнуть из Жития Мартиниана Белозерского, которое, впрочем, не содержит данного рассказа, упоминая лишь о наличии пророческого дара у Галактиона. Вполне вероятно существование устной версии рассказа об этом пророчестве. Ее включение в СК может быть сопоставлено с внесением имеющих также, по-видимому, устное происхождение повествований о чудесах и знамениях, предвещавших взятие Казани Иваном IV (10 гл. 17 ст.). Это в свою очередь можно соотнести с предположением Г. З. Кунцевича о том, что у СК и КИ, специально посвященной казанскому взятию, могли быть общие источники устного происхождения[575]. Нарастание числа описаний чудес, сопутствующих взятию Казани, в памятниках середины—второй половины XVI в. (прежде всего, СК и КИ), вероятно, обусловливалось стремлением русских книжников этой поры увязать конкретные события прошлого и настоящего с реализацией Промысла (этот вопрос подробнее нами будет рассмотрен ниже).

Судя по всему, устное происхождение имеют и некоторые другие детали, связанные с описанием взятия Казани. Так, если основной источник 17 ст. — ЛНЦ — сообщает о том, что русские войска «царя Казанского Едигер-Магметя изыме и знамена их взяша», то в СК рассказ читается по-иному. 25 тит. 10 гл. 17 ст. повествует: «царь ихъ [казанцев. — *А. У.*] Едигеръ ухващенъ бысть, и **сокровища царская**, иже в Казани, взята бышя. **Венець же царскии, и жезлъ, и знамя цареи казанскихъ, и прочая царская орудия** [выделено нами. — *А. У.*] въ руцѣ бла-

[574] С. И. Смирнов поместил Алексея в число духовников великих князей в своем перечне под 1533 г., правда, не оговорив свой источник сведений о нем (см.: *Смирнов С. И.* Древнерусский духовник... С. 251—252, прил. I). Вероятно, историк, будучи хорошо знаком с СК, опирался на приведенный в ней рассказ.

[575] *Кунцевич Г. З.* История о Казанском царстве... С. 542.

гочестивому царю Богомъ предана быша»[576]. Как видим, СК сосредотачивает внимание читателя на знаках цар-ской власти, взятых в Казани, на которые составитель ЛНЦ не обращал особого внимания[577]. Вероятно, эта уточняющая ре-марка могла принадлежать очевидцу событий, сопровождавшему Ивана IV в походе.

Есть основания полагать, что ряд известий о начале Ливонской войны, помещенных в 18 гл. 17 ст., также имел устное происхождение. Обратимся к соответствующему материалу.

Основной летописный источник 17 ст., отраженный в СК и Своде 1560 г. — возможно, ЛНЦ редакции 1560 г. — был доведен до описания событий начала 1560 г. Этими известиями, вероятно, заканчивается и основной текст 17 ст. Хронологически за рамки этого источника выходят два известия — о взятии Феллина и пленении в нем магистра Ливонского ордена (август 1560 г.) и о взятии Полоцка (февраль 1563 г.). Эти сообщения, как нами было установлено ранее, помещены в 18 гл., внесенной в текст 17 ст. СК несколько позднее. Были ли в распоряжении книжника летописные материалы, повествующие о соответствующих событиях?

Точно ответить на данный вопрос вряд ли возможно. Однако итоги рассмотрения указанных рассказов побуждают высказать предположение о том, что привлечение летописных источников, повествующих об этих событиях, не было обязательным. Во-первых, эти события были, несомненно, известны близкому к царю составителю СК. Во-вторых, следует обратить внимание на характер соответствующих пассажей, в которых пропущены практически все подробности двух главных побед России в начале Ливонской войны (имена русских воевод, плененного магистра, описания походов, участвующих в них полков и т. д.). Вряд ли для того, чтобы написать, что русские войска «много ратоваша ихъ [немцев. — *А. У.*] и градъ Вильадъ взяша, в немъ же и самого маистра плениве и къ государю на Москву приведоша»[578], современнику событий требовался специальный источник — как представляется, для этого могло быть вполне доста-

---

[576] Ср.: Степенная книга. Т. 2. С. 369; ПСРЛ. Т. 29. С. 108. На данный фрагмент СК наше внимание обратил А. В. Лаврентьев.

[577] Аналогичное СК известие содержит и КИ (см.: ПСРЛ. Т. 19. Стб. 467). Однако соответствующий рассказ помещен в одной из поздних редакций этого памятника (XVII в.).

[578] Степенная книга. Т. 2. С. 388.

точно и устных источников (например, рассказов участников этого события). В пользу предположения об использовании устных источников при описании событий, выходящих за рамки февраля 1560 г., свидетельствуют и итоги рассмотрения рассказа о взятии Полоцка в феврале 1563 г.

СК сообщает о том, что в «в лѣто 7071... за неисправление и враждование литовьскаго краля Августа самъ благочестивыи царь и великии князь подвижеся со множествомъ силы своея, и шедъ, взятъ древнее свое отечьство, славныи градъ Полтескъ. И тамо живущихъ богоубииственыхъ жидовъ конечнои пагубе предаде, и богомръзьскихъ же латынъ и злѣишихъ иконоборець расплени и расточи, и градъ благочестиемъ обнови, и въ немъ истинное православие утверди. Во всемъ же поспешествующу ему [Ивану IV. — *А. У.*] всемогущему Богу»[579]. Данная версия рассказа о важнейшей победе русского оружия в Ливонской войне отличается от вариантов, содержащихся в прочих памятников, повествующих об этом событии. Рассмотрим их.

К числу наиболее ранних источников, содержащих информацию о взятии Полоцка, относятся делопроизводственные материалы, отразившиеся в т. н. Книге о Полоцком походе 1562/63 гг.[580], летописи (Ал.-Невск., Лебедев., ПВЛ), СК[581], а также ряд иностранных источников[582]. Ниже свое внимание мы сосредоточим на русских нарративных источниках. Обратимся к ним.

Представленная в памятниках официального летописания — Ал.-Невск. и Лебедев. — запись под 7071 (1562/63) гг. пространно повествует о взятии Полоцка, перечисляя все полки, участвовавшие в нем, и командующих ими воевод, приводит

---

[579] Степенная книга. Т. 2. С. 388—389.

[580] См.: Книга Полоцкого похода 1563 г. ...; *Баранов К. В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // РД. М., 2004. Вып. 10. С. 119—154. Также см.: *Анхимюк Ю. В.* Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах // Там же. С. 155—170.

[581] Подробнее об особенностях представления событий Ливонской войны в русских повествовательных источниках XVI в. см.: *Филюшкин А. И.* 1) Причины «Полоцкого взятия» 1563 г. глазами современников и потомков // Вестник СПбГУ. Серия 2: История. 2005. Вып. 3. С. 20—31; 2) Изображение... С. 347—368.

[582] Последний обзор источников, повествующих о Полоцком походе, см.: *Bogatyrev S. N.* Battle for Divine Wisdom. The Rhetoric of Ivan IV's Campain against Polotsk // The Military and Society in Russia, 1450—1917. Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 325—363.

текст письма новгородского архиепископа Пимена Ивану IV, излагает пространное послание царя митрополиту Макарию по случаю взятия города, указывает на назначение воевод в нем, на освобождение пленных поляков и т. д.[583] Несколько особняком стоит рассказ под этим же годом ПIIIЛ, кратко сообщающей о взятии города[584].

Анализируя показания летописей о данном событии, обратим внимание на время их составления. Как уже отмечалось в историографии, Ал.-Невск. и Лебедев. представляют собой копии с томов ЛЛС[585], создание которого относится к периоду не ранее конца 60-х гг. XVI столетия[586]. Вероятно, примерно этим же временем датируется составление неофициальной ПIIIЛ, доводящей изложение событий до 1567 г. Таким образом, рассказ о взятии Полоцка фиксируется в летописях, созданных не ранее второй половины—конца 60-х гг. XVI в., т. е. отстоящих по крайней мере на несколько лет от описываемых событий.

Как показывают итоги сравнения версий приведенных выше памятников и СК, рассказ последней намного короче летописного известия. Вместе с тем в это произведение помещено сообщение о казни иудеев («жидов»), которое отсутствует в официальной летописи (а также в Книге Полоцкого похода). Важно отметить, что эта деталь совпадает как с данными иностранных источников, повествующих о взятии Полоцка[587], так и с материалом, правда, несколько более поздней неофициальной ПIIIЛ[588]. Чем могли обусловливаться особенности рассказа СК?

При рассмотрении вопроса о датировке СК нами было установлено, что содержащая рассматриваемое известие 18 гл. 17 ст.

---

[583] ПСРЛ. Т. 29. С. 304—318. Согласно предположению Д. М. Володихина, рассказ о взятии Полоцка, который отражен в Лебедев. и Ал.-Невск., был написан в конце 60-х—начале 70-х гг. XVI в. для ЛЛС. По мнению историка, в его основу была положена «Память» о Полоцком походе, которую Д. М. Володихин атрибутирует М. А. Безнину. См.: *Володихин Д. М.* Лебедевская летопись о взятии Полоцка войсками Ивана IV в 1563 г. (Вопросы атрибуции) // Вестник МГУ. Серия 8: История. 1995. № 1. С. 49—62.

[584] ПСРЛ. Т. 5, вып. 2. С. 244.

[585] Например, см.: *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 227—231.

[586] О датировке ЛЛС см.: *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 232—252; *Амосов А. А.* Лицевой летописный свод... С. 184—222.

[587] См.: *Хорошкевич А. Л.* Россия... С. 333.

[588] См.: «А от Полтеска князь велики пошол на другои недели великого поста к Москве; а которыа были въ городе жили люди Жидове, и князь велики велел ихъ и с семьями в воду в речноую въметати, и оутопили ихъ» (см.: ПСРЛ. Т. 5, вып. 2. С. 244).

в ее древнейших списках Чуд. и Томск. появилась не сразу — она была вставлена после создания основного текста этой степени, вероятно, между 15 февраля и 31 декабря 1563 г. (т. е. не ранее взятия Полоцка и не позднее смерти митрополита Макария, о которой создателю СК ничего не известно). Как уже отмечалось ранее, уделявший особое внимание рассказу о жизни великокняжеского семейства писатель умалчивает о рождении во второй половине марта 1563 г. сына Ивана IV Василия. Это побуждает думать, что окончание памятника (включая и внесение известия о взятии Полоцка) относится к периоду между серединой февраля и второй половиной марта 1563 г., т. е. ко времени между известным составителю памятника полоцким взятием и рождением царевича Василия, о котором, судя по всему, он не знал. Сказанное выше позволяет думать, что фиксация представленного в СК рассказа о взятии Полоцка, вероятно, произошла в ближайшие недели после этого события.

Разбирая источники 17 ст., мы установили, что, повествуя о современных ему событиях, наш книжник основывался на ЛНЦ и его продолжении, которое, однако, по всей видимости, было доведено до начала 1560 г. Учитывая то, что рассказ СК, в котором отсутствуют какие-либо подробности взятия города в 1563 г., не может быть возведен к летописной записи[589], можно полагать, что он был основан на устных источниках (вероятно, рассказах участников Полоцкого похода). Это, вероятно,

---

[589] Как было отмечено выше, СК и ПШЛ сближает наличие общего известия (о казни иудеев). Однако СК не может быть возведена к этой летописи. Во-первых, последняя была составлена несколько позднее. Во-вторых, сообщение в данных источниках читается по-разному — если в ПШЛ указано на утопление «жидов», то в СК упомянуто лишь их предание «конечной пагубе». В-третьих, нет никаких данных для предположения о возможной связи митрополичьего скриптория, в котором создавалась СК, с псковским центром ведения неофициального летописания. Наличие общего известия в данных памятниках, по всей видимости, обусловливалось тем, что их составители использовали в качестве источников устные рассказы очевидцев событий. Возможно, к аналогичному общему источнику восходит и рассказ об образе Николая Мирликийского, читающийся в СК (18 гл. 17 ст.) и ПШЛ (см.: Степенная книга. Т. 2. С. 384; ПСРЛ. Т. 5, вып. 2. С. 235). О значении этого рассказа в СК, сравнивающей ливонских «немцев» с иконоборцами, см.: *Bogatyrev S. N.* Ivan the Terrible discovers the West: the Cultural Transformation of Autocracy during the Early Northern Wars // RH. 2007. Vol. 34, № 1—4. P. 172—173; *Филюшкин А. И.* Дискурсы Нарвского взятия // Государство и общество в России XV—начала XX века: Сб. ст. памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 163—165.

обусловливалось тем, что летописная версия описания данного события к тому времени еще не сложилась (как отмечалось выше, официальная версия рассказа, если прав Д. М. Володохин, была составлена на рубеже 60—70-х гг. XVI в.). Учитывая, что, как свидетельствуют источники о жизни лица, причастность которого к СК несомненна, — Андрея-Афанасия — он, являясь духовником царя, сопровождал его в ряде дальних поездок (при посещении Владимирского Рождественского монастыря, в походе на Казань в 1552 г.), нельзя исключить того, что он мог сопровождать царя и в Полоцком походе. В любом случае, вряд ли можно сомневаться в информированности ближайшего к Ивану IV лица.

Таким образом, есть основания полагать, что в СК представлен наиболее ранний среди памятников древнерусской книжности рассказ о взятии Полоцка. Судя по всему, повествуя о данном событии, ее составитель использовал устные рассказы свидетелей похода; нельзя полностью исключить и того, что он сам мог являться очевидцем событий. Сказанное выше дает основания полагать, что наиболее близкий по хронологии к описываемым событиям рассказ о взятии Полоцка в 1563 г. включал в себя: упоминание самого факта взятия города, известие о казни в завоеванном городе «богоубийственных жидов» и выселении «богомерзких латин», а также сообщение об «обновлении» «града благочестием» и утверждении в нем православия. О прочем наиболее ранний русский повествовательный источник о взятии Полоцка умалчивает. Лишь некоторое время спустя с привлечением делопроизводственной документации был составлен пространный рассказ о главной победе русского оружия в Ливонской войне, отразившийся в записи за 1562/1563 гг. ряда летописей. Его официальный характер проявился в пропуске рассказов о репрессиях по отношению к населению завоеванного города.

* * *

Подводя итог рассмотрению известий, имеющих, согласно нашему предположению, устное происхождение, можно отметить, что практически все они относятся к современной составителю СК поре. Это в свою очередь побуждает думать, что происхождение этих известий, по всей видимости, было связано с использованием книжником свидетельств современников, а возможно, и очевидцев описываемых событий. Важно зафик-

сировать, что по крайней мере часть соответствующих известий (сообщения о чуде о свече в Архангельском соборе и о взятии Полоцка), помимо СК, отразилась и в других независимых от нее памятниках, в которых они читаются несколько по-иному (в сборниках, содержащих Разрядные книги, и ПШЛ).

3.5. Уникальные известия

Результаты предпринятого выше разбора источников СК позволили прояснить вопрос о происхождении большинства ее известий, которые в течение долгого времени считались плодом воображения составителя памятника. Вместе с тем, отметим, что и после проведения нашего исследования в СК по-прежнему фиксируется ряд сообщений, источники которых на данном этапе ее изучения обнаружить не удалось. Охарактеризуем их[590].

Чудо апостола Андрея в Херсонесе на камне

К числу уникальных известий СК относится рассказ о Чуде апостола Андрея в Херсонесе на камне (23 гл. 1 ст.). Приведем соответствующий фрагмент СК:

«Святыи же Андреи въсхотѣ ис Херсуни шествовати въ Словеньскую землю и прииде к морю близъ града Херъсоня, и бяше ту на брегу у моря камень велии; на нем же стоя, святыи Андреи моляся Богу и благослови море Понтьское. На камени же томъ въглубленно въобразишяся нози святаго Андрея, яко на воску, иже и донынѣ видимо есть; егда же море зыбляшеся и морьская вода достизаше на камень, и налиахуся въображенныя стопы святаго Андрѣя, иногда же и отъ дождневнаго наводнениа налиахуся; и ту прихождаху мнози человѣцы и мазахуся тою водою, иже на камени въ стопахъ святаго Андрея, и многоразличнымъ болѣзнемъ исцѣление получаху»[591].

Ни в одном известном в настоящее время памятнике, посвященном апостолу Андрею, данный рассказ не фиксируется,

---

[590] В приведенном ниже перечне представлены сообщения СК, аналогий которым не удалось обнаружить нашим предшественникам и нам. Неполнота данного перечня несомненна: выявление всей совокупности уникальных известий памятника требует знания текстов всех (!) источников по русской истории IX—середины XVI в. Очевидно, что освоение всего корпуса источников по данному периоду — непосильная задача для одного исследователя.

[591] Степенная книга. Т. 1. С. 242.

в т. ч. и в тех, которые послужили источниками 23 гл. — пространной редакции Жития Ольги[592], летописной повести, апокрифических Деяниях апостолов[593]. В историографии лишь было выдвинуто две достаточно близких друг к другу версии относительно происхождения этого сюжета. Так, согласно предположению Н. Ф. Околовича, источником описания Чуда послужили «рассказы новгородских купцов и странников, ходивших в Грецию»[594]. По мнению А. А. Турилова, в 23 гл. 1 ст. могли использоваться херсонесские сказания об Андрее, перенесенные на Русь[595].

Описание владимирского князя Андрея Ярославича

Как указал еще В. П. Мансикка[596], неизвестно происхождение упоминания о небрежении Андреем Ярославичем делами управления и предпочтении им охот (в 5 гл. 8 ст.). СК сообщает о том, что Андрей Ярославич, «аще и преудобренъ бѣ благородиемъ и храбростию, но обаче правление дръжавы яко подѣлие вмѣняя, и на ловитвы животныхъ упражьняяся, и съвѣтникомъ младоумнымъ внимая, отъ нихъ же бысть зѣло многое нестроение, и оскудѣние в людѣхъ, и тщета имѣнию»[597].

Нельзя не сопоставить осуждающий охоты Андрея Ярославича мотив с порицанием «позорных ловитв» (охот и прочих увеселений) византийских правителей и русских князей в 14, 17—18 гл. 1 ст. Это наше наблюдение, впрочем, с одной стороны,

---

[592] Как уже отмечалось выше, сходным образом известие читается также в Житии Михаила Клопского Тучковской редакции, которая, вероятно, послужила источником пространной редакции Жития Ольги (см.: Повести о Житии Михаила Клопского. С. 142—143). Также аналогичный рассказ содержится в Деяниях апостола Андрея (см.: ОР РГБ. Ф. 209. № 274. Л. 72 об.—75).

[593] См.: ОР РГБ. Ф. 98. № 124. Л. 309 об.; ПСРЛ. Т. 9. С. 3; Т. 7. С. 262; Деяния апостола Андрея / Предисл., пер. и коммент. А. Ю. Виноградова. М., 2004. С. 13. Пользуясь случаем, выражаем самую искреннюю признательность А. Ю. Виноградову за исчерпывающую консультацию по циклу памятников, посвященных апостолу Андрею. Подробнее о них см.: Деяния апостола Андрея; Греческие предания о св. апостоле Андрее / Изд. подгот. А. Ю. Виноградовым. Т. 1. Жития. СПб., 2005 (там же изданы тексты соответствующих произведений).

[594] *Околович Н. Ф.* Жития святых... С. 58.

[595] *Турилов А. А.* Древнейшая история... С. 50.

[596] *Мансикка В. П.* Житие Александра Невского... С. 155.

[597] Степенная книга. Т. 1. С. 527.

позволяет связать помещение данного пассажа в СК со взглядами ее составителя, с другой, мало что проясняет в вопросе о происхождении рассматриваемого рассказа. Трудно сказать что-либо определенное об его источнике. Дж. Феннел, специально рассмотрев показания источников об Андрее Ярославиче (рассказ СК историк не привлекал, очевидно, сочтя его поздней по своему происхождению вставкой)[598], ничего подобного в источниках об этом князе не зафиксировал.

Изучив специфику представления времени Александра Ярославича в памятниках книжности средневековой Руси, М. Исоа высказала предположение, что для того, чтобы более рельефно представить читателю образ Александра как идеального правителя, составитель СК нарисовал своего рода антиидеал русского государя в лице его брата Андрея Ярославича. Не останавливаясь на вопросе об источнике описания Андрея в СК[599], М. Исоа обратила внимание на то, что образ этого князя является своего рода антиидеалом правителя, который заботе о благе подданных предпочитал охоту в окружении неправедных советников[600]. Касаясь вопроса о причинах появления данного рассказа в СК, исследовательница предположила, что осуждающий Андрея пассаж был помещен в 5 гл. для того, чтобы еще раз подчеркнуть достоинства старшего брата этого князя — Александра Ярославича, главного героя 8 ст.[601]

Интересные наблюдения относительно соответствующего рассказа сделал Ю. В. Селезнев на материале ЛЛС, в котором он

---

[598] См.: *Fennel J.* Andrej Jaroslavič and the Struggle for Power in 1252: An Investigation of the Sources // RM. München, 1973. T. 1. P. 49—63. Данного известия нет ни в летописях, соответствующий рассказ которых восходит к «проалександровой» версии событий (наиболее ранний памятник — Лавр.), ни в летописных записях, созданных в «проандреевом» духе (CI и др.). Об особенностях изображения Андрея Ярославича в памятниках русского летописания также см.: *Лаушкин А. В.* Идеология «Ордынского плена» и летописные известия о «Неврюевой рати» // История и культура Ростовской земли. 2000. Ростов, 2001. С. 24—31 (этот историк также не рассматривал представленную в СК версию описания Андрея).

[599] Исследовательница лишь отмечает, что при описании антиидеала средневекового правителя составитель СК придерживался общеевропейской тенденции в его изображении. В качестве примера М. Исоа приводит порицание Иоанна Безземельного французским трубадуром Бертраном де Борном, упрекнувшим английского короля в предпочтении охоты и рыболовства делам управления страной. См.: *Isoaho M.* The Image of Aleksandr Nevskiy... P. 332.

[600] Ibid. P. 331—332.

[601] Ibid. P. 332.

также представлен (не зная о том, что данный фрагмент ЛЛС восходит к СК, историк сосредоточил свое внимание на пассаже ЛЛС)[602]. Исследователь привел любопытные аналогии описанию Андрея Ярославича в Ветхом Завете. Так, как отметил Ю. В. Селезнев, русский князь может быть сопоставлен с иудейским царем Ровоамом, занявшим престол после Соломона: царь Ровоам советовался со старцами, которые предстояли перед Соломоном, отцом его, при жизни его; он, однако, пренебрег их советом, предпочтя ему совет молодых приближенных, которые выросли вместе с ним (3 Цар. 12: 6, 8, 13—14). В конечном итоге, как известно, царь Ровоам бежал от войск своих противников.

Как видим, приводя самые общие аналогии описанию Андрея Ярославича, наши предшественники не указали конкретных источников данного пассажа в 5 гл. 8 ст. На настоящем этапе исследования СК не можем сделать этого и мы.

Известие о покупке половины Ростова Иваном Калитой

Несколько особняком в ряду уникальных, до сих пор незамеченных в историографии (!), известий СК стоит указание на покупку половины Ростова Иваном Калитой (11 гл. 15 ст.). Сообщая о присоединении Ростова к Москве Иваном III, книжник отмечает: «Великии князь [Иван III. — *А. У.*] купилъ другую половину града Ростова... Первая же половина Ростова къ Москвѣ соединися при великомъ князе Иване Даниловиче»[603]. Это известие отсутствует в известных источниках; нет соответствующего упоминания и в 10 ст., повествующей об Иване Калите. Оставляя за скобками вопрос о времени и обстоятельствах присоединения Ростова к Москве, которому посвящена обширная специальная литература[604], отметим, что точный источник этого известия в настоящее время установить не удалось.

---

[602] См.: *Селезнев Ю. В.* Вокняжение Александра Невского в 1252 г.: политические реалии и их отражения в русской письменной традиции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 40—41.

[603] Степенная книга. Т. 2. С. 247.

[604] Подробнее о времени присоединения Ростова к Москве см.: *Кучкин В. А.* 1) Земельные приобретения московских князей в Ростовском княжестве XIV в. // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 185—192; 2) Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X—XIV вв. М., 1984. С. 264—271; *Семенченко Г. В.* Присоединение Ростовского княжества к Москве // ВИ. 1986. № 7. С. 171—175; *Стрельников С. В.*

Сообщение о покупке половины Ростова помещено в записи под 6996 г. введенного в научный оборот А. Н. Насоновым т. н. Забелинского летописца конца XVI в.: «Первая половина Ростова к Москвѣ соединися при великом князѣ Иване Даниловичѣ»[605]. Согласно мнению А. Н. Насонова, окончательная обработка свода была выполнена, скорее всего, при патриархе Иове[606]. Как справедливо указал А. В. Сиренов, данный Летописец представляет собой список одной из переработок СК, выполненной, согласно предположению историка, в Троицком монастыре[607]. На связь с СК указывает уже начало этого Летописца («Книга царского родословия, иже в Рустей земли прежде благочестия и во благочестии просиявших...»)[608]; также в него включен целый ряд пространных пассажей из СК; перед его основным текстом помещен перечень степеней, заканчивающийся Федором Ивановичем[609].

Таким образом, СК является древнейшим памятником, содержащим это известие. Трудно сказать, на какие источники опирался ее составитель. Нельзя исключить того, что в его распоряжении мог находиться источник, содержащий соответствующее известие. На существование рассказа о присоединении Ростова, отличного от известных, указывает замечание Типографской летописи (в записи под 6982 г.) о покупке Иваном III половины Ростова (правда, без упоминания о покупке первой половины этого города Иваном Калитой)[610]. Возможно, это известие читалось в дополнительном летописном источнике СК — своде, близком к «Летописцу от 72-х язык», который, как было отмечено выше, вероятно, имел общие источники с Ерм., связь которой с ростовским летописанием несомненна[611].

---

1) Об особенностях политической истории Ростовской земли в XIV—XV вв. // История и культура Ростовской земли. 2002. Ростов, 2003. С. 6—20; 2) Землевладение в Ростовском крае в XIV—первой трети XVII века. М.; СПб., 2009. С. 152—166; *Горский А. А.* К вопросу о времени перехода Ростовского княжества под власть московских князей // Сборник статей, посвященный 100-летию Л. В. Черепнина (в печати).

[605] ОР ГИМ. Собрание И. Е. Забелина. № 262 (503). Л. 237.

[606] *Насонов А. Н.* Летописные памятники... С. 258—259.

[607] *Сиренов А. В.* Степенная книга... С. 417.

[608] ОР ГИМ. Собрание И. Е. Забелина. № 262 (503). Л. 1.

[609] Там же. Л. 2—3.

[610] ПСРЛ. Т. 24. М., 2000. С. 194.

[611] *Шахматов А. А.* Ермолинская летопись...; *Насонов А. Н.* История... С. 260—274; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи... С. 168—209.

Подробности рассказа о вокняжении Василия I Дмитриевича

1 гл. 13 ст. повествует о занятии великокняжеского стола Василием Дмитриевичем следующим образом: «Его же [Тохтамыша. — *А. У.*] посломъ Ши-Ахматомъ сугубую честь приемлетъ [Василий I. — *А. У.*], и от всѣхъ любожеланно на отьческомъ ему престолѣ во градѣ Владимирѣ съ славою посажается, и царскимъ веньцемъ и диадимою украшается въ лѣто 6897 мѣсяца августа 15 день, в самыи празникъ всечестнаго Успения Пречистыя Богородици»[612]. Точный источник данного рассказа неизвестен.

В. В. Кусков отметил, что основная часть этого сообщения восходит к фрагменту летописной записи под 6897 г. Однако, как справедливо указал исследователь, в летописном источнике отсутствовало указание на «украшение» московского князя «царским венцом и диядимой» (согласно мнению В. В. Кускова, этот пассаж мог быть написан составителем СК под влиянием «Сказания о князьях Владимирских»)[613]. Любопытно, что, если «Сказание» указывает на «царский венец» (а также на другие атрибуты царской власти), дарованный византийским императором Владимиру Мономаху, то упоминание «диядимы» в этом произведении отсутствует[614]. «Диядима» появляется лишь во второй редакции «Слова похвального» Михаилу Черниговскому Льва Филолога, содержащей рассказ о царских дарах киевскому князю[615].

Можно привести другие аналогии данному рассказу — два сообщения ЛНЦ. Первое относится к рассказу о смерти Васи-

---

[612] Ср.: Степенная книга. Т. 2. С. 71—72; ПСРЛ. Т. 11. С. 121; Т. 8. С. 60.

[613] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 194.

[614] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955. С. 177, 190. Отсутствует упоминание «диядимы» и в числе драгоценностей, которые Дмитрий Иванович завещал Василию I — в духовной московского князя лишь упомянуты «бармы» и «шапка золотая»; не фиксируется «диядима» и в числе драгоценностей, завещанных Василием I Дмитриевичем сыну (см.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. № 12. С. 36; № 22. С. 61).

[615] ВМЧ. Сентябрь. Дни 14—24. Стб. 1318. В Чине венчания Ивана IV на царство, в котором фигурируют «царский венец» и «бармы», «диядима» не фиксируется (см.: *Барсов Е. В.* Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами. С историческим очерком чинов царскаго венчания в связи с развитием идеи царя на Руси // ЧОИДР. 1883. Кн. 1. С. 41—66).

лия III. В повествующей о ней записи под 7042 г. помещено известие о благословении умирающим князем своего сына Ивана IV «венцом царским» и «диядимою царской»[616]. Под 7061 г. этот же источник сообщал о том, что Иван IV, вернувшись в Москву после взятия Казани, «пременилъ воинскую одежу и положилъ царское одеяние, положилъ на выю свою и на перси животворящии крестъ и на главу свою шапку Манамахову, сиеречe венецъ царскои, и на плещи диядиму»[617]. Как видим, составитель современного СК ЛНЦ, возможно, не без влияния сочинения сербского книжника, представлял «венец» и «диядиму» неотъемлемыми частями «царского одеяния» мирного времени. Вероятно, создатель СК, несомненно знакомый с ЛНЦ, счел возможным сделать соответствующую вставку к рассказу о вокняжении предка первого русского царя.

Описание событий, последовавших после смерти Василия I Дмитриевича

Любопытные сведения, не имеющие аналогий в известных источниках СК, содержатся в 3 гл. 14 ст. Она сообщает о том, что после смерти Василия I Дмитриевича его вдова, Софья Витовтовна, «увѣща всѣхъ боляръ, и сановниковъ, и рядниковъ, и всѣхъ чиновниковъ, еже быти имъ неотступнымъ отъ сына ея великаго князя Василиа Васильевича. На него же тогда вознегодова отца его родныи братъ князь Юрьи Димитриевичь Звениградцкии и Галичьскии, к нему же преже сего посылалъ бяше въ Звениградъ пресвященныи митрополитъ Фотии, зовыи его на Москву на великое княжение. Онъ же не токмо на Москву не иде, но и Звениградъ остави и въ Галичь уклонися и, тамо воиньство совокупляя, на брань готовляшеся»[618]. Каково проис-

---

[616] ПСРЛ. Т. 29. С. 9. Согласно мнению А. А. Зимина, данная фраза в ЛНЦ появилась под влиянием «Сказания о князьях Владимирских»; по мнению историка, она была включена для того, чтобы обосновать венчание Ивана IV на царство, связав его с завещанием его отца (см.: *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники... С. 33). Учитывая то, что в Воскр., а также в «Сказании о князьях Владимирских» «диядима» не упоминается, можно предположить, что составитель ЛНЦ мог позаимствовать ее из «Слова похвального» Михаилу Черниговскому Льва Филолога, в котором указаны соответствующие регалии царской власти.

[617] ПСРЛ. Т. 29. С. 115.

[618] Степенная книга. Т. 2. С. 130. На данный фрагмент СК наше внимание обратила И. Г. Пономарева.

хождение известий СК об «увещевании» Софьей знати сохранять верность ее сыну и о приглашении Фотием Юрия Галицкого на великокняжеский стол[619]?

На данном этапе изучения источников СК точно ответить на этот вопрос не представляется возможным. Рассматривая первое известие, можно лишь отметить, что основные летописные источники упоминают о том, что Фотий сразу же после смерти Василия I послал за Юрием Дмитриевичем; последний, отказавшись прибыть в Москву, переехал из Звенигорода в Галич; после этого, как отмечает летописец, «на великомъ княжении на Москвѣ сяде братаничь его князь Василей Васильевичь»[620]. Как видим, единственным отличием версии СК от ее летописных источников является указание на то, что, согласно первой, Фотий звал Юрия на «великое княжение». Известие об «увещевании» Софьи отсутствует в Ник. и Воскр. и др. известных нам летописях — в записи под 6933 г. они лишь указывают на то, что Василий II вместе с Андреем, Петром и Константином Дмитриевичами, с Софьей Витовтовной «и со всѣми князи и бояры земли своея здумаша послати къ князю Юрью» с миром митрополита Фотия[621]. Опирался ли на какие-либо дополнительные источники составитель СК, приводя указанные выше известия, или они явились результатом его осмысления приведенных выше летописных известий, в настоящий момент сказать вряд ли возможно[622].

Подробности Суздальского боя 1445 г.

В. В. Кусков справедливо отметил, что в известных памятниках летописания не фиксируется ряд представленных в 8 гл.

---

[619] Последнее известие повторно представлено в 16 гл. 14 ст., повествующей о Фотии. Она сообщает о том, что «митрополитъ Фотии посла въ Звениградъ болярина своего Акинфа Ослебятева по князя Юриа Дмитриевича, хотя ему поручити **старѣишиньство великаго княженіа Московьскаго** [выделено нами. — *А. У.*]. Онъ же в Галичь отиде и брань съставляя» (см.: Степенная книга. Т. 2. С. 160).

[620] Цит. по Ник.; Воскр. содержит аналогичный фрагмент. См.: ПСРЛ. Т. 12. С. 2; Т. 8. С. 92.

[621] См.: ПСРЛ. Т. 12. С. 2; Т. 8. С. 92.

[622] Очевидно, сочтя рассмотренные известия поздними вставками, авторы обобщающих трудов, специально посвященных разбору источников, повествующих о т. н. Большой феодальной войне, их проигнорировали. См.: *Зимин А. А.* Витязь...; *Лурье Я. С.* Две истории...

14 ст. подробностей Суздальского боя 1445 г., в ходе которого Василий II попал в плен к татарам[623]. СК сообщает: «И самого великаго князя руками яша, паче бо всѣхъ тогда мужествовашу ему, 100 бо татариновъ паде отъ руки его. На самомъ же многи быша раны: у правыя руки его три перъсты отсѣкоша, толико кожею удержашася, лѣвую же руку наскрозь[624] прострелиша, а на главѣ его бяше 13 ранъ кровавыхъ. Плеща же и груди отъ стрѣльнаго удареніа и отъ сабелнаго и бруснаго бяху сини, яко и сукно»[625].

Как видим, СК в отличие от данных прочих известных источников о Суздальском бое 1445 г. содержит указание на многочисленные раны великого князя, а также на его героизм в битве, в которой он лично убил 100 татар. Нельзя исключить, что наш книжник, повествуя о храбрости московского князя, руководствовался неким шаблоном при описании поведения правителя в сражении. Так, в заимствованной в 18 гл. 14 ст. СК Повести о взятии Константинополя турками рассказ о храбрости последнего византийского императора содержит указание на то, что он в битве «убив своею рукою, якоже оставшеи сказаша, болма 600 турок»[626]. В рассказе СК о доблести Василия II в Суздальском бою нельзя исключить и влияния описания мужества его деда — Дмитрия Ивановича — в Куликовской битве, о котором повествует ряд произведений Куликовского цикла[627]. Возможно, стремясь сопоставить Василия Темного с его дедом, составитель СК и вводит дополнительные подробности относительно его храбрости. На данном этапе изучения памятника источник этих деталей установить не удается[628].

---

[623] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 223. Д. Миллер (см.: *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... P. 349, Fus. 220) возводил сообщение о Суздальском бое целиком к летописям, которые, однако, данной детали не содержат. Г. Алеф, разобрав показания русских источников о бое под Суздалем, о дополнительных деталях этого рассказа, содержащихся в СК, не упомянул, очевидно, сочтя их поздними вставками (см.: *Alef G.* The Battle of Suzdal' in 1445. An Episode in the Muscovite War of Succession // FOG. 1978. Bd. 25. S. 11—20).

[624] Так в ркп.

[625] См.: Степенная книга. Т. 2. С. 137—138.

[626] БЛДР. Т. 7. С. 64.

[627] См.: Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 39, 78, 182, 244.

[628] Не исключено, что рассматриваемые детали рассказа о Суздальском бое, так же как и известие о захвате Бигича муромскими наместниками, содержались и в Ерм. Однако соответствующий фрагмент Ерм. не сохранился (см.: ПСРЛ. Т. 23. С. 151, примеч. В).

Подробности рассказа о династическом кризисе конца XV в.

Среди всех уникальных известий СК за XV в., пожалуй, наибольший интерес в историографии в течение последних десятилетий привлекало сообщение о «наречении на государство» Василия III его отцом Иваном III в 1499 г. (24 гл. 15 ст.). Приведем данный фрагмент полностью:

«Въ лѣто 7007 марта 21 день великии князь Иванъ Василиевичь всея Русии начатъ жаловати и любити Богомъ избраннаго сына своего, великаго князя Василия и тогда нарекъ его государемъ и великимъ княземъ и далъ ему въ великое княжение Великий Новъградъ и Псковъ. Тако же начатъ любити и жаловати и свою великую княгиню Съфию и сожительствова съ нею, яко же и преже. Малымъ бо предъ симъ, яко за два лѣта, нѣкоихъ ради людскыхъ крамолъ гнѣвъ имѣя на нихъ. Егда же во гнѣ[вѣ] бяху у него, и тогда пожаловалъ и благословилъ внука своего князя Дмитрия Ивановичя великимъ княжениемъ Владимерьскимъ и Московьскимъ и всея Русии. Благословенъ же бысть въ церкви соборнѣи Пречистыя Богородици на Москвѣ пресвященнымъ Симономъ, митрополитомъ всея Русии, и всего иже съ нимъ священаго собора. Потомъ же великии князь испыта подробну вся преже бывшая крамолы, ихъ же ради повелѣ князя Семиона Ряполовьскаго казнити смертным посечениемъ, князя же Ивана Юрьевича и сына его князя Василиа Косово для молениа митрополича и владыкъ милость надъ ними сътвори, смерти не предасть ихъ. И отпущени бывше, и во иноческии чинъ облекошася, и богоугодно поживъше, в разнаа времена и к Богу отъидоша. Таже великии князь о внукѣ своемъ великомъ князѣ Дмитрии не радити нача и за приставы посади его и матерь его великую княгиню Елену, идѣже во своя времена скончастася. И по благословению Симона митрополита всю дръжаву царствиа своего поручи богодарованному сыну своему и наслѣднику, великому князю Василию»[629].

Трактовка данного фрагмента СК вызвала в историографии оживленную дискуссию. По большому счету, ее суть сводилась к прояснению вопроса о том, является ли рассматриваемый отрывок важным источником по политической истории XV в.

[629] Степенная книга. Т. 2. С. 273.

или представляет собой домысел книжника XVI в.[630] Оставляя за скобками вопрос о том, в какой степени текст 24 гл. 15 ст. отражает политические реалии последних лет правления Ивана III, ниже свое внимание мы сосредоточим на разборе возможных источников данного рассказа.

Есть основания полагать, что в нем объединен материал нескольких летописных записей. Известие об опале Ивана III на Василия и Софью Палеолог, а также сообщение о венчании на царство Дмитрия-внука помещено в летописной записи за 7006 г. Ник. и Воскр.[631] Под 7007 г. в предшествующих СК летописях сообщается об аресте Ряполовского и Патрикеевых[632]. В Ник. и Воскр. (основных летописных источниках СК) отсутствует указание на заступничество митрополита Симона и прочих представителей духовенства. Впрочем, это известие есть в ряде других летописей, например, в Вологодско-Пермской (далее — ВП), ВЛ, НДубр.[633] При этом отметим, что из этих летописей лишь ВЛ, связь которой с СК более чем сомнительна, содержит дату ареста бояр — 7007 г.; в ВП он датирован 7006 г., а в НДубр. 7000 г. Оставляя за скобками вопрос о том, из какой именно летописи могла быть позаимствована эта деталь, отметим, что это известие уникальным назвать никак нельзя. Также под 7007 г. летописи повествуют о «наречении» Василия III «государем великим князем» и получении им Новгорода и Пскова[634]. Под 7010 г. помещены сообщения об аресте Дмитрия-внука и Елены Волошанки и посажении Василия III на великое княжение[635]. В настоящий момент нам известна по крайней мере одна летопись, содержащая указание на прощение Иваном III Софьи Палео-

---

[630] Подробнее о трактовке данного фрагмента СК и дискуссии по этому вопросу в историографии см.: *Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 44—46; *Лурье Я. С.* 1) Первые идеологи московского самодержавия // УЗ ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1948. Т. 78. С. 97; 2) Две истории... С. 210—216; *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV—первой половины XVI в. М., 1967. С. 103—115; *Зимин А. А.* 1) Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 164—170; 2) Россия на рубеже XV—XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 164—177.

[631] ПСРЛ. Т. 12. С. 246—248; Т. 8. С. 234—236.

[632] См.: ПСРЛ. Т. 12. С. 248—249.

[633] ПСРЛ. Т. 26. М., 2006. С. 291; Т. 30. С. 139; Т. 43. С. 211.

[634] ПСРЛ. Т. 12. С. 249; Т. 8. С. 236—237.

[635] ПСРЛ. Т. 12. С. 255; Т. 8. С. 242.

лог — Новгородская Уваровская летопись (далее — НУв.)[636], восходящая, согласно Я. С. Лурье[637], к Своду 1539 г., также отраженному и в НДубр. (последняя, впрочем, данного сообщения не содержит). Московский по своему происхождению протограф НУв., известной в двух списках XVII в.[638], согласно С. Н. Азбелеву, создавался между 1500 и 1505 гг.[639] По мнению этого исследователя, в основу НУв. наряду с СІ был положен свод, близкий к протографам Воскр. и Львов.[640] Учитывая отсутствие в СК прочих известий, которые могут быть возведены исключительно к НУв., вряд ли можно настаивать на привлечении к созданию СК именно протографа этой летописи. На данном этапе изучения памятника важно зафиксировать тот факт, что известие имеет летописное происхождение.

Таким образом, как видим, в рассматриваемом фрагменте СК отсутствуют неизвестные по другим памятникам сообщения — его уникальность заключается в оригинальности компоновки известного по другим источникам материала. Это в свою очередь побуждает думать, что особенности рассказа, представленного в 24 гл. 15 ст., обусловливались не составом источников СК, а спецификой их подачи читателю и трактовки. По всей видимости, составитель счел возможным соединить несколько рассказов в один. Нельзя исключить того, что слияние этих известий обусловливалось его стремлением в кратком виде передать основные события, излагая в рамках одного рассказа материал нескольких летописных записей (подробнее данная осо-

---

[636] Ср.:

СК	НУв.
«...великии князь Иванъ Василиевичь всея Русии начатъ жаловати и любити Богомъ избраннаго сына своего, великаго князя Василия и тогда нарекъ его государемъ и великимъ князем и далъ ему въ великое княжение Великий Новъградъ и Псковъ. Тако же начатъ любити и жаловати и свою великую княгиню Съфию и сожытельства съ нею, яко же и преже».	«...князь великии Иван Васильевичь всея Руси пожаловал сына своего князя Василья, вины ему отдал и нарек его государем великим князем, и дал ему Великии Новград и Псков в великое княжение, да и свою княгиню Софию пожаловал: нелюбовь отдал и нача с нею жити по первому» (ОР ГИМ. Собрание А. С. Уварова. № 568. Л. 401—401 об.).

[637] *Лурье Я. С.* Две истории... С. 20, 188, схема.

[638] ОР ГИМ. Уваров. № 568; ОР РНБ. Погод. № 1403.

[639] *Азбелев С. Н.* Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 24.

[640] Подробнее о месте НУв. в истории русского летописания см.: Там же. С. 11—32.

бенность работы создателя СК будет рассмотрена ниже). Как уже отмечалось в историографии, в СК либо не включались, либо значительно сокращались фрагменты источников, которые сообщали о конфликтах в кругу потомков Владимира; как будет показано ниже, вина за конфликты в СК нередко возлагалась на представителей знати (киевского воеводу Блуда, бояр Кучковичей и т. д.), хотя соответствующие указания отсутствовали в его источниках. Таким образом, текст 24 гл. 15 ст. был вполне «в духе» СК: имеющиеся (а не домысленные) известия источников выстраивались в последовательность, которая, с одной стороны, позволяла сократить повествование, с другой, вполне соответствовала историко-политической концепции составителя памятника (ее особенности нами будут рассмотрены ниже).

Сказанное выше дает основания полагать, что, по всей видимости, не располагая какими-либо неизвестными источниками, книжник круга Макария самостоятельно выполнил рассказ о событиях конца XV в., представив своего рода собственную «реконструкцию» событий читателю.

Известия о русско-ливонской войне начала XVI в.

В перечень уникальных известий СК В. В. Кусков поместил сообщения о русско-ливонской войне начала XVI в., помещенные в 27 гл. 15 ст.[641] Как верно указал исследователь, текст этой главы основан на летописной записи под 7010 г. Однако в Ник. и Воскр. отсутствуют известия о походе немцев на Ивангород 13 сентября (год в СК не указан) на воеводу Ивана Ивановича Темку Ростовского, о битве под Гельмедом и о разгроме немцев на Ругодивском поле Иваном Темкиным и Григорием Осининым 16 декабря (год в СК также не указан). Приведем этот фрагмент:

«...Мѣсяца септября 13 день внезапу приидоша нѣмци безвестно подъ Иваньградъ на князя Ивана Ивановичя Темку Ростовьскаго. И Божиею милостию многиа нѣмцѣ побиени быша, овии же руками ухващени, и знамена немецкие взяти быша. И потом воеводы великаго князя у града Велмана многое множество нѣмецъ побиша, иже бяху шли изъ Юрьева к маистру на помощь с пушками и пищальми. Бысть же брань сиа ноября 24 въ 3 часъ нощи, и ту убиша князя Александра Оболень-

[641] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 263—264.

скаго. Ходиша воеводы близь Колываня и приидоша во Иваньградъ, землю Немецкую пусту учиниша. И паки князь Иванъ Темка и Григореи Осининъ декабря 16 на Ругодивьском полѣ многихъ нѣмець побиша, инѣхъ же руками поимаша, и мало ихъ во градъ утече, и плѣнъ у нихъ отлучиша, иже на лугу взяша. По сихъ же нѣмци паки враждоваху на Иваньградъ и на Псковъ и ничтоже получиша, последи же миръ испросиша»[642].

Как указал В. В. Кусков, лишь в Псковской I летописи рассказ о битве с силами Ливонского ордена содержит упоминание топонима Гельмед[643]; известия о походе немцев на Иван-город 13 сентября и битве на Ругодивском поле 16 декабря отсутствуют в доступных нам летописях[644]. Каким именно источником воспользовался составитель СК?

Известия о походе войск Ливонского ордена на Иван-город 13 сентября, а также сообщения о том, что русскими силами в этом городе командовал Иван Иванович Темка Ростовский, отсутствуют в известных нам памятниках летописания[645]. Последние повествуют о нападении «немцев» на Иван-город 9 марта 1502 г.[646] В этих источниках нет упоминания Темки — в летописи лишь отмечен факт гибели в битве с ливонцами Лобана Колычева. Однако факт участия Темки в сражении несомненен — об участии Темки в битве под Иван-городом под 7010 г. повествует Разрядная книга, которая полнее, чем летописная запись, описывает эту битву русских войск с ливонцами (Темка в этом сражении командовал передовым полком русских войск, которыми руководил погибший в битве Лобан Колычев)[647]. Важно

---

[642] Степенная книга. Т. 2. С. 277—278.

[643] ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 86.

[644] Подробнее о русско-ливонских отношениях начала XVI в. см.: *Базилевич К. В.* Внешняя политика русского централизованного государства (вторая половина XV века). М., 1952. С. 432—542; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения (конец XIV—начало XVI в.). Л., 1975. С. 201—260 (о сражении под Гельмедом, см.: С. 224—227); *Зимин А. А.* Россия на пороге... С. 189—198; *Алексеев Ю. Г.* 1) Компания 1502 г. — последний акт большой войны // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 2 (24). С. 70—81; 2) Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 415—431.

[645] Не упоминает об этом факте и А. А. Зимин, рассмотревший основные факты биографии Темки, см.: *Зимин А. А.* 1) Суздальские и ростовские князья во второй половине XV—первой трети XVI в. // ВИД. Л., 1976. Вып. 7. С. 65, примеч. 116; 2) Формирование... С. 81.

[646] ПСРЛ. Т. 12. С. 255; Т. 8. С. 241—242. Об этом также см.: *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 230.

[647] Разрядная книга 1475—1605. Т. 1, ч. 1. С. 78.

зафиксировать, что Темка был послан навстречу наступавшим войскам Ливонского ордена вместе с Григорием Осининым, о котором также умалчивают летописи. Правда, необходимо отметить, что в Разрядной книге отсутствуют приведенные в СК даты — 13 сентября и 16 декабря; также этот источник ничего не сообщает об исходе сражения (кроме указания на смерть Лобана Колычева), в то время как СК в весьма радужных тонах рисует картину победы русского оружия. Кроме того, нельзя не отметить, что в СК речь идет о двух известиях, в то время как Разрядная книга повествует об одной битве. Впрочем, это было характерно для СК, составитель которой нередко путал известия своих источников, объединяя одни сообщения и разделяя другие.

Были ли привлечены к созданию СК непосредственно разрядные записи, или соответствующее известие читалось в неизвестной нам летописи, содержащей указанные выше даты? Как представляется, оба варианта вполне возможны. С одной стороны, писавший памятник в Москве книжник, который, как было показано выше, мог использовать материалы не только митрополичьей библиотеки, но и Царского архива, вполне мог воспользоваться разрядными записями или их источниками. С другой стороны, нельзя исключить и существование летописи, повлиявшей, возможно, на разрядные записи, содержащие соответствующие известия. В любом случае, от мнения об уникальности данного известия в СК следует отказаться.

Разбирая рассказ о битве под Гельмедом, важно обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, известие об этом сражении содержат Ник. и Воскр., которые, правда, не упоминают топоним Гельмед, а также не указывают на то, что войска Ливонского ордена подошли со стороны Юрьева[648]. Во-вторых, в древнейших списках СК (Чуд. и Томск.) содержится явно ошибочное чтение «Велмет». Последнее наряду с ошибкой, допущенной при переписке, могло обусловливаться и тем, что книжник воспроизводил данный топоним на слух. В любом случае, нельзя не отметить, что текст самого известия практически полностью возводим к основным летописным источникам СК.

Итоги рассмотрения представленного выше материала побуждают заключить, что при написании 27 гл. 15 ст. составитель СК использовал источники (которые, впрочем, до конца установить не удалось), содержащие соответствующие известия.

---

[648] Ср.: ПСРЛ. Т. 12. С. 254; Т. 8. С. 241.

Время «самодержства» Василия III

В ряд известий, источник которых на настоящем этапе изучения СК неизвестен, следует поместить сообщение о смерти Василия III в 24 гл. 16 ст. В ней отмечено, что умерший 4 декабря 7046 г. (так!) великий князь «самодрьжьствова по отци 32 лѣта, всѣхъ же лѣт поживе 55 и мѣсяць осмь»[649]. Как нетрудно заметить, это известие отличается от летописных сообщений о смерти Василия[650], датированной 4 декабря 7042 г.; в известных источниках СК также фигурирует и иной срок княжения Василия — 28 лет[651]. Обусловливалось ли появление этого известия привлечением каких-либо дополнительных источников?

Итоги рассмотрения данного фрагмента позволяют скептически отнестись к такой возможности. Так, если принять в качестве даты смерти московского государя приведенный в СК 7046 г., то итоги расчетов действительно составят срок его правления в 32 года. Как нетрудно заметить, этот срок связан исключительно с указанной в СК датой смерти Василия — в том случае, если бы расчет велся с того времени, когда Иван III назначил сына своим соправителем — 7007 г.[652] — необходимо было бы указать иной срок «самодержства» Василия III — 39 лет. Впрочем, как указано в приведенной выше фразе СК, речь идет о княжении Василия «по отьцы», умершем в 1505 г. Очевидно, также ошибкой в расчетах обусловлено и указание на 55-летний возраст князя[653]. Сказанное выше побуждает заключить,

---

[649] Степенная книга. Т. 2. С. 326.

[650] Как уже отмечалось выше, наиболее вероятным летописным источником СК с 1533 г. является ЛНЦ.

[651] Например, см.: ПСРЛ. Т. 29. С. 10.

[652] Как сообщается в рассмотренной выше 24 гл. 15 ст., в 7007 г. Иван III «начатъ жаловати и любити Богомъ избраннаго сына своего, великаго князя Василия и тогда нарекъ его государемъ и великимъ князем и далъ ему въ великое княжение Великий Новъградъ и Псковъ» (см.: Степенная книга. Т. 2. С. 273).

[653] О 32-х летнем сроке княжения Василия III пишут и некоторые другие летописи, связь которых с СК более чем сомнительна, — Холм. и ВП. Однако в отличие от СК в этих летописях кончина московского князя датирована 7042 г. Отметим, что в этих же летописях содержится и указание на 55-летний возраст князя. Однако данная цифра появилась вследствие попытки иными словами указать возраст Василия III. Так, ВП сообщает, что Василий «жил от рожениа своего всѣх лѣт в полшестадесять [в др. списках «пол-60». — *А. У.*] лѣт без четырехъ мѣсяцъ и без недѣли», т. е. те же 54 года и несколько

что уникальность данного фрагмента СК, по-видимому, обусловлена ошибкой, допущенной при воспроизведении даты смерти Василия III.

* * *

Обобщая итоги рассмотрения комплекса уникальных известий СК, обратим внимание на два обстоятельства.

Прежде всего, можно отметить, что, по всей видимости, не все они явились результатом привлечения дополнительных источников или плодом «сознательного вымысла»: по крайней мере для части этих известий дополнительные источники не требовались. Так, есть основания полагать, что значительная часть уникальных подробностей СК носит «литературный» характер — их появление в ее тексте могло обусловливаться попыткой книжника следовать образцам, представленным в предшествующих памятниках литературы. Результатом литературной обработки составителем своих источников, очевидно, стало появление в СК дополнительных подробностей в описании Суздальского боя 1445 г., а также сентенций, осуждающих Андрея Ярославича, которые выполнены, возможно, не без влияния св. Писания. Стремлением писателя представить читателю не показания источников, а результат осмысления ряда известий, попыткой выстроить между ними причинно-следственные связи, очевидно, обусловливалось появление рассказа об опале на Ряполовского и Патрикеевых, Дмитрия-внука и Елену Волошанку и о возвышении Василия III. Уникальность ряда других известий, очевидно, явилась следствием ошибок, допущенных при переписке. К числу подобных сообщений можно отнести указание на возраст Василия III и время его правления, а также дату сражения под Иван-городом 1502 г.

Вторым важным моментом, который необходимо иметь ввиду, рассматривая уникальные известия СК, является то, что результаты проведенного исследования дали возможность установить целый ряд источников, в течение долгого времени считав-

---

месяцев, о которых сообщают прочие летописи. В Холм., очевидно, в результате сокращения осталось лишь чтение «пол-60» (см.: ПСРЛ. Т. 26. С. 315; Т. 33. С. 136). Не исключая возможности знакомства составителя СК с летописью, содержащей указание на 55-летний возраст Василия III, тем не менее, наиболее вероятным нам представляется наличие ошибки при расчетах, как и в случае с датировкой смерти князя 7046 г.

шихся вымышленными составителем. Это заставляет думать, что источники и рассмотренных выше известий будут найдены. Так, помимо огромного массива не учтенных нами опубликованных источников (фронтальный просмотр всех даже опубликованных памятников древнерусской оригинальной и переводной литературы — непосильная задача не только для одного исследователя, но и для целого научного коллектива), несомненно, значителен массив данных, хранящихся в центральных и региональных архивохранилищах. При этом приходится констатировать, что даже в начале XXI в. не имеет полных современных научных опубликованных описаний не только целый ряд собраний славяно-русских рукописных книг региональных хранилищ, но и многие весьма значительные собрания, хранящиеся в крупнейших библиотеках страны[654]. При этом остается неизданным и практически неизученным целый ряд памятников древнерусской агиографии[655] и летописания. Вряд ли можно сомневаться в том, что при обследовании российских и зарубежных архивохранилищ могут быть найдены новые данные, проливающие дополнительный свет на историю древнерусской книжности[656]. В свете вышесказанного надежды

---

[654] Например, собрания Е. Е. Егорова (ОР РГБ), Е. В. Барсова (ОР ГИМ), значительная часть собраний М. П. Погодина (ОР РНБ), М. Н. Тихомирова (ОРК ГПНТБ), Музейского, Епархиального (ОР ГИМ).

[655] Общие сведения о состоянии изучения памятников древнерусской агиографии приведены О. В. Твороговым, см.: *Творогов О. В.* О «Своде древнерусских житий». С. 3—58.

[656] Основания для столь оптимистичного предположения дают археографические открытия последних лет. Так, относительно недавно в Библиотеке Папского восточного института в Риме был обнаружен Пролог первой четверти XVI в., который содержит 13 (!) агиографических памятников в неизвестных ранее редакциях (любопытно, что эти редакции имеют целый ряд значимых отличий от известных в науке). Недавно Е. Л. Конявская ввела в научный оборот Новгородскую летопись второй четверти XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова (ОР РГБ), которая содержит целый ряд уникальных известий. Вряд ли кто-либо, зная современное состояние описания центральных и особенно региональных российских и зарубежных собраний, хранящих славяно-русские рукописные книги, решится утверждать, что данные находки последние (см.: *Турилов А. А.* [Рец.] // Славяноведение. 2002. № 4. С. 120—122. Рец. на кн.: *Джурова А., Станчев К.* Описание славянских рукописей Папского восточного института в Риме / Вступ. ст. проф. В. Поджи. Roma, 1997 (в настоящее время ведется работа по подготовке этих житий к изданию); *Конявская Е. Л.* Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 322—383; *Конусова Е. Д.* XXXII Малышевские чтения // РЛ. 2008. № 4. С. 240 [изложение доклада А. Г. Боброва «Жития святых в Прологе Папского Восточного института»]).

на поиск в будущем источников уникальных известий СК (и других произведений XVI в.) кажутся небеспочвенными.

Сказанное выше побуждает думать, что итоги последующего изучения СК, предшествующих и современных ей памятников позволят расширить представления о круге ее источников и привести параллели, по крайней мере, к части рассмотренных выше фрагментов.

3.6. Итоги

Представим результаты проведенной работы в виде перечня источников СК, выполненного посредством обобщения и проверки как наблюдений наших предшественников, так и наших собственных[657]:

Памятники агиографии:

Житие Ольги пространной редакции (Житие Ольги; 4, 11, 14, 16—17, 23—24[658], 60, 72, 75 гл. 1 ст.)

«Память и похвала» Иакова Мниха (1, 20, 22, 28, 30, 38, 52, 57, 60, 69—70 гл. 1 ст.)

Поучение на память Владимира (1, 29, 42, 49—50, 69, 70, 72 гл. 1 ст.)

Проложное и обычное Жития Владимира (28, 38, 70, 72 гл. 1 ст.)

Чудеса Димитрия Солунского (8 гл. 1 ст.)

Житие Параскевы Пятницы (17 гл. 1 ст.)

Житие Константина и Елены (29 гл. 1 ст.)

Житие Климента Римского (35 гл. 1 ст.)

Житие Леонтия Ростовского (возможно, 10-й редакции) (53 гл. 1 ст.)

---

[657] В перечне, приводимом ниже, представлены памятники древнерусской оригинальной и переводной литературы. Излишне специально останавливаться на том, что средневековый книжник активно привлекал св. Писание, цитатами из которого насыщена СК и прочие предшествующие и современные ей сочинения. Однако изучение случаев его использования в СК (и в других произведениях русской литературы) представляется самостоятельной исследовательской задачей, выходящей за рамки настоящей работы. Параллели соответствующих пассажей тем или иным памятникам св. Писания будут приведены в готовящихся в настоящее время комментариях к тексту СК, которые будут помещены в третьем томе ее нового научного издания.

[658] Ранее уже отмечалось, что нельзя исключить использования в 23 гл. 1 ст. и Тучковской редакции Жития Михаила Клопского.

Сказание о Борисе и Глебе (1—6 тит. 73 гл. 1 ст.)

Чтение о Борисе и Глебе (1—6 тит. 73 гл. 1 ст.)

Сказание чудес Бориса и Глеба (7—11, 13—16 тит. 73 гл. 1 ст.)

Славяно-русский перевод Иерусалимского патерика (75 гл. 1 ст.)

Киево-Печерский патерик (4 гл. 2 ст., 2, 11 гл. 3 ст.)

«Слово о князьях» (10 гл. 3 ст.)

Житие и Слово на обретение мощей Всеволода Псковского (9 гл. 5 ст.)

Житие Евфросинии Полоцкой редакции сборников (11 гл. 5 ст.)

Житие Никиты Переяславского (18 гл. 6 ст., 14 гл. 17 ст.)

Житие Михаила Черниговского Пахомиевой редакции (14 гл. 7 ст.)

«Слово похвальное» Михаилу Черниговскому Льва Филолога (9 гл. 1 ст., 8 гл. 4 ст., 4, 9 гл. 7 ст.)

Житие Александра Невского Владимирской редакции (1—3, 5—6, 11—13 гл. 8 ст.)

Житие Александра Невского редакции Василия-Варлаама (1, 8, 11 гл. 8 ст.)

Житие Федора Ярославского минейной и Антониевой редакций (18—21 гл. 9 ст.)

Житие митрополита Петра Киприановой редакции (4 гл. 10 ст.)

Сказание Кифы о чудесах митрополита Петра (2 гл. 10 ст.)

Житие митрополита Алексия Пахомиевой редакции (7 гл. 11 ст.)

Житие Сергия Радонежского редакций Епифания и Пахомия (13, 31 тит. 7 гл. 11 ст., 5 гл. 13 ст.)

Чудеса Сергия Радонежского (16 гл. 15 ст., 1 гл. 16 ст., 11 гл. 16 ст.)

Житие Димитрия Прилуцкого (в 5 гл. 12 ст., 2 тит. 28 гл. 13 ст.)

Повесть о Иулиании Вяземской старшей редакции (26 гл. 13 ст.)

Житие Стефана Пермского (9 гл. 13 ст.)

Житие митрополита Ионы третьей редакции (25 гл. 13 ст., 7, 12, 16, 19 гл. 14 ст.)

Житие Кирилла Белозерского (16 гл. 14 ст.)

Житие Пафнутия Боровского (12 гл. 15 ст.)

Житие Зосимы и Савватия Соловецких (8 тит. 4 гл. 15 ст.)

Житие Михаила Клопского Тучковской редакции (1 гл. 15 ст.[659])

Житие Мартиниана Белозерского (2 гл. 16 ст.)

«Слово похвальное» Василию III (22, 24 гл. 16 ст.)

Житие Даниила Переяславского (25 гл. 16 ст., 24 тит. 10 гл. 17 ст.)

Летописи:

Ник.

Воскр.

ЛНЦ

Источник Свода 1560 г.

Свод, близкий к «Летописцу от 72-х язык»

HIV

CI мл.

Хр. 1512

Другие памятники:

«Слово о законе и благодати» митрополита Илариона (8, 26, 60, 70—72 гл. 1 ст.; 1, 5 гл. 2 ст.)

Апокрифические Деяния апостолов (23 гл. 1 ст.)

«Слово о знамении» (13 тит. 12 гл. 6 ст.)

Сказание о перенесении Владимирской иконы из Киева во Владимир (1—10, 12 тит. 12 гл. 6 ст.)

Повесть о взятии Царьграда турками (18 гл. 14 ст.)

Повесть на сретение Владимирской иконы (16 гл. 12 ст., 24 гл. 13 ст., 18 гл. 14 ст.)

«Сказание о Тихвинской иконе Богоматери» (10 гл. 12 ст.)

Повесть об иконе Луки Колочского (27 гл. 13 ст.)

«Слово о погибели Русской земли» (7 гл. 1 ст., 1 гл. 7 ст.)

Памятники лексикографии (возможно, «Азбуковник» старшей редакции) (вводная статья «Царские сановники», 1, 29, 38 гл. 1 ст.)

Устав Владимира Синодальной редакции (58 гл. 1 ст.)

«Правило о церковных людях» (58 гл. 1 ст.)

Списки митрополитов (63 гл. 1 ст., 9 гл. 4 ст.)

«Просветитель» Иосифа Волоцкого (33 тит. 7 гл. 11 ст., 20 гл. 15 ст.)

---

[659] Как было показано выше, есть вероятность привлечения Тучковской редакции Жития Михаила Клопского и в 23 гл. 1 ст.

Внелетописная статья «А се князи русьтии» (4—5 гл. 8, 14 тит. 12 гл. 6 ст.)

Поучение митрополита Фотия Василию I Дмитриевичу (8 гл. 1 ст.)

Славяно-русский перевод «Окружного послания» патриарха Фотия (6 гл. 1 ст.)

Описи гробниц (10 гл. 6 ст.)

«Словеса избранные» (5 тит. 4 гл. 15 ст.)

«Повесть о нашествии Магмет-Гирея на Москву» (16 гл. 16 ст.)

«Повесть о Московском пожаре 1547 г.» (7 гл., 9 гл. 17 ст.)

Гипотетические источники:

Херсонесское сказание об апостоле Андрее (23 гл. 1 ст.)

Сказание о Данииле Московском (6—8 гл. 9 ст.)

Похвала Ивану Калите (2 гл. 10 ст.)

Чудо Дмитрия Ивановича (13 гл. 12 ст.)

Чудеса Евдокии-Евфросинии (18—20 гл. 12 ст.)

Устные источники:

Повествование о подробностях смерти Василия III (24 гл. 16 ст.)

Рассказы о Галактионе Белозерском (2 гл. 16 ст.)

Сказания о взятии Казани (10 гл. гл. 17 ст.)

Сообщения о взятии Феллина и Полоцка (18 гл. 17 ст.)

Итоги проведенного исследования дают основания полагать, что аргументы, приводимые в пользу предположения об использовании при написании СК непосредственно ВМЧ, недостаточны. Важно отметить, что в ходе восстановления круга источников СК удалось прояснить вопрос о происхождении большинства ее уникальных известий, которые, как оказалось, были почерпнуты из тех памятников, которые наши предшественники с СК не связывали. Это в свою очередь побуждает с сомнением отнестись к СК как к произведению, наполненному домыслами его составителя.

Результаты анализа представленного выше материала дали возможность расширить представления об источниках СК и эрудиции ее создателя, позволив нам настолько, насколько это было в наших силах, свести к минимуму число уникальных

известий памятника по рассматриваемому периоду. Тем не менее, следует честно признать, что источники ряда известий СК нам остались неизвестны. При этом, однако, необходимо учитывать, что в настоящей работе, а также в трудах наших предшественников (Н. С. Державина, Н. Ф. Околовича, В. В. Кускова, У. Барнетта, Г. Ленхофф и др.) были установлены источники целого ряда известий СК, которые долгое время считались уникальными. Это в свою очередь дает основания полагать, что итоги последующего изучения этого произведения позволят ответить на вопрос о происхождении тех его фрагментов, источники которых к настоящему времени обнаружить не удалось.

Реконструировав круг произведений, которыми располагал писатель времени митрополита Макария, обратимся к характеристике средневекового скриптория и приемов работавших в нем книжников, создававших крупный памятник.

Глава 4

СОСТАВИТЕЛЬ

Вопрос о личности составителя СК[1] относится к числу наиболее дискутируемых в посвященных ей трудах. Одни ученые (М. Я. Диев, П. Г. Васенко и др.) были склонны атрибутировать СК одному книжнику — Андрею-Афанасию. Согласно мнению других, принявших датировку СК П. Г. Васенко (1560—1563 гг.), такое масштабное произведение в ограниченные сроки не могло быть создано одним лицом. Не отрицая факта возможного участия Андрея-Афанасия, эти исследователи допускали участие в создании СК других писателей — Сильвестра (А. И. Соболевский, И. В. Курукин) и Василия-Варлаама (Н. С. Державин, Е. В. Неберекутина). Таким образом, проблема авторства СК, по сути, сводится к двум вопросам: 1) создавалась ли она одним лицом или нет? 2) кем именно было это лицо (или лица)? Попытку прояснить эти вопросы мы и предпримем ниже.

Для того чтобы представить дополнительный материал по данной проблеме, обобщив наблюдения наших предшественников и собственные, мы попытаемся определить наиболее вероятное место создания СК древнейшей редакции (т. е. место написания и редактирования Волк., Томск. и Чуд.). Затем на основе анализа методов, с помощью которых памятник создавался, мы попытаемся определить, характерны ли они для одного писате-

---

[1] Здесь и далее для удобства мы будем употреблять понятия «составитель», «книжник» и «создатель» памятника безотносительно к тому, было ли это одно лицо или речь идет о коллективном авторстве. В большинстве случаев будет использоваться понятие «составитель» как наиболее традиционное поименование создателя СК. Представленный в данной главе материал позволит внести ясность в вопросы о том, было ли это одно лицо или группа лиц и какова была степень его (или их) участия в написании данного произведения.

ля или для нескольких. Полученный материал будет использован для определения наиболее вероятного лица или круга лиц, участвовавших в создании произведения.

4.1. Место написания памятника

Круг источников Степенной книги

Большое значение для прояснения вопроса о месте создания СК имеет состав ее источников. Кроме целого ряда произведений, использование которых ограничивалось какой-либо одной степенью (внелетописная статья «А се князи русьтии», Поучение на память Владимира, «Память и похвала» Иакова Мниха, Жития Всеволода Псковского, Евфросинии Полоцкой, Александра Невского, митрополита Петра и т. д.), в СК фиксируется ряд источников, влияние которых прослеживается в ее различных разделах.

Прежде всего, выделим основные летописные источники СК — Ник., Воскр. Заимствования из них имеются во всех степенях. Также отметим, что в целом ряде разделов памятника фиксируются случаи привлечения дополнительных летописных источников. Так, CI мл. использовалась в 5, 8, 10—12, а также вероятно в 9 и 15 ст. К новгородскому источнику (по-видимому, HIV) восходит ряд рассказов 6—7 и 13 ст. Влияние памятника, вероятно, близкого к «Летописцу от 72-х язык», прослеживается, по крайней мере, в 1, 4—6, 9 ст.

В различных разделах СК использовались и другие (нелетописные) произведения. Так, «Слово о законе и благодати» послужило источником 1—2 ст., Житие Ольги пространной редакции — Жития Ольги и 1 ст., Киево-Печерский патерик — 2—3 ст., Житие митрополита Ионы — 13—14 ст., Чудеса Никиты Переяславского — 6 и 17 ст., Житие Даниила Переяславского — 16—17 ст.

Как видим, книжник опирался на один круг источников, часть которых прослеживается во всех разделах памятника, часть — в ряде разделов. Разумеется, это не является прямым свидетельством в пользу гипотезы о едином составителе СК. Вместе с тем, приведенный выше материал дает веские основания полагать, что вне зависимости от того, было ли это одно лицо или их было несколько, СК писалась, по всей видимости, либо в одном скриптории, либо с опорой на «фонды» одной библиотеки. Это в свою очередь побуждает с сомнением отнестись

к самой возможности создания различных разделов памятника в разных книгописных центрах, тем более удаленных друг от друга. Итак, на данном этапе исследования можно полагать, что разделы СК, скорее всего, писались в одном месте. Обратим внимание на данные, позволяющие определить его.

Московский Чудов монастырь

Согласно нашему предположению, источником 6—8 гл. 9 ст. послужило Сказание о Данииле Московском, которое, вероятно, оформилось в этой обители к середине XVI в. Московский характер этого произведения несомненен — оно повествует о родоначальнике династии московских князей, основавшем московскую обитель. Как нами было отмечено выше, вполне вероятно использование во 2 гл. 10 ст. Похвалы Ивану Калите особой редакции, также, несомненно, имеющей московское происхождение.

Явно московское (вероятно, кремлевское) происхождение имеют рассказы о чудесах представителей династии московских князей. 13 гл. 12 ст. содержит описание Чуда о свече, возгоревшейся небесным огнем у гроба Дмитрия Ивановича в Архангельском соборе Кремля. Обратим внимание на слова СК о том, что «есть же та свеща и **донынѣ** [выделено нами. — *А. У.*] въ церкви тои, от нея же мнози с верою приимаху воску оного и отъ различьныхъ болѣзнеи здравие приимаху»[2]. Вероятно, с московским Вознесенским монастырем связана фиксация чудес супруги этого князя — Евдокии-Евфросинии (19—20 гл. 12 ст.). Так, чудеса Евдокии (исцеление слепого, прочих «яко до тридесяти человек, различными болезнями одержимых») связаны с местом пострижения княгини — основанным ею Вознесенским монастырем (описанные чудеса были совершены по пути следования Евдокии в эту обитель на постриг). С этой же обителью связано и последнее чудо — о самовозгоревшейся свече у гроба княгини-инокини, погребенной в основанном ею Вознесенском монастыре. Это в свою очередь дает основания предположить, что источниками описания чудес в СК послужили рассказы или записи, происходившие, по-видимому, из Вознесенского монастыря. Учитывая отсутствие ссылок на «повести», «чудеса» и прочие «поведания» при описании чудес Дмитрия и Евдокии-Евфросинии, можно полагать, что они, по всей види-

[2] Степенная книга. Т. 2. С. 63. Данный фрагмент уже приводился выше.

мости, либо имели устный характер, либо не были оформлены в виде особых текстов. На хорошее знание современной создателю СК московской историко-церковной географии указывает его замечание в 3 гл. 12 ст. Повествуя о смерти матери Дмитрия Ивановича Александры, книжник сообщает о том, что «честное же тѣло ея положено бысть въ преименитомъ градѣ Москвѣ в монастыри у Спаса въ придѣле, идѣже и **нынѣ** [выделено нами. — *А. У.*] съборная церкви въ царственомъ дому их»[3].

Важно отметить, что московское происхождение и, что особенно важно, бытование имеют основные летописные источники СК — Ник. и Воскр. Так, согласно Б. М. Клоссу, при создании СК мог использоваться Патр., который, по мнению историка, создавался в митрополичьем скриптории (вероятно, Чудове монастыре, в котором мог храниться и митрополичий архив)[4]. Московское (возможно, митрополичье) происхождение, по-видимому, имеет и Воскр.[5], древнейшие списки которой не фиксируются вне пределов Москвы[6]. Не противоречат гипотезе о московском происхождении Волк., Томск. и Чуд. и итоги наших наблюдений над филигранями ркп., содержащих эти списки — как было показано выше, характерная для Томск. и Чуд. бумага со знаком «кабан» 2-х видов использовалась в Москве в 1555/56 г. (сентябрьская минея из собрания П. А. Овчинникова), а также

---

[3] Степенная книга. Т. 2. С. 49.

[4] Подробнее о митрополичьем происхождении Ник. и ее редактировании в 1550-е гг. при владычной кафедре см.: *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 88—95, 190—199. Данное предположение Б. М. Клосса ранее мы связали с указанием С. А. Левиной относительно того, что Мазур. (в отличие от прочих списков Воскр.) содержит таблицу «О часех, да о боярех, которые у великих князей в духовных писаны, да о седми соборех». Эта таблица, согласно наблюдениям исследовательницы, «почти полностью» совпадает с таблицей, содержащейся в Патр. (см.: *Левина С. А.* Списки Воскресенской летописи. С. 57). Это дает нам определенные основания полагать, что они могли создаваться в одном месте — вероятно, в скриптории Чудова монастыря. См.: *Усачев А. С.* Создание Степенной книги... С. 130.

[5] Согласно мнению С. А. Левиной, Воскр. создавалась книжником, симпатизировавшим Шуйским. В последнее время это мнение было во многом справедливо оспорено Б. М. Клоссом, отметившим особое внимание в тексте памятника к фигуре митрополита Иоасафа, при котором этот свод и создавался. См.: *Левина С. А.* 1) О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI века // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 375—379; 2) Летопись Воскресенская // СККДР. Вып. 2, ч. 2. С. 39—42; *[Клосс Б. М.]* Предисловие к изданию 2001 года // ПСРЛ. Т. 7.

[6] Подробнее о рукописной традиции Воскр. см.: *Левина С. А.* Списки Воскресенской летописи. С. 38—58.

в московской типографии в конце 50-х—60-е гг. XVI в. (среднешрифтное Евангелие, Апостол Ивана Федорова и др.).

Таким образом, с учетом вышесказанного можно констатировать, что наиболее вероятным местом написания памятника являлась Москва. В историографии была отмечена особая близость СК к скрипторию Чудова монастыря. Рассмотрим соответствующие данные.

Специально обследовавший Томск. и Чуд. Н. Н. Покровский, обратив внимание на явно митрополичий характер памятника, а также на запись на Чуд. о «собрании» СК Афанасием, отметил, что наиболее вероятным местом их написания и редактирования является тесно связанный с митрополичьей кафедрой Чудов монастырь. Итоги изучения особенностей ркп., содержащей Волк., дали основания А. В. Сиренову зафиксировать ее кодикологическое родство с ркп., в которые помещены Томск. и Чуд. Это побудило историка присоединиться к предположению Н. Н. Покровского о создании древнейших списков СК в этом книгописном центре. Рассмотрев рассказы СК, повествующие о митрополите Алексии, Г. Ленхофф отметила их митрополичий характер, полагая, что наиболее вероятным местом их написания являлся основанный им Чудов монастырь[7].

Число аргументов в пользу предположения о чудовском происхождении СК можно дополнить особым замечанием ее составителя относительно крещения в Чудовом монастыре царевичей Ивана и Федора, а также царевны Евдокии[8]. При этом важно отметить, что относительно места крещения Анны (Девичий монастырь)[9], а также Марии[10] и Дмитрия[11], место крещения которых неизвестно, наш книжник хранит молчание.

---

[7] *Lenhoff G.* The Chudov monastery... О связи развития культа митрополита Алексия с интересами митрополичьей кафедры, к которой был близок основанный им Чудов монастырь, также см.: *Teiro E.* La chaire métropolitaine en pays russe... P. 159—164.

[8] См.: Степенная книга. Т. 2. С. 375—376. Ср.: ПСРЛ. Т. 20, ч. 2. С. 547, 568, 583; Т. 13. С. 239, 265, 283. Восприемником от купели как Ивана, так и Евдокии и Федора являлся митрополит Макарий, а «священная делал» в первых двух случаях благовещенский протопоп Андрей (имя лица, осуществлявшего процедуру крещения Федора, источники не сообщают).

[9] ПСРЛ. Т. 29. С. 57. Царевна была крещена Андрианом и Геннадием (процедуру крещения осуществлял троицкий игумен Серапион Курцев).

[10] ПСРЛ. Т. 13. С. 161; Т. 29. С. 59; Т. 20, ч. 2. С. 478.

[11] Источники не сообщают ни места, ни имен крестителей Дмитрия (см.: ПСРЛ. Т. 13. С. 222—223; Т. 20, ч. 2. С. 533). Оставляя открытым этот

Не противоречат гипотезе о написании древнейших списков СК в московском Чудовом монастыре и результаты искусствоведческих изысканий. Так, в литературе было отмечено широкое распространение старопечатного орнамента в заставках рукописных книг второй—третьей четверти XVI в.[12] Е. В. Зацепина сделала принципиально важный для нашей работы вывод о том, что русский «старопечатный орнамент сложился окончательно в митрополичьем Чудовом монастыре». Любопытно, что, как отмечает исследовательница, в 1530—50-е гг. также «этот орнамент особенно распространился среди мастеров Троице-Сергиевой лавры»[13]. Согласно аргументированному мнению Е. В. Зацепиной, лучшие образцы выполненных именно в этом стиле заставок первые русские печатники, работавшие в т. н. анонимной и федоровской типографиях в Москве, использовали как эталон при украшении печатных книг[14]. Т. Н. Протасьева отметила близость заставок безвыходных изданий заставкам современных им митрополичьих ркп. Это, по ее мнению, «говорит о тесной связи московской типографии 1553—1563 годов с митрополичьей рукописной мастерской». Последнее, согласно Т. Н. Протасьевой, обусловливалось тем, что первая московская типография и митрополичий скрипторий находились в ведении Макария[15]. Особый интерес представляет отмеченная в литературе близость заставок Чуд.[16] к заставкам рукописной книги середины XVI в. — Пандекты и Тактикон Никона Черногорца — хранившейся в троицкой библиотеке[17]. Так, Е. В. Заце-

---

вопрос, можно полагать, что Андрей не мог осуществлять процедуру крещения — царевич родился во время Казанского похода, в котором благовещенский протопоп сопровождал царя.

[12] Подробнее см.: *Зернова А. С.* Орнаментика книг московской печати XVI—XVII вв. М., 1952. С. 9—14; *Протасьева Т. Н.* Первые издания... С. 16—23; *Зацепина Е. В.* О происхождении старопечатного орнамента // У истоков русского книгопечатания. М., 1959. С. 101—154; *Дианова Т. В.* Старопечатный орнамент // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 296—335.

[13] *Зацепина Е. В.* О происхождении старопечатного орнамента. С. 148.

[14] Там же. С. 153—154.

[15] *Протасьева Т. Н.* Первые издания... С. 22.

[16] Н. Н. Покровский отметил близость заставок Томск. к Чуд. См.: *Покровский Н. Н.* Томский список... С. 18—19 (там же (С. 16, рис. 3—4) опубликованы заставки Томск. — черно-белое изображение). В новом издании СК опубликовано цветное изображение заставки Томск. на л. 2, см.: Степенная книга. Т. 1. Ил. 1.

[17] ОР РГБ. Ф. 173.I. № 2/56. (наиболее близкие к Томск. и Чуд. заставки см. на л. I, 8). Описание ркп.: *Леонид (Кавелин)*. Сведения... Вып. 2. М., 1887. С. 261; Каталог миниатюр... С. 176—177.

пина и Т. Н. Дианова, указав на близость заставок Чуд. к заставкам этой книги, определили ее как возможный источник Чуд. К числу вероятных образцов заставок Чуд. было отнесено[18] и чудовское Евангелие первой половины XVI в.[19] Любопытно, что, как указал Е. Л. Немировский[20], к почеркам именно ркп. № 2/56 близок шрифт среднешрифтного Евангелия. Этот исследователь также отметил сходство заставок ркп. № 2/56 с данной печатной книгой[21].

Таким образом, накопленный в историографии материал свидетельствует в пользу предположения о связи древнейших списков СК с московским (Чудовским) книгописным центром, к которому примыкает и Троицкий монастырь, а также, возможно, с первой русской типографией.

Материалы других библиотек

Рассматривая Чудов монастырь в качестве наиболее вероятного места создания Волк., Томск. и Чуд., мы, однако, неизбежно сталкиваемся с вопросом: было ли под силу одному (пусть и крупному) скрипторию создание такого масштабного памятника, каким является СК?

Как показала в своей специальной работе Г. Ленхофф, если исходить исключительно из экономических затрат на написание древнейших списков СК (т. е. затрат на бумагу и труд писцов), ее создание было вполне под силу крупному скрипторию, каким являлся чудовский книгописный центр[22]. Однако необходимо учесть одно обстоятельство. Как уже было отмечено нашими предшественниками и нами в третьей главе нашей работы, к созданию СК было привлечено весьма значительное число произведений древнерусской оригинальной и переводной литературы. Обладала ли их списками библиотека Чудова монастыря?

Данный вопрос особое значение приобретает в силу того, что работа над СК велась всего через несколько лет после Московского пожара 1547 г., аналогов которому в прошлом, как отме-

---

[18] См.: *Зацепина Е. В.* О происхождении старопечатного орнамента. С. 124, примеч. 21; *Дианова Т. В.* Старопечатный орнамент. С. 315.

[19] ОР ГИМ. Собрание Чудова монастыря. № 35 (см.: л. 129, 321, 403 и особенно л. 202; описание ркп.: *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980. С. 23—24).

[20] *Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания... С. 205.

[21] Там же. С. 207.

[22] *Lenhoff G.* The Economics of a Medieval Literary Project... P. 219—237.

чали современники, не было[23]. Известно, что в ходе пожара «Чюдовскои монастырь выгорѣ весь, едины мощи святаго великого чюдотворца Алексѣя Божиим милосердием сохранены бысть. А старцов згорѣша по погребом и по полатам 18, а слуг 8 человек. А запас монастырьскои весь згорѣ»[24]. Сама СК, не указывая, правда, конкретных названий книг и мест их хранения, вслед за своим источником — обнаруженной А. А. Зиминым «Повестью о Московском пожаре 1547 г.» — сообщает о гибели во время пожара «святых многих книг греческих» (Повесть сообщает и о сгоревших «русских» книгах)[25]. Несмотря на то, что упоминание о конкретных книгах, сгоревших непосредственно в Чудовом монастыре, отсутствует, вряд ли можно сомневаться в том, что библиотека серьезно пострадала (хотя, часть книг, несомненно, уцелела[26]). Могла ли СК создаваться в этом скриптории, и если да, то как? Рассмотренный нами материал дает возможность если не полностью ответить на этот вопрос, то, по крайней мере, значительно его прояснить.

В историографии уже неоднократно обращалось внимание на связь крупных литературных предприятий, инициированных московским митрополитом Макарием, с региональными книжными центрами: как отмечали исследователи, реализация этих обобщающих замыслов выходила за рамки возможностей книгописных мастерских Москвы. Так, как было показано в результате специального кодикологического изучения ВМЧ, «московские» комплекты этого агиографического свода лишь дорабатывались в Москве, а основной объем работы над ними был выполнен в Новгороде[27]. Отмечались случаи влияния на ВМЧ и памятников региональной литературы: владимирской (Владимирская редакция Жития Александра Невского)[28] и псковской

---

[23] Как указывает один из них, «таков пожар не бывал на Москвѣ, как и Москва стала именоватися», см.: ПСРЛ. Т. 13. С. 154.

[24] ПСРЛ. Т. 29. С. 152.

[25] Степенная книга. Т. 2. С. 355; *Зимин А. А.* Повести в сборнике XVI в. С. 201.

[26] Например, вложенная в 1543 г. в Чудов монастырь Кормчая 1499 г. митрополита Симона, которая и поныне хранится в Чудовском собрании (см.: ОР ГИМ. Собрание Чудова монастыря. № 167; ркп. указана нам М. В. Корогодиной).

[27] Например, см.: *Костюхина Л. М.* Роль филиграней... С. 76—86. Подробнее этот вопрос нами был рассмотрен в третьей главе, при изучении характера взаимоотношений ВМЧ и СК.

[28] Например, см.: *Мансикка В. П.* Житие Александра Невского... С. 108.

(ряд сочинений агиографа Василия-Варлаама: Жития Всеволода и Евфросина Псковских и др.)[29]. Высказывалось мнение и о попытке создания типографии в Казани в середине XVI в.[30]. Есть основания полагать, что СК, не являясь исключением из этого правила, также создавалась с использованием ресурсов по крайней мере одного регионального центра книгописания.

При рассмотрении вопроса о возможных связях московских книжников, создававших СК (и, прежде всего, ее наиболее вероятного составителя Андрея-Афанасия), с другими скрипториями обращает на себя внимание ряд фактов. Как представляется, они дают возможность наметить пусть и гипотетические связи скриптория, в котором создавалась СК, с одним из крупнейших книжных центров средневековой Руси. Приведем их.

1. Б. М. Клосс, обратившись к ркп. из собрания Волоцкого монастыря № 426 (Апостол 1511/12 г.; согласно тексту выходной записи на л. 497 об., ркп. была написана в Волоцком монастыре), отметил запись о том, что она была «дана на список благовещенскому протопопу Ондрею». Как уже отмечалось выше, историк обоснованно связал упоминаемое в записи лицо с книжником, причастность которого к созданию СК несомненна, — с Андреем-Афанасием[31]. Книга и поныне хранится в собрании Волоцкого монастыря. Это в свою очередь дает основания полагать, что, по всей видимости, после выдачи «на список» Апостол вернулся в библиотеку этой обители. Вероятно, книга была получена Андреем, на какое-то время покинула пределы Волоцкого монастыря и использовалась в Москве. Как видим, лицо, несомненно причастное к написанию СК, имело возможность воспользоваться волоцкой рукописной книгой между 1550—1552 гг. (в этот период Андрей стал благовещенским протопопом) и 1561—1562 гг. (временем пострига Андрея) в Москве.

2. Как установили Н. Ф. Околович и автор настоящей работы, по объему привнесенного в 1 ст. СК материала ее основным источником является Поучение на память Владимира (подробнее вопрос о заимствованиях из этого произведения будет рас-

---

[29] См.: *Охотникова В. И.* Псковская агиография. Т. 1—2.

[30] Например, см.: *Поздеева И. В., Турилов А. А.* «Тетрати... печатаны в Казанѣ» (к истории казанской типографии XVI в.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 2 (4). С. 49; Там же (С. 49, примеч. 60) представлена историография вопроса.

[31] ОР РГБ. Ф. 113. № 426. Л. 1; *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 263, примеч. 133.

смотрен ниже). Важно отметить, что данный памятник, судя по всему, широкого распространения не получил: в прочих произведениях древнерусской книжности заимствования из него не фиксируются; Поучение известно в одном списке, по-видимому, близком ко времени его написания — ОР РГБ. Ф. 113. № 659 (конволют первой трети XVI в., «собранный» по поручению волоцкого игумена Нифонта Кормилицына в 1535/36 г.)[32]. Учитывая составление конволюта, содержащего Поучение, в Волоцком монастыре, его последующее бытование в этой обители, а также отсутствие прочих известных списков произведения, можно полагать, что, по всей видимости, оно не вышло за пределы этой обители[33]. Это, в свою очередь, заставляет думать, что в свете данных, доступных нам в настоящее время, гипотеза о привлечении непосредственно конволюта № 659 к созданию СК не лишена оснований (сборник содержит также списки ряда других произведений, использованных в СК — Тучковскую редакцию Жития Михаила Клопского, Жития Зосимы и Савватия Соловецких, Послание митрополита Фотия Василию I Дмитриевичу и др.)[34].

3. К числу важнейших источников СК относится Повесть на сретенье Владимирской иконы Богородицы, написанная по случаю перенесения этого образа из Владимира-на-Клязьме в Москву во время похода на Русь Тамерлана в 1395 г. (24 гл. 13 ст.). Как указал Б. М. Клосс, известно всего лишь два списка Повести редакции СК — оба имеют волоцкое происхождение и датируются третьей четвертью XVI в.[35] Прочие списки Повести (по крайней мере, времени не позднее создания СК) в настоящее время неизвестны.

4. Как отметили М. А. Дьяконов и дополнивший его наблюдения Н. Н. Розов, источником 1 гл. 16 ст. послужило «Слово

---

[32] Согласно высказанному нами ранее предположению, Поучение на память Владимира создавалось в первой четверти XVI в., по-видимому, в Волоцком монастыре, см.: *Усачев А. С.* Из истории... С. 17—18.

[33] Любопытно отметить, что, как указала С. В. Минеева, помещенная в сборник № 659 редакция Жития Зосимы и Савватия Соловецких явилась своего рода тупиковой ветвью в развитии текста Жития — восходящие к ней другие списки неизвестны, см.: *Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI—XVIII вв.). Т. 1. М., 2001. С. 153.

[34] См.: *Усачев А. С.* Из истории... С. 18—19.

[35] См.: ОР РГБ. Ф. 113. № 632, 633; *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 2. С. 133—134.

похвальное» Василию III, которое известно всего в двух списках XVI в.[36] Специально рассмотревший этот памятник Д. М. Буланин пришел к выводу о его происхождении из Волоцкого монастыря, к которому, по мнению исследователя, был близок его наиболее вероятный автор Федор Карпов[37].

5. Выше уже было установлено, что при создании СК использовался Хр. 1512 (по крайней мере, в 19 гл. 13 ст.). Как показал Б. М. Клосс, оформление текста последнего памятника (согласно мнению историка, около 1516—1522 гг.), написание и бытование его древнейших списков связано с Волоцким монастырем[38].

К сказанному выше также следует прибавить предположение Р. П. Дмитриевой относительно того, что еще в бытность Макария новгородским архиепископом существовала его связь с волоцкими книжниками: по мнению исследовательницы, волоцкий игумен Нифонт Кормилицын снабжал Макария материалами при создании Софийского комплекта ВМЧ[39].

Отмеченные выше факты с разной степенью убедительности (несомненно, аргументы № 1—3 имеют наибольшее значение) доказывают наличие связи скриптория, в котором создавались древнейшие списки СК, с библиотекой Иосифо-Волоколамского монастыря. Отмечая явную слабость аргументов № 4—5, заметим, что, по крайней мере, аргумента № 1 вполне достаточно для того, чтобы высказать эту гипотезу. Как представляется, факт выдачи лицу, несомненно, причастному к созданию СК, ркп. из библиотеки Волоцкого монастыря в период близкий к написанию памятника позволяет предполагать наличие связей между книжниками митрополита Макария, в число которых входил и Андрей, с Волоцким монастырем. Аргументы № 2—5 служат дополнительными доказательствами в пользу данного предположения.

Таким образом, соглашаясь с мнением о том, что создание СК было по средствам одному крупному книгописному центру, зафиксируем и то, что, по-видимому, к созданию СК привлекался материал прочих (что характерно, немосковских) библио-

---

[36] См.: *Дьяконов М. А.* Власть московских государей... С. 105; *Розов Н. Н.* Похвальное слово... С. 278.

[37] См.: *Буланин Д. М.* Античные традиции... С. 201—202.

[38] См.: *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 157—177.

[39] См.: *Дмитриева Р. П.* 1) Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 215—217; 2) Агиографическая школа... С. 210.

тек. Очевидно, ко времени ее составления ресурсов московских библиотек было недостаточно для создания обобщающего труда по русской истории нового типа, каким и являлась СК (как уже отмечалось выше, это могло обусловливаться массовой утратой книг во время пожара 1547 г.). Приведенный выше материал в свою очередь дает основания полагать, что установленная в период занятия владычной кафедры Даниилом связь между митрополичьим и волоцким книгописными центрами[40] не прерывалась и в более позднее время. Если в 20-е гг. XVI в. во многом благодаря этим связям была создана Ник., то тремя десятилетиями позднее они оказали значительное влияние на написание СК древнейшей редакции.

* * *

Сказанное выше дает основания полагать, что наиболее вероятным местом создания СК являлся скрипторий при московском Чудовом монастыре. При этом, судя по всему, к написанию ее текста, кроме митрополичьих материалов, хранившихся, по-видимому, в этой обители, могли привлекаться книги из других библиотек. Так, вряд ли можно сомневаться в знакомстве благовещенского протопопа Андрея с библиотекой Благовещенского собора, которая, как было показано выше, могла пополняться книгами из Волоцкого монастыря[41]. Кроме источников, имеющих волоцкое происхождение, как уже отмечалось в третьей главе, при составлении СК, вероятно, использовались и документы из Царского архива, а также рассказы, которые, по всей видимости, фиксировались при московских Даниловом и Вознесенском монастырях. Не исключено привлечение материалов и других книжных центров[42].

---

[40] О ней подробнее см.: *Клосс Б. М.* 1) Иосифо-Волоколамский монастырь и летописание конца XV—первой половины XVI в. // ВИД. Л., 1974. Вып. 6. С. 107—125; 2) Никоновский свод... С. 81—87.

[41] На факт наличия данной библиотеки указывает и запись на одной из книг Сильвестра, служившего некоторое время в Благовещенском соборе. Как отметил И. Граля, посетивший Кирилло-Белозерский монастырь И. М. Висковатый среди сильвестровских книг обнаружил «Потребник Благовещенской» (ОР РНБ. Ф. 351 (Собрание Кирилло-Белозерского монастыря). № 518/775. Л. 1; подробнее см.: *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый... С. 425, 439, примеч. 33).

[42] Нельзя исключить возможность привлечения и троицких материалов к созданию СК. Так, как нами было отмечено выше, при написании 16 гл.

4.2. Методы работы над текстом произведения

Как было показано в первой главе настоящей работы, в почти двухвековой истории изучения СК накоплен весьма значительный материал. Наши предшественники рассмотрели ряд случаев редакторской правки ее источников при их включении в текст памятника, в целом реконструировали круг привлеченных к его созданию произведений, а также выявили основные черты представленных в нем историко-политических взглядов; в трудах А. В. Сиренова и Н. Н. Покровского было установлено, что процесс создания СК, по сути, сводился к написанию и редактированию трех ее древнейших списков — Волк., Томск., Чуд.

Принимая во внимание представленный в литературе материал, свое внимание мы сосредоточим на рассмотрении использованных при написании СК методов, которые специально на материале всего текста памятника еще не изучались[43]. На наш взгляд, результаты их рассмотрения позволят дать новое обоснование решению вопроса об авторстве. Ниже мы специально рассмотрим способы оформления текста СК, включая некоторые особенности ее композиции, основные тенденции правки источников, важнейшие методы создания помещенных в нее рассказов.

Есть основания полагать, что определяемый как традицией, так и личностью составителя набор приемов работы с текстом у различных книжников различен — если отдельные методы у разных писателей могут совпадать, то вероятность совпадения всей их совокупности у различных лиц ничтожно мала. А это значит, что в том случае, если СК создавалась коллективом авторов, неизбежно в ее тексте должны фиксироваться раз-

---

15 ст., 1, 11 гл. 16 ст. использовались Чудеса Сергия Радонежского. Однако, в настоящее время других данных, которые бы дали возможность отметить связь чудовского и троицкого книгописных центров в рассматриваемый период, нами не обнаружено.

[43] П. Г. Васенко, впрочем, не всегда последовательно, отмечал признаки единства текста СК и замысла ее создателя (например, он обращал внимание на внутритекстовые ссылки в разных разделах памятника). Это наблюдение П. Г. Васенко поддержал М. Н. Тихомиров, отметив, что «перед нами историческое произведение, написанное одним стилем и одними приемами изложения»; аргументов в пользу своего мнения историк, правда, не привел. См.: *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 169—175; *Тихомиров М. Н.* Развитие... С. 82.

делы, для которых характерны разные наборы методов (хотя некоторые из приемов могут встречаться в разделах написанных разными лицами). Если же составитель один, то следует ожидать, что и набор методов на протяжении всего текста будет един. Сказанное выше позволяет сформулировать вопрос, поиску ответа на который и будет посвящено последующее изложение: можно ли говорить о различии набора методов, которые использовались при написании различных разделов СК? Ответ на этот вопрос позволит выяснить, характерны ли они для одного книжника или есть основания говорить об участии в работе над памятником коллектива авторов. Решая поставленную проблему, мы рассмотрим особенности композиции жизнеописаний-степеней, специфику обработки помещенных в СК известий ее источников, а также обратим внимание на внутритекстовые ссылки и некоторые другие приемы составителя памятника.

Жизнеописания главных героев степеней

Рассказы о главных действующих лицах граней служат своего рода стержнем композиции СК, состоящей из степеней/граней, повествующих о прямых предках первого русского царя. Несомненно, они представляют собой ядро степеней и, соответственно, произведения в целом (даже несмотря на то, что сопутствующие им жития, повести и сказания по своему объему иногда превышают рассказы о непосредственных предках Ивана IV). Именно поэтому рассмотрение биографий важнейших персонажей степеней имеет особое значение для изучения методов работы составителя СК.

Как нетрудно заметить, жизнеописания прямых предков первого русского царя создавались по определенному плану. При этом ключевое значение приобретал текст первой главы степени. В ней помещалась общая характеристика персонажа (в 7 ст. первой главой рассказ о главном герое степени — Ярославе Всеволодовиче — и ограничивается). Проанализируем эти структурные части граней.

В первых главах наряду с перечнем добродетелей главного действующего лица степени приводилась его родословная, в которой специально отмечалось место («степень») этого князя в ряду потомков Владимира (исключением из этого правила являются 2 гл. 1 ст., содержащая пространный рассказ о происхождении прадеда Владимира Рюрика от Пруса, и 1 гл. 7 ст.). Как правило, в тексте указывается, что соответствующий персонаж

«от Владимира бысть... степень». При этом важно отметить, что в ряде граней наряду с приведением «степени» того или иного князя от Владимира, указывается и его «степень» от Рюрика. Эти пояснения характерны для первых глав 2, 5, 6, 8—17 ст., повествующих о Ярославе Владимировиче, Юрии Владимировиче, Всеволоде Юрьевиче и великих князьях владимирских (а позднее московских) от Александра Ярославича до Ивана IV. Обратим внимание на то, что пропуски указания на степень родства того или иного предка Ивана IV от Рюрика фиксируются в начальной части памятника — в 3—4 и 7 ст.: в жизнеописаниях Всеволода Ярославича, Владимира Мономаха и Ярослава Всеволодовича (В 1 гл. 7 ст. отсутствует указание и на «степень» Ярослава Всеволодовича от Владимира, т. е. для этой грани характерен пропуск обычной родословной. Это дает основания полагать, что 7 ст. в данном вопросе отлична от 3—4 ст., в которых упомянута «степень» Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха. Вероятно, отсутствие указания на «степень» Ярослава Всеволодовича от Рюрика было связано не с пропуском имени именно этого князя, а с пропуском всей родословной главного героя 7 ст.). Нельзя не отметить, что уже в 1 гл. 1 ст. подчеркнуто, что Иван IV «бысть отъ сѣмени сего блаженнаго Владимира седмыинадесять степень, отъ Рюрика же двадесятыи степень»; 55 гл. этой же грани содержит указание на то, что первый русский царь «бяше отъ сѣмени сего святаго Владимира седмыинадесять родъ»[44]. Это дает основания полагать, что уже при написании 1 ст., осознавая необходимость включения родословной русских князей не только от Владимира, но и от Рюрика, книжник, тем не менее, пропустил в ряде степеней соответствующие указания. На данном этапе исследования зафиксируем три возможные причины данных пропусков: 1) происхождение от Рюрика обозначалось лишь по отношению к определенным князьям — героям названных выше степеней; 2) разделы, содержащие упоминания о степени от Рюрика, писались иным лицом; 3) окончательное решение об указании «степеней» не только от Владимира, но и от Рюрика всех главных героев степеней было принято не сразу и поэтому не было проведено последовательно во всех степенях.

Наряду с генеалогическими пояснениями первые главы степеней содержат и перечень добродетелей соответствующих пер-

[44] Степенная книга. Т. 1. С. 219, 308.

сонажей. Есть основания говорить о ряде их возможных источников. К их числу относятся памятники летописания. Так, 1 гл. 3 ст. выполнена на основе записи Ник. под 6602 г., содержащей описание добродетелей Всеволода Ярославича; влияние летописного материала прослеживается и в первых главах 4—6, 9—11, 13—14 ст. Другим источником служили тексты, специально посвященные главным действующим лицам степеней/граней: фрагменты «Памяти и похвалы» Иакова Мниха и Поучения на память Владимира (1 ст.); помещенная в «Слове о законе и благодати» Похвала Ярославу Владимировичу (2 ст.); «Слово о погибели Русской земли» (7 ст.); Владимирская редакция Жития Александра Невского (8 ст.); «Слово о житии» Дмитрия Ивановича (12 ст.); помещенное в Житии Михаила Клопского пророчество о покорении Иваном III Новгорода (15 ст.); «Слово похвальное» Василию III (16 ст.); пророчество инока Галактиона о рождении Ивана IV (17 ст.). Нередко материал указанных произведений дополнялся летописными сведениями.

Как представляется, для нашей цели важно попытаться проанализировать источники жизнеописаний предков первого русского царя в составе СК в самой тесной связи со структурными элементами композиционных схем соответствующих рассказов. Начнем с Жития Владимира в 1 ст. Кратко источники основных разделов биографии Владимира в СК можно представить следующим образом[45]:

Гл.	Источники[46]
1	Поучение на память Владимира, «Память и похвала», лексикографический источник
2	Воскр. (запись под 6367 г.), «Слово о законе и благодати»
12[47]	«Авторский» текст[48]

[45] При разборе жизнеописаний главных героев степеней внимание обращается лишь на рассказы, непосредственно посвященные им; прямо не относящиеся к ним разделы здесь рассматриваться не будут.

[46] Данная и последующая таблицы основаны на итогах обобщения результатов изучения источников СК нашими предшественниками и нами.

[47] 3—11 гл. 1 ст. повествуют о древнейшем периоде русской истории и прямого отношения к жизнеописанию Владимира не имеют.

[48] Здесь и далее мы будем использовать понятие «авторский» текст применительно к тем разделам СК, которые в отличие от «компилятивных» фрагментов не представляли собой более или менее пространных цитат из ее источников и были полностью или в значительной мере написаны непосредственно составителем. Ниже будет выделен ряд признаков, позволяющих отделить «авторскую» часть СК от «компилятивной».

Продолжение

Гл.	Источники
13	Житие Ольги пространной редакции
19[49]	Воскр. (6483, 6488), Ник. (6485, 6488)
20	«Память и похвала», Ник. (6488)
21	Воскр. (6488), Ник. (6488, 6491)
22	«Память и похвала»
24[50]	Житие Ольги пространной редакции
25	Воскр., Ник. (6494)
26	«Слово о законе и благодати», Воскр. (6494)
27	Воскр., Ник. (6495)
28	Проложное Житие Владимира, «Память и похвала», Ник. (6496)
29	Поучение на память Владимира, Житие Константина и Елены, Воскр., Ник. (6496)
30	«Память и похвала», Ник. (6496)
31	Ник. (6496)
32	Ник. (6496)
33	Ник. (6496)
34	Ник. (6496)
35	Житие Климента Римского, Ник. (6496)
36	Воскр. (6496), Ник. (6497)
37	Ник. (6497)
38	Проложное Житие Владимира, «Память и похвала», Ник. (6497), Воскр. (6496)
39	Ник. (6497)
40	Ник. (6497)
41	Ник. (6498)
42	Поучение на память Владимира, Ник. (6498)
43	Ник. (6498, 6499), Воскр. (6497)
44	Ник. (6498, 6499)
45	Ник. (6499)
46	Ник. (6498)
47	Ник. (6498)
48	Ник. (6499)
49	Ник. (6500)
50	Поучение на память Владимира, Воскр. (6496)
51	Ник. (6500)
52	«Память и похвала», Ник. (6501)
53	Житие Леонтия Ростовского, Ник. (6670), Воскр. (6499)
54	Ник. (6500, 6504)
55	Ник. (6502)
56	Ник. (6503), Воскр. (6501)

[49] Прямо не относящиеся к биографии крестителя Руси 14—18 гл. 1 ст. содержат осуждающие охоты сентенции составителя СК.

[50] 23 гл. 1 ст., повествующая о приходе на Русь апостола Андрея, прямого отношения к жизнеописанию Владимира также не имеет.

Окончание

Гл.	Источники
57	«Память и похвала», Ник. (6501, 6506)
58	Устав Владимира синодальной редакции, «Правило о церковных людях»
59	Ник. (6506)
60	«Память и похвала», «Слово о законе и благодати», Житие Ольги пространной редакции, Воскр. (6504), Ник. (6506)
61	Ник. (6506), Воскр. (6504)
62	Ник. (6506)
63	Ник. (6512), списки митрополитов
64	Ник. (6516)
65	Ник. (6508—6510, 6512)
66	Ник. (6507), Воскр. (6505)
67	Ник. (6509)
68	Ник. (6511, 6519)
69	Ник. (6522), Поучение на память Владимира, «Память и похвала»
70	Ник. (6523), Воскр. (6523), Поучение на память Владимира, Проложное Житие Владимира, «Память и похвала», «Слово о законе и благодати»
71	Поучение на память Владимира, «Слово о законе и благодати»
72	Поучение на память Владимира, Проложное Житие Владимира, «Слово о законе и благодати», Житие Ольги пространной редакции

Ряд фрагментов[51] 1 ст. сходным образом читается в Поучении на память Владимира и в «Слове о законе и благодати».

Как видим, к написанию Жития Владимира в составе СК был привлечен весьма значительный круг памятников. В связи с рассмотрением структуры и источников жизнеописания крестителя Руси в 1 ст. необходимо отметить следующее. По числу случаев заимствований, несомненно, первое место занимает Ник. (ее материал фиксируется по крайней мере в 46 главах из 57 рассматриваемых). Но, во-первых, материал Ник. по своему объему достаточно краток (в сравнении с пространными цитатами из ряда других произведений). Во-вторых, как отмечает сам составитель памятника в 1 ст., в основу СК были положены не летописные источники: в Житии Владимира книжник специально подчеркивает, что креститель Руси «довольно украшен» «похвалами», в которых «писана... **многая**» (здесь и далее выделено нами. — *А. У.*) (там же указано на «летописания» и то, что «прочая же **вкратцѣ** писана в житии его»[52]). Характер

[51] Следующие фрагменты: «Окрестныя страны покори подъ ся...» (21 гл.), «...како прииде на нь посѣщение Вышняго...» (22 гл.), описание благочестия греков (24 гл.), «Хвалитъ Римская страна...» (72 гл.).

[52] Степенная книга. Т. 1. С. 219.

упоминания похвал дает основания полагать, что в них содержался бо́льший материал о Владимире, чем в прочих памятниках (относительно Жития прямо сказано, что там «вкратцѣ писана»). Таким образом, основным источником Жития Владимира в 1 ст. служили «похвалы». Как установили Н. Ф. Околович и автор настоящей работы, под этими «похвалами» имелись в виду «Память и похвала» Иакова Мниха, Поучение на память Владимира и Похвала, помещенная в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона.

При анализе влияния данных произведений на текст СК важно учесть следующие обстоятельства. Во-первых, из этих трех памятников лишь Поучение на память Владимира содержит его связное жизнеописание — в «Слове» Илариона помещена только Похвала крестителю Руси, в «Памяти и похвале» Иакова Мниха также Похвала и небольшой отрывок биографического характера. Во-вторых, фрагменты Поучения на память Владимира в 1 ст. как по своему объему, так и по числу превосходят случаи заимствований из двух других «похвал»: отрывки Поучения на память Владимира фиксируются в 8 главах, «Слова о законе и благодати» в 4[53], «Памяти и похвалы» — в 10. Однако необходимо отметить, что из «Памяти и похвалы» заимствованы фрагменты лишь в 6 главах; в 4 главах (20, 30, 52, 57 гл.) заимствования из сочинения Иакова Мниха ограничиваются приведением дат (сами известия даются по тексту Ник.)[54].

Следует также учесть, что вошедшее в 1 ст. почти полностью[55] Поучение на память Владимира послужило источником не только перечня добродетелей киевского князя и похвал ему (как «Слово о законе и благодати» и «Память и похвала»), но и ряда важных сообщений о его жизни — упоминание о сошествии руки с неба во время крещения Владимира (29 гл.), рассказ о крещении Суздальской земли и основании Владимира-на-Клязьме (42 гл.), поучение Владимира сыновьям при наделе-

---

[53] Как было отмечено выше, ряд фрагментов СК может быть возведен как к «Слову о законе и благодати», так и к Поучению на память Владимира. Принимая во внимание то, что точный источник данных фрагментов не известен, при подсчетах случаев заимствований из Поучения и «Слова» в СК эти отрывки не учитываются.

[54] Подробнее см.: *Усачев А. С.* Источники... С. 252—254.

[55] В СК вошли все фрагменты Поучения на память Владимира, повествующие о киевском князе. Определенно нельзя лишь сказать об источнике ряда отрывков, которые сходным образом читаются в Поучении, «Слове о законе и благодати» и 1 ст.

нии их городами (50 гл.), описание предсмертных речей киевского князя и плача по нему (69—70 гл.). Кроме того, Поучение и вслед за ним СК фиксируют целый ряд деталей, которые отсутствуют в летописях. Необходимо также отметить, что отрывки из Поучения в СК представлены именно в той последовательности, в которой они помещены в источнике 1 ст. Таким образом, можно констатировать, что 1) Поучение на память Владимира в 1 ст. вошло почти полностью (по объему вошедшего в 1 ст. материала Поучение на память Владимира превосходит все прочие источники); 2) его структура в СК была сохранена; 3) между отдельными фрагментами Поучения в 1 ст. помещен материал памятников летописания и ряда других произведений.

Итоги анализа отмеченных выше особенностей использования текста Поучения на память Владимира в 1 ст. дают основания высказать одно предположение. Как сетует книжник в 1 гл. 1 ст., Владимир «довольно украшен» данными различных источников, однако «не в едином месте». В соответствии с этим он и формулирует свою цель: «Отъ всѣхъ сихъ [повествующих о Владимире произведений. — *А. У.*], яко отъ многоразличныхъ цвѣтець... събрати въ едину словесную плъницю»[56]. Приступая к составлению жизнеописания крестителя Руси, создатель 1 ст. столкнулся с серьезной проблемой — обилием материала об этом персонаже, который необходимо было не только свести, но и структурировать. Данную проблему нельзя было решить с помощью летописи, которая содержала лишь отрывочные сведения о князе, сгруппированные исключительно по хронологическому принципу. Последовательное рассмотрение случаев заимствований из Поучения в жизнеописании Владимира в составе СК позволяет частично реконструировать сам процесс написания текста 1 ст. Есть основания полагать, что не только важнейшие сведения о жизни крестителя Руси, но и порядок их следования в тексте были заимствованы из Поучения на память Владимира, структура которого, таким образом, оказалась сохранена в СК. При этом данные Поучения дополнялись в 1 ст. сведениями других источников: при описании добродетелей Владимира и похвал ему — «Слова о законе и благодати», «Памяти и похвалы», а также Житий этого князя и его бабки княгини Ольги; при упоминании конкретных со-

[56] Степенная книга. Т. 1. С. 219.

бытий (рассказы о крещении Суздальской земли и наделении киевским князем сыновей городами) — летописными известиями (прежде всего, Ник.). При этом «стыки» между различными фрагментами Поучения на память Владимира заполнялись рассказами других источников, данные которых, как правило, восполняли недостаток сведений о конкретных событиях времени Владимира Святославича: войнах этого князя с соседями, строительстве им церквей и т. д.

Характерен ли этот прием составления жизнеописания главного героя степени лишь для 1 ст., или подобные примеры встречаются и в других разделах СК? В поисках ответа на этот вопрос обратимся к последующим степеням/граням.

Источники 2 ст. специально разобрали В. В. Кусков и У. Барнетт[57]. Исследователи пришли к заключению, что 2 ст. была основана на данных «Слова о законе и благодати» (помещенной в этот памятник Похвале Ярославу Владимировичу), Ник.; также во 2 ст. фиксируется небольшой фрагмент из Киево-Печерского патерика. Основным летописным источником 2 ст. являлась Ник., сведения которой дополнялись материалом «Слова о законе и благодати» и ряда других памятников. Главным источником 2 ст., несомненно, служила Ник.

Особенно значимым в свете наших изысканий представляется тот факт, что в тексте 1 гл. — важнейшей в описании главных героев степеней — фиксируется фрагмент из единственного известного памятника, прославляющего Ярослава Владимировича, — из Похвалы этому князю, помещенной в «Слове о законе и благодати». Также пространный фрагмент из сочинения митрополита Илариона включен в 5 гл. («Всякоя святыни исполнение»). Последняя повествует о распространении христианства на Руси после его принятия Владимиром («...Идольскии мракъ отъ насъ до конца отгнася...»). При этом необходимо отметить, что данный рассказ в СК расположен после сообщения 4 гл. о поставлении «советом» Ярослава с русскими епископами на русскую кафедру Илариона и краткой выдержки из Киево-Печерского патерика, сообщающей об основателе Печерской обители Антонии. Вслед за этим книжник в 5 гл. указывает на то, что «многотруднымъ ихъ [т. е. Ярослава, русских епископов, Илариона и Антония. — *А. У.*] къ Богу преспѣяниемъ идоль-

---

[57] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 111—114; *Barnette W.* Stepennaja kniga... P. 155.

ский мракъ отъ насъ до конца отгнася...»[58]. Источником фактических сведений о Ярославе послужила Ник.

Сказанное выше дает основания сделать вывод, что к написанию 2 ст. был привлечен единственный известный памятник, прославляющий Ярослава Владимировича, причем заимствования из него фиксируются в ключевой (1-й) главе степени, содержащей общую характеристику этого князя, а также в 5 гл. Учитывая незначительное число фрагментов «Слова» Илариона во 2 ст., вряд ли можно с уверенностью полагать, что это произведение было положено в основу жизнеописания Ярослава в СК. Вместе с тем нельзя не отметить значимые общие черты в «технологии» создания жизнеописаний Ярослава и Владимира в составе СК: в обоих случаях источниками первых глав послужили известные памятники, прославляющие этих правителей; в обоих случаях отсутствующие в них фактические данные были почерпнуты из летописных источников (прежде всего, Ник.). Прослеживается ли эта тенденция в жизнеописаниях прочих потомков Владимира в СК?

Попробуем рассмотреть биографии предков первого русского царя не в порядке их следования в тексте памятника, а в зависимости от способов их конструирования. Обратимся в первую очередь к тем портретам, которые, как представляется, создавались с помощью приемов и методов, аналогичных отмеченным нами для главных героев 1—2 ст.

Жизнеописание Ярослава Всеволодовича в 7 ст.[59] было написано, как уже неоднократно отмечалось в историографии, с привлечением текста «Слова о погибели Русской земли», а также летописного материала. При этом повествующая о времени Ярослава Всеволодовича 7 ст. является единственной степенью, в которой ее главному герою уделена лишь 1 (одна!) глава: прочие главы степени повествуют о Константине Всеволодовиче, Василько Константиновиче и других современниках Ярослава. Любопытно, что центральный раздел 1 гл. 7 ст. — главка «Самодержец Ярослав» — почти целиком основан на данных «Слова о погибели Русской земли»[60] (фрагмент «...вси страны трепе-

---

[58] Степенная книга. Т. 1. С. 383.

[59] На особенностях жизнеописаний русских князей — предков Ивана IV — в 3—6 и др. степенях мы остановимся ниже.

[60] Как отмечалось в историографии, текст 1 гл. 7 ст., по-видимому, сохранил следы не дошедшего до нас полного текста «Слова о погибели Русской земли». Например, см.: *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века... С. 152.

таху именъ ихъ... татари же тогда ни слухомъ не именовахуся»)[61]. Как представляется, наличие всего лишь одной главы в 7 ст., повествующей о Ярославе, может быть связано с лаконизмом «Слова о погибели», которое упоминает о нем вскользь («...в ты дни болѣзнь крестияном от великаго Ярослава и до Володимера, и до ныняшняго Ярослава, и до брата его Юрья»[62]). Конечно, вряд ли можно утверждать наверняка, что «Слово о погибели» послужило главным источником жизнеописания Ярослава. Для нас, тем не менее, важен сам факт того, что к созданию его биографии в СК был привлечен единственный повествующий о нем памятник нелетописного характера. Вероятно, книжник, собирая материал об этом князе, положил в основу его описания «Слово о погибели», дополнив рассказ о жизни князя летописными известиями. Сказанное выше приводит нас к выводу, что в жизнеописании Ярослава Всеволодовича читатель СК встречается с тем же инструментарием, который использовался в 1—2 ст.: к созданию рассказа о главном герое степени был привлечен один (а в данном случае и единственный) повествующий о нем памятник, материал которого был дополнен сведениями из летописи.

Рассмотренный выше прием создания биографии главного героя степени в наиболее наглядном виде проявился в 8 ст., рассказывающей о сыне Ярослава Александре Невском. В 12 гл. этой грани создатель степенной редакции Жития Александра Ярославича указывает на свой источник — некое «торжественное слово», которое содержало подробный рассказ об этом князе[63]. Круг источников жизнеописания Александра Невского в СК в своей специальной работе прояснил В. П. Мансикка, наблюдения которого дополнили М. Исоа и Ф. Б. Шенк[64]. Эти исследователи установили, что в основу 8 ст. положена т. н. Владимирская редакция Жития Александра — «Слово похвальное», с которым В. П. Мансикка и соотнес «торжественное слово»[65]. Как отметил В. П. Мансикка, материал Жития в СК дополнен данными летописного источника, близкого к Ник., Воскр. и

---

[61] Степенная книга. Т. 1. С. 487.

[62] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века... С. 155.

[63] Степенная книга. Т. 1. С. 533.

[64] *Мансикка В. П.* Житие Александра Невского... С. 143—165; *Isoaho M.* The Image of Aleksandr Nevskiy... P. 320—347; *Шенк Ф. Б.* Александр Невский... С. 105—108.

[65] *Мансикка В. П.* Житие Александра Невского... Прил. С. 15—31.

особенно к СІ мл. Из него черпались фактические подробности жизни Александра — описания битв со шведами, немцами и литвой, поездки в Орду и т. д. Некоторые итоги рассмотрения композиции и источников Жития Александра в СК могут быть представлены в виде таблицы:

Гл.	Источники
1	Житие Александра Невского редакций Владимирской и Василия-Варлаама, СІ мл. (6754), Воскр. (6748, 6749, 6752)
2	Житие Александра Невского Владимирской редакции, СІ мл. (6752), Воскр. (6747, 6749—6751)
3	Житие Александра Невского Владимирской редакции, СІ мл. (6754)
4	Воскр. (6755, 6758, 6788)
5	Житие Александра Невского Владимирской редакции, Воскр. (6760)
6	Житие Александра Невского Владимирской редакции, СІ мл. (6759)
7	Воскр. (6763)
8	Житие Александра Невского редакции Василия-Варлаама, Воскр. (6764)
9	Воскр. (6765, 6767, 6769—6770), Ник. (6769—6770)
10	Воскр. (6770)
11	Житие Александра Невского редакций Владимирской и Василия-Варлаама, Воскр. (6771)
12	Житие Александра Невского Владимирской редакции
13	Житие Александра Невского Владимирской редакции

Как видим, оснований для сомнений в справедливости предположения В. П. Мансикки о том, что в основу 8 ст. была положена Владимирская редакция Жития Александра Невского, нет — фрагменты этого произведения фиксируются в 8 главах степени из 13 и по своему объему значительно превосходят отрывки всех прочих источников 8 ст. Характеризуя особенности включения Владимирской редакции в 8 ст. в целом, В. П. Мансикка указал на то, что составитель СК «все больше и больше склоняется на сторону летописных подробностей, не удовлетворяясь бедным историческим содержанием Владимирской редакции» Жития Александра Невского[66]. Так же, как и в случае с Поучением на память Владимира, Житие Александра Владимирской редакции в СК послужило источником описания добродетелей князя, его смерти и похвал ему. Также Владимирская редакция использовалась при описании двух посмертных чудес Александра (12 гл.). Таким образом, приемы, с помощью которых создавалось жизнеописание Александра, обнаруживают ряд общих черт с приемами, которые характерны для ли-

[66] *Мансикка В. П.* Житие Александра Невского… С. 147.

ца, написавшего 1—2 и 7 ст. При этом есть и некоторое отличие: жизнеописание главного героя 8 ст. выполнено с добавлением чудес, которых нет в предыдущих описаниях главных героев степеней (очевидно, ввиду отсутствия соответствующего материала); кроме того, текст Жития Александра в СК более четко выстроен — для него характерна распространенная в житиях макарьевского времени трехчастная структура (Житие — Похвала — Чудеса)[67]. Как уже отмечалось в историографии, данный алгоритм описания святого в русской агиографии, в конечном счете, восходит к «модели идеального жития, известной по произведениям византийской литературы»[68].

Со сходными в основном принципами оформления рассказа о главном герое степени читатель СК сталкивается в 9 ст., повествующей о Данииле Александровиче (жизнеописание этого князя помещено в 1—8 гл. этой грани). Крайне скудно, в соответствии с летописными источниками, сообщая о важнейших событиях времени правления Даниила в 1—2 гл., книжник в основной части его жизнеописания сосредотачивает свое внимание на строительстве московским князем Данилова монастыря, его пострижении и погребении в этой обители, а также сообщает о посмертных чудесах первого московского князя. Выше нами было высказано предположение о том, что в основу жизнеописания Даниила Александровича в СК было положено не дошедшее до настоящего времени Сказание об этом князе, сложившееся, вероятно, в 40-е—первой половине 50-х гг. XVI в. Фрагменты этого памятника фиксируются, по крайней мере,

---

[67] Трехчастная структура характерна для ряда житий, созданных в 40—60-е гг. XVI в. — митрополита Ионы первой и третьей редакций, Козьмы Яхромского, Александра Невского редакций Владимирской и Василия-Варлаама и др. Нельзя исключить того, что на трехчастную структуру памятников агиографии определенное влияние могла оказывать семантика числа «3», соотносимого с Троицей (подробнее см.: *Кириллин В. М.* Символика чисел в литературе Древней Руси (XI—XVI вв.). СПб., 2000. С. 143—144, 154—155, 162—163, 273—279).

[68] *Охотникова В. И.* Псковская агиография. Т. 1. С. 525. Подробнее вопрос о структуре княжеских жизнеописаний в древнерусской литературе освещен в разделе этой монографии В. И. Охотниковой «Повесть о Довмонте и княжеские жизнеописания XI—XVI вв.» (Там же. С. 523—547). О композиции византийских житий см.: *Лопарев Х. М.* 1) Византийские жития святых VIII—IX веков // ВВ. СПб., 1911. Т. 17. С. 1—224; СПб., 1913. Т. 18. С. 1—147; Пг., 1915. Т. 19. С. 1—151; 2) Греческие жития святых VIII—IX вв. Пг., 1914.

в 6—8 гл. 9 ст., в которых описаны посмертные чудеса московского князя. Таким образом, как и в Житии Александра Невского, составитель строит жизнеописание главного героя степени на данных особого произведения о нем (в случае с Даниилом, по-видимому, единственного). При этом есть основания говорить и о попытке следования писателем трехчастной структуре в жизнеописании: 1—3 гл. сообщают о жизни, смерти и погребении князя; 6—8 гл. фиксируют его посмертные чудеса; несмотря на отсутствие развернутой Похвалы московскому князю (если, конечно, не считать «обязательного» перечня добродетелей этого персонажа в 1 гл. степени), составитель в текст 8 гл. вводит характерный для похвал элемент — указание на молитвы данного персонажа о восстановлении созданной им обители (см.: «...еже и бысть благодатию Христовою и молитвами святаго и блаженнаго великаго князя Даниила, его же ради, Христе Боже, нашь помилуи насъ нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ, аминь»[69]).

Рассказу об Иване Калите посвящены две первые главы 10-й грани. В значительной своей части они основаны на летописном материале, из которого были заимствованы известия о важнейших событиях времени жизни этого князя. Центральная часть жизнеописания (2 гл.) повествует о взаимоотношениях Ивана Даниловича с митрополитом Петром. Вполне закономерно, что данный раздел восходит к памятникам агиографии, посвященным Петру. Кратко сообщая об архипастырской деятельности святителя, книжник особое внимание обращает на отношения московского князя с этим владыкой. Так, опираясь на его Житие, в 2 гл. он сообщает о пророчестве Петра о благополучном будущем потомства («семени») Ивана Калиты, а также управляемой им Москвы после строительства Успенского собора[70]. В этот раздел также помещен пространный рассказ о видении Ивану Даниловичу снежной горы[71]. Как установила Р. А. Седова, наибольшую близость последний фрагмент обнаруживает к Сказанию о митрополите Петре «любомудреца» Кифы[72]. Таким образом, к созданию жизнеописания Ивана Ка-

---

[69] См.: Степенная книга. Т. 1. С. 541.

[70] Там же. С. 562.

[71] Там же.

[72] Как уже нами отмечалось ранее, возможно привлечение к созданию 2 гл. Похвалы Ивану Калите особой редакции, которая могла послужить источником рассказа о приходе к московскому князю перед смертью старца.

литы в 10 ст. наряду с летописным материалом были привлечены агиографические памятники, сообщавшие об этом князе.

Повествуя о Дмитрии Ивановиче в 12 ст., писатель ссылается на некое «житие», фрагменты которого он и представляет читателю. Как выяснили С. К. Шамбинаго и уточнивший его наблюдения В. В. Кусков, в основу рассказа об этом московском князе было положено «Слово о житии». В. В. Кусков отметил, что по числу фрагментов и их объему «Слово о житии» превышает заимствования из всех прочих источников 12 ст. Как указал этот исследователь, материал «Слова о житии» дополнялся рядом других источников — прежде всего летописных (Ник., Воскр.). При этом важно отметить, что композиционная структура «Слова о житии» в СК, судя по заимствованным в 12 ст. отрывкам, была сохранена. Представим данные об источниках жизнеописания Дмитрия Ивановича в виде таблицы:

Гл.	Источники
1	«Слово о житии»
2	Воскр., Ник. (6868—6869)
3	Воскр. (6872), Ник. (6873)
4	«Слово о житии», Ник., Воскр. (6874)
5	Ник., Воскр. (6875), Ник. (6886), Воскр. (6885), Жития Сергия Радонежского и Димитрия Прилуцкого
6	«Слово о житии»
7	«Слово о житии», Воскр. (6888)
8	Воскр. (6888, 6890, 6903, 6906, 6908—6909, 6914), Ник. (6889—6890, 6903)
9	Воскр. (6890)
10	«Слово о житии», «Сказание о Тихвинской иконе Богоматери»
11	«Слово о житии»
12	«Слово о житии»
13	«Слово о житии», Чудо о свече

Приведенный перечень глав и источников жизнеописания Дмитрия в СК не оставляет сомнений в том, какое произведение было положено в его основу — фрагменты «Слова о житии», превышающие по своему объему заимствования из прочих источников 12 ст., фиксируются в 8 ее главах (из 13), в том числе и в важнейшей главе степени — первой. Необходимо отметить, что рассказ о Дмитрии Ивановиче в СК выстроен по плану, сходному с житиями макарьевского времени (в т. ч. и помещенными в СК): основной объем 12 ст. составляет повествование о жизни московского князя, затем следуют Похвала и

чудо о свече, возгоревшейся у его гроба. Причем непосредственно перед описанием чуда книжник, в полном соответствии с агиографическим каноном, сообщает, что «и яко же онъ [Дмитрий. — *А. У.*] в жизни своеи прослави Бога и угодная предъ нимъ сотвори, сице и преблагии Бог щедротами Своими наипаче сугубо прослави его, раба Своего, не токмо в животѣ, но и по преставлении»[73]. Очевидно, это замечание было сделано, с одной стороны, для того, чтобы сопоставить еще не канонизированного Дмитрия Ивановича с уже причтенными к лику святых персонажами; с другой, придать жизнеописанию московского князя в 12 ст. законченность, в полной мере обеспечив его соответствие трехчастной схеме жизнеописания, которая получает распространение в русской агиографии времени митрополита Макария.

Как отметили М. А. Дьяконов и уточнивший его наблюдения Н. Н. Розов, к написанию повествующей о Василии III 16 ст. было привлечено «Слово похвальное» этому князю, которое создавалось в первые годы правления Ивана IV[74]. Характер заимствований из этого произведения, почти не содержащего биографических сведений о Василии Ивановиче, не позволяет говорить о том, что 16 ст. была основана на нем — вне всякого сомнения, важнейшим источником этой степени была летопись. Вместе с тем зафиксируем, что включение фрагментов «Слова похвального» в жизнеописание отца первого русского царя лежало в русле тенденции, которая характерна для рассмотренных выше рассказов о главных героях граней в СК. Так, «Слово похвальное» было положено в основу заключающей рассказ о Василии III 24 гл. («Вкратце похвала самодержьцу Василию, и о постриженииего и о чюдесном отшествии его к Богу»), т. е. включение фрагментов «Слова похвального» обусловливалось стремлением составителя поместить в жизнеописание московского князя Похвалу, которая традиционно включалась в рассказы о русских святых в агиографических памятниках макарьевской и более ранней поры. Очевидно, стремясь создать объемный рассказ о Василии III, книжник включил в него почерпнутое из чудес Сергия Радонежского повествование о его чудесном рождении; также на основе «Слова похваль-

---

[73] Степенная книга. Т. 2. С. 63.

[74] *Дьяконов М. А.* Власть московских государей... С. 105; *Розов Н. Н.* Похвальное слово... С. 278—289.

ного» Василию III создается рассказ о необычном появлении на свет его сына Ивана IV (22 гл.). Как показывает даже первоначальное знакомство с памятниками русской житийной литературы, описание чудесного зачатия и рождения было характерно для целого ряда житий[75]. Таким образом, несмотря на то, что жизнеописание главного героя 16 ст. не было построено почти исключительно на материале «Слова похвального», ряд сходных черт, роднящих эту грань с прочими, можно усмотреть и здесь: в 1 гл., помещая Василия III в ряд потомков Владимира Святославича, составитель СК на основе летописных данных сообщает о важнейших событиях времени его правления, заключая рассказ о нем Похвалой, выполненной с привлечением единственного известного произведения, прославляющего этого князя.

Как видим, по крайней мере 8 из 16 жизнеописаний предков первого русского царя создавалось по сходной схеме — привлечение крупнейшего (а в ряде случаев единственного) памятника, прославляющего того или иного персонажа, а также дополнение его данных летописным материалом, которым заполнялись «швы» между фрагментами основного источника; первые главы степеней неизменно указывали на место соответствующего князя в ряду потомков Владимира. В то же время необходимо отметить, что выполненные с использованием рассмотренных выше приемов жизнеописания главных героев степеней несколько отличаются друг от друга. Так, в наиболее рельефном виде данная методика представлена в жизнеописаниях Владимира Святославича, Александра Ярославича, Даниила Александровича и Дмитрия Ивановича. Это, по-видимому, обусловливалось тем, что в распоряжении книжника были достаточно пространные тексты, повествующие об этих князьях. При этом отметим, что структура 1 ст. из этого ряда выделяется некоторой «размытостью» — целый ряд разделов Жития Владимира в СК к биографии этого князя прямого отношения не имеет.

---

[75] Например, Житие Сергия Радонежского содержит упоминание чудесного крика младенца Варфоломея в утробе матери (см.: *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. С. 294, 344); в Житии митрополита Петра помещено указание на чудесный сон матери святого, возвестивший ей о рождении будущего первосвятителя (см.: *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 2. С. 36). О рассказах, посвященных чудесному рождению в княжеских жизнеописаниях также см.: *Thyret I.* 1) «Blessed Is the Tsaritsa's Womb»... P. 479—496; 2) Between God and Tsar... P. 27—28.

Это, по-видимому, объясняется тем, что в текст 1 ст. был включен ряд экскурсов в древнейший период истории Руси, которые разрывали последовательный рассказ о Владимире и его времени: экскурсы в славянскую историю (6—11 гл.); рассказы о первых русских князьях (3—5 гл.); повесть о посещении Русской земли апостолом Андреем (23 гл.). Несколько менее рельефно описанная выше методика проявилась в рассказах о тех персонажах, специальные жизнеописания которых, по всей видимости, отсутствовали (Всеволод Ярославич, Владимир Мономах, Юрий Владимирович, Всеволод Юрьевич, Иван II Красный, Василий I, Василий II, Иван III). Судя по всему, создавая их жизнеописания, составитель выявлял памятник (в случае с Иваном Калитой таких памятников было два — Житие Петра и Сказание о нем Кифы), который хотя и не был специально посвящен тому или иному предку Ивана IV, но содержал более или менее пространный рассказ о нем, и дополнял его летописным материалом. При этом важно отметить, что в случае наличия надлежащего источникового материала (рассказы об Александре Невском, Данииле Александровиче, Дмитрии Ивановиче) писатель стремился дать жизнеописания с соблюдением распространенных в макарьевское время правил, выделяя жизнеописание, Похвалу и чудеса. Однако не все повествования о главных героях степеней были выстроены на основании одного памятника, прославляющего соответствующего персонажа.

Жизнеописания главных героев 3—6, 11, 13—15 и 17 ст. написаны почти исключительно на основе летописных данных. При этом алгоритм создания рассказа аналогичен: в первой главе книжник, делая генеалогическую справку, помещает главное действующее лицо грани в ряд потомков Владимира; в последующих главах сообщает о важнейших событиях времени его правления, особо подчеркивая отношения с Церковью, представленной фигурой митрополита. При этом по возможности привлекаются дополнительные источники, повествующие о времени правления главного героя степени: к созданию рассказа о царских дарах Владимиру Мономаху из Константинополя в 8 гл. 4 ст. был привлечен фрагмент «Слова похвального» Михаилу Черниговскому Льва Филолога, в рассказе о браке дочери Василия I с Мануилом Палеологом в 19 гл. 13 ст. был использован материал Хр. 1512. В случае отсутствия надлежащего летописного материала, краткий перечень добродетелей соответствующего князя, по-видимому, выполнялся составителем СК. При этом какие-либо новые фактические подробности

не вносились. Ввиду отсутствия или недостатка материала широко использовался пересказ данных источников, тексты которых уже приводились ранее. Например, в описании Ивана Красного в 1 гл. 11 ст. писатель, упомянув его далеких предков, обращает внимание читателя на его «благородных родителей» (Ивана Калиту и Елену), сообщая о смерти и погребении матери (это известие читается в 2 гл. 10 ст.). Затем он в 1 гл. 11 ст. повествует о пострижении и смерти Калиты, а также передает летописное известие о первом браке Ивана Красного[76].

Для наглядности представим обобщенные результаты изучения основных источников жизнеописаний главных героев граней в виде таблицы:

Раздел СК	Главное действующее лицо степени	Основной источник жизнеописания соответствующего предка Ивана IV[77]
1 ст.	Владимир Святославич	Поучение на память Владимира
2 ст.	Ярослав Владимирович	«Слово о законе и благодати»
3 ст.	Всеволод Ярославич	Летопись
4 ст.	Владимир Мономах	Летопись
5 ст.	Юрий Владимирович	Летопись
6 ст.	Всеволод Юрьевич	Летопись
7 ст.	Ярослав Всеволодович	«Слово о погибели Русской земли»
8 ст.	Александр Ярославич	Владимирская редакция Жития Александра Невского
9 ст.	Даниил Александрович	Сказание о Данииле Московском
10 ст.	Иван I Калита	Житие митрополита Петра, Сказание о Петре Кифы
11 ст.	Иван II Красный	Летопись
12 ст.	Дмитрий Иванович	«Слово о житии»
13 ст.	Василий I	Летопись
14 ст.	Василий II	Летопись
15 ст.	Иван III	Летопись
16 ст.	Василий III	«Слово похвальное» Василию III
17 ст.	Иван IV	Летопись

Вряд ли можно сомневаться в том, что построенные почти исключительно на летописном материале жизнеописания предков Ивана IV несколько отличаются от жизнеописаний, выполненных на основе (или, во всяком случае, с привлечением) иных

[76] Степенная книга. Т. 2. С. 5.

[77] Ниже приводятся памятники, которые, согласно итогам нашего исследования, были положены в основу либо всего жизнеописания соответствующего персонажа, либо его значительных фрагментов; в обоих случаях сведения данных произведений дополнялись летописным материалом.

источников: в первых отсутствуют специальные похвалы, а также рассказы о чудесах; беднее описания добродетелей. Может ли это говорить о том, что две данные группы жизнеописаний писались разными лицами?

В поисках ответа на этот вопрос обратим внимание на ряд моментов. Во-первых, два рассмотренных выше вида жизнеописаний расположены в памятнике неравномерно: 1—2, 7—10, 12, 16 и 3—6, 11, 13—15, 17 ст. соответственно (см. представленную выше таблицу). В том случае, если бы какие-либо крупные разделы СК писались разными лицами, следовало бы ожидать, что и эти группы описаний были бы более компактно расположены в тексте произведения, а не «чересполосно», как это фиксируется в СК. Во-вторых, как уже отмечалось выше, сам алгоритм работы с источниками в обеих группах жизнеописаний сходен. Это дает веские основания утверждать, что по способу создания текстов и структуре все биографии главных героев степеней представляют удивительное для столь объемного и сложного памятника единство: все бросающиеся в глаза различия оказываются вполне объяснимы разницей судеб персонажей и набором повествующих о них источников. В-третьих, если говорить о тех предках Ивана IV, рассказы о которых в СК основаны на летописном материале, нельзя не отметить, что в настоящее время не известно ни одного (!) памятника, датируемого временем не позднее рубежа 50—60-х гг. XVI в., который бы содержал особый рассказ о Всеволоде Ярославиче, Владимире Мономахе, Юрии Владимировиче, Всеволоде Юрьевиче, Иване II Красном, Василии I, Василии II, Иване III. Это заставляет нас предположить, что причиной того, что книжник в соответствующих степенях следовал почти исключительно за летописными источниками, являлось отнюдь не его стремление использовать иной инструментарий конструирования текста — есть веские основания полагать, что это было вынужденной мерой: специально посвященные главным героям степеней нелетописные рассказы либо отсутствовали, либо не были известны (или доступны) создателю СК. Все это на данном этапе побуждает сделать предварительный вывод о том, что по крайней мере жизнеописания главных героев степеней создавались, по-видимому, одним лицом (или под руководством одного лица).

Высказанное выше предположение основано лишь на итогах нашего рассмотрения жизнеописаний главных героев степеней, т. е. лишь одной (хотя и важнейшей) составляющей СК. Можно ли говорить о единстве методов создания СК применительно ко

всему памятнику? Для того чтобы ответить на этот вопрос, обратим внимание на прочие приемы, с помощью которых создавались разделы СК, вне зависимости от того, кому они были посвящены — предкам Ивана IV или тем персонажам русской истории, которые ими не являлись.

Объединение отдельных известий в связные рассказы

Как уже неоднократно отмечалось в историографии, составителя СК характеризует стремление создавать из отрывочных сведений своих источников (чаще всего, летописных) развернутые рассказы, повествующие о том или ином персонаже или событии[78]. Как показывают итоги изучения этих фрагментов, их нельзя рассматривать как механическое соединение известий — как правило, в СК эти пассажи имеют характер законченных повестей, в которых изложение материала подчинено развитию конкретной идеи: чаще всего — прославлению потомков Владимира и подчеркиванию божественного покровительства им.

В 65 гл. 1 ст. («О храбрых мужех»), как установили наши предшественники, книжник создает пространный рассказ о служащих Владимиру «богатырях» на основе отдельных записей Ник., которые сообщали о смерти Рагдая Удалого (под 6508 г.), о победе Александра Поповича и Яна Усмошвеца над печенегами (6509, 6512 гг.), о смерти Малвреда Сильного (6510 г.) и Андриха Добрянкова (6512 г.)[79]. При этом подзаголовок «Богатыри», который, по всей видимости, в Ник. относится лишь к рассказу о победе Александра и Яна, в СК распространен на все эти известия. В результате обработки текста своего источника создателем памятника они были объединены в одном связном повествовании. Сравним материал источника СК и текст ее 65 гл. 1 ст.:

Источник СК (Ник.)	65 гл. 1 ст. СК
«В лѣто 6508. Прииде Володарь с половцы к Киеву, забыв благодѣяниа господина своего князя Владимера, дѣмономъ наученъ.	**«О храбрыхъ мужехъ.** Елико же преблагыи Богъ в тѣлесныхъ преспѣяниихъ усугуби благородию его [Владимира. — *А. У.*] благодать мужества и смысла, тако же дарова ему и вельможи его премудры и разумны и въ благосъвѣтии дивны, мнози же и

[78] Например, см.: *Лихачев Д. С.* Русские летописи... С. 362, 423; *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 94, 97; *Lenhoff G.* 1) Unofficial Veneration... С. 391—416; 2) Novgorod's *Znamenie* Legend... P. 175—182.

[79] ПСРЛ. Т. 9. С. 68; *Державин Н. С.* «Степенная книга»... С. 69; *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 104.

Продолжение

Источник СК (Ник.)	65 гл. 1 ст. СК
Володимеру же тогда въ Переславцѣ на Дунаи, и бысть смятение велие в Киевѣ, и изыде нощию во стрѣтение имъ [половцам. — *А. У.*] Александръ Поповичь, и уби Володаря, и брата его и иных половець изби, а иных въ поле прогна. И се слышав Володимер, возрадовася зѣло, и възложи на нь гривну злату, и сотвори и вельможа въ полатѣ своей».	силни и храбростию удалы, и нарочиты. Яко же некогда Давидъ царь имяше у себе силныхъ мужь тридесять и седмь таковы мужественны, яко меншему их могущю выити на сто мужеи, вящьшему же наипаче възможно и противу тысящи братися. Тако и сеи блаженныи Владимиръ по благодати Божиеи имяше у себе, яко же вышереченно, мужи храбры, и удалы, и силны. **Ян.** В них же бяше прежереченныи Янъ Усмошвець, иже убивыи исполина печенѣжанина велика и силна. **Рагдаи.** Тако же дивенъ бяше в победахъ и Рагдаи удалыи, иже на брань единъ могии исходити противу триехъ сотъ съпротивныхъ. **Александръ.** Подобно же симъ мужество и храбрость имѣя и Александръ, рекомыи Поповичь. **Малъврѣдъ.** Таковъ же бѣ и Малъврѣдъ сильныи. **Андрихъ.** Равенъ же мужествомъ и Андрихъ Доблянковъ и инии мнози. **Храбрость Александрова.** Бысть же тогда нѣкто половчинъ, именуемыи Володарь, и сеи диаволимъ научениемъ, забывъ многое к себѣ благодѣяние государя своего, святаго и великаго князя Владимира, прииде бранию къ граду Киеву съ братом си и съ многыми половци, яко время удобно усмотривъ своему зломыслию, великому бо князю Владимиру самому не сущу тогда въ Киевѣ, но в Переяславци на Дунаи. И бысть тогда в Киевѣ смятение великое. Но обаче вѣры ради и благодѣяниа блаженнаго Владимира въскорѣ разори Богъ неправедныя совѣты безумнаго Володаря, и не токмо не успѣ граду ничто же зло сътворити, наипаче же самъ погибе и прочии с нимъ. На них же Богомъ подвизаем изыде нощию вышереченныи Александръ Поповичь и абие побѣди ихъ. Самого же враждотворца Володаря оружию въ снѣдь сътвори и конечнои пагубе предаде. С ним же вкупѣ и брата его низложивъ и мрътва сътвори, и иныхъ множество половець изби, овѣхъ же в поле прогна. Слышав же сиа, блаженныи самодръжець Владимиръ възрадовася зѣло и велие благодарение въздаваше Богу. На Александра же възложи гривну злату и сътвори его велможю честна в полатѣ своеи. **Александрово и Яново мужество.** И паки потомъ Александръ Поповичь и Янъ Усмошвец, иже убивыи печенѣжьска исполи-
«Того же лѣта [6508. — *А. У.*] преставися Рагдай Удалой, яко наѣзжаше сей на триста воин».	
«**Богатыри.** В лѣто 6509. Александръ Поповичь и Янъ Усмошвець, убивыи печенѣжьскаяго багатыря, избиша множество Печенѣгъ, и князя их Родмана и съ трема сыны его в Киевъ къ Володимеру приведоша».	
«В лѣто 6510. Преставися Малъврѣдъ сильный».	
«В лѣто 6512. Идоша печенѣзи на Бѣлъградъ; Володимеръ же посла на нихъ Александра Поповича и Яна Усмошвеца съ многими силами. Печенѣзи же слышавше, побѣгоша въ поле».	
«Того же лета [6512. — *А. У.*] Андриха Добрянкова храбраго отравою смертною окормиша свои его слуги»[80].	

[80] ПСРЛ. Т. 9. С. 68.

Окончание

Источник СК (Ник.)	65 гл. 1 ст. СК
	на, и сиа предивная храбра оба вкупѣ помощию Божиею многи побѣды показашя и многимъ съпротивнымъ одолѣвашя. Нѣкогда же множество печенегъ избишя, и самого князя ихъ Радмана и с трема сыны его живыхъ изымаша, и къ блаженному Владимиру в Киевъ приведошя. Боголюбивыи же Владимиръ о всѣхъ Божиихъ благодѣяниихъ сугубо радовашеся...»[81].

Как видим, событийная канва в СК осталась прежней, однако разрозненные летописные известия под пером ее составителя превратились в связный рассказ о «храбрых мужах» Владимира, которые были вполне под стать слугам ветхозаветного царя Давида. Хронологический порядок здесь соблюдается далеко не во всем (например, известие об Андрихе в СК помещено ранее сообщения о второй победе Александра Поповича и Яна Усмошвеца), писатель допускает пропуски (например, известие об отравлении Андриха слугами). Лишая хронологической привязки объединенные в один рассказ известия, наш книжник также отчетливо достраивает текст своих источников, особое внимание при этом обращая на боголюбие Владимира и его богатырей и Божье покровительство киевскому князю.

Приведенный нами пример построения текста крупного фрагмента, с одной стороны, является одним из наиболее ярких; с другой, далеко не единственным — сходным образом строились и другие разделы СК. Так, при описании окончания Большой феодальной войны в 12 гл. 14 ст. создатель памятника обобщает летописные записи, повествующие о победах Василия II над Дмитрием Шемякой, и, как верно подметил В. В. Кусков[82], сообщив о смерти последнего, подводит черту в описании княжеских междоусобиц на Руси: «И оттолѣ уншии князи къ старѣишимъ бышя послушливи, а вящьшии Богомъ укрѣпляеми, славою и честию вѣнчающеся, дръжавствующе, и рогъ царствиа их възвывашеся»[83].

Однако не всегда скупые летописные сообщения в СК разрастались в пространные повести. В ряде случаев составитель соединял известия, нередко сокращая их, в рамках одного расска-

[81] Степенная книга. Т. 1. С. 322—324.

[82] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 228.

[83] Степенная книга. Т. 2. С. 147.

за, посвященного тому или иному персонажу или событию. Так, как отметил В. В. Кусков[84], рассказ о Судиславе Владимировиче в 8 гл. 2 ст. основан на известиях об этом князе, помещенных в записях Ник. под 6541, 6566 и 6571 гг.:

Источник СК (Ник.)	8 гл. 2 ст. СК
«Того же лѣта [6541. — *А. У.*] разгнѣвася Ярославъ на менший братъ свой Судислава, и всади его въ порубъ во Псковѣ до живота своего; оклеветанъ бо бѣ к нему»[85].	**«О свобожении князя Судислава.** Тогда же благороднии братиа Ярославичи: Изяславъ, Свѣтославъ, Всеволодъ, Игорь, Вячеслав, милостивыи съвѣт умысливше, и выведоша стрыя своего Судислава, сына блаженнаго великаго князя Владимира, сѣдѣвша в порубѣ въ Пьсковѣ лѣтъ 24 за нѣкую крамолу. Судислав же съ многимъ благодарениемъ велико и душеспасителное умиление стяжа, и вмѣсто враждотвореиа богоподражателное смирение изволи, и аггельское житие възлюби, и въ иноческии образъ облечеся, и самую святую схиму възложи на ся, в нем же чину добрѣ подвизася, и къ Богу отиде, и положенъ бысть въ церкви святаго Георгиа в монастыри»[86].
«В лѣто 6566. Изяславъ, и Святославъ и Всеволодъ выняша дядю своего Судислава ис поруба, бяше бо сидѣл лѣта 24 въ Пъсковѣ, и укрѣпиша его крестнымъ цѣлованиемъ. Онъ же вышедше ис поруба пострижеся во иноческий чинъ, и введоша его въ Киевъ, и подвизашеся добродетельнымъ житиемъ»[87].	
«В лѣто 6571. Судиславъ преставися, сынъ великого Владимера, братъ Ярославль, во святѣмъ образѣ во иночествѣ и въ скимѣ; и положиша и въ церкви святаго Георгиа в монастырѣ»[88].	

Итоги сравнения текстов Ник. и СК указывают на использование методики создания целостного рассказа о персонаже посредством обобщения материала отрывочных летописных сообщений. При этом последние выстраиваются в связный рассказ, в котором особо подчеркнуты «милостивый» совет Ярославичей, решивших выпустить дядю из заключения, а также боголюбие Судислава, который, сердечно поблагодарив своих освободителей, «аггельское житие возлюби». Также в СК упомянуты имена всех сыновей Ярослава (а не трех фигурирующих в летописи — Изяслава, Святослава и Всеволода), что подчеркивало «единомыслие» всех русских князей в данном вопросе. При этом, как мы видим, для книжника существенен сам факт освобождения и пострижения Судислава — он, так же как и в предыдущем

[84] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 114.
[85] ПСРЛ. Т. 9. С. 80.
[86] Степенная книга. Т. 1. С. 385.
[87] ПСРЛ. Т. 9. С. 91.
[88] Там же. С. 92.

случае, не привязывает известия к конкретным датам, как это сделано в Ник. Со сходным примером в создании текста СК мы стакиваемся и в ряде других ее разделов (например, в рассказах о Святославе Ярославиче в 9 гл. 3 ст., Игоре Ольговиче в 10 гл. 5 ст., Варлааме Хутынском в 16 гл. 7 ст., Довмонте Псковском в 12 гл. 9 ст., в описании Софии Витовтовны в 10 гл. 14 ст.).

Впрочем, необходимо отметить, что использование отдельных летописных известий в СК могло и не сопровождаться дополнениями составителя, которые были призваны связывать их в целостный рассказ. В ряде случаев в произведении лишь перечисляются известия и только некоторые из них (очевидно, представляющиеся важнейшими) сопровождаются датами. Например, таким образом построен текст 2 гл. 6 ст. («О пременении державных»):

Источник СК	2 гл. 6 ст. СК
«В лѣто 6665. ...[Юрий Долгорукий. — *А. У.*] собирая воинство, и по мале впаде в болезнь, въ ней же и преставится, месяца маиа в 15 день...»	«По сих же [после рождения Всеволода Юрьевича. — *А. У.*] въ третие лѣто преставися отъ житиа сего великии князь Георгии. По немъ же вниде паки в Киевъ Изяславъ Давидовичь, братъ преподобнаго Святоши, внук Свѣтославль Ярославича, и вся имѣниа Георгиева разграби и многихъ вельможъ узамъ и темницамъ предаде. По едином же лѣтѣ и самъ убиенъ бысть на брани, о нем же послѣди речется. В Киевѣ же сѣдѣ Ростиславъ Мстиславичь внукъ Манамашь. К нему же прииде от Царяграда митрополитъ Феодоръ, сего же ради посылалъ, и приятъ бысть честно. И четыре лѣта пребысть на митрополии, и къ Богу отиде. Въ него же мѣсто прииде отъ Царяграда митрополитъ Иванъ. Ростислав же не въсхоте его преже приати, но обаче присла
«В лѣто 6665. ...Изяславъ Давыдовичь Чрьниговский пришедъ въ Киевъ, и вся имѣниа его [Юрия. — *А. У.*] взятъ, и дружину его поима, овѣхъ оковы желѣзными связа, а других въ темницы всади, и сяде на столѣ на великом княжении в Киевѣ...»[89]	
Описание смерти Изяслава Давидовича (запись Воскр. под 6668 г.)[90].	
Описание вокняжения в Киеве Ростислава Мстиславича (запись Ник. под 6666 г.)[91].	
«В лѣто 6667. ...прииде изъ Константинограда Феодоръ митрополитъ на Киевъ и на всю Русь, поставленъ патриархом Констянтиноградскимъ, понеже князь велики киевский Ростиславъ Мстиславичь посылалъ о нем къ патриарху; и изыде изъ Киева князь велики Ростиславъ Мстиславичь въ срѣтение ему, и срѣте его со многою честию...»[92]	
Известие о смерти митрополита Феодора (запись Ник. под 6671 г.)[93].	

[89] ПСРЛ. Т. 9. С. 208.
[90] ПСРЛ. Т. 7. С. 74—75.
[91] ПСРЛ. Т. 9. С. 214.
[92] Там же. С. 218.
[93] Там же. С. 231.

Окончание

Источник СК	2 гл. 6 ст. СК
«В лѣто [6]672. Прииде митрополит Иоанн из Царяграда, и не хотѣ прияти его Ростислав. Царь же присла к нему дары многи, и прия его»[94].	к нему царь греческии многая друголюбезная дарованиа съ благоговѣинымъ увещаниемъ; и тако приатъ бысть»[95].

Как видим, наряду с «достраиванием» сообщений своих источников (упоминания о «благоговеинном увещевании» византийского императора и родстве Изяслава Давидовича с Николой Святошей) книжник сокращает текст летописных известий. При этом сохраняется, очевидно, важнейшая с его точки зрения информация — относительно преемственности киевских князей и митрополитов. Сходным образом построен и ряд других разделов СК — рассказы о победах Владимира (20 гл. 1 ст.) и Ярослава (3 гл. 2 ст.) над соседями, о событиях времени правления Юрия Даниловича (1 гл. 10 ст.) и Семиона Ивановича (2 гл. 11 ст.), о «наречении на государство» Василия III (24 гл. 15 ст.), о русско-литовской войне в малолетство Ивана IV (6 гл. 17 ст.).

Одним из вариантов метода создания в СК связного рассказа из фрагментов ее источников является использование разножанровых памятников (чаще всего, летописных и иных), сведения которых дополняли друг друга. Примером соединения составителем различных источников в едином повествовании является 42 гл. 1 ст., которая сообщает о крещении Суздальской земли и об основании Владимира-на-Клязьме. Рассмотрим тексты СК и ее источников:

Источники СК	СК
«Ходи Володимеръ въ Суздальскую землю, и тамо крести всѣхъ; бѣ же съ Володимеромъ два епископа Фотѣа патриарха. И заложи тамо градъ въ свое имя Володимеръ, на рѣцѣ на Клязьмѣ, и церковь в немъ постави древяну Пречистыя Богородици, и наказаше люди съ епископы Фотѣя патриарха» (запись Ник. под 6500 г.)[96].	«...отъ Киева подвижеся блаженныи Владимиръ шествовати в Суждальскую землю, вземъ съ собою дву епископовъ... послани отъ патриарха Фотиа, и в земли Суждальстѣи вся люди крестишя. Тамо же и градъ заложи свѣтелъ же и красенъ и въ свое
«...равноапостольнои Владимир прииде в Суздальскую землю и тамо вся люди святым	имя нарече его Владимиръ на рецѣ на Клязмѣ, в нем же и цер-

[94] ПСРЛ. Т. 28. С. 35.

[95] Степенная книга. Т. 1. С. 449.

[96] ПСРЛ. Т. 9. С. 64.

Окончание

Источники СК	СК
крещением просвети и Божиею благодатию изволи в свое имя създати град, светел же и красен и нарече и Володимер, на реце на Клязьме. И церковь съборную в нем въздвиже в имя Пречистыа Владычица Девы Богородица Мариа честнаго и славнаго Еа Успениа. И толико того възлюби, и украси, и почте паче всех град рускых, яко же повсюду того обносится имени» (Поучение на память Владимира)[97].	ковь постави древяну въ имя Пречистыя Богоматери, честнаго Ея Успениа. И толико тои градъ възлюби и украси и почте, яко паче всѣхъ градъ русьскихъ того имяни повсюду обносится. Подвизаше же ся самъ съ епископы, наказуя люди благочестию»[98].

Итоги сравнения текстов Поучения на память Владимира, Ник. и СК дают возможность представить процесс работы нашего книжника. Как видим, он тщательно отбирает данные как Поучения на память Владимира (эпитеты по отношению к Владимиру и основанному им городу, уточнение того, что поставлена была Успенская церковь, указание на предпочтение князем созданного им города прочим), так и Ник. (известие о епископах патриарха Фотия, сообщение о материале, из которого была построена церковь, подробности крещения Суздальской земли). В результате создается подробный рассказ о крещении Северо-Восточной Руси и основании Владимира-на-Клязьме, который, согласно версии СК, полтора столетия спустя унаследует «самодержство» Киева.

Посредством сочетания данных летописного и хронографического источников был написан текст 19 гл. 13 ст., повествующей о замужестве дочери Василия I Анны. Сравним тексты СК и ее источников:

Источники СК	СК
«...совѣтъ сотвори князь велики Василей Дмитреевичь со отцемъ своимъ Фотѣемъ митрополитомъ о дщери своей Аннѣ, юже хотяше дати въ греки въ Костянтинъградъ за царевича Ивана, Мануилова сына; Фотѣй же митрополитъ благослови ему тако быти и благослови его. Того же лета князь велики Василей Дмитреевичь отдаде дщерь свою княжну Анну въ Царьградъ за царевича Ивана Мануиловича» (запись Ник. под 6917 г.)[99].	«И тои [Мануил. — *А. У.*] посла на Москву к великому князю Василию Димитриевичю, прося у него за себе дщери его великия княжны Анны. Онъ же о семъ совѣтъ сотвори со отцемъ своим Фотѣемъ, митрополитом всеа Русии. Отъ него же вземъ благословение, отпусти ю со многою честию. Царь же Мануил

[97] *Усачев А. С.* Из истории... С. 41.

[98] Степенная книга. Т. 1. С. 298.

[99] ПСРЛ. Т. 11. С. 217.

Окончание

Источники СК	СК
«Потом же царь Мануил присла к великому князю Василию Димитреевичю, прося у него за себе тщерь Анну, еюже и отпусти со многою честию и сотвори брак любочестен и всенароден на многи дни царь Мануил в царьствующем градѣ и своим посланьным пирьшество велико и многотолъстотъны трапезы и гостьбу велику. И посланных отпущает со многими дарми и поминки. Царствова же Мануил 33 лѣта и роди ото Анны царици сынов 6: Калуяна, Андроника, Феодора, Коньстянтина, Димитриа, Фому» (Хр. 1512)[100].	въ Царьствующемъ граде поятъ ю, и сотвори бракъ любочестен, и всенароднѣ своимъ людемъ и рускимъ посланникомъ пиршество велико, и многотолъстотны трапезы, и гостьбу велику. И посланниковъ отпущаетъ со многими дарми и поминки. Царствова же Мануилъ 33 лѣта и роди отъ царици Анны сынов 6: Калуяна, Андронника, Феодора, Коньстянтина, Димитриа, Фому...»[101].

Как видим, текст СК создавался на основе сочетания материалов Ник. и Хр. 1512. Из первой был, по-видимому, заимствован основной текст известия, а также указания на «совет» Василия I с митрополитом Фотием и благословение последнего. Летописные данные были дополнены хронографическими, из которых были почерпнуты сведения об имени представителя династии Палеологов, за которого выдавалась замуж русская княжна, а также информация о генеалогии Палеологов.

Со сходными примерами читатель СК сталкивается в целом ряде других разделов. Так, например, при описании войн Феодосия Великого с Русью (8 гл. 1 ст.) использовался ряд источников: Чудеса Димитрия Солунского, Житие Стефана Сурожского, Послание митрополита Фотия Василию Дмитриевичу, и, вероятно, «Слово о законе и благодати». Подобные случаи характерны и для других разделов СК: рассказ о возвращении Владимира в Киев после крещения в 35 гл. 1 ст. (создан с привлечением летописей и Жития Климента Римского); о начале Ростовской епархии в 53 гл. 1 ст. (глава написана путем сочетания материала Жития Леонтия Ростовского и летописей); о смерти Владимира и похвалы ему в 70 гл. 1 ст. (использованы как летопись, так и Поучение на память Владимира, проложное Житие, «Память и похвала» Иакова Мниха, «Слово о законе и благодати»); в повествовании о строительстве Киево-Печерского мо-

[100] ПСРЛ. Т. 22, ч. 1. С. 422. Как отмечалось ранее, сходный текст читается также в Хронографе западнорусской редакции.

[101] Степенная книга. Т. 2. С. 86. Данный фрагмент уже приводился выше.

настыря в 2 гл. 3 ст. (составлено на основе летописных записей и материала Киево-Печерского патерика); в «Похвале вкратце» Дмитрию Ивановичу в 13 гл. 12 ст. (привлечено «Слово о житии» с добавлением Чуда о свече); в краткой заметке о походе Тамерлана на Русь в 16 гл. 12 ст. (использованы Ник. и Повесть на сретение Владимирской иконы). Рассказ о митрополите Киприане в 25 гл. 13 ст. создан на основе Ник. и Жития митрополита Ионы третьей редакции[102]. Путем сочетания данных различных памятников построен и один из самых пространных рассказов в СК — 4 гл. 15 ст., сообщающая о взятии Новгорода Иваном III. Посредством обобщения разрозненных отрывков своих летописных (Ник., Воскр.) и иных (Житие Зосимы и Савватия Соловецких, «Словеса избранные») источников книжник создал связный рассказ о «неправдах» и «безумиях» новгородцев, которые побудили московского князя предпринять свои победоносные походы на этот мятежный город. В результате сочетания текста летописной записи под 7026 г. и Чуда Сергия Радонежского была создана повесть о чудесном избавлении Опочки от литовского войска (11 гл. 16 ст.). Итогом комбинирования данных «Слова похвального» Василию III и летописной записи под 7042 г. явился рассказ о смерти этого князя и Похвала ему (24 гл. 16 ст.). С помощью обобщения материала ряда летописных записей, а также, по-видимому, Жития Даниила Переяславского и устных источников был написан центральный раздел заключающей памятник 17 ст. — ее 10 гл., посвященная взятию Казани.

Перечислим основные фрагменты СК, в которых содержатся связные рассказы, построенные на основе сочетания отдельных известий разных источников[103]:

---

[102] Нельзя исключить того, что и повествование о Юрии Святославиче Смоленском (26 гл. 13 ст.) было также создано составителем СК. Согласно М. О. Скрипилю, старшая редакция «Повести о Иулиании Вяземской» создавалась специально для СК; исследователь отметил особую близость этого рассказа к записям Воскр. (см.: *Скрипиль М. О.* Литературная история... С. 161—167). Вопрос же о том, кто писал этот рассказ (составитель СК или другой книжник), остается открытым.

[103] Ниже приводятся лишь наиболее характерные случаи использования описанной выше методики создания разделов СК. В том случае, если глава содержит более одного сообщения, во второй колонке таблицы для удобства помещено указание на важнейший рассказ соответствующего раздела СК.

Раздел СК	Рассказ	Источники
3 гл. 1 ст.	Начало княжения Рюрика в Новгороде	Воскр. (6370, 6374), Ник. (6367, 6372)
4 гл. 1 ст.	Описание правления Олега и Игоря в Киеве	Свод, близкий к «Летописцу от 72-х язык» (6370, 6415), Воскр. (6390, 6411), Ник. (6389), Житие Ольги пространной редакции
5 гл. 1 ст.	Рассказ о княжении Святослава	Свод, близкий к «Летописцу от 72-х язык» (6472, 6475—6476)
8 гл. 1 ст.	Войны Руси с Византией	Чудеса Димитрия Солунского, Житие Стефана Сурожского, Послание митрополита Фотия Василию I Дмитриевичу, «Слово о законе и благодати»
17 гл. 1 ст.	Описание погибших на охоте правителей	Жития Параскевы Пятницы и Ольги пространной редакции, Воскр. (6542), Ник. (6541)
19 гл. 1 ст.	Описание междоусобиц на Руси после смерти Святослава Игоревича	Воскр. (6483, 6488), Ник. (6485, 6488)
21 гл. 1 ст.	Страдание Варяга и его сына	Воскр. (6488), Ник. (6488, 6491)
25 гл. 1 ст.	Описание посланников от различных вер	Воскр., Ник. (6494)
29 гл. 1 ст.	Крещение Владимира в Корсуне	Поучение на память Владимира, Житие Константина и Елены, Воскр., Ник. (6496)
35 гл. 1 ст.	Возвращение Владимира в Киев	Житие Климента Римского, Ник. (6496)
38 гл. 1 ст.	Крещение Руси Владимиром	Проложное Житие Владимира, «Память и похвала», Ник. (6497), Воскр. (6496)
42 гл. 1 ст.	Крещение Суздальской земли	Поучение на память Владимира, Ник. (6498)
43 гл. 1 ст.	Крещение в Новгороде	Ник. (6498, 6499), Воскр. (6497)
53 гл. 1 ст.	Начало Ростовской церкви	Житие Леонтия Ростовского, Ник. (6670), Воскр. (6499)
54 гл. 1 ст.	Основание Белгорода и епископии в нем	Ник. (6500, 6504)
60 гл. 1 ст.	Обретение мощей Ольги, описание добродетелей Владимира	«Память и похвала», «Слово о законе и благодати», Житие Ольги пространной редакции, Воскр. (6504), Ник. (6506)
65 гл. 1 ст.	«Храбрые мужи» Владимира	Ник. (6508—6510, 6512)
70 гл. 1 ст.	Смерть Владимира	Ник., Воскр. (6523), Поучение на память Владимира, проложное Житие Владимира, «Память и похвала», «Слово о законе и благодати»

Продолжение

Раздел СК	Рассказ	Источники
74 гл. 1 ст.	Описание Мстислава Владимировича	Ник. (6523, 6530—6531, 6541)
3 гл. 2 ст.	Победы Ярослава Владимировича	Ник. (6537—6538, 6546, 6549, 6555)
4 гл. 2 ст.	Учение книжное отрочатом в Новгороде, церковные события на Руси XI в.	Ник. (6525, 6538, 6545, 6547, 6551, 6553, 6558—6559), Киево-Печерский патерик
8 гл. 2 ст.	Рассказ о Судиславе	Ник. (6541, 6566, 6571)
2 гл. 3 ст.	«О церкви Печерской»	Ник. (6581, 6597, 6602), Киево-Печерский патерик
4 гл. 3 ст.	Описание княжны Янки Всеволодовны	Воскр. (6594), Ник. (6597—6598)
9 гл. 3 ст.	Описание Святослава Ярославича	Ник., Воскр. (6581, 6583—6584)
2 гл. 4 ст.	Междоусобицы конца XI в.	Воскр. (6605, 6608), Ник. (6609)
4 гл. 4 ст.	Победа над половцами и знамения	Ник., Воскр. (6614, 6619)
9 гл. 4 ст.	Победы Владимира Мономаха и его смерть	Воскр. (6633), Ник. (6624, 6628, 6631, 6633—6634, 6638), списки митрополитов
5 гл. 5 ст.	Княжение Юрия Владимировича	Ник. (6660, 6663), Воскр. (6660, 6667)
10 гл. 5 ст.	Описание Игоря Ольговича	Ник. (6654—6655)
2 гл. 6 ст.	«Пременение державных» в Киеве	Ник. (6665, 6667, 6672)
9 гл. 6 ст.	Победы Всеволода Юрьевича	Ник. (6692, 6694, 6705, 6713, 6721), Воскр. (6692, 6694)
11 гл. 6 ст.	События последних лет правления Всеволода Юрьевича	Ник. (6718, 6720), Воскр. (6718—6720)
19 гл. 6 ст.	События конца XII в.	Ник. (6697, 6699—6700, 6703, 6710—6711), Воскр. (6697, 6701, 6703, 6710—6711), HIV (6700)
16 гл. 7 ст.	Описание Варлаама Хутынского	HIV (6701, 6751)
4 гл. 8 ст.	Повесть об убиении Батыя	Воскр. (6755, 6758, 6788)
12 гл. 9 ст.	Описание Довмонта Псковского	CI мл. (6775, 6779—6780, 6807)
1 гл. 10 ст.	События времени правления Юрия Даниловича	Ник. (6811—6812, 6816, 6819, 6822—6825, 6827, 6829, 6832—6834), Воскр. (6811—6813, 6816, 6819, 6822—6825, 6827, 6829, 6832—6834)
2 гл. 11 ст.	События времени правления Семиона Ивановича	Ник. (6856—6857, 6860), Воскр. (6855, 6857—6858, 6860)
4 гл. 11 ст.	События правления Ивана II Ивановича	Ник. (6858, 6865), Воскр. (6859, 6865), Житие митрополита Алексия

Окончание

Раздел СК	Рассказ	Источники
13 гл. 12 ст.	Похвала Дмитрию Ивановичу	«Слово о житии», Чудо о свече
15 гл. 12 ст.	Описание строительства церквей Евдокией-Евфросинией	Ник., Воскр. (6901, 6903, 6915)
16 гл. 12 ст.	Описание похода Тамерлана на Русь	Ник. (6903), Повесть на сретение Владимирской иконы
19 гл. 13 ст.	Рассказ о замужестве дочери Василия I Анны	Ник. (6919), Хр. 1512
25 гл. 13 ст.	Описание митрополита Киприана	Житие митрополита Ионы третьей редакции, Ник. (6915)
10 гл. 14 ст.	Возвращение Софьи Витовтовны от Шемяки	Ник., Воскр. (6955, 6961)
12 гл. 14 ст.	Окончание Большой феодальной войны	Ник., Воскр. (6957—6958, 6960—6961)
4 гл. 15 ст.	Присоединение Новгорода	Ник., Воскр. (6979—6980), «Словеса избранные», Житие Зосимы и Савватия Соловецких
11 гл. 15 ст.	Присоединение Перми и Ростова	Ник. (6980), Воскр. (6980, 6982)
24 гл. 15 ст.	«Наречение на государство» Василия III	Ник., Воскр. (7006—7007)
7 гл. 16 ст.	Взятие Смоленска	Ник., Воскр. (7021—7023)
11 гл. 16 ст.	Чудесное спасение Опочки от литовцев	Воскр. (7026), Чудеса Сергия Радонежского
24 гл. 16 ст.	Смерть Василия III и похвалы ему	ЛНЦ, Воскр. (7042), «Слово похвальное» Василию III
6 гл. 17 ст.	Русско-литовская война 1535—1536 гг.	ЛНЦ, Воскр. (7043—7044)
10 гл. 17 ст.	Рассказ о взятии Казани	ЛНЦ (7042, 7044, 7053, 7056—7061, 7063), Житие Даниила Переяславского, устные сказания

Итоги рассмотрения описанной выше методики составления помещенных в СК рассказов на основании отрывочных сведений ее источников заставляют нас обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, в тексте фиксируется ряд вариантов использования данной методики — создание развернутых повестей, написание относительно небольших рассказов путем сокращения материала источников (в т. ч. и разножанровых), составление краткого перечня событий, относящихся к тому или иному персонажу или периоду. Во-вторых, все указанные выше варианты встречаются во всех, или в значительном числе разделов произведения (исключение составляют те крупные части СК, которые представляли собой заимствования из ее источни-

ков — Жития Ольги, митрополитов Петра и Ионы и др.; эти разделы помещены в различных гранях). Как видим, описанная выше методика составления помещенных в СК рассказов на основании отрывочных сведений ее источников (прежде всего, летописных) характерна не для какой-либо одной или нескольких степеней, а для всего текста памятника с 1 по 17 ст. включительно.

Генеалогические вставки

Одной из важнейших составляющих текста СК являются генеалогические пояснения. Как уже отмечалось выше, в первой главе каждой степени книжник, делая краткие экскурсы в родословную, уточняет место соответствующего персонажа русской истории в ряду потомков Владимира (а также, в большинстве случаев, — и Рюрика). Однако подобные пояснения сопровождают не только прямых предков Ивана IV — главных героев степеней: эти уточнения содержатся и в жизнеописаниях ряда прочих лиц княжеского происхождения, которым посвящены более или менее пространные разделы СК. Если брать всю совокупность случаев правки источников СК ее составителем, то оказывается, что наиболее последовательно вносились уточнения относительно родословной описываемых персонажей (источником соответствующих пояснений, как выяснил Н. Н. Покровский, послужила Ник.[104]). Так, если изложенные по летопис-

---

[104] *Покровский Н. Н.* Томский список... С. 31. Ниже нами рассматриваются те генеалогические вставки, которые отсутствовали в тексте соответствующего фрагмента источника, в котором эта вставка помещена (даже если это известие читается в других разделах этого же источника). Например, нами учитывается пояснение родословной тверского епископа Андрея в рассказе о попытке осудить митрополита Петра на соборе в Переяславле. Источником соответствующего рассказа в 1 гл. 10 ст. СК, как отметил В. В. Кусков (см.: *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 173, примеч. 2), послужила Ник. В записи под 6834 г. этой летописи указание на генеалогию Андрея отсутствует — оно есть в записи Ник. под 6797 г., т. е. в другом месте этого источника СК (см.: Степенная книга. Т. 1. С. 561; ПСРЛ. Т. 9. С. 167, 191—192). Таким образом, ниже мы приводим те генеалогические пояснения, которые не могли попасть в текст в результате механического переписывания того или иного рассказа — ниже приведены лишь те указания на родословную, появление которых в тексте СК было обусловлено **целенаправленным** редактированием текстов фрагментов соответствующих ее источников (даже если речь идет об одном источнике — Ник. — введение генеалогии того или иного персонажа требовало специальных усилий книжника по поиску нужного указания в другом разделе привлекаемого источника).

ным текстам детали из жизнеописаний потомков Владимира вносились лишь в отдельные жития и рассказы (например, в Житие Всеволода Псковского), то вставки генеалогических пояснений характерны для всех рассказов о том или ином потомке Владимира, т. е. являлись их неотъемлемым элементом. Обратимся к данным генеалогическим добавлениям книжника[105]. Для удобства представим их в виде таблицы (помещенные в первых главах степеней пояснения генеалогии главных героев не учитываются):

Раздел СК	Персонаж, чья генеалогия уточняется	Подвергающийся дополнениям источник СК
1	2	3
74 гл. 1 ст.	«князь Мьстиславъ, иже бысть сынъ седмый блаженнаго князя Владимира, братъ же великомученикомъ Борису и Глѣбу, единоматеренъ великому князю Ярославу»[106]	Летопись
7 гл. 3 ст.	Изяслав Ярославич «внукъ равноапостолнаго великаго князя Владимира»[107]	Летопись
9 гл. 3 ст.	Святослав Ярославич «внукъ блаженнаго и равноапостольнаго великого князя Владимира»[108]	Летопись
10 гл. 3 ст.	Давид Святославич «внук Ярослава Владимирича», «Свѣтослава Ярославича сынъ», «бѣ четвертыи отъ святаго Владимира»[109]	«Слово о князьях»
11 гл. 3 ст.	Николай Святоша «внукъ Свѣтославль, правнукъ Ярославль Владимирича», «пятыи отъ святаго Владимира»[110]	Киево-Печерский патерик
2 гл. 4 ст.	Василько Теребовльский «бысть сынъ Ростиславль, внукъ Владимиръ Новогородъскаго Ярославича Великаго»[111]	Летопись
5 гл. 4 ст.	Святополк Изяславич «внукъ Ярослава Владимирича»[112]	Летопись

[105] Фрагменты, в которых составитель СК точно копировал текст своего источника, содержащего указание на происхождение того или иного персонажа, ниже нами не рассматриваются.

[106] Степенная книга. Т. 1. С. 371.

[107] Там же. С. 391—392.

[108] Там же. С. 394.

[109] Там же. С. 395—396.

[110] Там же. С. 396, 401.

[111] Там же. С. 403.

[112] Там же. С. 407.

Продолжение

1	2	3
9 гл. 5 ст.	Всеволод «сын великаго князя Мьстислава Владимировича Манамаха, правнукъ же великому князю Всеволоду, сыну Ярославлю, внук равноапостольнаго великого князя Владимира»[113]	Житие Всеволода Псковского редакции Василия-Варлаама
10 гл. 5 ст.	Игорь Ольгович «внук Свѣтославль, правнукъ Ярославль сына Владимирова, крестившаго землю Русьскую»[114]	Летопись
11 гл. 5 ст.	«Всеславъ, сын Брячиславовъ, внукъ Изяславовъ, правнукъ блаженнаго и равноапостолнаго Владимира. Тои же Всеславъ имяше сыны многи, и бѣяше у него сын меньшии именемъ Георгии. Отъ него же родися» Евфросиния Полоцкая[115]	Житие Евфросинии Полоцкой редакции сборников
18 гл. 6 ст.	Михаил Черниговский «внукъ Свѣтославль, правнук Олговъ, праправнукъ Свѣтославль Ярославича Великаго»[116]	Житие Никиты Переяславского
2 гл. 7 ст.	Константин Всеволодович «прьвыи сынъ великаго князя Всеволода Георгиевича Длъгорукаго»[117]	Летопись
9 гл. 7 ст.	Василий Всеволодович «внукъ Костянтина Ростовьскаго»[118]	Летопись
14 гл. 7 ст.	Михаил Черниговский «сынъ Всеволожь, внук же Свѣтославль, правнук же Ольгов, праправнукъ Свѣтославль Ярославля Владимирича, крестившаго землю Русскую»[119]	Житие Михаила Черниговского редакции Пахомия Серба
15 гл. 7 ст.	Ярослав Владимирович «внук Рюрика Киевского, правнук Ростислава Мстиславича Манамаша»[120]	Летопись
9 гл. 9 ст.	Роман Ольгович Рязанский «внукъ Инъвгарев[121], правнукъ Игоревъ, праправнукъ Глѣбовъ. Глѣбъ же — сынъ Ростиславль, внукъ Ярославль, правнукъ Свѣтославль, праправнукъ Ярославль Владимирича»[122]	Летопись

[113] Степенная книга. Т. 1. С. 418.
[114] Там же. С. 429.
[115] Там же. С. 434.
[116] Там же. С. 479.
[117] Там же. С. 488.
[118] Там же. С. 498.
[119] Там же. С. 503.
[120] Там же. С. 515.
[121] Так в ркп.
[122] Там же. С. 542.

Продолжение

1	2	3
10 гл. 9 ст.	После упоминания Войшелка, следует генеалогический экскурс: «Земли Литовьстѣи сынъ Молковдовъ [Молковдовъ братъ Давилъ. Давиловъ сын Ердень, Ерденевъ сынъ тферьскои владыка Андрѣи, при Петрѣ чюдотворцѣ. Давиловъ сынъ Видъ. Видовъ сынъ Проидень. Проиденевъ сын Витень. Витеневъ сынъ Гедиманъ. Гедемановъ сынъ Олгердъ. Олгердовъ сынъ Ягаило. Ягаиловъ сынъ Казимиръ. Казимировъ сынъ Жыгдимантъ], великии князь именемъ Миндовгъ...»[123]	Летопись
11 гл. 9 ст.	Довмонт Псковский «сынъ Миндовговъ, братъ Вошлеговъ»[124]	Летопись
18 гл. 9 ст.	Федор Ярославский «бысть девятыи отъ сѣмени святаго и равноапостолнаго Владимира, внукъ Мьстиславль, правнук Давида Смоленьскаго, праправнукъ Ростиславль Мстиславича Владимеря Манамаша»[125]	Житие Федора Ярославского
1 гл. 10 ст.	Тверской епископ Андрей «бысть сынъ Ердена, князя литовьскаго»[126]	Летопись
6 гл. 10 ст.	Михаил Тверской «внукъ великаго князя Ярослава, правнукъ Всеволода Юрьевича Долгорукого», «сего Михаила отець Ярославъ, братъ Александру Невьскому»[127]	Летопись
11 гл. 11 ст.	Василиса-Феодора «бысть супружница благовѣрнаго князя Андрѣя Костянтиновича, внука Васильева, правнука Михаилова, праправнука Андрѣева Александровича Невъскаго, родомъ же бяше тферянка, отца Ивана Киясавьскаго и матери Анны»[128]	Летопись
26 гл. 13 ст.	Юрий Святославич Смоленский «внукъ Ивановъ, правнукъ Александровъ, праправнукъ Глѣбовъ, праправнукъ Ростиславль Мьстиславича; Мьстислав же бяше сынъ Давидов, внук Ростиславль, правнукъ Мьстиславль Владимиричя Манамаша»[129]	Повесть о Иулиании Вяземской старшей редакции

[123] Степенная книга. Т. 1. С. 543. Помещенный в квадратных скобках текст представляет собой запись на полях Томск. и Чуд. (цит. по Чуд.).

[124] Степенная книга. Т. 1. С. 544.

[125] Там же. С. 550.

[126] Там же. С. 561.

[127] Там же. С. 582.

[128] Там же. Т. 2. С. 44—45.

[129] Там же. С. 112.

Окончание

1	2	3
17 гл. 14 ст.	Дмитрий Юрьевич Красный «бѣ великому князю братъ из двоюродныхъ Василию Василиевичю, родныи же брат враждебному Шемякѣ, внук блаженнаго и достохвалнаго великаго князя Дмитриа Ивановича Доньскаго, отъ равноапостолнаго же Владимира 14»[130]	Летопись
5 гл. 15 ст.	«Царь Фома [отец Софьи Палеолог. — *А. У.*] бысть сынъ Мануила, царя Греческаго, братъ же царю Ивану Калуяну и Дмитрию и Костянтину»[131]	Летопись

К дополнениям генеалогического характера можно отнести и отмеченную Н. Н. Покровским вставку в Томск. на нижнем поле л. 344 об. относительно последовательности ярославских князей в 18 гл. 9 ст.: в Ярославле «преже быс[ть] великий князь Всеволод, сын Костянтина Всеволодовича Ростовьскаго. По Всеволоде же Костянтиновиче сын его Василий господствова в Ярославли. Сей же Василий во граде Владимири пребывая, с миром к Богу отиде, от Владимиря ж в Ярославль пренесен быс[ть] и положен в соборной церкви на северной стране. [По нем же в Ярославле бяше княгиня его Ксения со дщерию]»[132].

Рассмотрим основные тенденции в приведенных выше генеалогических добавлениях составителя СК к тексту своих источников. Прежде всего, отметим, что часть, но далеко не все — 11 из 25 рассмотренных (если учитывать последнюю вставку) — случаев вставки генеалогических пояснений отразилась в древнейших списках СК. Приведем их.

В 74 гл. 1 ст. при прояснении места Мстислава Владимировича в ряду потомков крестителя Руси в Волк. на л. 253 об. над строкой написано «седымыи» (сын Владимира Святославича); в Томск. (л. 196) и Чуд. (л. 189) правка учтена — в этих списках данные слова находились уже в строке. В 11 гл. 3 ст., описывая Николая Святошу, редактор в Волк. на верхнем поле л. 277 внес уточняющее указание «[вн]укъ С[вят]ославль, пра-

---

[130] Степенная книга. Т. 2. С. 170.

[131] Там же. С. 235.

[132] В квадратные скобки заключен текст, который утрачен в Томск. (нижний край л. 344 об. ркп., содержащей этот список, срезан при переплете) и восстанавливается по Чуд. (л. 356).

внукъ Ярослава Владимирича» (верхний край листа срезан), которое было учтено в Томск. (л. 209) и Чуд. (л. 215). В Волк. в 5 гл. 4 ст. уточняется генеалогия Святополка Изяславича — на правом поле л. 287 написаны слова «внук Ярослава Владимирича»; эта правка была учтена в Томск. (л. 218) и Чуд. (л. 224). Как указал А. В. Сиренов, родословная Евфросинии Полоцкой была написана на нижнем поле л. 311 об. Волк.; в Томск. (л. 239) и Чуд. (л. 246 об.) правка учтена — в этих списках данные слова находились уже в строке[133]. В Томск. и Чуд. отразилась генеалогическая вставка относительно Василия Ярославского: слова «[Василий] Всеволодович внук Костянтина Ростовскаго» написаны на правом поле сбоку л. 294 Томск. и на нижнем поле л. 305 Чуд. В Томск. в 15 гл. 7 ст. на правом поле л. 310 написаны слова (Ярославу Владимировичу) «правнуку Ростислава Мстиславича Манамаша» (аналогичная правка выполнена на правом поле л. 322 в Чуд.). На нижнем поле л. 337 Томск. и л. 348 об. Чуд. помещена приведенная выше генеалогия Романа Ольговича Рязанского. На л. 374 Томск. отразилась и генеалогическая вставка относительно родословной Михаила Тверского — на левом поле этого листа дописано: «[Внук великаго князя] Ярослава, правнук Все[волода Юрьевича Долгорукаго]». Как представляется, данная правка носила скорее характер исправления допущенного пропуска и грамматической ошибки, чем генеалогический характер — редактор лишь исправил ошибку писца в воспроизведении имени Всеволода и вставил, очевидно, забытое писцом имя Ярослава. В Чуд. на правом поле л. 388 помещена аналогичная вставка (без начала имени Всеволода). Н. Н. Покровский[134] обратил внимание на то, что вставка экскурса в генеалогию литовских князей в 10 гл. 9 ст. отразилась на полях Томск. (л. 338—338 об.) и Чуд. (л. 349 об.—350). Как отметил этот исследователь, вставка генеалогического характера помещена и в рассказе о предках Софьи Палеолог: в словах «царь Фома бысть сын Мануила, царя греческаго, брат же царю Димитрию и Констянтину, Ивану Калуяну» слова «Димитрию и Констянтину» помещены над строкой в Томск. (л. 610) и Чуд. (л. 632 об.)[135].

---

[133] *Сиренов А. В.* О Волковском списке... С. 288—289.

[134] *Покровский Н. Н.* Томский список... С. 27.

[135] Как отметил Н. Н. Покровский (см.: *Покровский Н. Н.* Томский список... С. 30), в 14 гл. 7 ст. в Томск. (л. 298 об.) и Чуд. (л. 310) при описании генеалогии Михаила Черниговского в словах «внук же Светославль, правнук

Можно отметить, что за пределами 15 ст. генеалогические пояснения относительно потомков Владимира не фиксируются (если, конечно, не считать упоминаний братьев Василия III и Ивана IV). Как представляется, с этим может быть связано то, что в 16—17 ст. отсутствуют развернутые рассказы о представителях великокняжеского рода (это, конечно, не относится к главным героям этих степеней — к отцу первого русского царя и к нему самому). Последнее в свою очередь дает основания полагать, что генеалогические пояснения книжником рассматривались как составная (более того — неотъемлемая) часть этих рассказов. При упоминании того или иного персонажа «вскользь», составитель памятника специально не останавливается на его родословной.

Чрезвычайно показательно, что в ряде случаев (жизнеописания Николая Святоши, Евфросинии Полоцкой, Михаила Черниговского) внесение генеалогических пояснений было, по сути, единственным случаем вмешательства составителя СК в текст соответствующего источника. Это в свою очередь побуждает заключить, что генеалогическая редактура текста источника, содержащего специальный рассказ о ком-либо из потомков Владимира, являлась обязательным условием включения повествования о нем в СК.

Важно отметить, что генеалогия не всех князей, специальные рассказы о которых помещены в СК, возводится непосредственно к Владимиру. В ряде случаев, описывая близких родственников главного героя степени, книжник ограничивается лишь указанием на степень родства между ним и соответствующим предком Ивана IV. Так, описывая Константина Всеволодовича в 2 гл. 7 ст., он отмечает, что тот был «первым сыном великого князя Всеволода Георгиевича Долгорукого»[136]. Весьма немногословно повествует СК и о родословной брата Ярослава Всеволодовича Юрия и его племянника Василько Константиновича (4, 13 гл. 7 ст.)[137], обращая внимание читателя лишь на

Ольгов, праправнук Светославль Ярославля Владимерича» «праправнук» написано на поле. Как указал историк, здесь «равно правдоподобны и писцовая ошибка, и сознательное редактирование». Принимая во внимание то, что неясно, идет речь о редакторской правке или нет, данный случай мы не будем рассматривать в ряду прочих случаев редакторской правки древнейших списков СК.

[136] Степенная книга. Т. 1. С. 488.

[137] Там же. С. 492, 501.

степень их родства по отношению к главному герою 7 ст. прямо (Юрия) и косвенно (13 гл. сообщает о том, что Василько был племянником Юрия Всеволодовича, брата Ярослава). Это дает основания полагать, что при прояснении места соответствующего персонажа в ряду потомков Владимира в ряде случаев составителю было достаточно возвести его к главному герою степени — например, Ярославу Владимировичу (Святополк Изяславич, Николай Святоша, Роман Ольгович).

Важно отметить, что в повествовании о нижегородской княгине Василисе-Феодоре, имевшей некняжеское происхождение, книжник ограничивается приведением генеалогии ее супруга — Андрея Константиновича (в 11 гл. 11 ст. внимание читателя обращено на его происхождение от сына Александра Ярославича Андрея). Это дает основания полагать, что, приводя родословную мужа Василисы-Феодоры, писатель рассматривал эту княгиню в качестве неотъемлемого члена рода потомков Владимира. Очевидно, для этого он и поместил в 11 гл. 11 ст. описание родословной Андрея Нижегородского. Отсутствует специальный экскурс и в генеалогию Евдокии-Евфросинии в 12 ст. — в рассказе о ней книжник лишь упоминает имена ее отца — Дмитрия Константиновича, и мужа — Дмитрия Ивановича[138].

Сказанное выше заставляет думать, что текст СК адресовался читателю, по всей видимости, имеющему некоторый багаж познаний в генеалогии — для определения места того или иного персонажа в ряду потомков Владимира ему было достаточно упоминания о том, что он состоял в соответствующей степени родства с главным героем грани. А как было показано ранее, генеалогия прямого предка Ивана IV прояснялась в первых главах степеней, где она неизменно возводилась к Владимиру с указанием степени родства с ним.

Обратим внимание на то, что генеалогические пояснения относятся не только к русским князьям. На это указывают экскурс в родословную Войшелка и пояснение относительно происхождения Довмонта Псковского. Внимание к генеалогии литовских князей в России времени Ивана IV было неслучайным, чем, по-видимому, и обусловливалось доведение перечня литовских князей до Сигизмунда I (1506—1548 гг.) — отца современника первого русского царя Сигизмунда II. Очевидно, составителю было важно подчеркнуть место Войшелка и Довмонта

[138] Степенная книга. Т. 2. С. 66.

не только и, вероятно, не столько в ряду их предков, сколько в ряду последующих правителей Литвы. Интересом к генеалогии литовских правителей, по-видимому, обусловливалось и основанное на записи Ник. под 6797 г. уточнение родословной тверского епископа Андрея, являвшегося сыном литовского князя. Есть основания говорить и об особом внимании нашего книжника к династии Палеологов. На это указывает генеалогическая вставка в рассказе о происхождении жены Ивана III Софии. Интересом к генеалогии Палеологов, очевидно, обусловливалось также заимствование из Хр. 1512 перечня сыновей Анны, дочери Василия I, вышедшей замуж за одного из представителей этой династии — в данном перечне среди прочих фигурируют Фома, Дмитрий, Константин и Иоанн Калуян, которые упоминаются во вставке в 5 гл. 15 ст. Учитывая то, что интерес создателя памятника к нерусским правящим родам ограничивается литовскими князьями, а также Палеологами (экскурсы в генеалогию Ваза, Габсбургов, Гиреев, Османов и др. правящих родов Европы и Азии в СК не фиксируются), можно предположить, что его внимание привлекала лишь родословная тех семей, с которыми московский правящий дом был связан тесными родственными узами.

Итоги анализа случаев генеалогической редактуры источников СК, отразившихся в ее древнейших списках, побуждают заключить, что данный вид правки был последовательно проведен через весь текст произведения (за исключением 16—17 ст.). Есть основания полагать, что генеалогическая правка была необходимым условием включения в СК материала житий или летописных повестей, сообщающих о потомках Владимира. Иногда внесением родословной справки редактирование источника СК и ограничивалось. Большинство генеалогических пояснений касалось представителей русского княжеского рода; исключением из этого правила являются указания на происхождение ряда литовских князей, а также представителей династии Палеологов, с которыми московские князья были связаны родственными узами. Как справедливо отметил Н. Н. Покровский, генеалогическая редактура служила для «усиления заглавной идеи книги о единстве „царского родословия“, всех колен рода Рюриковичей, сошедшихся в генеалогической линии московского государя»[139]. Как показывают результаты изучения рас-

[139] *Покровский Н. Н.* Томский список... С. 31.

смотренных выше генеалогических вставок, в соответствии с этой целью они возводили тех или иных представителей династии русских князей либо непосредственно к Владимиру, либо к главным героям степеней, место которых в ряду потомков крестителя Руси четко определялось в первых главах граней.

Внутритекстовые ссылки

Дополнительный свет на методы работы составителя СК проливают итоги анализа его внутритекстовых ссылок. Несмотря на то, что в литературе они уже отмечались[140], предметом специального анализа они не стали. Попытаемся по крайней мере отчасти восполнить этот пробел в изучении СК.

Памятник содержит целый ряд ссылок на текст, который помещен либо до того фрагмента, в который помещена ссылка, либо после него. Назначение ссылок книжник определяет в служащем своего рода введением к СК «Сказании о святем благочестии росийских началодержец»:

«Чюдесныя же о них [потомках Владимира. — *А. У.*] повести, их же елико возмогохомъ отчясти изообрѣсти, и сия здѣ въ книзѣ сеи степеньми расчинены суть, и граньми обьявлени, и главами с титлами сказуеми; ими же возможно всяку повѣсть, въ книзѣ сеи реченну, немедлено обрѣсти. Идеже и святѣиших митрополитовъ всея Русии имена вчинена суть, и о прочихъ святых, и знамения, иже с небеси отъ Бога»[141].

Для того чтобы «всякую повесть» можно было бы «немедленно обрести» в СК, перед ее основным текстом (после Жития Ольги) помещено гранесование — перечень разделов произведения: степеней/граней, глав и титл. Однако и гранесования составителю показалось недостаточно — по всему тексту произведения рассеяны ссылки на те или иные его разделы. Учитывая важность помещеннных в СК ссылок для последующего изложения, приведем их все (гранесование не учитывается):

Место ссылки	Текст ссылки	Раздел СК, на который ссылается книжник
1	2	3
17 гл. 1 ст.	«прочее же о немъ [Мстиславе Владимировиче. — *А. У.*] инде речется»[142]	74 гл. 1 ст.

[140] См.: *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 173—175.

[141] Степенная книга. Т. 1. С. 148.

[142] Там же. С. 234.

Продолжение

1	2	3
72 гл. 1 ст.	«Олга, о неи же довольно есть особное сказание»[143]	Житие Ольги
75 гл. 1 ст.	О победах Святослава Игоревича «выше явлено о сих въ степени»[144]	5 гл. 1 ст.
1 гл. 2 ст.	О Ярославе «речено есть в первои степени, въ главѣ 69 и въ 73»[145]	69, 73 гл. 1 ст.
2 гл. 3 ст.	О чуде, имевшем место в Киево-Печерском монастыре, «послѣди речется»[146]	9 гл. 3 ст., 4 гл. 4 ст.
2 гл. 5 ст.	Об Игоре Ольговиче «послѣди речется»[147]	10 гл. 5 ст.
3 гл. 5 ст.	О потомках Юрия Долгорукого «ино сказание послѣди явленно будеть»[148]	6 ст. (?)
2 гл. 6 ст.	О смерти Изяслава Давидовича «послѣди речется»[149]	15 гл. 6 ст.
11 гл. 6 ст.	О братьях и сыновьях Всеволода Юрьевича «сказание сице»[150]	12 гл. 6 ст.[151]
18 гл. 6 ст.	О Михаиле Черниговском «послѣди речено будет»[152]	14 гл. 7 ст.
1 гл. 7 ст.	О Михаиле Черниговском и его боярине Федоре «послѣди... довольно изъявлено бысть»[153]	14 гл. 7 ст.
4 гл. 7 ст.	О Владимире «доволно писано бысть в началѣ книги сея»[154]	1 ст.
4 гл. 7 ст.	Об усобицах потомков Владимира «выше вкратцѣ речено бысть»[155]	3—4 гл. 7 ст.
16 гл. 9 ст.	О Житии Федора Ярославского «послѣди речется»[156]	18 гл. 9 ст.
17 гл. 9 ст.	«прочее же о сих [событиях, последовавших после смерти Андрея Александровича. — *А. У.*] послѣди речется»[157]	1 гл. 10 ст.

[143] Степенная книга. Т. 1. С. 336.
[144] Там же. С. 374.
[145] Там же. С. 379.
[146] Там же. С. 388.
[147] Там же. С. 413.
[148] Там же. С. 414.
[149] Там же. С. 449.
[150] Там же. С. 460.
[151] 12 гл. 6 ст. повествует о братьях Всеволода — Андрее и Михаиле — но ничего не сообщает о его сыновьях.
[152] Степенная книга. Т. 1. С. 481.
[153] Там же. С. 487.
[154] Там же. С. 492.
[155] Там же. С. 493.
[156] Там же. С. 549.
[157] Там же. С. 550.

Продолжение

1	2	3
1 гл. 10 ст.	О Михаиле Тверском «послѣди повѣсть явлена будеть»[158]	6 гл. 10 ст.
2 гл. 10 ст.	«прочее же его [митрополита Петра. — *А. У.*] чюдотворное рожение, и житие богоугодное... явна бяше в сеи же десятои степени въ третееи главе»[159]	3 гл. 10 ст.
6 гл. 10 ст.	О Ярославе Ярославиче «зри в конци осьмыя грани»[160]	13 гл. 8 ст.
4 гл. 11 ст.	«О страдании же Феогнаста митрополита послѣди речется»[161]	6 гл. 11 ст.
4 гл. 11 ст.	Житие митрополита Алексия «послѣди явлено есть»[162]	7 гл. 11 ст.
16 гл. 12 ст.	О перенесении Владимирской иконы из Владимира в Москву «сказание имать въ книзѣ сеи в третьеинадесять степени»[163]	24 гл. 13 ст.
7 гл. 13 ст.	О перенесении Владимирской иконы из Владимира в Москву «писана послѣди въ степени семъ в торжественомъ словеси»[164]	24 гл. 13 ст.
17 гл. 13 ст.	После сообщения о смерти Евдокии-Евфросинии указано, что «о неи же преже речено бысть во второинадесяти степени»[165]	14—20 гл. 12 ст.
17 гл. 13 ст.	О нашествии Едигея на Русь «последи явлено будетъ»[166]	3 тит. 28 гл. 13 ст.
17 гл. 13 ст.	При упоминании митрополитов Киприана и Фотия отмечается, что «о них же послѣди речется»[167]	25 гл. 13 ст., 16 гл. 14 ст.
20 гл. 13 ст.	О Колочской иконе «явлена суть въ степени семъ, глава 27»[168]	27 гл. 13 ст.
20 гл. 13 ст.	О Василии II «есть сказание во книзѣ сеи, в четвертомънадесять степени, глава 1»[169]	1 гл. 14 ст.

[158] Степенная книга. Т. 1. С. 561.
[159] Там же. С. 564.
[160] Там же. С. 582.
[161] Там же. Т. 2. С. 6.
[162] Там же. С. 7.
[163] Там же. С. 67.
[164] Там же. С. 77.
[165] Там же. С. 85.
[166] Там же.
[167] Там же.
[168] Там же. С. 86.
[169] Там же.

Продолжение

1	2	3
23 гл. 13 ст.	О Василии II «во своемъ ему степени изрядно сказание достигнетъ и тамо явленно речется»[170]	14 ст.
4 тит. 28 гл. 13 ст.	О разделении русской митрополии «явлено есть в житии Фотия митрополита»[171]	16 гл. 14 ст.
4 гл. 14 ст.	«о житии же Фотиа митрополита и о бывшихъ по немъ мятежехъ последи речется»[172]	16 гл. 14 ст.
7 гл. 14 ст.	«прочее же о сих [событиях, связанных с заключением Ферраро-Флорентийской унии. — *А. У.*] доволнее бяше писано в житии святаго и блаженнаго Ионы, митрополита всея Русии»[173]	19 гл. 14 ст.
7 гл. 14 ст.	«о немъ же [Иване III. — *А. У.*], аще благоволитъ Богъ, последи хощетъ рещися въ степени пятыинадесяти»[174]	15 ст.
11 гл. 14 ст.	О чудесах митрополита Ионы «въ житии его свѣдѣтельствуетъ о немъ»[175]	19 гл. 14 ст.
14 гл. 14 ст.	Сообщая о смерти Ионы, книжник отмечает, что «о нем же послѣди повесть явитъ»[176]	19 гл. 14 ст.
15 гл. 14 ст.	«о нем же [Иване III. — *А. У.*] послѣди сказание явитъ»[177]	15 ст.
1 гл. 15 ст.	О подчинении Новгорода «последи речется»	4 гл. 15 ст.
1 гл. 15 ст.	О правлении Василия II «выше явлено есть въ четвертоинадесять степени книги сея»[178]	14 ст.
2 гл. 15 ст.	Об обретении мощей ярославских князей-святых «доволна есть повѣсть в девятои степени книги сея»[179]	19 гл. 9 ст.
5 тит. 4 гл. 15 ст.	О Марфе Борецкой «выше речено бысть»[180]	2 тит. 4 гл. 15 ст.

[170] Степенная книга. Т. 2. С. 87.
[171] Там же.
[172] Там же. С. 131.
[173] Там же. С. 136.
[174] Там же. С. 137.
[175] Там же. С. 146.
[176] Там же. С. 151.
[177] Там же. С. 152.
[178] Там же. С. 218.
[179] Там же. С. 219.
[180] Там же. С. 225.

Продолжение

1	2	3
12 гл. 15 ст.	О перенесении мощей митрополита Петра и основании Богородичной церкви «писано есть доволно въ книзѣ сеи, в четвертоинадесять степени, в житии новѣишаго чюдотворца Ионы»[181]	19 гл. 14 ст.
19 гл. 15 ст.	О войнах Василия III с казанским ханом Махмет-Амином «последи речется»[182]	2 гл. 16 ст.
29 гл. 15 ст.	Об основании митрополитом Алексием Чудовской церкви «явлено есть въ житии сего великаго чюдотворца Алексиа, митрополита всеа Русии, въ первоинадесять степени книги сея»[183]	24 тит. 7 гл. 11 ст.
1 гл. 16 ст.	О чудесном рождении Василия III «явлено есть въ пятоинадесять степени книги сея во главѣ пятоинадесять»[184]	15 гл. 15 ст.
2 гл. 16 ст.	О казанском хане Махмет-Амине «преже явлено бысть въ пятоинадесять степени книги сея во главѣ девятоинадесять»[185]	19 гл. 15 ст.
4 гл. 16 ст.	О войнах с крымскими татарами «последи речется»[186]	10, 16, 20 гл. 16 ст.
14 гл. 16 ст.	Чудеса митрополита Алексия «писана въ книге сеи, въ первоинадесять степени, въ Житии святаго сего чюдотворца»[187]	7 гл. 11 ст.
22 гл. 16 ст.	О Данииле Переяславском «последи речется во степени сеи»[188]	25 гл. 16 ст.
1 гл. 17 ст.	О пророчестве инока Галактиона о рождении Ивана IV «писано въ книзѣ сеи в шестои на десять степени во второи[189] главѣ»[190]	12 гл. 16 ст.
1 гл. 17 ст.	О рождении Ивана IV «явлено есть въ книзѣ сеи, шестоинадесять степени, въ главѣ 22»[191]	22 гл. 16 ст.

[181] Степенная книга. Т. 2. С. 247.
[182] Там же. С. 266.
[183] Там же. С. 280.
[184] Там же. С. 286.
[185] Там же. С. 288.
[186] Там же. С. 291.
[187] Там же. С. 304.
[188] Там же. С. 317.
[189] Так в ркп. Очевидно здесь речь идет об ошибке писца, пропустившего при копировании текста «[второи]надесять».
[190] Степенная книга. Т. 2. С. 345.
[191] Там же. С. 346.

Окончание

1	2	3
9 гл. 17 ст.	О Василии Блаженном «вмалѣ [не]что[192] явлено есть в шестоинадесять степени книги сея, въ главѣ шестои же надесять»[193]	16 гл. 16 ст.

Прежде чем приступить к разбору ссылок СК, сделаем важное замечание. Большое значение для их анализа в контексте проблемы авторства памятника имеет то, что все ссылки (за одним исключением[194]) помещены в основном тексте в его древнейших списках и, таким образом, не могут быть отнесены к творчеству редакторов этих списков. Последнее дает веские основания полагать, что ссылки принадлежат составителю СК, а не редактору Волк., Томск. и Чуд. (подробнее вопрос о возможности их тождества будет рассмотрен ниже). Итоги обобщения материала приведенных выше ссылок в СК на отдельные ее фрагменты побуждают обратить внимание на ряд моментов.

Пожалуй, самой явной тенденцией, которая фиксируется в 50 выявленных нами ссылках, является незначительное их количество в первых разделах с нарастанием их числа в последующих степенях (наибольшее число ссылок приходится на 13—15 ст.). Большое значение для анализа приемов нашего книжника имеет то, что первоначально он в 1 ст., воспроизводя порой весьма обширные пассажи из Жития Ольги (в 1 ст. они фиксируются, по меньшей мере, в 7 главах: 4, 11, 23—24, 60,

---

[192] Восстановлено по Томск.

[193] Степенная книга. Т. 2. С. 354.

[194] См. ссылку в 6 гл. 10 ст. на рассказ о Ярославе Ярославиче в конце 8 ст. Как отмечено в новом издании СК (см.: Степенная книга. Т. 1. С. 582, примеч. а), данные слова выполнены редакторским почерком на поле Томск. и Чуд. Рассматриваемая ссылка выделяется среди прочих не только этим. Обращает на себя внимание и исключительность ее содержания, которое несвойственно прочим соответствующим фрагментам. Так, как следует из приведенного выше материала, книжник в ссылках использовал слова «речется/речено» 19 раз; 7 раз указывал на особые сказания о тех или иных персонажах или событиях; 17 раз сообщал о том, что соответствующий пассаж либо уже был «явлен» («изъявлен»), либо будет «явлен» ниже; 6 раз отмечал, что то или иное сообщение «писано» в надлежащем месте текста СК. Как нетрудно заметить, ни разу (за исключением приведенной выше ссылки) он не использовал «зри». В рассматриваемой ссылке также содержится указание на «грань», которое не характерно для всех прочих ссылок, указывающих на «степени» и «главы» или на конкретные разделы СК (как правило, жития). Ниже к этой ссылке мы еще вернемся.

72, 75 гл.[195]), не сопровождал их ссылками. Лишь начиная с 72 гл. вместо пространных повторов появляется ссылка на «особное сказание» об Ольге. Таким образом, можно предположить, что к использованию ссылок составитель пришел не сразу. Вместе с тем, как показывают итоги анализа выявленных нами ссылок, делая их изредка в начале СК, в последующих разделах он использует их уже намного чаще. Так, в 1 ст. (самой пространной) фиксируется лишь 3 ссылки, во 2 и 3 ст. — по одной, в 4 и 8 — ни одной, в 5 — 2, в 6 и 7 — по 3, в 9 — 2, в 10 — 3, в 11 — 2, в 12 — 1, в 13 — 8 (!), в 14 — 6 (!), в 15 — 7 (!), в 16 — 5, в 17 — 3. Есть основания полагать, что незначительное число ссылок в первых разделах могло быть обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, предшествующий им материал был невелик. Во-вторых, есть все основания полагать, что методика работы над текстом памятника окончательно оформилась лишь в процессе его написания. Меньшее (по сравнению с 13—15 ст.) число ссылок в 16 ст., по всей видимости, объясняется тем, что на момент ее создания написание 17 ст. не планировалось[196], т. е. отпадала необходимость в ссылках на следующий за ней текст. Причинами сравнительно небольшого числа ссылок в 17 ст. могло быть, во-первых, то, что она писалась в последнюю очередь и при работе над ней писатель был вынужден спешить, во-вторых, то, что ее продолжение, по-видимому, не планировалось (т. е., как и в случае с 16 ст., отпадала необходимость в ссылках на текст последующей степени, которые, как будет показано ниже, составляли основной объем ссылок).

Внутритекстовые ссылки в СК можно разделить на две группы: «ретроспективные» (ссылки на предшествующий соответствующему разделу текст) — 17 ссылок и «перспективные» (т. е. ссылки на тот текст, который должен был следовать ниже) — 33 ссылки. В первом виде ссылок, как правило, точно указывался номер главы и степени; реже лишь номер степени. При ссылках

---

[195] Подробнее об использовании Жития Ольги в 1 ст. см.: *Околович Н. Ф.* Жития святых... С. 55, 58, 75; *Соболевский А. И.* Поп Сильвестр и Домострой. С. 200—201; *Курукин И. В.* Сильвестр и составление Жития Ольги... С. 51—60; *Усачев А. С.* Источники... С. 244.

[196] Как отметил Н. Н. Покровский (см.: *Покровский Н. Н.* Томский список... С. 22—24), заключающее 16 ст. Житие Даниила Переяславского и 17 ст. в памятнике появились позднее написания основного текста 16 ст. Подробнее этот вопрос нами будет рассмотрен ниже.

на тот текст, который должен был следовать далее, книжник ограничивался указанием на степень (как правило, ту, в которой помещена ссылка) или отмечал лишь то, что о том или ином персонаже или событии «последи речется» (это также относилось к этой же или следующей степени).

Зафиксируем, что ни в одной (!) «перспективной» ссылке составитель СК не обращался далее следующей степени. Вряд ли только на этом основании можно говорить, что он не имел общего плана произведения, выходящего за рамки соответствующей степени и той степени, которая должна была следовать за ней. Рассмотренный материал лишь дает основания полагать, что степени писались в порядке их следования в памятнике. На это прямо указывает фраза в повествующей о Василии II 7 гл. 14 ст. о том, что «о нем же [Иване III. — *А. У.*], аще благоволит Бог, последи хощет рещися во степени пятоинадесять». Данные слова являются прямым свидетельством того, что в момент написания 14 ст. за 15 ст. писатель еще не принимался. На такой порядок создания СК указывает и упоминание в 24 гл. 16 ст. Ивана IV, о котором «лѣпо есть особно степени вчинитися, яко же в лѣтописаниихъ явлено есть довольно сказание, како трудолюбезно подвизашеся о благочестии...»[197]. Вряд ли можно сомневаться в том, что на момент написания 16 ст. 17-я не только еще не была написана, но даже и не планировалась (в отличие от 15 ст., возможность создания которой отмечается уже во время работы над 14-й).

Вероятно, важнейшим моментом, который фиксируется при рассмотрении ссылок в СК на ее текст, является место их расположения. Все без исключения (!) ссылки помещены в тексте, который признается созданным составителем СК (в «авторской» части памятника) — ни одной (из 50!) ссылки не фиксируется в ее «компилятивной» части, т. е. в тех ее разделах, которые основаны целиком или в большей своей части на вошедших в нее полностью или в значительных фрагментах произведениях (прежде всего, житиях); в СК могут лишь содержаться ссылки на эти памятники. Ни одной ссылки на последующие или предыдущие разделы СК читатель не встретит в Житиях Ольги, Всеволода Псковского, Евфросинии Полоцкой, митрополитов Петра, Алексия и Ионы, Сказании о Борисе и Глебе, Повести на перенесение Богородичной иконы из Вла-

[197] Степенная книга. Т. 2. С. 327.

димира в Москву и т. д. Это может означать лишь одно — книжник четко отделял созданный им текст от текста, который он заимствовал полностью или в своей основной части из сочинений своих предшественников. Данное обстоятельство в свою очередь дает основания полагать, что ссылки в СК позволяют четче определить контуры ее «авторского» текста (подробнее соответствующие разделы текста произведения будут рассмотрены ниже).

Итоги наблюдений над ссылками дают возможность вполне определенно ответить на вопрос об их тематическом приоритете. Как следует из приведенного выше материала, ссылки в первую очередь делались на рассказы о тех или иных событиях из жизни представителей рода русских государей (на них внимание читателя обращается 26 раз). Ссылки на прочие группы известий в порядке убывания располагаются следующим образом: указания на жизнеописания русских святых (митрополитов Петра, Алексия и Ионы, а также Даниила Переяславского), прочие рассказы о деятелях Церкви (митрополитах Киприане и Фотии, а также о Василии Блаженном) — 10 ссылок; о значимых событиях из церковной истории — (чудеса, связанные с чудотворными иконами, рассказ о Флорентийской унии и т. д.) — 8; рассказы о прочих событиях (о подчинении Новгорода, нашествии Едигея и т. д.) — 6. Как видим, составитель памятника, представляя его текст читателю, в первую очередь делал акцент на жизнеописаниях Ольги, Владимира и их потомков, а также на фактах, связанных с историко-церковной тематикой; прочие события находились на периферии его интереса.

Таким образом, результаты рассмотрения внутритекстовых ссылок в СК побуждают констатировать, что все ее разделы (за исключением полностью включенного в памятник Жития Ольги) писались с использованием одной методики ссылок. Есть основания полагать, что эта методика оттачивалась от раздела к разделу СК, чем и обусловливается наибольшее число ссылок в заключительных степенях. Также отметим, что ссылки делались книжником в написанном им (полностью или частично) тексте и не включались во фрагменты СК, основанные исключительно на ее источниках.

Окончания степеней

Важный материал о наборе методов, с помощью которых создавалась СК, дают наблюдения над окончаниями составляю-

щих ее граней. Почти все они имеют особые концовки. Это могло быть: упоминание главного персонажа данной степени и сжатая характеристика героя и событий следующей степени (1, 4, 8, 15 ст.); краткое указание на конец соответствующего раздела (2—3, 5—7, 9—10, 12—13 ст.). Так, в 15 ст. концовка выглядит следующим образом: «Богъ творитъ вся, елико хощетъ, иже и здѣ паче инѣхъ степении возвыси и прослави сии 15 степени, ему же сказание до здѣ и конець пятыанадесять грани. Да не умолъчено же буди къ прочимъ приложити и 16 степень, ему же начало сице»[198]. Во 2 ст. концовка читается по-иному: «Дозде вторыи степень и конець грани вторыя»[199]. Концовки отсутствуют в 11, 14, 16 ст., а также в 17 ст., заключающей СК (т. е. в 4 степенях из 17). Чем это могло обусловливаться? Точно ответить на данный вопрос вряд ли возможно. Имеющийся в нашем распоряжении материал дает основания лишь высказать одно предположение.

Обращает на себя внимание, что концовок нет в тех степенях, которые заканчиваются пространными биографиями — Василисы Нижегородской (11 гл. 11 ст.), митрополита Ионы (19 гл. 14 ст.), Даниила Переяславского (25 гл. 16 ст.). Относительно окончания 16 ст. известно, что, как установил Н. Н. Покровский[200], Житие переяславского святого вошло в СК после написания основного текста 16 ст., т. е. было приписано несколько позднее (вставка отразилась в Томск.; в Чуд., создававшемся на основе Томск., правка учтена и кодикологического «шва» между 24 и 25 гл. 16 ст. не фиксируется). Вероятно, при переписке Жития Даниила в Томск. концовка грани была пропущена писцом, а редактор не внес соответствующей правки. Нельзя исключить, что при включении в СК жизнеописаний Василисы Нижегородской и митрополита Ионы, заключающих 11 и 14 ст., писец также не внес соответствующего указания, а редактор не поправил его. Отсутствие концовки в 17 ст., вероятно, обусловливалось незаконченным характером памятника, который завершала эта степень (об этом ниже).

Следы незавершенности работы

Подводя итоги рассмотрению некоторых методов создания и оформления текста СК, необходимо сказать несколько слов об

---

[198] Степенная книга. Т. 2. С. 285.

[199] Там же. Т. 1. С. 385.

[200] *Покровский Н. Н.* Томский список... С. 22—24.

имеющихся в этом тексте несогласованностях. Как уже отмечалось выше, в 4 (из 17) степенях отсутствуют концовки. Встречаются и противоречия фактического характера. Так, в известии о браке дочери Василия I Анны, основанном на данных Хр. 1512, сказано, что русская княжна вышла замуж за византийского императора Мануила (12, 19 гл. 13 ст.)[201]. В то же время в жизнеописании митрополита Фотия (16 гл. 14 ст.), основанном в значительной степени на данных Ник., указано, что Анна стала женой сына Мануила — Иоанна[202]. К числу подобных противоречий можно отнести упоминание одного сына Ивана IV (царевича Ивана) в Житии Алексия (33 тит. 7 гл. 11 ст.)[203] и нескольких «чад» первого русского царя в других разделах памятника (Житие Ольги, 8 гл. 17 ст.)[204]. Чем могли обусловливаться данные нестыковки?

При рассмотрении методов работы создателя СК в контексте проблемы ее авторства необходимо указать, что, как уже отмечалось в историографии[205], текст памятника окончен не был. Об этом, например, свидетельствует отмеченный Н. Н. Покровским фрагмент из Похвалы митрополиту Ионе (19 гл. 14 ст.), в котором используется характерная для богослужебной литературы форма с «имярек» применительно к Ивану IV (подробнее этот вопрос нами был разобран при рассмотрении правки Жития митрополита Ионы третьей редакции, сопутствующей его включению в СК).

Еще более показательно то, что, как указал этот же исследователь, конец произведения скомкан — последним (по расположению в тексте) известием является сообщение о голоде в Крыму (26 гл. 17 ст.), которое явно не могло служить достойным завершением такого обобщающего памятника исторической литературы, каким является СК[206]. Внесение, по-видимому, на заключительном этапе оформления ее текста краткого упоминания о самой громкой победе русского оружия времени составления СК — о взятии Полоцка (18 гл. 17 ст.) — также дает

---

[201] Степенная книга. Т. 2. С. 81, 86.

[202] Там же. С. 157. На данное противоречие в тексте СК указал еще П. Г. Васенко (см.: *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 179).

[203] Степенная книга. Т. 2. С. 38.

[204] Там же. Т. 1. С. 185; Т. 2. С. 353.

[205] Например, см.: *Покровский Н. Н.* 1) Томский список... С. 9—10; 2) О концепции святости русских государей... С. 107.

[206] *Покровский Н. Н.* Томский список... С. 10.

основания зафиксировать следы спешки в написании произведения (во всяком случае, его заключительных разделов).

Учитывая сказанное выше, можно полагать, что, по всей вероятности, спешкой в работе над СК и обусловливалось появление в ее тексте ряда «ляпов», которые книжник не имел возможности «вычитать». Так, нельзя исключить того, что он не успел согласовать тексты хронографической и летописной версий рассказа о браке дочери Василия I Анны. Этим же может быть объяснено и отсутствие упоминания прочих детей первого русского царя в Житии Алексия, а также использование формулы с «имярек» применительно к Ивану IV в Житии Ионы. Как уже отмечалось выше, незаконченный характер СК проявился и в отсутствии концовок в 11, 14, 16 и 17 ст.

* * *

Подводя итоги проведенного исследования методов работы над текстом СК, можно отметить следующее.

1. Жизнеописания главных героев степеней — прямых предков Ивана IV, представляющие собой ядро текста СК, создавались по четкому плану: первая глава содержала генеалогическую справку о соответствующем персонаже, последующий текст рассказывал о его жизни; при наличии необходимого материала источников повествование завершалось похвалой и чудесами, включение которых было характерно для житий макарьевского времени. Во многих случаях в основу биографии главного героя грани клался наиболее пространный (иногда единственный) повествующий о нем памятник, сведения которого дополнялись летописным материалом. При отсутствии подходящего источника жизнеописания создавались на основе обобщения летописных известий.

2. Все помещенные в СК рассказы о потомках Владимира (в т. ч. и тех, которые не являлись прямыми предками Ивана IV) при включении их в ее текст дополнялись генеалогическими пояснениями, часть которых отразилась в Волк., Томск. и Чуд. Достаточно часто генеалогические вставки оказывались единственными следами вмешательства книжника в тексты своих источников.

3. Составителя СК характеризует стремление создавать связные рассказы о лицах и событиях. Как правило, эти разделы памятника писались на основе обобщения ряда летописных записей, которые иногда дополнялись данными иных источни-

ков. При этом их материал мог сокращаться, излагаться не в хронологическом, а в тематическом порядке; порой фрагменты доступных книжнику произведений дополнялись его оценками и психологическими характеристиками, которые, как правило, не носили фактологического характера.

4. Важной отличительной чертой СК являются внутритекстовые ссылки, которые отсылают читателя либо к предшествующему соответствующей степени разделу, либо к тексту следующей грани. Важно отметить, что эти ссылки содержатся в 15 из 17 степеней, т. е. практически во всем тексте СК. Также необходимо отметить, что все без исключения ссылки помещены в «авторском» тексте СК и отсутствуют в ее «компилятивных» частях.

5. В памятнике фиксируется несколько видов несогласованностей в деталях, а также в методах его создания. При этом важно отметить, что эти виды не совпадают в одних и тех же разделах текста, что было бы неизбежно в том случае, если бы различные разделы СК создавались разными лицами. Так, внутритекстовые ссылки отсутствуют в 4 и 8 ст.; концовки граней в 11, 14, 16 и 17 ст.; указания на происхождение главных героев степеней в 3—4 и 7 ст.; противоречия в известиях фиксируются в Житии Ольги, 33 тит. 7 гл. 11 ст., 8 гл. 17 ст., 12, 19 гл. 13 ст., 16 гл. 14 ст. Данные нестыковки могут быть объяснены спешкой писателя в работе над текстом СК, которую он, по всей видимости, не имел возможности довести до конца.

6. Есть основания полагать, что ряд отличий в тексте первых степеней от последующих, по всей видимости, обусловливался тем, что первые степени выступали в качестве некой «пробы пера» книжника — по всей видимости, по мере написания разделов СК методика его работы совершенствовалась. Это проявилось а) в нарастании числа внутритекстовых ссылок в заключительных степенях; б) в закреплении указаний родословной главного героя степени не только от Владимира, но и от Рюрика (с 8 ст.)[207].

---

[207] Как было указано выше (при разборе соответствующего материала), могут быть предложены по крайней мере три возможные причины пропуска указаний на происхождение от Рюрика трех прямых предков Ивана IV (Всеволода Ярославича, Владимира Мономаха и Ярослава Всеволодовича). Однако необходимо отметить, что представленный выше материал убеждает 1) в отсутствии точек взаимных пересечений данных «нестыковок» в 3—4 и 7 ст. с другими противоречиями в СК и 2) в единстве методов создания ее текста.

7. Выявленные выше методы создания текста СК характерны для той ее части, которая, судя по всему, писалась составителем и не представляла собой дословных заимствований из источников памятника (исключение составляют генеалогические вставки, вносившиеся по всему тексту). Это в свою очередь побуждает отделять «авторский» текст СК от таких ее «компилятивных» разделов как Жития Ольги, Евфросинии Полоцкой, Всеволода Псковского, митрополитов Петра и Ионы и т. д., хотя и в последние вносились изменения, характерные для всего текста СК (в частности, в Житие Всеволода Псковского вносились летописные вставки, дополняющие его биографию).

Сказанное выше дает основания заключить, что весь текст СК за исключением дословных цитат из ее источников создавался с помощью одного набора методов. Обратим внимание на то, что рассмотренные выше методы характерны лишь для этого памятника, который в ряду предшествующих и современных ему произведений выделяется не только своеобразием своей структуры, но и спецификой приемов, с помощью которых он создавался. Это в свою очередь на данном этапе изучения СК дает основания констатировать, что на протяжении всего ее текста фиксируется одна рука[208].

Также нет никаких оснований выделять фигуры главных героев соответствующих степеней из ряда прочих прародителей первого русского царя. На явное совершенствование методики работы составителя СК, как отмечено выше, указывает нарастание числа внутритекстовых ссылок в заключительных степенях памятника. Сказанное заставляет нас отдать предпочтение именно представленному выше объяснению — по всей видимости, начиная с 8 ст., повествующей об Александре Ярославиче, книжник, «набив руку» на написании первых глав степеней, уже неизменно сообщал читателю о происхождении того или иного персонажа как от Владимира, так и от Рюрика.

[208] Важно отметить, что в СК отсутствуют и языковые «швы». Как показали результаты специального исследования языка этого произведения, в лингвистическом отношении ее текст гомогенен: в памятнике не фиксируются разделы, для которых бы были характерны различные языковые явления. См.: *Otten F.* Die finiten Verbalformen und ihr Gebrauch in der Stepennaja kniga carskogo rodoslovija. Berlin, 1973 [Veroffentlichungen der Abteilung fur slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts an der Freien Universität Berlin; Bd. 42]. Также нами был использован материал доклада В. М. Живова «О языке Книги Степенной царского родословия», который был представлен на международной конференции «Книга Степенная царского родословия и русское историческое самосознание» (Лос-Анджелес, UCLA, 26—28 февраля 2009 г.).

Рассмотренный выше материал также приводит нас к заключению, что гипотеза о коллективном авторе СК возможна, но только при условии того, что эти лица полностью разделяли свои взгляды на общий характер этого памятника, использовали один круг источников, создавали все его разделы по единому плану в порядке их следования в СК, все вместе одновременно практически во всех разделах делали внутритекстовые ссылки (вставки ссылок в Волк., Томск. и Чуд. не фиксируются), с помощью одной методики создавали на основе источникового материала более или менее пространные рассказы о персонажах и периодах русской истории на протяжении всего текста СК, проявляли одинаковый интерес к генеалогии потомков Владимира и состоявших в родстве с ними литовских князей и Палеологов, сходным образом редактировали источники, при этом все вместе демонстрируя навыки, во многом отличные от традиций, в соответствии с которыми создавались все предшествующие СК произведения древнерусской книжности (прежде всего, памятники летописания и агиографии). На наш взгляд, вероятность существования такой группы единомышленников в России середины XVI в. даже в таком крупном книгописном центре как митрополичий Чудов монастырь весьма сомнительна.

Однако, принимая представленное выше решение вопроса об авторстве СК, читатель настоящей работы вправе задаться вопросом: а было ли под силу одному книжнику (даже если его функции ограничивались составлением и редактированием, об этом ниже) создать такой масштабный памятник как СК в течение достаточно короткого периода времени?

Пытаясь развеять закономерные сомнения, обратим внимание на ряд обстоятельств. Во-первых, как показали итоги нашего исследования времени написания СК, представленные во второй главе, вероятно, ее текст создавался не в течение трехлетнего периода (1560—1563 гг.), как полагал П. Г. Васенко, а на протяжении гораздо более длительного времени — около 7 лет (около 1556—1563 гг.). Во-вторых, как было отмечено нами выше, при создании помещенных в СК жизнеописаний (прежде всего, главных героев степеней) писатель придерживался четкого плана, выработав особый алгоритм создания житий-степеней. Вряд ли можно сомневаться в том, что это давало ему возможность сэкономить время[209]. В-третьих, как показали итоги

[209] Обратим внимание на то, что компилятивный характер помещенных в СК жизнеописаний созвучен развитию русской житийной литературы макарьев-

обобщения накопленного в историко-филологической науке материала об СК, а также наблюдения автора настоящей работы, ее составитель в значительном числе случаев включал в текст памятника уже имеющиеся произведения (как правило, агиографические) полностью, либо более или менее пространные заимствования из них, которые иногда могли дополняться материалом других источников (прежде всего, летописных), а также сентенциями нашего книжника, который вносил некоторую (в ряде случаев минимальную) правку в известия своих источников[210]. В-четвертых, отметим, что текст СК писался, по всей видимости, в порядке следования степеней, на что указывают «перспективные» ссылки в ее тексте. Данное обстоятельство побуждает думать, что, по всей вероятности, разделы последовательно создавались одним лицом (или под руководством одного лица), которое в тексте одной степени выражает надежду на написание следующей. В-пятых, как уже было отмечено выше, на протяжении всего текста памятника фиксируются следы спешки в работе над ним, которые свидетельствуют о том, что работа не была доведена до конца. В-шестых, как будет показано ниже, по всей видимости, составитель имел в своем распоряжении

ской поры. Так, проясняя вопрос об удивительной плодовитости, пожалуй, самого известного агиографа эпохи — Василия-Варлаама, В. И. Охотникова отмечает:

«...Василий-Варлаам прекрасно освоил каноны житийного жанра и овладел стилем официальной литературы этого времени. Работая над жизнеописанием святого, он не стремился к исторически точному воссозданию его биографии, свою задачу Василий-Варлаам видел в том, чтобы изобразить идеальный образ святого, нарисовать словесную икону, „сплести похвалу“ и должным образом, в достойных словах прославить его деяния и чудеса. Он создавал отвечающие канонам житийного жанра произведения, следуя литературным образцам, нередко буквально переписывая целые эпизоды из уже известных агиографических сочинений. Именно поэтому многие исследователи считают Василия-Варлаама компилятором, признают его посредственным писателем, который, используя нехитрые риторические приемы и заимствуя из других житий, обрабатывал написанные до него тексты согласно эстетическим нормам официальной литературы XVI в.» (см.: *Охотникова В. И.* Псковская агиография XIV—XVII вв. Т. 2. СПб., 2007. С. 762).

[210] Одним из наиболее ярких примеров подобных рассказов служит жизнеописание Довмонта Псковского в СК, которое было специально рассмотрено В. И. Охотниковой. Изучив методы работы составителя СК в этом ее разделе, исследовательница заключает, что «основным приемом его обработки текста источника» являлось «исключение конкретных деталей и лексико-синтаксическое изменение слога» фрагментов своих источников (см.: *Охотникова В. И.* Псковская агиография. Т. 1. С. 454).

помощников, которым поручалась «техническая» работа, что давало возможность ему существенно сэкономить свое время. Сказанное выше дает основания считать возможность создания такого крупного памятника как СК одним лицом вполне вероятной.

Функции создателя Степенной книги

В свете всего вышесказанного неизбежно встает вопрос о том, каковы были функции этого лица: являлся ли он «автором», «редактором», «составителем» или «руководителем работ» по созданию СК?

Отвечая на этот вопрос, обратим внимание на то, что в тексте произведения фиксируется несколько групп разделов. Есть основания полагать, что роль нашего книжника в их создании была различна. Рассмотрим соответствующий материал.

К первой группе разделов СК можно отнести те, которые представляют собой более или менее значительные фрагменты из ее источников, которые, как правило, либо не подвергались правке вовсе, либо их правка была минимальной. К числу подобных текстов можно отнести: Жития Ольги, Евфросинии Полоцкой (11 гл. 5 ст.), Михаила Черниговского (14 гл. 7 ст.), митрополита Петра (4 гл. 10 ст.), Сказание о перенесении Владимирской иконы из Киева во Владимир (1—10, 12 тит. 12 гл. 6 ст.), Повесть на сретение Владимирской иконы (24 гл. 13 ст.). Как нетрудно заметить, это самые крупные разделы СК, которые составляют значительную часть ее объема. Так, Житие Ольги составляет около 5,5% всего текста СК древнейшей редакции[211]; Житие Евфросинии занимает около 40% текста 5 ст.[212]; Сказание о перенесении Владимирской иконы из Киева во Владимир — около 18% 6 ст.[213]; жизнеописание Михаила Черниговского — около 34% 7 ст.[214]; Житие Петра — около 40%

---

[211] Степенная книга. Т. 1. С. 149—196. Здесь и далее расчеты производятся по изданию СК 2007—2008 гг. Общий объем текста СК древнейшей редакции (включая статью «Царские сановники») в нем составляет 848 страниц. См.: Степенная книга. Т. 1. С. 147—594; Т. 2. С. 5—404, 457.

[212] Степенная книга. Т. 1. С. 433—447. Общий объем степени — 35 страниц (Там же. С. 412—447).

[213] Там же. С. 461—466. Общий объем степени — 34 страницы (Там же. С. 448—482).

[214] Там же. С. 503—514. Общий объем степени — 32 страницы (Там же. С. 483—515).

10 ст.[215]; Повесть на сретение Владимирской иконы — около 34% 13 ст.[216] Данные фрагменты вошли в текст СК практически в неизменном виде[217]. К этим же разделам, очевидно, можно отнести и гранесование (оглавление) степеней, которое составляет около 2,5% текста всего произведения[218]: по всей видимости, оно писалось уже после оформления основного текста СК, вероятно, по поручению руководителя работ. Учитывая незначительность изменений в соответствующих разделах СК по сравнению с их источниками, можно думать, что применительно к ним, наш книжник выступал в роли составителя. Общий объем этих частей памятника составляет не менее 15% его текста.

В СК фиксируются разделы, также основанные на крупных фрагментах ее источников, которые подверглись более значительной правке, чем рассмотренные выше пассажи. Как прави-

---

[215] Степенная книга. Т. 1. С. 567—581. Общий объем степени — 34 страницы (Там же. С. 560—594).

[216] Там же. Т. 2. С. 88—108. Общий объем степени — 58 страниц (Там же. С. 70—128).

[217] Лишь в Житие Евфросинии при редактировании Волк. была сделана вставка, поясняющая генеалогию этой святой, а из Жития Ольги был изъят крупный отрывок, повествующий об охотах византийских императоров; позднее в Волк., Томск. и Чуд. в жизнеописании Ольги была произведена вставка, указывающая на возраст Игоря в момент смерти Рюрика. Важно отметить, что, согласно предположению А. В. Сиренова, рассказ Жития Ольги об увеселениях правителей Византии первоначально читался в Волк., но позднее листы, содержащие соответствующий текст, были изъяты из него (подробнее см.: *Сиренов А. В.* Степенная книга... С. 127). Если исследователь прав, то появятся основания полагать, что первоначально Житие Ольги в СК вошло в неизменном виде и лишь при редактировании Волк. подверглось правке.

[218] Степенная книга. Т. 1. С. 197—217. Нельзя исключить того, что Сказание о митрополите Фотии также могло существовать в виде отдельного памятника. Если это действительно так, то получает объяснение уже отмеченное выше противоречие в СК: 12 и 19 гл. 13 ст. сообщают о женитьбе на дочери Василия I самого византийского императора, в жизнеописании этого святителя (16 гл. 16 ст.) содержится известие о браке Анны с сыном Мануила Иваном. Рассмотрев помещенный в СК рассказ об этом митрополите, Е. Тейро отметила ряд параллелей между ним и включенным в 14 ст. Житием Ионы (см.: *Teiro E.* La chaire métropolitaine en pays russe... P. 164—166). Возможно, эти параллели могли обусловливаться происхождением обоих рассказов из круга книжников Макария. Впрочем, ввиду отсутствия списков Сказания о Фотии нельзя не признать, что в настоящий момент речь идет скорее о догадке, чем о гипотезе (ср. мнение Н. В. Рамазановой о сомнительности написания сказания о Фотии Андреем-Афанасием: *Рамазанова Н. В.* Московское царство... С. 173).

ло, речь шла о вставке отдельных деталей, почерпнутых чаще всего из летописных источников, а также о пропуске фрагментов из текстов соответствующих источников. К подобным частям СК относятся: Сказание о Борисе и Глебе и Сказание чудес этих святых, составляющие около 20% текста 1 ст.[219]; рассказы о Давиде Святославиче и Николае Святоше (соответственно около 14% и 35% 3 ст.)[220]; Житие Всеволода Псковского (около 34% 5 ст.)[221], жизнеописания и чудеса ярославских князей (около 40% 9 ст.)[222], Повесть о взятии Царьграда турками и Житие Ионы (соответственно около 20% и 30% 14 ст.)[223], Повесть о нашествии Магмет-Гирея на Русь, Сказание о Данииле Переяславском (соответственно около 14 и 30% 16 ст.)[224] и «Повесть о Московском пожаре 1547 г.» (около 8% 17 ст.)[225]. К этим же разделам, если верно наше предположение о существовании особого текста, посвященного Даниилу Московскому, относится и его жизнеописание в 9 ст. (около 17% ее текста)[226]. Сюда же могут быть отнесены небольшие фрагменты из источников СК, которые также подвергались некоторой правке: отрывок из славяно-русского перевода Иерусалимского патерика (менее 0,3% текста 1 ст.)[227], Чудо Никиты Переяславского об исцелении Михаила Черниговского (около 6% 6 ст.)[228], отрывок из «Слова о погибели Русской земли» (около 1% 7 ст.)[229] и др. Применительно

---

[219] Степенная книга. Т. 1. С. 340—371. Общий объем степени — 160 страниц (Там же. С. 218—378). Здесь и далее мы не будем специально останавливаться на характеристике случаев правки рассматриваемых фрагментов — этот вопрос был специально разобран нашими предшественниками (соответствующий материал помещен в обзоре их трудов, представленном в первой главе работы), а также нами при разборе источников СК и в предыдущем разделе настоящей главы.

[220] Степенная книга. Т. 1. С. 395—401. Объем степени — 14 страниц (Там же. С. 387—401).

[221] Там же. С. 417—429.

[222] Там же. С. 550—559. Объем степени — 23 страницы (Там же. С. 536—559).

[223] Там же. Т. 2. С. 172—190, 190—216. Общий объем степени — 88 страниц (Там же. С. 129—216).

[224] Там же. С. 305—313, 327—343. Общий объем степени — 57 страниц (Там же. С. 286—343).

[225] Там же. С. 353—357. Объем 17 ст. — 60 страниц (см.: Там же. С. 344—404).

[226] Там же. Т. 1. С. 538—541.

[227] Там же. С. 377.

[228] Там же. С. 479—481.

[229] Там же. С. 487.

к данным разделам СК речь может идти об их редактировании и, соответственно, наш книжник здесь выполнял функции редактора, «отработавшего» не менее 15% текста произведения[230].

В связь с тем, что в СК фиксируется весьма значительная «компилятивная» составляющая, поставим то, что, судя по всему, в написании и редактировании Волк., Томск. и Чуд. принимало участие около полутора десятка писцов. Так, как отмечено в археографическом введении к новому изданию СК, при написании и редактировании Волк. использовался труд по меньшей мере 11 писцов, Томск. и Чуд. — 7; один из писцов Волк. также правил все три списка[231]. Есть основания полагать, что труд писцов привлекался не только для копирования готовых списков, но и при создании текста СК. На это указывают, по крайней мере, два обстоятельства. Во-первых, это «механическое» переписывание соответствующих памятников, которое нередко противоречило основным принципам составителя. Так, обращает на себя внимание уже рассмотренное выше использование формулы с «имярек» применительно к Ивану IV в Похвале Ионе (19 гл. 14 ст.), которая представляет собой дословную цитату из третьей редакции Жития этого святого. Во-вторых, на работу не составителя СК, а иных лиц указывает отсутствие «концовок» в 11, 14, 16 ст., а также в 17 ст. Как было отмечено выше, 11, 14 и 16 ст. заканчивались крупными произведениями, из которых по крайней мере Житие Ионы, заключающее 14 ст., может быть отнесено к «компилятивной» части СК. Вероятно, писцы, которым была поручена работа по копированию соответствующих памятников в текст СК, не были в курсе всех деталей замысла руководителя работ, согласно которому каждая степень должна была заканчиваться особой «концовкой».

Наше предположение о создании «компилятивных» частей СК помощниками нашего книжника хорошо согласуется с материалом древнейших списков памятника. Волк., к которому восходят Томск. и Чуд., сохранил древнейший дошедший до нас

---

[230] В данное число включены лишь крупные «компилятивные» разделы СК — Жития Всеволода Псковского, митрополита Ионы и т. д. Небольшие фрагменты (из Иерусалимского патерика, Жития Никиты Переяславского и т. д.) ввиду незначительности их объема здесь не учитывались.

[231] См.: *Покровский Н. Н., Журавель О. Д., Сиренов А. В.* Археографическое предисловие. С. 6—23. Описание почерков Томск. и Чуд. выполнено О. Д. Журавель, Волк. — А. В. Сиреновым.

текст СК. Как показывают итоги анализа почерков писцов Волк., проведенного А. В. Сиреновым, в этом списке фиксируется ряд кодикологических «швов», которые могут быть соотнесены с границами крупных «компилятивных» разделов СК. Так, обращаясь к классификации почерков Волк. А. В. Сиренова, мы обнаруживаем, что в этом списке случаи смены почерков приходятся на крупные разделы произведения. Так, Житие Ольги (л. 27—80 об.) написано почерком № 1 (за исключением краткого фрагмента (л. 72—73 об.), выполненного почерком № 2). Следующие листы копировал уже другой писец. Как установил историк, особым почерком (№ 3), выполнено гранесование (л. 95—100 об.) и текст заключающей 1 ст. 75 гл. (л. 256—260 об.). Обладатель почерка № 5 написал заключающий Похвалу Владимиру крупный фрагмент (л. 104—104 об.; как выяснил Н. Ф. Околович, он был основан на Поучении на память этого князя). Данным же почерком переписано Житие Евфросинии Полоцкой (л. 311—326), которое представляет собой вставку в основной текст Волк.[232] Другой писец (почерк № 9) написал основной текст Жития Всеволода Псковского (л. 293—302 об.), в который был сделан ряд вставок иными копиистами[233]. Особым почерком (№ 5), как показал А. В. Сиренов, было написано Слово на обретение мощей псковского князя, следующее за его Житием (л. 302—305 об.)[234]. Написание весьма объемного рассказа о Борисе и Глебе в 1 ст. (л. 218—253 об.) было поручено двум писцам (почерка № 6, 9), в работу которых, правда, несколько раз вмешивались другие лица, написавшие незначительные фрагменты[235]. Как видим, кодикологические «швы» совпадают с границами всех основных «компилятивных» частей в сохранившейся части Волк. XVI в.

В СК фиксируется и ряд фрагментов, относительно которых можно говорить об авторстве ее создателя. Этим отрывкам свой-

---

[232] *Сиренов А. С.* Степенная книга... С. 152—159. Также см.: *Покровский Н. Н., Журавель О. Д., Сиренов А. В.* Археографическое предисловие. С. 17—22.

[233] См.: *Сиренов А. В.* Степенная книга... С. 157. Выводы А. В. Сиренова уточнила В. И. Охотникова. Исследовательница установила, что вставки в массив основного текста Жития Всеволода очень часто совпадают с редакционными изменениями, которые претерпел текст жизнеописания псковского князя редакции Василия-Варлаама при его включении в СК (см.: *Охотникова В. И.* Псковская агиография. Т. 1. С. 127—135).

[234] См.: *Сиренов А. В.* Степенная книга... С. 152, 155; *Покровский Н. Н., Журавель О. Д., Сиренов А. В.* Археографическое предисловие. С. 18.

[235] *Сиренов А. В.* Степенная книга... С. 156—157.

ственны черты, которые отличают их от «компилятивных» разделов СК. Это, во-первых, использование охарактеризованных нами ранее методов создания помещенных в СК рассказов на основе сочетания данных различных источников (в т. ч. разножанровых), пересказам «своими словами» фрагментов источников с не основанными на них дополнениями, переводов и толкований отдельных явлений, имен или терминов, «расшивки» текстов основных источников на фрагменты, «стыки» между которыми заполнялись данными иных произведений или пояснениями нашего книжника (прежде всего, это касается жизнеописаний главных героев степеней). Во-вторых, отделение «авторской» части от «компилятивной» существенно облегчается благодаря наличию в СК ссылок на тексты ее источников, позволяющих очертить границы соответствующих разделов. В-третьих, как нами было установлено ранее, для «компилятивных» частей памятника не характерно использование внутритекстовых ссылок, которые содержатся исключительно во фрагментах, написанных непосредственно создателем СК.

Результаты анализа текста произведения дают возможность выделить несколько видов отрывков, которые, по всей видимости, имеют авторский характер. К первым следует отнести жизнеописания главных героев степеней, представлявшие их ядро. Ко вторым — другие пассажи СК, которые также либо создавались путем сочетания материала различных произведений[236], либо представляли собой их пересказ[237]. Среди третьих выделяются комментарии нашего книжника к текстам его источников[238], а также общие характеристики тех или иных персонажей и событий.

Как нетрудно заметить, «авторские» разделы часто помещались на границах «стыков» фрагментов источников СК, растолковывая читателю значения соответствующих рассказов[239]. Одна-

---

[236] Рассказ о древнейшем периоде русской истории в 8 гл. 1 ст., основанный на Житии Стефана Сурожского, Чудесах Димитрия Солунского и других памятниках, описание начала «Ростовской церкви» в 53 гл. 1 ст., созданное на основе Жития Леонтия Ростовского и летописного материала и др.

[237] Пассажи, основанные на житиях Сергия Радонежского, Стефана Пермского и т. д.

[238] В частности, содержащиеся в 4 тит. 28 гл. 13 ст. и 15 гл. 13 ст. толкования, которые разъясняли читателю значение чудес.

[239] Например, весьма объемной «компилятивной» 4 гл. 10 ст., повествующей о митрополите Петре, предшествует небольшая «авторская» 3 гл. В ней разъясняется роль этого иерарха в русской истории: как отмечается в СК,

ко заполнением «стыков» писатель не ограничивался. Об этом свидетельствует не только место расположения созданного им текста, но и соотношение выделяемых нами частей СК. Рассматривая проблему авторства памятника, определяя его своеобразие и место в ряду прочих произведений древнерусской литературы XVI в., важно отметить, что «авторская» часть СК, согласно нашим подсчетам, занимает около двух третей (!) всего ее текста[240]. Это в свою очередь побуждает думать, что «компилятивный» характер произведения не стоит переоценивать. На это же указывают и итоги анализа древнейшей редакции СК: они побуждают думать, что ее первоначальный текст был почти исключительно «авторским». Приведем соответствующий материал.

Рассматривая «компилятивную» и «авторскую» части СК, обратим внимание на то, что в древнейшем сохранившемся списке СК Волк. первая подверглась более значительной правке, чем вторая. Так, в этом списке фиксируется ряд явно «авторских» разделов, как правило, созданных путем сочетания различных источников, либо не содержащих случаев правки, либо содержащих в подавляющем большинстве случаев «корректорскую» правку (основной текст 1 ст. (ее 1, 3—5, 7—9 и др. главы), 1—2, 5—6, 8 гл. 2 ст. и т. д.). Наиболее густая (к тому же влияющая на смысл текста) правка в Волк. фиксируется не в «авторской» части СК, а в «компилятивной»: вставка уточнения возраста Игоря в момент смерти Рюрика и, если прав А. В. Сиренов, изъятие рассказа об охотах византийских импе-

---

«благоволениемъ Божиимъ прииде въ градъ Москву сии Божии человѣкъ, великии въ святителехъ Петръ, с нимъ же вкупѣ и Божиа благодать совниде». Окончание 3 гл. подводило читателя к следующему разделу памятника: «О немъ же [митрополите Петре. — *А. У.*] настоящая повѣсть обьявися сице» (см.: Степенная книга. Т. 1. С. 567).

[240] Результаты подсчетов приблизительны. Как было отмечено выше, «компилятивные» разделы СК составляют по меньшей мере 30% ее текста. В это число, однако, не были включены небольшие фрагменты памятника, представляющие собой короткие отрывки из его источников, объем которых, впрочем, невелик. Безукоризненную точность подсчетов не может обеспечить и возможность привлечения гипотетических источников — например, устных (весьма объемные рассказы о событиях, связанных с взятием Казани, и т. д.) — границы которых в настоящий момент определить не представляется возможным. Тем не менее очевидно, что даже в том случае, если нами были допущены ошибки в расчетах, «авторская» часть была, по крайней мере, сопоставима с «компилятивной».

раторов в Житии Ольги, ряд исправлений в Сказании о Борисе и Глебе, уточнение генеалогии Евфросинии Полоцкой в ее Житии, летописные вставки в Житии Всеволода Псковского и т. д.[241] К числу случаев смысловой правки в «авторской» части можно отнести лишь вставку ряда дат[242]. Чем могло обусловливаться то, что при включении в СК написанных ее составителем рассказов они потребовали менее значительной правки, чем помещенные в ее текст более или менее крупные фрагменты ее источников?

В настоящее время мы не располагаем данными, позволяющими дать исчерпывающий ответ на этот вопрос. Вместе с тем, можно высказать одно предположение. В свете доступного нам в настоящее время материала единственным объяснением представляется гипотеза о том, что Волк. предшествовали подготовительные материалы. Они, вероятно, были написаны либо непосредственно составителем, либо под его диктовку и не содержали крупных «компилятивных» разделов (Житий Ольги, Евфросинии Полоцкой, Всеволода Псковского, Сказания о Борисе и Глебе и т. д.). Последние, судя по всему, в текст СК были включены позднее — во время написания и правки Волк. На это указывает отмеченный нами выше факт совпадения границ этих разделов с кодикологическими «швами» в этом списке. Вероятно, речь могла идти об «авторском» (согласно нашей классификации) тексте СК (или какой-то его части) в «чистом виде», который, возможно, подвергался правке, учтенной при создании Волк. В пользу нашего предположения косвенно говорит и то, что Волк. писали и правили 11 (!) писцов: это скорее характерно для копирования уже имеющегося текста, а не для создания его первоначального варианта — более чем сомнительно, что 11 человек использовали все те методы написания текста СК, которые, как было показано выше, характеризуют ее составителя.

Гипотетический характер данного предположения, по уровню аргументации приближающегося к догадке, очевиден. Вместе с тем отметим, что в настоящее время мы не видим другого объяснения тому, что в Волк. текст, написанный составителем на основе сочетания целого ряда источников, материал которых

---

[241] См.: *Сиренов А. В.* Степенная книга... С. 105—151; Степенная книга. Т. 1. С. 147—460.

[242] Подробнее см.: *Сиренов А. В.* Степенная книга... С. 129.

активно перерабатывался, потребовал меньшей правки, чем та, которая сопровождала включение в этот список материала уже «готовых» сочинений.

Вероятно, наш книжник являлся не только составителем, редактором и автором крупных пассажей, но и инициатором правки уже готовых списков СК. Так, как уже отмечалось во второй главе, после написания основного текста в него была внесена разбивка на главы и титла. В ходе доработки памятника его текст был дополнен гранесованием. Также в Волк., Томск. и Чуд. вносились отдельные уточнения — генеалогии описываемых персонажей, пояснения (например, уточнение того, что чудь — «иже суть немцы») и т. д. Правка в наиболее полном виде отразилась в Волк.; в восходящих к этому списку Томск. и Чуд. в большинстве случаев представлен уже результат этой работы. На данном этапе изучения СК трудно сказать точно, производил ли эту правку лично руководитель работ[243] или ее внесение было поручено другому лицу. Оба варианта возможны. Нам представляется более предпочтительным второй вариант[244], хотя для окончательного решения вопроса имеющихся в нашем распоряжении данных недостаточно. Приведем соответствующий материал.

Выше уже отмечалось, что самыми многочисленными случаями редакторской правки в Книге Степенной царского **родословия** были пояснения генеалогии тех или иных персонажей. При этом обратим внимание на то, что данная правка лишь дополняла пропуски, допущенные при написании соответствующих рассказов (согласно нашему предположению, они выполнялись рядовыми писцами): в древнейшие списки СК на этапе редактирования было внесено лишь 11 соответствующих пояснений из 25, представленных в тексте произведения. Таким

---

[243] Как отмечалось в первой главе, такое предположение выдвинул А. В. Сиренов, допустив, что редактор Волк., Томск. и Чуд. и Андрей-Афанасий — одно лицо (см.: *Сиренов А. В.* Степенная книга... С. 160—164). Однако, учитывая отсутствие палеографических оснований для этой гипотезы (кроме двух стандартных подписей Афанасия в настоящее время неизвестны его автографы, которые можно было бы привлечь для сравнения с почерками писцов древнейших списков СК), предположение историка на данном этапе изучения памятника можно рассматривать лишь как догадку, требующую дополнительных аргументов.

[244] Ниже будут представлены аргументы в пользу этого нашего предположения, высказанного в кратком виде в работе 2004 г. (см.: *Усачев А. С.* Древняя Русь... С. 20).

образом, есть основания полагать, что лицо, правившее Волк., Томск. и Чуд., не вносило ничего принципиально нового в текст произведения — как показывает приведенный выше материал, этот книжник лишь дополнял СК надлежащими вставками на полях и над строкой по образцу, который содержался в ее основном тексте, на который приходится бóльшая часть пояснений родословий.

Важно отметить, что неотъемлемая принадлежность «авторского» текста СК — внутритекстовые ссылки — не фиксируется в числе случаев правки Волк., Томск. и Чуд.: все 50 (!) ссылок помещены в основном тексте[245]. Это побуждает с сомнением отнестись к возможности того, что соответствующая правка вносилась лично составителем — по всей видимости, лицо, вносившее правку, не использовало такой прием в оформлении текста, как внутритекстовые ссылки. Отсутствие данного вида вставок в Волк., Томск. и Чуд. побуждает предположить, что, вероятно, отдав соответствующие инструкции по внесению правки, руководитель работ не мог передать редактору свои навыки по оформлению текста СК. Таким образом, если генеалогические ссылки, содержащиеся в основном тексте и приписках, могли принадлежать одному книжнику, то отсутствие случаев использования редактором внутритекстовых ссылок, характерных лишь для основного текста, побуждает усомниться в том, что составитель СК и правщик Волк., Томск. и Чуд. являлись одним лицом.

В тоже время нельзя не отметить, что среди помощников составителя редактор (согласно классификации почерков А. В. Сиренова, обладатель почерка № 2), судя по всему, в силу своей высокой квалификации занимал особое место. На это указывает

---

[245] Как уже отмечалось выше, единственным исключением из этого правила является ссылка в 6 гл. 10 ст. на рассказ о Ярославе Ярославиче в конце 8 ст. Согласно нашим наблюдениям, эта ссылка нетипична для основного массива ссылок: во-первых, она по своему тексту выделяется из ряда прочих ссылок, во-вторых, она выполнена на поле редактором Волк., Томск. и Чуд. Это в свою очередь дает основания полагать, что в первоначальном тексте ее не было, по крайней мере, в Томск. и Чуд. (в Волк. текст 10 ст. не сохранился) — судя по всему, эта ссылка (1 из 50) была выполнена иным лицом (редактором списков СК), который использовал лексику, нехарактерную для основного текста. Принимая во внимание вышесказанное, не будет слишком сильной натяжкой предположить, что, вероятно, знакомый с данной методикой составителя, его помощник не усвоил ее, сделав всего лишь одну попытку подражания данному приему работы нашего книжника.

то, что, как показал А. В. Сиренов, он привлекался лишь дважды к написанию отдельных небольших фрагментов древнейшего из сохранившихся списков СК Волк. (как установил историк, обладатель редакторского почерка принимал участие в написании лишь 6 (из нескольких сотен) листов основного текста в этом списке) и не был привлечен к переписке набело Томск. и Чуд. Очевидно, что этому лицу доверялась самая ответственная работа, выходящая за рамки простого копирования текстов, — написание самых сложных фрагментов[246] и правка (в т. ч. и смысловая) уже готового текста (обладатель почерка № 2 вносил в текст СК ряд деталей из летописей и других источников[247]). Обращает на себя внимание, что чаще всего редакторские исправления носят «корректорский» характер: как показал специально занимавшийся этим вопросом А. В. Сиренов, в подавляющем большинстве случаев речь шла о восполнении лакун в тексте, исправлении явных описок, вставках отдельных хронологических уточнений и т. д.[248] Учитывая то, что руководитель работ, судя по всему, поручал переписку круп-

---

[246] Как установил А. В. Сиренов, обладателем редакторского почерка были написаны лишь два фрагмента Волк. Первый (л. 72—73 об.) помещен в Житии Ольги. Именно на него приходится изъятие рассказа об охотах византийских императорах и восполнение этой лакуны коротким отрывком. Второй фрагмент (л. 255—255 об.), согласно наблюдениям историка, также представляет собой случай редакторской правки (вставку) в рассказе о Мстиславе Тмутороканском. Подробнее см.: *Сиренов А. В.* Степенная книга... С. 127, 153.

[247] Например, почерпнутое из пространной редакции Жития Ольги указание на присутствие митрополита Леонта при обретении мощей первой русской христианки (60 гл. 1 ст.), заимствованные из летописей сообщения о строительстве церкви св. Петра и Павла в Киеве (63 гл. 1 ст.) и об «оковании» ордынского посла Бигича (8 гл. 14 ст.), вставки дат. Трудно сказать точно, предшествовали ли этим вставкам указания руководителя работ в каждом конкретном случае или они выполнялись самостоятельно правщиком, ориентировавшимся в соответствующем источниковом материале, который мог получить лишь самые общие рекомендации. Как представляется, оба варианта возможны.

[248] *Сиренов А. В.* Степенная книга... С. 101—165; *Покровский Н. Н., Журавель О. Д., Сиренов А. В.* Археографическое предисловие. С. 17 (листы с редакторским почерком Волк., Томск. и Чуд. выявлены А. В. Сиреновым). Манера работы редактора древнейших списков СК может быть сопоставлена с деятельностью известного книгописца 80-х гг. XV в. Ивана Черного, который направлял деятельность ряда писцов, лично писал самые важные фрагменты текста и вносил правку (подробнее о нем см.: *Клосс Б. М.* Книги, редактированные и писанные Иваном Черным // ЗОР ГБЛ. М., 1971. Вып. 32. С. 61—72).

ных фрагментов своих источников помощникам (по крайней мере, на это указывает приведенный выше материал Волк.), трудно поверить в то, что он занимался «технической» работой по вычитке текста СК и внесению соответствующих исправлений.

Рассматривая вопрос о принадлежности редакторского почерка руководителю работ, обратим внимание на наблюдения С. О. Шмидта относительно правки Царственной книги, известной своими приписками. Как выяснил историк, в значительном числе случаев она так же, как и в СК, носила «корректорский» характер. Отмечая несомненное соответствие ряда случаев смысловой правки Царственной книги воззрениям Ивана IV, исследователь предположил, что лицо, вносившее правку, либо работало под непосредственным контролем царя, либо достаточно хорошо представляло себе его взгляды, что делало личное вмешательство царя в процесс редактирования текста излишним[249]. Нельзя исключить того, что в случае с древнейшими списками СК мы сталкиваемся с аналогичным явлением: составитель мог поручить внесение правки (в большинстве случаев «технической») своему помощнику, который либо получил детальные инструкции, либо и без того достаточно хорошо представлял себе замысел своего руководителя.

Таким образом, определяя нашего книжника как «составителя», «редактора», «автора» ряда фрагментов и «руководителя работ» над всем текстом СК, трудно сказать наверняка, выполнял ли он «корректорские» функции. В любом случае, вне зависимости от того, вносил ли составитель правку собственноручно или это делало другое лицо по его поручению, вряд ли можно сомневаться в том, что, по всей вероятности, правка соответствовала замыслу создателя СК.

В свете вышесказанного представляется, что работа над текстом СК велась следующим образом[250]. Работавшему по поруче-

---

[249] *Шмидт С. О.* Российское государство в середине XVI в. С. 201—213. Определяя степень участия Ивана IV в работе над Царственной книгой, исследователь отметил, что «формы этого редактирования могли быть различными: от участия в составлении приписок (сделанных, возможно, под его диктовку) до просмотра (и, так сказать, визирования) исправленного летописного текста» (Там же. С. 212).

[250] Приводимый нами ниже вариант последовательности создания текста СК дополняет материал, представленный во второй главе настоящей работы, в котором особое внимание сосредоточено на «внешней» стороне создания древ-

нию митрополита Макария составителю (во избежание терминологической путаницы по-прежнему будем называть его так) принадлежит выработка общего плана произведения и алгоритма создания степеней, а также авторство весьма значительных как по числу, так и по своему объему фрагментов СК. Несмотря на то, что названия глав и титл, а также гранесование были вписаны в древнейших списках памятника несколько позднее, нет никаких сомнений в том, что написанию текста предшествовала выработка его достаточно подробного плана, включавшего в себя композицию. Вероятно, составитель имел представление об общем составе СК, в т. ч. и о тех разделах, которые должны были вписывать его помощники. На это указывают «перспективные» ссылки. Хотя в них и отсутствуют указания на конкретные главы, сам факт их включения в текст указывает на то, что помещение соответствующих рассказов в СК планировалось заранее[251]. Структура произведения также была частью этого замысла. Во-первых, на это указывает полное название памятника. Во-вторых, как было показано выше, помещенные в основном тексте Волк., Томск. и Чуд. «ретроспективные» внутритекстовые ссылки отсылали к конкретным главам и прочим разделам. Учитывая то, что практически все[252] данные ссылки делались на конкретные разделы, можно предположить, что разделение текста на главы и титла производилось если не лично составителем, то, во всяком случае, при его самом активном участии. Последнее, конечно, не исключало привлечения писцов, вписывавших соответствующие заглавия в Волк., Томск. и Чуд., а позднее и создававших гранесование.

нейшей редакции памятника (прежде всего, на написании и правке дошедших до нас Волк., Томск. и Чуд.). Ниже свое внимание мы сосредоточим на определении «внутренней» стороны этого процесса и попытаемся выявить логику, пусть и гипотетическую, создания первоначального (не сохранившегося) текста СК, не привязывая этот процесс к определенным датам. В силу того, что следующий далее ход наших рассуждений становится понятным лишь после разбора источников СК и методов работы ее составителя, данный материал мы сочли необходимым поместить не во второй главе, а в данном разделе.

[251] Например, на это указывает ссылка в 22 гл. 16 ст. на жизнеописание Даниила Переяславского (25 гл. 16 ст.), которое, как установил Н. Н. Покровский, в тексте СК появилось на одном из завершающих этапов его создания.

[252] Исключение составляет ссылка в 1 гл. 17 ст., отсылающая читателя к 2 гл. 16 ст. (вместо 12 гл.). Вероятно, либо составитель, либо переписчик по ошибке вместо «вторыянадесять» (глава) написал «вторая».

Согласно нашему предположению, первоначальный текст СК, предшествовавший написанию Волк., не включал в себя ее «компилятивных» разделов, которые, однако, подразумевались. Есть основания думать, что этот, «авторский», текст был положен в основу древнейшего сохранившегося списка СК Волк. Последний был дополнен рядом «компилятивных» разделов (Жития Ольги, Евфросинии Полоцкой и т. д.), скопированных писцами по поручению составителя. После этого Волк. подвергся правке, которая была учтена при создании Томск. и Чуд. Судя по всему, наш книжник использовал помощь около полутора десятков писцов, которым поручалась «техническая» работа по копированию крупных пассажей из источников СК, кардинальная правка которых, по-видимому, не планировалась, а также переписывание набело текста произведения. Одному из писцов была поручена переписка наиболее сложных фрагментов текста, требующих внесения некоторой смысловой правки. После написания текста СК составитель подверг его редактированию, которое проводилось поэтапно. В свете имеющихся в настоящее время данных нельзя сказать точно, правил ли он лично Волк., Томск. и Чуд. или эта работа была поручена другому лицу (пользовавшемуся особым доверием писцу). Оба варианта возможны. В любом случае, отмеченное выше единство методов, с помощью которых текст СК писался и редактировался, побуждает рассматривать произведение как результат воплощения замысла одного лица.

* * *

Подводя итоги рассмотрению приемов работы составителя СК, можно отметить, что произведение, строго говоря, создавалось рядом книжников. Среди них выделяется фигура руководителя работы, направлявшего деятельность писцов. Это лицо являлось автором весьма значительных разделов СК, составителем и редактором более или менее значительных отрывков из ее источников, переписанных его помощниками, и, по всей видимости, инициатором правки уже готового текста.

4.3. Личность составителя

Представленный выше материал дает основания полагать, что СК, по-видимому, создавалась под руководством одного ли-

ца, использовавшего помощь ряда помощников. О каких конкретно лицах может идти речь? В историографии высказывались мнения об участии в написании СК псковского книжника Василия-Варлаама, Сильвестра и Андрея-Афанасия. Обратимся к аргументам в пользу этих предположений[253] и попытаемся определить, во-первых, принимал ли кто-то из них участие в написании СК, во-вторых, выяснить, кто являлся ее наиболее вероятным составителем.

Василий-Варлаам и Степенная книга

Гипотезу о возможном участии в создании СК Василия-Варлаама выдвинул Н. С. Державин. Он высказал мнение о принадлежности помещенных в СК Житий Всеволода Псковского и Александра Невского перу этого писателя, тем самым полагая, что он участвовал в создании СК[254]. Аргументы Н. С. Державина были дополнены и развиты Е. В. Неберекутиной. Исследовательница основывалась на результатах анализа ряда привлеченных ею к сравнению произведений псковского книжника, сочинений Сильвестра, а также некоторых разделов СК. Опираясь на результаты подсчета количества случаев использования тех или иных лексических единиц и их сочетаний в привлеченных к сравнению текстах, Е. В. Неберекутина выдвинула гипотезу о написании Василием-Варлаамом Похвалы Василию III (24 гл. 16 ст.), Сказания о Данииле Переяславском (25 гл. 16 ст.), чудес, связанных со взятием Казани (10 гл. 17 ст.), а также пришла к выводу о том, что Василий-Варлаам редактировал Жития Ольги, Всеволода Псковского (9 гл. 5 ст.) и Александра Невского (8 ст.) при их включении в СК[255]. Рассмотрим данную гипотезу в свете данных, доступных исследователю начала XXI в.

Прежде всего необходимо отметить, что результаты изучения памятников древнерусской литературы в последние годы дают значительные новые данные об их стилистике, материал, который по понятным причинам не мог быть учтен в исследовании, проведенном в 80-е—начале 90-х гг. XX в. Так, первое десятилетие XXI в. отмечено появлением целого ряда работ,

---

[253] Отвергнутые всей историко-филологической наукой XX в. аргументы В. Н. Татищева и И. Н. Жданова в пользу мнений об авторстве митрополита Киприана и Пахомия Серба ниже рассматриваться не будут.

[254] *Державин Н. С.* «Степенная книга»... С. 87.

[255] *Неберекутина Е. В.* Поиски... С. 154—224.

в которых специально были исследованы методы работы русских агиографов эпохи Средневековья. В результате были развиты и существенно дополнены уже звучавшие в литературе оценки произведений русской житийной литературы. Как выясняется, их тексты представляли собой сложный сплав цитат (как явных, так и скрытых) из св. Писания и сочинений предшественников. Последние служили источниками не только отдельных эпитетов и выражений, но и целых известий из жизни святых, которые, соответственно, имели чисто «литературное» происхождение и не были связаны с конкретными реалиями прошлого[256]. Важные наблюдения были сделаны в последние годы и относительно «общих мест» и «топосов», характерных для памятников древнерусской литературы (прежде всего, агиографии)[257].

---

[256] Одним из наиболее ярких примеров подобного рода являются заимствования древнерусских писателей из «Слова похвального» Константину и Елене Евфимия Тырновского (последняя треть XIV в.). Этот памятник послужил источником целого ряда известий, относимых к жизнеописанию Владимира Святославича в Похвале ему и Поучении на его память (XV—первая четверть XVI вв.). Как установил еще в начале XX в. Н. Ф. Околович, соответствующие фрагменты из данных произведений древнерусских писателей (пространное поучение Владимира сыновьям, описания основания киевским князем Владимира-на-Клязьме, плача «вельмож» об умирающем князе и т. д.) представляют собой дословные заимствования из сочинения болгарского книжника XIV в. (в Похвале Владимиру и Поучении на его память в соответствующих местах имя «Константин» было заменено на имя «Владимир», а топоним «Константинополь/Византий» на «Владимир-на-Клязьме»). См.: *Kaluzniacki Em.* Werke des Patriarchen von Bulgarien Eutymius. Wien, 1901. S. 104—144; *Околович Н. Ф.* Жития святых... С. 85—95; *Усачев А. С.* 1) Из истории... С. 31—44; 2) Об одном эпизоде из истории русско-болгарских культурных связей эпохи средневековья // Славяноведение. 2007. № 2. С. 32—35.

[257] Например, см.: *Кириллин В. М.* Символика чисел... С. 130—281; *Руди Т. Р.* 1) Средневековая агиографическая топика (Принцип imitatio и проблемы типологии) // Литература, культура и фольклор славянских народов: XIII Междунар. съезд славистов (Любляна, август 2003). М., 2002. С. 40—55; 2) «Imitatio angeli» (Проблемы типологии агиографической топики) // РЛ. 2003. № 2. С. 48—59; 3) О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 431—500; *Конявская Е. Л.* Проблема общих мест в древнеславянских литературах (на материале русской агиографии) // Ruthenica. 2004. № 3. С. 80—92; *Филюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский: просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007. С. 163—554; *Юрганов А. Л.* Древнерусский автор и топосы // Источниковедение культуры. [Вып.] 1. М., 2007. С. 325—350. К числу этих работ также следует отнести появление русского перевода целого ряда статей Р. Пиккио, которые, хотя и

Как видим, материал, представленный в работах последних лет, со всей очевидностью показывает проблемы, с которыми сталкивается исследователь, пытаясь выявить в тексте древнерусского книжника его «авторскую» часть. До того, как будет предложено решение этих проблем[258], результаты, полученные исключительно на основе методики, разработанной авторами сборника «От Нестора до Фонвизина», не могут рассматриваться как убедительные данные в пользу авторства памятников русской средневековой агиографии[259].

Обратимся к конкретным аргументам в пользу гипотезы Е. В. Неберекутиной.

Как было отмечено в первой главе данной работы, наиболее последовательно гипотезу Е. В. Неберекутиной рассмотрела В. И. Охотникова[260]. Она выявила целый ряд случаев правки, которая сопутствовала включению Жития Всеволода Псковского редакции Василия-Варлаама в 9 гл. 5 ст. В. И. Охотникова установила, что для данной правки характерно не только дополнение текста Жития рядом летописных известий, но и изменения в оценках действующих в произведении персонажей. Так, если в редакции Жития Василия-Варлаама противник псковского князя — основатель династии владимирских князей Юрий Владимирович — представлен «лютым» и «боганебоящимся», то в СК данные, не слишком лестные для него, эпитеты сняты. На этом основании В. И. Охотникова вполне резонно заключила, что редактирование Жития при его включении в СК не мог осуществлять его автор — Василий-Варлаам. Также В. И. Охотникова, воспользовавшись наблюдениями В. П. Ман-

---

были написаны в более раннее время, широкому кругу российских исследователей стали доступны лишь после появления их публикации на русском языке (см.: *Пиккио Р.* Slavia orthodoxa: Литература и язык. М., 2003).

[258] Наш вариант их решения был представлен выше.

[259] Сами авторы сборника весьма осторожно оценивали эвристические возможности данной методики применительно к средневековому материалу, отмечая, что наиболее точные результаты она дает на материале памятников русской литературы XIX—XX вв. Нисколько не абсолютизируя методику, предлагаемую на страницах сборника, руководитель его авторского коллектива заключил, что «формально-количественная методика должна являться важным **дополнением**» (выделено нами. — *А. У.*) к «традиционному подходу к атрибуции» произведений древнерусской литературы (см.: *Милов Л. В.* Основные принципы... С. 22, 26).

[260] *Охотникова В. И.* 1) Житие Всеволода-Гавриила... С. 484—503; 2) Псковская агиография. Т. 1. С. 121—138.

сикки о текстологии Жития Александра Невского, указала на то, что в СК вошла т. н. Владимирская редакция Жития, а не редакция Василия-Варлаама[261], что также необъяснимо, если придерживаться версии, что Василий-Варлаам принимал участие в создании Жития Александра в 8 ст.[262]

Как нами было отмечено выше, Житие Александра Невского в 8 ст. принадлежит к числу наиболее «классических» жизнеописаний предков Ивана IV в СК: оно основано на крупном агиографическом произведении, посвященном этому святому (Владимирской редакции Жития), которое дополнялось летописным материалом; также в 8 ст. выдержана трехчастная структура — Житие, Похвала, Чудеса. Выше уже было установлено, что набор методов, с помощью которых создавалось Житие Александра в СК, а также его композиция характерны и для жизнеописаний Владимира Святославича (1 ст.), Даниила Московского (9 ст.) и особенно Дмитрия Ивановича (12 ст.), т. е. для тех разделов, приписывать которые перу Василия-Варлаама нет никаких оснований. Гипотезе об участии Василия-Варлаама в создании жизнеописания Александра в СК противоречит и алгоритм написания степеней, который, как было показано выше, един для всех граней. Сказанное выше побуждает констатировать, что по всей видимости, Василий-Варлаам не мог являться руководителем работ по созданию СК. Являлся ли он помощником составителя, написавшим ее отдельные разделы?

Е. В. Неберекутина высказала мнение об участии Василия-Варлаама в создании Жития Ольги в СК. Однако характер правки источника этого Жития — пространной редакции — при его включении в текст памятника плохо согласуется с данным предположением. Как будет показано ниже, редакторская правка, сопутствовавшая включению Жития Ольги пространной редакции в СК, характерна для ряда прочих памятников, вошедших в нее полностью или в значительных фрагментах, создание и редактирование которых с именем Василия-Варлаама не связывает ни Е. В. Неберекутина, ни другие исследователи. Рассматривая предположение относительно написания псковским

---

[261] Е. В. Неберекутина, зная о работе В. П. Мансикки (см.: *Неберекутина Е. В.* Поиски... С. 155; С. 213, примеч. 13, 17; С. 214, примеч. 31, 33, 35, 41), игнорировала данное наблюдение исследователя.

[262] *Охотникова В. И.* Житие Всеволода-Гавриила... С. 500—503.

книжником Похвалы Василию III в 24 гл. 16 ст., основанной на «Слове похвальном», а также описаний чудес, относящихся к взятию Казани (10 гл. 17 ст.), укажем, что кроме приведенных Е. В. Неберекутиной количественных данных, указывающих на близость этих рассказов сочинениям Василия-Варлаама, нет ни одного аргумента в пользу мнения о написании соответствующих разделов этим писателем.

Сомнительно и участие Василия-Варлаама в создании жизнеописания Даниила Переяславского в СК. Основываясь на наблюдениях С. И. Смирнова о наличии ряда фактических разночтений в Сказании о Данииле Переяславском в СК и послужившем его источником Житии, Е. В. Неберекутина, специально не разбирая эти отличия, высказала мнение о написании данных произведений разными лицами. Между тем разночтения, как показал С. И. Смирнов, имеют ключевое значение для решения вопроса об авторе Сказания. Как установил исследователь, Сказание содержит целый ряд явно переяславских деталей, уточняющих биографию Даниила, которые отсутствовали в Житии. На этом основании С. И. Смирнов вполне обоснованно заключил, что Сказание писалось, по всей видимости, переяславцем, лично знавшим Даниила[263]. Последнее, как представляется, лишает всяких оснований предположение, что автором данного раздела был псковский книжник, о связях которого с Переяславлем и Даниилом ничего не известно.

Рассматривая гипотезу о возможном участии Василия-Варлаама в создании СК, также отметим следующее. Этот книжник основную часть жизни прожил в Пскове. Как указывает Е. В. Неберекутина, по крайней мере один раз он был в Москве. Так, «Слово на обретение мощей» новгородского епископа Никиты (около 1558—1563 гг.) указывает на посещение столицы этим писателем: как сообщает «Слово», Василий-Варлаам в Москве передал митрополиту Макарию некие «духовные и преславные вещи». Последние, согласно Е. В. Неберекутиной, представляли списки соответствующих фрагментов СК (исследовательница также не исключает того, что Василий-Варлаам мог быть в Москве еще несколько раз)[264]. Если «духовными и преславными вещами» действительно являлись тексты соответствующих разделов памятника, то встает вопрос: каким образом

[263] Житие преподобного Даниила... С. XXI—XXIV.
[264] *Неберекутина Е. В.* Поиски... С. 212.

псковичмог их создать на основе источников, общих с прочими частями СК, создаваемыми явно в Москве, с использованием методов, которые также характерны для ее прочих разделов? Даже если гипотетически допустить, что в распоряжении псковского книжника были списки произведений, которые использовались в московском Чудовом монастыре[265] (включая Воскр. и Ник., имевшие явно московское бытование[266])[267], неизбежно встанет вопрос: а каким образом Василий-Варлаам согласовывал свою работу с другим создателем СК? Как писателю, жившему и работавшему в Пскове[268], удалось написать соответствующие разделы произведения по тем же самым правилам, с использованием тех же самых приемов (которые, как уже было показано выше, не характерны для предшествующих и современных СК памятников) что и его московскому коллеге? Гипотеза об участии Василия-Варлаама в создании СК не дает возможности ответить на эти вопросы.

Сказанное выше побуждает обратить внимание на два момента. Во-первых, можно констатировать, что в настоящее время

---

[265] Если принять гипотезу Е. В. Неберекутиной, то следует признать, что в распоряжении Василия-Варлаама в Пскове были списки следующих произведений: CI мл., Воскр., Ник., Житий Ольги пространной редакции, Александра Невского Владимирской редакции, Всеволода Псковского его собственной редакции, Даниила Переяславского, «Слова похвального» Василию III. Также в Пскове в данный период должны были находиться в достаточном количестве участники Казанского похода, рассказы которых и послужили источником записей чудес.

[266] Подробнее об этом см. в первом разделе данной главы.

[267] Учитывая бедность псковских библиотек XVI в. на списки исторических произведений (определенное представление о составе монастырских библиотек Псковской земли в этот период дает материал описей книг Трехсвятительского Елеазарьева и Рождественского Снетогорского монастырей, см.: *Французова Е. Б.* Материалы для реконструкции книжных собраний двух центров письменности Псковской земли XVI века // АЕ за 2003 год. М., 2004. С. 336—343), данное допущение представляется слишком смелым, но без этого допущения сама гипотеза о написании в Пскове значительных разделов СК лишается всяких оснований.

[268] С Северо-Западом Руси связаны и почти все известные в настоящее время сочинения Василия-Варлаама: Жития Всеволода Псковского, Александра Невского, Исидора Юрьевского, Никиты Новгородского, службы Евфросину Псковскому, Всеволоду Псковскому, Савве Крыпецкому и т. д. Подробнее о сочинениях Василия-Варлаама см.: *Дмитриева Р. П.* Василий (в иноках Варлаам) // СККДР. Вып. 2, ч. 1. С. 112—116; *Макарий (Веретенников).* Василий. С. 72—74; *Охотникова В. И.* Псковская агиография. Т. 1. С. 14—116; Т. 2. С. 24—38, 104—238, 328—420.

отсутствуют веские аргументы в пользу предположения о написании и редактировании Василием-Варлаамом крупных разделов СК — Житий Ольги, Всеволода Псковского и Александра Невского, Сказания о Данииле Переяславском, Похвалы Василию III, а также чудес, связанных с взятием Казани. Во-вторых, гипотезе об авторстве ряда разделов СК Василия-Варлаама противоречат и результаты изучения методики работы ее составителя: как было показано выше, весь текст произведения создавался с помощью одного набора приемов, что было бы невозможно в том случае, если бы его различные крупные разделы писались и редактировались разными лицами. Таким образом, в свете доступных нам в настоящий момент данных мнение об участии в написании СК, созданной в Москве, псковского книжника в роли составителя или его помощника следует отклонить.

Гипотеза об участии Сильвестра в создании Степенной книги

Развивая наблюдения И. Н. Жданова относительно близости текстов Житий Ольги и Владимира, помещенных в СК, А. И. Соболевский и И. В. Курукин поддержали и мнение этого историка литературы о возможности создания данных разделов памятника Сильвестром[269]. Предположение об участии Сильвестра в написании СК основывается на двух аргументах. Первым является текст записи на списке конца XVI в. Жития Ольги пространной редакции, полностью включенной в СК[270]: «Списано любомудрецем Селивестром прозвутером царствующего града Москвы»[271]. Эта запись расценивалась как указание на авторство этого книжника. Второй довод в пользу рассматриваемой версии связан с выявленными в литературе случаями близости в текстах Жития Владимира в СК (1 ст.) и Жития Ольги пространной редакции. На этом основании 1 ст. была приписана перу Сильвестра. А. И. Соболевский высказал мне-

---

[269] *Жданов И. Н.* Повести о Вавилоне... С. 120, примеч. 1; Отзыв академика А. И. Соболевского... С. 11—14; *Соболевский А. И.* Поп Сильвестр и Домострой. С. 202; *Курукин И. В.* Сильвестр: политическая и культурная деятельность... С. 115.

[270] ОР РНБ. Погод. № 744.

[271] Изображение записи опубликовано, см.: *Голохвастов Д. П., Леонид (Кавелин).* Благовещенский иерей Сильвестр и его писания // ЧОИДР. 1874. Кн. 1. Ил.

ние о возможности создания и всей первой (основной) части СК Сильвестром, тем самым предположив, что этот писатель выполнял функции одного из составителей. Исследователь основывался на том, что лишь в 15—17 ст. содержатся указания на авторство Андрея-Афанасия, отмеченные П. Г. Васенко. Разберем аргументы в пользу гипотезы об участии Сильвестра в написании СК.

Как уже отмечалось в историографии (в том числе и сторонниками рассматриваемой гипотезы), Житие Ольги пространной редакции послужило одним из важнейших источников жизнеописания Владимира в СК — как было показано выше, более или менее пространные фрагменты из этого произведения фиксируются по крайней мере в 7 главах 1 ст. По объему материала, привнесенного в Житие Владимира, жизнеописание Ольги может сравниться лишь с Поучением на память крестителя Руси и Ник. Также следует отметить, что Жития Ольги и Владимира основывались на общих источниках — Ник. и «Памяти и похвале» Иакова Мниха. Сказанное выше дает основания полагать, что случаи близости Житий Ольги и ее внука обусловливались тем, что 1) первое было использовано во втором; 2) у памятников были общие источники. Это побуждает думать, что случаи близости данных житий не могут рассматриваться в числе доводов (по крайней мере, основных) в пользу гипотезы об участии автора Жития Ольги в написании 1 ст.

Обратим внимание на то, что при включении в текст СК Житие Ольги подверглось правке. Как отметил еще А. И. Соболевский, из него был изъят фрагмент, повествующий об охотах византийских императоров[272], а также, как указал А. В. Сиренов, его текст был дополнен указанием на двухлетний возраст Игоря в момент смерти Рюрика[273]. Трудно представить, чтобы большой фрагмент из текста своего произведения пропустил сам автор Жития Ольги. Напротив, как показывают итоги наблюдений над текстом СК, ее составитель активно вмешивался в текст своих источников, порой сокращая их, порой дополняя известиями иных (по преимуществу летописных) памятников

---

[272] *Соболевский А. И.* Поп Сильвестр и Домострой... С. 200—201.

[273] *Сиренов А. В.* О Волковском списке... С. 258. Как отметил историк, эта вставка отразилась в древнейших списках СК, в которых она представляет собой запись на нижнем поле (Волк.) и над строкой (Томск., Чуд.). Н. Ф. Околович указал, что источником данного добавления послужила Воскр. (см.: *Околович Н. Ф.* Жития святых... С. 25).

(например, в Житиях Всеволода Псковского и митрополита Алексия). Важно отметить, что оба случая правки в Житии Ольги лежат в русле основных тенденций редактирования источников в СК: 1) дополнение агиографического материала летописным (вставка основанного на данных Воскр. указания на возраст Игоря); 2) устранение из текста материала, который был способен поколебать положительные облики предков Ивана IV[274] (пропуск рассказа о «позорных ловитвах» — охотах — византийских императоров, с которыми сравнивались первые русские князья; подробнее этот сюжет будет рассмотрен в последующих главах данной работы). Таким образом, есть основания полагать, что характерная для прочих разделов СК правка текста Жития Ольги при включении последней в состав первой вряд ли могла принадлежать автору этого Жития.

Также следует подчеркнуть особое место Жития Ольги в СК. Во-первых, оно помещено вне граней, как некий пролог. После Жития следует гранесование (оглавление) СК (Житие Ольги в нем не отражено), а лишь затем 1-я и последующие степени. Во-вторых, жизнеописание первой русской княгини-христианки не разделено на главы и титла, что характерно для прочих разделов СК. В-третьих, обратим внимание на то, что такой крупный раздел СК как Житие Ольги не содержит внутритекстовых ссылок, которые, как было показано выше, характерны для всего текста СК (включая и 1 ст.). В-четвертых, на особое место Жития Ольги в произведении указывает и то, что, как отметил П. Г. Васенко, наш книжник под «началом» СК подразумевал не Житие Ольги, которое содержится в самом ее начале, а Житие Владимира в 1 ст.[275] Это хорошо согласуется с приведенной выше гипотезой А. В. Сиренова о том, что Жи-

---

[274] Вспомним указанную независимо друг от друга нами и В. И. Охотниковой правку фрагмента Жития Всеволода Псковского в СК (9 гл. 5 ст.): из него было устранено упоминание о «лютости» и «богонебоязни» Юрия Владимировича — прямого предка первого русского царя (см.: *Охотникова В. И.* Житие Всеволода-Гавриила... С. 489—490; *Усачев А. С.* Источники... С. 289).

[275] *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 190, примеч. 3; Степенная книга. Т. 1. С. 148, 492. Любопытно отметить, что в «Сказании о святем благочестии российских началодержец», служащем своего рода введением ко всей СК, посвященное Ольге «торжественное слово» упомянуто «в начяле преже оглавления книгы сея»; но «началом книгы сея» поименовано жизнеописание Владимира. О Житии этого князя как «начальном словеси» повествует книжник и в 74 гл. 1 ст. (см.: Степенная книга. Т. 1. С. 147, 374).

тие Ольги первоначально не планировалось включать в СК — сначала оно служило источником 1 ст. и было включено в текст произведения лишь после его написания[276].

Как уже указывалось ранее, Жития Ольги и Владимира, имевшие общие источники, выделяются своим объемом в ряду прочих жизнеописаний предков Ивана IV в СК, производя впечатление очень близких друг к другу памятников, которые отличны от ее прочих разделов. Этого, однако, как представляется, недостаточно для предположения об одном авторе этих Житий. Основания для данной гипотезы были бы, если бы между 1 ст. (Житие Владимира) и 2 ст., повествующей о Ярославе Владимировиче, а также последующими степенями обнаруживалась резкая грань. Фиксируется ли подобный разрыв между соответствующими разделами в СК?

При первом взгляде на 1 и 2 ст. их контраст представляется разительным — по своему объему жизнеописание Ярослава в десятки раз уступает Житию его отца; не вызывает сомнений и тот факт, что по содержанию (в т. ч. и по составу источников) 2 ст. значительно беднее 1-й. Рассмотрим эти разделы СК внимательнее.

2 ст. основана на данных «Слова о законе и благодати» (помещенной в этот памятник Похвале Ярославу Владимировичу) и Ник., которая является основным летописным источником 1 ст.; ее материал в Житии Владимира также дополнялся данными «Слова о законе и благодати» Илариона и ряда других произведений. Как видим, набор важнейших источников 1 и 2 ст. сходен. Таким образом, разрыв в составе источников в данных разделах СК не фиксируется. Можно ли говорить о том, что при создании жизнеописаний Владимира и Ярослава использовались разные методы работы с их текстами?

Как уже было отмечено нами выше, составителя СК характеризует стремление создавать связные рассказы из отдельных летописных известий. Как правило, они выстраивались в определенной последовательности, чаще всего прославлявшей деяния Владимира и его потомков, а также других персонажей русской истории (последовательность событий в данных рассказах СК не всегда соответствовала последовательности событий в ее источниках, прежде всего, летописных). В 1 ст. это основанный на записях Ник. под 6508—6510, 6512 гг. рассказ о русских богатырях, служащих Владимиру (65 гл.); описание

[276] Подробнее см.: *Сиренов А. В.* Степенная книга... С. 385.

основания Белгородской епархии (54 гл.), созданное путем соединения материала записей Ник. под 6500, 6504 гг., и ряд других фрагментов. С аналогичными примерами мы встречаемся и во 2 ст. Ее 3—4 и 6—7 гл., повествующие о событиях времени правления Ярослава в Киеве, представляют соединение летописных известий по определенному тематическому признаку. Так, 3 гл. («О победах на сопротивныя и о поставлении града Юрьева Ливонского»), в соответствии с записями Ник. под 6537—6538, 6546, 6549, 6555 гг., сообщает о победах киевского князя над соседями. Созданная на основе материала записей Ник. под 6525, 6538, 6545, 6547, 6551, 6553, 6558—6559 гг. и Киево-Печерского патерика 4 гл. («Книжное учение в Новеграде отрочатом») кроме повести об учении книжном содержит рассказ о делах церковных — строительстве Ярославом церквей и поставлении на митрополичью кафедру Илариона. Аналогичным образом построена и рассмотренная выше 8 гл. («О свобожении князя Судислава»), в основу которой положен материал нескольких летописных записей (записи Ник. под 6541, 6566, 6571 гг.), повествующих об аресте псковского князя «за некую крамолу», его освобождении сыновьями Ярослава, пострижении и смерти Судислава.

Ранее нами было высказано предположение о том, что в основу ряда жизнеописаний великих князей киевских, владимирских и московских в СК положены основные произведения, прославляющие этих князей. В основу Жития Владимира в 1 ст., по всей видимости, было положено Поучение на его память; 8 ст. (Житие Александра Невского) базируется на Владимирской редакции его Жития; важнейшим источником 12 ст., повествующей о Дмитрии Ивановиче, является «Слово о житии» этого князя. Как уже отмечалось выше, по-видимому, в основу 2 ст. наряду с Ник. была положена Похвала Ярославу, заключающая «Слово о законе и благодати». К сказанному выше также следует прибавить использование внутритекстовых ссылок как в 1 (17, 72, 75 гл.), так и во 2 (1 гл.) ст.

Таким образом, можно констатировать следующее:

1. Близость Житий Ольги и Владимира обусловливается, во-первых, использованием фрагментов первого во втором; во-вторых, привлечением общих источников при написании обоих памятников.

2. Как для 1-й, так для 2-й и последующих степеней СК характерен один набор методов работы с источниками и способов представления их материала читателю.

3. Житие Ольги несколько выделяется в ряду прочих жизнеописаний предков первого русского царя в СК.

Сказанное выше побуждает скептически отнестись к возможности написания Жития Ольги пространной редакции и 1 ст. одним лицом, а 1 и 2 ст. (и последующих степеней) разными лицами. Это в свою очередь заставляет критично подойти к гипотезе об участии автора Жития Ольги в создании СК (прежде всего, 1 ст.). Завершая рассмотрение вопроса относительно возможности участия Сильвестра в создании СК, отметим, что есть определенные основания для сомнений в авторстве Сильвестра Жития Ольги пространной редакции. Приведем их.

Единственным аргументом в пользу предположения об участии Сильвестра в создании Жития Ольги является текст уже упоминаемой выше записи на Погодинском списке этого произведения (конец XVI в.)[277], повествующей о «списании любомудрецем Селивестром, прозвутером царствующего града Москвы» данного Жития (упоминание о «списании» в литературе было воспринято как указание на авторство). Необходимо отметить, что за последние десятилетия был выявлен ряд новых списков этой редакции Жития, более ранних, чем Погодинский. Так, в настоящее время кроме двух списков конца XVI в. — Погодинского и введенного в научный оборот И. В. Курукиным Академического последней четверти этого же столетия[278] — известны 3 списка Жития середины XVI в. — Барсовский, Егоровский и Софийский[279] (по-видимому, количество списков данной версии жизнеописания первой русской христианки, относящихся к этому времени, было бóльшим[280]). Важно отметить, что

---

[277] ОР РНБ. Погод. № 744.

[278] ОР РГБ. Ф. 173.I. № 198.

[279] ОР ГИМ. Собрание Е. В. Барсова. № 758; ОР РНБ. Соф. № 1424; ОР РГБ. Ф. 98. № 124. Софийский список был описан еще Д. И. Абрамовичем, Барсовский указан И. В. Курукиным, а на Егоровский внимание исследователей обратил Б. М. Клосс. См.: *Абрамович Д. И.* Описание рукописей С.-Петербургской Духовной академии. Софийская библиотека. Вып. 3. СПб., 1910. С. 138; *Курукин И. В.* 1) Сильвестр и составление Жития Ольги... С. 51—60; 2) Сильвестр: политическая и культурная деятельность... С. 116—117; *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 262.

[280] Как установил И. В. Курукин (см.: *Курукин И. В.* Сильвестр: политическая и культурная деятельность... С. 121—122), существовал и четвертый список этого времени, который был использован в СК, — на основании рассмотрения текстологии Жития историк выяснил, что Житие Ольги в СК не может быть возведено ни к Барсовскому, ни к Егоровскому, ни к Софийскому списку этого произведения.

ни один (!) из древнейших списков Жития записи о «списании» этого произведения Сильвестром не содержит[281]. Таким образом, запись, на которой основана гипотеза об авторстве Сильвестра, содержится в одном из пяти известных в настоящее время списков, к тому же позднейшем из всех. Достаточно ли этого для того, чтобы атрибутировать это произведение данному книжнику? Ответ, как представляется, очевиден — данные одного из пяти (к тому же самого позднего) списка не могут служить твердым основанием для гипотезы о происхождении архетипа памятника. Сказанное выше побуждает согласиться с мнением П. Г. Васенко о том, что рассматриваемая запись на Погодинском списке Жития Ольги, вероятно, относится к концу XVI в. и вряд ли содержалась в его протографе (общем с другими известными списками Жития)[282].

Оспаривая данное предположение П. Г. Васенко, А. И. Соболевский указал на то, что запись о «списании» Жития Ольги в ркп. Погод. № 744 была в оригинале протографа этого позднего списка (т. е. была выполнена самим Сильвестром), а не была внесена позднейшим переписчиком на основании того, что Сильвестр назван «любомудрецом». Так, полагая, что запись, по всей видимости, принадлежала самому Сильвестру, А. И. Соболевский задается вопросом: «Какой же переписчик когда-нибудь решился именовать себя „любомудрецом“ или подобным высокопочетным титулом?»[283]. Однако, как представляется, данный аргумент говорит об обратном. Во всяком случае, нам неизвестно о том, что древнерусские книжники эпохи Средневековья в своих сочинениях называли сами себя «предивными в добродетелях», «любомудрецами» и т. д. Скорее среди авторов литературных памятников фиксируется обратная тенденция — тенденция к уничижительно-нейтральным поименованиям себя[284].

---

[281] Не содержит ее и Академический список.

[282] *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 195. Вероятно, осознавая высокую степень гипотетичности предположения о написании Жития Ольги Сильвестром, автор последней биографии этого книжника, рассмотрев ряд связанных с ним произведений, данный памятник в их число не поместил (см.: *Перхавко В. Б.* Семья священника Сильвестра // АЕ за 2004 год. М., 2005. С. 46—61).

[283] Отзыв академика А. И. Соболевского... С. 13.

[284] Подробнее о постоянных сетованиях древнерусских книжников XI—XV вв. на свои неискушенность в «хитрости» писательского мастерства, «грубость», «худоумие», «неразумие» и безмерные прегрешения см.: *Конявская Е. Л.* Авторское самосознание древнерусского книжника (XI—середина XV в.).

Приведем еще один, хотя и косвенный, аргумент, побуждающий усомниться в возможности написания Сильвестром Жития Ольги: в настоящее время неизвестно ни одного агиографического текста (за исключением этого Жития), который можно было бы с какими-либо на то основаниями приписать перу этого книжника. В свете имеющихся в современной науке данных (прежде всего, сочинений самого Сильвестра) этот персонаж известен как политический и культурный деятель, публицист, морализатор, устроитель быта русского горожанина XVI в.[285]; но нет никаких сведений о нем как об агиографе[286].

М., 2000. С. 30—32, 54, 76—78, 128, 132—134, 140—141, 148, 155, 161, 163—164. Не произошло радикальных изменений и в XVI в. Например, в заглавии Жития Козьмы Яхромского упомянут его автор, современник Сильвестра, суздальский агиограф Григорий — «**смиренный** [инок] Суждаля града обители преподобнаго Еуфимия» (см.: ОР РНБ. СПбДА. № 277. Л. 347). Аналогичным образом именует себя этот же писатель и в заглавии Жития Иоанна Суздальского («Григорий, **смиреноинок** лавры преподобнаго отца архимандрита Еуфимиа», см.: *Усачев А. С.* Житие Иоанна Суздальского // ВЦИ. 2008. № 2. С. 23). В своих посланиях митрополит Макарий также отказывает себе в перечислении тех добродетелей, которыми его наделяли упоминавшие его другие книжники (например, составитель СК, обращавший внимание читателя на «дивного во святителях» Макария, см.: Степенная книга. Т. 2. С. 352). Показательно, что в своих сочинениях сам Сильвестр именует себя «последняя нищета, грешный, неключимый, непотребный раб Селивестришко» (послание к казанскому воеводе А. Б. Горбатому), упоминая о своей «худости» и «грубости» в письме неизвестному (см.: *Голохвастов Д. П., Леонид (Кавелин).* Благовещенский иерей Сильвестр... С. 88, 100).

[285] О биографии и литературной деятельности Сильвестра см.: *Соболевский А. И.* Поп Сильвестр и Домострой. С. 187—202; *Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания... С. 263—269; *Курукин И. В.* Сильвестр: политическая и культурная деятельность...; *Гробовский А. Н.* Иван Грозный и Сильвестр (история одного мифа). Лондон, 1987. С. 109—147; *Буланин Д. М., Колесов В. В.* Сильвестр // СККДР. Вып. 2, ч. 2. С. 323—333 (там же обзор литературы по 1980-е гг. включительно); *Филюшкин А. И.* История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная рада». М., 1998. С. 309—324, 329; *Перхавко В. Б.* Семья священника Сильвестра. С. 46—61.

[286] В свете вышесказанного отметим, что, по всей видимости, Сильвестр не проявлял особого интереса к памятникам житийной литературы, что представляется весьма необычным для агиографа. Так, в его в целом реконструированной библиотеке, включавшей в себя не менее 66 рукописных книг, содержались богослужебные книги, Тактикон Никона Черногорца, Толкования на Евангелия и Псалтирь, сочинения Иоанна Златоуста, Кирилла Иерусалимского, Василия Нового и другие произведения; памятников же агиографии было сравнительно немного. Подробнее о библиотеке Сильвестра см.: *Розов Н. Н.* Библиотека Сильвестра (XVI век) // Исследования источников по

Сказанное выше, вне зависимости от решения вопроса об авторстве пространной редакции Жития Ольги, побуждает констатировать, что две взаимосвязанные гипотезы — об участии Сильвестра в создании Жития Ольги и СК в целом — в настоящее время не могут быть признаны достаточно аргументированными. Это в свою очередь заставляет отказаться от мнения, что этот книжник являлся одним из составителей СК или автором ряда помещенных в нее разделов.

Андрей-Афанасий

А теперь в свете данных, доступных исследователю начала XXI в., рассмотрим аргументы в пользу гипотезы об авторстве Андрея-Афанасия, высказанной еще в середине XIX в. М. Я. Диевым.

В наиболее аргументированном и последовательном виде данное предположение представлено в работе 1904 г. П. Г. Васенко. Оно основывалось на следующих доводах:

— один из древнейших списков СК — Чуд. — содержит запись XVI в. о «собрании» СК митрополитом Афанасием (под «собранием» М. Я. Диев и П. Г. Васенко понимали указание на участие в создании памятника);

— в СК включено нехарактерное для нее Житие — Даниила Переяславского — наставника Андрея-Афанасия (в памятник помещены полные тексты житий лишь представителей великокняжеского рода и митрополитов);

— 21 гл. 15 ст. содержит выполненный от первого лица рассказ о чудесном исцелении его автора во время посещения Владимира-на-Клязьме. Чудо произошло во Владимирском Рождественском монастыре у мощей благоверного князя Александра Невского; Шумиловский том ЛЛС в соответствующем месте упоминает имя исцеленного лица — им был Андрей-Афанасий.

Этим, по сути, исчерпываются представленные в науке в настоящее время аргументы в пользу гипотезы об участии в написании СК Андрея-Афанасия. Рассмотрим их внимательнее.

На основе анализа предисловия к 1 ст. П. Г. Васенко установил, что составитель СК был близок к митрополиту Макарию, «благословением и повелением» которого он и создавал памят-

---

истории русского языка и письменности. Л., 1966. С. 191—205; *Курукин И. В.* Сильвестр: политическая и культурная деятельность... С. 97—111.

ник (или, во всяком случае, 1 ст.)[287]. Как уже указывалось выше, нашими предшественниками и нами была отмечена связь древнейших списков СК с митрополичьим Чудовым монастырем. М. Я. Диев, П. Г. Васенко и С. И. Смирнов отметили ряд фрагментов СК, указывающих на переяславское происхождение ее составителя. Эти отрывки связаны с жизнеописанием Даниила Переяславского, которое полностью представлено в 25 гл. 16 ст.; его фрагмент также читается в 24 тит. 10 гл. 17 ст. Ссылаясь на повествование от первого лица в рассказе о чуде под Казанью в Сказании о Данииле в СК (25 гл. 16 ст.), исследователи отметили, что наиболее вероятным автором жизнеописания переяславского святого был близкий к нему царский духовник, благовещенский протопоп Андрей, который в казанском походе сопровождал царя. К этому также следует прибавить отмеченный еще М. Я. Диевым содержащийся в 21 гл. 15 ст. рассказ о чуде, имевшем место при посещении гробницы Александра Невского: данный пассаж выполнен от первого лица и в литературе связывается с именем Андрея-Афанасия. С. И. Смирнов, специально разобрав отличия Жития Даниила Переяславского от помещенного в СК Сказания о нем, установил, что автором Сказания, по всей видимости, был лично знавший Даниила переяславец (Андрей-Афанасий), который внес в Сказание ряд отсутствующих в Житии деталей из жизни переяславского святого[288]. К сказанному выше также следует прибавить запись XVI в. на ркп., содержащей Чуд. — «книги Чудова монастыря», о ее «собрании» «смиренным Афанасием, митрополитом всея Русии» (полный текст записи: «Книга Чудова монастыря, собрана смиренным Афанасием, митрополитом всея Русии»[289]).

Как нетрудно заметить, набор указаний на участие в работе над памятником благовещенского протопопа ограничивается заключительным разделом СК (15—17 ст.). Данное обстоятельство в значительной мере ставит под сомнение предположение об Андрее-Афанасии как о составителе всего текста СК, поскольку на его переяславское происхождение указывает лишь материал трех последних степеней. Это дало основания А. И. Со-

---

[287] Степенная книга. Т. 1. С. 219; *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 188—191.

[288] Житие преподобного Даниила... С. XXI—XXIV.

[289] Чуд. Л. 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9.

болевскому предположить, что создатель если не всего текста СК, то, во всяком случае, значительных фрагментов в ее начальной части переяславцем мог и не являться. Исходя из этого, А. И. Соболевский и разделил текст СК на две части — Житие Ольги, первые степени памятника и заключительные степени — которые, согласно его мнению, писались разными лицами[290]. Если это действительно так, то предположение об участии Андрея-Афанасия в создании СК (по крайней мере, 1—14 ст.) повисает в воздухе. Для того, чтобы прояснить данный вопрос — т. е. доказать то, что составителем всего текста СК являлся Андрей-Афанасий, или признать справедливость мнения, что наряду с этим книжником в составлении произведения участвовало и другое лицо (непереяславец), — необходимо выяснить, есть ли в тексте первой части СК (по 14 ст. включительно) указания на переяславское происхождение ее составителя и какие-либо другие данные, позволяющие прояснить этот вопрос. Обратимся к тексту СК.

Как нами было отмечено выше при разборе рассказа о чудесном исцелении Михаила Черниговского Никитой Переяславским в 18 гл. 6 ст., в текст Чуда в СК, по всей видимости, был введен переяславский материал, который в соответствующем источнике (Житии Никиты) не фиксируется. Так, после слов, заключающих вошедший в СК отрывок описания Чуда, «хвалу въздая Богу и его молебнику чюдотворцу Никитѣ» следует отсутствующее в источнике СК дополнение, очевидно, принадлежащее ее составителю: «Честныи же тои крестъ и **донынѣ** [выделено нами. — *А. У.*] стоитъ, надписание лѣту цѣло имѣа»[291]. Как видим, книжник обнаруживает хорошее знание переяславской церковной географии. Это в свою очередь побуждает предположить, что данный отрывок при его включении в текст СК редактировался либо переяславцем, либо лицом, хорошо знакомым с церковными древностями Переяславля[292].

---

[290] Отзыв академика А. И. Соболевского... С. 8—11. Исследователь (за исключением Житий Ольги и Владимира) четко не отделил разделы, которые, согласно его точке зрения, принадлежали перу одного книжника, от разделов, написанных другим.

[291] Ср.: Степенная книга. Т. 1. С. 481; *Федотова М. А.* Житие Никиты... С. 326—327.

[292] Упомянув о данном чуде в СК, Н. В. Понырко высказала предположение о его авторстве Андрея-Афанасия, не приведя аргументов в пользу своего предположения (см.: *Понырко Н. В.* Житие Никиты... С. 307—308). Можно лишь предполагать, что ход рассуждений Н. В. Понырко был аналогичен нашему.

Как было показано выше, содержащееся в 15 гл. 12 ст. «В мале сказание» о Евдокии-Евфросинии создавалось на основе сочетания ряда летописных записей. Ранее уже отмечался переяславский характер, вероятно, имеющего устное происхождение известия о том, что Евдокия «в Переяславли же постави церковь близ града у реки у Трубежа Рожество святаго Иоанна Предтечи и монастырь устрои». Это побуждает заключить, что так же, как и в случае с Чудом Никиты, наиболее вероятным автором «В мале сказания» являлся, скорее всего, переяславец.

К сказанному необходимо прибавить и уже отмеченное выше вполне конкретное указание в тексте СК на написание 14 и 15 ст. одним лицом. Повествуя о событиях времени правления Василия II, 7 гл. 14 ст. при упоминании Ивана III отмечает, что «о немъ же [Иване III. — *А. У.*], аще благоволитъ Богъ, последи хощетъ рещися въ степени пятыинадесяти»[293]. Ранее мы указали, что данная ремарка является прямым свидетельством того, что степени (по крайней мере, 14-я и 15-я) создавались в порядке их следования в памятнике — в 14 ст. книжник выражает надежду на то, что ему удастся написать следующую — 15-ю. Это в свою очередь побуждает скептически отнестись к самой возможности разделения СК на части с 1 по 14 ст. включительно и с 15 по 17, которые гипотетически могли писаться разными лицами.

Таким образом, переяславские «проговорки» составителя СК фиксируются не только в 15—17 ст., на что справедливо обращали внимание наши предшественники, — они содержатся также в 6 и 12 ст., что связывает текст СК (во всяком случае, 6—17 ст.) с писателем-переяславцем. Указание на единого составителя по крайней мере 14 и 15 ст. содержится в 7 гл. 14 ст.

Важно также отметить, что, как было показано выше, текст СК, прославляющей московских князей и их предков, фиксирует использование явно московских по своему происхождению источников, возможно, устных (рассказы о Данииле, Иване Калите, Дмитрии Ивановиче и его супруге Евдокии-Евфросинии). Они содержали почти исключительно московский материал: известие об основании столичной обители — Данилова монастыря; описания чудес Даниила Александровича, Дмитрия Ивановича и его жены, вероятно, имевших лишь местное

[293] Степенная книга. Т. 2. С. 137.

почитание[294]. Возможно, эти материалы собирались и фиксировались в московских соборах и обителях, связанных с данными персонажами — основанном Даниилом Даниловом монастыре, построенном Евдокией-Евфросинией Вознесенском монастыре и Архангельском соборе, в котором похоронен Дмитрий Иванович. Нельзя исключить и возможность существования соответствующих документов в Царском архиве. Обратим внимание на то, что таких «проговорок», содержащих указания на современные составителю СК реалии относительно истории других регионов Руси (например, владимирских, тверских, суздальских или новгородских), нам зафиксировать не удалось. Последнее побуждает думать, что, несомненно, используя памятники региональных литератур — владимирской (Владимирская редакция Жития Александра Невского), псковской (Житие Всеволода Псковского Василия-Варлаама и, возможно, Житие Ольги пространной редакции), волоколамской («Просветитель» и, вероятно, Хр. 1512), новгородской (HIV) и др. — лишь при описании московских и переяславских историко-церковных древностей книжник обнаруживает познания, в основе которых лежит личный опыт.

В контексте гипотезы об авторстве СК немаловажное значение имеет упомянутая в третьей главе деталь из рассказа о смерти Василия III — сообщение о духовнике этого князя, благовещенском протопопе Алексее. Данное известие, скорее всего, могло быть внесено лицом, близким как к Благовещенскому собору, так и к великокняжескому семейству.

* * *

Сказанное выше дает основания выделить ряд признаков, которым должен был отвечать «кандидат» на роль составителя СК: 1) хорошее знание переяславской историко-церковной географии; 2) обусловленное либо происхождением, либо длительным проживанием знакомство с московскими церковными древностями и возможность использования источников, создаваемых, по всей видимости, в столичных обителях; 3) близость к митро-

---

[294] Подробнее об их почитании см.: *Голубинский Е. Е.* История канонизации... С. 190, 323; *Lenhoff G.* Unofficial Veneration... С. 391—416; Димитрий Иоаннович Донской. С. 126—129 (автор раздела — Б. Н. Флоря); *Флоря Б. Н., Чугреева Н. Н.* Даниил Александрович. С. 99—108; Евдокия Дмитриевна // ПЭ. Т. 17. М., 2008. С. 128—129 (автор раздела — Б. Н. Флоря).

политу Макарию; 4) связь с московским Чудовым монастырем; 5) авторитет или занимаемая должность, которые были достаточны для привлечения к созданию древнейших списков СК полутора десятков писцов. Из всех известных писателей середины—третьей четверти XVI в. лишь одно лицо в полной мере отвечает этим требованиям — Андрей-Афанасий: переяславец по происхождению, настоятель московского Благовещенского собора, царский духовник, проживающий в Москве, по крайней мере, с 1549/50 г.[295], около 1561—1562 гг. постриженный в московском Чудовом монастыре, в 1564 г. ставший митрополитом московским и всея Руси. Итоги анализа имеющегося материала не дают возможности установить имена конкретных лиц, помогавших нашему книжнику в написании СК.

Рассматривая вопрос о личности создателя СК, необходимо учитывать, что, как отметил еще П. Г. Васенко, определенное влияние на замысел произведения могли иметь пожелания лица, инициировавшего работу над памятником, — митрополита Макария. Принимая во внимание несомненный факт участия Макария, по крайней мере, в выработке замысла СК, Н. Н. Покровский счел возможным писать об ее «составителях», подразумевая под ними Андрея-Афанасия и московского митрополита[296]. Итоги изучения СК не дают нам (как и веком ранее П. Г. Васенко) возможности ответить на вопрос о том, «как далеко шли советы Макария при выполнении возложенной на него задачи»[297]. На данном этапе исследования СК обратим внимание на два обстоятельства. Во-первых, как было показано выше, для всего текста СК характерен один набор методов, используемых при ее написании. Во-вторых, зафиксируем, что в произведении содержатся упоминания «дивного во святителях» Макария и указание 1 гл. 1 ст. на «благословение» этим иерархом создателя СК. Это в свою очередь дает основания полагать, что возможность **непосредственного** участия московского митрополита в написании всего текста памятника или тех или иных его крупных разделов сомнительна. Таким образом, вопрос об авторе замысла СК остается открытым — это мог

---

[295] На это время приходится начало исполнения им обязанностей духовника при Иване IV и, по всей видимости, протопопа московского Благовещенского собора. См.: *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 205, примеч. 1.

[296] *Покровский Н. Н.* Исторические концепции... С. 92, примеч. 7.

[297] *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 190—191.

быть и Макарий, и лицо, которому было поручено написание памятника. Отвечая на вопрос об исполнителе этого замысла, мы можем прийти к более определенным выводам: в свете имеющихся в настоящее время данных можно полагать, что наиболее вероятным составителем СК являлся Андрей-Афанасий, направлявший работу ряда помощников, имена которых неизвестны.

4.4. Итоги

Результаты обобщения представленного выше материала побуждают констатировать следующее.

1. СК древнейшей редакции создавалась, по всей видимости, в Москве (судя по всему, в Чудовом монастыре), хотя, вероятно, для ее написания привлекались материалы из других книжных центров.

2. Единство набора методов, с помощью которых произведение писалось, свидетельствует в пользу мнения о том, что СК создавалась под руководством одного лица. Этот книжник, используя помощь около полутора десятков писцов, по всей видимости, выполнявших «техническую» работу, являлся автором ряда разделов, а также редактором и составителем более или менее крупных фрагментов, вошедших в СК.

3. В свете данных, доступных исследователю начала XXI в., наиболее аргументированной является гипотеза об Андрее-Афанасии как составителе памятника, действовавшем по инициативе митрополита Макария. Имена его помощников на данном этапе исследования установить не удается.

Глава 5

ПАМЯТНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Историографическое значение СК, повествующей о русской истории с древнейших времен до первых лет правления Ивана IV, ее объемом и широтой охвата материала не исчерпывается. Как уже отмечалось в целом ряде работ, посвященных данному сочинению, для него характерны новые черты, отличающие его от памятников предшествующей ему историографии[1]. Именно «пограничное» положение СК — между летописью и историческими произведениями нового типа — и обусловливает интерес исследователя к ней.

Как уже отмечалось в первой главе данной монографии, в посвященных СК трудах был изучен широкий спектр связанных с ней вопросов: подчеркнута связь ее создания с проведением в середине XVI в. активной внешней политики Русским государством, нуждавшимся в исторической аргументации своих притязаний; выявлены ключевые историко-политические идеи, которыми руководствовался составитель; рассмотрены основные особенности представления в СК как русской истории в целом, так и отдельных ее периодов, событий и персонажей. Вместе с тем, обращаясь к работам наших предшественников, необходимо обратить внимание на два момента. Во-первых, в посвященной СК литературе отсутствуют исследования, в которых бы она специально рассматривалась как памятник историогра-

---

[1] Например, см.: *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография... С. 33; *Орлов А. С.* Великорусская историческая литература XVI века... С. 17—46; *Тихомиров М. Н.* Развитие... С. 78—82; *Лихачев Д. С.* 1) Человек... С. 97—103; 2) Поэтика... С. 316—317; Истоки русской беллетристики... С. 426—427 (раздел написан Я. С. Лурье).

фии на фоне предшествующих и современных ей произведений исторической мысли. Во-вторых, анализ исторических идей, представленных в СК, велся, как правило, в отрыве от рассмотрения всего круга ее источников, а также методов работы с ними. Результаты предпринятого нами выше исследования источников памятника и особенностей оформления его текста дают дополнительный материал, который не был доступен нашим предшественникам. С учетом их и наших собственных наблюдений мы и попытаемся определить место СК в развитии русской средневековой историографии. Принимая во внимание очевидную невозможность рождения исторических представлений составителя СК ex nihilo, особое внимание мы уделим определению круга памятников, которые, с одной стороны, могли оказать влияние на формирование его представлений о прошлом, с другой, представляли сходные тенденции в развитии древнерусской письменности. Это, во-первых, позволит поместить феномен СК в контекст развития исторической мысли средневековой Руси, во-вторых, даст дополнительный материал для изучения произведения в контексте книжности времени митрополита Макария.

Представляется целесообразным выделить ряд проблемных блоков, освещающих те или иные аспекты СК как произведения исторической литературы: способы организации и представления материала о прошлом, базовые представления об историческом процессе, важнейшие истоки исторических взглядов нашего книжника, основные проблемные узлы всемирной и русской истории.

5.1. Особенности изложения исторического материала

Название и композиция

Характеризуя СК как памятник исторической литературы, прежде всего обратим внимание на особенности группировки материала о прошлом в этом оригинальном произведении. Обратимся к общей характеристике его композиционных особенностей.

СК состоит из служащего своего рода введением к ней Жития Ольги, а также 17 степеней/граней, каждая из которых повествует о событиях времени правления прямых предков Ивана IV (17 ст. посвящена описанию первых лет его царствования). Сте-

пени подразделяются на главы, самые крупные из которых в свою очередь делятся на титла. Отмечая отсутствие в древнерусской книжности сочинений с аналогичной структурой, исследователи рассматривали СК либо исключительно как «порождение русской историографии периода укрепления Русского централизованного государства», «не имеющее аналогий в византийской, южнославянской письменности»[2], либо как результат заимствований из произведений иных стран и народов. Это в свою очередь заставляет нас задаться вопросом: можно ли СК в композиционном плане возводить к какому-либо конкретному памятнику книжности или традиции или следует согласиться с мнением о ее исключительном характере? Рассмотрим соответствующий материал.

По сути, единственным сочинением, с которым сопоставлялась композиция СК, являются «Жития сербских королей и архиепископов»[3]. Как уже отмечалось в первой главе нашей работы, первым предположение о возможности влияния на СК «Житий» высказал К. Н. Бестужев-Рюмин. Это наблюдение поддержал П. Г. Васенко, не настаивая, впрочем, на возможности непосредственного знакомства составителя СК с «Житиями». Согласно мнению историка, СК и «Жития» представляют собой «аналогичные явления»; впрочем, П. Г. Васенко не исключил возможности того, что «Жития» «могли повлиять на мысль о Степенной»[4]. Отметили возможность типологического сходства СК и «Житий» А. А. Турилов и Г. Ленхофф[5]. Допускал возможность влияния «Житий» на СК В. Берелович[6].

---

[2] См.: *Тихомиров М. Н.* Развитие... С. 82.

[3] Как уже упоминалось в историографическом обзоре, нашими предшественниками отмечалось и влияние на СК «Сказания о князьях Владимирских» или близкого к нему памятника (И. Н. Жданов, П. Г. Васенко, Н. Л. Рубинштейн). Впрочем, как явствует из текста «Сказания», содержащего описание лишь нескольких эпизодов русской истории, оно ни по своему содержанию, ни по своей структуре не могло явиться образцом для СК. Это, конечно, не исключает возможности влияния на нее ряда идей, представленных в «Сказании» (например, о преемственности власти византийских императоров и киевских князей; подробнее этот вопрос нами будет рассмотрен ниже).

[4] *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 165.

[5] *Турилов А. А.* Древнейшая история... С. 51—52; *Ленхофф Г. Д.* Степенная книга... С. 122.

[6] *Berelowitch W.* Les origines de la Russie dans l'historiographie russe du XVIIIe siècle // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2003. Т. 58, № 1. P. 64.

Рассматривая вопрос о возможном образце для подражания при написании СК, А. В. Сиренов вслед за своими предшественниками указал на аналогии между СК и «Житиями» и высказал мнение о влиянии на нее произведения сербской литературы (впрочем, не настаивая на использовании самого текста — как полагает историк, книжник мог воспользоваться слухами о существовании подобного памятника, об этом ниже)[7]. Имеющийся в нашем распоряжении материал побуждает нас не согласиться с рядом аргументов, приведенных в пользу этой гипотезы.

Прежде всего, следует отметить, что степень сходства СК и «Житий» не стоит преувеличивать. Так, между ними фиксируется важное композиционное различие — если в СК жизнеописания русских митрополитов включены в основной текст степеней, повествующих о великих князьях, то в «Житиях» рассказы о правителях и архиепископах помещены раздельно[8].

Кроме того, представляется, что появление списка «Житий» в России в середине—третьей четверти XVI в. сомнительно. Во всяком случае, нет прямых данных, позволяющих говорить о его появлении на Руси ранее середины XVII в. На это время приходится единственное известие о существовании списка «Житий» в России. В мае 1654 г. в Москву прибыл сербский патриарх Гавриил, привезший с собой ряд книг, которые он просил издать патриарха Никона и царя Алексея Михайловича. Среди прочего в числе привезенных Гавриилом книг фигурирует «книга Жития и повесть святых цареи сербских и патриархов»[9]. Привезенные Гавриилом книги опубликованы не были; неизвестна и их судьба — они могли остаться в России, а могли вместе с этим иерархом отправиться обратно в Сербию[10]. Во всяком случае, в настоящее время не выявлено списков «Житий», созданных или бытовавших в России[11]. Лишь

---

[7] *Сиренов А. В.* Степенная книга... С. 371—376.

[8] См.: Животи кральева и архиепископа српских написао архиепископ Данило и други / на свијет издао Ђ. Даничић. Загреб, 1866. С. 1—231 (жизнеописания правителей), 232—386 (рассказы об иерархах Церкви).

[9] *Турилов А. А.* Эпизод из болгаро-сербско-русских связей середины XVII века (гипотеза о происхождении Карловацкой рукописи «Сказания о письменах» Константина Костенецкого) // Славяноведение. 2003. № 2. С. 91.

[10] Там же. С. 93, примеч. 24.

[11] О списках памятника см.: Животи кральева и архиепископа српских; Службе / Данило Други. Београд, 1988. С. 268—269.

на Западной Украине (в Львове) в XVI—XVII вв. фиксировался сербский список «Житий» (в настоящее время хранится в Национальной библиотеке в Варшаве); прочие списки вне пределов Сербии не обнаружены. Итоги разбора этих данных позволили А. А. Турилову заключить, что бытование списка «Житий» во Львове говорит «возможно, об известности текста, но отнюдь не о тиражировании или использовании»[12].

Не настаивая на факте бытования списка «Житий» в России середины XVI в., А. В. Сиренов склонен считать, что в ходе интенсивных обменов посольствами в 50-е гг. XVI в. с Хиландарским монастырем, в котором в этот период находился список «Житий», в Москву поступила самая общая информация о характере этого памятника. Упоминая о хранении одной рукописной книги благовещенского священника Сильвестра в Хиландарском монастыре, историк полагает, что именно Сильвестр поведал о «Житиях» наиболее вероятному создателю СК Андрею-Афанасию, также служившему в Благовещенском соборе.

В качестве примера влияния «Житий» на СК А. В. Сиренов приводит аллегорическое представление в ней русских государей в виде райских «древес», «цветов» и «плодов», с которыми сравниваются и персонажи «Житий». Однако, как представляется, в данном случае речь идет об общем месте в средневековой литературе. Так, с образом сада соотносится рай («многоцветный и благовонный») в «Пчеле» (ее славяно-русский перевод выполнен не позднее XIII в.)[13], Русская земля представлена в виде райского сада в «Слове... еже на латину»[14] (около 1461—1462 гг.). Известно значительное число случаев уподобления ряда персонажей русской истории (не всегда это были князья) «отраслям», «древесам» и «ветвям»: в самом начале «Слова о житии» Дмитрия Ивановича (первая четверть XV в.) указано, что этот московский князь происходил от «корени святого, и Богом сажденнаго саду отрасль благоплодна и цвет прекрасный царя Владимира...»[15]; русские князья в «Словесах избранных» (послед-

---

[12] *Турилов А. А.* Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV—первой половины XVI в.: парадоксы истории и географии культурных связей // Славянский альманах. 2000. М., 2001. С. 251.

[13] *Семенов В.* Древняя русская Пчела по пергаменному списку. СПб., 1893. (СОРЯС. Т. 54, № 4). С. 2.

[14] *Попов А. Н.* Историко-литературный обзор... С. 394—395.

[15] Цит. по: ПСРЛ. Т. 6. С. 104.

няя треть XV в.) прямо именуются «святаго Владимера корене благоплодными отрасльми»[16]; повествуя о рождении Пафнутия Боровского, его Житие (первая четверть XVI в.) сообщает: «Израсте блаженныи яко от благаго корене сад священен»[17]; в образе «святого корени отраслей и Богом насажденного сада цветов прекрасных» представлены рязанские князья в Повести о разорении Рязани Батыем (XVI в.)[18]; со словами «о, добрѣйший Василие, благороднаго корене благородно прозябение...» к Василию III обращается Максим Грек в одном из своих посланий[19]; сравнения русских государей с «корнями» и т. д. характерно и для богослужебной литературы (в частности, для Стихираря)[20]. Важно отметить, что составителю СК была, несомненно, известна по крайней мере часть этих памятников — как показывают итоги изучения источников произведения, к его написанию были привлечены «Слово о житии» и «Словеса избранные». Таким образом, речь может идти о знакомстве нашего книжника с целым рядом аллегорий, представленных в предшествующих СК произведениях, круг которых не ограничивался «Житиями». Это в свою очередь заставляет думать, что приведенные А. В. Сиреновым аналогии СК с последними не могут рассматриваться в качестве однозначных свидетельств в пользу предположения о соответствующих заимствованиях именно из них. Не исключая гипотетической возможности знакомства создателя СК с «Житиями» (пусть и в опосредованном чужими рассказами виде) полностью, в свете имеющихся в настоящее время данных наиболее предпочтительным представляется мнение о некотором композиционном сходстве СК и сербских «Житий»[21].

Сказанное выше заставляет считать возможность подражания составителя СК сербским «Житиям» сомнительной. С чем же может быть связана оригинальная структура рассматриваемого произведения? В поисках ответа на этот вопрос обратимся к ряду предшествующих и современных СК памятников.

---

[16] ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. С. 3.

[17] *Кадлубовский А. П.* Житие преподобного Пафнутия Боровского... С. 119.

[18] БЛДР. Т. 5. СПб., 1997. С. 154.

[19] Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 2. Казань, 1896. С. 346.

[20] *Рамазанова Н. В.* Московское царство... С. 118—120.

[21] См.: *Турилов А. А.* Древнейшая история... С. 51—52; *Розинская М. М., Турилов А. А.* Даниила II // ПЭ. Т. 14. М., 2006. С. 95.

Были ли в руках составителя СК сочинения, в которых изложение материала о прошлом было представлено в виде жизнеописаний одного или ряда правителей, представляющих одну династию? Приведенные выше результаты разбора источников СК дают основания утвердительно ответить на этот вопрос. Как уже было показано выше, к написанию СК был привлечен ЛНЦ. С одной стороны, речь идет о летописи, в которой сохранено погодное изложение событий; с другой, в центр внимания создателя ЛНЦ был помещен главный герой 17 ст. — Иван IV. При этом, однако, важно отметить, что этот Летописец, написанный, по-видимому, незадолго до создания СК, представлял собой своего рода историографический прецедент — как заявлено в его названии («Летописец начала царства великого князя Ивана Васильевича всея Русии отъ отца его преставления блаженнаго и приснопаметнаго великого князя Василья Ивановичя всея Русии, в иноцѣхъ Варлаама»), он был специально посвящен жизнеописанию первого русского царя. Итоги обследования источников СК дают еще один пример (хотя и хронологически весьма отдаленный) построения если не всего сочинения о прошлом, то, во всяком случае, его значительной части в виде Похвалы правителю, имеющей биографический характер, — хорошо известное составителю СК «Слово о законе и благодати». Его заключительная часть, как известно, представляет собой описание крестителя Руси Владимира Святославича и его сына Ярослава. Также отметим возможность влияния и целого ряда княжеских житий, которые помещены в текст СК.

Стремление представить прошлое в виде рассказов о правителях характерно не только для Руси, но и для ряда других стран. Так, в Византии, с которой Русь была связана множеством нитей, существовал ряд памятников историографии, полностью или частично посвященных биографиям императоров. Как отмечает Я. Н. Любарский, «жизнеописания (главным образом византийских императоров) нам известны, правда, не как самостоятельные жанрово оформленные биографии, а в составе исторических сочинений. Чем иным как не грандиозным жизнеописанием императора Алексея I Комнина является написанная его дочерью Анной Комниной „Алексиада“? По сути дела серией царских биографий оказывается и знаменитая „Хронография“ Михаила Пселла. Историография вообще (и не только в Византии!) имеет тенденцию в определенных условиях превращаться в собрания жизнеописаний исторических деятелей». Период приобретения византийской хроникой все более биогра-

фических черт историк относил к середине X в. (Хроника Продолжателя Феофана)[22]. Вероятно, ко времени написания СК в России уже имелись «определенные условия» для представления прошлого в виде собрания биографий государей. Ввиду отсутствия соответствующего материала оставляя за скобками вопрос о влиянии приведенных выше памятников византийской историографии на книжника круга митрополита Макария, отметим, что изложение событий прошлого в виде жизнеописаний правителей побуждает рассматривать русскую историческую мысль в контексте тенденций, характерных для трудов о прошлом прочих стран (в частности, Византии), правда, несколько более раннего времени[23].

Рассматривая СК на фоне других произведений древнерусской книжности, зафиксируем, что приведенные выше прецеденты создания исторических трудов в виде жизнеописаний правителей не содержали четкой структуры с характерным для нее разделением текста на тематические разделы. Так, если в «Слове» Илариона Похвалы Владимиру и Ярославу отделяются от основного текста и друг от друга, то повествующий о правлении Ивана IV ЛНЦ содержит лишь разбивку на традиционные для летописания погодные записи. Откуда же составитель СК мог почерпнуть принцип деления материала на степени, главы и титла?

Проясняя этот вопрос, рассмотрим другие памятники, которые, как показали итоги реконструкции круга источников создателя СК, были ему доступны. Обращаясь к ним, отметим, что названия структурных частей СК характерны для целого ряда предшествующих ей сочинений. Деление текста на главы отличает источники СК Хр. 1512, Воскр., а также Стоглав и КИ. Деление на главы также свойственно и некоторым рукописным сборникам, созданным как в предшествующий, так и в современный написанию СК периоды. Грани и титла фиксируются

---

[22] См.: *Любарский Я. Н.* Сочинение продолжателя Феофана. Хроника, история, жизнеописания? // Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. подгот. Я. Н. Любарский. СПб., 1992. С. 201, 265.

[23] В сжатом виде характеристика памятников византийской историографии, переводы которых бытовали на Руси, представлена в работах В. М. Истрина и Е. Г. Водолазкина, см.: *Истрин В. М.* Хронографы в русской литературе // ВВ. СПб., 1898. Т. 5, вып. 1—2. С. 131—152; *Водолазкин Е. Г.* Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI—XV веков). München, 2000.

в Кормчих, в которых они фигурируют как синонимы; грани/титла в свою очередь в этих сводах церковного права подразделялись на главы. Так, как отмечается в Кормчих, «титлъ нашим языком сказуется грань; грань же яснѣе именуется сочетание или совокупление»[24]. Укажем и на созвучие термина «грань» названию Хр. 1512 — «Книга... глаголемая **граннографъ**, еже есть лѣтописецъ» (выделено нами. — *А. У.*)[25], хотя Хр. 1512 и состоит из глав, а не граней. Не исключено, что в древнерусской книжности в период, предшествующий написанию СК, мог существовать памятник исторической мысли, имеющий разделение на степени. Так, в предисловии к Тверскому сборнику (вторая четверть XVI в.) отмечено, что «Володимерский полихронъ степенемъ приведе явѣ указуетъ»[26]. Не вдаваясь во все подробности спора о датировке и составе Владимирского полихрона, а также его месте в генеалогии русского летописания, зафиксируем сам факт упоминания «степеней» как разделов произведения исторической литературы.

Необходимо отметить, что в русской книжности времени создания СК (середина—третья четверть XVI в.) значения слов «грань» и «степень» различались. Так, «Азбуковник» старшей редакции, по-видимому, известный составителю СК, фиксирует следующее толкование «грани» — «гранесъ, стих»[27]. «Степень» же в этом лексикографическом своде определялась как «лѣствица»[28].

Основываясь на толковании этих понятий, И. А. Шляпкин «грань» определил как формальную часть произведения, срав-

---

[24] Цит. по: ОР РГБ. Ф. 98. № 156. Л. 52 (также см.: СРЯ. XI—XIV. Т. 2. М., 1989. С. 385). В «Азбуковнике» представлено и иное толкование — «титла, вина» (см.: *Ковтун Л. С.* Азбуковники... С. 262). Использование лексемы «титл» в значении «отдел, глава» фиксирует и И. И. Срезневский (см.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. СПб., 1903. Стб. 960). На возможность влияния Кормчих на композицию СК указал А. В. Сиренов (см.: *Сиренов А. В.* Степенная книга... С. 397—398).

[25] ПСРЛ. Т. 22, ч. 1. С. 1.

[26] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 465.

[27] Также ср. толкование «гранесословит, стихи глаголет или псалмы», см.: *Ковтун Л. С.* Азбуковники... С. 176. Аналогичное значение данного понятия фиксируют и словари древнерусского языка, см.: СРЯ. XI—XVII. Вып. 4. М., 1977. С. 121—122; СРЯ. XI—XIV. Т. 2. М., 1989. С. 385—386; *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. СПб., 1893. Стб. 585.

[28] *Ковтун Л. С.* Азбуковники... С. 257.

нивая с ее с современным томом или частью. Согласно мнению этого историка, «слово *степень* носит символический характер»: «Всякий из родоначальников современного составителю Грозного царя Ивана Васильевича является не только благоверным и самодержавным великим князем всея Русии, но и человеком богоугодившим или своим благочестием, или своими подвигами» (ступенями/степенями лестницы, ведущей к Богу). Это дало основания исследователю полагать, что СК — это «книга восхождения». По мнению И. А. Шляпкина, «степени и грани совпадают случайно, но степень имеет в виду внутренний, а грань чисто внешний признак»[29]. Различение значения этих двух терминов сказалось в их сосуществовании на протяжении всего текста и отсутствии случаев их взаимных замен. Так, помещенное перед основным текстом СК оглавление ее разделов определено как «Гранесование степенем и оглавление гранем»[30]. В названиях степеней указывается не только порядковый номер степени, но и номер грани[31]. Также в большинстве случаев и в концовках степеней/граней указывается на окончание не только степени, но и соответствующей грани[32]. На различение «граней» и «степеней» указывает и то, что для обозначения подразделов наиболее крупных глав использовалось понятие «титла», которое, как было отмечено выше, воспринималось как синоним понятия «грань» (вероятно, эти понятия в СК соотнесены с различными структурными частями для того, чтобы избежать терминологической путаницы). Сказанное выше дает основания полагать, что понятия «грань» и «титла» (так же, как и «глава») в СК соответствовали современному понятию «раздел»/«подраздел».

Термины «грань» и «степень», которые в СК не были взаимозаменяемыми, в ее тексте используются параллельно, однако, как явствует из названия памятника, книжник отдает предпочтение последнему. Вероятно, это обусловливалось его семантикой. Так, как уже указывалось выше, «степень» в России XVI в. толковалась как «лѣствица»[33]. Использование понятия «степень» давало возможность связать ход русской истории с образом пути по «лестнице», ведущей к Богу (об этом ниже).

---

[29] *Шляпкин И. А.* [Рец.]. С. 155—156.

[30] Степенная книга. Т. 1. С. 197.

[31] Там же. Т. 1. С. 218, 379, 386, 402, 412, 448, 483, 516, 536, 560; Т. 2. С. 5, 71, 129, 217, 286, 345.

[32] Там же. Т. 1. С. 377, 385, 411, 447, 482, 515, 594; Т. 2. С. 70, 285.

[33] *Ковтун Л. С.* Азбуковники... С. 257.

Основному тексту СК предшествует помещенное после Жития Ольги гранесование — перечень составляющих ее разделов. Оглавление имеет целый ряд предшествующих и современных СК памятников (Хр. 1512, Воскр., КИ и др.), а также сборники, содержащие различные произведения переводной и оригинальной древнерусской книжности. Любопытно, что в ряде случаев наряду с определением «главы», «главы книги сея» и т. д., которые предшествуют оглавлению того или иного произведения, использовался и характерный для СК термин с корнем «грань». Так, тексту сочинений Дионисия Ареопагита в их сборнике предшествует «Гранесисловие о книзе святого Дионисиа...»[34].

Таким образом, как видим, рассматривая важнейшие памятники русского Средневековья по XVI в. включительно, нетрудно обнаружить, что составитель СК, выделяя в составе степеней/граней главы и титла, имел предшественников, труды которых предоставляли в его распоряжение ряд способов группировки значительного материала.

Большое значение для прояснения вопросов, связанных с изучением композиции СК и представленного в ней общего взгляда на русскую историю, имеет рассмотрение служащего своего рода введением к ней «Сказания о святем благочестии росийских началодержец», которое, строго говоря, является ее полным названием. Ввиду важности этого фрагмента для последующего изложения приведем его полностью:

«Книга Степенна царскаго родословия иже въ Рустеи земли въ благочестии просиявшихъ богоутверженныхъ скипетродержателеи, иже бяху отъ Бога яко раиская древеса насаждени при исходищихъ водъ и правовѣриемъ напаяеми, богоразумием же и благодатию възрастаеми, и божественою славою осияваемии, и явившяся яко садъ доброрасленъ, и красенъ листвеемъ, и благоцвѣтущь, многоплоденъ же и зрѣлъ и благоухания исполненъ, великъ же и высокъверхъ, и многочяднымъ благородиемъ, яко свѣтлозрачными вѣтми, разширяемъ, богоугодными же добродѣтельми преспеваемъ. И мнози отъ корени и отъ вѣтвеи многообразными подвиги, яко златыми степеньми на небо восход-

[34] Например, см.: ОР РНБ. Соф. № 1188. Л. 11. Сборник середины XVI в. О нем подробнее см.: *Усачев А. С.* Книга «владыки Офанасиа»: о владельце одного сборника сочинений Дионисия Ареопагита // Книга в России. Вып. 2 (в печати).

ную лѣствицу непоколеблемо вѣдрузишя, по неи же невъзбраненъ к Богу восходъ утвердишя сѣбе же и сущимъ по нихъ»[35].

Как видим, в данном фрагменте, служащем как введением, так и своего рода анонсом СК, содержатся образы ведущей к Богу лестницы, райского сада, украшенного прекрасными «древесами» — добродетельными правителями[36], и «исходящих вод», «напояющих» их «правоверием». В историографии уже неоднократно отмечалось своеобразие представленного в СК образа[37], однако, за исключением работы Г. Ленхофф, рассмотревшей возможные параллели ему в св. Писании и святоотеческой литературе[38], специально источники вводной части СК не изучались. Обратимся к возможным образцам этих аллегорий.

Рассматривая представленный в СК образ лестницы, следует отметить, что в древнерусской литературе «лествица» являлась

---

[35] Степенная книга. Т. 1. С. 147.

[36] Необходимо отметить, что, изображения русских князей в виде райских «древес», книжник последовательно, на протяжении всего текста памятника, проводил данное аллегорическое представление, согласуя соответствующий пассаж во вводной части СК с ее основным текстом: представление русской истории в образе сада, а правителей в виде райских «древес» не ограничивается «Сказанием о святем благочестии». Так, на протяжении всего текста СК русские государи, происходящие от «семени» Владимира, неоднократно изображаются в виде «ветвей», «отраслей» или «изращения» общего древа потомков Владимира (Ярослав Владимирович в 1 гл. 2 ст., Ярослав Всеволодович в 1 гл. 7 ст., Дмитрий Иванович в 1 гл. 12 ст., Василий III в 1 гл. 16 ст.); «кореноплодителями» русских князей именуются Всеволод Юрьевич (1 гл. 6 ст.), Ярослав Всеволодович (1 гл. 7 ст.), Иван III (1 гл. 15 ст.); «благословенным плодом» Владимира поименован Иван Иванович (1 гл. 11 ст.); в виде райских цветов представлены дети Ивана IV (14 гл. 17 ст.). См.: Степенная книга. Т. 1. С. 379, 449, 482; Т. 2. С. 5, 47, 217, 286, 375.

[37] Например, см.: *Державин Н. С.* «Степенная книга»... С. 4—5; *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 192—193; *Орлов А. С.* Великорусская историческая литература XVI века... С. 20; *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 79—80; *Лихачев Д. С.* Поэтика... С. 315—316; *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 317; *Nitsche P.* Translatio imperii?... S. 323; *Филюшкин А. И.* Модель «царства»... С. 268; Из Степенной книги... Комментарии. С. 589; *Богатырев С. Н.* Лестница в небеса (символика власти Ивана Грозного) // Родина. 2004. № 12. С. 11—12; *Прохоров Г. М.* Древнерусское летописание как жанр // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 15.

[38] См.: *Ленхофф Г. Д.* О библейских и святоотеческих подтекстах... С. 181—189. Также см.: *Ленхофф Г.* Степенная книга... С. 133—137. Отметим и нашу небольшую заметку, посвященную этому вопросу, см.: *Усачев А. С.* Образ Русской земли в контексте диалога культур: от «Слова о законе и благодати» к Степенной книге // Межкультурный диалог в историческом контексте: Материалы научной конференции. М., 2003. С. 22—24.

олицетворением прочности и незыблемости. Так, в славяно-русском переводе «Пчелы» содержится следующее определение: «Лѣствица утвержена и оустроена твердо на здание при троусѣ не распадеться, тако и сердце оутвержено мыслми во время доумы не оустрашиться»[39]. Д. С. Лихачев полагал, что в образе лестницы в СК было воплощено пространственное изображение времени[40] (исследователь в качестве ближайшей аналогии приводил лестницу Иакова из «Лествицы», которая, однако, лишь весьма отдаленно напоминает образ, содержащийся в СК[41]). Образ ведущей праведников к Богу лестницы представлен и в богослужебной литературе (например, в составленной Пахомием Сербом Службе Варлааму Хутынскому фигурирует лестница, ведущая святых в горний Иерусалим[42]).

Как представляется, особого внимания требует наблюдение П. Г. Васенко[43]: историк связал содержащийся в СК образ лестницы с уподоблением в Житии Ольги равноапостольной княгини, Владимира, Бориса и Глеба степеням/ступеням лестницы, ведущей к Богу[44]. Однако если в жизнеописании первой русской христианки со степенями/ступенями сравнивались лишь четыре канонизированных представителя рода русских государей («четверочислении свѣтилници»[45]), то в СК образ ступеней распространен на прочих русских князей и положен в основу ее

---

[39] *Семенов В.* Древняя русская Пчела... С. 16.

[40] *Лихачев Д. С.* Поэтика... С. 315.

[41] «Поидеже оубо Иякoвъ къ Лавану оую своему и обрѣте мѣсто и оуспе ту, на камень взложивъ главу, солнце бо зашло бяше. Туже и видѣ сонъ, и се лѣствица бяше оутвержена на земьли и досягъше небесе, и бѣ верху ея лице, акы человече, изъ огня исѣчено. Имѣяже 12 степени, лици человечи двѣ одесную и ошюю 20 и 4 лица на лѣствици ихъ. Среднее же лице преже всѣхъ бяше, еже видехъ изъ огня до раму и до раму излиха страшно паче онѣх двудесяту и 4 лиць. И еще мьнѣ зрящю, и се ангели Божии всхожахоуть и низъхожахуть по неи. Господь же оутвержашеся на неи». См.: Памятники отреченной русской литературы / Собр. и изд. Н. С. Тихонравова. Т. 1. М., 1863. С. 91 (отсутствующие в издании знаки препинания расставлены нами. — *А. У.*). На возможную связь «Лествицы» с СК также указала Г. Ленхофф (см.: *Lenhoff G.* The «Stepennaja kniga» and the Idea of the Book... S. 452).

[42] См.: ОР РНБ. Соф. № 191. Л. 39.

[43] *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 192—193.

[44] «Едино празднество ко единому когождо празнеству близь привнесе Господь и дарова намъ яко лѣствицу, отъ земля до небеси утвержену, еи же глава Христосъ, къ Нему же восходъ имѣемъ, яко златыми степеньми», см.: Степенная книга. Т. 1. С. 184; ОР РГБ. Ф. 98. № 124. Л. 340 об.

[45] Степенная книга. Т. 1. С. 184; ОР РГБ. Ф. 98. № 124. Л. 340 об.

композиции. Это дало возможность вывести лестницу за пределы древнерусского периода, к которому относится деятельность Ольги, Владимира, Бориса и Глеба, и довести ее до Ивана IV, распространив тем самым и на историю Руси XII—XVI вв. Как видим, согласно представленному в СК взгляду, «лествицей», ведущей к Богу, становится вся череда предков первого русского царя, а не отдельные его святые «сродники».

Как уже было показано выше (при рассмотрении гипотезы А. В. Сиренова о влиянии «Житий сербских королей и архиепископов» на СК), представление Русской земли в виде сада, а ее правителей в виде прекрасных растений характерно для целого ряда предшествующих СК памятников древнерусской оригинальной и переводной книжности. Рассмотрим некоторые другие параллели.

Самой общей аналогией образу, содержащемуся в СК, является библейский образ Эдемского сада (ср. Быт. 2—3; Иез. 28: 13; 31: 9; 36: 35; Иоил. 2: 3 и др.[46]). В концентрированном виде значение древа проясняется в содержащейся в летописных источниках СК речи философа, раскрывающей семантику креста: «...на древѣ распятся: отъ древа вкушь Адамъ, испаде ис породы; Богъ же на древѣ того ради страсть приатъ, да древомъ диаволъ побѣженъ будетъ и отъ древа животнаго въ раи пища и наслажение приимуть праведнии»[47]. Результаты поиска более близких к СК описаний дают основания говорить о ряде других возможных источников содержащегося в ней образа сада.

Изображение рода русских государей в виде деревьев, которые украшают райский сад (Русскую землю), позволяет усмотреть связь этой аллегории с сюжетом, который восходит к распространенной редакции Жития Владимира. В Житии князь изображен в виде «честного древа самого рая», которое породило «святыѣ лѣторасли Бориса и Глеба»[48]. В основанном на этом

---

[46] Аналогии между библейскими описаниями сада и изображением растений в памятниках домонгольской письменности привел С. В. Козлов (см.: *Козлов С. В.* Символико-аллегорическая образность «цветов» в древнерусской ораторской прозе XI—XII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 2 (2). С. 59, примеч. 19). В работе также были использованы наблюдения У. Барнетта, который привел встречающиеся в СК упоминания сада и деревьев (см.: *Barnette W.* Stepennaja kniga... P. 314—315).

[47] ПСРЛ. Т. 9. С. 51; Т. 7. С. 305 (цит. по Ник.; Воскр. содержит сходный текст). В СК (см.: Степенная книга. Т. 1. С. 265) читается аналогичный фрагмент (26 гл. 1 ст.).

[48] *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития... С. 16, 21.

рассказе отрывке СК данные слова изменены — в ней читается «**многорасленое** древо нетлѣннаго рая» (выделено нами. — *А. У.*)[49]. Видимо, указание на «многорасленность» древа Владимира может быть связано с развитием в произведении мотива источника СК — эволюции образа крестителя Руси как дерева, от которого исходят ветви (Борис и Глеб), к представлению равноапостольного князя в качестве корня, из которого произрастает множество деревьев (его потомков — русских «скипетродержателей»). Вероятно, в основание образа Руси как «доброрасленого и крепкого листвием и благоцветущего» сада в СК могло быть положено изображение Владимира как «древа самаго рая», а также Бориса и Глеба как его «летораслей» в источнике памятника. Этот образ писатель середины XVI в. «достроил», превратив одинокое райское дерево в «благоцветущий» сад. Если это предположение верно, то появятся основания говорить о том, что при создании образа сада наш книжник руководствовался теми же принципами, что и при представлении русской истории в виде лестницы — в СК этот образ распространен на всех потомков Владимира. С другой стороны, образ сада читается в описании добродетелей Ольги в пространной редакции ее Жития, в которой бабка крестителя Руси была изображена как «благоплодный царственный зрелый сад, благочестием умноженный, пресладкий добродетельми и добролиственный благоуправлением». При этом создатель Жития подчеркивал, что изображенной в виде сада Ольгой «мы вси, яко благосѣнноли-ственнымъ древомъ покрываеми, от всякого вреда вражия избавляемся душевнѣ и тѣлеснѣ, отъ него же пресладкаго вкуса богоразумиа насыщаеми веселимся»[50].

Сказанное выше дает основания заключить, что содержащийся в СК образ явился результатом переосмысления ее составителем мотивов своих источников (образа Владимира как древа, от которого исходят ветви — Борис и Глеб — и представления Ольги в виде «доброплодного» сада), которые он соединил и «достроил» в представленной во введении к памятнику картине «благоцветущего» сада. Среди источников образа сада (Русской земли) и произрастающих в нем прекрасных растений (русских князей — потомков Владимира) выделяется «Слово о житии» Дмитрия Ивановича, которое послужило источником

[49] Степенная книга. Т. 1. С. 338.

[50] Там же. С. 150; ОР РГБ. Ф. 98. № 124. Л. 309.

целого ряда рассказов в СК, — как уже отмечалось выше, согласно тексту этого произведения, московский князь происходил от «корени святого, и Богом сажденнаго саду отрасль благоплодна и цвет прекрасный царя Владимира...».

Кроме мотива сада, в СК содержится образ «исходящих вод», которые питают «правоверием» его деревья. Определение возможного источника этого образа представляет целый ряд трудностей, поскольку в предшествующих СК памятниках древнерусской письменности не удается найти прямой аналогии данному образу. Г. Ленхофф отметила связь содержащегося в СК образа «исходящих вод» с Пс. 1: 3[51]. В указанном отрывке имеется образ дерева и сада, но отсутствует прямое указание на «правоверие» вод. Был ли данный образ достроен на основании этого фрагмента?

Точно ответить на этот вопрос вряд ли возможно. Во всяком случаев, несомненно, что читающийся в св. Писании образ вод трудно свести к какому-либо одному отрывку. Так же, как и в случае с древом, библейское значение вод содержится в уже упоминавшейся выше речи философа: «...водою обновление; понеже при Нои умножившимся грѣхомъ въ человѣцѣхъ, и наведе Богъ потопъ на землю, и потопи водою человѣки. Сего ради рече Богъ: понеже погубихъ водою человѣкы грѣхъ ради ихъ, нынѣ же паки водою очищаю грѣхи человѣкомъ, обновлениемъ водою. Ибо жидовский родъ въ море очистишася отъ египетьскаго злаго нрава, понеже бо вода изначала бысть пръвѣе; рече бо: Духъ Божий ношашеся връху воды. Еже бо и нынѣ крестятся водою и Духомъ. Проображение [в Воскр. «Преображение». — *А. У.*] бысть пръвое водою, якоже и Гедионъ прообрази»[52].

Библейский образ воды отразился в целом ряде памятников. В богослужебной литературе особенно ярко он представлен в службе на Богоявление. Применительно к Русской земле среди источников СК образ воды содержится в пассаже, восходящем к «Слову о законе и благодати». В сочинении митрополита Илариона есть следующий отрывок: «Вѣра бо благодатная по всеи земли распростреся и до нашего языка роускаго доиде и законное езеро пресше евангельскыи же источникъ наводнився, и всю

---

[51] *Lenhoff G.* The «Stepennaja kniga» and the Idea of the Book... S. 452; *Ленхофф Г. Д.* О библейских и святоотеческих подтекстах... С. 185.

[52] ПСРЛ. Т. 9. С. 51; Т. 7. С. 305—306 (цит. по Ник.; в Воскр. читается сходный текст). В 26 гл. 1 ст. СК содержится аналогичный фрагмент (см.: Степенная книга. Т. 1. С. 265).

землю покрывъ, и до нас пролиався... Внезапу потече источникъ евангельскыи, напаая землю нашу...»[53]. Как видим, этот фрагмент также не является прямой аналогией образу, содержащемуся в СК. В то же время в отрывке из сочинения киевского митрополита фиксируется представление о «наводнении» Русской земли «верой благодатной». Не исключено, что содержащийся в «Слове о законе и благодати» образ священных вод, которые заполнили Русскую землю, мог послужить одним из возможных источников содержащегося в СК образа. В произведении времени первого русского царя этот образ был переосмыслен. Так, если в «Слове» Илариона вышеприведенный отрывок помещен в рассказ о крещении Руси, то в СК контекст изменен. В ней указание на питающие «правоверием» «воды» напрямую не относится к связанному с принятием христианства эпизоду — в СК эти слова повествуют о положении дел, современном писателю эпохи Ивана IV. Важно обратить внимание на смену адресата потоков «исходящих вод». Так, если книжник середины XI в. повествует о «языке русском», то современник Ивана IV, очевидно, уточняя, указывает на то, что воды «правоверия» питают представленных в виде «райских древес» «богоутвержденных скипетродержателей».

Таким образом, так же, как и в случае с образом «сада», образ «вод» «правоверия» в СК не может быть возведен к какому-либо конкретному памятнику — вероятно, речь идет о знакомстве составителя с контекстом, влияние которого на него не может быть сведено к отдельным произведениям.

Сказанное выше побуждает полагать, что композиционное своеобразие СК может быть понято лишь в контексте рассмотрения целого ряда предшествующих и современных ей разножанровых памятников древнерусской переводной и оригинальной литературы XI—XVI вв. Есть основания думать, что составитель СК, представляя исторический материал читателю в виде разделенных на главы и титла биографий правителей, имел целый ряд предшественников. Впрочем, ни одно из их произведений или их групп не могло послужить единственным образцом для книжника: если истоки представления прошлого в форме биографий правителей можно усматривать в «Слове о законе и благодати» и ЛНЦ, то группировка материала на грани/степени и титла заставляет исследователя обратить внимание на

[53] *Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати»... С. 171—172.

Кормчии, а деление на главы — на памятники историографии XVI в. Итоги рассмотрения особенностей представления Русской земли в виде райского сада, в котором произрастают чудесные «древеса», неизменно питаемые «водами» «правоверия», — ее добродетельные правители — также побуждают устремить взгляд на целый ряд предшествующих СК произведений. Сказанное выше дает основания заключить, что мнение о возможности возведения СК к какому-либо одному памятнику (или их группе) существенно сужает спектр изучения этого сочинения, множеством нитей связанного с предшествующими и современными ему памятниками литературы.

Итак, полотно композиции и введения СК было соткано из множества различных, далеко не всегда устанавливаемых, нитей. На основе каких источников создавался ее основной текст?

Состав и характер источников

Как уже отмечали наши предшественники, для исторических трудов XVI столетия характерно значительное возрастание числа источников, привлекаемых к их написанию, по сравнению с памятниками историографии более раннего времени. Так, если к созданию летописей XI—XV вв. привлекались отдельные разножанровые произведения — жития, акты, грамоты, сказания и т. д.[54], то в Хр. 1512, Ник., Воскр., ЛНЦ, КИ использование этих видов источников приобретало уже массовый характер. В XVI в. привлекались и новые группы источников — например, делопроизводственные документы[55]. В значительной степени это обусловливалось нарастанием объема соответствующих данных — так, если писатели домонгольской поры обладали весьма ограниченным числом памятников оригиналь-

---

[54] Например, договоры Руси с греками, Устав Владимира, Поучение Владимира Мономаха и т. д.

[55] Например, см.: *Орлов А. С.* Великорусская историческая литература XVI века... С. 9—69; *Тихомиров М. Н.* Развитие... С. 78; *Рыков Ю. Д.* 1) «История о великом князе Московском» А. М. Курбского как источник по истории опричнины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972. С. 14—24; 2) «История о великом князе Московском» А. М. Курбского и опричнина Ивана Грозного // ИЗ. М., 1974. Т. 93. С. 328—350; *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. С. 160—187; *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 134—189; *Турилов А. А.* К вопросу о болгарских источниках Русского Хронографа // ЛХ. 1984. М., 1984. С. 20—24; *Шмидт С. О.* Российское государство в середине XVI в. С. 5—186.

ной русской литературы (прежде всего, житий и публицистических произведений), а также актов, то московские книжники располагали несравнимо бóльшим числом соответствующих источников, которые они активно привлекали, создавая труды о прошлом. Как показывают итоги обследования источников СК, по их числу она выделяется даже в ряду таких масштабных компиляций как Хр. 1512, Ник., Воскр., ЛНЦ и КИ.

В третьей главе настоящей работы было установлено, что в СК представлены более или менее пространные выписки из крупнейших произведений древнерусской литературы XI—середины XVI вв. (от «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона и «Памяти и похвалы» Иакова Мниха до ЛНЦ и житий макарьевской эпохи). Есть все основания полагать, что к написанию СК были привлечены: ряд летописей (Ник., Воскр., CI, HIV, ЛНЦ и, судя по всему, свод, близкий к «Летописцу от 72-х язык»), хронографический источник (вероятно, Хр. 1512), множество произведений русской оригинальной и переводной агиографии (Киево-Печерский и Иерусалимский патерики, «Память и похвала» Иакова Мниха, Жития Климента Римского, Стефана Сурожского, Владимира, Ольги, Леонтия Ростовского, Евфросинии Полоцкой, Всеволода Псковского, Александра Невского, Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского, Пафнутия Боровского, Даниила Переяславского, митрополитов Петра, Алексия и Ионы, Поучение на память Владимира, «Слово похвальное» Михаилу Черниговскому Льва Филолога и др.), памятники церковного права (Устав Владимира, «Правило о церковных людях»), а также ряд других источников (вероятно, «Азбуковник» старшей редакции, внелетописная статья «А се князи русьтии», «Окружное послание» патриарха Фотия, Послание митрополита Фотия Василию I и др.).

Важно отметить, что аналоги СК по уровню «мобилизации» подобного числа источников для изображения прошлого в ближайшее столетие после ее написания отсутствуют — даже такие крупнейшие летописные своды XVI—XVII вв., как ЛЛС и Новый летописец, по числу привлеченных источников значительно уступают СК[56]. Среди более ранних аналогов в памятниках русской

[56] Подробнее об источниках ЛЛС и Нового летописца см.: *Морозов В. В.* 1) Лицевой летописный свод XVI в. С. 128—142; 2) Лицевой свод... С. 87—132; *Амосов А. А.* Лицевой летописный свод... С. 304—319; *Вовина-Лебедева В. Г.* Новый летописец: история текста. СПб., 2004. С. 196—252.

историографии в ряд с СК можно поставить лишь созданную в начале XII в. Повесть временных лет (далее — ПВЛ), вобравшую в себя множество памятников как древнерусской оригинальной, так и переводной книжности[57]. Хронологически более близкие к СК аналоги датируются временем не ранее последней трети XVII в., для которой характерно создание целого ряда исторических компиляций («Скифская история» Андрея Лызлова, «Синопсис» Иннокентия Гизеля, СК Латухинской редакции, «Титулярник» и др.[58]). В этих сочинениях использовалось значительное число разножанровых источников. В этом же ряду лежат и памятники русской историографии XVIII в. (прежде всего, «История Российская» В. Н. Татищева[59]). Последние, как уже неоднократно отмечалось в историографии, испытывали значи-

---

[57] Наиболее полный обзор источников ПВЛ представлен в незаконченной работе А. А. Шахматова, не утратившей своего значения и по сей день (см.: *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 36—150). Как отметил И. Н. Данилевский, приведя дополнительные параллели к тексту ПВЛ, ее следует рассматривать в контексте «практически всех известных на сегодня античных и раннесредневековых произведений Европы, Ближнего Востока, а также, возможно, Средней Азии» (см.: *Данилевский И. Н.* Круг чтения составителей Повести временных лет // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования: Материалы конференции. Москва, 19—21 ноября 1997 г. М., 1999. С. 117—119).

[58] Об источниках этих памятников и методах работы с ними их авторов см.: *Пештич С. Л.* 1) «Синопсис» как историческое произведение // ТОДРЛ. Л., 1958. Т. 15. С. 284—298; 2) Русская историография XVIII века. Ч. 1. Л., 1961. С. 44—67; *Чистякова Е. В.* Русский историк А. И. Лызлов и его книга «Скифская история» // Вестник истории мировой культуры. 1961. № 1. С. 117—127; *Каган-Тарковская М. Д.* «Титулярник» как переходная форма от исторического сочинения XVII в. к историографии XVIII в. // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 54—63; *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа: XVII—первая четверть XVIII века. М., 1976. С. 302—303; *Сиренов А. В.* Степенная книга... С. 315—370.

[59] Об источниках «Истории Российской» и методах работы с ними В. Н. Татищева, см.: *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Ч. 1—3. Л., 1965—1971; *Кучкин В. А.* К спорам о В. Н. Татищеве // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С. 246—262; *Тихомиров М. Н.* О русских источниках «Истории Российской» // *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. 1, ч. 1. С. 39—53; *Новиков А. А.* Византийские источники в «Истории Российской» В. Н. Татищева // ВИД. СПб., 2002. Вып. 28. С. 271—283; *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева...; *Стефанович П. С.* «История Российская» В. Н. Татищева: споры продолжаются // ОИ. 2007. № 3. С. 88—96.

тельное влияние СК[60]. Сказанное выше может быть сопоставлено с наблюдениями Л. В. Черепнина: характеризуя историографию XVII столетия, исследователь рассматривал ее как «переходную ступень в развитии русской исторической науки от „Степенной книги“ XVI в. к трудам первых представителей дворянской историографии XVIII в. (Татищев и его школа)»[61].

Итоги рассмотрения представленного выше материала побуждают обратить внимание на два момента. Во-первых, составитель СК следует традиции предшествующих ему исторических трудов XVI в., к написанию которых более массово, чем это делалось ранее, привлекались разножанровые источники. Во-вторых, СК выделяется привлечением такого круга источников, который по своему числу и разнообразию не характерен ни для одного из предшествующих и современных ей памятников исторической мысли. Каким образом наш книжник представил материал своих источников читателю?

Особенности изложения исторического материала

Ряд предшествующих СК памятников отличает тенденция к нарушению хронологической сетки летописного повествования вставными рассказами (в качестве наиболее яркого примера подобного рода М. Н. Тихомиров привел Ник.[62]). Обращаясь к СК, мы видим, что ее составитель делает следующий шаг — в ней фиксируется разрыв с вековой традицией изложения событий прошлого в виде погодных записей. При этом необходимо отметить, что, как уже было показано ранее, данный прием изложения был характерен и для предшествующего СК Хр. 1512; в последнем он, однако, использовался исключительно при описании событий всемирной истории[63].

---

[60] Например, см.: *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография... С. 126; *Тихомиров М. Н.* Развитие... С. 209; *Горский А. А.* Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 151—153; *Усачев А. С.* 1) Памятники средневековой историографии и русские историки Нового времени: постановка проблемы // Ключевские чтения — 2007. Русский исторический процесс глазами современных исследователей: Мат. межвуз. науч. конф.: Сб. науч. тр. М., 2007. С. 128—132; 2) «Долгий XVI век» российской историографии // ОНС. 2008. № 2. С. 104—115.

[61] *Черепнин Л. В.* «Смута» и историография XVII века (Из истории древнерусского летописания) // ИЗ. М., 1945. Т. 14. С. 81.

[62] *Тихомиров М. Н.* Развитие... С. 78.

[63] Характеризуя этот памятник, М. А. Алпатов отметил, что «в изложении всемирной истории погодной записи у нас не возникало», см.: *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973. С. 164.

Наряду с отказом от погодной манеры представления событий русской истории для СК характерно значительное сокращение числа дат — в ней приведены лишь важнейшие даты (крещение Руси, смерть русских «самодержцев» и т. д.). Обратим внимание на то, что связанное с разрывом с летописной традицией стремление избавить текст от дат в целом отличает авторов исторических трудов последней трети XVI—XVII вв. Так, небогата точными датами КИ, создаваемая в период, близкий к написанию СК[64]. Как отмечает К. Ю. Ерусалимский, А. М. Курбский в ИВКМ (вероятно, 70-е гг. XVI столетия[65]) полностью избегал точных датировок, «нарочито приблизительно указывая известные факты», стремясь отличить хронику от летописи[66]. Минимум дат содержится во «Временнике» Ивана Тимофеева, «Сказании» Авраамия Палицына и ряде прочих более поздних произведений, появление которых знаменует собой отход русской исторической мысли от летописной традиции. Впрочем, нельзя не отметить место СК в данном ряду — если в ИВКМ (1570-е гг.), а также во «Временнике» и др. памятниках позднейшей историографии (первая половина XVII в.) даты почти полностью отсутствуют, то в СК, создаваемой на рубеже 50—60-х гг. XVI в., часть дат сохранена.

Со значительным сокращением числа дат в СК связана ее композиция. Рассматривая ее, заметим, что наш книжник, выделяя главы, следует традиции, представленной в Воскр. и Хр. 1512.

---

[64] Согласно получившей наибольшее распространение в науке датировке Г. З. Кунцевича, создание КИ относится ко времени около 1564—1566 гг. По мнению И. Г. Добродомова и В. А. Кучкина, КИ в дошедшем до нас виде была составлена в конце XVI в. Недавно Я. Г. Солодкин высказал предположение о создании КИ около 1561—1563 гг. См.: *Кунцевич Г. З.* История о Казанском царстве... С. 542; *Добродомов И. Г., Кучкин В. А.* «Казанская история» и основание Казани // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 1. С. 430—479; *Солодкин Я. Г.* О времени создания «Казанской истории» // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 615—623.

[65] Подробнее о времени написания ИВКМ см.: *Жданов И. Н.* Очерк умственной жизни России в XV и XVII вв.: Лекции проф. И. Н. Жданова в Имп. Ист.-Фил. Инст. 1890/91 ак. г. [Б. м., б. г.]. С. 193—194; *Зимин А. А.* Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»? // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 305—308; *Auerbach I.* Gedanken zur Entstehung von A. M. Kurbskijs *Istorija o velikom knjaze Moskovskom* // Canadian and American Slavic Studies. 1979. Vol. 13, № 1—2. S. 166—171; *Ерусалимский К. Ю.* Как сделана «История» А. М. Курбского... С. 591—618.

[66] *Ерусалимский К. Ю.* 1) Андрей Курбский как ренессансный историк. С. 202. Также см.: 2) Как сделана «История» А. М. Курбского... С. 591—592.

Однако если для последних характерно сосуществование деления на главы с расположением материала по погодным записям, то в СК наблюдается полный разрыв с этой традицией. Стремясь облегчить читателю поиск соответствующих сведений в весьма объемном тексте, лишенном погодной сетки, составитель, так же, как и создатели Хр. 1512 и Воскр., перед основным текстом памятника поместил оглавление (гранесование), которое читателю давало возможность быстрее отыскать необходимый ему рассказ. Отметим, что оглавление характерно далеко не для всех памятников русской историографии (как современных СК, так и последующих): оно есть в КИ, «Сказании» Авраамия Палицына, «Временнике» Ивана Тимофеева (последний, однако, создавался под влиянием СК[67]) и Новом летописце; но оно отсутствует в ЛНЦ, ИВКМ и др.

Вероятно, с разрывом книжника с летописной традицией представления материала в виде погодных записей также можно связать помещение в СК целого ряда внутритекстовых ссылок, рассмотренных в предыдущей главе, — в ней они следовали как на предыдущий текст, так и на разделы, которые были помещены после фрагментов, содержащих ссылки. Фиксируя отсутствие погодной сетки и в то же время появление данного вида ссылок, выскажем предположение о возможной связи этих явлений. Так, составитель СК, излагая материал не в хронологическом порядке, наряду с разбивкой текста на степени, главы и титла, перечень которых представлен в гранесовании, счел, очевидно, необходимым указать и сведения о наличии в тексте известий о ряде значимых событий. Вероятно, это делалось для того, чтобы облегчить освоение текста произведения читателю. Важно отметить, что наш писатель не ограничивается указанием на наличие того или иного рассказа в СК — как нами было показано выше, он в целом ряде случаев указывает точные «выходные сведения» соответствующего пассажа (порядковый номер степени/грани и главы). Данный прием характерен также и для ИВКМ, написанной, правда, несколько позднее[68].

---

[67] Об использовании СК Иваном Тимофеевым см.: *Васенко П. Г.* Дьяк Иван Тимофеев, автор «Временника» (К истории перелома в развитии древнерусской исторической мысли) // ЖМНП. 1908. № 3. С. 98—99, 104, 120; *Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // Временник Ивана Тимофеева. СПб., 2004. С. 352; *Солодкин Я. Г.* «Временник» Ивана Тимофеева: Источниковедческое исследование. Нижневартовск, 2002. С. 119, 139.

[68] См. ссылки А. М. Курбского на различные разделы своей «Истории»: Сочинения князя Курбского. Т. 1. Стб. 281, 295, 304. Об этом приеме автора

С отказом от летописной манеры изложения материала в виде погодных записей связана и еще одна особенность СК, отмеченная нашими предшественниками[69], — пересказ фрагментов источников ее создателем «своими словами». Как указывалось в историографии, уже в Хр. 1512 и Ник. фиксируется тенденция к представлению известий различных источников (по преимуществу летописных) посредством пересказа, избегая буквального цитирования[70]. Эту методику работы составителя Ник. М. Н. Тихомиров охарактеризовал следующим образом:

«В отличие от других летописных сводов, передающих известия с теми или иными вариациями, но с сохранением в основе старого текста, Никоновская летопись решительно переделывает старые известия на новый лад, передает их, не только перефразируя старый текст, но порой и снабжает их своеобразными комментариями. В особенности такие изменения заметны в той части летописи, которая рассказывает о древнейших событиях русской истории. Более поздние известия за XIV—XV вв. подверглись гораздо меньшей переделке»[71].

Как видим, в Ник. тенденция к замене цитат из источников на их пересказ была лишь намечена — в ряде случаев излагая известия своих источников «своими словами», ее составитель тем не менее основной текст произведения основывает на данных летописных и иных источников, которые в подавляющем большинстве случаев цитируются практически дословно (это, в частности, существенно облегчает поиск источников Ник. на основе изучения орфографических разночтений)[72]. В СК иссле-

---

ИВКМ см.: *Freydank D.* A. M. Kurbskij und die Theorie der antiken Historiographie (Zur Geschichte des Wortes история im 16. Jahrhundert) // Orbis mediaevalis. Festgabe für Anton Blaschka zum 75. Geburtstag am 7. Oktober 1967. Weimar, 1970. S. 64—65.

[69] Например, см.: *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. 2, 2-я половина. С. 194.

[70] Например, см.: *Тихомиров М. Н.* Развитие... С. 78; *Творогов О. В.* К истории жанра хронографа // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 205.

[71] *Тихомиров М. Н.* Никоновская летопись // *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 335.

[72] Подробнее об источниках Ник. и методах работы с ними ее составителя см.: *Тихомиров М. Н.* 1) Развитие... С. 78, 82; 2) Никоновская летопись. С. 335—342; *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 134—189; *Кучкин В. А.* Статья 1146/47 г. Никоновской летописи... С. 221—262; *Турилов А. А.* Русь IX—XI вв. на страницах Никоновской летописи // Раннее средневековье глазами Позднего средневековья и Раннего Нового времени (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа): Материалы конференции. М., 2006. С. 80—82.

дователь сталкивается уже со следующим этапом в развитии этой тенденции. Как отмечалось выше, «авторский» текст СК (т. е. те ее фрагменты, которые не возводимы к ее источникам и, как правило, не содержат сведений фактического характера) составляет существенную часть этого произведения, вполне сравнимую с теми его разделами, которые представляют собой более или менее пространные заимствования из источников памятника. Впрочем, последние нередко переосмысливались таким образом, что это могло вести к искажению смысла известия источника в СК[73]. К этому следует также прибавить, что ее источники почти во всех случаях подверглись той или иной правке (вставка родословной Евфросинии Полоцкой в ее Житии в 11 гл. 5 ст., ряд сокращений в Житии митрополита Ионы в 19 гл. 14 ст. и т. д.). Данная особенность СК сближает ее с КИ и ИВКМ, в текстах которых их источники выявляются с еще большим трудом, чем в рассматриваемом сочинении[74].

Согласование материала о прошлом с реалиями середины XVI в.

Рассматривая особенности представления картины прошлого в СК, обратим внимание на целый ряд переводов-толкований, которыми составитель насыщает ее текст, стремясь соотнести

---

[73] Примером вольной интерпретации текста источника составителем СК может служить рассказ о казанском царевиче Кудайкуле в 2 гл. 16 ст. Так, если источник данного рассказа — запись Воскр. под 7014 г. — сообщал о том, что Кудайкул «сидѣлъ въ Ростовѣ у архиепископа», то в СК это сообщение читается по-иному: «Бысть в Ростовѣ в заточении» (см.: ПСРЛ. Т. 8. С. 245; Степенная книга. Т. 2. С. 287). На данное известие наше внимание обратил А. В. Беляков.

[74] Подробнее об источниках КИ и ИВКМ см.: *Кунцевич Г. З.* История о Казанском царстве... С. 507—515; *Орлов А. С.* Хронограф и «Повесть о Казанском царстве» // Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского, изданный ко дню 70-летия со дня его рождения Академиею наук по почину его учеников под редакцией академика В. Н. Перетца. Л., 1928. (СОРЯС. Т. 101). С. 188—193; *Моисеева Г. Н.* О некоторых источниках «Казанской истории» // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 187—197; *Рыков Ю. Д.* 1) «История о великом князе Московском» А. М. Курбского как источник по истории опричнины. С. 14—24; 2) «История о великом князе Московском» А. М. Курбского и опричнина. С. 328—350; *Альшиц Д. Н.* «Слово о погибели Рускыя земли» и «Казанская история» // ЛХ. 1973. М., 1974. С. 286—292; *Ерусалимский К. Ю.* Как сделана «История» А. М. Курбского... С. 591—618.

древнерусские этнонимы и топонимы с реалиями России середины XVI в. Есть основания данные отождествления связать с отчетливо выраженной в предшествующих СК произведениях тенденцией к разъяснению современному читателю значений этнонимов, топонимов, а в ряде случаев и отдельных имен и терминов. Эта присущая СК черта проявилась в целом ряде рассказов.

Писатель XVI в. считает необходимым привести читателю современные ему соответствия ряда древних топонимов и этнонимов. Важно отметить, что это относится не только к тем из них, которые могут быть связаны с теми или иными внешнеполитическими притязаниями русских государей (Казань, Астрахань, население Ливонского ордена), но и по отношению к более «нейтральным» понятиям. Например, в Ник. содержалось уточняющее указание относительно упомянутых в рассказе о населении построенных Владимиром городов кривичей, которое было заимствовано в СК. Книжник, работавший в 20-е гг. XVI в.[75], упоминая кривичей, уточнял: «Кривичи, сирѣчь смолняны» (в СК «кривичи, иже суть смольняне»). Аналогичное (также заимствованное в СК[76]) пояснение в Ник. содержалось и относительно новгородцев («словены, сирѣчь ноугородцы»[77]). Упоминая чудь, составитель СК, имея в виду население, подвластное Ливонскому ордену, поясняет, что чудь «иже суть нѣмци»[78]. Считает он необходимым обратить внимание и на значение понятия «двиняне»: в 9 гл. 13 ст., повествующей о миссионерской деятельности Стефана Пермского, они помещены в число «имен иноязычных стран и мест, живущих около Перми»[79]. Трудно сказать, на какие источники опирался писатель, помещая двинян в число населявших Русь в древности народов (во всяком случае, летописные источники относят упоминание двинян к XIV—XV вв., обозначая не этническую принадлежность, а скорее территориальную, указывающую на проживание в пределах Двинской земли).

---

[75] Согласно датировке Б. М. Клосса, Ник. была составлена около 1526—1530 гг. (см.: *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 43—51).

[76] «Словени, иже Новаграда Великаго и Пскова область», «...словены, иже суть новогородцы» (см.: Степенная книга. Т. 1. С. 225, 298).

[77] ПСРЛ. Т. 9. С. 58.

[78] Степенная книга. Т. 1. С. 298.

[79] Там же. Т. 2. С. 79.

Если отождествление «кривичей» со «смолянами», а «словен» с «новгородцами» имеет некоторые основания, то соотнесение «двинян» летописных источников СК ее создателем с населением Северной Двины побуждает усомниться в хорошем знании им историко-географических реалий домонгольского периода, отделенных от него веками. О степени информированности книжника — современника составителя СК — в исторической географии Киевской Руси свидетельствует упоминание автором пространной редакции Жития Ольги, включенной в СК, летописных древлян. Так, в Житии первой русской христианки указано: «И иде Ольга съ сыномъ своимъ и с воиньствомъ по Деревьскои земли, уставляющи уставъ, и уроки, и ловища. Нѣции же глаголютъ, яко Деревьская земля бѣ иже во области Великаго Новаграда, нынѣ же Деревьская пятина именуема; инии же глаголютъ, яко Сѣверьская страна бѣ, идѣже бѣ Черниговъ градъ»[80]. Как видим, современник создателя СК, который, по всей видимости, обладал теми же представлениями о древнерусской географии (в противном случае составитель СК внес бы в этот рассказ какие-либо уточнения, что, как показывают итоги анализа редакторской правки древнейших списков памятника, было вполне в его духе), — представляет на суд читателя две версии локализации Деревской земли, не считая возможным присоединиться ни к одной из них[81]. Поэтому нельзя не согласиться с А. С. Орловым, который, обратив внимание на этот фрагмент, отметил, что писатель макарьевского времени «седую старину» известий своих источников «пробовал истолковывать по своему»[82]. Сказанное выше позволяет считать недостаточно аргументированным мнение о том, что «высокообразованный» создатель СК не мог допустить соответствующие «исторически безосновательные» отождествления[83].

---

[80] Степенная книга. Т. 1. С. 157; ОР РГБ. Ф. 98. № 124. Л. 315.

[81] Не многим лучше представлял себе топографию домонгольской Руси и работавший в 20-е гг. XVI в. составитель Ник., допуская целый ряд искажений в топонимике, неточностей в деталях и т. д. Подробнее об этом см.: *Кучкин В. А.* Статья 1146/47 г. Никоновской летописи... С. 231—263.

[82] *Орлов А. С.* Великорусская историческая литература XVI века... С. 21.

[83] *Kämpfer F.* Die Eroberung von Kasan 1552... S. 144. Ф. Кэмпфер полагал, что отождествления Волжской Болгарии с Казанью и Тмуторокани с Астраханью были связаны не столько со степенью информированности книжника относительно географии Древней Руси, сколько с его стремлением обосновать историческими аргументами присоединение пограничных с Русским государством XVI в. территорий.

Со стремлением нашего книжника растолковывать читателю значение отдельных терминов можно связать появление на завершающем этапе редактирования СК статьи «Царские сановники», в которой приведены переводы ряда греческих и латинских социально-политических терминов («епарх», «синклитик», «ипат» и др.); сюда же относятся толкования имен (Иоанн и Василий). Важно отметить, что если в предшествующих СК памятниках (Ник., Житие Ольги пространной редакции, Чин венчания Ивана IV и др.) пояснения содержались исключительно в основном тексте, то в СК определению ряда важнейших понятий посвящена специальная вводная статья (с сохранением толкований ряда терминов в ее основном тексте).

Сказанное выше побуждает нас к числу черт, присущих СК, которые в значительной степени выделяют ее среди предшествующих ей памятников, отнести стремление ее составителя, используя выражение А. С. Орлова, «истолковывать по своему» «седую старину» — переводить читателю значение терминов, имен, топонимов и этнонимов, используемых при описании далекого прошлого, на современный ему язык. В большинстве случаев книжник основывался на данных своих источников (летописей, «Азбуковника»); иногда (например, соотнесение чуди с «немцами») отождествления производились им самостоятельно на основе анализа доступного ему материала. Важно отметить, что далеко не всегда эти соотнесения напрямую были связаны с практическими (прежде всего внешнеполитическими) целями — например, оправданием историческими аргументами захвата Казани, Астрахани или Ливонии. Есть основания полагать, что разъяснение читателю реалий далекого прошлого входило в набор тех методов, которые в СК использовались при создании картины прошлого.

Отмечая использование этого приема, важно обратить внимание на два момента. Во-первых, стремление к толкованиям лежит в русле развития русской книжности XVI в., для которой характерны попытки пояснения тех или иных историко-географических реалий прошлого, например в Ник. и других летописях. В русле этой же тенденции можно рассматривать и многочисленные переводы в трактате Максима Грека «Толкование имен по алфавиту» и в во многом основанном на нем «Азбуковнике». Как отметил А. С. Орлов, замена «сурового и краткого языка» «пространным, как бы **пояснительным**» (здесь и далее выделено нами. — *А. У.*) характерна для литературы времени митрополита Макария в целом. Так, известно, что этот иерарх

во введении к ВМЧ отмечал необходимость перевода «на русскую речь» «иностранных **и древних** пословиц»[84]. Во-вторых, СК представляет собой, по сути, первый памятник исторической мысли, в котором представлена попытка **последовательно** растолковывать либо в соответствии с данными источников, либо на основе личного опыта его составителя те или иные понятия, имена и термины, которые, согласно его мнению, могли вызвать затруднения у читателя. Последнее, конечно, не исключало помещения в текст СК толкований, весьма отдаленных от реалий описываемого времени, но хорошо соотносимых с политической практикой России середины XVI в. (обоснование присоединения Казани, Астрахани и Ливонии и др.).

Степенная книга и традиции древнерусской агиографии

Рассматривая особенности изображения прошлого в СК, вобравшей в себя материал десятков житий, нельзя не затронуть вопрос о ее связи с традициями русской агиографии. Не сводя изучение этого вопроса к выяснению того, являлась ли СК памятником агиографии или историографии, как это нередко делалось в посвященной ей литературе[85], попытаемся связать особенности представления событий прошлого в рассматриваемом произведении с основными тенденциями в развитии русской агиографии.

Пожалуй, самой яркой чертой СК, которая позволяет связывать ее с произведениями житийной литературы, является композиция, в основу которой положены выполненные в агиографических тонах жития-жизнеописания Владимира и его потомков. Наличие целого ряда жизнеописаний прямых предков Ивана IV и прочих его сородичей побуждало часть наших предшественников характеризовать СК как некий «сборник житий», заставляя их при поиске ближайших аналогий устремлять свой взор на ВМЧ[86]. Восходящий к П. Г. Васенко взгляд

---

[84] *Орлов А. С.* Великорусская историческая литература XVI века... С. 18—19.

[85] Например, П. Г. Васенко определяет СК как «агиобиографический сборник», а А. С. Орлов как «исторический сборник», в котором преобладает «церковный элемент». См.: *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 218—240; *Орлов А. С.* Великорусская историческая литература XVI века... С. 20.

[86] Например, см.: *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 231—232; *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 316—317.

на СК как на сборник житий подвергся критике. Так, И. М. Кудрявцев указал, что «определение Степенной книги как „сборника статей агиобиографического характера, расположенных по генеалогической схеме“... могло возникнуть... только при отрыве рассматриваемого материала от идейного мира его создателей»[87]. Впрочем, критика П. Г. Васенко не сопровождалась рассмотрением «идейного мира» составителя СК на материале всего ее текста. Пытаясь восполнить этот пробел, обратим внимание на ряд моментов.

Во-первых, среди помещенных в СК рассказов, выполненных под несомненным влиянием произведений житийной литературы (об этом ниже), значительную часть составляли жизнеописания **неканонизированных** персонажей (прежде всего, представителей московского княжеского рода — Даниила Александровича, Ивана Калиты и т. д.), что нехарактерно для сборников житий[88].

Во-вторых, укажем на то, что включенные в СК памятники агиографии помещены в ней не в **календарном** порядке, который характерен для сборников житий (в т. ч. и для ВМЧ). В СК степени-жития помещены в хронологическом порядке. Это побуждает думать, что наряду с агиографическими целями наш книжник преследовал и иные[89].

В-третьих, итоги специального рассмотрения композиции, как отдельных степеней, так и СК в целом, побуждают зафиксировать проникновение в помещенные в нее жития значительного летописного материала. С его помощью уточнялись те или иные подробности жизни святого. В ряде случаев выдержанные в агиографических тонах рассказы, очевидно, создавались «с нуля» (т. е. в ситуации, когда отсутствовали специальные тексты, прославляющие соответствующего персонажа) на основе обобщения всех доступных книжнику середины XVI в. материалов — летописных известий, описаний чудес, возможно,

---

[87] См.: *Кудрявцев И. М.* «Угорщина»... С. 62, примеч. 153.

[88] Вопрос о том, готовил или нет книжник почву для канонизации соответствующих персонажей, включая в СК их жизнеописания, выполненные в агиографических тонах, специально будет рассмотрен в следующей главе настоящей работы.

[89] Как отмечает Г. Ленхофф, «решение выстроить книгу [Степенную. — *А. У.*] по хронологии правления избранных князей, а не по церковному календарю показывает, что житийные статьи СК сочинялись не с целью замены существовавших миней» (см.: *Ленхофф Г.* Степенная книга... С. 144).

устных рассказов и т. д. Это побуждало некоторых наших предшественников рассматривать СК в русле тенденции, присущей развитию жанра жизнеописания в русской литературе — от жития к биографии[90].

Сказанное выше, с одной стороны, заставляет усомниться в справедливости оценки СК как сборника житий, с другой, побуждает самое пристальное внимание обратить на случаи влияния памятников агиографии, не имеющие непосредственного отношения к ее композиции и заимствованиям более или менее крупных фрагментов текста.

Рассматривая специфику характерного для СК взгляда на особенности исторического процесса, отметим присущее ее составителю стремление подчеркнуть закономерность целого ряда событий, представленных в виде прямого результата событий прошлого. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в описаниях главных героев степеней.

Излагая события прошлого в виде рассказов о русских государях, создатель памятника неоднократно повествует как о личных добродетелях того или иного персонажа, так и о достоинствах его предков. Например, приступая к жизнеописанию главного героя 3 ст. Всеволода Ярославича, составитель в ее 1 гл. отмечает: «Яко же самъ блаженныи Владимиръ богоугодно житие съвръши, сице и благороднии сынове его, тако же и сынове сыновъ его и прочии роду его мнози многообразными подвиги благочестно житие съвершиша и къ Богу въстекоша... таков же бѣ и сии изрядныи наслѣдникъ, третии степень въ благочестии Русьскаго царствиа, великии князь Всеволодъ Ярославичь, внукъ того блаженнаго Владимира»[91]. Обращая внимание читателя на облик Ивана Калиты в 1 гл. 10 ст., писатель отмечает, что «сии же дръжавныи Иванъ отъ свята и праведна родителя произыде»[92]. К сказанному также следует прибавить характерное для всех первых глав степеней указание на происхождение главного героя соответствующей степени от Владимира. Важно отметить, что после упоминания в тексте 1 гл. 3 ст. Владимира и

---

[90] См.: ОР РГБ. Ф. 172. К. 224. № 7. Л. 13—13 об. (кандидатское сочинение (1896 г.) студента МДА И. В. Голубева «Об агиографии во времена митрополита Макария (Опыт историко-критического исследования)»); *Лихачев Д. С.* Человек... С. 97—103; Истоки русской беллетристики... С. 426 (раздел написан Я. С. Лурье).

[91] Степенная книга. Т. 1. С. 386.

[92] Там же. С. 315.

его благочестивого потомства, книжник приводит весьма авторитетное мнение на этот счет: «Яко же пишетъ апостолъ: „Аще начатокъ святъ, то и примешение; аще корень святъ, то и вѣтви“»[93]. Сходный мотив читается и при упоминании потомков Ивана Калиты во 2 гл. 10 ст.: «...и донынѣ непремѣнно есть благородие ихъ, благаго бо корени и отрасли благородни суще и неизронни»[94]. Влияние на нашего книжника образцов, содержащихся в св. Писании, несомненно, однако это влияние могло обусловливаться и его стремлением следовать сложившейся на Руси традиции.

Согласно утвердившемуся, по крайней мере, не позднее второй половины XV в. канону, святой должен был происходить «от святого корня» — непременно от «благочестивых родителей», хотя их имена порой и оставались неизвестными агиографу[95]. Так, как отметил В. П. Яблонский, специально исследовавший сочинения крупнейшего агиографа русского Средневековья Пахомия Серба, которому подражали «списатели» русских житий и в XVI в.[96], «типичный праведник Пахомия Серба происходит из семьи благочестивых родителей. Но если об этом благочестии родителей и неизвестно ничего, во всяком случае, благая отрасль может и должна вырастать только от благого корня. Добрый же корень определяет и доброе направление развития организма с соответствующими плодами...»[97]. Так, например, Димитрий Прилуцкий, согласно тексту его Жития (XV в.), «от благочестиву корени израсте доброплоднаа розга от славных родителеи»[98]; Григорий Пельшемский, как указывает его Житие (не позднее середины XVI в.), также происходил «от благочестиваго корене... от славных родитель»[99]. Как отмечает Н. В. Рамазанова, указание на происхождение от «благого корня» является общим местом в песнопениях святым княжеского

---

[93] Степенная книга. Т. 1. С. 386. Ср.: Рим. 11: 16.

[94] Степенная книга. Т. 1. С. 565.

[95] Литература, в которой рассматривается набор топосов, представленных в древнерусских житиях, приведена в Примеч. 257 к четвертой главе настоящей работы.

[96] О влиянии житий Пахомия на агиографов времени митрополита Макария см.: *Яблонский В. П.* Пахомий Серб... С. 218—221.

[97] Там же. С. 235.

[98] Жития Димитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского... С. 73.

[99] Там же. С. 150.

происхождения (как отмечает исследовательница, «формула „от корени“ перекликается» с СК)[100].

Есть основания полагать, что идеализация главных действующих лиц в СК — Владимира и его потомков, на которую уже неоднократно обращали внимание исследователи (например, Д. С. Лихачев к числу наиболее ярких черт СК относил присущий ей «идеализирующий биографизм»[101]), несомненно, обусловливалась стремлением книжника поднять престиж династии. При этом, как нетрудно заметить, воплощая это свое желание в тексте СК, он следовал традициям русской агиографии. Изучая СК, исследователи уже обращали внимание на пропуск в ней целого ряда деталей, содержащихся в ее источниках, которые были способны поколебать идеальные портреты русских князей (описание их междоусобиц, конфликтов с Церковью и т. д.)[102]. Связь пропусков этих рассказов со стремлением составителя произведения подчеркнуть добродетели прямых предков Ивана IV несомненна; однако нельзя не отметить, что подобный прием представления биографии характерен и для агиографической литературы. Как отметил уже упоминаемый выше В. П. Яблонский, в жизнеописании святого в трудах Пахомия Серба и его последователей читатель «не находит ни одного темного пятна от младенчества и раннего детства до блаженной кончины в „старости глубокой“»[103]. На этом основании историк заключил, что «искать фактической полноты и объективности» в сочинениях Пахомия «напрасно, но зато здесь есть все необходимое для нравоучения. Отмечаются только светлые стороны из жизни подвижников, освещаясь особенно ярко со стороны их назидательности. Темных сторон в человеческом земном течении угодника как бы и не было, они проходятся молчанием»[104]. Как нетрудно заметить читателю СК, «темных сторон в человеческом земном течении» предков первого русского царя в этом памятнике или не было вовсе, или они сведены к минимуму.

---

[100] *Рамазанова Н. В.* Московское царство... С. 115—118.

[101] *Лихачев Д. С.* Человек... С. 97—103.

[102] Например, см.: *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 96—97, 110; *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 324—325; Истоки русской беллетристики... С. 427; *Лурье Я. С.* 1) Две истории... С. 84, 86, 133, 153—154, 187, 195—197, 209; 2) Россия Древняя и Россия Новая... С. 41; *Покровский Н. Н.* 1) Исторические постулаты... С. 19—24; 2) Исторические концепции... С. 102—106; *Усачев А. С.* Древняя Русь... С. 249—298.

[103] *Яблонский В. П.* Пахомий Серб... С. 234.

[104] Там же. С. 233.

Сказанное выше дает основания зафиксировать, что, повествуя о прошлом, составитель СК активно использует методы, с помощью которых создавались произведения житийной литературы. Также отметим, что написание СК лежало в русле тенденций, свойственных памятникам русской историографии XVI в. (в частности, Ник. и КИ), в которых активно использовался как материал, так и методы агиографии[105]. Вместе с тем, следует зафиксировать, что СК является наиболее ярким примером подобного сочетания: как показывают итоги ознакомления с прочими историческими трудами этого времени, соединение агиографических и историографических традиций в таком объеме не характерно для предшествовавших и современных СК сочинений древнерусских книжников. Ближайшей аналогией этому произведению является более поздняя ИВКМ А. М. Курбского (70-е гг. XVI в.), в которой в агиографических тонах представлены портреты членов «Избранной рады» и в форме «антижития» образ Ивана IV[106]. Данная особенность в изображении прошлого была характерна и для западноевропейской историографии эпохи Средневековья: так, повествуя о прошлом, хронисты наряду с документами и устными рассказами в исторических трудах широко использовали и описания чудес[107].

Резюмируя, можно отметить, что значение житий при создании СК не исчерпывается большим объемом агиографического материала, вошедшего в нее, — есть все основания полагать, что в произведении представлены и характерные для древнерусской агиографии элементы в описании целого ряда персонажей. Хотя связь с агиографией памятников русской средневековой историографии (прежде всего, летописей[108]), порой включавших в себя полные тексты житий святых (например, Ник.), прослеживается уже начиная с домонгольского времени, нельзя не отметить особого места СК в этом ряду. В нее включено зна-

---

[105] Например, см.: *Кунцевич Г. З.* История о Казанском царстве... С. 510; *Тихомиров М. Н.* Развитие... С. 78—82; *Кузнецов Б. В.* События Смутного времени... С. 88—105.

[106] Например, см.: *Морозов С. А.* О структуре «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. М., 1982. С. 34—42.

[107] *Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964. С. 92.

[108] Не позднее первой четверти XVI в. произведения агиографии также использовались и в памятниках древнерусской хронографии, см.: *Турилов А. А.* К вопросу... С. 20—24.

чительное число жизнеописаний святых, несравнимое ни с одним из предшествующих ей произведений исторической мысли; в СК по единому плану перерабатывается ряд уже имеющихся житий, а также создаются новые жизнеописания; включенные в СК жития располагались в ней не в календарном, а в хронологическом порядке. Последнее, а также характер переработки житий, которые насыщались конкретно-историческим (по преимуществу, летописным) материалом, побуждают думать, что включение соответствующих данных в СК обусловливалось «историческими» задачами ее составителя. Последний, по всей видимости, являясь агиографом, был очень хорошо знаком с памятниками житийной литературы. Какими же историческими представлениями руководствовался книжник, изображая прошлое в столь необычной для предшествующих и современных ему памятников манере?

5.2. Общие представления об историческом процессе

Как уже неоднократно отмечалось в специальной литературе, провиденциализм являлся важнейшей чертой в восприятии прошлого в европейской историографии эпохи Средневековья. Основы исторической мысли этого периода были заложены учением Августина Блаженного о предопределении: суть исторического процесса составляла реализация Божественного замысла. Согласно получившей широкое распространение в средневековой Европе интерпретации учения Августина, Промысел реализуется только благодаря постоянному вмешательству Бога в судьбы как отдельных людей, так и народов и стран в целом[109]. Человек, таким образом, предстает в виде орудия в руках Всевышнего, который направляет его действия. Всевозможные «напасти» — голод, мор, пожары, стихийные бедствия, войны и т. д. — рассматривались как ниспосланные Господом кары за грехи, как знаки, дающие людям возможность понять пагубность тех или иных действий, т. е. как средства к их исправлению (в Древней Руси данное представление было оформлено

[109] Подробнее об основных чертах памятников историографии средневековой Европы см.: *Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская средневековая историография. С. 55—231; *Барг М. А.* Эпохи и идеи: становление историзма. М., 1987. С. 107—202.

в виде «теории казней Божьих», имевшей, правда, разные варианты[110]). Свидетельством вмешательства Бога в судьбы людей являлись чудеса, которые Всевышний творил либо непосредственно, либо руками избранных (как правило, святых)[111]. Именно поэтому познание прошлого в Средние века фактически стало рассматриваться как изучение воплощения Замысла.

Вышесказанное в значительной степени определяло принципы отбора событий прошлого, подлежащих фиксации. Как отметил Е. Г. Водолазкин, в эпоху Средневековья «считалось достойным упоминания только то, что соответствовало главной исторической задаче: реализации Божественного плана. В представлении средневекового историографа это могло совпадать, а могло и не совпадать с тем, что ныне принято считать историческим событием»[112]. Поскольку зримым свидетельством воплощения Божественного замысла являлось чудо, понимаемое как знамение, описания чудес, достоверность которых сомнений не вызывала[113], занимало видное место в памятниках историографии этого времени (в т. ч. и в русских, начиная с летописных сводов XI в.[114]).

Не стала исключением в этом ряду и СК. Ее составитель, по выражению М. Н. Тихомирова, «стремился поразить воображе-

---

[110] Например, см.: *Подскальски Г.* Христианство... С. 348—351, 373; *Мильков В. В.* Осмысление истории в Древней Руси. СПб., 2000. С. 50—61.

[111] Например, см.: *Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская средневековая историография. С. 69—71. О значении служащих «примерами» для паствы чудес и видений для средневековой культуры, которое было особенно велико в XIII в., см.: *Гуревич А. Я.* Избранные труды: Культура средневековой Европы. СПб., 2006. С. 302—341. Как отмечает Б. И. Ярхо, «видения» в памятниках средневековой литературы «принадлежат к дидактическим жанрам, ибо их цель — открыть читателю истины, недоступные непосредственному человеческому познанию» (см.: *Ярхо Б. И.* Из книги «Средневековые латинские видения» // Восток — Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1989. Вып. 4. С. 21).

[112] *Водолазкин Е. Г.* Всемирная история... С. 249.

[113] *Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская средневековая историография. С. 90—91.

[114] Например, см.: *Подскальски Г.* Христианство... С. 356—357, 368; *Еремин И. П.* Литература Древней Руси (этюды и характеристики). М.; Л., 1966. С. 69—70; *Лаушкин А. В.* 1) Провиденциализм как система мышления древнерусских летописцев (XI—XIII вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 10—13; 2) Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI—XIII вв. // Русское Средневековье. Книжная культура. 1998 год. Вып. 1. М., 1998. С. 26—58.

ние читателя рассказами о подвигах и чудесах, о различного рода „знамениях“ небесных и земных, проявлявших божественный гнев или милость»[115]. На значение чудес и знамений для изображения прошлого внимание читателя обращается в 4 тит. 28 гл. 13 ст.:

«И паки милосердно наказуя человѣколюбивыи Богъ, и воспрещая, и грозная с небеси знамениа показуя, и проявляя хотящии послѣди быти праведныи гнѣвъ Свои к нашему исправлению с небеси страстьми, громомъ и молниами, и камениемъ и огнемъ, и великимъ дождемъ и бездождиемъ, и трясениемъ земли и вѣтротлѣниемъ, и бесплодиемъ и гладомъ, и различными болѣзньми и смертною жатвою, всячески приводя насъ на покаяние, да быхомъ цѣломудренно были, да не болшу рану на ся нанесемъ. Паче бо всего любитъ Богъ и желаетъ спасениа человѣческаго и [тако]ва знамения являетъ...»[116].

Как видим, книжник весьма четко определяет значение чудес в истории: согласно отраженному в СК взгляду, они представляют собой попытки Бога направить действия как отдельных людей, так и всего человечества в целом на путь, ведущий к Спасению.

Рассмотрев целый ряд предшествующих и современных СК произведений древнерусской литературы, Д. С. Лихачев небезосновательно отметил, что описания чудес являются их неотъемлемой частью[117]. При этом, однако, обратим внимание на то, что в отдельных летописных записях и житиях чудеса рассматриваются как отдельные проявления Божественной воли, которые служили либо карой за прегрешения, либо свидетельством прославления праведников[118]. Как указал историк литературы, анализируя памятники русского летописания, помещенное в ПВЛ под 1068 г. Слово «О казнях Божиих» раскрывало смысл напастей (нашествий врагов, голода, стихийных бедствий и т. д.)

---

[115] *Тихомиров М. Н.* Развитие... С. 82.

[116] Степенная книга. Т. 2. С. 123. На значение данного фрагмента СК для изучения особенностей представления в ней знамений обратил внимание Б. В. Кузнецов (см.: *Кузнецов Б. В.* События Смутного времени... С. 88).

[117] *Лихачев Д. С.* Человек... С. 74.

[118] Общим местом ряда житий эпохи русского Средневековья является указание на то, что Бог «творит дивная [чудеса] святыми своими» (например, Житие Иоанна Суздальского (середина XVI в.), см.: *Усачев А. С.* Житие Иоанна Суздальского. С. 37); святых «Бог знаменьми и чюдесы прослави» (например, Житие митрополита Ионы третьей редакции, середина XVI в.), см.: *Усачев А. С.* Житие митрополита Ионы... С. 39.

как Божьей кары, общей для всего народа и государства[119]. Однако, как показывает Д. С. Лихачев, описание этих напастей было сравнительно немногочисленно: исследователь отметил, что в этот период «изложение исторических событий не предусматривало в русской летописи **немедленного** вмешательства Бога»[120] (выделено нами. — *А. У.*).

Как уже отмечалось нашими предшественниками, изменения происходят в русской литературе в XVI в. Для этого времени характерно проникновение новых методов изложения событий прошлого, отличных от приемов, свойственных летописцам, которые заимствовали их из памятников византийской историографии (Хроник Георгия Амартола, Константина Манассии и др.). Переводы ряда этих произведений (например, Хроники Константина Манассии) получают распространение на Руси к рубежу XV—XVI в. (созданный в первой четверти XVI в. источник СК Хр. 1512 во многом и явился результатом этих заимствований[121]). Согласно Д. С. Лихачеву, к числу новых методов представления прошлого наряду со вниманием к исторической личности можно отнести и попытку книжника связать поступки лица (прежде всего, неправедные деяния) с **немедленным** проявлением Божьей воли[122]. Так, вслед за описанием проступков того или иного героя в памятниках византийской хронографической литературы (а вслед за ними и в Хр. 1512, в который включался целый ряд заимствованных из них нравоучительных рассказов[123]) в ряде случаев следовало указание на неизбежную кару, следующую **сразу же** за преступлением (как правило, болезнь или смерть героя)[124]. Продолжатель Феофана прямо указывает на то, что «загодя всегда дает Бог знаки великих

---

[119] ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 167—170.

[120] *Лихачев Д. С.* Человек... С. 83.

[121] Подробнее об источниках Хр. 1512 см.: *Клосс Б. М.* О времени создания русского Хронографа // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 244—255; *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. С. 160—187; *Салмина М. А.* Хроника Константина Манассии как источник Русского хронографа // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 279—287; *Турилов А. А.* К вопросу... С. 20—24.

[122] Как отмечает Я. Н. Любарский, данный прием наибольшее распространение в византийской историографии получил начиная с Хроники Георгия Амартола (IX в.) (см.: *Любарский Я. Н.* Сочинение продолжателя Феофана... С. 216).

[123] Подробнее о дидактической направленности Хр. 1512 см.: *Лихачев Д. С.* Русские летописи... С. 335—346.

[124] *Лихачев Д. С.* 1) Русские летописи... С. 338—339; 2) Человек... С. 84.

событий и свидетельства грядущего»[125]. Есть основания полагать, что эта особенность представления событий прошлого отразилась и в СК (как повлияла она и на КИ, создаваемую в близкий период[126]). Рассматривая особенности рассказов о знамениях, обратим внимание на ряд моментов.

Прежде всего, отметим, что на фоне избирательности составителя СК относительно включения в памятник известий о русской и особенно всемирной истории, помещенные в нем описания чудес выделяются как своим числом, так и объемом соответствующих рассказов. Пропуская или значительно сокращая сообщения о княжеских междоусобных войнах, конфликтах представителей светской и духовной власти и т. д., наш книжник, осмысляя прошлое, насыщает текст СК рассказами о чудесах, пророчествах и т. д. Приведем соответствующие данные.

В жизнеописания главных героев степеней включены едва ли не все известные рассказы об этих событиях. Так, повествуя о Владимире в 1 ст., писатель весьма лаконично сообщает о его военно-политической деятельности (войнах с соседями, покорении славянских племен и т. д.); в то же время в СК сохраняются все летописные известия, сообщающие о чудесах, имеющих отношение к жизни крестителя Руси (его слепота в Корсуне и чудесное исцеление после крещения, чудесное спасение от печенегов под Василевым и т. д.). Не довольствуясь летописными данными, составитель обращается к Поучению на память Владимира, которое сообщает о руке, чудесным образом спустившейся к киевскому князю при его крещении (29 гл.). 3 ст. весьма скудно сообщает о богатой событиями жизни Всеволода Ярославича (в СК отсутствует упоминание о его столкновениях с Изяславом и племянниками и т. д.); в то же время книжник приводит почерпнутое из Киево-Печерского патерика чудо «О церкви Печерской» (2 гл.), а также чудесное «спадение змия с небеси» на охоте Всеволоду (6 гл.). Тенденция к сокращению ряда известий о военно-политической деятельности князей и сохранению сообщений о чудесах и знамениях характерна и для жизнеописания Владимира Мономаха (4 ст.): в весьма лаконичном рассказе о его биографии составитель сосредотачивает внимание читателя на рассказе о чудесной победе над половцами, которая была предзнаменована явлением креста на небе

[125] Продолжатель Феофана... С. 94.

[126] Подробнее см.: *Орлов А. С.* Хронограф... С. 188—193.

(4 гл.). Повествуя о времени правления Дмитрия Ивановича, 2 гл. 12 ст. упоминает о небесном знамении, отмечая, что Бог «въскоре разори съвѣты нечестивыхъ агарянъ и прочихъ неправедно дръжавьствующихъ низложи, яко же тогда и самое солнце знамениемъ страшнымъ проявляа на поганыхъ многую пагубу»[127]. Описывая Куликовскую битву (7 гл.), писатель вслед за своими источниками сообщает о небесной поддержке христианскому воинству (архангела Михаила, св. Георгия, Дмитрия, Бориса и Глеба). Наиболее ярко стремление составителя связать победы русских князей с Божьей помощью проявилось в помещенном в 10 гл. 17 ст. рассказе о важнейшем, согласно представленному в СК взгляду, событии русской истории середины XVI в. — взятии Казани Иваном IV. 13 гл. 17 ст., кратко повествуя о связанных с этим событием фактах, обращает внимание читателя на то, что «прочее же о сихъ [сопутствующих взятию Казани событиях. — *А. У.*] довольно писано есть въ извѣстныхъ лѣтописаниихъ, здѣ же въкратцѣ явлено есть великая Божия чюдодѣиствия, хотящаго вселенную просвѣтити благочестиемъ»[128]. Важно отметить, что создатель СК прямо указывает: из всей совокупности сведений о присоединении Казанского ханства его будут интересовать лишь «великаа Божия чюдодѣйствия», т. е. совершенно определенные известия.

Не довольствуясь летописным материалом, который, как правило, клался в основу соответствующих рассказов, составитель СК включает известия о чудесах, источниками которых служили иные (чаще всего агиографические) памятники. Во 2 гл. 3 ст., на основе летописной записи сообщавшую об основании Киево-Печерского монастыря, введен фрагмент Киево-Печерского патерика, в котором содержалось описание чудесного сошествия «никим же званных от человек» епископов в эту обитель[129]. Передавая в 16 гл. 15 ст. летописное известие о рождении Василия III, книжник дополняет его чудом о зачатии и появлении на свет этого князя[130]. В 11 гл. 16 ст., на основе летописного источника сообщая о нападении на пограничную с ВКЛ Опочку польско-литовских войск, писатель помещает в этот рассказ

---

[127] Степенная книга. Т. 2. С. 48.

[128] Там же. С. 374.

[129] Там же. Т. 1. С. 388; Древнерусские патерики... С. 17—18.

[130] Степенная книга. Т. 2. С. 250—251; ОР РГБ. Ф. 173.I. № 88. Л. 517—518 об.

описание чуда Сергия Радонежского, вмешательство которого побудило врагов отступить от города[131]. В соответствии с летописью составитель СК повествует о начале Ливонской войны, вместе с тем привлекая описание чуда об образе Николая Мирликийского, который тщетно пытался сжечь в Нарве в 1558 г. некий «немчин» (18 гл. 17 ст.)[132].

Важно отметить, что, по всей видимости, включение надлежащего материала в СК обусловливалось не только очевидным стремлением книжника показать покровительство Бога Русской земле и ее правителям, но и составом его источников. Так, нельзя не отметить, что в ряде случаев помещенные в СК жизнеописания (Ярослава Владимировича в 2 ст., Юрия Владимировича в 5 ст. и др.) описаний чудес и знамений не содержат; при этом, однако, необходимо учесть, что соответствующих сообщений, напрямую относящихся к этим персонажам, нет и в известных источниках памятника.

Представляя картину прошлого читателю, писатель середины XVI в. придавал особое значение чудесам и пророчествам, предсказывавшим хорошо ему известное «будущее». Так, сообщая о небесном знамении (явление креста на небе), предшествующем походу на половцев Владимира Мономаха, описание которого выполнено в соответствии с летописным источником (записью Воскр. под 6612 г.[133]), он обращает внимание на то, что данное чудо предвещало победу этого князя над степняками (3 гл. 4 ст.). С этой целью книжник уподобляет Мономаха Иисусу Навину, которому «древле... дарова Богъ побѣду на противныя и солнцю заповѣда стояти на едино время и въ единъ день, дондеже Исусъ побѣди съпостаты»[134]. К числу подобных примеров можно отнести и отрывок из Жития Зосимы и Савватия Соловецких в 8 тит. 4 гл. 15 ст. В нем упоминается о явлении без голов новгородских бояр, которые позднее будут казнены Иваном III[135]. Пожалуй, ярче всего стремление увязать исторические события с проявлением Божьей воли проявилось в рассказе о взятии Казани в 10 гл. 17 ст., который занимает централь-

---

[131] Степенная книга. Т. 2. С. 300—301; ОР РГБ. Ф. 173.I. № 88. Л. 518 об.—521 об.

[132] Степенная книга. Т. 2. С. 384.

[133] ПСРЛ. Т. 7. С. 20.

[134] Степенная книга. Т. 1. С. 405.

[135] Там же. Т. 2. С. 232—233.

ное место в описании событий, современных составителю СК. 10 гл. разделена на 27 тит., 14 из которых[136] посвящены почти исключительно изложению чудес и пророчеств, предвещавших взятие города русскими войсками. Исследователи уже неоднократно отмечали, что включение соответствующих рассказов в СК обусловливалось стремлением книжника связать присоединение Казани к Русскому государству с проявлением Божьей воли, которой и обосновывалось подчинение Иваном IV этого осколка Золотой Орды[137].

Важно отметить, что создатели предшествующих СК памятников летописания, воспринимая небесные знамения как предзнаменования будущего (смерти князей, духовных иерархов и т. д.), «формальной связи» между соответствующими событиями и знамениями предпочитали не проводить. Они в большинстве случаев, «ограничиваясь лишь простым описанием увиденного», воздерживались от общих рассуждений и конкретных замечаний относительно того, «что может „прообразовать“ разбушевавшаяся небесная стихия»[138]. В СК же, напротив, как было показано выше, знамения рассматривались как непосредственные предзнаменования тех или иных событий.

Отличительной чертой СК является включение в описания чудес порой весьма объемных толкований знамений, которые не содержали дополнительных сведений фактического характера, но вписывали чудо в контекст русской истории. Одно из самых пространных толкований знамения помещено в рассказ о видении «во едином солнце» 3-х солнц в 15 гл. 13 ст.[139] Рассказ основан на записи Ник. под 6911 г. Однако если летописный источник содержал лишь краткое описание знамения[140], то

---

[136] 5—9, 11—12, 18—20, 22—25 тит. 10 гл. 17 ст., см.: Степенная книга. Т. 2. С. 357—372.

[137] Например, см.: *Кунцевич Г. З.* История о Казанском царстве... С. 515; *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 285—287; *Kämpfer F.* Die Eroberung von Kasan 1552... S. 25; *Pelenski J.* The Contest... P. 200—201; *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 351—352; *Кузнецов Б. В.* События Смутного времени... С. 88—90, 103—105.

[138] *Лаушкин А. В.* Стихийные бедствия... С. 45, 49, 51. Также см.: *Еремин И. П.* Литература Древней Руси... С. 72, 75; *Лаушкин А. В.* Провиденциализм... С. 12.

[139] Степенная книга. Т. 2. С. 83.

[140] «Того же лѣта бысть знамение въ солнцѣ: явишася аки три солнца, отъ нихъже изхожаху лучи сини, зелены, багряны, аки дуга», см.: ПСРЛ. Т. 11. С. 188.

в СК помещено уже отмеченное в литературе[141] обширное рассуждение относительно значения как этого чуда, так и прочих:

«О, великое человѣколюбие Божие, яко тако возлюби в Рустеи земли благочестиа держателеи, идѣже исполняя и преумножаа всегда неотъемлемую свою благость, идѣже всякиа божественыя вещи и многочюдесныя мощи святыхъ и всякаа святыни отъ конець земли отвсюду приношаемы. И таковому благочестиа в Руси исполнению свѣдѣтельствоваху многажды и небесная знамениа, ова к наказанию нашему, ими же отъ злобы къ благодати превращаа наше неисправление, всячески претя намъ и устрашая насъ, да быхомъ покаялися отъ злобъ своихъ, ово же милуя насъ, промышляя полезная намъ и враги наша супостатныя прогоняя, иже бысть тогда к милованию нашему благосугубно знамение, иже на враги побѣдительно. Подобно иже бысть древле явление греческому святому царю Конъстянтину, яко же нѣкогда и в Руси бысть при великомъ князѣ Владимире Манамасѣ, тако и здѣ при великом князѣ Василии Димитриевичѣ...»[142].

Как видим, описание чуда в СК было подчинено цели, весьма четко осознаваемой ее составителем: чудеса-знамения являлись зримым свидетельством постоянного вмешательства Бога в судьбу хранимой Им Русской земли. Это выражалось как в наказаниях за грехи, которые «отъ злобы ко благодати» должны были «превращать наше неисправление», так и во вполне конкретных «промышлениях полезных нам», на «врагов победительных». Отметим, что и летописцы, фиксируя то или иное знамение, могли рассматривать его как некий отражающий Промысел знак, который как-то можно прочесть. Впрочем, как отмечает специально рассмотревший этот вопрос А. В. Лаушкин, таким «чтением» летописцы «не увлекались»[143]. Это, очевидно, может

---

[141] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 200; *Кузнецов Б. В.* События Смутного времени... С. 95.

[142] Степенная книга. Т. 2. С. 83.

[143] *Лаушкин А. В.* Стихийные бедствия... С. 40. Сходным образом поведение летописца трактует и А. А. Шайкин: отмечая наличие ряда параллелей, которые книжник проводит между небесными знамениями и конкретно-историческими событиями, историк обращает внимание на то, что летописец «не стремился непременно проводить такие связи. Если в исторической реальности ничего не обнаруживалось, то и „знамение“ оставалось без последствий, ничего не „проявляя“» (см.: *Шайкин А. А.* «Сица знаменья не на добро» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 3 (9). С. 108). Ср.: *Ужанков А. Н.* Стадиальное развитие русской литературы XI—первой трети XVIII в. Теория литературных формаций. М., 2008. С. 304—309.

быть связано с уже отмеченной в литературе осторожностью летописцев относительно представления богословской проблематики в своих трудах: русские книжники домонгольскокого периода предпочитали не включать в летописи специальные богословские пассажи[144].

Как нетрудно заметить, в СК вполне отчетливо представлена тенденция к подчеркиванию фактов, свидетельствующих о проявлении Богом заботы о Русской земле. В ряде случаев составитель, по всей видимости, не имея под рукой подходящих описаний чудес, достраивал данные своих источников. При этом в «авторском» тексте особое внимание читателя обращалось на личное участие Бога в судьбах Руси и ее правителей. Данную тенденцию хорошо иллюстрирует помещенный в 66 гл. 1 ст. рассказ об осаде Белгорода печенегами, который основан на летописных данных[145]. Как указал Н. Ф. Околович, в данном рассказе СК отмечается покровительство Бога по отношению к жителям осажденного города и тем самым «придается религиозное освещение безыскусственному рассказу летописи»[146]. В 66 гл. мы сталкиваемся с новым осмыслением известного летописного сюжета: если источник СК кратко сообщал об изнурительной осаде Белгорода печенегами и совете некоего мудрого старца обмануть врагов, то в рассматриваемом памятнике рассказ обрастает дополнительными подробностями. В нем подчеркнуто самое непосредственное вмешательство Бога в судьбу осажденного города: «Преблагии же Богъ вѣры ради блаженнаго Владимира въскоре таковыя неправедныя съвѣты [намерение горожан сдать Белгород печенегам. — *А. У.*] разори. Упремудри же тогда Богъ единаго отъ гражанъ, им же образомъ съхранену быти граду»[147].

Рассмотренный нами материал дает основания полагать, что составитель СК, представляя прошлое читателю, развивал тенденции, присущие предшествующим ему памятникам. Так, Хр. 1512 случаи непосредственного вмешательства Бога в исторический процесс фиксирует лишь в тех эпизодах, в которых соответствующие оценки содержали его византийские источники; описывая события русской истории, создатель этого произведения

---

[144] Например, см.: *Подскальски Г.* Христианство... С. 330; *Мильков В. В.* Осмысление истории... С. 19.

[145] Степенная книга. Т. 1. С. 324—325; ПСРЛ. Т. 7. С. 316—317; Т. 9. С. 67—68.

[146] *Околович Н. Ф.* Жития святых... С. 78.

[147] Степенная книга. Т. 1. С. 324.

хронографической литературы вслед за своими летописными источниками[148] свидетельства непосредственного вмешательства Бога в ее судьбу не фиксирует. В СК, как было показано выше, напротив, судя по ремаркам нашего книжника, Он принимает активное участие едва ли не во всех событиях истории, как всемирной, так и русской.

Характеризуя СК, отметим, что предшествующие ей памятники не содержат сходных толкований знамений. Как уже неоднократно отмечалось в литературе, особое значение описание чудес-знамений приобретает лишь в более позднюю эпоху — в повествовательных произведениях, написанных в Смутное время: «Сказании» Авраамия Палицына и др.[149] Среди близких по времени создания к СК памятников лишь КИ, как отметил еще Г. З. Кунцевич, содержит указания на прямое вмешательство Бога в людские дела: так, рассказ о тяжелой болезни и смерти казанского хана Мухаммед-Амина в произведении объясняется как наказание за его «неправды» и измену, за напрасное пролитие христианской крови[150]. Ряд знамений предвещает казни бояр Иваном IV и в ИВКМ А. М. Курбского, написанной, правда, несколько позднее[151]. В свете вышесказанного нельзя не согласиться с оценкой Б. В. Кузнецова значения описаний чудес в тексте СК. Историк, специально рассмотрев особенности представления чудес и знамений в памятниках русской книжности XVI—начала XVII в., заключил, что «итоги работы летописцев со знамениями в XVI веке подвела Степенная книга. Ее составитель тщательно собрал все знамения, упоминавшиеся в летописях, местами расширив их и добавив толкований, призванных накрепко связать дом Рюриковичей и Русское государ-

---

[148] О летописных источниках Хр. 1512 см.: *Клосс Б. М.* О времени создания... С. 244—255; *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. С. 40—42.

[149] Подробнее см.: *Платонов С. Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. СПб., 1913. С. 70—80, 153—161, 225; *Державина О. А.* «Сказание» Авраамия Палицына и его автор // Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 43, 48—51; *Прокофьев Н. И.* Видения как жанр в древнерусской литературе // УЗ МПГИ им. В. И. Ленина. Т. 231: Вопросы стиля художественной литературы. М., 1964. С. 35—56; *Кузнецов Б. В.* События Смутного времени...; *Титова Л. В.* Жанр «видения» в историко-публицистических текстах XVII в.: Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиевой лавры и Послание дьякона Федора сыну Максиму // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 248—253.

[150] *Кунцевич Г. З.* История о Казанском царстве... С. 515, 571.

[151] См.: Сочинения князя Курбского. Т. 1. Стб. 278, 300.

ство с волей Бога»[152]. Как небезосновательно отметил А. С. Демин, до СК «повествователи, кажется, нигде так часто не ссылались на Бога»[153].

Таким образом, можно констатировать, что в СК развиваются тенденции ряда предшествующих ей памятников, некоторые из которых создавались под влиянием произведений византийской исторической литературы. В отличие от своих предшественников, отмечавших **отдельные** случаи участия Бога в историческом процессе, составитель СК подчеркивает постоянную заботу Бога о Руси на протяжении **всей** русской истории. Как уже отмечалось выше, в эпоху Средневековья зримым воплощением постоянного вмешательства Бога в судьбу страны служили события, выходящие за пределы понимания человека, — редкие астрономические явления, пожары и т. д., трактовавшиеся как чудеса-знамения, которые либо сами по себе являлись свидетельством Божьей кары или милости, либо предвещали их. Если в предшествующих СК памятниках русской историографии отмечались лишь отдельные чудеса и знамения, являющиеся проявлениями Промысла, то в СК все эти известия — чудеса-знамения, пророчества и т. д., связывающие судьбу Руси с Богом, — представлены в виде единой последовательности событий, проходящей через всю русскую историю. Эта последовательность образует ряд, служащий своего рода особым уровнем, основанием, на котором происходят все прочие («земные») факты русской истории: войны с соседями, смена князей и т. д.[154] Последние сообщения, в конечном счете, также в той или иной степени отражают реализацию Промысла.

Сказанное выше дает основания рассматривать СК в контексте явлений, характерных для западноевропейской средневековой историографии, в которой при изображении причинно-следственных связей в прошлом «речь шла всего лишь о „связях“ сверхъестественных, реализующихся чудесным образом волей Всевышнего, т. е. об истории священной, а не о связях реально-исто-

---

[152] *Кузнецов Б. В.* События Смутного времени... С. 88.

[153] *Демин А. С.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 139.

[154] Как отмечает А. В. Лаушкин, в памятниках русского летописания XI—XIII вв. «два мира — земной и небесный, временный и вечный — в сознании древнерусского летописца были накрепко связаны и находились в постоянном взаимодействии — столь же очевидном, как и загадочном». См.: *Лаушкин А. В.* Стихийные бедствия... С. 58. Также см.: *Лаушкин А. В.* Провиденциализм... С. 22.

рических, предметных»[155]. Как справедливо отметил А. В. Лаушкин, указывая на мнимость противоречия относительно «реальных» и обусловленных Промыслом причин тех или иных событий, «в большинстве случаев проблема „земных“ причин просто не занимает летописцев»[156].

* * *

Обобщая итоги изучения особенностей общих исторических представлений составителя СК, зафиксируем следующее. Создавая полотно русской истории с древнейших времен до первых лет правления Ивана IV, книжник, вслед за своими источниками отмечая чудеса-знамения, в отличие от своих предшественников самым непосредственным образом связал события прошлого страны с осуществлением Божественного замысла. В соответствии с ним, согласно представленному в СК взгляду, и развивались события русской истории, творимой руками добродетельных правителей. Зримым выражением осуществления Промысла являлось поступательное (от более низких ступеней к более высоким) движение Руси к Богу по лестнице, образ которой представлен во вводной части СК.

5.3. Изображение всемирной истории

Рассматривая СК как произведение исторической мысли средневековой Руси, отметим, что она является первым историческим трудом, в котором фиксируется разрыв с традицией, идущей от ПВЛ: СК начинается не с описания разделения земли между сыновьями Ноя, а непосредственно с повествования о русской истории[157].

Впрочем, говорить о полном разрыве книжника с историографической традицией вряд ли возможно — рассказ о древнейшей истории человечества также представлен в СК, но в виде речи философа (26 гл. 1 ст.), которая по своему объему несколько превышает соответствующий летописный пассаж (как отметил Н. Ф. Околович, летописная речь философа была дополне-

[155] *Барг М. А.* Эпохи и идеи... С. 167.

[156] *Лаушкин А. В.* Стихийные бедствия... С. 33.

[157] На это уже обращали внимание наши предшественники, например, см.: *Тихомиров М. Н.* Развитие... С. 81; *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 317.

на известиями иных источников, позволивших существенно расширить летописный фрагмент)[158]. Очевидно, стремясь начать изложение в памятнике непосредственно с событий русской истории, составитель СК также не считал возможным лишать читателя рассказа о начале мировой истории. Это противоречие он разрешил путем перегруппировки материала своих источников — если в них описание разделения земли между потомками Ноя следовало перед основным текстом, то СК открывают жизнеописания русских государей, а повествование о начале мировой истории, в соответствии с источниками, было вложено в уста греческого философа. Последний, как известно, описал Владимиру Святославичу не только основы православного вероучения, но и важнейшие события Священной истории[159]. Это дало возможность нашему книжнику примирить вековую историографическую традицию с его желанием начать рассказ о прошлом с событий русской истории. Каким же образом он представил читателю прочие события всемирной истории[160]?

Анализируя особенности изображения ее в произведении, следует отметить, что ее представление в СК, в соответствии с традицией, шедшей от предшествующих ей сочинений («Слово о законе и благодати», ПВЛ, Хр. 1512, Ник. и др.), фактически ограничено рассказами о ветхозаветной и римско-византийской истории. Сведения о всемирной истории в СК представлены в двух основных формах: в виде последовательного описания тех или иных ее событий и в виде их сравнения с явлениями или персонажами русской истории.

В СК фиксируется две тенденции в изображении всемирной истории. Прежде всего, бросается в глаза фрагментарность и отрывочность соответствующих сведений в тексте произведения, которое по полноте рассказа о всемирной истории намного уступает своим источникам, как хронографическим (Хр. 1512), так и летописным (Ник.). Очевидно, скудость сведений СК по всемирной истории и послужила причиной того, что ее мате-

---

[158] Ср.: Степенная книга. Т. 1. С. 247—266; ПСРЛ. Т. 9. С. 43—52; Т. 7. С. 297—306; *Околович Н. Ф.* Жития святых... С. 59—61.

[159] Степенная книга. Т. 1. С. 247—266. Подробный разбор данного раздела СК был предпринят Н. Ф. Околовичем, указавшим ряд источников 26 гл. 1 ст., см.: *Околович Н. Ф.* Жития святых... С. 59—61.

[160] Краткий перечень основных событий всемирной истории, упомянутых в СК, представлен в работе М. А. Алпатова, см.: *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. С. 210—211.

риал нередко игнорировался при рассмотрении изложения событий мировой истории в памятниках древнерусской книжности[161].

Наряду с количественными сокращениями сообщений о мировой истории также можно отметить вторую тенденцию — к включению в текст СК почти исключительно тех известий, которые в большинстве своем так или иначе были связаны с русской историей — описание биографии Тамерлана (13 ст.), комплекс известий о Флорентийской унии (14 ст.) и др.[162] Это отмечает М. А. Алпатов, который, правда, ограничился изучением специфики изображения в СК Западной Европы: «Западные события интересуют автора [СК. — *А. У.*] лишь в той мере, в какой они вплетались в русскую историю»[163]. Почерпнутый из Жития митрополита Ионы третьей редакции комплекс известий о заключении Флорентийской унии сообщает о вероотступничестве митрополита Исидора, константинопольского патриарха и византийского императора, которое оправдывало учреждение автокефалии русской Церкви. Самым тесным образом с судьбами Русской земли составитель СК связывает рассказ о взятии Константинополя османами: вслед за своим источником (Повестью о взятии Царьграда турками) он заканчивает рассказ о падении столицы Византии пророчеством, текст которого связывает будущее города с русской историей: «Рускии же родъ с преже създателными всего Измаилта побѣдятъ и Седмохолмаго приимутъ с преже законми его, и в немъ въцарятся»[164]. О стремлении книжника ограничить рассказ о всемирной истории перечнем фактов, имеющих непосредственное отношение

---

[161] Так, в специальной работе рассматривая особенности представления Западной Европы в памятниках древнерусской книжности, Н. А. Казакова СК даже не упоминает (см.: *Казакова Н. А.* Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков (Из истории международных культурных связей России). Л., 1980).

[162] К числу исключений из этого правила следует отнести: упоминание о том, что в год кончины Ярослава Владимировича в Византии правил Михаил «Пафлегонянин» (7 гл. 2 ст.); указание на то, что перенесение мощей Николая Мирликийского состоялось при императоре Алексее Комнине и патриархе Николае (3 гл. 3 ст.); краткое — чуть более одной строки в издании СК — известие о взятии Константинополя крестоносцами в начале XIII в. (19 гл. 6 ст.). См.: Степенная книга. Т. 1. С. 384, 388, 482.

[163] *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. С. 211.

[164] Степенная книга. Т. 2. С. 190.

к Руси, свидетельствует и его особый интерес наряду с Рюриковичами к генеалогии литовских князей и Палеологов, т. е. тех правящих домов Европы, с которыми московские государи были связаны тесными родственными узами; кроме того, с Гедиминовичами на польском и литовском троне велся многолетний спор за обладание западными и южными русскими землями.

Отмеченные выше особенности изображения всемирной истории в СК выделяют ее среди прочих предшествующих и современных ей памятников, прежде всего, Хр. 1512 и Ник., в которых изложение событий русской и всемирной истории соседствует зачастую вне какой-либо связи друг с другом (если непосредственная связь отсутствовала). Так, краткие вкрапления материала о прошлом Руси в Хр. 1512 с византийской историей связывались почти исключительно хронологически — составитель Хронографа, представляя читателю тот или иной комплекс известий по русской истории, отмечал, что соответствующие события имели место «при сем... цари»[165].

Рассматривая фрагменты СК, так или иначе связанные с изображением всемирной истории, укажем на противоречивость позиции ее составителя в отношении как к ней в целом, так и к ее отдельным персонажам. Наши предшественники уже обращали внимание на то, что книжник, в соответствии с данными своих источников, уподобляет целый ряд героев русской истории персонажам истории всемирной — прежде всего, ветхозаветной и византийской (к последней, как уже отмечалось в литературе, в России времени Ивана IV проявлялся особый интерес[166]). Наибольшее число сравнений адресовано Владимиру Святославичу в 1 ст.: он сопоставляется с Авраамом, Моисеем, Иисусом Навином, императором Константином Великим, едва ли не со всеми апостолами и т. д.[167] В СК фиксируется и целый ряд сопоставлений прочих персонажей русской истории: характер жены Всеволода Юрьевича Марии уподоблен «нраву праведнаго Авраама» (10 гл. 6 ст.), с ветхозаветным Ноем сравнивается Ярослав

---

[165] См.: ПСРЛ. Т. 22, ч. 1. С. 354, 357—359, 362—363 и др.

[166] Например, см.: *Терновский Ф. А.* Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в Древней Руси. Вып. 2. Киев, 1876. С. 155—177; *Дуйчев И.* Византия и византийская литература в посланиях Ивана Грозного // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 159—176.

[167] Степенная книга. Т. 1. С. 267, 279, 334, 336 и др. Об аналогиях персонажей русской и всемирной истории в СК также см.: *Ленхофф Г.* Степенная книга... С. 135—136.

Всеволодович (1 гл. 7 ст.), с библейским Самсоном и римским императором Веспасианом — Александр Ярославич (1 гл. 8 ст.), с царем Давидом — Даниил Александрович (1 гл. 9 ст.), с Авраамом — Дмитрий Иванович (7 гл. 12 ст.), «якоже Давид о Сауле» скорбит о смерти Дмитрия Шемяки Василий II (12 гл. 14 ст.), с Моисеем сопоставляется подчинивший Новгород Иван III (13 тит. 12 гл. 6 ст.), идущий в поход на Казань Иван IV сравнивается с ветхозаветным царем Давидом и пророком Моисеем (19 и 21 тит. 10 гл. 17 ст.)[168]. С попыткой книжника лишить читателя негативной информации о византийских императорах, которым уподоблены русские государи, И. В. Курукин связал изъятие из Жития Ольги рассказов об их греховных увеселениях — охотах (они перенесены в другой раздел СК, об этом ниже)[169]. Вряд ли можно сомневаться в том, что сравнения персонажей русской истории с героями всемирной истории повышали статус как отдельных потомков Владимира, так и Русской земли в целом.

Также обратим внимание на вполне явственное стремление составителя СК в ряде случаев апеллировать к населению «православных стран», которое, согласно отраженному в памятнике взгляду, живо реагировало на важнейшие события, происходящие в России. Так, стремясь придать рождению Ивана IV эпохальное значение, наш книжник отмечает, что этому событию «не токмо все Руское царство, но и повсюду вси правовѣрни възрадовашася» (22 гл. 16 ст.)[170]. К православному населению, проживающему за пределами «Русской державы», писатель апеллирует и в рассказе о взятии Казани: внимание читателя обращается на «радость велию» по случаю победы «не токмо въ единомъ Рускомъ царствии, но и во всѣхъ далнихъ странахъ, идеже есть истинное православие» (27 тит. 10 гл. 17 ст.)[171]. О желании составителя подчеркнуть важное место русского государя в православном мире свидетельствует и включение в СК ряда известий о русско-греческих контактах первой половины—середины XVI в.: сообщения о приезде на Русь митрополита Григория, Максима Грека и других «старцев» при Василии III

---

[168] См.: Степенная книга. Т. 1. С. 456, 470, 485, 517, 536; Т. 2. С. 53, 147, 364—365.

[169] *Курукин И. В.* Сильвестр: политическая и культурная деятельность... С. 118.

[170] Степенная книга. Т. 2. С. 317.

[171] Там же. С. 372.

(12—13 гл. 16 ст.), рассказ о приходе посланцев от константинопольского патриарха Дионисия и о щедрых дарах ему от Ивана IV и митрополита Макария (22 гл. 17 ст.), тексты послания александрийского патриарха Иоакима Ивану IV, а также ответа ему русского царя (23 гл. 17 ст.)[172]. По всей видимости, включение всех этих пассажей обусловливалось стремлением книжника показать роль России в православном мире, возросшую при московских князьях.

Итоги анализа ряда других пассажей СК побуждают зафиксировать и отчетливо представленный в ней негативный оттенок в изображении всемирной (прежде всего ветхозаветной и византийской) истории и ее персонажей. Это, в частности, проявилось в том, что сравнения с героями всемирной истории характерны не только для положительных, но и для отрицательных героев. Например, с погрязшими в грехах «ниневитянами» сравниваются «самовластные» новгородцы (13 тит. 12 гл. 6 ст.; в 5 тит. 4 гл. 15 ст. жители этого города сопоставляются с творящими междоусобия жителями Иерусалима); Марфа Борецкая уподоблена убивавшей пророков «древней львице Езавель», «беззаконной» Иродиаде, погубившей Иоанна Крестителя, «Евдоксии царице», изгнавшей Иоанна Златоуста, и погубившей Самсона Далиле (5 тит. 4 гл. 15 ст.); с египтянами, подвергающими гонениям иудеев, сравниваются казанцы (21 тит. 10 гл. 17 ст.)[173]. Нежелание книжника идеализировать всемирную историю (в отличие от русской) проявилось и в оценке ее конкретных событий и деятелей.

В 14 гл. 1 ст., обращаясь к такому всячески осуждаемому в памятнике явлению как княжеские междоусобицы, составитель задается вопросом: «Како же и откуду начася братоубиистьво в русскихъ самодръжателехъ?». Писатель приходит к следующему ответу: «Начало же бяше таковыя братоненавистныя вражды отъ ловитвы животныхъ». Откуда же на Русь пришла эта пагубная страсть? Обращаясь к событиям всемирной истории, создатель произведения находит ответ и на этот вопрос, сообщая читателю о том, что «сиа же ловы прьвие показа дѣяти и влъшвениа въ прьвыхъ родѣхъ нѣкии гигантъ именемъ Невротъ, създавыи Вавилонъ градъ, иже бяше отъ племени проклятаго Хама...».

---

[172] Степенная книга. Т. 2. С. 392—400.

[173] Там же. Т. 1. С. 467; Т. 2. С. 225, 365.

Для анализа особенностей представления всемирной (прежде всего византийской) истории в СК важно обратить внимание на оговорку, которая следует за приведенными выше словами: «И таковою прелестию и донынѣ тѣшахуся мнози властодръжателие, не токмо нечестивии, но и благочестивии прелщахуся глумными утѣхами»[174]. После тирады, осуждающей употребление дичины в пищу, выполненной в соответствии с традицией, идущей еще от вселенских соборов, книжник, основываясь на материале Жития Ольги пространной редакции, приводит конкретные примеры из мировой истории — рассказы о смерти правителей, предавшихся охотам и прочим увеселениям: византийских императоров Михаила III и Василия Македонянина, о сыне последнего Александре, о сыновьях некоего персидского царя. Далее внимание читателя обращается на то, что эта пагубная страсть передалась и русским правителям, некоторые из которых также «ловы позорные творяху»: в СК упомянуто о смерти после охоты Мстислава Тмутороканского (17 гл. 1 ст.) и об участии в охотах киевского князя Всеволода Ярославича (18 гл. 1 ст.). В последнем случае составитель, надо думать, не без удовлетворения отмечает, что под влиянием последовавших за охотой Всеволода знамений, исходящих от Бога, «возбраняющего и пресекающего таковые в ловитвах утехи», этот князь «оттолѣ нача удалятися... от таковыхъ потѣшениихъ» (данное толкование знамения, отсутствующее в источнике СК, принадлежит ее создателю)[175]. Непосредственно с охотами (смертью Люта Свенельдовича на охоте) в 19 гл. 1 ст. связывается начало «братоубийственной злобы» на Руси[176] (подробнее вопрос о специфике представления охот в СК нами будет рассмотрен ниже).

Таким образом, как видим, согласно выраженному в СК взгляду, такое богопротивное занятие как междоусобные войны появилось на Руси извне — под влиянием поведения правителей всемирной истории, которые предавались душегубительной страсти — охотам («позорным ловитвам»). Как показано в памятнике, русские князья также поддались этой страсти; однако в ряде случаев (Всеволод Ярославич) под влиянием небесных знамений, проявляющих Божью волю, они начали «удалятися» от этой пагубной страсти. Обратим внимание на то, что ничего подобного о правителях мировой истории СК не сообщает.

---

[174] Степенная книга. Т. 1. С. 231—232.

[175] Там же. С. 234—235.

[176] Там же. С. 235.

Однако не страсть к охотам была самым страшным пороком правителей великих держав прошлого. Как следует из текста произведения, ряд из них совершил более тяжкий проступок — отступился от православия. Осуждающий их за это мотив наиболее полно и последовательно представлен в 71—72 гл. 1 ст. Их анализ, как представляется, имеет ключевое значение для изучения особенностей изображения всемирной истории в СК (на значение данного раздела произведения указал И. В. Курукин[177]). В 72 гл. креститель Руси и его потомки сравниваются с наследниками Авраама и Константина Великого. Как показано в СК, потомки ветхозаветного патриарха и первого римского императора-христианина проигрывают в сравнении с «семенем» Владимира. Обратимся к соответствующему материалу.

В 71 гл. отмечается: «Боговѣнчанныи же убо Коньстантинъ [Великий. — *А. У.*] самъ до конца благочестивно поживе, и чяда породи, и въспита ихъ благочестно. По о[т]шествии же его къ Богу царству его въсприемникъ бысть сынъ его Коньстантии, и прелестию диаволею въ ариянъскую съвратися ересь, в неи же и живота лишися, царьство вручивъ сроднику своему Иулиану законопреступнику, и тои до конца съ истиннаго пути съвратися... Токмо **единъ** [здесь и далее выделено нами. — *А. У.*] святыи Коньстантинъ до конца благочестно царствовавъ и вѣру православную непоколѣблемо съблюде, и съвръшено Богу угоди»[178].

Важно отметить, что, как указано в СК, потомство Владимира является полной противоположностью наследникам Константина Великого:

«Сего же блаженнаго Владимира благословеное сѣмя тако възлюби Богъ, яко **вси и донынѣ** истинное благочестие непорочно съхраняху, ревнующе добродѣтелному началу правыя вѣры святаго Владимира, его же молитвами **вси родове русьстии и до днесь** Богомъ направляеми, ревнители добродѣтели его тщахуся быти»[179].

Обратим внимание на то, что тон СК, осуждающий проявивших нестойкость в вере византийских императоров, патриарха и греков в целом, созвучен произведениям, написанным в связи

---

[177] *Курукин И. В.* Сильвестр: политическая и культурная деятельность... С. 124.

[178] Степенная книга. Т. 1. С. 332—333.

[179] Там же. С. 333.

с заключением Флорентийской унии, — Сказанию о Флорентийском соборе Симеона Суздальца, а также «Слову... еже на латину»[180] (последнее имело особое публицистическое значение — согласно М. А. Алпатову, оно представляло собой «апологию установившегося на Руси порядка после того, как уния была отвергнута и пал Константинополь»[181])[182]. Зафиксируем, что если в этих сочинениях предавшему православие византийскому императору противопоставлен лишь оставшийся верным истинной вере Василий II, то в СК византийским императорам противопоставляются все потомки Владимира.

Созвучен порицающий греков тон СК и сочинениям псковского инока Филофея, с именем которого в историографии традиционно связывается оформление теории «Москва — третий Рим». Так, в послании к великому князю московскому Филофей констатирует, что греки «предаша православную греческую вѣру в латынство»[183]. В наиболее ярком виде осуждающий вероотступничество греков мотив представлен в словах Ивана IV (начало 80-х гг. XVI в.), зафиксированных А. Поссевино, о вере первого русского царя «не в греков, а во Христа»[184].

---

[180] *Попов А. Н.* Историко-литературный обзор... С. 344—395. Также см. последнюю публикацию сказания Симеона Суздальца: *Турилов А. А.* Ранние русские источники по истории Ферраро-Флорентийской унии и ее восприятию в православном мире // *Флоря Б. Н.* Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 444—453. Подробнее об источниковедческих аспектах изучения произведений, созданных по случаю заключения Флорентийской унии, см.: *Казакова Н. А.* Западная Европа... С. 7—67; *Турилов А. А.* К истории древнерусской рукописной традиции сочинений, связанных с Ферраро-Флорентийской унией // *Флоря Б. Н.* Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 437—442.

[181] *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. С. 146.

[182] Возможно, на это представление книжника определенное влияние оказал и Хр. 1512. Так, согласно Д. С. Лихачеву, «широко пользовавшийся всеми доступными ему в России материалами по всемирной истории» составитель Хр. 1512 представил читателю большое число «примеров еретичества византийских императоров, в контраст с которым резко выделялась верность православию русских князей». См.: *Лихачев Д. С.* Русские летописи... С. 333.

[183] Цит. по последней публикации, см.: *Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.). М., 1998. С. 342.

[184] См.: *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 78. На эти слова уже неоднократно обращали внимание наши предшественники, например, см.: *Дьяконов М. А.* Власть московских государей... С. 69.

Высказанные русскими книжниками в ряде произведений сомнения в истинности греческого православия, запятнавшего себя заключением Ферраро-Флорентийской унии, побудили их к переосмыслению истории русского православия в контексте всемирной истории, в эпоху Средневековья понимаемой как путь от грехопадения к Спасению. Наиболее отчетливо это проявилось в изображении крещения Руси. Повествуя о нем, составитель особое внимание уделяет не рассказу о контактах с Византией, от которой и пришло православие на Русь, а описанию апостола Андрея, рассказ о котором давал возможность связать начало проникновения христианства на Русь с апостольскими временами[185]. То, что было невозможно для летописца XI в., для которого связи с Византией служили неотъемлемым условием утверждения высокого статуса Руси, стало естественным для книжника XVI в., опиравшегося на труды писателей предыдущего столетия (прежде всего, сочинения, написанные по случаю заключения Флорентийской унии).

Смещение акцентов, делавшихся при изображении древнейшего периода русской истории, отразилось в переосмыслении фигуры крестителя Руси князя Владимира: изображая его, писатель круга Макария подчеркивает его независимость от Византии, верность православию и благочестие, которые унаследовали его потомки. Неудивительно, что уже вскоре после заключения Флорентийской унии русские государи начинают делать акцент на древность русского православия, обращаясь к авторитету Владимира Святославича: почти сразу после заключения унии в русской книжности начинает отмечаться благочестие русских князей, продолживших дело крестителя Руси. Так, благочестие и верность православию Владимира подчеркивает Василий II в своем послании афонским монахам (около 1442 г.)[186]: «От святых апостол и от седми собор вселенских святых отец, съшедшихъся и утвердивших истинную веру, от нихъ же прият иже благочестия поборник и хвалам достойный

Наиболее последовательно взгляд на греков как на предателей православия в России XVI в. был проанализирован Н. Ф. Каптеревым и П. Ниче, см.: *Каптерев Н. Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914. С. 5—17; *Nitsche P.* «Nicht an die Griechen glaube ich, sondern an Christus»...

[185] См.: *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 99—100; *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 326—338; *Nitsche P.* Translatio imperii?... S. 338.

[186] О датировке послания см.: *Флоря Б. Н.* Исследования... С. 397.

прародитель наш великый князь Владимер Кыевскый и всея Руси»[187]. К авторитету крестителя Руси апеллировал этот московский князь и в послании константинопольскому патриарху (1441 г.)[188]. Явное усиление интереса к фигуре равноапостольного князя, которое фиксируется на Руси начиная с середины XV в., дало исследователям основания рассматривать период, последовавший за заключением унии, как важнейший этап в оформлении культа Владимира. Как заметил А. В. Поппэ, почитание Владимира «в Московском и Русском государстве» приобретает «черты государственно-церковного культа» именно в середине XV столетия[189]. Возрастание интереса к Владимиру в этот период отразилось и в богослужебной литературе[190].

Связанное с осмыслением Флорентийской унии возрастание значения Владимира для истории русской Церкви и страны в целом отразилось и в описании крестителя Руси в СК. В ней особое внимание было уделено его потомкам, деятельность которых рассматривается на фоне всемирной истории. Это было достигнуто путем сравнения наследников киевского князя с прочими персонажами мировой истории. Как уже отмечалось выше, неизменно сохранявшие верность православию русские государи противопоставлены римским и византийским императорам, показавшим нестойкость в делах веры. Интересно, что эти противопоставления составителю СК показались недостаточными — в Похвалу крестителю Руси (72 гл. 1 ст.) введено его сравнение с Авраамом, потомки которого, однако, разительно отличаются от «семени» крестителя Руси:

«...Отъ племени Авраамля, иже суть израильтяне, **мнози многажды** заблудиша отъ Бога даннаго имъ закона. Блаженна-

---

[187] Цит. по последнему изданию: *Турилов А. А.* Ранние русские источники... С. 460.

[188] Там же. С. 455, 457.

[189] *Поппэ А. В.* Становление почитания Владимира Великого // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII веков: Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. Москва, 13—18 мая 1990 г. М., 1990. С. 231. О возрастании значения Владимира на Руси в связи с реакцией на заключение Флорентийской унии также см.: *Поппэ А. В.* Владимир Святой: у истоков церковного прославления // Византинороссика. 2000. Т. 2. С. 9—55; *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 319, 329—332, 362—369. Также см.: *Korpela J.* Prince, Saint and Apostol... P. 173—210. Подробнее об истории церковного почитания Владимира см.: *Назаренко А. В., Серегина Н. С., Преображенский А. С.* Владимир (Василий) Святославич // ПЭ. Т. 8. М., 2004. С. 701—718.

[190] Подробнее см.: *Рамазанова Н. В.* Московское царство... С. 134—135.

го же Владимира благорасленыи плодъ въ роды и роды и **донынѣ никто** же не отпаде благодатнаго Христова закона» (выделено нами. — *А. У.*)[191].

Вряд ли стоит приводить какие-либо конкретные памятники, осуждающие отступничество иудеев, — антииудейская тематика была общим местом в произведениях древнерусской оригинальной и переводной литературы начиная с домонгольского периода[192]. Важно зафиксировать, что результаты сопоставления основателя династии русских государей с ветхозаветным патриархом явно в пользу первого, потомство которого, в отличие от Авраамова, сохранило верность истинной вере[193]. Именно эта верность православию и связываемая с ней независимость Руси от победоносных турок-османов дали возможность предшественнику создателя СК — составителю Хр. 1512 — несколькими десятилетиями ранее выделить Русскую землю в ряду прочих христианских государств (этот фрагмент, как указал А. С. Орлов, почти полностью вошел в современную СК КИ[194]):

«Сиа оубо вся благочестиваа царствиа Греческое и Серпьское, Басаньское и Арбаназское и инии мнози грѣхъ ради нашихъ Божиимъ попущениемъ безбожнии турци попленишa и вь запустѣние положиша и покорише подъ свою власть, наша же Росиская земля Божиею милостию и молитвами пречистыя Богородица и всѣхъ святыхъ чюдотворець растетъ и младѣетъ и возвышается, ейже, Христе милостивый, дажь расти и младѣти и разширятися и до скончаниа века»[195].

---

[191] Степенная книга. Т. 1. С. 336.

[192] Например, см.: *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.; Л., 1955; *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. Л., 1960; *Чекин Л. С.* К анализу упоминаний о евреях в древнерусской литературе XI—XIII веков // Славяноведение. 1994. № 3. С. 34—42; *Подскальски Г.* Христианство... С. 138—141; *Петрухин В. Я.* В. Н. Татищев о евреях в Древней Руси и современная историография // Вестник Еврейского университета. 2001. № 5. С. 7—20.

[193] На это обстоятельство несколько позднее обращал внимание и Иван IV. Вероятно, не без гордости в речи А. Поссевино он отметил, что истинную веру «храним мы в чистоте, в то время как в римской вере 70 вер» (русский царь, судя по всему, намекал на сосуществование в Западной Европе католичества с целым рядом направлений в протестантизме). См.: *Поссевино А.* Исторические сочинения... С. 79.

[194] ПСРЛ. Т. 19. Стб. 8; *Орлов А. С.* Хронограф... С. 189.

[195] ПСРЛ. Т. 22, ч. 1. С. 439—440. Данные слова составителя Хр. 1512 сопоставим с указанием его современника — псковского инока Филофея — на

Как показывает приведенный выше материал, если автор КИ лишь воспроизводит фрагмент Хр. 1512, то составитель СК этот тезис книжника первой четверти XVI в. дополняет представлением об исключительном благочестии представителей династии русских государей, выделяющим их среди прочих православных правителей.

Сказанное выше побуждает согласиться с уже высказанным в историографии мнением, что не во всемирной истории создатель СК призывал читателя искать позитивные примеры, ориентируя его прежде всего на материал, свидетельствующий о древности русской истории[196]. Так, итоги ознакомления с текстом памятника неизбежно ставят его читателя перед вопросом: а что могли заимствовать из Царьграда, кроме символов царской власти, русские государи? Стоит ли им равняться на погрязших в пороках («позорных ловитвах» и ересях) правителей Византии, которые не смогли отстоять чистоту православия на Флорентийском соборе и не сумели защитить страну от мусульман?

Вышесказанное можно связать с тем, что стремление составителя СК поместить события русской истории в контекст западноевропейской и византийской не следует переоценивать. Так, выявляя особенности представления прошлого в СК, зафиксируем, что в ней нет и намека на развитие концепции «Москва — третий Рим»[197], которая в период правления Ивана IV в памятниках древнерусской книжности не фиксируется[198] (очевидно, этим и обусловлено то, что в обобщающих трудах, в ко-

---

то, что «яко вся христианскаа царства потопишася от неверных, токмо единаго государя нашего царство едино благодатию Христовою стоит» (см.: *Малинин В. Н.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания (историко-литературное исследование). Киев, 1901. Прил. С. 46).

[196] Например, см.: *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 100—102; *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 317—325, 363; *Nitsche P.* Translatio imperii?... S. 328—332.

[197] В сжатой характеристике СК М. В. Кукушкина, специально не занимаясь этим памятником, высказала мнение о том, что представленные в нем идеи «обосновывались» теорией «Москва — третий Рим» (см.: *Кукушкина М. В.* 1) Монастырские библиотеки Русского Севера XVI—XVII вв. Очерки по истории книжной культуры. Л., 1977. С. 136; 2) Книга в России в XVI в. С. 52). Конкретных аргументов в пользу этого предположения исследовательница не привела.

[198] См.: *Гольдберг А. Л.* 1) Историко-политические идеи русской книжности XV—XVII веков // ИСССР. 1975. № 4. С. 71; 2) Историко-политические идеи русской книжности XVI—XVII вв.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1978. С. 19.

торых специально рассматривается развитие идеи «Москва — третий Рим» на Руси, СК даже не упомянута[199]). Не находит читатель в тексте произведения и периодизации всемирной истории по четырем монархиям, которая в целом была характерна как для западноевропейской средневековой, так и для византийской историографии (данная концепция отражена и в Хр. 1512[200]). В какой же контекст книжник склонен вписывать прошлое Руси?

На наш взгляд, ключ к ответу на этот вопрос представлен в названии 1 ст. («...повѣсть извѣстна вмалѣ явленна о велицѣи Рустѣи земли и о началѣ царствующихъ в неи»[201]): в нем прямо указано, что в центр внимания будут помещены события именно русской истории. Сопоставляя СК с предшествующими ей памятниками историографии, обратим внимание на то, что она начинает повествование о русской истории с рассказа не о расселении потомков Ноя, а о времени правления Августа, к которому относится воплощение Христа. Так, хронологически наиболее ранним событием в СК (разумеется, если этот термин здесь уместен) служит упоминание легендарного родоначальника русских государей — брата римского императора Августа Пруса. Во 2 гл. 1 ст. подчеркивается, что Август «обладал всей вселенной и единоначальствовал на земли **во время первого пришествия на землю Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа**» (выделено нами. — *А. У.*)[202]. Как уже отмечали наши предшественники, это давало возможность связать начало династии русских государей со временем начала христианства[203]. Согласно наблюдениям Н. В. Рамазановой, для современных СК памятников богослужебной литературы также было характерно сопоставление Августа и Христа[204].

---

[199] *Каптерев Н. Ф.* Характер... С. 1—25; *Гольдберг А. Л.* Историко-политические идеи русской книжности XV—XVII веков // ИСССР. 1975. № 4. С. 68—73; *Hösch E.* Zur Rezeption der Rom-Idee im Rußland des 16. Jahrhunderts // FOG. 1978. Bd. 25. S. 136—145; *Синицына Н. В.* Третий Рим...

[200] Например, см.: *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. С. 159—162.

[201] Степенная книга. Т. 1. С. 218.

[202] Там же. С. 221.

[203] *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. С. 211; *Турилов А. А.* Древнейшая история... С. 47—48.

[204] См.: «В тексте стихиры „Августу единовластельствующи на земли“ сопоставляются деяния Августа и Христа. Август предстает как властитель

Следующим по хронологии событием является сообщение о посещении апостолом Андреем Русской земли и «прообразовании» им в ней «истинного благочестия» (23 гл. 1 ст.)[205]. Как нетрудно заметить, данный рассказ в СК намного пространнее, чем соответствующий пассаж в любом другом произведении древнерусской книжности. Как установил Г. Подскальски, определение «Первозванный» по отношению к Андрею среди памятников русской литературы впервые фиксируется в СК[206] (точнее, в помещенном в ней Житии Ольги пространной редакции; в 1 ст. составитель СК заимствует это определение своего источника[207]). В литературе было указано, что включение этого беспрецедентного для древнерусской книжности по своей подробности рассказа в СК обусловливалось стремлением ее создателя связать истоки русского православия с апостольскими временами и тем самым подчеркнуть его равенство с византийской Церковью[208] (вопрос об особенностях представления русской Церкви в СК нами специально будет разобран ниже).

Рассматривая особенности рассказа СК об апостоле Андрее, обратим внимание на созвучие представленных в ней идей воззрениям некоторых других мыслителей XVI в. Прежде всего, следует отметить, что возрастание интереса к апостолу Андрею характерно не только для писателей макарьевского круга — со-

---

земной, пресекающий многоначалие. Христос — как властитель небесный (воплотившийся в образе человеческом), упразднивший многобожие. Август укрепляет тем самым земное царство, Христос — веру в единого Бога и в Царствие Небесное... Оба они объединяют народы, но каждый действует в своей сфере: Август — в государственной, мирской, Христос — в духовной» (см.: *Рамазанова Н. В.* Московское царство... С. 107—108). В связь с этим необходимо поставить то, что во 2 гл. 1 ст., которая повествует о происхождении Рюрика от Августа, в Волк. (л. 105) внесена правка, в результате которой текст СК приобрел вид, близкий к данной стихире, указывающей на «**единоначальство**» Августа: слова «начальствующу на земли» в Волк. были заменены на «**единоначальствующу** на земли» (выделено нами. — *А. У.*; также см.: Степенная книга. Т. 1. С. 221, примеч. 9—10). Вряд ли можно сомневаться в том, что хорошо знакомый с богослужебной литературой редактор Волк. внес это указание при сверке текста со Стихирарем (впрочем, нельзя исключить и того, что исправление цитаты могло быть произведено по памяти).

[205] Степенная книга. Т. 1. С. 242—243.

[206] *Подскальски Г.* Христианство... С. 19, примеч. 51.

[207] См.: Степенная книга. Т. 1. С. 150, 240.

[208] *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 326—329; *Nitsche P.* Translatio imperii?... S. 329—330.

ставителей Тучковской редакции Жития Михаила Клопского, пространной редакции Жития Ольги и СК. Так, в создаваемом примерно в одно время с СК «Сказании о Валаамском монастыре» (около 1550—1560 гг.) его автор, связь которого с кругом Макария не фиксируется, также апеллирует к авторитету этого апостола, согласно «Сказанию», основавшего Валаамскую обитель[209]. На авторитет апостола Андрея ссылался Иван IV в речи А. Поссевино, доказывая папскому послу, что «мы уже с самого основания христианской церкви приняли христианскую веру, когда брат апостола Петра Андрей пришел в наши земли... Поэтому мы в Московии получили христианскую веру в то же самое время, что и вы в Италии». Русский царь при этом доказывал равенство всех апостолов в противовес мнению папского легата о дарованном Христом превосходстве апостола Петра, крестившего Рим[210]. Последнее, впрочем, не характерно для СК, в которой апостол Андрей именуется «братом **верховного** апостола Петра» (выделено нами. — *А. У.*)[211].

* * *

Резюмируя вышесказанное, на данном этапе исследования включение в СК небольшого (сравнительно с другими предшествующими ей памятниками) объема сведений о всемирной истории, которая подчас изображалась в крайне негативных тонах, можно связывать с особым интересом книжника к прошлому Руси, которое самым непосредственным образом связывалось с эпохой начала христианства. Помещая в текст СК отдельные рассказы о событиях всемирной истории, ее составитель стремился предоставить читателю сравнительно-исторический материал — сведения, подчеркивающие неизменную верность православию всех потомков Владимира, которая выделяет их в ряду прочих династий мировой истории. Это в свою очередь дает основания полагать, что всемирная история в СК выступает в виде своего рода фона, на котором разворачиваются действия на сцене русской истории. Обратимся к ней.

---

[209] *Охотина-Линд Н. А.* «Сказание о Валаамском монастыре». С. 46—47, 160.

[210] *Поссевино А.* Исторические сочинения... С. 79, 80.

[211] Степенная книга. Т. 1. С. 240.

5.4. Представление прошлого Руси

Начало русской истории

Как следует из названия СК, полный текст которого был разобран выше, она рассматривалась ее составителем как некое сказание о «въ Рустей земли въ благочестии просиявшихъ богоутвержденныхъ скипетродержателей» — потомках Владимира, добродетели которых служат своего рода ступенями лестницы, ведущей к Богу. Каким же образом представлена русская история в этом произведении?

С одной стороны, хронографическая составляющая СК сведена к минимуму, а рассказ о начальном этапе истории человечества читается лишь в речи философа, излагающего основы христианского вероучения Владимиру; с другой, обилие сведений о древнейшем периоде русской истории выделяет это произведение в ряду прочих, повествующих о первых веках истории Руси. Как было отмечено нашими предшественниками и нами, к описанию этого периода в СК был привлечен целый ряд памятников древнерусской оригинальной и переводной литературы (Жития Ольги пространной редакции, Стефана Сурожского, Чудеса Димитрия Солунского, летописи, «Слово о законе и благодати», Послание митрополита Фотия Василию I Дмитриевичу, славяно-русский перевод «Окружного послания» патриарха Фотия, вероятно, «Слово похвальное» Михаилу Черниговскому Льва Филолога и др.). По обилию использованных источников рассказ о начале русской истории сопоставим лишь с повествованием о центральном, согласно представленному в СК взгляду, событии русской истории — крещении Руси[212]. Вместе с тем отметим, что если рассказу о правлении каждого князя-христианина — прямого предка Ивана IV — книжник посвятил особую степень, то описание событий языческого периода фрагментарно представлено в служащем введением к памятнику Житии Ольги и в первых главах 1 ст. Тем не менее, предшествующий крещению период русской истории составителем не игнорируется, хотя и изображен иначе, чем христианский. Почему в имевшем явно церковную окраску памятнике описан языческий период? Как представляется, ответ на этот вопрос даст возможность пролить дополнительный свет на те принци-

[212] Об этом см.: *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 97; *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 328—329.

пы, которыми руководствовался создатель СК, представляя прошлое читателю.

Вопрос об особенностях изображения первых веков русской истории в памятнике значительно проясняют итоги разбора текста 8 гл. 1 ст. («Царю Феодосию брань съ Русию»). Отметив, что «и преже Рюрикова пришествия въ Словенскую землю не худа бяше держава Словенскаго языка», книжник повествует о войнах императора Феодосия Великого с «русскими воями», о походах Руси «на многыя страны и на Селуньскии градъ, и на Херсунь, и на прочихъ тамо... иже и на самыи Царьградъ», а также о войнах Руси с царем «Хоздроем Персидским»[213]. Результаты специального изучения текста 8 гл.[214] показали, что в ней использовался целый ряд источников (Чудеса Дмитрия Солунского, Житие Стефана Сурожского, летописный материал и др.); на некоторые из них составитель СК прямо ссылается[215]. К 8 гл. примыкает рассказ о крещении Руси и приходе на Русскую землю митрополита, который был почерпнут из славяно-русского перевода «Окружного послания» патриарха Фотия.

Важно отметить, что, повествуя о начале русской истории, наш книжник особо подчеркивает «славу русского имени» еще до прихода на Русь Рюрика, основателя прославляемой в памятнике династии. Очевидно, при описании древнейшего периода ему было важно показать, что «слава» Русской земли была не менее значима, чем добродетели ее правителей[216]. Есть основания полагать, что в рассказе о начале русской истории развернут тезис о том, что «не в новыхъ бо лѣтѣхъ Руская земля многа и велика пространьствомъ и неисчетно силна воиньствомъ, но велми отъ древнихъ лѣтъ и временъ многымъ странамъ и царствомъ страшни бяху и многымъ одолѣваху» (6 гл. 1 ст.)[217].

Вероятно, с этой же целью вносились изменения (сравнительно с данными источников СК) и в описание соседей Руси. Так, обращает на себя внимание редкое упоминание этнонима «хазары» в СК. В ней они фигурируют лишь трижды: в списке

---

[213] Степенная книга. Т. 1. С. 226.

[214] Подробнее см.: *Усачев А. С.* Образ языческой Руси... С. 352—356.

[215] См.: «Яко же свидѣтельствуетъ нѣчто мало отчасти въ чюдесѣхъ великомученика Димитрия и святаго архиепископа Стефана Сурожьскаго» (см.: Степенная книга. Т. 1. С. 226).

[216] Об этом подробнее см.: *Усачев А. С.* Образ языческой Руси... С. 363—364.

[217] Степенная книга. Т. 1. С. 225.

«Имен областей Русских», в повествовании о посланниках от различных вер (в этом рассказе присутствуют «жидове козарьстии») и в описании похода Мстислава Владимировича на Киев в 1023 г.[218], т. е. на рассматриваемый период приходится лишь одно упоминание хазар. Вспомним контекст, в который помещено описание хазар в основных источниках СК. Так, в Ник. из четырнадцати упоминаний хазар за период до 986 г. восемь непосредственно связаны с подчинением ими славянских племен. Из шести оставшихся упоминаний одно приходится на пророчество о подчинении хазар полянам как воздаянии за века порабощения и еще три — на описание борьбы Святослава с хазарами за контроль над вятичами[219]. Таким образом, мы вправе связать данные пропуски с нежеланием составителя сообщать о многолетнем подчинении целого ряда славянских племен хазарам и о той упорной борьбе, которую в течение десятилетий вели первые русские князья с хазарами за их подчинение. По-видимому, поэтому «хазарская линия» в СК снята (в памятнике даже пропущено описание славной для «самодержца» Святослава победы над хазарами). Нежеланием писать о покорности славянских племен соседям, скорее всего, обусловлен и пропуск описания покорения дулебов обрами, которые в СК вообще не упоминаются[220]. Таким образом, характеризуя славное прошлое Руси, писатель макарьевского круга счел излишним упоминать о подчинении славян хазарам и обрам.

Вероятно, с игнорированием летописного сюжета о подчинении славян соседним народам в древности может быть связано и еще одно сокращение. При сравнении версий основных летописных источников СК с ее текстом обращает на себя внимание отсутствие в ней описания этнографических подробностей быта восточнославянских племен. Так, Ник. противопоставляет «кротких, тихих и стыдливых» полян, имеющих «къ родителемъ и къ племени великое стыдѣние», диким древлянам, радимичам, вятичам и северянам, «живущим въ лѣсехъ, якоже и

---

[218] Степенная книга. Т. 1. С. 226, 246, 373.

[219] ПСРЛ. Т. 9. С. 6—8, 31. В Воскр. аналогичная картина: из четырнадцати упоминаний хазар до 986 г. девять прямо связаны с указанием на подчинение ими славянских племен, одно помещено в пророчество о подчинении хазар Руси как наказании их за господство над славянами и три поименования содержатся в рассказе о войне Святослава с хазарами после подчинения им вятичей. См.: ПСРЛ. Т. 7. С. 264, 266, 267, 269, 287.

[220] ПСРЛ. Т. 9. С. 5; Т. 7. С. 264.

всякый звѣрь», которые «ядуще все нечисто, срамословие... предъ родители и племени не стыдятся»[221]. В СК данный пассаж отсутствует. Можно предположить, что ее составителю представлялось сомнительным, что населенная подобными племенами Русская земля могла в скором времени «въ благочестии просиять». Очевидно, этим же можно объяснить пропуск содержащегося в основном источнике СК — Ник. — рассказа о страхе варяжских князей перед «звериным» нравом славян при описании прихода Рюрика с братьями на Русь[222].

Рассматривая представленные в СК описания событий русской истории дорюриковой поры, обратим внимание на отсутствие сообщений о местных правителях. Так, в произведении опущена характеристика деятельности Кия, о которой повествуют его летописные источники[223]. Ничего не говорится и о новгородском старейшине Гостомысле и неком «владальце сущая с нимъ», упоминаемых в Воскр.[224] В рассказе о войне Владимира с Рогволодом Полоцким исключено известие о Туре, правившем в Турове[225]. В 8 гл. 1 ст., среди прочего сообщавшей о походе Руси на Сурож, опущено имя новгородского князя Бравлина, которое содержалось в его источнике (Житии Стефана Сурожского). Тем не менее, в восходящий к «Окружному посланию» фрагмент вставлены некие анонимные «русские самодержатели», под руководством которых Русь совершила поход на Константинополь. Это приводит к мысли о том, что в памятнике намеренно опускались описания действий князей *не*-Рюриковичей и, тем не менее, сохранялись сообщения о безымянных «самодержателях», под предводительством которых Русь совершала победоносные походы на соседей. По всей видимости, конструируя историю языческой Руси, книжник середины XVI в., умолчав о конкретных князьях, тем не менее, не мог себе представить успешных военных действий без руководящей роли пусть и безымянных «самодержателей».

В то же время необходимо отметить, что имена некоторых известных по летописным источникам СК русских правителей дохристианского периода, которые предками династии русских государей не являлись, в ее тексте сохранены. Так, СК упоми-

---

[221] ПСРЛ. Т. 9. С. 5.
[222] Там же. С. 9.
[223] ПСРЛ. Т. 9. С. 4; Т. 7. С. 263.
[224] ПСРЛ. Т. 7. С. 262, 268.
[225] Степенная книга. Т. 1. С. 236; ПСРЛ. Т. 9. С. 39; Т. 7. С. 292.

нает Аскольда и Дира. Однако рассказы о них значительно сокращены по сравнению с летописными источниками памятника: повествуя об их правлении в Киеве, создатель СК пропускает сообщения своего основного летописного источника — Ник. — об их войне с полочанами, убийстве болгарами сына Аскольда, а также упоминание о победе Аскольда и Дира над печенегами[226]. В тексте СК было сохранено лишь известие о походе этих князей на Византию.

Очевидно, тенденция к сокращению материала о русских правителях, не принадлежавших к роду Рюрика, может быть соотнесена с отчетливо выраженным в СК стремлением прославить Рюрика и его потомков. С этим обстоятельством, по всей видимости, связана и отмеченная Я. С. Лурье вставка составителя СК в рассказ о походе Аскольда и Дира на Константинополь (4 гл. 1 ст.). Перед этим известием книжник ввел, очевидно, принадлежащее ему рассуждение о том, что «Рюрикъ, Владимировъ прадѣдъ, не токмо самъ въ Рустѣи земли преименитъ бѣ властию, но и мужие его»[227]. Как справедливо указал Я. С. Лурье, эта преамбула понадобилась для того, чтобы «в заслугу Рюрику поставить даже походы Аскольда и Дира на Царьград»[228]. Кратко сообщается в СК и о деятельности князя Олега — в 4 гл. 1 ст. лишь лаконично передан рассказ о его вокняжении в Киеве и походе на Царьград. Нельзя не отметить, что ни Аскольд и Дир, ни даже «сродник» Рюрика Олег, которому Рюрик поручил своего малолетнего сына Игоря, в СК ни разу не именуются «самодержцами» и «скипетродержцами» (обычные в СК поименования потомков Рюрика) — в ней они фигурируют как «князья». Это дает основания полагать, что даже поименование отделяло представителей прославляемого в СК рода от прочих правителей. При этом, однако, рассказы об этих властителях в 1 ст. были включены (хотя и в сокращенном виде).

Обращая внимание на специфику представления первых русских князей в СК, отметим двойственное отношение к ним ее составителя. С одной стороны, русские князья — язычники («поганые»). С другой, Рюрик и его ближайшие наследники являются основателями правящей династии, представители которой воспеваются в памятнике; они совершают смелые походы

---

[226] ПСРЛ. Т. 9. С. 9.

[227] Степенная книга. Т. 1. С. 223.

[228] *Лурье Я. С.* Россия Древняя и Россия Новая... С. 70.

на соседей, внушая ужас даже гордому Царьграду, а также объединяют славянские племена. Особенно ярко эта тенденция проявилась при описании Святослава Игоревича в Житии Ольги и в 1 ст. Так, из всех многочисленных летописных известий об этом князе писатель счел необходимым упомянуть лишь о мести Ольги древлянам (Святослав в этом рассказе помещен на второй план), о славных походах этого князя на Болгарию и Византию и об отказе Святослава креститься, несмотря на настойчивые просьбы его матери[229]. Помещая в текст произведения почерпнутый из летописей мужественный облик Святослава, а также перечень его славных побед над болгарами и греками, составитель, тем не менее, считает необходимым осудить этого князя за непослушание матери и нежелание креститься. Таким образом, сохраняя героические черты Святослава, наш книжник обращает внимание на его упорное нежелание принять христианство, заслуживающее самого сурового порицания.

Обращают на себя внимание различия в изображении этого князя в созданной при митрополичьей кафедре СК и современной ей КИ, связь которой с кругом Макария более чем сомнительна. В КИ Иван IV перед взятием Казани сравнивается с его славным предком — князем-язычником Святославом Игоревичем, который «многажды Греческую землю плени»[230]. Характерно, что близкий к митрополичьей кафедре составитель СК подобных рискованных аналогий (между неисправимым язычником Святославом и хранителем чистоты русского православия Иваном IV) предпочитал избегать.

Рассматривая специфику изображения первых русских князей в СК, отметим, что, как прямо следует из полного названия памятника (Книга Степенная **царского родословия**), роль Рюриковичей-язычников в СК не ограничивается их положением предшественников христианина Владимира и его потомков — в памятнике внимание читателя специально обращается на то, что первые являются прямыми предками вторых. Это проявилось в двойном счете в родословии потомков Рюрика (от христианина Владимира и от язычника Рюрика).

Очевидно, полагая, что истинными государями являлись лишь православные «самодержцы», книжник счет русским князьям

---

[229] Степенная книга. Т. 1. С. 156, 170—172, 224, 231.

[230] См.: ПСРЛ. Т. 19. Стб. 99.

ведет от первого христианина на русском княжеском столе — князя Владимира. Каждая грань начинается с указания на степень родства соответствующего князя от крестителя Руси — «...степень» от Владимира[231]. Однако, представляя родословную князей таким образом, писатель столкнулся с известным противоречием — не христианин Владимир основал воспеваемую в памятнике династию, а язычник Рюрик. Отсчет родословия русских князей от Владимира мог означать умаление роли его предков и, в конечном счете, сокращение истории правящего рода. Каким образом было снято данное противоречие? Есть основания полагать, что на определенном этапе создания СК (вероятно, в самом начале работы над ней) ее составитель планировал внесение двойных указаний на родословие русских князей, в которых бы отражались происхождение от основателя династии Рюрика и от первого христианского правителя Владимира. Так, во 2 ст., посвященной Ярославу Владимировичу, указывается, что он от Владимира «вторый степень», «отъ Рюрика же 5»[232] (подробнее этот вопрос нами был рассмотрен в предыдущей главе). Вероятно, двойным счетом княжеского родословия книжник пытался связать воедино два периода русской истории и истории княжеского рода — языческий и христианский, пронизывая прошлое Руси не только религиозными, но и династическими нитями.

Обобщая представленный выше материал о специфике изображения первых веков русской истории в СК, можно заключить, что ее начало для писателя середины XVI в. имело огромное значение. Именно поэтому скупые сведения своих основных источников Ник. и Воскр. о древнейшем периоде истории восточных славян он дополнил вставками из других памятников, обращая внимание читателя на славные деяния князей-язычников. Их «поганство», однако, порицается. Есть основания полагать, что создание беспрецедентного для русской средневековой историографии по объему привлеченных источников рассказа о начале Руси в СК было обусловлено стремлением составителя на конкретно-историческом материале обосновать заявленный

---

[231] Например, см.: Степенная книга. Т. 1. С. 379, 386.

[232] Степенная книга. Т. 1. С. 379. Впрочем, как было показано выше, двойной счет родословия русских князей (от Рюрика и Владимира) в СК закрепился не сразу. Это в свою очередь побуждает думать, что исторические представления нашего книжника эволюционировали по ходу написания текста памятника.

им тезис о том, что «не въ новыхъ бо лѣтехъ Руская земля многа и велика пространством и неисчетна сильна воиньствомъ, но вельми отъ древних лѣтъ и временъ многимъ странамъ и царствомъ страшни бяху и многим одолѣваху». Явное стремление создателя СК к сокращению хронографической части и не менее явное его желание расширить рассказ о древнейшей истории Руси приводит к мысли о том, что, отмечая славные деяния правителей мировой истории, он, тем не менее, могущество Руси связывает прежде всего с ее славным прошлым, а не с наследием иных мировых держав. Тем самым метод изображения прошлого страны в его тесной связи с всемирной историей, характерный для ряда предшествующих СК памятников (например, Хр. 1512, сочинения Филофея и др.), в произведении начинает уступать иному способу представления материала о прошлом. Следствием использования этого приема явилось то, что история Русской земли приобретала самоценный и самодостаточный характер. Это, впрочем, не исключало подчеркивания ее связи с великими державами прошлого (что проявилось в возведении Рюрика к Прусу)[233].

Рассматривая особенности представления в СК начального этапа русской истории, обратим внимание на то, что наиболее последовательные попытки опереться на «национальные корни» при описании могущества Русской земли в древности характерны для сочинений XVII в. В наиболее полном виде данный взгляд представлен в трудах Ю. Крижанича. Так, как отметил А. Л. Гольдберг, «анализ взглядов Крижанича показывает, что он был убежден в автохтонности русской государственности и в изначальном ее суверенитете, который, по его мнению, не нуждался в опоре на вымышленные связи с мировыми державами. В этом он расходился с традицией, которая в XVI в. господствовала в русской исторической литературе („Сказание о князьях Владимирских“, сочинения Филофея и т. д.). Не в уподоблении Руси Риму, а в укреплении национальных устоев великой славянской державы видел Крижанич задачу русской историографии»[234]. Сказанное выше справедливо и для СК. Однако ее со-

---

[233] На это обратил внимание А. Л. Гольдберг, см.: *Гольдберг А. Л.* Историко-политические идеи русской книжности XV—XVII веков // ИСССР. 1975. № 4. С. 66.

[234] *Гольдберг А. Л.* 1) Историко-политические идеи русской книжности XVI—XVII вв.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1978. С. 19. Также см.: 2) Историко-политические идеи русской книжности XV—XVII веков // ИСССР. 1975. № 4. С. 74—75.

ставитель, следуя за своими предшественниками, еще отмечал связи Руси с мировыми державами прошлого (правда, почти исключительно генеалогические).

Пространственный вектор развития русской истории: «Киев — Владимир — Москва»

Отличительной чертой СК является присутствие отчетливо выраженного в ее тексте вектора развития русской истории. Уже в полном названии СК Русская земля в ее прошлом и настоящем представлена в виде лестницы, «степени» которой — добродетели русских государей — ведут к Богу. В основном тексте СК этот художественный образ приобретает отчетливые историографические очертания: путь Руси к Богу пролегает через вполне конкретные периоды ее истории. Обратимся к ним.

В литературе уже отмечалось, что течение русской истории в СК представлено в виде перемещения «самодержства» последовательно от Киева к Владимиру-на-Клязьме, а затем к Москве[235]. Каково происхождение этой идеи в памятнике?

Результаты обобщения наблюдений по данному вопросу наших предшественников[236], а также наших собственных дают основания полагать, что определенное влияние на оформление этой идеи могло оказать «Сказание о князьях Владимирских», составленное, по-видимому, в первой половине XVI в.[237] Так, наряду с легендой о происхождении русских князей от Пруса, СК содержит характерное для этого сочинения указание на венчание великих князей владимирских, «егда ставятся на великое княжение русьское», символами царской власти, полученными киевским князем Владимиром Мономахом из Византии[238].

---

[235] Например, см.: *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 317; *Горский А. А.* Русь... С. 151—153.

[236] Например, см.: *Жданов И. Н.* Русский былевой эпос... С. 92; *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 161; *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография... С. 33; *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях Владимирских. С. 130—135; *Филюшкин А. И.* Модель «царства»... С. 270.

[237] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях Владимирских. С. 71. Согласно мнению А. А. Зимина, появление этого памятника может быть связано с борьбой при дворе Ивана III сторонников Софьи Палеолог и Василия Ивановича с одной стороны и Елены Стефановны и Дмитрия Ивановича с другой (конец XV в.). См.: *Зимин А. А.* Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. ст. М., 1972. С. 128—138.

[238] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях Владимирских. С. 177—178, 191. В сжатом виде обзор основных идей «Сказания» и его источника — «Посла-

Наряду со «Сказанием о князьях Владимирских» определенное влияние на анализируемое представление составителя СК, по всей видимости, могло оказать появившееся не позднее конца XV в. Сказание о перенесении Владимирской иконы Богородицы из Киева во Владимир (к этому времени относятся его древнейшие списки)[239], а также Повесть на сретение этой же иконы, рассказывающая о перенесении главной святыни Русской земли из Владимира в Москву во время нашествия Тамерлана (Повесть известна в списках середины—третьей четверти XVI в.)[240]. Как уже неоднократно отмечали исследователи, перенесение Владимирской иконы Богородицы служило зримым воплощением трансляции как власти («самодержства») над русскими землями, так и статуса центра русского православия сначала из Киева во Владимир, а затем в Москву. Это вполне определенно намечало линию преемственности русской истории[241]. Вероятно, поэтому соответствующие рассказы о чудотворной иконе почти полностью помещены в СК (12 гл. 6 ст., 24 гл. 13 ст.)[242]. Важно отметить, что краткий рассказ о принесении Владимирской иконы на Северо-Восток Руси содержится в 3 гл. 6 ст. («Начало владимерского самодержства»), занимая около половины ее объема:

«И уже тогда киевьстии велиции князи подручни бяху владимирьскимъ самодръжцемъ. Въ градѣ бо Владимирѣ тогда начальство утвержашеся пришествиемъ чюдотворнаго образа Бо-

---

ния» Спиридона-Саввы — о преемственности власти московских государей правителям мировой истории представлен в работе Б. Н. Флори, см.: *Флоря Б. Н.* «Царский жребий» // Родина. 2004. № 12. С. 5—8.

[239] Подробнее о рукописной традиции и времени написания Сказания см.: Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери. С. 476—500.

[240] См.: ОР РГБ. Ф. 113. № 632, 633. Об этом произведении подробнее см.: *Ebbinghaus A.* Die altrussischen Marienikonen-Legenden. S. 139—159; *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 2. С. 133—134; *Lenhoff G.* 1) The Tale of Tamerlane... P. 122—129; 2) Temir Aksak's Dream... S. 39—64.

[241] *Miller D.* 1) Legends of the icon of our Lady of Vladimir: a study of the development of Muscovite national consciousness // Speculum. 1968. Vol. 43, № 4. P. 657—670; 2) The Velikie Minei Chetii... S. 363; *Ebbinghaus A.* Die altrussischen Marienikonen-Legenden. S. 149—150; *Гребенюк В. П.* 1) Икона Владимирской Богоматери и духовное наследие Москвы. М., 1997. С. 83—84; 2) Теория «Москва — Третий Рим» и «Сказание об иконе Владимирской Богоматери» // Россия — Восток — Запад. М., 1998. С. 95—99.

[242] Степенная книга. Т. 1. С. 461—466; Т. 2. С. 88—108.

гоматери, с ним же прииде изъ Вышеграда великии князь Аньдрѣи Георгиевич и дръжавьствова»[243].

Обратим внимание на то, что в этом фрагменте утверждение «начальства» владимирских князей книжник напрямую связывает с «пришествием чюдотворнаго образа Богоматери». Очевидно, это обстоятельство может рассматриваться как веский аргумент в пользу предположения о том, что составитель СК самым тесным образом увязывал данное событие с установлением «владимерского самодержства» над Русью, а также перемещением центра русского православия на Северо-Восток.

Возможно, определенное влияние на представление о разделении русской истории на киевский и последующий (владимирский и московский) периоды оказало «Слово о житии» Дмитрия Ивановича. Автор этого памятника, воспроизводя восходящий к «Слову о законе и благодати» фрагмент, отмечает: «Похваляет бо земля Римская Петра и Павла... Андрея Первозваннаго все Поморие, царя Коньстянтина Гречьская земля; Володимера **Киевская** со окрестными грады; тебе же великый князь Дмитрей Ивановичь, вся **Русьская** земля» (выделено нами. — *А. У.*)[244] («Русьская земля» упоминается и в Похвале Дмитрию Ивановичу в 13 гл. 12 ст. СК[245]). Как видим, в «Слове о житии» «Киевская» земля времени Владимира Святославича четко отделяется от «Русской» эпохи Дмитрия Ивановича. Есть основания полагать, что книжник середины XVI в. заимствует это разделение. Правда, это было сделано в несколько более «смягченном» виде, который позволял связать московского князя и его равноапостольного предка дополнительными узами: если в «Слове о житии» читается «Володимера Киевская со окрестными грады», то в 13 гл. 12 ст. «великаго же князя Владимера, **прародителя твоего**, — Киевская страна со всеми грады Русьскими» (выделено нами. — *А. У.*). Вполне вероятно, что, используя

---

[243] Степенная книга. Т. 1. С. 450.

[244] ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. С. 110. Соответствующий фрагмент помещен в Похвале Дмитрию Ивановичу в 13 гл. 12 ст. (см.: Степенная книга. Т. 2. С. 64—65). Любопытно отметить, что уже в памятнике первой четверти XVI в. — «Сказании о Мамаевом побоище» (о его датировке см.: *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 2. С. 333—346) — «Москва» фактически выступает как синоним понятия «Русская земля» (см.: *Гардзанити М.* Москва и «Русская земля» в Куликовском цикле // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 1 (23). С. 105—112).

[245] Степенная книга. Т. 2. С. 62.

весьма размытое разделение русской истории «Слова о житии» на историю «Киевскую» и собственно «Русскую», составитель, вероятно, под влиянием описанного в Сказании о Владимирской иконе пути ее следования по Русской земле, выделяет третий период — владимирский, который он помещает между киевским и московским.

Нельзя исключить влияния на составителя СК в этом вопросе и ряда других памятников, в которых также используется формула «Киевская страна/Киев Владимира...» при описании ряда других персонажей русской истории: Бориса Александровича («Слово похвальное» инока Фомы), Стефана Пермского (Житие Стефана Епифания Премудрого), Всеволода Псковского (Житие Всеволода редакции Василия-Варлаама), Нифонта Новгородского (Житие Нифонта редакции Василия-Варлаама) и др.; в этих произведениях «Киевская земля» соседствует с Тверской, Псковской, Пермской, Новгородской и т. д.[246]

Вряд ли можно полагать, что приведенным выше перечнем исчерпывался круг произведений, оказывавших влияние на составителя СК. Выстраивая русскую историю в виде преемственности «Киев — Владимир — Москва», он мог испытывать влияние и иных памятников древнерусской литературы, например, агиографических, которые дополняли «политическую» составляющую идеи преемственности «церковной». Так, в этом вопросе наш книжник мог опираться на несомненно известное ему Житие митрополита Петра, написанное Киприаном. Жизнеописание Петра повествует о переезде киевского митрополита во Владимир-на-Клязьме и его близких отношениях с московским князем Иваном Калитой. В СК эти данные, а также известие о смерти киевского митрополита Максима во Владимире-на-Клязьме интерпретируются как свидетельство перехода «державства» из Киева во Владимир и Москву. На это прямо указывает написанное составителем СК предисловие к Житию Петра: упомянув о духовных подвигах русских первосвятителей, 3 гл. 10 ст. указывает на то, что «благоволи Богъ преити и утвердитися Киевьскои и Владимирьскои дръжавѣ въ боголюбивомъ градѣ Москвѣ, идѣже тогда дръжавьствова великии князь Иваннъ,

---

[246] Подробнее об использовании восходящего к «Слову» Илариона пассажа «Хвалит похвальными гласы Римская страна...» в памятниках древнерусской литературы см.: *Никольская А. Б.* «Слово» митрополита Киевского Илариона в позднейшей литературной традиции // Slavia. 1928/29. Roč. 7, Seš. 3. S. 557—563; Seš. 4. S. 853—855.

рекомыи Калита, по отци своемъ блаженномъ Даниилѣ Александровичѣ»[247].

Важным источником рассматриваемого представления могло явиться «Слово похвальное» Михаилу Черниговскому Льва Филолога (первая треть XVI в.), с которым создатель СК также был, несомненно, знаком. Труд сербского писателя содержит вполне однозначное указание на преемство Владимиро-Суздальской земли Киеву: «Сице преже от Киева начальство на Владимир преведе, таже и на Суздаль преложи... даже и до Ростова начяльственѣйшее владычества княжение преводя»[248]. Важно отметить, что сочинение Льва Филолога является единственным (во всяком случае, из известных автору настоящей работы) предшествующим СК памятником, в котором не только отмечается преемственность династическая и церковная, но и содержится идея переноса из Киева на Северо-Восток Руси «начальственейшего владычества княжения».

Оценивая степень влияния источников СК на исторические представления ее составителя по рассматриваемому вопросу, необходимо отметить следующее. «Сказание о князьях Владимирских» содержит лишь легенду о происхождении русских князей от «сродника» римского императора Августа Пруса, а также рассказ о получении киевским князем Владимиром Мономахом символов царской власти от византийского императора. Необходимо подчеркнуть, что непосредственное возведение Московского царства к Владимирскому великому княжеству и Древнерусскому государству в «Сказании», как указал А. А. Горский[249], **отсутствует**. Этот памятник, созданный в эпоху соперничества Русского государства и ВКЛ, акцентирует генеалогические аргументы, отстаивающие бóльшую древность и знатность династии московских государей по отношению к правителям Польши и Литвы[250]. Масштабной интерпретации русской истории «Сказание» не содержит. Отсутствует она и в цикле произведений, посвященных Владимирской иконе Богородицы, — в них наряду с чудесами, происходящими от образа, описывается лишь его перемещение из Киева во Владимир и позднее в Москву. Не фиксируется представление о перемещении верховной власти

[247] Степенная книга. Т. 1. С. 567.

[248] ВМЧ. Сентябрь. Дни 14—24. Стб. 1312.

[249] *Горский А. А.* Русь... С. 152.

[250] Подробнее см.: *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях Владимирских.

из Киева во Владимир и Москву как стержне русской истории и в «Слове о житии», Житии митрополита Петра, а также прочих известных нам памятниках древнерусской книжности. Идея политической преемственности представлена в «Слове похвальном» Михаилу Черниговскому Льва Филолога, но в нем она отнесена лишь к Киеву и Владимиру. Сказанное выше дает основания полагать, что интерпретация русской истории в целом в рамках преемственности «Киев — Владимир — Москва» впервые фиксируется лишь в СК, в которой наряду с генеалогической составляющей наследования Москвы Киеву содержится и указание на преемство московской «державы» киевской[251].

Необходимо отметить, что сходная идея содержится и в КИ. Ее автор вслед за описанием границ Казанского ханства в древности указывает на то, что «все то держава и область Киевская и Владимерская, по тѣхъ же ныне Московская»[252]. При этом, однако, необходимо отметить два момента. Во-первых, в КИ отсутствует интерпретация всей русской истории в виде перемещения центров власти над Русью от Киева к Владимиру и Москве. Во-вторых, КИ создавалась, по-видимому, независимо от СК в несколько более поздний период (согласно наиболее широко распространенному в литературе взгляду Г. З. Кунцевича, около 1564—1566 гг.). Таким образом, взгляд на прошлое Руси в рамках преемственности «Киев — Владимир — Москва» впервые фиксируется в СК.

В концентрированном виде периодизация русской истории представлена в концовке 8 ст., повествующей об Александре Невском:

«Родославнаго кореноплодиа, иже благочестно державъствующихъ въ Русьстѣи земьли, отъ блаженнаго Владимира наченши, пять степенеи въ градѣ Киевѣ сконьчашяся. Три же степени градъ Владимиръ стяжа. Девятыи же степень начяся въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ»[253].

Как прямо следует из этого фрагмента, правления Владимира Святославича, Ярослава Владимировича, Всеволода Ярославича, Владимира Мономаха, Юрия Долгорукого (1—5 ст.) принадлежат киевскому периоду; княжения Всеволода Юрьевича, Ярослава Всеволодовича и Александра Ярославича (6—8 ст.) —

---

[251] Степенная книга. Т. 1. С. 416—417, 450.

[252] ПСРЛ. Т. 19. Стб. 3.

[253] Степенная книга. Т. 1. С. 535.

владимирскому; «самодержство» русских государей начиная с Даниила Александровича (9—17 ст.) — московскому.

Представление о трехчастной структуре христианского периода русской истории пронизывает весь текст СК. Обращая внимание на первый центр власти над Русью — Киев, составитель вслед за летописцем отмечает, что этот город «наречеся мати всѣмъ градовомъ русьскимъ»[254]. При этом важно отметить, что, если в летописной записи под 6390 г. эти слова относятся к рассказу о вокняжении Олега в Киеве[255], то в 38 гл. 1 ст. они помещены в принципиально иной контекст. СК сообщает о том, что лишь после крещения в память об этом событии «преименитый Киевъ наречеся мати всѣмъ градовомъ русьскимъ» и при этом уточняет, что «не туне бо тако наречеся, но яко в немъ преже Русьская земля обновися благочестием», «в том же градѣ прьвие вся люди своя въ богоразумие приведе»[256]. Не исключая влияния содержащегося в, по-видимому, известном создателю СК «Азбуковнике» толкования термина «митрополия» («митрополи, матери градовом, по гречески митрополъ, а по руски болшии град над грады, аки мати всѣм градовом»[257]; подробнее вопрос о лексикографической источнике нами был разобран в третьей главе данной работы), зафиксируем смещение акцента в СК — в ней внимание читателя обращается, прежде всего, на связь «материнства» Киева с началом крещения Руси. Сказанное выше позволяет предположить, что, выстраивая вектор преемственности «Киев — Владимир — Москва», книжник сосредотачивает внимание читателя в первую очередь на месте «матери» русских городов в церковной истории Руси.

Обращая внимание на преемство Киеву Владимира-на-Клязьме, создатель СК отмечает политическое преобладание владимирских князей. Так, в 5 гл. 5 ст., повествующей о Юрии Долгоруком, указывается: «Христолюбивый же великий князь Георгий, аще и благостроино державьствова въ Киеве, но обаче киевское господоначальство оттоле и со благодатию уступаше тогда на градъ Владимеръ, последи же отъ Владимера на Москву». В 3 гл. 6 ст., сообщавшей об усобицах второй половины XII в., отмечается, что со времени Андрея Боголюбского «ки-

---

[254] Степенная книга. Т. 1. С. 295.

[255] В 4 гл. 1 ст., кратко повествующей о его правлении, это сообщение пропущено.

[256] Степенная книга. Т. 1. С. 295.

[257] *Ковтун Л. С.* Азбуковники... С. 224.

евьстии велиции князи подручни бяху владимирьскимъ самодръжцемъ»[258].

Не забывает писатель напомнить и о преемстве Москвы Владимиру и Киеву. Кратко характеризуя правление Даниила Александровича, он, прямо не говоря о наследовании Москвы Владимиру, отмечает, что «прьвоначалие русьскаго скипетродръжания безъ крамолы прикладашеся ему»[259]. Также составитель СК считает необходимым подготовить читателя к мысли о будущем величии Москвы уже в первых разделах памятника. Так, даже описывая события, имеющие весьма отдаленное отношение к Москве, он не упускает случая напомнить адресату своего труда о великом будущем этого города. Например, заканчивая 4 ст., повествующую о Владимире Мономахе, он отмечает, что теперь «пятыи степень начинается, иже есть начало Московьскому царствию»[260]. Описывая междоусобные войны середины XII в., ведущиеся за киевский стол, книжник в 3 гл. 5 ст. обращает внимание на первое летописное упоминание Москвы — города, «идѣже нынѣ благородное ихъ сѣмя царское преславно царствуютъ». Здесь же отмечается, что Юрий Долгорукий в «въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ» «обновлял... первоначальственое скипетродержание благочестивого царствия»[261].

Обобщая представленный выше материал, можно констатировать, что СК является **первым** памятником русской историографии, не только содержащим помещенную в историко-географический контекст периодизацию истории страны, дополняющую периодизацию по правлениям потомков Владимира, но и произведением исторической литературы, в котором определен вектор развития прошлого Руси (от одного центра к другому). Конечно, нельзя говорить о рождении идеи этой преемственности ex nihilo — как уже отмечалось выше, на ее оформление оказывал влияние целый ряд произведений древнерусской книжности, которые содержали отдельные идеи. Их, однако, составитель СК отлил в законченную форму преемственности «Киев — Владимир — Москва». Важно отметить, что присущие СК историко-географическая и генеалогическая линии преемственности русской истории представляют собой явление, которое

---

[258] Степенная книга. Т. 1. С. 450.
[259] Там же. С. 538.
[260] Там же. С. 411.
[261] Там же. С. 413.

не характерно для всех известных памятников исторической мысли средневековой Руси в предшествующий ее написанию период.

Основные сквозные темы

Составителя СК отличает стремление выстроить ряд тематических линий, в рамках которых группируются известия, относящиеся к различным по хронологии периодам русской истории. Рассмотрим их.

Пределы Руси в древнейший период

Исследователи, неоднократно обращая внимание на содержащийся в списке «Имен областей Русских» (7 гл. 1 ст.) перечень народов, подвластных древнерусским князьям, рассматривали его как попытку книжника выдвинуть претензии на земли соседей[262]. Оставляя в стороне вопрос о том, в какой степени этот фрагмент отражал внешнеполитические амбиции русского правительства XVI в. (он будет разобран ниже), обратим внимание на окончание текста этой главы. После перечисления соответствующих народов в ней указано на то, что «сии вси Руская бяше едина дръжава»[263].

Как указал Я. Пеленский[264], идея единства и могущества Русской земли в древности была также представлена и в КИ, которая, по-видимому, имела с СК общие источники[265]. 3 гл. КИ сообщает: «...изначала же и исперва едино царство бысть и едино государство, и едина держава и область Руская и поляне, и древляне, и новогородцы, и полочане, и волыняне, и подоле, — то все Русь едина, и единому великому князю служаху, тому же и дани даяху, и повиновахуся, Киевскому и Владимирскому»[266]. Есть основания полагать, что указания на единство «Русской державы» в древности в 7 гл. 1 ст., а также в КИ имеет ключевое значение при описании всей древнейшей истории восточных славян в памятниках историографии XVI столетия. Откуда же книжник этой поры мог почерпнуть представление о преде-

---

[262] Например, см.: *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 93; *Pelenski J.* 1) Russia and Kazan... P. 112, 117; 2) The Contest... P. 198.

[263] Степенная книга. Т. 1. С. 226.

[264] *Pelenski J.* Russia and Kazan... P. 112—113, 117—118.

[265] *Кунцевич Г. З.* История о Казанском царстве... С. 542.

[266] ПСРЛ. Т. 19. Стб. 5.

лах Руси, включавших в себя целый ряд народов в т. ч. и тех, которые, согласно летописным источникам, в состав «Русской державы» в древности не входили (чехи, литва, ляхи, лютичи, мазовшане, поморяне, угры)?

На наш взгляд, ответ на этот вопрос содержит текст «Слова о погибели Русской земли», которое было привлечено к созданию СК. Вероятно, в 7 гл. 1 ст. был использован содержащийся в «Слове» перечень соседей Руси. Во всяком случае, как уже было указано нашими предшественниками ранее, «Слово» было использовано в 1 гл. 7 ст., повествующей о князе Ярославе Всеволодовиче. В соответствии со своим источником, книжник в 7 ст. отмечает, что древнерусским князьям «присягаху и повиновахуся многия страны и дань даяху отъ моря и до моря» угры, чехи, ляхи, ятвяги, литва, «немцы», чудь, корелы, «обои болгары», буртасы, черкасы, мордва, черемисы[267]. При этом те народы, которые в «Слове о погибели Русской земли» представлены в качестве соседей Руси (чехи, ляхи, литва, угры, немцы и др.), в СК фигурируют в числе «Имен областей русских». Как отмечалось выше, есть основания полагать, что таким образом составитель памятника понял фрагмент своего источника. Несомненно, что отрывок «Слова», которое отделяло от СК несколько веков, содержал ряд историко-географических реалий, малопонятных для писателя XVI в.[268], тем самым предоставляя в его распоряжение целый веер возможных интерпретаций. Вряд ли можно говорить о непосредственном «отражении» политических амбиций московского правительства в СК в случае с помещением соседей Руси в число ее данников — важно отметить другое: именно такое толкование автору макарьевской поры казалось естественным.

Развивая представление об обширности и единстве «Русской державы» в древности, книжник соответствующим образом приводит и данные своих источников. Так, если Ник. и Воскр. вслед за описанием расселения древних славян сообщают о наличии у них племенных княжений (по крайней мере, у полян, древлян, полочан и словен), то создатель СК при перечислении славянских племен лишь ограничивается указанием на то, что у этих племен были «сильныя грады и многи велики области».

---

[267] Степенная книга. Т. 1. С. 487.

[268] О степени информированности книжника середины XVI в. свидетельствует рассмотренный выше случай толкования понятия «Деревская земля».

Как видим, он счел нужным опустить малейший намек на возможность полицентричного характера власти на Руси в предшествовавший призванию варягов период. Вероятно, этим стремлением обусловлен и лаконизм составителя СК относительно подчинения славянских племен первыми русскими князьями. Описывая княжение Олега, он фактически ограничивается упоминанием того, что тот «многыхъ окресныхъ одолѣ»[269]. В СК отсутствуют известия о подчинении им целого ряда славянских племен, в то время как летописные источники сообщают о покорении Олегом древлян и северян, а Воскр. и о завоевании радимичей. В текст памятника не вошли и летописные рассказы о подавлении Игорем Рюриковичем восстания древлян в начале своего правления, известия о подчинении им уличей, а также о присоединении его сыном Святославом вятичей. Кроме того, весьма кратко в СК сообщается о победе Владимира Святославича над вятичами и радимичами; не упомянута и победа его воеводы Волчьего Хвоста над радимичами[270]. В тексте 1 ст. отсутствует указание и на вторичное покорение вятичей (после смерти Святослава). Очевидно, эти пропуски обусловливались указанием списка «Имен областей русских» на то, что «Русская бяше едина держава» — если Русь была изначально едина, то отпадала надобность в описании действий первых князей-язычников по подчинению окрестных племен.

Составитель СК, следуя за своим другим источником, содержащим соответствующий пассаж, — «Словом похвальным» Михаилу Черниговскому Льва Филолога — обращает внимание читателя на утрату единства «Русской державы» вследствие «возрастания злобы» (междоусобных войн), а также под воздействием усилившихся «гордости», «зависти» и «неправды» «в Русьтей земьли, паче же во владующихъ». Согласно выраженному в СК взгляду, все это привело к тому, что «преторжеся царство Русское на многие части» (4 гл. 7 ст.)[271]. В связь с представлением о распадении единства Русской земли, о котором книжник прямо говорит в 7 ст. (т. е. применительно к середине XIII в.), можно поставить созвучие идеи другого источника СК — «Слова о погибели Русской земли» — о своего рода разрыве в течении русской истории в связи с монгольским нашествием.

---

[269] Степенная книга. Т. 1. С. 223.

[270] Там же. С. 237.

[271] Степенная книга. Т. 1. С. 493. Ср.: ВМЧ. Сентябрь. Дни 14—24. Стб. 1310—1311.

В последующих степенях писатель возвращается к идее единства «Русской державы», обращая внимание читателя на объединение Руси московскими князьями. При этом, однако, время «собирания» Руси в СК представлено несколько размыто. При описании деятельности московских государей в тексте произведения прямо не указывается на то, что тот или иной потомок Даниила объединил Русь. В то же время есть основания думать, что в СК объединение Руси под властью Москвы связывается с периодом между правлением Ивана Калиты и Дмитрия Ивановича. Так, в почерпнутом из рассказа о митрополите Петре пророчестве этого святителя Калите во 2 гл. 10 ст. содержалось предсказание о «распространении града сего [Москвы. — *А. У.*] паче иных градов»[272]. В 1 гл. 12 ст., повествующей о Дмитрии Ивановиче, упоминая Калиту, составитель, основываясь на данных «Слова о житии», именует последнего «собрателем Русской земли»[273]. В рассказе о Куликовской битве (7 гл. 12 ст.) уже прямо указывается на то, что «вся князи Руськиа земля, сущая под властию» Дмитрия Ивановича, который, в соответствии со «Словом о житии», именуется «господином» Русской земли, «царем и государем всей земли Русьскои», ее «держателем», а «великое княжество Русьское» его «отечеством» (11—13 гл. 12 ст.)[274]. При описании начала правления Василия I Дмитриевича 1 гл. 13 ст. прямо говорит об «отеческом наследии скипетродержания Русского царствия»[275].

Таким образом, как видим, в СК выстраивается и последовательно воплощается мысль об изначальном единстве, могуществе и «славе» Русской земли в древнейший период ее истории, которые она временно утратила вследствие междоусобных войн и монгольского нашествия и сумела восстановить лишь благодаря деятельности московских князей XIV в.

Древность русской Церкви

Особое внимание в произведении уделено истории русской Церкви. Как уже отмечалось выше, начало проникновения христианства на Русскую землю в СК связывается с посещением

---

[272] Степенная книга. Т. 1. С. 562.

[273] Там же. Т. 2. С. 47; ПСРЛ. Т. 6. С. 105.

[274] Степенная книга. Т. 2. С. 52, 60—61, 64. Ср.: ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. С. 105—111.

[275] Степенная книга. Т. 2. С. 71.

Руси апостолом Андреем, повествование о котором по своей подробности не имеет аналогов в памятниках древнерусской книжности. Стремясь обосновать древность церковной организации на Руси, книжник поместил в текст СК рассказ о крещении русских князей, почерпнутый из славяно-русского перевода «Окружного послания» патриарха Фотия (6 гл. 1 ст.)[276]. Важно подчеркнуть, что если в источнике данного рассказа фигурирует епископ, то в 6 гл. 1 ст. подчеркивается, что от патриарха Фотия Русская земля получила не одного епископа, а целую церковную организацию — митрополита и епископов. Так, если в «Окружном послании» читается «яко епископа и пастыря приати», то в 6 гл. 1 ст. «яко епископовъ и самого пастыря приашя святѣишаго митрополита»[277]. Как видим, составитель допустил два отклонения от текста своего источника — упоминание «епископа», который в «Окружном послании» упомянут в единственном числе, в СК во множественном, и уточняющее указание на пастыря как на «святейшего митрополита»[278].

По всей видимости, стремлением книжника подчеркнуть древность и авторитет русской Церкви обусловливалось и беспрецедентно подробное (в сравнении с данными иных произведений древнерусской письменности) изложение событий, связанных с крещением Руси. Последнее в СК представлено в качестве важнейшего события русской истории. Так, итоги реконструкции круга источников создателя СК убеждают в том, что при описании этого события он использовал наибольшее число источников в сравнении с каким-либо другим рассказом. Если о большинстве событий русской истории СК повествует на основе 1—2 источников (как правило, летописных или агиографических, которые могли дополнять друг друга), то при описании крещения Руси был привлечен целый ряд разножанровых памятников: Ник., Воскр., Поучение на память Владимира, «Слово о законе и благодати», Жития Константина Великого, Климента Римского, Ольги и Владимира, «Память и похвала» Иакова

---

[276] Степенная книга. Т. 1. С. 224—225.

[277] Ср.: Там же. С. 225; *Буланин Д. М.* «Окружное послание»... С. 52.

[278] Интересно, что вторая правка отразилась в древнейшем списке СК — Волк.: на л. 108 об. писец этого списка первоначально в основном тексте точно воспроизвел цитату из «Окружного послания», затем редактор на левом поле того же листа со знаком вставки вписал слова «святѣйшаго митрополита»; правка была учтена в последующих списках СК.

Мниха, вероятно, «Азбуковник» старшей редакции и т. д.[279] С той подробностью, которую только позволяли составителю СК его источники, он повествует о первых годах существования церковной организации на Руси. Так, в 1 ст. вводится пространный рассказ об установлении церковной десятины Владимиром (58 гл.)[280]. Для его создания наряду с Уставом Владимира, текст которого неоднократно помещался в летописях, было привлечено и «Правило о церковных людях», использование которого не характерно для памятников русской историографии. Как уже отмечалось нашими предшественниками, желанием книжника представить древность церковной организации на Руси обусловливалось и предпочтение версии рассказа о крещении Руси Ник. Эта летопись сообщает о крещении при патриархе Фотии, в то время как другие летописи имени современного Владимиру константинопольского патриарха не указывают (подробнее этот сюжет в СК будет рассмотрен ниже).

Повествуя об истории русской Церкви в последующий период, писатель обращает внимание читателя на избрание «советом» русских епископов двух митрополитов (Илариона и Климента Смолятича) уже в самом начале церковной жизни на Руси (4 гл. 2 ст. и 4 гл. 5 ст.). Как небезосновательно указывали исследователи, эти особенности описания Церкви в СК определялись стремлением ее создателя подчеркнуть древность церковной организации на Руси и факты, свидетельствующие о ее независимости от константинопольского патриархата. Очевидно, желанием составителя повысить авторитет русской митрополичьей кафедры и всей Церкви в целом обусловливалось и включение в текст СК Житий русских первосвятителей — Петра, Алексея и Ионы. Жизнеописание последнего имело особое значение — в нем обосновывалась легитимность установления автокефалии в России, которая оправдывалась вероотступничеством греков, заключивших Флорентийскую унию с «латинами» (19 гл. 14 ст.). Материал Жития Ионы, относящийся к рассказу о подписании Флорентийской унии, был включен и в жизнеописание Василия II, в котором особое внимание обращается на его верность православию (7 гл. 14 ст.). Вероятно, со стремле-

---

[279] Подробнее см.: *Околович Н. Ф.* Жития святых... С. 57—71; *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 97—101; *Усачев А. С.* Образ Владимира Святославича... С. 66—105.

[280] Степенная книга. Т. 1. С. 311—314.

нием повысить престиж русской митрополичьей кафедры может быть связана и четкая последовательность митрополитов, которая соблюдается в СК: по всей видимости, используя материал митрополичьих списков, ее составитель при первом упоминании каждого (!) митрополита обращает внимание читателя на его место (номер) в ряду русских первосвятителей.

Таким образом, есть основания присоединиться к уже высказанному ранее мнению о том, что особенности изображения истории русской Церкви в СК определялись стремлением книжника показать древность православия на Русской земле. При этом подчиненное положение русской Церкви по отношению к константинопольскому патриарху не акцентируется — более того, в памятнике подчеркиваются, во-первых, факты независимого от Византии поставления русских митрополитов (Илариона, Климента Смолятича и русских первосвятителей начиная с Ионы), во-вторых, отмечается нетвердость греческой Церкви в православии, выразившаяся в заключении Флорентийской унии. Зафиксированные выше особенности в изображении русской Церкви в СК самым тесным образом связаны с русско-греческими церковными отношениями первой половины—середины XVI в. Их отличал противоречивый характер: русская Церковь, с одной стороны, признавала авторитет константинопольского патриарха, с другой, подчеркивала свое право на автокефалию[281]. Важно отметить, что эта позиция составителя СК последовательно представлена во всем тексте произведения.

«Самовластие» новгородцев

В виде целостной линии в СК представлено «самовластие» новгородцев: изображение их мятежного нрава и мысль о неиз-

---

[281] О русско-греческих связях в этот период, см.: *Каптерев Н. Ф.* Характер... С. 26—33; *Каштанов С. М.* 1) Эволюция великокняжеского и царского титула в грамотах афонским монастырям XVI в. // Россия и христианский восток. Вып. 1. М., 1997. С. 105—134; 2) О взаимоотношениях правительства Ивана IV с Константинопольским патриархатом в 1557—1561 гг. // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI—XX вв.: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2005. С. 20—28; *Фонкич Б. Л.* Греческие рукописи и документы в России XIV—начала XVIII в. М., 2003. С. 373—376; Россия и греческий мир в XVI веке. Т. 1; *Bogatyrev S. N.* Reinventing the Russian Monarchy in the 1550s: Ivan the Terrible, the Dynasty, and the Church // The Slavonic and East European Review. 2007. Vol. 85, № 2. P. 282—293.

бежности их подчинения великим князьям проходит через весь ее текст.

Сообщая о приходе Рюрика в Новгород (3 гл. 1 ст.), книжник вкладывает в уста горожан «проречение» о прочности и долговечности власти новой династии, специально отметив, что «аще тогда и нечестиви бяху новогородцы, но обаче по проречению ихъ паче же благоволениемъ Божиимъ и донынѣ непременно царствуютъ ими отъ Рюрикова сѣмени благородное изращение»[282]. Составитель демонстрирует новгородское своеволие при описании Всеволода Псковского: основываясь на его Житии редакции Василия-Варлаама, он делает ряд летописных вставок в рассказ о нем, подчеркивая «самовластный» нрав новгородцев, изгнавших этого князя (9 гл. 5 ст.)[283]. Осуждающий новгородцев мотив пронизывает и рассказ о походе войск Андрея Боголюбского на этот город[284]. При этом писатель счел необходимым отметить, что спустя три столетия Иван III «самовльство ихъ упраздни, и бесчинныя ихъ съвѣты разори, и облада ими, якоже въсхотѣ» (13 тит. 12 гл. 6 ст.)[285]. Описание покорения постоянного очага сопротивления воле русских самодержцев занимает центральное место в 15 ст., посвященной жизнеописанию Ивана III (1—11 тит. 4 гл., 6—8 гл.).

Обратим внимание на созвучие мотива, осуждающего самовольство новгородцев, СК и ее источника — «Словес избранных». Последний указывал на то, что жители Новгорода, начиная со времен Владимира Святославича, «великыхъ государей князей держави на собѣ честно и грозно, а въ земли и въ воды не вступалися, ни пошлинъ господарьскыхъ у собе въ земли не таили», лишь при Иване III «тое старины все по грѣхомъ забыли»[286]. Отмечая несомненное влияние «Словес избранных» на осуждение новгородцев в СК, отметим, что в ней этот мотив наполняется дополнительными историческими аргументами, сви-

---

[282] Степенная книга. Т. 1. С. 222—223.

[283] Подробнее о редактировании этого рассказа в СК см.: *Охотникова В. И.* Житие Всеволода-Гавриила... С. 484—503; *Усачев А. С.* Источники... С. 287—291.

[284] Об особенностях представления этого сюжета в СК см.: *Дмитриев Л. А.* Житийные повести... С. 138—140; *Lenhoff G.* Novgorod's *Znamenie* Legend... С. 175—182.

[285] Степенная книга. Т. 1. С. 470.

[286] ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. С. 3.

детельствующими о мятежном нраве новгородцев уже начиная с Рюрика[287].

Соседи Руси

На основе своих источников книжник повествует о прошлом и настоящем Казани, соотнося Волжскую Болгарию с Казанским ханством. При этом внимание читателя обращается на многолетние войны русских государей с тюркским государством на Волге. Так, уже в 1 ст. отмечаются «лукавные обычаи» Волжских и Камских болгар, которые начиная с X в. «всегда мирныи завѣтъ раздрушаху и клятву свою преступаху». Далее в СК показано, что и в более поздний период болгары/казанцы «многа лѣта льстяше и лукавнующе, яко же обыкошя своимъ поганьскимъ обычаемъ, пронырьствено пребывающе и христианьству многу вражду и кровопролитие и плѣнъ съдѣвающе непрестаяху. Дондеже ревностию Божиею подвижеся на нихъ боговѣнчанныи царь и великии князь Иванъ Василиевичь, всея Русии самодръжець... и тои Божиимъ пособиемъ преславно побѣди ихъ, и все лукавьственое ихъ злохитрьство низложи, и вся поганьскиа ихъ съвѣты и коварьства разори, и грады и жилища ихъ разруши, и безчисленое множество плѣна христианьскаго свободи, и всѣмъ царствомъ Казаньскимъ и Блъгарьскимъ, иже по Волзѣ и по Камѣ, облада и до самого моря, и Азстороханьское царство взятъ» (55 гл. 1 ст.)[288].

Экскурс в историю Казанского ханства представлен в 15 гл. 17 ст., повествующей о взятии Астрахани. В нем подчеркивается, что «Казаньская земьля, иже преже Болгарская земля именовася, ея же отъ искони обладающе бяху рустии государи отъ перваго великаго князя Рюрика, дани емлюще по Волгѣ и до Хвалинскаго моря и по Камъ, тако же и Азъторохань, иже преже зовомъ бѣ Тьмутороханъ». Далее в СК отмечается, что после смерти Всеволода Юрьевича начались междоусобицы среди рус-

---

[287] Нельзя исключить влияния на описание новгородцев в СК и стихиры «Августу единовластельствующи на земли» (в русских нотированных рукописях эта стихира встречается начиная с XII в.), которая повествует об упразднении этим императором «многомятежного» своеволия и «многоначалия человеком». Во всяком случае, согласно Н. В. Рамазановой, этот фрагмент Стихираря оказывал влияние на сочинения Ивана Грозного, как известно, порицающего «многомятежное человеческое хотение» (см.: *Рамазанова Н. В.* Московское царство... С. 102—103, 330).

[288] Степенная книга. Т. 1. С. 308.

ских князей, которыми воспользовались «нечестивые цари», основав на Волге «Большую Орду Волжскую», совершавшую набеги на Русь. Все это привело к тому, что «рустии государи воеваху ихъ, яко измѣнниковъ, за ихъ неисправление» вплоть до правления Ивана IV, которому «предаде ихъ Богъ»[289].

Как неоднократно отмечалось в историографии, уже в источнике СК Ник. Волжская Болгария идентифицировалась с Казанью; сходным образом поступал и автор КИ[290], которая писалась, по-видимому, в период, близкий к созданию СК. Отождествление Астрахани и Тмуторокани также содержалось в летописном источнике СК (продолжении ЛНЦ)[291]. В сочетании с упоминаниями о подчинении Волжской Болгарии и Тмуторокани русским князьям эти соотнесения сообщали присоединению Казанского и Астраханского ханств характер возвращения московским государем «отчин» потомков Владимира. Это побуждает согласиться с мнением исследователей, отмечавших, что в данном случае речь может идти о выражении в СК обоснований русских присоединений на Волге[292].

Сходным образом дело обстоит и с описанием «немцев», населявших Ливонию. При рассмотрении изображения чуди в СК обращает на себя внимание очень краткое уточнение редактора древнейшего списка СК Волк. относительно этого племени. Правка выполнена в основанной на записи Ник. под 6498 г. 41 гл. 1 ст., которая сообщает о поставлении Владимиром городов и их населении представителями различных племен[293]. На верхнем поле л. 178 об. ркп., содержащей Волк., его редактор поместил вошедшую в рукописную традицию СК[294] вставку «иже суть нѣмци» между словами «и чюдью» и «вятичи» (в Ник. эти слова отсутствовали и текст читался «...и чюдью и вятичи...»). В результате вставки текст стал читаться по иному: «...и чюдью, иже суть нѣмци, и вятичи...». Данное уточнение может быть

---

[289] Степенная книга. Т. 2. С. 377.

[290] Например, см.: *Кунцевич Г. З.* История о Казанском царстве... С. 195; *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 101.

[291] ПСРЛ. Т. 13. С. 235—236.

[292] Например, см.: *K mpfer F.* Die Eroberung von Kasan 1552... S. 125, 141—144; *Pelenski J.* 1) Russia and Kazan... P. 7—20; 2) The Contest... P. 194, 197—198.

[293] Степенная книга. Т. 1. С. 298; ПСРЛ. Т. 9. С. 58; *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 99.

[294] Волк. Л. 178 об.; Томск. Л. 128 об.; Чуд. Л. 132 об.

связано с упоминанием о подчинении чуди еще киевскому князю Ярославу Владимировичу в 18 гл. 17 ст. В ней описанию событий начала Ливонской войны предшествует указание на то, что «земля Ливонская... въ древняя же лѣта земля та зовома Чюдьци, идеже великии князь Ярославъ Владимиричь и градъ созда въ свое имя Юрьевъ, и многи святыя церкви постави. И тамо бяху епископи православни, иже подлежаху Рустеи митрополии»[295]. По-видимому, источником соотнесения чуди с «немцами», а Чудской земли с территорией Ливонского ордена послужило соответствующее сообщение летописного источника СК (вероятно, источника Свода 1560 г.). Под 7068 г. он приводит речь А. Ф. Адашева и И. М. Висковатого литовским послам: «Ливонская земля изначала государей нашихъ даньщины, отъ великого князя Ярослава Владимировича и по се время, и коли проступятъ, и государи наши ихъ казнятъ»[296]. Нельзя не заметить, что составитель СК данное утверждение русских дипломатов наполняет конкретным историческим материалом, связывая чудь с «немцами», а подчинение Чудской земли/Ливонии с основанием Ярославом Владимировичем Юрьева[297]. Указание на приход «богомерзких немцев», поначалу плативших дань «русским государем к Великому Новуграду», а затем «брань супротивную» и «пакости» «воздвигавших» русским северо-западным землям, служит завершающим штрихом к картине прошлого Ливонии. Последняя, таким образом, вполне однозначно рассматривается как «отчина» русских государей — потомков Ярослава[298].

* * *

Обобщая итоги проведенного выше анализа, можно отметить, что в памятнике фиксируется ряд сквозных тем, тесно связанных с реалиями середины XVI в. Книжник представляет в СК явления прошлого в их развитии, которое направлено

---

[295] См.: Степенная книга. Т. 2. С. 380—381.

[296] Цит. по: ПСРЛ. Т. 20, ч. 2. С. 620.

[297] Вполне вероятно, что именно Юрьеву особое внимание книжник уделил в силу того, что поводом к началу Ливонской войны послужила многолетняя задержка выплаты т. н. «Юрьевской дани», которую магистр Ливонского ордена обязался выплачивать Ивану III в 1503 г. Подробнее см.: *Хорошкевич А. Л.* Россия... С. 197—201.

[298] Степенная книга. Т. 2. С. 381.

к тому или иному итогу, хорошо известному читателю, — присоединение «отчин» древнерусских князей, подчинение московским государям непокорного воле «державных» Новгорода, древность и независимость от Константинополя русской Церкви. Как видим, составителя СК отличает стремление показать исторические корни того или иного явления русской истории (губительного новгородского «самовластия», древности русской Церкви и т. д.), доведя их рассмотрение до той хронологической глубины, на которую только распространялись данные его источников. Хотя отдельные представленные в СК историко-политические идеи сходным образом читаются и в ряде других исторических трудов, обращает на себя внимание то, что этот писатель впервые последовательно через весь текст произведения протягивает ряд нитей из древнерусского прошлого в Россию времени Ивана IV. Это, по сути, делало условной границу между прошлым и настоящим, побуждая читателя рассматривать Древнюю Русь и Русь Московскую в виде целостного пространственно-временного феномена, спаянного единством территории, династии и ключевых явлений. Среди современных СК памятников, подобное стремление отличает лишь автора КИ, о датировке которой, впрочем, как отмечалось выше, ведутся споры[299]. Однако если в КИ развита лишь одна «линия» — генетической связи противников владимирских князей, волжских болгар, с противостоящим России Казанским ханством, то в СК фиксируется ряд таких линий, которые затрагивают не только внешнюю политику. Это в свою очередь дает основания выделять СК в ряду прочих предшествующих и современных ей исторических трудов.

5.5. Итоги

Итак, подведем итоги. Какие же особенности характерны для СК как памятника исторической мысли?

1. Одной из самых ярких черт, которая выделяет СК в ряду предшествующих и современных ей произведений, является ее название. В нем выражен общий взгляд на русскую историю, изображенную в виде яркого образа лестницы, восходящей к Богу, а также представлены основания для изложения исторического материала по правлениям государей. Новой для па-

[299] Подробнее см. Примеч. 64 к тексту данной главы.

мятников русской историографии является и периодизация прошлого по правлениям «самодержцев». При этом отметим, что жизнеописания русских государей сгруппированы в рамках трех больших периодов — киевского, владимирского и московского.

2. Среди произведений предшествующей и современной ей литературы СК выделяется оригинальностью своей композиции. Отказываясь от свойственной русскому летописанию формы изображения событий прошлого в виде погодных записей, ее составитель представляет их в рамках степеней/граней-житий Владимира и его потомков. По всей видимости, данный композиционный прием был связан с чертами, присущими житийной литературе, с которой создатель СК, сам являясь агиографом, был хорошо знаком. Следуя традициям русской агиографии, книжник обнаруживает ярко выраженное стремление к идеализации главных героев житий-степеней; этим, по-видимому, и обусловливался пропуск известий, плохо согласующихся с их портретами, выдержанными в агиографических тонах (об их участии в междоусобных войнах и т. д.). Важно отметить, что писатель, не ограничиваясь группировкой материала о прошлом жизнеописаниями правителей, дробит их на главы, крупнейшие из которых подразделяются на титла. Деление текста на грани/титла фиксируется в Кормчих книгах и Хронографе («Гранографе»), а деление на главы характерно для Хр. 1512, Воскр. и КИ. При этом, однако, заметим, что СК является первым памятником исторической мысли средневековой Руси, где присущее произведениям исторической литературы разделение материала соединено с традициями агиографии, в которой материал группируется в рамках житий святых. Также обратим внимание на то, что если в Хр. 1512 и Воскр. деление на главы лишь **дополняет** деление на погодные записи, то в СК оно его **вытесняет**.

3. Отказываясь от погодной формы изложения материала, значительно облегчавшей поиск соответствующих сведений, составитель СК последовательно во всех разделах памятника оказывал посильную помощь читателю в освоении его текста. Так, кроме деления его на степени, главы и титла, которое, несомненно, облегчало знакомство с СК, он насыщает его нехарактерными для предшествующих произведений внутритекстовыми ссылками, сообщавшими читателю о разделах, в которые была помещена информация, способная его заинтересовать. Также писатель, следуя тенденции, намеченной еще его источниками (Ник. и др.), поясняет адресату своего труда значение целого ряда терминов, которые, по его мнению, могли вызвать

у него затруднения (при этом толкования источников СК дополнялись и расширялись, увязывая далекое прошлое Руси с реалиями середины XVI в.).

4. Рассматривая СК на фоне других произведений, зафиксируем, что при ее написании был использован массив источников, который по своему объему несвойственен для прочих памятников русской исторической мысли рассматриваемой эпохи. С одной стороны, это обусловливалось следованием книжником тенденции, намеченной в предшествующих СК трудах — Хр. 1512, Ник., КИ и т. д., к написанию которых наряду с летописными все чаще привлекались и иные виды источников (агиографические и др.). С другой стороны, желая воссоздать прошлое Руси с максимальной полнотой, а также представить исчерпывающую сводку сведений прославляющего потомков Владимира характера, составитель привлек едва ли не все известные в середине XVI в. произведения, содержащие соответствующие данные (особенно ярко это его стремление проявилось при изображении древнейшего периода русской истории).

5. Анализируя общие представления книжника о прошлом, зафиксируем тенденцию к усилению в тексте СК связи случаев непосредственного вмешательства Бога в события прошлого с описанием чудес-знамений. Последние рассматривались как зримое выражение участия Создателя в историческом процессе. Именно этим обусловлено несравнимое ни с одним памятником русской историографии более раннего времени внимание составителя СК к знамениям. Если создатели предшествующих СК исторических трудов (прежде всего, летописей) фиксировали знамения, лишь иногда сопоставляя их с теми или иными событиями прошлого, то наш книжник напрямую связывает их с осуществлением Божественного замысла. Достигалось это посредством включения пространных авторских толкований знамений, которые самым тесным образом связывали Русскую землю в ее прошлом и настоящем с Богом. Вероятно, данная особенность представления истории в СК может быть связана с отраженной в ряде предшествующих ей памятников хронографии манерой изображения прошлого. Для нее характерно наличие рассказов, в которых в ряде случаев фиксируется непосредственная связь между поступками персонажей и вмешательством Бога в исторический процесс (например, наказание за неправедные деяния). В СК данный прием изложения впервые применен к материалу всей русской истории.

Большой интерес вызывают особенности представления в рассматриваемом сочинении всемирной и русской истории.

6. Можно выделить две тенденции в изображении событий и отдельных персонажей мировой истории в СК. Первая связана с отношением книжника к событиям Священной истории, т. е. с тем контекстом, в который древнерусские писатели традиционно помещали прошлое Руси, сопоставляя отдельные его явления и героев с соответствующими в св. Писании. Вместе с тем в памятнике явственно фиксируется и иная тенденция — тенденция к осуждению целого ряда персонажей всемирной истории (прежде всего, наследников ветхозаветного патриарха Авраама и первого императора-христианина Константина Великого), которые под влиянием ересей не сумели сохранить истинной веры. На этом фоне составитель СК обращает внимание читателя на верность православию **всех** потомков Владимира. Важно отметить, что осуждающий византийцев мотив созвучен целому ряду полемических сочинений, созданных по случаю заключения Флорентийской унии. Книжник развивает этот мотив, иллюстрируя его примерами, почерпнутыми из Жития митрополита Ионы третьей редакции, содержащего наиболее полную (среди русских памятников середины XVI в.) картину вероотступничества греков в Ферраре и Флоренции.

7. Представленный в СК общеисторический фон самым тесным образом связан с особенностями изображения в ней русской истории. Особое внимание уделено ее началу. Это обусловливалось уже отмеченным в историографии стремлением книжника подчеркнуть древность и славу «русского имени» еще в языческий период, в который изначально единая и могущественная «Русская держава» внушала трепет соседям. Так, внимание читателя СК обращается на то, что еще до принятия крещения от Византии, связи с которой в памятнике не акцентируются, в языческий период («отъ древних лѣтъ и временъ») «Руская земля многа и велика пространством и неисчетна сильна воиньствомъ». Стремясь связать начало христианизации страны с апостольскими временами и тем самым снижая роль Византии в крещении Руси, писатель вводит в текст СК беспрецедентный по своему объему для произведений древнерусской книжности рассказ о приходе на Русь апостола Андрея.

8. В отличие от произведений предшествующей литературы, составитель СК намечает вполне отчетливый историко-географический вектор движения русской истории: ее путь пролегает от Киева к Владимиру-на-Клязьме и к Москве. При этом вряд

ли является случайным совпадение направления движения русской истории и маршрут главной святыни Русской земли — Владимирской иконы Богородицы — который представлен в цикле посвященных ей памятников. Вполне вероятно влияние на нашего книжника в данном вопросе и других произведений древнерусской литературы («Сказания о князьях Владимирских», «Слова похвального» Михаилу Черниговскому Льва Филолога и др.). Вместе с тем зафиксируем, что СК представляет собой первый памятник русской историографии, в котором прошлое страны в целом, а не только судьба династии или особо почитаемой иконы, представлено в рамках преемственности «Киев — Владимир — Москва».

9. К числу особенностей изображения прошлого в СК, которые, вероятно, могут быть связаны с манерой представления истории в виде связных рассказов, свойственной ряду памятников хронографии, можно отнести проведение через весь текст произведения ряда важных сквозных тем: губительности новгородского «самовластия», изначального единства и могущества «Русской державы», древности русской Церкви, коренящихся в далеком прошлом прав русских «самодержцев» на Казань, Астрахань и Ливонию. По всей видимости, писатель стремился показать соответствующее явление в его динамике, с одной стороны, относя его начало к той хронологической глубине, которую только позволяли ему его источники, с другой, подводя своего рода итог развитию той или иной «линии» — упразднение вольностей новгородцев Иваном III, присоединение Казани, Астрахани и значительной части Ливонии Иваном IV. С одной стороны, показывая исторические корни того или иного явления, с другой, обращая внимание на его развитие в последующие периоды (вплоть до современной ему поры), составитель СК демонстрировал читателю единство явлений русской истории и тем самым побуждал его рассматривать древнерусский и московский периоды русской истории как единое целое, связанное множеством нитей.

10. Характеризуя исторические взгляды нашего книжника в целом, обратим особое внимание на его оптимистический взгляд как на прошлое, так на настоящее и будущее страны. Этот взгляд выделяет памятник среди представлений о судьбе России создателей других современных ему произведений. Так, согласно наблюдениям А. В. Каравашкина, в ряде трудов, созданных в середине—третьей четверти XVI в., идеальный образ Русского царства последовательно помещался в будущее (в сочи-

нениях И. С. Пересветова), в настоящее (в посланиях Ивана Грозного) и прошлое (в ИВКМ А. М. Курбского)[300]. Обращаясь же к СК, мы обнаруживаем, что главные герои русской истории — добродетельные предки Ивана IV — своими «многообразными подвиги, яко златыми степенми на небо восходную лѣствицу непоколеблемо водрузиша, по ней же невозбраненъ къ Богу восходъ утвердиша **сѣбе же и сущимъ по нихъ»**. Тем самым составитель СК не оставлял ни малейших сомнений относительно направления развития **всей** русской истории, неуклонно движущейся по пути, ведущему к Спасению[301].

Отмеченные выше особенности СК как исторического сочинения дают основания заключить, что ее своеобразие определялось развитием в ней целого ряда тенденций, представленных в предшествующих и современных ей памятниках древнерусской книжности. При этом вряд ли можно говорить о каком-либо одном источнике (или об их узкой группе), который оказал определяющее влияние на СК, вобравшую в себя в переосмысленном виде материал едва ли не всех крупнейших произведений русских писателей XI—середины XVI в. Так, значение Ник. как основного летописного источника бесспорно; также очевидно воздействие этой летописи на представление составителя СК о проходящем через всю русскую историю сотрудничестве русских государей и первосвятителей (об этом ниже). Вместе с тем нельзя не отметить влияние характерных для памятников хронографической литературы приемов изложения событий прошлого, которое представлено в виде связных рассказов, имеющих порой поучительный характер. Отчетливо в СК прослеживается и связь с агиографической традицией, которую невозможно ограничить заимствованиями из какого-либо одного или нескольких конкретных житий. Несмотря на отсутствие текстуальных параллелей, следует отметить и воздействие явственно

---

[300] Об исторических взглядах этих мыслителей подробнее см.: *Каравашкин А. В.* Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М., 2000.

[301] Заключая рассмотрение особенностей представления в СК истории Руси, неуклонно восходящей к Богу, приведем слова, хотя и сказанные почти три столетия спустя составления изучаемого памятника и по другому поводу, но, как кажется, весьма отчетливо характеризующие общий взгляд книжника на прошлое страны: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно. Что же касается будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение». Цит. по: Очерки истории исторической науки в СССР. Ч. 1. М., 1955. С. 318 (слова А. Х. Бенкендорфа).

представленного в СК осуждающего греков мотива, который может быть связан с полемическими сочинениями, начинающими появляться после заключения Флорентийской унии. Лишь рассмотрение совокупности летописных, хронографических, агиографических и иных памятников дает возможность наметить те нити, из которых была соткана ткань композиции СК, не имеющая аналогов.

Суммируя итоги рассмотрения СК как произведения исторической мысли средневековой Руси, можно отметить, что ее своеобразие проявилось не только в новизне представленных в ее тексте идей. Как было показано выше, основываясь на трудах своих предшественников, ее составитель развивал содержащиеся в них идеи, наполняя их конкретно-историческим содержанием на материале всей русской истории. В то же время отметим, что идея династической преемственности власти над Русью добродетельных потомков Владимира, проходящая красной нитью через весь текст СК, определила ту форму, которую избрал книжник для представления картины прошлого читателю. Если источники отдельных свойственных СК идей могут быть связаны с конкретными группами произведений (например, осуждающий греков мотив — с сочинениями, созданными в связи с заключением Флорентийской унии), то композиционное своеобразие СК не находит аналогов в памятниках предшествующей ей исторической литературы.

Сказанное выше заставляет зафиксировать парадоксальный факт: представляющая собой новый этап в осмыслении прошлого в средневековой Руси СК была написана не, пожалуй, самым эрудированным книжником эпохи русского Средневековья (Максимом Греком[302]); не князем-эмигрантом, сочетавшим навыки писательского мастерства, полученные в «Академии» Максима Грека и в Польско-Литовском государстве (А. М. Курбским[303]); не успевшим послужить нескольким монархам Центральной и

---

[302] Подробнее о книжной деятельности Максима Грека см.: *Иванов А. И.* Литературное наследие...; *Синицына Н. В.* Максим Грек...; *Буланин Д. М.* Переводы и послания Максима Грека...

[303] О литературной деятельности А. М. Курбского подробнее см.: *Лихачев Д. С.* Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского (царь и «государев изменник») // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 183—213; *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный... С. 147—210; *Каравашкин А. В.* Русская средневековая публицистика... С. 299—400. О влиянии на А. М. Курбского-писателя традиций европейского

Восточной Европы «воинником»-публицистом (И. С. Пересветовым[304]) и даже не самым известным русским литератором второй половины XVI в. (Иваном IV), который по своему положению мог себе позволить пренебречь сложившимся каноном[305], — СК создавалась под руководством вполне «обычного» книжника, который, по всей видимости, пределов Русской земли никогда не покидал, непосредственное знакомство которого с памятниками и традициями античной, византийской и тем более западноевропейской историографии весьма сомнительно[306]. Объяснение этого парадокса, очевидно, следует искать не только в личных способностях составителя СК, но и в той литературной атмосфере, которая царила в древнерусской книжности времени митрополита Макария. Материал, позволяющий по крайней мере отчасти прояснить характерные черты этого феномена, будет представлен в следующей главе.

гуманизма см.: *Freydank D.* A. M. Kurbskij und die Theorie der antiken Historiographie... S. 57—77; *Ерусалимский К. Ю.* Андрей Курбский как ренессансный историк. С. 181—226. Скептический взгляд на европейский уровень образованности А. М. Курбского недавно представил Э. Кинан (см.: *Keenan E.* Was Andrei Kurbskii a Renaissance Intelectual? Some Marginal Notes on a Central Issue // Harvard Ukrainian Studies. 2004—2005. Vol. 27, № 1—4. P. 25—31).

[304] Последняя обобщающая характеристика И. С. Пересветова как писателя представлена в монографии А. В. Каравашкина, см.: *Каравашкин А. В.* Русская средневековая публицистика... С. 27—126 (там же приведена основная литература).

[305] Подробнее о писательской манере Ивана IV см.: *Лихачев Д. С.* Стиль... С. 183—213; *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный... С. 218—235; *Каравашкин А. В.* Русская средневековая публицистика... С. 127—298.

[306] В связь с этим необходимо поставить и то, что, как уже отмечалось в историографии, труды европейских философов и историков до начала XVIII в. были почти неизвестны в России; мало известны они были и в XVII в., не говоря уже о времени написания СК. См.: *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. С. 418; *Комиссаренко А. И.* Европейская философия Нового времени и становление русской исторической науки (вторая половина XVII—первая половина XVIII века) // История и философия отечественной исторической науки. Учебное пособие. М., 2006. С. 50. Принимая во внимание это обстоятельство, М. А. Алпатов трансформацию исторических знаний в историческую науку склонен относить к периоду, последовавшему за петровскими реформами (см.: *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа: XVII—первая четверть XVIII века. С. 3—8).

Глава 6

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ СОСТАВИТЕЛЯ

Рассмотрение отраженных в СК политических взглядов представляет особый интерес для изучения как этого памятника, так и древнерусской книжности макарьевской поры в целом. Их значимость для исследователя эпохи Ивана Грозного определяется происхождением произведения, которое, с одной стороны, составлялось ближайшим к Ивану IV лицом — его личным духовником, входившим в круг писателей митрополита Макария, с другой, временем написания СК, созданной в самый канун опричнины. Какие же политические взгляды характерны для духовника Ивана Грозного, который в переломный момент русской истории — 1564—1566 гг. — займет митрополичью кафедру?

Перед тем как приступить к ответу на этот вопрос, сделаем ряд предварительных замечаний.

Как было показано в первой главе, политические взгляды составителя СК так или иначе рассматривались в обобщающих трудах по истории древнерусской политической мысли (М. А. Дьяконова, В. Е. Вальденберга, В. Д. Сокольского, И. У. Будовница, А. А. Зимина и др.) и в исследованиях, специально посвященных данному памятнику (В. В. Кускова, Д. Миллера, Н. Н. Покровского, У. Барнетта, Г. Ленхофф, А. В. Сиренова). В этих работах был выявлен ряд важных идей, присущих СК: симфония светской и духовной властей, добродетельность представителей управляющего Русью княжеского рода, божественное происхождение их власти и т. д.

Итоги анализа накопленного в историографии материала побуждают обратить внимание на следующие особенности, свойственные изучению нашими предшественниками представлен-

ных в СК политических взглядов. Прежде всего, следует отметить сравнительно слабо выраженный в обобщающих работах по истории русской политической мысли интерес к СК. Их авторы свои суждения основывали на сочинениях Иосифа Волоцкого, Максима Грека, Ивана Пересветова, Федора Карпова, Ивана Грозного, Андрея Курбского, лишь изредка привлекая материал СК. Есть основания полагать, что это обусловливалось двумя причинами. С одной стороны, политические взгляды в СК следует вычленять из описания в ней прошлого Руси IX—середины XVI в.; это связано с целым рядом источниковедческих трудностей (определение источников памятника, особенностей их редактирования составителем и т. д.). С другой стороны, СК отличается весьма значительным объемом, который несравним даже с такими крупными трактатами как Первое послание Грозного А. М. Курбскому или ИВКМ[1]. Как нетрудно заметить, сопряженное с решением целого ряда источниковедческих проблем вычленение политических взглядов из ее текста требует значительно бóльших усилий, чем анализ менее объемных произведений. Судя по всему, этим и обусловливалось то, что в обобщающих трудах по истории политической мысли в средневековой Руси либо об СК делались лишь отдельные, хотя порой и весьма важные, замечания, либо она не упоминалась вообще[2].

Особый интерес авторов работ, специально посвященных СК, вызывали источниковедческие аспекты ее изучения — прежде

---

[1] Например, если объем текста СК в издании 2007—2008 гг. составляет 848 страниц, то объем «Глав поучительных начальствующим правоверно» (основного политического трактата Максима Грека) — 28, Первого послания Ивана IV А. М. Курбскому (Пространная редакция) — 41, ИВКМ А. М. Курбского — 97 (по изданию Г. З. Кунцевича 1914 г.; страницы подразделяются на два столбца), сочинений И. С. Пересветова (Полная редакция по Музейскому списку) — 62 страницы.

[2] Последнее характерно для целого ряда обобщающих трудов по истории политической мысли средневековой Руси, см.: *Савва В.* Московские цари и византийские василевсы: к вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901; *Сальников Ю. Ф.* Основные направления русской политической мысли конца XV—XVI в.: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1956; *Гольдберг А. Л.* Историко-политические идеи русской книжности XV—XVII веков // ИСССР. 1975. № 4. С. 60—77; *Золотухина Н. М.* Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М., 1985; *Синицына Н. В.* Третий Рим...; *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998; *Стадников А. В.* Государство, церковь и общество в русских политических и правовых учениях второй половины XIV—середины XVII вв. М., 2006.

всего, вопросы, связанные с изучением ее рукописной традиции, датировки, авторства, реконструкцией круга источников, определением особенностей изображения отдельных периодов, событий или персонажей русской и всемирной истории. Это, с одной стороны, не давало возможности исследователям сосредоточить внимание на изучении исключительно политических взглядов составителя СК, с другой, создавало фактический фундамент для проведения этой работы в будущем.

Сказанное выше побуждает констатировать, что в историографии СК был сделан ряд весьма ценных наблюдений относительно представленных в ней политических взглядов. При этом важно зафиксировать, что их комплексное изучение в настоящее время отсутствует. Попытка восполнить этот пробел и будет предпринята ниже.

Для удобства изложения материала мы выделим ряд тематических блоков: Церковь, знать, образ правителя. Итоги их рассмотрения, как мы предполагаем, дадут возможность составить представление о политических взглядах составителя СК. Затем на основе обобщения представленного материала будет предпринята попытка прояснить вопрос об адресате и цели написания памятника. Не считая необходимым сводить изучение присущих СК политических взглядов исключительно к повторению и дополнению наблюдений наших предшественников, выявивших ее основные политические идеи, ниже свое внимание мы сосредоточим прежде всего на рассмотрении того контекста, в котором формировалось «политическое богословие» (термин Г. Ленхофф) нашего книжника. Это даст возможность представить важнейшие политические идеи средневековой Руси, характерные для СК, в их динамике и тем самым позволит связать ее с традициями древнерусской политической мысли, присущими предшествующим и современным ей памятникам.

6.1. Церковь

«Церковный» характер СК, которая наряду с биографиями правителей содержит и жизнеописания ряда церковных иерархов, уже неоднократно отмечался в историографии[3]. Описание

[3] Например, см.: *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 236, примеч. 3; *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 107; *Шмидт С. О.* Митрополит Макарий и правительственная деятельность его времени // *Шмидт С. О.*

Церкви, действительно, занимает видное место в СК. В немалой степени это обусловливается происхождением произведения, которое создавалось по инициативе митрополита Макария, вероятно, писателем его круга Андреем-Афанасием, впоследствии также митрополитом. В то же время сам характер СК — прежде всего, ее структура (группировка материала по степеням, которые посвящены описанию того или иного предка Ивана IV), а также название — Книга Степенная **царского родословия** — свидетельствуют о том, что в центр повествования помещены именно князья. Какое же место в памятнике занимает изображение Церкви и каковы основные тенденции в ее описании?

История русской Церкви

Приступая к ответу на этот вопрос, обратим внимание на последовательно проводимое в тексте СК стремление книжника сообщить истории церковной организации на Русской земле такую древность, какую только позволяли его источники. Это отразилось в целом ряде рассказов, помещенных в СК.

В произведении прослеживается желание его составителя связать появление церковной организации с константинопольским патриархом Фотием. Как было показано выше, в основу 6 гл. 1 ст. был положен отрывок из славяно-русского перевода «Окружного послания» Фотия, которое сообщает о крещении Руси при этом патриархе и о послании на Русь епископа. Этот фрагмент при включении в СК подвергся правке. В результате рассказ стал читаться по-иному: согласно представленному в памятнике взгляду, от патриарха Фотия Русская земля получила не одного епископа, а целую церковную организацию — митрополита и епископов.

Об особом интересе к Фотию, проявленном в СК, свидетельствует и выбор версии крещения, а также описания начала уже христианской истории Руси. Летописные источники памятника — Ник. и Воскр. — давали два варианта рассказа о принятии христианства Владимиром: Ник. сообщает о браке киевского князя с сестрой византийских императоров Анной, его возвращении с митрополитом Михаилом и корсунскими «презвитерами» в Киев, в то время как Воскр. кратко указывает лишь на взятие им с собой безымянной царевны и корсунских «по-

---

Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 244 (цит. по последнему изданию статьи); *Филюшкин А. И.* Модель «царства»... С. 270.

пов»[4]. В основу сюжета о крещении Владимира, как уже отмечалось в историографии, положена Ник.[5], хотя в ряде случаев ее текст дополнялся сведениями Воскр. Отметим, что в СК в связи с крещением Владимира фигурирует Фотий, бывший константинопольским патриархом в 858—867 и 877—886 гг., который, согласно помещенному в памятник Житию Ольги[6], крестил еще бабку князя. Чем объясняется воистину удивительное долголетие этого иерарха на страницах СК?

Итоги рассмотрения источников 1 ст. показывают, что в них содержатся два имени константинопольского патриарха, при котором произошло крещение Русской земли. Если Ник. сообщает о патриархе Фотии, то Поучение на память Владимира повествует о Николае Хрисоверге[7], который являлся константинопольским патриархом в 983—996 гг., т. е. в момент крещения Руси. Таким образом, составитель СК мог выбирать. Свое предпочтение он отдал патриарху Фотию. Этот выбор, очевидно, обусловливался стремлением книжника скрепить Ольгу и Владимира дополнительными узами, связав крещение первой русской христианки и ее равноапостольного внука с именем знаменитого константинопольского патриарха, произведения которого привлекались при создании памятника[8].

Упоминание о крещении Руси патриархом Фотием было далеко не единственным случаем предпочтения более пространной версии Ник. в 1 ст. Пожалуй, наиболее значимым для рассмотрения особенностей изображения истории Церкви в СК является заимствование версии Ник. о приходе на Русь митрополита Михаила[9]. Таким образом, в СК крещение Руси связывалось не с некими безымянными «попами корсунскими» (как в Воскр.[10]), а с вполне конкретным митрополитом. В соответствии с Ник., от Михаила книжник начинает счет русским перво-

---

[4] ПСРЛ Т. 9. С. 56—57; Т. 7. С. 310.

[5] *Державин Н. С.* «Степенная книга»... С. 63; *Околович Н. Ф.* Жития святых... С. 63—67; *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 98.

[6] Степенная книга. Т. 1. С. 161, 188; ОР РГБ. Ф. 98. № 124. Л. 318 об., 344.

[7] ПСРЛ. Т. 9. С. 57, 64; *Усачев А. С.* Из истории... С. 41. Воскр., повествуя о крещении, вообще не упоминает имени константинопольского патриарха.

[8] Об использовании в СК сочинений патриарха Фотия см.: *Околович Н. Ф.* Жития святых... С. 53; *Буланин Д. М.* Переводы и послания Максима Грека... С. 85, примеч. 18; *Турилов А. А.* Древнейшая история... С. 50.

[9] ПСРЛ. Т. 9. С. 57.

[10] ПСРЛ. Т. 7. С. 310.

святителям. Восходит к Ник. и 51 гл. 1 ст. («Поставление епископовъ во градехъ»)[11], которая дает наиболее подробный рассказ о назначении преемником Михаила Леонтом епископов по русским городам[12].

Следует отметить еще одну черту, которая присуща рассказу СК об учреждении церковной организации на Руси. Стремясь подчеркнуть значение этого события, составитель памятника значительно расширяет летописный рассказ. Так, в соответствии с Ник. сообщая о возвращении Владимира в Киев, он, как отметил Н. Ф. Околович[13], дополняет это краткое известие выдержкой из Жития Климента Римского (35 гл. 1 ст.). Согласно версии СК, мощи этого святого Владимир, подобно Моисею, взявшему кости Иосифа при выведении евреев из египетского рабства, взял с собой на Русь, выводя «новый Израиль, державу царствия своего, отъ работы кумиробесия»[14]. Примечательно, что киевский князь берет с собой мощи именно первокрестителя Херсонеса, в котором сам Владимир принял крещение. Как уже было отмечено выше, в СК текст Жития передается с большими сокращениями — в 35 гл. переданы, очевидно, лишь важнейшие (с точки зрения книжника середины XVI в.) эпизоды из жизни Климента: заточение в Херсонесе императором-язычником Траяном, его миссионерская деятельность в изгнании, разрушение языческих храмов и посмертные чудеса[15]. Все эти дополнения к краткому летописному известию о перенесении мощей св. Климента понадобились составителю, вероятно, чтобы подчеркнуть значимость святого, чьи мощи оказались первыми мощами на Русской земле. По всей видимости, пространный рассказ о Клименте Римском в СК был включен для того, чтобы повысить престиж русской Церкви посредством освящения ее начала авторитетом одного из самых чтимых христианских святых. Важно отметить, что Климент Римский пользовался особым почитанием в России времени первого русского царя. Так, в речи Ивана IV Антонио Поссевино этот святитель

---

[11] *Державин Н. С.* «Степенная книга»... С. 67; *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 103.

[12] Степенная книга. Т. 1. С. 305—306; ПСРЛ. Т. 9. С. 65. На несоответствие хронологии жизни Фотия и Владимира указал Д. Миллер (см.: *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 319).

[13] *Околович Н. Ф.* Жития святых... С. 68.

[14] Степенная книга. Т. 1. С. 289.

[15] Там же. С. 289—290.

помещен на первое место среди почитаемых на Руси римских первосвященников[16].

Стремление составителя СК подчеркнуть древность русской Церкви относится к рассказу о начале не только киевской митрополии, но и церковной истории Северо-Восточной Руси уже в близкий к Крещению период. Так, освящая начало русской Церкви именем Климента, книжник считает необходимым связать начало церковной организации в Северо-Восточной Руси с именем Леонтия Ростовского, одного из наиболее почитаемых в 1550—1560-х гг. русских святых (об этом ниже). С этой целью в 53 гл. 1 ст. («Начало Ростовстей церкви») помещается особый рассказ об этом святом, созданный путем сочетания данных его Жития с известиями основных летописных источников СК — Ник. и Воскр. При этом, как было указано ранее, житийный материал в СК дополнен летописным сообщением об обретении мощей Леонтия во время пожара в Ростове в 6670 г. Сочетая агиографические и летописные известия в рассказе о церковной организации в Ростовской земле, писатель самым тесным образом связывает ее начало с первым святым Северо-Восточной Руси.

На особое место в истории Церкви Северо-Восточной Руси указывает и рассказ о ее крещении в 42 гл. 1 ст., написанный на основе сочетания данных Ник. и Поучения на память Владимира. Вслед за Поучением составитель отмечает, что креститель Руси «возлюби и украси и почте, яко паче всех град русских» Владимир-на-Клязьме, который, согласно выраженному в СК взгляду, унаследует власть над Русью после ослабления Киева[17]. Как видим, уже в рассказе о принятии христианства на Руси создатель СК, выделяя Северо-Восточную Русь и ее церковную организацию в составе Русской земли, обращает внимание читателя на ее древность и связь с одним из самых почитаемых русских святых.

Преемственность русских митрополитов

Охарактеризованное выше стремление книжника подчеркнуть древность русской Церкви также выразилось и в его попытке представить читателю четкую последовательность русских первосвятителей.

---

[16] *Поссевино А.* Исторические сочинения... С. 80.

[17] Степенная книга. Т. 1. С. 298.

Прежде всего, следует отметить, что наряду с показом последовательности поколений («степеней») великих князей — потомков Владимира — в СК не менее четко проведен принцип последовательности русских митрополитов. Так, в названиях степеней наряду с номером степени следует общее число митрополитов, имена которых также приведены[18]. Это стремление составителя отразилось в древнейших списках СК Волк., Томск. и Чуд. В них на этапе редактирования были внесены помещенные в киноварные фигуры указания на порядковый номер соответствующего первосвятителя при его первом упоминании. Как нами было показано ранее, восстанавливая эту преемственность, писатель, по всей видимости, воспользовался митрополичьими списками, которые содержали надлежащий перечень. Важно отметить, что случаи редакторской правки древнейших списков СК отразили стремление ее создателя в максимально полной мере представить наследование русских митрополитов друг другу даже в тех случаях, когда соответствующие известия в летописных источниках памятника отсутствовали. В наиболее полном виде это проявилось при описании ряда русских митрополитов в домонгольский период русской истории.

Как уже отмечалось при разборе источников СК, ее составитель привлек митрополичьи списки, вероятно, для того, чтобы вписать в создаваемую им последовательность русских митрополитов Ивана (63 гл. 1 ст.) и Михаила (9 гл. 4 ст.). По всей видимости, желанием книжника подчеркнуть преемственность первосвятителей друг другу обусловливался и ряд специальных указаний в тексте СК. Часть из них отразилась в ее древнейших списках. Так, в 4 гл. 3 ст. редактор Волк. на нижнем поле л. 268 об.[19] в рассказе о митрополите Иване делает уточняю-

---

[18] Это, а также значительный «церковный» элемент в описании событий русской истории дали основания А. И. Филюшкину определить историко-политическую концепцию СК как «попытку провести прямые параллели между русской и церковной историей, стремление доказать их тождественность» (см.: *Филюшкин А. И.* Модель «царства»... С. 270). Данное замечание исследователя может быть связано с тенденцией, характерной для памятников западноевропейской средневековой историографии. Как отметил О. Л. Вайнштейн, в них утверждается представление о том, что «церковь и христианское государство суть близнецы, призванные сотрудничать на земле, чтобы обеспечить достижение конечной цели истории — божьего царства, и чтобы вести борьбу против враждебных обоим сил, в частности, упорствующих в язычестве народов» (см.: *Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская средневековая историография. С. 82).

[19] Ср.: Степенная книга. Т. 1. С. 389.

щую вставку — указание на то, что он был «по Георгии митрополите» (в последующих списках эта правка была учтена[20]). Не упускает случая наш писатель и для того, чтобы обратить внимание в тексте конкретного известия (даже непосредственно не связанного с церковными событиями) на преемственность митрополитов друг другу. Видимо, перечитав текст 8 гл. 3 ст., сообщающей об убийстве и погребении Ярополка Изяславича, редактор Волк. на л. 273 делает вставку относительно занимавшего тогда митрополичью кафедру Иоанна: «Укрошая же тогда престолъ руския митрополи дивный Иванъ, иже бысть преже митрополита Ивана скопьца»[21]. Затем, добавив слова «и той», которые связывали вставку с основным текстом, книжник повествует о погребении тела убитого князя (в восходящих к Волк. списках текст вставки уже находится в основном тексте[22]). Уточняется в СК и имя русского митрополита при описании событий, которые с русской Церковью непосредственно связаны не были. Так, в 7 гл. 6 ст. после рассказа о смерти Мстислава Ростиславича в Новгороде и занятии освободившегося стола его братом Ярополком, составитель счел необходимым добавить, что «в Киевѣ же тогда съдръжаи престолъ Русьскиа митрополиа пресвященныи митрополитъ Никифоръ»[23].

Проводя линию преемственности киевских митрополитов друг другу, СК повествует об их появлении на Руси с учетом всех деталей, содержащихся в источниках. Так, в рассказе о приходе митрополита Никифора на Русь в 3 гл. 4 ст. редактор Волк. на л. 286 делает закрепившуюся в рукописной традиции памятника вставку, которая уточняет время прибытия митрополита: «Месяца декабря 6»[24]. Как было отмечено выше, к дополнительному летописному источнику (вероятно, своду, близкому к «Летописцу от 72-х язык») обращается составитель СК в рассказе о приходе в Киев митрополита Иоанна (2 гл. 6 ст.)[25], очевидно, желая представить читателю наиболее подробный рассказ о приходе этого иерарха на Русь.

Рассматривая перечень русских митрополитов в СК, обратим внимание на одно любопытное обстоятельство. Как было пока-

---

[20] Томск. Л. 202 об.—203; Чуд. Л. 209.

[21] Степенная книга. Т. 1. С. 394. Данную вставку отметил А. В. Сиренов (см.: *Сиренов А. В.* О Волковском списке... С. 283).

[22] Томск. Л. 207; Чуд. Л. 212.

[23] Степенная книга. Т. 1. С. 453.

[24] Там же. С. 406. Правка была учтена в Томск. (л. 216 об.) и Чуд. (л. 223).

[25] Степенная книга. Т. 1. С. 449; ПСРЛ. Т. 28. С. 35, 191.

зано выше, воссоздавая последовательность митрополитов, книжник воспользовался их списками. При этом, однако, нельзя не отметить, что в СК фиксируются не все русские первосвятители, перечисленные в них[26]. Как кажется, многое в этом вопросе проясняют итоги рассмотрения древнейших списков СК — Волк., Томск. и Чуд.

По всей видимости, первоначально в них содержалась следующая последовательность митрополитов: «Феопент, Кирил, Иларион...» (т. е. перечень, совпадающий со списком, представленным в Ник.). В пользу этого предположения говорит тот факт, что первоначально в Волк. в 4 гл. 2 ст. (л. 265 об.) читалось «по Феопенте же митрополите бысть Кирилъ митрополитъ всея Русии. По Кириле же митрополите съвѣтомъ самодержьца...»[27]. Однако позднее, как отметил А. В. Сиренов[28], слова

[26] Ср.:

Список митрополитов Ник.	Список митрополитов Воскр.	Список митрополитов Синодика 1558/59 г.	Последовательность митрополитов в СК
«1. Михаилъ; 2. Леоньтий; 3. Иванъ; 4. Феопемтъ; 5. Кирилъ; 6. Иларионъ; 7. Ефрѣмъ; 8. Георгий; 9. Иванъ; 10. Иоаннь скопець; 11. Никифоръ; 12. Никита; 13. Михаилъ; 14. Констянтинъ; 15. Феодоръ; 16. Иванъ; 17. Никифоръ; 18. Гаврилъ; 19. Дионисей; 20. Матфей...» (см.: ПСРЛ. Т. 9. С. XXI).	«Леонтъ, Михаилъ, Иоаннъ, Феопементъ, Ларионъ, Ефрѣмъ, Георгий, Иоаннъ, Иоаннъ, Никола, Никифоръ, Афонасей, Феодоръ, Никита, Никита, Михаилъ, Констянтинъ, Иванъ, Никифоръ, Гаврилъ, Деонисей, Матфей...» (см.: ПСРЛ. Т. 7. С. 239)	Михаил. Леонт. Иоанн. Феопент. Кирилл. Иларион. Ефрем. Георгий. Иоанн. Николай. Никифор. Никита. Михаил. Константин. Феодор. Иоанн. Никифор. Гавриил. Дионисий. Матфей (см.: ОР РНБ. Соф. № 1058. Л. 20 об.—21).	1. Михаил; 2. Леонт; 3. Иоанн; 4. Феопент; 5. Иларион; 6. Георгий; 7. Иоанн; 8. Иоанн; 9. Ефрем; 10. Николай; 11. Никифор; 12. Никита; 13. Михаил; 14. Климент; 15. Константин; 16. Феодор; 17. Иван; 18. Никифор; 19. Матфей (см.: Степенная книга. Т. 1. С. 218, 287, 304, 321, 379, 382—383, 386—390, 403, 406, 409, 411—412, 414, 448—449, 453).

[27] Степенная книга. Т. 1. С. 382.

[28] *Сиренов А. В.* О Волковском списке... С. 278.

«бысть Кирилъ митрополитъ всея Русии. По Кириле же митрополите» были зачеркнуты. Как указал П. Г. Васенко, после слов «по Феопенъте же митрополите бысть» в Чуд. следовали две стертых строки[29]. Результаты анализа соскобленной фразы в Чуд. между словами «бысть» и «съвѣтом» (л. 204 об.) дают основания утверждать, что в Чуд. читался текст, аналогичный зачеркнутому в Волк. В Томск. также фиксируется правка этого фрагмента[30]. Интересно, что, как справедливо указал П. Г. Васенко, в оглавлении 2 ст. в Чуд. (в Волк. в этом месте следует текст вставки XVII в.) первоначально читалось «Феопентъ, Кириллъ и Ларионъ». Позднее имя «Кириллъ» в Чуд. было вычеркнуто[31], а в Томск., в котором также, очевидно, читался аналогичный Чуд. текст, соскоблено (на месте соскобленного слова написано «Иларионъ»)[32]. Есть основания полагать, что имя «Кирилл» содержалось в гранесовании 2 ст.[33] Эта правка была учтена в рукописной традиции СК. Отметим, что последовательность «Феопент, Иларион» вполне соответствовала содержащемуся в Воскр. списку митрополитов[34], в котором Кирилл пропущен. Трудно сказать что-либо определенное относительно обстоятельств этой правки. Возможно, книжник первоначально воспользовался содержащейся в списке Ник. версией последо-

---

[29] ПСРЛ. Т. 21, 1-я половина. С. 170, примеч. 16.

[30] Как уже отмечалось во второй главе настоящей работы, в Томск. (л. 198 об.) после слов «Ярославль велику създа» по стертому следовал фрагмент, выполненный почерком, отличным от основного: «Сии Феопентъ, пасъ церковь Божию лѣтъ 12. По». Эта запись в одну строку следовала на месте двух стертых строк. Очевидно, для того чтобы правка не бросалась в глаза, этот отрывок был выполнен более крупными буквами.

[31] ПСРЛ. Т. 21, 1-я половина. С. 168, примеч. 4; Степенная книга. Т. 1. С. 379; Чуд. Л. 202.

[32] Томск. Л. 196. После написанного по соскобленному «Иларион» следовали три также соскобленных буквы «ари», а на следующей строке следовало зачеркнутое окончание «онъ». Это дает основания полагать, что вторым соскобленным словом было имя «[Ил]арионъ».

[33] Так, в Чуд. (л. 57 об.) в гранесовании в названии 2 ст. в словах «и два митрополиты» «два» написано по затертому. При этом затертое слово имело аналогичное число букв, центральной из которых была «р». Это дает основания полагать, что «два» было написано по соскобленному «три». В Томск. (л. 55 об.) в гранесовании «два» также было написано по стертому почерком, отличным от основного. Было стерто и слово «Фео[пент]» (первые три буквы слова отчетливо видны), а также еще одно слово (очевидно, «Кирилл»). На месте стертого текста почерком, отличным от основного, было написано «Феопентъ».

[34] ПСРЛ. Т. 7. С. 239.

вательности митрополитов, а затем по каким-то причинам предпочел вариант списка Воскр.

С аналогичной правкой мы встречаемся и в 7 гл. 6 ст. После слов «преосвященный митрополитъ Никифоръ» в Чуд. следовали две строки, содержание которых позднее (очевидно, при редактировании этого списка) было вытерто. На первой из этих строк читалось «по Никифоре же Гавриилъ». Вторая строка содержала слова «по Гавриилѣ же Дионисий митрополитъ». На поле Чуд. было два также стертых позднее овала с цифрами «19» и «20» внутри, которые в ранних списках СК обозначали порядковый номер святителей (в овале на поле напротив упоминания Никифора читалось «18 митрополитъ»)[35]. В Чуд. первоначально между именами «Никифоръ» и «Матфей» читались позднее стертые имена «Гавриил» и «Дионисий». Кроме того, слово «четыре [митрополита]» было написано по стертому, так же как и последние буквы слова «митрополита»[36]. Можно предположить, что первоначально в заглавии вместо «четыре» читалось «шесть», а вместо «митрополита» «митрополитов». Соответствующая правка была выполнена и в гранесовании[37]. Первоначально содержащаяся в Чуд. последовательность митрополитов вполне отвечала перечислению русских первосвятителей в списках митрополитов[38]. В результате правки Чуд. преемственность митрополитов в СК стала еще более различаться с перечнем в списках митрополитов — митрополит Матфей стал считаться 19-м[39]. Чем мог обусловливаться этот казус?

Отвечая на данный вопрос, обратим внимание на одну особенность, которая объединяет митрополитов Кирилла, Гавриила и Дионисия — полное отсутствие упоминаний о них в записях Ник. и Воскр. Можно предположить, что, положив в основу

---

[35] ПСРЛ. Т. 21, 1-я половина. С. 224, примеч. 23; Степенная книга. Т. 1. С. 453; Чуд. Л. 263.

[36] ПСРЛ. Т. 21, 1-я половина. С. 222, примеч. 1.

[37] Так, в Чуд (л. 59) в названии 6 ст. слово «четыре [митрополиты]» выполнено по соскобленному. Кроме того, между словами «Никифор» и «Матфеи» стерто два слова. О том, какие именно слова были стерты, дает основания судить правка соответствующего места в Томск. (л. 56), в котором отчетливо читаются также затертые слова «Гавриилъ» и «Дионисий».

[38] «17. Никифоръ. 18. Гаврилъ. 19. Дионисий. 20. Матвей». Цит. по Ник.; Воскр. содержит аналогичный перечень, см.: ПСРЛ. Т. 9. С. XXI; Т. 7. С. 239.

[39] См. запись в овале в Чуд. (л. 267 об.) «19 митрополитъ» («19» выполнено по затертому) напротив рассказа о приходе митрополита Матфея во Владимир в 11 гл. 6 ст. См.: Степенная книга. Т. 1. С. 459.

реконструкции преемственности русских митрополитов их списки, составитель пытался согласовать их с летописным материалом. Отсутствия известий об этих первосвятителях в летописных источниках СК в глазах редактора уже готовых списков памятника (или лица, направлявшего его работу), очевидно, оказалось достаточно для того, чтобы пропустить их. Не исключено, что ближайший сотрудник митрополита Макария, создавая СК по его поручению, счел необходимым избавить рассказ о русской истории от упоминания первосвятителей, о деятельности которых практически ничего не было известно. Вероятно, описание бездействующих митрополитов, по отношению к которым отсутствовали даже сведения об их приходе на Русь и смерти, не входило в планы митрополичьего книжника.

В связь со сказанным выше следует поставить явно выраженное в СК стремление ее создателя привести читателю сведения, относящиеся к русским первосвятителям. Нередко это достигалось путем вставки соответствующих пояснений с использованием дополнительных источников, что отразилось в ряде рассказов. Так, выполненное, по всей видимости, на основе митрополичьих списков упоминание о приходе Иоанна на Русь дополнено связанной с Иоанном деталью — сообщением Ник. под 6516 г. о строительстве им церкви Петра и Павла[40]. Первоначально в Волк. данное сообщение не читалось — в этом списке оно приписано рукой редактора на нижнем поле л. 26 (в тексте знак вставки расположен между словами «царствующемъ граде» и «при сем же митрополите»; в последующих списках правка была учтена[41]). Данное стремление книжника отразилось и в рассказе о митрополите Пимене в 12 ст. Как справедливо указал В. В. Кусков, повествующая о погребении Дмитрия Ивановича 13 гл. этой степени создавалась на основе «Слова о житии»[42]. Однако в 12 гл. после перечисления иерархов, которые присутствовали при погребении князя, указано, что «Пиминъ бо, митрополитъ всея Руси, тогда бысть во Цариградѣ»[43]. Данного известия нет в «Слове о житии», но оно содержится в летописи — в записи под 6897 г. Ник. и Воскр.[44], которая, таким образом, и послужила источником дополнения. Вероятно, близкий к митрополичьей кафедре составитель СК, воспользовавшись лето-

[40] ПСРЛ. Т. 9. С. 69.

[41] Томск. Л. 148 об.; Чуд. Л. 153 об.

[42] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 192.

[43] Степенная книга. Т. 2. С. 62.

[44] ПСРЛ. Т. 11. С. 95; Т. 8. С. 52.

писным материалом, счел необходимым пояснить читателю, почему при погребении великого князя отсутствовал духовный пастырь Русской земли.

Результаты сравнения перечней СК и ее источников побуждают обратить внимание на еще один интересный момент в изображении последовательности глав русской Церкви. Если в списках Ник. и Воскр. отсутствует имя митрополита Климента Смолятича, который был избран по воле киевского князя Изяслава Мстиславича собором русских епископов без санкции константинопольского патриарха, то в 5 ст. СК он фигурирует под номером «14» (между Михаилом и Константином; в списках Ник. и Воскр. за Михаилом сразу же следовал Константин). Вероятно, включение этого митрополита в перечень русских первосвятителей обусловливалось стремлением писателя согласовать списки с летописным материалом (в записи под 6655 г. Ник. и Воскр. Климент фигурирует как митрополит в рассказах о его избрании и убийстве Игоря Ольговича[45]). Не исключено, что могла быть и иная причина включения Климента в последовательность русских митрополитов. Очевидно, составители митрополичьих списков не сочли возможным включать в этот перечень иерарха, поставленного без санкции Константинополя. Вероятно, для книжника круга митрополита Макария это уже не было непреодолимым препятствием. В этом случае включение имени Климента в последовательность русских митрополитов может рассматриваться в контексте уже отмеченной в историографии[46] тенденции к подчеркиванию в СК независимости русской Церкви от константинопольской патриархии. Если это действительно так, то есть основания полагать, что включение фрагмента Жития Климента Римского в 35 гл. 1 ст. наряду с желанием создать более подробный рассказ о крещении Руси также обусловливалось стремлением создателя СК подчеркнуть значимость святого, чьими мощами («главой») было освящено избрание Климента на русскую кафедру[47], которое было произведено без санкции константинопольского патриарха.

---

[45] ПСРЛ. Т. 9. С. 172, 176; Т. 7. С. 39.

[46] *Дьяконов М. А.* Власть московских государей... С. 72—73; *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 99—100; *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 319, 362—369; *Nitsche P.* 1) Translatio imperii?... S. 329—332, 338; 2) «Nicht an die Griechen glaube ich, sondern an Christus»... S. 45—47; *Korpela J.* Prince, Saint and Apostol... P. 22, 179.

[47] Составитель СК дополняет известие своего источника — Воскр. (см.: *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 124) — относительно «главы» Климента ука-

То внимание, которое в СК уделяется воспроизведению последовательности русских митрополитов, по всей видимости, может быть связано с происхождением памятника, который создавался близким к Макарию книжником, вероятно, в Чудовом монастыре, близком к митрополичьей кафедре. Есть основания полагать, что это оказало влияние на особенности представления в СК ряда других рассказов, связанных с историей русской Церкви.

Обратим внимание на то, что к числу наиболее часто упоминаемых в СК церковных событий относятся известия о смене митрополитов на киевской кафедре. При этом известия о смене иерархов более низкого уровня в СК не прослеживаются — она не сообщает о многочисленных поставлениях епископов по русским городам, известиями о которых изобилуют ее летописные источники[48]. Очевидно, близкий к Макарию писатель на первый план выдвигал описание деятельности предшественников заказчика СК. Со сказанным выше, по всей видимости, можно связать и то, что в произведении наряду с княжескими житиями помещены лишь четыре полных жития деятелей Церкви — митрополитов Петра, Алексия и Ионы, а также Даниила Переяславского, учителя наиболее вероятного составителя СК[49]. В памятник не включены (или включены в весьма кратких фраг-

---

занием на то, что мощи этого святого на Русь принес Владимир (4 гл. 5 ст.). Ср.:

Воскр.	СК
«...имѣемъ у себе главу святаго Климента...» (ПСРЛ. Т. 7. С. 39)	«...имѣемъ у себе святую и многочюдесную главу священномученика Климента, папы Римьскаго, его же священныя мощи принеслъ есть сѣмо, вземъ Хирсонь, равноапостольныи великии князь Владимиръ Свѣтославичь...» (см.: Степенная книга. Т. 1. С. 414)

[48] Например, см. известия о поставлении епископов в записях Ник. 6568, 6613, 6621, 6626, 6631, 6634, 6666, 6693, 6698 и др.; Воскр. под 6544, 6569, 6613, 6621, 6625, 6631, 6634, 6645, 6666, 6674, 6693, 6698, 6706 и др. (см.: ПСРЛ. Т. 9. С. 92, 140, 143, 150—151, 154, 211; Т. 10. С. 10, 19; Т. 7. С. 20, 23—26, 31, 67, 97, 101, 106, 330, 334). Единственным исключением из этого правила является заимствованное из Ник. сообщение о поставлении епископов по русским городам после крещения. По всей видимости, это исключение может быть связано со стремлением книжника показать распространение церковной организации на Руси сразу после введения христианства.

[49] Местное почитание Даниила Переяславского было установлено лишь в 1653 г. (см.: *Голубинский Е. Е.* История канонизации... С. 130). Об истории почитания этого святого также см.: *Горшкова В. В., Сукина Л. Б.* Даниил. С. 56—62.

ментах или в изложении) жизнеописания таких почитаемых в России XVI в. святых, как Сергий и Никон Радонежские, Леонтий Ростовский, Варлаам Хутынский и др. Авторитет Петра, Алексия и Ионы в рассматриваемый период несомненен[50], но очевидно и другое — жития пользовавшихся не меньшим уважением святых, которые русскими первосвятителями не являлись, в СК не вошли (или вошли в кратких отрывках). Сказанное выше побуждает нас вслед за нашими предшественниками констатировать, что в СК наряду с княжескими жизнеописаниями вошли лишь жития русских первосвятителей, что является дополнительным аргументом в пользу версии о ее митрополичьем происхождении[51].

---

[50] Эти святые фигурируют в ряде памятников, происхождение которых связано с митрополичьей кафедрой. Так, в своем наказе Стоглавому собору (3 гл. Стоглава) царь Иван Васильевич апеллирует к наиболее авторитетным русским святым — митрополитам Петру, Алексию, Ионе, а также к Леонтию Ростовскому; именно к ним вслед за своим источником — «Повестью о нашествии на Русь Магмет-Гирея в 1521 г.» — в 16 гл. 16 ст. апеллирует составитель СК в рассказе о набеге крымских татар на Русь (см.: Степенная книга. Т. 2. С. 313). В число наиболее почитаемых русских святых митрополит Макарий в своем «Ответе» также поместил «великих чюдотворцев» Петра, Алексия и Иону. Особо выделяются эти иерархи и в Чине венчания Ивана IV на царство. Данные святители возглавляют список русских святых и в «речи» Ивана Грозного митрополиту Макарию, Юрию Углицкому и Евфросинии Старицкой по случаю взятия Полоцка (1563 г.), а также в «Соборной грамоте о белом клобуке» (1564 г.). Согласно возникшей вскоре после смерти митрополита Макария Повести о его смерти, к данным святителям он обращался на смертном одре. См.: *Зимин А. А.* Повести в сборнике XVI в. С. 198; *Емченко Е. Б.* Стоглав... С. 243; «Ответ» митрополита Макария... С. 741; Идея Рима в Москве XV—XVI века: Источники по истории русской общественной мысли. Roma, 1993. P. 87; АИ. Т. 1. № 173. С. 331. № 168. С. 320; *Макарий (Булгаков).* История русской церкви. Кн. 4, ч. 1. С. 562. Об утверждении культа Петра, Алексия и Ионы в России XV—XVI вв. см.: *Teiro E.* La chaire métropolitaine en pays russe... P. 138—156, 159—164, 166—169.

[51] Представленный выше материал, который свидетельствует о том, что наш книжник включал доступные ему сведения о русских митрополитах на протяжении всего текста СК, побуждает нас не согласиться с мнением о том, что «ко второй трети книги [Степенной. — *А. У.*] главная роль на театре исторических событий переходит от князей к митрополитам, направляющим действия светских правителей и надзирающим за их благочестием» (см.: *Ленхофф Г.* Степенная книга... С. 140). Во-первых, как будет показано ниже, при анализе образа правителя в СК в центре повествования на протяжении всего ее текста находятся потомки Владимира. Во-вторых, данное мнение в значительной мере основывается на том, что лишь 10, 11 и 14 ст. содержат жития митрополитов. Можно полагать, что последнее обусловливается не избира-

В СК включен и ряд рассказов, непосредственно не связанных с описанием деятельности русских первосвятителей. К числу подобных известий относятся: сообщения об основании ряда монастырей — Киево-Печерского (2 гл. 3 ст.), Владимирского Рождественского, Хутынского (19 гл. 6 ст.), Спасо-Евфимиева (14 гл. 13 ст.), Колочского (27 гл. 13 ст.) и др.; сведения, касающиеся судьбы русских чудотворных икон (их принесения на Русь, перенесения из одного города в другой, связанных с ними чудес) — Владимирской (12 гл. 6 ст., 24 гл. 13 ст.), Тихвинской (10 гл. 12 ст.) и др. К событиям церковной истории могут быть отнесены и описания многочисленных знамений и чудес, рассказами о которых насыщен текст памятника (подробнее этот вопрос нами был рассмотрен при изучении исторических представлений составителя СК). Как уже неоднократно отмечалось в историографии, включение данных пассажей определялось стремлением книжника продемонстрировать особое расположение Бога к Русской земле, управляемой добродетельными потомками Владимира[52].

Церковь и государь

Рассматривая представленные в СК события церковной истории в целом, отметим, что рассказы о русских первосвятителях составляют тематическое ядро в описании событий церковной истории. Как показывают итоги рассмотрения текста СК, ее составитель, повествуя о митрополитах, особое внимание сосредотачивает на описании их взаимоотношений с носителями светской власти. Обратимся к соответствующему материалу.

тельностью писателя, включившего в СК лишь жизнеописания Петра, Алексия и Ионы, а тем, что соответствующих произведений, посвященных русским первосвятителям более раннего времени, нет. Также обратим внимание на то, что составитель СК, сталкиваясь с недостатком необходимых источников, на основе обобщения доступного ему материала самостоятельно создавал рассказы о митрополитах (например, о Ефреме Переяславском и Клименте Смолятиче). Таким образом, на протяжении всего текста памятника фиксируется рука лица, неравнодушного к фигурам русских первосвятителей.

[52] Например, см.: *Кунцевич Г. З.* История о Казанском царстве... С. 515; *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 285—287; *Тихомиров М. Н.* Развитие... С. 82; *Kämpfer F.* Die Eroberung von Kasan 1552... S. 25; *Pelenski J.* The Contest... P. 200—201; *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 351—352; *Кузнецов Б. В.* События Смутного времени... С. 88—90, 103—105.

В СК особое внимание уделено описанию взаимоотношений представителей духовной и светской власти в период правления Владимира Святославича. В рассказе о назначении епископов по городам, последовавшем за крещением Руси, в 51 гл. 1 ст. отсутствует упоминание о поставлении белгородского епископа Никиты. Ответ на вопрос о причинах данного пропуска дает 54 гл. 1 ст. Она, в соответствии с записью Ник. под 6504 г., сообщает об основании Владимиром Белгорода[53]. В этой главе наряду со строительством града и «наполнением» его множеством жителей отмечается, что этот князь «въ него же епископа Никиту посла, его же постави Леонтъ митрополитъ». Таким образом, материал в СК был перегруппирован — известие о поставлении белгородского епископа было связано с основанием города Владимиром. Это в свою очередь позволяет предположить, что основание города и церковной организации в нем рассматривались книжником круга митрополита Макария как неразрывный процесс, в котором важную роль играет не только митрополит, но и правитель.

Об этом же свидетельствует и текст 42 гл. 1 ст., которая на основе рассказов Ник. и Поучения на память Владимира сообщает о строительстве Владимира-на-Клязьме и основании в нем Богородичной церкви[54]. В 54 гл. 1 ст. подчеркивается, что «на пустынныхъ мѣстѣхъ святыи Владимиръ многиа грады съзидая и в нихъ святыя церкви въздвизая и благочестиемъ исполняя»[55]. Вероятно, эта фраза является результатом преломления в сознании писателя середины XVI в. приведенного в 41 гл. 1 ст. летописного известия о строительстве Владимиром порубежных городов по Десне, Трубежу, Суле и т. д.[56] По всей видимости, это сообщение 41 гл., дополненное примером строительства Белгорода и основания в нем владычной кафедры, представлялось достаточным для того, чтобы подчеркнуть один из аспектов деятельности русского князя — строительство городов в безлюдных местах с последующим основанием в них церквей и «благочестия». Таким образом, роль князя в создании церквей и епархий в данных фрагментах представлена даже более рельефно,

---

[53] Степенная книга. Т. 1. С. 308; ПСРЛ. Т. 9. С. 66; *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 103.

[54] Степенная книга. Т. 1. С. 298.

[55] Там же. С. 308.

[56] Там же. С. 298; ПСРЛ. Т. 9. С. 58; Т. 7. С. 313.

нежели роль митрополита. Согласно «достроенной» части поучения Владимира сыновьям в 50 гл. 1 ст. (данный фрагмент отсутствует в источнике главы — Поучении на память крестителя Руси), равноапостольный князь призывал и своих потомков продолжать дело «просвещения» Руси при самом тесном участии иерархов Церкви. Так, составитель СК отмечает, что Владимир «о всем же повелѣ имъ [сыновьям. — *А. У.*] и съ епископы съвѣтовати, дабы како и поганыя на благочестие обращати, и требища идольская разаряти, и всяко нечестие истребляти, и церкви Божия въздвизати»[57].

Об основании епархии князем сообщает СК и применительно к Владимиру Мономаху. Основанная на летописной записи под 6609 г. 2 гл. 4 ст. указывает на то, что «прииде же Владимиръ Манамахъ въ Смоленескъ и въздвиже церковь пречестну въ имя Пречистыя Богоматери, идѣже тогда и епископию устрои»[58]. Интересно, что летописный источник этого известия — запись Воскр. — сообщает лишь о том, что «заложи Володимеръ Манамахъ во Смоленсце церковь святую Богородицю, камену, епископию»[59], но ничего не говорит об «устройстве» епископии в городе. Очевидно, определение построенной Владимиром Всеволодовичем церкви, а также отсутствие указаний на смоленскую кафедру до Мономаха[60] и позволило книжнику написать об основании епархии Владимиром Мономахом и тем самым косвенно сравнить князя с его равноапостольным прадедом, который учреждал епископии по всей Русской земле.

Об утверждении православия русскими государями СК упоминает и применительно к более позднему периоду. Повествуя о строительстве новой церкви в Чудовом монастыре его игуменом (будущим новгородским архиепископом) Геннадием, писатель делает важное дополнение к тексту своего источника (летописной записи под 6991 г.): внимание читателя обращено на участие в строительстве церкви наряду с митрополитом Герон-

---

[57] Степенная книга. Т. 1. С. 305.

[58] Там же. С. 405.

[59] ПСРЛ. Т. 7. С. 18; *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 119.

[60] Основание смоленской епископии в историографии связывается с выделением смоленской части Переяславской епархии в отдельную епархию в 1136 г. Новый статус смоленской церковной организации был закреплен в уставной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича. См.: *Щапов Я. Н.* 1) Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XV вв. М., 1972. С. 141—145; 2) Государство и церковь... С. 31, 43.

тием и великого князя Ивана III (33 тит. 7 гл. 11 ст.)[61]. В рассказе о присоединении Иваном IV Казани и Астрахани в 15 гл. 17 ст. подчеркнуто, что стараниями русского царя в новоприсоединенном крае «многия святыя церкви и манастыри поставлены быша въ славу Отцу и Сыну и Святому Духу, и Пречистои Богородици, и всѣмъ святымъ»[62]. В 21 гл. 15 ст., упоминая Ивана IV, составитель специально отмечает, что он «Казаньское царствие побѣди и облада, и **православиемъ просвѣти**» (выделено нами. — *А. У.*)[63].

Очевидно, особое внимание к такому аспекту деятельности древнерусских князей как основание ими «благочестия» «на пустынных местах» могло обусловливаться реалиями России середины XVI в., в которой после присоединения Казани и Астрахани появилось множество мест, подлежащих христианизации. Поэтому распространение православия на новоприсоединенных землях вызывало особую заботу русских светских и церковных властей. Свидетельством этому служит послание влиятельного деятеля «Избранной рады» Сильвестра казанскому наместнику А. Б. Горбатому. В нем знаменитый протопоп призывал боярина к самым энергичным действиям по утверждению православной веры в новоприсоединенном крае[64]. Важно отметить, что,

---

[61] Ср.:

Летописное известие	СК
«...архимандритъ чюдовьский Генадей Гонозовъ заложилъ церковь камену во имя Алексиа чюдотворца у Чюда въ монастыри и трапезу камену заложилъ» (цит. по Ник.; Воскр. содержит аналогичный фрагмент, см.: ПСРЛ. Т. 12. С. 215; Т. 8. С. 215).	«...сии архимандритъ [Геннадий. — *А. У.*] велиею вѣрою влекомъ къ святому и великому чюдотворцю Алексию митрополиту, и благоволениемъ Божиимъ вниде ему во умъ дѣло благо, еже бы во имя святаго Алексия митрополита въ честнѣи его обители поставити церковь, еже и бысть молитвами того самого святаго Алексиа. **По совѣщанному повелѣнию самодержавнаго государя, благочестиваго и христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича** всеа Русии, внука великаго князя Василиа Димитриевича, **и по благословению отца своего, пресвященнаго Геронтиа митрополита**, тому тогда правящу престолъ Русьскиа митрополиа, нача здати церковь камену во имя святаго святителя и чюдотворца Алексиа. Основаннѣ же бывши церкви вкупѣ и с трапезою...» (выделено нами. — *А. У.*) (см.: Степенная книга. Т. 2. С. 35).

[62] Степенная книга. Т. 2. С. 379.

[63] Там же. С. 270.

[64] *Голохвастов Д. П., Леонид (Кавелин).* Благовещенский иерей Сильвестр... С. 88—90.

как указал еще В. Д. Сокольский, приводя в этом послании примеры из всемирной истории, Сильвестр указывает на то, что главной заслугой Константина Великого было не покорение новых земель, а их крещение («просвещение»)[65].

С несомненным желанием создателя СК фиксировать случаи участия правителя в церковных делах можно связать и весьма отчетливо проводимое в произведении представление о том, что сохранение чистоты православия, его распространение, а также забота о Церкви является важной обязанностью русского государя (подробнее этот вопрос будет рассмотрен нами ниже).

О стремлении составителя СК подчеркнуть утверждение православной веры как на Руси, так и за ее пределами, как главную задачу правителя свидетельствует и правка в 50 гл. 1 ст. отмеченного выше фрагмента Поучения на память Владимира, передающего наставления, которые киевский князь давал своим сыновьям, наделяя их городами. Так, вслед за своим источником книжник отметил, что киевский князь «прежде же всего заповѣда имъ страхъ Божии имѣти и вѣру православную непорочно дръжати, злославныя же дохматы до конца отвращати»[66]. В «достроенной» (по сравнению с данными Поучения на память Владимира) части речи крестителя Руси сыновьям содержалось пожелание совместно с представителями высшего духовенства «поганыя на благочестие обращати, и требища идольская разаряти, и всяко нечестие истребляти, и церкви Божия въздвизати»[67].

К числу присущих СК идей относится представление о необходимости покровительства светской власти духовной. В наиболее последовательном виде эта мысль формулируется в 58 гл. 1 ст., созданной, как было показано выше, на основе соединения данных Устава Владимира и «Правила о церковных людях». В этой главе подчеркивается необходимость почитания и материальной поддержки Церкви носителями светской власти — «наследниками богохранимой державы» Владимира[68]. Содержащийся в «Правиле» материал (свидетельства о щедрости князей и княгинь по отношению к Церкви, а также известия о благотворительной деятельности духовенства) использован, с одной

---

[65] *Голохвастов Д. П., Леонид (Кавелин).* Благовещенский иерей Сильвестр... С. 89; *Сокольский В. Д.* Участие... С. 165.

[66] Степенная книга. Т. 1. С. 305.

[67] Там же. С. 305.

[68] Там же. С. 313.

стороны, для подкрепления рассказа о добродетелях Владимира, с другой, для того, чтобы подчеркнуть почитание Церкви русскими князьями. Так, после окончания повествования «Правила» о щедрости Церкви по отношению к нищим в СК следует уточнение: «О таковыхъ потребахъ Владимиръ блаженный великъ подвигъ показа и вѣчное блаженство получи». Вероятно, это дополнение было включено в СК для того, чтобы связать деятельность анонимных дарителей с вполне конкретным князем, который, согласно принятой в произведении версии его источников, положил начало покровительству Церкви. Таким образом, соединяя материал Устава и «Правила», писатель середины XVI в. сообщал о начале представленной в СК модели взаимоотношений князя и Церкви с той подробностью, какую ему только позволяли его источники. Очевидно, используя в рассказе об учреждении церковной десятины на Руси сразу два историко-юридических памятника, он желал напомнить читателю о необходимости соблюдения тех традиций в отношениях светской и духовной власти, которые, согласно тексту Устава и «Правила», были заложены еще крестителем Руси[69]. Включение данного материала в СК давало ее составителю возможность придать дополнительный историко-юридический вес той модели взаимоотношений Владимира и Церкви, которая представлена в рассматриваемом сочинении.

Этой же цели, по всей видимости, служило и помещение в Сказание о митрополите Фотии (16 гл. 14 ст.) пространного пассажа из прощальной грамоты этого святителя (как справедливо отметил В. В. Кусков, источником данного раздела СК являлась запись Ник. под 6939 г.)[70]. Согласно приведенным в СК словам Фотия, святитель перед смертью призывал Василия II имущество, дарованное Церкви «за грѣхи христианския», «соблюдать», защищая его от каких-либо посягательств, а также «соблюдати и брещи... митропольскихъ боляръ и черньцовъ и слугъ всѣхъ отъ мала и до велика». Особое внимание как в Ник., так и в СК уделялось земельной собственности («власти, и села, и земли пустыя, и воды»), о которой также следовало заботиться великому князю[71]. Впрочем, далее своего источ-

---

[69] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 107.

[70] Степенная книга. Т. 2. С. 163—169; ПСРЛ. Т. 12. С. 10—15; *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 233.

[71] Степенная книга. Т. 2. С. 169.

ника — Ник. — составитель СК здесь не идет, воспроизводя лишь сентенции летописи рубежа 20—30-х гг. XVI в.

В целом выраженная в СК концепция хорошо согласуется с «Ответом» Макария Ивану IV[72], хотя о текстуальной связи этих памятников говорить вряд ли возможно (очевидно, идейная близость «Ответа» и СК обусловливалась тем, что они вышли из одного круга, близкого московскому митрополиту). Нельзя не отметить созвучие рассмотренных выше особенностей изображения активной роли правителя в церковных делах и материалам Стоглавого собора, согласно которым первый русский царь, испытывая, правда, влияние митрополита Макария, выступает в активной роли инициатора созыва собора и ряда его постановлений[73].

Как представляется, то внимание, которое уделено Владимиру в СК при описании начала русской Церкви, может объясняться стремлением книжников середины XVI в. связать с именем крестителя Руси начало покровительства княжеской власти Церкви. Так, Сильвестр в своем послании Ивану IV обращал внимание адресата на фигуру его равноапостольного предка, который неустанно заботился о Церкви[74]. Сходный пассаж содержит и «Ответ» митрополита Макария, также предназначенный для первого русского царя. Этот памятник, пожалуй, является наиболее последовательной попыткой охарактеризовать идеальную модель отношений государя и Церкви. Так, составитель «Ответа» перед текстом Устава Владимира поместил следующий пассаж: «Якоже и прадед твой, святый и равноапостольный князь великий Владимир Киевский и всеа Русии, толику веру к Богу показа и к святым церквам велие тщание: из всего царства своего по всей Русской земли десятую часть даде святей церкви и отдели святейшим митрополитом Киевским и всеа Руси»[75]. «Ответ» продолжает: «Тако же и в вашем благочестивом и христолюбивом Росийском царствии от пръва-

---

[72] «Ответ» митрополита Макария... С. 730—740.

[73] Например, см.: *Емченко Е. Б.* Стоглав... С. 121—134; *Синицына Н. В.* Русская церковь в период автокефалии; учреждение патриаршества // ПЭ. Т.: Русская православная церковь. М., 2000. С. 75; *Макарий (Веретенников).* Жизнь и труды святителя Макария... С. 116—127; *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е годы XVI в. СПб., 2006. С. 113—211.

[74] *Голохвастов Д. П., Леонид (Кавелин).* Благовещенский иерей Сильвестр... С. 72.

[75] «Ответ» митрополита Макария... С. 730.

го благочестиваго и равноапостольнаго святого прадеда твоего, великого князя Владимира Киевскаго и всея Русии и сына его, благочестиваго великого князя Ярослава, и всех твоих святых прародителей, и до твоего христолюбиваго царства. Ни един же от них не смел дръзнуи или двинути, или взяти от святых церквей и монастырей...»[76]. Далее создатель «Ответа», останавливаясь на вопросе о возможной секуляризации церковных земель, отмечал: «Коль же паче тебе подобаеть, благочестивый и боговенчанный царю, свою царскую веру к Богу показати и велие тщание к святым церквам и к святым монастырем, не токмо движимая взимати, но и самому ти подобает подавати, якоже и вси святии царскые твои прародители и родители подаваху богови в наследие благ вечных. Сице и тебе, царю, подобаеть творити царствия ради небеснаго». «Ответ» заключается суровым предостережением: «...глаголю ти, о благочестивый царю, и молю твое царское величьство: останися, государь, и не сътвори такова начинания, его же Бог не повеле вам, православным царем, таковая творити. Но вси святии его възбраниша вам, православным царем, и нам, архиереом, священными правилы зело претиша и запечатлеша седмью съборы по данней им благодати от святого и животворящаго духа»[77].

Нельзя исключить влияния на СК и слов митрополита Фотия, обращенных к Василию I Дмитриевичу в послании к нему. В этом произведении святитель напоминал московскому князю «заповеди» его предков о невмешательстве в церковные дела, приводя в пример, в частности, его отца — Дмитрия Ивановича. Последний, согласно Фотию, «церковнаа вся добрѣ соблюдааше, такоже и храборьствомъ множицею мужествовавъ, и самую тую душю не пощадѣ за православие и за ввѣреныа ему отъ Бога словесныа овца»[78].

Основываясь на трудах своих предшественников, составитель СК повествует о том, что потомки Владимира продолжили заботу о Церкви. Так, 1 гл. 3 ст. обращает внимание читателя на «усердное почитание» Всеволодом Ярославичем «святителей и всего священного чина», которым он «всяко требование подаваше»[79]. Как показано в СК, Всеволод Юрьевич также «чтяше же велми и любяше святителеи, и всесвященьство, и иноческии

[76] «Ответ» митрополита Макария... С. 729.
[77] Там же. С. 740, 743.
[78] РИБ. СПб., 1908. Т. 6, вып. 1. Стб. 295, 289.
[79] Степенная книга. Т. 1. С. 386.

чинъ» (1 гл. 6 ст.)[80]. При описании Ивана Калиты книжник специально подчеркивает, что он «честь велию подавающа служителемъ святыхъ Божиихъ церквеи, и тѣхъ учению внимающа» (2 гл. 10 ст.)[81]. Его внук Дмитрий Иванович также «о церквахъ Божиихъ велми печашеся» (1 гл. 12 ст.)[82].

Как уже отмечали наши предшественники, по всей видимости, стремлением книжника подчеркнуть древность крупных владений Церкви обусловливалось и включение в текст СК сведений о городах митрополита Ефрема из Ник., также создаваемой при митрополичьей кафедре (5 гл. 3 ст.)[83]. Характерный для СК взгляд на необходимость покровительства правителя Церкви побуждал наших предшественников связывать памятник с иосифлянской идеологией, направленной на оправдание крупной церковной собственности[84]. При этом, однако, отметим, что прямых сентенций относительно необходимости сохранения крупного церковного землевладения СК не содержит. Это, по-видимому, обусловливалось тем, что, во-первых, после Стоглавого собора этот вопрос был снят с повестки дня[85], во-вторых, СК не носит характера публицистического трактата, каким является, например, «Ответ» Макария. Вне всякого сомнения, в СК со ссылкой на авторитет Владимира отмечается необходимость самой общей заботы великих князей о Церкви; вместе с тем нельзя не заметить, что конкретные рекомендации на этот счет в тексте памятника отсутствуют.

Передавая в изрядно дополненном виде наставления Владимира потомкам, книжник обращает внимание на необходимость соблюдения государем чистоты православной веры и при описании русской истории более позднего периода. Так, с привлечением летописного материала, а также данных Жития митрополита Ионы третьей редакции составитель сообщает о верности православию Василия II. В то время как «не токмо князи и боляре и прочии людие, наипаче же и епископи русьстии, яко воздрѣмаша и уснуша. Единъ же обрѣтеся ревнитель по Бозѣ и

---

[80] Степенная книга. Т. 1. С. 449.

[81] Там же. С. 562.

[82] Там же. Т. 2. С. 48.

[83] Там же. Т. 1. С. 389. *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 53; *Хрусталев Д. Г.* Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб., 2002. С. 350—368.

[84] Например, см.: *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 107; *Покровский Н. Н.* Исторические концепции... С. 115—117.

[85] Например, см.: *Синицына Н. В.* Русская церковь... С. 75.

по Его истинномъ законѣ — христолюбивыи сеи великии князь Василии», которому сам Бог поручил «вся заповеди Его хранити, и познати Исидорову пагубную прелесть»; этот поборник православия и изгнал подписавшего Флорентийскую унию «зломудренного» Исидора из Москвы (7 гл. 14 ст.)[86].

Как показано в СК, не меньшее значение для судеб русской Церкви имела верность православию и наследника Василия II Ивана III, проявившего решительность в борьбе с жидовствующими. Так, писатель, вероятно, не без влияния известных ему «Словес избранных» и «Просветителя» в Похвале Ивану III в 32 гл. 15 ст. повествует о том, что этот князь «все еретическое гнилое мудрование отъ благочестивыя въ деръжавы своеа истреби, и православие утверьди, и вѣру Христову непорочну съблюди»[87]. Мотив, осуждающий еретиков конца XV в., в СК нельзя не связать с главным памятником полемической литературы этого времени — «Просветителем» Иосифа Волоцкого, который, как выяснил Я. С. Лурье, послужил непосредственным источником СК (пассажи из труда волоцкого игумена, обличающие жидовствующих, были использованы в 33 тит. 7 гл. 11 ст. и 20 гл. 15 ст.)[88].

При описании Церкви в СК особое внимание уделено изображению взаимоотношений русских князей и митрополитов. Как уже отмечалось в историографии[89], составитель СК заимствует византийскую по своему происхождению концепцию симфонии духовной и светской власти[90], представленную в его основном источнике — Ник.[91] Как и эта летопись, СК сообщает о многочисленных «советах» русских князей с их «отцами» митропо-

---

[86] Степенная книга. Т. 2. С. 136.

[87] Там же. С. 282.

[88] *Лурье Я. С.* Две истории... С. 208—209.

[89] *Будовниц И. У.* Русская публицистика... С. 195; *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 107; *Сахаров А. М.* Исторические знания... С. 143.

[90] В сжатом виде о теории и практике взаимоотношения духовной и светской власти в Византии см.: Византийская империя // ПЭ. Т. 8. М., 2004. С. 162—181 (данный раздел написан А. В. Храповым и И. В. Кривушиным). Также см.: *Чичуров И. С.* Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М., 1991. С. 19—126; *Рансимен С.* Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998. С. 144—226; *Вальденберг В. Е.* История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2008.

[91] О сходстве идей Ник. и СК относительно сотрудничества духовной и светской властей см.: *Будовниц И. У.* Русская публицистика... С. 195; *Miller D.*

литами. К известиям своего основного источника составитель делает целый ряд добавлений относительно подобных «советов». Так, в рассказе о посажении Владимиром сыновей по городам в 50 гл. 1 ст. он указывает, что «помысли по сихъ преблаженныи Владимиръ съвѣт благъ съвѣщати съ отцемъ своимъ пресвященнымъ митрополитомъ Леонтомъ всея Русии, еже бы раздѣлити ему землю Русьскиа его дръжавы въ наслѣдие сыновомъ своимъ и устроити въ градѣхъ епископы въ исполнение благочестиа. И нача раздѣляти грады сыновомъ своимъ»[92]. Отметим, что указание на какой-либо «совет» Владимира с митрополитом при наделении сыновей городами в известных источниках СК отсутствует.

Обратим внимание и на упоминание «совета» Владимира с русским митрополитом в 52 гл. 1 ст., повествующей о воздвижении соборной церкви в Киеве. Известие основано на записи Ник. под 6501 г.[93] Однако если источник этой главы сообщает о том, что «благословениемъ отца своего митрополита Киевскаго и всеа Руси, созда Володимеръ...», то в СК читается уже иной текст: «И паки благоволениемъ Божиимъ в четвертое лѣто по крещении блаженныи Владимиръ съвѣтъ благъ съвѣща съ отцемъ своимъ преосвященнымъ митрополитомъ Леонтомъ и **съ епископы и с боляры** [выделено нами. — *А. У.*], еже бы въздвигнути...». Как видим, кроме митрополита Владимир совещается «с епископы и с боляры».

О заимствовании и развитии в СК мотива единения правителя и митрополита, который в памятниках книжности эпохи митрополита Макария достигает наибольшего выражения[94], свидетельствует и использование в 62 гл. 1 ст. летописного расска-

---

The Velikie Minei Chetii... S. 325; *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 192—193; *Покровский Н. Н.* 1) Исторические постулаты... С. 31—33; 2) О концепции святости русских государей... С. 105—107; 3) Византийский дьякон Агапит... С. 166, 170, 175; 4) Исторические концепции... С. 112—119.

[92] Степенная книга. Т. 1. С. 305.

[93] Там же. С. 306; ПСРЛ. Т. 9. С. 65; *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 103.

[94] Например, см.: *Макарий (Веретенников).* Митрополит Макарий и московские государи (история взаимоотношений) // Макарьевские чтения. М., 2001. Вып. 8. С. 67. Как отмечает Н. В. Синицына, «симфония священства и царства в эпоху святительства Макария более чем в какой-либо другой период приближена к канонической норме и практике реальных взаимоотношений» (см.: *Синицына Н. В.* Русская церковь... С. 74). Это наблюдение исследователей можно связать с выявленными С. М. Каштановым весьма многочислен-

за об умножившихся на Руси разбоях. В СК данный пассаж включен в версии Ник., согласно которой не некие безымянные епископы (как в Воскр.), а «отец» Владимира, митрополит Леонт, призвал князя к борьбе с разбойниками[95]. Отмечаются в СК совместные действия глав власти светской и духовной и специальной вставкой в Волк. в рассказе об обретении мощей Ольги в 60 гл. 1 ст. На верхнем поле л. 196 об. ркп., содержащей этот список, следует запись «великии князь Владимиръ и преосвященный митроп[олит] Леонтъ»[96]. Она, очевидно, была выполнена при сверке текста памятника с пространной редакцией Жития Ольги, содержавшей указание на участие в обретении мощей киевского князя и митрополита[97].

Несомненно, сосредотачивая особое внимание на рассказе о заботе Владимира о Церкви и его «советах» с иерархами, составитель повествует и о соблюдении этой модели отношений в последующий период потомками крестителя Руси. Так, Д. Миллер обратил внимание на проведение идеи сотрудничества московских князей при описании русских митрополитов XIV—XV вв. — Феогноста и особенно Алексия; специально в памятнике подчеркнута та поддержка, которую получил от Василия II Иона при поставлении на русскую кафедру[98]. Наш писатель обращает внимание и на «совет» русских государей с первосвятителями. Так, перед Житием митрополита Петра помещено указание на то, что Ивану Калите «дарова Богъ къ духовнѣи пользе совѣтника блага, преславнаго чюдотворца Петра, святѣишаго митрополита» (2 гл. 10 ст.)[99].

Особое внимание описанию «совета» с церковными иерархами уделено в жизнеописании Дмитрия Ивановича. Так, как уже нами было показано ранее, в СК вошел созданный под влиянием целого ряда памятников агиографии фрагмент, в котором подчеркнут «совет» и «беседы» (суть которых, правда, не раскрыта)

ными случаями подтверждения и расширения иммунитетных прав ряда земельных владений Церкви Иваном IV в конце 40-х—50-е гг. XVI в. (подробнее см.: *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 92—161). О церковно-государственных отношениях в этот период также см.: *Флоря Б. Н.* Исследования... С. 98—101.

[95] Степенная книга. Т. 1. С. 318—319.

[96] Там же. С. 315. Слово «митрополит» в Волк. заканчивалось буквой «п» (последующая часть слова заклеена).

[97] ОР РГБ. Ф. 98. № 124. Л. 337 об.

[98] *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 325.

[99] Степенная книга. Т. 1. С. 566.

Дмитрия Ивановича с крупнейшими современными ему деятелями русской Церкви, которые на момент написания СК были причтены к лику святых: митрополитом Алексием, Сергием Радонежским, Кириллом Белозерским, Димитрием Прилуцким (5 гл. 12 ст.). Как отмечается в СК, этому московскому князю «дарова Богъ благиа съвѣтники и нелестнии събесѣдници, богоносныя отци и учители: великаго въ святителехъ преосвященнаго митрополита и чюдотворца Алексиа, и преподобнаго игумена Сергиа, и Кириила Бѣлозеръскаго, и Димитрия Прилуцкаго чюдотворца, и прочихъ многихъ, тогда в чюдесѣхъ просиавшихъ святыхъ отець...»[100]. В связь с этим фрагментом следует поставить и пассаж из Похвалы Василию III в 24 гл. 16 ст. В нем указано, что этот князь, подражая своему предку Дмитрию Ивановичу, «в ризы же чернеческиа всегда желаше облещися, еже и получи последи. О таковомъ же велицемъ дѣле имѣаше совѣтниковъ, избранныхъ во иночествѣ духовныхъ мужеи, иже извѣстны бяху ему искусны, могущихъ царское его душевное таиньство хранити и желание сердца его дѣломъ исплънити на пользу души его, еже и бысть. С ними же часто духовную бесѣду простираше и о души своеи умышляше, како и коимъ временемъ быти ему иноку...»[101]. Согласно Д. Ю. Кривцову, пространное жизнеописание митрополита Алексия в СК (7 гл. 11 ст.) было введено для того, чтобы представить читателю XVI в. идеальную модель взаимоотношений носителей светской и духовной власти на Руси в XIV в.[102]

На «совет» русских государей с иерархами Церкви книжник обращает внимание и при описании современных ему событий. Так, вслед за своим источником (записью ЛНЦ под 7050 г.), 3 гл. 17 ст. повествует о примирении Ивана IV с Владимиром Старицким именно благодаря митрополиту Иоасафу. Отмечая, что Андрей Иванович Старицкий был «поиман» «советом боярским» (2 гл.), составитель указывает на то, что его сын Владимир был отпущен из заключения и наделен «отеческими градами» и «многим имением» именно по «умолению» этого иерарха[103]. Не забывает создатель СК подчеркнуть и факт участия главы русской Церкви в принятии такого важнейшего решения

---

[100] Степенная книга. Т. 2. С. 50 (текст данного фрагмента уже приводился выше).

[101] Там же. С. 323.

[102] *Кривцов Д. Ю.* Рассказ Степенной книги... С. 67—84.

[103] Степенная книга. Т. 2. С. 346—347. Ср.: ПСРЛ. Т. 29. С. 41.

как поход на Казань. Так, в начале 1 тит. 10 гл. 17 ст., повествующей о взятии Казани, в соответствии с источником СК (записью ЛНЦ под 7058 г.) указано, что Иван «Богомъ подвизаемъ, начятъ **совѣтовать и с митрополитомъ** [выделено нами. — *А. У.*] и з братию и зъ боляры, дабы свободити християньство»[104].

Проводя в СК идею симфонии светской и духовной властей, наш писатель пропускал или значительно сокращал фрагменты, повествующие о конфликтах потомков Владимира с русскими первосвятителями. Это проявилось в ряде вошедших в памятник рассказов.

В помещенном в СК пространном Житии митрополита Алексия фактически обойден вниманием ключевой вопрос в русско-греческих церковных связях последней трети XIV в., оказывавший значительное влияние на отношения русских святителей с московскими князьями, — сообщение о назначении константинопольским патриархом митрополитом на Русь Киприана при жизни Алексия. Последнего, как известно, поддержал Дмитрий Иванович. Киприану после кратковременного занятия митрополичьей кафедры в 1381—1382 гг. окончательно удалось утвердиться на ней лишь после смерти этого князя уже при Василии I. В 28 тит. 7 гл. 11 ст. рассказ обо всех этих событиях сжат до минимума: СК повествует о том, что после того как Дмитрий «не прия» Киприана, тот «отъиде с Москвы в Киевъ и тамо живяше, дондеже великии Алексии къ Богу отъиде. И тогда Киприанъ любезенъ приемникъ престола его бысть»[105]. Как видим, в СК отсутствует описание многолетнего конфликта Дмитрия Ивановича с Киприаном.

20 гл. 15 ст. повествует об уходе Геннадия с новгородской кафедры, сообщая о его «исправлении» о «церковном благолепии и о священническом благочинии и о еретиков посрамлении и о веры православной утверждении». Из ее текста читатель ничего не узнает об обвинении этого иерарха в симонии, которое и послужило причиной его снятия с кафедры — СК лишь упоминает о том, что Геннадий «последи же сведен бысть на Москву»[106]. Как отметил Д. Миллер, в СК не включены и известия о секуляризационных устремлениях русских государей, а так-

---

[104] Степенная книга. Т. 2. С. 358. Ср.: ПСРЛ. Т. 29. С. 57.

[105] Степенная книга. Т. 2. С. 28.

[106] Там же. С. 269. Ср.: ПСРЛ. Т. 8. С. 244; Т. 12. С. 258.

же тесно связанные с ними описания конфликтов иосифлян и нестяжателей[107].

Отметим, что стремление сгладить шероховатости в отношениях носителей светской и духовной власти отличает и западноевропейских авторов исторических трудов эпохи Средневековья. Так, как отметил О. Л. Вайнштейн, хронист XII в. Готфрид Витербский «ухитряется изложить историю времен Григория VII и Генриха IV, не упоминая о борьбе между папством и империей! У него нет ни звука о Каноссе и последующем разрыве между папой и императором»[108].

Анализируя приведенный выше материал, обратим внимание на созвучие присущих СК идей о покровительстве русских государей Церкви и «совете» с ее высшими иерархами ряду других современных ей произведений. В наиболее полном виде эти идеи представлены в сочинениях Максима Грека. В частности, в послании Ивану IV ученый грек обращал внимание на необходимость «совета» правителя с иерархами Церкви: «Сице убо почитай ихъ и бреги, и полезная богохранимѣй державе твоей совѣтующих послушай, сихъ бо слушая, самого Спаса и Царя твоего Иисуса Христа слушаешь...». Далее государю прямо предписывалось: «Сущаго у тебе преосвященнаго митрополита и боголюбивыя епископы, всякия чести сподобляй и бреги аки ходатая суща Богу и человѣкомъ, и о твоемъ богохранимомъ царствии безпрестани молящася...»[109]. Сходный взгляд высказал афонский старец и в также, по-видимому, адресованном первому русскому царю трактате «Главы поучительные начальствующим правоверно»[110]. Максим, отметив, что «священство и царство два величайша блага отъ божественныя благости дарована суть человѣкомъ», обратил внимание читателя на важность святительского совета государю: «Овъ же совѣты премудрѣйшими и всяческими устроении и смотрении владычески купно и отечески промышляющи о подручныхъ, исправляетъ всегда царския скипетры на лучшее»[111]. Сходный мотив явственно пред-

---

[107] *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 365.

[108] *Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская средневековая историография. С. 95.

[109] Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 2. С. 352.

[110] Как отмечено в историографии, этот трактат был адресован непосредственно царю Ивану IV. См.: *Иванов А. И.* Литературное наследие... С. 147; *Синицына Н. В.* Максим Грек... С. 50.

[111] Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 2. С. 162.

ставлен и в иных трудах Максима Грека, а также в других предшествующих и современных СК произведениях (Стоглаве, «Повести о белом клобуке», сочинениях Иосифа Волоцкого, митрополита Макария и др.)[112].

Согласно мнению В. Е. Вальденберга, представление о поучении «царства» «священством» древнерусскими книжниками было почерпнуто из «Глав наказательных» византийского императора Василия Македонянина, обращенных к его сыну Льву[113], которые были известны русским книжникам середины XVI в. (во всяком случае, составителю Чина венчания Ивана IV на царство — вероятно, митрополиту Макарию)[114]. Отразилась идея поучения царя священством и в памятниках изобразительного искусства. В частности, как отметил Н. Е. Андреев, эта идея «очень последовательно выражена» в росписи Золотой палаты (середина XVI в.)[115].

Рассматривая особенности представления Церкви в СК, зафиксируем, что в ней русская история связывается со всемирной, прежде всего, церковными нитями. Так, как справедливо отметил М. А. Алпатов, значительная часть сообщений из всемирной истории СК (в первую очередь комплексы известий, связанных с Флорентийской унией и русско-греческими связями середины XVI в.) так или иначе связаны с историей Церкви[116]. Также, как уже отмечалось выше, начало христианской проповеди на Руси в СК, в соответствии с ее летописными источниками, связывается со временем апостола Андрея, а крещение Русской земли с именем константинопольского патриарха Фотия.

---

[112] Подробнее см.: *Дьяконов М. А.* Власть московских государей... С. 121—131; *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти... С. 283—287; *Будовниц И. У.* Русская публицистика... С. 93, 157; *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения... С. 479.

[113] *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти... С. 276—277.

[114] Как отметил Х. М. Лопарев, центральная часть Поучения царю в Чине венчания восходит к «Главам наказательным» (см.: *Лопарев Х. М.* О чине венчания русских царей // ЖМНП. 1887. Октябрь. С. 312—319).

[115] *Андреев Н. Е.* Иоанн Грозный и иконопись XVI века // Анналы Института им. Н. П. Кондакова. Прага, 1938. [Вып.] 10. С. 190. О проведении идеи поучения «царства» «священством» в памятниках искусства макарьевской поры также см.: *Самойлова Т. Е.* Царская твердыня. «Вера, государь и красота церковная» // Вера и власть. Эпоха Ивана Грозного. М., 2007. С. 14, 23.

[116] *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. С. 211.

Кроме того, книжник считает необходимым подчеркнуть и место современной ему России в православном мире. Так, памятник содержит указания на радость по случаю рождения Ивана IV «не токмо всего Русского царства», но, как он отмечает, этому событию «повсюду вси правовѣрнии възрадовашася» (22 гл. 16 ст.)[117]. Сходным образом передано и сообщение о ликовании во всем православном мире по случаю взятия Казани («не токмо въ единомъ Рускомъ царствии, но и во всѣхъ далнихъ странахъ, идеже есть истинное православие») (27 тит. 10 гл. 17 ст.)[118]. По всей видимости, стремясь дополнительными узами связать русскую Церковь с православным миром, составитель и включил весьма пространное послание к Ивану IV александрийского патриарха Иоакима и ответное послание ему русского царя (23 гл. 17 ст.)[119].

* * *

Характеризуя место историко-церковной проблематики в СК в целом, обратим внимание на ряд моментов.

Во-первых, в памятнике прослеживается тенденция к расширению круга тех, с кем по важнейшим вопросам советовались русские князья. Важно отметить, что этот круг не ограничивался фигурами митрополитов. Об этом говорит уже отмеченная нами выше правка рассказа о воздвижении соборной церкви в Киеве (52 гл. 1 ст.). Согласно ее тексту, кроме митрополита Владимир совещается «со епископы и зъ боляры». К совету с «епископами» в «достроенной» части речи Владимира этот князь призывал и своих сыновей (50 гл. 1 ст.).

Во-вторых, как уже было показано выше, в СК отсутствуют указания на такие значимые события церковной истории, как назначения епископов по русским городам. Фактически единственной группой известий, которые сохранены полностью, являются рассказы о приходе митрополитов на Русь и сообщения об их смерти. Описания прочих церковных событий также сокращаются. В ряде случаев книжник ссылается на жития, которые содержали подробные жизнеописания тех или иных святых (Феодосия Печерского, Сергия Радонежского, Стефана Пермского, Кирилла Белозерского и т. д.).

---

[117] Степенная книга. Т. 2. С. 316.

[118] Там же. С. 372.

[119] Там же. С. 393—400.

В-третьих, как указал еще П. Г. Васенко[120], в СК, в которой агиографический материал в целом ряде разделов (Житие Ольги, 1, 3, 5 и др. ст.), безусловно, преобладает над летописным, слабо представлены жития виднейших деятелей русской православной Церкви — как было показано выше, они явно уступают место описаниям князей. В СК читатель не найдет Житий таких почитаемых в средневековой Руси святых, как Феодосий Печерский, Варлаам Хутынский, Сергий и Никон Радонежские и т. д. Среди множества жизнеописаний церковных деятелей СК содержит лишь Жития митрополитов Петра, Алексия и Ионы а также Даниила Переяславского. При этом нельзя не отметить, что, как показали представленные выше итоги разбора источников СК, в нее были включены едва ли не все известные в Московской Руси середины XVI в. памятники княжеской агиографии.

Сказанное выше побуждает заключить, что при всей значимости для книжника историко-церковной проблематики, не она находилась в центре его внимания. Как следует из названия произведения и из его текста, Церковь занимает в нем хотя и важное, но не главное место. Описание событий церковной истории, начало которой отнесено к той хронологической глубине, какую только позволяли книжнику его источники, в СК, созданной при митрополичьей кафедре, фактически ограничено рассказами о русских первосвятителях. При этом особое внимание уделено их последовательности, для восстановления которой наряду с летописным материалом были привлечены и данные митрополичьих списков. Обратим внимание на то, что в СК, «церковный» характер которой несомненен, при описании деятельности русских митрополитов составитель в подавляющем большинстве случаев сосредотачивает внимание читателя на их взаимоотношениях с русскими государями, начиная с Владимира. Особое внимание при этом уделено их сотрудничеству, представленному в духе византийской концепции симфонии духовной и светской властей. В наиболее рельефном виде это сотрудничество выражено в виде покровительства русских князей Церкви, начиная с крестителя Руси, а также в виде «совета» потомков Владимира с иерархами Церкви (прежде всего, с их постоянными спутниками — митрополитами) по важнейшим вопросам, в т. ч. и тем, которые непосредственно с церковными

[120] *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 225.

делами связаны не были (например, наделение сыновей Владимира городами и решение о походе Ивана IV на Казань).

Как представляется, важный материал для определения сути этих «советов» дадут итоги рассмотрения особенностей изображения в СК представителей знати[121] — светских «советников» русских государей. Обратимся к ним.

6.2. Знать

Наибольший материал по интересующему нас вопросу содержит самое пространное княжеское жизнеописание из помещенных в СК — Житие Владимира в 1 ст. Его главный герой представлен в качестве своего рода эталона православного правителя. Поэтому, ни в коей мере не игнорируя материал прочих разделов памятника, особое внимание ниже мы уделим разбору 1 ст.

Результаты сравнения текста СК с сообщениями ее источников позволяют зафиксировать любопытную тенденцию — наш книжник в ряде рассказов в число действующих лиц вводит представителей знати. В подавляющем большинстве случаев он использует лексику Ник., использованного в 1 ст. Поучения на память Владимира и других памятников XVI в.[122], — «вельможи», «синклитики», «военачальницы» и т. д. При этом составитель СК крайне редко употреблял лексику ранних источников, которая содержалась в Воскр. («мужи», «дружина», «бояре» и т. д.)[123].

---

[121] Используемые ниже понятия «знать» и «представители знати» в значительной степени условны и применяются для удобства изложения материала. В СК фигурируют «боляре», «вельможи», «синклитики», «чиновницы», «воеводы» и т. д. Учитывая отсутствие соответствующего материала, а также цель настоящего исследования, посвященного изучению особенностей изображения прошлого и настоящего в СК, а не восстановлению того, «как это было на самом деле», мы специально не будем разбирать вопрос о том, какие именно социальные слои XVI в. скрываются за данными понятиями. Для нас в данном случае важно отметить, что, вне всякого сомнения, под «болярами», «вельможами» и т. д. в СК подразумеваются представители верхушки общества.

[122] Данная тенденция характерна для произведений эпохи митрополита Макария в целом. Так, как отметил Л. А. Дмитриев (см.: Повести о Житии Михаила Клопского. С. 82—83), книжник макарьевского круга Василий Тучков, перерабатывая свои источники, предпочитал заменять понятия «посадник» на «вельможа», «бояре» на «старейшины градские» и т. д.

[123] На вытеснение упоминаний «дружины» в СК понятиями «вельможи», «чиновники» и т. д. указал В. В. Кусков (см.: *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 101).

Очевидно, для того, чтобы пояснить читателю значение принятой в памятнике терминологии, он, как было отмечено выше, на завершающем этапе оформления текста СК включил в него статью «Царские сановники», в значительной мере основанную на «Азбуковнике» старшей редакции (или его источнике). Подавляющее большинство содержащихся в этой вводной статье терминов и их толкований обозначает должности представителей служилой знати[124]. Вероятно, писатель поместил эти толкования в специальной статье для того, чтобы в тексте самого памятника не давать соответствующих пояснений, как это делали его предшественники[125]. Сам факт включения подобной статьи в СК свидетельствует о важности для ее создателя изображения служилой знати. На ее значение для него указывают и итоги анализа правки фрагментов ряда произведений при их включении в текст памятника.

При сравнении СК с известиями ее источников обращает на себя внимание общая черта случаев правки текста Поучения на память Владимира. Так, в созданном на его основе рассказе о кончине киевского князя изменен круг тех, к кому он обращается перед смертью:

Поучение на память Владимира	СК
«Ныне истинныя сподобистеся жизни, ныне истинную обретосте веру...»[126].	«О любезнѣишии **мои друзи и велможи, и вси чиновници и сановници** [выделено нами. — *А. У.*], нынѣ истинную обрѣтосте вѣру...»[127].

Как видим, составитель СК счел необходимым уточнить состав тех, к кому на смертном одре обращается Владимир, — если в Поучении какой-либо намек на круг присутствующих при кончине князя отсутствует, то СК определенно повествует о «друзех», а также о «вельможах» и «всех чиновниках и сановниках».

Аналогичная правка содержится и в 72 гл. 1 ст. Так, источник СК сообщает, что к помощи Владимира желали прибегнуть

---

[124] «Ерапархъ — большии судия градъцскыи», «стратилатъ — воевода», «синьклитикъ — съвѣтникъ», «ипатъ — болшии съвѣтникъ и градъскии строитель» и т. д. (см.: Степенная книга. Т. 2. С. 457).

[125] Так, например, создатель Чина венчания Ивана IV на царство уточняет, что «то повелит держати двум болшим стратигам, сиречь боярином» (см.: Идея Рима... Р. 92).

[126] *Усачев А. С.* Из истории... С. 42—43.

[127] Степенная книга. Т. 1. С. 329.

«князи и люди, архиереа же, иереа, воя и препростыя инокы же и белца, мужа же, и жены, и всякыи възрастъ». В 72 гл. круг молящихся шире: «Князья **и боляре, и вся чиновники**, и прочие люди, и все **воинство христианское**, архиереи, иереи и весь причет церковный, и препростые иноки же и бельца, мужа же и жены, и всякий возрастъ» (выделено нами. — *А. У.*)[128]. Как показывают результаты сравнения текстов СК и ее источника, в этот фрагмент изучаемого памятника были включены «боляре и все чиновники», а также «все воинство християнское»[129].

Сходным образом поступает книжник, упоминая Василия III при описании Чудес Даниила Московского. Так, в Чуде о князе И. М. Шуйском (7 гл. 9 ст.) содержится указание на «множество синьгклита» у великого князя, в то время как ПЛ, вероятно, более полно передающий текст общего с СК источника (согласно нашему предположению, Сказания о Данииле Московском), ничего о «синклитах» Василия III в соответствующем месте не пишет[130].

Итоги рассмотрения случаев правки отрывков источников СК побуждают обратить внимание на то значение, какое современник Грозного придавал «чиновникам», «сановникам», «вельможам», а также «всему воинству христианскому», излагая русскую историю читателю. Приведенный выше материал побуждает заключить, что для писателя этого времени был немыслим иной порядок вещей, и участие представителей знати, а также «воинства» в плаче об умершем князе представлялось вполне естественным.

Особенности изображения взаимоотношений знати и «скипетродержателей» в СК в значительной мере проясняет анализ основанного на записи Воскр. под 6495 г. рассказа о выборе веры князем Владимиром (28 гл. 1 ст.):

---

[128] Степенная книга. Т. 1. С. 339; *Усачев А. С.* Из истории... С. 44.

[129] Трудно сказать, принадлежали ли представители «воинства христианского» к знати или нет. Во всяком случае, текст СК не дает оснований для твердого предположения относительно того, какие социальные слои скрывались за этим термином. Единственное, что можно сказать более или менее определенно, это то, что, как свидетельствует характер употребления этого термина, «воинство» не тождественно «болярам», «вельможам», «чиновникам» и «сановникам». Судя по тому, что «воинство» упомянуто после «бояр» и др., оно выступает как социальная группа, которая ниже их по своему статусу. Не исключено, что под этим понятием скрываются представители средних и мелких служилых слоев — дворян и детей боярских.

[130] Ср.: Степенная книга. Т. 1. С. 540; ПСРЛ. Т. 34. С. 205.

Воскр.	СК
«Они же рекоша: „гдѣ, господине, любо“»[131].	«И вси, единомудрено отвѣщавше, глаголашя ему: „никто же противенъ благому съвѣту цръскаго твоего повелѣниа. Идѣже тебѣ, государю, любезно, и мы послѣдуемъ воли твоеи“»[132].

Как видим, заложенная в источнике тенденция — подчеркивание власти Владимира в обращении «господине» — в СК превратилась в настоящую «верноподданническую» речь. В ней в уста «боляр» и «чиновников» вложено полное повиновение замыслам «государя», который в этом отрывке даже поименован «царем». Для характеристики описания взаимоотношений правителя и знати в СК существенен уже сам факт сохранения в ней известия о «совете» Владимира с ее представителями в таком важнейшем вопросе как крещение Руси[133]. Очевидно, повествуя о выборе веры, книжник середины XVI в. не счел возможным пропустить указание на участие знати в этом событии (как, например, в кратком известии о подчинении Владимиром радимичей был пропущен рассказ о роли его воеводы Волчьего Хвоста).

О необходимости совета князя с представителями знати говорит и уже отмеченная выше правка основанного на записи Ник. под 6501 г. рассказа о закладке соборной церкви в Киеве в 52 гл. 1 ст. Если Ник. сообщала о совете Владимира по вопросу о строительстве церкви лишь с митрополитом Леонтом, то согласно версии СК, киевский князь советуется наряду с митрополитом и епископами и «с боляры». Таким образом, есть основания полагать, что современник первого русского царя не мыслил себе принятия важнейших решений русским «самодержцем» без участия знати, пусть и ни в чем не «противной» его «царскому повелению»[134].

---

[131] ПСРЛ. Т. 7. С. 307.

[132] Степенная книга. Т. 1. С. 272.

[133] В. В. Кусков этот фрагмент расценивал как изображение в СК «безропотного повиновения» знати Владимиру. Однако В. В. Кусков сравнивал данный отрывок с Ник., в которой отсутствовало обращение к Владимиру «господине» (см.: *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 100). Отмеченная нами связь этого пассажа с Воскр. дает основания полагать, что составитель СК подверг материал своего источника лишь стилистической правке, сохранив смысл известия своего источника.

[134] Любопытная семантическая замена фиксируется в «Слове о житии» Дмитрия Ивановича, которое, как полагает В. Д. Назаров, являлось одним из самых ярких памятников русского Средневековья, изображающих идеальные

Изображая Владимира в виде своего рода эталона идеального христианского государя, составитель СК счел необходимым отметить его любовь к «благим советникам». Так, в 60 гл. 1 ст. он сообщает читателю о том, что равноапостольный князь «зѣло же любяше благыя съвѣтникы, и с ними всегда вся полезная умышляа Богомъ дарованнѣи ему дръжавѣ Русьстѣи и о всякомъ земскомъ благоустроении». В этой же главе отмечается, что крещение Руси было осуществлено благодаря «остроумному благосоветию» Владимира со своими приближенными[135].

Идеал представителя знати

Изображая знать как неотъемлемую часть общества, СК сообщает читателю о верной службе ее представителей русским «скипетродержцам». Наиболее явно это стремление составителя представлено в 65 гл. 1 ст. («О храбрыхъ мужехъ»). Как уже отмечалось выше, она создавалась на основе соединения ряда летописных записей Ник. под 6508—6510 и 6512 гг. Любопытно, что подзаголовок «Богатыри», который, по всей видимости, в Ник. относится лишь к рассказу о победе Александра и Яна, в СК распространен на все эти известия. В ней они объединены в один связный рассказ. При этом если относительно службы Александра, Усмошвеца и Рагдая Владимиру Ник. содержит прямые указания, то контекст упоминания Малвреда и Андриха не представляется однозначным. Из множества возможных интерпретаций книжник остановился на признании Малвреда и Андриха также мужами Владимира. Это дало ему возможность расширить круг служивших киевскому князю богатырей

отношения верховного правителя и знати (см.: *Назаров В. Д.* Нереализованная возможность: существовало ли рыцарство на Руси в XIII—XV веках? // Одиссей. Человек в истории. 2004. Рыцарство: реальность и воображаемое. М., 2004. С. 119—120). Так, заимствуя крупный фрагмент «Слова о житии» в рассказе о напутствии умирающего московского князя сыновьям, в 11 гл. 12 ст. составитель СК передает пожелание Дмитрия детям не принимать важнейших решений «без совета» бояр, в то время как в «Слове о житии» читалось «без воли» (см.: Степенная книга. Т. 2. С. 60; ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. С. 107). Очевидно, в отличие от первой четверти XV в. (наиболее вероятного времени написания «Слова о житии»), в середине XVI в. бояре уже рассматривались как «советники».

[135] Степенная книга. Т. 1. С. 317. Словарь древнерусского языка слово «благосоветие» и производные от него трактует как «правдивые», «добросовестные» советы, а «благосоветно» как нечто, совершаемое «с общего согласия». См.: СРЯ. XI—XVII. Вып. 1. М., 1975. С. 219—220.

путем включения в него этих персонажей[136]. Рассматривая особенности описания верных слуг киевского князя в 65 гл., нетрудно заметить, что в СК проводятся аналогии с ветхозаветным рассказом о 37 храбрых мужах царя Давида[137]. Как видим, включение этого рассказа обусловливалось стремлением составителя, сравнив «богатырей» киевского князя с воинами ветхозаветного царя, «имеящего у себя сильных муж тридесят и седмь таковы мужественны, яко меньшему их могущу выйти на сто мужей»[138], тем самым уподобить этому персонажу самого Владимира. Как отмечается в СК, служащие киевскому князю богатыри ничем не уступали мужам ветхозаветного царя.

Обращается внимание читателя на верных слуг русских князей и в последующий за смертью Владимира период. Так, в соответствии со своими источниками, книжник подчеркивает верность отрока-«угрина» Борису (73 гл. 1 ст.), боярина Федора Михаилу Черниговскому (14 гл. 7 ст.), отмечает мужество «храбрых мужей» Александра Ярославича в Невской битве (2 гл. 8 ст.), «неустрашимость» воевод Ивана III Даниила Холмского и Федора Давидовича в Шелонской битве (7 тит. 4 гл. 15 ст.), победы русских воевод в ходе русско-литовских и русско-татарских войн первых лет правления Ивана IV (6, 17, 26 гл. 17 ст.) и др.

Как видим, в целом ряде фрагментов СК упоминания бояр и знати носят явно позитивный характер. Проявилось это, в частности, и в том, что в произведении подчеркивается, что русский «самодержец» принимал решения, как правило, не в одиночку: они могли приниматься «по молению», «совету» и т. д. «святителя» (митрополита) и «боляр», «вельмож» и т. д. При этом степень участия последних в принятии соответствующих решений в СК остается неясной[139]. Так, как уже отмечалось выше,

---

[136] При включении в СК рассказа об Андрихе Добрянкове было пропущено известие о его отравлении собственными слугами. Очевидно, повествуя о служащих Владимиру богатырях, книжник дифференцировал связанные с ними события, определяя, какие следует ввести в текст памятника (победы Усмошвеца над печенежским богатырем и Усмошвеца и Александра Поповича над печенегами), а от каких его необходимо избавить (рассказ об отравлении Добрянкова).

[137] 2 Цар. 23: 8—39.

[138] Степенная книга. Т. 1. С. 323.

[139] Итоги рассмотрения фрагментов СК, в которых фигурирует «совет» государя, но отсутствуют точно определенные границы компетенций верховного правителя и знати, позволяют согласиться с С. Н. Богатыревым. Этот

в начале повествующей о взятии Казани 1 тит. 10 гл. 17 ст. упоминается о том, что царь Иван «начятъ совѣтовати и с митрополитомъ и з братию и **зъ боляры**, дабы свободити християньство» (здесь и далее выделено нами. — *А. У.*)[140]. При описании крещения татарского царевича Едигера сказано, что он был помилован и крещен «моления ради святительска [митрополита Макария. — *А. У.*] и **боляръска**» (12 гл. 17 ст.)[141]. Важно отметить, что источник данного рассказа СК — запись ЛНЦ под 7061 г. — известия о «боярском» «молении» не содержит[142].

Положительные контексты, связанные с упоминанием верных слуг и советников русских государей, могут быть обусловлены тем, что в России середины XVI в. «совет» рассматривался как неотъемлемая часть политической жизни. Так, как отметил И. У. Будовниц, «Сильвестр проповедует идею тесного сотрудничества между царем и боярами, храбрыми и опытными руководителями воинства»[143]. Этот писатель действительно в послании А. Б. Горбатому обращал внимание Ивана IV на верную службу его воевод, одерживающих победы над врагами[144]. Взять «дивна советника и доброхотна твоему царствию» Максим Грек рекомендовал правителю и в адресованном власть предержащим трактате «Главы поучительны начальствующимъ правовѣрно»[145]. На необходимость «от мудрости великия человека выбрати мудраго и ему приказати царева казна сбирати и праведен суд судити», «казны царевой не оскверняя ни в чем», устами турецкого султана указывал царю И. С. Пересветов[146]. Важность «вель-

---

историк отметил, что, по всей видимости, в свете данных, имеющихся в настоящее время, попытки окончательно решить вопрос о разграничении функций советников государя и его самого «вряд ли будут успешными» (см.: *Bogatyrev S. N.* The Sovereign and His Counsellors: Ritualised Consultations in Muscovite Political Culture, 1350s—1570s. Helsinki, 2000. P. 221). Таким образом, представляя «совет» с представителями знати по важнейшим вопросам (выбор Владимиром веры, подготовка к походу на Казань и т. д.) в качестве обязательной составляющей в действиях православного государя, наш книжник специально не останавливается на определении прерогатив сторон в системе «государь и его советники».

[140] Степенная книга. Т. 2. С. 358.

[141] Там же. С. 373.

[142] Ср.: ПСРЛ. Т. 13. С. 229—230.

[143] *Будовниц И. У.* Русская публицистика... С. 202.

[144] *Голохвастов Д. П., Леонид (Кавелин).* Благовещенский иерей Сильвестр... С. 91.

[145] Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 2. С. 162.

[146] Сочинения И. Пересветова. М.; Л., 1956. С. 168.

мож» для государства отмечает Ермолай-Еразм в «Правительнице»[147]. В явно положительные тона окрашены образы советников Ивана IV в первый период его правления в ИВКМ А. М. Курбского (70-е гг. XVI в.). Последний отмечал, что Сильвестр и А. Ф. Адашев «собираютъ къ нему совѣтниковъ, мужеи разумныхъ и совершенныхъ, во старости мастите сущихъ, благочестиемъ и страхомъ Божиимъ украшенныхъ; другихъ же, аще и во среднемъ вѣку, тако же предобрыхъ и храбрыхъ, и тѣхъ и онѣхъ въ военныхъ и въ земскихъ вещахъ по всему искусныхъ»[148].

Большое значение для рассматриваемого вопроса имеют наблюдения В. Е. Вальденберга. Историк отметил, что, согласно взгляду, представленному в памятниках книжности XVI в., неправедный правитель («насильник», «мучитель») действует всегда в одиночку, «самовластно», не принимая «общеполезного советования доброхотных» или «священнического учения духовного, ниже советования многоискусных старцев». Как указал историк, наиболее последовательно этот взгляд проведен Максимом Греком: по мнению ученого грека, «насильник действует всегда единолично, признает только свою волю и свой каприз»[149].

В наиболее явном виде взгляд на «совет» с мудрыми и добродетельными советниками как неотъемлемый элемент поведения истинного правителя представлен в трактате афонского старца «Инока Максима Слово, пространнѣе излагающее, съ жалостию, нестроения и безчиния царей и властей послѣдняго жития». Рисуя образ неправедных государей, Максим Грек отмечал, что они «ни священническое учение духовное приемлютъ ниже совѣтование многоискусныхъ старцовъ, ниже прещениемъ богодохновенныхъ писаний внимаютъ, но ко всѣмъ симъ глухуютъ, якоже аспиди глусии, затыкающе ушеса своя...»[150] (излишне специально останавливаться на том, что употребление слова «аспид» в памятниках древнерусской письменности

---

[147] БЛДР. Т. 9. СПб., 2000. С. 474. Подробнее о представлении идеи «совета» правителя со знатью в памятниках русской книжности XVI в. см.: *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти... С. 299—321.

[148] Сочинения князя Курбского. Т. 1. Стб. 171—172.

[149] *Вальденберг В. Е.* Понятие о тиране в древнерусской литературе в сравнении с западной // ИОРЯС. 1929. Т. 2, кн. 1. С. 220.

[150] Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 2. С. 334.

было связано, как правило, с самыми негативными контекстами вплоть до обозначения дьявола[151]). В «Главах поучительных» Максим Грек обращал внимание на то, что «еже убо велелѣпнѣ благотворити и дарити сущая овладѣющемъ вельможи и прочихъ слугъ своихъ, царя воистину благовѣрнаго свойственно ему есть дарование и исправление»[152]. В этом же трактате к числу добродетелей праведного властителя его автор относит «къ подручникомъ кротость растворенну со устрашениемъ государьскимъ на исправление ихъ, а не на погубление»[153].

Как видим, согласно ряду предшествующих и современных СК произведений, истинный правитель при принятии решений всегда должен опираться на советников. Начало этой традиции было положено еще в литературе домонгольской Руси, в частности, в летописях. Как отметил специально исследовавший этот вопрос Б. Н. Флоря, в последних фиксируется «обязанность правителя запрашивать мнение дружины»[154]. Согласно наблюдениям С. Н. Богатырева[155], мотив «совета» предков московских государей со знатью отразился и в современных СК памятниках изобразительного искусства. Так, в барельефных изображениях на Царском месте в Успенском соборе (1551 г.) наглядно представлен «совет» Владимира Мономаха с его приближенными; на это также указывают и надписи, сопровождавшие барельефы, в которых подчеркивался «совет» правнука крестителя Руси с его «болярами» и «вельможами»[156]. Впрочем, несмотря на соответствие надписей Царского места взглядам составителя СК, вряд ли можно говорить об их непосредственной связи с этим произведением — скорее всего, определенное сходство

---

[151] Подробнее см.: *Белова О. В.* Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. М., 2000. С. 58—61.

[152] Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 2. С. 167.

[153] Там же. С. 184.

[154] *Флоря Б. Н.* Правитель и знать в древнерусском летописании XII века // Средневековая Русь. М., 2009. Вып. 8. С. 79.

[155] *Bogatyrev S. N.* The Sovereign and His Counsellors... P. 75—77.

[156] «Манамах... егда на великомъ княжении сѣде в Киевѣ съвѣт творяше съ князьми своими и боляры и велможи», «благовѣрныи великии князь Владимир Киевъскии Манамах совѣтъ творяше съ князьми своими и з бояры...» и т. д. Кроме того, надписи на Царском месте повествуют и о «совете» византийского императора Константина, который под угрозой вторжения войск Владимира Мономаха на Балканы «съставляетъ съвѣтъ мудрыи царьскии...». См.: *Соколова И. М.* Мономахов трон. Царское место Успенского собора Московского Кремля. М., 2001. С. 61, 63—64.

идей обусловливалось общей атмосферой, тон в которой задавали сподвижники митрополита Макария, создавшие Царское место и СК. Следуя этой традиции, отраженной в памятниках письменности и изобразительного искусства, составитель СК подчеркивает «совет» русских государей с представителями знати.

Неправедные советники

Результаты анализа текста СК указывают на то, что отношение нашего книжника к «вельможам» не было однозначным. Так, есть основания говорить и о негативной тенденции в изображении знати. Она проявилась в осуждении ее отдельных представителей, которые в памятнике предстают в качестве «враждотворцев», инициирующих столкновения между русскими князьями. Подобная оценка окружения «самодержца» проявилась в ряде рассказов.

Передавая известие своих летописных источников о совете Свенельда Ярополку убить Олега Древлянского, составитель СК указывает на то, что этот совет Свенельд дал «коварствуя»[157] (подобная оценка в летописных источниках СК отсутствует). Как справедливо отметил В. В. Кусков[158], в основанном на летописных источниках рассказе об убийстве Владимиром Ярополка в 19 гл. 1 ст. особенно рельефно представлена роль киевского воеводы Блуда. Именно в «злом совете лукавого раба Ярополка, господоубийственного Блуда» усматривается причина убийства будущим равноапостольным князем своего брата[159]. При этом летописное известие о речи Владимира к Блуду с просьбой помочь расправиться с братом в 1 ст. пропускается.

Соответствующим образом в СК интерпретируются и события 6522—6523 гг., которые едва не привели к началу войны между Владимиром — крестителем Руси — и продолжателем его дела — его сыном Ярославом. Если источники СК — Ник. и

---

[157] Степенная книга. Т. 1. С. 235.

[158] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 96.

[159] Степенная книга. Т. 1. С. 236; ПСРЛ. Т. 9. С. 39—40; Т. 7. С. 292—293. В рассказе о крещении костей братьев Владимира Ярополка и Олега составитель СК дублирует эту трактовку возникшей после смерти Святослава междоусобицы: «По смерти же сына ея [княгини Ольги. — *А. У.*] великаго князя Свѣтослава сынове его Ярополкъ и Олегъ, братия святаго Владимира, братоубиственою кровию скончястася льстивымъ совѣтомъ и лукавымъ коварьствомъ отъ служащихъ имъ боляръ преже крещениа Владимирова» (Степенная книга. Т. 1. С. 375).

Воскр. — повествуют об отказе Ярослава от уплаты дани с Новгорода отцу и попытке киевского князя силой принудить сына к повиновению[160], то в 69 гл. 1 ст. читается иная версия развития событий. Как сообщается в СК, отчаявшись сломить «правовѣрие» Руси «ратованиемъ иноплеменныхъ» и «еретическимъ суемудриемъ», дьявол прибег к крайнему средству для того, чтобы «брань лютѣишую соплести» на Руси. С этой целью он «подгнел нѣкихъ враждотворцовъ притворити съвѣтъ неблагъ благословеному наслѣднику дръжавы Русьскиа, достохвалному великому князю Ярославу Владимиричю, яко да не дастъ отцю своему древле уложеннаго урока с Новаграда в Киевъ»[161]. Таким образом, инициатива мятежа Ярослава против отца, которая, согласно летописному рассказу, исходила от самого князя, в оформленной в СК версии является результатом козней дьявола, действующего руками неких безымянных «враждотворцев» в окружении новгородского князя. Книжнику эпохи Ивана IV очевидно, что мудрому Владимиру была ясна невиновность сына в разгоревшемся конфликте. Собирая войска для похода на Новгород, киевский князь «зѣло поскръбѣ о таковои диавольскои враждѣ» и решил направить свою карающую десницу не на «наслѣдника дръжавы Русьскиа», а на тех, кто уговорил его на мятеж[162]. Таким образом, путем введения в повествование дьявола, который традиционно в памятниках древнерусской литературы выступает как первопричина всех бед, составитель СК переносит конфликт из плоскости «отец — мятежный сын» в сферу «Владимир — приспешники дьявола». В результате переосмысления летописного рассказа в 69 гл. на первый план в этом конфликте выступают некие «враждотворцы» из окружения Ярослава.

Своего рода эталоном «враждотворцев» в русской истории в СК выступают Кучковичи, к повествованию о которых привлекается дополнительный (по сравнению с основными — Ник. и Воскр.) источник — внелетописная статья «А се князи русьтии». В соответствии с ней сообщая о «льстивом» совете Кучковичей Андрею Боголюбскому самовольно покинуть отца и удалиться во Владимир-на-Клязьме, книжник на основе летописного рассказа сообщает об убийстве ими владимирского князя.

---

[160] ПСРЛ. Т. 9. С. 69; Т. 7. С. 317.

[161] Степенная книга. Т. 1. С. 327.

[162] Там же.

Затем он, вновь обращаясь к своему дополнительному источнику, подводит своего рода черту под деятельностью «безумных» представителей этого боярского рода, указывая на казнь как самих Кучковичей, так и их приспешников Михаилом и Всеволодом Юрьевичами (4—5 гл., 14 тит. 12 гл. 6 ст.)[163].

Вполне отчетливо осуждающий неправедных советников мотив представлен в 5 гл. 8 ст., посвященной описанию Андрея Ярославича. Как уже отмечалось выше, в тексте СК фиксируется рассказ, отсутствующий в ее известных источниках: Андрей «аще и преудобренъ бѣ благородиемъ и храбростию», но под влиянием «младоумных» советников «на ловитвы животныхъ упражьняася», пренебрегая делами управления[164]. Как видим, как и все прочие представители «семени» крестителя Руси обладающий целым рядом достоинств (по крайней мере, «благородием» и «храбростью»), этот потомок Владимира под влиянием «младоумных» советников пренебрегал делами управления.

В историографии уже отмечалось, что, согласно читаемой в 24 гл. 15 ст. версии, виновниками гнева Ивана III на Василия III и Софью Палеолог также являлись бояре — именно с арестом Ряполовского и Патрикеевых в СК связывается восстановление в правах московским князем своих опальных жены и сына[165].

Осуждающий неправедных советников мотив также представлен в описании первых лет правления Ивана IV. Следуя за своим источником — «Повестью о московском пожаре 1547 г.» — книжник отмечает, что арест «царских отраслей» — дядей первого русского царя Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого — произошел «советом боярским» (3, 7 гл. 17 ст.)[166].

Как видим, согласно выраженному в СК взгляду, наученные дьяволом неправедные советники побуждают представителей прославляемого в ней рода порой совершать неблаговидные поступки. Сходный мотив читается и в ряде других памятников русской книжности XVI в.

В «Сказании о царе Константине» И. С. Пересветов подчеркивал неправедные «мысли» византийских «вельмож», которым удалось в угоду себе «благовернаго царя Констянтина укротить

---

[163] Степенная книга. Т. 1. С. 450—451, 471—473.

[164] Там же. С. 527.

[165] Например, см.: *Каштанов С. М.* Социально-политическая история... С. 103.

[166] Степенная книга. Т. 2. С. 346, 352.

от ереси своея» и побудить его отказаться от заботы о «воинниках» и проведения активной внешней политики, добиться ослабления военной мощи Византии, что привело к «потере» «царства»[167]. В послании к первому русскому царю Сильвестр призывал его остерегаться «гнилых советов неразумных людей»[168]. В ИВКМ А. М. Курбский, повествуя о первых годах правления Ивана IV, сурово порицал ряд его советников («прелютейших зверей, сиречь ласкателей и человек угодников»[169]), которые поощряли его на кровопролития и прочие деяния, не совместимые с его саном. «Совету» «прелукавые четы осифлянския» неправедного Вассиана Топоркова А. М. Курбский приписывал перемены в облике царя, которому этот советник внушил мысль «не держати мудрейшие рады при собе»[170].

Учитывая наличие общего мотива, осуждающего неправедных советников, в памятниках древнерусской книжности, трудно связать его появление в СК с каким-либо конкретным произведением. Однако обратим внимание на то, что явственно читающийся в СК и ряде других сочинений образ коварного «советника» характерен для политического трактата, оказавшего огромное влияние на политическую мысль Европы, как Восточной, так и Западной, — «Наставления» Агапита[171]. В нем содержатся предостережения правителю относительно льстивых, неправедных советников, потакающих его человеческих слабостям[172].

---

[167] Сочинения И. Пересветова. С. 167.

[168] *Голохвастов Д. П., Леонид (Кавелин).* Благовещенский иерей Сильвестр... С. 80.

[169] Сочинения князя Курбского. Т. 1. Стб. 171.

[170] Переписка... С. 115.

[171] Подробнее о распространении «Наставления» Агапита в Западной Европе и на Руси в эпоху Средневековья см.: *Вальденберг В. Е.* Наставление писателя VI в. Агапита в русской письменности // ВВ. М., 1926. Т. 24. С. 27—34; *Ševčenko I.* A Neglected Byzantine Source... P. 49—87; *Копосов Н. Е.* «Наставление» Агапита и западноевропейская политическая мысль XVI—XVII вв. (Агапит и Эразм) // ВВ. М., 1982. Т. 43. С. 90—97; *Буланин Д. М.* Античные традиции... С. 378, 422—423, 427—428. Славяно-русский перевод трактата Агапита бытовал на Руси в двух вариантах — раннем и позднем (оба перевода были известны книжникам первой половины—середины XVI в. — к этому времени относится ряд списков памятника). Учитывая то, что разночтения в интересующих нас фрагментах «Наставления» в раннем и позднем переводах незначительны, для удобства мы будем использовать ранний перевод труда ученого византийца по изданию И. А. Лобаковой (см.: *Лобакова И. А.* Житие митрополита Филиппа: Исследование и тексты. СПб., 2006. С. 285—296).

[172] *Лобакова И. А.* Житие митрополита Филиппа... С. 287, 288—289, 293.

При этом, как отметил В. Е. Вальденберг, представленная в труде Агапита идея «совета» правителя с его окружением получила широкое распространение в произведениях древнерусской политической мысли[173]. В настоящее время трудно сказать определенно, оказывал ли труд ученого византийца непосредственное влияние на СК или речь шла о следовании ее составителем традиции, которая восходит к Агапиту[174]. В любом случае, важно отметить созвучие осуждающего неправедных советников мотива СК важнейшему политическому трактату эпохи Средневековья.

Особое внимание в СК уделено тем представителям знати, которые под влиянием дьявола изменяли русским «самодержцам», выступая в едином строю с внешним врагом. Так, в соответствии с летописной записью, в 65 гл. 1 ст. повествуя о Володаре, книжник указывает на то, что он «диаволимъ научениемъ, забывъ многое к себѣ благодѣние государя своего, святаго и великаго князя Владимира, прииде бранию къ граду Киеву съ братом си и съ многыми половцы, яко время удобно усмотривъ своему зломыслию». Подводя черту под изменой Володаря, составитель СК обращает внимание на то, что «обаче вѣры ради и благодѣяниа блаженнаго Владимира въскорѣ разори Богъ неправедныя совѣты безумнаго Володаря, и не токмо не успѣ граду ничто же зло сътворити, наипаче же самъ погибе и прочии с нимъ»[175]. Вполне отчетливо мотив измены государю и вере читается в пассаже, осуждающем «ухищрения злоумной» Марфы Борецкой. Как отмечается в 5 тит. 4 гл. 15 ст., она с прочими изменниками, «Бога не боящееся, и православию противляху-

---

[173] *Вальденберг В. Е.* Наставление... С. 33.

[174] И. Шевченко справедливо указал на использование фрагментов «Наставления» Агапита в Похвале Василию III в 16 ст. (см.: *Ševčenko I.* A Neglected Byzantine Source... P. 69—71). Однако, как уже отметили М. А. Дьяконов и Н. Н. Розов, источником Похвалы этому московскому князю в СК послужило «Слово похвальное», которое известно в списках XVI в. и было написано в первые годы правления Ивана IV (см.: *Дьяконов М. А.* Власть московских государей... С. 105; *Розов Н. Н.* Похвальное слово... С. 278). Прочие цитаты из «Наставления» Агапита в других фрагментах СК не фиксируются. Вероятно, следует согласиться с Н. Н. Покровским, который, не исключая знакомства создателя СК с «Наставлением», полагал, что в данном случае «речь идет, прежде всего, не об отдельных цитатах» из сочинения ученого византийца, а об общем духе СК, родственном этому трактату (подробнее см.: *Покровский Н. Н.* Византийский дьякон Агапит... С. 165—175).

[175] Степенная книга. Т. 1. С. 323.

ся», сначала хотела предать город польскому королю, а затем «сплетеся лукавыми словесы» с Михаилом Олельковичем, желая вместе с ним «владѣти всею Новоградъскою землею»[176]. В 6 гл. 17 ст. внимание читателя обращается на бояр-изменников Семена Бельского и Ивана Ляцкого: как указано в СК, «советом» этих «безумных бегунов московских» татары и литовцы совершили набег на Русь[177].

В наиболее полном виде отношение составителя СК к боярскому своеволию выражено в 7 гл. 17 ст., на которую наши предшественники уже обращали внимание[178]. Ввиду важности этого фрагмента для последующего изложения приведем его полностью. Как указывает книжник, после смерти Елены Глинской «грѣхъ ради нашихъ благонадежнии боляре великаго князя и прочии вельможи, яко благополучно и самовластно время себѣ улучивше, и изволишя собрати себѣ множество имѣниа, и тако вражиимъ навѣтомъ и вмѣсто еже любити искреняго яко себе, в ненависть уклонишяся: киижду себѣ различныхъ и высочаишихъ сановъ желаху, инии же и получяху, но обаче на мало время. И начя в нихъ быти самолюбие и неправда, и желание на въсхищение чюждаго имѣния. И въздвигоша велию крамолу между себе, и властолюбия ради другъ друга коварьствоваху, и не токмо в заточение посылаху или в темницяхъ затворяху и юзами облагаху, но и самои смерти предаваху, навыкше господоубиистьвеному совѣту, яко выше речено бысть о царьскихъ отраслѣхъ, о князѣхъ Юрье и Андрѣе Ивановичехъ. Тако же и на своихъ друговъ востающе, и домы и села ихъ себѣ притяжашя, и съкровищя своя наплънишя неправеднаго богатьства. Не токмо же между собою сие содеваху, но и великому христоподобному чину архиерѣиску превысочаишяго святительства приразишяся своя ради межуусобныя крамолы, митрополита Данила с митрополии сведошя въ Иосифовъ манастырь. Въ него же мѣсто поставленъ бысть на митрополию Иоасафъ, игумен Сергиева монастыря. По трех же лѣтехъ и тъи изгнан бысть отъ престола своего и въ Кириловъ манастырь посланъ бысть и оттуду же в Сергиевъ манастырь. И бысть престолу Руския митрополиа приемникъ дивныи въ святителехъ Макарие,

---

[176] Степенная книга. Т. 2. С. 222, 225.

[177] Там же. С. 348.

[178] См.: *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 283; *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 342; *Морозов В. В.* Лицевой свод... С. 163.

архиепископъ Великаго Новаграда и Пьскова. И яко же преже сего, тако и по сихъ, многа бяше междуусобныя крамола въ болярехъ и несытное мздоимъство, даже и до самаго възраста великаго князя»[179].

Осуждающий боярское своеволие мотив данного пассажа, как указал А. А. Зимин, был заимствован из «Повести о московском пожаре 1547 г.», возникшей вскоре после этого события (данный источник был использован в 7—9 гл. 17 ст.)[180]. К этому памятнику можно возвести и рассматриваемый фрагмент 7 гл.; материал Повести в СК был подвергнут лишь минимальной стилистической правке[181].

Как нетрудно заметить, около половины отрывка посвящено описанию вмешательства бояр в церковные дела, что выразилось в сведении с митрополичьего престола Даниила, а затем Иоасафа. Это, в свою очередь, позволяет думать, что представленный в 7 гл. 17 ст. мотив, осуждающий боярское своеволие, во многом обусловливался происхождением СК, написанной по поручению митрополита Макария его ближайшим помощником Андреем, протопопом московского Благовещенского собора (важно отметить, что сведения церковного характера источника в СК дополнены рядом деталей: указанием на сведение Даниила с кафедры в Волоцкий монастырь, Иоасафа сначала в Кириллов, а затем в Троицу и др.; этих подробностей «Повесть о московском пожаре 1547 г.» не содержит). При этом, однако, зафиксируем, что, как справедливо указал Д. Миллер, СК является одним из первых памятников древнерусской книжности, в котором бояре, захватившие власть в период малолетства Ивана IV, прямо обвиняются в узурпации власти и присвоении чужих имений[182]. Неудивительно, что этот фрагмент позднее оказался востребованным. Так, Д. Миллер и В. В. Морозов вполне обоснованно связали помещенные в ЛЛС антибоярские сентенции (прежде всего, знаменитые приписки к Царственной книге)

---

[179] Степенная книга. Т. 2. С. 352.

[180] А. А. Зимин написание Повести датирует временем около 1547—1563 гг. Подробнее об этом памятнике см.: *Зимин А. А.* К изучению источников Степенной книги. С. 225—230. Текст Повести опубликован, см.: *Зимин А. А.* Повести в сборнике XVI в. С. 198—203.

[181] Ср.: *Зимин А. А.* Повести в сборнике XVI в. С. 198—199. Подробнее о редакторской правке, сопровождавшей включение Повести в СК см.: *Зимин А. А.* К изучению источников Степенной книги. С. 225—230.

[182] *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 342.

с красочным описанием боярского своеволия в СК[183], которая, как известно, послужила источником ЛЛС. Укажем и на созвучие мотива, осуждающего боярский произвол конца 30-х—середины 40-х гг. XVI в., посланиям Ивана IV[184], а также сочинениям И. С. Пересветова. Последний в своих челобитных жаловался первому русскому царю на притеснения, чинимые ему некими «великими людьми» в первые годы его правления[185].

Сопоставляя соответствующие рассказы, однако, обратим внимание на два момента. Во-первых, как было показано выше, в СК особое внимание уделено историко-церковным аспектам периода боярского правления. Во-вторых, в произведении, заключительный раздел которого писался в период смены внутриполитического курса в стране, отсутствуют имена конкретных бояр, которые принимали активное участие в описываемых событиях. Есть основания полагать, что составитель СК, избавляя соответствующий рассказ от подробностей (имен конкретных участников событий и прочих, за исключением церковных, деталей), руководствовался стремлением представить читателю своего рода вневременной антиидеал государственного правления, при котором некогда «благонадежнии» вельможи, «самовластно время себе улучивше», «уклонились» «на ненависть» и «восхищение чужого имения». Анализируя рассмотренный пассаж, зафиксируем, что в нем осуждается лишь боярское «самовластие», но не знать в целом. Как прямо следует из рассмотренного отрывка, ее представители при нормальном положении дел являются вполне «благонадежными».

Мотив, осуждающий своеволие бояр в период малолетства Ивана IV, «Повести о московском пожаре 1547 г.» и СК можно сопоставить с пассажем из «Сказания о Магмете-салтане» И. С. Пересветова, порицающим византийских «вельмож». Последние в годы малолетства императора Константина «от злоимства и от нечистаго собрания, от слез и от крови роду человеческаго, богатели... праведный суд изломили, да неповинно осуждали по мздам»[186]. При этом важно отметить, что «вельмо-

---

[183] ПСРЛ. Т. 13. С. 98, примеч. 1, С. 141, примеч. 2, 4, 8; *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 342; *Морозов В. В.* Лицевой свод... С. 163.

[184] На созвучие антибоярских тирад Ивана IV в его Первом послании А. М. Курбскому осуждению периода боярского правления в СК обратил внимание Д. Миллер, см.: *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 342. Ср.: Послания Ивана Грозного. М., 1951. С. 33—34.

[185] Сочинения И. Пересветова. С. 164, 197.

[186] Там же. С. 151.

жи» в сочинениях И. С. Пересветова осуждаются лишь в связи с их злоупотреблениями в годы малолетства царя и в тот период, когда он им сам «волю дал и сердце веселил»[187]. Как видим, критическое перо И. С. Пересветова направлено на «богатых и ленивых», на пагубное «уловление» «вельможами» императора, а не на знать в целом[188].

Зафиксированная нами выше попытка составителя СК представить читателю своего рода вневременной образ неправедно управляемого «царства» роднит это произведение с сочинениями, содержащими аналогичный, также вневременной, антиидеал правления в государстве, лишенном истинного правителя. В наиболее законченном виде он представлен в трактате Максима Грека «Инока Максима Слово, пространнѣе излагающее, съ жалостию, нестроения и безчиния царей и властей послѣдняго жития». В этом сочинении ввергнутое в несчастия царство аллегорически представлено в виде «плачущей без утехи» жены Василии[189].

* * *

Результаты анализа рассмотренного выше материала побуждают думать, что, согласно выраженному в СК взгляду, знать является неотъемлемой чертой действительности, одним из ее важнейших элементов. Прежде всего это связано с такой функцией ее представителей как «совет» правителю. Обращает на себя внимание созвучие представления о важности «совета» в России XVI в. «Наставлению» Агапита, которое было популярно в Европе и на Руси в эпоху Средневековья. Характеризуя окружение государя, Агапит, с одной стороны, предостерегая правителя от неправедных советников, с другой, не мысля себе принятия важнейших решений без участия праведных советников, адресует государю следующие строки:

«Приемли благая свѣщати хотящая, а не ласкание творити всегда тьщащаяся, ови бо полезное въистину съблюдають, друзии же на угожение владующимъ взирають и тѣлесных с тѣнии подражающи, от нихъ глаголемыхъ»[190].

---

[187] Сочинения И. Пересветова. С. 154.

[188] Там же. С. 184.

[189] Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 2. С. 319—337.

[190] *Лобакова И. А.* Житие митрополита Филиппа... С. 288—289.

Данный мотив представлен в памятниках древнерусской книжности, относящихся еще к домонгольскому времени. Так, в «Молении» Даниила Заточника содержатся сходные слова:

«Такоже и князь не самъ впадаеть въ вещь, но думци вводять.

З добрымъ бо думцею думая, князь высока стола добудеть,

А с лихимъ думцею думая — меншего лишенъ будеть»[191].

Сходный взгляд представлен и в современных СК сочинениях, например, в трудах Максима Грека. Так, в «Главах поучительных» афонский старец отмечал: «Якоже бо еже съпребывати и събесѣдовати благимъ и правымъ мужемъ обильно осияваетъ и вразумляетъ мысли наша, сице паки омрачати и развращати до конца обыче насъ бесѣда злыхъ съпребывание»[192]. На пагубность «совета» неправедных советников несколько позднее указывал и ученик Максима А. М. Курбский. Так, в ИВКМ наряду с праведными советниками ее автор представляет читателю и явно негативные образы «прегордых синклитов» (в частности, упомянутого выше Вассиана Топоркова, а также князя Михаила Глинского — «всему злому начальника»), которые «побуждали» Ивана IV на кровопролития[193].

Анализируя особенности представления в СК отдельных исторических событий, в которых более или менее значительную роль играли представители знати, отметим, что в 17 ст. отсутствует рассказ о болезни Ивана IV в 1553 г. Как было установлено в историографии, этот период отмечен нарастанием политического кризиса, связанного с конфликтом русского царя с рядом крупных боярских родов: их представители не желали согласиться с тем, что управление страной в случае его смерти de facto переходило бы к родственникам жены царя Захарьиным-Юрьевым[194]. Очевидно, что отсутствие информации об этом эпизоде у составителя СК — ближайшего к Ивану IV лица, его духовника, — более чем сомнительно. Вероятно, причины данного умолчания могут быть связаны с желанием писателя изба-

---

[191] БЛДР. Т. 4. СПб., 1997. С. 278.

[192] Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 2. С. 167.

[193] См.: Сочинения князя Курбского. Т. 1. Стб. 166—167, 169.

[194] Например, см.: *Смирнов И. И.* Очерки социально-политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 264—286; *Зимин А. А.* Реформы... С. 407—417; *Хорошкевич А. Л.* 1) Царский титул Ивана IV и боярский «мятеж» 1553 г. // ОИ. 1994. № 5. С. 23—42; 2) Россия... С. 123—132.

вить текст памятника от «острых углов» во взаимоотношениях русского государя с его боярами, а также его ближайшими родственниками (прежде всего, с Владимиром Андреевичем Старицким, позиция которого в событиях 1553 г. была неоднозначной). Это в свою очередь побуждает заключить, что, сурово осуждая отдельных «враждотворцев» из окружения того или иного потомка Владимира, книжник, тем не менее, считает необходимым обратить внимание читателя на важность «совета» с представителями знати в целом. Важно отметить, что социально-политическая сущность этих «советов» в СК не раскрыта: так же, как и авторы ряда других предшествующих и современных ей произведений, создатель СК подчеркивает сам факт «совета» православного государя со своими верными слугами, не разъясняя прерогатив советников и государя. Обратим внимание на то, что стремление подчеркнуть единство государя и знати характерно не только для памятников русской книжности XVI в., но и для делопроизводственной документации — в них при принятии важнейших решений указывается, что «царь указал, бояре приговорили».

Представленный выше материал может быть сопоставлен с результатами исследования С. Н. Богатырева взаимоотношений московского государя и его советников в политической практике XVI в. Согласно мнению этого историка, в общественном сознании времени Ивана Грозного образ царского приближенного двоился: он выступал как в роли «мятежного» слуги, которого следовало сурово карать, так и в образе «верного раба», с которым государю следовало «советоваться» и которого ему предписывалось защищать и награждать[195]. Таким образом, изложенный выше материал в сочетании с наблюдениями С. Н. Богатырева дает основания рассматривать русскую историю в СК в виде зеркала, в котором отразились реалии России середины XVI в.

Резюмируя, можно констатировать, что отношение нашего книжника к представителям знати было двойственным. С одной стороны, он не мыслил принятия важнейших решений без участия пусть и во всем согласной с «царским повелением» знати. С другой стороны, составитель СК подразделяет представителей знати на «господоубийственных» «враждотворцев» (Свенельд, Блуд, Кучковичи, неназванные бояре первых лет правления

[195] *Bogatyrev S. N.* The Sovereign and His Counsellors... P. 78—91.

Ивана IV и др.) и верных слуг, вроде Александра Поповича и Яна Усмошвеца. Таким образом, есть основания полагать, что современник Грозного не представлял себе действий «самодержавных» без участия «вельмож» и «синклитов». Это, однако, не мешало отрицательной оценке тех из них, кто, движимый дьяволом, направлял свои действия против представителей рода русских государей.

6.3. Правитель

Приведенный выше материал дает основания полагать, что особенности изображения Церкви и знати в СК определялись стремлением ее составителя подчеркнуть те или иные аспекты в деятельности правителя. Последний, с одной стороны, постоянно консультировался по важнейшим вопросам со своими духовными и светскими советниками, проявляя непрестанную заботу о них, с другой, сурово наказывал как еретиков, так и «господоубийственных», «злоумных» и т. д. представителей знати. Какие еще черты присущи идеальному государю, согласно представленному в СК взгляду?

Идеальный государь

Как уже неоднократно отмечалось нашими предшественниками и нами выше (при рассмотрении особенностей изображения Церкви в СК), важнейшей чертой правителя писатель вслед за целым рядом своих предшественников (Иосифом Волоцким, митрополитом Макарием, Сильвестром и т. д.) считал верность православию и тесно связанную с ней заботу о Церкви. С этой целью книжник ввел пространный пассаж об учреждении церковной десятины Владимиром, некоторые другие рассказы, а также постоянно подчеркивал «совет» князей с их «отцами» митрополитами. Однако итоги знакомства с текстом СК убеждают в том, что не забота о Церкви помещена в центр описания отношения князя к вере — есть веские основания полагать, что при изображении правителя внимание читателя акцентировалось на другом аспекте этих отношений. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Результаты исследования текста СК побуждают констатировать, что зримым свидетельством верности правителя православию, наряду с заботой о Церкви, являлась его нерасторжимая связь с Богом. Образ государя, действующего в соответствии

с Божьей волей, проявляемой в виде многочисленных пророчеств и знамений (об их значении в памятнике мы уже писали ранее), в СК занимает центральное место. Деятельность всех русских государей описывается в самой тесной связи с реализацией Промысла. В наиболее последовательном и законченном виде образ государя, действующего при самой активной поддержке небесных сил, представлен в рассказах об основателе династии русских государей, крестителе Руси Владимире Святославиче и о его потомке — современнике составителя СК — Иване IV.

Подчеркивая «богоизбранность» Владимира, СК отмечает постоянную заботу Бога о крестителе Руси, начиная с его детства. Так, вслед за своим источником — Житием Ольги пространной редакции — памятник сообщает о «тщании» первой русской христианки о крещении своих внуков, которому помешало лишь упорство неисправимого язычника Святослава. Далее в СК обращается внимание на чудесное избавление Владимира — «сосуда **избранного (!)**» — в ходе нападения печенегов на Киев (13 гл. 1 ст.). Весьма лаконично повествуя о языческом периоде правления Владимира, писатель сосредотачивает внимание адресата своего труда на событиях, связанных с крещением Руси, которое в произведении выступает как главное событие ее истории. Жизнеописание Владимира наиболее подробно характеризует его жизненный путь с того времени, когда он «преложися отъ зловѣриа во благовѣрие», после того как «человѣколюбець Богъ благодатию Своею просвѣти сердце его и възлюби» (22 гл. 1 ст.)[196]. При описании пророчеств апостола Андрея и Ольги о будущем крещении Руси внимание читателя акцентируется на том, что оба пророчества «съвръшая Богъ благимъ произволениемъ блаженнаго Владимира»[197] (24 гл. 1 ст.). Стремясь подчеркнуть Божье благоволение к просветителю Руси, составитель СК в основанный на летописном материале рассказ о крещении вводит почерпнутое из Поучения на память Владимира упоминание о руке с неба, чудесно явившейся князю во время крещения (29 гл. 1 ст.).

Особое внимание в СК уделено упоминанию о Божьей помощи русскому князю, о которой умалчивают летописные источники СК. Например, в рассказе о спасении Владимира под Ва-

---

[196] Степенная книга. Т. 1. С. 240.

[197] Там же. С. 244.

силевым подчеркнуто, что он лишь «покрываемъ десницею Божиею отъ многыхъ врагъ», «без вреда съхраненъ бысть» (61 гл. 1 ст.)[198]. Как отмечается в 48 гл. 1 ст., зримым проявлением расположения Бога к Владимиру и всей Русской земле в целом было то, что «в тогдашнее время вся благая съдѣвахуся в Русьстѣи земли вѣры ради къ Христу Богу блаженнаго Владимира» — «бысть же тогда умножение всякихъ плодовъ, и тишина велиа отвсюду бяше»[199]. В 67 гл. 1 ст. как о свершившемся факте сообщается о «благодати Божьей, множащейся в Русьстей земле»[200].

Под стать своему равноапостольному предку был и главный герой 17 ст. Уже в самом начале его жизнеописания отмечается, что Ивана IV «самъ всесилныи Богъ Своею крѣпкою десницею всегда и всюду наставляя» (1 гл. 17 ст.)[201]. Обращая внимание на постоянное благожелательное присутствие небесных сил в русской истории времени первого русского царя, А. И. Филюшкин отметил, что в СК «Бог выступает как прямой помощник и чуть ли не соправитель Грозного»[202]. Отмечая некоторую метафоричность выражения исследователя, тем не менее, укажем на справедливость самого наблюдения.

Как показывают итоги рассмотрения текста заключительной степени памятника, она как никакой другой его раздел насыщена пророчествами и знамениями, предрекающими славное будущее Руси и счастливое правление Ивану IV, которые напрямую связаны с расположением к ним Бога. Среди соответствующих рассказов СК можно отметить: «проречение» рождения Ивана иноком Галактионом, пророчество юродивого Доментия относительно того, что будущий царь умом будет подобен Титу (1 гл. 17 ст.), наказание Богом в виде пожара 1547 г. москвичей за прегрешения эпохи боярского правления, описание всеобщего покаяния и заступничества Богородицы, добившейся прощения Русской земли (9 гл. 17 ст.), повествование о множестве чудес и знамений, предрекающих взятие Казани (10 гл.

---

[198] Степенная книга. Т. 1. С. 318.

[199] Там же. С. 303—304.

[200] Там же. С. 325.

[201] Там же. Т. 2. С. 346.

[202] *Филюшкин А. И.* Модель «царства»... С. 270. Аналогичное мнение высказала и Г. Ленхофф, отметив, что «один из центральных мотивов XVII степени — детерминированность политических успехов Ивана его благочестием» (см.: *Ленхофф Г.* Степенная книга... С. 139).

17 ст.), рассказ о Чуде Никиты Переяславского, с которым было связано рождение царевича Ивана (14 гл. 17 ст.), чудесное явление Николая Мирликийского, предсказавшего набег татар (как отмечается в СК, чудотворец был «отъ Бога посланъ» на спасение города Дедилова от врагов) (26 гл. 17 ст.).

Не забывает книжник подчеркнуть связь с Богом и других русских «скипетродержцев». Описывая Ярослава Владимировича, он отмечает, что сын крестителя Руси «тщахуся угодная Богу сътворити» (1 гл. 2 ст.)[203]. Как прямо следует из текста СК, результат не заставил себя ждать — «преблагыи Богъ сугубо тому и дръжавы царствиа умножи, и многи окружныя страны поработи ему» (3 гл. 2 ст.)[204]. В жизнеописании Всеволода Ярославича обращается внимание на непосредственное вмешательство Бога в его судьбу: как указано в 6 гл. 3 ст., «хотя ему человѣколюбивыи Богъ възбранити отъ самоутѣшнаго въ человѣцѣхъ обычая» (охоты), явил ему знамение, которое побудило Всеволода отказаться от участия в «позорных ловитвах» (аналогичное известие, как указывалось выше, также помещено в 18 гл. 1 ст.)[205]. Характеризуя Даниила Александровича в 1 гл. 9 ст., составитель отмечает, что его «избра Богъ, и възрасти, и снабдѣ не ратуема ни отъ кого же... его же и праведное сѣмя възлюби Богъ и прослави»[206]. Вслед за своим источником — Повестью на перенесение Владимирской иконы из Владимира-на-Клязьме в Москву — книжник рассказывает об избавлении Руси от войск Тамерлана благодаря заступничеству Богородицы (7, 24 гл. 13 ст.), тем самым демонстрируя читателю ее благосклонность к Русской земле и ее правителям.

Как видим, связь с Богом имеет ключевое значение для созданного в СК образа идеального государя. В памятнике, с одной стороны, показано, что она выражается в верности правителя православию, с другой, подчеркивается и своего рода результат этой верности — постоянное благожелательное участие небесных сил в судьбе государя и управляемой им «державы». Данная идея СК хорошо согласуется с представленным в «Сказании о святем благочестии росийских началодержец» образе русской истории в виде лестницы, неуклонно ведущей государей из рода

---

[203] Степенная книга. Т. 1. С. 380.

[204] Там же. С. 381.

[205] Там же. С. 234—235, 390.

[206] Там же. С. 536.

Владимира и управляемую ими страну к Богу[207]. Есть основания полагать, что основной текст СК иллюстрирует заявленный в «Сказании» тезис.

Важной составляющей портрета идеального государя является его помещение в широкий генеалогический контекст, в один ряд со всеми потомками Владимира. Это, по всей видимости, обусловлено тем, что, по сути, главным героем СК является не какой-либо отдельный представитель династии русских государей, а их род в целом, который пользуется особым покровительством небесных сил.

По всей видимости, стремлением подчеркнуть расположение Бога к династии русских государей — потомков Владимира — обусловлено и уже отмечаемое в историографии стремление составителя СК сообщить роду русских государей черты святости[208]. Так, как показали итоги изучения источников памятника, в него включены, по-видимому, все известные писателю середины XVI в. тексты, прославляющие потомков Владимира, в т. ч. и тех, которые прямыми предками московских государей не являлись (Сказание и Чтение о Борисе и Глебе, отрывок Киево-Печерского патерика о Николае Святоше и т. д.). Рассказы о тех князьях, которые канонизированы не были, и о которых, по-видимому, не было еще написано особых агиографических текстов, выполнены на основе летописных записей (как правило, в СК использовались наиболее пространные описания Ник., например, в рассказах о Мстиславе Тмутороканском, Изяславе и Святославе Ярославичах, Ярополке Изяславиче, Игоре Ольговиче и т. д.).

Важно отметить, что во включенных в СК рассказах внимание читателя в первую очередь сосредотачивалось не на политической деятельности соответствующего персонажа, а на перечне его достоинств, среди которых особо выделяется благочестие. Так, в 7 гл. 3 ст., описывая Изяслава Ярославича, книжник ничего не сообщает о его деятельности как киевского князя, его

---

[207] Как отмечает Г. Ленхофф, в СК ее «составители косвенно приписывали возвышение и политические успехи московских князей их духовному совершенствованию», при этом «подвижничество каждого из правителей — борьба с силами тьмы, вера и любовь к Богу — открывали путь его преемникам» (см.: *Ленхофф Г.* Степенная книга... С. 135).

[208] Подробнее см.: *Lenhoff G.* Unofficial Veneration... С. 391—416; *Усачев А. С.* К проблеме святости княжеского рода... С. 90—94; *Покровский Н. Н.* О концепции святости русских государей... С. 97—107.

борьбе с братьями — внимание читателя обращено на содержащийся в некрологе этому князю перечень его добродетелей (благочестия, братолюбия, смирения и т. д.)[209]. Аналогичным образом построено и описание его сына Ярополка в 8 гл. этой же степени. Пропуская летописные известия об активном участии этого князя в княжеских междоусобиях, составитель, следуя агиографическому канону в жизнеописании, сообщает о мученической кончине «неповинного страдальца», который уподоблен Борису и Глебу[210]. В основу рассказа об Игоре Ольговиче в 10 гл. 5 ст. также положено описание добродетелей и мученической кончины этого князя[211]. Подобным же образом представлен и Андрей Боголюбский — значительно сокращая рассказы своих источников о его весьма активном участии в княжеских усобицах второй половины XII в., создатель СК обращает внимание на то, что этот князь «всю дръжаву свою по Бозѣ управляа и многи добродѣтели показа къ Богу и человѣкомъ» (14 тит. 12 гл. 6 ст.)[212]. Повествуя о также весьма заметном участнике внутрикняжеских конфликтов на Руси XII в. смоленском и киевском князе Ростиславе Мстиславиче, писатель сообщает о том, что он «господьствуя въ Киевѣ и вся отьческия законы, иже по Бозѣ, благочестно исправляя, имяше же вѣру велию по Бозѣ къ Пречистеи Богородицы и къ преподобнымъ отьцемъ Антонию и Феодосию Печерскимъ и всегда желаше въ лавре ихъ облещися во иноческий образъ». Также 16 гл. 6 ст. указывает на беседы князя с печерским игуменом Поликарпом и на кончину Ростислава[213]. Сходным образом построен и ряд других рассказов о неканонизированных потомках Владимира[214], а также родственных им литовских князьях[215]. Как нетрудно заметить, при описании русских «скипетродержцев» книжник внимание адресата своего труда концентрирует в первую очередь на их морально-этических характеристиках, оставляя за

---

[209] Степенная книга. Т. 1. С. 391—392.

[210] Там же. С. 392—394.

[211] Там же. С. 429—433.

[212] Там же. С. 471.

[213] Там же. С. 477—478.

[214] О Святославе Ярославиче и его сыне Давиде Черниговских (9—10 гл. 3 ст.), Константине Всеволодовиче и его сыне Василько Ростовских (2, 13 гл. 7 ст.), Юрии Всеволодовиче (4 гл. 7 ст.), Романе Ольговиче Рязанском (9 гл. 9 ст.), Андрее Константиновиче Нижегородском и его супруге Василисе-Феодоре (10 гл. 11 ст.) и др.

[215] О Войшелке и Довмонте Псковском (10—12 гл. 9 ст.).

скобками повествование о конкретных событиях их правления — войнах с сородичами, соседями и т. д. Таким образом, можно констатировать, что в СК внимание читателя сосредотачивается главным образом на высоких морально-этических характеристиках русских правителей.

Статус русских государей

Со сказанным выше можно связать и явно выраженное в памятнике стремление его составителя приблизить описания соответствующих персонажей к агиографическим рассказам. Составитель, с одной стороны, подвергает их стилистической правке, вставляя порой весьма лестные эпитеты по отношению к этим князьям (эпитеты, которые отсутствуют в источниках памятника[216]), с другой стороны, дает этим рассказам, созданным путем соединения материала отдельных летописных записей, названия, выполненные в соответствии с традициями житийной литературы. Так, описание Игоря Ольговича в 5 ст. озаглавлено «Страдание святаго мученика киевьскаго великаго князя Игоря Олговича инока»[217]; сходным образом поименована и повествующая о Романе Ольговиче Рязанском 9 гл. 9 ст. («Страдание великаго князя Романа Олговича Рязаньскаго въ Ордѣ за вѣру Христову»)[218]; рассказ об Андрее Боголюбском в 6 ст. имеет название «О убиении великаго князя Аньдрея Георгиевича Боголюбьскаго»[219].

Как уже отмечалось нашими предшественниками и нами выше, важнейшим, по сути, обязательным условием включения особого рассказа о том или ином потомке Владимира в СК была генеалогическая вставка, которая поясняла место соответствующего персонажа в ряду потомков крестителя Руси. Вряд ли можно сомневаться в том, что, делая такого рода пояснения, книжник стремился подчеркнуть единство княжеского рода, восходящего к единому корню — равноапостольному князю Владимиру. Данное стремление создателя СК можно сопоставить с его явно выраженным желанием представить рассказы о потомках Владимира в агиографических тонах. Это в свою очередь побуждает думать, что, с одной стороны, приводя агио-

---

[216] «Богомудрый», «богоснабдимый», «боговенчанный», «богоизбранный», «смиренномудрый» и др.

[217] Степенная книга. Т. 1. С. 429.

[218] Там же. С. 542.

[219] Там же. С. 471.

графические (или приближенные к ним) рассказы о потомках Владимира, с другой, связывая их героев единой генеалогической нитью, составитель тем самым сообщал и всему роду в целом черты коллективной святости, выделяющие его среди прочих династий мировой истории.

В наиболее последовательном виде данное стремление книжника выражено в Похвале Владимиру в 72 гл. 1 ст. («О праведном сродствии святаго Владимира»)[220]. В ней внимание читателя обращается на то, что появление целого ряда святых в возводимом к Владимиру роде не является нормой для обычного человеческого рода: «...таковымъ многымъ отъ сѣмени его въ многочюдесныхъ добродѣтелехъ въсиавшихъ, аще бы единъ или два блага — по естеству бы было, а понеже до конца мнози неисчетни добродѣтелни бышя...»[221]. Как видим, в этой фразе род потомков Владимира выделен среди прочих династий своими добродетельными представителями. Затем в СК следует краткий обзор деяний потомков Владимира, которые как в монастырях, так и вне их стен «всяческими добродѣтельми Богу угодиша». Особое внимание читателя обращается на то, что не одни лишь ушедшие от мира князья-иноки «спасошася». Как показывает составитель, правда, не называя конкретных имен, святость княжеского рода имела разнообразные проявления: потомки Владимира принадлежали к различным типам святых — это и иноки, и мученики за веру, и храбрые воители, боровшиеся с внешним врагом, и юродивые[222].

---

[220] На значение 72 гл. для изучения выраженного в СК взгляда на русских князей указал П. Г. Васенко (см.: *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 237, примеч. 4).

[221] Степенная книга. Т. 1. С. 334.

[222] Важно отметить, что не все перечисленные в СК типы князей (как причтенных к лику святых, так и неканонизированных) могут быть соотнесены с конкретными потомками Владимира. Так, если известны князья-мученики (Михаил Черниговский и Михаил Тверской), князья-воители (Александр Ярославич, Дмитрий Иванович), князья, мирно правившие в своих владениях (Даниил Александрович, Федор Ярославский и др.), ослепленные в ходе княжеских междоусобиц (Василько Теребовльский, Василий II) и др., то юродивые княжеского происхождения в известных источниках не фиксируются. Согласно мнению Н. Н. Покровского, упоминание о «юродстве» потомков Владимира в СК «является скорее абстрактной декларацией без конкретной привязки» (см.: *Покровский Н. Н.* О концепции святости русских государей... С. 101). Как отметил С. А. Иванов, обративший внимание на этот фрагмент СК, среди потомков Владимира на роль юродивого (и то не полностью) подходит лишь Михаил Клопский (см.: *Иванов С. А.* Блаженные похабы: культур-

Как представляется, ключевое значение для понимания смысла 72 гл. и СК в целом по вопросу о коллективной святости рода потомков Владимира имеет следующий фрагмент. Книжник, указывая на большое число святых в ряду потомков крестителя

ная история юродства. М., 2005. С. 270—271). Последний, согласно представленному в историографии мнению, принадлежал к княжескому роду, хотя и неясно, к какой именно его ветви (подробнее о происхождении Михаила см.: *Янин В. Л.* К вопросу о происхождении Михаила Клопского // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 52—61; *Кузьмин А. В.* 1) Родословная князя Димитрия Боброка Волынского // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. Тула, 2001. С. 130—131; 2) Князь Дмитрий Михайлович Боброк и род Волынских в XIV—середине XV в. // Вестник общества исследователей Древней Руси за 2000 г. М., 2002. С. 95—97; *Турилов А. А.* 1) Когда умер Михаил Клопский и кто предсказал церковную карьеру новгородскому архиепископу Ионе? // Славяноведение. 2005. № 5. С. 43—49; 2) К биографии и генеалогии Михаила Клопского // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 178—209). Однако необходимо отметить два важных обстоятельства. Во-первых, Михаил Клопский не являлся вполне «классическим» юродивым (об этом см.: *Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 73—74, 76, 96; *Иванов С. А.* Блаженные похабы... С. 253—254; *Руди Т. Р.* О топике житий юродивых // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 460—461). Во-вторых, оставляя за скобками вопрос о реальном происхождении Михаила Клопского, важно отметить, что, по всей видимости, составителю СК его княжеское происхождение не было очевидно. Так, в 1 гл. 15 ст., сообщая о его пророчестве покорения Новгорода Иваном III, книжник определяет Михаила как «инока свята от **вельможеска** [выделено нами. — *А. У.*] рода» (см.: Степенная книга. Т. 2. С. 218). В. Л. Янин полагал, что упоминание СК о «вельможеском» происхождении можно рассматривать как указание на рождение Михаила в родственной князю знатной семье (согласно мнению историка, Михаил являлся сыном известного воеводы Д. М. Боброка-Волынского и сестры великого князя московского Дмитрия Ивановича Анны, см.: *Янин В. Л.* К вопросу... С. 56). Как показывают наблюдения над всей совокупностью источников СК, ее составитель в случае наличия у него соответствующего материала о потомке Владимира, к тому же принадлежавшем к роду московских князей (тем более о канонизированном!), несомненно, включил бы либо генеалогическую справку об этом святом, либо, по крайней мере, упоминание о его княжеском происхождении. Ничего подобного в СК нет. Это в свою очередь побуждает согласиться с С. А. Ивановым в том, что «кого из потомков Владимира сочли юродивыми в Москве XVI в. — можно лишь догадываться» (см.: *Иванов С. А.* Блаженные похабы... С. 271). Таким образом, затруднения, связанные с причислением к юродивым Михаила Клопского, о княжеском происхождении которого создатель СК, судя по всему, не знал, побуждают думать, что в 72 гл., по-видимому, речь идет о некоем топосе — вероятно, стремясь возвысить род русских князей, книжник при его характеристике использовал трафаретную формулу, в которой представлены различные виды святости. Согласно Г. Ленхофф, данный фрагмент создавался под влиянием 2 Кор. (6: 4—10; 11: 22—27) (см.: *Ленхофф Г.* Степенная книга... С. 136—137).

Руси, отмечает, что «мнози убо отъ нихъ аще и непразднуеми тръжествено и не явлени суть, но обаче **святи суть** [выделено нами. — *А. У.*], иже таковыя своя угодники единому Богу хотящю прославити сугубо, аще не здѣ, то въ будущии вѣкъ»[223]. Как видим, в этом отрывке писатель, четко разграничивая причтенных к лику святых и еще не канонизированных русских князей, тем не менее, фактически уподобляет последних первым, статус которых полностью сравняется лишь в «въ будущий вѣкъ» (вероятно, в данном контексте под «будущим веком» в 72 гл. 1 ст. подразумевается загробный мир)[224]. Оставляя за скобками вопрос о том, готовил ли создатель СК почву для канонизации предков Ивана IV или нет, — ответ на него, безусловно, потребует специального исследования, — отметим следующее. Четко отделяя канонизированных потомков Владимира от их еще не причтенных к лику святых сородичей[225], составитель предпринимает попытку уподобить вторых первым, выражая надежду на то, что на Страшном Суде их статус будет уравнен[226].

---

[223] Степенная книга. Т. 1. С. 334.

[224] Подробнее о значении этого понятия в памятниках древнерусской книжности см.: *Срезневский И. И.* Материалы. Т. 1. Стб. 209—210; СРЯ XI—XVII. Вып. 1. С. 347—348.

[225] Примером такого четкого разделения служит повествование о не причтенном к лику святых Довмонте Псковском. Как отметила В. И. Охотникова, жизнеописание этого князя в СК — «историческое повествование, а не житийное. Довмонт ни разу не называется в ней блаженным или благоверным... в его изображении нет особой патетики и агиографической идеализации», присущей описанию канонизированных князей (см.: *Охотникова В. И.* Псковская агиография. Т. 1. С. 542).

[226] Важно зафиксировать, что если книжник середины XVI в. — составитель СК — уподобляя еще не причтенных к лику святых князей их святым сородичам, тем не менее, четко разделяет их, то при создании крупных памятников изобразительного искусства этой поры (прежде всего, росписи Архангельского собора) подобное разграничение не фиксируется — князья обеих групп представлены с нимбами, характерными для изображений святых (вероятно, это делалось не без влияния памятников византийского искусства, в которых даже живые императоры изображались с нимбами, об этом см.: *Грабар А.* Император в византийском искусстве. М., 2000). Подробнее об отражении идеи святости княжеского рода в памятниках изобразительного искусства макарьевской поры см.: *Сизов Е. С.* 1) Русские исторические деятели в росписях Архангельского собора и памятники письменности XVI в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 264—276; 2) «Воображены подобия князей»: стенопись Архангельского собора Московского Кремля. М., 1969. (Публикация одного документа — 3); *Kämpfer F.* 1) «Rußland an der Schwelle zur

Сказанное выше побуждает констатировать, что внимание читателя сосредотачивалось на мысли о том, что составляющие единый род потомки Владимира отмечены Богом среди прочих земных родов[227]. При этом, как уже указывалось ранее, в качестве важнейшей черты, которая выделяет русских князей среди прочих правителей мировой истории, выступает верность православию. Так, упоминая и о «человеческих» недостатках потомков Владимира, СК отмечает: «Аще ли же нѣкто отъ нихъ и человѣческое нѣчто сътвори, или нѣкое прегрѣшение съдѣа, или въ нѣкиа крамолы увязну, или в различныя скръби или бѣды впаде, но истинныя вѣры иже въ Господа Иисуса Христа никто же не отпаде, ни отступи»[228].

Таким образом, 72 гл. 1 ст. прямо дает понять адресату памятника, что род потомков Владимира пользуется особым небесным покровительством. Оно проявилось в том, что в нем оказалось сосредоточено такое количество святых. В то же время книжник прямо разъясняет причину Божьей благодати — главной заслугой русских государей является верность православию, которая и выделяет их среди прочих правящих домов. Последующий текст СК (т. е. 2—17 ст.), по сути, иллюстрирует этот тезис конкретными примерами.

Приведенный выше материал побуждает задаться вопросом: а явилась ли проводимая в СК идея святости княжеского рода плодом размышлений ее составителя или речь идет о заимствовании им этой идеи у своих предшественников? Трудно сказать точно, на какие именно источники (кроме, разумеется, соответствующих агиографических текстов) опирался книжник, придавая роду потомков Владимира черты коллективной святости. Однако есть основания полагать, что эта идея (как и прочие представленные в СК) не была рождена ex nihilo. Во всяком случае, вряд ли можно сомневаться в существовании предшест-

---

Neuzeit»... S. 504—524; 2) Das russische Herrscherbild von den Anfangen bis zu Peter dem Grossen. Studien zur Entwicklung politischer Ikonographie im byzantinischen Kulturkreis. Recklighausen, 1978 (на последнюю работу наше внимание обратила Н. А. Соболева); *Самойлова Т. Е.* 1) Новооткрытый «портрет» Василия III... С. 39—58; 2) Тема царской и княжеской святости в росписях Благовещенского собора // Царский храм. Святыни Благовещенского собора в Кремле. М., 2003. С. 24—38; 3) Княжеские портреты...

[227] Как уже было показано выше, итоги сравнения византийских императоров, а также потомства Авраама, которые многократно отступались от истинной веры, с «семенем» крестителя Руси в СК были явно в пользу последнего.

[228] Степенная книга. Т. 1. С. 336.

вующих и современных СК памятников, в которых бы проводилась данная идея.

Обратим внимание на то, что в число источников СК входило произведение, в котором прямо проводилась идея святости рода потомков Владимира, — «Словеса избранные». «Словеса» содержат следующий пассаж:

«[Новгородцы] яко забывше своея великия старины, како въ началѣ отъ прежебывшихъ господарей благочестивыхъ **святыхъ князей** [здесь и далее выделено нами. — *А. У.*], великыхъ его [Ивана III. — *А. У.*] прародителей и пречестныхъ его родителей великыхъ князей, еще отъ святаго равного апостоломъ великого князя Владимера... и до самого того государя до великого князя Ивана Васильевича, всея Русьские земли отчича и дѣдича, того святаго Владимера корене благоплодная [от]расль христолюбивыхъ великыхъ князей и благочестивыхъ, пятоенадесяте колѣно **святаго того роду...**»[229].

Отправляясь в поход на Новгород, Иван III, согласно «Словесам избранным», «призываше к себе на помощь» «**святыхъ** православныхъ своихъ **прародителей** великихъ князей Владимера и сыновъ его, и благочестивыхъ своихъ родителей великыхъ князей»[230].

Также отметим, что в «Ответе» митрополита Макария, созданном между 1547 и 1551 гг. и адресованном непосредственно Ивану IV, среди прочего упомянуты «вси **святии** царскые... прародители и родители» первого русского царя[231].

Сказанное выше побуждает заключить, что специфической чертой СК является не провозглашение идеи святости княжеского рода, которая содержится и в предшествующих ей памятниках, а развитие этой идеи на материале всей русской истории в 72 гл. 1 ст. и последующих разделах.

С попыткой сообщить русским «самодержцам» особый статус и подчеркнуть их связь с Богом можно связать и рассеянные по всему тексту СК указания на их «**богоизбранность**», «**богоснабдимость**», «**богохранимость**», «**богомудрие**», «**богоподражательность**», «**боголюбие**», «**боговенчанность**» и т. д. Как показывают итоги рассмотрения СК, эти эпитеты являются неотъемле-

---

[229] ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. С. 3.

[230] Там же. С. 9.

[231] «Ответ» митрополита Макария... С. 740. О датировке «Ответа» подробнее см.: *Кистерев С. Н.* Дело Аграфены Волынской и «Ответ» митрополита Макария Ивану IV // АЕ за 1998 год. М., 1999. С. 71—77.

мой характеристикой всех русских «скипетродержцев» — главных героев степеней. Выше уже указывалось, что, стремясь подчеркнуть «богохранимость» русских государей, книжник насыщает текст СК сентенциями о Божьей помощи им в битвах с врагами. Как отмечается в произведении, «богоизбранность» ряда предков первого русского царя и его самого проявилась и в том, что само появление на свет целого ряда потомков Владимира (что характерно, прямых предков Ивана IV и его самого) произошло чудесным образом.

В историографии уже неоднократно отмечалось, что включение в СК рассказов о чудесном зачатии и рождении ряда русских государей обусловливалось стремлением ее составителя подчеркнуть особый статус как отдельных потомков Владимира, так и всего «семени» равноапостольного князя в целом[232]. Среди подобных рассказов выделяются: описание чудесного рождения Василия II по «проречению» некоего святого старца (1—2 гл. 14 ст.), пророчество Михаила Клопского о покорении Новгорода Иваном III при рождении этого князя (1 гл. 15 ст.), повествование о зачатии и рождении Василия III после чудесного явления Софье Палеолог Сергия Радонежского (15 гл. 15 ст., 1 гл. 16 ст.), указание на рождение Ивана IV по пророчеству инока Ферапонтова монастыря Галактиона (2 гл. 16 ст., 1 гл. 17 ст.), а также на зачатие его сына царевича Ивана Ивановича после посещения царской четой гроба Никиты Переяславского (14 гл. 17 ст.)[233].

Нельзя не заметить, что чем ближе к современным составителю СК событиям, тем более необычным становится появление русских государей — в памятнике сообщается о чудесных обстоятельствах, сопутствующих появлению на свет главных действующих лиц 14—17 ст. По всей видимости, концентрация соответствующих рассказов именно применительно к этим персонажам могла обусловливаться двумя обстоятельствами. Первое обстоятельство может быть связано с наличием у книжника соответствующего источникового материала. Как уже было отмечено выше, вполне вероятно, что с первой четверти XV в. при великокняжеском дворе (при придворном Благовещенском соборе, протопоп которого являлся великокняжеским духовни-

---

[232] Например, см.: *Thyrêt I.* 1) «Blessed Is the Tsaritsa's Womb»... P. 488—491; 2) Between God and Tsar... P. 27—28; *Soldat C.* Die Erzählungen... S. 139—152.

[233] Степенная книга. Т. 2. С. 129—130, 218, 250—251, 286, 288, 345, 375—377.

ком?) начал фиксироваться материал о необычных явлениях, сопутствующих рождению московских князей. Обращая внимание на другую возможную причину рассматриваемого казуса, отметим, что если в первой половине СК фигурирует три (!) канонизированных прямых предка Ивана IV (Ольга, Владимир и Александр Невский), то во второй половине СК (с 9 ст.) читатель не встречает ни одного (!) причтенного к лику святых прямого предка первого русского царя. Выскажем предположение относительно того, что включение в СК рассказов о чудесном рождении главных героев 14—17 ст. определялось стремлением составителя несколько «выровнять» ситуацию, подчеркнув особый статус ближайших предков первого русского царя и его самого и тем самым, по крайней мере отчасти, уподобить их канонизированным «сродникам».

Отметим еще одну важную черту портрета православного правителя, начертанного рукой составителя СК. Она связана с его попыткой обратить внимание читателя на весьма высокий «международный» статус русского «самодержца», единственного главы независимого православного государства. Так, верность православию, которую сохранили потомки Владимира и управляемая ими Русская земля, согласно выраженному в СК взгляду, сообщала русскому государю особое положение в православном мире, большая часть которого попала под гнет иноверцев (хотя, как уже отмечалось выше, в СК и не фиксируются случаи использования теории «Москва — третий Рим»). Так, в 22 гл. 16 ст., передавая рассказ о молитвах Василия III о даровании ему сына, СК отмечает, что «Господь не преслуша молениа его и слезамъ его внятъ... да не погибнутъ бес пастыря **не точию едины Русьскыа страны, но и вси православнии**» (здесь и далее выделено нами. — *А. У.*). Именно поэтому после рождения Ивана IV «не токмо все Руское царство, но и **повсюду вси правовѣрнии** възрадовашася». Как отмечается в произведении, «аще бы самодеръжьцу дщерь даровалъ Богъ, то единъ православныи нашь царь възвеселился бы. Нынѣ же **вси православнии во всѣхъ концехъ вселенныа** радости исполнишася»[234]. Согласно представленному в СК взгляду, сильный резонанс в «пра-

[234] Степенная книга. Т. 2. С. 316—317. Важно отметить «авторский» характер данной фразы — как уже отмечалось в историографии (М. А. Дьяконов, И. Шевченко, Н. Н. Розов), 22 гл. 16 ст. основана на «Слове похвальном» Василию III; однако приведенные выше слова в нем отсутствуют.

вославных странах» вызвало и известие о взятии Казани Иваном IV. Так, внимание читателя обращается на то, что «бысть же радость велиа и неизреченна о таковѣ преславнѣи побѣде не токмо въ единомъ Рускомъ царствии, но и **во всѣхъ далнихъ странахъ, идеже есть истинное православие**. Въ иновѣрныхъ же странахъ бысть тогда печяль и уныние и страхъ» (27 тит. 10 гл. 17 ст.)[235].

Обратим внимание на то, что в рассматриваемых пассажах фигурируют православные «страны», но не «цари». Это, по всей видимости, обусловливалось тем, что, согласно присущему СК взгляду, на земле существовал лишь один православный царь — русский. Данное представление характерно и для ряда других современных СК памятников. Так, например, Ермолай-Еразм в «Правительнице» отмечал, что «во всѣхъ языцех кромѣ русийскаго языка не вѣмы правовѣрствующа царя»[236]. Общеизвестны и слова Филофея о том, что «вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя по пророческим книгам, то есть Росеиское царство»; обращаясь к Василию III, псковский инок подвел черту под этим вопросом: «Един ты во всей поднебесной христианом царь»[237]. Со сказанным выше может быть связана и интересная интерпретация рассказа о происхождении Рюрика от Пруса Н. В. Рамазановой. Согласно ее мнению, сопоставляя Августа и Христа, книжник показывал, что «как Христос уничтожил „многобожие“, а Август устранил многоначалие, русский царь должен был возвеличиться „надо всеми языки“»[238].

Сказанное выше побуждает зафиксировать два момента. Во-первых, обращает на себя внимание стремление книжника подчеркнуть особое место русского государя в православном мире. Во-вторых, зафиксируем, что оба приведенных пассажа связаны с личностью главного героя 17 ст. — Ивана IV: именно его рождение и самая важнейшая победа вызвали «радость велию» во всем православном мире.

Приведенный выше материал побуждает констатировать, что в СК фиксируется особое положение русского государя (в первую очередь, Ивана Грозного) и его рода, которому сообщены

---

[235] Степенная книга. Т. 2. С. 372. Данный отрывок уже приводился ранее.

[236] БЛДР. Т. 9. С. 474.

[237] *Малинин В. Н.* Старец Елеазарова монастыря Филофей... Прил. С. 45, 50.

[238] См.: *Рамазанова Н. В.* Московское царство... С. 115.

черты коллективной святости. При этом, как следует из текста произведения (прежде всего, из 72 гл. 1 ст.), статус русских «самодержцев», несравнимый с прочими государями мировой истории, обусловлен их преданностью православию. Эта важнейшая историко-политическая идея в СК иллюстрируется конкретными примерами, представленными в жизнеописаниях потомков Владимира, которые, несмотря на все невзгоды, сохранили верность истинной вере на протяжении столетий вплоть до эпохи, современной написанию СК.

Какой же модели поведения следовали русские «самодержцы», неизменно обеспечивая поддержку небесных сил себе и управляемой ими «Русской державе»?

Модель должного поведения

Как уже отмечалось выше, согласно выраженному в СК взгляду, важной обязанностью православного государя являлась забота о Церкви. Также ранее мы обращали внимание на стремление книжника представить в качестве неотъемлемой черты правителя его «совет» с представителями как духовенства, так и знати: как явствует из текста СК, они принимали участие в принятии важнейших решений тем или иным «скипетродержцем» из рода Владимира. Обусловливалось ли это социально-политическим контекстом эпохи составления СК, попытками провести в ней мысль о необходимости ограничения власти «самодержца» «советом» иерархов Церкви и представителей знати?

Есть основания полагать, что подобное, подкупающее своей простотой, решение вопроса существенно упрощает анализ СК. Так, если упоминания «совета» правителя с его «отцом» митрополитом можно объяснить происхождением произведения из круга Макария, то указания на участие представителей знати («синклитов», «вельмож» и т. д.) трудно объяснить, исходя исключительно из представления об отражении в СК социально-политических интересов и взглядов знати. Вероятно, объяснение следует искать в ином.

Как уже отмечалось ранее, согласно С. Н. Богатыреву, важной составляющей идеала правителя в России XVI в., отраженного в целом ряде памятников литературы, было представление о «совете» и «советниках» как неотъемлемой части политической жизни. Приведенный историком материал хорошо согласуется с результатами наших наблюдений над СК: как отметил

С. Н. Богатырев, подчеркивая сам факт «совета» государя с советниками, книжники обходили молчанием вопрос о прерогативах сторон при принятии решений; как уже отмечалось нами выше, «совет» в СК также социально не определен.

Таким образом, как видим, непосредственно связывать упоминания о совещаниях государя по важнейшим вопросам с представителями знати и высшего духовенства с интересами какой-либо определенной социальной группы вряд ли возможно — есть все основания полагать, что в данном вопросе составитель рассматриваемого памятника руководствовался моделью поведения православного правителя, которая вырабатывалась в русской книжности первой половины—середины XVI в.[239] Специфика СК в данном вопросе заключается в том, что ее создатель, разделяя мысль об обязательности «совета» государя при принятии важнейших решений (крещение Руси, поход на Казань и т. д.) со своими приближенными, проводил ее, подкрепляя материалом всей русской истории, порой несколько «подправляя» данные своих источников (как правило, летописных), часто не содержащих никаких сведений о соответствующих «советах». Обращает на себя внимание созвучие данной позиции создателя СК позиции составителя Ник. (вероятно, митрополита Даниила). Последний, тремя десятилетиями ранее излагая события русской истории, также упоминал о «советах» русских князей с их «отцами» — митрополитами[240]. Содержащиеся в СК упоминания о «советах» русских князей с иерархами Церкви можно связать с подробным рассказом о начале церковной организации на Руси. В нем подчеркнуты вполне материально выраженные заботы о ней русских князей (с этой целью к составлению СК привлечены Устав Владимира и «Правило о церковных людях»). Как видим, митрополичье происхождение памятника

[239] Полностью исключить такое влияние вряд ли возможно. Общеизвестно, что памятники книжности, содержащие рассматриваемые историко-политические идеи, создавались в подавляющем большинстве случаев представителями духовенства (преимущественно черного), которые в значительном числе случаев были связаны с митрополичьей кафедрой (например, митрополиты Даниил и Макарий, связанные с Даниилом волоцкие книжники, сподвижники Макария — Ермолай-Еразм, Андрей-Афанасий и т. д.). Таким образом, на формирование если не непосредственно историко-политической концепции СК, то, во всяком случае, той атмосферы, в которой она формировалась, определенное влияние оказывала деятельность книжников второй и третьей четверти XVI в., связанных с митрополичьей кафедрой.

[240] Об этом подробнее см.: *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 96—97.

оказало определенное влияние на содержание СК, в которой, однако, отсутствуют какие-либо конкретные социально-политические рекомендации относительно обязанностей правителя.

Впрочем, необходимо отметить, что в тексте СК содержатся некоторые указания, которые могут расцениваться как отражение социально-политических взглядов ее составителя. Так, пожелание, правда, не слишком конкретное относительно обязанностей правителя, представлено в 67 гл. 1 ст., повествующей о направлении Владимиром послов в различные страны. Глава, как справедливо отметил В. В. Кусков[241], основана на записи Ник. под 6509 г. Однако по своему содержанию она перешагнула границы краткого летописного известия. Приведем соответствующие тексты:

Ник.	СК
«Того же лѣта посла Володимеръ гостей своихъ, аки въ послѣхъ, въ Римъ, а другыхъ во Иерусалимъ, и въ Египетъ и въ Вавилонъ, съглядати земель ихъ и обычаевъ ихъ»[242].	«И повсюду посылаше гостеи и пославъ[243] своихъ, идѣже есть благочестивая вѣра христианьская — въ Иерусалимъ же и въ Египетъ, да тамо увѣстъ богоугодныхъ мужь пребывание и церковное благолѣпие, да отъвсюду пльзу приобрящетъ. Инѣх же в Римъ посылаше. Другых же в Вавилонъ. Не яко латыньскихъ и асириискихъ законъ испытуя, но обычаевъ коеяждо земли съглядая, да отъ всѣхъ разумно будетъ ему. Яко же мудрая пчела отъ всѣхъ цвѣтовъ лучшее избираетъ и многомудростныи сотъ утваряетъ и сладостнѣишаго меду наплъняетъ, еже довлѣетъ на веселие не токмо единемъ царемъ и велможамъ, но и всѣмъ человѣкомъ изъобилуетъ в наслажение. Тако и блаженныи Владиміръ отъ всѣхъ земель не желаше нечестивыя вѣры ихъ, ни богомръзскихъ законовъ, но лучшая обычая в нихъ изъобрѣташе: милость, и судъ, и правду въ страсѣ Божии. Наипаче же желаше не токмо едину свою землю благочестиемъ исполнити, но аще бы възможно ему и всю вселенную къ богоразумию привести»[244].

Как показывают итоги сравнения текстов, составитель СК к известию своего источника добавил сообщение о желании Владимира позаимствовать лучшие обычаи у различных народов. В памятнике указывается, что киевский князь стремился ввести во вверенной ему Богом «державе» «милость, и судъ, и правду», переняв соответствующие образцы у иных (в т. ч. и иноверных)

[241] *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 104.
[242] ПСРЛ. Т. 9. С. 68.
[243] Так в ркп.
[244] Степенная книга. Т. 1. С. 325.

народов (правда, в СК специально оговаривается, что заимствование чужих обычаев не касалось вопросов веры: «Блаженныи Владимиръ отъ всѣхъ земель не желаше нечестивыя вѣры ихъ, ни богомръзскихъ законовъ»). Укажем на созвучие данного мотива — заимствования лучших обычаев даже у иных народов, в т. ч. и неправославных, — сочинениям И. С. Пересветова. Последний, как известно, рекомендовал Ивану IV следовать примеру турецкого султана, который ввел «правду» в своей стране[245].

Как видим, книжник круга митрополита Макария сообщает читателю о стремлении основателя воспеваемой в СК династии ввести в стране «милость», «суд» и «правду», допуская возможность их заимствования извне. С этим же следует связать упоминание о необходимости соблюдения «милости» и «правды», а также справедливого «суда» в той части речи Владимира сыновьям, которая, по-видимому, была выполнена составителем СК: «Самѣм же имъ [сыновьям Владимира. — *А. У.*] отъ всякоя нечистоты и отъ всякого лукавьства и неправды удалятися, и отъ всякаго насилия и отъ лихоимьства огребатися, и ко всякому малому и великому **судь нелицимѣренъ** [здесь и далее выделено нами. — *А. У.*] предлагати, и о всемъ разсужати люди Божиа **въ правду**, и межю собою братолюбие и единомышление и миръ имѣти, къ всѣмъ людемъ — не токмо к любовнымъ, но и ко врагомъ смиряющимся, **милость** и любовь простирати, и въ всемъ по воли Божии жити надежи ради вѣчныя жизни» (50 гл. 1 ст.)[246].

СК сообщает о соблюдении «суда», «правды» и «милости» и потомками Владимира. При этом суть этих понятий также не раскрывается. Так, внимание читателя обращается на «любовь» Всеволода Ярославича к «правде», а также его «милость» к «убогим» (1 гл. 3 ст.)[247]. Среди добродетелей Всеволода Юрьевича отмечается то, что он «судяи **судъ нелицемѣренъ**, не обинуяся лица силныхъ своихъ боляръ и не дадяше въ обиду никого же» (1 гл. 6 ст.)[248]. В числе добродетелей Александра Ярославича, который «ему Богомъ дарованную дръжаву мужественно и **праведно** по Бозѣ управляющю», в 1 гл. 8 ст. вслед за своим

---

[245] Сочинения И. Пересветова. С. 172, 174, 176—177, 180, 183—184.

[246] Степенная книга. Т. 1. С. 305.

[247] Там же. С. 386.

[248] Там же. С. 449.

источником — Владимирской редакцией Жития — книжник отмечает его «правосудие». СК также приводит поучение этого князя своим боярам: «Да не забудутъ **праведно судити**, и не познаютъ лица силнаго, и не приемлютъ мзды неправедныя, и никого же обидятъ, но да избавятъ обидима отъ руки обидящихъ и паче повелѣннаго имъ ничто же вземлютъ, но довльни будуть оброки своими»[249]. Сообщается в СК и об утверждении «правды» Иваном III, суть которой также не раскрывается (1 гл. 15 ст.)[250].

Призыв создателя СК соблюдать праведный «суд», «милость» и «правду» может быть связан с убеждениями современных ему русских мыслителей относительно введения «правды» в стране как важнейшей обязанности государя[251]. Не без оснований исследователи придавали понятию «правда» социально-политический оттенок, связывая его с конкретными политическими шагами правителя[252].

О необходимости введения «правды» в России по образцу турецкого султана писал Ивану IV И. С. Пересветов[253]. «Приговор царский о кормлениях и службе» в число «обычаев» «царя благочестивого» помещал введение в стране «суда и правды нелицемерного всем»[254]. На необходимость соблюдения «правды» и справедливого «суда» указывал и митрополит Макарий в Поучении к царю, входящем в Чин венчания Ивана IV[255]. На утверждение «правды» в стране как важной обязанности государя обращает внимание первого русского царя и Максим Грек в по-

---

[249] Степенная книга. Т. 1. С. 518. Ср.: *Мансикка В. П.* Житие Александра Невского... С. 18.

[250] Степенная книга. Т. 2. С. 218.

[251] Например, см.: *Филюшкин А. И.* Модель «царства»... С. 272.

[252] Так, как отметил А. А. Зимин, «у Пересветова... „правда“ представляет собой политическую конкретизацию христианского вероучения... „Правда“, по мнению И. С. Пересветова, совокупность общественных преобразований, направленных к созданию совершенного государственного строя» (см.: *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники... С. 400). Также см.: *Клибанов А. И.* 1) «Правда» Федора Карпова // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 141—150; 2) Правда «земли» и «царства» Ивана Пересветова // ИЗ. М., 1977. Т. 99. С. 221—245; 3) Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. С. 207—238; *Лурье Я. С.* Пересветов Иван Семенович // СККДР. Вып. 2, ч. 2. С. 179—180. Ср.: *Юрганов А. Л.* Категории... С. 33—116; *Каравашкин А. В.* Русская средневековая публицистика... С. 37—62.

[253] Сочинения И. Пересветова. С. 172 и др.

[254] ПСРЛ. Т. 13. С. 267—268.

[255] Идея Рима... Р. 88.

слании к нему, а также в адресованных ему же «Главах поучительных»[256]. В последнем трактате поясняется значение этого понятия: «Правда, сирѣчь правъ судъ, иже не на лице тяжущихся смотритъ, ниже мзды приемлетъ»[257]. В другом своем трактате («Послание к начальствующим правоверно, о исправлении») афонский старец приводит все три интересующих нас понятия: «Правда же всяка и милость къ всѣмъ требующимъ и судъ безмезденъ»[258]. В этих же произведениях ученого грека фигурирует и понятие «милость», которая может быть соотнесена с достаточно широко понимаемой заботой о подданных[259]. Учитывая контексты, в которых употребляется понятие «правда» в этих сочинениях, можно полагать, что под ее введением в стране подразумевалось установление справедливого правления, исключающего взяточничество, «суд лицемерен», обиды нищим и т. д. Важно отметить, что в СК значение понятия «правда» не растолковывается. Это дает основания полагать, что ее составитель не считал необходимым сосредотачивать свое внимание на детализации этого понятия, суть которого раскрывали прочие современные ему памятники письменности. Лаконичность книжника относительно соблюдения «суда», «правды» и «милости» правителем, вероятно, обусловливалась тем, что не эти социально-политические категории занимали составителя СК в первую очередь. Нельзя исключать и того, что произведение было адресовано подготовленному читателю, который был знаком со значением этих понятий.

Как видим, такие связанные с деятельностью правителя термины как «правда», «суд» и «милость», которые, как указывалось нашими предшественниками, в памятниках древнерусской книжности несли социально-политическую нагрузку, крайне редко употребляются в СК. В произведении, объем которого несравним с относительно небольшими сочинениями XVI в., раскрывающими значение понятия «правда», писатель ограничивается лишь отдельными упоминаниями этого и рядоположенных понятий, к тому же, что характерно, не во всех жизнеописаниях русских «самодержцев». Это побуждает думать, что социально-политические реалии, стоявшие за этими понятиями, для составителя СК находились на втором плане.

---

[256] Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 2. С. 159, 171—173.

[257] Там же. С. 184.

[258] Там же. С. 340.

[259] Там же. С. 172—173.

Немаловажное значение для характеристики начертанного в СК образа идеального правителя имеет рассмотрение представленных в ней взглядов относительно внешнеполитической проблематики.

В историографии нередко высказывалось мнение о том, что СК, отражая внешнеполитические претензии русского правительства середины XVI в., настраивала русского государя на проведение активной («агрессивной», по выражению Д. Миллера[260]) политики[261]. Так, исследователи, отмечая помещение ряда соседних с Русью народов в древности в состав «Русской державы» в 7 гл. 1 ст., усматривают в этом фрагменте оправдание внешней политики Ивана IV, присоединявшего, таким образом, «вотчины» своих предков — киевских князей[262] (представления о подчинении древнерусским князьям волжских болгар и черемисов отразились и в современной СК КИ[263]). Разбирая методы изложения исторического материала в СК, мы уже обращали внимание на бытующее в историографии мнение о том, что соотнесение древней Тмуторокани с современной создателю СК Астраханью и Волжской Болгарии с Казанью обусловливалось стремлением книжника историческими аргументами обосновать присоединение к России этих осколков Золотой Орды[264]. Итоги рассмотрения особенностей представления внешнеполитической проблематики в СК в контексте ее историко-политических взглядов, на общем фоне предшествующих и современных ей памятников, побуждают пересмотреть ряд оценок, представленных в литературе.

Прежде всего, необходимо отметить, что авторство соответствующих толкований принадлежит не создателю СК. Так, как

---

[260] *Miller D.* The Velikie Minei Chetii... S. 368.

[261] Например, см.: *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 93, 108, 289—290, 293; *Donnert E.* Der livländische Ordensritterstaat und Rußland (Der Livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558—1583). B.; [etc.], 1963. S. 32; *Pelenski J.* 1) Russia and Kazan... P. 104, 112, 117—118; 2) The Origins... P. 213—226; 2) The Origins of the Muscovite Ecclesiastical Claims to the Kievan Inheritance (Early Fourteenth Century to 1458/1461) // Christianity and the Eastern Slavs. Vol. 1. Slavic Cultures in the Middle Ages. Berkley; Los Angeles; Oxford, 1993. P. 102—115; 3) The Contest... P. 61—101, 117—129; *K mpfer F.* Die Eroberung von Kasan 1552... S. 140—144; *Филюшкин А. И.* Изображение... С. 347—349.

[262] Например, см.: *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 93; *Pelenski J.* Russia and Kazan... P. 112.

[263] ПСРЛ. Т. 19. Стб. 3.

[264] Например, см.: *K mpfer F.* Die Eroberung von Kasan 1552... S. 144.

уже указывалось ранее, соотнесение Казани с Волжской Болгарией, а Астрахани с Тмутороканью содержалось в Ник.[265], а также в основном летописном источнике 17 ст. (согласно нашему предположению, это был ЛНЦ редакции 1560 г. или близкий к нему памятник)[266] — составитель СК лишь заимствует его.

Помещенный в 7 гл. 1 ст. список «областей русских», входящих в состав «Русского царствия» в древности, выполнен под влиянием перечня соседей Руси, представленного в «Слове о погибели Русской земли». Есть основания полагать, что в данном случае книжник соседей Руси принял за ее данников, на что прямо указывает пассаж из «Слова о погибели» в 1 гл. 7 ст.[267] Вряд ли можно сомневаться в том, что, во-первых, писатель середины XVI в. был весьма приблизительно знаком с историко-географическими реалиями Руси IX—X вв.[268], во-вторых, он явно стремился выбрать ту версию интерпретации источника, которая бы служила делу прославления Русской земли и ее «самодержцев»[269]. Другим важным моментом является сам состав данного перечня: в нем помимо восточнославянских племен и подчиненных Древнерусскому государству народов (меря, весь и т. д.) помещены и такие, как «чехи», «ляхи», «мазовшане» и «угры», т. е. те народы, на земли которых русское правительство в XVI столетии никаких претензий не выдвигало[270]. Таким образом, непосредственная связь текста 1 гл. 7 ст. с претензиями русского правительства эпохи Ивана IV на земли соседей весьма сомнительна.

---

[265] См.: *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 289; *Pelenski J.* Russia and Kazan... P. 122, Note 45; *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 101.

[266] См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 235—236.

[267] Этот фрагмент, а также его интерпретация составителем СК уже привлекали внимание исследователей, например, см.: *Gorlin M.* Le Dit de la Ruine de la terre russe et de la mort du grand-prince Jaroslav. P. 18.

[268] Выше нами уже приводился пример с толкованием «Деревской земли» современником составителя СК — автором Жития Ольги пространной редакции.

[269] Так, как отметил М. Горлин, подобная интерпретация пришлась «по сердцу» московскому книжнику середины XVI в. (см.: *Gorlin M.* Le Dit de la Ruine de la terre russe et de la mort du grand-prince Jaroslav. P. 18).

[270] Важно отметить, что в ходе целого ряда споров и войн Русского государства с Польско-Литовским за южные и западные русские земли русская сторона ни разу не выдвигала претензий на собственно польские земли (те, которые, согласно летописным данным, были населены «ляхами» и «мазовшанами»). Излишне специально останавливаться на отсутствии каких-либо территориальных претензий России в XVI в. к Чехии и Венгрии.

Сказанное выше также может быть связано с тем, что, по всей видимости, бытующее в историографии мнение о «милитаризации» всей русской культуры в середине XVI в.[271] несколько преувеличено. В качестве наиболее яркого примера «милитаризации» в изобразительном искусстве приводился материал иконы «Благословенное воинство небесного царя»: она толковалась как непосредственное отражение взятия Казани, а изображенные на ней воины — либо как войско Ивана IV, либо как род русских государей в целом[272]. Однако, как показала Н. В. Квливидзе, интерпретация иконы исключительно как непосредственного отражения взятия Казани Иваном IV является далеко не единственной возможной трактовкой этого памятника, неразрывными узами связанного с традициями литургической литературы[273].

Возвращаясь к СК, отметим, что ее составитель победы русских князей над врагами рассматривал как зримое выражение благоволения им Бога. Это весьма наглядно отразилось и в ряде рассказов.

СК содержит целый ряд описаний войн русских «самодержцев» с соседями — печенегами, половцами, литовцами, татарами и т. д. Обратим внимание на общую черту, которая объединяет почти все эти известия — их самую тесную связь с покровительством Бога Русской земле и ее правителям[274]. Как уже

---

[271] Например, см.: *Rowland D.* Biblical Military Imagery in the Political Culture of Early Modern Russia: The Blessed Host and Heavenly Tsar // Medieval Russian Culture. Berkeley; Los Angeles; L., 1994. Vol. 2. P. 182—199; *Мусин А. Е.* Milites Christi Древней Руси. Воинская культура Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005. С. 316—317.

[272] Например, см.: *Каргер М. К.* К вопросу об изображении Грозного на иконе «Церковь Воинствующая» // Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского, изданный ко дню 70-летия со дня его рождения Академиею наук по почину его учеников под редакцией академика В. Н. Перетца. Л., 1928. (СОРЯС. Т. 101). С. 466—469; *Морозов В. В.* Икона «Благословенное воинство»... С. 17—31; *Кочетков И. А.* К истолкованию... С. 185—209. Подробнее о данной дискуссии см.: *Кочетков И. А.* К полемике об иконе «Благословенное воинство небесного царя...» // Иконографические новации и традиции в русском искусстве XVI века: Сб. ст. памяти Виктора Михайловича Сорокатого. М., 2008. С. 329—338; *Евсеева Л. М.* Еще раз к полемике об иконе «Благословенное воинство небесного царя...» // Там же. С. 339—346.

[273] *Квливидзе Н. В.* Икона «Благословенное воинство Небесного Царя» и ее литературные параллели // Искусство христианского мира. М., 1998. Вып. 2. С. 49—56.

[274] Исключения составляют описания войн с соседями русских князей-язычников — Олега, Игоря и Святослава (см.: Степенная книга. Т. 1. С. 223—

отмечалось ранее, характерной чертой СК является насыщение ее текста описаниями чудес и знамений, которые являлись зримым свидетельством покровительства небесных сил Русской земле и ее правителям. Важно отметить, что подавляющее большинство соответствующих вставок, почерпнутых из летописей, памятников агиографии и, вероятно, устных источников, приходится на описание войн Руси с соседями. Итоги сравнения текстов соответствующих рассказов в СК и ее источниках убеждают в том, что наш книжник при описании войн в большинстве случаев жертвовал конкретными военно-политическими деталями (изложением непосредственного хода боевых действий, перечислением участников сражений и т. д.), обращая внимание читателя главным образом на то, что описываемые победы стали результатом Божьей помощи тому или иному «скипетродержцу». Таковы рассказы о войнах Владимира и его сына Ярослава с печенегами (41, 56, 61, 65—66 гл. 1 ст., 3 гл. 2 ст.), Владимира Мономаха с половцами (3—4 гл. 4 ст.), Дмитрия Ивановича с татарами (6—7 гл. 12 ст.), Ивана III с новгородцами (7 тит. 4 гл. 15 ст.) и т. д. В этот ряд также следует поместить и включенную в СК Повесть на перенесение Владимирской иконы (24 гл. 13 ст.), которая наглядно демонстрировала покровительство Богородицы Василию I Дмитриевичу и Русской земле в целом[275]. Своего рода апофеозом Божьей помощи в военных действиях являлся Казанский поход 1552 г. Так, из 27 титл, составляющих повествующую об этом событии 10 гл. 17 ст., 14 представляют собой описания чудес и знамений, сопутствующих взятию города. Все это побуждает заключить, что для состави-

---

224). Учитывая порицаемое создателем СК «поганство» этих князей (прежде всего Святослава, выступившего против крещения своих сыновей Ольгой), описания их правления вряд ли можно помещать в ряд рассказов, в которых содержалась характеристика черт, присущих идеальному православному государю.

[275] Несколько особняком в этом ряду лежит описание разорительного нашествия Батыя на Русь. Повествуя о нем, книжник следует традиции памятников предшествующей ему литературы, представляющих это событие как кару Господню, посланную за грехи (подробнее см.: *Рудаков В. Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII—XV вв. М., 2009). Для того чтобы усилить изображение этих грехов, как уже отмечалось выше, составитель СК вводит в текст памятника фрагменты «Слова похвального» Михаилу Черниговскому Льва Филолога, которое содержит красочное описание распространения на Руси перед нашествием татар «зависти, гордости и неправды» (4 гл. 7 ст.). См.: Степенная книга. Т. 1. С. 493.

теля СК рассказы о войнах были самоценны не сами по себе — судя по всему, они были важны как способ продемонстрировать читателю расположение Бога к потомкам Владимира и управляемой ими Русской земле.

Сказанное выше можно сопоставить с желанием составителя СК подчеркнуть «миролюбие» русских «самодержцев». Так, как уже было показано выше, при описании Владимира Святославича в 48 гл. 1 ст. книжник, демонстрируя расположение Бога к Русской земле и Владимиру, отмечает, что «въ тогдашнее время вся благая содѣвахуся въ Рустей земли». Трудно в этой идиллической картине усмотреть какие-либо обоснования территориальных претензий к соседям.

На «мирный» характер правления обращается внимание в СК и при описании потомков Владимира. Особое внимание писатель вслед за своим источником («Словом о князьях») обращает на «мирный» нрав Давида Святославича Черниговского, отмечая, что он «ни къ кому же не имѣяше вражды», неоднократно «своимъ покорениемъ брань утолеваше» (10 гл. 3 ст.)[276]. В СК специально подчеркивается, что основатель династии московских государей Даниил Александрович «въ все время господьства своего мирно поживе» (1 гл. 9 ст.)[277]. Указав на занятие Василием I Дмитриевичем великокняжеского стола, СК сообщает о том, что после этого он «благостроино державьствова в тишинѣ и во благоденьствии» (1 гл. 13 ст.)[278]. В сжатой характеристике бурного правления его сына Василия II отмечается, что после «многих нестроений и крамол» этот князь «Божиею благодатию всѣмъ одолѣ и велие благоденьство и тишину получи» (1 гл. 15 ст.)[279]. В Похвале Ивану III также наряду с его победами над врагами внимание читателя обращается на «утверждение» им «мира же и тишины и правды» (1 гл. 15 ст.)[280]. Стремление книжника подчеркнуть мирный характер правления русских государей фиксируется и в характеристике Василия III. Кратко описывая деятельность этого князя и одержанные им победы («противу же враждующихъ ему крѣпко тьщашеся подвизати за отеческое свое достояние»), создатель СК, тем не менее, отмечает, что Василий III «со всѣми окрестными

[276] Степенная книга. Т. 1. С. 395.
[277] Там же. С. 537.
[278] Там же. Т. 2. С. 72.
[279] Там же. С. 218.
[280] Там же.

его царствы желаше мирно пребывати». Этот тезис иллюстрируется сообщением об утверждении мира с крымским ханом Менгли-Гиреем (одним из основных противников России времени правления этого московского государя) (1 гл. 16 ст.)[281].

Оставим за скобками вопрос о соответствии историческим реалиям указаний СК на правление этих государей в «мире» и «тишине» и зафиксируем стремление нашего книжника сосредоточить свое внимание на «мирном» по преимуществу характере русских «скипетродержцев», которые лишь под давлением обстоятельств вынуждены были браться за оружие, давая отпор «враждующим».

В связь с «мирным» идеалом правителя следует поставить и особенности похвал русским государям в СК. Следуя традиции, восходящей еще к ПВЛ[282], составитель прославляет их, прежде всего, за различные «мирные» добродетели (главным образом, за благочестие), а не за ратные подвиги. Так, Владимир в 71—72 гл. 1 ст. славится, с одной стороны, за крещение Руси, с другой, за основание династии благочестивых государей. Его сын Ярослав, мужество которого отмечается, удостаивается похвал, главным образом, за продолжение дела своего отца по «просвещению» Русской земли (1 гл. 2 ст.). При описании «богопослушливого» Всеволода Ярославича внимание читателя акцентируется на его «смиренномудрии и кротости» (1 гл. 3 ст.). Отмечая «благородную доблесть и крепкодушное мужество» Владимира Мономаха, составитель сосредотачивается на описании его «смиреномудрия» (1 гл. 4 ст.). В рассказе о Всеволоде Юрьевиче особо отмечается, что он «бысть же милостив и любовенъ ко всѣмъ,

---

[281] Степенная книга. Т. 2. С. 287.

[282] Так, И. П. Еремин, характеризуя ПВЛ как памятник исторической литературы, отметил, что описание древнерусских князей в этом произведении, «как правило, сводится к оценке моральных качеств героя». Описание последних «подчас перерастало под пером летописца... в пространную характеристику морального облика героя» (см.: *Еремин И. П.* Литература Древней Руси... С. 47). Вряд ли можно сомневаться в том, что позиция древнерусского книжника в этом вопросе была связана с образом императора, сформированным в византийской историографии: как отмечает И. С. Чичуров, важнейшей добродетелью правителя у авторов исторических сочинений выступает благочестие (его актуализация была связана с последствиями иконоборческого движения); при этом прочие достоинства (доблесть в бою и т. д.) отходят на второй план (см.: *Чичуров И. С.* Место хронографии Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV—начало IX в.) // ДГ. 1981. М., 1983. С. 136).

наипаче же Божий страх имѣя въ сердци своемъ», «судяй судъ нелицемѣренъ» (1 гл. 6 ст.). В жизнеописании Ярослава Всеволодовича подчеркивается то, что он «умысли драгаго своего живота не пощадѣти истиннаго ради благочестия» (1 гл. 7 ст.) и т. д. Особое внимание в СК обращается на мирный характер основателя династии московских князей Даниила Александровича — как отмечает книжник, даже против своей воли иногда принимая участие в междоусобных войнах, несмотря на то, что он «храбростию преуспѣвая», этот князь «Богомъ дарованною ему мудростию безъ кровопролитиа брань утоляше и миръ составляше, и въ все время господьства своего мирно поживе» (1 гл. 9 ст.)[283]. Кратко упоминая о событиях времени правления Ивана Калиты, писатель свое внимание сосредотачивает на описании его близких отношений с митрополитом Петром, который «видяше бо въ немъ благочестиа дръжателя», «православиемъ сиающа и богоугодно живуща, и всякими добрыми дѣлы украшена и милостива до нищихъ, и честь велию подавающа служителемъ святыхъ Божиихъ церквеи, и тѣхъ учению внимающа» (2 гл. 10 ст.)[284]. В краткой характеристике «кроткого и тихого и милостивого» Ивана Красного в СК отмечается, что он «отъ младыхъ бо ногтеи навыче страху Божию, въ всемъ послѣдуя благимъ обычаемъ и богоугоднымъ исправлениемъ благородныхъ си родителеи» (1 гл. 11 ст.)[285]. Выполненный с использованием «Слова о житии» рассказ о Дмитрии Ивановиче в 1 гл. 12 ст. подчеркивает, прежде всего, морально-этические достоинства этого князя: внимание читателя обращается на «мученический» облик победителя татар, который «о христоимянитыхъ людехъ жалостию снѣдашеся, и душею печашеся, и сердцемъ болѣзноваше и равномученическимъ страданиемъ, и на молитву подвизашеся, и всю надежю възложи на всесилнаго Бога и на Пречистую Его Матере, истинную Богородицю, и всѣхъ святыхъ»[286]. В крайне лаконичной Похвале Василию Дмитриевичу характеризуется его правление «кромѣ всякиа зависти и прекословиа»; за свои добродетели этот князь «любимъ бѣ» «не токмо же отъ своихъ ему единородныхъ братии и отъ прочихъ его сродникъ... но и отъ безбожныхъ цареи отъ поганыхъ татаръ»[287].

---

[283] Степенная книга. Т. 1. С. 536—537.

[284] Там же. С. 562.

[285] Там же. Т. 2. С. 5.

[286] Там же. С. 48.

[287] Там же. С. 71.

Пожалуй, наиболее «политизированной» в СК является Похвала Ивану III. 1 гл. 15 ст. прославляет «крѣпка поборника православию, мужьствена исполина и врагомъ страшна, всюду съпостаты одолѣвающа, и вся врагы побѣжающа и никимъ же побѣждаема, и всяко нечестие и прелесть разаряюща, и всяку ересь потребляюща, и всяку вражду пресекающа, и многоначалие и самовластие упражняюща, иже окрестъ дръжавы его властодръжателеи подъ свою дръжаву покарающа, отъ далнихъ же превысочаишихъ самодръжателеи въ братьственую любовь счетатися желаема и въ вся конца земная знаема и славна и пресловуща, миръ же и тишину и правду утвержающа»[288]. Однако, как видим, и в описании этого князя, наряду с его конкретными политическими шагами (победы над врагами, подчинение прочих русских земель) отмечается его защита православия, непримиримая борьба с «прелестями», «нечестием» и «ересями», а также стремление к мирному правлению.

Наиболее последовательно взгляд на правителя и ведущиеся им войны, как представляется, выражен в описании Василия III. В нем отмечается, что «по отци же жытие царъствиа благоприятно управляа, сии боголюбезныи и человѣколюбивыи самодержець вся отеческая блага и полезнаа царствию начинания сугубо о Бозѣ навершаа и благочестие непоколеблемо соблюдаа, и со всѣми окрестными его царствы желаше мирно пребывати, противу же враждующихъ ему крѣпко тщашеся подвизати за отческое свое достояние. С Крымьскьмъ же царемъ Минли-Гирѣемъ[289] миръ и дружбу и братство утверди, яко и отець его» (1 гл. 16 ст.)[290]. Из последнего примера видно, что в случае необходимости государь должен «крепко» выступать против «враждующих ему» за «отеческую» державу. При этом, однако, нельзя не заметить, что «утверждение» «мира и дружбы и братства» книжнику представляется предпочтительным.

Итоги рассмотрения идеальных портретов русских князей дают основания полагать, что не славные победы, которые одерживали и русские князья-язычники, а прежде всего верность православию, стремление к «просвещению» подвластного ему

---

[288] Степенная книга. Т. 2. С. 217—218.

[289] Так в ркп.

[290] Там же. С. 287. В связь с этим пассажем следует поставить и указание книжника на «мира утверждение» Василием III «со всѣми окрестными его царствы»; как отмечено в 7 гл. 16 ст., этот мир нарушил литовский князь Сигизмунд I, который «ссылался» с крымским ханом на московского государя и «ратоваша украины великаго князя» (см.: Там же. С. 293).

народа, соблюдение «тишины», а также «мира» и «братства» с соседями составитель СК рассматривает в числе черт, присущих идеальному правителю.

Сказанное выше в свою очередь побуждает заключить, что, несомненно, изображая в весьма радужных тонах победы русского оружия, достигнутые благодаря самой активной поддержке Бога[291], писатель, тем не менее, не считал необходимым обращать внимание читателя на «военные» черты идеала правителя. По-видимому, это могло обусловливаться двумя обстоятельствами. Во-первых, митрополичьим происхождением СК — в историографии уже отмечалось, что митрополит Макарий в 50-е гг. XVI в. был одним из вдохновителей «мирной» партии при русском дворе, являясь активным сторонником мирного урегулирования спорных вопросов с Польско-Литовским государством[292]. Во-вторых, как указывалось выше, в СК основное внимание сосредоточено на морально-этической характеристике правителя. Вероятно, по этой причине описания каких-либо конкретных политических (в т. ч. и внешнеполитических) действий государей в СК помещены на второй план. Таким образом, можно полагать, что, включая мужество и храбрость в число добродетелей правителя, книжник в качестве идеального правителя рассматривал государя, мирно сосуществующего с соседями.

Материал СК по данному вопросу может быть сопоставлен с прочими сочинениями макарьевской поры. Фиксируя несомненную связь ряда современных СК произведений с внешнеполитической проблематикой, обратим внимание на два момента. Во-первых, «агрессивный» мотив, уже неоднократно отмечаемый в историографии, характерен лишь для определенной группы памятников, связанных почти исключительно с Казанскими походами (послания Феодосия, Макария, КИ и т. д.; с обоснованием необходимости завоевания Казани исследователи связывали и сочинения И. С. Пересветова[293]). Во-вторых, даже в этих

---

[291] Например, см. похвалы составителя СК мужеству Владимира Мономаха (1, 8 гл. 4 ст.), Александра Невского (1 гл. 8 ст.), Дмитрия Донского (7 гл. 12 ст.), указание на то, что Иван IV являлся «многим языком и царствием одолетелем» (1 гл. 17 ст.). См.: Степенная книга. Т. 1. С. 402, 408, 517; Т. 2. С. 53—54, 345.

[292] Подробнее см.: *Смирнов И. И.* Очерки... С. 196—200; *Хорошкевич А. Л.* Россия... С. 113—115, 142, 158—159, 163, 165—166.

[293] Например, см.: *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники... С. 376—384; *K mpfer F.* Die Eroberung von Kasan 1552... S. 38—39; *Лурье Я. С.* Пересветов Иван Семенович. С. 180.

сочинениях внимание читателя обращается и на морально-этический идеал правителя. Так, в своем послании 1550 г. Феодосий, вдохновляя Ивана IV на борьбу с восточным соседом, внимание адресата обращает и на «мирные» стороны идеала правителя: «Ты же, о благочестивый Богом утвержденный царю, по пророку [*рече*]: напрязи и спей, и царствуй истины ради и кротости и правды, и наставит тя чудне, господине, десница твоя же»[294]. В Похвале Ивану IV в КИ также отмечаются достоинства царя, напрямую не связанные с проведением активной внешней политики, — его пренебрежение охотой, скоморохами и прочими увеселениями[295]. Как показал С. Н. Богатырев, московские книжники этой поры даже такие «политические» события как взятие Полоцка в своих сочинениях представляли как акт борьбы за чистоту веры русского самодержца[296].

Важно отметить, что среди современников составителя СК были и последовательные сторонники «мирного идеала» православного государя. В их трудах не фиксируются попытки оправдать те или иные претензии русского правительства на земли соседей.

Как уже отмечали наши предшественники[297], в наиболее последовательном виде «мирный» идеал правителя представлен в сочинениях Максима Грека, который допускал необходимость войны лишь «ради крепчайшая нужи». Последнее, впрочем, не исключало необходимости содержания сильной армии против угрожающих стране «поганых варваров». Тем не менее, в послании Ивану IV Максим прославляет тех государей, которые правили «во глубоце мире и тишине». Так, афонский старец приво-

---

[294] *Филюшкин А. И.* Грамоты новгородского архиепископа Феодосия, посвященные «Казанскому взятию» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Сб. 10. С. 345.

[295] ПСРЛ. Т. 19. Стб. 186—188. Впрочем, нельзя исключить, что Похвала Ивану IV могла появиться после создания первоначального текста КИ, сохранившейся в весьма значительном числе списков и редакций. О богатой рукописной традиции КИ подробнее см.: *Кунцевич Г. З.* История о Казанском царстве...; *Волкова Т. Ф.* Казанская история // СККДР. Вып. 2, ч. 1. С. 456—457; *Дубровина Л. А.* 1) История о Казанском царстве (Казанский летописец): списки и классификация текстов. Киев, 1989; [2)] Предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. Т. 19. С. III—XXVI (там же (С. XXV—XXVI) приведена библиография); *Добродомов И. Г., Кучкин В. А.* «Казанская история»... С. 430—479.

[296] См.: *Bogatyrev S. N.* Battle for Divine Wisdom... P. 325—363.

[297] Например, см.: *Золотухина Н. М.* Развитие... С. 108.

дил в пример молодому царю ветхозаветного царя Давида, императоров Константина Великого, Феодосия I, Феодосия II «и иных мнозих благовернейших и праведнейших» правителей, которые не только «державу» «преславнѣйшими побѣдами украшаютъ и прославляютъ», но и «во глубоцѣ мирѣ тишинѣ всегда сохраняютъ». Как указывал ученый грек, эти правители «въ мирѣ глубоцѣ и тишинѣ пребываху присно, и побѣды преславны взяху на варвары, всемогущею десницею Вышняго покрываеми же и утвержаеми»[298]. В адресованных Ивану IV «Главах поучительных» Максим Грек предельно четко обозначил свою позицию по этому вопросу. Православному царю он настоятельно советовал:

«Дивна совѣтника и доброхотна твоему царствию оного возми, не иже чрезъ правду на рати и воевания вооружаетъ тя, но **иже совѣтуетъ тебѣ миръ и примирение любити всегда со всѣми окрестными сосѣды** [выделено нами. — *А. У.*] богохранимыя ти державы. Заве овъ убо подъ гнѣвомъ и негодованиемъ Божиимъ, глаголющимъ: разори языки хотящая бранемъ, и по другимъ: мужа крови и льстива гнушается Господь, подлагаетъ державу твою; овъ убо Давиду кротчайшу царю содѣтеля искусна совершаетъ тя, божественныя заповѣди глаголющиа: аще мощно, еже отъ васъ со всѣми миръ имѣйте. И индѣ: съ ненавидящими мира бѣхъ миренъ»[299].

Создавая образ идеальной державы, управляемой достойным властителем, Максим в «Послании к начальствующим» отмечает: «Вси бо окрестнии сосѣди таковую державу и любятъ и почитаютъ ея за многу, яже въ ней, правду и правость соправящихъ царю ея православныхъ князехъ и болярехъ и немздоимание судящихъ, еще же и миръ имѣти всегда съ нею желаютъ, праведнаго ради прилежания же и бодрости о воинственныхъ дѣлехъ держащаго царские скипетры ея, и наипаче за единомыслие и друголюбие, еже посредѣ болярехъ и воеводахъ, ихже ничтоже крѣпчайшее есть и страшнѣйше супостатомъ»[300]. Как видим, согласно взгляду, выраженному Максимом Греком, управляемому на основаниях «правды» государству не страшны враги; это делает излишним ведение крупномасштабных войн. Отметим созвучие этой идеи ученого грека описанию Василия III в СК,

---

[298] Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 2. С. 347.

[299] Там же. С. 162.

[300] Там же. С. 338—339.

который, как уже отмечалось выше, лишь в случае крайней необходимости «крепко» боролся с врагами, предпочитая войнам «утверждение» «мира и дружбы и братства» с соседями (1 гл. 16 ст.).

Сказанное выше побуждает констатировать, что, фиксируя несомненный интерес к проведению активной внешней политики в ряде произведений книжности макарьевской поры, нельзя не отметить, что в центре внимания их авторов остается идеальный образ правителя. Последний помещается, главным образом, в духовно-нравственную плоскость. В ряде других памятников внимание читателя прямо обращалось на необходимость «мирного» сосуществования с соседями. Учитывая то, что вопрос о конфессиональной принадлежности «окрестных соседей» в соответствующих пассажах обходится стороной, а также очевидный факт отсутствия в середине XVI в. независимого православного государства, за исключением Русского, можно думать, что книжники времени Макария допускали возможность мирного сосуществования и с неправославными странами. На этом фоне создатель СК и формулировал свой идеал правителя, в котором особо выделялись его «мирные» черты.

Как уже отмечалось нашими предшественниками, описывая русских «скипетродержцев», свое внимание наш книжник концентрирует на достоинствах морально-этического характера[301]: кроме благочестия правителей, в СК отмечается их беззлобие, целомудрие, кротость, смирение, доброта, нестяжание, нищелюбие и т. д. Обратим внимание на то, что в целом набор эпитетов, адресованных Владимиру и его потомкам, сходен. Это в свою очередь побуждает заключить, что в СК создается своего рода «типичный» портрет русского государя, обладающего определенным набором достоинств.

Рассматривая представленный выше материал СК на фоне прочих сочинений, отметим, что заострение внимания читателя на морально-этических достоинствах правителя созвучно целому ряду предшествующих и современных ей памятников. Так, как уже указывалось в литературе, идеал правителя, так же как и антиидеал, в целом ряде произведений русской оригинальной и переводной книжности самым тесным образом увязывался с его способностью совладать со своими страстями.

---

[301] Например, см.: *Lenhoff G.* The Economics of a Medieval Literary Project... P. 232.

Именно от этой способности напрямую зависел его статус: в случае подчинения страстей он становился «образом Божиим» на земле, истинным правителем, в противном случае — неправедным государем, «мучителем».

Данный взгляд отличает сочинения Максима Грека. Так, в адресованных Ивану IV «Главах поучительных» афонский старец отмечал: «Царя истинна и самодержца оного мни, благовѣрнѣйший царю, который ко еже правдою и благозакониемъ устраяти житейская подручниковъ прилѣжитъ и безсловеснымъ своея души страстемъ же и похотемъ одолѣти тщится всегда, глаголю же ярости и гнѣву напрасному и беззаконнымъ плотскимъ похотемъ. Иже бо сими сицевыми безсловесны одолѣваемъ бываетъ, нѣсть небеснаго Владыки образъ одушевленъ, но безсловеснаго естества человѣкообразно подобие»[302]. Поэтому именно борьба с собственными страстями (прежде всего, «сластолюбием, славолюбием и сребролюбием») должна в первую очередь занимать правителя. Противопоставляя поддавшегося порокам монарха их победителю, Максим отмечает: «Аще убо кто предреченны три страсти поправъ, преодолѣлъ есть имъ, воистину сей есть всемогущиа и пресвятыя Троицы Отца и Сына и Святаго Духа присный угодникъ и поклонитель вѣренъ и царь самодержецъ, себѣ же и сущимъ подъ нимъ подручникомъ»[303].

Отметим созвучие этого призыва также и 16-му Слову «Просветителя» Иосифа Волоцкого. В нем волоцкий игумен сосредотачивает свое внимание на необходимости борьбы правителя с нравственными пороками и ересями, отмечая и его особый статус: «Царь оубо естеством подобенъ есть всѣмъ человеком, властию же подобенъ есть вышнему Богу»[304]. В том случае, если правитель нарушает нравственные законы, он утрачивает свое подобие Богу, являясь, как отмечает Иосиф, «не царем, но мучителем»[305]. Сходные идеи представлены и в современном СК «Слове о Дариане-царе» (согласно мнению С. О. Шмидта, «Слово» было создано в конце 50-х гг. XVI в. при новгородской владычной кафедре[306]). В нем в уста мудрой царицы вложены сле-

---

[302] Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 2. С. 157—158.

[303] Там же. С. 181.

[304] Просветитель, или обличение ереси жидовствующих. Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. Казань, 1855. С. 602.

[305] Там же. С. 604.

[306] Цит. по последнему изданию: *Шмидт С. О.* «Слово о Дариане-царе» в рукописной книге XVI века // *Шмидт С. О.* Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 320.

дующие слова к мужу, захотевшему «зватися» Богом: «Да аще, царю, душею своею не въладееши, то како ты можеши зватися богом»[307]. Именно на духовно-нравственных пожеланиях делает акцент митрополит Макарий в своем «Ответе»: апеллируя к позитивному примеру его далекого предка Владимира Святославича, этот святитель рекомендовал Ивану IV «блюсти и хранить **свою царскую душу** [выделено нами. — *А. У.*] и свое христолюбивое царство от всех врагов видимых и невидимых»[308].

Как нетрудно отметить, ряд приведенных выше сочинений, указывающих на обязанность государя бороться с собственными пороками, адресовался правителям книжниками, которых беспокоил нравственный облик государя. Почему именно этот вопрос занимал умы крупнейших русских мыслителей XVI в.?

На наш взгляд, ответ следует искать в бытовавшем в средневековой Руси представлении о главной обязанности государя — вести к Спасению вверенную ему страну и народ. Так, в «Главах поучительных» Максим Грек прямо указывал на то, что царь должен направлять своих подданных «на исправление», а не «на погубление»[309]. На «исправление» подданных как важнейшую задачу правителя обращал внимание Ивана IV в своей «Большой челобитной» И. С. Пересветов. Он отмечал, что «ино так пишут о тебе, о благоверном царе: ты — государь грозный и мудрый, на покаяние приведешь грешных, и правду во царстве своем введешь, и богу сердечную радость воздашь»[310]. На необходимость сдерживать подданных от душегубительных грехов указывал и Сильвестр в своем послании Ивану IV. Среди прочего, он определял первого русского царя как «заблудшим наставника», приводя ему в пример Константина Великого, а также его «прародителя» — крестителя Руси Владимира[311]. Как небезосновательно подметил еще М. А. Дьяконов, «охрана правоверия — альфа и омега всех суждений Иосифа [Волоцкого. — *А. У.*] об обязанностях царя. В этом вся сила царской власти, все ее содержание»[312]. Как показывает приведенный выше материал, данная характеристика, адресованная этим историком Иосифу

---

[307] *Шмидт С. О.* «Слово о Дариане-царе»... С. 322.

[308] «Ответ» митрополита Макария... С. 740.

[309] Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 2. С. 184.

[310] Сочинения И. Пересветова. С. 172.

[311] *Голохвастов Д. П., Леонид (Кавелин).* Благовещенский иерей Сильвестр... С. 78—83.

[312] *Дьяконов М. А.* Власть московских государей... С. 99.

Волоцкому, может быть отнесена и к другим памятникам древнерусской книжности первой половины—середины XVI в.

Рассматривая истоки тех представлений, которыми руководствовался составитель СК и его современники, сосредотачивая внимание читателя на характеристике духовно-нравственных качеств правителя, зафиксируем, что, как уже неоднократно отмечалось в историографии, древнерусские книжники испытывали влияние византийской концепции царской власти. В отличие от Западной Европы, где в качестве наместника Бога на земле рассматривался римский папа, а не монарх, в православной концепции царства в этом качестве — «образа Божия» — выступал царь/император[313].

В наиболее рельефном виде византийская концепция власти представлена в пользовавшемся популярностью на Руси и в Западной Европе «Наставлении» Агапита. Как показал В. Е. Вальденберг[314], представление о необходимости подавления правителем своих страстей явилось одной из наиболее востребованных на Руси идей ученого византийца. Так, характеризуя государя как человека, «въздержати похоти могущаго», Агапит отмечал: «Тогда въистину наречеться властелинъ, егда самъ собою обладаеть, и нелѣпым похотемъ не работает, но поборника имый благовѣрнаго ума непобѣдимаго самодерьжьца, бесловеснымъ похотемъ всетомительное хотение любве оружием цѣломудрьства побежается»[315]. Указывая на особое значение царя в обществе, автор «Наставления» подчеркивал необходимость соблюдения им морально-этического кодекса поведения. Сравнивая государя с кормчим, он отмечал: «Егда ли и кормьчий [соблазнится. — *А. У.*] — **всему творитъ кораблю погибель**. Тако и в градѣхъ: аще который от обладаемыхъ съгрѣшит, не тольми инѣмъ сътворить, елико себѣ пакость, аще ли самъ властитель — **всему творить граду пакость**»[316] (выделено нами. — *А. У.*).

---

[313] Обобщенную характеристику представлений о «царе» и «царстве» в России XVI в. см.: *Филюшкин А. И.* 1) Термины «царь» и «царство» на Руси // ВИ. 1997. № 8. С. 144—148; 2) Модель «царства»... С. 262—279 (там же приведена историография). В сжатом виде модель идеального правителя, сформированная в Византии, представлена М. В. Бибиковым (см.: *Бибиков М. В.* «Блеск и нищета» василевсов: структура и семиотика власти в Византии // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси в Средние века и Новое время. М., 2008. С. 11—22).

[314] *Вальденберг В. Е.* Наставление... С. 33.

[315] *Лобакова И. А.* Житие митрополита Филиппа... С. 288, 295.

[316] Там же. С. 287.

Оставляя за скобками вопрос о непосредственном знакомстве составителя СК с «Наставлением» Агапита, зафиксируем, что русский книжник следует традиции, представленной в трактате ученого византийца, традиции, которой следовали авторы целого ряда предшествующих и современных СК памятников древнерусской письменности[317]. Согласно этой традиции, в православном царстве фигура его главы имеет ключевое значение: царь призван самим Богом «на покаяние приводить грешников» в масштабах вверенной ему «державы»; необходимым условием исполнения этой своей функции монархом является его соответствие определенной модели духовно-нравственного поведения; отступая от нее, правитель перестает быть «истинным» государем и становится «мучителем» — он утрачивает надежду на свое личное спасение и одновременно лишает ее вверенный ему Богом народ. Сказанное выше также следует сопоставить с нарастанием эсхатологических ожиданий на Руси конца XV—середины XVI вв.[318] Очевидно, что в свете перспективы скорого наступления Страшного суда фигура, ответственная за спасение страны, приковала к себе взгляды крупнейших мыслителей эпохи.

Характеризуя место СК в ряду сочинений, в которых представлен данный взгляд, обратим внимание на то, что ее создатель, не ограничиваясь **отдельными** примерами, приводимыми его предшественниками, **впервые** последовательно через всю русскую историю проводит идею добродетельности (прежде всего, благочестия) русских «самодержцев». По всей видимости, по этой причине текст СК и приобрел «агиобиографические» черты — иллюстрируя достоинства морально-этического характера потомков Владимира, наш книжник представляет читателю их жизнеописания, выполненные в соответствии с традициями житийной литературы.

Итоги рассмотрения представленного в СК образа идеального правителя побуждают отметить следующее. Прежде всего, за-

---

[317] Об этом, например, см.: *Вальденберг В. Е.* 1) Древнерусские учения о пределах царской власти... С. 59—61; 2) Наставление... С. 27—34; *evčenko I.* A Neglected Byzantine Source... P. 49—87; *Покровский Н. Н.* Византийский дьякон Агапит... С. 165—175; *Каравашкин А. В.* Русская средневековая публицистика... С. 186—187.

[318] Подробнее см.: *Якеменко Б. Г.* Взыскание града: эсхатологическая идея в общественной мысли, архитектуре и народной культуре России XIV—XVII веков. М., 1997. С. 26—43; *Юрганов А. Л.* Категории... С. 306—437.

фиксируем, что государь рассматривается на широком генеалогическом фоне своих предков и прочих сородичей. Их неизменная верность православию и обусловленное этим значительное число святых в роду сообщают «семени» Владимира особый статус, выделяющий его среди прочих династий мировой истории. Характеризуя правителя, писатель обращает внимание читателя на «правосудие», утверждение «правды» и «милость» по отношению к подданным **отдельных** потомков Владимира. При этом нельзя не заметить, что на общем фоне прославления **всех** русских «скипетродержцев» за их морально-этические добродетели (прежде всего, благочестие и верность православию) эти упоминания следует рассматривать как исключения из общей тенденции в описании русских «самодержцев» в СК. Так, если «богоизбранность», «богохранимость», «богоснабдимость», «благоверие», «смиренномудрие» и т. д. относятся ко **всем** русским князьям, то их «правосудие» и введение ими «правды» и «суда нелицемерного» носят характер **отдельных** упоминаний. Это в свою очередь побуждает думать, что в первую очередь книжника интересовали морально-этические качества правителей, прежде всего, их «благоверие»; их «политические» характеристики в СК помещены на второй план. Как видим, представленный в ней идеал правителя помещен, главным образом, в морально-этическую плоскость — при изображении христианского государя составителя памятника занимали, прежде всего, его нравственные качества (прежде всего, благочестие)[319], а также обусловленное ими покровительство ему небесных сил; носящие исключительный характер описания «политических» шагов правителей в произведении вторичны. Последнее в свою очередь побуждает думать, что, согласно выраженному в СК взгляду, который так или иначе восходит к византийской концепции царской власти, «самодержец» должен обладать комплексом морально-этических качеств, прямым следствием которых и является покровительство Бога ему и стране и, в конечном счете, благополучное правление. Таким образом, социально-политические успехи государя являются непосредственным результатом соблюдения им морально-этических норм (в наиболее полной

[319] Это в свою очередь побуждает признать справедливость, хотя и недостаточность оценки В. В. Шапошника образа государя, содержащегося в СК. Так, историк отметил, что в этом памятнике «среди качеств правителя специально указывается его преданность православию и христианские добродетели». См.: *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения... С. 480.

мере это проявилось при описании побед русских князей над врагами, одержанных исключительно благодаря Божьей помощи, являющейся прямым следствием их неизменного благочестия). Если последние помещены в центр внимания составителя СК — книжника, близкого к митрополиту Макарию, — то первые находятся на периферии его интереса.

Антиидеал правителя

Наряду с идеалом государя, в наиболее полной мере воплощенным в образе Владимира, СК содержит и своего рода антиидеал властителя, достойного не подражания, а порицания.

Специально вопрос об особенностях изображения неправедного правителя в СК рассмотрела Г. Ленхофф. Она отметила, что самым показательным примером такого рода в СК является Тамерлан, описанию которого посвящены пространные пассажи в Повести на перенесение Владимирской иконы из Владимира в Москву (24 гл. 13 ст.). Как показывает исследовательница, образ неправедного, к тому же «поганого», правителя — Тамерлана — в СК противостоит образу главного героя 13 ст. — Василия Дмитриевича. Данный метод противопоставления характерен и для некоторых других разделов СК. Так, Г. Ленхофф в связь с описанием Тамерлана в 13 ст. поставила помещенную в Житии Александра Невского «Повесть об убиении Батыя» (4 гл. 8 ст.), основанную на записи Воскр. под 6755 г.[320], а также «Повесть о Иулиании Вяземской» (26 гл. 13 ст.), в которой в качестве антиидеала правителя представлен Юрий Святославич Смоленский[321]. Обобщая материал, касающийся описаний неправедных государей в СК, Г. Ленхофф заключает, что их суть сводилась к напоминанию того, что любой правитель, даже самый могущественный, в руках Божьих: он сохраняет свою власть лишь до тех пор, пока следует Его заповедям. По мнению исследовательницы, данный мотив представлял собой завуалированное напоминание писателей круга митрополита Макария Ивану IV об обязанностях правителя; согласно Г. Ленхофф, в конце 50-х—начале 60-х гг. XVI в. книжники верили в возможность превращения первого русского царя в «идеального христианского правителя» назидательными примерами из прошлого[322].

---

[320] Степенная книга. Т. 1. С. 526—527; ПСРЛ. Т. 7. С. 157—159.

[321] *Lenhoff G.* The Tale of Tamerlane... P. 128—129.

[322] Ibid. P. 129. Также см.: *Ленхофф Г.* Степенная книга... С. 134, 139—140.

Соглашаясь с выводом Г. Ленхофф, отметим, что в свете доступных нам данных антиидеал правителя в СК представляется более объемным — на наш взгляд, он не может быть ограничен примерами поведения «поганых» правителей[323]. Обратимся к соответствующему материалу.

Прежде всего, укажем на последовательно проведенный в памятнике осуждающий взгляд на охоты и прочие увеселения (скоморохов и т. д.), которые несовместимы с образом идеального государя. Это проявилось в ряде фрагментов текста СК.

А. И. Соболевский и И. В. Курукин установили, что в наиболее полном виде осуждающий увеселения мотив представлен в 14—18 гл. 1 ст.[324], в которых порицаются «позорные ловитвы» правителей мировой и русской истории. Как сообщает СК, «таковою прелестию и донынѣ тѣшахуся мнози властодръжателие, не токмо нечестивии, но и благочестивии прелщахуся глумными утѣхами, внимающе поганьскимъ обычаемъ, любяще многообразныя позоры и глумления»[325]. Далее отмечается, что «отъ ловитвы мнози отщетишася не токмо многаго своего имѣниая, но вкупѣ и живота своего, с ним же и душевнаго прибытка»[326]. В 17 гл. («О погыбшихъ в позорныхъ ловитвахъ»), как уже было показано выше, книжник приводит почерпнутые из его источников — Житий Ольги (пространной редакции) и Параскевы Пятницы, летописей — конкретные примеры из мировой и русской истории: смерть «во глумлении и пиянстве» византийского императора Михаила III; «еленя рогом уязвление» на ловле наследовавшего ему Василия Македонянина; заражение некой «язвой» на псарне его сына Александра; убийство по ошибке на охоте из луков друг друга двумя сыновьями некоего персидского царя; падение на «лове» с коня и смерть «беззаконного игемона», мучившего Параскеву Пятницу; смерть Мстислава Владимировича Тмутороканского от некой болезни, полученной после охоты. В 18 гл. особо выделен рассказ о прямом

---

[323] Г. Ленхофф отметила, что на протяжении СК фиксируются и рассказы о русских князьях (Святослав Игоревич и Юрий Святославич Смоленский), которые, уклонившись от «истинного пути», претерпели всевозможные напасти (см.: *Ленхофф Г.* Степенная книга... С. 140). На специальной характеристике этих рассказов исследовательница не остановилась.

[324] *Соболевский А. И.* Поп Сильвестр и Домострой. С. 201; *Курукин И. В.* Сильвестр: политическая и культурная деятельность... С. 118—120.

[325] Степенная книга. Т. 1. С. 231—232.

[326] Там же. С. 232.

предке московских князей — Всеволоде Ярославиче. Последний на охоте стал свидетелем небесного знамения, осуждающего его пагубную страсть, и «оттоле нача удалятися... отъ таковыхъ потѣшениихъ». При этом в СК особо подчеркивается, что знамение было далеко не случайным: «Преблагыи Богъ, храняи любящихъ Его, възбраняа и пресѣкая таковыя в ловитвахъ утѣхы, съ небеси являя ужасное знамение»[327]. В 16—17 гл. также осуждаются и «позоры смехотворные» (скачки на лошадях и колесницах, «прочая борения», а также «всякия скомрашества»), «понеже въ таковыхъ потѣхахъ ни едино [благихъ] приобрѣтение не бываетъ, но токмо грѣхомъ приобщение»[328]. Осуждающий охоты мотив в СК усилен помещенным в 15 гл. 1 ст. пассажем, запрещающим употребление дичины в пищу[329].

Вполне отчетливо охоты порицаются в рассказе об Андрее Ярославиче: составитель с явным неодобрением указывает на подверженность данного государя этой душегубительной страсти и пренебрежение вследствие этого делами управления. Так, в 5 гл. 8 ст. отмечается, что этот князь «правление дръжавы яко подѣлие вмѣняя, и на ловитвы животныхъ упражьняяся, и съвѣтникомъ младоумнымъ внимая, отъ нихъ же бысть зѣло многое нестроение, и оскудѣние в людѣхъ, и тщета имѣнию»[330]. Как видим, в описании Андрея его страсть к охотам напрямую связывается с его пренебрежением делами управления.

Косвенно с осуждением «позорных ловитв» может быть связано и описание смерти Василия III в 24 гл. 16 ст. Рассказ основан на летописной записи под 7042 г. В ней сообщается о том, что после посещения Троицкого монастыря великий князь «оттоле поѣхалъ на Волокъ на свою **царьскую потѣху**» (выделено нами. — *А. У.*); в пути князь и заболел[331]. В СК известие читается несколько по-иному: «И оттуду прииде на Волокъ Ламскии»[332]. Как видим, в СК пропущено указание на некие «царские потехи» Василия III (по всей видимости, под ними имелась в виду охота[333]), которые были несовместимы с тоном СК,

---

[327] Степенная книга. Т. 1. С. 234. Рассказ продублирован в 6 гл. 3 ст., см.: Там же. С. 390—391.

[328] Там же. С. 233.

[329] Там же. С. 232.

[330] Там же. С. 527. Данный фрагмент уже приводился выше.

[331] ПСРЛ. Т. 13. С. 75.

[332] Степенная книга. Т. 2. С. 323.

[333] Во всяком случае, на такое значение (наряду со значениями «игра» и «театр») указывает Словарь древнерусского языка, см.: СРЯ. XI—XVII. Вып. 17.

прославляющей предков Ивана IV. В связь с этим пропуском следует также поставить и сокращение описания Чуда Даниила Московского в 8 гл. 9 ст.: если источник Чуда, который, согласно нашему предположению, полнее отразился в ПЛ, повествовал о походе Ивана IV на «потеху» — «на ловы», то в СК данное упоминание отсутствует[334].

С осуждающим охоты мотивом И. В. Курукин связал и пропуск в Житии Ольги в СК значительного фрагмента, повествующего об охотах и прочих увеселениях византийских императоров, который содержался в ее источнике — пространной редакции Жития Ольги[335]. Согласно мнению историка, данный пропуск был обусловлен нежеланием составителя СК писать о пороках византийских императоров в жизнеописании сопоставляемой с ними первой русской княгини-христианки[336].

Какими представлениями руководствовался книжник, осуждая «позорные ловитвы» — охоту и прочие увеселения — правителей мировой и русской истории? В поисках ответа на этот вопрос обратимся к ряду предшествующих и современных СК памятников.

Как справедливо отметил И. В. Курукин, источником основной части 14—17 гл. 1 ст. послужил фрагмент Жития Ольги пространной редакции (середина XVI в.), который пропущен в Житии Ольги в СК («христолюбивая же Ольга о сихъ никакоже не внимаше, не якоже нѣции, не токмо невѣрнии, но и благочестивии, помрачахуся миролюбиемъ... и кое полезное утѣшение, или имѣнию приобрѣтение отъ песия любви и ловитвы?»[337]). В этом пассаже как раз и содержится сжатая характеристика страсти к увеселениям не названных «не токмо неверных, но и благочестивых» правителей (учитывая приведенные в СК примеры, под ними следует понимать византийских императоров).

М., 1991. С. 291. Обратим внимание и на то, какое содержание вкладывал в это понятие современник составителя СК — автор КИ: «...потехи царския: ловлени песья, ни звериныя борбы, ни гуселного звяцания, ни перегудицъ скрыпѣния, ни мусскаго гласа, ни пискания прилѣтного, ни скомраховъ видимыхъ» (см.: ПСРЛ. Т. 19. Стб. 186—188).

[334] Ср.: Степенная книга. Т. 1. С. 541; ПСРЛ. Т. 34. С. 205.

[335] Данный фрагмент опубликован А. И. Соболевским по Софийскому списку Жития Ольги пространной редакции (середина XVI в.), см.: *Соболевский А. И.* Поп Сильвестр и Домострой. С. 198—200.

[336] *Курукин И. В.* Сильвестр: политическая и культурная деятельность... С. 120.

[337] *Соболевский А. И.* Поп Сильвестр и Домострой. С. 198—200.

Обратим внимание на то, что осуждающий «ловитвы» и прочие увеселения мотив характерен не только для пространной редакции Жития Ольги — он фиксируется в целом ряде других произведений древнерусской книжности. Так, как указал Н. Ф. Околович, осуждение употребления дичины в пищу и охоты присутствует в сводах церковного права — Кормчих, в которых целые главы уделены порицанию соответствующих явлений[338].

Важно зафиксировать, что подобные сентенции содержит составленный лишь несколькими годами ранее СК Стоглав, к созданию которого привлекались Кормчие. Согласно У. Барнетту[339], с этим памятником может быть связано представленное в СК осуждение охоты и скоморошества. Наибольшую близость обнаруживают 15 гл. 1 ст. СК («Оскверняется всѣкъ, ядыи звѣроядину, и птичеядину, и удавленину») и 91 гл. Стоглава («Отвѣтъ о кровоядении и удавлении — не ясти»)[340]. Стоглав повествует: «Божественое писание намъ заповѣдало есть удалятися от крови и удавленины, и от блуда. Нѣцыи убо угожденіа ради чревнаго кровъ коего-любо животнаго хитростию нѣкакою сътворяють снѣдно, еже глаголють колбасы, и тако кровь ядят»[341]. Общим для этих произведений является осуждение охоты и запрет на употребление в пищу дичины. Вполне однозначно со ссылкой на 50—51 правила VI Вселенского собора осуждаются в Стоглаве и «игрища еллинского бесования». Так, в его 92 гл. самым суровым образом порицаются такие «неподобные дела, святыми отцы отреченные» как «всякие игры и всякие скомрашествы и песни сотонинские, и плясания, и гусли, и иные виды». Как отмечается в этом своде церковного права, «игрища» грозят «христолюбивое царство попрать до конца»[342]. В этой же главе представителям духовенства воспрещалось «ловы зреть», т. е. даже смотреть на охоты. Вполне отчетливо осуждающий «плясания» и «скоморошество» мотив представлен и в 93 гл. Стоглава[343].

---

[338] *Околович Н. Ф.* Жития святых... С. 55; Кормчая. М., 1650—1653. Л. 18 об. (правило 63), 25 об.—26 (6, 13 правила апостола Павла), 194 (правила 50—51 VI-го Вселенского собора), 196 об.—197 (61 правило того же собора).

[339] *Barnette W.* Stepennaja kniga... P. 66.

[340] Ср.: Степенная книга. Т. 1. С. 232; *Емченко Е. Б.* Стоглав... С. 399.

[341] *Емченко Е. Б.* Стоглав... С. 399.

[342] Там же. С. 400.

[343] Там же. С. 402—403.

А. И. Соболевский указал на ряд параллелей в рассматриваемом фрагменте пространной редакции Жития Ольги, авторство которой он, как уже отмечалось выше, был склонен приписывать Сильвестру, с Домостроем, в составлении которого принимал участие этот писатель: как отметил исследователь, к СК и Житию Ольги обнаруживает определенную близость 8 гл. этого свода, в которой среди греховных забав («богомерзких дел») фигурируют пляски, бубны, трубы, медведи и т. д.[344] Впрочем, необходимо отметить, что составитель адресованного светскому читателю Домостроя, в отличие от создателей Стоглава, допускал гастрономические изыски: как отметила специально исследовавшая данный вопрос Л. П. Найденова, он предусматривал «возможность радости и удовольствия в земной жизни при сохранении возможности спасения для жизни вечной»[345].

Мотив, осуждающий увеселения правителя, отвлекающие его от службы Богу, как указал В. Е. Вальденберг[346], отчетливо представлен в трактате Максима Грека «Инока Максима Слово, пространнѣе излагающее, съ жалостию, нестроения и безчиния царей и властей послѣдняго жития». Представляя читателю портрет неправедного правителя, афонский старец отмечал, что порой «сущии во властехъ беззаконно и богопротивно нынѣ пируютъ, гусльми и сурнами и тимпаны и смѣхотворении всяческими, сквернословии же и буесловии себе обливающе...»[347]. Осуждение охот и прочих забав характерно и для сочинений митрополита Даниила, который, обращаясь к любителям соколиной охоты, вопрошал: «Кый же прибыток ти есть надъ птицами дни изнуряти?»[348]. Этот иерарх также порицал скоморохов и прочие увеселения («позорища, играния, плясания»)[349].

Представленный в Житии Ольги пространной редакции и СК осуждающий охоты мотив И. В. Курукин связал с пассажем из «Приговора царского о кормлениях и службе», помещенного в летописи под 7064 г.: «Царю же благочестивому обычай бяше таковъ: ...потѣхи же царьскые, ловы и иные учрежения, еже по-

---

[344] *Соболевский А. И.* Поп Сильвестр и Домострой. С. 201.

[345] *Найденова Л. П.* Трапеза в старшей редакции Домостроя: парадоксы кодификации // Одиссей. Человек в истории. 1999. Трапеза. М., 1999. С. 82.

[346] *Вальденберг В. Е.* Понятие о тиране... С. 220.

[347] Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 2. С. 332.

[348] *Жмакин В. И.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. С. 568.

[349] Там же. С. 536, 553—568.

добаетъ обычаемъ царьскымъ, все оставиша»[350] (как предположил А. А. Зимин, в данном фрагменте содержалось косвенное осуждение А. Ф. Адашевым и Сильвестром развлечений молодого царя[351]).

В наиболее последовательном виде осуждение охот и прочих увеселений как занятий, недостойных русского государя, содержит КИ, созданная в близкий к написанию СК период. В заключающей ее текст Похвале Ивану IV внимание читателя специально обращается на то, что «тои царь князь великии и многа при себѣ память и похвалъ сотвори достоино: ...отъ юнны версты не любляху никакия потехи царския: ловлени песья, ни звериныя борбы, ни гуселного звяцания, ни перегудицъ скрыпѣния, ни мусскаго гласа, ни пискания прилѣтного, ни скомраховъ видимыхъ; и бесовская плясания, и всяко смехотворения отъ себѣ отрыну, и глумленники отогна, и въ конецъ сихъ возненавиде...»[352].

Об охотах и страсти к прочим увеселениям (скоморошеству и т. д.) как деяниях, недостойных православного правителя, прямо пишет А. М. Курбский в ИВКМ. Этот писатель сам и устами своих героев (например, князя М. П. Репнина, отказавшегося надеть шутовскую «машкару» и казненного за это) осуждает охоты и иные увеселения Грозного[353]. В ИВКМ также отмечается, что к моменту прихода к власти Сильвестра и А. Ф. Адашева Иван IV «началъ первие безсловесныхъ крови проливати, съ стремнинъ высокихъ мечюще ихъ, а по ихъ языку съ крылецъ, або съ теремовъ, тако и иные многие неподобные дѣла творити... Егда же уже приходяще къ пятомунадесять лѣту и вящеи, тогда началъ человѣковъ уравняти»[354]. Как заключил А. М. Курбский, ко времени прихода к власти «Избранной ра-

---

[350] ПСРЛ. Т. 13. С. 267; *Курукин И. В.* Сильвестр: политическая и культурная деятельность... С. 120.

[351] *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники... С. 40, примеч. 96.

[352] ПСРЛ. Т. 19. Стб. 186—188. На данный фрагмент КИ наше внимание обратил Б. Н. Флоря.

[353] См.: Сочинения князя Курбского. Т. 1. Стб. 278—279. О страсти Ивана IV к нестандартному (шутовскому и юродскому) поведению, отразившейся среди прочего и в его сочинениях, например, см.: *Шмидт С. О.* Заметки о языке посланий Ивана Грозного // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 256—265; *Лихачев Д. С.* Историческая поэтика русской литературы, Смех как мировоззрение и другие работы. СПб., 1999. С. 360—369; *Иванов С. А.* Блаженные похабы... С. 265—270.

[354] Сочинения князя Курбского. Т. 1. Стб. 166.

ды» Иван IV «крови уже напился всякой, не токмо животных, но и человеческой»[355].

Как видим, применительно к середине—третьей четверти XVI в. мы имеем дело с уже вполне сложившейся традицией осуждения охот и прочих увеселений как занятий, недостойных православного государя. Трудно сказать точно, когда осуждение охот, признанных недопустимыми для духовных лиц еще на вселенских соборах, было перенесено на лиц светских. Обращаясь к ранним памятникам древнерусской оригинальной литературы, мы встречаемся с прославляющим охоты мотивом, который представлен в ряде произведений — например, в «Поучении» Владимира Мономаха[356]; не содержит осуждения охот и помещенное в летописи под 1068 г. Слово «О казнях Божиих», сурово порицающее игры на трубах и гуслях, а также скоморохов[357]. В более поздних сочинениях охота также рассматривалась как неотъемлемая часть быта представителя княжеского рода. Так, на это прямо указывает текст «Повести о Петре, царевиче ордынском» (XV в.): Петр «**царьския своеа** [здесь и далее выделено нами. — *А. У.*] не преставая утехы: бѣ выѣздя при езерѣ Ростовстем птицами ловя»; в другом месте также нейтрально упомянуто о том, что князь «поимаше Петра на **царьскую утеху**, около озера съ ястребы тѣшаше его»[358]. Косвенное осуждение охоты содержит переводное Житие Евстафия Плакиды, известное в русских списках не позднее XV в.[359] (на знакомство митрополита Макария и книжников его круга с этим памятником указывает факт включения данного Жития в ВМЧ[360]).

---

[355] Сочинения князя Курбского. Т. 1. Стб. 170.

[356] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 247, 251—252.

[357] Там же. Стб. 170.

[358] БЛДР. Т. 9. С. 72, 78.

[359] Например, см.: ОР РГБ. Ф. 304.I. № 666 (конец XV в.); № 663, 782 (оба списка — середины XVI в.). Подробнее об этом Житии и его распространении на Руси см.: *Гладкова О. В.* 1) Византийская агиография в древнерусской литературе X—XVII вв. (на примере Жития Евстафия Плакиды) // Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов. XII Международный съезд славистов (Краков, 1998). Доклады российской делегации. М., 1998. С. 46—55; 2) «Житие Евстафия Плакиды»: византийский текст и славяно-русский перевод // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Сб. 10. С. 629—643; 3) Евстафий Плакида, Владимир I Святой, Димитрий Донской, Петр, царевич ордынский, и другие // Макарьевские чтения. Можайск, 2001. Вып. 8. С. 553—564; 4) Редакция и виды жития Евстафия Плакиды эпохи митрополита Макария // Макарьевские чтения. Можайск, 2003. Вып. 10. С. 477—486.

[360] ВМЧ. Сентябрь. Дни 14—24. Стб. 1286—1298.

В жизнеописании Евстафия содержится описание явления ему, тогда еще язычнику, на охоте Христа в виде оленя с крестом между рогами, который призвал его креститься[361]. Прочие осуждающие охоты представителей знати памятники, появление которых датируется периодом, предшествующим макарьевской эпохе, нам в настоящее время неизвестны. Таким образом, на данном этапе исследования можно констатировать, что произведения макарьевского времени уже далеко отстояли от прославляющей княжескую охоту традиции, которую наиболее ярко представляет «Поучение» Владимира Мономаха.

Сказанное выше побуждает заключить, что для неправедного правителя, образ которого представлен адресату СК, наряду с такими малопривлекательными чертами как сластолюбие (Юрий Святославич Смоленский), жестокость (Тамерлан) и т. д., характерно и увлечение охотами и прочими «богопротивными» занятиями (скоморошеством и т. д.). Книжник в качестве негативных примеров правителей, подверженных подобным душегубительным увлечениям, приводит ряд персонажей мировой истории. При этом обратим внимание на то, что составитель СК, бичуя пороки властителей, не ограничивается критикой «окаянных» и «безбожных» — неправославных — государей (Батыя и Тамерлана), которые для писателя-христианина уже изначально являются не вполне полноценными правителями. Как следует из текста памятника, представленные в нем критические тирады направлены и на императоров православной Византии, и на ряд русских «самодержцев» (например, Мстислава Владимировича и Андрея Ярославича). Последнее побуждает предположить, что, согласно выраженному в СК взгляду, происхождение от Владимира не являлось гарантией избавления русских князей от душегубительных пороков — Спасение мог обеспечить лишь праведный образ жизни в православной вере. Как следует из текста СК, писатель недвусмысленно давал понять читателю, что принадлежности государя к роду добродетель-

---

[361] См.: ОР РГБ. Ф. 304.I. № 666. Л. 82—83. Аналогичный пассаж содержится в Житии св. Губерта (VIII—IX вв.), известность которого в средневековой Руси, однако, сомнительна. В этом Житии сообщается о явлении Губерту-мирянину на охоте распятия между рогов оленя, при этом голос свыше призвал его отречься от земной жизни, что он и сделал (краткие сведения об этом святом и его Житии см.: *Зайцев Д. В.* Губерт // ПЭ. Т. 13. М., 2006. С. 399—400). На Жития Евстафия Плакиды и Губерта наше внимание обратил Б. Н. Флоря.

ных, верных православию «скипетродержцев» недостаточно для его полного соответствия модели идеального правителя — в полной мере царь сливается с идеалом лишь в случае его следования определенному кодексу поведения, представленному в СК. Очевидно, для того, чтобы наглядно продемонстрировать на конкретном историческом материале эту истину читателю, в произведение и были включены примеры неправедных православных правителей из мировой и русской истории.

Важно отметить, что, судя по тексту СК, страсть «самодержца» к увеселениям (прежде всего к охоте) в ней не рассматривалась как нечто, относящееся исключительно к далекому прошлому. Так, как было указано ранее, в 13 гл. 1 ст. составитель, порицая «позорные ловитвы», отмечает, что «таковою прелестию и **донынѣ** [выделено нами. — *А. У.*] тѣшахуся мнози властодръжателие, не токмо нечестивии, но и благочестивии»[362]. Как нетрудно заметить, кроме русского государя, в середине XVI в. отсутствовали другие независимые «благочестивые» (т. е. православные) правители. Последнее заставляет думать, что приведенная выше фраза содержала намек на подверженность этой пагубной страсти и не названного современного православного государя — русского царя.

Сказанное выше дает основания полагать, что, помещая описание пороков правителей в историческую ретроспективу, создатель СК вместе с тем давал понять читателю, что их подверженность пагубным страстям не ограничивается прошлым: как следует из текста памятника, некие не названные государи (в т. ч. и «благочестивые») и «доныне» посвящают себя «позорным ловитвам».

* * *

Характеризуя представленную в СК модель поведения, присущую как идеальным, так и неправедным правителям, зафиксируем, что, порицая последних, наш книжник свое внимание сосредотачивает главным образом на бичевании нравственных, а не социально-политических пороков. Внимание читателя обращено прежде всего на «безбожие» и «окаянство» (Батый, Тамерлан), а также на корыстолюбие, сластолюбие, жестокость, страсть к увеселениям (византийские императоры, Мстислав

[362] Степенная книга. Т. 1. С. 232.

Владимирович, Андрей Ярославич, Юрий Святославич Смоленский) и т. д., а не на конкретные социально-политические шаги соответствующих правителей. Это в свою очередь побуждает заключить, что критика пороков неправедного государя помещена не столько в социально-политическую, сколько в духовно-нравственную плоскость. Данная тенденция прослеживается и при изображении в памятнике идеального правителя. Сказанное выше побуждает обратить внимание на назидательный тон СК, в которой читателю, с одной стороны, представлены фигуры достойных подражания правителей, с другой, заслуживающих самой жесткой критики государей, что характерно, не только «безбожных» и «окаянных», но и православных (в т. ч. и потомков Владимира). Последнее в свою очередь может быть связано с характерным для предшествующих и современных СК памятников (сочинения Иосифа Волоцкого, Максима Грека, И. С. Пересветова и др.) осуждением правителей, которые, сохраняя православие, тем не менее не соответствовали высоким требованиям, предъявляемым к истинному правителю. Нагляднее всего это представлено в сочинениях И. С. Пересветова, осуждавшего греков и их правителей, которые, сохранив православие («веру»), тем не менее, утратили «правду»[363].

6.4. Цель создания памятника

Итоги анализа приведенного выше материала дают основания полагать, что в центре внимания составителя СК находится облик правителя, помещенный почти исключительно в духовно-нравственную плоскость. Представленные в СК социально-политические идеи размыты и, по сути, ограничиваются упоминанием о необходимости соблюдения правителем верности православию, его заботы о Церкви и «совета» как с ее иерархами, так и с представителями знати. Социально-политическая суть этих «советов» в СК не раскрыта. Также не стоит переоценивать и связь произведения с попытками русского правитель-

[363] Сочинения И. Пересветова. С. 205—207. О развитии мотива неправедного государя в памятниках древнерусской книжности см.: *Вальденберг В. Е.* Понятие о тиране... С. 214—236; *Каравашкин А. В.* Концепт «тиран-мучитель» в Древней Руси (Конвенциональные модели средневековой книжности) // История и письменная культура Древней и Новой России: Сборник статей, посвященный 60-летию Ю. Д. Рыкова. М., 2009 (в печати).

ства на его страницах оправдать свои внешнеполитические притязания на земли соседей. Все это в свою очередь побуждает задаться вопросом: с какой целью СК создавалась? Составной частью этого вопроса является вопрос о наиболее вероятном адресате памятника. Попытаемся предложить свой вариант решения этих вопросов.

Для кого писалась Степенная книга?

Несмотря на то, что специально вопрос об адресате СК не рассматривался, в посвященной ей литературе был высказан ряд суждений на этот счет. Так, в историографии бытует мнение о написании СК для Ивана IV. Согласно А. И. Соболевскому, В. В. Кускову, Б. Н. Флоре и архим. Макарию (Веретенникову), произведение писалось по прямому заказу первого русского царя[364]. По мнению Г. Ленхофф и Н. Н. Покровского, СК создавалась для этого же лица в назидательных целях, но не по его заказу, а по поручению митрополита Макария[365]. Комментаторы СК высказали предположение о ее написании для «широкого читателя»[366]. Не затрагивая вопрос об адресате памятника непосредственно, А. В. Сиренов допустил, что его создание было связано с попыткой обосновать историческими аргументами перед вселенскими патриархами принятие Иваном IV царского титула[367]. Интересное замечание относительно цели написания СК сделал А. С. Демин. Не занимаясь специально изучением этого вопроса, исследователь высказал мнение о том, что «автор [СК. — *А. У.*], по-видимому, остро желал государственной и общественной стабильности за год до введения опричнины, приведшей Россию к невиданному кризису»[368].

---

[364] Отзыв академика А. И. Соболевского... С. 8—9; *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 75; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 105; *Макарий (Веретенников).* Афанасий. С. 708.

[365] См.: *Покровский Н. Н.* Исторические концепции... С. 93; *Ленхофф Г. Д.* Степенная книга... С. 144. К сходному предположению независимо от данных исследователей пришел и автор настоящей работы, см.: *Усачев А. С.* Древняя Русь... С. 338. Также следует отметить аналогичное мнение И. Е. Забелина, на которое не обращалось внимание в историографии. В одной из своих заметок (1893—1894 гг.) он писал: «Макарий степенные книги писал о благочестии царям. Карамзин учил их нравственности» (см.: *Забелин И. Е.* Дневники. Записные книжки. М., 2001. С. 178).

[366] См.: Из Степенной книги... Комментарии. С. 588.

[367] *Сиренов А. В.* Степенная книга... С. 406.

[368] *Демин А. С.* «Книга Степенная царского родословия»... С. 141.

Важно отметить, что, не являясь результатом специального исследования данного вопроса, отмеченные выше предположения были высказаны на основе рассмотрения отдельных черт, свойственных СК. Это побуждает вновь обратиться к изучению данного аспекта СК и тем самым заполнить лакуну в историографии памятника гипотезой, основанной на анализе материала, который не привлекался в историографии. С этой целью мы рассмотрим текст древнейшей редакции СК, а также совокупность иных данных, которые, на наш взгляд, позволяют прояснить вопрос об адресате и возможной цели ее написания.

Некоторый свет на данный вопрос в изучении СК проливают итоги изучения ее жанрового своеобразия. Так, как уже отмечалось нами ранее, жизнеописания государей в СК выдержаны в агиографической манере: в соответствии с традициями житийной литературы, книжник сообщает о родителях соответствующих князей, об их деяниях, приводит (или выполняет самостоятельно) похвалы им, а также в случае наличия надлежащего материала повествует о чудесах. Также не следует забывать, что наиболее вероятный составитель СК — Андрей-Афанасий — являясь агиографом, был хорошо знаком с традициями житийной литературы. Вряд ли можно сомневаться в том, что следование агиографическому канону налагало некоторые ограничения на писателя при подборе и представлении материала о жизни описываемого персонажа. Так, главным принципом в написании текста жития являлась идеализация его главного героя, которая могла достигаться в ущерб полноте биографии[369].

Как показывают итоги рассмотрения состава СК, в нее включены жизнеописания потомков Владимира — исключениями из этого правила являются также помещенные в текст памятника жития трех митрополитов (Петра, Алексия и Ионы) и Даниила Переяславского. Как уже отмечали наши предшественники, эти исключения обусловливались, с одной стороны, митрополичьим происхождением СК, с другой, вероятно, имевшей место близостью ее составителя к переяславскому святому. Возможно, была и иная причина включения именно митрополичьих житий в СК.

Как небезосновательно отмечает Т. В. Попова, одной из основных задач митрополита Макария было «подчеркнуть единство церкви и государства, а для этого *необходимы свидетельства*

[369] Например, см.: *Яблонский В. П.* Пахомий Серб... С. 233.

стремления церковных авторитетов к укреплению единого сильного государства» (выделено Т. В. Поповой. — *А. У.*)[370]. Именно поэтому в XVI в. начинает культивироваться новый тип святости церковного иерарха — не удаленного от мира подвижника (Сергий Радонежский и др.), а человека, неравнодушного к происходящему. Наиболее явственно, согласно Т. В. Поповой, это проявилось в жизнеописаниях Пафнутия Боровского (первая четверть XVI в.) и особенно Иосифа Волоцкого (середина XVI в.)[371].

Нельзя исключить того, что в СК внимание к фигурам митрополитов было проявлено именно в силу того, что ее составитель на всем протяжении текста памятника стремился изобразить иерархов Церкви в качестве постоянных спутников «самодержцев» из рода Владимира. Косвенно на это указывает то, что в случае наличия необходимого материала в источниках СК (даже при отсутствии специальных агиографических текстов, посвященных соответствующим персонажам) книжник представлял читателю самостоятельные рассказы о русских первосвятителях, в т. ч. и о тех, которые канонизированы не были. Таковы рассказы о митрополитах Ефреме (5 гл. 3 ст.), Феогносте (6 гл. 11 ст.) и др.

Отмечая несомненный интерес создателя СК к фигурам русских первосвятителей, зафиксируем, что центральное место в памятнике занимают жизнеописания потомков Владимира. Они, с одной стороны, выполнены в агиографических тонах (в т. ч. и рассказы о тех, кто на момент написания СК канонизирован не был), с другой, насыщались вполне «светскими» деталями на основе привлечения конкретно-исторического материала, который черпался, как правило, из летописных источников. На «светский» характер СК (если этот термин вообще применим к памятнику древнерусской книжности) указывают и особенности правки ряда включенных в нее произведений. Так, как отметила Г. Ленхофф, специально рассмотревшая степенную редакцию Жития Федора Ярославского, ее составитель занял «позицию придворного историка», осветив те аспекты биографии святого, которые могли заинтересовать представителя москов-

---

[370] *Попова Т. В.* Митрополит Макарий и новый тип русской преподобнической святости (на примере житий Пафнутия Боровского и Иосифа Волоцкого) // Макарьевские чтения. Можайск, 2003. Вып. 10. С. 455.

[371] Там же. С. 459—462.

ской знати: происхождение, права наследования и т. д.[372] «Светскими» деталями (прежде всего, описаниями военных походов и побед над врагами) насыщаются и жизнеописания Владимира Святославича, Всеволода Псковского, Александра Невского. Как было показано выше, в основу этих рассказов легли соответствующие памятники агиографии, которые наш книжник дополнял летописными данными и генеалогическими пояснениями. На стремление составителя адаптировать текст СК для читателя из светской элиты указывает и выполненная, очевидно, на заключительном этапе работы над произведением вставка в его текст статьи «Царские сановники», в которой содержались толкования ряда социально-политических терминов («стратилат», «синклитик» и т. д.). Важно отметить, что ни один (!) из них не имел непосредственного отношения к церковной тематике.

Таким образом, как видим, СК предстает перед нами как пример (едва ли не первый в русской литературе) сочетания писателем традиций житийной литературы с запросами светского читателя, для которого и были предназначены житийные рассказы о крестителе Руси и его добродетельных потомках. Это выразилось, с одной стороны, в особой литературной обработке соответствующих сочинений, с другой, в том, что «темных сторон» в биографиях как причтенных к лику святых, так и неканонизированных русских князей не было или они были сокращены до минимума.

Принимая уже высказанную нашими предшественниками гипотезу о написании СК для светского лица, обратим внимание на ряд важных обстоятельств.

Прежде всего, отметим необычайную заботу нашего книжника о читателе. Как было показано выше, на протяжении всего текста памятника фиксируется стремление его составителя облегчить знакомство с ним[373]. Это проявилось: в четкой структуре СК, состоящей из целого ряда разделов (глав и титл), которые группировались в рамках житий-степеней; в написании оглавления (гранесования), существенно облегчавшего работу с текстом; в наличии многочисленных пояснений и толкований тех или иных топонимов, этнонимов и прочих терминов, значение кото-

---

[372] *Lenhoff G.* Early Russian Hagiography... P. 163.

[373] Полагая, что СК была адресована Ивану IV, Г. Ленхофф отметила, что «относительно небольшой формат делал книгу [Степенную. — *А. У.*] куда более удобной в сравнении с массивными двенадцатитомными ВМЧ» и Ник. (см.: *Ленхофф Г.* Степенная книга... С. 144).

рых растолковывалось в специальной справочной статье («Царские сановники»); в помещении в текст СК 50 внутритекстовых ссылок, в большинстве случаев отсылающих читателя к княжеским жизнеописаниям. На наш взгляд, очевидное стремление писателя облегчить читателю работу с текстом свидетельствует о том, что, по всей видимости, СК предназначалась для представителя элиты общества.

В историографии уже отмечались связи ряда крупных памятников книжности XVI в. с теми или иными знатными родами. Например, как показал Н. П. Лихачев, происхождение Государева родословца, по-видимому, было связано с семьей Адашевых[374]. С именем А. Ф. Адашева в литературе связывают и составление ЛНЦ[375]. С. Б. Веселовский и А. Н. Насонов обратили внимание на возможные контакты составителя НДубр. с родом Квашниных[376]. Согласно Дж. Горсею, в XVI столетии могли существовать и какие-то летописные записи неофициального характера, связанные с семейством Мстиславских[377]. Обращаясь к СК, важно отметить, что описывая даже тех потомков Владимира Святославича, которые являлись родоначальниками крупных боярских родов, игравших заметную роль в русской истории XVI в. (Михаила Черниговского, Федора Ярославского), книжник ничего не говорит об их потомках на московской службе — как было показано ранее, в соответствующие рассказы вносились уточнения лишь относительно степени родства того или иного персонажа с Владимиром или главным героем соответствующей степени.

Рассматривая возможность написания СК для аристократических кругов, также следует отметить крайнюю неполноту сведений о представителях русской знати при описании конкрет-

---

[374] *Лихачев Н. П.* «Государев родословец» и род Адашевых. СПб., 1897.

[375] Об участии А. Ф. Адашева в ведении летописания в 50-е гг. XVI в. см.: *Лавров Н. Ф.* Заметки... С. 90; *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники... С. 29—30; *Насонов А. Н.* История... С. 408; *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 195—196; *Буланин Д. М.* Адашев Алексей Федорович // СККДР. Вып. 2, ч. 1. С. 8—10 (там же приведена библиография). Подробнее этот вопрос нами был рассмотрен в третьей главе настоящей работы.

[376] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 263—264; *Насонов А. Н.* История... С. 354—356.

[377] Подробнее см.: *Солодкин Я. Г.* Тайна «хроник» боярина И. Ф. Мстиславского (К истории частного летописания в России XVI в.) // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 945—949 (там же приведена историография по данному вопросу).

ных событий русской истории. Так, например, в 17 ст., вслед за «Повестью о Московском пожаре 1547 г.» порицая боярское своеволие периода малолетства Ивана IV, составитель не называет имени ни одного боярина. В этой же степени также не упомянут ни один русский воевода из участников взятия Казани и начала Ливонской войны. Если пропуски имен русских воевод в 17 ст. могут с той или иной степенью убедительности объясняться политической ситуацией времени создания СК — периода падения «Избранной рады» и попадания в опалу многих связанных с ней лиц[378] — то объяснить отсутствие имен «самовластных» «вельмож» периода боярского правления политическими мотивами вряд ли возможно. Подобная индифферентность создателя СК по отношению к описанию представителей русской знати, вероятно, обусловливалась двумя причинами. С одной стороны, она определялась личностью руководителя работ над памятником, который являлся представителем духовенства. С другой — отсутствием его заинтересованности в описании воевод, участвующих в победоносных войнах русских «скипетродержателей», находящихся в центре повествования. В связь с этим также следует поставить то, что сообщая о случаях «совета» того или иного государя с «вельможами», составитель СК их имен не приводит — по-видимому, ему было важно обратить внимание на сам факт «совета», при этом фигуры конкретных советников для него самостоятельного интереса не представляли. Все вышесказанное побуждает с сомнением отнестись к возможности написания СК для представителей московской аристократии.

Продолжая рассмотрение вопроса об адресате СК, отметим, что княжеские жития занимали несколько особое место в массиве прочих агиографических текстов. Так, А. П. Кадлубовский, прямо не указывая на СК, заметил: «Жития князей по самому существу своему содержат большую долю элемента чисто исторического, фактического; самый характер многих деяний святого князя (да многих деяний и святителя) таков, что они не могли быть рекомендованы широкому кругу читателей, как образец для подражания; преобладающий исторический характер таких княжеских, и отчасти святительских, житий выразился в том, что они входили в состав летописей; это относится, впрочем, главным образом к старейшим северно-русским жи-

[378] Подробнее см.: *Усачев А. С.* История... С. 79—81.

тиям; в эпоху, которую я по преимуществу имею в виду [XV—XVI вв. — *А. У.*], княжеских житий вообще меньше»[379].

Учитывая очевидный назидательный характер произведений агиографической литературы, а также наблюдения А. П. Кадлубовского, нельзя не признать, что княжеские жития и приближенные к ним рассказы, составлявшие ядро СК, в наибольшей мере отвечали запросам представителей княжеского рода (это, разумеется, не означает, что лишь Рюриковичи являлись читателями княжеских житий в средневековой Руси).

Рассматривая вопрос об адресате СК, обратим внимание еще на одно обстоятельство. Общеизвестно, что крупнейшие русские мыслители второй—третьей четверти XVI в. целый ряд своих сочинений писали непосредственно для царя. Так, ему были адресованы сочинения И. С. Пересветова, которые, как указал сам публицист в своей «Большой челобитной», «легли в казне твоей [т. е. Ивана IV. — *А. У.*] государевой»[380]. Ряд произведений Максима Грека («Главы поучительные начальствующим правоверно» и несколько посланий) также предназначался для первого русского царя. В летописи представлен ряд писем митрополита Макария, написанных Ивану IV; к царю же обращено Поучение этого святителя при венчании на царство, а также знаменитый «Ответ» Макария[381]. Известно и послание к самодержцу Сильвестра[382]. По всей вероятности, Ивану IV адресовано послание инока псковского Елизарьева монастыря Филофея, с сочинениями которого в историографии традицион-

---

[379] *Кадлубовский А. П.* Очерки... С. 170—171.

[380] Сочинения И. Пересветова. С. 171. Как указал сам И. С. Пересветов (Там же. С. 172), он «доступил» Ивана IV в праздничный день в церкви Рождества Богородицы, передав ему «две книжки». В Описи Царского архива упомянут находившийся в ящике 143 «черной список Ивашка Пересветова да Петра Губастого» (см.: *Зимин А. А.* Государственный архив России. Вып. 1. С. 68). Под «черным списком», согласно одной точке зрения (А. А. Зимин и др.), скрывались сочинения И. С. Пересветова; согласно другому мнению (И. И. Полосин и др.), «черный список» являлся следственными материалами по делу этих лиц (об интерпретации данной записи см.: *Полосин И. И.* О челобитных Пересветова // УЗ МГПИ им. В. И. Ленина. Т. XXXV, вып. 2. М., 1946. С. 30—31; *Зимин А. А.* 1) И. С. Пересветов и его сочинения // Сочинения И. Пересветова. С. 15; 2) Государственный архив. Вып. 2. С. 335—337; *[Лурье Я. С.]* 1) Комментарии // Сочинения И. Пересветова. С. 297—299; 2) Пересветов Иван Семенович. С. 181).

[381] Идея Рима... Р. 87—90; «Ответ» митрополита Макария... С. 717—748.

[382] См.: *Голохвастов Д. П., Леонид (Кавелин).* Благовещенский иерей Сильвестр... С. 69—87.

но связывается оформление идеи «Москва — третий Рим». К нему же обращены «Благохотящим царем правительница» Ермолая-Еразма, а также написанные, правда, несколько позднее три послания А. М. Курбского. Важно отметить, что обращения публицистов со своими сочинениями к московскому государю характерны и для более раннего периода. Так, в своем знаменитом Послании на Угру ростовский владыка Вассиан Рыло призывал Ивана III к бескомпромиссной борьбе с татарами. Этому же правителю адресовано и послание Иосифа Волоцкого (Послание о еретике Кленове[383]), призывавшего московского князя к проявлению твердости в борьбе с ересями. Василию III также был направлен ряд посланий: к нему обращались со своими сочинениями Иосиф Волоцкий, Филофей и Максим Грек. Сказанное выше позволяет считать, что обращения крупнейших русских мыслителей к царю к середине XVI столетия являлись уже вполне сложившейся традицией.

Обратим внимание на то, что авторы обращенных к правителям произведений, побуждая в них своих адресатов к тем или иным действиям, часто апеллировали к примерам прошлого. Так, в своем Послании на Угру Вассиан Рыло призывал Ивана III «поревновать» как героям всемирной истории (ветхозаветному царю Давиду и императору Константину Великому), так и русским князьям — Святославу Игоревичу, Владимиру Святославичу, Владимиру Мономаху и Дмитрию Донскому, мужественно боровшимся с внешним врагом[384]. Иосиф Волоцкий в послании Василию III о еретиках приводил примеры из недавнего прошлого, апеллируя к суровой расправе с новгородскими и московскими еретиками отца этого князя[385]. Данная тенденция характерна и для произведений, адресованных Ивану IV. Так, следовать умеренности по отношению к подданным ветхозаветного Иосифа Прекрасного, служившего египетскому фараону, призывал царя Ермолай-Еразм в «Правительнице»[386]. В «Сказании о царе Константине» к негативному опыту византийских правителей отсылает читателя И. С. Пересветов, отмечая справедливость и твердость в делах правления неправославного турецкого султана[387]. Ссылки на прошлое являются неотъемле-

---

[383] Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 178—179.

[384] ПЛДР. Вторая половина XV века. Л., 1982. С. 524, 528, 530.

[385] Послания Иосифа Волоцкого. С. 230—231.

[386] *Ржига В. Ф.* Литературная деятельность Ермолая-Еразма // ЛЗАК. Л., 1926. Вып. 33. С. 194—197.

[387] См.: Сочинения И. Пересветова. С. 165—170.

мой частью посланий Филофея[388] и Максима Грека[389]. Следовать примеру героев всемирной (Авраам, Иисус Навин и др.) и русской (Владимир Святославич, Владимир Мономах, Александр Невский) истории, проявлявших твердость в борьбе с врагами, призывал Ивана IV митрополит Макарий в своем послании к царю под Казань[390]. Аналогичны и послания новгородского архиепископа Феодосия, написанные русскому царю в связи с Казанскими походами[391]. Насыщено примерами из ветхозаветной и античной истории и третье послание А. М. Курбского Ивану IV[392].

СК, строго говоря, не является памятником публицистики, близким к сочинениям Ивана Пересветова или Андрея Курбского. Вместе с тем, как было показано выше, в ней проявился целый ряд тенденций, характерных для данных сочинений.

Приведенный материал побуждает обратить внимание на ряд важных обстоятельств. Во-первых, СК представляет собой сборник выполненных в соответствии с агиографическими традициями рассказов, которые насыщены деталями, способными заинтересовать светское лицо. Во-вторых, судя по ярко выраженному стремлению книжника максимально облегчить освоение текста читателю, можно думать, что СК предназначалась для представителя элиты общества. В-третьих, в имеющем митрополичье происхождение памятнике помещены лишь княжеские и митрополичьи жизнеописания. В-четвертых, в СК не фиксируется повышенный интерес к знати в целом или к ее отдельным представителям. В-пятых, в древнерусской книжности по крайней мере с последней четверти XV в. фиксируется тенденция направлять крупные памятники непосредственно царю. Все сказанное приводит к мысли, что наиболее вероятным адресатом памятника было светское лицо княжеского происхождения, которое в то же время не являлось представителем знати. Есть основания полагать, что в России рассматриваемого периода была лишь одна персона, которая полностью соответствует

---

[388] *Синицына Н. В.* Третий Рим... С. 349—353, 358—363.

[389] Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 2. С. 175, 347, 351 и др.

[390] АИ. Т. 1. № 160. С. 291—293. Также см.: *Шапошник В. В.* К вопросу о переписке между митрополитом Макарием и царем Иваном IV во время Казанского похода 1552 года // Макарьевские чтения. М., 1998. Вып. 5. С. 49—60.

[391] Подробнее см.: *Филюшкин А. И.* Грамоты... С. 327—346.

[392] Переписка... С. 106—118.

этим признакам — Иван IV[393]. Это в свою очередь побуждает нас принять уже высказанную в литературе гипотезу о том, что СК создавалась для него[394]. Приведем дополнительные аргументы в пользу этого мнения.

Прежде всего, обратим внимание на повышенный интерес составителя к генеалогии потомков Владимира — прямых предков и «сродников» Ивана IV — и тех правящих домов Европы, которые были с ними связаны родственными узами, — литовским князьям и Палеологам. Также немаловажно отметить, что, как было показано в четвертой главе, текст СК адресовался читателю, по всей видимости, имеющему некоторый багаж познаний в генеалогии — для определения места того или иного персонажа в ряду потомков Владимира ему было достаточно упоминания о том, что он состоял в той или иной степени родства с главным героем соответствующей грани. Это может быть связано с тем, что, как уже неоднократно указывалось в историографии, первый русский царь, обладая хорошими познаниями в родословной правителей Восточной Европы, проявлял к ней особый интерес[395]. Например, как отмечал Антонио Поссевино,

---

[393] Строго говоря, этим требованиям удовлетворяли и современные Ивану IV удельные князья — его ближайшие родственники: Юрий Васильевич Углицкий и Владимир Андреевич Старицкий. Однако необходимо учесть следующее. Во-первых, эти лица лишь вскользь упомянуты в 17 ст., главным героем которой, несомненно, является первый русский царь. Во-вторых, трудно представить, что памятник, в котором последовательно на материале всей русской истории проведен принцип наследования от отца к сыну, мог адресоваться младшим отпрыскам московских государей. Все это побуждает скептически отнестись к возможности того, что СК адресовалась кому-либо из братьев Ивана IV. Полностью исключать возможность написания произведения для всего великокняжеского семейства (в первую очередь, для русского царя и его малолетних наследников), конечно, нельзя. Однако итоги рассмотрения представленного выше материала побуждают думать, что наиболее вероятным адресатом СК был русский царь.

[394] Необходимо отметить обстоятельство, которое, на первый взгляд, противоречит данному предположению, — отсутствие непосредственных обращений к царю, которые характерны для целого ряда адресованных ему посланий. Вероятно, это могло обусловливаться жанровым своеобразием СК, представлявшей собой систематическое изложение событий русской истории, выстроенной в виде ряда жизнеописаний. Отсутствие обращений к царю отличает и другой масштабный и, несомненно, предназначенный для него книжный памятник — Царский комплект ВМЧ.

[395] Например, см.: *Альшиц Д. Н.* Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // ИЗ. М., 1947. Т. 23. С. 281; Послания Ивана Грозного. Комментарии. С. 670—674; *Успенский Б. А., Панченко А. М.* Иван Грозный

разговор о предках Ивана IV, занимавших русский престол до него, сильно «затронул государя» в его диалоге с папским послом; последний обратил внимание на то, что русский царь, по его словам, является «наследником и преемником той власти, которую он через 500 лет унаследовал от Владимира»[396].

В контексте рассмотрения вопроса об адресате СК обратим внимание на лицо, несомненно, причастное к ее созданию — Андрея-Афанасия (как отмечалось выше, в историографии ведутся дискуссии лишь о степени его причастности к написанию СК, сам факт которой сомнений у исследователей не вызывает). Этот писатель являлся ближайшим к царю лицом, его духовником, настоятелем придворного Благовещенского собора. Кто среди книжников середины—третьей четверти XVI в. мог лучше многолетнего духовника царя справиться с поручением митрополита Макария написать исторический труд для Ивана IV, адаптировав его к духовным запросам адресата и его личностным особенностям[397]?

Рассматривая вопрос о возможности адресации непосредственно царю такого весьма объемного памятника («сборника», согласно мнению ряда исследователей) как СК, следует отметить, что наряду с публицистическими сочинениями русских мыслителей XVI в. для Ивана IV также писались и явно лишенные публицистической направленности труды. Так, как известно, ему предназначался т. н. Царский комплект масштабного агиографического свода — ВМЧ.

Помимо всего вышесказанного, в пользу рассматриваемого предположения косвенно свидетельствует и попытка составителя СК подчеркнуть особое место Ивана IV среди потомков Владимира. Так, как уже отмечали наши предшественники, его жизнеописание в СК появилось не сразу — об этом пишет непосредственно сам составитель в 24 гл. 16 ст., отмечая, что об

и Петр Великий: концепция первого монарха // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 59; *Каравашкин А. В.* Русская средневековая публицистика... С. 132—161. Интерес к генеалогии потомков Владимира как аргумент в пользу мнения об адресации СК царю представлен Г. Ленхофф, см.: *Ленхофф Г.* Степенная книга... С. 144.

[396] *Поссевино А.* Исторические сочинения... С. 80.

[397] Принимая во внимание отсутствие соответствующего материала, мы специально не будем рассматривать вопрос о том, писалась ли СК по непосредственному заказу Ивана IV, переданному митрополиту Макарию, или нет. Оба варианта возможны, хотя, повторимся, для решения этого вопроса имеющихся данных недостаточно.

Иване IV «лѣпо есть особно степени вчинитися, яко же в лѣтописаниихъ явлено есть довольно сказание»[398]. На это же указывает и выявленный Н. Н. Покровским разрыв между окончанием 16 ст. и началом 17 ст. в древнейших списках СК: как показал историк, книжник обратился к жизнеописанию Ивана IV не сразу, а после некоторых раздумий[399]. Особое место первого русского царя в ряду потомков Владимира отмечается в конце 16 ст., сообщающей читателю о том, что этот государь «трудолюбезно подвизашеся о благочестии, храня отечьское наслѣдие отъ супротивныхъ, и расточенаа отвсюду собираа, и многы страны приобретаа, и воедино христоименитое царство совокупляа, всюду, вездѣ и во всяческыхъ поспѣшествующу ему Богу, на него же уповаше»[400]. Внимание читателя при описании начала правления Ивана IV в СК концентрируется на главном, согласно представленному в ней взгляду, событии середины XVI в. — взятии Казани, которое, по мнению составителя, является заслугой исключительно русского царя. Так, по своему объему повествующие о казанском взятии 10—13 гл. (3 (!) из 26 глав 17 ст.) занимают около 30% (!) текста 17 ст.[401] Как уже неоднократно отмечалось в историографии, в качестве главного героя 17 ст. выступает Иван IV, действующий при самом активном покровительстве небесных сил (представленные в 17 ст. описания чудес и знамений по своему числу и объему намного превосходят аналогичные рассказы в других разделах СК). Ранее нами было показано, что, согласно тексту произведения, именно события, связанные с биографией Ивана IV (его рождение и взятие им Казани), получили самый широкий резонанс в православном мире.

Характеризуя СК в ряду современных ей памятников, важно отметить, что стремление подчеркнуть особое место Ивана IV в русской истории свойственно не только СК, но и современным ей произведениям, в частности, КИ. Автор последней указывает на то, что после покорения Казани первый русский царь «оставивъ себѣ славу великую, **превыше отецъ своихъ**, и память вѣчную въ роды Руския во веки» (выделено нами. — *А. У.*)[402]. Согласно Н. В. Трофимовой, в КИ Иван IV представлен выше

---

[398] Степенная книга. Т. 2. С. 327.

[399] *Покровский Н. Н.* Томский список... С. 22—24.

[400] Степенная книга. Т. 2. С. 327.

[401] Там же. С. 357—374.

[402] ПСРЛ. Т. 19. Стб. 186.

своих предков. Справедливо указывая на то, что для автора КИ важнейшим событием русской истории является присоединение Казани, исследовательница отмечает, что государю, лично взявшему Казань, удалось то, что в течение почти столетия не удавалось трем поколениям его предков, с переменным успехом боровшихся с Казанским ханством. Это дало основания Н. В. Трофимовой заключить, что первый русский царь в КИ и современной ей СК выступает как правитель, «собравший в себе лучшие черты предков, и лишенный их недостатков», который «по мнению автора [СК. — *А. У.*], с Божьей помощью завершил их труды»[403]. Именно за взятие и христианизацию Казани Иван IV уподоблен Константину Великому Сильвестром в его послании к первому казанскому наместнику А. Б. Горбатому[404].

* * *

Приведенный выше материал побуждает думать, что высказанное в историографии мнение о том, что СК предназначалась первому русскому царю, с одной стороны, не противоречит данным известных источников и тексту памятника, с другой, многое проясняет в изучении СК: ее композицию, идеализацию русских правителей и т. д. Какую цель преследовал наш книжник, создавая столь масштабный памятник?

Назначение Степенной книги

Обращаясь к поиску ответа на данный вопрос, обратим внимание на ряд обстоятельств.

Прежде всего, отметим, что наиболее ярко выраженным в памятнике стремлением книжника является желание прославить род русских государей, показать высокие достоинства морально-этического характера его основателя Владимира и всех потомков этого князя. Вряд ли можно сомневаться в том, что составитель СК задался целью прославить династию правителей Руси. Этим и определяется композиция памятника, состоящего из житий-жизнеописаний русских князей, а также присущая ему идеализация соответствующих персонажей. Вместе с тем,

---

[403] *Трофимова Н. В.* Образы русских князей-христиан в «Казанской истории» // Макарьевские чтения. Можайск, 2001. Вып. 8. С. 681.

[404] *Голохвастов Д. П., Леонид (Кавелин).* Благовещенский иерей Сильвестр... С. 90.

есть основания полагать, что наш писатель наряду с прославлением правящего Русью рода преследовал и другую цель. Приведем их.

Как отмечали наши предшественники, СК характеризует назидательный тон[405]. Выше было показано, что в ней фиксируется целый ряд осуждающих правителей тирад, которыми насыщены рассказы об Андрее Ярославиче, Батые, Юрии Святославиче Смоленском и Тамерлане. К этим пассажам примыкают и включенные в 1 ст. сентенции, порицающие охоты. Последние, согласно А. И. Соболевскому и И. В. Курукину, представляли собой завуалированное осуждение охот Ивана IV. С этим также может быть связано и отмеченное нами выше указание составителя на то, что пагубным страстям государи (что характерно, и «благочестивые») предаются и «доныне».

Сказанное выше можно сопоставить с тем, что современники составителя СК — писатели XVI в. — адресуя свои произведения Ивану IV, наряду с попыткой решить конкретные личные проблемы (как, например, И. С. Пересветов, жаловавшийся царю на свои невзгоды в России) стремились побудить его следовать определенным нормам поведения. Последние с большей или меньшей степенью детализации представлены в данных трудах. В сочинениях И. С. Пересветова и «Правительнице» Ермолая-Еразма исследователи не без оснований усматривают развернутый проект реформ[406]. (Лишь написанные позднее послания А. М. Курбского, прямо осуждающие поведение царя, несколько выбиваются из этого ряда). Поучение правителю — главе единственного православного царства — представлялось и в изобразительной форме. Так, по мнению Л. И. Антоновой, непосредственно Ивану IV предназначалась рукописная книга (Учи-

---

[405] Например, см.: *Barnette W.* Stepennaja kniga... P. 320; *Покровский Н. Н.* Византийский дьякон Агапит... С. 172—17; *Ленхофф Г.* Степенная книга... С. 144. В. В. Кусков, рассматривая рассказ о заботе Владимира о Церкви в 1 ст., предположил, что «тем самым в Степенной давалось своеобразное наставление Грозному нерушимо соблюдать все законоположения о церковной власти, установленные якобы еще его „равноапостольным“ предком» (см.: *Кусков В. В.* Степенная книга... С. 107).

[406] *Будовниц И. У.* Русская публицистика... С. 208—218, 221—229; *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники... С. 339—405; *Клибанов А. И.* 1) Сборник сочинений Ермолая-Еразма // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 182—188; 2) Правда «земли» и «царства» Ивана Пересветова. С. 221—245; *Дмитриева Р. П.* Ермолай-Еразм (Ермолай Прегрешный) // СККДР. Вып. 2, ч. 1. С. 222—223; *Лурье Я. С.* Пересветов Иван Семенович. С. 179—180.

тельное Евангелие, около 1547 г.[407]), содержащая хорошо согласующуюся с Чином венчания миниатюру, «призванную каждодневно напоминать будущему царю — наследнику великого византийского престола — о необходимости постоянного следования христианским заповедям»[408].

Как уже отмечалось ранее, приведенные выше обращения крупнейших русских мыслителей к царю к середине XVI столетия являлись уже вполне сложившейся традицией. Она во многом была основана на представлении о необходимости совета христианскому правителю со стороны лиц, отмеченных умом и добродетелями[409]. Сжатая характеристика данного вида сочинений принадлежит В. В. Шапошнику, который, обобщив наблюдения предшественников, не без известной доли упрощения писал:

«...В русской книжности гораздо больше внимания уделяется не изображению отрицательных царей (мучителей), а советам о том, как сделать имеющегося, конкретного, положительного царя еще лучше, предостеречь его от возможных соблазнов, которые способны погубить как самого царя, так и все царство. Общая схема таких сочинений достаточно проста: имеется и так хороший царь, но если он сделает то-то и то-то, что советует автор послания, он станет еще лучше... Сама возможность обращения к правителю с посланиями и советами говорит об уверенности авторов в том, что их советы будут, по крайней мере, внимательно выслушаны и рассмотрены. У книжников существует убеждение, что если правителю разъяснить, на основании безусловно авторитетных текстов, что надо делать, то правитель обязательно примет совет»[410].

Принимая во внимание отчетливо представленную в тексте СК назидательную струю, можно думать, что этот памятник, так же как и ряд других, современных ему, сочинений можно поместить в число обращенных к царю наставлений, в которых сформулирована модель поведения истинного христианского правителя.

---

[407] ОР РГБ. Ф. 98. № 80.

[408] *Антонова Л. И.* Выходная миниатюра Учительного Евангелия XVI в. из собрания Е. Е. Егорова // Иконографические новации и традиции в русском искусстве XVI века: Сб. ст. памяти Виктора Михайловича Сорокатого. М., 2008. С. 157.

[409] Подробнее см.: *Bogatyrev S. N.* The Sovereign and His Counsellors...

[410] *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения... С. 469—470. Ср.: *Каравашкин А. В.* Русская средневековая публицистика... С. 182 и др.

Рассматривая вопрос о назначении СК, сопоставим образ правителя, создаваемый ее составителем, с реалиями России 60—70-х гг. XVI в. Как нетрудно заметить, в своих действиях Иван IV мало походил на представленный в СК портрет идеального православного государя. Г. Ленхофф справедливо отметила, что вряд ли прав Д. Островский[411], полагая, что содержащиеся в СК рассказы о неправедных правителях явились своего рода ответом на бесчинства Грозного в годы опричнины — как указывают итоги изучения вопроса о времени написания памятника, его составление относится к предопричному периоду (согласно мнению Д. Островского, не подкрепленному конкретными аргументами, СК создавалась в 80-е гг. XVI в.). Вместе с тем само замечание относительно совпадения некоторых отрицательных черт правителя, читающихся в СК, с действиями Грозного представляет большой интерес. Так, сопоставим уже упомянутую в литературе страсть русского царя к шутовству, которая особенно ярко проявилась в период опричнины[412], с осуждением составителем СК среди душегубительных забав и скоморошества (16 гл. 1 ст.). Обращает на себя внимание и определенная близость сентенций СК, порицающих «позорные ловитвы» (охоту) и прочие богопротивные увеселения, с критикой забав молодого Ивана IV в ИВКМ А. М. Курбского. Как было показано выше, указание на приверженность охотам, недостойным православного государя, современных (правда, неназванных) составителю СК правителей (в т. ч. и православных) может рассматриваться как косвенное осуждение этой пагубной страсти русского царя.

Фиксируя эти параллели, обратим внимание на следующее. Во-первых, порицание общих пороков, присущих правителям — жестокости, корыстолюбия, страсти к удовольствиям и т. д. — вполне укладывалось в морализирующий тон, которым отмечен текст СК, самыми тесными узами связанной с традициями русской агиографии. Во-вторых, наиболее вероятный составитель СК — Андрей-Афанасий — являясь около 10 лет духовником

---

[411] *Ostrowski D.* Muscovy and the Mongols. Cross-cultural influences on the steppe frontier, 1304—1589. Cambridge, 1998. P. 193, 195; *Lenhoff G.* The Tale of Tamerlane... P. 129.

[412] Например, см.: *Лихачев Д. С.* Стиль... С. 188—202; *Шмидт С. О.* Заметки... С. 256—265; *Успенский Б. А., Панченко А. М.* Иван Грозный и Петр Великий... С. 54—78; *Каравашкин А. В.* Русская средневековая публицистика... С. 256—257.

Ивана IV[413], едва ли не лучше всех близких к нему лиц знал его личные склонности, в том числе и недостатки. Возможно, представленные в СК негативные образы правителей мировой и русской истории являлись для Андрея-Афанасия единственным способом показать государю «эзоповым языком» пагубность тех или иных черт у правителя, черт, которые, возможно, уже начали проявляться у молодого царя (во всяком случае, об этом пишет А. М. Курбский, повествуя о бесчинствах юного царя еще до прихода к власти Сильвестра и А. Ф. Адашева). Если это действительно так, то СК следует воспринимать как своего рода предостережение монарху, напоминание ему о его обязанностях, которые исполняли перед Богом и страной его добродетельные предки, заслужившие этим причтения к лику святых «аще не здѣ, то въ будущий вѣкъ», тем самым гарантировав себе Спасение[414]. Очевидно, подобная перспектива, весьма заманчивая для средневекового человека, по мнению составителя СК, была достаточно весомым аргументом, с которым не мог не считаться читатель памятника. Важно отметить, что авторы предшествующих СК сочинений, обращаясь к правителю, также указывали на то, что, придерживаясь соответствующей модели поведения, правитель тем самым обеспечивал себе Спасение. Так, Филофей писал Василию III: «Да аще добро устроиши свое царство, будеши сынъ света, и гражанинъ вышняго Иерусалима»[415].

Вряд ли можно считать случайным, что отраженный в тексте СК облик идеального государя формировался в памятнике, создаваемом на рубеже 50—60-х гг. XVI в. Как известно, данный период отмечен сменой внутриполитического курса в стране, выразившейся в отстранении от власти членов «Избранной рады», к которой, по всей видимости, был близок и митрополит

---

[413] См.: *Смирнов С. И.* Древнерусский духовник... С. 251—252, прил. I.

[414] Есть основания полагать, что данное стремление составителя СК лежало в русле тенденций в развитии древнерусской книжности первой половины—середины XVI в. Так, обращая внимание на морализаторский тон сочинений писателей этой поры, В. В. Шапошник отметил, что «русские книжники сделали очень много для того, чтобы правители — великие князья, а затем цари, осознали себя ответственными перед Богом за все, что происходит в стране, вверенной их управлению» (см.: *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения... С. 491).

[415] *Малинин В. Н.* Старец Елеазарова монастыря Филофей... Прил. С. 54—55.

Макарий. В свете вышесказанного обратим внимание, во-первых, на явно митрополичье происхождение СК, во-вторых, на отчетливо представленные в ней образы идеальных и неправедных (в т. ч. и православных) государей. Эти факты, а также наша гипотеза о предназначении СК для Ивана IV дают основания полагать, что в рассматриваемый период у книжника из круга Макария и, вероятно, у него самого еще оставалась надежда на возможность авторитетными примерами прошлого воздействовать на «самодержца», уже начинавшего тяготиться опекой своих советников[416]. Прославляя предков первого русского царя, книжник, пусть и в завуалированной форме, тексту памятника сообщил черты наставления государю, представив ему как образцы для подражания, так и примеры поведения неправедных владык.

Трудно сказать, был ли знаком Иван IV с СК. С одной стороны, как уже отмечалось в историографии, ряд представленных в ней идей прослеживается в сочинениях царя[417]; памятник также использовался при составлении ЛЛС[418], в создании которого какое-то, правда, до конца не проясненное, участие мог принимать русский царь[419]. С другой стороны, необходимо помнить, что никакими конкретными аргументами, свидетельствующими о непосредственном знакомстве Ивана IV с СК, исследователи в настоящее время не располагают: сочинения

---

[416] Впрочем, нельзя исключить и того, что начало падения влияния митрополита Макария на царя приходится на более ранний период. Так, согласно И. Грале, дело И. М. Висковатого (1553 г.) представляло собой попытку (правда, не удавшуюся в полной мере) Ивана IV «пошатнуть позиции митрополита» (см.: *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый... С. 112—146).

[417] Например, о «самодержстве» русских государей, божественном характере их власти и происхождении Рюрика от Пруса, см.: *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 105; *Каравашкин А. В.* Русская средневековая публицистика... С. 158, 251—252. Не приводя конкретных аргументов, Р. П. Дмитриева высказала мнение относительно того, что «идеи „Степенной“, служившие возвеличению царской власти, были восприняты Иваном IV и использованы в политической борьбе». См.: *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях Владимирских. С. 133.

[418] Согласно текстологическим наблюдениям А. В. Сиренова, к написанию ЛЛС был привлечен Томск. (см.: *Сиренов А. В.* Степенная книга... С. 411—413).

[419] О возможном участии Ивана IV в работе над ЛЛС см.: *Альшиц Д. Н.* 1) Иван Грозный... С. 251—289; 2) Царь Иван Грозный или дьяк Иван Висковатый? // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 617—625; *Шмидт С. О.* Российское государство в середине XVI в. С. 190—216.

этого книжника не содержат фрагментов, которые можно связывать исключительно с данным произведением, нет никаких указаний на списки СК и в Описи Царского архива. Вместе с тем нет никаких сомнений в знакомстве русского самодержца с тем литературным контекстом, который породил СК и целый ряд других памятников (в том числе и его сочинения). Таким образом, в свете данных, которыми располагает современный исследователь, гипотеза о знакомстве Ивана IV с СК представляется вполне вероятной, но требующей дополнительных доказательств[420].

В любом случае, независимо от того, был знаком русский царь с СК или нет, можно констатировать, что ее создателям не удалось достичь своей цели — обеспечить соответствие поведения самодержца модели, вырабатываемой в византийской и русской книжности в течение многих веков.

* * *

Резюмируя, можно отметить, что в свете данных, которыми мы располагаем в настоящее время, наиболее аргументированным представляется мнение об адресации СК непосредственно Ивану IV. По всей видимости, составитель памятника преследовал две цели. Во-первых, он стремился прославить род русских князей, особо подчеркнув место в нем правящего государя. Во-вторых, наш писатель, представляя читателю как жизнеописания его добродетельных предков, так и портреты неправедных правителей, судя по всему, предпринял попытку «эзоповым языком» наставить русского царя. Очевидно, составитель СК стремился обеспечить соответствие его поведения модели, которая была выработана в русской книжности к середине XVI в. Учитывая недостаток показаний источников, трудно сказать точно, был ли знаком первый русский царь с предназначенным для него сочинением.

---

[420] В свете вышесказанного приведем мнение Я. С. Лурье относительно возможности знакомства Ивана IV с крупнейшими памятниками русской книжности XVI в. (сочинениями Иосифа Волоцкого, Филофея, И. С. Пересветова и др.): «Мы не знаем в какой степени И. В. был знаком с перечисленными памятниками, но идеи их в какой-то степени нашли отражение в его публицистическом творчестве» (см.: *Лурье Я. С.* Иван IV Васильевич Грозный // СККДР. Вып. 2, ч. 1. С. 372).

6.5. Итоги

Подведем итоги проведенного исследования. Они сводятся к следующему.

1. В центре внимания составителя СК находится фигура верховного правителя; описание иерархов Церкви и знати представляет собой дополнительный материал, который позволяет полнее охарактеризовать читателю образ государя.

2. Социально-политические взгляды в тексте СК представлены размыто. Фактически они сведены к попытке показать необходимость сотрудничества верховной власти с Церковью, важность «совета» правителя как с духовными, так и со светскими лицами, а также необходимость соблюдения государем «правды», справедливости «суда» и «милости» по отношению к подданным. При этом на характеристике сути этих понятий наш книжник не останавливается. Также весьма неконкретны его рекомендации относительно заботы государя о Церкви — в памятнике лишь подчеркивается, что начало заботе о ней было положено крестителем Руси Владимиром, потомки которого следовали его примеру. Это в свою очередь побуждает думать, что социально-политические вопросы не занимают центрального места в произведении.

3. Результаты изучения композиции СК, а также ее состава и связей с традициями русской средневековой агиографии и политической мысли дают основания полагать, что писатель сосредотачивает внимание читателя главным образом на характеристике духовно-нравственных черт русских «скипетродержателей» из рода Владимира. Это, а также размытость представленных в СК социально-политических взглядов в свою очередь заставляют думать, что идеал правителя помещается, прежде всего, в духовно-нравственную плоскость. Среди черт, присущих идеальному христианскому монарху, выделяются его верность православию и личные достоинства, главным образом, морально-этического характера. Важно отметить, что забота о Церкви, «совет» с духовными и светскими лицами, а также соблюдение «правды», справедливого суда и «милости» в памятнике представлены как своего рода следствие высоких духовно-нравственных характеристик православного государя. Обращает на себя внимание связь представленного в СК взгляда с воззрениями ее предшественников и современников — Иосифа Волоцкого, Максима Грека, митрополита Макария и др. Последние так или иначе восходят к идеалу правителя, отраженному в попу-

лярном на Руси и в Западной Европе «Наставлении» Агапита. (Знакомство создателя СК с последним также возможно, хотя и не доказано.)

4. Итоги наблюдений над составом СК, характером переработки ее составителем текста своих источников дают дополнительный материал, подтверждающий уже высказанное в историографии мнение о ее написании для светского читателя. При этом нет никаких оснований полагать, что СК была рассчитана на читателя-аристократа. Характер произведения, состоящего из жизнеописаний предков Ивана IV, а также личность его наиболее вероятного составителя — духовника царя — побуждают заключить, что СК была адресована непосредственно первому русскому царю. Вопрос о его личном знакомстве с текстом памятника остается открытым.

5. Определяя цель написания СК, кроме ее очевидного прославляющего русских государей мотива необходимо отметить ряд обстоятельств. Это, во-первых, размытость политической позиции ее составителя. Во-вторых, назидательный тон произведения: внимание читателя акцентируется, с одной стороны, на высоких морально-этических характеристиках Владимира и его потомков, которые заслуживают подражания, с другой, на порицаемых порочных чертах ряда правителей всемирной и русской истории. В-третьих, обратим внимание на общую тенденцию, характерную для целого ряда предшествующих и современных СК произведений древнерусской книжности. Их авторы в своих сочинениях, адресованных верховному правителю, представляли ему как негативные, так и позитивные примеры из прошлого, стремясь побудить его следовать той или иной модели поведения. В-четвертых, отметим, что наиболее вероятное время составления СК — рубеж 50—60-х гг. XVI в. — характеризуется опалой на членов «Избранной рады», к которой был близок инициатор работ над произведением митрополит Макарий. Единственным возможным объяснением приведенных выше данных нам представляется гипотеза о том, что наш книжник преследовал две цели. С одной стороны, он стремился прославить род русских государей, акцентировав внимание читателя на фигуре Ивана IV. С другой, СК следует рассматривать как попытку предостеречь первого русского царя от действий, несовместимых с моделью поведения православного государя, которая вырабатывалась в византийской и древнерусской книжности в течение нескольких столетий. Как показали последующие события, эта попытка митрополита Макария и книжников

его круга оказалась тщетной — русский самодержец, освободившись от опеки своих советников, окружавших его в конце 40-х—50-е гг. XVI столетия, направлял страну на путь, ведущий к опричнине...

Таким образом, если верна представленная выше гипотеза, инициатору работ над СК и их исполнителю не удалось достичь, по крайней мере, одной из своих целей — направить действия первого русского царя в иное морально-этическое и, в конечном счете, социально-политическое русло. Вместе с тем сам факт написания СК в подобной ситуации свидетельствует о существовании мрачных предчувствий среди ближайших к Ивану IV лиц относительно возможного поворота событий. По-видимому, им были хорошо известны личные склонности первого русского царя, о которых, вероятно, не без известной доли преувеличения писал А. М. Курбский. Судя по всему, с этим и была связана предпринятая при создании СК попытка представить государю достойные подражания портреты его предков в период смены внутриполитического курса в стране.

Сказанное выше побуждает рассматривать СК как важный источник сведений по истории России кануна опричнины, проливающий свет на аспекты, ранее ускользавшие от исследователей. Так, несмотря на то, что инициатор работ над памятником и их исполнитель, судя по всему, не сумели оказать влияния на царя, итоги изучения текста СК и обстоятельств, связанных с ее написанием, представляют ценный материал, существенно дополняющий и обогащающий комплекс известных в науке сведений о русской истории времени Ивана IV. Перед мысленным взором историка предстает яркая картина глубоких переживаний московских книжников середины XVI в., которые сделали все от них зависящее, чтобы предотвратить катастрофу, грозящую единственному в мире православному царству.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги проведенного исследования. Не обременяя читателя изложением конкретных наблюдений, которые он без труда найдет в конце каждой главы монографии, попытаемся обозначить основные особенности СК как памятника древнерусской книжности времени митрополита Макария в контексте ее связей с предшествующими и современными ей произведениями.

Представленные в работе варианты решения таких, казалось бы, чисто источниковедческих вопросов в изучении СК, как датировка, восстановление круга источников, определение личности составителя и его историко-политических взглядов, дают возможность выявить по крайней мере три уровня взаимоотношений, которые связывали этот памятник с предшествующими и современными ему, хотя вряд ли можно сомневаться в том, что число выделяемых уровней с течением времени может быть увеличено.

На первый уровень этих связей заставляют обратить внимание результаты исследования бумаги ркп., содержащих древнейшие списки СК. Они дают основания поместить ее создание в контекст истории производства книг в России XVI в. Как было установлено в работе, бумага Волк., Томск. и Чуд. также характерна для целого ряда современных ей рукописных книг, происхождение которых не всегда было связано с деятельностью книжников круга Макария, создававших СК. Так, соответствующие сорта бумаги отмечены в ряде книгописных центров, нередко удаленных друг от друга. Важно зафиксировать, что по крайней мере с одним из них (Волоцким) у писателей Макария, по-видимому, существовали контакты, выражавшиеся в обмене книгами. Вполне вероятна связь Чудова монастыря, в котором, судя по всему, писались и редактировались древнейшие списки СК, и с другими книжными центрами. Без их помощи московскому скрипторию, серьезно пострадавшему в ходе пожара

1547 г., вряд ли было под силу создать такое объемное произведение как СК. Немаловажное значение имеет установление случаев несомненного тождества бумаги ркп. с Волк., Томск. и Чуд. с экземплярами, по крайней мере, 5 (из 7) первых русских печатных книг. Данное наблюдение закладывает книговедческий фундамент для комплексных исследований истории создания как рукописных, так и старопечатных книг в России середины XVI в., изучение которых в настоящее время, по сути, представляет собой два параллельных процесса, практически не имеющих точек пересечения.

Итоги реконструкции круга источников составителя СК побуждают обратить внимание на другой уровень ее связей с предшествующими и современными ей памятниками. Как выясняется, наш книжник использовал несколько летописей, не менее 39 памятников агиографии, лексикографический, хронографический и целый ряд других источников; согласно самым скромным подсчетам, можно говорить о его знакомстве по крайней мере с 68 памятниками древнерусской оригинальной и переводной письменности (гипотетические источники СК нами здесь не учитывались). Один только перечень источников СК, установленных нашими предшественниками и нами, побуждает выделить ее среди прочих произведений, созданных как до, так и после ее написания. Важно отметить, что составитель не ограничивался близкими ему по времени создания памятниками XVI в. (Ник., Воскр., ЛНЦ, Жития Ольги пространной редакции, Всеволода Псковского редакции Василия-Варлаама и т. д.): к написанию СК также привлекались сочинения, созданные как на заре истории древнерусской книжности («Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, «Память и похвала» Иакова Мниха, Сказание и Чтение о Борисе и Глебе, Киево-Печерский патерик и др.), так и в XIII—XV вв. («Слово о погибели Русской земли», Жития Михаила Черниговского, Федора Ярославского, митрополитов Петра и Алексия, «Слово о житии» Дмитрия Ивановича и т. д.). Как видим, сам факт использования этих крупнейших произведений XI—XVI вв. при написании СК связывает ее множеством нитей с памятниками древнерусской литературы, начиная со времени ее зарождения. Также важно зафиксировать, что результаты обобщения наблюдений над источниками СК, сделанных нашими предшественниками и нами, позволяют значительно сократить число ее уникальных известий. Это в свою очередь побуждает с сомнением отнестись к бытующему в науке мнению об СК как о наи-

более ярком примере проникновения «сознательного вымысла» в русскую литературу XVI в. Итоги изучения приемов работы составителя СК с источниками, сообщения которых сокращались, переосмыслялись и растолковывались читателю, дают веские основания полагать, что спектр методов, применявшихся при написании текста памятника, был много шире, чем механические заимствования из произведений предшественников и вымысел известий.

Результаты рассмотрения историко-политических идей, представленных в СК, позволяют зафиксировать еще один уровень связей этого произведения с прочими. Рассматривая истоки исторических и политических воззрений, которыми руководствовался книжник, создавая СК, можно констатировать, что они не могут быть сведены к заимствованиям из каких-либо конкретных памятников. Итоги изучения мировоззрения составителя СК позволяют наметить очертания того общего контекста, порождением которого является она и другие современные ей произведения. Не всегда можно непосредственно возводить представленные в СК взгляды к тем или иным сочинениям макарьевской поры (например, Стоглаву, Домострою или Чину венчания Ивана IV на царство). Вместе с тем итоги изучения идей, представленных как в СК, так и в прочих памятниках этого времени, дают возможность восстановить, по крайней мере отчасти, ту идейную атмосферу, в которой создавались труды времени митрополита Макария. Если верно наше предположение относительно отсутствия непосредственной связи между ВМЧ и СК, то можно только поражаться богатству этого контекста, который позволил составителю последней, не обращаясь к крупнейшему агиографическому своду эпохи (и древнерусской книжности в целом), создать такое своеобразное и богатое по своему содержанию сочинение, каким является СК.

Охарактеризованные в работе взаимоотношения СК с прочими памятниками макарьевской и более ранней поры дают возможность выявить ее связи, как непосредственные, так и опосредованные, с целым рядом других разножанровых произведений, которые не только служили источниками тех или иных фрагментов или идей, но и оказывали влияние на ее композицию и особенности представления материала читателю. Это в свою очередь побуждает поместить создание СК в контекст процессов, характерных для развития русской средневековой житийной литературы, историографии и политической мысли.

Рассматривая особенности редактирования источников СК при включении их материала в ее текст, а также специфику ее композиции, можно констатировать, что наш книжник следовал традиции, свойственной агиографии макарьевской поры. Так, в житиях этого времени фиксируется использование трехчастной структуры в жизнеописании святого, для которой характерно наличие Жития, Похвалы и Чудес. Итоги проведенного анализа композиции житий-степеней побуждают зафиксировать трехчастную структуру и в СК. Как выясняется, ее составитель создавал княжеские жизнеописания по четкому плану, который в значительной мере диктовался алгоритмом описания святого в житии. В начале жития-степени сообщалось о происхождении соответствующего персонажа, а также приводился краткий перечень его достоинств, затем следовало его жизнеописание, в котором пропускались факты, плохо согласующиеся с выполненным в агиографических тонах портретом, рассказ заключали Похвала и (при наличии соответствующего материала) описание чудес. По всей видимости, в ряде случаев при описании главного героя степени составитель основывался на крупнейшем (иногда единственном) прославляющем его тексте; «стыки» между его фрагментами заполнялись летописными данными, дополняющими биографию того или иного потомка Владимира «светскими» подробностями (сведениями о его родословной, военно-политической деятельности и т. д.). В то же время, показывая место СК в развитии русской агиографии, отметим, что методы, присущие памятникам житийной литературы, в рассматриваемом произведении впервые используются для создания широкой панорамы прошлого Руси.

Составитель СК также следует тенденциям, характерным для развития русской средневековой историографии. Прежде всего это касается осмысления исторического процесса. Если его движущая сила — Бог — по-прежнему остается историографической константой, то формы его вмешательства в события прошлого оценивались по-разному. Предшественники нашего книжника — русские летописцы — за редким исключением небесные знамения рассматривали как признаки проявления Божественной воли изолированно от конкретных событий прошлого. Создатель СК, следуя традициям, представленным в Хр. 1512 и восходящим в конечном счете к памятникам византийской хронографии, на страницах своего труда устанавливает самую тесную связь между знамениями и конкретными событиями прошлого, тем самым более последовательно увязывая русскую

историю с реализацией Промысла. Следует писатель и тенденции к расширению круга привлекаемых источников, намеченной в трудах его предшественников. Так, если создатели крупнейших памятников летописания XVI в. (Ник., Воскр., ЛНЦ) включали в них, кроме летописных известий, также материал житий, сказаний, исторических документов и т. д., то СК, в которую также вводился соответствующий материал, представляет собой, пожалуй, первый пример сочетания традиций, присущих русской агиографии и исторической мысли, в описании событий прошлого. Это проявилось не только в наборе источников, но и в особенностях структуры памятника, в котором исторический материал изложен в форме житий-степеней. В СК фиксируется и еще одна тенденция, намеченная в предшествующих ей исторических трудах: если составители Ник. и ЛНЦ вводили в текст отдельные пояснения, то создатель СК систематически растолковывает, переводит на современный ему и его читателю язык понятия, топонимы и реалии удаленного от него прошлого, даже помещая специальную вводную статью «Царские сановники», содержащую переводы ряда используемых в памятнике социально-политических терминов. В СК развивалась и еще одна, тесно связанная с предыдущей, тенденция, также представленная в предшествующих ей сочинениях (прежде всего, в Ник.), — она поясняет известия своих источников, нередко объединяя при этом несколько рассказов в рамках одного. Стремление книжника четко структурировать материал о прошлом в виде житий-степеней, глав и титл, перечень которых приведен в самом начале СК, также следует рассматривать в контексте развития русской средневековой историографии (как памятников летописания, так и хронографии).

Итоги изучения представленных в СК политических взглядов дают все основания полагать, что ее составитель ориентировался на идеал православного «царства» и его главы, представленный в произведениях первой половины—середины XVI в., ряд идей которых, впрочем, оформлялся не без влияния популярного на Руси «Наставления» Агапита. Отсутствие текстуальных параллелей не дает достаточно веских оснований возводить СК непосредственно к какому-либо из этих произведений. При этом несомненным является факт связи книжника с тем идейным контекстом, который породил как СК, так и писания Максима Грека, митрополита Макария, Сильвестра, Стоглав и т. д. На это указывает созвучие ключевых политических идей СК, прославляющей потомков Владимира, — богоизбранности

княжеского рода, единства и могущества Русской земли, сотрудничества светской и духовной власти, необходимости соответствия правителя определенному духовно-нравственному идеалу, гибельности безвластия («самовластия») — сочинениям как макарьевской поры, так и более раннего времени. Судя по всему, писатель следовал и другой традиции политической мысли средневековой Руси. По всей видимости, адресуя СК царю Ивану IV, он вслед за Вассианом Рыло, Иосифом Волоцким, Максимом Греком, митрополитом Макарием, Сильвестром, Ермолаем-Еразмом и И. С. Пересветовым в завуалированной форме представил ему помещенный в описание событий прошлого достойный подражания идеал и заслуживающий самого сурового порицания антиидеал правителя. Последнее в свою очередь побуждает рассматривать СК как безуспешную попытку книжников круга митрополита Макария, по-видимому, инициированную этим святителем, повлиять на первого русского царя, который, начиная тяготиться опекой своих советников из круга «Избранной рады», властной рукой направлял страну на путь, ведущий к опричнине.

Гипотетичность последнего и некоторых других предположений, высказываемых в данной работе, очевидна. Недостаток материала, а также неразработанность ряда проблем в историографии побуждали нас вводить в ткань нашего текста нити значительного числа гипотез. Насколько прочной получилась эта ткань, покажет время. В настоящее время несомненным является одно — породившая СК книжность времени митрополита Макария оказывается гораздо более сложным и многообразным феноменом, с гораздо бóльшим числом связей и пересечений, нежели это представлялось ранее.

RESUME

The Book of Royal Degrees and the Old Russian literature in the time of metropolitan Makarii

In this work the important monument of the Old Russian literature the *Book of Royal Degrees (Kniga Stepennaia tsarskogo rodosloviia)* is examined. This product was composed by the confessor of Ivan IV, the archpriest from *Blagoveshchenskii sobor* Andrei (later metropolitan Afanasii), on behalf of metropolitan Makarii. The basic attention in the work is paid to the connections of the *Book of Royal Degrees* with other products of Makarii's epoch.

In the monograph the following subjects are considered: the history of studying the *Book of Royal Degrees* (in XVIII—XXI centuries), the time of its writing, the circle of sources, the personality of the author, historical and political ideas.

On the basis of studying the most ancient copies of the *Book of Royal Degrees* and the analysis of the facts mentioned in its text the process of writing this monument is reconstructed. Probably, creation of the *Book of Royal Degrees* began in the second half of the 50s of XVI century (not earlier than 1556) and ended not later than December, 31, 1563. The text of the monument remained uncompleted.

Results of studying the sources of the *Book of Royal Degrees* give us the reason to think that during its writing the material of not less than 68 products of Old Russian literature from XI to the middle of XVI century was used. Apparently, the compiler relied on Nikon Chronicle (*Nikonovskaia letopis*), the Chronicler of the Reign Beginning (*Letopisets nachala tsarstva*), involved oral stories, a number of saints' lives (as a rule, princely), stories, legends, lexicographical source and other works. It is possible that monuments which did not remain until now or are unknown to the science were involved in writing of the *Book of Royal Degrees*. There are some reasons to believe that the author of the *Book*

of Royal Degrees working in the Kremlin Chudov Monastery used materials from other libraries (such as the Royal archive (*Tsarskij arkhiv*) and the Volokolamsk Monastery).

Studying the methods of work which were used in the course of writing the *Book of Royal Degrees* makes us think that it was written under the direction of one person. This writer used the labor of some assistants who were charged with the «technical» work of copying the fragments of the sources. The work supervisor himself was the author of a lot of sections, the composer and the editor of some fragments of the sources. In this work we provide some additional facts for the benefit of the hypothesis that the author of the *Book of Royal Degrees* was Andrei-Afanasii.

In the work the *Book of Royal Degrees* is especially characterized as a monument of historical narrative. There are some reasons to think that compiler, relying on the works of his predecessors (Nikon Chronicle, Russian Chronograph (*Russkii Khronograph*), etc.), represented the material about the past in a new way — as biographies of Russian rulers. Using earlier historical compositions, the author of the *Book of Royal Degrees* formulated a number of ideas (for example, about inheritance of Moscow to Kiev and Vladimir) which were developed by Russian historians of XVIII—XIX centuries (V. N. Tatischev, M. M. Shcherbatov, N. M. Karamzin, etc.).

During studying the political views submitted in the *Book of Royal Degrees*, it was possible to establish, that the central place in it occupies the image of an ideal ruler. It was based on compositions of predecessors and contemporaries of the author of the monument (Agapetus, Iosif Volotskii, Maxim Grek, metropolitan Makarii, etc.). There are some reasons to think, that written on the eve of *Oprichnina* the *Book of Royal Degrees* was a kind of manual to the Russian tsar. It was addressed directly to Ivan Groznyi (as Ivan Peresvetov's or Maxim Grek's compositions). Obviously, metropolitan Makarii and his assistants, showing the tsar idealized portraits of his ancestors, tried to induce him to follow the certain model of behavior of an orthodox sovereign. *Oprichnina* and the subsequent events showed that Russian writers failed to achieve this purpose.

A number of conclusions of the given monograph are hypothetical. At the same time there are all reasons to suppose that the *Book of Royal Degrees* is much more closely connected with the Old Russian literature (both Makarii's epoch and earlier period), than it was previously considered to be.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ*

Ил. 1. Издание «Житие преподобного Даниила...». Экземпляр С. И. Смирнова (ОР РГБ. Ф. 280. К. 9. № 3. Л. 7).
Ил. 2. Издание «Житие преподобного Даниила...». Экземпляр С. И. Смирнова (ОР РГБ. Ф. 280. К. 9. № 3. Л. 8).
Ил. 3. Издание «Житие преподобного Даниила...». Экземпляр С. И. Смирнова (ОР РГБ. Ф. 280. К. 9. № 3. Л. 13 об.).
Ил. 4. Филигрань Чуд. «сфера» с большой звездой (ОР ГИМ. Собрание Чудова монастыря. № 56/358. Л. 290).
Ил. 5. Филигрань Чуд. «сфера» с небольшой звездой (ОР ГИМ. Собрание Чудова монастыря. № 56/358. Л. 69).
Ил. 6. Филигрань Чуд. «сфера» со звездой и лилией 1-й вид (ОР ГИМ. Собрание Чудова монастыря. № 56/358. Л. 679).
Ил. 7. Филигрань Чуд. «сфера» со звездой и лилией 2-й вид (ОР ГИМ. Собрание Чудова монастыря. № 56/358. Л. 201).
Ил. 8. Филигрань Чуд. «сфера» с литерой «М» 1-й вид (ОР ГИМ. Собрание Чудова монастыря. № 56/358. Л. 469).
Ил. 9. Филигрань Чуд. «сфера» с литерой «М» 2-й вид (ОР ГИМ. Собрание Чудова монастыря. № 56/358. Л. 360).
Ил. 10. Филигрань Чуд. «кабан» 1-й вид (ОР ГИМ. Собрание Чудова монастыря. № 56/358. Л. 601).
Ил. 11. Филигрань Чуд. «кабан» 2-й вид (ОР ГИМ. Собрание Чудова монастыря. № 56/358. Л. 776).
Ил. 12. Филигрань Чуд. «сфера» с лилией (ОР ГИМ. Собрание Чудова монастыря. № 56/358. Л. 778).
Ил. 13. Филигрань узкошрифтного Евангелия «рука со звездой» (ОР ГИМ. Щапов. № 16. Л. 98).

---

* Изображения филиграней предоставлены Е. В. Ухановой, иллюстрации экземпляра издания «Житие преподобного Даниила...» С. И. Смирнова — зав. НИО рукописей РГБ В. Ф. Молчановым. Пользуясь случаем, выражаем им самую искреннюю признательность.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедициею Академии наук.

Абрамович Д. И. Исследование о Киево-Печерском патерике... — *Абрамович Д. И.* Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902.

Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба... — *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916.

Адрианова-Перетц В. П. Слово о житии... — *Адрианова-Перетц В. П.* Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 73—96.

АЕ — Археографический ежегодник.

Азбелев С. Н. Новгородские летописи... — *Азбелев С. Н.* Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960.

АИ — Акты исторические.

АИ. Т. 1. — АИ. Т. 1. СПб., 1841.

Ал.-Невск. — Александро-Невская летопись.

Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. — *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973.

Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа: XVII—первая четверть XVIII века. — *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XVII—первая четверть XVIII века. М., 1976.

Альшиц Д. Н. Иван Грозный... — *Альшиц Д. Н.* Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // ИЗ. М., 1947. Т. 23. С. 251—289.

Амосов А. А. Лицевой летописный свод... — *Амосов А. А.* Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998.

Амфилохий, архим. Летописные и другие древние сказания... — *Амфилохий, архим.* Летописные и другие древние сказания о св. благоверном вел. князе Даниле Александровиче, сыне св. благоверного вел. князя Александра Невского, и о построенном им за Москвою рекою Даниловском монастыре. М., 1875.

Архив СПбИИ — Архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук (Санкт-Петербург).

АФЗХ. Ч. 2. — Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 2. М., 1956.

Барг М. А. Эпохи и идеи... — *Барг М. А.* Эпохи и идеи: становление историзма. М., 1987.

БВ — Богословский вестник.

Бегунов Ю. К. Следы... — *Бегунов Ю. К.* Следы «Слова о погибели Рускыя земли» в Степенной книге // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 116—130.

Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века... — *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965.

Бегунов Ю. К., Бельчиков Н. Ф., Рождественский Н. П. Справочник-указатель... — *Бегунов Ю. К., Бельчиков Н. Ф., Рождественский Н. П.* Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей. М.; Л., 1963.

Белокуров С. А. О библиотеке... — *Белокуров С. А.* О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898.

Белякова Е. В. Об одном источнике... — *Белякова Е. В.* Об одном источнике жития митрополита Ионы // Архив русской истории. Вып. 2. М., 1992. С. 171—178.

БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси.

БЛДР. Т. 9. — БЛДР. Т. 9. СПб., 2000.

Бобров А. Г. Новгородские летописи... — *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001.

Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси... — *Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XIV вв.). М., 1960.

Будовниц И. У. Русская публицистика... — *Будовниц И. У.* Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947.

Буланин Д. М. «Окружное послание»... — *Буланин Д. М.* «Окружное послание» константинопольского патриарха Фотия в древнерусских рукописях XVI—XVII вв. // Palaeobulgarica (Старобългаристика). София, 1981. Т. V, вып. 2. С. 35—54.

Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека... — *Буланин Д. М.* Переводы и послания Максима Грека (неизданные тексты). Л., 1984.

Буланин Д. М. Античные традиции... — *Буланин Д. М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв. München, 1991.

Буланин Д. М., Колесов В. В. Сильвестр. — *Буланин Д. М., Колесов В. В.* Сильвестр // СККДР. Вып. 2, ч. 2. Л., 1989. С. 323—333.

Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. — *Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964.

Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти... — *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого и до конца XVII в. Пг., 1916.

Вальденберг В. Е. Наставление... — *Вальденберг В. Е.* Наставление писателя VI в. Агапита в русской письменности // ВВ. Л., 1926. Т. 24. С. 27—34.

Вальденберг В. Е. Понятие о тиране... — *Вальденберг В. Е.* Понятие о тиране в древнерусской литературе в сравнении с западной // ИОРЯС. 1929. Т. 2, кн. 1. С. 214—236.

Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия»... — *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. Ч. 1. СПб., 1904.

Васенко П. Г. Составные части... — *Васенко П. Г.* Составные части книги Степенной царского родословия. СПб., 1908.

Васильевский В. Г. Труды. Т. 3. — *Васильевский В. Г.* Труды. Т. 3. СПб., 1915.

ВВ — Византийский временник.

ВИ — Вопросы истории.

ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины.

ВКЛ — Великое княжество Литовское.

ВЛ — Владимирский летописец.

ВМЧ — Великие Минеи Четии.

ВМЧ. Сентябрь. Дни 14—24. — ВМЧ. Сентябрь. Дни 14—24. СПб., 1869.

ВМЧ. Ноябрь. Дни 23—25. — ВМЧ. Ноябрь. Дни 23—25. СПб., 1917.

ВМЧ. Декабрь. Дни 18—23. — ВМЧ. Декабрь. Дни 18—23. М., 1907.

Водолазкин Е. Г. Всемирная история... — *Водолазкин Е. Г.* Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI—XV веков). München, 2000.

Волк. — Волковский список Степенной книги (РГАДА. Ф. 181. № 185).

Воскр. — Воскресенская летопись.

ВП — Вологодско-Пермская летопись.

ВСМЗ — Владимиро-Суздальский музей-заповедник.

ВЦИ — Вестник церковной истории.

Голохвастов Д. П., Леонид (Кавелин). Благовещенский иерей Сильвестр... — *Голохвастов Д. П., Леонид (Кавелин).* Благовещенский иерей Сильвестр и его писания // ЧОИДР. 1874. Кн. 1. С. 1—110.

Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 2, 2-я половина. — *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. 2, 2-я половина. М., 1997.

Голубинский Е. Е. История канонизации... — *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1998.

Горский А. А. Русь... — *Горский А. А.* Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.

Горский А. В., Невоструев К. И. Описание... — *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание Великих Четьих-Миней Макария митрополита всероссийского, с предисловием и дополнениями Е. В. Барсова // ЧОИДР. 1884. Кн. 1, отд. 2. С. I—XIX, 1—64; 1886. Кн. 1, отд. 2. С. 65—184.

Горшкова В. В., Сукина Л. Б. Даниил. — *Горшкова В. В., Сукина Л. Б.* Даниил [Переяславский] // ПЭ. Т. 14. М., 2006. С. 56—62.

Граля И. Иван Михайлов Висковатый... — *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994.

Гриценко З. А. Литературные памятники... — *Гриценко З. А.* Литературные памятники о княгине Ольге XII—XVII вв. (история текста, становление жанров, стиль): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979.

Гудзий Н. К. О «Слове о погибели Рускыя земли». — *Гудзий Н. К.* О «Слове о погибели Рускыя земли» // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 537—539.

Гусева А. А. Издания... Кн. 1. — *Гусева А. А.* Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века. Сводный каталог. Кн. 1. М., 2003.

Демин А. С. «Книга Степенная царского родословия». — *Демин А. С.* «Книга Степенная царского родословия» // Литература Московской и домосковской Руси: Аналитическое пособие. М., 2008. С. 136—141.

Державин Н. С. «Степенная книга»... — *Державин Н. С.* «Степенная книга» как литературный памятник. Опыт исследования литературного состава «Степенной книги» Г. Миллера. Батум, 1902.

Дианова Т. В. Старопечатный орнамент. — *Дианова Т. В.* Старопечатный орнамент // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 296—335.

Диатроптов П. Д. Предания... — *Диатроптов П. Д.* Предания о мученичестве Климента папы Римского в Херсонесе Таврическом // Россия и христианский Восток. Вып. 2—3. М., 2004. С. 10—18.

Дмитриев Л. А. Житийные повести... — *Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. (Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний). Л., 1973.

Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. — *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955.

Дмитриева Р. П. Лев Филолог. — *Дмитриева Р. П.* Лев Филолог // СККДР. Вып. 2, ч. 2. Л., 1989. С. 3—6.

Дмитриева Р. П. Агиографическая школа... — *Дмитриева Р. П.* Агиографическая школа митрополита Макария (на материале некоторых житий) // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 208—213.

Добродомов И. Г., Кучкин В. А. «Казанская история»... — *Добродомов И. Г., Кучкин В. А.* «Казанская история» и основание Казани // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 1. С. 430—479.

Древлехранилище ИРЛИ — Древлехранилище Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинский дом).

Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери. — Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери / Вступ. ст. и публ. В. А. Кучкина, Т. А. Сумниковой // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 476—509.

Древнерусские княжеские уставы... — Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976.

Древнерусские патерики... — Древнерусские патерики (Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик). М., 1999.

Дьяконов М. А. Власть московских государей... — *Дьяконов М. А.* Власть московских государей: Очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI в. СПб., 1889.

Емченко Е. Б. Стоглав... — *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. М., 2000.

Еремин И. П. Литература Древней Руси... — *Еремин И. П.* Литература Древней Руси (этюды и характеристики). М.; Л., 1966.

Ерм. — Ермолинская летопись.

Ерусалимский К. Ю. Как сделана «История» А. М. Курбского... — *Ерусалимский К. Ю.* Как сделана «История» А. М. Курбского: проблема хронологии текста // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2004. Сб. 11. С. 591—618.

Ерусалимский К. Ю. Андрей Курбский как ренессансный историк. — *Ерусалимский К. Ю.* Андрей Курбский как ренессансный историк // Время — история — память: историческое сознание в пространстве культуры. М., 2007. С. 181—226.

Жданов И. Н. Повести о Вавилоне... — *Жданов И. Н.* Повести о Вавилоне и «Сказание о князьях Владимирских». СПб., 1891.

Жданов И. Н. Русский былевой эпос... — *Жданов И. Н.* Русский былевой эпос (Исследования и материалы). СПб., 1895.

Житие преподобного Даниила... — Житие преподобного Даниила, переяславского чудотворца, Повесть о обретении мощей и чудеса его. К 400-летию Троицкого Данилова монастыря в Переяславле-Залесском (15 июля 1508 г.— 15 июля 1908 г.) / Изд. проф. С. И. Смирнова. М., 1908.

Жития Димитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского... — Жития Димитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского: Тексты и словоуказатель / Ред. А. С. Герд. СПб., 2003.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

Зацепина Е. В. О происхождении старопечатного орнамента. — *Зацепина Е. В.* О происхождении старопечатного орнамента // У истоков русского книгопечатания. М., 1959. С. 101—154.

Зимин А. А. К изучению источников Степенной книги. — *Зимин А. А.* К изучению источников Степенной книги // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 225—230.

Зимин А. А. Повести в сборнике XVI в. — *Зимин А. А.* Повести в сборнике XVI в. Рогожского собрания // ЗОР ГБЛ. М., 1958. Вып. 20. С. 186—204.

Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники... — *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958.

Зимин А. А. Реформы... — *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960.

Зимин А. А. Россия на пороге... — *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.

Зимин А. А. Государственный архив... Вып. 1—3. — *Зимин А. А.* Государственный архив России XVI столетия: опыт реконструкции. Вып. 1—3. М., 1978.

Зимин А. А. Формирование... — *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV—первой трети XVI в. М., 1988.

Зимин А. А. Витязь... — *Зимин А. А.* Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. М., 1991.

Зимин А. А. Опричнина. — *Зимин А. А.* Опричнина. М., 2001.

Золотухина Н. М. Развитие... — *Золотухина Н. М.* Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М., 1985.

ЗОР ГБЛ — Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

Иванов А. И. Литературное наследие... — *Иванов А. И.* Литературное наследие Максима Грека: Характеристика, атрибуция, библиография. Л., 1969.

Иванов С. А. Блаженные похабы... — *Иванов С. А.* Блаженные похабы: культурная история юродства. М., 2005.

ИВКМ — «История о великом князе московском» А. М. Курбского.

Идея Рима... — Идея Рима в Москве XV—XVI века: Источники по истории русской общественной мысли. Roma, 1993.

ИЗ — Исторические записки.

Из Степенной книги... — Из Степенной книги царского родословия / Подгот. текста, пер., коммент. В. К. Зиборова, О. П. Лихачевой, Н. В. Понырко, А. В. Сиренова, Т. Г. Фруменковой, Л. А. Чуркиной // БЛДР. Т. 12. СПб., 2003. С. 322—535, 588—617.

Иконников В. С. Опыт... Т. 2, кн. 2. — *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Т. 2, кн. 2. Киев, 1908.

ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности.

Иосиф, иером. Подробное оглавление... — *Иосиф, иером.* Подробное оглавление Великих Четиих Миней всероссийского митрополита Макария, хранящихся в Московской патриаршей (ныне Синодальной) библиотеке. М., 1892.

ИСССР — История СССР.

Истоки русской беллетристики... — Истоки русской беллетристики (возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе). Л., 1970.

Кадлубовский А. П. Житие преподобного Пафнутия Боровского... — *Кадлубовский А. П.* Житие преподобного Пафнутия Боровского, писанное Вас-

сианом Саниным // Сборник Историко-филологического общества при Институте кн. Безбородко в Нежине. Нежин, 1899. Т. 2. С. 98—149.

Кадлубовский А. П. Очерки... — *Кадлубовский А. П.* Очерки по истории древнерусских житий святых. Варшава, 1902.

Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... — *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения (конец XIV—начало XVI в.). Л., 1975.

Казакова Н. А. Западная Европа... — *Казакова Н. А.* Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков (Из истории международных культурных связей России). Л., 1980.

Казакова Н. А. Известия... — *Казакова Н. А.* Известия летописей и хронографов о начале автокефалии русской церкви // ВИД. Л., 1983. Вып. 15. С. 92—102.

Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный... — *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998.

Каптерев Н. Ф. Характер... — *Каптерев Н. Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914.

Каравашкин А. В. Русская средневековая публицистика... — *Каравашкин А. В.* Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М., 2000.

Карпов А. Ю. Древнейшие русские сочинения о св. Клименте Римском. — *Карпов А. Ю.* Древнейшие русские сочинения о св. Клименте Римском // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2007. Вып. 11. С. 3—110.

Каталог миниатюр... — Каталог миниатюр, орнамента и гравюр собраний Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии / Сост. Т. Б. Ухова; описание переплетов составил С. А. Клепиков // ЗОР ГБЛ. М., 1960. Вып. 22. С. 74—193.

Каштанов С. М. Социально-политическая история... — *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV—первой половины XVI в. М., 1967.

КИ — Казанская история.

Кизеветтер А. А. Политические тенденции... — *Кизеветтер А. А.* Политические тенденции древнерусского Домостроя // *Кизеветтер А. А.* Исторические очерки: из истории политических идей — школа и просвещение — русский город в XVIII столетии — из истории России в XIX столетии. М., 2006. С. 29—49.

Кириллин В. М. Символика чисел... — *Кириллин В. М.* Символика чисел в литературе Древней Руси (XI—XVI вв.). СПб., 2000.

Кириллин В. М. Сказание... — *Кириллин В. М.* Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия». М., 2007.

Кичина О. Н. Филигранологическое исследование... — *Кичина О. Н.* Филигранологическое исследование безвыходных московских изданий // Федоровские чтения. 1983. М., 1987. С. 115—160.

Клосс Б. М. О времени создания... — *Клосс Б. М.* О времени создания русского Хронографа // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 244—255.

Клосс Б. М. Никоновский свод... — *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980.

Клосс Б. М. Список Царского... — *Клосс Б. М.* Список Царского Софийской I летописи и его отношение к Воскресенской летописи // ЛХ. 1984. М., 1984. С. 25—37.

Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1—2. — *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1—2. М., 1998—2000.

Ключевский В. О. Древнерусские жития святых... — *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1989.

Книга Полоцкого похода 1563 г. — Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст) / Подгот. текста, ст. и указ. К. В. Петрова. СПб., 2004.

Книга степенная... — Книга степенная царского родословия, содержащая историю российскую с начала оныя до времени Государя Царя и Великого князя Иоанна Васильевича, сочиненная трудами преосвященных митрополитов Киприана и Макария, а напечатанная под смотрением коллежского советника, и Императорской Академии Наук, також и разных иностранных академий, и Вольного экономического и Российскаго Вольного же Собрания члена Герарда Фридерика Миллера. Ч. I—II. М., 1775.

Ковтун Л. С. Лексикография... — *Ковтун Л. С.* Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975.

Ковтун Л. С. Азбуковники... — *Ковтун Л. С.* Азбуковники XVI—XVII вв. (старшая разновидность). Л., 1989.

Конотоп А. Б. Композиция... — *Конотоп А. Б.* Композиция «Шествие к небесному Иерусалиму» на иконе «Страшный суд» из Национального музея Швеции (источниковедческие проблемы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

Корецкий В. И. Мазуринский летописец... — *Корецкий В. И.* Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание Смутного времени // Славяне и Русь: Сб. ст. М., 1968. С. 282—290.

Костюхина Л. М. Роль филиграней... — *Костюхина Л. М.* Роль филиграней в палеографическом исследовании Макарьевских Миней-Четьих // Филигранологические исследования (теория, методика, практика): Сб. ст. М., 1990. С. 76—86.

Костюхина Л. М. Палеография... — *Костюхина Л. М.* Палеография русских рукописных книг XV—XVII вв. Русский полуустав. М., 1999.

Кочетков И. А. К истолкованию... — *Кочетков И. А.* К истолкованию иконы «Церковь воинствующая» («Благословенное воинство небесного царя») // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38. С. 185—209.

Кривцов Д. Ю. Рассказ Степенной книги... — *Кривцов Д. Ю.* Рассказ Степенной книги о «шествиях» в Орду митрополита Алексия и царско-митрополичьи отношения 60-х гг. XVI в. // Мининские чтения. Н. Новгород, 2001. С. 67—84.

Кудрявцев И. М. «Угорщина»... — *Кудрявцев И. М.* «Угорщина» в памятниках древнерусской литературы (летописные повести о нашествии Ахмата и их литературная история) // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 23—67.

Кузнецов Б. В. События Смутного времени... — *Кузнецов Б. В.* События Смутного времени в массовых представлениях современников («видения» и «знамения», их значение в этот период): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

Кукушкина М. В. Книга в России в XVI в. — *Кукушкина М. В.* Книга в России в XVI в. СПб., 1999.

Кунцевич Г. З. Житие св. Никиты Столпника Переяславского. Чудо 19-е и 20-е. — *Кунцевич Г. З.* Житие св. Никиты Столпника Переяславского. Чудо 19-е и 20-е. СПб., 1902.

Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве... — *Кунцевич Г. З.* История о Казанском царстве или Казанский летописец (историко-литературное исследование). СПб., 1905.

Курукин И. В. Сильвестр и составление Жития Ольги... — *Курукин И. В.* Сильвестр и составление Жития Ольги Степенной книги // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории: Сб. ст. М., 1978. С. 51—60.

Курукин И. В. Сильвестр: политическая и культурная деятельность... — *Курукин И. В.* Сильвестр: политическая и культурная деятельность (источники и историография): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.

Кусков В. В. Степенная книга... — *Кусков В. В.* Степенная книга как литературный памятник XVI века: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1951.

Кусков В. В. Из наблюдений... — *Кусков В. В.* Из наблюдений над стилем Степенной книги // УЗ Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Вып. 28: Филологический (Кафедра русской литературы). Свердловск, 1959. С. 259—292.

Кусков В. В. О некоторых особенностях стиля... — *Кусков В. В.* О некоторых особенностях стиля Степенной книги // *Кусков В. В.* Эстетика идеальной жизни. М., 2000. С. 185—217.

Кучкин В. А. Повести... — *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском (историко-текстологическое исследование). М., 1974.

Кучкин В. А. О формировании... — *Кучкин В. А.* О формировании Великих Миней Четий митрополита Макария // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 86—101.

Кучкин В. А. Первый московский князь... — *Кучкин В. А.* Первый московский князь Даниил Александрович // ОИ. 1995. № 1. С. 93—107.

Кучкин В. А. Статья 1146/47 г. Никоновской летописи... — *Кучкин В. А.* Статья 1146/47 г. Никоновской летописи и ее источники // У источника. Сборник статей в честь члена-корреспондента Российской Академии наук Сергея Михайловича Каштанова. Ч. 1. М., 1997. С. 221—262.

ЛА — Летопись Авраамки.

Лавр. — Лаврентьевская летопись.

Лавров Н. Ф. Заметки... — *Лавров Н. Ф.* Заметки о Никоновской летописи // ЛЗАК за 1926 год. Л., 1927. Вып. 1 (34). С. 55—90.

Лавров П. А. Жития херсонских святых... — *Лавров П. А.* Жития херсонских святых в греко-славянской письменности. М., 1911.

Лаушкин А. В. Провиденциализм... — *Лаушкин А. В.* Провиденциализм как система мышления древнерусских летописцев (XI—XIII вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

Лаушкин А. В. Стихийные бедствия... — *Лаушкин А. В.* Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI—XIII вв. // Русское Средневековье. Книжная культура. 1998 год. Вып. 1. М., 1998. С. 26—58.

Лебедев. — Лебедевская летопись.

Левина С. А. Списки Воскресенской летописи... — *Левина С. А.* Списки Воскресенской летописи // ЛХ. 1984. М., 1984. С. 38—58.

Ленхофф Г. Д. О библейских и святоотеческих подтекстах... — *Ленхофф Г. Д.* О библейских и святоотеческих подтекстах Предисловия к Степенной книге // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI—XX вв.: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2005. С. 181—189.

Ленхофф Г. Д. Степенная книга... — *Ленхофф Г. Д.* Степенная книга: замысел, идеология, адресация // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1. М., 2007. С. 120—144.

Леонид (Кавелин). Сведения... Вып. 1—2. — *Леонид (Кавелин).* Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троице-Сергиевой Лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. (ныне находящихся в библиотеке Московской духовной академии). Вып. 1—2. М., 1887.

ЛЕП — Летописец епископа Павла.

ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.

Линдеберг О. А. «Слово о князьях»... — *Линдеберг О. А.* «Слово о князьях» (проблема соотношения списков) // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988. С. 3—13.

Лих. — Лихачевский летописец.

Лихачев Д. С. Русские летописи... — *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.

Лихачев Д. С. Поэтика... — *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд. Л., 1971.

Лихачев Д. С. Человек... — *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. Л., 1970.

Лихачев Д. С. Стиль... — *Лихачев Д. С.* Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского (царь и «государев изменник») // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 183—213.

Лихачев Н. П. Палеографическое значение... Ч. 1. — *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. 1. СПб., 1899.

ЛЛС — Лицевой летописный свод.

ЛНЦ — Летописец начала царства.

Лобакова И. А. Житие митрополита Филиппа... — *Лобакова И. А.* Житие митрополита Филиппа: Исследование и тексты. СПб., 2006.

Лурье Я. С. Общерусские летописи... — *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976.

Лурье Я. С. Житие Ионы. — *Лурье Я. С.* Житие Ионы // СККДР. Вып. 2, ч. 1. Л., 1988. С. 270—273.

Лурье Я. С. Пересветов Иван Семенович. — *Лурье Я. С.* Пересветов Иван Семенович // СККДР. Вып. 2, ч. 2. Л., 1989. С. 178—182.

Лурье Я. С. Две истории... — *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века: ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994.

Лурье Я. С. Россия Древняя и Россия Новая... — *Лурье Я. С.* Россия Древняя и Россия Новая (Избранное). СПб., 1997.

ЛХ — Летописи и хроники.

Львов. — Львовская летопись.

Любарский Я. Н. Сочинение продолжателя Феофана... — *Любарский Я. Н.* Сочинение продолжателя Феофана. Хроника, история, жизнеописания? //

Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. подгот. Я. Н. Любарский. СПб., 1992. С. 201—265.

Мазур. — рукопись, содержащая Мазуринский список Воскресенской летописи (РГАДА. Ф. 196. № 1530).

Макарий (Веретенников). Афанасий. — *Макарий (Веретенников).* Афанасий // ПЭ. Т. 3. М., 2001. С. 708.

Макарий (Веретенников). Макарьевская проблематика... — *Макарий (Веретенников).* Макарьевская проблематика в диссертациях выпускников Московской духовной академии (кон. XIX—нач. XX в.) // Макарьевские чтения. Можайск, 2002. Вып. 9. С. 72—74.

Макарий (Веретенников). Жизнь и труды святителя Макария... — *Макарий (Веретенников).* Жизнь и труды святителя Макария, митрополита Московского и всея Руси. М., 2002.

Макарий (Веретенников). Василий. — *Макарий (Веретенников).* Василий // ПЭ. Т. 7. М., 2004. С. 72—74.

Макарий (Веретенников). Всероссийский митрополит Афанасий... — *Макарий (Веретенников).* Всероссийский митрополит Афанасий (1564—1566) // *Макарий (Веретенников).* Из истории русской иерархии XVI века. М., 2006. С. 104—125.

Малинин В. Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей... — *Малинин В. Н.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания (историко-литературное исследование). Киев, 1901.

Мансикка В. П. Житие Александра Невского... — *Мансикка В. П.* Житие Александра Невского (Разбор редакций и текст). М., 1913.

Мельников А. А. Литературная история... — *Мельников А. А.* Литературная история агиографической повести о Евфросинии Полоцкой (на материале рукописей XVI—XVIII вв.): Дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1989.

[Миллер Г.] Опыт... — *[Миллер Г.]* Опыт новейшей истории о России // Ежемесячные сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1761. Январь. С. 10—11.

Милов Л. В. Основные принципы... — *Милов Л. В.* Основные принципы разработки методики определения структуры авторского стиля. История вопроса // От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства. М., 1994. С. 5—32.

Мильков В. В. Осмысление истории... — *Мильков В. В.* Осмысление истории в Древней Руси. СПб., 2000.

МК РГБ — Музей книги Российской государственной библиотеки (Москва).

МЛ — Мазуринский летописец.

Моисеева Г. Н. Древнерусская литература... — *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII в. Л., 1980.

Молдован А. М. «Слово о законе и благодати»... — *Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.

Морозов В. В. Икона «Благословенное воинство»... — *Морозов В. В.* Икона «Благословенное воинство» как памятник публицистики XVI века // Произведения русского и зарубежного искусства XVI—начала XVIII века. М., 1984. С. 17—31.

Морозов В. В. Лицевой летописный свод XVI в. — *Морозов В. В.* Лицевой летописный свод XVI в. и его источники (Об одной историографической легенде) // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст. 1984. М., 1986. С. 128—142.

Морозов В. В. Лицевой свод... — *Морозов В. В.* Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005.

МПРМ — Московский публичный Румянцевский музей.

НІ мл. — Новгородская I летопись младшего извода.

НІ ст. — Новгородская I летопись старшего извода.

НІV — Новгородская IV летопись.

НV — Новгородская V (хронографическая) летопись.

НДубр. — Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского.

Накадзава А. Рукописание Магнуша... — *Накадзава А.* Рукописание Магнуша: Исследование и тексты. СПб., 2003.

Насонов А. Н. Летописные памятники... — *Насонов А. Н.* Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) // ПИ. М., 1955. Вып. 4. С. 243—285.

Насонов А. Н. История... — *Насонов А. Н.* История русского летописания XI—начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969.

Неберекутина Е. В. Митрополит Афанасий... — *Неберекутина Е. В.* Митрополит Афанасий и проблема авторства Степенной книги // От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства. М., 1994. С. 126—153.

Неберекутина Е. В. Поиски... — *Неберекутина Е. В.* Поиски автора Степенной книги // От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства. М., 1994. С. 154—224.

Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания... — *Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964.

Никиф. — Никифоровская летопись.

НК — Новгородская Карамзинская летопись.

НУв. — Новгородская Уваровская летопись.

ОА — Отечественные архивы.

ОИ — Отечественная история.

Околович Н. Ф. Жития святых... — *Околович Н. Ф.* Жития святых, помещенные в Степенной книге / Вступ. ст., публ., коммент. А. С. Усачева. М.; СПб., 2007.

ОНС — Общественные науки и современность.

Описание рукописного отдела БАН СССР. Т. 8, вып. 1. — Описание рукописного отдела БАН СССР. Т. 8, вып. 1: Рукописи Архангельского собрания. Л., 1989.

ОР БАН — Отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук (Санкт-Петербург).

ОР ГИМ — Отдел рукописей Государственного исторического музея (Москва).

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

ОРК ГПНТБ — Отдел редкой книги Государственной публичной научно-технической библиотеки (Новосибирск).

Орлов А. С. Великорусская историческая литература XVI века... — *Орлов А. С.* Великорусская историческая литература XVI века: Конспект лекций, читанных в И. М. У. в 1911/12 акад. году. М., 1912.

Орлов А. С. Хронограф... — *Орлов А. С.* Хронограф и «Повесть о Казанском царстве» // Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского, изданный ко дню 70-летия со дня его рождения Академиею наук по почину его учеников под редакцией академика В. Н. Перетца. Л., 1928. (СОРЯС. Т. 101). С. 188—193.

«Ответ» митрополита Макария... — «Ответ» митрополита Макария царю Ивану IV // РФА. Ч. 4. М., 1988. № IX. С. 717—748.

Отзыв академика А. И. Соболевского... — *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. Ч. 1. СПб., 1904: Отзыв академика А. И. Соболевского // СОРЯС. 1907. Т. 82, № 6: Отчет о присуждении премий имени графа Д. А. Толстого в 1906 году. С. 2—3, 7—14.

Охотина-Линд Н. А. «Сказание о Валаамском монастыре». — *Охотина-Линд Н. А.* «Сказание о Валаамском монастыре». СПб., 1996.

Охотникова В. И. Повесть о Довмонте... — *Охотникова В. И.* Повесть о Довмонте: Исследования и тексты. Л., 1985.

Охотникова В. И. Пути развития... — *Охотникова В. И.* Пути развития псковской агиографии // Псков в российской и европейской истории: Международная научная конференция. Т. 2. М., 2003. С. 314—322.

Охотникова В. И. Житие Всеволода-Гавриила... — *Охотникова В. И.* Житие Всеволода-Гавриила в составе Степенной книги // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 484—503.

Охотникова В. И. Псковская агиография. Т. 1—2. — *Охотникова В. И.* Псковская агиография XIV—XVII вв. Т. 1—2. СПб., 2007.

ПЛЛ — Псковская III летопись.

Панченко О. В. Две редакции... — *Панченко О. В.* Две редакции Слова Льва Филолога Михаилу и Феодору Черниговскому // Проблемы развития русской литературы XI—XX веков: Тезисы научной конференции молодых ученых и специалистов 18—19 апреля 1990 года. Л., 1990. С. 7—8.

ПВЛ — Повесть временных лет.

ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства.

Переписка... — Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993.

Перхавко В. Б. Семья священника Сильвестра. — *Перхавко В. Б.* Семья священника Сильвестра // АЕ за 2004 год. М., 2005. С. 46—61.

ПИ — Проблемы источниковедения.

Письма о. Михаила Диева... — Письма о. Михаила Диева к И. М. Снегиреву / Предисл. А. А. Титова. М., 1909.

Пискарев. — Пискаревский список Степенной книги (ОР РГБ. Ф. 228. № 177/612).

Пискаревский летописец. — Пискаревский летописец / Подгот. текста, ввод. ст., примеч., указ. О. А. Яковлевой // Материалы по истории СССР. [Вып.] 2. Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955. С. 5—210.

ПЛ — Пискаревский летописец.

ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси.

Повести о Житии Михаила Клопского. — Повести о Житии Михаила Клопского / Подгот. текста и ст. Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1958.

Подскальски Г. Христианство... — *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.). СПб., 1996.

Покровский Н. Н. Афанасий... — *Покровский Н. Н.* Афанасий // СККДР. Вып. 2, ч. 1. Л., 1988. С. 73—79.

Покровский Н. Н. Томский список... — *Покровский Н. Н.* Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые вопросы ранней текстологии памятника // Общественное сознание и литература XVI—XX вв. Новосибирск, 2001. С. 3—43.

Покровский Н. Н. Исторические постулаты... — *Покровский Н. Н.* Исторические постулаты Степенной книги царского родословия // Исторические источники и литературные памятники XVI—XX вв.: развитие традиций. Новосибирск, 2004. С. 3—36.

Покровский Н. Н. Неоконченный манускрипт... — *Покровский Н. Н.* Неоконченный манускрипт: Степенная книга царского родословия // Вестник истории, литературы и искусства. Т. 1. М., 2005. С. 280—293.

Покровский Н. Н. Византийский дьякон Агапит... — *Покровский Н. Н.* Византийский дьякон Агапит и московский митрополит Афанасий (XVI в.) // Человек в культуре античности, средних веков и Возрождения: Сб. науч. тр. в честь юбилея Нины Викторовны Ревякиной. Иваново, 2006. С. 165—175.

Покровский Н. Н. О концепции святости русских государей... — *Покровский Н. Н.* О концепции святости русских государей в представлении создателей Степенной книги царского родословия // Времена и судьбы: Сб. ст. в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. СПб., 2006. С. 97—107.

Покровский Н. Н. Исторические концепции... — *Покровский Н. Н.* Исторические концепции Степенной книги царского родословия // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1. М., 2007. С. 89—119.

Покровский Н. Н., Журавель О. Д., Сиренов А. В. Археографическое предисловие. — *Покровский Н. Н., Журавель О. Д., Сиренов А. В.* Археографическое предисловие // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1. М., 2007. С. 6—23.

Понырко Н. В. Житие Никиты... — *Понырко Н. В.* Житие Никиты Столпника Переяславского // СККДР. Вып. 2, ч. 1. Л., 1988. С. 307—310.

Понырко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси... — *Понырко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI—XIII вв. СПб., 1992.

Попов А. Н. Историко-литературный обзор... — *Попов А. Н.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV в.). М., 1875.

Поппэ А. В. Становление почитания... — *Поппэ А. В.* Становление почитания Владимира Великого // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII веков: Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. Москва, 13—18 мая 1990 г. М., 1990. С. 228—231.

Послания Ивана Грозного. — Послания Ивана Грозного. М., 1951.

Послания Иосифа Волоцкого. — Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959.

Поссевино А. Исторические сочинения... — *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983.

Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. — Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские / Ст., подгот. текстов, пер. с древнерус. и коммент. Г. М. Прохорова, Е. Э. Шевченко, Е. Г. Водолазкина. 2-е изд., испр., доп. СПб., 1994.

Пресняков А. Е. Царственная книга... — *Пресняков А. Е.* Царственная книга, ее состав и происхождение. СПб., 1893.

Продолжатель Феофана... — Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. подгот. Я. Н. Любарский. СПб., 1992.

Прозоровский Д. И. Об утварях... — *Прозоровский Д. И.* Об утварях, приписываемых Владимиру Мономаху // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. Т. 3. [Б. м.], 1882. С. 1—64.

Протасьева Т. Н. Первые издания... — *Протасьева Т. Н.* Первые издания московской печати в собрании Государственного исторического музея. М., 1955.

Прохоров Г. М. Житие Алексея митрополита. — *Прохоров Г. М.* Житие Алексея митрополита // СККДР. Вып. 2, ч. 1. Л., 1988. С. 243—245.

ПС — Православный собеседник.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

ПСРЛ. Т. 2. — ПСРЛ. Т. 2. М., 1998.

ПСРЛ. Т. 3. — ПСРЛ. Т. 3. М., 2000.

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. — ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. М., 2000.

ПСРЛ. Т. 4, ч. 2, вып. 1. — ПСРЛ. Т. 4, ч. 2, вып. 1. Пг., 1917.

ПСРЛ. Т. 5. — ПСРЛ. Т. 5. СПб., 1851.

ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. — ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. М., 2003.

ПСРЛ. Т. 5, вып. 2. — ПСРЛ. Т. 5, вып. 2. М., 2000.

ПСРЛ. Т. 6. — ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853.

ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. — ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. М., 2000.

ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. — ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. М., 2001.

ПСРЛ. Т. 7. — ПСРЛ. Т. 7. М., 2001.

ПСРЛ. Т. 8. — ПСРЛ. Т. 8. М., 2001.

ПСРЛ. Т. 9. — ПСРЛ. Т. 9. М., 2000.

ПСРЛ. Т. 10. — ПСРЛ. Т. 10. М., 2000.

ПСРЛ. Т. 11. — ПСРЛ. Т. 11. М., 2000.

ПСРЛ. Т. 12. — ПСРЛ. Т. 12. М., 2000.

ПСРЛ. Т. 13. — ПСРЛ. Т. 13. М., 2000.

ПСРЛ. Т. 15. — ПСРЛ. Т. 15. М., 2000.

ПСРЛ. Т. 19. — ПСРЛ. Т. 19. М., 2000.

ПСРЛ. Т. 20, ч. 1—2. — ПСРЛ. Т. 20, ч. 1—2. М., 2005.

ПСРЛ. Т. 21, 1-я половина. — ПСРЛ. Т. 21, 1-я половина. СПб., 1908.

ПСРЛ. Т. 21, 2-я половина. — ПСРЛ. Т. 21, 2-я половина. СПб., 1913.

ПСРЛ. Т. 22, ч. 1. — ПСРЛ. Т. 22, ч. 1. СПб., 1911.

ПСРЛ. Т. 23. — ПСРЛ. Т. 23. М., 2004.

ПСРЛ. Т. 26. — ПСРЛ. Т. 26. М., 2006.

ПСРЛ. Т. 28. — ПСРЛ. Т. 28. М.; Л., 1963.

ПСРЛ. Т. 29. — ПСРЛ. Т. 29. М., 1965.

ПСРЛ. Т. 30. — ПСРЛ. Т. 30. М., 1965.

ПСРЛ. Т. 31. — ПСРЛ. Т. 31. М., 1968.

ПСРЛ. Т. 33. — ПСРЛ. Т. 33. М., 1977.

ПСРЛ. Т. 34. — ПСРЛ. Т. 34. М., 1978.

ПСРЛ. Т. 39. — ПСРЛ. Т. 39. М., 1994.

ПСРЛ. Т. 42. — ПСРЛ. Т. 42. СПб., 2002.

ПСРЛ. Т. 43. — ПСРЛ. Т. 43. М., 2004.

ПЭ — Православная энциклопедия.

Рамазанова Н. В. Московское царство... — *Рамазанова Н. В.* Московское царство в церковно-певческом искусстве XVI—XVII вв. СПб., 2004.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).

РД — Русский дипломатарий.

РИБ — Русская историческая библиотека.

РЛ — Русская литература.

РОБ МГАМИД — Рукописный отдел библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел.

Розов Н. Н. Похвальное слово... — *Розов Н. Н.* Похвальное слово великому князю Василию III // АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 278—289.

Россия и греческий мир в XVI веке. Т. 1. — Россия и греческий мир в XVI веке. Т. 1. М., 2004.

РС. Т. 1, вып. 1—3. — Рукописные собрания ГБЛ. Т. 1, вып. 1—3. М., 1983—1996.

Рубинштейн Н. Л. Русская историография... — *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1941.

РФА — Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI века. М., 1986—1992.

Рыков Ю. Д. «История о великом князе Московском» А. М. Курбского как источник по истории опричнины. — *Рыков Ю. Д.* «История о великом князе Московском» А. М. Курбского как источник по истории опричнины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972.

Рыков Ю. Д. «История о великом князе Московском» А. М. Курбского и опричнина. — *Рыков Ю. Д.* «История о великом князе Московском» А. М. Курбского и опричнина Ивана Грозного // ИЗ. М., 1974. Т. 93. С. 328—350.

СІ — Софийская I летопись.

СІ мл. — Софийская I летопись младшего извода.

СІ ст. — Софийская I летопись старшего извода.

СІЦ — Софийская I летопись по списку И. Н. Царского.

СА — Советские архивы.

Салмина М. А. Повесть о Даниловском монастыре. — *Салмина М. А.* Повесть о Даниловском монастыре // СККДР. Вып. 3, ч. 3. СПб., 1998. С. 113—114.

Самойлова Т. Е. Новооткрытый «портрет» Василия III... — *Самойлова Т. Е.* Новооткрытый «портрет» Василия III и идея святости государя и государева рода // Искусствознание. 1/99. С. 39—58.

Самойлова Т. Е. Княжеские портреты... — *Самойлова Т. Е.* Княжеские портреты в росписи Архангельского собора Московского Кремля. Иконографическая программа XVI века. М., 2004.

Свирелин А. И. О начале и устроении Переславского Данилова монастыря... — *Свирелин А. И.* О начале и устроении Переславского Данилова монастыря (при жизни преподобного Даниила). М., 1863.

[Свирелин А. И.] Житие преподобного отца нашего Даниила... — *[Свирелин А. И.]* Житие преподобного отца нашего Даниила, переславского чудотворца / Протоиерея Александра Свирелина. 2-е изд. Переславль-Залесский, 1894.

Седова Р. А. Святитель Петр... — *Седова Р. А.* Святитель Петр митрополит Московский в литературе и искусстве Древней Руси. М., 1993.

Семенов В. Древняя русская Пчела... — *Семенов В.* Древняя русская Пчела по пергаменному списку. СПб., 1893. (СОРЯС. Т. 54, № 4).

Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития... — *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915.

Серов Д. О. Степенная книга редакции Ивана Юрьева... — *Серов Д. О.* Степенная книга редакции Ивана Юрьева (1716—1718 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1991.

Серов Д. О. П. Г. Васенко... — *Серов О. Д.* П. Г. Васенко: Материалы к биобиблиографии (1899—1929) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1992. Сб. 4. С. 419—429.

Синицына Н. В. Максим Грек... — *Синицына Н. В.* Максим Грек в России. М., 1977.

Синицына Н. В. Третий Рим... — *Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.). М., 1998.

Синицына Н. В. Русская церковь... — *Синицына Н. В.* Русская церковь в период автокефалии; учреждение патриаршества // ПЭ. Т.: Русская православная церковь. М., 2000. С. 61—80.

Сиренов А. В. О Волковском списке... — *Сиренов А. В.* О Волковском списке Степенной книги // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. СПб., 2001. Вып. 4. С. 246—303.

Сиренов А. В. К истории изучения Волковского списка... — *Сиренов А. В.* К истории изучения Волковского списка Степенной книги // Историография и источниковедение отечественной истории: Сборник научных статей и сообщений. СПб., 2001. С. 196—205.

Сиренов А. В. Степенная книга как исторический источник... — *Сиренов А. В.* Степенная книга как исторический источник (редакции XVI—начала XVII вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001.

Сиренов А. В. Житие князя Владимира... — *Сиренов А. В.* Житие князя Владимира и составление Степенной книги // АЕ за 2001 год. М., 2002. С. 83—94.

Сиренов А. В. Степенная книга из собрания В. Н. Татищева. — *Сиренов А. В.* Степенная книга из собрания В. Н. Татищева // Мавродинские чтения: Сб. ст. СПб., 2002. С. 112—118.

Сиренов А. В. Краткая редакция... — *Сиренов А. В.* Краткая редакция Степенной книги // Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии. СПб., 2004. С. 112—144.

Сиренов А. В. Поздние редакции... — *Сиренов А. В.* Поздние редакции Степенной книги // АЕ за 2004 год. М., 2005. С. 62—76.

Сиренов А. В. Формирование... — *Сиренов А. В.* Формирование идеологии русской монархии в XVI в. и *Степенная книга* // Cahiers du Monde russe. 2005. Т. 46, № 1—2. P. 337—344.

Сиренов А. В. Митрополит Афанасий... — *Сиренов А. В.* Митрополит Афанасий и проблема авторства Степенной книги // ОА. 2007. № 4. С. 47—53.

Сиренов А. В. Научное описание... — *Сиренов А. В.* Научное описание выявленных списков Степенной книги // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1. М., 2007. С. 24—88.

Сиренов А. В. Степенная книга... — *Сиренов А. В.* Степенная книга: история текста. М., 2007.

СК — Книга Степенная царского родословия.

СККДР — Словарь книжников и книжности Древней Руси.

СККДР. Вып. 1. — СККДР. Вып. 1. Л., 1987.

СККДР. Вып. 2, ч. 1. — СККДР. Вып. 2, ч. 1. Л., 1988.

СККДР. Вып. 2, ч. 2. — СККДР. Вып. 2, ч. 2. Л., 1989.

Скрипиль М. О. Литературная история... — *Скрипиль М. О.* Литературная история «Повести о Иулиании Вяземской» // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 159—175.

«Слово о житии»... — «Слово о житии и преставлении Димитрия Ивановича, царя русского».

Слово о князьях. — Слово о князьях // ПЛДР. XII век. Л., 1980. С. 338—343.

Смирнов И. И. Очерки... — *Смирнов И. И.* Очерки социально-политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958.

Смирнов С. И. Древнерусский духовник... — *Смирнов С. И.* Древнерусский духовник. Исследование с приложением: Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1914.

Соболевский А. И. Жития святых... — *Соболевский А. И.* Жития святых по древнерусским спискам. 1. Мучение св. Климента Римскаго. 2. Житие св. Василия Великаго. 3. Мучение 40 мучеников в Севастии. СПб., 1903. (ПДПИ, вып. 149).

Соболевский А. И. Поп Сильвестр и Домострой. — *Соболевский А. И.* Поп Сильвестр и Домострой // ИОРЯС. 1929. Т. 2, кн. 1. С. 187—202.

Сокольский В. Д. Участие... — *Сокольский В. Д.* Участие русского духовенства и монашества в развитии единодержавия и самодержавия в Московском государстве в конце XV и первой половине XVI вв. (исследование по памятникам древнерусской письменности конца XV и первой половины XVI вв.). Киев, 1902.

Солодкин Я. Г. Летописец Пискаревский. — *Солодкин Я. Г.* Летописец Пискаревский // СККДР. Вып. 3, ч. 2. СПб., 1993. С. 269—274.

СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности.

Сочинения И. Пересветова. — Сочинения И. Пересветова. М.; Л., 1956.

Сочинения князя Курбского. Т. 1. — Сочинения князя Курбского. Т. 1: Сочинения оригинальные // РИБ. СПб., 1914. Т. 31.

Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 2. — Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 2. Казань, 1896.

Списки студентов... — Списки студентов, окончивших полный курс Императорской Московской духовной академии за первое столетие ее существования (1814—1914 гг.). Сергиев-Посад, 1915.

Список погребенных... — Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре, от основания оной до 1880 года. М., 1880.

СРЯ. XI—XIV. — Словарь русского языка. XI—XIV вв.

СРЯ. XI—XVII. — Словарь русского языка. XI—XVII вв.

Степенная книга. Т. 1—2. — Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1—2. М., 2007—2008.

Строев П. М. Списки иерархов... — *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877.

Супр. — Супрасльская летопись.

Тв. — Тверская летопись.

Творогов О. В. Древнерусские хронографы. — *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975.

Творогов О. В. Рукописные собрания России... — *Творогов О. В.* Рукописные собрания России: состояние изучения и описания // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 709—744.

Творогов О. В. О «Своде древнерусских житий». — *Творогов О. В.* О «Своде древнерусских житий» // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 3—58.

Творогов О. В. Переводные жития... — *Творогов О. В.* Переводные жития в русской книжности XI—XIV вв. Каталог. М.; СПб., 2008.

Тихомиров М. Н. Развитие... — *Тихомиров М. Н.* Развитие исторических знаний в Киевской Руси, феодально раздробленной Руси и Российском централизованном государстве (X—XVII вв.) // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М., 1955. С. 48—105.

ТМГИАИ — Труды Московского Государственного Историко-архивного института.

ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинский дом).

ТОКМ — Томский областной краеведческий музей (Томск).

Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева... — *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия. М.; Киев, 2005.

Томск. — Томский список Степенной книги (ТОКМ. № 7903/2).

Турилов А. А. К вопросу... — *Турилов А. А.* К вопросу о болгарских источниках Русского Хронографа // ЛХ. 1984. М., 1984. С. 20—24.

Турилов А. А. Древнейшая история... — *Турилов А. А.* Древнейшая история славян и Руси в «Книге Степенной царского родословия» (хронология, круг источников, их отбор и использование) // Славяне и их соседи. Миф и история. Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего Средневековья и раннего Нового времени (Тезисы 15 конференции). М., 1996. С. 46—51.

Турилов А. А. Ранние русские источники... — *Турилов А. А.* Ранние русские источники по истории Ферраро-Флорентийской унии и ее восприятию в православном мире // *Флоря Б. Н.* Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское Средневековье. М., 2007. С. 443—467.

УЗ ЛГПИ им. А. И. Герцена — Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена.

Украинская Т. Н. Житие Димитрия Прилуцкого... — *Украинская Т. Н.* Житие Димитрия Прилуцкого — памятник вологодской агиографии // Древлехранилище Пушкинского дома: Материалы и исследования. Л., 1990. С. 7—53.

Усачев А. С. Образ языческой Руси... — *Усачев А. С.* Образ языческой Руси в Степенной книге // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени. М., 2003. С. 349—364.

Усачев А. С. К проблеме святости княжеского рода... — *Усачев А. С.* К проблеме святости княжеского рода в Степенной книге // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа). Тезисы докладов. М., 2004. С. 90—94.

Усачев А. С. Древняя Русь... — *Усачев А. С.* Древняя Русь в исторической мысли 60-х гг. XVI в. (Степенная книга): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

Усачев А. С. К вопросу о последовательности русских митрополитов... — *Усачев А. С.* К вопросу о последовательности русских митрополитов в Степен-

ной книге // «Честному и грозному Ивану Васильевичу»: К 70-летию И. В. Левочкина: Сб. ст. М., 2004. С. 54—61.

Усачев А. С. Забытое мнение... — *Усачев А. С.* Забытое мнение о Степенной книге (Из неопубликованного наследия М. Я. Диева) // АЕ за 2004 год. М., 2005. С. 77—84.

Усачев А. С. К вопросу... — *Усачев А. С.* К вопросу о датировке Степенной книги // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 4 (22). С. 28—40.

Усачев А. С. Образ Владимира Святославича... — *Усачев А. С.* Образ Владимира Святославича в Степенной книге: как работал русский книжник середины XVI в.? // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2005. Вып. 14. С. 66—105.

Усачев А. С. История... — *Усачев А. С.* История царствования Ивана Грозного в Степенной книге // Общество, государство, верховная власть в России в Средние века и раннее Новое время в контексте истории Европы и Азии (X—XVIII столетия): Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика Л. В. Черепнина, Москва, 30 ноября—2 декабря 2005: Тезисы докладов и сообщения. М., 2005. С. 79—81.

Усачев А. С. Из истории... — *Усачев А. С.* Из истории русской средневековой агиографии: два произведения о равноапостольном князе Владимире Святославиче (исследование и тексты) // ВЦИ. 2006. № 2. С. 5—44.

Усачев А. С. О датировке Томского списка... — *Усачев А. С.* О датировке Томского списка Степенной книги // Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления: Материалы XVIII науч. конф. Москва, 26—28 января 2006 г. М., 2006. С. 402—404.

Усачев А. С. Источники... — *Усачев А. С.* Источники Степенной книги по истории домонгольской Руси // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 210—340.

Усачев А. С. Житие митрополита Ионы... — *Усачев А. С.* Житие митрополита Ионы третьей редакции // ВЦИ. 2007. № 2. С. 5—60.

Усачев А. С. Создание Степенной книги... — *Усачев А. С.* Создание Степенной книги с позиций истории книги: предварительные замечания // Книга в пространстве культуры. Вып. 1 (3)'2007. М., 2007. С. 127—134.

Усачев А. С. Житие Иоанна Суздальского. — *Усачев А. С.* Житие Иоанна Суздальского // ВЦИ. 2008. № 2. С. 5—56.

Усачев А. С. Экземпляр... — *Усачев А. С.* Экземпляр издания «Житие Даниила Переяславского...» из библиотеки С. И. Смирнова (по фондам Российской государственной библиотеки) // Библиотековедение. 2008. № 6. С. 54—60.

Успенский Б. А., Панченко А. М. Иван Грозный и Петр Великий... — *Успенский Б. А., Панченко А. М.* Иван Грозный и Петр Великий: концепция первого монарха // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 54—78.

Федотова М. А. Краткая редакция... — *Федотова М. А.* Краткая редакция Жития Никиты Переяславского // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 289—297.

Федотова М. А. Житие Никиты... — *Федотова М. А.* Житие Никиты столпника Переяславского (рукописная традиция Жития) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 309—331.

Филюшкин А. И. Модель «царства»... — *Филюшкин А. И.* Модель «царства» в русской средневековой книжности XV—XVI вв. // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Сб. 10. С. 262—279.

Филюшкин А. И. Грамоты... — *Филюшкин А. И.* Грамоты новгородского архиепископа Феодосия, посвященные «Казанскому взятию» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Сб. 10. С. 327—346.

Филюшкин А. И. Изображение... — *Филюшкин А. И.* Изображение Ливонской войны в русском летописании XVI—XVII вв. // Исследования по истории средневековой Руси: К 80-летию Юрия Георгиевича Алексеева. СПб., 2006. С. 347—368.

Флоря Б. Н. Иван Грозный. — *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 1999.

Флоря Б. Н. Исследования... — *Флоря Б. Н.* Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007.

Флоря Б. Н., Чугреева Н. Н. Даниил Александрович. — *Флоря Б. Н., Чугреева Н. Н.* Даниил Александрович // ПЭ. Т. 14. М., 2006. С. 99—108.

Холм. — Холмогорская летопись.

Хорошкевич А. Л. Россия... — *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003.

Хр. 1512 — Хронограф редакции 1512 г.

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских.

Чуд. — Чудовский список Степенной книги (ОР ГИМ. Чуд. № 56/358).

Шапошник В. В. Церковно-государственные отношения... — *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е годы XVI в. СПб., 2006.

Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова... — *Шахматов А. А.* Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси Северо-Восточной» // Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова (Записки имп. Академии наук по Историко-филологическому отделению; т. 4, № 2). СПб., 1899.

Шахматов А. А. Общерусские летописные своды... — *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды XIV—XV веков // ЖМНП. 1901. № 11. С. 52—80.

Шахматов А. А. Ермолинская летопись... — *Шахматов А. А.* Ермолинская летопись и ростовский владычный свод. СПб., 1904.

Шахматов А. А. Обозрение... — *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938.

Шенк Ф. Б. Александр Невский... — *Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263—2000). М., 2007.

Шибаев М. А. Софийская 1 летопись... — *Шибаев М. А.* Софийская 1 летопись Младшей редакции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.

Шляпкин И. А. [Рец.]. — *Шляпкин И. А.* [Рец.] // ЖМНП. 1905. № 9. С. 151—157. Рец. на кн.: *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. Ч. 1. СПб., 1904.

Шмидт С. О. Заметки... — *Шмидт С. О.* Заметки о языке посланий Ивана Грозного // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 256—265.

Шмидт С. О. Российское государство в середине XVI в. — *Шмидт С. О.* Российское государство в середине XVI в.: царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984.

Щапов Я. Н. Государство и церковь... — *Щапов Я. Н.* Государство и церковь в Древней Руси X—XIII вв. М., 1989.

Юрганов А. Л. Категории... — *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998.

Яблонский В. П. Пахомий Серб... — *Яблонский В. П.* Пахомий Серб и его агиографические писания: Биографический и биографически-литературный очерк. СПб., 1908.

Янин В. Л. К вопросу... — *Янин В. Л.* К вопросу о происхождении Михаила Клопского // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 52—61.

Ярхо Б. И. Из книги... — *Ярхо Б. И.* Из книги «Средневековые латинские видения» // Восток — Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1989. Вып. 4. С. 21—55.

Ясинский А. Н. Сочинения князя Курбского... — *Ясинский А. Н.* Сочинения князя Курбского как исторический материал. Киев, 1889.

Abhandlungen zu den Grossen Lesemenäen des Metropoliten Makarij... — Abhandlungen zu den Grossen Lesemenäen des Metropoliten Makarij (Kodikologische, miszellanologische und textologische Untersuchungen). Bd. 1. Freiburg i. Br., 2000.

Barnette W. Stepennaja kniga... — *Barnette W.* Stepennaja kniga: Sources, Their Adaptation and Development. Ph. D. diss. Nashville, 1979.

Bogatyrev S. N. The Sovereign and His Counsellors... — *Bogatyrev S. N.* The Sovereign and His Counsellors: Ritualised Consultations in Muscovite Political Culture, 1350s—1570s. Helsinki, 2000.

Bogatyrev S. N. Battle for Divine Wisdom... — *Bogatyrev S. N.* Battle for Divine Wisdom. The Rhetoric of Ivan IV's Campain against Polotsk // The Military and Society in Russia, 1450—1917. Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 325—363.

Ebbinghaus A. Die altrussischen Marienikonen-Legenden. — *Ebbinghaus A.* Die altrussischen Marienikonen-Legenden. Wiesbaden, 1990.

FOG — Forschungen zur osteuropäischen Geschichte.

Freydank D. A. M. Kurbskij und die Theorie der antiken Historiographie... — *Freydank D.* A. M. Kurbskij und die Theorie der antiken Historiographie (Zur Geschichte des Wortes история im 16. Jahrhundert) // Orbis mediaevalis. Festgabe für Anton Blaschka zum 75. Geburtstag am 7. Oktober 1967. Weimar, 1970. S. 57—77.

Gorlin M. Le Dit de la Ruine de la terre russe et de la mort du grand-prince Jaroslav. — *Gorlin M.* Le Dit de la Ruine de la terre russe et de la mort du grand-prince Jaroslav // Revue des études slaves. 1947. T. 23, Fas. 1—4. P. 5—33.

Isoaho M. The Image of Aleksandr Nevskiy... — *Isoaho M.* The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia: Warrior and Saint. Brill; Leiden; Boston, 2006.

JGO — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.

Kämpfer F. Die Eroberung von Kasan 1552... — *Kämpfer F.* Die Eroberung von Kasan 1552 als Gegenstand der zeitgen ssischen russischen Historiographie // FOG. 1969. Bd. 14. S. 7—161.

Kämpfer F. «Rußland an der Schwelle zur Neuzeit»... — *Kämpfer F.* «Rußland an der Schwelle zur Neuzeit». Kunst, Ideologie und historisches Bewußtsein unter Ivan Grosnyj // JGO. 1975. Bd. 23. S. 504—524

Korpela J. Prince, Saint and Apostol... — *Korpela J.* Prince, Saint and Apostol: Prince Vladimir Svjatoslavič of Kiev, his Posthumous Life and the Religious Legitimization of the Russian Great Power. Wiesbaden, 2001.

Lenhoff G. Unofficial Veneration... — *Lenhoff G.* Unofficial Veneration of the Danilovichi in Muscovite Rus' // Московская Русь (1359—1584): Культура и историческое самосознание. М., 1997. С. 391—416.

Lenhoff G. Early Russian Hagiography... — *Lenhoff G.* Early Russian Hagiography: The Lives of Prince Fedor the Black. Wiesbaden, 1997.

Lenhoff G. How the Bones of Plato and Two Kievan Princes were baptised... — *Lenhoff G.* How the Bones of Plato and Two Kievan Princes were baptised: Notes on the Political Theology of the «Stepennaja kniga» // Die Welt der Slaven. XLVI. 2001. S. 313—330.

Lenhoff G. The Tale of Tamerlane... — *Lenhoff G.* The Tale of Tamerlane in the Royal Book of Degrees // The place of Russia in Eurasia. Budapest, 2001. P. 122—129.

Lenhoff G. Novgorod's *Znamenie* Legend... — *Lenhoff G.* Novgorod's *Znamenie* Legend in Moscow's *Stenennaia kniga* // Московская Русь: Специфика развития. Budapest, 2003. P. 175—182.

Lenhoff G. The «Stepennaja kniga» and the Idea of the Book... — *Lenhoff G.* The «Stepennaja kniga» and the Idea of the Book in Medieval Russia // Germano-Slavistische Beiträge. Festschrift für Peter Rehder zum 65. Geburstag. München, 2004. S. 449—458.

Lenhoff G. The Cult of the Metropolitan Iona... — *Lenhoff G.* The Cult of the Metropolitan Iona and the Conceptualization of Ecclesiastical Authority in Muscovy // Speculum Slaviae Orientalis: Muscovy, Ruthenia and Lithuania in the Later Middle Ages. M., 2004. C. 120—141.

Lenhoff G. Temir Aksak's Dream... — *Lenhoff G.* Temir Aksak's Dream of the Virgin as Protectress of Muscovy // Die Welt der Slaven. XLIX. 2004. S. 39—64.

Lenhoff G. The Construction of Russian History... — *Lenhoff G.* The Construction of Russian History in *Stepennaja kniga* // Revue des études slaves. 2005. T. LXXVI, № 1. P. 31—50.

Lenhoff G. The Economics of a Medieval Literary Project... — *Lenhoff G.* The Economics of a Medieval Literary Project: Direct and Indirect Costs of Producing the *Stepennaia kniga* // RH. 2007. Vol. 34, Nos. 1—4. P. 219—237.

Lenhoff G. The Chudov monastery... — *Lenhoff G.* The Chudov monastery and the Stepennaia kniga (в печати).

Miller D. The Velikie Minei Chetii... — *Miller D.* The Velikie Minei Chetii and the Stepennaia kniga of Metropolitan Macarii and the Origins of Russian National Consciousness // FOG. 1979. Bd. 26. S. 263—382.

Miller D. Official history... — *Miller D.* Official history in the reign of Ivan Groznyi and its seventeenth-century imitators // RH. 1987. Vol. 14, Nos. 1—4. P. 333—360.

Nitsche P. Translatio imperii?... — *Nitsche P.* Translatio imperii? Beobachtungen zum historischen Selbstverstandis im Moskauer Zartum um die Mitte des 16. Jahrhunderts // JGO. 1987. Bd. 35, H. 3. S. 321—338.

Nitsche P. «Nicht an die Griechen glaube ich, sondern an Christus»... — *Nitsche P.* «Nicht an die Griechen glaube ich, sondern an Christus» (Russen und Griechen im Selbstverstandnis des Moskauer Staates an der Schwelle zur Neuzeit). Düsseldorf, 1991.

Pelenski J. Russia and Kazan... — *Pelenski J.* Russia and Kazan: Conquest and Imperial Ideology (1438—1560s). The Hague; Paris, 1974.

Pelenski J. The Contest... — *Pelenski J.* The Contest for the Legacy of Kievan Rus'. N.Y., 1998.

RH — Russian history.

RM — Russia Mediaevalis.

RR — Russian Review.

Ševčenko I. A Neglected Byzantine Source... — *Ševčenko I.* A Neglected Byzantine Source of Muscovite Political Ideology // *Ševčenko I.* Byzantium and the Slavs in Letters and Culture. Cambridge; Mass., 1991. P. 49—87.

Soldat C. Die Erz hlungen... — *Soldat C.* Die Erz hlungen ber Empf ngnis und Geburt russischer Herrscher in der *Stepennaja kniga carskogo rodoslovia* und ihr Zusammenhang mit alten slavischen Fruchtbarkeitsriten // Wiener slavistisches Jahrbuch. Wien, 2004. Bd. 50. S. 139—152.

Teiro E. La chaire m tropolitaine en pays russe... — *Teiro E.* La chaire m tropolitaine en pays russe (XIVe—XVIe siècles): version revue et augmentée: Diss. Université Paris-Sorbonne, 2002.

Thyrêt I. «Blessed Is the Tsaritsa's Womb»... — *Thyrêt I.* «Blessed Is the Tsaritsa's Womb»: The Myth of Miraculous Birth and Royal Motherhood Womanhood in Muscovite Russia // RR. 1994. Vol. 53. N. 4. P. 479—496.

Thyrêt I. Between God and Tsar... — *Thyrêt I.* Between God and Tsar: Religious Symbolism and the Royal Women of Muscovite Russia. DeKalb, 2001.

Winter E. Ein Bericht von Werner Paus... — *Winter E.* Ein Bericht von Werner Paus aus dem Jahre 1732 ber seine T tigkeit auf dem Gebiete der russischen Sprache, der Literatur und der Geschichte Ru lands // Zeitschrift f r slawistik. 1958. Bd. III, H. 5. S. 744—770.

СПИСОК АЛЬБОМОВ ФИЛИГРАНЕЙ

Гераклитов А. А. Филиграни XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.

Кичина О. Н. Филигранологическое исследование безвыходных московских изданий // Федоровские чтения. 1983. М., 1987. С. 115—160.

Крушельницкая Е. В. Филиграни на бумаге документов и рукописных книг, созданных в Соловецком монастыре в XVI в. // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С. 3—153.

Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1—3.

Мацюк О. Я. Бумага изданий Ивана Федорова // Федоровские чтения. 1978. М., 1981. С. 21—34.

Тромонин К. Я. Изъяснения знаков, видимых на писчей бумаге, посредством которых можно узнать, когда написаны или напечатаны какие-либо книги, грамоты, рисунки, картинки и другие старинные и нестаринные дела, на которых не означено годов. М., 1844.

Briquet Ch. Les filigranes dictionnaire historique de marques du papier. V. 1—4. Geneve, 1907.

Laucevičius Є. Popiєrius Liєtuvojє XV—XVIII a. T. 1—2. Vilnius, 1967.

Mareş Al. Filigranele hîrtei întrebuintate on tările române în secolul al XVI — lea. Bucureşti, 1987.

Piccard G. Die Wasserzeichenkarten im Hauptstaatsarchiv. V. 1—17. Stuttgard, 1961—1997.

УКАЗАТЕЛИ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Абеленцева О. А. 8, 206
Абрамович Г. В. 320
Абрамович Д. И. 51, 240—241, 456, 697
Август, имп. римский 64—65, 69, 108, 525—526, 540, 631
Августин Блаженный, св. 500
Авраам, библ. 515—516, 519, 522—523, 558, 627, 674
Авраамиев С., москвич 122
Авраамий Палицын, келарь ТСЛ 487—488, 510
Автократов Л. П. 32
Агапит, виз. писатель 81, 94, 112, 191, 589, 609—610, 614, 652—653, 686, 692, 695, 698, 709
Адам, библ. 479
Адашев А. Ф., окольничий 49, 197, 250, 253—258, 304, 554, 604, 661, 670, 682
Адриан, мон. 70
Адриан Ангелов, келарь ТСЛ 143, 366
Адриан, патр. московский и всея Руси 11
Адрианова-Перетц В. П. 71, 697
Азбелев С. Н. 279, 350, 697
Аксенова Г. В. 134
Александр Македонский 278
Александр Попович, воев. киевский 394—396, 601—602, 617
Александр Ярославич, вел. кн. владимирский 19, 28, 30—32, 35, 38, 50, 65, 68, 81, 86, 106, 111—114, 167, 172—173, 176—177, 233, 236, 244, 248, 260—261, 324, 341, 358, 363, 369, 376—377, 384—387, 390—392, 409, 413, 428, 445, 448, 450, 455, 459—460, 463, 484, 516, 541, 602, 624, 630, 635, 646, 655, 669, 674, 697, 706, 716—717
Александр, имп. виз. 518, 656
Александра, кнг., ж. вел. кн. московского Ивана II Ивановича Красного 365
Алексеев А. А. 90
Алексеев Ю. Г. 115, 140, 352, 716
Алексей I Комнин, имп. виз. 472, 514
Алексей Михайлович, русский ц. 469

---

* Принятые сокращения: ап. — апостол, архиеп. — архиепископ, архим. — архимандрит, библ. — библейский персонаж, бояр. — боярин, вел. — великий, виз. — византийский, воев. — воевода, д. — дочь, дин. — династия, еп. — епископ, ж. — жена, иг. — игумен, иером. — иеромонах, имп. — император, кн. — князь, кнг. — княгиня, кор. — король, легенд. — легендарный, лит. — литовский, митр. — митрополит, мон. — монах, м-рь — монастырь, патр. — патриарх, с. — сын, св. — святой, свящ. — священник, ТСЛ — Троице-Сергиева лавра, х. — хан, ц. — царь, ц-ца — царица, ц-ч — царевич.

Алексей Петрович, ц-ч, с. имп. всероссийского Петра I 11, 13
Алексей, протопоп Благовещенского собора, духовник вел. кн. московского Василия III Ивановича 332—333, 463
Алексий, митр. киевский и всея Руси, св. 17, 23, 27—28, 35—36, 39, 84, 93, 100, 102, 110, 169, 174—175, 186, 203—205, 222, 227, 234, 247, 358, 366, 369, 404, 417, 419, 423, 425—426, 453, 549, 577—579, 590—592, 596, 667, 689, 703, 710
Алехина Л. И. 133, 135, 149, 323
Алпатов М. А. 64—65, 485—486, 513—514, 520, 525, 562, 594, 697
Альшиц Д. Н. 71—72, 256, 490, 675, 683, 697
Амосов А. А. 152—153, 177—178, 237, 336, 484, 697
Амфилохий, архим. 32, 38, 40, 130, 317, 322, 697
Анастасия Романовна, ц-ца, первая ж. ц. Ивана IV 37, 167, 172, 174—175, 184, 323
Андреев А. Ю. 11
Андреев Н. Е. 594
Андрей Александрович, вел. кн. владимирский 416
Андрей Дмитриевич, кн. можайский 117, 346
Андрей Иванович, кн. старицкий 591, 608, 611
Андрей Константинович, кн. нижегородский 173, 409, 413, 622
Андрей Рублев, иконописец 222
Андрей Смоленский, св. 49
Андрей Юрьевич, вел. кн. владимирский 74, 76, 103, 122, 176, 219, 264, 306—315, 416, 538, 542, 551, 607, 622—623
Андрей Ярославич, вел. кн. владимирский 50, 112, 122, 340—342, 355, 608, 657, 663, 665, 679
Андрей, ап. 27, 31, 46, 78, 102, 106, 230, 339—340, 378, 391, 521, 526—527, 538, 548, 558, 594, 618
Андрей Стратилат, св. 299
Андрей, еп. тверской 406, 409, 414
Андрих Добрянков, богатырь кн. киевского Владимира I Святославича 394—396, 601—602
Андроник, с. имп. виз. Мануила II 281, 401
Андрюшайтите Ю. В. 129
Анисимова Т. В. 8, 149
Анна Комнин, д. имп. виз. Алексея I Комнина 472
Анна, д. вел. кн. московского Василия I Дмитриевича 281—282, 400—401, 405, 414, 425—426, 432
Анна Ивановна, д. вел. кн. московского Ивана II Ивановича Красного, ж. кн. Д. М. Боброка-Волынского 625
Анна, кнг., ж. кн. киевского Владимира I Святославича 566
Анна (Янка), кнг., д. кн. киевского Всеволода Ярославича 404
Анна, царевна, д. ц. Ивана IV 37, 172, 366
Анна, мать кнг. Василисы-Феодоры 409
Анохина Т. В. 230
Антия, легенд. д. ц-цы Олимпиады 278
Антоний Печерский, св. 382, 622
Антонов А. В. 323
Антонова Л. И. 237, 679—680
Анхимюк Ю. В. 7, 134—135, 327—328, 335
Архипова Е. А. 322
Аскольд, легенд. кн. киевский 532
Афанасий (в миру Андрей), митр. московский 10, 18—23, 26, 38, 43—44, 48—49, 57, 86—94, 96—97, 104, 112, 124, 127, 167, 169, 173—175, 177—179, 190, 192, 197, 221, 248, 258, 332—333, 338, 362, 366—367, 370, 372—373, 432, 439, 445, 452, 459—461, 464—465, 470, 566, 612, 633, 667, 676, 681—682, 694, 706—707, 709, 712
Афанасий (в миру кн. Палецкий), архиеп. полоцкий 476
Афанасий, диакон, писец 163

Афанасий Федоров сын Кусаков, послух 145
Афет, библ. 285
Ахмат, х. Большой Орды 73, 703
Ахполова Т. Н. 8

Базилевич К. В. 352
Байдина М. В. 149
Барг М. А. 500, 512
Баранов К. В. 335
Барсов Е. В. 29, 129—130, 138, 144, 237, 344, 356, 699
Барсуков Н. П. 331
Барышева Е. В. 7
Баталов А. Л. 327
Батый, х. Золотой Орды 113, 220, 231—232, 404, 471, 641, 655, 663—664, 679
Башкин М., еретик 65
Баязет I, турецкий султан 280
Бегунов Ю. К. 75, 137—138, 241, 286, 383—384, 697—698
Безнин М. А., воев., писатель 336
Белова О. В. 605
Белозерцев Г. И. 321
Белокуров С. А. 11, 26, 38, 96, 698
Бельский С. И., кн. 611
Бельчиков Н. Ф. 137—138, 698
Белюстин И. С. 150
Беляев И. Д. 130, 139
Беляев Л. А. 323
Беляков А. В. 8, 490
Белякова Е. В. 8, 205—207, 698
Бенешевич В. Н. 289
Бенкендорф А. Х. 560
Бердибек, х. Золотой Орды 205
Берман Б. И. 321
Бертран де Борн, французский трубадур 341
Бестужев-Рюмин К. Н. 22, 41, 468
Бибиков М. В. 7, 652
Бигич, ордынский посол 122, 273—275, 347, 441
Блуд, воев. киевский 351, 606, 616
Блудментрост Л. 12
Бобринский Н. Н. 78
Бобров А. Г. 237, 266, 311, 356, 698
Боброк-Волынский Д. М., кн., воев. 625
Богданов А. П. 129
Богданов П. Д. 137
Богуславский С. А. 55
Бокарева О. Б. 8
Большаков Т. Ф. 130, 356
Борис Александрович, кн. тверской 223, 539
Борис Владимирович, кн. ростовский, св. 35, 51, 102, 114, 172, 200, 232, 241, 283—284, 358, 407, 422, 433, 435, 438, 478—479, 505, 602, 621—622, 689, 697
Бородихин А. Ю. 8
Бородкин Л. И. 89
Боссюэ Ж. 15
Бравлин, кн. 531
Брагина Л. М. 90
Брокгауз Ф. А. 33
Брячислав Изяславич, кн. полоцкий 408
Буганов В. И. 327
Будовниц И. У. 69—70, 563, 588, 594, 603, 679, 698
Буланин Д. М. 47, 73, 223, 239, 296—297, 372, 458, 548, 561, 567, 609, 670, 698
Бурцева В. И. 8
Буслаев Ф. И. 134—135
Бушуев С. В. 7

Вадим, новгородец 59
Ваза, дин. шведских королей 414
Вайнштейн О. Л. 499—501, 570, 593, 698
Вальденберг В. Е. 53, 73, 563, 588, 594, 604, 609—610, 652—653, 660, 665, 698
Варлаам Хутынский, св. 265—267, 398, 404, 578, 596
Варяг, св. 403
Васенко П. Г. 10, 15, 17, 20—21, 36—42, 44, 46—48, 50, 54, 84, 86, 88, 93, 95—98, 105, 112—113, 117, 120—121, 125—126, 167—172, 175—179, 183, 194, 235, 252, 293—294, 362, 374, 415, 425, 429, 452—453, 457, 459—460, 464, 468, 477—478, 488, 494—495, 536, 565, 573, 596, 624, 698, 708, 712, 716
Василий, юродивый, св. 420, 423

Василий (в иночестве Варлаам), псковский свящ., агиограф 23, 35, 50, 52, 88—92, 170, 208, 234, 238, 242, 362, 370, 385, 408, 430, 435, 445, 447—451, 463, 539, 551, 689, 706

Василий I Македонянин, имп. виз. 300, 518, 594, 656

Василий I Дмитриевич, вел. кн. московский 46—47, 122, 280—282, 302, 310—311, 344—345, 360, 371, 391—393, 400—401, 403, 405, 414, 425—426, 432, 484, 508, 528, 582, 586, 592, 641—642, 644, 655

Василий II Васильевич, вел. кн. московский 76, 122, 206, 211, 213, 262, 273—275, 300, 303, 318—319, 332, 345—347, 391—393, 396, 410, 417—418, 422, 462, 516, 520—521, 549, 584, 587—588, 590, 624, 629, 642

Василий III Иванович, вел. кн. московский 31, 53, 57, 71, 73, 89, 104, 122—123, 126, 168—169, 186, 188, 196, 222—223, 228, 249—251, 303—304, 318—319, 324, 326, 328, 332—333, 344—345, 348—350, 354—355, 359—360, 372, 377, 389—390, 392, 399, 402, 405, 412, 419, 445, 449—451, 463, 471—472, 477, 505, 516, 536, 591, 599, 608, 610, 627, 629—631, 642, 645, 648, 657, 673, 682, 711

Василий Иванович, ц-ч, с. ц. Ивана IV 37, 167, 171, 183—184, 191, 337

Василий Великий, св. 216, 713

Василий Всеволодович, кн. ярославский 408, 410—411

Василиса (Феодора), кнг., ж. кн. нижегородского Андрея Константиновича 173, 409, 413, 424, 622

Васильевский В. Г. 33, 239, 698

Василько Константинович, кн. ростовский 383, 412—413, 622

Василько Ростиславич, кн. теребовльский 407, 624

Вассиан Бесный, мон. 304

Вассиан Рыло, архиеп. ростовский 32, 73, 673

Вассиан Санин, архиеп. ростовский 203, 247, 701—702

Вассиан Топорков, еп. коломенский 304, 609, 615

Вассиан, иг. владимирского Георгиевского м-ря 144

Ведюшкина И. В. 8

Веселовский С. Б. 670

Веспасиан, имп. римский 516

Вестберг Ф. Ф. 239

Викторов А. Е. 32, 40, 133

Виноградов А. Ю. 8, 230, 340

Висковатый И. М., дьяк, печатник 255—256, 373, 554, 683, 699

Витень, кн. лит. 409

Витовт, вел. кн. лит. 168

Владимир I Святославич, кн. киевский, св. 6, 10, 16—18, 21—22, 25, 43, 45—47, 51, 53, 59—60, 70, 84, 91, 94—97, 101, 103—104, 106, 110—111, 119, 122, 172—173, 176, 185, 192—194, 200, 223, 232, 238, 248, 285, 288—292, 297—303, 310, 351, 357, 363, 370—371, 375—385, 390—392, 394—397, 399—401, 406—410, 412—416, 423, 426—429, 435, 446, 448, 451—455, 461, 470—473, 477—481, 484, 494, 496, 498, 504, 509, 513, 515—516, 519—523, 527—528, 531—534, 538—539, 541, 543, 546, 548—549, 551, 553, 556—558, 561, 566—570, 577—581, 583—587, 589—590, 592, 595—602, 606—608, 610, 616—619, 621—630, 632—634, 641—643, 651, 653—655, 662—663, 665, 667—670, 673—679, 685—686, 691—692, 698, 709, 712, 715, 717

Владимир II Всеволодович Мономах, кн. киевский 24—25, 55, 106, 114, 118, 122, 174, 233, 271—272, 275, 286, 298, 302, 310—313, 344, 376, 391—393, 398, 404, 409, 427, 504, 506, 508, 536, 540—541, 543, 581,

605, 641, 643, 646, 662—663, 673—674, 710
Владимир Андреевич, кн. старицкий 591, 616, 675
Владимир Ярославич, кн. новгородский 407
Власий, св. 49
Власов И. В. 132
Вовина-Лебедева В. Г. 484
Водолазкин Е. Г. 227, 473, 501, 699, 709
Войшелк (Вошлег), кн. лит. 92, 260, 409, 413, 622
Волков А. А. 16, 97
Волков В. А. 251
Волкова Т. Ф. 647
Володарь, «половчин» 395, 610
Володихин Д. М. 336, 338
Волчий Хвост, воев. кн. киевского Владимира I Святославича 546, 600
Волынская Аграфена 628
Воронова Е. М. 117
Воротынский М. И., кн., воев. 96
Всеволод (Гавриил) Мстиславич, кн. новгородский, псковский, св. 23, 28, 52, 91—92, 170, 201, 208, 234, 242, 247, 260, 324, 358, 363, 370, 407—408, 428, 433—435, 438, 445, 447, 450—451, 453, 463, 484, 539, 551, 669, 689, 708
Всеволод Константинович, кн. ярославский 410
Всеволод Святославич, кн. черниговский 408
Всеволод Юрьевич, вел. кн. владимирский 40, 71, 76, 173, 220, 232, 286, 306—307, 309, 311—313, 315, 319, 322, 376, 391—393, 398, 404, 408—409, 411—412, 416, 477, 515, 541, 552, 586, 608, 635, 643
Всеволод Ярославич, кн. киевский 40, 106, 114, 174, 376—377, 391—393, 408, 427, 496, 504, 518, 541, 586, 620, 635, 643, 657
Всеслав Брячиславич, кн. полоцкий 59, 408
Вуз, ц. 278
Вячеслав Прокошинич (Варлаам), новгородец 266—267
Вячеслав Ярославич, кн. смоленский 397

Габсбурги, дин. имп. Священной Римской империи 414
Гавриил, митр. киевский (?) 572, 574
Гавриил, патр. сербский 469
Галактион Белозерский, св. 228—229, 333, 360, 377, 419, 619, 629
Галактион, иг. волоцкий 141
Гардзанити М. 308, 538
Гедимин, вел. кн. лит. 409
Гедиминовичи, дин. лит. князей 515
Геннадий, архиеп. новгородский 581—582, 592
Геннадий, мон. 366
Генрих IV, имп. германский 593
Георгий, митр. киевский 571—572
Георгий, св. 505
Георгий Амартол (Георгий инок), виз. хронист 503
Гераклитов А. А. 128—129, 207, 720
Герд А. С. 225, 700
Гердень, кн. лит. 409
Геронтий, митр. московский и всея Руси 581—582
Герцен А. И. 263, 349, 714
Гимон Т. В. 8
Гиреи, дин. крымских х. 414
Гладкова О. В. 662
Глазков М. Ю. 8
Глеб Владимирович, кн. муромский, св. 36, 51, 102, 114, 172, 200, 232, 241, 283—284, 358, 407, 423, 433, 435, 438, 478—479, 505, 621—622, 689, 697
Глеб Ростиславич, кн. рязанский 408
Глинская Елена, ц-ца, ж. вел. кн. московского Василия III 173, 250, 611
Глинский М. В., кн., бояр., воев. 615
Головань Н. А. 240
Голохвастов Д. П. 451, 458, 582, 585, 603, 609, 651, 672, 678, 699
Голубев И. В. 29—30, 496
Голубинский Е. Е. 23, 26—28, 187, 199, 291, 321, 323, 463, 489, 577, 699

Голубовский П. В. 283
Гольдберг А. Л. 524—525, 535, 564
Горбатый А. Б., кн., бояр., воев. 458, 582, 603, 678
Горлицкий И. 12—13
Горсей Дж., английский купец 670
Горский А. А. 2, 9, 90, 283, 343, 486, 536, 540, 699
Горский А. В. 20, 130, 135, 237, 240—243, 247, 699
Горский А. Д. 12
Горшкова В. В. 48, 577, 699
Горький А. М. 60, 704
Горячев А. Я. 135
Горячев В. А. 135
Гостомысл, легенд. новгородский старейшина 531
Готфрид Витербский, немецкий хронист 593
Грабар А. 626
Граля И. 255—256, 373, 683, 699
Гранков А. П. 129, 135
Гребенюк В. П. 537
Грибов Ю. А. 8
Грибоедов Ф. А. 319
Григорий VII, папа римский 593
Григорий Пельшемский, св. 225, 497, 700
Григорий, патр. константинопольский 211
Григорий, мон., псковский агиограф 170
Григорий, мон., суздальский агиограф 458
Григорович В. И. 130
Гриценко З. А. 199, 238, 699
Гробовский А. Н. 458
Губерт, св. 663
Гудзий Н. К. 75, 699
Гуревич А. Я. 501
Гурий, архиеп. казанский 22
Гусева А. А. 8, 147, 155, 162—163, 699

Давид Ростиславич, кн. смоленский 409
Давид Святославич, кн. черниговский 117, 283—284, 407, 433, 622, 642
Давид, ц. иудейский 395—396, 516, 602, 648, 673
Давиденко Д. Г. 8, 227
Давил, кн. лит. 409
Далила, библ. 517
Даниил Александрович, кн. московский 32, 48, 102, 122, 316—326, 331—332, 364, 386—387, 390—392, 433, 448, 462—463, 495, 516, 540, 542—543, 599, 620, 624, 642, 644, 658, 697, 704, 716
Даниил Переяславский, св. 7, 19, 38, 43, 48—49, 52, 87, 89, 93, 167, 177—178, 186, 190, 196, 201, 359, 363, 402, 405, 421, 423—424, 433, 443, 445, 449—451, 459—460, 484, 577, 596, 667, 696, 699—700, 711, 715
Даниил Столпник, св. 317
Даниил, архиеп. сербский 22, 469, 471
Даниил Заточник, автор «Моления» 615
Даниил, иг., автор «Хождения» 162
Даниил, еп. юрьевский 298
Даниил, митр. московский и всея Руси 288, 373, 611—612, 633, 660
Даниил Холмский, воев. 602
Данилевский И. Н. 485
Даничич Ч. 469
Дашкевич Я. Р. 128
Демин А. С. 8, 109, 511, 666, 699
Державин Н. С. 35—36, 47, 52, 82, 88, 91, 198, 218, 230, 242, 269, 292, 361—362, 394, 445, 477, 567—568, 699
Державина О. А. 488, 510
Джанибек, х. Золотой Орды 205
Джурова А. 356
Дианова Т. В. 129, 147, 157—158, 237, 367—368, 699
Диатроптов П. Д. 217, 241, 699
Диев М. Я. 7, 18—21, 24, 26, 35, 37—38, 46, 48, 52, 88, 101, 189, 362, 459—460, 708, 715
Димитрий Солунский, св. 108, 238—239, 357, 401, 403, 436, 505, 528—529

Димитрий Прилуцкий, св. 83, 204, 222, 225—227, 247, 358, 388, 497, 591, 700
Дионисий Ареопагит, св. 476
Дионисий Глушицкий, св. 225, 497, 700
Дионисий, митр. киевский 572, 574
Дионисий, патр. константинопольский 187, 517
Дир, легенд. кн. киевский 532
Дмитриев Л. А. 74—75, 225, 231, 264—265, 267, 551, 597, 700, 708
Дмитриева Р. П. 170, 223, 231, 244, 288, 321, 344, 372, 450, 536, 540, 679, 683, 700
Дмитрий, с. виз. имп. Мануила II 281, 401, 410—411, 414
Дмитрий Иванович, вел. кн. московский 36, 48, 59, 71, 73—74, 83, 102, 114, 122, 171, 173, 194, 204—205, 221—222, 225—227, 248, 263, 280, 287, 326—328, 330—331, 344, 347, 360, 364—365, 377, 388—392, 402, 405, 410, 413, 448, 455, 462—463, 470, 477, 505, 516, 538, 547, 575, 586—587, 590—592, 600—601, 624—625, 641, 644, 646, 662, 673, 689, 713
Дмитрий Иванович, с. кн. Ивана Ивановича Молодого, внук вел. кн. Ивана III 31, 348—349, 355, 536
Дмитрий Иванович, ц-ч, с. ц. Ивана IV 37, 167, 171—172, 366
Дмитрий Константинович, кн. суздальский 263, 413
Дмитрий Юрьевич Красный, кн. бежецкий 410
Дмитрий Юрьевич Шемяка, кн. галицкий 211, 262, 274, 396, 405, 410, 516
Добровольский Д. А. 8
Добродомов И. Г. 7, 487, 647, 700
Добролюбов Н. А. 134
Доброхотов П. Н. 308
Довгалло Г. И. 133
Довмонт, кн. псковский, св. 92, 260, 263, 386, 398, 404, 409, 413, 430, 622, 626, 708
Долгов С. О. 130
Долгова Е. А. 8
Доментий, юродивый 619
Дробленкова Н. Ф. 236—237
Дубровина Л. А. 647
Дубровский П. П. 262
Дуйчев И. 515
Дуров Н. П. 130
Дыбо В. А. 143
Дьяконов М. А. 31, 53, 71, 73, 118, 371—372, 389, 520, 563, 576, 594, 610, 630, 651, 700

Евгений (Болховитинов) 18—19
Евдокия (Лопухина), ц-ца, перв. ж. имп. всероссийского Петра I 11
Евдокия (в иночестве Евфросиния) Дмитриевна, кнг., ж. вел. кн. московского Дмитрия Ивановича 102, 122, 171, 173, 263, 328—331, 360, 364, 405, 413, 417, 462—463
Евдокия, царевна, д. ц. Ивана IV 37, 172, 366
Евдокия (Евдоксия), ж. имп. виз. Аркадия 517
Евсеева Л. М. 640
Евстафий Плакида, св. 662—663
Евфимий Суздальский, св. 458
Евфимий Чудовский, мон., переводчик 241
Евфимий, патр. тырновский 446
Евфросин повар, св. 49
Евфросин Псковский, св. 49, 370, 450
Евфросиния Полоцкая, св. 27, 117, 150, 200, 209, 236, 242, 248, 358, 363, 408, 411—412, 422, 428, 431—432, 435, 438, 444, 484, 490, 706
Евфросиния, кнг., ж. кн. старицкого Андрея Ивановича 578
Егеров Е. Е. 134
Егоров Е. Е. 129, 131, 136, 143, 149, 324, 356, 680
Едигей, правитель Золотой Орды 417, 423
Едигер-Магмет, х. казанский 333, 603
Елена Стефановна (Волошанка), кнг., ж. кн. Ивана Ивановича Молодого 349, 355, 536

Елена, мать имп. виз. Константина I Великого, св. 46, 357, 378, 403, 446
Елена, ж. вел. кн. московского Ивана Калиты 392
Емченко Е. Б. 227, 578, 585, 659, 700
Епифаний Премудрый, мон., агиограф 59, 221, 224, 539
Еремин И. П. 501, 507, 643, 700
Ердень см.: Гердень
Ермолай (в иночестве Еразм), писатель 604, 631, 633, 673, 679, 693
Ерусалимский К. Ю. 8, 190, 304, 487, 490, 562, 700
Ефрем Сирин, св. 163
Ефрем Переяславский, митр. 572, 579, 587, 668
Ефрон И. А. 33
Ефросин повар, св. 49
Ефросин Псковский, св. 49

Жданов И. Н. 23—25, 35, 38, 43, 62, 75, 237, 286, 445, 451, 468, 487, 536, 700
Живов В. М. 428
Жмакин В. И. 660
Журавель О. Д. 8, 99, 180, 191—192, 195, 434—435, 441, 709
Журова Л. И. 117—118
Жучкова И. Л. 8, 148

Забелин И. Е. 666
Зайцев Д. В. 663
Залкинд Г. М. 134
Зарубин Н. Н. 237
Зацепина Е. В. 367—368, 701
Зверинский В. В. 328
Зернова А. С. 147, 367
Зерцалов А. Н. 11
Зиборов В. К. 98, 701
Зимин А. А. 72—73, 82, 144—145, 250, 254—258, 273, 320, 345—346, 349, 352, 369, 487, 522, 536, 563, 578, 612, 615, 636, 646, 661, 670, 672, 679, 701, 709
Зимина В. Г. 142
Золотухина Н. М. 564, 647, 701
Зонтиков Н. А. 18
Зосима Соловецкий, св. 59, 229—230, 247, 358, 371, 402, 405, 506
Зосима, иг. Спасо-Прилуцкого м-ря 11

Иаков Мних, писатель 24, 35, 46, 200, 238, 357, 363, 377, 380, 401, 452, 484, 548—549, 689
Иван I Данилович Калита, вел. кн. московский 102, 118, 122, 202—203, 303, 325—326, 331, 342—343, 360, 364, 387—388, 392, 495—497, 539—540, 547, 587, 590, 644
Иван II Иванович Красный, вел. кн. московский 303, 391—393, 404, 477, 644
Иван III Васильевич, вел. кн. московский 31, 55, 79, 103—104, 176, 223, 230, 303, 318—319, 332, 342—343, 348—350, 352, 354, 377, 391—393, 402, 414, 418, 422, 462, 477, 506, 516, 536, 551, 554, 559, 582, 588, 602, 608, 625, 628—629, 636, 641—642, 645, 673
Иван IV Васильевич, вел. кн. московский, ц. 2, 4—5, 15, 31, 33, 37—38, 43, 45, 48—49, 57, 60, 70—72, 77—78, 80—82, 84—85, 89, 94—95, 100, 104—106, 116, 122, 126, 128, 143—145, 163, 167, 169—178, 181—184, 187—191, 197, 206, 214, 227, 237, 250—251, 254—256, 258—259, 286, 296, 298—299, 303—304, 307, 315—318, 320, 322—323, 332—338, 344—345, 375—377, 383, 389—394, 399, 406, 412—413, 419, 422, 425—427, 434, 442, 446, 448, 453—454, 458, 464, 466—467, 472—473, 475, 477, 479, 482—483, 493—494, 498—499, 505, 507, 510, 512, 515—517, 520, 523—524, 527—528, 533, 550, 552—553, 555, 559—560, 562—564, 566, 568, 578, 582, 585, 590—595, 597—599, 602—604, 607—609, 612—613, 615—619, 626, 628—631, 635—636, 638—640, 646—648, 650—651, 655, 658, 661—662, 666, 669, 671—679, 681—684, 686—687, 690,

693—695, 697, 701—703, 705, 708—709, 711, 715—718
Иван Васильевич, кн., с. вел. кн. московского Василия I 310
Иван Иванович, ц-ч, с. ц. Ивана IV 37, 85, 143, 167, 169, 171—172, 174—175, 182, 303, 366, 425, 629
Иван Иванович Темка Ростовский, воев. 351—353
Иван Киасовский, отец кнг. Василисы-Феодоры 409
Иван Федоров, русский первопечатник 147, 154, 366, 707, 720
Иван Черный, писец 441
Иванов А. И. 239, 561, 593, 701
Иванов С. А. 8, 624—625, 661, 701
Иванова И. А. 288
Иванова К. 151
Игорь Глебович, кн. рязанский 408
Игорь Ольгович, кн. киевский 59, 108, 398, 404, 408, 416, 576, 621—623
Игорь Рюрикович, кн. киевский 51, 67, 101, 105, 107, 123, 403, 432, 437, 452—453, 532, 546, 640
Игорь Святославич, кн. новгород-северский 72, 170
Игорь Ярославич, кн. смоленский 397
Иезавель, библ. 517
Изяслав Владимирович, кн. полоцкий 408
Изяслав Ярославич, кн. киевский 106, 397, 407, 504, 621
Изяслав Давидович, кн. черниговский 398—399, 416
Изяслав Мстиславич, кн. киевский 40, 576
Иисус Навин, библ. 506, 515, 674
Иисус Христос, библ. 106, 108, 299, 387, 520—521, 523, 524—527, 576, 588, 593, 619, 627, 631, 718
Иконников В. С. 10, 21, 54—55, 235, 701
Иларион, митр. киевский 24, 79, 194, 238, 359, 380, 382—383, 454—455, 473, 481—482, 484, 539, 549—550, 572—573, 689, 706
Иллерицкая Н. В. 7
Ингварь Игоревич, кн. рязанский 408
Иннокентий, мон., писатель 247
Иннокентий Гизель, архим. Киево-Печерской лавры, писатель 485
Иоаким, патр. александрийский 181—182, 517, 595
Иоанн (Иван) Цимисхий, имп. виз. 101
Иоанн I, митр. киевский 40, 122, 292, 570, 572, 575
Иоанн II, митр. киевский 269—270, 275—276, 398—399, 571—572
Иоанн VIII Палеолог, имп. виз. 212, 280—282, 400—401, 410—411, 414, 425, 432
Иоанн Безземельный, кор. английский 341
Иоанн Златоуст, св. 458, 517
Иоанн Лествичник, св. 118
Иоанн Креститель (Предтеча), св. 517
Иоанн, еп. суздальский, св. 458, 502, 715
Иоасаф, иг. ТСЛ 143
Иоасаф, патр. константинопольский 182
Иоасаф, митр. евгрипский 187
Иоасаф (Скрипицын), митр. московский и всея Руси 27, 222—223, 365, 591, 611—612
Иоасаф, мон., писец 143
Иов, митр. новгородский 11
Иов, патр. московский 323, 343
Иона, архиеп. новгородский, св. 213
Иона, митр. киевский и всея Руси, св. 7, 21, 28, 35, 69, 75—76, 81, 85, 102, 122, 170, 186, 205—216, 227, 247—248, 300, 324, 330, 358, 363, 386, 402, 405—406, 418—419, 423—426, 428, 432—434, 484, 490, 502, 514, 549—550, 558, 577—579, 587, 590, 596, 698, 715, 718
Иона Думин, архиеп. вологодский и великопермский 96
Ионов И. Н. 8
Иосиф (Бажанов) 32—33

Иосиф, библ. 568
Иосиф Прекрасный, библ. 673
Иосиф, митр. рязанский и муромский 11
Иосиф (в миру Иван Санин), иг. волоцкий, св. 49, 69, 75, 112, 141, 200, 359, 564, 588, 594, 617, 650—651, 665, 668, 673, 684—685, 693, 695, 709
Иосиф, иером. 86, 237—238, 240—241, 243, 701
Ираклий, имп. виз. 122, 232—233, 285
Иродиада, библ. 517
Исаченко Т. А. 7
Исидор, митр. киевский и всея Руси 69, 211, 514, 588
Исидор Юрьевский, св. 450
Истрин В. М. 473
Иуда Иванов сын (Юшко Сасинов Торопченинов), писец 142

Каган (Каган-Тарковская) М. Д. 72, 299, 485
Кадлубовский А. П. 52—53, 203, 247, 325, 471, 671—672, 701—702
Казакова Н. А. 76, 205—206, 349, 352, 514, 520, 523, 702
Казимир IV, кор. польский и вел. кн. лит. 409
Калайдович К. Ф. 16, 18, 97, 126, 186
Калиганов В. И. 90
Калугин В. В. 296, 561, 702
Каптерев Н. Ф. 29, 521, 525, 550, 702
Каравашкин А. В. 8, 559—562, 636, 653, 665, 676, 680—681, 683, 702
Карамзин Н. М. 16—18, 21, 55, 666, 695
Карбасова Т. Б. 8
Каргер М. К. 640
Карпов А. Ю. 119—120, 218—219, 702
Карпов Ф. И., русский дипломат, писатель 73, 223, 372, 564, 636
Кац В. Ю. 8
Каштанов С. М. 2, 8—9, 128, 187, 277, 326, 349, 550, 589—590, 608, 702, 704

Квашнины, боярский род 670
Квливидзе Н. В. 8, 640
Кизеветтер А. А. 53—54, 702
Кий, легенд. основатель Киева 531
Киприан, митр. киевский и всея Руси 13—18, 20—24, 26—27, 122, 194, 202, 211, 213—214, 234, 245, 317, 330, 358, 402, 405, 417, 423, 445, 539, 592, 703
Кирик Новгородец 170
Кирилл (в миру Константин) Философ, св. 40
Кирилл Белозерский, св. 204, 222, 226—228, 247, 358, 484, 591, 595, 709
Кирилл, митр. киевский 293, 572—573
Кирилл, митр. московский и всея Руси 163
Кириллин В. М. 7, 131, 288, 386, 446, 702
Кистерев С. Н. 8, 206, 628
Кифа (Петр?), русский агиограф 118, 202—203, 325, 358, 387, 391—392
Кичина О. Н. 146—147, 152, 154—156, 162, 702, 720
Кленов, еретик 673
Клепиков С. А. 128, 143, 147—148, 158—160, 166, 702
Клибанов А. И. 636, 679
Климент Смолятич, митр. киевский 79, 549—550, 572, 576, 579
Климент, папа римский, св. 46, 108, 120, 216—218, 240—241, 357, 378, 401, 403, 484, 548, 568—569, 576—577, 699, 702, 713
Клосс Б. М. 8, 37, 47, 85—87, 103, 177—178, 203—204, 221—222, 243, 245, 249—254, 257, 259, 262—263, 294, 315, 336, 365, 370—373, 390, 441, 456, 483, 489, 491, 503, 510, 537—538, 553, 587, 589, 633, 639, 670, 702—703
Ключевский В. О. 17, 28—30, 169—170, 186, 203—204, 206—207, 209—210, 218, 247, 703
Кобленц И. Н. 15

Ковтун Л. С. 217, 294—296, 298, 300—301, 303, 305—306, 474—475, 542, 703
Козлов С. В. 479
Козьма Яхромский, св. 386, 458
Колесов В. В. 458, 698
Комиссаренко А. И. 562
Кондаков Н. П. 594
Конотоп А. Б. 104—105, 121
Константин, митр. киевский 40, 572, 576
Константин I Великий, имп. римский, св. 46, 278, 357, 378, 403, 446, 508, 515, 519, 538, 548, 558, 583, 648, 651, 673, 678
Константин XI Палеолог, имп. виз. 281, 401, 410—411, 414
Константин Всеволодович, кн. ростовский, владимирский 383, 408, 410—411, 622
Константин Дмитриевич, кн. углицкий 346
Константин Костенецкий, сербский писатель 469
Константин Манассия, виз. хронист 503
Констанций II, имп. римский 519
Конусова Е. Д. 356
Конявская Е. Л. 2, 7, 9, 308, 313, 356, 446, 457
Конявская С. В. 7
Копанев А. И. 14
Копосов Н. Е. 609
Корецкий В. И. 318—319, 325, 703
Корзинин А. Л. 320
Корнилий, архиеп. ростовский 163
Корогодина М. В. 8, 369
Королюк В. Д. 110
Корф И. А. 13
Костомаров Н. И. 17, 36
Костюхина Л. М. 127, 129, 144, 157, 162, 236, 369, 703
Кочетков И. А. 84, 640, 703
Кривошеев Ю. В. 313
Кривушин И. В. 588
Кривцов Д. Ю. 110, 169, 204—205, 247, 591, 703
Крижанич Ю., хорватский писатель 535
Криницына Е. С. 8
Крупская Н. К. 131
Крушельницкая Е. В. 163, 720
Ксения, ж. кн. ярославского Василия Всеволодовича 410
Куглюковская Л. И. 8
Кудайкул, ц. казанский 490
Кудрявцев И. М. 73, 495, 703
Кузнецов А. А. 311
Кузнецов Б. В. 114—115, 499, 502, 507—508, 510—511, 579, 703
Кузьмин А. В. 7, 625
Кузьмин А. Г. 273
Кукушкина М. В. 127, 524, 703
Кунцевич Г. З. 47, 50, 76, 221, 243, 333, 487, 490, 499, 507, 510, 541, 544, 553, 564, 579, 647, 703—704
Курбский А. М., кн., воев., писатель 31, 105—106, 190, 255—256, 296, 304, 446, 483, 487, 489—490, 499, 510, 560—562, 564, 604, 609, 613, 615, 661, 673—674, 679, 681—682, 687, 700—702, 705, 708, 711, 713, 717
Курукин И. В. 37, 75, 101, 162, 170, 201, 238, 254—255, 277—278, 320, 362, 421, 451, 456, 458—459, 516, 519, 656, 658, 660—661, 679, 704
Кусков В. В. 10, 47, 51, 57—60, 69, 74, 78, 82, 91, 114, 121, 123, 169, 198, 200, 204, 213—214, 216, 219, 222, 224—225, 229—232, 235, 240—241, 243, 247, 249, 260, 263—267, 269—271, 273, 278, 280, 283, 286, 288, 292, 294, 307, 314—317, 321, 328, 344, 346—347, 351—352, 361, 382, 388, 394, 396—397, 406, 477, 498, 507—508, 521, 524, 528, 544, 549, 553, 563, 565, 567—568, 575—576, 579—581, 584, 587—589, 597, 600, 606, 611, 634, 638—639, 666, 679, 704
Кучкин В. А. 7, 74, 121, 143, 204, 221, 227, 236, 243, 246—248, 261—264, 277, 310—311, 314, 316—317, 342, 485, 487, 489, 492, 647, 700, 704

Кучковичи, бояре 122, 307—314, 351, 607—608, 616

Лаврентий Болгарин, мон. 110
Лаврентьев А. В. 8, 334
Лавров Н. Ф. 250, 258, 670, 704
Лавров П. А. 216—217, 241, 704
Лада О. В. 8
Лаптев В. В. 263
Ларина Т. В. 8
Лауцявичюс Э. 139—140, 147—148, 150, 155, 720
Лаушкин А. В. 341, 501, 507—508, 511—512, 704
Лев VI Мудрый, имп. виз. 594
Лев Филолог, сербский агиограф 25, 31, 59, 118, 231—232, 236, 244, 344—345, 358, 391, 484, 528, 540—541, 546, 559, 641, 700, 708
Левина С. А. 148, 365, 704
Левочкин И. В. 135, 192, 327, 715
Левшина Ж. Л. 8
Ленин В. И. 510, 672
Леонид (Кавелин), архим. 142—143, 222, 278, 367, 451, 458, 582, 585, 603, 609, 651, 672, 678, 699, 705
Леонтий (Леонт), митр. киевский 40, 122, 292, 441, 568, 572, 580, 589—590, 600
Леонтий, еп. ростовский, св. 35, 46, 200, 218—219, 357, 378, 401, 403, 436, 569, 578
Линдеберг О. А. 116—117, 283—284, 705
Литвина А. Ф. 8, 302
Лихачев А. Т., окольничий 11
Лихачев Д. С. 65—67, 114, 121, 199, 258, 321, 394, 466, 477—478, 496, 498, 502—503, 520, 561—562, 625, 661, 681, 705
Лихачев Н. П. 98, 128—130, 132—133, 135—141, 144, 147, 150—151, 153—157, 161—163, 207—208, 268, 670, 705, 720
Лихачева О. П. 98, 326, 701
Лобакова И. А. 609, 614, 652, 705
Лобан Колычев И. А., воев. 352—352
Логунов А. П. 7
Ломизе Е. М. 206
Ломоносов М. В. 6, 11
Лопарев К. Х. 283, 386, 594
Лопухин П. А., бояр. 11
Лосева О. В. 230
Лука, ап. 117—118, 359
Лукашевич Н. А. 131
Лукин П. В. 7
Лурье Я. С. 65, 67—69, 76, 121, 178, 207, 247, 261—262, 274—276, 343, 346, 349—350, 466, 496, 498, 523, 532, 588, 636, 646, 672, 679, 684, 705
Лызлов А. И. 319, 485
Любарский Я. Н. 300, 472—473, 503, 705—706, 709
Лют, с. киевского воев. Свенельда 518
Лютер М. 80, 304
Лятский (Ляцкий) И. В., бояр. 611

Магмет-Амин (Махмет-Амин, Мухамед-Амин), х. казанский 419, 510
Магмет-Гирей, х. крымский 72, 85, 360, 433, 578
Магнус II Эриксон (Магнуш), кор. шведский 28, 118, 260
Мазурин Ф. Ф. 129, 137, 148
Майкова К. А. 130—131, 133
Макарий (Булгаков), митр. 23—24, 26, 46—47, 90, 96, 291, 578
Макарий (Веретенников), архим. 29, 45, 87, 90, 104, 450, 585, 589, 666, 706
Макарий, митр. московский и всея Руси 1—4, 6, 15—19, 21—23, 26, 28—30, 37—38, 43—44, 56, 65—66, 78, 80—81, 87, 94, 98, 101, 108—109, 124, 144—145, 158, 168, 172, 182—183, 191—193, 195, 206—207, 214—215, 227, 231, 235—237, 239, 241, 258, 267, 288, 291—292, 301, 305, 308, 321, 323, 326, 336—337, 351, 361, 366—367, 369, 372, 389, 432, 443, 449, 458—459, 464—465, 467, 473, 496, 517, 521, 527, 533, 562—563, 565—566, 575—578, 580, 585—587, 589, 594, 597, 603, 606, 611—612, 617, 628, 632—633, 635—636, 646, 649, 651, 655, 662, 666—668, 672, 674, 676, 683,

685—686, 688, 690, 692—695, 700—701, 703—704, 706, 708, 717—718
Максим, митр. киевский 539
Максим, с. диакона Федора 510
Максим Грек, мон., писатель 31, 47, 110, 200, 239, 298—301, 303, 306, 471, 493, 516, 561, 564, 593—594, 603—605, 614—615, 636—637, 647—648, 650—651, 660, 665, 672—674, 685, 692—693, 695, 698, 712—713
Малинин В. Н. 524, 631, 682, 706
Малвред, богатырь кн. киевского Владимира I Святославича 394—395, 601
Малышев В. И. 138
Мамай, правитель Золотой Орды 34, 48
Мансикка В. П. 47, 50, 58, 68, 92, 121, 244, 260, 340, 369, 384—385, 447—448, 636, 706
Мануил II Палеолог, имп. виз. 122, 280—282, 391, 400—401, 410—411, 425, 432
Марей А. В. 8
Мария, царевна, д. ц. Ивана IV 37, 172, 366
Мария Борисовна, кнг., первая ж. вел. кн. Ивана III 223
Мария Темрюковна, ц-ца, ж. ц. Ивана IV 172, 174—175, 177
Мария Шварновна (в иночестве Марфа), кнг., ж. кн. влад. Всеволода Юрьевича 40, 173, 515
Марк, митр. эфесский 211
Марк, мон., писец (?) 157
Маркевич Н. А. 131
Маркушевич А. И. 135
Мартиниан Белозерский, св. 227—229, 333, 359
Марфа Борецкая, ж. новгородского посадника Исака Борецкого 229—230, 260—261, 418, 517, 610
Матвей, еп. сарский и подонский 174
Матфей, митр. киевский 572, 574
Мацюк О. Я. 154—156, 720
Маштафаров А. В. 144, 327
Медведев И. П. 280
Мелентий, писец 326
Мельник А. Г. 8
Мельников А. А. 117, 242, 706
Мельников А. В. 8
Менгли-Гирей, х. крымский 643, 645
Мефодий, св. 40
Мещерский Н. А. 326
Микула, свящ. 314
Миллер Г. Ф. 12, 15—16, 22—23, 32, 35, 38, 699, 703, 706
Милов Л. В. 88, 447, 706
Мильков В. В. 501, 509, 706
Милюков П. Н. 55
Милютенко Н. И. 47
Миндовг, кн. лит. 409
Минеева С. В. 229, 371
Миронова Т. Л. 7
Митрофанов В. В. 39
Михаил Александрович, кн. тверской 204
Михаил Всеволодович, кн. черниговский, св. 25, 31, 35, 51, 59, 118, 219—221, 231, 236, 243, 344—345, 358, 391, 408, 411—412, 416, 431, 433, 461, 484, 528, 540—541, 546, 559, 602, 624, 641, 670, 708
Михаил Клопский, св. 17, 27, 35—36, 75, 78, 230—231, 236, 300—301, 306, 321, 332, 340, 357, 359, 371, 377, 527, 597, 624—625, 629, 708
Михаил Моисеевич, писец 142
Михаил Олелькович, кн. киевский 260—261, 611
Михаил Пселл, виз. хронист 472
Михаил Федорович Романов, русский ц. 13
Михаил Юрьевич, кн. владимирский 306, 309—313, 315, 416, 608
Михаил Ярославич, кн. тверской, св. 59, 74, 236, 246, 261—262, 264, 409, 411, 417, 704
Михаил III, имп. виз. 518, 656
Михаил I, митр. киевский 40, 81, 292, 566—568, 572
Михаил II, митр. киевский 293, 570, 572
Михальчи Д. Е. 12
Моисеева Г. Н. 11—12, 15, 490

Моисей, библ. 103—104, 515—516, 568
Молдован А. М. 238, 301, 482, 706
Молковд, кн. лит. 409
Молчанов В. Ф. 696
Морозов В. В. 84—86, 92, 103, 121, 169—170, 177, 250, 253—254, 484, 611—613, 640, 706—707
Морозов И. В. (в иночестве Иоаким), бояр. 143
Морозов С. А. 319, 499
Мошкова Л. В. 8, 137
Мстислав Владимирович, кн. киевский 408—409
Мстислав Владимирович, кн. тмутороканский 59, 404, 407, 410, 415, 441, 518, 530, 621, 656, 663—665
Мстислав Изяславич, кн. киевский 40
Мстислав Мстиславич, кн. торопецкий 92, 260
Мстислав Ростиславич, кн. новгородский 571
Мстиславские, княжеский род 670
Мстиславский И. Ф., кн. 670
Муравская В. А. 8
Муравьева Л. Л. 316
Муртузалиев С. И. 110
Мусин А. Е. 640

***Н**азаренко А. В.* 7, 292, 298, 522
Назаренко К. Б. 129
Назаров В. Д. 600—601
Найденова Л. П. 660
Накадзава А. 118—119, 260, 707
Насонов А. Н. 117, 252, 258, 262, 270, 275—276, 314, 319, 343, 670, 707
Наумов Г. Р. 134
Неберекутина Е. В. 10, 57, 88—91, 169—170, 362, 445, 447—450, 707
Неволин Ю. А. 86
Невоструев К. И. 131, 237, 240—243, 247, 699
Немировский Е. Л. 146—147, 154—155, 162—163, 368, 707
Неофит Грек, мон. 110
Нестер, диакон 314
Нестор Искандер, русский писатель 278
Нестор, мон. Киево-Печерского монастыря, летописец 14, 89—90, 447, 706—707
Никита Переяславский, св. 50, 52, 59, 89, 200, 219—221, 243, 358, 363, 408, 433—434, 461, 620, 629, 703, 709, 715
Никита, архиеп. новгородский, св. 187, 449
Никита, еп. белгородский 580
Никита, митр. киевский 293, 572
Никифор, митр. киевский 571—572, 574
Никифоров П. Н. 131, 136
Николаев Н. И. 240
Николаева Т. Т. 8
Николаевская Т. Ю. 134
Николай, митр. киевский 572
Николай Мирликийский, св. 19, 104, 187, 189, 207, 210—211, 337, 506, 514, 620
Николай Святоша (в миру Святослав Давидович), кн., св. 83, 284, 398—399, 407, 410, 412—413, 433, 621
Николай II Хрисоверг (Никола Охирсовергис), патр. константинопольский 567
Николай III, патр. константинопольский 514
Никольская А. Б. 539
Никольский Н. К. 21, 238, 266
Никон Радонежский, иг. ТСЛ, св. 578, 596
Никон Черногорец, св. 367, 458
Никон, патр. московский и всея Руси 11, 469
Нимврод, библ. 517
Нифонт Кормилицын, игум. волоцкий, новоспасский, еп. крутицкий и сарский, 46, 145, 371—372
Нифонт Новгородский, св. 237, 539
Новиков А. А. 485
Новиков Н. И. 14
Новикова Л. Н. 8
Новикова О. Л. 8, 308
Ной, библ. 481, 512, 515, 525
Норов А. С. 131
Носов Н. Е. 337

Оболенский А. 351—352
Оболенский М. А. 137, 239, 249, 254
Овчинников П. А. 129, 132, 136, 139, 142, 365
Околович Н. Ф. 7, 45—47, 51, 60, 123, 192—193, 198, 200, 216—218, 238, 249, 340, 361, 370, 380, 421, 435, 446, 452, 509, 512—513, 549, 567—568, 659, 707
Олег Святославич, кн. древлянский 103, 606
Олег Святославич, кн. новгород-северский 220, 408
Олег Святославич, кн. курский 283
Олег, кн. киевский 268, 275, 304, 403, 532, 542, 546, 640
Олимпиада, ц-ца, мать Александра Македонского 278
Ольга, кнг. киевская, св. 24—25, 27, 33, 38, 40, 43—45, 47, 51, 67, 75, 89—90, 95, 98, 101, 105, 107, 123, 170, 172—173, 185, 199, 201, 209, 215—216, 230, 238, 248, 277, 340, 357, 363, 378—379, 381, 403, 406, 415—416, 420—423, 425, 427—428, 431, 435, 438, 441, 444—445, 448, 450—459, 461, 463, 467, 478—480, 484, 492—493, 516, 518, 526—528, 533, 548, 567, 590, 596, 606, 618, 630, 639, 641, 656, 658—660, 689, 699, 704
Ольгерд, вел. кн. лит. 409
Ольшевская Л. А. 240
Опарина Т. А. 8
Орлов А. С. 55—56, 65—66, 121, 321, 466, 477, 483, 490, 492—494, 504, 523, 707—708
Осинин Г., воев. 351—353
Ослебятев А., бояр. 346
Османы, дин. правителей Турции 414
Охотина-Линд Н. А. 324, 527, 708
Охотникова В. И. 8, 91—92, 170, 201, 208, 242, 244, 260, 263, 370, 386, 430, 435, 447—448, 450, 453, 551, 626, 708

Павел, ап. 538, 659
Павел, иг. владимирского Георгиевского м-ря 144
Палеологи, дин. имп. виз. 401, 414, 429, 515, 675
Пам, волхв 225
Панеях В. М. 95, 709
Панич Т. В. 241
Панфилов М. М. 7
Панченко А. М. 625, 675, 681—682, 715
Панченко О. В. 8, 118, 233—234, 244, 708
Параскева Пятница, св. 46, 240, 357, 403, 656
Патрикеев В. И. (Вассиан), воев., мон., писатель 348—349, 355, 608
Патрикеев И. Ю., бояр. 348—349, 355, 608
Паус И. В. 11—12
Пафнутий Боровский, св. 59, 202—203, 247, 325, 358, 471, 484, 668, 701
Пахомий Серб, русский агиограф 25, 28—30, 35, 59, 221—222, 226—227, 231, 243, 247, 358, 445, 478, 497—498, 667, 717
Пашуто В. Т. 6
Пересветов И. С., русский писатель 31, 73, 200, 254, 257—258, 345, 560, 562, 564, 603, 608—609, 613—614, 635—636, 646, 651, 661, 665, 670, 672—674, 679, 684, 693, 695, 701—702, 705, 713
Перетц В. Н. 11—12, 129, 490, 640, 708
Перхавко В. Б. 457—458, 708
Петр I Алексеевич, имп. всероссийский 11, 13, 676, 681, 715
Петр Дмитриевич, кн. дмитровский 346
Петр Степанов сын Сверчков, послух 146
Петр, ап. 527, 538
Петр, митр. киевский и всея Руси, св. 21, 23, 26—27, 35, 118, 134, 202—203, 214, 227, 234, 236, 245—247, 325, 358, 363, 387, 390—392, 406, 409, 417, 419, 423, 428, 431, 436—437, 484, 539, 541, 547, 549, 577—579, 590, 596, 644, 667, 689, 711

Петр, свящ. 144
Петр, ц-ч ордынский, св. 662
Петров К. В. 156, 703
Петрухин В. Я. 523
Петухов Е. В. 231
Пештич С. Л. 14, 485
Пиккио Р. 321, 446—447
Пимин, архиеп. новгородский 336
Пимин, митр. киевский и всея Руси 194, 575
Пискарев Д. В. 32, 132, 136
Питирим, еп. пермский, писатель 247
Платон, греческий философ 103, 119, 234, 301, 718
Платонов С. Ф. 39, 42, 510
Плюханова М. Б. 109—110
Погодин М. П. 17, 129, 137, 151, 324, 356
Поджи В. 356
Подскальски Г. 292, 501, 509, 523, 526, 708
Поздеева И. В. 370
Покровская В. Ф. 268
Покровский Н. Н. 8, 92—100, 121, 125—127, 140—142, 151—153, 161, 169, 171, 173, 178, 180—181, 184—188, 190—192, 194, 214, 366—367, 374, 406, 410—411, 414, 421, 424—425, 434—435, 441, 443, 464, 498, 563, 587, 589, 610, 621, 624, 653, 666, 677, 679, 709
Поленов Д. В. 47
Полибин В. Ф., окольничий 11
Поликарп, иг. Киево-Печерского м-ря 622
Поликарпов Ф. 11
Полосин И. И. 672
Поляков М. И. 135
Пономарева И. Г. 7, 345
Поныркo Н. В. 98, 221, 243, 298, 461, 625, 701, 709
Попов А. Н. 132, 212, 299, 470, 520, 709
Попов Н. П. 96
Попова О. С. 142
Попова Т. В. 667—668
Поппэ А. В. 283, 292, 522, 709
Поссевино Антонио, папский посол 520, 523, 527, 568—569, 675—676, 709
Пребуд, кн. 238
Преображенский А. С. 522
Пресняков А. Е. 38, 55, 177, 249, 709
Приселков М. Д. 275—276, 316
Прозоровский Д. И. 23—24, 37, 710
Прокофьев Н. И. 510
Прокоша, писец 326
Протасьев А. П., окольничий 11
Протасьева Т. Н. 147, 367—368, 710
Прохоров Г. М. 169, 203—204, 213, 226—227, 266, 477, 709—710
Прус, легенд. родственник имп. римского Августа 31, 55, 65, 101, 108, 375, 525, 535—536, 540, 631, 683
Прянишников Г. М. 132
Путила Михайлов, дьяк 150
Пятнов А. П. 7
Пяттоева И. Т. 8
Пятый Злобин сын Курбатов, послух 146

Рагдай, богатырь кн. киевского Владимира I Святославича 394—395, 601
Радман, кн. печенежский 396
Разумовский Д. В. 134
Рамазанова Д. Н. 8, 217
Рамазанова Н. В. 120, 432, 471, 497—498, 522, 525—526, 552, 631, 710
Рансимен С. 588
Ранчин А. М. 106—107, 241
Ревякина Н. В. 94, 709
Репнин М. П., кн. 661
Ретвих Н. 42
Ржига В. Ф. 673
Ровоам, библ. 342
Рогволод, кн. полоцкий 531
Рогожникова Г. П. 321
Рогулин Н. Г. 129
Родионова А. Е. 8
Рождественский Н. П. 137—138, 698
Розинская М. М. 471
Розов Н. Н. 18, 73, 304, 371—372, 389, 458, 610, 630, 711

Роман Мстиславич, кн. новгородский 264
Роман Ольгович, кн. рязанский 408, 411, 413, 622—623
Романова А. А. 8, 326
Ромодановская В. А. 261
Ромодановская Е. К. 298
Ростислав Мстиславич, кн. киевский 270, 398, 408—409, 411, 581, 622
Ростислав Ярославич, кн. рязанский 408
Рубинштейн Н. Л. 61—63, 121, 466, 468, 486, 536, 711
Рудаков В. Н. 641
Руди Т. Р. 446, 625
Румянцев Н. П. 133, 136, 242
Рыбаков Б. А. 69—70, 72
Рыков Ю. Д. 6—7, 130—134, 149—150, 483, 490, 665, 711
Рюрик, кн. новгородский 13, 31, 43, 64, 69, 375—376, 403, 406, 427—428, 432, 437, 452, 526, 529, 531—535, 551—552, 631, 683
Ряполовский С. И., бояр. 348, 355, 608

Савва В. 296, 564
Савва Крыпецкий, св. 450
Савватий Соловецкий, св. 59, 229—230, 247, 358, 371, 402, 405, 506
Савельева Н. В. 128
Саенко (Грязина) Л. П. 130—134
Салмина М. А. 73—74, 283, 308, 317, 331, 503, 711
Сальников Ю. Ф. 564
Самойлова Т. Е. 70, 103—104, 121, 324, 594, 627, 711
Самсон, библ. 516—517
Саул, библ. 516
Сахаров А. М. 61, 63—64, 121, 588
Сахаров И. П. 17
Свенельд, воев. киевский 606, 616
Световидов-Платонов Н. 21—22, 38
Свирелин А. И. 20, 38, 48, 178, 711
Святополк Изяславич, кн. киевский 271—272, 275—276, 407, 411, 413
Святослав Всеволодович, кн. черниговский 283
Святослав Игоревич, кн. киевский 75, 173, 268—269, 275, 403, 416, 530, 533, 546, 606, 618, 640—641, 656, 673
Святослав Ольгович, кн. черниговский 220, 408, 411
Святослав Ростиславич, кн. новгородский 264
Святослав Ярославич, кн. черниговский 220, 397—398, 404, 407—408, 410, 412, 621—622
Святский Д. О. 270—271
Севастьянов П. И. 133, 136
Седова Р. А. 118, 202—203, 205, 245, 387, 711
Селезнев Ю. В. 341—342
Семен Иванов сын, писец 145
Семенов В. 470, 478, 711
Семенченко Г. В. 218, 342
Семион Иванович, вел. кн. московский 399, 404
Семион Суздалец, русский писатель 212, 520
Семячко С. А. 225, 227, 261
Сендерович С. Я. 299
Серапион Курцев, иг. ТСЛ 366
Серапион, еп. владимирский, писатель 59, 231
Сергеев А. Г. 8
Сербина К. Н. 275—276
Сергий Радонежский, св. 204, 221—224, 227, 247, 332, 358, 374, 388—390, 402, 405, 436, 484, 506, 578, 591, 595—596, 629, 668
Серебрянский Н. И. 47, 51—52, 82, 121, 170, 231, 238, 241—244, 286, 479, 712
Серегина Н. С. 522
Серов О. Д. 11, 36, 39, 87—88, 121, 712
Сигизмунд I, кор. польский, вел. кн. лит. 168, 409, 413, 645
Сигизмунд II Август, кор. польский, вел. кн. лит. 142, 335, 413
Сизов Е. С. 70—71, 77, 84, 103, 121, 626
Сильвестр, свящ., писатель 25, 37, 43—44, 49, 75, 89, 91, 101, 162, 170, 173, 197, 238, 254—255, 278,

304, 320, 362, 373, 421, 445, 451—452, 456—459, 470, 516, 519, 582—583, 585, 603—604, 609, 617, 651, 656, 658, 660—661, 672, 678, 682, 692—693, 698—699, 704, 708, 713
Сильван, мон., переводчик 296
Сильвестр, митр. киевский 142
Симеон, архиеп. новгородский 310
Симон Азарьин, келарь ТСЛ, писатель 29—30
Симон, митр. московский и всея Руси 348—349, 369
Симонов Р. А. 7
Синицына Н. В. 239, 520, 525, 561, 564, 585, 587, 589, 593, 674, 712
Сиренов А. В. 8, 10—12, 14, 16—17, 20, 39—40, 90—91, 95—99, 118, 121, 125—127, 129, 141—142, 152—153, 160, 171, 180, 184—186, 192, 195, 235, 310, 343, 366, 374, 411, 432, 434—435, 437—441, 452—454, 469—471, 474, 479, 485, 563, 571—572, 666, 683, 701, 709, 712
Скрипиль М. О. 57, 168—169, 171, 402, 713
Скрынников Р. Г. 72, 254
Смирнов И. И. 615, 646, 713
Смирнов М. И. 329
Смирнов Н. А. 278
Смирнов С. И. 21, 29, 46—49, 121, 201, 332—333, 449, 460, 682, 696, 700, 713, 715
Смирнов Ф. 32
Снегирев И. М. 18—19, 23, 708
Соболева Н. А. 8, 627
Соболевский А. И. 41—44, 75, 82, 99, 101, 169—170, 173, 201, 216, 241, 278, 296, 362, 421, 451—452, 457—458, 460—461, 490, 640, 656, 658, 660, 666, 679, 707—708, 713
Соколов Е. И. 132
Соколова И. М. 605
Сокольский В. Д. 53, 563, 583, 713
Соловьев С. М. 29
Солодкин Я. Г. 39, 258, 317, 319—320, 487—488, 670, 713
Соломина О. Л. 8
Соломон, ц. иудейский 342
Сорокатый В. М. 640, 680
Софья Витовтовна, кнг., ж. вел. кн. московского Василия I 345—346, 398, 405
Софья Палеолог, кнг., ж. вел. кн. московского Ивана III 79, 348—350, 410—411, 414, 536, 608, 629
Сперанский М. Н. 299, 321, 327
Спиридон-Савва, митр. киевский, писатель 24, 537
Срезневский И. И. 474, 626
Срывкова Г. Д. 8
Стадников А. В. 564
Станковић Р. 151
Станчев К. 356
Степан Торхов сын Литвинов, послух 146
Стефан Лазаревич, сербский деспот 325
Стефан Сурожский, св. 33, 69, 108, 239, 401, 403, 436, 484, 528—529, 531
Стефан, еп. пермский, св. 59, 224, 358, 436, 491, 539, 595
Стефанович П. С. 7, 485
Столярова Л. В. 8, 326
Стрельников С. В. 342
Стрельникова Е. Р. 228
Строев П. М. 16, 141, 144, 223, 227, 329, 713
Строев С. П. 133
Судислав Владимирович, кн. псковский 397, 404, 455
Сукина Л. Б. 48, 577, 699
Сумникова Т. А. 243, 310—311, 314, 700
Сургуладзе М. 230

Тайдула, ордынская ц-ца 205
Тарасов А. Е. 206
Татищев В. Н. 11, 13—17, 21, 24, 26—27, 35, 37, 96, 308—309, 445, 485—486, 523, 695, 712, 714
Твердислов (Исидор) Ростовский, св. 299
Творогов О. В. 8, 87, 137—138, 207, 239—241, 298, 356, 483, 489, 503, 510, 713—714

Телятьевский А. П., кн. 256
Терновский Ф. А. 515
Тиганова Л. В. 86, 130—132, 142
Тимофеев Иван, дьяк, писатель 487—488
Тимофей Корнеевич, свящ. 142
Тимошина Л. А. 8
Тимур (Тамерлан, Темир-Аксак), эмир самаркандский 81, 103, 243, 280, 371, 402, 405, 514, 537, 620, 655, 663—664, 679, 718
Тит, имп. римский 619
Титмар, еп. мерзубургский, хронист 298, 300
Титов А. А. 18, 20, 145, 218, 708
Титова Л. В. 510
Тихомиров И. А. 200, 253, 716
Тихомиров М. Н. 61—63, 68, 114, 147, 151, 298, 319, 356, 374, 466, 468, 483, 485—486, 489, 499, 501—502, 512, 579, 714
Тихомиров Н. Б. 86, 130, 133, 149
Тихон, архиеп. ростовский 276
Тихонравов Н. С. 133, 136, 478
Тихонюк И. А. 8
Толочко А. П. 14, 310, 485, 714
Толстой Д. А. 41, 137, 708
Топычканов А. В. 8
Тохтамыш, х. Золотой Орды 344
Травников С. Н. 130, 133
Траян, имп. римский 217
Трифон, иг. Кирилло-Белозерского м-ря, архиеп. ростовский 262, 276
Тромонин К. Я. 128, 154—155, 720
Трофимова Н. В. 108—109, 142, 677—678
Тур (Турый), св. 27
Тур, кн., легенд. основатель Турова 531
Турилов А. А. 2, 9, 107—108, 121, 127, 131, 135, 205, 230, 325, 340, 356, 370, 468—471, 483, 489, 499, 503, 520, 522, 525, 567, 625, 714
Тучков В. М., писатель 17, 597
Тютчев А. Б., служилый человек 145
Тютчев Б., служилый человек 145
Тютчев И. А., служилый человек 144—146, 148
Уваров А. С. 138, 142
Ужанков А. Н. 508
Украинская Т. Н. 225—226, 714
Ундольский В. М. 129, 133, 136, 215
Усачев А. С. 1—2, 6—7, 10, 18, 45—49, 57, 91, 99, 140, 142—143, 170, 180, 185, 189, 192—194, 197, 206, 208, 211—215, 238, 240, 300, 330, 365, 371, 380, 400, 421, 439, 446, 453, 458, 476—477, 486, 498, 502, 529, 549, 551, 567, 598—599, 621, 666, 671, 707, 714—715
Усов Е. И. 134
Успенский Б. А. 675, 681, 715
Успенский Ф. Б. 8, 302
Успенский Ф. И. 212
Устинов С. В. 149
Уханова Е. В. 8, 139, 696
Ухова Т. Б. 143, 702
Участкина З. В. 140

Фадеев И. М. 134
Федер У. 119, 234, 240
Федор Алексеевич, русский ц. 11
Федор Ростиславич, кн. ярославский, св. 52, 102, 215, 236, 244, 248, 358, 409, 416, 624, 668, 670, 689, 718
Федор Давидович, воев. 602
Федор Иванович, вел. кн. московский, ц. 37, 85, 167, 169, 171—172, 174, 182, 343, 366
Федор, бояр. кн. черниговского Михаила Всеволодовича, св. 35, 51, 416, 602, 708
Федор, диакон 510
Федор, отец митр. Петра 245
Федотова М. А. 50, 219—220, 243, 461, 715
Феогност, митр. киевский и всея Руси 211, 246, 417, 590, 668
Феодор, с. имп. виз. Мануила II 281, 401
Феодор, митр. киевский 398, 572
Феодосий I Великий, имп. виз. 70, 401, 529, 648
Феодосий II, имп. виз. 648
Феодосий Печерский, св. 595—596, 622

Феодосий, архиеп. новгородский (XV в.) 310
Феодосий, архиеп. новгородский (XVI в.) 646—647, 674, 716
Феодосий, иг. Антониево-Сийского м-ря 11
Феодосия, кнг., мать вел. кн. владимирского Александра Ярославича 261
Феопент, митр. киевский 194, 292, 572—573
Феофан Прокопович, митр. новгородский 13
Феофан, виз. хронист 300, 473, 503—504, 643, 705—706, 710
Ферапонт Белозерский, св. 227—228, 709
Фив, ученик Климента Римского 216
Филарет, патр. московский и всея Руси 11
Филарет (Гумилевский), архиеп. 14, 23, 52, 91
Филипп, митр. московский и всея Руси, св. (XVI в.) 39, 609, 614, 652, 705
Филофей, мон., писатель 520, 523—524, 535, 631, 672—674, 682, 684, 706
Филюшкин А. И. 8, 115, 121, 335, 337, 446, 458, 477, 566, 570, 619, 636, 638, 647, 652, 674, 715—716
Фирсишко, мон., писец 143
Флоря Б. Н. 8, 90, 105, 121, 324, 327, 463, 520—521, 537, 590, 605, 661, 663, 666, 683, 714, 716
Фома, с. имп. виз. Мануила II 281, 401, 410—411, 414
Фома, мон., писатель 539
Фонвизин Д. И. 10, 89—90, 447, 706—707
Фонкич Б. Л. 8, 550
Фотий, митр. киевский и всея Руси 46—47, 122, 211—213, 281—282, 330, 345—346, 360, 371, 400—401, 403, 417—418, 423, 425, 432, 484, 528, 584, 586
Фотий, патр. константинопольский 46—47, 239, 360, 399—400, 484, 528—529, 548—549, 566—567, 594, 698
Французова Е. Б. 450
Фруменкова Т. Г. 98, 701
Фрунзе М. В. 134

Хазанова С. И. 319
Хам, библ. 517
Хегатуров А. Н. 131
Хлудов А. И. 134
Холмогоров В. И. 329
Холмогоров Г. И. 329
Хорошкевич А. Л. 8, 83, 115, 121, 176, 182, 255, 336, 554, 615, 646, 716
Хосров (Хоздрой), ц. персидский 70, 233, 529
Храпов А. В. 588
Хромов О. Р. 8
Хрусталев Д. Г. 587

Царский И. Н. 262

Чекин Л. С. 523
Червяков А. Д. 130—134
Черепнин Л. В. 197, 265, 343, 486, 715
Чернышев Г. П. 11
Чертков А. Д. 40
Чистякова Е. В. 485
Чой Ч. Х. 283
Чичуров И. С. 588, 643
Чуванов М. И. 129, 230
Чугреева Н. Н. 324, 463, 716
Чуркина Л. А. 98, 701

Шайкин А. А. 508
Шамбинаго С. К. 34, 47—48, 59, 71, 73, 263, 307, 388
Шамин С. М. 7
Шамина И. Н. 8
Шапошник В. В. 585, 594, 654, 674, 680, 682, 716
Шахматов А. А. 3, 33—34, 36, 46, 58, 199—200, 253, 263, 275—276, 281, 310—311, 315, 343, 485, 716
Шевцова Л. А. 8
Шевченко Е. Э. 227, 709
Шестаков С. 241
Ши-Ахмат, ордынский посол 344
Шибаев М. А. 8, 140, 261—262, 716

Шибанов П. П. 134
Шлецер А. Л. 14
Шляпкин И. А. 17, 42, 44—45, 84, 103, 474—475, 716
Шмидт С. О. 8, 237, 254—255, 258, 442, 483, 565, 650, 661, 681, 683, 716
Шуйский И. М. (Плетень) 317—318, 320, 323, 599
Шуйские, кн. 365
Шульгина Э. В. 240
Шумилов И. С. 108

***Щ**апов Я. Н.* 76, 260, 288—291, 581, 700, 716
Щербатов М. М. 11, 14, 695
Щербачева Н. А. 130—132, 134—135, 149

***Ю**дин Г. Г.* 134
Юлиан Отступник, имп. римский 519
Юлиания (Иулиания) Вяземская, св. 57, 168, 358, 402, 409, 655, 713
Юрасов М. К. 7
Юрганов А. Л. 8, 446, 564, 636, 653, 716
Юрий Васильевич, кн. углицкий, с. вел. кн. Василия III 38, 57, 168—169, 172, 183, 191, 578, 675
Юрий Владимирович, кн. киевский 286, 313—314, 376, 391—393, 398, 404, 416, 447, 453, 506, 541—543
Юрий Всеволодович, кн. владимирский 311—312, 384, 412—413, 622
Юрий Данилович, кн. московский 59, 317, 399, 404
Юрий Дмитриевич, кн. галицкий 211, 345—346
Юрий Иванович, кн. дмитровский 251, 608, 611
Юрий Святославич, кн. смоленский 57, 168, 402, 409, 655—656, 663, 665, 679
Юрьев И. Ю., подьячий, писатель 11, 88
Юхименко Е. М. 8, 236
Юшин И. Ф. 90

***Я**блонский В. П.* 227, 243, 497—498, 667, 717
Ягайло (Владислав II), кор. польский 409
Якеменко Б. Г. 8, 653
Яким, мон. 141
Яковлев И. П., бояр. 96
Яковлева О. А. 318—319, 708
Ян Рокита, протестантский проповедник 304
Ян Усмошвец, воев. киевский 394—396, 601—602, 617
Янин В. Л. 266, 310—311, 625
Янка, см.: Анна
Ярополк Изяславич, кн. владимиро-волынский 284, 571, 621—622
Ярополк Ростиславич, кн. новгородский 571
Ярополк Святославич, кн. киевский 59, 103, 606
Ярослав Владимирович, кн. киевский 14, 59, 103, 106, 174, 194, 306, 376—377, 382—384, 392, 397, 399, 404, 407—408, 411, 413, 416, 454—455, 472—473, 477, 506, 514, 534, 541, 554, 586, 606—607, 620, 641, 643
Ярослав Владимирович, кн. псковский 408
Ярослав Всеволодович, вел. кн. владимирский 233, 286—287, 375—376, 383—384, 392, 412—413, 427, 477, 515—516, 541, 545, 639, 644, 717
Ярослав Святославич, кн. рязанский 408
Ярослав Ярославич, вел. кн. владимирский 409, 417, 420, 440
Ярхо Б. И. 501, 716
Ясинский А. Н. 255—256, 717
Яцкин Д. М. 8

***A**lef G. (Алеф Г.)* 347
Auerbach I. (Ауэрбах И.) 487

***B**acmeister G. (Бакмейстер Г.)* 15
Barnette W. (Барнетт У.) 76, 82—83, 121, 123, 198, 216, 219, 225,

240, 277, 361, 382, 479, 563, 659, 679, 717
Berelowitch W. (Берелович В.) 468
Bogatyrev S. N. (Богатырев С. Н.) 8, 335, 337, 477, 550, 602—603, 605, 616, 632—633, 647, 680, 717
Briquet Ch. (Брике Ш.) 128, 147, 149—150, 154—155, 157, 161—163, 207—208, 720

***D**onnert E. (Доннерт Э.)* 638

***E**bbinghaus A. (Эббингхауз А.)* 288, 314, 537, 717

***F**ennel J. (Феннел Дж.)* 341
Freydank D. (Фрайданк Д.) 489, 562, 717

***G**onneau P. (Гонно П.)* 13, 222
Gorlin M. (Горлин М.) 75, 286—287, 639, 717

***H**ösch E. (Хёш Э.)* 525

***I**ngham N. (Ингхам Н.)* 173
Isoaho M. (Исоа М.) 111—113, 341, 384, 717

***K**alužniacki Em. (Калужняцкий Э. И.)* 446
Kämpfer F. (Кэмпфер Ф.) 76—78, 82, 492, 507, 553, 579, 626, 638, 646, 717
Keenan E. (Кинан Э.) 128, 562
Korpela J. (Корпела Ю.) 110—111, 522, 576, 717

***L**enhoff G. (Ленхофф Г.)* 8, 13, 82, 99—103, 119, 121, 171, 206, 215, 243—245, 264—265, 301, 314, 317, 328, 331, 361, 366, 368, 394, 463, 468, 477—478, 481, 515, 537, 551, 563, 578, 619, 621, 625, 649, 655—656, 666, 668—669, 676, 679, 681, 705, 717—718

***M**areş A. (Мареш А.)* 128, 139, 141, 143, 147, 150, 720
Miller D. (Миллер Д.) 76, 78—82, 105, 110—111, 114, 121, 213, 222, 224, 231, 235—236, 250, 278, 347, 477, 494, 498, 512, 521—522, 524, 526, 528, 536—537, 563, 568, 576, 579, 588, 590, 592—593, 611—613, 638, 718

Nitsche P. (Ниче П.) 105—106, 110—111, 477, 521, 524, 526, 576, 718

***O**strowski D. (Островский Д.)* 681
Otten F. (Оттен Ф.) 428

***P**elenski J. (Пеленский Я.)* 76—78, 82, 114, 285, 507, 544, 553, 579, 638—639, 718
Piccard G. (Пиккар Г.) 128, 140, 149—150, 153—154, 162, 720

***R**owland D. (Роуланд Д.)* 640

***S**chenk F. B. (Шенк Ф. Б.)* 113—114, 384, 716
Ševčenko I. (Шевченко И.) 75—76, 303, 609—610, 630, 653, 719
Soldat C. (Зольдат К.) 116, 629, 719

***T**hyrêt I. (Тирет И.)* 116, 390, 629, 719
Teiro E. (Тейро Е.) 207, 366, 432, 578, 719

***W**inter E. (Винтер Э.)* 11—12

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДРЕВНЕРУССКОЙ ОРИГИНАЛЬНОЙ И ПЕРЕВОДНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ*

«Азбуковник» старшей редакции** 294—298, 300—301, 303—306, 359, 474—475, 484, 493, 542, 549, 598, 703

«А се князи русьтии», внелетописная статья 306, 308—316, 319, 324—325, 360, 363, 484, 607

«А се новгородскыи епископы», внелетописная статья 310

«А се посадници новгородьстии», внелетописная статья 310

Бархатная книга 98

«Благохотящим царем правительница» Ермолая-Еразма 603—604, 631, 673, 679

«Большая челобитная» И. С. Пересветова 651, 672

Великие Минеи Четии 6, 28, 30—31, 41, 57, 65, 69, 78—82, 87, 100—102, 108, 111, 114, 118, 123, 157, 162, 205—206, 212—213, 217, 224, 231—248, 278, 300—301, 360, 369, 372, 477, 494—495, 498, 507, 512, 520, 522, 524, 528, 536—537, 540, 546, 568, 576, 579, 589—590, 593, 611—613, 638, 662, 669, 675—676, 690, 698—699, 701, 703—704, 718

Владимирский (Фотиев) полихрон 33—34, 36, 46, 276, 474

«Временник» Ивана Тимофеева 487—488

«Главы наказательные» Василия Македонянина 594

«Главы поучительные начальствующим правоверно» Максима Грека 564, 593, 603, 605, 615, 637, 648, 650—651, 672

Государев родословец 98, 258, 670

Дворовая тетрадь 258

Деяния апостолов (апокрифические) 340, 359

Домострой 44, 54, 65, 170, 173, 200, 278, 421, 451—452, 458, 656, 658, 660, 690, 702, 713

«Еропкин манускрипт» В. Н. Татищева 308—310

Жития:

— 40 мучеников в Севастии (Мучение) (славяно-русский перевод) 216, 713

— Александра Невского 28, 30—31, 35, 50, 113, 172, 236, 244, 248, 260, 363, 385—387, 445, 448, 455, 484, 655, 706

  • владимирская редакция («Слово похвальное») 50, 92, 244, 248, 324, 358, 369, 377, 384—386, 392, 448, 450, 455, 463, 636

  • редакция Василия-Варлаама 35, 50, 92, 358, 385—386, 448

— митрополита Алексия 17, 35—36, 84—85, 93, 110, 169—170, 174, 186, 203—205, 222, 247, 404, 417, 419, 423, 425—426, 452, 549, 577, 592, 596, 667, 689, 710

  • редакция Пахомия 23, 27—28, 169, 203—205, 234, 247, 358

  • редакция Питирима 247

— Андрея Смоленского 49

— Андрея Стратилата 299

— Варлаама Хутынского 265, 404, 596

— Василия Великого (славяно-русский перевод) 216, 713

— Владимира 16—18, 21, 25, 27, 43, 45, 51, 96—97, 101, 185, 192—193, 200, 238, 300, 377—381, 390, 451—455, 461, 479, 484, 548, 597, 712

---

* Курсивом выделены гипотетические памятники.

** В ряде случаев для удобства приводятся сведения о редакциях памятников, отраженных в указателе.

  - обычное 46—47, 357
  - проложное 46—47, 238, 357, 378—379, 401, 403
— Власия 49
— Всеволода Псковского 23, 35, 52, 78, 91—92, 170, 201, 208, 234, 242, 247, 260, 324, 358, 363, 370, 407—408, 422, 428, 433—435, 438, 445, 447, 450—451, 453, 463, 484, 539, 551, 689, 708
— Галактиона Белозерского 228
— Григория Пельшемского 225, 497, 700
— Даниила Переяславского (Сказание) 7, 20—21, 28, 38, 43, 48—49, 52, 87, 89, 93, 177—178, 186, 188—190, 196, 201, 329, 359, 363, 402, 405, 421, 423—424, 433, 445, 449—451, 459—460, 484, 577, 596, 667, 696, 700, 711, 715
— Димитрия Прилуцкого 83, 224—226, 247, 388, 497, 700
— Дионисия Глушицкого 225, 497, 700
— Евстафия Плакиды (славяно-русский перевод) 662
— Евфросинии Полоцкой 27—28, 35, 117, 200, 236, 242, 363, 422, 428, 431—432, 435, 438, 444, 484, 490
  - редакция ВМЧ 242, 248
  - редакция сборников 95, 117, 150, 209, 242, 248, 358, 408
— Ефросина повара 49
— Ефросина Псковского 49, 370
— Зосимы и Савватия Соловецких 59, 229—230, 247, 358, 371, 402, 405, 506
— Иоанна Суздальского 458, 502, 715
— митрополита Ионы 28, 35, 69, 76, 102, 205—216, 248, 324, 330, 363, 406, 423, 426, 428, 432—433, 484, 549, 577, 596, 667, 698
  - первая редакция («Слово похвальное») 28, 205—206, 209, 212, 247—248, 386
  - вторая редакция (степенная) 21, 75, 81, 85, 170, 205—216, 247—248, 419, 434
  - третья редакция 7, 186, 206—216, 247—248, 300, 358, 386, 402, 405, 425, 434, 490, 502, 514, 558, 587, 715
— Ионы Новгородского («Воспоминание») 213
— Иосифа Волоцкого 49, 668
— Исидора Юрьевского 450
— Кирилла Белозерского 226—227, 247, 358, 484, 595
  - краткая редакция 226
  - пространная редакция 226
— Климента Римского (Мучение) (славяно-русский перевод) 46, 108, 216—217, 240—241, 357, 378, 401, 403, 484, 548, 568, 576, 713
— Козьмы Яхромского 386, 458
— Константина и Елены (славяно-русский перевод) 46, 357, 378, 403, 548
— Леонтия Ростовского 35, 46, 200, 218—219, 378, 401, 403, 436, 569
  - десятая редакция 218, 357
  - синодальная редакция 218
  - троицкая редакция 218
— Мартиниана Белозерского 228—229, 333, 359, 709
— Михаила Клопского Тучковской редакции 17, 27, 35—36, 75, 78, 230—231, 235—236, 300—301, 306, 321, 332, 340, 357, 359, 371, 377, 527, 689
— Михаила Черниговского
  - минейная редакция 51, 231, 431
  - редакция Пахомия 35, 231, 243, 358, 408
— Никиты Новгородского 450
— Никиты Переяславского 35, 50, 52, 59, 200, 219—221, 243, 358, 408, 434, 461—462, 620, 703, 709, 715
  - краткая 219, 243, 715
  - основная 219, 243
— Никона Радонежского 596
— Нифонта Новгородского 539
— Ольги 35, 51, 101, 170, 201, 381, 406, 415—416, 420—423, 425, 427—428, 431, 435, 438, 441, 444—445, 451, 455—459, 461,

467, 478, 480, 484, 516, 533, 548, 567, 596, 658, 704
  • проложная редакция 238
  • пространная редакция 24—25, 27, 33, 37—38, 40, 43—45, 47, 75, 89—90, 95, 98, 105, 107, 123, 170, 172, 185, 199, 209, 215—216, 230, 238, 248, 277, 340, 357, 363, 378—379, 403, 448, 450—454, 456—459, 463, 492—493, 518, 526—528, 590, 618, 639, 656, 658—660, 689
  • псковская редакция 51, 238
— Параскевы Пятницы (славяно-русский перевод) 46, 240, 357, 403, 656
— Пафнутия Боровского 59, 202—203, 247, 325, 358, 471, 484, 668, 701
— митрополита Петра 23, 118, 202, 236, 245—247, 325, 363, 387, 390—392, 406, 423, 428, 431, 484, 541, 549, 577, 590, 596, 667, 689
  • редакция Киприана 21, 26—27, 35, 202, 214, 234, 245—246, 358, 539
— сербских королей и архиепископов 22, 41, 468—471, 479
— Сергия Радонежского 204, 222, 247, 332, 388, 390, 436, 484, 595—596
  • редакция Епифания и Пахомия 221—222, 224, 358
— Стефана Пермского редакции Епифания Премудрого 59, 224, 358, 436, 539, 595
— Стефана Сурожского (славяно-русский перевод) 33, 69, 108, 239, 401, 403, 436, 484, 528—529, 531
— Твердислова (Исидора) Ростовского 299
— Федора Ярославского 35, 52, 102, 215, 236, 245, 248, 409, 416, 668, 717
  • минейная редакция 52, 102, 244—245, 248, 358
  • редакция Антония 52, 102, 245, 358
— Феодосия Печерского 595—596
— митрополита Филиппа 609, 614, 652, 705

«Записка о последних днях Пафнутия Боровского» Иннокентия 247
«История о великом князе московском» А. М. Курбского 190, 304, 483, 487—488, 490, 499, 510, 560, 564, 604, 609, 615, 661, 681, 700—701, 711
«История» Ф. А. Грибоедова 319
Казанская история 50, 55, 77, 82, 109, 200, 221, 224, 333—334, 473, 476, 483—484, 487—488, 490, 499, 504, 510, 523—524, 533, 541, 544, 553, 555, 557, 638, 646—647, 658, 661, 677—678, 702, 704, 707
Книга Полоцкого похода 335—336, 703
Кормчая 206, 305, 369, 474, 483, 556, 659
«Лествица» Иоанна Лествичника 478

Летописные памятники:
— Летописец
  • Владимирский 265, 267, 349, 699
  • епископа Павла 308, 310, 705
  • Забелинский 343
  • Лихачевский 268—277, 285, 705
  • Мазуринский 308—309, 317—319, 325, 703, 706
  • начала царства 66, 81—82, 250—254, 257—259, 282, 333—334, 337, 344—345, 354, 359, 405, 472—473, 482—484, 488, 553, 591—592, 603, 639, 670, 689, 692, 705
  • Новый 484, 488
  • *от 72-х язык* 268, 276—277, 282, 343, 359, 363, 402, 484, 571
  • Пискаревский 6, 308—309, 315, 317—322, 324, 599, 658, 708, 713
  • Постниковский 319
  • Рогожский 316
— Летописный Свод
  • 1408 г. 317
  • *1448 г.* 310

- *1479 г.* 270
- 1497 г. 268—277, 285,
- 1518 г. (Уваровская летопись) 268—277, 285
- *1518 г.* 262
- *1533 г.* 117
- *1539 г.* 350
- 1560 г. 117, 190, 196, 252—253, 255—257, 259, 315, 334, 359, 554

— Летопись
- Авраамки 266—267, 308, 310, 313, 704
- Александро-Невская 249, 259, 332, 335—336, 697
- Вологодско-Пермская 349, 354, 699
- Воскресенская 25, 34—36, 46—47, 50, 55, 57—58, 62, 66, 71, 91, 118—119, 200, 202, 205, 219, 231, 249—251, 259, 261—266, 268—273, 277, 280, 285, 292—294, 317, 331, 346, 349, 351, 353, 359, 363, 365, 377—379, 384—385, 388, 398, 402—405, 450, 453, 473, 476, 481, 483—484, 487—488, 506, 530—531, 534, 545—546, 548, 556, 566—567, 569, 572, 574—577, 581, 590, 597, 599—600, 606—607, 655, 689, 692, 699, 703—704, 706
- Ермолинская 92, 260, 263, 269—277, 343, 347, 700, 716
- Ипатьевская 27, 270
- Лаврентьевская 71, 74, 271, 341, 704
- Лебедевская 58, 77, 249, 259, 335—336, 704
- Львовская 14, 77, 249, 252—253, 256, 259—260, 262, 270, 275, 315, 705
- Никифоровская 308—309, 312, 707
- Никоновская 22, 25, 28, 31, 34—36, 46—47, 55, 57—58, 62—63, 66, 68, 70—71, 77, 81, 85, 91, 94, 100, 102, 109, 113, 117, 119, 169, 200, 202—205, 213, 219, 249—250, 252—254, 259, 264—265, 268—273, 277, 280—282, 285, 292—294, 317, 330—331, 346, 349, 351, 353, 359, 363, 365, 373, 377—380, 382—384, 388, 394—398, 400—406, 414, 425, 450, 452, 454—456, 481, 483—484, 486, 489, 491—493, 499, 507, 513, 515, 530—532, 534, 545, 548—549, 553, 556—557, 560, 566—569, 572—577, 580, 584—585, 587—590, 597, 600—601, 606—607, 621, 633—634, 639, 669—670, 689, 692, 695, 702, 704
- Новгородская I младшего извода 264—267, 270, 308, 707
- Новгородская I старшего извода 264—267, 270, 313, 707
- Новгородская II 271
- Новгородская IV 48, 73, 264—267, 282, 359, 363, 404, 463, 484, 707
- Новгородская V (хронографическая) 74, 264—267, 271, 707
- Новгородская Большаковская 356
- Новгородская Карамзинская 264—265, 267, 270, 707
- Новгородская по списку П. П. Дубровского 262, 265—266, 349, 670, 707
- Новгородская Уваровская 350, 707
- Псковская I 271, 352
- Псковская III 177, 190, 335—337, 339, 708
- Семионовская 316
- Софийская I 50, 73, 92, 118, 200, 260, 263—264, 270, 341, 350, 484, 711
- Софийская I младшего извода 58, 74, 246, 260—264, 266—267, 277, 282, 359, 363, 385, 404, 450, 711, 716
- Софийская I по списку И. Н. Царского 262—264, 267, 703, 711
- Софийская I старшего извода 260—261, 263—264, 266, 711

  - Софийская II 262
  - Супрасльская 308—309, 312, 713
  - Тверская 265, 267, 270, 275, 474, 713
  - Типографская 343
  - Троицкая 316
  - Холмогорская 270, 275, 354—355
- Лицевой летописный свод 55, 82, 85—87, 98, 112—113, 177—178, 249, 256, 259, 332, 336, 341—342, 384, 611, 683, 697, 705—706
  - Лаптевский том 74
  - Царственная книга 85—86, 178, 249, 332, 442, 612—613, 709
  - Шумиловский том 38, 73, 86, 167, 176—177, 459
- Повесть временных лет 485, 502, 512—513, 643, 708

«Моление» Даниила Заточника 615

«Наставление» («Поучение») Агапита 81, 94, 112, 609—610, 614, 652—653, 686, 692, 698

«О именех глаголемых жидовьскым языком», лексикографический трактат 75

«Окружное послание» патриарха Фотия (славяно-русский перевод) 46—47, 239, 360, 484, 528—529, 531, 548, 566, 698

Описи гробниц 97, 360

«Ответ» митрополита Макария 227, 291, 308, 578, 585—587, 628, 651, 672, 708

«От истории Ханаановы» 25

«Память и похвала» Иакова Мниха 24, 35, 46, 200, 238, 357, 363, 377—381, 401, 403, 452, 484, 548—549, 689

«Память» о полоцком походе 336

Паралипомен Зонары 27

Патерики:

- Азбучно-Иерусалимский (славяно-русский перевод) 119, 234—235, 240, 358, 433—434, 484
- Волоколамский 203, 240, 325, 700
- Киево-Печерский 83, 200, 240, 358, 363, 382, 402, 404, 407, 455, 484, 504—505, 621, 689, 697, 700

Повести:

- на сретение (перенесение) Владимирской Богородичной иконы из Владимира в Москву 81, 85—86, 243, 280, 329—330, 359, 371, 402, 405, 417, 422—423, 431—432, 537, 620, 641, 655
- о белом клобуке 594
- о Вавилоне 25, 38, 451, 700
- о взятии Константинополя турками 278—280, 282, 347, 359, 433, 514
  - искандеровская (историческая) редакция 278—280
  - хронографическая редакция 278—280
- о Довмонте Псковском 92, 260, 386, 708
- о Иулиании Вяземской 57, 168, 358, 402, 409, 655, 713
- о Михаиле Тверском 74, 236, 246, 261—262, 264, 704
- о Московском пожаре 1547 г. 72, 360, 369, 433, 608, 611, 613, 671
- о нашествии на Русь Магмет-Гирея в 1521 г. 72, 85, 360, 433, 578
- о нашествии на Русь Тамерлана 81, 103, 243, 280, 537, 655, 681, 717
- о начале Москвы 48, 307—308
- о Петре, царевиче ордынском 662
- о преставлении митрополита Макария 87, 578
- о Псково-Печерском монастыре 322
- о разорении Рязани Батыем 471
- об иконе Луки Колочского 117—118, 359
- об убиении Батыя 404, 655
- *о митрополите Фотии* 432

Послания:

- Василия II афонским монахам 521
- Василия II имп. виз. Константину XI Палеологу 76

— Вассиана Рыло на Угру 32, 673, 693
— Ивана IV (Первое) А. М. Курбскому 106, 564, 613
— Ивана IV Яну Роките 304
— митрополита Ионы в Литву 81
— «Послание к начальствующим праворно, о исправлении» Максима Грека 648
— А. М. Курбского (Третье) Ивану IV 674
— Максима Грека Василию III 471
— Максима Грека Ивану IV 593
— митрополита Макария Ивану IV 81
— «Послание о повинных» 298, 300
— Сильвестра А. Б. Горбатому 458, 582, 603, 678
— Сильвестра Ивану IV 585, 609, 651, 672
— Спиридона-Саввы 24, 536—537
— Феодосия, архиеп. новгородского, Ивану IV (1550 г.) 647
— митрополита Фотия Василию I Дмитриевичу 46—47, 360, 371, 401, 403, 484, 528

«Поучение» Владимира Мономаха 483, 662—663

Поучение на память Владимира I Святославича 46—47, 192—193, 238, 248, 357, 363, 370—371, 377—382, 385, 392, 400—401, 403, 435, 446, 452, 455, 484, 504, 548, 567, 569, 580—581, 583, 597—598, 618

Похвалы:
— Владимиру I Святославичу 446
— *Ивану Калите* 325—326, 360, 364, 387
— Ивану Калите в записи Сийского Евангелия 1340 г. 326
— Клименту Римскому 46, 218

«Правило о церковных людях» 288—291, 310, 359, 379, 484, 549, 583—584, 633

«Приговор царский о кормлениях и службе» 636, 660

«Просветитель» Иосифа Волоцкого 69, 76, 359, 463, 588, 650

«Пчела» (славяно-русский перевод) 470, 478, 711

Разрядные книги 327, 339, 352—353

«Рукописание Магнуша» 28, 118—119, 260

св. Писание 101, 261, 342, 355, 357, 446, 477, 479, 481, 497, 558, 602, 625, 680

«Синопсис» Иннокентия Гизеля 485

Сказания:
— Авраамия Палицына 487—488, 510
— Кифы о чудесах митрополита Петра 118, 202—203, 325, 358, 387, 391—392
— о Борисе и Глебе 35, 51, 200, 241, 358, 422—423, 433, 438, 621, 689
— о Валаамском монастыре 322, 324, 527, 708
— о Владимирской Богородичной иконе 35, 81, 110, 200, 208, 236, 243, 314—315, 359, 431, 537, 539, 700
— о Данииле Московском в Степенной книге 32, 48, 316—324, 386—387
— *о Данииле Московском* 322—326, 360, 364, 386, 392, 433, 599
— о князьях Владимирских 24—25, 37, 41, 62, 78, 118, 200, 344, 468, 535—537, 540, 559, 683, 700
— о Магмет-салтане И. С. Пересветова 613
— о Мамаевом побоище 34, 48, 538
— о Спасо-Каменном монастыре 322
— о Тихвинской иконе Богоматери 287—288, 359, 388, 702
— о Флорентийском соборе Симеона Суздальца 212, 520
— о царе Константине И. С. Пересветова 608, 673
— о Юрии Святославиче Смоленском 57, 168
— *об апостоле Андрее* 340, 360
— чудес митрополита Алексия 39, 169—170, 419
— чудес Бориса и Глеба 241, 358, 433

«Скифская история» А. И. Лызлова 319, 485

Слова:
— на латину Максима Грека 239
— на перенесение мощей Бориса и Глеба 241
— на обретение мощей Всеволода Псковского 358, 435
— на обретение мощей Никиты Новгородского 449
— «...еже на латину» 81, 212, 236, 470, 520
— на обновление Десятинной церкви 120, 218
— «...о Дариане-царе» 650
— «...о житии и преставлении Димитрия Ивановича, царя русского» 36, 48, 59, 71, 73—74, 83, 248, 263—264, 326, 331, 377, 388, 402, 405, 455, 470—471, 480, 538—539, 541, 547, 575, 600—601, 689, 713
— «...о законе и благодати» митрополита Илариона 24, 46, 83, 200, 238, 301, 359, 363, 377—383, 392, 401, 403, 453, 455, 472, 477, 481—482, 484, 513, 528, 538—539, 548, 689, 706
— о знамении Богородицы в Новгороде 59, 74, 103, 200, 264, 359, 551, 718
— о казнях Божиих 502, 662
— «...о князьях» 116—117, 200, 248, 283—284, 358, 407, 642, 705, 713
— «...о погибели Русской земли» 25, 51, 75, 285—287, 359, 377, 383—384, 433, 490, 545—546, 639, 689, 697—698, 699, 717
— «...о полку Игореве» 72—73, 170
— похвальное Александру Невскому см.: Житие Александра Невского владимирской редакции
— похвальное апостолу Андрею 230
— похвальное Василию III 31, 53, 71, 73, 223, 304, 324, 332, 359, 371—372, 377, 389—390, 402, 405, 449—450, 610, 630, 711
— похвальное митрополиту Ионе см.: Житие митрополита Ионы первой редакции
— «...похвальное» инока Фомы 539
— похвальное Константину и Елене 446
— похвальное Михаилу Черниговскому Льва Филолога 25, 31, 59, 118, 231—234, 236, 244, 344—345, 358, 391, 484, 528, 540—541, 546, 559, 641, 708
— «...пространнее излагающее, с жалостию, нестроения и безчиния царей и властей последняго жития» Максима Грека 604, 614, 660
— Серапиона Владимирского 231

«Словеса избранные» 261—262, 264, 360, 402, 405, 471, 551, 588, 628

Службы:
— Варлааму Хутынскому 478
— Всеволоду Псковскому 450
— Даниилу Московскому 323
— Евфросину Псковскому 450
— Савве Крыпецкому 450
— на Богоявление 481

«Соборная грамота о белом клобуке» 227, 578
Софийский временник 35—36
Списки митрополитов 291—293, 359, 379, 404
Степенная книга*
- Латухинская редакция 42, 310, 485
- редакция Ивана Юрьева 11, 88, 712
- редакция Ионы Думина 96
- Трегубовская редакция 42

Стихирарь 471, 552
Стоглав 27, 65, 83, 87, 227, 473, 578, 594, 659—660, 689, 692, 700
«Титулярник» 485

* Разбору краткой (древнейшей) редакции Степенной книги посвящена вся монография.

«Толкование имен по алфавиту», лексикографический трактат 298—300, 303, 306, 493
Устав монастырский («завещание») Иосифа Волоцкого 75
Устав церковный кн. Владимира I Святославича 27, 81, 119, 260, 288, 483, 484, 549, 583—585, 633
· редакция синодальная 76, 260, 288—289, 291, 310, 359, 379
Устав церковный кн. Ярослава Владимировича 310
«Хождение» игумена Даниила 162
Хроника Георгия Амартола (славяно-русский перевод) 503
Хроника Константина Манассии (славяно-русский перевод) 503
Хронограф 13, 17, 35—36, 87, 277, 473, 490, 504, 510, 556, 702, 707, 713—714
· западнорусская редакция 281—282, 401
· редакция 1512 г. 34, 58, 83, 110, 278—282, 359, 372, 391, 401, 405, 414, 425, 463, 473—474, 476, 483—484, 486—489, 503, 509—510, 513, 515, 520, 523—525, 535, 556—557, 691, 695, 716
· редакция 1599 г. 87
· редакция 1601 г. 87
Чин венчания Ивана IV на царство 200, 344, 493, 578, 594, 598, 636, 680, 690
Чтение о Борисе и Глебе 35, 51, 200, 241, 358, 621, 689

Чудеса:
— Александра Невского 209, 385
— Димитрия Солунского (славяно-русский перевод) 33, 108, 238, 357, 401, 403, 436, 528—529
— *Дмитрия Донского* 326—328, 360, 364, 388, 402, 405
— *Евдокии-Евфросинии* 328—331, 360, 364
— Климента Римского (славяно-русский перевод) 46, 216—218
— Никиты Переяславского 50, 219, 221, 243, 363, 433, 461—462, 620, 703
— Сергия Радонежского 222—224, 358, 374, 389, 402, 405, 506

«Эпистолия Климента Римского о житии его» 241

УКАЗАТЕЛЬ ШИФРОВ РУКОПИСЕЙ

Архив СПбИИ. Ф. 20 (Коллекция И. С. Белюстина). № 9 *150*
Архив СПбИИ. Ф. 115 (Рукописная книга). № 129 *207*
Архив СПбИИ. Ф. 238 (Собрание Н. П. Лихачева). Оп. 1. № 365 *268—273*
Древлехранилище ИРЛИ. Коллекция В. Н. Перетца. № 54 *239*
ОР БАН. Ф. 1 (Архангельское собрание). Д. 47 *151*
ОР БАН. Арх. Д. 61 *158*
ОР БАН. Арх. Д. 64 *207*
ОР БАН. Арх. Д. 73 *158*
ОР БАН. Ф. 2 (Археографическая комиссия). № 189 *326*
ОР БАН. Ф. 31 (Основное собрание). 32.14.8 *85*
ОР БАН. Ф. 37 (Собрание П. Н. Доброхотова). № 18 *308, 313*
ОР ГИМ. Собрание Е. В. Барсова. № 52 *144, 148*
ОР ГИМ. Барсов. № 758 *456*
ОР ГИМ. Собрание Н. П. Вострякова. № 827 *157*
ОР ГИМ. Собрание И. Е. Забелина. № 262 *343*
ОР ГИМ. Музейское собрание. № 205 *163*
ОР ГИМ. Музейск. № 4056 *154, 157, 236*
ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 280 *266*

ОР ГИМ. Собрание А. С. Уварова. № 400 *142, 148—149*
ОР ГИМ. Уваров. № 568 *350*
ОР ГИМ. Собрание А. Д. Черткова. № 238 *40*
ОР ГИМ. Собрание Чудова монастыря. № 35 *368*
ОР ГИМ. Чуд. № 56/358 *18, 716*
ОР ГИМ. Чуд. № 167 *369*
ОР ГИМ. Чуд. № 264 *299*
ОР РГБ. Ф. 7 (Собрание рукописей, поступивших от архимандрита Амфилохия). № 16 *243*
ОР РГБ. Ф. 28 (Собрание И. Д. Беляева). № 116 *144*
ОР РГБ. Ф. 98 (Собрание Е. Е. Егорова). № 8 *149—150*
ОР РГБ. Ф. 98. № 32 *143, 148, 299*
ОР РГБ. Ф. 98. № 80 *679*
ОР РГБ. Ф. 98. № 124 *37, 230, 242, 340, 456, 478, 480, 492, 567, 590*
ОР РГБ. Ф. 98. № 156 *474*
ОР РГБ. Ф. 98. № 950 *243*
ОР РГБ. Ф. 79 (Собрание А. В. Горского). № 3 *20*
ОР РГБ. Ф. 113 (Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря). № 426 *86, 139, 370*
ОР РГБ. Ф. 113. № 632 *85, 242—244, 371, 537*
ОР РГБ. Ф. 113. № 633 *85, 243, 372, 537*
ОР РГБ. Ф. 113. № 659 *46, 288, 371*
ОР РГБ. Ф. 172 (Архив МДА). К. 224. № 7 *29—30, 496*
ОР РГБ. Ф. 172. К. 325. № 2 *45*
ОР РГБ. Ф. 172. К. 373. № 13 *21—22, 38*
ОР РГБ. Ф. 173.I. (Фундаментальное собрание библиотеки МДА). № 2/56 *367—368*
ОР РГБ. Ф. 173.I. № 88 *222—224, 505—506*
ОР РГБ. Ф. 173.I. № 95 *142—143*
ОР РГБ. Ф. 173.I. № 198 *456*
ОР РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). № 935 *162*
ОР РГБ. Ф. 178. № 2976 *149*
ОР РГБ. Ф. 209 (Собрание П. А. Овчинникова). № 257 *139, 142, 148, 150*
ОР РГБ. Ф. 209. № 274 *230, 340*
ОР РГБ. Ф. 212 (Собрание Олонецкой духовной семинарии). № 11 *242*
ОР РГБ. Ф. 228 (Собрание Д. В. Пискарева). № 177/612 *32, 194, 708*
ОР РГБ. Ф. 246 (Архив Рогожского кладбища). № 153.3 *132*
ОР РГБ. Ф. 246. № 154.1 *132*
ОР РГБ. Ф. 246. № 155.2 *132*
ОР РГБ. Ф. 256 (Собрание Н. П. Румянцева). № 255 *252, 315*
ОР РГБ. Ф. 256. № 397 *242*
ОР РГБ. Ф. 280 (Архив С. И. Смирнова). К. 9. № 3 *48, 696*
ОР РГБ. Ф. 299 (Собрание Н. С. Тихонравова). № 631 *150*
ОР РГБ. Ф. 304.I (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 199 *244*
ОР РГБ. Ф. 304.I. № 468 *129, 154*
ОР РГБ. Ф. 304.I. № 663 *662*
ОР РГБ. Ф. 304.I. № 666 *662—663*
ОР РГБ. Ф. 304.I. № 701 *234, 240*
ОР РГБ. Ф. 304.I. № 773 *278*
ОР РГБ. Ф. 304.I. № 782 *662*
ОР РГБ. Ф. 304.I. № 789 *245—246*
ОР РГБ. Ф. 304.III (Собрание ризницы Троице-Сергиевой лавры). № 25 *86*
ОР РГБ. Ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского). № 1235 *136*
ОР РГБ. Ф. 310. № 1277 *139*
ОР РГБ. Ф. 722 (Собрание единичных поступлений рукописных книг древней традиции). № 307 *149*
ОР РГБ. Ф. 735 (Рязанское собрание). № 29 *163*
ОР РГБ. Ф. 738 (Калужское собрание). № 5 *150*
ОР РГБ. Ф. 775 (Собрание М. И. Чуванова). № 21 *230*
ОР РНБ. Ф. 351 (Собрание Кирилло-Белозерского монастыря). № 518/775 *373*
ОР РНБ. Ф. 550 (Основное собрание рукописной книги). F.I.444 *129, 141, 148*

ОР РНБ. ОСРК. F.I.933 *299*
ОР РНБ. ОСРК. F.IV.603 *266*
ОР РНБ. ОСРК. Q.I.487 *239*
ОР РНБ. ОСРК. Q.IV.544 *279*
ОР РНБ. Ф. 573 (Собрание СПбДА). № 277 *458*
ОР РНБ. Ф. 588 (Собрание М. П. Погодина). № 145 *151*
ОР РНБ. Погод. № 679 *244*
ОР РНБ. Погод. № 744 *25, 451, 456—457*
ОР РНБ. Погод. № 1403 *350*
ОР РНБ. Погод. № 1596 *308, 312—315*
ОР РНБ. Ф. 717 (Соловецкое собрание). № 510/529 *206—207*
ОР РНБ. Ф. 728 (Софийское собрание). № 191 *478*
ОР РНБ. Соф. № 1058 *293, 572*
ОР РНБ. Соф. № 1188 *476*
ОР РНБ. Соф. № 1195 *239*
ОР РНБ. Соф. № 1281 *162*
ОР РНБ. Соф. № 1321 *243*
ОР РНБ. Соф. № 1323 *241*
ОР РНБ. Соф. № 1364 *299*
ОР РНБ. Соф. № 1419 *299*
ОР РНБ. Соф. № 1424 *456*
ОР РНБ. Соф. № 1491 *244*
ОР РНБ. Ф. 775 (Собрание А. А. Титова). № 2059 *299*
ОР РНБ. Титов. № 3969 *20*
ОР РНБ. Ф. 885 (Эрмитажное собрание). № 385 *99*
ОР РНБ. Ф. 905 (Новое собрание рукописной книги). F. 451 *40*
ОРК ГПНТБ. Собрание М. Н. Тихомирова. № 282 *151*
РГАДА. Ф. 135 (Государственное древлехранилище). Отд. III. Руб. II. Ед. № 30 *96*
РГАДА. Ф. 135. Отд. III. Руб. II. Ед. № 35 *96*
РГАДА. Ф. 181 (РОБ МГАМИД). № 11 *252, 255*
РГАДА. Ф. 181. № 185 *95, 699*
РГАДА. Ф. 181. № 1306 *12*
РГАДА. Ф. 196 (Собрание Ф. Ф. Мазурина). № 521 *207*
РГАДА. Ф. 196. № 1530 *148, 706*
РГАДА. Ф. 201 (Собрание М. А. Оболенского). № 161 *239*
РГАДА. Ф. 381 (Типографская библиотека). № 346 *99*
ТОКМ. № 7903/2 *93, 714*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава 1. История изучения 10
1.1. XVIII—XIX вв. 11
1.2. Труды первой трети XX в. 35
1.3. Исследования 40—70-х гг. XX в. 56
1.4. Работы последних лет (80-е гг. XX в.—начало XXI в.). 84
1.5. Итоги 120

Глава 2. Время создания 125
2.1. Датировка древнейших списков. 125
2.2. Данные текста памятника. 167
2.3. Этапы работы 184
2.4. Итоги 195

Глава 3. Источники 198
3.1. Памятники агиографии 202
3.2. Летописи 249
3.3. Другие источники 282
3.4. Гипотетические источники 316
3.5. Уникальные известия. 339
3.6. Итоги 357

Глава 4. Составитель 362
4.1. Место написания памятника 363
4.2. Методы работы над текстом произведения 374
4.3. Личность составителя. 444
4.4. Итоги 465

Глава 5. Памятник исторической мысли 466
5.1. Особенности изложения исторического материала 467
5.2. Общие представления об историческом процессе 500
5.3. Изображение всемирной истории. 512
5.4. Представление прошлого Руси. 528
5.5. Итоги 555

Глава 6. Политические взгляды составителя 563
6.1. Церковь 565

6.2. Знать 597
6.3. Правитель 617
6.4. Цель создания памятника 665
6.5. Итоги 685

Заключение 688

Resume 694

Список иллюстраций 696

Список сокращений 697

Список альбомов филиграней 720

Указатели 721
Именной указатель 721
Указатель произведений древнерусской оригинальной и переводной письменности 743
Указатель шифров рукописей 750

У с а ч е в Андрей Сергеевич

**СТЕПЕННАЯ КНИГА
И ДРЕВНЕРУССКАЯ КНИЖНОСТЬ
ВРЕМЕНИ МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ**

Н а у ч н о е и з д а н и е

Научное издательство «Альянс-Архео»

Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*

Редактор издательства *Ек. А. Пережогина*
Корректор *Ек. А. Пережогина, А. М. Петрова*
Переводчик-консультант *М. М. Карпова*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

Подписано в печать 30.04.2009. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура Школьная. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. изд. 50,5. Усл. печ. л. 48,5.
Тираж 1000 экз. Заказ №

ООО «Альянс-Архео»
105043, Москва, ул. Первомайская, д. 40/19, оф. 38
тел./факс:
— в Москве (499) 165-31-87
— в Санкт-Петербурге (812) 517-77-31
E-mail: aarheo@mail.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое
предприятие „Искусство России“».
198099, Санкт-Петербург,
ул. Промышленная, д. 38, корп. 2

В НАУЧНОМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «АЛЬЯНС-АРХЕО»
ВЫШЛИ НОВЫЕ КНИГИ:

Абеленцева О. А. Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2009. — 432 с., пер.

Монография посвящена изучению биографии митрополита Ионы и проблемам установления автокефалии Русской церкви. Автор подверг тщательному анализу весь комплекс исторических источников, содержащих сведения об установлении фактической автокефалии Русской церкви в 1448 г. и деятельности митрополита Ионы: летописи, послания и грамоты митрополита Ионы, епископата Русской церкви и великого князя Василия II Васильевича, княжеские договорные и духовные грамоты, частноправовые акты и др. Была пересмотрена атрибуция отдельных документов, уточнен их характер и значение в комплексе рассматриваемых источников. В монографии впервые последовательно проведен анализ обстоятельств установления фактической автокефалии Русской церкви, что позволило автору пересмотреть некоторые закрепившиеся в исторической науке мнения и высказать свою точку зрения по дискуссионным вопросам истории Русской церкви середины XV века, таким как отношение к Флорентийской унии на Руси, роль светских властей в установлении фактической автокефалии Русской церкви, существование оппозиции установлению ее автокефалии, отношение ее к Константинопольскому патриархату, каноническое положение Новгородской архиепископии по отношению к митрополии Киевской и всея Руси.

В 2005 г. Комитетом по премиям памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) работа была удостоена третьей премии в номинации «История православной церкви».

Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае: XIV—первая треть XVII в. — М.; СПб: «Альянс-Архео», 2009. — 360 с., пер.

Монография посвящена истории складывания земельных владений в Ростовском уезде в XIV—первой трети XVII в. В работе рассмотрены обстоятельства вхождения Ростовского княжества в состав формирующегося Русского государства, определен состав коренных и пришлых землевладельцев, выявлены особенности эволюции церковно-монастырского землевладения в Ростовском уезде.

Алексеева И. В. Последнее десятилетие Российской Империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте. 1907—1917 годы. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2009. — 536 с., ил. пер.

Книга впервые в российской и западной историографии рассказывает о сложных и противоречивых взаимоотношениях царизма, русской либеральной оппозиции и лидеров западных держав на одном из переломных этапов российской истории — в последнее десятилетие существования Российской Империи. Эти взаимоотношения определяли во многом характер не только внешней, но и внутренней политики России. Император Николай II и кайзер Вильгельм II, дипломаты, депутаты Думы, английского и французского парламента, министры, представители интеллигенции и журналисты — своеобразная портретная галерея героев и антигероев столыпинской эпохи и трагических лет I мировой войны пройдет перед читателями.

Книга написана на основе подлинных документальных источников — архивных материалов, стенографических отчетов, русской, английской, французской и германской прессы, мемуарной литературы. Правдивые картины политической жизни России, Англии, Франции и Германии, колорит предвоенной и военной эпохи, голоса очевидцев событий дают возможность адресовать книгу не только специалистам — историкам, но и широкому кругу читателей, интересующихся историей Отечества.

Санина А. Г. Уклонение от уплаты налогов как проблема социального управления. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2009. — 184 с.

В современном обществе и государстве налогообложение представляет собой один из механизмов перераспределения материальных, духовных и социальных благ. Значимость налоговой системы трудно переоценить, равно как трудно переоценить необходимость постоянного управленческого воздействия на нее. Однако эффективность налогообложения зависит далеко не только от его законодательного обеспечения, финансовоэкономических и правовых инструментов управления. Рассматривая проблемы и формируя перспективы развития налоговой системы в XXI в., необходимо помнить, что в основе ее функционирования лежат налоговые отношения, и эти отношения по своей сути — отношения социальные.

Данная монография построена на использовании нового, социологического, подхода к изучению налогообложения, налоговых отношений, уклонения от уплаты налогов. Для описания и объяснения этих явлений и процессов используются такие социологические теории, как институционализм (Э. Дюркгейм, Т. Веблен, К. Поланьи, Дж. К. Гэлбрейт, Д. Норт, Н. Смелзер, О. Уильямсон), теория социального действия (М. Вебер, А. Шюц, Т. Парсонс, Ю. Хабермас), теория социального обмена (Дж. Хоманс, П. Блау, К. Кук, Р. Эмерсон), а также социально-драматургическая теория И. Гофмана. Эмпирическим полем, предоставившим непосредственный материал для последующих аналитических выводов, выступили современные социальные процессы в области налогообложения в российском обществе. Значительная часть информации, касающаяся практик социального взаимодействия участников налоговых отношений, получена в ходе включенного наблюдения в налоговых инспекциях г. Санкт-Петербурга.

Книга адресована исследователям, преподавателям, студентам и аспирантам, специализирующимся в области социологии и экономики, а также сотрудникам налоговых инспекций, представителям исполнительной и законодательной власти.

История Выборга XVIII—начала XIX века в документах и материалах. Русско-шведские войны. Военные действия на Балтике, территории Финляндии и в Карелии / Сост. Т. М. Телегина, В. А. Иваненко, С. Г. Кащенко, Е. В. Костригина. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2009. — 480 с., ил., пер.

Хронологические рамки сборника документов и материалов ограничены XVIII—началом XIX вв., от времени правления императора Петра I до конца царствования императора Александра I.

Книга построена по тематико-хронологическому принципу и включает источники по истории Северной войны (1700—1721), русско-шведских войн 1741—1743, 1788—1790, 1808—1809 гг., политической и экономической истории Выборга и Выборгской губернии в межвоенные периоды. Особое внимание уделено документам, посвященным событиям 1706—1710 гг., дающим объективное представления об осадах и взятии Выборга русскими войсками в годы Северной войны. Среди представленных в сборнике документов — материалы Полного собрания законов Российской империи, связанные с историей Выборга, воспоминания очевидцев со-

бытий, фрагменты исследований по истории русско-шведских отношений, обширная подборка статей биографического характера.

Сборник предназначен для студентов, аспирантов, преподавателей и всех, кто интересуется отечественной историей.

И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. I / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2009. — 624 с., ил., пер.

В сборник включены исследования отечественных и зарубежных ученых, освещающие общую проблематику творчества И. С. Тургенева (поэтика усадебного быта и др.), его деятельность как критика и переводчика, его отношения с русскими и зарубежными литераторами — В. Белинским, Ап. Григорьевым, А. Фетом, К. Леонтьевым, А. Доде, В. Рольстоном, а также историю родовой библиотеки Тургеневых-Лутовиновых. Значительное место занимают публикации (воспоминания современников, письма к Тургеневу и другие материалы). В разделе «Из истории отечественного тургеневедения» публикуются глава из не вышедшей в свет книги И. М. Гревса и фрагменты дневника А. И. Батюто. Раздел «Материалы к Тургеневской энциклопедии» знакомит с результатами готовящегося издания, призванного объединить усилия литературоведов, историков, краеведов и музейных работников.

Кащенко С. Г. Освобождение крестьян на Северо-Западе России. Экономические последствия реформы 19 февраля 1861 года. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2009. 552 с., пер.

Монография посвящена одной из ключевых проблем отечественной исторической науки — выяснению характера изменений, происходивших в аграрном секторе хозяйства Российской империи после отмены крепостного права. Используя современные математико-статистические методы и компьютерные технологии, автор сумел получить принципиально новые данные об экономических последствиях реформы в Санкт-Петербургской, Новгородской и Псковской губерниях.

Книга предназначена для историков, экономистов, а также всех, кто интересуется проблемами социально-экономической истории России.

ГОТОВЯТСЯ К ВЫХОДУ:

Творогов О. В. Археография и текстология древнерусской литературы. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2009. — 364 с., пер.

Книга О. В. Творогова «Лекции по археологии и текстологии древнерусской литературы» предназначена прежде всего для начинающих исследователей-медиевистов, источниковедов, работающих с древнеславянским письменным наследием, и представляет собой практическое руководство по археографии и текстологии древнерусской литературы. В книге собрана важнейшая информация по описаниям древнеславянских рукописей, даются сведения о коллекционерах, археографических экспедициях, в результате которых были сформированы основные рукописные фонды отечественных книгохранилищ. Автор также в доступной форме излагает основы текстологии: методику работы со списками литературных памятников, терминологию, важнейшие приемы и последовательность работы текстолога. Отдельная глава по библиографии позволяет молодому исследователю сориентироваться в многообразии научной литературы и быстро собрать литературу вопроса.

Книга основана на курсе лекций, которые автор долгое время и успешно читал в различных петербургских вузах, и является, по многочисленным отзывам, уникальным и незаменимым пособием для подготовки специалистов в области медиевистики.

Летописи и хроники. Новые исследования. 2009 / Ред. О. Л. Новикова. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2009. — 320 с., ил., пер.

Издание включает новейшие исследования по истории хронографии и русского летописания начала XV—XVII вв., историографии отечественного летописеведения, а также публикации материалов XV—XVI в.

Среди авторов сборника: О. В. Творогов, Т. В. Анисимова, Н. И. Милютенко, О. Л. Новикова, А. В. Сиренов, М. А. Савинов, Я. Г. Солодкин, В. Г. Вовина-Лебедева.

Очерки феодальной России. Вып. 13 / Ред. С. Н. Кистерев. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2009. — 386 с., пер.

Предметом изучения в трудах, печатаемых в выпусках Очерков, являются общие проблемы и частные вопросы истории России того хронологического периода, который характеризуется существованием на ее территории феодального общества, начиная со времени его формирования и до начала XVIII века, когда начавшийся в предыдущем столетии новый период отечественной истории ознаменовался глобальными изменениями во всей общественной жизни страны.

Экономика и политика, материальная и духовная культура, общественная мысль и внешние связи, включая как межгосударственные, так и межэтнические контакты означенного хронологического периода, — предмет рассмотрения в статьях, помещаемых в Очерках.

Среди авторов сборника: М. Б. Булгаков, А. И. Гамаюнов, С. Н. Кистерев, И. Г. Пономарева, С. В. Стрельников, А. А. Фролов, О. Л. Новикова, Я. Г. Солодкин, В. Г. Ченцова, Б. Л. Фонкич, Д. Н. Рамазанова, А. В. Жуковская, С. М. Шамин, О. В. Новохатко

Гордиенко Э. А. Варлаам Хутынский и архиепископ Антоний в житиях и мистериях XII—XVI вв. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2009. — 560 с., ил., пер.

Книга посвящена истории и культуре Великого Новгорода XII—XVI вв. и двум самым известным историческим лицам — Варлааму Хутынскому, удостоившемуся местного, а затем и общероссийского почитания, и архиепископу Антонию (в миру Добрыне Ядрейковичу), активному участнику церковно-политической жизни Новгорода начала XIII в., путешественнику, свидетелю разорения Константинополя крестоносцами, писателю и богослову.

Изучение известных, малоизученных и вновь открытых источников позволило автору представить реконструкцию жизни Великого Новгорода XIII в.: летописи, жития, устные предания, богослужебные сочинения, миниатюры рукописей, ювелирные изделия и шитье, храмы, созданные при Варлааме и Антонии или посвященные их памяти, выстраивают рельефную картину жизни их современников. Особую ценность в книге представляет первое фототипическое воспроизведение рукописи XVII в. (из собрания Архива Санкт-Петербургского института истории РАН), сохранившей Житие Варлаама Хутынского.

Книга написана живым языком и предназначена не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. II / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. — М.; СПб.: «Альянс-Архео» — 584 с., ил., пер.

Очередной Тургеневский сборник включает материалы Международной юбилейной научной конференции «И. С. Тургенев и мировая литература», приуроченной к 190-летию со дня рождения писателя (сентябрь 2008 г., Санкт-Петербург).

В сборник вошли исследования отечественных и зарубежных ученых, посвященные малоизученным аспектам биографии и творчества И. С. Тургенева, в частности: реализации петербургского текста, изучению феномена «русского европеизма», а также западноевропейских связей писателя. Наряду с исследованиями компаративистского плана в сборник вошли статьи фундаментального характера, затрагивающие проблемы «Тургенев и античность», «Литературно-эстетические взгляды Тургенева», «Тургенев — переводчик» и др.

Сборник содержит большой раздел публикаций: впервые вводимые в оборот письма Тургенева и к Тургеневу, неизвестные воспоминания о писателе, статья писателя о К. Ю. Давыдове и др. материалы. Раздел «Из семейного архива» продолжает публикацию писем В. П. Тургеневой к сыну, а также предлагает вниманию читателей письма С. Н. Тургенева к сыновьям.

В сборник включены материалы к «Тургеневской энциклопедии», раздел «Из истории отечественного тургеневедения», в котором представлена история первого неосуществленного академического издания Сочинений Тургенева, переписка с зарубежными славистами главного редактора Полного собрания сочинений и писем Тургенева М. П. Алексеева, а также фрагменты «Дневника» известного тургеневеда А. И. Батюто.

Сборник снабжен несколькими указателями и богато иллюстрирован.

Фет А. А. Собрание сочинений и писем. Том 5: «Вечерние огни». Стихотворения и поэмы, не вошедшие в сборники. 1864—1892. — М.; СПб.: «Альянс-Архео». — 624 с., ил., пер.

Пятый том Собрания сочинений и писем А. А. Фета включает четыре изданных при жизни поэта выпуска стихотворений «Вечерние огни» и подготовленный пятый выпуск — вершину философской лирики поэта, а также раздел «Стихотворения и поэмы, не вошедшие в сборники». Сюда вошли также неопубликованные стихотворения, поэмы, переводы, подготовленные по рукописным источникам. Все произведения снабжены подробными текстологическими и реальными комментариями.

Издание предназначено для широкого круга читателей, включая учителей русской словесности, студентов, аспирантов и школьников.

Ядрышников В. А. Архитектура Старой Руссы XII—нач. XX вв. — М.; СПб.: «Альянс-Архео». — 328 с., ил., пер.

Монография представляет собой первое научным исследование архитектуры одного из древнейших городов Новгородской земли. Автор использует весь комплекс известных и вновь выявленных источников — письменных (включая не введенные еще в научный оборот документы XVI—XVII вв.), иконографических, археологических, топографических, реставрационных. В книге дан подробный исторический и архитектурный анализ всех сохранившихся памятников (более 50), прослежена их строительная биография, методика реставрации, определено их место в истории русского зодчества. Анализируются также утраченные памятники церковного зодчества (более 30).

Издание включает богатый иллюстративный материал и адресована широкому кругу читателей.